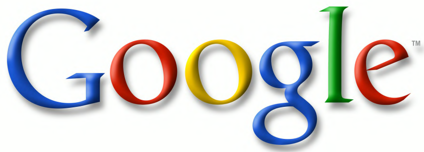


cp 373-409



МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Съ фотографіи, снятой въ 1881 году, гравировалъ на деревѣ Панпемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1882 г.
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ X

№ 11140

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ X

1882



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1882

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1882).

СТР.

Жизнь Аѳанасія Прокофьевича Щапова. **Н. Я. Аристова** . 5, 295, 576

„Лихолѣтье" (Смутное время). Историческій романъ. Часть II. Гл. X—XVIII. (Окончаніе). **В. Л. Маркова** . . 45, 337, 542

Воспоминаніе о Н. Д. Мизко. **Д. Д. Рябинина** 83

Посмертныя бумаги **М. Д. Скобелева**. I. Письма съ Кашгарской границы. II. Записка о занятіи Хивы. III. Туркестанъ и англійская Индія. 1876 . . . . 109, 275

Недоросль на сценѣ и въ литературѣ (1782—1882 гг.). **Д. Д. Языкова** 139

Къ исторіи войны 1853—1856 гг. Отрывокъ изъ записокъ генералъ-лейтенанта **В. Д. Кренке** 148

Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. **П. И. Юркевича** . 156

Островъ Сахалинъ. **Я. Н. Вутковскаго** 175

Закулисная исторія парижской комуны 1871 года. Гл. II—IV. (Окончаніе). **В. Р. Зотова** 187, 443, 662

Рѣка лѣсныхъ пустынь (Изъ поѣздки по Уралу). **В. И. Немировича-Данченко** 241, 501

Синодальныя персоны. Періодъ борьбы за преобладаніе (1820—1840 гг.). **Н. С. Лѣскова** 373

Русскій Литтре. **В. Р. З—ва** 410

Два врага (Отрывокъ изъ воспоминаній). **В. М. Сикевича**. . 422

В. В. Верещагинъ. (Съ 4-мя рисунками). **В. С. Р.** 431

Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (По новымъ документамъ). **А. И. Незеленова** 481

стр.

Человѣкъ онъ былъ. **О. Ѳ. Миллера** 619
Взглядъ французскаго писателя на нынѣшнюю Россію. **П. С. Усова** 624
Изъ недалекаго прошлаго. **Я. Н. Вутковскаго** 640
Сиракузы. Статья **Блюмнера** (съ 4-мя рисунками) 652

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ 206, 466, 694

Баумгартенъ. „Передъ Варѳоломеевскою ночью". **Иф...ла.** — Гиндели. „Исторія тридцати-лѣтней войны". Томъ IV. **Его же.** — Preussen in Bundesrathe, von Poschinger. Leipzig, 1882. (Пруссія въ совѣтѣ германскаго союза, Пошингера. Лейпцигъ, 1882). **П. У.**— Ретвишъ. „Министръ фонъ-Цедлицъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго". **Иф...ла.**—Шмидтъ. „Ius primae noctis". **Его же.** — Штернъ. „Исторія англійской революціи". **Его же.**—Денманнъ Россъ. „Опыты по древнѣйшей исторіи учрежденій. Теорія о сельскихъ общинахъ". **Его же.**

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. 213, 469, 702

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Кн. II-я. Спб. 1882 г. Съ приложеніемъ 4-хъ фотографическихъ снимковъ жалованныхъ грамотъ изъ семейнаго архива графа С. Д. Шереметева. **Д. К—ева.**— Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка. Составилъ священникъ М. А. Поторжинскій, преподаватель кіевской духовной семинаріи. Кіевъ. 1882 г. **Н. П.** — „Исторія россійской академіи". М. И. Сухомлинова. Выпускъ VI-й. Спб. 1882 г. **Л. Н. Майкова.** — Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Спб., 1882 г. **П. У.** — Фабричный бытъ Германіи и Россіи. А. Погожева. Москва, 1882 г. **А. Ф—ва.** — Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. П. Н. Бодянскаго. Кіевъ. 1882 г. Печатано по опредѣленію совѣта университета св. Владиміра. **Н. Л—ва.** — Евреи-реформаторы. „Новый Израиль" и „Духовно-библейское Братство". Опытъ соціально-религіозной реформы еврейства и новой постановки еврейскаго вопроса въ Россіи. Соч. Эмануэля Бенъ-Сіона. Спб., 1882 г. **Д—ва.** — Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви. Амвросія, епископа дмитровскаго. Москва, 1882 г. **П. У.** — Меттернихъ и европейская реакція. Б. К. Надлера. Харьковъ, 1882 г. **Вл. З.** — Митрополитъ Кипріанъ въ литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе И. Мансветова. М., 1882 г. **А. С—наго.**— Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей. Изданіе В. В. Чуйко. Спб., 1882 г. **А. Ф—ва.** — Д. В. Цвѣтаевъ. Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. Воронежъ, 1882 г. **Е. Г.**—Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. А. Штиглица. Спб., 1882 г. **П. У.**

стр.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 219, 718

Петръ Великій въ Даніи (Извлеченіе изъ воспоминаній Клауса Зейдена). Сообщ. **Г. Мерфилемъ**.—Праздникъ невѣждъ. Сообщ. **Н. С. Лѣсковымъ**. — Такса на взятки. Сообщ. **Л. Н. Трефолевымъ**. — Письмо Андрея Искры, поданное графу П. А. Зубову. Сообщ. **Е. И. Морошкиной**.—Къ исторіи царствованія императора Александра I-го. Сообщ. **Л. С. Мацѣевичемъ**.—Случай изъ жизни графа Сперанскаго. Сообщ. **П. С. Усовымъ**.—Письмо Булгарина къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Сообщ. **Е. И. Морошкиной**.

СМѢСЬ 224, 473, 725

Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота. — Н. Я. Аристовъ (некрологъ). — А. О. Смирнова (некрологъ). — М. И. Богдановичъ (некрологъ).—Крейцвальдъ (некрологъ).—Публичныя чтенія г. Миклухи-Маклая.—Оффиціальное празднованіе 300-лѣтія Сибири.—Вторая Помпея.—Американское этнографическое бюро.—Памятникъ Карлейлю.—Кто управляетъ Тибетомъ?—Рѣдкія пріобрѣтенія.—Пещерный городъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 227, 479

Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ (Замѣтка по поводу статьи кн. Н. С. Голицына). **Н. С. Лѣскова**. — Замѣтка о первомъ провинціальномъ журналѣ „Уединенный Пошехонецъ“. **Л. Н. Трефолева**.—По поводу „Воспоминаній“ г. Юркевича. **Вл. З—ва**.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Варѳоломеевская ночь. Историческая хроника царствованія французскаго короля Карла IX. Переводъ съ французскаго. (Окончаніе). — Портреты и рисунки: 1) Портретъ **М. Д. Скобелева**.—2) Портретъ **А. П. Щапова**.—3) **Димитрій Самозванецъ**, картина профессора Венига, гравюра Паннемакера въ Парижѣ.—4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1882 года.

— ——— —



ЖИЗНЬ АѲАНАСІЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ЩАПОВА.

I.

Происхожденіе Щапова. — Его первоначальное воспитаніе въ иркутскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи.—Переходъ въ казанскую духовную академію.— Состояніе этого высшаго учебнаго заведенія въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.— Выдержки изъ писемъ Я. Г. Рождественскаго. — Житье и занятія Щапова въ первые академическіе два года [1].

АѲАНАСІЙ Прокофьевичъ въ Петербургѣ передавалъ мнѣ, что его прадѣдъ или прапрадѣдъ по отцу служилъ священникомъ въ одномъ изъ селъ средней губерніи (а какой— онъ и самъ не зналъ), и сосланъ былъ за неизвѣстное преступленіе Въ восточную Сибирь. „Я думаю, говорилъ Щаповъ, что предокъ мой переселенъ за упорство въ раскольничьихъ убѣжденіяхъ, и вотъ на какомъ основаніи. Въ именномъ спискѣ выборныхъ депутатовъ въ екатерининскую комиссію о сочиненіи проекта уложенія значится депутатомъ отъ раскольничьихъ слободъ войсковой обыватель Иванъ Щаповъ“. Онъ указалъ мнѣ дѣйствительно этого выборнаго подъ № 143-мъ въ „Матеріалахъ для исторіи Комиссіи“, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Потомъ прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ: „Вотъ какая моя знаменитая родословная! Видно, когда священника — моего предка со-

---

[1]) Приношу искреннюю мою благодарность за сообщеніе свѣдѣній о Щаповѣ Якову Григорьевичу Рождественскому, Дмитрію Александровичу Корсакову и Василію Ивановичу Калатузову.

Некрологъ Щапова помѣщенъ въ слѣдующихъ изданіяхъ 1876 г.: „Дѣло“, № 4-й, „Отеч. Записки“, № 5-й, „Вѣстн. Европы“, № 5-й, „Недѣля“, №№ 2-й и 3-й. Біографическій очеркъ А. П. Щапова, С. С. Шашкова: „Новое Время“ 1876 г., №№ 196-й, 198-й, 212-й, 227-й, 245-й, 252-й. „Къ біографіи А. П. Щапова“—П. В. „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., № 9-й.

слали, братъ его улизнулъ къ казакамъ. Все это могло быть!" заключилъ онъ.

По какимъ отношеніямъ и связямъ Щаповъ доводился родственникомъ недавно умершаго московскаго митрополита Иннокентія—мнѣ неизвѣстно.

Отецъ Аѳанасія Прокофьевича былъ дьячкомъ села Анги за Байкаломъ, Иркутской губерніи, и женился на простой крестьянской дѣвицѣ—буряткѣ; впрочемъ, С. С. Шашковъ, самъ сибирскій уроженецъ, писалъ не разъ, что мать Щапова тунгузскаго племени. Спорить я не могу объ этомъ и только основываюсь на словахъ самого Щапова, который сообщалъ мнѣ, что мать его бурятскаго происхожденія и ходила всегда въ мѣстномъ крестьянскомъ костюмѣ [1]). Такъ или иначе, только Аѳанасій Прокофьевичъ родился въ 1830 г. и раннее дѣтство свое провелъ въ сельской избушкѣ такъ же, какъ проводятъ его крестьянскіе мальчики—на лонѣ природы; у него было два брата и три сестры. Дѣвочки помогали по домашнему хозяйству матери, а мальчики участвовали въ работахъ отца.

При скудныхъ доходахъ отъ прихожанъ, бѣдный дьячекъ принужденъ былъ пробиваться сельскимъ трудомъ для содержанія большого семейства.

Дочерей своихъ отецъ Щапова даже не считалъ нужнымъ учить грамотѣ и нѣкоторыхъ выдалъ замужъ за крестьянъ, а сыновей выучилъ читать и писать и отправилъ въ Иркутское духовное училище, гдѣ они воспитывались на казенный счетъ. Аѳанасій Прокофьевичъ на девятомъ году возраста поступилъ въ бурсу, вмѣстѣ съ братомъ, который былъ немного старше его. Какова была эта бурса и какое тяжелое и глубокое впечатлѣніе произвела она на юнаго Щапова, можно судить, основываясь на его воспоминаніяхъ о ней, самыхъ не лестныхъ, къ которымъ онъ обращался нерѣдко и съ грустью и со смѣхомъ въ кругу товарищей. Послѣ знаменитыхъ „Очерковъ бурсы", онъ познакомился съ Н. Г. Помяловскимъ, который просилъ своихъ знакомыхъ литераторовъ семинарскаго образованія записывать черты бурсацкой жизни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, отличныхъ отъ изображеній петербургской бурсы. Помню, Щаповъ

---

[1]) Аѳанасій Прокофьевичъ зналъ хорошо бурятъ и относился къ нимъ съ большой похвалой и сильнымъ сочувствіемъ; такъ, напримѣръ, онъ писалъ въ 1863 г.: „Вотъ мчится между горъ, по широкой долинѣ, между огромныхъ стадъ, мчится бурятъ на своемъ лихомъ конѣ во всю прыть: дикость ли, дурь ли бѣситъ его, или араки опился онъ?.. А когда подумаешь, что этотъ бурятъ—отличный кузнецъ, отличный работникъ, хорошій скотоводъ, что онъ далъ намъ Банзарова, когда подумаешь, что дѣти этого бурята отлично учатся въ гимназіяхъ и даже въ университетѣ,—какъ грустно станетъ на душѣ, что люди эти остаются еще въ дикости". Вѣроятно, духовныя лица охотно женились на буряткахъ, потому что многіе въ Иркутской семинаріи, учившіеся вмѣстѣ съ Щаповымъ, имѣли обличье бурятское особенно изъ Нерчинскаго округа („Этнографич. организ. рус. народонаселенія").

съ большимъ жаромъ взялся тогда за изображеніе жизни духовнаго училища, припоминая свое воспитаніе въ Иркутскѣ; озаглавивъ статью: „Изъ бурсацкаго быта", онъ напечаталъ ее въ „Искрѣ" 1862 г., но окончаніе статьи не было пропущено цензурой. Несомнѣнно, Щаповъ изображаетъ здѣсь свое житье-бытье и въ основаніи грустное положеніе иркутской бурсы вѣрно; но въ частностяхъ замѣтны преувеличенія и литературныя прикрасы, такъ какъ онъ и готовилъ ее для „Искры" по просьбѣ своего пріятеля, В. С. Курочкина. Интересно бы провѣрить печальную картину этихъ описаній показаніями его товарищей—какія въ ней черты дѣйствительныя, и какія фантастическія. Но во всякомъ случаѣ тяжелую жизнь испыталъ Щаповъ въ иркутской бурсѣ съ своими товарищами, какъ мнѣ извѣстно по его частымъ разсказамъ. Помѣщенія въ училищѣ были тѣсныя и сырыя, полы грязные и проѣденные во многихъ мѣстахъ крысами, воздухъ гнилой, отопленія почти совсѣмъ не полагалось даже въ зимнее время. Пища была самая грубая и въ малыхъ доляхъ, такъ что мальчики по утрамъ мелкіе ломтики чернаго хлѣба вырывали изъ рукъ другъ у друга: такую ничтожную порцію выдавали на каждаго! Очевидно, юные питомцы вѣчно были голодны и развитіе организма шло неправильно, особенно при сидячей жизни. Но Щаповъ съ дѣтства привыкъ къ простому сельскому столу и развивался сносно, имѣя къ тому же крѣпкій складъ физическій, выносившій всякія невзгоды, лишенія и потрясенія. Одеждой ученикамъ служили затрапезные халаты изъ домашняго сукна, рваные и изношенные; ходили большею частью босые и безъ шапокъ; тюфяки и одѣяла просалены и пропитаны были міазмами; многочисленныя насѣкомыя кишѣли и въ грязномъ бѣльѣ, и въ одеждѣ.

Всѣ эти неблагопріятныя условія и нечистоплотность порождали сыпи на тѣлѣ, чесотки; нерѣдко и заразительныя сильныя болѣзни находили въ бурсѣ великое раздолье. У мальчиковъ-бѣдняковъ совсѣмъ не было книгъ и учебныхъ пособій, да не только книгъ, даже и ложекъ не давала имъ школа; и учились по одной книжкѣ многіе, и перехлебывались одной ложкой въ складчину за обѣдомъ и ужиномъ. Зато начальство, всегда злое и безпощадное, было безчеловѣчно строго къ своимъ юнымъ питомцамъ. Зуботычины и розги считались главными педагогическими пріемами. Тѣлесныя наказанія производились иногда торжественно во дворѣ предъ воспитанниками и подъ звонокъ; на подобное зрѣлище стекалась и городская публика. Щаповъ тоже учился по чужимъ книжкамъ и учился хорошо, но и ему доставалось нерѣдко весьма жестоко.

Изъ этой полуголодной, тяжелой и удушливой среды, отъ побоевъ и тиранства, дѣти рвались на вольный воздухъ, на раздолье полей и лѣсовъ, къ простому сельскому быту, къ роднымъ, которые съ любовью и сочувствіемъ встрѣчали мальчиковъ, въ противоположность придирчивымъ и гнѣвнымъ учителямъ. Деревенская жизнь до конца дней служила для Щапова идеаломъ и онъ враждебно всегда отно-

сился къ скопленію населенія въ большихъ городахъ, что̀ считалъ источникомъ многихъ бѣдствій для человѣчества.

Отъ нестерпимаго житья ученики нерѣдко бѣжали, куда глаза глядятъ, блуждали по цѣлымъ сотнямъ верстъ, лишь бы не сидѣть въ ненавистной бурсѣ. Въ классномъ журналѣ невозмутимо отмѣчали, что одинъ не былъ по причинѣ болѣзни, другой—по неимѣнію одежды, третій—по неимѣнію обуви, четвертый—по нахожденію въ бѣгахъ. Несмотря на страшную тоску по родинѣ, на жажду видѣть природу, мать и домашній очагъ, Щаповъ сидѣлъ смирно, учился бойко—и только съ восторгомъ отправлялся домой на каникулы. И въ лѣтахъ зрѣлыхъ онъ нерѣдко съ глубокимъ сочувствіемъ относился къ исторической несчастной судьбѣ дѣтей духовенства, какъ, напримѣръ, въ XVIII столѣтіи изъ семинарскихъ бурсъ бѣжали горемычныя церковническія дѣти отъ жестокостнаго, инокамъ подобнаго житія. „Если и въ наше время, прибавляетъ онъ, еще сильно было въ обычаѣ въ классныхъ журналахъ „нахожденіе въ бѣгахъ", то что же было въ прошломъ столѣтіи"? Этими побѣгами изъ бурсъ онъ объясняетъ участіе церковниковъ въ разбояхъ, бунтахъ и т. под. („Земство и расколъ").

Вспоминая о горемычной судьбѣ своего первоначальнаго воспитанія, онъ увлекался еще сильнѣе варварской картиной жизни въ духовной школѣ прошлаго вѣка и любилъ приводить со смѣхомъ и слезами причитанье пономаря, отправлявшаго по принужденію дѣтей своихъ въ школу:

„Бѣдныя дѣтушки! Зачѣмъ вы на горе зародились?
Или зачѣмъ вы въ дѣтствѣ киселемъ не подавились?.."

Запасшись необходимыми свѣдѣніями въ иркутскомъ училищѣ по книжкамъ товарищей, какъ ревностный питомецъ, Щаповъ перешелъ въ 1846 году лучшимъ ученикомъ, послѣ 6-ти лѣтъ горькой жизни, въ духовную семинарію. Тамъ судьба его нѣсколько улучшилась: содержаніе сдѣлалось удовлетворительнѣе, обхожденіе человѣчнѣе, помѣщеніе сравнительно чище и опрятнѣе, да и научныя занятія стали для него интереснѣе. Втеченіе шестилѣтняго семинарскаго курса, Щаповъ съ великимъ усердіемъ и успѣхомъ занимался многочисленными семинарскими науками, которыя по обычаю мало давали знаній, но содѣйствовали развитію трудолюбія, мыслительной силы и умѣнья писать сочиненія. Въ семинаріи Аѳанасій Прокофьевичъ окончилъ курсъ въ 1852 г. и въ числѣ лучшихъ учениковъ посланъ былъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго образованія въ казанскую духовную академію.

Онъ очень боялся вступительнаго академическаго экзамена, какъ бы не срѣзаться и не вернуться назадъ съ позоромъ въ распоряженіе епархіальнаго начальства, которое иногда жестоко относилось къ такимъ ученикамъ, пораженнымъ на ученомъ поприщѣ, и долго недавало даже мѣста священника въ наказаніе. Но запасъ знаній Ща-

пова, пріобрѣтенный въ иркутской семинаріи, оказался достаточнымъ и онъ принятъ былъ въ академію въ числѣ лучшихъ студентовъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній о семинарскихъ занятіяхъ Щапова, а сообщенныя въ печати данныя немогу ничѣмъ провѣрить. Знаю одинъ несомнѣнный фактъ, что онъ въ семинаріи уже читалъ „Исторію" Карамзина, а это наводитъ на мысль, что любовь къ изученію русской старины и тогда нечужда была его симпатіямъ [1]).

Выступивъ на широкую дорогу высшаго образованія, Афанасій Прокофьевичъ блистательно обнаружилъ любовь свою къ труду и занятіямъ, къ которымъ рано пріучило его воспитаніе. Казанская духовная академія, младшая въ сравненіи съ другими подобными заведеніями, въ короткое время успѣла воспитать немало дѣльныхъ и истинно образованныхъ людей. Не знаю, какое направленіе она имѣла сначала; но въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ она отличалась жизненнымъ настроеніемъ, преслѣдовала научныя задачи, — и уровень образованія ея питомцевъ стоялъ несомнѣнно выше университетскаго, разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ и объемахъ наукъ. Несмотря часто на неблагопріятныя условія, высоту образованія поддерживали свѣтскіе профессора, большею частью враги монаховъ-начальниковъ. Какъ ни старались послѣдніе теоретически унижать и практически топтать въ грязь свѣтскія науки, студенты, подъ руководствомъ дѣльныхъ профессоровъ, шли своей дорогой и презирали схоластику, стараясь изворачиваться на всѣ лады при внимательномъ надзорѣ, чтобы добиться самостоятельнаго развитія.

Особенно отличался ректоръ Григорій такимъ крайне враждебнымъ преслѣдованіемъ наукъ и введеніемъ схоластическаго преподаванія, но и его энергія не имѣла успѣха. О состояніи казанской духовной академіи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія учитель гимназіи Яковъ Григорьевичъ Рождественскій, который воспитывался тамъ въ это время. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь его обязательными письмами для характеристики жизни и первоначальныхъ занятій Щапова въ академіи, тѣмъ болѣе, что онѣ рисуютъ отлично направленіе и самаго заведенія.

„Время нашего студенчества (1850—1854 годовъ), пишетъ онъ, было до такой степени смирно и скучно, что студенты послѣдующихъ курсовъ съ трудомъ могутъ составить себѣ объ этомъ понятіе: причетническое приниженье, кошачья осторожность, безотвѣтная субординація были поистинѣ жалки и гадки. Я помню, меня чуть не выгнали изъ академіи при ректорѣ Григоріи за то, что я нагрубилъ мальчишкѣ гардеробщику, когда онъ наглымъ образомъ не хотѣлъ позволить мнѣ взять самому свою шинель изъ шкафа.

---

[1]) Въ біографическомъ очеркѣ С. С. Шашкова сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ иркутской семинаріи. „Новое Время" 1876 г., №№ 196, 198.

„Умственной свѣжей, здоровой пищи, кромѣ затхлой казенщины, почти негдѣ было взять: „Исторія цивилизаціи“ Гизо считалась „ужасной книжкой“, а извѣстное сочиненіе Гиббона въ нѣмецкомъ переводѣ держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, но читали по возможности скрытно отъ начальства. Когда началась крымская война, ректоръ Агаѳангелъ доставалъ оффиціальную петербургскую газету на французскомъ языкѣ и съ таинственнымъ видомъ довѣрялъ своимъ излюбленникамъ изъ студентовъ читать для него выдержки. Журналы прежнихъ годовъ брали студенты изъ библіотеки Сахарова, а о современныхъ живыхъ интересахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія.

„Но странное дѣло! во многихъ изъ насъ все-таки была какая-то либеральная закваска. Споры и разговоры, неизбѣжные у молодежи, какъ бы она ни была пришиблена, по большей части отличались схоластически-отвлеченнымъ характеромъ, но и тутъ обнаруживался у нѣкоторыхъ своего рода либерализмъ. Гегель, толкуемый и вкривь и вкось, увлекалъ многихъ оригинальностью воззрѣній и широтой системы. Говорить же о предметахъ церковно-историческихъ свободно рѣшались весьма рѣдко и очень немногіе, которые всѣ были на худомъ счету у начальства. Да чего? Достаточно было студенту попасться на глаза начальству съ свѣтскимъ сочиненіемъ — Гоголя, Пушкина или съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ“, чтобы его взяли „подъ сумлѣнье...“

„Среди такой-то обстановки, между такими-то юношами, Афанасій Прокофьевичъ съ самаго начала рѣзко выдвинулся своей беззавѣтной откровенностью: что̀ было у него на умѣ, то и на языкѣ, и всегда, и передъ кѣмъ угодно; его рѣчь отличалась прямотой, поведеніе было просто, искренне, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей, онъ не понималъ, что̀ такое интрига, скрытность, лицемѣріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь. Его манера говорить, размахивая руками, тряся лохматой головой, бормоча и брызжа, не слушая никого и ни на кого не обращая вниманія, — возбуждали улыбку и смѣхъ въ товарищахъ, но онъ этого не замѣчалъ. Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, отвагой; онъ говорилъ одинаковымъ тономъ съ сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ—и тутъ не было ни заносчивости, ни желанія выставиться предъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія и чистаго сердца. Этой искренностью, этой смѣлостью, этимъ пренебреженіемъ ко всему, кромѣ дѣла, я объясняю его презрѣніе къ выработкѣ внѣшней формы своихъ сочиненій; онъ не обращалъ на нее вниманія такъ же, какъ не заботился о своей наружности въ самое золотое время юности; онъ былъ большой неглижеръ въ отношеніи себя и своей внѣшней обстановки.

„Въ Щаповѣ никогда не было зародыша скептицизма и онъ незналъ, чтò такое сомнѣніе и нерѣшительность. Онъ подавалъ ежемѣсячныя сочиненія почти всегда не оконченными, потому что любилъ писать очень много и не успѣвалъ довести до конца. Какъ, бывало, профессоръ объявитъ темы, онъ быстро выберетъ себѣ по вкусу и въ тотъ же день засядетъ за работу; потомъ все свободное время употреблялъ на письменную работу; послушаетъ ли споръ товарищей, прочитаетъ ли какую статейку, повидимому, не относящуюся къ дѣлу,— тотчасъ бѣжитъ къ конторкѣ и дѣлаетъ выписки. Диссертація разростается листовъ до 20-ти, окончаніе по задуманному плану еще далеко, а срокъ ея подачи наступилъ... Аѳанасій Прокофьевичъ мало любилъ споры чисто отвлеченные, гдѣ можно было опираться на одну діалектику; онъ искалъ положительнаго, фактическаго знанія, потому что онъ уже съ младшаго курса преимущественно началъ заниматься исторіей. Только что стала выходить „Исторія Россіи“, С. М. Соловьева, онъ глоталъ ея содержаніе съ жадностью и дѣлалъ изъ нея выписки или замѣтки по поводу каждой прочитанной страницы...

„На первомъ курсѣ Щаповъ читалъ много и упорно и съ такимъ усердіемъ занимался, что всѣ изумлялись; онъ не зналъ никакихъ развлеченій, не участвовалъ въ играхъ, напримѣръ, въ мячъ, въ городки, и рѣдко выходилъ даже на прогулку. Часовъ по 17 въ сутки онъ проводилъ за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть на это диво и углубленія прозвали ямами новаго столпника, блаженнаго Аѳанасія. Объ этой чертѣ необычайнаго трудолюбія не мѣшаетъ упомянуть для молодежи, которая мечтаетъ поймать славу за хвостъ, не дѣлая ничего. Когда Щаповъ былъ занятъ работой, онъ совершенно не замѣчалъ, чтò вокругъ него происходитъ; случалось, что инспекторъ или помощникъ его приходили гнать его не только въ аудиторію, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слышалъ звонка и не видѣлъ, что оставался одинъ въ номерѣ...

„Въ семинаріи мы почти ничего не читали, потому что не откуда было брать книгъ; знанія всѣхъ почти студентовъ при поступленіи въ академію ограничивались учебниками и сообщенными свѣдѣніями профессорами въ классѣ. Единственный умственный капиталъ нашъ состоялъ въ нѣкоторомъ развитіи формальной логики и діалектики; прочитать что-нибудь для сочиненія въ семинаріи считалось чуть ли не предосудительнымъ: „хорошій ученикъ долженъ все сочинять изъ своей головы“. Этотъ дикій взглядъ разсѣевался въ академіи, гдѣ профессоры, предлагая темы, указывали на источники, большею частью иностранные. Это побуждало, да и правила академіи обязывали, студентовъ изучать новые языки, которыми въ семинаріи никто почти не занимался. Аѳанасій Прокофьевичъ не зналъ новыхъ языковъ и почти не занимался ими, потому-то, вѣроятно, онъ съ особеннымъ жаромъ бросился на русскія сочиненія; когда другіе студенты, на-

чиная съ азбуки, безъ руководства, сами собой, занимались новыми языками, губили много времени и добивались умѣнья читать авторовъ,—Щаповъ въ это время успѣлъ пріобрѣсти огромную массу свѣдѣній по русской литературѣ, особенно исторической. Всеобщею исторіей онъ мало интересовался, вѣроятно, потому, что лучшія сочиненія по этой части недоступны были ему, по незнанію новыхъ языковъ.

„Изъ всей учащейся русской молодежи нашего времени, никто не зналъ такъ близко, такъ кровно простого нашего народа, его быта, нуждъ и горестей, какъ дѣти сельскаго духовенства, выросшіе въ средѣ крестьянъ. Учебный округъ казанской духовной академіи обнималъ всю Сибирь, Закавказскій край и треть Европейской Россіи; поэтому студенты, стекаясь изъ разныхъ мѣстностей, имѣли возможность знакомиться, помимо всякихъ книгъ, изъ взаимныхъ разговоровъ, съ разными сторонами народной жизни, и не замѣчая того, дѣлались порядочными этнографами. Кромѣ того, Щаповъ очень любилъ читать книги о бытовой русской жизни, какія находилъ въ академической библіотекѣ.

„Не знаю, чему приписать то замѣчательное обстоятельство, что казанская академія, духовная оффиціально, управляемая монахами, съ самаго перваго курса получила свѣтскій характеръ, и всѣ почти лучшіе студенты всегда охотнѣе занимались свѣтскими науками, нежели богословскими. Втеченіе десяти лѣтъ академія поставила только трехъ монаховъ и потомъ еще нѣсколько человѣкъ, тогда какъ другія академіи очень щедры были на поставку монаховъ. Тамбовскихъ студентовъ не любили товарищи именно за то, что они шли въ монахи охотнѣе другихъ. Духъ ли времени, отъ котораго не спасешься ни за какими стѣнами и оградами, бралъ свое, или съ самаго основанія академіи не было въ ней сильныхъ нравственно-вліятельныхъ монаховъ начальниковъ и профессоровъ,—студенты терпѣть не могли всего, что отзывалось монашескимъ. Былъ у насъ товарищъ глубоко-религіозный человѣкъ, В. А. Ложкинъ, который иногда ночи проводилъ на тайной молитвѣ, но и тотъ не пошелъ въ монахи, опасаясь, что товарищи заподозрятъ чистоту его побужденій.

„Вся почти библіотека казанской академіи образовалась изъ книгъ, пожертвованныхъ архіепископомъ, потомъ митрополитомъ с.-петербургскимъ, Григоріемъ; эти сочиненія были почти всѣ нѣмецкія, протестантскія; студенты первыхъ курсовъ занимались преимущественно нѣмецкой литературой, а въ ней немного вычитаешь въ пользу монашества. Самъ покойный архипастырь Григорій въ былые годы заподозрѣнъ былъ въ склонности къ протестантскимъ мнѣніямъ. Церковную исторію до V-го курса Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій читалъ по Неандеру, но за либерализмъ его перевели на исторію библейскую; а онъ все твердилъ студентамъ: „Господа, не

читайте, пожалуйста, доктора Давида Штрауса, — онъ всю жизнь Іисуса Христа старается превратить въ миѳъ!..“ Другой профессоръ, читавшій физику и математику, Димитрій Ѳедотовичъ Гусевъ — постоянно твердилъ, что тотъ студентъ—не студентъ, который не въ состояніи отъ доски до доски прочитать съ полнымъ понятіемъ книжки „Современника“ или „Отечественныхъ Записокъ“ [1]). Богословіе всякаго сорта, догматическое, нравственное, обличительное и проч., надоѣло еще въ семинаріи, да и въ академіи читалось по схоластической методѣ; вотъ мы съ голоду и нападали на все новое и свѣтское; даже сочиненія курсовыя брали не прямо богословскаго характера, напримѣръ, „библейская ботаника, библейская зоологія“ (мы еще слушали въ академіи естественныя науки).

„Забылъ еще сообщить, что Щаповъ на младшемъ курсѣ въ академіи слушалъ монгольско-калмыцкій языкъ и буддійское вѣроученіе у своего земляка, профессора А. А. Бобровникова. Авторъ „Монгольской грамматики“, Бобровниковъ, былъ замѣчательной личностью въ высшей степени; чуть ли не природный бурятъ, онъ буддизмъ зналъ, какъ никто въ Россіи, а можетъ и далѣе Россіи. Не имѣя другихъ обширныхъ свѣдѣній, кромѣ своей спеціальности, Бобровниковъ отличался необыкновенно крѣпкой логикой и сатирическимъ направленіемъ; буддійскую премудрость онъ преподавалъ такъ, что можно было заслушаться. Какъ землякъ, Аѳанасій Прокофьевичъ бывалъ у Бобровникова, и я полагаю, что послѣдній немало имѣлъ вліянія на перваго“.

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ, были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство не знало приниженія, которое испытывало велико-русское духовенство отъ помѣщиковъ, и было зажиточнѣе его. Сибиряки-студенты въ наше время полушутя, полусерьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Щапову мечтать о федераціи, хотя впослѣдствіи объ этомъ немало говорено было въ литературѣ русской, особенно Н. И. Костомаровымъ. Вообще студенты-сибиряки обладали характеромъ независимымъ и настойчивымъ; въ частности объ этой чертѣ характера и самоувѣренности Щапова профессоръ всеобщей исторіи Иванъ Петровичъ Гвоздевъ говорилъ слѣдующее:

„Вотъ Николай Ивановичъ (Ильминскій), несмотря на всю свою эрудицію, ничего не пишетъ, все боится, что написанное имъ не будетъ имѣть значенія; а Аѳанасій Прокофьевичъ напротивъ: хоть посади его въ французскую академію наукъ, онъ и тамъ никому не дастъ слова вымолвить!..“

---

[1]) О Беневоленскомъ и Гусевѣ я еще буду имѣть случай говорить ниже.

„Выводъ отсюда можно сдѣлать прямой и вѣрный. Новыя мысли и свѣжія знанія, точно подземные ключи изъ-подъ камней, выбивались съ разныхъ сторонъ въ средѣ студентовъ казанской академіи и быстро сообщались другъ другу въ небольшомъ замкнутомъ кругу. Когда одинъ дѣлалъ научное пріобрѣтеніе или добывалъ рѣдкую книгу для чтенія, онъ тотчасъ дѣлился съ своими товарищами; особенно важны были дѣльныя указанія профессоровъ относительно плодотворныхъ занятій по извѣстному предмету. Открыто давать совѣты студентамъ о характерѣ и направленіи ихъ работъ не всегда было безопасно свѣтскимъ профессорамъ, при власти и силѣ ложно-монашескаго начальства, которое преслѣдовало большею частью личныя или чиновничьи цѣли. Поэтому, нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали къ тонкимъ и сатирическимъ намекамъ, чтобы указать другой путь знаній, помимо сферы наукъ духовныхъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ профессоровъ дѣльныхъ такъ и не могли ужиться съ монашеской схоластикой и оставили академію, наприм. Г. З. Елисеевъ, А. А. Бобровниковъ и впослѣдствіи К. Ив. Ильминскій. Вотъ эти-то указанія свѣтскихъ профессоровъ на полезныя сочиненія студентами считались дѣльными и либеральными, хотя нерѣдко преувеличивалось ихъ значеніе по личнымъ воззрѣніямъ и вкусу каждаго, особенно въ тяжелое время севастопольской кампаніи. Тутъ каждая мелочь имѣла цѣну, „каждое лыко было въ строку“.

Немудрено, что и въ раннее время, по указаніямъ Я. Г. Рождественскаго, казанская духовная академія имѣла жизненную силу, такъ сказать, подземную, не вышедшую еще наружу, хотя и такія силы иногда появлялись случайно и неожиданно въ блистательномъ видѣ.

Мой землякъ, Матвей Семеновичъ Гремячинскій, выбралъ себѣ тему для курсоваго сочиненія „о библейской ботаникѣ“ и впослѣдствіи сдѣлался замѣчательнымъ знатокомъ ботаники, выдержалъ экзаменъ на доктора въ казанскомъ университетѣ въ 1854 г. Потомъ онъ приглашенъ былъ на каѳедру въ московскій университетъ и командированъ въ путешествіе за-границу; къ сожалѣнію, у этого даровитаго молодаго профессора открылась въ Африкѣ злая чахотка и онъ скончался въ Италіи. Да это — примѣръ не единственный: можно указать на Ив. П. Гвоздева, М. М. Зефирова, Ив. Я. Порфирьева, Н. И. Ильминскаго и другихъ, которые достигли глубокихъ знаній и всесторонняго развитія, благодаря солидной академической подготовкѣ. Объяснять такія явленія случайностью черезчуръ было бы опрометчиво.

Вотъ въ какой обстановкѣ находился Аѳанасій Прокофьевичъ и какъ шли его занятія втеченіе двухъ лѣтъ въ Казани, когда мнѣ пришлось самому погрузиться въ ту же сферу дѣятельности, лично познакомиться съ этимъ оригинальнымъ ученымъ и съ характеромъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

II.

Пріѣздъ мой въ казанскую академію.—Наблюденія надъ житьемъ и дѣятельностью Щапова, споры его съ С. И. Шиловскимъ.—Аѳанасій Прокофьевичъ въ разгаръ севастопольской обороны.—Личный составъ начальниковъ и профессоровъ академіи въ 1854 г.—Монахи: ректоръ Агаѳангелъ, инспекторъ Серафимъ, помощникъ инспектора Веніаминъ. Свѣтскіе профессоры: Д. Ѳ. Гусевъ, А. И. Беневоленскій, Г. С. Саблуковъ и другіе. — Любимыя занятія студентовъ русской и иностранной словесностью.

Утромъ, 15-го августа 1854 года, я пріѣхалъ изъ Тамбова для изученія наукъ въ казанскую духовную академію; у параднаго крыльца сидѣлъ на стулѣ тщедушный старичекъ и читалъ газеты; это былъ служитель Кирьяковичъ, который во время пріѣзда новичковъ изъ семинарій нарочно одѣвался въ черный сюртукъ и чистую рубашку, а воротнички выпускалъ до ушей; принимая его за профессора, нѣкоторые неопытные юноши отвѣшивали ему низкіе поклоны. Разумѣется, такая честь льстила самолюбію хитраго старика и потѣшала его, а часа черезъ два эти новобранцы давали себя знать Кирьяковичу, въ отмщеніе за его обманъ. Взяли наши чемоданы служители и понесли наверхъ; мы тоже стали взбираться по чугуннымъ плитамъ лѣстницы, и пріятное впечатлѣніе произвели на насъ изящные часы и отлично вычищенный полъ въ корридорахъ главнаго зданія. Въ третьемъ этажѣ въ гардеробной сложили весь нашъ багажъ и тамъ встрѣтили насъ земляки, окончившіе курсъ академіи. Надо замѣтить, что землячество въ то время въ академіи имѣло важное значеніе: прибывшій семинаристъ въ нѣсколько дней узнавалъ характеръ каждой власти, достоинство чтенія лекцій каждаго профессора, и чѣмъ ему заниматься удобнѣе на будущее время.

Встрѣтивъ по пути наверхъ громаднаго роста профессора въ вицъ-мундирѣ, я съ ужасомъ отшатнулся отъ него въ сторону и потомъ спросилъ земляка: „вѣроятно, этотъ ученый отвѣчаетъ латинской пословицѣ—mens sana in corpore sano?“ Съ сдержанной насмѣшкой сказалъ онъ мнѣ на это: „скорѣе къ нему можно приложить русскую пословицу: „велика Ѳедора да дура“...

Въ тотъ же день Успенья остановилъ мое вниманіе студентъ, физіономія котораго носила ясные слѣды восточнаго происхожденія: длинный носъ, небольшіе черные глазки съ характернымъ разрѣзомъ, высокій лобъ, оливковый цвѣтъ кожи и вьющіеся черные волосы, нервныя движенія и живая частая рѣчь—все это сразу отличало его отъ другихъ студентовъ. Спрашиваю земляка: „кто этотъ студентъ и откуда?“ Онъ съ улыбкой отвѣтилъ: „Щаповъ, великій чудакъ, изъ бурятъ, присланъ изъ иркутской семинаріи и живетъ здѣсь два года, перешелъ на старшій курсъ; такого ретиваго къ занятію студента едва ли видѣла казанская академія въ стѣнахъ своихъ со дня основанія“.

— Что же онъ такъ трудится особенно, развѣ не обладаетъ способностями?

— Какое!.. Самый даровитый и самый трудолюбивый человѣкъ.

Это обстоятельство меня весьма заинтересовало и я ежедневно наблюдалъ несложный образъ жизни Щапова во время нашихъ пріемныхъ экзаменовъ, когда у него были каникулы.

Утромъ, обыкновенно послѣ молитвы, онъ приходилъ въ столовую съ книгой и медленно выпивалъ стакана 4 или 5 крѣпчайшаго чаю (чай былъ свой) и большею частью безъ сахара, не отводя глазъ отъ книги. Потомъ отправлялся наверхъ и становился за конторку въ комнатѣ № 5-й, гдѣ свалена была у него масса изданій по русской исторіи. Въ отсутствіе Щапова, я не разъ пересматривалъ ихъ—и помню, что тутъ были всѣ изданія археографической комиссіи: Карамзинъ, Погодинъ, Арцыбашевъ, Медовиковъ, „Полное собраніе законовъ" и другія. Въ эту пору онъ, видимо, знакомился съ памятниками для изученія исторіи раскола, потому что взялъ тему по этому предмету, предложенную архіепископомъ казанскимъ Григоріемъ. Тогда онъ дѣлалъ выписки, собиралъ факты, положительно можно сказать, безъ всякой строгой цѣли и системы.

Отъ скуки иногда, во время каникулъ, составлялась компанія старшихъ студентовъ, какъ бы сразить кого нибудь со Щаповымъ и произвести шумный и запальчивый споръ. Съ этой цѣлью послѣ ужина, когда Щаповъ ходилъ минутъ 20 по корридору, подходили къ нему и начинали задирать задушевныя его убѣжденія и шевелить его чувства, особенно насчетъ русскаго забитаго крестьянства. Горячее и ребяческое его сердце тотчасъ приходило въ неописанное негодованіе: какъ можно быть настолько безсовѣстнымъ, чтобы унижать силу Россіи—мужичка, кормильца всего государства; ясно, что онъ не подозрѣвалъ всей сочиненной комедіи спора. Въ такихъ случаяхъ любили натравливать на него его товарища, С. И. Шиловскаго, который отличался великимъ краснобайствомъ. Тогда часть студентовъ поддерживала убѣжденія Щапова, а другая стояла за Шиловскаго, чтобы нарочно продлить комедію. Борьба двухъ студентовъ была неравная: Щаповъ говорилъ всегда искренно, съ чувствомъ и нервно, хотя поспѣшно, такъ что разобрать его было мудрено, когда онъ толковалъ съ особымъ паѳосомъ; но излагалъ всегда дѣло и доказывалъ неопровержимыми фактами. Другое явленіе представлялъ пермякъ Шиловскій: великій говорунъ и діалектикъ, онъ зналъ всего понемногу и спорилъ съ цѣлью показать свое краснорѣчіе и поливалъ имъ своего противника цѣлыми потоками, иногда безъ всякаго содержанія. Раздавались насмѣшливые аплодисменты то тому, то другому борцу, и еще сильнѣе закипалъ споръ между ними; они оба начинали горячиться, говорили вмѣстѣ быстро и запальчиво; ясно было видно, что они не понимаютъ другъ друга и даже не заботится каждый понять смыслъ рѣчей противника; въ заключеніе обыкновенно, раздраженные неудачей убѣжденія, наплюютъ

въ глаза одинъ другому и быстро расходятся по комнатамъ, къ великому восторгу слушателей студентовъ.

С. И. Шиловскій былъ очень оригинальная личность: способность его къ словоговоренію уничтожала въ немъ умѣнье писать сочиненія. Пробывъ два года въ академіи, онъ не могъ написать ни по одному предмету сочиненія, несмотря на всѣ принятыя понуканія. Хотя студентъ онъ былъ порядочный, но его уволили изъ академіи за неспособность излагать свои мысли письменно, и онъ поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ впослѣдствіи краснорѣчіе помогло ему выдвинуться на степень вожака и воротилы. Потомъ разгадали его и тамъ товарищи и всѣ вообще безсодержательныя рѣчи стали называть шилизмомъ (отъ фамиліи—Шиловскій). Взойдетъ студентъ на каѳедру и начнетъ излагать высокопарными фразами о какомъ-либо предметѣ жизненномъ, занимающемъ студентовъ,—ему тотчасъ закричатъ они: „Долой съ каѳедры; это—шилизмъ!“ Этому клику придавалось значеніе шильничества словеснаго.

Съ осени 1854 г. мы выписывали газеты и журналы прямо и открыто, съ дозволенія начальства, которое разрѣшило ихъ читать въ свободное время отъ занятій. Съ перемѣщеніемъ изъ Казани инспектора Серафима, житье студентовъ сдѣлалось свободнѣе прежняго, хотя столъ и платье скоро ухудшились.

Въ то время студенты чувствовали всю тяжесть севастопольской обороны, и по рукамъ ихъ ходили „Письма“ Погодина о славянахъ и много другихъ секретныхъ записокъ, въ которыхъ разоблачались разныя злоупотребленія русскихъ воинскихъ начальниковъ подъ Севастополемъ. Затѣмъ слѣдовали газетныя вѣсти, одна другой печальнѣе, и наконецъ какъ громомъ поразило окончательное сообщеніе, что крѣпость сдана, но стѣны взорваны при отступленіи. Одаренный въ высшей степени добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ, нервный Щаповъ нерѣдко плакалъ при вѣсти о людскихъ горестяхъ и общественномъ неустройствѣ въ Россіи. Никто съ такой жадностью не ловилъ газеты, какъ онъ, во время знаменитой севастопольской обороны, и никогда не сомнѣвался, что русскіе отобьются съ честью отъ союзныхъ войскъ. Но едва ли кто изъ студентовъ переживалъ такое тяжелое горе и разочарованіе при вѣсти о взятіи Севастополя, какъ будущій профессоръ русской исторіи: злость его не имѣла предѣловъ—и онъ рѣзко громилъ злоупотребленія военныхъ чиновъ, о чемъ много ходило тогда между студентами секретныхъ записокъ и извѣстій, какъ напримѣръ, французамъ продавали жертвованную со всей Россіи корпію, а своимъ солдатикамъ перевязывали раны сѣномъ по неимѣнію корпіи, и проч.

Щаповъ ко всему былъ какъ будто равнодушенъ, кромѣ ученаго труда, а на самомъ дѣлѣ онъ проникнутъ былъ громаднымъ самолюбіемъ, которое бурно иногда прорывалось при оцѣнкѣ его достоинствъ. Не знавшій и непризнававшій никогда приличныхъ пріемовъ

общежитія, считавшій эти мелочи пустой искусственностью, Щаповъ воспламенялся какъ порохъ отъ пустяковъ или невинныхъ надъ нимъ шутокъ товарищей и бросался съ угрозами и кулаками. А въ первые два года онъ былъ равнодушенъ къ шуткамъ. Разъ студентъ, его товарищъ В. И. Годяевъ, на скучной лекціи о. Агаѳангела, нарисовалъ съ затылка Щапова, съ его кудрявыми, нечесанными, въ видѣ львиной гривы волосами, и подписалъ: „Задній фасадъ Щапова". Сосѣдніе студенты, передавая одинъ другому, положили этотъ рисунокъ передъ носомъ оригинала. Съ ожесточеніемъ онъ досидѣлъ лекцію и послѣ нея тотчасъ набросился на Годяева и чуть не полѣзъ въ драку съ нимъ. Вообще, Щаповъ считался большимъ чудакомъ и чуть не юродивымъ по дикому характеру между товарищами, хотя они достойно цѣнили его умъ и трудолюбіе; впрочемъ, и тутъ дѣло не обходилось безъ остроумныхъ насмѣшекъ.

Для Аѳанасія Прокофьевича, поглощеннаго занятіями, чуть ли не было безразлично, какое начальство его окружаетъ: онъ выучился уживаться съ дѣтства даже съ варварами педагогическими. Во всякомъ случаѣ и оно не безслѣдно проходило мимо него и онъ одному монаху отдавалъ предпочтеніе передъ другимъ, одного профессора любилъ, къ другому былъ равнодушенъ. Поэтому для полноты очерка обратимъ вниманіе на составъ начальниковъ и профессоровъ академіи тогдашняго времени, тѣмъ болѣе, что о немъ ничего неизвѣстно въ литературѣ.

Въ 1854 г., ректоромъ академіи былъ архимандритъ Агаѳангелъ Соловьевъ, впослѣдствіи волынскій епископъ, прославившійся ожесточеннымъ противодѣйствіемъ преобразованіямъ церковнаго суда въ Россіи.

Недалекій и односторонній по образованію, онъ умѣлъ поддѣлаться къ архіепископу казанскому Григорію, закупая раскольничьи рукописи и прикидываясь необычайнымъ любителемъ русскихъ древностей. Желая оправдать недостатокъ и односторонность своего образованія, онъ постоянно твердилъ студентамъ: „Свѣтская наука и литература, это — обширнѣйшая пустота!.." Эта безсодержательная фраза всегда возбуждала смѣхъ между студентами, которые прилагали ее прямо къ головѣ самого ректора.

Не имѣя понятія объ „Исторіи русскаго раскола", онъ читалъ ее по краткимъ запискамъ архіепископа Григорія и любилъ уснащать рѣчь свою самыми плоскими фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „Дикихъ монголовъ погналъ кнутомъ дьяволъ на Русскую землю изъ глубины Азіи... Распространяли расколъ на сѣверѣ все дьячки, а кому не извѣстно, что дьячки—послѣдній народъ въ мірѣ!.." Надо замѣтить, что онъ любилъ изъ себя корчить аристократа и постоянно держалъ въ рукахъ лорнетку; передъ приходомъ его на лекцію, сначала несли часы съ репетиторомъ и ставили на каѳедру, потомъ являлись книги—и шелъ самъ съ шикомъ и велелѣпіемъ.

Когда Агаѳангелъ впослѣдствіи былъ ректоромъ духовной академіи въ

С.-Петербургѣ, тамъ разошлась складнàя сатирическая картинка съ его изображеніемъ, подъ которой была смиренная подпись: „Виждь трудъ мой и прилежаніе мое“... Значитъ, какъ въ Казани, такъ и въ Питерѣ, онъ слылъ человѣкомъ невысокимъ на взглядъ студентовъ. Между тѣмъ, онъ самъ былъ о себѣ великаго мнѣнія и всякую нелѣпость готовъ былъ до упаду защищать, какъ упорный баранъ. На этотъ счетъ въ академіи ходило нѣсколько смѣшныхъ разсказовъ между студентами, какъ профессоры академіи разсуждали, нельзя ли ухитриться смягчить и улучшить ректора.

Курьезный былъ человѣкъ этотъ Агаѳангелъ! При немъ садили академическій садъ и онъ составлялъ планъ со студентами, гдѣ отвести мѣсто для Малороссіи, гдѣ для Финляндіи, гдѣ для Сибири, Кавказа и т. п. Онъ хотѣлъ изобразить всю Россію съ морями и горами на ровной, сухой площади.

Какъ-то зимой Агаѳангелъ замѣтилъ, что студенты мало гуляютъ послѣ обѣда; онъ приказалъ эконому принести въ садъ лопаты, которыя были куплены нарочно, вышелъ самъ и пригласилъ студентовъ дѣлать изъ снѣга гору для катанья. Пошла работа, но нѣкоторые стали поджимать ноги отъ холода подъ шинель. „Что съ вами?“ спрашиваетъ ректоръ. Разумѣется, отвѣчали, что озябли ноги, потому что носки нитяные. Агаѳангелъ велѣлъ купить на свои деньги шерстяные чулки для всѣхъ студентовъ и раздать ихъ. Въ суботу являются вечеромъ всѣ старшіе по обычаю; разговоръ повелъ ректоръ о нуждахъ студентовъ и захотѣлъ вызвать благодарность за купленные имъ шерстяные чулки. Онъ обращается къ студенту: „Г. Соколовъ, что у васъ на ногахъ?“—Сапоги, ваше высокопреподобіе, отвѣчаетъ тотъ. „А въ сапогахъ что?“—Ноги, ваше высокопреподобіе.—Разумѣется, кончилось всё общимъ смѣхомъ.

Инспекторомъ въ то время былъ архимандритъ Серафимъ (въ свѣтскомъ званіи профессоръ русской словесности, Семенъ Ивановичъ Протопоповъ), человѣкъ строгій, но дѣльный и хорошо образованный. Хотя мы его звали пилой за придирчивость и мелочныя нападки, но уважали его за то, что онъ старался приготовить всегда отличный столъ, бѣлье и платье студентамъ. Тутъ, дѣйствительно, онъ пилилъ эконома ежедневно и безъ всякаго милосердія, несмотря на то, что монахъ Филаретъ—экономъ состоялъ подъ покровительствомъ ректора Агаѳангела. Говорятъ, до посвященія въ монашество, Серафимъ читалъ очень хорошія лекціи по русской словесности, и И. Я. Порфирьевъ обязанъ ему отчасти руководствомъ и развитіемъ. Могу засвидѣтельствовать, что студенты обязаны ему благодарностью за его руководство практическаго общежитія: онъ нерѣдко послѣ вечерней молитвы сообщалъ студентамъ самыя дѣльныя правила житейскаго обращенія, поведенія въ чужомъ домѣ и проч. Но Щаповъ во время этой житейской свѣтской мудрости думалъ о житьѣ крестьянскомъ.

Помощникъ инспектора, архимандритъ Веніаминъ Благонравовъ, читалъ намъ подробнѣйшій курсъ церковной исторіи, такъ что студенты прозвали его махиной въ 1.001 листъ и сравнивали съ арабскими сказками „Тысячи и одной ночи", и находили сходство. Въ его лекціяхъ не было ни строгой научной системы, ни логическаго порядка, а всѣ онѣ пропитаны были монашескимъ духомъ, и главное вниманіе обращалось на высоту подвиговъ восточныхъ аскетовъ. Вотъ идутъ темы о нестяжательности монаховъ, о цѣломудріи, о смиреніи и т. под. — и онъ нанизываетъ на каждую, какъ на нитку, разные преданія и разсказы, цѣпляя ихъ изъ Лавсалка, или подхватывая на „Лугахъ духовныхъ". И чудесныя выходили монашескія четки изъ погремушекъ, къ общей потѣхѣ студентовъ. Одинъ разсказъ сохранился у меня въ памяти на тему о послушаніи, когда человѣкъ совсѣмъ отказывался отъ своей воли: настоятель восточнаго монастыря, желая узнать, насколько усовершенствовался братъ въ подвигѣ послушанія, при встрѣчѣ обратился къ нему съ словами: „Авва! а вѣдь ты собака"... Тотъ, ни слова не говоря, сталъ на четвереньки и громко залаялъ: гамъ, гамъ, гамъ!.. Тогда настоятель вполнѣ убѣдился, что братъ испытуемый достигъ высокой степени послушанія. Подобныя преданія сообщались обыкновенно съ искусственнымъ азартомъ и производили сильное впечатлѣніе на студентовъ. Но особенно нравился намъ общій взглядъ Веніамина на науку; онъ часто твердилъ студентамъ: „Что вы, господа, все хотите разсудкомъ изслѣдовать и рветесь къ свѣту? въ примракѣ-то лучше и спокойнѣе"...

Былъ еще одинъ молодой монахъ, Григорій Полетаевъ, который занимался толкованіемъ св. писанія. Съ громаднымъ самолюбіемъ, лѣнью и безтактностью, онъ вѣчно придирался къ студентамъ и раздражалъ ихъ, но съ нимъ они совсѣмъ не церемонились.

Вотъ весь монашескій персоналъ, который преслѣдовалъ отсталыя идеи и стремился внушать студентамъ аскетическія правила; но, какъ нарочно, достигалъ противоположныхъ цѣлей, можетъ быть, даже лучше и вѣрнѣе, чѣмъ прямыя нападки на жизнь монаховъ.

Затѣмъ идетъ рядъ профессоровъ академіи, которые въ большинствѣ были враждебно настроены противъ монашескаго направленія.

Мнѣ кажется, больше всѣхъ профессоровъ академіи содѣйствовалъ развитію и поддержкѣ научнаго духа студентовъ Д. Ѳ. Гусевъ, который преподавалъ физику и математику и человѣкъ былъ образованный, краснорѣчивый, остроумный и независимаго строгаго характера. Онъ отлично зналъ нѣмецкій языкъ, выписывалъ либеральныя сочиненія нѣмецкія, въ родѣ Штрауса, Фейербаха и другихъ, и охотно читалъ ихъ студентамъ, посѣщавшимъ его. До обѣдни студентамъ не полагалось чаю въ праздники и многіе, по его приглашенію, цѣлое праздничное утро проводили у него. Тутъ онъ говорилъ открыто за чаемъ и сатирическія его разсужденія противъ монаховъ имѣли громадное вліяніе на студентовъ; онъ знакомилъ ихъ съ послѣдними

лучшими сочиненіями и касался въ разговорахъ постоянно современнаго состоянія дѣлъ въ академіи. Вообще, это былъ замѣчательный практическій умъ и прекраснымъ могъ бы выйти администраторомъ. Въ различныхъ изслѣдованіяхъ по физикѣ Гусевъ любилъ часто ссылаться на „Бриджватерскіе трактаты"; въ 1854 году, онъ читалъ на актѣ академическомъ дѣльную и краснорѣчивую рѣчь о свойствахъ тѣлъ природы.

Въ это время онъ настаивалъ, чтобы всѣ студенты слушали физику и математику, но эти предметы предоставили на выборъ желающимъ, которыхъ оказалось три студента. Онъ весьма былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и на лекціи сталъ ходить неохотно. Вотъ какія иногда присылалъ онъ записки студентамъ: „Ревматизмъ и усилившійся отъ вчерашней дурной погоды геммороѣ не позволяютъ мнѣ нынче выдвинуться изъ моей квартиры. На лекціяхъ я не буду. Прошу въ журналахъ означить, что гг. студенты занимались повтореніемъ: a) изъ физики о законахъ движенія, b) изъ геометріи о четыреугольникахъ. Журналы прошу прислать ко мнѣ для подписи. Тишина да осѣнитъ время моихъ лекцій! И пора заняться намъ репетиціями. Я сдамъ гг. студентамъ нынче же конспектъ предметовъ динамики. Щегловъ будетъ нашимъ руководителемъ по содержанію, но не по плану. Планъ у насъ свой".—Студенческая жизнь до конца его печальныхъ дней оставалась идеаломъ и онъ умеръ холостякомъ, совсѣмъ загнанный монахами [1]).

Другой знатокъ нѣмецкой литературы, А. И. Беневоленскій, отлично преподавалъ церковную исторію по своему времени, но за либеральное направленіе сначала ему поручили читать библейскую исторію, какъ мы сказали выше, а въ наше время для выслуги пенсіи его перевели уже на литургику. И тутъ, при всей осторожности, онъ самымъ хладнокровнымъ чтеніемъ не могъ не внушить студентамъ о развитіи науки церковной исторіи и что надо штудировать ее по нѣмецкимъ источникамъ. Пострадавшій отъ преслѣдованія монаховъ, онъ невозмутимо передавалъ студентамъ самыя двусмысленныя вещи, къ чему придраться было невозможно. Принесетъ, бывало, нѣмецкую литургику Бинтерима или другую, и начнетъ переводить ее, читая лекцію по-русски съ своими оригинальными добавленіями, въ родѣ слѣдующихъ: „Наша наука, такъ сказать, materia substrata... Пророкъ Исаія не былъ въ буквальномъ смыслѣ пророкъ, а онъ былъ, такъ сказать, пророкомъ экстраординарнымъ, потому что ему Господь отпустилъ двойную порцію благодати, и она достойно почила на немъ"... Особенно часто, чуть не на каждой лекціи, онъ твердилъ студентамъ: „Изъ-за Лютера уже высматривалъ зоркій глазъ Штрауса, который до тонкости разобралъ жизнь Іисуса Христа; этотъ сочини-

---

[1]) См. „Историч. Вѣстн." 1880 г., № 12. „Къ характеристикѣ Іоанна, епископа смоленскаго", стр. 793—4.

тель писалъ и не стѣснялся, обставилъ матерію такими сильными научными пріемами и излагалъ съ такой безпощадной хитрой логикой, что я бы вамъ, господа, не совѣтовалъ и читать его, ибо вашъ молодой и незрѣлый умъ можетъ увлечься"... Впрочемъ, Беневоленскій скоро оставилъ академію.

Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ отличнымъ знатокомъ восточныхъ и классическихъ языковъ; онъ преподавалъ у насъ греческій языкъ замѣчательнымъ образомъ. Каждое слово, каждое выраженіе выяснялъ путемъ сравнительной филологіи, сообщалъ громадную массу свѣдѣній историко-этнографическихъ, литературныхъ, бытовыхъ и археологическихъ. Вообще, его пріемы преподаванія можно считать образцовыми, да вдобавокъ и поучиться у него было чему. Онъ постоянно, для объясненія византійскихъ писателей, прибѣгалъ къ восточной литературѣ и указывалъ на ихъ взаимную связь. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ трудился надъ составленіемъ татарской грамматики и, когда совсѣмъ приготовилъ ее къ печати, случайный пожаръ, въ 1856 г. іюня 5-го, уничтожилъ единственную рукопись—и весь замѣчательный трудъ ученаго погибъ безвозвратно, къ величайшему его огорченію. Онъ былъ полнымъ олицетвореніемъ идеала ученаго мужа, образцомъ необычайнаго трудолюбія, высокой честности и святой жизни.

При воспоминаніи о воспитаніи и образованіи Щапова, судили съ большимъ предубѣжденіемъ противъ преподаванія науки и состоянія жизни студентовъ въ казанской духовной академіи. Одинъ говоритъ, что профессоры читали по старымъ запискамъ, покрытымъ плѣсенью; другой считаетъ это заведеніе какимъ-то душеспасительнымъ казематомъ. Для общей оцѣнки ни то, ни другое совсѣмъ нейдетъ: заведеніе это стояло высоко и на Щапова имѣло хорошее вліяніе. Достойныя стороны образованія его мы надѣемся выяснить впослѣдствіи, когда станемъ касаться сравнительно съ академіей состоянія казанскаго университета. Академія дала Щапову богатыя средства для образованія и развитія самодѣятельности, какія другое высшее заведеніе едва ли могло доставить. Въ академіи читалось много такихъ наукъ, о которыхъ филологи-студенты не имѣли понятія. Положимъ, курсъ формальной философіи мы изучали по литографированнымъ запискамъ, а отъ профессора Нафанаила Соколова не слыхали ни одного живаго слова; но зато мы знакомы были полно съ системой философіи Гегеля. На началахъ этой философіи читалъ намъ прекрасный курсъ словесности профессоръ Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ; у него подробно мы слушали философскую грамматику, эстетику, теорію словесности, исторію литературы.

Всеобщую исторію преподавалъ Иванъ Петровичъ Гвоздевъ, человѣкъ въ высшей степени скромный и трудолюбивый; каждая его лекція обработана была въ совершенствѣ. Послѣ оставленія академіи Г. З. Елисеевымъ, профессора русской исторіи долго не было и читалъ за него И. П. Гвоздевъ, большею частью по Соловьеву. Ща-

повъ очень любилъ этого добрѣйшаго, простаго и добросовѣстнаго профессора и звалъ его съ любовью дѣдушкой, хотя онъ былъ еще молодой человѣкъ.

Кромѣ того, дѣльный курсъ патрологіи читалъ намъ М. М. Зефировъ, теперешній законоучитель казанскаго университета; онъ тоже придерживался нѣмецкихъ источниковъ и строго преслѣдовалъ научно-историческій методъ въ преподаваніи.

Такимъ образомъ, большинство лекцій читалось въ наше время дѣльно, по крайней мѣрѣ онѣ могли служить прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій каждаго. Впрочемъ, лекціи въ дѣлѣ образованія еще не представляютъ особеннаго спасенія отъ всякаго другаго труда: самымъ важнымъ и полезнымъ для нашего развитія служило постоянное руководство профессоровъ, частыя указанія и взаимный обмѣнъ мыслей и взглядовъ. Нѣкоторые студенты ходили къ профессорамъ чуть не каждый день, если надо было навести справку, разрѣшить недоумѣнія и сомнѣнія, и всегда встрѣчали радушный и ласковый пріемъ. Все это много значило для правильнаго теченія занятій. Громадную пользу для развитія самостоятельнаго труда студентовъ принесли постоянныя сочиненія, которыя отличнымъ образомъ пріучали къ научной самодѣятельности и заставляли читать множество разныхъ источниковъ.

Подпольная литература, хотя не въ большомъ количествѣ, служила проводникомъ новыхъ идей: студенты академіи переписывали съ удовольствіемъ „Письма Бѣлинскаго къ Гоголю", нѣкоторыя либеральныя стихотворенія и проч. Еще при ректорѣ Григоріи былъ слѣдующій замѣчательный случай съ этими тайными рукописями. Помѣщикъ казанскій Горемыкинъ часто посѣщалъ богослуженіе церковное въ академіи, познакомился со многими студентами, любилъ бесѣдовать съ ними и съ нѣкоторыми сошелся на короткую ногу; по своей простотѣ и довѣрчивости, студенты стали читать ему подпольныя сочиненія, а онъ донесъ объ этомъ тайно жандармскому полковнику. Вдругъ тотъ нагрянулъ съ обыскомъ въ академію, но хорошо сдѣлалъ, что прежде зашелъ для объясненія къ ректору Григорію, который задержалъ его и далъ знать студентамъ, чтобы они уничтожили всѣ секретныя бумаги. Разумѣется, въ моментъ сожгли и разорвали въ клочки даже не подозрительныя рукописи, а только наводящія на сомнѣніе. Дѣло это обошлось благополучно.

Студенты въ это время воспитывались на эстетической школѣ Гегеля, зачитывались Бѣлинскимъ и Герценомъ, знакомы были съ лучшими произведеніями иностранной литературы классической и новой, не исключая англійской и итальянской. Кто читалъ въ переводахъ, а кто старался одолѣть въ подлинникѣ; нѣкоторые изучали англійскій языкъ. Изъ русской литературы знакомы были въ совершенствѣ съ каждымъ писателемъ, даже едва выдающимся по своему таланту. Щаповъ тоже читалъ немало сочиненій по русской и ино-

странной переводной литературѣ и особенно любилъ поглощать всякія секретныя рукописи.

Нѣмецкій языкъ и литература пользовались большимъ почетомъ въ академіи и каждый студентъ старался изучать ихъ съ упорнымъ прилежаніемъ; любимыми сочиненіями были германскіе философы и поэты.

III.

Новое направленіе въ занятіяхъ студентовъ.—Соловецкая библіотека.—Изданіе „Православнаго Собесѣдника".—Миссіонерскія отдѣленія въ академіи.—Профессоръ В. И. Григоровичъ.—Занятія студентовъ университета и академіи.—Студенческая жизнь Щапова передъ окончаніемъ курса. — Его магистерская диссертація. — Оставленіе его баккалавромъ въ академіи по предмету русской исторіи.

Студенты академіи почти не тратили времени на записываніе лекцій, которыя выдавали къ экзаменамъ профессоры готовыми рукописными или литографированными, и имѣли много свободнаго времени. Поэтому перечитали громадный запасъ разнообразныхъ сочиненій, собираясь цѣлыми компаніями для чтенія и разсужденій о прочитанномъ. Сначала любимымъ занятіемъ студентовъ была литература русская и иностранная: романы, повѣсти, драмы, трагедіи и комедіи поглощались цѣлыми десятками. Потомъ наступилъ періодъ направленія историческаго вообще и въ частности изученія русской исторіи.

Исторія народной бытовой жизни, развитіе раскольничьихъ ученій, отношенія къ нимъ церкви и государства, приковали къ себѣ всецѣло вниманіе студентовъ; затѣмъ введенъ былъ въ преподаваніе новый предметъ, а именно—славянскія нарѣчія и исторія славянскихъ литературъ.

Когда англичане осаждали Соловецкій островъ, монастырская рукописная библіотека отправлена была для сохраненія въ Петербургъ; потомъ, по ходатайству архіепископа Григорія, препроводили ее въ казанскую академію. Студенты съ жадностью набросились на рукописи и все похваливали англичанъ: „Если бы не они,—наши благодѣтели,—лежали бы эти сокровища на концѣ свѣта! Вѣдь нынѣшніе монахи не древне-русскіе; имъ это ненадо; теперь они любятъ, что помягче, а книги готовы отдать грызть мышамъ, потому что очень тверды..." Агаѳангелъ поручилъ студентамъ описать „Сборники" соловецкой библіотеки, и мы съ удовольствіемъ исполнили работу, которая познакомила насъ съ содержаніемъ этихъ неизвѣстныхъ прежде рукописей. Читая интересный отрывокъ въ „Сборникѣ", студентъ

непремѣнно тотчасъ сообщалъ объ этомъ другимъ, собирался кружокъ около него—и рѣдкость быстро становилась общимъ достояніемъ.

Сначала, когда Щаповъ занимался обработкой диссертаціи, онъ еще мало пользовался рукописнымъ матеріаломъ соловецкой библіотеки, просматривалъ нѣкоторые „Сборники", руководясь оглавленіями, и дѣлалъ выписки, какія относились къ сочиненію. Но по окончаніи курса познакомился хорошо съ содержаніемъ рукописей, такъ что разныхъ выдержекъ изъ нихъ и замѣтокъ привезъ въ Петербургъ цѣлый мѣшокъ, или узелъ въ простынѣ.

Изданіе журнала „Православный Собесѣдникъ" привлекало къ работамъ профессоровъ, которые стали сообразоваться съ ходомъ и направленіемъ потребностей. Такъ, И. Я. Порфирьевъ почти исключительно сталъ заниматься „Исторіей русской литературы" и напечаталъ цѣлый рядъ статей и изслѣдованій. Даже надъ Веніаминомъ Благонравовымъ совершилось чудо подъ вліяніемъ Григоровича: онъ понемногу сталъ вылѣзать изъ любезнаго ему примрака и касаться жизненныхъ вопросовъ, когда давалъ темы студентамъ для сочиненій, напримѣръ, объ отношеніи православныхъ славянъ къ Турціи. На одну изъ такихъ темъ товарищъ мой, А. С. Троянскій, написалъ и напечаталъ хорошее сочиненіе [1]). Такъ современное тогдашнее направленіе принимало болѣе и болѣе жизненное значеніе.

Открытіе курсовъ въ академіи съ миссіонерской цѣлью обращенія инородцевъ и раскольниковъ въ православіе сразу сообщило занятіямъ студентовъ практическое направленіе. Изданіе журнала при заведеніи сильно также оживило дѣятельность ихъ, придало силу и энергію въ письменныхъ работахъ: желаніе увидѣть ихъ въ печати увлекало и подталкивало къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ. „Православный Собесѣдникъ", подъ редакціей Іоанна, встрѣченъ былъ сочувствіемъ и одобреніемъ учеными людьми, а между тѣмъ въ немъ главнымъ образомъ печатались труды студентовъ, ихъ магистерскія и кандидатскія диссертаціи. Слѣдовательно, напрасно стараются увѣрить насъ, будто уровень образованія тогдашней академіи былъ низкій.

Съ перемѣщеніемъ соловецкой библіотеки въ Казань тѣсно связано введеніе изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ въ академіи, предметъ—совершенно новый и прежде не читавшійся.

Славянскій элементъ выступалъ у насъ на видный планъ, благодаря профессору университета В. И. Григоровичу, который дѣйствительно оказалъ большую услугу студентамъ, когда приглашенъ былъ читать лекціи въ академію. Онъ въ короткое время успѣлъ приготовить на каѳедру студента А. И. Лилова, который потомъ

---

[1]) „Отношенія папъ къ сербской церкви" и „Отношенія папъ къ болгарской церкви", напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ".

читалъ въ академіи, подъ руководствомъ профессора, дѣльныя лекціи по славянскимъ нарѣчіямъ и по исторіи славянскихъ литературъ; но, кажется, не поладилъ съ монахами и уѣхалъ на Кавказъ на службу къ Невѣрову.

Когда студенты казанскаго университета рѣдко заглядывали на скучныя лекціи профессора Григоровича, мы съ глубокимъ уваженіемъ относились къ нему, какъ къ прекрасному человѣку и превосходному профессору, и отлично понимали, что мы многимъ ему обязаны въ своемъ развитіи. Часто приглашалъ онъ насъ къ себѣ на квартиру и руководилъ нашими работами, надѣлялъ сочиненіями, какихъ не было въ нашей библіотекѣ; онъ не скрывая дѣлалъ предпочтеніе студентамъ академіи сравнительно съ студентами университета и превозносилъ ихъ за труды и добросовѣстныя занятія[1]). И съ какимъ удовольствіемъ, съ какой любовью онъ всегда вспоминалъ о нихъ, разспрашивая о судьбѣ каждаго, особенно когда посѣтилъ меня въ Харьковѣ незадолго до своей кончины!.. Щаповъ тоже заходилъ къ нему по вечерамъ съ товарищами и любилъ съ нимъ бесѣдовать, а потомъ, занявъ должность баккалавра или адъюнкта въ академіи, сблизился съ нимъ короче, бралъ у него нерѣдко рукописи, пользовался его указаніями и проч.

При дальнѣйшихъ отзывахъ о воспитаніи и образованіи студентовъ казанскаго университета, въ избѣжаніе недоразумѣній,—я прошу читателя имѣть въ виду большинство ихъ съ вольными слушателями, а не меньшинство, которое занималось солидно наукой и изъ котораго вышло немало дѣльныхъ людей.

Казанскій университетъ, особенно филологическій факультетъ, представлялъ изъ себя руину, когда переведенъ былъ въ Петербургъ его восточный факультетъ. Цѣлыя десять лѣтъ тогда студенты изо всѣхъ силъ выбивались, чтобы всѣми неправдами и рискуя собственной участью воспитанія выгнать отжившихъ стариковъ нѣмцевъ — профессоровъ, не умѣвшихъ иногда говорить по-русски и все-таки нажившихъ состояніе въ Россіи. Молодые адъюнкты изъ русскихъ тоже не всегда внушали къ себѣ уваженіе студентовъ, которые отъ бездѣятельности и скуки сочиняли забавныя пѣсни и анекдоты о Мишенькѣ Славянскомъ, Сашенькѣ Соколовѣ и Колинькѣ Благовѣщенскомъ, извѣстномъ подъ кличкой институтки. Свѣтила науки, какъ математикъ Лобачевскій, астрономъ Симоновъ, анатомъ Аристовъ уже отживали свой вѣкъ; студентамъ открылся полный просторъ ничѣмъ не заниматься, кромѣ дебоширства, разныхъ мелочныхъ продѣлокъ, не дававшихъ покоя мирнымъ гражданамъ.

Они останавливали иногда карету дамы, ѣдущей на балъ зимой, вытаскивали ее и заставляли танцовать на снѣгу въ атласныхъ башмачкахъ. Они выбили окна каменьями съ навязанными на нихъ при-

[1]) То же не разъ слышалъ я отъ профессора Ординскаго.

личными надписями у предсѣдателя палаты удѣльнаго вѣдомства; поколотили офицеровъ около Чернаго озера и изорвали на нихъ все платье. Все это замѣняло интересы науки у студентовъ университета и они носились съ этими геройскими подвигами и разсказывали студентамъ академіи, которые тихо и упорно занимались дѣломъ. Когда въ университетѣ по наукамъ филологическимъ и историческимъ лекціи держались на пышныхъ фразахъ, въ духовной академіи читались большею частью лекціи, исполненныя прекраснаго содержанія, въ строгомъ научномъ видѣ. Студенты академіи, которые посѣщали иногда изъ любопытства университетскія лекціи, смѣялись надъ слабой ихъ стороной, надъ фразами.

Едва ли десятую долю серьезныхъ сочиненій перечитали студенты казанскаго университета въ сравненіи съ студентами академіи. Да и вообще развитіе многихъ изъ нихъ стояло не высоко. Въ наше время былъ забавный случай: одинъ изъ студентовъ университета обратился къ моему товарищу, чтобы онъ написалъ ему кандидатскую диссертацію по астрономіи. На первый разъ такое предложеніе показалось смѣшнымъ; но студентъ академіи, разсмотрѣвъ ріалы по разработкѣ темы объ исторіи движенія какой-то зв , взялся написать сочиненіе. Источники большею частью были на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; вооружившись фоліантами, онъ скоро окончилъ работу и разрѣшилъ вопросъ, къ обоюдному удовольствію. Студенту университета дали за диссертацію степень кандидата, а студентъ академіи получилъ отъ него деньги.

Несмотря на небольшое число оканчивавшихъ курсъ въ академіи (черезъ два года до 23 студентовъ), многіе изъ нихъ сдѣлались замѣчательными учеными и профессорами высшихъ учебныхъ заведеній. Можетъ быть, свобода занятій содѣйствовала этому: даровитый студентъ года за два до окончанія курса намѣчалъ для себя спеціальный предметъ, знакомился съ его литературой, особенно когда писалъ диссертацію. Изъ товарищей Щапова много можно насчитать почтенныхъ и образованныхъ ректоровъ семинарій, заграничныхъ консуловъ и учителей гимназій, дѣлающихъ честь воспитавшему ихъ заведенію. Да тотъ же Я. Г. Рождественскій, который сообщилъ мнѣ воспоминанія о Щаповѣ, — развѣ онъ не извѣстенъ въ Вяткѣ и Пензѣ, какъ гуманнѣйшій и образованнѣйшій педагогъ? Слѣдовательно, Аѳанасій Прокофьевичъ не составлялъ особаго исключенія по ходу академическаго образованія, а только выдвинулся при особыхъ обстоятельствахъ своей дикой натурой, азіатски-бурятской энергіей и тѣмъ, что проложилъ своеобразный проселочный путь въ наукѣ русской исторіи, а по своей жизни глубокую борозду; хотя и не многіе изъ студентовъ, въ то же время упорно занимались своими любимыми предметами и достигали солидной подготовки, а затѣмъ и высокаго развитія. Я лично благословляю судьбу, которая доставила мнѣ образованіе въ казанской академіи, а не въ

университетѣ, куда стремился я сильно и не попалъ по стеченію случайныхъ обстоятельствъ.

Профессоры высшихъ учебныхъ заведеній, товарищи Щапова, напримѣръ, И. М. Добротворскій, А. С. Павловъ, П. В. Знаменскій и другіе могутъ засвидѣтельствовать своимъ образованіемъ, какую основательную подготовку получили они въ казанской академіи.

Отсутствіе желающихъ принять монашество изъ студентовъ академіи втеченіе четырехъ лѣтъ озабочивало высшее духовное начальство, которое считало студентовъ казанскихъ зараженными либеральнымъ духомъ. Студенты цѣнили науку и искусства со всѣмъ не въ духѣ аскетическомъ и преслѣдовали цѣли вовсе не монашескія, а жизненныя, касающіяся науки и общественной жизни цѣлой Россіи.

Мы смѣялись надъ отсталостью студентовъ другихъ академій, особенно с.-петербургской, въ которой тогда господствовали страшностѣснительные порядки.

Когда, напримѣръ, въ академіи кіевской процвѣтала полнѣйшая схоластика, въ Казани читались лекціи жизненно и научно, даже по патристикѣ. Студенты казанскіе подсмѣивались надъ кіевскими, что послѣдніе спятъ на фоліантахъ св. отцовъ церкви, да и водку носятъ въ фоліантахъ. Дѣйствительно, говорятъ, при одномъ изъ строгихъ инспекторовъ, трудно было проносить въ академію дешевую горілку; они заказали ящикъ, наподобіе большой книги, въ который входила четверть водки, велѣли обложить его кожей переплетчику, украсить золотыми разводами и на корешкѣ вытиснуть заглавіе: „Opera sancti Augustini". Въ этомъ мудрено-придуманномъ фоліантѣ студенты таскали водку мимо инспектора, который, бывало, спроситъ: „Что за книга?" — и успокоится, когда услышитъ отвѣтъ, что это творенія святыхъ отцовъ церкви, да похвалитъ: „Хорошо, что выбираете серьезныя занятія!"

Но въ казанской академіи проносили водку проще: перевяжетъ студентъ оба рукава шинели по срединѣ—въ одинъ сунетъ бутылку рому, въ другой бутылку смородиновки или персиковой водки и идетъ преспокойно мимо бдительнаго начальства, а контрабанда подъ капюшономъ покачивается направо и налѣво. Даже прозорливому Серафиму инспектору и его помощнику, все обнюхивавшему и ощупывавшему, Веніамину Благонравову, не могло придти въ голову — приподнять немного капюшонъ и полюбопытствовать, для чего перевязаны рукава шинели и почему раздулись вверху. А когда выбылъ Серафимъ и на мѣсто его поступилъ архимандритъ Ѳедоръ Бухаревъ, мы вели себя совершенно свободно, и однако ни безпорядки, ни винопитіе, ни нравственность, ни въ чемъ почти не измѣнились; только занятія наши еще болѣе стали свободными и богословскіе предметы, которые прежде заставляли учить, теперь являлись менѣе тяжелыми.

Вообще съ этой поры начинается поворотъ въ жизни студентовъ

къ лучшему и дѣлается уступка за уступкой въ ихъ пользу, сравнительно съ прежними тяжелыми порядками. Профессоры становятся смѣлѣе и свободнѣе съ каждымъ годомъ, такъ что Д. Ѳ. Гусевъ уже преспокойно и открыто на лекціяхъ старался втоптать въ грязь часть невѣжественнаго „ученаго монашества". Студенты тоже обнаруживали нерасположеніе свое къ монашеству.

Всѣ студенческія разныя продѣлки внутренно доставляли удовольствіе Аѳанасію Прокофьевичу, хотя онъ не только никогда въ нихъ не принималъ участія, но и не заботился выражать другимъ свой взглядъ на этотъ забавный предметъ.

На всѣ лекціи Щаповъ всегда ходилъ аккуратно и слушалъ внимательно; хороша или дурна была лекція, онъ никогда не высказывалъ о ней своего мнѣнія. На репетиціяхъ уклончиво какъ-то отвѣчалъ и, кажется, считалъ ихъ въ душѣ безполезными; много разъ онъ прямо заявлялъ профессору: неготовилъ. Сочиненія всегда подавалъ въ срокъ каждый мѣсяцъ и по исторіи писалъ особенно большія.

Новыхъ языковъ Щаповъ почти совсѣмъ не зналъ и на старшемъ курсѣ; онъ могъ только съ помощью словаря прочитывать и переводить нѣсколько фразъ и, пожалуй, страницъ; на первомъ курсѣ онъ мало обращалъ на нихъ вниманія, но когда занялся исторіей раскола, то совсѣмъ бросилъ ихъ и только зналъ цитаты иностранныя. Всеобщей исторіи онъ тоже не изучилъ достаточно, чтобы вести параллель ея внутренняго развитія сравнительно съ движеніемъ русской минувшей жизни. Въ этомъ я лично убѣдился и вполнѣ согласенъ съ отзывомъ Я. Г. Рождественскаго, который приводилъ раньше. Хотя иногда Щаповъ при составленіи своихъ лекцій касался жизни европейскихъ народовъ, но это явленіе было рѣдкимъ и случайнымъ; къ тому же и свѣдѣнія эти онъ добывалъ изъ русскихъ источниковъ.

Ему было безразлично, какіе порядки его окружали, какой столъ былъ у студентовъ, и только сильное желаніе поскорѣе напиться чаю заставляло его иногда забираться въ столовую съ книгой за полчаса до срока. Чай пили обыкновенно земляки съ землявами.

На младшемъ курсѣ Щаповъ любилъ вступать въ разсужденія и споры съ товарищами о разныхъ научныхъ вопросахъ, но на старшемъ курсѣ уклонялся отъ нихъ и только часто прислушивался къ ихъ ходу и слѣдствіямъ.

Споры между студентами велись очень часто и въ большинствѣ случаевъ не одинъ на одинъ, а въ нихъ примали участіе цѣлыя партіи. Вопросы, о которыхъ возбуждались горячія состязанія, были неотвлеченнаго характера, а большею частью касались современной жизни, науки и литературы. Помню, много разъ возникали пренія по поводу стихотвореній Некрасова: часть студентовъ восхваляла ихъ за жизненное содержаніе, а другіе судили о нихъ съ художественной точки зрѣнія и смѣялись надъ ними, какъ надъ прозаическими. Особенно оказалось спорнымъ новое его стихотвореніе — „Филан-

тропъ", которое эстетики называли рубленой капустой и произносили безъ мѣры стиха: „Украшаютъ добродѣтели тебя, до которыхъ далеко другимъ" и проч. Отъ этого частнаго случая переходили къ вопросамъ о направленіяхъ литературныхъ—художественномъ и реальномъ. Вообще эти постоянные споры, имѣвшіе серьезное содержаніе, были полны громаднаго интереса и приносили большую пользу студентамъ, развивая область знанія, заставляя глубже вдумываться въ дѣло, распространяли предѣлы мысли, пріучали къ живой устной рѣчи и находчивости.

Вотъ какъ описываетъ В. И. Калатузовъ студенческую жизнь Щапова:

„Какъ бѣднота и изъ дальней окраины Россіи, онъ прожилъ въ стѣнахъ академіи безвыѣздно и почти безвыходно всѣ четыре года. Помѣщался онъ съ 1854 г., въ качествѣ старшаго, въ 6-мъ номерѣ, въ „татарской" комнатѣ, гдѣ студенты изучали татарскій и арабскій языки. Всегда онъ былъ молчаливъ, сосредоточенъ, вѣчно торчалъ за конторкой и возился съ утра до глубокой ночи, особенно съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ", томами котораго всегда былъ наполненъ стоявшій въ номерѣ шкафъ. У него въ это время не было близкихъ лицъ, съ которыми бы онъ дѣлилъ радость и горе; онъ даже перестаіъ участвовать въ спорахъ, такъ обычныхъ въ средѣ молодыхъ студентовъ. Выглядѣлъ всегда какой-то дѣвочкой, по своей скромности и наивности въ практической жизни. Строго исполняя по внѣшности правила академической жизни, онъ не проникался сознаніемъ необходимости этихъ правилъ: точно они были составлены не для него, а опутанъ онъ ими былъ по ошибкѣ. Между профессорами и студентами ему нравились головы, идеи и стремленіе къ знанію, а не лица съ характерами и практическимъ взглядомъ на дѣло".

„Впрочемъ, широкая натура Аѳанасія Прокофьевича и симпатіи сказывались иногда еще на школьной скамьѣ по разнымъ мелкимъ поводамъ. Такъ, 8-го ноября 1855 г., въ день академическаго праздника и акта, затѣяли студенты вечеромъ въ № 5-мъ танцы подъ скрипку и флейту. Въ заключеніе вечера, кавказскіе студенты, какъ великіе мастера, отхватали казачка съ присядкой. Щаповъ, бывшій въ числѣ зрителей, пришелъ въ восторгъ и до такой степени умилился, что подошелъ ко мнѣ (Калатузову) и горячо пожалъ руку. Ему по душѣ пришлась не отдѣлка трепака, а то, что въ пляскѣ и присядкѣ сказалась широта и глубина русской души. „Вотъ такъ по-русски, это по-русски, твердилъ онъ,—вотъ люблю!" Съ этого времени онъ сблизился съ кавказскими студентами-плясунами. Другой случай въ томъ же родѣ касается пѣнія. Въ лѣтніе каникулы 1856 г. оставшіеся въ академіи студенты временно помѣщены были въ правомъ флигелѣ, по случаю ремонта въ главномъ зданіи; Аѳанасій Прокофьевичъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ и оканчивалъ свое курсовое сочиненіе. Въ каникулы тоже не освобождались студенты отъ надзора инспекціи; тоска

бывала смертельная; студентовъ мало, все надоѣстъ — и чтеніе, и прогулка; остаются бѣдняки и не знаютъ, куда приклонить голову. Вотъ одинъ изъ студентовъ, шагая по комнатѣ, затянулъ съ горя пѣсню:

„Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Цѣлый годъ жить въ-заперти,
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля!
Намъ и пѣсни—не веселье,
Отъ тоски мы ихъ поемъ“.

Вдругъ растворяется дверь, — въ комнату влетѣлъ Щаповъ. Наэлектризовавшись тоскливымъ пѣніемъ, онъ разразился чуть не со слезами на глазахъ цѣлой рѣчью: „Боже, какъ жутко жить въ-заперти русской душѣ! Простору, воздуху ей надо! Потому и спитъ русскій человѣкъ и охваченъ лѣнью, что находится въ-заперти и опутанъ тройными веревками; потому и чудится ему вавилонская блудница!..“ и проч.

Но въ этомъ горячемъ разсужденіи Аѳанасій Прокофьевичъ заступался за свободу другихъ лицъ, а не за свою собственную; если бы ему предоставили тогда абсолютную свободу и вдобавокъ средства,— и то едва ли бы онъ отрывался на часъ въ день отъ своихъ занятій, развѣ поѣхалъ бы для покупки книгъ. Его товарищи, обыкновенно, любили ходить по праздникамъ къ своимъ знакомымъ въ городъ на вечера, любили покутить, покататься на лодкахъ, вели разные шуры-муры съ дѣвицами; студентамъ особенно нравились прогулки на Депрейсову дачу, отъ которой отдѣлялся однимъ оврагомъ садъ Родіоновскаго института; сядутъ, бывало, на гребнѣ оврага и распѣваютъ пѣсни, а съ другой стороны выползутъ институтки и тоже затягиваютъ романсы. Но Аѳанасій Прокофьевичъ чуждъ былъ всего этого и рѣдко куда-нибудь заходилъ на вечерній чай. О какихъ-либо кутежахъ или о сближеніи съ женщинами ему и въ голову никогда не приходило. Поэтому неудивительно, что онъ и послѣ всегда избѣгалъ общества женскаго и предпочиталъ компанію студенческую; если же случалось ему проводить время въ собраніи разныхъ лицъ, особенно не близко знакомыхъ, онъ держалъ себя, какъ неопытное дитя, неловко и угловато, стѣснялся и тяготился до крайности обществомъ. Отсутствіе разнообразныхъ и жизненно-практическихъ отношеній къ людямъ, теоретическая оцѣнка лицъ и сидячая жизнь, громадное ученое самолюбіе, которое заставляло презирать мишурный блескъ общественной жизни, сдѣлали изъ Щапова дикаря и нелюдима.

Ни водки, ни вина Щаповъ до окончанія курса въ академіи не только ни разу ни пробовалъ, но терпѣть немогъ вкуса и даже запаха спиртныхъ напитковъ. На этотъ разъ я былъ очевидцемъ рѣдкаго явленія: собрались студенты покутить на радости окончанія

младшаго курса 1856 года въ больницу, гдѣ лежалъ въ лихорадкѣ Аѳанасій Прокофьевичъ, уже совсѣмъ окончившій курсъ; подали самоваръ и стали пить пуншъ съ большимъ увлеченіемъ, а Щаповъ изъ другой комнаты приходилъ къ самовару, наливалъ стаканъ чаю и уносилъ обратно. Только онъ налилъ себѣ стаканъ и поставилъ на столикъ, служитель вызвалъ его для какихъ-то заказовъ. „Давайте-ка мы, господа, Щапову пуншъ сдѣлаемъ, — сказалъ со смѣхомъ, кажется, студентъ-сибирякъ А. С. Кузнецовъ, и влилъ въ его стаканъ рюмку рому, — посмотримъ, что̀ отродится“... Но только вернулся онъ и хлебнулъ изъ стакана, какъ закричалъ: „что за мерзость!..“ Стаканъ съ чаемъ полетѣлъ за окно—и едва удалось успокоить волненіе Щапова.

Какъ человѣкъ, вышедшій чуть не изъ среды крестьянства, онъ носилъ въ себѣ идеалъ скорби и нуждъ низшихъ классовъ общества,—и сразу пораженъ былъ идеей силы народной, проповѣдываемой слафянофилами, и почувствовалъ здѣсь свое будущее призваніе и значеніе.

При простомъ и прямомъ характерѣ Щапова, легко прослѣдить настрой развитія его научныхъ и соціальныхъ убѣжденій.

Сначала онъ трудился надъ изученіемъ печатныхъ источниковъ и сочиненій по русской исторіи; но съ привозомъ въ академію соловецкой библіотеки, сталъ пользоваться рукописнымъ матеріаломъ, хотя не часто, и взглядъ его на науку расширился.

До 1855 года Щаповъ былъ великимъ труженикомъ чистой науки, безъ всякихъ заданныхъ тенденцій; онъ копилъ матеріалъ, получилъ основательное практическое знакомство съ источниками и относился симпатически къ крестьянству. Больше ничего не было замѣтно.

Но вотъ, когда извѣстно стало о неизбѣжномъ освобожденіи крестьянъ и о другихъ преобразованіяхъ прошлаго царствованія, когда стали появляться славянофильскія изданія, онъ началъ вводить въ свои изслѣдованія вопросы живой современности, еще во время студенчества. Исторія раскола складывалась въ его воззрѣніи уже не на однихъ источникахъ враждебныхъ, но въ нее стали входить и начала другого рода, требованія и стремленія народныя. Вотъ почему „Расколъ старообрядства“ Щапова—студенческая-диссертація—представляетъ изъ себя двойственное сочетаніе идей старозавѣтныхъ церковныхъ и земскихъ народныхъ.

Горячее сочувствіе къ русской народности, преслѣдованіе отечественныхъ интересовъ и всестороннее изученіе родной старины, проповѣдываемыя славянофилами, окончательно утвердили Щапова на избранномъ пути изученія своеобразнаго міра русскаго народнаго духа и жизни. Въ годъ его окончанія курса, стала выходить „Русская Бесѣда“ и другія московскія изданія. Особенно въ эти годы онъ сильно увлекался славянофильскимъ ученіемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ ихъ круга.

Надъ магистерской диссертаціей онъ трудился цѣлыхъ два года и, разумѣется, не могъ не подчиняться требованіямъ монашескаго начальства; все, что проводилъ онъ новаго и жизненнаго, не могло прійтись по вкусу духовнымъ цензорамъ. Поэтому мы видимъ—самое обыкновенное явленіе, повторявшееся изъ курса въ курсъ,—что даровитыя сочиненія съ смѣлымъ оттѣнкомъ мысли считались иногда ниже посредственныхъ, строго закованныхъ въ рамку обыденныхъ мнѣній. То же случилось и съ трудомъ Аѳанасія Прокофьевича.

Магистерское сочиненіе его не было оцѣнено по достоинству казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ, который находилъ, будто сочиненіе Рудольфова, его товарища „О раздѣленіи раскола на секты" несравненно лучше, чѣмъ Щапова.

Когда великолѣпный и велерѣчивый ректоръ Агаѳангелъ, не смыслившій ничего по исторіи раскола, неблагопріятно отозвался о магистерской диссертаціи Щапова со словъ архіепископа Григорія, — тотъ въ порывѣ увлеченія и съ сознаніемъ собственнаго достоинства бросилъ тетрадь сочиненія къ его ногамъ и сказалъ: „Если не заслуживаетъ степени магистра моя диссертація, сожгите ее, я и такъ проживу, потому что знаю безъ отзывовъ достоинства своей работы". Послѣ этой неожиданной выходки, Агаѳангелъ тотчасъ стушевался, началъ расхваливать хорошія стороны сочиненія и мягкимъ тономъ скоро умаслилъ расходившагося и несправедливо обиженнаго студента. Между тѣмъ, съ этимъ обстоятельствомъ былъ связанъ существенный вопросъ въ жизни Щапова: послать ли его въ семинарію учителемъ, или оставить преподавателемъ въ академіи.

Аѳанасій Прокофьевичъ студентомъ былъ совершенный аскетъ—и мы не сомнѣвались, что, по окончаніи курса, онъ непремѣнно уйдетъ въ монахи; но до этого дѣло не дошло. Щаповъ окончилъ курсъ по списку четвертымъ, и думалъ, что его не оставятъ въ академіи, а пошлютъ въ семинарію профессоромъ; послѣднее равнялось осужденію—бросить всѣ серьезныя ученыя занятія; поэтому ему ужасно сильно хотѣлось получить въ академіи каѳедру, по своей страсти къ ученымъ работамъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ, вдругъ присылаетъ Агаѳангелъ, зоветъ Аѳанасія Прокофьевича въ садъ. Съ полчаса ходилъ онъ съ ректоромъ, который бесѣдовалъ съ нимъ, какъ онъ намѣренъ устроить свою будущую судьбу, и предложилъ ему поступить въ монахи, чтобы свободно и спокойно заниматься наукой. Щаповъ не отказывался отъ этого предложенія, говорилъ, что ему иноческая жизнь не будетъ тяжела, такъ какъ онъ мало видитъ разницы между монашеской кельей и кабинетомъ ученаго.

„Да, прибавилъ онъ, мнѣ придется избрать эту крайнюю мѣру, если не оставятъ меня при академіи на ученой дорогѣ безъ принятія монашества..."

Но Агаѳангелъ прямо сказалъ, что его назначили баккалавромъ по каѳедрѣ русской исторіи и представленіе о немъ пошло уже на

утвержденіе въ синодъ. Послѣ этого, Щаповъ прибѣжалъ опять къ чаю въ восторженномъ состояніи, съ сіяющимъ лицомъ, и тотчасъ подробно передалъ весь свой разговоръ съ ректоромъ, и такъ быстро отъ радости, что насилу можно было разобрать сначала, о чемъ онъ повелъ рѣчь. Разумѣется, мы поздравили его задушевно и увѣряли, что будемъ его самыми усердными слушателями. Тогда онъ засѣлъ за подготовку лекцій, а я уѣхалъ на каникулы въ Вятку.

IV.

Щаповъ въ должности баккалавра или адъюнкта академіи.—Его помѣщеніе и обстановка.—Способъ занятій.—Чтеніе лекцій студентамъ.—Характеръ и направленіе содержанія лекцій.—Близкія отношенія Щапова къ студентамъ.—Наклонность къ пьянству.—Горячность нрава и крайности увлеченій.—Ненависть къ искусственности.—Любовныя приключенія.

Когда я вернулся изъ Вятки, куда путешествовалъ съ товарищами на каникулы, близкій ко мнѣ студентъ В. И. Калатузовъ сталъ звать меня къ Щапову. Я высказалъ о неумѣстности такого посѣщенія, а онъ еще болѣе настаивалъ на своемъ:

„Пойдемъ, говорилъ онъ съ улыбкой, ты только посмотри на него и полюбуйся; теперь ты его не узнаешь, вѣдь онъ совсѣмъ измѣнился: это—не прежній монахъ и дикарь, а настоящій джентльменъ... Въ самомъ дѣлѣ, безъ шутокъ! Онъ теперь и винца выпиваетъ, и не прочь рюмку подлить въ чай; задушевный сталъ человѣкъ, говорунъ и весельчакъ...“

Я очень удивился этому неожиданному извѣстію и плохо вѣрилъ въ быструю перемѣну Аѳанасія Прокофьевича, припоминая, какъ еще недавно онъ вышвырнулъ въ окно больницы стаканъ съ пуншемъ. Любопытство взяло верхъ и я согласился навѣстить его, захвативъ съ собою нѣсколько пѣсенъ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ въ Вятской губерніи.

Зная любовь его къ подобнымъ вещамъ, я понесъ ему ихъ въ подарокъ, чтобы визитъ мой не показался неловкимъ. Принялъ онъ насъ отлично и пришелъ въ восторгъ отъ свѣжихъ этнографическихъ матеріаловъ, тотчасъ раскупорилъ нѣсколько бутылокъ вина, угостилъ насъ чаемъ съ ромомъ. Просидѣли мы у него часа три и онъ все разспрашивалъ о состояніи и разныхъ сторонахъ жизни Вятскаго края, припоминая въ то же время объ особенностяхъ исторической судьбы его. Съ той поры я сталъ въ близкія отношенія къ Щапову, хотя въ первые два года почти не приходилось мнѣ бесѣдовать съ нимъ. Прежде я занимался русской словесностью почти исключительно,

теперь перешелъ къ изученію русской исторіи, читалъ много соловецкихъ рукописей и нерѣдко указывалъ Аѳанасью Прокофьевичу статьи, до которыхъ онъ еще не добрался. Но особенно сблизился я съ нимъ, когда назначилъ мнѣ ректоръ Іоаннъ для курсоваго сочиненія тему, данную Щаповымъ: „Обзоръ церковно-историческаго содержанія русскихъ лѣтописей“.

Сдѣлавшись баккалавромъ, Щаповъ занималъ казенную квартиру, поселился и жилъ въ лѣвомъ флигелѣ внизу, въ трехъ комнатахъ съ передней, окнами на улицу. Меблировка его квартиры была самая незатѣйливая, казенная. Столъ рабочій, столикъ для чая и обѣда, нѣсколько старыхъ стульевъ, студенческая кровать, полуразбитый шкафъ для платья—и больше ничего. Пустыя пространства комнатъ наполняли книги и рукописи, „Цвѣтники“ и „Соборники“ соловецкой библіотеки; они лежали въ безпорядкѣ на полу и на окнахъ, на столахъ и на стульяхъ. На стѣнѣ передъ рабочимъ столомъ висѣлъ портретъ Грановскаго, передъ талантомъ котораго Щаповъ благоговѣлъ. Сначала онъ держалъ общій столъ съ своими товарищами, молодыми баккалаврами, И. М. Добротворскимъ, А. И. Лиловымъ и Я. В. Рудольфовымъ; но не поладилъ съ ними и сталъ заказывать его для себя только, отдѣльно. Впрочемъ, слово заказъ сюда нейдетъ: что человѣку угодно было изготовить для обѣда, тѣмъ онъ и былъ доволенъ, и какую цѣну кушаньямъ назначалъ, то и выдавалось; вообще человѣкъ обиралъ его безсовѣстно.

Баккалаврское жалованье Щаповъ получалъ ничтожное, что-то рублей 30 съ небольшимъ въ мѣсяцъ, да перепадало помаленьку за статьи изъ редакціи „Православнаго Собесѣдника“. При бѣдности въ содержаніи и при неумѣньи поставить свое хозяйство на приличный и недорогой ладъ, онъ вѣчно нуждался во всемъ, начиная съ платья и кончая ваксой. Въ то время, какъ другіе его товарищи по профессіи съумѣли, при одинаковомъ съ нимъ содержаніи, обзавестись енотовыми шубами, онъ продолжалъ зимой щеголять въ студенческомъ ватномъ пальто и успѣлъ только купить циммермановскую шляпу, въ которой ходилъ круглый годъ. Впрочемъ, недостатокъ въ средствахъ его мало тревожилъ, хотя онъ въ нихъ вѣчно нуждался; онъ совсѣмъ не зналъ цѣны деньгамъ и обходился безъ нихъ, перебиваясь кое-какъ изо-дня въ день: есть деньги — хорошо, сейчасъ ихъ на расправу; нѣтъ денегъ — тоже ладно, и безъ нихъ можно какъ нибудь промаяться. Пренебреженіе къ матеріальнымъ выгодамъ доходило у него до крайнихъ предѣловъ; когда были деньги, онъ могъ ихъ раздать и раздарить въ одинъ день, а самъ потомъ бѣдствовалъ.

Преданный до глубины души дѣлу исторіи, Щаповъ, по своей широкой и горячей натурѣ, отдавался ему весь и увлекался имъ до самозабвенія. Засядетъ, бывало, съ утра за работу, обыкновенно, около стола, на какомъ лежитъ менѣе книгъ, и строчитъ безъ

устали на сѣрыхъ четвертинкахъ бумаги до глубокой ночи, прихлебывая наскоро холодный чай изъ стакана и попыхивая сигару. Для неизбѣжныхъ справокъ постепенно приносилъ онъ книги и рукописи въ такомъ количествѣ, что на этомъ столѣ не оставалось мѣста, гдѣ можно писать. Тогда онъ переходилъ къ другому столу и сюда мало-по-малу переносилъ ворохъ книгъ; затѣмъ присаживался къ окну— и здѣсь повторялась таже исторія.

Статьи для „Православнаго Собесѣдника" готовилъ онъ съ рѣдкой энергіей и необычайной быстротой, такъ что два студента едва могли перебѣливать ихъ, а писалъ онъ на клочкахъ разной бумаги, какая подвернется подъ руку. На письменныя принадлежности онъ тогда только обращалъ вниманіе, когда у послѣдняго пера лопнулъ рожокъ или когда не оставалось совершенно ни клочка бѣлой бумаги и вырвать его неоткуда было. Поэтому во время работы Щаповъ постоянно осаждалъ просьбами студентовъ о присылкѣ ему бумаги и перьевъ или сочиненій, разобранныхъ по рукамъ студентами.

Справки въ древне-русскихъ памятникахъ онъ наводилъ очень быстро: обладая громадной памятью, онъ хорошо помнилъ необходимое для него мѣсто въ актѣ и даже могъ указать напередъ страницу, на которой оно находится.

У Щапова замѣчателенъ былъ, такъ сказать, нюхъ въ розысканіи необходимаго ему мѣста въ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей: плохо владѣя языками, онъ безъ лексикона необходился при переводахъ; читать и долго изучать источники иностранные для него было кропотливо и могло отнять много времени. Вотъ онъ и старался этотъ трудъ сдѣлать легкимъ: возьметъ, бывало, иностранную книгу и начнетъ перелистывать, внимательно пробѣгая страницу за страницей, и найдетъ-таки необходимую для извѣстной цѣли цитату и выпишетъ ее въ переводѣ на русскій языкъ.

Чтеніе лекцій по русской исторіи Щаповъ началъ съ сентября 1856 года, когда еще не былъ утвержденъ въ должности синодомъ; утвержденіе его въ степени магистра состоялось 10-го октября, а баккалавромъ опредѣленъ 15-го того же мѣсяца. Въ академіи обыкновенно курсъ русской исторіи преподавался втеченіе двухъ лѣтъ: въ въ одинъ годъ прочитывалась исторія церковная, а въ другой—гражданская. Щаповъ началъ съ курса исторіи церковной, какъ болѣе ему знакомой и сподручной. Поэтому и первыя его лекціи и статьи исключительно имѣли своимъ предметомъ сторону духовно-нравственной жизни народа.

Русскую церковную исторію ему хотѣлось излагать не съ общихъ византійскихъ началъ и не по опредѣленнымъ рамкамъ, какъ дотолѣ ее писали, но онъ желалъ выдвинуть на первый планъ отличительныя черты русской церкви и ея вліяніе на народъ, со всей жизненной средой и обстановкой, съ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ уровнемъ развитія нашего отечества. Но работа приняла

характеръ отрывочный. Онъ замѣчалъ одностороннее направленіе въ тогдашнихъ трудахъ по русской исторіи церкви, въ которыхъ безъ мѣры прославлялись похвальныя черты жизни нашихъ предковъ, и говорилъ на лекціи: „У насъ церковные историки вдаются въ крайность, представляютъ одно лишь только доброе, пишутъ не правдивую исторію, а панегирикъ...“ Но и его необходимость заставила впослѣдствіи писать болѣе о добрыхъ качествахъ нравовъ русскихъ, чѣмъ о плохихъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтно на статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

Послѣ вступительной лекціи, онъ началъ намъ рядъ заготовленныхъ чтеній о внутренней жизни древне-русскаго народа и какое образовательное вліяніе имѣло на него христіанство. Лекціи его были не дѣланныя, а самобытныя, въ которыхъ онъ проводилъ свой личный взглядъ и убѣжденія, а потому содержаніе ихъ всегда отличалось простотой и задушевностью. Лекціи, впрочемъ, были не одинаковаго достоинства: однѣ обработаны тщательно, другія защипаны на живую нитку и состояли изъ ряда фактовъ, нанизанныхъ на извѣстную мысль.

Какъ человѣкъ впечатлительный и порывистый, онъ не въ состояніи былъ вести рядъ послѣдовательныхъ лекцій систематично; поэтому онъ постоянно перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому и останавливалъ вниманіе на тѣхъ сторонахъ минувшей жизни, какія имѣли значеніе съ современной точки зрѣнія образованнаго человѣка и разработкой которыхъ интересовался онъ самъ.

Всѣ первоначальныя лекціи Щапова и статьи, напечатанныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, носятъ на себѣ явные слѣды привычнаго духовнаго направленія; самый выборъ предмета и разработка его отзываются характеромъ клерикальнымъ. Несмотря часто на новыя жизненныя воззрѣнія, въ лекціяхъ много видно стараго напускнаго тумана; вмѣсто прямо-ученой дѣятельности, замѣтна значительная уступка въ пользу схоластики, по пути которой такъ долго вели его услужливые воспитатели; вмѣсто логическихъ доказательствъ, выступаютъ убѣжденія чувства и проповѣдническій тонъ; онъ подробно читалъ намъ о господствѣ вѣры въ русскомъ народѣ, о значеніи чудесъ, о вліяніи монастырей, о господствующихъ порокахъ и суевѣріяхъ въ разныхъ классахъ общества, о грубости нравовъ и т. п.

Потомъ Щаповъ сталъ болѣе работать для „Православнаго Собесѣдника“, чѣмъ трудиться надъ составленіемъ лекцій, вмѣсто которыхъ онъ часто читалъ статьи, приготовленныя для печати, хотя съ разными объясненіями и подробными отступленіями. Проработавъ цѣлую ночь для „Православнаго Собесѣдника“, на другой день онъ совсѣмъ не являлся на лекцію и только подписывалъ журналъ, который приносилъ ему дежурный старшій на квартиру, чтобы скрыть отъ начальства отсутствіе его во время лекціи. Опущеніе лекцій, впрочемъ, нисколько не роняло его въ глазахъ студентовъ: они знали.

что онъ трудился для науки, знали, чего стоила ему каждая лекція вначалѣ, да и часто немногое, сказанное имъ въ аудиторіи, было свѣжо и плодотворно. Когда отвлекало его составленіе статей для журнала, онъ иногда приходилъ на лекціи съ отрывками разныхъ секретныхъ сочиненій или приносилъ свѣжіе стишки Толстаго и другихъ и читалъ ихъ съ подробными историческими объясненіями. Въ такихъ случаяхъ онъ просилъ кого нибудь изъ студентовъ побыть въ корридорѣ, чтобы не подслушали его подъ дверью. Но тревога и опасеніе его были напрасны; ректоръ Агаѳангелъ, какъ аристократъ, не прибѣгалъ къ подслушиванью; инспекторъ, отецъ Ѳедоръ Бухаревъ, погруженъ былъ въ мистицизмъ; помощники инспектора, хотя и лакомые до шпіонства, не смѣли безъ приказа дѣлать доносы. Иногда появлялся Щаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснится и скажетъ: „Ничего я, господа, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ нибудь"... И поведетъ съ студентомъ рѣчь объ ученомъ предметѣ; разговоръ тянулся спокойно и серьезно, какъ будто читалась въ самомъ дѣлѣ настоящая лекція. Изъ такихъ неподготовленныхъ бесѣдъ студенты выносили нерѣдко то новыя воззрѣнія, то неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о минувшей жизни русскаго народа.

Во второй годъ, курсъ гражданской исторіи онъ тоже читалъ набѣгами, выбирая нѣкоторыя любимыя имъ стороны жизни и опуская, по обычаю, много лекцій.

Съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ онъ, когда дѣло касалось паденія земско-областной самобытности, и любилъ рядомъ съ лѣтописными картинами прочитывать подходящія стихотворенія. Такъ, онъ писалъ о судьбѣ Новгорода: „Послѣдній заунывный звукъ новгородскаго вѣчеваго колокола, возвѣстившій погребальное шествіе новгородскихъ вѣчниковъ въ Москву, въ плѣнъ къ царю Ивану III, благовѣститъ намъ будущую свободу областныхъ общинъ. Поэтъ молодой Россіи, совершенно согласно съ простымъ разсказомъ новгородской лѣтописи, поетъ надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ:

„На широкой Вадимовой площади,
Заунывно поетъ, гудитъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ ли снова посадника?" и проч.

При разсказахъ объ Украйнѣ онъ тоже иногда пользовался стихами Т. Г. Шевченки:

„Свите тихій, краю милый,
Моя Украина!"...

Онъ читалъ съ необычайной быстротой и въ одинъ часъ прочитывалъ добрыхъ три лекціи; оттого не всегда хватало у него заготовленнаго матеріала,—и чѣмъ сильнѣе увлекался самъ содержаніемъ лекціи, тѣмъ поспѣшнѣе и невнятнѣе онъ сообщалъ ее. Поэтому онъ просилъ останавливать его, если чтеніе пойдетъ черезчуръ неразбор-

чиво; дѣйствительно, мы постоянно ему напоминали, чтобы читалъ рѣже, чуть не черезъ каждыя 5—7 минутъ. Впрочемъ, иногда и жаль его было останавливать, когда онъ съ воодушевленіемъ излагалъ интересовавшія его идеи, говорилъ превосходно и возвышался до изображенія поэтическихъ картинъ.

Тяжелый и невоздѣланный языкъ его всегда отличался шероховатостью и угловатостью, хотя носилъ на себѣ своеобразный отпечатокъ оригинальности; это была своего рода щаповщина, какъ окрѣстили его рѣчь студенты.

Въ промежуткахъ составленія лекцій и работъ для „Православнаго Собесѣдника", Аѳанасій Прокофьевичъ любилъ проводить свободное время со студентами, изъ которыхъ довольно часто у него бывали: Калатузовъ, Залѣскій, Дим. Кузнецовъ, Ал. Кузнецовъ, Аристовъ, Павловъ, Соколовъ и Ив. Знаменскій. Разговоръ его со студентами, разумѣется, всегда вертѣлся на предметахъ науки и мысли, на занятіяхъ русской исторіей, на необходимости изученія народной жизни. Такимъ образомъ, Щаповъ сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ интересъ къ отечественной наукѣ въ студентахъ, которые съ своей стороны знакомили его со многими этнографическими особенностями разныхъ краевъ Россіи, что для него было весьма дорого. Много также сообщали ему свѣдѣній о находкахъ въ соловецкихъ рукописяхъ студенты старшаго курса, особенно когда писали выпускныя сочиненія и возились постоянно съ рукописными источниками. Объ А. С. Кузнецовѣ онъ выражался, какъ объ отличномъ философѣ, знатокѣ Гегеля и Канта, и не только цѣнилъ въ немъ знаніе, но и самъ учился у него философіи во время бесѣдъ.

Щаповъ занимался съ какой-то лихорадочной дрожью, просиживалъ ночи до свѣта и терпѣть не могъ, когда прерывалъ его занятія какой-либо непрошеный посѣтитель. Сначала онъ принималъ его сухо и сурово, потомъ, когда заводилъ рѣчь о предметѣ, о которомъ въ данное время писалъ, мало-по-малу воодушевлялся и увлекался разговоромъ, иногда цѣлые часы любилъ сообщать о широкихъ замыслахъ и планахъ будущихъ своихъ занятій. Если были хорошіе его знакомые, студенты, то нерѣдко окончаніемъ служила попойка, которая начиналась застѣнчиво и съ улыбкой хозяиномъ: „А что, ребята, не выпить ли намъ по маленькой?.." Нужно замѣтить, что въ наше время, т. е. до сентября 1858 года, онъ еще пилъ умѣренно, и хотя нерѣдко любилъ покутить, но далеко не дошелъ до пьянства.

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе онъ потомъ началъ прибѣгать къ народному напитку, а вина бросилъ. Сдѣлавшись гордымъ и неуживчивымъ съ своими товарищами, Щаповъ запросто и съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время со студентами, кутилъ съ ними по цѣлымъ вечерамъ; а иногда, зная его безденежье, они покупали четверть водки, приносили къ нему въ квартиру и тайкомъ ставили подъ

кровать, а потомъ какъ будто дѣлали нечаянное открытіе. Случалось, онъ занималъ деньги у студентовъ, пріобрѣталъ водки и рому и съ ними же все выпивалось до капли.

Я не разъ слышалъ въ Петербургѣ обвиненія казанскаго книгопродавца Дубровина, будто онъ содѣйствовалъ развитію страсти къ пьянству Щапова. Это совершенно несправедливо: положимъ, онъ расплачивался съ нимъ по мелочамъ, но вѣдь эти деньги обязанъ былъ выдавать рано или поздно за его сочиненіе и, конечно, не его вина и не его дѣло, куда онъ ихъ тратилъ. Извѣстно, что наклонность къ пьянству стала развиваться въ немъ тотчасъ по окончаніи курса въ академіи.

Вотъ что пишетъ землякъ Щапова, С. С. **Шашковъ**, о постепенномъ развитіи пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ: „Онъ разсказывалъ намъ, какъ онъ, приготовляя во время каникулъ свой первый курсъ академическихъ лекцій, писалъ обыкновенно со стаканомъ чая, стоявшимъ подлѣ него. Но чай часто уже не освѣжалъ молодаго ученаго, работавшаго чуть не по цѣлымъ суткамъ, и вотъ онъ къ чаю началъ понемногу прибавлять ромъ. Ромъ придавалъ новыя силы, фантазія оживлялась, перо быстро бѣгало по бумагѣ и работа шла чрезвычайно быстро, успѣшно. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Щаповъ до того уже привыкъ къ вину, что его дальнѣйшая печальная судьба была уже несомнѣнна. Часто въ своей душной комнатѣ, наполненной ѣдкимъ дымомъ сигары, окруженный пустыми бутылками отъ рома, шкаликами и полуштофами, пьяный Щаповъ, въ своемъ засаленномъ халатѣ, истерически рыдалъ, проклиная водку, проклиная бурсу и академію, которыя ничего полезнаго не сдѣлали для него, проклиная все, что ненавидѣла его страстная душа. Въ эти минуты на него невозможно было смотрѣть безъ слезъ и страха, и трудно было успокоить его. Часто Щаповъ доходилъ до того состоянія нервной раздраженности и безотчетнаго страха, которое непосредственно предшествуетъ бѣлой горячкѣ. Въ это время онъ писалъ обыкновенно своему пріятелю, студенту 5-го курса медицинскаго факультета, Россову, лаконическую записку: „Россовъ, у меня что-то въ родѣ delirium tremens“. Россовъ являлся и скоро поправлялъ его“. („Дѣло“, 1876 года, № 4-й. **Некрологъ**, стр. 153).

Съ одной стороны, страстность и дикость натуры и крайняя напряженность въ работахъ, а съ другой —отсутствіе такта въ практической жизни, отчужденіе отъ общества и невзгоды жизни привели его къ печальному концу. Но, кажется, проще и вѣрнѣе объяснить развитіе пагубной страсти въ Щаповѣ наслѣдственной склонностью; къ этому заключенію приводитъ одинаковое несчастное расположеніе къ попойкамъ его старшаго брата. Онъ учился въ казанской академіи 1844—48 годахъ и обладалъ въ большей степени дикой, горячей и необузданной натурой, чѣмъ Аѳанасій Прокофьевичъ. Въ пьяномъ видѣ онъ, обыкновенно, ходилъ къ ректору Григорію объ-

ясняться, что онъ не умѣетъ управлять заведеніемъ, и вообще направленіе его отличалось отрицаніемъ, недовольствомъ и протестомъ противъ всякаго явленія общественной жизни. Товарищи боялись встрѣчаться съ нимъ, когда онъ былъ пьянъ, и его помѣстили въ городѣ на квартирѣ, но все-таки за пьянство и безпокойный, грубый нравъ принуждены были уволить его передъ самымъ окончаніемъ курса.

Трезвый Щаповъ являлся всегда добрымъ и простымъ, скромнымъ и застѣнчивымъ, а пьяный никому не давалъ слова сказать и крестилъ всѣхъ дураками и невѣждами. Бурсацки-монашеское воспитаніе, невыносимое положеніе въ вѣчномъ приниженіи и тискахъ съ дѣтства заставляли искусственно обнаруживать во всей широтѣ собственное достоинство, а оно вырывалось бурно и въ уродливыхъ формахъ, когда человѣкъ былъ смѣлѣе и храбрѣе при ненормальномъ состояніи. Въ крайнемъ увлеченіи Аѳанасій Прокофьевичъ не могъ владѣть собой, являлся страшно капризнымъ и несноснымъ, представлялся незнакомымъ лицамъ совершеннымъ дикаремъ или азіатомъ, опившимся бузы. Нетерпимый и вспыльчивый, онъ говорилъ съ злобой и ожесточеніемъ, билъ, рвалъ и коверкалъ окружающіе предметы, доходилъ до истерики—и только обильныя слезы дѣйствовали на него успокоительно. Въ высшей степени нервный и чувствительный, Щаповъ постоянно плакалъ при воспоминаніи о своей горькой минувшей судьбѣ, которая изуродовала его характеръ, какъ онъ думалъ, прекрасный отъ природы; онъ всегда плакалъ навзрыдъ, когда говорилъ о своихъ безграмотныхъ сестрахъ, обвиняя въ этомъ недостаткѣ общество. Чаще всего плакалъ онъ о бѣдахъ и напастяхъ несправедливо забитаго и угнетеннаго крестьянства; страданія народа русскаго, заступникомъ котораго онъ былъ цѣлую жизнь, слишкомъ рѣзко напечатлѣлись въ его душѣ съ дѣтства, а въ зрѣлую пору совпали съ изученіемъ многочисленныхъ бѣдствій Россіи во всѣ вѣка. Дѣтскія мечты и юные идеалы носились всегда въ его воображеніи при научныхъ изслѣдованіяхъ и не отдѣлялись отъ правилъ житейскихъ; поэтому бѣдняку онъ готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку и раздѣлить пополамъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Конечно, тяжелая, горемычная жизнь давала ему право говорить, что онъ знаетъ народъ и бытъ его; но въ сущности онъ зналъ его только по книгамъ, да по воспоминаніямъ дѣтства. Любовь его къ народу отличалась свѣтлой искренностью, но въ то же время была весьма оригинальна. Разъ подъ вечерокъ онъ расположился съ знакомыми въ загородномъ саду „Швейцарія" чай пить; мимо шла артель рабочихъ, человѣкъ 20, которую онъ остановилъ, угостилъ шампанскимъ, заставилъ пѣть пѣсни и плясать, да и самъ чуть не пошелъ въ присядку во фракѣ и цилиндрѣ на лугу, приговаривая: „Я не лучше васъ, я и самъ изъ мужиковъ".

Несмотря на всю горячку, на угрозы, будто народъ можетъ пе-

ревѣшать все боярство и чиновничество, Щаповъ боялся насилій, былъ самый незлобивый и безобидный человѣкъ, котораго считали опаснымъ либераломъ въ правительственныхъ сферахъ. Правда, случались съ нимъ горячія вспышки, когда онъ говорилъ озлобленно и ожесточенно; но все кончалось крупнымъ разговоромъ, а на дѣлѣ онъ не въ состояніи былъ задавить мухи. Этотъ идеалистъ, когда пускался въ разсужденія о дѣлахъ житейскихъ и современныхъ общественныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ, всегда производилъ смѣхъ между практическими образованными людьми: истиннымъ его призваніемъ было—блуждать въ теоретической сферѣ науки и выискивать новые пути въ области фактовъ русской старинной жизни. Сильная фантазія и тонкое чутье помогали ему иногда, на основаніи ничтожныхъ историческихъ данныхъ, добираться до разгадки сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, въ родѣ разъясненія исторіи удѣльнаго или смутнаго времени. Онъ на разнообразіе событій смотрѣлъ просто и цѣльно.

Несмотря на плохое знаніе современной жизни высшихъ и низшихъ классовъ народа, у Аѳанасія Прокофьевича чаще и чаще сталъ обнаруживаться задоръ судить и рядить о дѣлахъ практическихъ, прикраивать и прилаживать къ нимъ теоретическіе и научные выводы и соображенія. „Много я могъ бы наговорить дѣльнаго, жизненнаго нашимъ деревяннымъ правителямъ, да развѣ они снизойдутъ до того, чтобы выслушать? Изумляешься недобросовѣстности, почему они не позволяютъ говорить-то свободно о дѣлѣ! Нѣтъ, наши предки въ старину сами умнѣе были и не зажимали рта умнымъ людямъ“.

Разсуждая о тяжелыхъ преслѣдованіяхъ свободнаго слова, онъ восклицалъ: „Что же дѣлать? Остается мыслить взаперти одному, бродя изъ угла въ уголъ. Но мысль подъ часъ такъ мучитъ, такъ напрягаетъ голову, что и самыхъ тяжелыхъ вздоховъ, а за вздохами слезъ, мало для облегченія мысленнаго давленія. Слово, свободное слово — единственный просторъ мысли. Это — ея свѣжій воздухъ!..“ Въ такіе тяжелые часы раздумья, онъ любилъ постоянно повторять стихи Шевченки:

„И день иде, и ночь иде...
И голову схопивши въ руки,
Дивуесся, чого нейде
Апостолъ правды и науки?..“

Всякая искусственная выходка или неискреннее выраженіе могли его довести чуть не до дикой вспышки; особенно не терпѣлъ онъ пышныхъ и безсодержательныхъ фразъ и журнальныхъ статей, сравнивая ихъ съ произведеніями чиновниковъ, этихъ „оффиціальныхъ лгуновъ“, какъ онъ величалъ ихъ. Ему дорого было слѣдить за жизнью, какъ она двигалась въ исторіи въ взаимной связи безъискусственныхъ дробленій и подраздѣленій, вытекая свободно изъ глубины народнаго создающаго духа.

Когда былъ С. И. Шиловскій еще студентомъ университета, а Щаповъ уже баккалавромъ, онъ навѣщалъ его иногда въ академіи и по старой памяти вступалъ съ нимъ въ горячіе споры. Но теперь эти запальчивыя состязанія уже совсѣмъ не имѣли смысла: Щаповъ вооруженъ былъ фактическими данными въ пользу самостоятельнаго развитія руccкой народности; а Степанъ Ивановичъ по-прежнему держался общихъ теоретическихъ соображеній и старался отстаивать широту европейскаго образованія. Однажды Шиловскій до такой степени разозлилъ и ожесточилъ Щапова своими космополитическими словопреніями, что тотъ въ азартѣ выгналъ его въ шею изъ своей квартиры; потомъ онъ долго сожалѣлъ объ этомъ и плакалъ, что побилъ русскаго человѣка, хотя пропитаннаго западною фальшью [1]).

Когда Щаповъ сталъ пріобрѣтать порядочныя деньги за печатаніе статей въ журналѣ и получилъ впередъ часть за изданіе книги о „Расколѣ старообрядства" отъ Дубровина, онъ прилично одѣлся, сшилъ енотовую шубу, завелъ себѣ отличное бѣлье и чувствовалъ себя прекрасно; но вообще въ практической жизни нисколько не измѣнился и доходилъ иногда, какъ и прежде, до смѣшнаго. Разъ гулялъ онъ зимой по Воскресенской улицѣ и встрѣтилъ одну дѣвицу, которая чрезвычайно ему понравилась; сталъ онъ наводить справки, что за особа такая, и узналъ, что это — дочь губернскаго казначея и зовутъ ее Соничкой. Боже мой, что тогда сталось со Щаповымъ! Онъ началъ бредить этой Соничкой и во снѣ и наяву, рисуя ея красоту чисто русскаго склада и характера самыми возвышенными, идеальными чертами. Словно 14-лѣтній гимназистъ, онъ твердилъ о ея прелестяхъ встрѣчному и поперечному и всѣхъ увѣрялъ до упаду, что онъ ни заниматься, ни дышать безъ нея не въ состояніи; дѣло доходило до того, что солидный профессоръ сталъ нерѣдко ходить въ мечтательномъ настроеніи духа подъ окнами дома, гдѣ жила Соничка. Кто-то изъ знакомыхъ пригласилъ тогда Аѳанасія Прокофьевича на вечеръ съ танцами; по его соображеніямъ, тамъ непремѣнно должна быть его русская красавица и, слѣдовательно, предстояло знакомство съ нею. Щаповъ въ восторгѣ: декламируетъ стихи приличные случаю, толкуетъ о высокомъ достоинствѣ и прелестяхъ натуры настоящей русской женщины, учится до изнеможенія силъ танцамъ у студента Калатузова, прыгаетъ отъ радости, какъ малый ребенокъ; онъ бѣжитъ въ городъ и заказываетъ у лучшаго портнаго, Банарцева, фрачную пару, не договариваясь въ цѣнѣ и не имѣя въ карманѣ денегъ. И все это должно было поспѣть въ нѣсколько дней, такъ какъ вечеръ назначенъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и онъ ждалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Чѣмъ же кончились всѣ эти хлопоты? Искусству танцовать онъ, разумѣется,

---

[1]) О С. И. Шиловскомъ см. „Латинскій кварталъ въ Парижѣ". „Библ. для чтенія" 1860 г. „Первый шагъ". К. 1876 г. „Изъ воспоминаній студента".

не выучился; за фрачную пару съ него взяли около ста рублей съ разсрочкой, на вечеръ онъ не попалъ, потому что увлекся работой для журнала по соловецкимъ рукописямъ, а фракъ, ни разу ненадѣванный, повѣсилъ въ шкафъ, гдѣ съѣла его моль. Такъ быстро исчезли мечты его о Соничкѣ!..

Въ высшей степени щекотливый, застѣнчивый и неумѣвшій держать себя въ обществѣ, Щаповъ постоянно чуждался его и особенно стѣснялся въ присутствіи женщинъ. Можетъ быть, онъ не пересилилъ этого недостатка своего воспитанія и отказался познакомиться съ Соничкой. Зато замѣнилъ ее болѣе дешевымъ товаромъ, который, впрочемъ, обошелся ему впослѣдствіи черезчуръ дорого и даже остался памятенъ на всю жизнь до гробовой доски. Познакомился онъ тогда съ одной куртизанкой изъ Горшечной улицы и задался мыслью обратить ее на честный путь жизни. Стала она къ нему ходить чуть не каждый вечеръ и онъ для ея первоначальнаго просвѣщенія читалъ ей стихотворенія Кольцова съ длинными объясненіями, а за книжкой Кольцова присылалъ къ студентамъ, которые поэтому знали о приходѣ извѣстной личности и смѣялись надъ миссіонерскими затѣями молодаго ученаго.

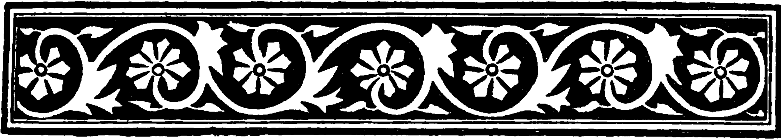
Узнавъ, что „погибшее созданіе“ это—крестьянскаго происхожденія, Щаповъ и просвѣщать ее сталъ Кольцовымъ, какъ поэтомъ изъ народа и народнымъ; онъ съ жаромъ декламировалъ цѣлыя страницы стихотвореній, а крестьянка слушала его выпуча глаза.

Кончилась эта исторія печально: студенческая книжка Кольцова, взятая дѣвицей аки-бы для чтенія, исчезла въ Горшечной; а просвѣтитель и насадитель нравственности получилъ страшную болѣзнь, отъ которой, при своей безалаберной жизни, не могъ окончательно вылечиться.

Н. Аристовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





„ЛИХОЛѢТЬЕ".

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

X.

„Czemuż niestety nad memi oczyma
Bezsenność cięży—nocy niespożyte
We dnie i w nocy wypoczynku niema
Ciało znękane i serce rozbite.
Toć nie jest febra ni insze niezdrowie,
Toć sie nie dzieje, ni skwarem, ni chłodem,
Cierpienie moje miłością się zowie.
Tyś krasawico mych cierpień powodem.
O tobie mówię ujęty tęsknotą,
O tobie marze, dla ciebie to znoszę'
Lecz przebacz, przebacz, zaklinam cię oto
Przez łuk Kupidów, przez serca roskosze,
Zżal się nademną, i osłodź gorycze"...

„Увы! зачѣмъ безсонница тяготитъ мои очи? Безконечныя ночи! ни днемъ, ни ночью нѣтъ мнѣ отдохновенія, тѣло утомлено и сердце разбито. Это не лихорадка, и не другая болѣзнь; это не есть слѣдствіе жара или холода: страданія мои называются любовію. Ты, красавица, вина моихъ страданій. Проникнутый грустью, о тебѣ говорю я, о тебѣ мечтаю, для тебя все сношу! Но прости, прости, я заклинаю тебя лукомъ купидона, отрадою сердца: сжалься надо мною и услади мои горести"...

(Эротическая латинская элегія Яна Кохановскаго, переведенная по-польски В. Сырокомлей).



ОЛОДОЙ панъ Пржемиславъ Дворжицкій очутился начальникомъ польскаго отряда, пришедшаго подъ Курскъ, несовсѣмъ по своей охотѣ. Такъ сложились обстоятельства, въ числѣ которыхъ важнымъ двигателемъ оказалась отвергнутая любовь.

Панъ Пржемыславъ, „dworzanin polski", въ своей блестящей, выдающейся личности, богато надѣленной дарами природы, соединялъ красивую внѣшность съ рѣдкою душевною красотою. Онъ почти олицетворялъ идеалъ польскаго дворянина, какимъ его представляетъ себѣ Лукашъ Горницкій, авторъ „Дѣяній королевства Польскаго". По идеалу Лукаша, польскій дворянинъ долженъ быть и красавецъ, и краснорѣчивъ, и уменъ, и образованъ. Все это было въ Дворжицкомъ. Изъ виленскаго университета, основаннаго Баторіемъ, онъ вынесъ основательное, по своему времени, научное образованіе и стремленіе къ истинѣ. Но онъ не забывалъ, что его старинный родъ Supanôw значится въ „гербахъ польскаго рыцарства"; что предки его засѣдали на судейскихъ мѣстахъ съ титуломъ графа (comes), водили на враговъ Польши войско, какъ напольные гетманы. По рыцарскимъ преданіямъ сословія, къ которому принадлежалъ, по своему пылкому характеру, онъ не допускалъ мысли и возможности быть чѣмъ либо, инымъ, чѣмъ былъ; военное званіе онъ считалъ единственно благороднымъ и достойнымъ себя званіемъ. Онъ съ дѣтства мечталъ о подвигахъ.

Сердечная привязанность молодого дворянина къ русской красавицѣ княжнѣ Буйносовой-Ростовской перешла въ страсть. Она питалась и усиливалась препятствіями, преграждавшими Дворжицкому путь къ достиженію того, что казалось ему счастьемъ. Это счастье, убѣдился онъ съ отчаяніемъ, для него недостижимо. Судьба и люди отнимаютъ у него княжну Марію для того, чтобы возвести ее на высоту земнаго величія. Она станетъ скоро русской царицей; онъ останется тѣмъ же польскимъ дворяниномъ. Дворжицкій былъ слишкомъ уменъ и самолюбивъ, чтобы не понять ложность своего положенія и не тяготиться имъ. Тоскуя, онъ рѣшился бѣжать изъ Москвы, напоминавшей ему счастливые дни, когда онъ могъ любоваться гордой красавицей и быть возлѣ нея. Нѣтъ бо̀льшаго горя, какъ вспоминать невозвратимое счастье. Это высказалъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца—всеобъемлющій Данте.

Дворжицкій, вернувшись на родину, засталъ ее въ волненіи. Политика короля Сигизмунда, болѣе въ интересахъ нѣмецкихъ и шведскихъ, чѣмъ въ интересахъ польскихъ, возбуждала открытое неудовольствіе магнатовъ и шляхты. Поляки дорожили своею свободою, а король домогался absolutum dominium, въ началахъ котораго онъ воспитывался, а теперь поддерживался внушеніями іезуитовъ. Свободѣ совѣсти, огражденной конституціей, грозила нетерпимость короля ко всякому вѣроученію, кромѣ католическаго, которому онъ былъ фанатически преданъ. Гордые паны роптали на пристрастіе короля къ препровожденію времени, недостойному преемника суроваго и воинственнаго Стефана Баторія. При сравненіи съ этимъ героемъ, ничтожными въ глазахъ пановъ казались характеръ и личность Сигизмунда. Его нѣмецкіе вкусы и желаніе казаться нѣмцемъ такъ не

соотвѣтствовали природному отвращенію славяно-польскаго характера къ чуждому ему по всему нѣмецкому характеру. Въ провинціяхъ ходили и распространялись „анекдоты" о томъ, какъ король ежедневно молится въ дворцовой капеллѣ, проводитъ часы за игрой на клавикордахъ, или слушая придворный оркестръ; играетъ въ мячъ, вышиваетъ золотомъ завѣсу для Мадонны; запирается вдвоемъ съ Николаемъ Вольскимъ, старостою Крженицкимъ, въ своей дворцовой лабораторіи, гдѣ изводитъ драгоцѣнные металлы въ пустыхъ алхимическихъ опытахъ. Онъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ „królа do-jutrka"—„откладчика до завтра", такъ какъ вѣчно сомнѣвался, колебался и свое рѣшеніе откладывалъ до завтра. Въ то же время жаловались на жестокость и деспотизмъ короля-ханжи, на его скупость и придирчивость въ мелочахъ. Короннаго подкоморія Андрея Боболю называли въ насмѣшку „настоящимъ королемъ" на томъ основаніи, что король безъ его совѣта ничего не дѣлалъ, какъ и Боболя въ свою очередь совѣтовалъ королю свѣдома и одобренія іезуитовъ, дѣйствовавшихъ ко вреду Рѣчи Посполитой и къ своей пользѣ. Гетманы Ходкевичъ и Жолкѣвскій только что разбили въ битвѣ, у мѣстечка Гузова, рокошанъ, шедшихъ на Варшаву, подъ предводительствомъ Зебржидовскаго, Радзивилла и Гербурта, чтобъ исполнить приговоръ рокоша о низложеніи короля. Страсти дворянскихъ партій были возбуждены. Московскія дѣла еще болѣе обостряли отношенія своевольныхъ магнатовъ и дворянъ къ королю и его политикѣ. Управясь съ „рокошемъ", грозившимъ ему низверженіемъ съ престола, Сигизмундъ рѣшился вмѣшаться въ дѣла сосѣдняго московскаго государства, потрясеннаго внутренней смутой. Польшѣ представлялась возможность возвратить себѣ области, отобранныя у нея Москвою. Польскій король, какъ потомокъ Ягелло, сына русской княжны, непрочь былъ предъявить свои права на московскій престолъ. Случай для этого казался королю подходящимъ тѣмъ болѣе, что Шуйскій заключилъ вѣчный союзъ съ Карломъ IX-мъ шведскимъ, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и католической Польши. Достовѣрные слухи изъ Москвы обѣщали королю содѣйствіе бояръ, готовыхъ будто бы низложить Шуйскаго и признать московскимъ государемъ королевича Владислава; обстоятельства какъ бы сами вызывали Сигизмунда выйти изъ своей выжидающей нерѣшительности, обнаружить свои истинныя отношенія къ Шуйскому и Москвѣ. Подъ видомъ возвращенія Польшѣ Смоленска, Сигизмундъ мечталъ о присоединеніи къ Польшѣ всего московскаго государства, государемъ котораго могъ быть, по его мнѣнію, онъ, но не сынъ его Владиславъ. Какъ московскій государь, онъ тверже и самостоятельнѣе королевствовалъ бы въ Польшѣ, гдѣ королевскій престолъ избирательный, ограниченный не только конституціею, но и мятежнымъ духомъ магнатовъ. Конституція обязывала Сигизмунда заботиться не о своихъ династическихъ интересахъ, а о томъ, что̀ выгодно и что̀ невыгодно было королевству—республикѣ. Этими соображеніями слѣдуетъ

объяснить торжественное обѣщаніе Сигизмунда сенаторамъ, а потомъ на люблинскомъ сеймѣ—заботиться только о выгодахъ Польши и Литвы, пріобрѣтать войною земли не для себя, а для республики. Отсюда становится понятнымъ, почему Сигизмундъ не отпустилъ сына своего Владислава на царство въ Москву тогда, когда она ему присягнула и его ждала. Опытный гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ идти съ войскомъ въ Сѣверщину, разсчитывая на шаткость населенія, а главное на то, что города плохо укрѣплены. Сигизмундъ рѣшилъ осадить Смоленскъ, увѣряя русскихъ, что придетъ посадить на московское государство королевича Владислава. „Кому Москва присягнула, тому и мы служимъ", отвѣтилъ воевода Шеннъ на предложеніе сдать Смоленскъ, и рѣшилъ оборонять отъ поляковъ неприступную крѣпость. Смольняне знали отъ своихъ „сходниковъ", то есть литовскихъ людей, сходившихся съ русскими лазутчиками въ условныхъ мѣстахъ за рубежемъ, что король для себя, не для королевича, воюетъ московское государство.

Рѣшившись осадить Смоленскъ, Сигизмундъ помнилъ совѣтъ Жолкѣвскаго. Но королевское войско оказалось малочисленнымъ, посполитое рушенье собиралось неохотно, медленно; послать въ Сѣверщину отбирать города на имя королевича было некого. Въ такую нужную минуту монсиньоръ Брамантини предложилъ свои услуги. Онъ вызвался на римское золото нанять сильный отрядъ вольныхъ пановъ. Но, не имѣя основанія довѣрять имъ, какъ королевскимъ военачальникамъ, просилъ короля назначить благороднаго пана съ хоругвями, которому поручилъ бы весь отрядъ и который дѣйствовалъ бы въ Сѣверщинѣ именемъ короля. Сигизмундъ съ благодарностью принялъ предложеніе услужливаго монсиньора и нанятыхъ имъ вольныхъ пановъ—Неборскаго и Лисовскаго съ ихъ полками, призналъ негласно состоящими на королевской службѣ, подчинивъ ихъ начальству своего молодого регимментаря, Пржемислава Дворжицкаго, который, такимъ образомъ, привелъ подъ Курскъ гусарскій панцырный полкъ. Нечего говорить, какъ не по душѣ было Дворжицкому товарищество такого пьяницы, какъ Неборскій, и такого негодяя, какъ Лисовскій. Съ своей стороны, они относились къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ къ „молокососу", какъ къ „выскочкѣ", называя его „бабьимъ регимментаремъ". Подчиненіе старыхъ довудцъ юному начальнику на дѣлѣ оказывалось болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Впрочемъ, сколько могъ Дворжицкій сдерживалъ жестокосердіе и неистовства пятигорцевъ съ лисовчиками. Ихъ замѣтно стѣсняло присутствіе панцырныхъ гусаръ и пѣхоты, отличавшихся духомъ военной дисциплины и лучшими преданіями постояннаго королевскаго войска, строго охраняемыми Дворжицкимъ.

Неудача подъ Курскомъ принудила польскій отрядъ отойти въ пригородныя слободы и сосредоточиться. Курскъ нуженъ былъ королю, какъ надежный оплотъ, чтобы дѣйствовать изъ него на без-

покойное степное населеніе и на воинственный Донъ. Пославъ Косолапа захватить стараго боярина Ферапонтова, Дворжицкій разсчитывалъ, что захватитъ „голову и душу“ курскаго края. Онъ зналъ, что народная масса, руководимая своими инстинктами, тяготѣла къ боярину, къ своему излюбленному земскому человѣку. Только его крѣпкое слово способно было, при безвластіи въ этой отдаленной области, направлять дѣло народной самозащиты и собирать вокругъ себя народную силу. Въ разсчетѣ своемъ захватить боярина, Дворжицкій тоже ошибся, какъ мы видѣли. Нынѣшній день онъ не могъ не задуматься. Въ теплой избѣ, брошенной хозяевами, спрятавшимися съ своимъ „добромъ“ въ лѣсной деревушкѣ, одинъ, предоставленный своимъ грустнымъ думамъ, онъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Свѣтлое, невозвратимое счастье! Оно глядитъ на него своими лучистыми, капризными глазами; оно зоветъ его за собою въ свою чудную даль; оно убаюкиваетъ его и раздражаетъ, радуетъ и печалитъ. Съ живымъ трепетомъ, полнымъ душевной тоски, душа вызываетъ изъ своего милаго, ярко промелькнувшаго прошлаго, прекрасный женскій образъ. Статная, гордая русская красавица шепчетъ Дворжицкому: „прощай навѣки, панъ!“ и бѣжитъ отъ него. Вспомнилась ему послѣдняя встрѣча на монастырскомъ дворѣ — и замерло сердце. Ея волненіе, ея слезы, которыя она поспѣшила унести съ собой, говорили ему то, чего онъ такъ страстно желалъ, чего не высказала она ему словами. Эти слезы счастливили его въ несчастіи, утверждали его въ мысли, что она любитъ его... Но можетъ ли это быть?..

Долго просидѣлъ Дворжицкій, упавъ головой на руку, лежавшую на столѣ. Сознаніе, что онъ потерялъ дѣвушку ему дорогую, съ которою у него связывалось столько свѣтлыхъ надеждъ, столько свѣтлыхъ дней—обезсиливало его. Въ такія минуты душевнаго отчаянья онъ унывалъ, терялся, несмотря на силу воли, которою гордился. Оскорбленный въ самомъ святомъ и нѣжномъ чувствѣ, онъ готовъ былъ усомниться во всемъ, что только понималъ и видѣлъ. Сомнѣніе, овладѣвшее имъ, вызывало бо́льшее страданіе... Жизнь не улыбалась ему больше. Порвалась нѣжная струна его благороднаго, любящаго сердца и издавала унылый, похоронный звукъ, невыносимый для него самого. Это былъ уже не тотъ веселый, увлекающійся и за собою увлекающій юноша, который еще такъ недавно мечталъ о своемъ будущемъ съ тою неоглядывающеюся увѣренностью, съ тѣми упорными, золотыми надеждами и неудержимыми порывами, какіе возможны только въ юношѣ, не помятомъ жизнію и не обманутомъ ею.

Вошелъ Лисовскій и, по своему обычаю, не снимая съ головы бараньей шапки, съ плетью черезъ плечо, гремя волочившеюся саблей, чуть кивнулъ своему молодому начальнику и сѣлъ на лавку, не ожидая приглашенія. На его нагломъ смугломъ лицѣ, какъ всегда, самонадѣянномъ и веселомъ, не замѣчалось того смущенія, что такъ по-

нятно въ военачальникѣ, только что обращенномъ въ бѣгство. Равнодушіе этого негодяя къ своему пораженію раздосадовало Дворжицкаго не менѣе его непрошеннаго появленія.

— Чортъ бы побралъ этихъ курскихъ севрюковъ! развязно началъ ротмистръ.—Отработали насъ на оба бока! Надо намъ уходить...

— Безопасны ли мы здѣсь, въ слободахъ? тревожно спросилъ Дворжицкій.—Какъ ночь эта?..

— Что мы съ тобой, панъ Пржемиславъ, встанемъ завтра живы и свободны, такими же какъ ляжемъ, въ этомъ я ручаюсь, спокойно сказалъ Лисовскій.—Москали уходились не хуже насъ... ночь я не отойду отъ караульной цѣпи... Но завтра...

— Что завтра?

— Кто его знаетъ... На удачу не расчитываю... Неборскій словно съ собой на тотъ свѣтъ понесъ нашу удачу... безъ него совсѣмъ не тѣ пятигорцы. Ну, да полно о мертвыхъ! Мы еще живы и потолкуемъ лучше о томъ, что пріятно... Мнѣ попалась красотка, какой не часто встрѣтишь: молодая монахиня...

— Монахиня! воскликнулъ Дворжицкій, невольно отступая отъ Лисовскаго и глядя на него съ выраженіемъ, нисколько для него не лестнымъ.—Ужъ не изъ монастыря ли прямо выхватилъ ты ее, безсовѣстный ротмистръ?

— Конечно, прямо изъ монастыря, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, не оскорбляясь названіемъ „безсовѣстнаго", подтвердилъ Лисовскій.—Было бы безчеловѣчно съ моей стороны не освободить такую прелесть и молодость изъ неволи, налагаемой ханжествомъ и глупостью на женскую природу. Я поступилъ по-рыцарски.

Дворжицкій едва сдерживалъ свое негодованіе и презрительно усмѣхнулся. Онъ уже слышалъ о томъ, что Лисовскій ограбилъ монахинь и одну изъ нихъ захватилъ; теперь отъ него самого Дворжицкій слышитъ, что онъ поступилъ по-рыцарски.

— Я поклонникъ золота, но не Венеры, скромно продолжалъ Лисовскій,—и если взялъ съ собой красавицу, еще никогда не виданную подъ чернымъ покрываломъ, то вовсе не для себя. Какъ добрый товарищъ, я позаботился о тебѣ, панъ Пржемиславъ. Молодая красавица—я увѣренъ—разсѣетъ твои мрачныя думы, развеселитъ тебя... Если бы не ночная тревога, она была бы у тебя въ свое время. Она—твоя.

— Благодарю, сухо сказалъ Дворжицкій,—принимаю твой подарокъ, ротмистръ, какъ доказательство твоего вниманія ко мнѣ и твоей подлости, въ которой я ни на минуту не сомнѣвался съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ.

— Мнѣ остается поблагодарить тебя за такое лестное обо мнѣ мнѣніе, панъ Пржемиславъ, грубо смѣясь, замѣтилъ Лисовскій.—Я убѣдился, что подлецами называютъ только умныхъ людей, къ числу которыхъ охотно причисляю и себя. Подлость, по мнѣнію просто-

душныхъ людей, все то, чего они сами не могутъ или не смѣютъ сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, прекрасная монахиня въ твоемъ полномъ распоряженіи...

— Ты сейчасъ услышишь, ротмистръ, мое распоряженіе... панъ хорунжій! возвысивъ голосъ сказалъ Дворжицкій отворяя дверь въ сѣни и обращаясь къ дежурному офицеру.—Возьми у ротмистра Лисовскаго русскую монахиню и объяви ей моимъ именемъ, что она свободна; проводи ее самъ до курской крѣпости, сдай ее русскимъ, и вернись ко мнѣ съ докладомъ объ исполненіи моего приказанія. Ступай!

Хорунжій поспѣшилъ исполнить приказаніе своего молодаго региментаря.

— По чести, не въ коня кормъ! насмѣшливо замѣтилъ Лисовскій.—Ты, панъ Пржемиславъ, напоминаешь мнѣ маменькиныхъ сынковъ, которые на вербное воскресенье покупаютъ красивыхъ птичекъ, чтобы ихъ выпустить.

— А ты, панъ ротмистръ, напоминаешь мнѣ того разбойника, котораго король польскій и Рѣчь Посполитая присудили къ висѣлицѣ! не сдерживая себя болѣе и разгорячась, сказалъ Дворжицкій.—Позоръ кладешь ты на славную польскую націю, именуясь полякомъ! Безчестишь саблю воина, которую носишь! Ужасъ тебѣ предшествуетъ и проклятія тебя провожаютъ!.. Нѣтъ! Я не могу, не падая въ своемъ собственномъ мнѣніи, не унижая своего достоинства во мнѣніи всѣхъ честныхъ людей королевства, служить дѣлу моего короля съ такимъ товарищемъ, какъ ты, панъ Лисовскій!.. Это сверхъ моихъ силъ! Мы должны разойтись!..

— Bene, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, явно потѣшаясь надъ вспылившимъ Дворжицкимъ, продолжалъ Лисовскій.—Ты только предупредилъ меня, панъ регименарь, только ускорилъ развязку. Янъ Сапѣга ждетъ меня, обѣщая мнѣ выгоды, которыхъ мнѣ и во снѣ не видать на службѣ твоего одураченнаго іезуитами короля. Ровно три дня и три ночи осталось дослужить мнѣ съ моими лисовчиками за полученное мною королевское золото. На четвертый день я опять вольный ротмистръ и пойду, куда знаю и куда хочу. А пока до свиданья, панъ Пржемиславъ!

Лисовскій всталъ съ лавки и посмѣиваясь вышелъ изъ избы. Дворжицкій проводилъ его презрительнымъ взглядомъ.

Освобожденная великодушіемъ молодаго начальника, сестра Нимфодора возвратилась въ свой монастырь, гдѣ ее встрѣтили самыя искреннія изъявленія радости. Начиная съ игуменьи и кончая привратницей, всѣ горько оплакивали злую судьбу „прекрасы-Нимфы, благочестивой сестрицы, крина обительскаго“; самыя теплыя молитвы возносились за нее въ церкви и кельяхъ; старецъ-священникъ наложилъ на обительскихъ черницъ трехдневный постъ, въ видѣ эпитиміи, вполнѣ раздѣляя взглядъ игуменьи Сандулеи, утверждавшей, что

Господь наслалъ бѣдствіе на святую обитель и казнилъ ихъ, черничекъ, за ихъ прегрѣшенія вольныя и невольныя. Была отправлена „соборне“ служба преподобному отцу Сергію игумену, радонежскому чудотворцу.

Словно вернувшуюся съ того свѣта встрѣтили Нимфодору черницы: аханьямъ, оханьямъ, вопросамъ, слезамъ, лобызаніямъ—не было конца.

Горе ждало бѣдную сестру Нимфодору и въ этотъ радостный для нея часъ. Приложась въ церкви къ иконамъ, она вспомнила сестру Улиту, оставленную ею въ безпамятствѣ. Улита лежала на Нимфодориной постели при послѣднемъ издыханіи. Мертвенная блѣдность ея истомленнаго, всегда грустнаго, лица, черные зубы и совсѣмъ потухшій взглядъ, прежде такой сердечный, привѣтливый для „милой сестрицы Нимфушки“—испугалъ возвратившуюся сестру. Она только вскрикнула, съ болью въ сердцѣ: „Улита!“ и рыданія, ею сдерживаемыя, стѣснили ей грудь и она припала къ умирающей.

Ударилъ на колокольнѣ печальный колоколъ, оповѣщающій обитель объ отошедшей къ Богу душѣ черницы. Протяжный, жалобный звонъ маленькихъ колоколовъ въ перемежку съ большими, заканчивающійся басистымъ и долго дрожащимъ въ воздухѣ мѣднымъ звукомъ, словно плачъ бралъ за сердце. Тихо и молча, какъ бы боясь нарушить мрачное величіе смерти, одна за другой входили рясофорныя старицы и сестры, крестились, клали передъ покойницей земные поклоны, давали „послѣднее лобызаніе“ и также тихо, молча, не слышно, съ глазами строго опущенными въ полъ, уходили, набожно перебирая четки и шепча молитвы.

А сестра Нимфодора читаетъ псалтирь, эту еврейскую книгу хваленій, при свѣтѣ церковнаго свѣщника. Краснымъ огнемъ горитъ толстая восковая свѣча и страшнымъ смысломъ звучатъ въ ушахъ чтицы слова Давидова псалма: „Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моей, Боже мой и Господи мой! Суди меня по правдѣ твоей, Господи Боже мой, и да не торжествуютъ они надо мною“. Тяжело молодой черницѣ убѣждаться, что этотъ смертный ликъ, эта „предавшаяся тлѣни“ и „сопрягшаяся смерти“ женщина — ея милая и ей близкая по своимъ земнымъ несчастіямъ сестра о Христѣ Улита! Въ этой покойницѣ Нимфодора хоронила единственную женскую душу, которая понимала и любила ее такъ, какъ Нимфодорѣ хотѣлось; померкалъ свѣтъ въ плачущихъ глазахъ ея и монастырь отталкивалъ ее теперь отъ себя своимъ могильнымъ холодомъ и бездушнымъ равнодушіемъ ко всему живому и любящему. Задумавшись надъ покойницей, она вспомнила посланіе св. апостола Павла къ солунянамъ: „Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи объ умершихъ, дабы вы не печалились. Ибо если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ во Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ. Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ... Потому что самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ архангела и трубы

Божіей, сойдетъ съ неба и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде. Потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ, въ срѣтеніе Господу и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ".

Высокая религіозная поэзія этихъ вѣщихъ апостольскихъ обѣщаній никогда не трогала такъ Нимфодору, никогда не утѣшала ее такъ, какъ именно теперь надъ покойницей Улитой.

„Поліелейный" колоколъ уныло огласилъ тихую женскую обитель и замеръ въ зимнемъ ночномъ воздухѣ. Обитель погрузилась въ сонъ. Нимфодора, облокотясь на аналой, продолжала читать псалтирь. Врдугъ вошла одна изъ черницъ и позвала ее къ игуменьѣ, объявивъ, что пріѣхалъ стремянной боярина Ферапонтова, Ера. Чуткое дочернее сердце Нимфодоры сжалось какимъ-то тягостнымъ предчувствіемъ. Она поспѣшила къ игуменьѣ.

— Бояринъ мой, а твой родитель, Іона Агѣичъ, поклонъ тебѣ шлетъ свой родительскій, честная сестрица, съ своею всегдашнею развязностью обратился къ Нимфодорѣ вѣрный слуга, бывшій конечно на-веселѣ.

— Что жъ это ты, Иваша? воскликнула сестра Нимфодора. — Благополученъ ли родитель мой, бояринъ?

— По нынѣшнему времени кое тебѣ благополучіе? иносказательно продолжалъ Ера, явно обходя непріятную вѣсть, съ которою пришелъ.—Какъ живъ нынче человѣкъ—вотъ и благополученъ.

— Живъ ли мой отецъ? вскричала Нимфодора, внѣ себя отъ охватившаго ее страха.—Сказывай же, Иваша: живъ ли?

— Живъ, честная сестрица, благодаря Бога. Ну, только теперь не въ своемъ боярскомъ дѣтинцѣ... потому, слыхала ты, мы къ Курску пришли: литву потрепали маленько...

— Гдѣ жъ мой отецъ? говори скорѣе, не мучь меня: гдѣ онъ? что съ нимъ?.. Ради Бога!..

— Въ овинѣ спрятался, въ полѣ. Другія сутки не ѣвши, не пивши... Насилу къ вамъ въ монастырь пробрался... Усторожливы, какъ псы, лисовчики. На што, кажись вороватъ, Ивашка, а черезъ великую хитрость пробрался.

— Что съ нимъ случилось? что такое? сгарая нетерпѣніемъ допытывалась сестра Нимфодора, у которой ноги подкосились и принудили ее сѣсть.—Говори же: что такое?

— Пустое дѣло, сестрица, не пужайся! по-своему безпечно посмѣиваясь, успокоивалъ ее Ера. — Скакали мы за лисовчиками въ розсыпь, бояринъ всѣхъ выпередилъ: конь-то подъ нимъ—что скокъ, то верста! кусты... Наѣхалъ я на него, глядь: лежитъ сердечный; коня слѣдъ простылъ, ушолъ; „ногу, говоритъ, помялъ", стоять не могу. Подумалъ я: на сѣдло его возьму? какъ вдвоемъ воевать на одномъ сѣдлѣ? А лисовчики, того гляди, вернутся! Садись—говорю—бояринъ на моего коня.—Не могу, упаду.—Что дѣлать? Своихъ ни-

кого. Вѣстимо, старъ-человѣкъ, тяжелый. На силушку я его, на закоркахъ, на себѣ до овина доперъ: въ овинѣ спряталъ, мѣсто глухое: значитъ, гумно помѣщичье, аль однодворческое; жилья нѣтъ, тронуться пока изъ овина ему нельзя, лисовчики рыскаютъ кругомъ. Побѣжалъ было я къ своимъ сотнямъ казачьимъ, думалъ многолюдствомъ боярина изъ овина взять; такъ куда тебѣ! До ямской слободы не доѣхалъ — лисовчики. Спасибо, удралъ! А наши къ Муравлевкѣ отошли, тамъ стоятъ. А кузьмодемьяновцы съ попомъ къ себѣ въ теплый станъ тогда жъ ушли... Вотъ и думай тутъ... За харчевымъ я прибѣгъ къ тебѣ, сестрица. Снести старичку твоему надо. Не голодомъ же ему помирать въ овинѣ. Накормлю его, а тамъ — авось проберусь къ своимъ и боярина изъ бѣды выручу, коли Богъ поможетъ. Ты не кручинься.

Сестра Нимфодора въ сильномъ волненіи глядѣла то на охавшую мать-игуменью, то на неунывающаго Еру, и спросила его:

— Когда жь ты понесешь, Иваша, харчевое?

— Нести ночью надо, сейчасъ, сестрица: днемъ нельзя, сказалъ Ера.—Днемъ какъ можно!

— Я сама къ отцу пойду! рѣшила Нимфодора.

— Дѣло твое, сестрица, разсудительно замѣтилъ Ера.—Только не опасно бы? не ровенъ часъ: отцу не пособишь, и самое, пожалуй, обидятъ, не женское это дѣло...

— Бабы, вѣстимо, на что годны? куриный народъ, охая на горячей лежанкѣ отъ поясницы, замѣтила мать-игуменья.—Наше богомольное дѣло. Завтра соборне помолимся о здравіи и о спасеніи боярина, родителя твоего. А идти тебѣ, сестрица Нимфушка, по такой страсти, не зачѣмъ. Не ходи, дитятко милое.

— Гляну на тебя, честна мать-игуменья, не плохое твое житье! весело замѣтилъ словоохотливый Ера. — Слухомъ земля полнится.— Хозяйственная ты старушка. Сказываютъ, наливка-де у тебя стоялая, отмѣнная, не годъ годуетъ...

Мать игуменья невольно улыбнулась при такомъ понятномъ намекѣ и кивнула головой вопросительно глянувшей на нее старицѣ Илларіи. Старая боярышнина няня хорошо знала, къ чему подговаривается весельчакъ, гулящій человѣкъ, а потому не замедлила вынести бутылку наливки и стаканъ.

— Что это ты, тетенька, словно бы съ тѣла спала? участливо замѣтилъ Ера своей старой пріятельницѣ и всегдашней своей заступницѣ передъ бояриномъ, подносившей ему теперь, съ смиреннымъ видомъ черницы, полный стаканъ.—Аль это тебѣ не въ боярскихъ хоромахъ? Будьте здравы себѣ, тетенька! за игуменьины ноги—чтобъ прыгали, не болѣли!

Ера лихо опорожнилъ стаканъ и подставилъ его подъ бутылку съ молчаливымъ, но вполнѣ понятнымъ требованьемъ снова его наполнить.

— Ты, гляжу, по старому гуляка, Иваша? смѣясь очень къ нему расположенно, заамѣтила ему толстая сестра Илларія, которой Ера живо напоминалъ ея былую, благополучную жизнь въ почетномъ званіи боярышниной мамы. И она исполнила молчаливое требованіе своего любимца съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ.

— Благодарю моего Создателя, тетенька, подносятъ добрые люди! скромно сказалъ Ера, съ поклономъ учтиваго пьяницы осушая другой стаканъ.—Кабы не эта водка, тетенька, со свѣта Ивашку сжили бы давно. А то пока не поддаешься—боярину своему служишь.

— Гусляръ ты тотъ же, уже веселымъ тономъ боярышниной мамы, забывшей, что она черница, заговорила старица Илларія, но сейчасъ же спохватилась и, поклонясь матери-игуменьѣ, ушла къ себѣ съ бутылкой и стаканомъ въ приспѣшную.

— Вотъ, мать-игуменья, развязно обратился къ ней Ера,—сказываютъ старики: виданное ли дѣло, чтобъ у бабы дворъ покрытъ, огороженъ стоялъ? Анъ у тебя, мать, бабье-то хозяйство не хуже должно мужичьяго... Дивоваться только!.. А ужъ наливка! только бы пьяницѣ пить!.. Богъ меня убей.

XI.

„Что буде на разумѣ не весело:
Либо батюшко мой померъ есть,
Либо матушка моя померла;
Нѣтъ ли у тебя гусельщиковъ,
Поиграть во гуселышки яровчаты“.

(Былина о Ставрѣ Годиновичѣ).

Разсказъ вѣрнаго стремяннаго Еры о несчастіи, постигшемъ его стараго боярина, и о томъ, что онъ голодомъ сидитъ въ овинѣ и мерзнетъ—помутилъ голову доброй дочери, молодой черницы. И безъ того она покоя себѣ не имѣла эти дни, а тутъ вотъ какое горе!

Ее ужасно безпокоили вопросы: живъ ли бѣдный отецъ? что съ нимъ? не замерзъ ли въ овинѣ? не взяли ли его поляки? Задаваясь этими вопросами, она мучилась, что не можетъ на нихъ отвѣтить себѣ. Но и подъ гнетомъ ужасной дѣйствительности, подъ непосильнымъ бременемъ жизни человѣкъ все-таки надѣется. Надѣялась и бѣдная сестра Нимфодора; добрая дочь надѣялась спасти своего отца. Къ нему проведетъ ее Ера... А какъ ей страшно идти!—слишкомъ еще живы въ ней впечатлѣнія, оставленныя плѣномъ у Лисовскаго. Вспомнить это позорное, насильственное пребываніе у польскаго ротмистра она не могла безъ содраганія. Ужели опять попадетъ она

къ нимъ въ руки? помыслить—и то жутко. О, лучше смерть! Она возьметъ съ собой острый ножъ и заколетъ себя, но не отдастся имъ живою.

За нѣжнымъ голосомъ дочерней любви стихла въ молодой черницѣ грусть по покойницѣ Улитѣ настолько, что дала ей силы собраться въ путь. Сознаніе опаснаго положенія стараго отца утверждало ее въ ея дочернемъ долгѣ. Она трепетала, обдумывая опасность своего намѣренія, но не колебалась ни минуты. „Развѣ не библейская женщина Іудифь спасла свой родной городъ Ветилую?" спрашивала себя черница, чистая душой и помыслами. — А я отца иду спасти, помочь ему. Женская слабость и человѣческое пристрастіе къ жизни не всегда совмѣстны съ христіанскими обязанностями. Для жизни я умерла, нечего же бояться мнѣ смерти!

Одѣтая въ мамкину нагольную шубу, въ валяныхъ сапогахъ, повязанная по самые глаза чернымъ платкомъ, съ палкой въ одной рукѣ и узелкомъ съ съѣстнымъ въ другой, сестра Нимфодора подошла подъ благословеніе матери игуменьи. Старица Илларія проводила свою сестру, бывшую боярышню, за ворота, сунувъ Ерѣ, по старой пріязни, недопитую имъ бутылку вишневки.

— Вотъ такъ тетенька! похвалилъ ее благодарный Ера, сунувъ милую бутылочку себѣ за пазуху. Долго простояла прослезившаяся старица у воротной калитки, крестя въ слѣдъ ушедшей Нимфодорѣ.

— Сабли не взялъ, сестрица, счелъ нужнымъ замѣтить Ера черницѣ,—не доведи Богъ поймаютъ лисовчики, мужикомъ сиволапомъ скажусь, потому мужика по зубамъ наровятъ, а нашего брата, ратнаго человѣка, вѣшаютъ, черти! Ну и ты, сестрица, одѣлась не хуже бабы, признать тебя трудно...

Ера торопливо повелъ свою спутницу за посадъ и перешелъ ливенскую дорогу, дальше спускавшуюся къ Ямской горѣ. Скоро они попали на межу—лѣтній проселокъ. Онъ обозначался подъ снѣгомъ печальнымъ и безконечнымъ рядомъ полыньевъ, уходящихъ изъ глазъ въ печальную сѣрую мглу зимней ночи. Порошившій снѣжокъ перестал кружиться. Свыкаясь съ невѣрнымъ ночнымъ отблескомъ на снѣгу, Нимфодора могла распознать какъ бы темную полоску, легшую на горизонтѣ. Холодный воздухъ и непривычная скорая ходьба укрѣпляли ее силы и рѣшимость. Едва поспѣвая за Ерой по глубокому въ лощинахъ снѣгу, она съ безпокойствомъ оглядывалась, не гонятся ли за ними? Нѣтъ ли какой встрѣчи? Привычный ко всякимъ похожденіямъ, Ера основательно замѣчалъ: полякамъ-де тутъ быть незачѣмъ.

Глухой шумъ зимняго вѣтра въ кустахъ, печальная мглистая даль, куда они шли, невольно смущали черницу тревожнымъ предчувствіемъ. Слѣдовъ признака не было, шли цѣликомъ. Мерещилось ей не вѣсть что:

— Не сбился ли ты, Иваша? спросила она Еру.

— Куда надо идемъ, сестрица, самоувѣренно сказалъ проводникъ.— Въ надеждѣ будь. Не впервой! Близехонько теперь! ободрительно прибавилъ онъ, указывая на слабый красноватый отблескъ, обозначавшій подымавшійся дымокъ, который, какъ казалось Нимфодорѣ, выходилъ изъ снѣжнаго сугроба, навороченнаго метелями. Бѣлые скирды чуть отдѣлялись отъ бѣлаго поля и ночнаго неба.

— Живъ старикъ, коли грѣется, весело замѣтилъ Ера.

— Дай духъ перевести! прошептала она, съ радостно бьющимся сердцемъ всматриваясь въ красноватые клубы дыма, вырывавшагося изъ подъ овиннаго подлаза.

Но нетерпѣніе скорѣе увидѣть, обнять и накормить своего стараго отца придало усталой дочери новыя силы. Утопая въ снѣгу, поддерживаемая Ерой, она очутилась у темной овинной ямы въ родѣ звѣриной норы и вслѣдъ за полѣзшимъ туда проводникомъ сама сползла по мерзлымъ землянымъ ступенькамъ въ глубокую яму, ничего рѣшительно не видя въ охватившемъ ее мракѣ, задыхаясь отъ ѣдкаго дыма и рискуя разбить себѣ голову о торчавшія слеги и рѣшетины овинной крыши.

— Ты это, Ера? послышался изъ глубины мрачнаго овина родной Нимфодорѣ голосъ, заставившій ее радостно вздрогнуть. — Пришелъ?

— А то какъ же, бояринъ! твой холопъ Ера, да еще не одинъ: гостья пришла, дочка родная!..

— Дочь! вскричалъ старикъ, и въ ослабѣвшемъ голосѣ его сестра Нимфодора услыхала и неожиданную радость и отцовскую боязнь за нее. Она было бросилась къ нему на голосъ, но руки ея вездѣ встрѣчали земляныя стѣны и дубовые столбы.

Догадливый Ера проворно раздулъ въ печи тлѣвшую солому и съ помощью сухой щепки зажегъ припасенную имъ въ карманѣ монастырскую восковую свѣчу. Мрачный овинъ тускло освѣтился. Дочь увидѣла отца на соломѣ, принужденнаго скрываться въ звѣринной норѣ.

— Батюшка! вырвался у сестры Нимфодоры крикъ восторга, звучавшаго сердечными слезами.

Она упала передъ старикомъ на колѣни, помогая ему привстать. Онъ полулежалъ на соломѣ и, истощенный голодомъ и страданіями, глядѣлъ умиленными глазами на дочь, протягивая къ ней руки, чтобы ее обнять. Любимое, единственное дитя его старости предстало неожиданно передъ нимъ, какъ чудное сказочное видѣніе. Онъ себѣ не вѣрилъ, что ее видитъ въ эту минуту.

Схвативъ холодныя стариковскія руки, она покрывала ихъ горячими поцѣлуями и слезами, согрѣвала своимъ дыханіемъ. Трепетъ ея теплыхъ рукъ живилъ его столько же, сколько и глубокое, про-

сившееся наружу дочернее чувство, свѣтившееся въ ея красивыхъ плачущихъ глазахъ.

— Батюшка! заговорила она, наконецъ, вспомнивъ, что онъ голоденъ, и торопливо развязывая свой узелокъ съ съѣстными припасами.—Отощалъ ты, бѣдный! поѣшь, подкрѣпись и въ путь.

Она съ удовольствіемъ слѣдила за своимъ старикомъ, жадно принявшимся уплетать бѣлые пироги съ горохомъ и огромнаго жирнаго карпа.

— Уфъ! вздохнулъ бояринъ, послѣ доброй работы зубами, отирая принесеннымъ полотенцемъ бѣлую бороду.— Спасибо, спасибо тебѣ, дочка милая, утѣшница! не дала съ голоду околѣть старому отцу,—и онъ нѣжно ее поцѣловалъ.

— Теперь давай свою стклянницу: впору романея, что-ль?

— Романея, батюшка. Выкушай на доброе здоровье!

Бояринъ, не отрывая губъ отъ фляжки, выпилъ половину ея съ наслажденьемъ стараго усталаго человѣка, нуждающагося въ подкрѣпленіи силъ.

— Дай тебѣ Богъ счастья, дочка, честная черничка! какъ словно встрепанный сталъ! Спасибо!

Въ подтвержденіе своихъ словъ бояринъ всталъ на ноги, сбивая рукою солому съ своего мѣховаго кафтана.

— Теперь молодцомъ, дочка: три десятка годовъ съ плечъ! похвалился бояринъ, пристегивая съ помощью дочери саблю.—Куда-жъ ты меня спрячешь, черничка?

— Въ монастырь пока, батюшка.

— Дѣло, подумавъ, согласился бояринъ.— Готовъ!

— А если поляки насъ поймаютъ? вдругъ замѣтила Нимфодора, заплакавъ и крѣпко прижимаясь къ отцовой груди,— что съ тобой будетъ тогда, батюшка? Убьютъ они тебя! Боюсь я!..

— Богъ милостивъ, дочка, на Него одного наша надежда! сказалъ бояринъ съ спокойствіемъ, отличавшимъ его въ опасныя минуты жизни.

Только что отецъ съ дочерью успѣли выйти изъ овина и вдохнуть свѣжаго воздуха, послышалось звяканье сабель и ихъ глаза, еще отуманенные ѣдкимъ овиннымъ дымомъ, разглядѣли темнѣющуюся толпу людей, пѣшихъ и верхами, тотчасъ же ихъ окружившую. Едва сестра Нимфодора отчаянно вскрикнула и прежде чѣмъ бояринъ обнажилъ саблю, сильныя руки схватили его и связали. Въ ту же минуту въ ушахъ Еры что-то свистнуло въ воздухѣ и петля ловко наброшеннаго аркана туго сдавила ему глотку. Конный лисовчикъ потащилъ его на арканѣ отъ овина такъ быстро, что онъ упалъ. Первою мыслію находчиваго стремяннаго было, конечно, ухватиться за петлю руками и постараться высвободить изъ нея шею. Несмотря на то, что лисовчикъ скакалъ и привязанный къ сѣдлу арканъ тащилъ Еру по снѣгу какъ чурку, онъ уже ослабилъ роковую петлю;

но тутъ его связали подбѣжавшіе люди, освободивъ отъ петли. По ихъ говору, онъ призналъ въ нихъ лисовчиковъ. Они перекинули его черезъ сѣдло, позади того самаго молодца, который его заарканилъ.

— Вы меня никакъ за мѣсто зайца уторочили, братцы ляшки! обиженно взговорилъ Ера, почувствовавшій неловкость своего положенія съ головою внизъ.—То не по-нашему, по крещеному, человѣка по заячью уторочивать!

— Растабарывай! смѣясь замѣтилъ ему его побѣдитель.—Москаль швидче зайца бѣжитъ...

— Ляцкая твоя образина! схватился съ нимъ ругаться Ера. — Посади, какъ человѣка садятъ: не обиженъ я своимъ Создателемъ, есть на чемъ сидѣть! эхъ, вы, глаголи бритые!

Лисовчики хохотали. Ера ихъ потѣшалъ.

— Еще лаетъ, пся-кревь! замѣтилъ одинъ изъ лисовчиковъ, развязалъ Ерѣ ноги, и далъ ему возможность сѣсть верхомъ на крупѣ лошади, съ обязательнымъ обѣщаніемъ поподчивать его доброю плетью, въ случаѣ, если бы ему вздумалось соскочить съ коня и бѣжать.

— Ну тебя съ плетью, соломенная ты голова! пріободрясь, заговорилъ Ера. — Десятеро на одного, конные на пѣшаго — куда ужъ тутъ бѣжать!

Между тѣмъ какъ стараго боярина сажали въ сѣдло на коня, повидимому, для него приготовленнаго, хорунжій гусарскаго регимента съ напускною важностью объявилъ ему, что онъ, бояринъ, взятъ по приказу пана Дворжицкаго, какъ мятежникъ, возставшій на своего государя Владислава, котораго хотятъ многіе русскіе люди. Затѣмъ, съ любезностью родовитаго шляхтича, хорунжій замѣтилъ молодой монашкѣ, что она свободна: можетъ идти куда хочетъ.

— Поляки, рыцарская нація, воюютъ съ мужчинами и защищаютъ женщинъ! добавилъ онъ, покручивая рукою усъ, а другую положивъ на эфесъ сабли.

Бѣдная сестра Нимфодора въ глубокомъ уныніи смотрѣла на своего стараго, обезоруженнаго отца, котораго вновь теряла. Отчаянье ея было столь велико, что она не могла плакать.

— Куда-жъ она одна пойдетъ по ночи, въ полѣ? насмѣшливо замѣтилъ съ сѣдла бояринъ.—Рыцарями называетесь, а монашку безъ провожатаго бросаете?.. пустите съ нею парня моего: на что онъ вамъ?

— Такъ есть! согласился хорунжій.—Хлопъ свободный есть!

— Давно бы такъ, глаголи стриженые! весело замѣтилъ освобожденный Ера, проворно спрыгивая съ польскаго коня.—Сами не знаютъ, за что человѣка вязали. Ишь ихъ: человѣка было зайцемъ уторочили!

Ера взялъ свою дубинку и терпѣливо ждалъ, пока рыдающая дочь простится съ отцомъ.

— Я тебя не брошу, батюшка! съ тобой пойду! пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ, безбожники! говорила въ порывѣ отчаянья Нимфодора, удерживая отца за руку.

— Господь съ тобою, милая дочка! иди въ святую обитель, молись за меня! нетвердымъ, растроганнымъ голосомъ успокоивалъ ее отецъ, положивъ обѣ руки на ея голову, какъ бы благословляя ее.— Твоя честная молитва, черница, авось дойдетъ къ праведному Богу! Христосъ страдалъ и намъ, грѣшнымъ, страдать повелѣлъ. Да будетъ святая Его воля!

— Аминь! докончила рыдающая дочь, благословила отца и долго простояла на мѣстѣ, неподвижная, убитая горемъ, пока въ ночной мглѣ не скрылся польскій отрядъ, уведшій ея старика. Заглохли голоса, звукъ сабель, конское фырканье; не шумѣли болѣе вѣтви дубовыхъ кустовъ, сквозь которые продирались лошади... Глубоко вздохнула бѣдная, опять осиротѣлая монахиня и съ холодомъ въ сердцѣ стояла передъ тяжелымъ сознаніемъ необходимости одной, безъ отца, вернуться въ келью, гдѣ на столѣ ждетъ ее трупъ сестры Улиты, тоже ее покинувшей... Холодная снѣжная пустыня окружала ее; иглистое зимнее небо нависло надъ нею, равнодушное къ ея горю; темнѣлись расходившіеся по лощинѣ кусты и въ нихъ похоронную пѣснь напѣвалъ полуночный проснувшійся вѣтеръ.

Искренно, горячо пожелала молодая монахиня умереть въ эту невыносимо тяжкую минуту своей жизни безъ радости въ прошломъ, безъ надежды въ настоящемъ...

— Не ночевать намъ въ полѣ, сестрица! рѣшился подать свой голосъ благоразумный нроводникъ;—не близко вѣдь и не рано...

Ни слова не проронила за всю дорогу убитая Нимфодора. Она не чувствовала теперь ни усталости, ни страха; не замѣчала ни снѣжныхъ сугробовъ, въ которыхъ вязла, ни помощи Еры, вытаскивавшаго ее изъ нихъ. Мысль объ опасности, угрожающей отцу, словно подавила всѣ чувства ея молодаго сердца. Напрасно Ера пробовалъ острить на счетъ „гололобыхъ глаголей“: она ничего не слыхала, не видала, не понимала, отъ страха за отцову жизнь.

Поздно они вернулись въ монастырь. Сестра Нимфодора должна была собрать всѣ свои силы, чтобы заставить себя войти въ келью, въ окнахъ которой свѣтился огонь толстой церковной свѣчи въ шандалѣ, а изъ дверей глухо доносилось чтеніе нараспѣвъ псалтиря у покойницы. Войдя въ келью, сестра Нимфодора растерялась и задумалась при мысли, что ей надо передать матери-игуменьѣ и сестрѣ Илларіи о неудачѣ своей, о плѣнѣ отца. Языкъ ея не поворачивался, ноги подламывались. Она не понимала утѣшеній сочувствовавшихъ ей старицъ, не видѣла ихъ слезъ, не плакала, не говорила. Ея нравственную силу, ея добрую волю давило ужасное сознаніе ихъ безсилія въ борьбѣ за жизнь дорогого ей, родного старика. Безъ словъ, словно забывъ всѣ свои молитвы въ эту безконечную зимнюю

ночь, молилась она скорбнымъ сердцемъ. Всю ночь она провела въ моленной, на колѣняхъ, съ руками, крестомъ прижатыми на груди, съ глазами, устремленными на Спасовъ образъ, благословеніе отца. Едва разсвѣло, она встала къ аналою и раскрыла библію на книгѣ „Іудифь“. Она внимательно прочла въ IX главѣ слѣдующее мѣсто: „А Іудифь пала на лице, посыпала голову свою пепломъ и сбросила съ себя вретище, въ которое была одѣта; и только что воскурили въ Іерусалимѣ, въ домѣ Господнемъ, вечерній ѳиміамъ, Іудифь громкимъ голосомъ воззвала къ Господу, и сказала: „Господи, Боже отца моего Симеона, которому Ты далъ въ руку мечъ на отмщенье иноплеменнымъ, которые открыли ложе сна дѣвы для оскверненія, обнажили бедро для позора! Ты сказалъ: „Да не будетъ сего“, а они сдѣлали. Дальше Нимфодора нѣсколько разъ перечла: „Ибо не во множествѣ сила Твоя, и не въ могучихъ могущество Твое; но Ты — Богъ смиренныхъ, Ты — помощникъ умаленныхъ, заступникъ немощныхъ, покровитель упавшихъ духомъ; спаситель безнадежныхъ...“

Закрывъ библію, она положила на нее голову и долго такъ простояла. Когда она подняла голову, взоръ ея свѣтился. Она почувствовала въ себѣ новыя силы; она рѣшилась идти въ польскій станъ, къ самому военачальнику, молодому пану Дворжицкому. Она уже знала его великодушіе.

Старицы, чинно сидѣвшія по сторонамъ покойницы, какъ черныя вороны наклевывали къ свѣту носами и съ просонья толкались отяжелѣвшими головами. Очередная сестра нараспѣвъ, гнусливо, читала уже ослабѣвшимъ голосомъ псалтирь, зѣвая все чаще. Въ слабо брезжавшемъ сонномъ свѣтѣ занимавшагося зимняго утра мертвое лицо и руки покойницы казались зелеными, а губы и носъ черными. Сестра Нимфодора спрятала въ карманъ своей теплой ряски кошель, послѣднія деньги, уцѣлѣвшія отъ Лисовскаго, и острый кухонный ножъ, торопливо одѣлась и вышла тихонько изъ кельи. Ея красивые синіе глаза блестѣли огнемъ рѣшимости. Черная теплая шапочка, черная на лисьемъ мѣху свободная ряса съ широкими рукавами и четки въ рукахъ только возвышали и строже обнаруживали ея замѣчательную красоту.

Выйдя за монастырскую стѣну въ калитку, которую съ трудомъ отворили ея, дрожавшія отъ волненія и безсонницы нѣсколькихъ ночей, красивыя руки, она съ минуту простояла въ нерѣшимости; но сейчасъ же опомнилась. Она знала, куда идти. На блѣдномъ, расчистившемся тускломъ зимнемъ небѣ еще мерцали хороводы блѣдныхъ звѣздъ, тускнѣвшихъ при слабомъ свѣтѣ занявшагося дня. Чуть видно мигаютъ съ своей высоты стожары, какъ бы прячась отъ дневнаго свѣта. Красный отблескъ еще не выкатившагося изъ-за снѣжной горы солнца играетъ на снѣжныхъ крышахъ келій, на монастырскихъ крестахъ. Пустынная снѣжная улица съ брошенными домами и из-

бами посадскихъ жителей уныло провожала одинокую путницу. „Богъ моя защита и надежда!“ твердила себѣ она, освѣженная здоровымъ утреннимъ морозомъ. И шла...

Панъ Пржемиславъ Дворжицкій, уже одѣтый и успѣвшій отдать нужныя по отряду приказанія, глядѣлъ на вошедшую къ нему въ избу молодую монашенку съ удивленіемъ, не исключавшимъ восхищенія. Красота сестры Нимфодоры не могла не затронуть впечатлительнаго, горячаго сердца молодого польскаго дворянина. Черная одежда, смущенье, съ которымъ она была безсильна справиться, только возвышали въ его глазахъ ея женскую прелесть. Но этотъ свѣтлый, чистый какъ само небо, взглядъ большихъ синихъ глазъ, широко раскрытыхъ внутреннимъ волненіемъ; эта строгая скромность классической жрицы, поддерживающей неугасаемый огонь вѣчному божеству; эта благородная простота движеній, какъ бы врожденная и чарующая, невольно смутили гордаго военачальника. Съ такимъ глубокимъ и правдивымъ взглядомъ онъ еще не встрѣчался.

— Что привело тебя ко мнѣ, прекрасная черница? рѣшился, наконецъ, спросить Дворжицкій пришедшую голосомъ, звучавшимъ радостнымъ недоумѣніемъ; онъ упорно, съ страстностью молодого мужчины, любовался прелестнымъ лицомъ монашки, разрумяненнымъ морозомъ и ходьбой.—Кого тебѣ надо?..

— Тебя, начальникъ! тихо отвѣтила Нимфодора, облегчая свою, часто подымавшуюся подъ черной рясой высокую грудь глубокимъ вздохомъ.—Ты тотъ, котораго великодушію я обязана своимъ избавленіемъ отъ ожидавшаго меня позора...

— Такъ это ты, прекрасная плѣнница ротмистра Лисовскаго?

— Я, начальникъ. Нимфодора опять глубоко вздохнула и, стыдливо опустивъ синіе глаза, вспыхнула при ужасномъ воспоминаніи, столь оскорбительномъ для ея женскаго достоинства. — Прими мою благодарность, великодушный иноземецъ, и исполни просьбу страдающей дочери...

Прекрасные синіе глаза ея брызнули крупными, свѣтлыми какъ безцѣнный жемчугъ слезами; ея бѣлыя, красивыя руки съ кипарисными четками поспѣшно закрыли плачущее, но и въ слезахъ прекрасное, лицо. Дворжицкій готовъ былъ оказать ей всякую возможную помощь; подвинутый своимъ благороднымъ сердцемъ, онъ ее спросилъ:

— Чѣмъ могу служить тебѣ, прекрасная черница? Располагай мною. По душевному волненію, съ какимъ молодая монахиня приступала къ своей просьбѣ, недоумѣвающій панъ понималъ, что дѣло для нея весьма важное.—Говори же: я слушаю.

Не сейчасъ отвѣтила ему сестра Нимфодора. Ей нужно было справиться съ горькими слезами, которыми, наконецъ, разрѣшилась тревога ея измученной души. Она отерла платкомъ глаза, глядѣвшіе теперь какъ синее небо, омытое весеннимъ дождемъ, и твердо сказала:

— Я пришла къ тебѣ, иноземный начальникъ, презрѣвъ стыдъ дѣвичій и обычай монастырскій, ради спасенія невиннаго, одинокаго, дорогого мнѣ человѣка!

— Не за любовника ли просишь ты, красавица? весело спросилъ ее Дворжицкій съ легкомысліемъ, составлявшимъ его характерную черту, безъ малѣйшаго, впрочемъ, желанія оскорбить монахиню. Но замѣчаніе его она выслушала съ гордымъ достоинствомъ цѣломудрія, оскорбленнаго въ своей святынѣ. Дворжицкому больно и стыдно стало за свои глупыя слова. Чуткая душа его почувствовала ихъ тяжелое впечатлѣніе на монахиню. Упрекъ собственной совѣсти громко сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ не только глупость, но подлость; сказалъ ему, что польскій рыцарь обидѣлъ беззащитную дѣвушку, да еще монахиню, ищущую его покровительства. Онъ даже покраснѣлъ и потерялся.

— Одинъ у меня любовникъ—Христосъ, ему вѣрна останусь до смерти, сказала съ горечью и сознаніемъ своей правоты Нимфодора.— За старика отца прошу...

— Не старый ли бояринъ Ферапонтовъ отецъ твой? нетерпѣливо воскликнулъ Дворжицкій, котораго благородное лицо вдругъ омрачилось, а веселый тонъ смѣнился суровымъ.

— То мой отецъ! подтвердила сестра Нимфодора.—За него прошу тебя, начальникъ: отпусти его!

Дворжицкій прошелся но избѣ и строго сказалъ:

— Бояринъ, твой отецъ, прекрасная черница, возсталъ на короля Сигизмунда, пославшаго насъ привести Курскъ съ уѣздомъ подъ державство королевича Владислава, котораго бояре русскіе хотятъ имѣть своимъ государемъ; бояринъ стоитъ за Шуйскаго, возвысившагося на престолъ мятежемъ; на страхъ прочимъ пособникамъ Шуйскаго, бояринъ, твой отецъ, долженъ быть отведенъ въ Польшу...

— Бояринъ, мой отецъ, служилъ и служитъ только законнымъ русскимъ государямъ! съ убѣжденіемъ замѣтила монахиня. — Отецъ мой за правду стоитъ!

— Твои дочернія чувства дѣлаютъ тебѣ честь, прекрасная черница, замѣтилъ смягчаясь Дворжицкій, тронутый глубокою горечью ея словъ, звучавшихъ правдой и безкорыстной дочерней привязанностью. Что эти чистые, отражавшіе въ себѣ глубокую и высокую душу, женскіе глаза не могли лгать,—слишкомъ было понятно молодому пану, отзывчивому на все высокое. Какъ польскій рыцарь, какъ панъ Пржемиславъ Дворжицкій, онъ сочувствовалъ русскимъ, боровшимся за свое народное дѣло, за независимость Московскаго государства, за своего „бѣлаго", то есть свободнаго царя; лично онъ уважалъ подвигъ сѣдовласаго старца, боярина; но, какъ начальный панъ королевскаго войска, онъ долженъ былъ подчинять свои личные взгляды и симпатіи политическимъ видамъ короля и Посполитой Рѣчи и соотвѣтственно имъ поступалъ. Если подобныя обязательныя отношенія

къ польскому дѣлу нерѣдко стѣсняли Дворжицкаго въ случаяхъ, представлявшихся ему въ борьбѣ съ русскими; если его человѣческая совѣсть часто заговаривала въ разладъ съ его формальнымъ долгомъ королевскаго военачальника, то въ настоящую минуту благородный панъ чувствовалъ всю ложь своего положенія. Въ старомъ русскомъ бояринѣ, обвиняемомъ въ любви къ своему отечеству, онъ видѣлъ жертву польскаго насилія, котораго представителемъ здѣсь являлся онъ, Дворжицкій. Польская нація, заслуженно гордящаяся своей свободой и ревниво ее оберегающая, посягаетъ на свободу сосѣдняго соплеменнаго себѣ государства. Никогда еще не тяготился Дворжицкій званіемъ королевскаго военачальника такъ, какъ въ эту минуту, передъ этимъ чистымъ, глубокимъ дѣвичьимъ взглядомъ. Строгая, вся въ черномъ, молодая фигура монашенки стояла живымъ упрекомъ той неправдѣ, которой служитъ онъ—тоже молодой, тоже честный, какъ и она; зачѣмъ же онъ согласился служить нечестному дѣлу? Зачѣмъ онъ позволилъ роднымъ своимъ и ксендзамъ убѣдить себя въ томъ, что̀ отвергаетъ его совѣсть? О! только бы вывести ввѣренный ему отрядъ за рубежъ, онъ явится къ королю и сложитъ съ себя тяготящую его обязанность: дѣйствовать вопреки своего ума и сердца и въ русскихъ видѣть враговъ только потому, что они русскіе!.. Но передъ нимъ все-таки монахиня ждетъ своего приговора. Прекрасная жертва, а онъ палачъ. Ея законная печаль раздражаетъ его потому именно, что онъ рѣшился лгать; потому, что онъ напустилъ на себя суровый видъ праведнаго судіи, будучи виновникомъ; потому, что праведный судія не онъ тутъ, а она, эта кроткая, строгая монахиня, прекрасная и чистая какъ силы небесныя, которымъ она служитъ. Тѣмъ не менѣе, онъ заставилъ себя сказать, избѣгая глядѣть на нее:

— Я ничего не могу для тебя сдѣлать, черница: твой отецъ завтра пойдетъ съ нами въ Польшу.

Сестра Нимфодора упала передъ Дворжицкимъ на колѣни, какъ бы сраженная этимъ ужаснымъ приговоромъ. Смертельная блѣдность покрыла ея красивое лицо. Она не плакала. Ея большіе синіе глаза выражали недовѣріе къ такому невозможному приговору: полонить человѣка, защищающаго родину отъ вторгнувшихся въ нее иноземныхъ разбойниковъ.

— Иноземный начальникъ! вскричала она внѣ себя: — именемъ той женщины, которая дала тебѣ жизнь, именемъ всего для тебя святаго умоляю тебя: спаси моего невиннаго отца.

Дворжицкій нетерпѣливо пожалъ плечами и молча отвернулся къ окну. Вся его мужественная физіономія выражала непреклонное рѣшеніе военнаго человѣка, непривыкшаго отмѣнять его и руководящагося только распоряженіями, получаемыми свыше.

— Если у тебя сердце не камень, если ты вѣруешь въ Бога правды, ты преклонишь сердце свое къ моей слезной просьбѣ, на-

чальникъ! продолжала монахиня, зарыдавъ.—Не унеси за гробъ свой великаго грѣха! Не осуждай праведнаго.

Дворжицкій мрачно на нее взглянулъ, скрестивъ на широкой груди своей руки и тихо, но твердо сказалъ:

— Уйди, черница! или я позову стражу!

Сестра Нимфодора встала и, шатаясь, сдѣлала къ нему шагъ. Глаза ея казались больше и, блестя слезами, горѣли отчаяніемъ. Прекрасное, поблѣднѣвшее лицо дышало глубокимъ презрѣніемъ къ молодому пану и какою-то отчаянною рѣшимостью.

— Если ты пришелъ къ намъ для корысти и обогащенія себя, начальникъ, возьми все, что имѣю! задыхаясь отъ волненія проговорила она, бросая къ его ногамъ свой тяжелый кошель съ золотомъ.

Дворжицкій вспыхнулъ негодованіемъ при такомъ оскорбленіи своей рыцарской чести, гордо вскинулъ красивую, бѣлокурую остриженную голову и повелительно, молча, указалъ отчаянной молодой женщинѣ на дверь.

— Не выйду отсюда безъ моего стараго отца! блѣдная, вся дрожа, шептала монахиня, сдѣлавъ еще шагъ къ Дворжицкому и вдругъ выхватила изъ кармана рясы остроконечный ножъ, съ рѣшимостью страсти, мстящей смертью за жизнь любимаго существа.

Дворжицкій не шелохнулся и сильною рукою схватилъ руку, замахнувшуюся на него ножемъ.

Ножъ выпалъ изъ обезсилѣвшей женской руки. Сестра Нимфодора покачнулась на ногахъ и, блѣдная, готова была упасть.

Дворжицкій ее поддержалъ, растерявшись окончательно.

— Ты пришла меня убить? съ мрачнымъ упрекомъ спросилъ онъ, желая услыхать отъ нея объясненіе ея поступка.

— Да! чуть слышно, вся дрожа, прошептала монахиня.

— Такъ русскую Іудифь, спасающую родную Ветилую, видитъ передъ собой польскій Олофернъ? сказалъ съ насмѣшливой улыбкой Дворжицкій, убѣждаясь, что Іудифь изнемогаетъ на его рукахъ.

— Если бы твоею смертью, начальникъ, я могла спасти отца и несчастную мою родину, терзаемую вами, хищники! глубоко вздохнувъ и по немногу оправляясь порывисто сказала молодая монахиня.—Гдѣ жъ Богъ? правда его гдѣ? Праведники посрамлены и въ темницахъ стонутъ!

Она опять зарыдала. Поддерживавшій ее Дворжицкій невольно ею любовался. Въ его душѣ упрекъ монахинѣ смѣнился упрекомъ самому себѣ.

— Я не могла подкупить тебя, начальникъ, я не могла тебя убить! заговорила среди рыданья Нимфодора. — Меня вы, мужчины, называете красавицей: возьми же, если хочешь, мою женскую красоту, мою честь дѣвичью за отцову жизнь! Отдай мнѣ стараго отца!

Рѣшимость великодушной красивой монахини купить жизнь отца цѣною своего позора поразила гордаго пана. Онъ бережно посадилъ ее на лавку, видя, что она падаетъ и ноги ее не держатъ,

и въ большомъ волненіи отошелъ къ окну. Не могъ не понять благородный панъ всего величія этой женской рѣшимости. Но она оскорбляла его. Въ этой ужасной, исполненной высокаго женскаго самопожертвованія, рѣшимости нѣжно любящей дочери, безплодно испытавшей всѣ способы, которыми только располагала, спасти отца, онъ усматривалъ глубокое презрѣнье русской монахини къ себѣ, врагу ея родины. Какъ грубому, безсердечному разбойнику она предложила ему все, что могла. Она отожествила его съ какимъ нибудь Лисовскимъ! Бóльшаго презрѣнія къ нему не могла оказать честная женщина. Ея слова глубоко прошли въ душу его. Она права, какъ права княжна Марія: польскіе паны заслужили презрѣніе лучшихъ русскихъ людей. Они не разбираютъ средствъ въ борьбѣ съ русскими. Они служатъ орудіемъ бездушнаго римскаго клерикализма и заблуждающейся польской политики, посягающей на независимость могучаго, добраго народа. Ей ли, польской республикѣ, мятежной и ослабленной своей домашней неурядицей, препирающейся съ своимъ королемъ и ищущей только его униженія да подчиненія королевской власти своенравію магнатовъ,—покорить Русь, рождающую такихъ великихъ сердцемъ женщинъ, какъ эта скромная монахиня, или та гордая княжна, что овладѣла душею Дворжицкаго? Ихъ отцы, конечно, съумѣютъ оберечь независимость своего народа и справятся, рано ли, поздно ли съ польскими и іезуитскими интригами. Сильная нравственная борьба разрѣшалась въ молодомъ панѣ, и онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Рыданія прекрасной монахини, терзая его сердце, какъ фуріи греческой миѳологіи, какъ несносный, вполнѣ заслуженный упрекъ, пробудили въ немъ лучшія мужскія чувства.

— Я хочу остаться въ твоей памяти не такимъ, какимъ тебѣ кажусь, благородная черница, сказалъ онъ мягко, обратясь къ ней и глядя на нее совсѣмъ другимъ человѣкомъ.—Твое великодушіе женское не сильнѣе мужской гордости: твой отецъ свободенъ—возьми его себѣ!

Сестра Нимфодора радостно вскрикнула и упала на колѣни. Она горячо цѣловала его руку, смачивая ее радостными слезами.

Дворжицкій почувствовалъ, что переживаетъ лучшую минуту своей жизни. Онъ поторопился снять съ пальца дорогое кольцо съ вырѣзаннымъ на аметистѣ своимъ вензелемъ и подалъ его монахинѣ.

— Оставь мой перстень у себя на память о польскомъ панѣ, умѣвшемъ любить и уважать русскую женщину, сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ, въ которомъ Нимфодора услыхала нѣжныя ноты, вызванныя въ немъ воспоминаніемъ о княжнѣ Маріи. — Одна русская красавица научила меня любить, другая напомнила мнѣ, что кромѣ земной правды, часто лгущей, есть еще высшая, вѣчная правда, непогрѣшимая какъ самъ Богъ! Ты его достойная служительница, прекрасная монахиня!.. Кстати: перстень отворитъ тебѣ темницу твоего отца. Ты права: отецъ такой дочери не можетъ быть преступникомъ!

Потомъ Дворжицкій поднялъ съ полу кошель съ деньгами и остроконечный ножъ съ деревянной рукояткой; кошель вручилъ Нимфодорѣ, а ножъ положилъ на столъ, сказавъ:

— Этотъ ножъ, монахиня, позволь мнѣ оставить у себя на память о русской героинѣ. Я велю обдѣлать его въ золотую ручку, на которой вырѣжется: день, мѣсто и твое имя; я его хочу знать.

— Сестра Нимфодора, скромно сказала монахиня.

— Я его не забуду. Я покажу этотъ драгоцѣнный ножъ нашимъ молодымъ полькамъ; я имъ скажу, что не онѣ однѣ достойны прославляться поэтами и воспѣваться пѣвцами. Теперь прощай! Святая Марія да хранитъ тебя въ жизни! Молись за Божьяго раба Пржемислава. Прощай!

— Въ моихъ молитвахъ ты всегда будешь вмѣстѣ съ моими отцомъ и матерью, будешь моимъ о Христѣ братомъ, благородный иноземный панъ! съ увлеченіемъ сказала сестра Нимфодора, вставая и утирая благородныя слезы.—Будь счастливъ и продли Богъ твои дни на счастье людей! Прощай!

Сестра Нимфодора вышла изъ избы начальника, окрыляемая радостью, съ одною мыслію, что старый ея отецъ свободенъ, спасенъ.

Старый бояринъ Ферапонтовъ, схваченный такъ неожиданно у овина, очутился запертымъ въ каменной и сырой наугольной башнѣ Троицкаго монастыря, что стоялъ за рѣчкою Курою, и былъ занятъ польскимъ обозомъ. Изъ разговора стражи онъ понялъ, что его завтра уведутъ въ Польшу. Тяжело было убѣдиться гордому боярину, что онъ не увидитъ больше своей милой родной стороны, что навсегда разлучатъ его съ дочерью; еще болѣе того страшила его мысль, что съ нимъ погибнетъ русское дѣло въ курской сторонѣ, что ее ополячатъ паны съ ксендзами, оторвутъ ее отъ матушки Москвы. Съ его судьбой, зналъ онъ, тѣсно связана судьба курскаго края. А родная дочь?.. эта кроткая, отрѣшившая себя отъ свѣта христіанка, юная черница? Что съ ней будетъ? Не захватили ли и ее поляки? Не опозорили ли ее уже? Не заплатила ли она дорогой цѣной своего женскаго цѣломудрія за самоотверженную попытку спасти отца? Удалось ли ей съ Ерой добраться въ монастырь?

Никто не отвѣчалъ старому боярину на безпокоившіе его вопросы; ничто изъ того, что онъ видѣлъ, не успокоивало его тяжелыхъ думъ и сомнѣній. Длинна показалась старику зимняя ночь, за которую онъ глазъ не сомкнулъ, лежа на голыхъ нарахъ. Свѣтъ въ его тюрьму проникалъ только черезъ окошечко въ запертой двери, изъ привратничьей кельи, обращенной теперь въ караульню. Тамъ раздавался веселый смѣхъ, грубая брань смѣнялась солдатскими остротами. На длинной лавкѣ сидятъ литовскіе копейщики, съ висячими усами, бритыми подбородками и низко остриженными головами; на нихъ цвѣтные кунтуши съ широкими, разрѣзными рукавами. Поужинавъ, они дремлютъ, прислонясь къ стѣнѣ и клюя носомъ, другіе съ азартомъ

играютъ въ „дзябелка“, карточную игру, схожую съ „ландскнехтомъ“. На игру внимательно смотритъ часовой, пахоликъ, въ мѣдной шапкѣ съ обнаженной саблей въ рукахъ. Наконецъ, все смолкло въ караульной. Только сопѣнье и храпъ на всѣ лады, да унылое шмурыганье по кирпичному полу сапогъ, звякавшихъ шпорами. То часовой, позѣвывая, медленно бродилъ у двери, иногда ударяя въ нее при своихъ поворотахъ сабельными ножнами.

Едва забрезжила утренняя заря, на дворѣ трубачъ затянулъ „зорю“. Грустному плѣнному боярину показалось, что рѣзкіе звуки польской трубы словно о немъ подголашиваютъ; словно слезы перебиваютъ ей пѣсню и горе-горькое давитъ ей мѣдное горло и не можетъ она, какъ бы хотѣла, высказать это горе! Печальные звуки военной зари недалеко расходились въ зимнемъ воздухѣ, смѣняя одинъ умирающій звукъ другимъ умирающимъ звукомъ... Вотъ послѣдій звукъ протянулся и оторвался отъ мѣдной трубы... это тѣ самые звуки, что, бывало, доносясь изъ далекаго польскаго лагеря, подымали стараго боярина съ его походной постели — разостланнаго охобня и сѣдла подъ головой. Бояринъ всталъ и принялся за свою обычную утреннюю молитву. Долго ли, коротко ли шло время его заключенія—бояринъ не замѣчалъ. Мысль о вѣчной разлукѣ съ родиной и дочерью и чувство, ею вызванное, настроили его утреннюю молитву на грустный тонъ жалующагося сердца, отличающій пѣснопѣнія царя Давида. Вѣра въ будущую жизнь, гдѣ правда не смѣшается съ кривдой, гдѣ зло не переможетъ добро, какъ на землѣ, поддерживала спокойствіе боярина въ его несчастіи. Когда на своихъ ржавыхъ петляхъ заскрипѣла тюремная дверь и боярина громко позвалъ часовой, Іона Агѣичъ оставилъ свою тюрьму и вышелъ въ караульную съ важнымъ видомъ старца, сознающаго свое достоинство. Со скрещенными на груди руками онъ готовился выслушать свой приговоръ отъ молодаго хорунжаго, присланнаго Дворжицкимъ.

— По волѣ ясневельможнаго пана Пржемислава Дворжицкаго, королевскаго региментаря, бояринъ свободенъ! торжественно объявилъ шляхетный хорунжій, растворяя боярину любезно дверь караульной, изъ которой бросилась къ нему на шею дочь черница съ радостнымъ крикомъ: „батюшка родимый!“

Счастливый отецъ понялъ, кому обязанъ своей свободой, и крѣпко прижалъ дочь къ своей старой груди, стѣсненной сладкимъ чувствомъ.

XII.

„Друга милаго ждала,
Да насилу дождалась...
Ахъ ты, миленькій ты мой,
Раскрасавчикъ дорогой!
Что ты хвалишься мной,
Похваляешься мной?
Похваляешься мной,
Моей русою косой...
Моя русая коса
Всему городу краса,
Молодцамъ—сухота,
Старымъ—оханье,
Дѣвкамъ—плаканье".

(Русская пѣсня).

Прошла зима. Появленіе самозванца смущало народъ. Въ маѣ, Василій Ивановичъ Шуйскій выступилъ изъ Москвы подъ Тулу, „на свое государево и земское дѣло", а въ октябрѣ вернулся въ бѣлокаменную столицу побѣдителемъ. Извѣстно: побѣдителя не судятъ. Хотя на короткое время замолкли народные пересуды о царѣ. Казалось, общая радость соединила теперь его сторонниковъ и недруговъ въ Москвѣ; казалось, что злорадство и клевета, окружавшія благодушнаго государя и истолковывавшія всѣ его помыслы и дѣйствія въ смыслѣ, вредившемъ его царскому достоинству, подрывавшемъ довѣріе къ его правительственной мудрости, теперь заглушены громко заговорившимъ народнымъ восторгомъ. Въ торжественной встрѣчѣ Москвою своего царя, ведшаго доблестную рать, выразилось настроеніе народа и дворянства, дававшее Шуйскому основаніе надѣяться на возможность лучшаго будущаго. Патріархъ Гермогенъ съ священнымъ соборомъ встрѣтилъ его на паперти Успенія Богородицы, въ Кремлѣ. Теплая, разумная рѣчь святителя, обращенная къ царю и къ народу, тронула всѣхъ предстоявшихъ и проникла въ народныя массы. Слово, сказанное на текстъ апостола: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша",—представлялось людямъ, глубже въ него вникавшимъ, вѣщимъ, прозирающимъ будущее строеніе россійскаго государства. При царившей среди многотысячной толпы тишинѣ отчетливо раздавалось учительское слово патріарха. Онъ уподоблялъ землю россійскую безбрежному океану, бурею возмущенному; указывалъ на опасность „безгосподарства", грозящую разбить судно, государствомъ именуемое; сравнивалъ законнаго государя съ кормчимъ; говорилъ: „легко-ли кормчему ввести корабль въ пристань, когда бурныя волны, на хребтѣ своемъ, какъ щепку его швыряютъ; да къ тому же вѣтрила изорваны, мачты и кормило изломаны? И вотъ носится остовъ корабельный межъ камней подводныхъ, пока не потонетъ". Изобразивъ мрачную картину государства безъ государя, патріархъ объяснялъ „нынѣшнюю смуту" злыми затѣями

измѣнниковъ, русскихъ же людей, часто именитыхъ, которые суть „самые заводчики крови"; въ союзники себѣ литву латинскую призвали и царемъ русскимъ бродягъ нарѣкаютъ; предавая анаѳемѣ русскихъ измѣнниковъ, дерзнувшихъ на своего законнаго царя и на свою родную землю, почтенный старецъ призывалъ помнящихъ и боящихся Бога тѣсно окружить благовѣрнаго и христолюбиваго всероссійскаго государя, царя и великаго князя Василія Іоанновича, „яко овны пасомые пастыря окружаютъ", въ единеніи-де подданныхъ съ правителемъ—государственная сила, устрашающая сосѣдніе народы. Припоминалъ, что самъ Господь изрекъ: да будетъ едино стадо и единъ пастырь, а лиходѣи и лукавцы стремятся нарушить стадное единство пасомыхъ и вмѣсто призваннаго пастыря ведутъ многихъ непризванныхъ, лицемѣрныхъ. Святитель взывалъ къ народу „уклониться отъ льстивой злохитрости коварнаго вепря" и придерживаться истиннаго своего христіанскаго государя Василія, „да сохранитъ его Богъ на многія лѣта!" Указывалъ на одолѣніе враговъ въ твердынѣ тульской, какъ на помощь, дарованную правому дѣлу русскаго царя, свыше. Затѣмъ, по приглашенію его, патріарха, царь со своими „стратегами" и народомъ вступили въ Успенскій соборъ для выслушанія божественной литургіи и благодарственнаго молебствія за побѣду.

Какъ только царь „избылъ докуку своего государственнаго и земскаго великаго дѣла", поѣхалъ повидаться съ нарѣченной невѣстой. О ней онъ не забывалъ помышлять въ военномъ шатрѣ и подъ выстрѣлами. Впродолженіе тульской осады, онъ нерѣдко писалъ ей и получалъ отъ нея отвѣтныя грамотки, которыя несказанно радовали стараго жениха и сохранялись имъ въ особомъ ящичкѣ. Онъ искренно жалѣлъ теперь, что нѣтъ съ нимъ его „старшо̀го братца", курскаго боярина Іоны, его постояннаго спутника въ посѣщеніяхъ невѣсты. Василій Ивановичъ взошелъ на высокое крыльцо съ точенымъ балясникомъ и увидѣлъ хоромы княгини Анны съ замираніемъ сердца, понятнымъ въ его положеніи.

Княжеская семья встрѣтила дорогаго гостя по искони заведенному въ домѣ обычаю, съ родовою иконою Божіей Матери Одигитріи, которую держала на груди вдова-княгиня. По сторонамъ ея стояли сынъ и дочь, съ горѣвшими толстыми свѣчами въ рукахъ. Старый женихъ, избѣгая глядѣть на разгорѣвшуюся какъ маковъ цвѣтъ княжну-невѣсту, въ пышномъ уборѣ, сіявшую молодостью и красотою, набожно приложился къ иконѣ, поклонился хозяйкѣ, дочери ея и сыну, и привѣтствовалъ ихъ по старинѣ, словами: „Здравствуйте себѣ, честна хозяюшка, матушка княгиня Анна съ милыми дѣтками во честной хороминѣ!"

Княгиня съ дѣтьми отвѣтила общимъ низкимъ поклономъ.

— И тебѣ бы здраву быть, государь милостивый, великій князь Василій Ивановичъ! много благодарны за память твою о насъ,

твоихъ богомольцевъ и доброхотовъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ! отвѣчала она ему на распѣвъ, какъ тогда было принято говорить у знатныхъ московскихъ женщинъ, заимствовавшихъ эту манеру у торжественной растянутости церковнаго пѣнія.—Тебя, царь Василій Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ въ твой стольный градъ, съ великой побѣдой и одолѣніемъ враговъ твоихъ и православной Руси; насъ, твоихъ сиротъ, съ радостью зрѣть тебя здрава и прославленна!

Василій Ивановичъ еще разъ приложился къ иконѣ и снова поклонился хозяйкѣ, дочери и сыну, затѣмъ, съ преднесеніемъ горѣвшихъ свѣчъ, княгиня бережно понесла икону на свое мѣсто, въ моленную. Старый женихъ слѣдовалъ сзади. Очень ужъ хотѣлось ему любоваться своей красавицей невѣстой. Онъ растерялся, когда княгиня, несмотря на свое дородство, поклонилась своему государю и нарѣченному зятю въ ноги.

— Что ты, княгиня Анна? на что это?.. Своими вѣдь считаемся, одна семья!.. Не подобаетъ! замѣтилъ Шуйскій, торопясь помочь будущей тещѣ подняться.—Не надо... Не государь я здѣсь, съ вами,—свой человѣкъ...

— Съ радости, батюшка, Василій Ивановичъ! съ радости, нарѣченный зятекъ! Лебедка твоя бѣлая глазушки выплакала, тебя, государь, дожидаючись! съ радости.

Дородная княгиня приложила платокъ къ своимъ глазамъ, брызнувшимъ слезами материнскаго счастья, и проворно ихъ отерла, словно понимая ихъ неумѣстность. Княжна-невѣста совсѣмъ сгорѣла, молча потупивъ черные, искрившіеся глаза, чувствуя, что старый женихъ ею любуется. Его не радовали бы слова матери о невѣстиныхъ слезахъ, если бы онъ зналъ чувство, ихъ вызывавшее; если бы онъ убѣдился, что не о немъ, старомъ женихѣ, плакала въ его отсутствіе красавица невѣста.

Хороша она стояла передъ нимъ, высокая, стройная, съ прекраснымъ лицомъ, горѣвшимъ избыткомъ молодыхъ силъ и смущеньемъ дѣвичьяго, глубоко затаеннаго въ душѣ чувства. Къ ней такъ шелъ алый камчатный сарафанъ, по широкому подолу и по груди обшитый серебрянымъ позументомъ; бѣлоснѣжная кисейная рубашка съ широкими рукавами и широкимъ вырѣзомъ, обложеннымъ кружевомъ и обнажавшимъ верхнюю часть роскошной дѣвичьей груди, рѣзко выдѣляла бѣлизну и нѣжность молодаго тѣла. На немъ, обвивая лебединую полную шею, блестѣли три нитки дорогаго, крупнаго жемчуга—подарокъ стараго жениха. Въ розоватыхъ, изящной формы, ушахъ, висѣли тяжелыя, сверкавшія драгоцѣнными камнями, золотыя серьги,—тоже память влюбленнаго жениха. На густыхъ, вьющихся, какъ смоль черныхъ волосахъ,—красиво расшитый малиновый бархатный маленькій кокошникъ; съ него назадъ бѣлой воздушной волной ниспадала дымчатая дѣвичья фата до самаго пола и при малѣйшемъ движеніи красавицы волновалась легкимъ облакомъ.

— Разцвѣла ты тутъ, безъ меня, княжна Марья Петровна! могъ только съ легкимъ, впрочемъ счастливымъ, вздохомъ замѣтить Шуйскій. Крунъ тотъ же райскій цвѣтешь!..

— Тебѣ, государь Василій Ивановичъ, жениху своему суженому рада!—за дочь, упорно молчавшую, замѣтила княгиня, съ улыбкой материнской гордости поглядывая на красавицу дочь.—Ништо невѣстѣ, какъ не радоваться, суженаго дождавшись? Что жъ молчишь, дочка? Языкъ дѣвичій, скромный! что жъ стоишь? Дорогаго гостя гостить надо, по обычаю,—поучала мать безмолвную, какъ бы задумавшуюся, дочь.—Поднесла бы ты, Марьюшка, стопу вина сладкаго нарѣченному своему жениху, государю Василію Ивановичу!

Княжна молча, словно очнувшись отъ сладкаго забытья, взяла позолоченный подносъ съ золоченнымъ кубкомъ изъ рукъ брата и съ поклономъ поднесла кубокъ старому жениху, со словами:

— На здоровье выкушай, Василій Ивановичъ!

— Изъ молодыхъ-то дѣвичьихъ рукъ всякъ напитокъ вкусенъ да хмѣленъ, матушка княгиня, весело замѣтилъ Шуйскій, съ полнымъ кубкомъ въ рукѣ.—Какъ его пьютъ-то, матушка Анна Тимофѣевна? забылъ!

— По старинѣ, батюшка Василій Ивановичъ, по старинѣ, государь нашъ милостивый! также весело, въ тонѣ стараго жениха, подхватила княгиня, хорошо, конечно, понявшая смыслъ его вопроса, особенно лукавое выраженіе его подслѣповатыхъ глазъ, улыбавшихся невѣстѣ, и наставительно обратилась къ ней, пуще зардѣвшейся,— голосомъ, не допускавшимъ возраженія, сказавъ:

— Мы, дочка милая, невѣстами жениховъ уважали, не единымъ виномъ подчивали, матерей своихъ слушали: поцѣлуйтесь, женихъ со невѣстой. Честенъ невѣстинъ поцѣлуй, и жениховъ не срамнóй. И то по обычаю, дочка. Уважь жениха именитаго!

— Воля твоя, родимая! отвѣтила княжна и, вся пылая и трепеща, покорно подставила подъ поцѣлуй стараго жениха свою чудесную щечку. Этотъ поцѣлуй только ее смутилъ, повидимому, не доставивъ ей особеннаго удовольствія.

— Теперь, княжна, вино слаще! вкрадчиво, разнѣженный сказалъ Шуйскій.—Буди здрава, Марья Петровна, съ милой семьей и роденькой!

Медленно выпивъ, женихъ поставилъ пустой кубокъ на золоченый подносъ. Его бороду и усы княжна, по обычаю, обтерла расшитымъ по концамъ полотенцомъ, поданнымъ ей проворнымъ меньшимъ братомъ. Подносъ съ кубкомъ княжна въ то же время передала брату.

— Теперь пречестнаго гостя и своего нарѣченнаго зятюшку милости прошу хлѣба-соли нашей откушать! обратилась къ Шуйскому хозяйка, приглашая его сѣсть за столъ, въ „красное мѣсто“, т. е. подъ иконы.—Не осуди насъ, государь Василій Ивановичъ; пожалуй насъ, сиротъ твоихъ! чѣмъ богаты—тѣмъ и рады!..

Шуйскій сѣлъ на указанное ему хозяйкой почетное мѣсто за столомъ, уставленномъ дымящимися кушаньями, и оглянулся на княжну, приготовившуюся прислуживать ему, вмѣстѣ съ матерью и братомъ.

— Невѣстѣ подобаетъ рядышкомъ съ женихомъ, матушка княгиня! замѣтилъ онъ.

— То по старинѣ, Василій Ивановичъ, согласилась съ нимъ княгиня.—Уважь, дочушка, жениха своего: садись съ нимъ рядышкомъ; любоваться бы намъ на васъ!

Княжна молча сѣла подлѣ жениха.

— А трапеза безъ хозяйки какая же? опять замѣтилъ Шуйскій.— Кто-жъ у насъ, за столомъ, вмѣсто хозяйки будетъ безъ тебя, Анна Тимофеевна, нарѣченная моя теща?..

— Како повелишь—исполню по твоему повелѣнію, Василій Ивановичъ, отвѣтила княгиня, грузно усаживаясь на хозяйкино мѣсто, послѣ поклона гостю.

— И князекъ Юрій обѣдалъ бы съ нами, безъ чина, замѣтилъ красивому юношѣ Шуйскій.—Потому, мы здѣсь въ своей семьѣ, запросто; родными нарѣклись — родственно и трапезуемъ. А чинъ мой господарскій мнѣ и въ Кремлѣ надоѣлъ. Отдохнуть съ вами душенькой всей усталой хочу, названные родичи.

По взгляду матери, князекъ Юрій не замедлилъ присѣсть возлѣ нея.

Теперь расторопный дворецкій Ипатъ Шульга вступилъ въ свои права, распоряжаясь челядью, пріодѣтою по этому „особому случаю".

Шуйскій, какъ и многіе умные люди, любилъ говорить за столомъ, особенно немного подпивши. Къ тому же было ему о чемъ говорить.

— Вернулся я, семья милая, не на отдыхъ, говорилъ Шуйскій послѣ второй стопы, выпитой имъ изъ бѣлыхъ рукъ красавицы невѣсты, только для вида дотрогивавшейся до кушаньевъ и мало ѣвшей. — Некогда, не то дѣло заварили наши измѣнники. Нарядъ строгій надлежитъ чинить по всей землѣ русской. Бѣлокаменная образумилась. Авось божьею силою и молитвою св. угодниковъ утишимъ крамолу! Пора! пора и мнѣ, труднику, за православную нашу мать общую, Русь, поборателю — о самомъ себѣ подумать. Изготовилась ли ты, княгиня Анна Тимофеевна, къ свадьбѣ, обычнымъ дѣломъ?

— Изготовилась къ свадьбѣ, обычнымъ дѣломъ, батюшка Василій Ивановичъ, твоего сказа ждемъ, государь! отвѣтила дородная княгиня съ явнымъ удовольствіемъ,—что, наконецъ, давнишнее дѣло, о которомъ толковали по Москвѣ праздные языки, на всякіе лады, больше вкось и вкривь, подвигается къ своему вожделѣнному концу. Невѣста готова!

— А невѣста готова — за женихомъ остановки нѣтъ, матушка

княгиня, сказалъ Шуйскій, останавливая свои красные, подслѣповатые глаза на красавицѣ невѣстѣ, не знавшей отъ волненья, куда ей дѣться.

— По мясоѣду свадьбѣ быть! рѣшилъ старый женихъ, вволю налюбовавшись дѣвичьимъ смущеніемъ и пожаромъ прекраснаго лица.— Въ воскресенье.

— Твоя воля, батюшка Василій Ивановичъ, отвѣчала княгиня, привставая изъ-за стола и кланяясь.—Мы радешеньки...

Послѣднія слова матери переполнили горечь чувства, съ которымъ встрѣтила немилаго жениха и возлѣ него сидѣла молодая княжна. Обиднымъ вдругъ показалось ей, что мать за нее увѣряетъ немилаго жениха въ чувствахъ къ нему ея, невѣсты, будто бы радующейся этой свадьбѣ. Если бы знала мать, какъ вздрогнуло сердце невѣсты, какъ жутко и тяжко ей стало, когда она выслушала царскаго постельничаго боярина, торжественно извѣстившаго, что „государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ, воротясь съ побѣдой въ свой стольный градъ, сказываетъ своимъ: нарѣченной тещѣ, княгинѣ Аннѣ, и нарѣченной невѣстѣ, княжнѣ Маріи, свое милостивое, царское слово: нынче у нихъ кушать изволитъ". Исподоволь пріучивъ себя къ мысли быть женой Шуйскаго и царицей, княжна поборола тоску, ею овладѣвшую съ новою силою, и рѣшилась выдержать какъ слѣдуетъ свиданіе съ немилымъ женихомъ. По требованію матери, она одѣлась и прибралась съ щегольствомъ и вкусомъ, всегда ее отличавшими. Поглядясь въ зеркало, она собою осталась довольна. Но къ суетливымъ хлопотамъ матери, поставившей домъ „ходуномъ" и заклинавшей дочь „не ударить лицомъ въ грязь",—невѣста относилась съ нескрываемой насмѣшкой, обижавшей хлопотливую мать, не подозрѣвавшей подъ этою насмѣшливостью раздраженія горькаго, затаеннаго въ печальномъ сердцѣ, дѣвичьяго чувства. Невѣста увѣрена была, что ея дѣвичья красота и ея дѣвичій нарядъ вызовутъ восторгъ стараго жениха; но этотъ восторгъ его не только ее не радовалъ, а словно обижалъ. Словно бы на угольяхъ горячихъ сидѣла она съ нимъ рядышкомъ, и большого насилія надъ собою стоилъ ей всякій поцѣлуй, что добросовѣстно, но не горячо печатали на ея горячей дѣвственной щекѣ старыя, мокрыя губы противнаго, хотя и царственнаго жениха. Впрочемъ, къ истинному удовольствію княжны, Василій Ивановичъ уѣхалъ сейчасъ же послѣ обѣда, съ непритворнымъ вздохомъ сожалѣнія объявивъ, что въ Кремлѣ ждетъ его князь Мстиславскій по важному дѣлу. По какому—не сказалъ. „Важное" дѣло—былъ допросъ Болотникова, посаженнаго въ „застѣнокъ". Домъ красавицы невѣсты старый царственный женихъ долженъ былъ покинуть для мрачнаго застѣнка.

Мстиславскій уже сидѣлъ въ „красной" горницѣ Шуйскаго. Онъ замѣтно похудѣлъ и поблѣднѣлъ, страдая отъ раны, полученной имъ, три года назадъ въ голову, подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Тогда,

благодаря шатости войска и нерасположенія подначальныхъ ему бояръ къ царю Борису, онъ былъ разбитъ вчетверо слабѣйшими полками Лжедмитрія. „Первый бояринъ" получилъ тогда нѣсколько ранъ въ голову, сбитый съ коня. Раны зажили. Но въ непогоду, особенно зимой, онѣ очень давали себя чувствовать и мучили его, не смотря на богатырское сложеніе. Поэтому онъ и въ горницѣ не снималъ шелковой на ватѣ шапочки. Переодѣвшись по проще, Шуйскій поторопился съ Мстиславскимъ къ Константино-Еленской башнѣ, гдѣ помѣщался застѣнокъ. Имъ хотѣлось избѣжать всякой встрѣчи. Въ застѣнокъ велъ каменный корридоръ, пристроенный съ внутренней стороны, къ толстой кремлевской стѣнѣ. Свѣтъ скупо лился въ узенькія окошки за желѣзной рѣшеткой и еле освѣщалъ этотъ холодный, длинный корридоръ, называемый „тюрьмой", или „сибиркой". Въ него можно было пройти не иначе, какъ только черезъ караулку, съ мрачнымъ, закоптѣлымъ сводомъ. При входѣ князя Мстиславскаго, караульные стрѣльцы, шумно звеня саблями, поднялись съ лавокъ кругомъ стѣнъ; князь махнулъ рукой, чтобы сидѣли.

— Проводи! велѣлъ онъ уряднику, направляясь къ небольшой желѣзной двери, запертой на два желѣзные засова, безъ замка.—Аль въ застѣнкѣ кто? спросилъ Мстиславскій.

— Дьякъ губной Кравцовъ съ палачами, княже. Тебя ждутъ, отвѣтилъ урядникъ, съ грохотомъ отодвигая засовы и отворяя тяжелую, заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ дверь. Князь оглянулся на царя, совсѣмъ закрывшагося мѣховымъ воротникомъ охобня и въ надвинутой на глаза собольей шапкѣ. Его нельзя было узнать, поэтому вниманіе караула сосредоточивалось только на князѣ.

Можно было задохнуться въ „сибиркѣ" отъ гнилаго, затхлаго смрада, замѣнявшаго въ ней воздухъ. Словно смертью пахло и трупами. Среди печальной тишины и полумрака кое-гдѣ тупо звякали желѣза.

— Погляди, княже, нашихъ „сидѣльцевъ", нашу „немшонную баню"! бойко замѣтилъ первому боярину крайній со входа преступникъ, ражій донской казакъ, назвавшійся царевичемъ Ерофеемъ, прикованный двумя цѣпями къ кольцу въ стѣнѣ и уже вынесшій три застѣнка.—Здѣсь-то у насъ людей вѣшаютъ, сколько потянетъ! кости правятъ!

— Молчать! прикрикнулъ на него вполголоса урядникъ, внушительно пригрозя кулакомъ.

— Чего молчать! еще громче продолжалъ бойкій „сидѣлецъ", злобно тряхнувъ цѣпями, его опутывавшими. — Царевичъ Ерофей и на Лобномъ мѣстѣ, дай-ко-сь, не смолчитъ, не токмо въ сибиркѣ... Погоди, бояре, мы съ вами еще поговоримъ!.. Всѣхъ, должно, насъ не половите! останутся!

Мстиславскій съ Шуйскимъ торопились пройти мимо дерзкаго сидѣльца. Мрачное безмолвіе прикованныхъ другъ возлѣ друга заключенниковъ провожало ихъ по пути въ застѣнокъ. Ни одинъ не рѣ-

шился просить у знатнаго князя милости, умолять о пощадѣ. Сидѣльцы хорошо знали, что изъ сибирки два выхода: въ застѣнокъ, да на Лобное. Отчаяніе и безнадежность имѣютъ своего рода гордость, мрачную и безмолвную.

Мстиславскій остановился передъ Болотниковымъ.

„Пограбленный" стрѣльцами, т.-е. по-просту раздѣтый, въ рубахѣ и порткахъ, гордый и неукротимый духомъ Иванъ Болотниковъ, „воевода царя Дмитрія Ивановича", какъ онъ себя величалъ, представлялся теперь въ самомъ жалкомъ видѣ. Отъ желѣзнаго пробоя, пропущеннаго въ стѣну насквозь, тяжелая цѣпь шла къ желѣзному ошейнику, обмотанному суконной покромкой, чтобъ не терлась шея; другая цѣпь схватывала его ногу; руки скованы. Во рту заткнутъ деревянный „кляпъ", мѣшавшій ему не только говорить, но и дышать. Только для ѣды и питія, три раза въ день, „застѣнный мастеръ" вынималъ изо рта этотъ „кляпъ". Цѣпи не позволяли несчастному „сидѣльцу" не только встать, но и шевельнуться. Онъ сидѣлъ, прислонясь спиной къ сырой стѣнѣ, вытянувъ на соломѣ ноги, уныло повѣсивъ разудалую голову, тупо уставясь когда-то искрометными глазами въ кирпичный полъ. Шуйскій, старательно закрываясь воротникомъ мѣховаго охабня, чтобы не быть узнаннымъ, всматривался въ этого страшнаго врага русскаго государства, въ этого мятежнаго холопа, побѣждавшаго лучшихъ царскихъ полководцевъ, съ чувствомъ удовлетвореннаго раздраженія, не исключавшимъ мстительной радости. Тотъ ли это самонадѣянный возмутитель, кто поклялся искоренить честнóй боярскій родъ на православной Руси и утвердить „холопское царство?" Живо вспомнилъ Шуйскій торжественную минуту, когда изъ тульскаго каменнаго кремля, залитаго водой запруженной Упы, выѣхалъ, сопровождаемый своими подначальными „атаманами", молодой воевода самозваннаго царя, и гордо сошелъ съ богато-убраннаго коня. „Хошъ казнить — казни, государь! сказалъ онъ смѣло Шуйскому.—„А жизнь даруешь Ивану Болотникову—станетъ Болотниковъ вѣрно служить тебѣ, государь, какъ служилъ тому, кто назвался сыномъ царя Ивана Грознова!" Шуйскаго невольно смутило спокойствіе, съ какимъ мятежный „холопъ" упалъ передъ нимъ на колѣни и, нагнувъ свою голову, подалъ острую саблю, съ предложеніемъ обезглавить его тутъ же. Осторожный Шуйскій не спѣшилъ въ дѣлахъ государственной важности, не поддавался движеніямъ личнаго чувства. Голова Болотникова и безъ того была въ его рукахъ. Сабля, хотя и мятежная,—все же оружіе, и смерть отъ нея благороднѣе, чѣмъ смерть отъ пеньковой петли. Слѣдовало не срывать на Болотниковѣ сердце, а добыть отъ него точныя свѣдѣнія о самозванцѣ, его пособникахъ, его надеждахъ и способахъ. Шуйскій съ боярами вѣдали „воровъ, заводчиковъ крови и раззорителей" объявившихся; ему нужно было знать „подъискателей" подъ него, т.-е. тайныхъ его враговъ.

„Застѣнокъ"—темная сыскная изба, подъ тяжелымъ сводомъ, съ

малымъ вверху окномъ за желѣзными ершами, вполнѣ соотвѣтствовалъ своему страшному назначенію. Достаточно было ввести въ него преступника, чтобы тотъ понялъ ужасы нестерпимой пытки, ожидавшей его здѣсь. У приведеннаго сюда къ допросу Болотникова дыбомъ волоса поднялись и морозъ по кожѣ пошелъ при видѣ новой зеленоватой пеньковой веревки, змѣившейся въ его глазахъ своимъ концомъ, спускавшимся съ деревяннаго блока, укрѣпленнаго подъ сводомъ. Палачъ усердно раздувалъ мѣхомъ, устроеннымъ по-кузнечному, уголья въ горнѣ. На яркомъ огнѣ до красна накалились клещи и прутья желѣзные Эти клещи, которыя за длинныя ручки держалъ другой палачъ, употреблялись для ломанія реберъ. Сѣкира, воткнутая въ дубовую плаху, клѣпики, хомуты и прочія принадлежности тогдашняго „сыска“ не располагали обреченнаго ему къ надеждѣ покинуть это зловѣщее мѣсто цѣлымъ и здоровымъ. „Заплечный мастеръ“, старый стрѣлецъ въ кумачной рубахѣ сверхъ синихъ кубовыхъ штановъ, съ толстымъ сплетеннымъ изъ ремней кнутомъ, конецъ котораго былъ сыромятный, равнодушно засучилъ по локоть рукава красной рубашки, въ ожиданіи скорой „работы“. Этими мускулистыми руками „мастеръ“ убивалъ, когда требовалось, своимъ тяжелымъ ременнымъ кнутомъ съ двухъ ударовъ. Приземистый губной дьякъ сыскной избы, Кравцовъ, засѣдалъ за своимъ столикомъ съ бумагами и чернилицей съ перомъ за ухомъ. Раскованный Болотниковъ, съ руками, связанными за спиною, въ одной рубашкѣ, узналъ Шуйскаго и Мстиславскаго и улыбка презрѣнія пробѣжала по его исхудалому, но въ эту минуту еще болѣе выразительному, смуглому лицу. Въ его черныхъ глазахъ отчаяніе, казалось, боролось съ ненавистью. Вмѣсто того, чтобъ трепетно ждать вопросовъ своихъ важныхъ судей, присѣвшихъ на плаху, Болотниковъ, будучи не въ силахъ совладѣть съ своимъ негодованіемъ, самъ къ нимъ обратился съ горячимъ словомъ, звучавшимъ упрекомъ:

— Здравствовать вамъ, именитые люди, князи міра сего! Онъ имъ поклонился съ почтеніемъ, съ усмѣшкой, оскорбительно наглыми и явно разсчитанными на оскорбленіе.—Пожаловали холопа пытать? Холопъ готовъ!.. Но въ холопѣ, помните, человѣчья душа, та самая, что въ тебѣ царь, и въ тебѣ князь... Помните еще: всего холопства не сказните! Что-жь молчите? — Вели же, не мѣшкай, доблестный князь! псы твои алчутъ крови моей, холопской! Застѣнокъ, вѣдь, не поле ратное, гдѣ холопи бояръ царскихъ дубьемъ побиваютъ, да какъ зайцевъ травятъ! Не бойся Ивана Болотникова! руки скручены, воля сломана, въ застѣнкѣ одинъ съ своей правдой! Правда, знаю, вамъ не страшна, бояре московскіе... А ты, царемъ называющійся, не своимъ-ли ты царскимъ словомъ обѣщалъ мнѣ жизнь и честь? не сказнилъ ты меня, Василій Ивановичъ, саблей моей, что доброй волей отдалъ я тебѣ подъ Тулой; для застѣнка сберегъ меня! пытай: рви холопье тѣло!

— Забылъ ты кляпъ, холопъ дерзкій, что во рту смаковалъ?

строго замѣтилъ Мстиславскій, намекая Болотникову на вѣрное средство заставить его замолчать.

— Не грози, князь, тому, кто ничего не боится и ждетъ смерти, какъ своего лучшаго друга! порывисто вскричалъ Болотниковъ. — Глупый, хотя именитый человѣкъ! Ужели думаешь, что твой застѣнокъ пересилитъ правду, которой я послужилъ до сего моего послѣдняго часа? Знай: великій духъ, высокіе помыслы, подвигающіе меня стать за меньшихъ братій, за обиженныхъ и угнетенныхъ земнымъ неправосудіемъ, научатъ меня умереть смертью, которой ты позавидовалъ бы, если бы не былъ невѣждой, подобно большей части русскихъ бояръ; знай, что не богатство земное, не знатность рода даютъ человѣку преимущество истинное, „человѣческое"; знай, что ты, князь, знатный, богатый, считающійся свободнымъ и господиномъ крѣпостныхъ людей,—рабъ; ибо душевное и умственное рабство дѣлаетъ человѣка рабомъ, а не рабское происхожденіе. Я, напротивъ, сынъ раба и рабыни, и по рабу—рабъ, и по рабынѣ—рабъ, рабъ по земному своему состоянію, я свободный человѣкъ; ибо духъ вѣчной правды, мною сознанный, во мнѣ одушевляетъ меня, ведетъ меня на жертву искупительную! рвите же, палачи, мое холопье тѣло раскаленными клещами! окровавьте мою холопью спину ременнымъ кнутомъ! отсѣките холопью мою голову на плахѣ! за все тьмочисленное холопство русское, за всѣхъ своихъ братьевъ злосчастныхъ, вами утѣсненныхъ, боярами, — пострадаю бреннымъ моимъ холопьимъ тѣломъ; но безсильны всѣ вы, князи земли, съ своими палачами, поработить свободный мой духъ и свободные мои помыслы! Они не зароются въ землю вмѣстѣ съ земными моими останками; они вѣчно останутся лучшимъ достояніемъ человѣка, котораго земные законы обзываютъ рабомъ и подчиняютъ самовластію человѣка же! Они вѣчно будутъ подымать раба на его насильника, именуемаго господиномъ! Пойми, царь, что̀ пошатнуло престолъ Годунова? что́ шатало и пошатнетъ, рано-ли поздно-ли, твой царскій престолъ? не польскіе паны съ самозванцами,—холопство! Одумайся съ боярами и попами, объяви: нѣтъ де больше въ русской землѣ пространной ни боярина, ни холопа; сравняй дѣтей одной матушки, православной Руси, — и самъ узришь тишину государственную и дни благодатные!..

Болотниковъ высказался со всѣмъ пыломъ глубокаго убѣжденія, со всѣмъ безстрашіемъ человѣка, пренебрегающаго не только муками, но и смертью. Теперь не хвастливость врага, смѣющагося надъ угрозами и отвѣчающаго на нихъ съ дерзостью отчаянья, слышалась въ его горячей рѣчи, но негодованіе человѣческой свободной души, взывающей во имя равенства всѣхъ людей, требующей отъ земной власти сносной земной доли обездоленнымъ, признанія человѣческихъ правъ порабощеннымъ. Умный Шуйскій слушалъ его терпѣливо и внимательно. Мстиславскій растерялся, понимая, что очутился въ положеніи обвиняемаго и не ему судить этого мятежнаго холопа, понимаю-

щаго и чувствующаго и шире, и глубже, чѣмъ самъ онъ, князь, понимаетъ и чувствуетъ. Безмолвные палачи въ недоумѣніи поглядывали на свою жертву, смутно сознавая, что она говоритъ правду, и отвѣтъ даетъ за правду.

— Человѣкъ съ твоимъ умомъ и образованіемъ, Иванъ, мягко началъ Шуйскій, — могъ бы, конечно, заслужить себѣ иную участь. Ты учился у иноземцевъ, въ фряжской землѣ, куда тебя судьба забросила. Ты позналъ фряжскіе нравы и законы и убѣдился въ превосходствѣ иноземныхъ порядковъ надъ нашими, русскими. Немудрено, что тебѣ не по нраву старый русскій обычай. Правъ ты и въ томъ, что „послѣдніе" бываютъ „первыми", если не въ чиновныхъ разрядахъ и не по богатству земному, то по духовному своему совершенству; и то правда: на землѣ не все дѣлается согласно закона Божія; понеже дѣла рукъ человѣческихъ, какъ-то: домостроительство и строеніе государственное—не имутъ совершенства; кольми паче россійское государство юно есть и обуреваемо крамолой, и отъ зачатка своего иго магометово познало. Того ради, доброхоты наши съ нами должны твердо держаться предковскаго обычая въ домостроительствѣ и предковскаго закона въ правительственномъ державствѣ: хороши ли они, дурны ли, не время ихъ ломать. Довлѣетъ дневи злоба его! Въ домостроительствѣ Божіемъ, въ природѣ, новая весна одѣваетъ лѣсъ въ новый уборъ, и молодые листья зеленѣютъ вмѣсто старыхъ, отпавшихъ подъ дыханіемъ осеннихъ холодовъ и бурь. И перемѣны въ человѣческомъ состояніи безвременны не бываютъ, но слагаются разумомъ и силою времени, постепенно, часто вопреки разуму и хотѣнію человѣческому; ибо разумъ и хотѣніе человѣческіе суть заблужденія, но разумъ и сила времени непреложны, какъ разумъ и сила самого Бога. Заблуждаешься ты, Иванъ, посягая на учрежденіе человѣческое, рабствомъ нарицаемое. Библейскіе патріархи имѣли своихъ рабовъ и рабынь, то ты вѣдаешь; Спаситель міра, Іисусъ Христосъ, не возбраняетъ рабовладѣніе въ ученіи своемъ. И въ иноземныхъ государствахъ, вѣдомо, суть господа и суть рабы. Не по нутру тебѣ родовые бояре, именитые люди! Завиствуешь, Иванъ, потому самъ ты, худородный и отъ рабовъ рожденный, лѣзешь въ боярство! Величаться тебѣ нечѣмъ, по подлому своему роду выслужиться тебѣ трудно; а башкой Господь тебя не обидѣлъ и талантомъ полнымъ наградилъ. Вотъ ты, завиствуя лучшимъ людямъ, подбилъ на нихъ худшихъ людишекъ, свою холопью братью: старые-де порядки на Руси искоренимъ, холопы боярами станутъ. И то я тебѣ въ вину вмѣняю, что въ союзники ты къ самозванцу пошелъ, съ польскими панами за-одно сталъ. Отъ твоего холопства довольно государство наше раззорено, и народу православнаго побито. Престольный самый градъ нашъ дерзнулъ ты воевать, и наши царскія рати въ полѣ и въ городахъ неоднократно ты побивалъ и посрамлялъ. И хвалился ты, Иванъ, въ грамотахъ прелестныхъ своихъ извести родовитыхъ

людей. Какъ же мнѣ вѣрить тебѣ, мятежному холопу, что ты служить мнѣ станешь твердо и неподвижно, какъ самозванцу служилъ? Врагъ ты намъ былъ, врагомъ нашимъ и умрешь! Развѣ не посылалъ къ тебѣ я, не уговаривалъ тебя отстать отъ самозванца, не обѣщалъ тебѣ чинъ дворянскій и помѣстья?

— Обѣщалъ! тихо подтвердилъ Болотниковъ.

— Ты презрѣлъ мое царское слово и мою милость.

— Да! заговорилъ Болотниковъ съ прежнею живостью.—Тогда я разсчитывалъ на другой исходъ дѣла холопскаго, которымъ я руководилъ. Твое обѣщаніе, царь, льстило мнѣ лично, но не дѣлу моему. Я получилъ бы отъ тебя чинъ думнаго дворянина, помѣстья; но что съ этимъ выиграли бы десятки тысячъ холопьевъ, вооружившихся по моему слову и соединившихъ свою судьбу съ моею судьбою? Что получили бы милліоны холопьевъ, насторожившихся по моимъ грамотамъ и нетерпѣливо ждавшихъ, на всемъ пространствѣ русскаго государства, успѣховъ моего оружія, за нихъ поднятаго? Ставъ твоимъ, царскимъ, дворяниномъ, обѣленнымъ, истомѣщеннымъ именитымъ человѣкомъ, я собою только увеличилъ бы число утѣснителей моихъ братьевъ-холопей. Вмѣсто обѣщанной имъ свободы, я способствовалъ бы ихъ закрѣпощенью. Мои виды не совмѣщались съ твоими, государь! Вотъ почему не согласился я тогда на твое предложеніе. Долгъ совѣсти не дозволилъ мнѣ на него согласиться!

— Дѣло твое, спокойно замѣтилъ Шуйскій. — Ты мнѣ не повѣрилъ, я не вѣрю тебѣ. Всякъ при своемъ... теперь, вотъ что: скажи мнѣ, Иванъ, знаешь ли ты самозванца?

Болотниковъ подумалъ, прежде чѣмъ сказалъ:

— Знаю.

— Кто онъ такой, назвавшійся разстригинымъ именемъ? Вѣдаемъ воровъ, нарѣкшихся царскимъ титломъ, а сего самозванца никто не вѣдаетъ.

— Самозванецъ сей столь преступенъ и подлъ, что порочитъ даже достоинство ложнаго государя, которое на себя принялъ!—мрачно, какъ бы подъ вліяніемъ тяжелаго воспоминанія, съ тихимъ вздохомъ сказалъ Болотниковъ.

— Полякъ или русскій, кто, откуда, какъ его имя?

— Я поклялся на своей саблѣ сохранить тайну его, и сдержу свою клятву, государь! твердо, поднявъ голову, отвѣтилъ плѣнникъ.

Шуйскій безпокойно глянулъ на Мстиславскаго.

— Кнутъ не дьяволъ, а правду сыщетъ! строго замѣтилъ Болотникову первый бояринъ, намекая ему на пытку.—Не таись, Иванъ, сказывай царю про самозванца, что знаешь. Побереги себя.

— Не скажу! съ мрачною рѣшимостью повторилъ Болотниковъ.— Дѣлайте со мною, что хотите!

Шуйскій опять безпокойно глянулъ на Мстиславскаго, съ понятнымъ ему согласіемъ распорядиться, какъ знаетъ.

— Пытать вора въ три перемѣны! кратко приказалъ первый бояринъ, съ хладнокровіемъ человѣка, привыкшаго къ ужасамъ застѣнка.— На виску!

— Приступите, царскіе палачи, къ своему дѣлу: сыскивайте! скомандовалъ, какъ бы пропѣлъ за своимъ столикомъ, губной дьякъ Кравцовъ и глубокомысленно обмакнулъ перо въ чернильницу, зорко поглядывая на „дѣло".

Заплечный мастеръ и палачи бросились на свою жертву и, проворно развязавъ ей руки, привязали ихъ къ концу зеленоватой новой веревки, а ноги ея забили въ тяжелую дубовую колоду. Затѣмъ палачи дружно схватились за другой конецъ веревки и потащили. Деревянный блокъ заскрипѣлъ и запищалъ, словно приголашивая о горькой долѣ пытаемаго. Зеленоватая веревка натянулась, какъ струна. Болотниковъ закачался, медленно подымаясь къ блоку и темному своду вслѣдъ за своими руками, вывернувшимися въ лопаткахъ; растерянными глазами, выражавшими и ужасъ, и боль нестерпимую, глядѣлъ несчастный на царя и на боярина и поднялся еще выше. Страшно вытаращенные глаза его какъ бы спрашивали: не шутка ли это одна съ нимъ? А руки, вывернутыя изъ „вертлюговъ", все подтягивались къ жалобно скрипѣвшему блоку, таща за собою вытянувшееся и качающееся тѣло съ тяжелою колодкою на ногахъ.

— Первый кнутъ! пропѣлъ за своимъ столикомъ дьякъ Кравцовъ, отмѣчая на бумагѣ.—Приступи, заплечный!

Заплечный мастеръ, отступивъ на шагъ, ловко взмахнулъ кнутомъ. Свистнувъ въ воздухѣ, онъ глухо шлепнулъ по спинѣ Болотникова. Клочки располосованной рубашки и кровь, брызнувшая изъ глубоко разсѣченнаго тѣла, пуще закачавшагося и завертѣвшагося, вызвали въ Шуйскомъ доброе желаніе прекратить пытку. Онъ былъ сердоболенъ. Съ ужасомъ, закрывъ глаза и стиснувъ губы, онъ крѣпко сжалъ одною рукою колѣно Мстиславскаго, а другою выразительно махнулъ, чтобъ кончили.

— Кнутъ не ангелъ—души не вынетъ, а правду скажетъ! замѣтилъ бояринъ, не обращая вниманія на волненіе царя, задавшись рѣшимостью добиться отъ Болотникова, во что бы то ни стало, свѣдѣній о личности второго самозванца.—Молчишь, Иванъ? Поглядимъ: кто кого перемолчитъ?

Болотниковъ, блѣдный, какъ мертвецъ, молчалъ. Все тѣло его лихорадочно дрожало, спина посинѣла и вздулась, залитая кровью. Черные глаза горѣли, ноздри широко раздувались. Онъ задыхался...

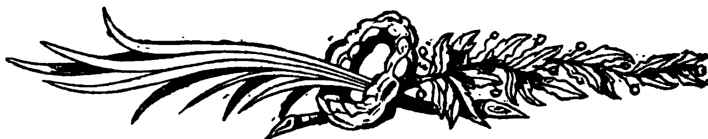
— Другой кнутъ! пропѣлъ дьякъ за столикомъ.—Паки приступи, заплечный!

Заплечный повторилъ свой ударъ и бросилъ кнутъ. Сыскиваемый казался мертвымъ. Голова безсильно упала на грудь, тѣло не дрожало болѣе, глаза не горѣли, ноздри не раздувались, ротъ не дышалъ. Весь онъ обливался своею кровью...

Шуйскій не выдержалъ и поспѣшилъ покинуть застѣнокъ. Мстиславскій, не могшій забыть срама своихъ пораженій на ратномъ полѣ, понесенныхъ имъ отъ Болотникова, нѐхотя съ нимъ разстался. Выходя, онъ велѣлъ заплечному снять его съ виски и „убрать“ по прежнему. „Убрать“ — значило приковать узника и всунуть ему въ ротъ деревянный кляпъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ВОСПОМИНАНІЕ О Н. Д. МИЗКО.

Въ ПОСЛѢДНЕЕ время все чаще и чаще слышатся траурныя вѣсти объ отшедшихъ на вѣчный покой дѣятеляхъ русской литературы,—послѣднихъ могиканъ знаменательной эпохи сороковыхъ годовъ. Съ неумолимой послѣдовательностью смерть уноситъ въ свѣжія могилы одного за другимъ людей, когда-то честно послужившихъ родному слову, по мѣрѣ силъ и средствъ. Вотъ и недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, покончилъ свое земное бытіе одинъ изъ такихъ ветерановъ литературы,—правда, не пользовавшійся въ ней громкою извѣстностью, по скромному объему своихъ трудовъ, посвященныхъ въ особенности исторіи словесности и библіографіи, но горячо преданный дѣлу, Николай Дмитріевичъ Мизко, бывшій на своемъ вѣку усерднымъ и, большею частію, анонимнымъ вкладчикомъ многихъ періодическихъ изданій. Какъ человѣкъ и какъ литераторъ-любитель, онъ имѣетъ заслуженное право на посмертное о немъ воспоминаніе не среди однихъ лишь его близкихъ и друзей, но и тѣхъ, для кого не безразлично и дорого всякое правдивое сказаніе о нашихъ добросовѣстныхъ труженикахъ въ области мысли и печатнаго слова. Собственно съ этою цѣлью и передаются о покойномъ эти свѣдѣнія, взятыя преимущественно изъ автобіографическихъ его матеріаловъ: писемъ и памятныхъ замѣтокъ.

13-го мая 1818 года, въ Екатеринославѣ, у директора тамошней гимназіи, статскаго (впослѣдствіи дѣйствительнаго) совѣтника Дмитрія Тимоѳеевича Мизко и жены его Александры Ѳедоровны, рожденной Легкоступъ, родился сынъ-первенецъ Николай, вслѣдъ за которымъ, втеченіе четырехъ лѣтъ, семейство это умножилось еще

двумя дѣтьми: дочерью и другимъ сыномъ [1]). Рожденіе послѣдняго стоило жизни матери, умершей въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ [2]), когда старшему ея мальчику исполнилось почти 4 года. Такимъ образомъ, дѣти въ младенчествѣ лишились материнскихъ попеченій и всѣ заботы объ ихъ воспитаніи пали исключительно на овдовѣвшаго отца семьи,—къ счастію человѣка недюжиннаго, обладавшаго солиднымъ образованіемъ и, мало того, педагогическою опытностью. Скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Дмитрій Тимоѳеевичъ Мизко, потомокъ стариннаго въ Малороссіи дворянскаго рода, происходившаго изъ австрійскихъ славянъ, родился въ г. Борзнѣ (Черниговской губ.), 26-го октября 1772 г.; онъ былъ сынъ священника-дворянина, прошелъ курсъ кіевской духовной академіи и потомъ, поступивъ на гражданскую службу, бо̀льшую часть своей жизни подвизался съ честію на педагогическомъ поприщѣ. Между прочимъ, около тридцати лѣтъ сряду прослужилъ онъ въ должности сперва директора училищъ Екатеринославской губерніи (съ ноября 1803 г.), а затѣмъ—мѣстной гимназіи, со времени самаго ея открытія, имъ же торжественно исполненнаго, 1-го августа 1805 г., по распоряженію начальства харьковскаго университета. Дмитрію Тимоѳеевичу пришлось начать собою преемственную лѣстницу гимназическихъ директоровъ и стать на первой ея ступени; но, первый по счету, онъ едва ли не былъ имъ и по заслугамъ дѣлу, которому посвятилъ себя. При немъ екатеринославская гимназія выдавалась превосходнымъ во всѣхъ частяхъ состояніемъ и слыла не даромъ изъ лучшихъ въ своемъ учебномъ округѣ. Счастливая случайность совмѣстила въ лицѣ Д. Т. Мизко истинное призваніе къ такой службѣ съ хорошо обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ и дала новорожденной гимназіи начальника, трудившагося не изъ нужды, а по внутреннему влеченію къ педагогической профессіи, и во весь долгій періодъ его директорства, — о которомъ бывшіе питомцы гимназіи, теперь уже почтенные старики, вспоминаютъ до сихъ поръ съ благодарнымъ чувствомъ, — заведеніе это стойко держалось на высотѣ своей доброй славы. Къ слову сказать, выпускавшіеся имъ воспитанники, отличаясь, вообще, болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ школьнымъ образованіемъ, выносили оттуда хорошія практическія познанія въ новыхъ иностранныхъ языкахъ: явленіе очень рѣдкое и нынче въ провинціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Труженикъ-директоръ служилъ до тѣхъ поръ, пока не пришла старость и не измѣнило ему крайне ослабѣвшее зрѣніе (впослѣдствіи

---

[1]) Дочь Надежда Дмитріевна, р. въ 1820 г., умершая незамужнею въ 1866 г., и сынъ Георгій Дмитріевичъ, р. 26-го апрѣля 1822 г., здравствующій понынѣ и проживающій въ своемъ имѣніи, Екатеринославской губ., въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

[2]) На 33-мъ году жизни: она родилась въ 1790 г.

совершенно потерянное, за десять лѣтъ до смерти его). Эти причины заставили старика выйти въ отставку (въ 1831 году) и проводить остатокъ жизни на покоѣ. Совсѣмъ уже ослѣпшій и немощный тѣломъ, хотя и бодрый умомъ, онъ тихо угасалъ среди своей семьи и, 19-го декабря 1847 г., отдалъ Богу душу [1]). Ровно двадцатью годами пережилъ покойника его младшій братъ-холостякъ, Григорій Тимоѳеевичъ Мизко, человѣкъ замѣчательнаго ума и большихъ познаній, масонъ и мистикъ, лично извѣстный знаменитому министру духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну, и пользовавшійся его благосклоннымъ вниманіемъ [2]).

Дмитрій Тимоѳеевичъ, всецѣло поглощенный своими служебными обязанностями, на которыя уходило почти все его время, несмотря на свое здравомысліе и опытность, разумѣется, никоимъ образомъ не могъ вполнѣ замѣнить дѣтямъ мать и, естественно, упускалъ изъ виду многое, что̀ требовало бдительнаго вниманія. Кромѣ того, онъ имѣлъ слабость проявлять очень замѣтно пристрастіе къ своему первенцу и, довольный его счастливыми задатками, его учебными успѣхами, баловалъ любимца больше, чѣмъ бы слѣдовало. За этимъ мальчикомъ, обильно одареннымъ отъ природы добрымъ сердцемъ, бойкими способностями, благородными инстинктами, ухаживали съ младенчества до возмужалости словно за тепличнымъ продуктомъ, пѣстовали его, какъ неоперившагося птенца, чуть не кормили изъ рукъ. Для маленькаго Коли даже созданъ былъ своеобразный порядокъ, регламентировавшій его физическое существованіе. Богъ знаетъ, въ какихъ назидательныхъ книжкахъ вычиталъ Дмитрій Тимоѳеевичъ премудрые гигіеническіе рецепты, по указанію которыхъ, напримѣръ, ребенку ни подъ какимъ видомъ не дозволялось пить сырую воду, а предписывалось всегдашнее употребленіе отварной,

---

[1]) Не можемъ не отмѣтить здѣсь, что Д. Т. Мизко оставилъ въ печати нѣкоторые слѣды своей умственной дѣятельности. Вотъ они: I) Рѣчь, произнесенная при открытіи екатеринославской гимназіи и напечатанная въ № XIII „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, стр. 107—114. II) Рѣчь, сказанная 1-го мая 1810 г., въ собраніи дворянства Екатеринославской губ., по случаю полученія высочайшей грамоты „за подвиги и пожертвованія, при составленіи и образованіи земскаго войска оказанныя“ (Харьковъ, въ унив. тип.). III) Рѣчь во время публичнаго испытанія, іюня 28-го дня 1810 г. (Харьковъ, въ универс. тип., 4°, 1812). IV) Рѣчь, говоренная при торжественномъ открытіи уѣздныхъ училищъ, въ 1811 году, Херсонской губ., въ городахъ Елисаветградѣ, Новомиргородѣ и Вознесенскѣ (Харьковъ, 1812). V) Рѣчь, произнесенная іюня 28-го дня 1813 года (Харьковъ, 1816, 8°). VI) „Нѣкоторыя черты жизни покойнаго преосвященнаго Іова (Потемкина), архіепископа екатеринославскаго“ (Спб. 1826. 8°).

[2]) Григорій Тимоѳеевичъ Мизко род. 24-го января 1782 г., ум. 7-го іюля 1867 г., въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ іюнѣ 1820 г. онъ былъ опредѣленъ въ Екатеринославской губерніи „попечителемъ общества Израильскихъ христіанъ“, учрежденнаго на основаніи высочайшаго указа 25-го марта 1817 г., а уволенъ отъ этой должности 2-го іюня 1833 г. за упраздненіемъ самаго комитета опекунства „Израильскихъ христіанъ“ въ 1833 г. 30-го марта.

или же съ подмѣсью краснаго вина; строжайше вмѣнялось въ обязанность всенепремѣнно и ежедневно ложиться спать послѣ обѣда,— изъ чего если допускались рѣдкія исключенія, то развѣ въ видѣ слезно-выпрошенной особенной льготы, и только по годовымъ или торжественно-семейнымъ праздникамъ... На открытый воздухъ выпускали „паныча" не иначе, какъ съ большими предосторожностями, окутывая его въ вату либо въ мѣхъ, на подобіе запакованнаго тюфяка; а въ комнатѣ — пуще всякой напасти берегли отъ сквознаго вѣтра... Такое воспитаніе, въ концѣ концовъ, могло сломить самое дюжее здоровье; но желѣзный организмъ Николая Дмитріевича, однако, перенесъ его благополучно. Зато въ иномъ отношеніи воспитаніе это принесло свои горькіе плоды: въ молодомъ человѣкѣ выработалась порядочная доля мнительности, недовѣрія къ самому себѣ, нервозной раздражительности, но всего сильнѣе вкоренилась въ немъ вѣчная неумѣлость въ житейскихъ дѣлахъ, — дѣтская непрактичность, — рядомъ съ непомѣрно-развитою мечтательностью и падкостью къ порывистымъ увлеченіямъ, что и отозвалось потомъ въ жизни дѣйствительной... Одно драгоцѣнное пріобрѣтеніе вынесъ онъ изъ домашняго воспитанія: глубокую, никогда не ослабѣвавшую религіозность, навѣянную истинно-патріархальнымъ благочестіемъ отца и дяди. Эта теплая, крѣпкая вѣра въ Бога до конца жизни поддерживала въ немъ нравственныя силы и, въ союзѣ съ прекраснымъ сердцемъ и просвѣщеннымъ умомъ, указывала вѣрный путь лучшимъ его стремленіямъ.

Оригинальная домашня выдержка не мѣшала, впрочемъ, Н. Д. хорошо учиться. Въ этомъ отношеніи онъ былъ направленъ гораздо разумнѣе, чѣмъ въ воспитательномъ, и въ августѣ 1828 года, десяти лѣтъ отъ роду, вступивъ въ екатеринославскую гимназію, радовалъ своими успѣхами отца, въ которомъ имѣлъ зоркаго надъ собой наблюдателя и неусыпнаго руководителя. Въ особенности Николай Мизко отличался за все пятилѣтнее время курса (ограниченнаго въ тогдашнее время этимъ только срокомъ) по предмету „россійской" словесности,—излюбленному имъ предмету втеченіе цѣлой жизни. Мы имѣли случай просмотрѣть тетради ученическихъ его сочиненій, писанныхъ на заданныя темы (въ среднихъ и послѣднихъ, т. е. высшихъ классахъ) и не могли не изумиться почти безукоризненной правильности и гладкости изложенія, такъ же какъ и замѣчательной для юношескаго возраста начитанности. Вообще, литературныя способности сильно заявляли себя въ этихъ стилистическихъ упражненіяхъ и сулили нѣчто въ будущемъ. Любознательный и надѣленный богатою памятью отрокъ читалъ очень много внѣ обязательныхъ классныхъ занятій, пользуясь довольно-значительной по объему и выбору отцовскою библіотекой, которая исправно пополнялась почти всѣми періодическими изданіями, какія выходили въ то время. Помѣщавшіяся въ нихъ беллетристическія произведенія Марлинскаго, Н. По-

леваго, Н. Ф. Павлова, Бенедиктова и Кукольника, сводившія съ ума наивныхъ читателей тридцатыхъ годовъ своимъ затѣйливо-цвѣтистымъ слогомъ, трескучими фразами и невѣроятными романтическими вымыслами, тѣмъ болѣе плѣняли нашего восторженнаго гимназиста и заохочивали его пускаться въ подражанія этимъ моднымъ тогда „сочинителямъ",—въ поддѣлки подъ ихъ тонъ и слогъ, болѣе или менѣе удачныя. Въ тѣ блаженные годы были въ большомъ ходу у грамотныхъ подростковъ „дневники", какъ альбомы у барышенъ, — и нашъ юный мечтатель затѣялъ тоже свой дневникъ, гдѣ исписывалъ цѣлыя страницы, изображая фразистымъ языкомъ небывалыя страданія „непонятой" души, или муки изобрѣтенной на досугѣ пламенной любви къ коварной незнакомкѣ... Но всѣ эти, совершенно невинныя въ сущности, измышленія служили только „пробою пера", помогали только „набивать руку", но не извратили навсегда въ начинающемъ литераторѣ ни здраваго вкуса, ни эстетическаго чутья. Уже недалеко оставалось до обновительной эпохи русскаго Лессинга, водворившей иныя понятія объ условіяхъ изящнаго, о задачахъ современной словесности...

Пятилѣтіе гимназическаго курса прошло незамѣтно. За два года до того, отецъ Николая Мизко оставилъ директорскую службу и продолжалъ уже дома слѣдить за ученьемъ сына, проживая постоянно въ Екатеринославѣ, откуда отлучался лишь по временамъ въ свои имѣнія Новомосковскаго уѣзда. Наконецъ, онъ дождался выпуска сына. 28-го іюня 1833 года, пятнадцатилѣтній его Коля получилъ аттестатъ объ окончаніи курса съ серебряною медалью въ награду. Само собою разумѣется, что вслѣдъ затѣмъ предсталъ вопросъ о вступленіи въ университетъ, о чемъ давно и задушевно мечталъ молодой Мизко, соревнуя примѣру своихъ двоюродныхъ братьевъ и нѣкоторыхъ другихъ товарищей и, еще болѣе, повинуясь тяготѣнію собственныхъ наклонностей, которое тянуло его къ высшему образованію, къ учено-литературной сферѣ. И однако, вопросъ этотъ, долго и многосторонне обсуждавшійся на семейномъ ареопагѣ, былъ разрѣшенъ отрицательно. Дмитрій Тимоѳеевичъ, самъ вкусившій отъ плода познанія въ высшемъ учебномъ заведеніи и цѣлый вѣкъ изжившій надъ трудомъ подготовки молодыхъ людей въ центральный „храмъ наукъ", оказался противъ вступленія сына въ университетъ, утверждая, что тотъ еще слишкомъ не зрѣлъ и слишкомъ пылокъ для самостоятельной,—т. е. освобожденной отъ непосредственнаго родительскаго надзора,—жизни въ университетскомъ городѣ, вдали отъ родной семьи, среди шумнаго общества студентовъ-шалуновъ, которое могло въ конецъ испорить добрую нравственность неопытнаго птенца, впутывать его въ скандалезныя исторіи, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Можетъ статься, мнительный старикъ не вовсе былъ не правъ въ своихъ соображеніяхъ, но, вѣрнѣе всего, старику просто не хотѣлось разстаться съ любимымъ дѣтищемъ, и онъ твердо на-

стоялъ на своемъ, опредѣливъ сына въ гражданскую службу, менѣе нежели черезъ годъ послѣ выпуска его изъ гимназіи. Въ маѣ 1834 года, Николай Мизко сдѣлался канцеляристомъ екатеринославской губернской строительной комиссіи и ровно по прошествіи года получилъ чинъ коллежскаго регистратора...

Канцелярская служба, хотя почти номинальная, сильно претила новоиспеченному чиновнику. Она была, во-первыхъ, не въ его натурѣ, а во-вторыхъ—язвила его самолюбіе, страдавшее при мысли, что даже для чиновничьей карьеры онъ, Мизко, не имѣетъ правъ и преимуществъ, пріобрѣтаемыхъ университетскимъ дипломомъ. Сѣтованіямъ явнымъ и тайнымъ не было конца. „Тебѣ извѣстно"—писалъ онъ однажды въ 1837 году къ младшему кузену и другу своему, Николаю Семеновичу Рындовскому, — „что мнѣ со всѣхъ сторонъ подрѣзаны крылья... Судьба какъ будто нарочно окружаетъ меня неудачами во всемъ, рѣшительно во всемъ: въ дѣятельности сердца, ума и воли, которая находитъ для себя тяжелыя преграды. Не говоря о мелочахъ (т. е. о неудобствахъ настоящей моей стѣснительной домашней жизни), я упомяну только о томъ, что тебѣ извѣстно. Ты знаешь, какъ мнѣ хотѣлось учиться въ университетѣ, а меня засадили за преглупѣйшую канцелярщину; тебѣ извѣстно также, какая блестящая будущность представлялась мнѣ, если бъ я началъ службу подъ руководствомъ дядюшки Григорія Тимоѳеевича, въ столицѣ,— а меня заставляютъ гнить въ пошлой до омерзенія провинціи... Наконецъ, умственная моя дѣятельность, впервые стѣсненная тѣмъ, что я не учился въ университетѣ, состоитъ и теперь отовсюду въ самой тяжелой засадѣ (sic): я дѣлаю то, чего не хотѣлъ бы, я не могу дѣлать того, чего требуютъ благородныя побужденія моего духа. Но усовершенствовать, или, вѣрнѣе, распространить кругъ моей умственной дѣятельности, — это, какъ мнѣ кажется, зависитъ нѣсколько и отъ меня, т. е. отъ посредственнаго или непосредственнаго дѣйствія моихъ силъ и средствъ... Я надумалъ писать для журналовъ, — напримѣръ, „Библіотеки для чтенія", „Журнала министерства народнаго просвѣщенія"... Не имѣешь ли ты въ виду какихъ-нибудь книгъ или брошюръ историческаго содержанія, или по части теоріи словесности или философіи, — на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, вышедшихъ не позже какъ года за два или за три въ Европѣ, изъ которыхъ можно бы позаимствоваться для переводныхъ статей. Касательно же оригинальныхъ, я готовилъ было извѣстное тебѣ разсужденіе: „О современномъ направленіи русской литературы" (теперь совершенно измѣненное и исправленное), съ тѣмъ, чтобы употребивъ его для кандидатскаго экзамена въ университетѣ, послать потомъ въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія", но экзаменъ не состоялся, и сочиненіе лежитъ не оконченное"...

Не всѣ эти намѣренія осуществились, но Николай Мизко, не переставая мечтать о дипломѣ на ученую степень, рѣшилъ готовиться

дома къ университескому экзамену, съ согласія отца, который весьма охотно одобрилъ это благое предпріятіе, видя въ немъ цѣль добиться не вступленія только въ университетъ, а выдержанія тамъ экзамена окончательнаго, для полученія извѣстной степени, что нисколько не грозило продолжительною разлукою отца съ сыномъ. На счастіе Николая Дмитріевича судьба послала ему превосходнаго пособника и наставника въ особѣ одного изъ прежнихъ его гимназическихъ учителей. Это былъ Андрей Степановичъ Понятовскій, родомъ кіевлянинъ, священническій сынъ, нѣкогда студентъ петербургской духовной академіи, временъ митрополита Амвросія (Подобѣдова), ректора Филарета (Дроздова), впослѣдствіи знаменитаго московскаго архипастыря, и инспектора Григорія (Постникова), будущаго митрополита новгородскаго и с.-петербурскаго. А. С. Понятовскій оставался навсегда незабвеннымъ для многочисленныхъ учениковъ своихъ. То былъ едва ли не лучшій представитель типа наставниковъ старой школы, по необычайному трудолюбію, опытному знанію своего дѣла и благотворному вліянію на учащихся,—свѣтлая, благородная личность, умѣвшая вдохнуть въ молодыя сердца чистую любовь къ наукѣ и возвышенное сознаніе обязанностей человѣка и гражданина. На свою скромную профессію онъ смотрѣлъ какъ на святой долгъ передъ отечествомъ и съ какимъ-то религіознымъ благоговѣніемъ относился къ ней.

Естественно, что съ такимъ незауряднымъ учителемъ приготовительныя занятія юнаго коллежскаго регистратора шли очень дѣльно. Но ученикъ-чиновникъ, при всѣхъ успѣхахъ, страшно потрухивалъ и волновался, въ ожиданіи развязки, т. е. предстоящаго ему искуса.

Въ Харьковѣ скоро насталъ вожделѣнный конецъ этимъ треволненіямъ и страхамъ. Все обошлось благополучно. Подготовившись еще и тамъ частными уроками у нѣкоторыхъ профессоровъ, Н. Д. Мизко удачно сдалъ университетскій экзаменъ въ первомъ отдѣленіи философскаго (словеснаго) факультета и былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго студента. 27-го іюня, вечеромъ, довольный и счастливый, онъ возвратился во-свояси и записалъ въ дневникѣ слѣдующія строки: „День возвращенія изъ Харькова. Благодарю Тебя, Господи, за прошедшее, настоящее и будущее, потому что оно, я увѣренъ, будетъ таково, какое должно быть“.

Въ этомъ же счастливомъ для него году дебютировалъ онъ въ печати первою своею статьей, помѣщенною въ 12-й (декабрской) книжкѣ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ 1838 года и подписанною инціалами „Н. М.“: „Программа полнаго курса теоріи словесности“. Коротенькая статейка эта,—всего въ восемь печатныхъ страницъ, — конечно, не особенно замѣчательна по содержанію, но свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о добросовѣстномъ изученіи авторомъ своего предмета и, какъ первый опытъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Можно себѣ представить, сколько удовольствія доставило

молодому человѣку, давно грезившему о литературной аренѣ, появленіе на ней этой пробной работы, и притомъ на страницахъ серьезнаго, спеціальнаго журнала! Авторское самолюбіе было вполнѣ насыщено говоромъ о статейкѣ, тотчасъ же поднявшимся въ провинціальномъ обществѣ какъ между немногими, читавшими ее, такъ и нечитавшимъ большинствомъ, для котораго производители печатныхъ сочиненій считались въ то блаженное время еще рѣдкостью, и дорогою рѣдкостью...

Пожиная свои первые литературные лавры, Николай Дмитріевичъ преуспѣвалъ и въ чинахъ: въ томъ же 1838 году онъ получилъ второй, а скоро затѣмъ и нѣсколько слѣдующихъ. Въ поискахъ лучшей для себя службы,—т. е. службы по своему вкусу,—онъ частенько мѣнялъ ее переходами изъ одного учрежденія въ другое (какъ-то: изъ строительной комиссіи сперва въ уголовную палату, потомъ въ казенную); но эти перемѣщенія оказывались, въ сущности, безразличными, потому что онъ только „числился" въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ (для чиновъ)... Наконецъ, онъ облюбовалъ себѣ дѣло рабочее, по своимъ склонностямъ: въ газетномъ столѣ губернскаго правленія, въ должности редактора „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", что состоялось въ 1845 году. Здѣсь онъ попалъ въ родную стихію. Какъ вездѣ и повсюду на святой Руси, эта сѣренькая газетка, въ ея неоффиціальномъ отдѣлѣ, неизмѣнно носила до того времени свою заповѣдную казенную физіономію отчаянной безсодержательности и мертвенности, существуя исключительно крохоборствомъ, сирѣчь подбираніемъ жалкихъ крупицъ, падающихъ отъ не роскошной трапезы тогдашней столичной прессы. Новый же редакторъ повернулъ дѣло на иную стать и принялся за него горячо и толково. Съ ретивымъ усердіемъ молодости, работая безъ устали, въ одиночку, онъ успѣлъ придать тряпичной губернской газетѣ невѣдомую ей жизнь и свѣжесть, сдѣлать занимательнымъ отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и заинтересовать безучастныхъ дотолѣ читателей, не находившихъ прежде ничего путнаго въ этихъ листкахъ, — статьями, легко и бойко написанными о разныхъ вызывающихъ вниманіе фактахъ и явленіяхъ общественнаго быта, насколько доступно было „трактовать" о нихъ при ветхозавѣтныхъ условіяхъ провинціальной печати. Самый выборъ неизбѣжныхъ перепечатокъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" и Булгаринской „Сѣверной Пчелы" дѣлался умѣлою, ловкою рукой и принялъ характеръ свода общезанимательныхъ замѣтокъ, а оригинальныя статьи самой редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей" имѣли успѣхъ небывалый. Большею частію, эти самодѣльныя статьи касались той области сужденія, гдѣ представлялось анализу болѣе простора,—наприм., театра,—и театральная хроника явилась едва ли не лучшимъ отдѣломъ газеты, по живости и меткости замѣчаній объ игрѣ артистовъ, сценической постановкѣ пьесъ и характеристикѣ ролей. Редакторъ страстно любилъ театръ, умѣлъ понимать его значеніе и цѣнить

исполнителей, а еще болѣе, исполнительницъ [1])... Однако, отчетами о театральныхъ зрѣлищахъ, помѣщавшимися сверхъ того въ петербургскомъ „Репертуарѣ и Пантеонѣ [2]), не исчерпывалась литературная производительность молодой редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей“, и въ нихъ находили мѣсто статьи, представляющія болѣе серьезный мѣстный интересъ [3]). Въ то же время редакторъ старался выяснить своимъ читателямъ значеніе мѣстной газеты для края, привлечь къ ней участіе публики и залучить себѣ сотрудниковъ изъ ея среды, но эти воззванія къ общественному содѣйствію оставались втунѣ, и гласъ вопіющаго въ пустынѣ вскорѣ опять раздался, — все-таки безъ отклика [4]). Напослѣдокъ, измученный хроническою работой, безъ раздѣленія труда, редакторъ рѣшился отказаться отъ нея и, въ 1847 г., оставилъ свою должность, хотя не столько для отдыха, какъ для возможности свободно располагать своею дѣятельностью, обратившей уже на себя вниманіе столичной прессы. Такъ, еще въ 1843 г., онъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ“ (№ 12-й) рецензію на книгу Чистякова: „Очеркъ теоріи изящной словесности“, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того же года (№ 4-й) статью: „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя „Мертвыя души“. Послѣдняя статья въ особенности была замѣчена въ центрѣ литературнаго движенія, сопровождалась лестнымъ отзывомъ Бѣлинскаго и вызвала сочувственное слово самого Гоголя, какъ одна изъ лучшихъ, появившихся внѣ этого центра. Не безсознательно и не съ чужаго голоса авторитетныхъ критиковъ понялъ Н. Д. Мизко, нѣкогда поклонникъ Марлинскаго, высокое художественное достоинство и воспитательное вліяніе на русское общество такихъ твореній Гоголя, какъ „Ревизоръ“ и Мертвыя души“. Благодаря природному чутью, изощренному наукой и мышленіемъ, онъ давно уже съумѣлъ дать вѣрную оцѣнку великому писателю и стать въ ряды

---

[1]) Въ свои поздніе годы Н. Д. Мизко любилъ вспоминать объ этой порѣ жизни и часто повторялъ съ улыбкой Пушкинскіе стихи:

„Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись!“

[2]) Напр. „Екатеринославскій театръ во время Петропавловской ярмарки“ (№ 10, 1843 г.); „Театръ въ Екатеринославѣ, въ 1844 г.“ („Р. и П., отд. „Театральн. лѣтопись“ при № 5, 1845 г.). Потомъ, тамъ-же, въ 1847 г.: „Сцены изъ ежедневной жизни“ (№ 12) и „Объ открытіи въ Екатеринославѣ постояннаго театра“, 26 октября 1847 г. (1848 г., № 1).

[3]) Какъ-то: „Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II“ („Е. Г. В.“ 1846 г. № 32-й): статья перепечатанная и въ „Новороссійск. Календарѣ“ 1846 г.; „О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославѣ“ (перепечат. въ „Илюстраціи“ 1846 г. № 15-й); „Нѣсколько мыслей, соображеній и замѣтокъ о современной русской журналистикѣ“ („Е. Г. В.“ 1847 г., № 11-й) и проч.

[4]) „О цѣли Губернскихъ вѣдомостей и ея исполненіи, равно и о причинахъ, замедлявшихъ ихъ успѣхъ, и о вспомогательныхъ средствахъ къ лучшему успѣху ихъ на будущее время“ (1846, №№ 1-й и 36-й); „Повтореніе приглашенія къ участію въ „Губ. Вѣд.“ (1847, № 3-й).

искреннихъ его чтителей, къ которымъ примкнула дружная фаланга образованной молодежи, подъ призывный кличъ Бѣлинскаго. Не забудемъ, что поднятая его статьями агитація имѣла смыслъ не одного лишь спора за различіе литературныхъ взглядовъ, вкусовъ, направленій, но ожесточенной борьбы отжившаго съ нарождающимся, искусственнаго и поддѣльнаго съ естественнымъ и истиннымъ. Въ провинціальныхъ захолустьяхъ, гдѣ всѣ формы жизненныхъ движеній проявляются непосредственнѣе, грубѣе и угловатѣй,—разъ проникла туда борьба идей, она принимаетъ характеръ болѣе острый, болѣе рѣзкій. Такъ и на родинѣ Мизко, рознь мнѣній выразилась въ непримиримыхъ распряхъ псевдо-классиковъ и псевдо-романтиковъ съ сторонниками новаго литературнаго направленія, будущими послѣдователями только что возникавшей „натуральной" школы и нерѣдко вліяла на личныя отношенія антагонистовъ. Понятно, каково было положеніе литератора-обывателя съ его новыми понятіями объ искусствѣ, объ условныхъ въ немъ приличіяхъ... Тѣмъ не менѣе, названная выше статья (подписанная тоже начальными буквами) произвела тамъ большой эффектъ между читающимъ человѣчествомъ и доставила автору извѣстный почетъ въ средѣ, сочувствовавшей его воззрѣніямъ. Впослѣдствіи, при встрѣчѣ съ Гоголемъ, онъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и его вниманіе къ своей статьѣ. Про эту встрѣчу разскажемъ послѣ, чтобы не нарушить теперь хронологической послѣдовательности. Съ Бѣлинскимъ же Мизко познакомился еще прежде, въ 1846 году. Объ ихъ свиданіи мы нашли только немногія строки въ дневникѣ Николая Дмитріевича: „10 іюня, въ Харьковѣ познакомился я съ Щепкинымъ и Бѣлинскимъ, на пути ихъ въ Крымъ. Между прочимъ, Щепкинъ говорилъ, что Гоголевскія пьесы идутъ на московской сценѣ гораздо удачнѣе нежели на петербургской и понимаются гораздо съ большимъ сочувствіемъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ: „Игроки" слушаетъ московская публика какъ истинную драму,—съ ужасомъ... Бѣлинскій много философствовалъ о религіи, какъ о сущности человѣческой природы. Помнится, онъ выразился, что религія есть возведеніе къ какому то идеальному представленію собственныхъ феноменовъ духа человѣческаго, коего самыя лучшія стороны, самые свѣтлые моменты, человѣкъ, нося въ себѣ самомъ, какъ сущность своей природы, между тѣмъ ищетъ начала ихъ внѣ себя и обращается къ сферѣ неземнаго бытія, гдѣ воспроизводитъ ихъ какъ нѣчто выше себя. Онъ же объяснялъ различіе комизма отъ юмора. Комизмъ, по его опредѣленію, выражаетъ отрицательную сторону рѣзкихъ противоположностей и оттого производитъ смѣхъ; юморъ же изображаетъ жизнь какъ она есть, условливая непремѣнно arrière-pensée о томъ, какъ она должна быть,—и потому слѣдствіемъ его бываютъ слезы".

Н. Д. Мизко, для котораго литературныя занятія сдѣлались потребностію, пробовалъ себя не разъ въ беллетристическихъ попыткахъ, почти безъисключительно оставленныхъ въ рукописи, но, со-

знавъ въ себѣ отсутствіе чисто-художественнаго творчества, онъ окончательно бросилъ эти попытки и ступилъ на дорогу, болѣе свойственную его силамъ: теоріи и исторіи литературы и библіографіи. И такъ, онъ занялся соотвѣтствующимъ трудомъ, который давно былъ задуманъ, подъ заглавіемъ: „Столѣтіе русской литературы" (считая этотъ вѣковой періодъ съ 1739 по 1839 годъ). Цѣльнаго, систематическаго обзора и повѣрки итоговъ литературной дѣятельности за данное время, дѣйствительно не появлялось дотолѣ въ печати, и, потому, такой трудъ былъ затѣянъ благовременно, какъ полезное пособіе для учащихся,—чѣмъ долго и служилъ онъ. Слабая сторона этой книги — ощутительный недостатокъ независимой, серьезной критики и замѣтная робость передъ давно-установившимися, обветшалыми опредѣленіями достоинствъ каждаго дѣятеля: недостатокъ, оправдываемый можетъ быть самымъ назначеніемъ книги, не совсѣмъ удобнымъ для критическаго разбора авторитетныхъ писателей, — по крайней мѣрѣ въ то время.

Усердно работая надъ этимъ сочиненіемъ и доводя его до конца, Мизко былъ на нѣкоторое время прерванъ грустнымъ семейнымъ событіемъ. 19 декабря 1847 года, послѣ долгой болѣзни, умеръ старый и слѣпой его отецъ. Потеря, скорбная для всѣхъ дѣтей покойнаго, тѣмъ горестнѣе почувствовалась любимымъ его сыномъ, который во всю свою жизнь, доживши самъ до старости, не могъ говорить объ отцѣ безъ умилительнаго чувства почтенія къ его памяти. Черезъ годъ спустя послѣ кончины старика (въ 1849 году), Николай Дмитріевичъ напечаталъ въ Одессѣ „Памятную записку о жизни Дмитрія Тимоѳеевича Мизко", въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно для родныхъ и друзей [1]). Вскорѣ затѣмъ, онъ тамъ же издалъ въ свѣтъ „Столѣтіе русской словесности" [2]). Книга эта признаваема была въ свое время одною изъ лучшихъ при преподаваніи исторіи литературы и скоро разошлась въ книжныхъ магазинахъ, до послѣдняго экземпляра. Лѣтъ пятнадцать спустя, одинъ книгопродавецъ предлагалъ автору переиздать его книгу безъ всякой перемѣны и на довольно выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ; но тотъ отказался на-отрѣзъ отъ этого предложенія, добросовѣстно сознавая, что трудъ его, въ первобытномъ, неизмѣненномъ видѣ своемъ, не подходитъ уже подъ ростъ современныхъ условій и не въ состояніи болѣе отвѣчать запросу значительно возвысившихся новыхъ критическихъ требованій, а нуждается въ радикальной переработкѣ всего содержанія, отъ начала до конца, — переработкѣ, равносильной составленію книги за-ново. Но приняться за это дѣло авторъ не захотѣлъ.

---

[1]) Съ литографированнымъ портретомъ покойнаго. Одесса. 1849. Въ типографіи І. Нитче, въ 12°, 32 стр.

[2]) Тамъ-же и въ той же типографіи, того же формата; 342 страницы.

Со смертью отца, ему пришлось во многомъ измѣнить образъ жизни на болѣе хлопотливый и подвижной. Онъ сдѣлался теперь крупнымъ помѣщикомъ, владѣльцемъ довольно богатаго имѣнія при селѣ Карабиновкѣ (Новомосковскаго уѣзда), состоявшаго изъ 5655 десятинъ земли и почти 400 душъ крестьянъ (ревизскихъ), переселился туда на постоянное пребываніе и долженъ былъ предпринимать частыя поѣздки по дѣламъ, то въ Борзну, Черниговъ и Полтаву, то въ Кіевъ, Харьковъ и Одессу: однимъ словомъ, разъѣзжать безпрестанно по всему пространству Новороссіи и Украйны. Конечно, эти поѣздки дѣлали невозможнымъ продолженіе службы, и онъ поспѣшилъ прежде всего раздѣлаться съ нею, подавъ въ отставку даже отъ почетныхъ должностей члена екатеринославскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и попечителя арестантской роты [1]). Съ другой стороны, частыя странствованія если и отрывали его отъ кабинетныхъ занятій, то способствовали интереснымъ знакомствамъ съ нѣкоторыми писателями и учеными, между прочимъ, и съ Гоголемъ, о чемъ мы уже говорили выше. Разсказъ объ этомъ знакомствѣ, которому предшествовала (гораздо прежде) посылка къ Гоголю отъ Николая Дмитріевича, чрезъ посредство Н. Д. Бѣлозерскаго, въ 1842 году, „Историко-статистическихъ свѣдѣній о раздачѣ земель въ Новороссійскомъ краѣ, съ начала 1764 года“ [2]),—переданъ, со словъ записки самого Мизко, въ извѣстномъ сочиненіи г. Кулиша о жизни Гоголя [3]). Мы дозволяемъ себѣ повторить здѣсь этотъ разсказъ:

„Въ первый разъ (говоритъ Н. Д. Мизко) я увидѣлъ Гоголя января 9-го, 1851 года, у одного стараго его знакомаго, А. И. Орлая. Хозяинъ представилъ меня Гоголю въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Разговоръ былъ между тремя или четырьмя лицами, общій—о разныхъ предметахъ, не касавшихся литературы. Меня собственно, какъ уроженца и жителя Екатеринославской губерніи, Гоголь расспрашивалъ о Екатеринославѣ, о каменномъ углѣ въ нашей губерніи, о Святогорскомъ монастырѣ на мѣловыхъ горахъ (Харьковской губерніи, на границѣ Екатеринославской), въ которомъ я былъ; узнавъ же о намѣреніи моемъ побывать за-границею, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о планѣ и удобствахъ заграничнаго путешествія.

„Черезъ день я сдѣлалъ визитъ Гоголю, въ квартирѣ его, въ домѣ Трощинскаго. Это было около двухъ часовъ дня. Онъ стоялъ у конторки и, когда я вошелъ, встрѣтилъ меня привѣтливо. Я пред-

---

[1]) Состоя въ званіи попечителя арестантской роты, Н. Д. Мизко устроилъ на собственный счетъ временное отдѣленіе больницы на 8 кроватей въ одной изъ камеръ зданія, занимаемаго ротой.

[2]) См. „Записки о жизни Н. В. Гоголя“ (соч. П. А. Кулиша, подъ именемъ Н. М.), томъ I, стр. 305.

[3]) Ibid., томъ II-й, стр. 245—248.

ставилъ ему экземпляръ моего сочиненія „Столѣтіе русской словесности“, сказавъ, что для меня очень лестно, если книга моя будетъ находиться въ его библіотекѣ. Онъ благодарилъ меня пожатіемъ руки и потомъ спросилъ:

„— Вы, кажется, еще что-то издали въ Одессѣ?

„Я отвѣчалъ, что напечаталъ „Памятную записку“ о жизни моего отца, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно для родныхъ и друзей, и просилъ его принять отъ меня экземпляръ, такъ какъ, по сочувствію его къ человѣчеству, онъ съ-родни и лучшій другъ каждому человѣку. Онъ благодарилъ меня и сказалъ:

„— Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чьимъ нибудь воображеніемъ, и оттого мнѣ любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографіи или записки дѣйствительно жившаго человѣка.

„Перелистовавъ мою книгу „Столѣтіе русской словесности“, которую держалъ въ рукахъ, Гоголь замѣтилъ:

„— А, у васъ вездѣ приведены образцы изъ нашихъ писателей? Это очень полезно. А то вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитываютъ сочиненія нашихъ писателей за своихъ слушателей, а имъ навязываютъ свои взгляды, чаще же и не свои, а заимствованные. Лучше, если бы учащіеся сами читали сочиненія отечественныхъ писателей; тогда въ понятіяхъ о литературѣ нашей *было* бы болѣе самостоятельности.

„Затѣмъ Гоголь спросилъ:

„— Это вы писали статью о „Мертвыхъ душахъ“ изъ провинціи?

„Я отвѣчалъ утвердительно и самъ спросилъ: читалъ ли онъ ее?

„Онъ отвѣчалъ, что читалъ за-границей, не скоро послѣ того, какъ она была напечатана.

„— А я думалъ, что она не попалась вамъ въ руки, отвѣчалъ я,—судя по предисловію ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“, въ которомъ вы жалуетесь, что изъ провинціи не было подано ни одного голоса [1]).

„— Кажется, сказалъ Гоголь:—я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе. Я тогда же получилъ письмо изъ провинціи. Оно не *было* напечатано. Меня интересовали мнѣнія провинціальныя. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно въ провинціи.

„Отъ этого разговоръ перешелъ къ жизни въ Одессѣ, къ итальянской оперѣ. Гоголь сталъ разсказывать объ итальнскихъ театрахъ, объ Италіи, жаловался на вѣтеръ съ моря, который въ Одессѣ на-

---

[1]) **Примѣчаніе г. Кулиша.** Въ письмѣ къ Язкову, отъ 10-го іюня (кажется) 1843 года, Гоголь упоминаетъ объ этой статьѣ, а именно:

„Мнѣ прислали нѣсколько выдранныхъ изъ журналовъ критикъ на „Мертвыя Души“. Замѣчательнаго, впрочемъ, немного. Лучшія критики большею частію изъ провинцій. Одна изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ“.

вѣваетъ холодъ, и что онъ не можетъ довольно согрѣться. Наконецъ я раскланялся.

„Онъ просилъ посѣщать его, примолвивъ:

„— Я буду разсказывать вамъ про Италію прежде, чѣмъ вы ее сами увидите.

„Черезъ нѣсколько дней Гоголь заплатилъ мнѣ визитъ въ квартирѣ моей, въ гостинницѣ Каруты, на бульварѣ. Онъ вошелъ въ залу, не будучи встрѣченъ слугою, и началъ ходить взадъ и впередъ, въ ожиданіи, что кто-нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто-нибудь изъ домашнихъ, его окликнули изъ гостинной вопросомъ: „Кто тамъ?“ на который онъ отвѣчалъ громко:

„— Николай Гоголь.

„Посидѣвъ немного, онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ комнатѣ тепло, несмотря на то, что окнами на море. Разговóръ незамѣтно склонился къ Италіи. Гоголь, между прочимъ, разсказывая объ умѣньи англичанъ путешествовать, хвалилъ дорожный костюмъ англичанокъ, отличающійся простотой, при всемъ удобствѣ [1]).

„Въ февралѣ я уѣхалъ изъ Одессы. Ровно черезъ годъ, живя въ своемъ имѣніи Екатеринославской губерніи, я былъ пораженъ роковой вѣстью о кончинѣ Гоголя.

„На другой годъ, тоже въ февралѣ, проживая въ городѣ Борзнѣ, Черниговской губерніи, я вмѣстѣ съ однимъ изъ знакомыхъ Гоголя, Николаемъ Даниловичемъ Бѣлозерскимъ [2]), почтили грустнымъ воспоминаніемъ годовщину Гоголя“.

И спустя тринадцать лѣтъ послѣ выхода первой части „Мертвыхъ Душъ“, когда исполнилось уже пятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ не стало великаго писателя, а для русской публики и потомъ для русской печати сдѣлались доступными уцѣлѣвшіе, по счастливой случайности, черновые наброски сожженной авторомъ второй части, — долго ходившіе по рукамъ въ рукописныхъ копіяхъ,—Н. Д. Мизко привѣтствовалъ эти, впервые изданные тогда, отрывки опять своимъ „Голосомъ изъ провинціи, — статьею, напечатанною въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г. (№ 6-й).

Говоря о литературныхъ сношеніяхъ и знакомствахъ Мизко, пріобрѣтенныхъ при частыхъ его разъѣздахъ по Южной Россіи, можно было бы привести длинный списокъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ. Назовемъ изъ нихъ П. П. Гулакъ-Артемовскаго, А. Л. Метлинскаго, С. С. Гогоцкаго, В. М. Бѣлозерскаго, П. А. Кулиша, Н. С. Ковалевскаго, К. П. Зеленецкаго, Кронеберга (Андрея Ив.),

---

[1]) Этими словами закончена въ книгѣ г. Кулиша напечатанная имъ записка Н. Д. Мизко; остальныя нѣсколько строкъ дополнены изъ рукописнаго подлинника записки (помѣченной 28 февраля 1854 г.).

[2]) Тотъ самый, чрезъ чье посредство Мизко доставилъ Гоголю свои свѣдѣнія о раздачѣ земель въ Новороссійскомъ краѣ.

А. И. Селина, А. Скальковскаго, Н. Сементовскаго, поэта Щербину и, кромѣ того, Т. Г. Шевченко и А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго. Многія изъ этихъ лицъ заявили себя усердною дѣятельностью по этнографическимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ о Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, по разработкѣ исторіи Украйны и по участію въ движеніи малороссійской литературы. Съ нѣкоторыми Мизко находился въ продолжительной перепискѣ, посвященной этимъ предметамъ. По образу мыслей, онъ принадлежитъ къ украйнофиламъ, какъ по рожденію и типическимъ свойствамъ — къ южнорусскому племени [1]; но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и нелѣпыя теоріи. Онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-тѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной историческими ихъ судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы [2], силился высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣсняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій. Общность интересовъ преуспѣянія всей Россіи въ дѣлѣ просвѣщенія и добра побуждала его сближаться съ лучшими представителями состязавшихся литературныхъ партій, и съ славянофилами и съ западниками, потому что одинаково для тѣхъ и другихъ были святы эти интересы, а мнѣнія рознились лишь о средствахъ къ цѣли. Такъ, бывая въ Москвѣ и въ Петербургѣ, онъ сходился и съ Аксаковыми (С. Т. и К. С.), и съ Дружининымъ, съ Погодинымъ [3] и Н. И. Костомаровымъ, съ Н. Ѳ. Щербиною и съ И. И. Панаевымъ, съ М. Н. Лонгиновымъ и Дудышкинымъ... Однимъ словомъ, съ людьми, между которыми или не было ничего общаго въ образѣ мыслей и родѣ дѣятельности, или существовало полнѣйшее разногласіе направленій, доходившее до вражды и публичныхъ пререканій.

Десятилѣтіе съ 1856 по 1867 годъ было самымъ производительнымъ временемъ въ литературной жизни Н. Д. Мизко. Не оставляя своихъ всегдашнихъ работъ по библіографіи, исторіи словесности и изученію малороссійской народности, онъ не сторонился отъ всего, что преподносила „злоба дня" и не бездѣйствовалъ умственно въ поднятыхъ тогда вопросахъ о многихъ внутреннихъ реформахъ,—

[1] Не только со стороны отца, но и матери своей, рожденной Легкоступъ, которая доводилась внукой родной племянницы извѣстнаго Ивана Яковлевича Глобы, — послѣдняго войсковаго писаря войска запорожскаго, при уничтоженіи Сѣчи Запорожской.

[2] № 53-й Воронежской газеты „Донъ".

[3] Съ Погодинымъ онъ былъ знакомъ съ 1856 года и находился въ сношеніяхъ по 1865 годъ, когда былъ избранъ (5-го мая 1865 года) дѣйствительнымъ членомъ „Общества любителей россійской словесности", чрезъ посредство Погодина и М. Н. Лонгинова. Въ Москвѣ же онъ познакомился и съ О. М. Бодянскимъ, а въ Петербургѣ съ И. И. Срезневскимъ и А. В. Никитенко.

особенно въ близкомъ его сердцу вопросѣ о системѣ воспитанія. По поводу извѣстныхъ статей В. И. Даля и Н. И. Пирогова, появившихся въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1856 года, онъ откликнулся на нихъ въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ нѣсколькими статьями, подъ заглавіями: „Педагогическія замѣтки“ [1]), „Взглядъ на проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ“ (этого вѣдомства) и потомъ въ качествѣ почетнаго смотрителя павлоградскаго уѣзднаго училища [2]), помѣстилъ тамъ же—„Замѣчанія на проектъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и общаго плана устройства народныхъ училищъ“, а въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (1858 г., № 56-й)—„Замѣтку о сельско-хозяйственномъ образованіи“. Къ категоріи его сочиненій, посвященныхъ образовательной темѣ, должно отнести: напечатанную въ „Русской Бесѣдѣ“ (1857 г., кн. 3-я) рецензію проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ, которая живо затрогивала вопросъ о народномъ проповѣдничествѣ, и особо-изданную Николаемъ Дмитріевичемъ, во время пребыванія въ Москвѣ, въ 1865 года, „Книгу для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи“ [3]).

Вообще труды Н. Д. Мизко въ разныхъ журналахъ и газетахъ были не малочислены. Чтобы напомнить о нихъ, мы приведемъ здѣсь сокращенный перечень нѣкоторыхъ другихъ его статей: а) Въ „Москвитянинѣ“: „Рецензія книги Нейкирха: „Diechterkanon“ (1854 г., № 11-й); „Мысли о восточномъ вопросѣ (1854 г., № 7); „Овидій въ русской литературѣ“ (1854 г., № 11-й); рецензія на книгу А. Метлинскаго, изданную въ Кіевѣ: „Народныя южно-русскія пѣсни“ (1855 г., № 4-й). б) Въ „Основѣ“: „Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитѣйшемъ украинскомъ актерѣ“ (1861 г., № 2-й); „Вісті“. Изъ села Карабиновки, 4-го марта 1861 года (1861 г., № 5-й); „Краткій историческій очеркъ украинской литературы“ (по поводу книги П. Петраченка: „Исторія русской литературы“ (1862 г., № 3-й). в) Въ „Библіографическихъ Запискахъ“: Ода Хераскова на восшествіе на престолъ Александра I-го (1858 г., № 9-й); „Общественная библіотека и книжный магазинъ въ Екатеринославѣ“ (1859 г., № 18-й). г) Въ періодическомъ изданіи „Мода“: „Три встрѣчи“ (1857 г., № 8-й). д) Въ „Сынѣ Отечества“: „По поводу одного романа, не новаго, у насъ же явившагося вновѣ“ („Маргарита Готье“, А. Дюма-сына), (1859 г., № 40-й); „По поводу проекта о продажѣ государственныхъ имуществъ“ (1860 г.,

---

[1]) Статья эта была оттиснута и отдѣльною брошюрой, въ м. 8°, 63 стр.

[2]) Почетнымъ смотрителемъ павлоградскаго уѣзднаго училища Мизко состоялъ съ 1862 по 1868 годъ и ознаменовалъ свою службу въ этомъ званіи тѣмъ, что устроилъ, съ собственнымъ участіемъ, при училищной библіотекѣ и публичную.

[3]) Довольно объемистый томъ, 8°, V и 370 стр. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ переводныя извлеченія и образцы древне-греческой поэзіи, съ историческими свѣдѣніями объ авторахъ. Для поэзіи римской много было подготовлено матеріала, такъ и оставшагося не употребленнымъ.

№ 4-й). е) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: Рецензія на первый выпускъ „Философскаго лексикона“, С. Гогоцкаго (1858 г., № 148-й); ж) Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“: Рецензія на второй выпускъ того же лексикона (1861 г.); „Народное образованіе въ Новомосковскомъ уѣздѣ“ (1868 г., № 5-й); з) Въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Кіевскому Телеграфу“: „Русская словесность въ ея современномъ развитіи“ (1860 г., №№ 1-й и 2-й).

Сотрудничая въ журналѣ Бѣлозерскаго — „Основа“ и въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, Н. Д. Мизко, какъ частый гость Кіева и постоянный корреспондентъ профессора А. И. Селина (съ которымъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ), принималъ близко къ сердцу всякое, имѣвшее общественный смыслъ, явленіе въ средѣ учено-университетской корпораціи и въ области мѣстныхъ интересовъ южнорусскаго края. Тамъ, въ Кіевѣ, соединительнымъ звеномъ между любителями литературы и науки, для непосредственнаго общенія ихъ другъ съ другомъ въ живомъ обмѣнѣ мыслей, служили тогда литературные вечера, которые устраивались въ кружкѣ профессоровъ университета. Непремѣннымъ членомъ этихъ вечеровъ, а иногда и хозяиномъ, бывалъ нашъ Мизко, подолгу проживавшій въ Кіевѣ и любившій окружать себя подобными собесѣдниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ величайшею охотой вступалъ въ личныя и письменныя сношенія съ ученымъ персоналомъ кіевской духовной академіи, всегда тщательно поддерживавшіяся, какъ-то: съ бывшимъ ректоромъ академіи, архимандритомъ Антоніемъ (Капустинымъ), съ 1850 г., и позднѣйшимъ преемникомъ его, архимандритомъ Филаретомъ [1]), съ которымъ велась переписка съ 1863 по 1873 годъ включительно; съ архимандритомъ Іоанникіемъ, тоже ректоромъ академіи, впослѣдствіи архіепископомъ нижегородскимъ, и многими другими. Мизко замѣтно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана,—черта, унаслѣдованная отъ отца и сохранившаяся во всю жизнь. Онъ не пропускалъ удобнаго случая удовлетворять это стремленіе и видѣть нашихъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ. Такъ, въ 1851 г., въ Одессѣ онъ былъ у преосвященнаго Иннокентія (Борисова), архіепископа херсонскаго и таврическаго, знаменитаго проповѣдями, а въ 1852 г. представлялся ему же въ Кіевѣ, гдѣ тогда же и нѣсколько разъ потомъ являлся къ митрополиту Филарету (Амфитеатрову). Но изъ сношеній Мизко съ духовными лицами высшаго образованія нужно предпочтительно отмѣтить начавшееся еще въ ранней его молодости знакомство съ извѣстнымъ алтайскимъ миссіонеромъ Макаріемъ (Вечерковымъ), переводчикомъ съ еврейскаго священныхъ книгъ ветхаго завѣта. Любопытная переписка между ними продолжалась до самой смерти о. Макарія, въ 1847 г. Она свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что Николай

[1]) Впослѣдствіи епископъ рижскимъ.

Дмитріевичъ и его ближайшіе родные, въ 1844 году, по порученію ученаго миссіонера, переводили для него съ французскаго библейскія книги, изданныя на этомъ языкѣ богословомъ XVIII-го вѣка, Остервальдомъ, и трудъ этотъ выполнили, въ облегченіе занятій самого о. Макарія [1]).

Разсказывая преимущественно о литературной дѣятельности и связанныхъ съ нею сношеніяхъ Н. Д. Мизко, мы не находили покуда мѣста вставить нѣсколько необходимыхъ словъ о частной его жизни и отмѣтить одно важное въ ней обстоятельство. Въ 1850 году (12-го мая), онъ женился на дѣвушкѣ, къ которой былъ очень не равнодушенъ,—Надеждѣ Мартыновнѣ Якубовичъ,—красивой, образованной, любезной, одаренной прекрасными качествами ума и сердца. Много задатковъ на взаимное супружеское счастіе было на-лицо, но судьба ихъ не оправдала... Мужъ и жена, сохраняя другъ къ другу полное уваженіе, провели почти всю жизнь врозь, въ добровольной разлукѣ, изрѣдка встрѣчаясь и пріятельски переписываясь между собой...

Развязка крѣпостнаго права произвела большой переворотъ въ быту Н. Д. Мизко, какъ помѣщика. Она пришлась ему не по силамъ, хотя онъ искренно сочувствовалъ великому дѣлу освобожденія. Книжникъ, человѣкъ кабинетныхъ занятій,—что называется, „поэтъ въ душѣ",—не практичный и физически-лѣнивый сельскій хозяинъ, онъ рѣшительно не былъ способенъ заправить дѣла свои на новый ладъ и совсѣмъ не умѣлъ совладѣть съ заботами, требовавшими находчивости, сноровки и терпѣнія. Въ этомъ случаѣ онъ не представлялъ въ себѣ изъятія изъ огромнаго большинства дворянъ-землевладѣльцевъ, застигнутыхъ врасплохъ великою реформой и избалованныхъ чужимъ даровымъ трудомъ. Внимательно слѣдя за возникшей наканунѣ литературой жгучаго „крестьянскаго вопроса" [2]), наводнившей тогда всѣ органы нашей прессы фантастическими планами, проектами, теоріями, обличавшими въ себѣ отсутствіе всякаго почвеннаго изученія и отъявленную практическую несостоятельность, Мизко терялся въ „лабиринтѣ недоумѣній" и нашелъ изъ него одинъ выходъ: сперва поскорѣй раздѣлаться съ крестьянами, а потомъ и со всѣмъ землевладѣніемъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, начавъ съ того, что подарилъ крестьянамъ узаконенную для Новороссійскаго края пропорцію земельнаго надѣла и усадебную землю съ постройками, возведенными на свой счетъ, при чемъ устроилъ и сельскую школу съ принадлежностями. Разумѣется, все это было только **начало конца** и не могло избавить помѣщика отъ хлопотъ, такъ какъ имѣніе требовало поддержки хозяйства, а

---

[1]) Уцѣлѣвшія письма мы надѣемся со временемъ напечатать.

[2]) Н. Д. Мизко не остался ей чуждымъ и, въ свою очередь, напечаталъ въ журналѣ „Сельское Благоустройство" (1858 года, книга 7-я) статью „Нѣсколько словъ о крестьянскомъ трудѣ въ барщинномъ хозяйствѣ", — съ подписью: **Новороссійскій помѣщикъ**.

слѣдовательно и безконечной возни съ вольнонаемными рабочими; да еще, вдобавокъ, онъ же иногда вынуждаемъ былъ входить ex-officio въ чужія дѣла подобнаго свойства, по званію кандидата мироваго посредника,—обязанность, отъ которой онъ поспѣшилъ освободиться отставкою, менѣе нежели черезъ годъ послѣ утвержденія въ этой должности. Но суетливое новое время, съ его преобразовательнымъ движеніемъ, не оставляло въ покоѣ хозяина-собственника: скоро образовались земскія учрежденія и вдвинули Николая Дмитріевича въ число гласныхъ Новомосковскаго уѣзда, а также въ должность, болѣе отвѣчавшую его наклонностямъ,—предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта, причемъ онъ продолжалъ состоять въ званіи члена Екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета. Однако, не долго ему пришлось подвизаться въ этихъ званіяхъ. Разочарованный во всѣхъ нововведеніяхъ, далеко опередившихъ его привычный житейскій путь, невыносимый въ хозяйственныхъ передрягахъ, а между тѣмъ, дотянувшій до пятидесяти слишкомъ лѣтъ, онъ задумалъ добыть себѣ давно желанную свободу отъ опротивѣвшихъ ему заботъ, чтобы погрузиться на досугѣ въ свои любимыя занятія, и наконецъ рѣшилъ привести въ дѣйствіе свою мысль о продажѣ имѣнія и объ окончательной отставкѣ отъ всякаго рода службы [1]). Имѣніе (с. Карабиновку) онъ продалъ своему родному брату Георгію Дмитріевичу, и получивъ довольно крупный капиталъ, навсегда покинулъ родныя мѣста. Послѣ нѣкотораго раздумья, куда перебраться на новое постоянное житье, Николай Дмитріевичъ избралъ для этого Воронежъ,— и совершенно случайно: по совѣту одного пріятеля,—что̀ произошло въ 1868 году.

Въ Воронежѣ Н. Д. Мизко скоро купилъ себѣ домъ, перевезъ туда изъ Екатеринославской губерніи свою богатую и отлично-составленную библіотеку, которую пополнялъ до конца жизни, и отдался всецѣло излюбленному дѣлу, давно и сильно его занимавшему: собиранію матеріаловъ для изданія „Словаря русскихъ писателей“, по возможности полнаго, какого до сихъ поръ не достаетъ для исторіи нашей словесности, если не считать нѣкоторыхъ опытовъ въ этомъ родѣ, погрѣшающихъ огромными пробѣлами, либо черезчуръ устарѣлыхъ, слишкомъ отставшихъ отъ движенія литературы и мало удовлетворяющихъ своему назначенію. „Постояннымъ желаніемъ и любимою мечтой моей“—(писалъ Мизко о задуманномъ „Словарѣ“ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, набросанной въ 1876 г.),— „былъ капитальный трудъ, посвященный исторіи русской литературы, для котораго, впродолженіе многихъ лѣтъ запасалъ я матеріалъ... Недуги тѣлесные и разныя житейскія обстоятельства ослабили мою

[1]) При выходѣ въ отставку (30-го ноября 1871 года), онъ состоялъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

энергію въ литературныхъ занятіяхъ, и я остался лишь усерднымъ читателемъ"...

Такъ и было, дѣйствительно, въ послѣдніе годы его жизни; но въ началѣ своего пребыванія въ Воронежѣ онъ былъ еще далекъ отъ упадка силъ нравственныхъ и физическихъ. Подготовительныя усидчивыя работы надъ матеріалами для „Словаря писателей", конечно, и тогда поглощали преимущественно вниманіе „ветерана книжныхъ дѣлъ" (какъ Н. Д. въ шутку называлъ себя): для него не казался тяжелъ кропотливый трудъ подбора свѣдѣній, разбросанныхъ въ хаосѣ журнальныхъ статей, непрерывныхъ библіографическихъ и біографическихъ справокъ, безконечнаго накопленія громадной массы извлеченій и замѣтокъ, писанныхъ почти сплошь собственною рукой; ему было любо рыться по цѣлымъ днямъ въ грудѣ книгъ, рукописей, каталоговъ; но эти работы пока не вынуждали его совсѣмъ бросить перо для посторонних имъ литературныхъ занятій. Онъ находилъ возможность примкнуть къ сотрудникамъ мѣстныхъ періодическихъ изданій и участвовать какъ въ „Филологическихъ Запискахъ" г. Хованскаго, такъ и въ „Донѣ" г. Веселовскаго. Вотъ главнѣйшія изъ статей Мизко, помѣщенныхъ имъ съ 1869 по 1873 г. въ „Филологическихъ Запискахъ": „Нужно ли руководство при изученіи языка, теоріи словесности и исторіи литературы" (1869 г., № 1-й); „По поводу сочиненія А. Филонова: „Современное преподаваніе словесности" (1870 г., № 3-й [1]); „Общія понятія о поэзіи" (1869 г., № 6-й [2]); „Новые матеріалы для исторіи русской филологіи: по поводу книги А. Будиловича: „Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ" (1870 г., № 1-й); „Опытъ руководства при преподаваніи словесности: рецензія книги М. Колосова: „Теорія поэзіи для среднихъ учебныхъ заведеній, съ прибавленіемъ терминологическаго словаря" (1870 г., № 3-й); „Труды М. А. Максимовича для русской филологіи и словесности. По поводу пятидесятилѣтняго его юбилея" (1871 г.); „Относительно исторіи о языкѣ и восточной филологіи въ Германіи. По поводу книги: „Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie und Deutschland, von Theodor Renfey" (1871 г.); Разборъ книги г. Межова: „Библіографическій указатель исторіи русской и всеобщей словесности съ 1865 до 1870 г. включительно" (1872 г.). Въ воронежской газетѣ „Донъ": „Нѣсколько словъ по поводу открытія памятника Кольцову въ Воронежѣ" (1868 г., № 41-й); рецензія на книгу: „Изъ жизни. Разсказы и повѣсти Н. С. Ковалевскаго" [3]) (1869 г.,

---

[1]) Обѣ поименованныя статьи были вызваны тогдашними толками по этому предмету въ педагогической литературѣ, имѣвшими отчасти характеръ полемики. Первая статья была оттиснута отдѣльною брошюрою изъ 15 стр., въ 12°.

[2]) Также была перепечатана отдѣльно (Воронежъ. 1870. Въ типографіи В. Гольдштейна. 12°, 24 стр.).

[3]) Съ авторомъ этихъ повѣстей, Николаемъ Спиридоновичемъ Ковалевскимъ, жителемъ Малороссіи, Мизко былъ хорошо знакомъ и велъ переписку. Названная (безъименная) рецензія была оттиснута отдѣльною брошюркой въ 18°, на 11-ти стр.

№ 1-й); „Типы современной жизни. По поводу комедіи Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты“ (1869 г., № 24-й); „Любопытный случай изъ земскаго дѣла“ (съ подписью: Бывшій гласный; 1869 г., № 25-й); „Князь В. Ѳ. Одоевскій“ (1869 г., № 27-й, 28-й и 29-й); „По поводу сообщенія изъ Кіева о распаденіи историко-филологическаго факультета въ университетѣ св. Владиміра“ (1869 г., №№ 46-й и 53-й); рецензія на книгу: „Собраніе словъ бывшаго инспектора и профессора ярославской семинаріи, Василія Орлова“ (съ подписью: Свѣтскій; 1869 г., № 34-й); передовая статья о славянахъ (1869 г., № 48-й); переводъ (съ предисловіемъ) по-русски, стихами, малороссійской поэмы Шевченка „Неофиты“ (1869 г., №№ 48-й и 49-й); „Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила, Писаревскаго“ (1869 г., № 54-й — 57-й); „Современная журналистика“ (1870 г., № 10-й); изъ непереведенныхъ по-русски стихотвореній Шевченка. (Съ подписью: Анатолій Икарскій; 1870 г., № 17-й); „Горе отъ ума на провинціальной сценѣ“ (1870 г.). Въ „Воронежскомъ Телеграфѣ“: письмо къ редактору — Бывшаго земскаго гласнаго. Въ „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“: „Надъ гробомъ младенца“ (1869 г. № 1-й — 3-й); „Новый годъ“ (1870 г., № 2-й); „Не дай Богъ смерти“ (1870 г., № 9-й). Наконецъ, въ московской газетѣ „Современныя Извѣстія“ помѣщена замѣчательная по содержанію и прочувствованному тону статья: „Вопросъ на очереди“ (1870 г., №№ 33-й и 34-й). Тема этой статьи — ненормальныя юридическія отношенія, какими обставлены у насъ заключеніе, расторженіе брака, и судьба дѣтей, рожденныхъ „внѣ закона“ [1], — тема, къ которой часто и часто возвращался въ интимныя минуты Мизко, бѣсѣдуя съ своими добрыми знакомыми и пріятелями... Вопросъ этотъ, по особеннымъ причинамъ, всегда болѣзненно отзывался въ его душѣ.

Кромѣ исчисленныхъ выше статей, написанныхъ въ Воронежѣ, изданы отдѣльными книжками: „Замѣтки о Липецкѣ и липецкихъ минеральныхъ водахъ, одного изъ посѣтителей ихъ въ сезонъ 1870 г.“ [2]) и критическій этюдъ: „Тургеневъ, его тридцатилѣтняя литературная дѣятельность и его типы [3]).

Всѣ эти труды слишкомъ достаточно свидѣтельствуютъ, какъ производительно употреблено было старымъ библіографомъ время пяти-

[1]) Первоначально эта статья печаталась въ газетѣ „Донъ“ подъ заглавіемъ „Кровный вопросъ“, въ формѣ критическаго разбора книги А. К. Владиміровой „Безъ вины виноватые“; — но тамъ была не допечатана, по причинамъ, не зависящимъ какъ отъ автора, такъ и отъ редакціи, а потомъ уже передѣлана, съ цѣлію болѣе обстоятельнаго развитія, и въ дополненномъ видѣ помѣщена въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, подъ измѣненнымъ названіемъ.

[2]) Сперва были напечатаны эти замѣтки въ журналѣ „Всемірный Трудъ“ (1871 г. № 3-й). Отдѣльная брошюра, изданная въ 8°, печатана въ Спб., въ типогр. М. Хана: въ ней 25 стр.

[3]) Воронежъ, 1872, типогр. Г. М. Веселовскаго, въ 18°, 134 стр.

лѣтняго пребыванія въ Воронежѣ. Наконецъ, особенныя домашнія обстоятельства побудили Н. Д. опять тронуться съ мѣста своей новой осѣдлости и передвинуться въ Москву, гдѣ онъ расположился пробыть нѣсколько лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіе возвратиться къ себѣ домой, и уже на безвыѣздное житье. Это переселеніе въ Москву состоялось въ 1875 году; но каждое лѣто старикъ неизмѣнно проводилъ въ Воронежѣ каникулярные мѣсяцы, съ половины іюня до половины августа.

И вотъ, въ Москвѣ настала для него та пора невольнаго затишья въ умственныхъ занятіяхъ, которую медленно, но неумолимо приводитъ за собою возрастающая старость, со всѣми ея печальными спутниками: разстройствомъ крѣпкаго когда-то здоровья, ослабленіемъ духовныхъ силъ и органическою потребностью безсрочно-долгаго отдыха, при ощущеніи всегдашней усталости. Онъ повелъ въ Москвѣ жизнь замкнутую (хотя и не въ полномъ одиночествѣ), чуждался всякихъ новыхъ знакомствъ, для него уже отяготительныхъ, и почти никуда не выѣзжалъ, кромѣ неизбѣжныхъ библіофильскихъ экскурсій по книжнымъ магазинамъ или лавкамъ букинистовъ, да рѣдкихъ посѣщеній театра, нѣкогда столь страстно любимаго. Подъ конецъ ему плохо стали служить ноги, — и это еще рѣшительнѣе обрекло его на физическую неподвижность, какъ-бы взамѣнъ душевнаго покоя, котораго, по многимъ причинамъ, требующимъ умолчанія, судьба ему не даровала... Лишенный мирнаго счастья въ своемъ домашнемъ быту, онъ только отводилъ душу въ перепискѣ съ близкими ему людьми и старыми друзьями, въ механическомъ процессѣ пополненія матеріаловъ для будущаго „Словаря писателей", да въ разнообразномъ чтеніи, доступномъ его старымъ глазамъ лишь при дневномъ свѣтѣ. Именно въ эти послѣдніе годы потухающей жизни бывшій дѣятель превратился въ хроническаго „читателя",—какъ онъ охарактеризовалъ себя въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ его замѣтокъ. Но чтеніе ежедневныхъ газетъ въ позднѣйшее время, преизобиловавшихъ вѣстями о чудовищно-безобразныхъ фактахъ, возмущало его безпредѣльно,—и онъ съ отвращеніемъ раскрывалъ свѣжіе листы, не всегда одолѣвая ихъ до конца. Всѣ его дружескія письма о своихъ впечатлѣніяхъ по этому поводу дышатъ безвыходнымъ уныніемъ...

За всѣмъ тѣмъ, и въ Москвѣ литературное его бездѣйствіе, въ видѣ исключенія, прерывалось нѣкоторыми статьями. Такъ, въ январской книжкѣ „Русской Старины" 1879 г. (стр. 113 — 140) появился его библіографическо-критическій очеркъ: „Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ", а въ „Русской Газетѣ" 1880 г. (№ 66-й) напечатана небольшая хронологическая замѣтка по вопросу о времени рожденія Пушкина и Бѣлинскаго. Предсмертнымъ же, слабымъ его отголоскомъ была статейка, помѣщенная въ 53-мъ № воронежской газетѣ „Донъ" (нынѣшняго года): „По поводу толковъ о малорусскомъ языкѣ и о малороссійской словесности".

Покойникъ давно предчувствовалъ смерть не въ далекомъ будущемъ. Въ послѣднюю свою лѣтнюю поѣздку въ Воронежъ изъ Москвы, онъ сталъ чаще, чѣмъ когда-либо говорить объ этомъ и замѣтно тосковалъ. Въ самомъ дѣлѣ, признаки разрушающагося организма были слишкомъ очевидны и сознавались имъ самимъ. Онъ отяжелѣлъ до крайности, осунулся, еле передвигалъ ногами, все жалуясь на усиливающіеся недуги, на непрерывное чувство утомленія, на обманчивый позывъ къ сну при безсонницѣ; старческая раздражительность смѣнила оригинальный юморъ, отличавшій обыкновенно его разсказы; ему стали измѣнять и богатая память, которою, бывало, любилъ онъ щегольнуть, и прежній долготерпѣливый желудокъ. Старикъ, однако, не переиначивалъ въ этомъ отношеніи своихъ анти-гигіеническихъ привычекъ и не воздерживался отъ „удовольствій стола", что, разумѣется, не безнаказанно обходилось для него. Съ большою неохотой онъ собирался въ Москву и все твердилъ, какъ бы хотѣлось ему оставаться въ Воронежѣ и провести тамъ у себя въ домѣ остатокъ жизни. Но этому желанію нашлись препятствія, которыя превозмочь у него не достало твердой воли... Съ влажными глазами онъ распростился съ своими знакомыми, уѣзжая туда, гдѣ такъ безотрадно и немощно пришлось ему доживать свой вѣкъ...

Тамъ болѣзненное его состояніе быстро усиливалось. Весной 1881 года, несмотря на помощь врачей, симптомы недуга становились болѣе и болѣе зловѣщими и — 27 мая, утромъ, прекратились, вмѣстѣ съ жизнію больнаго. Передъ кончиной умиравшій высказалъ непремѣнную свою волю, чтобы тѣло его было перевезено въ Воронежъ, гдѣ онъ желалъ быть погребеннымъ. Воля эта выполнена, какъ и вообще все, что покойникъ указалъ сдѣлать послѣ своей смерти.

Передадимъ здѣсь нѣкоторыя характеристичныя мѣста изъ его духовнаго завѣщанія, какъ обрисовывающія личность самого завѣщателя, и передадимъ ихъ собственными его словами. „Въ воспоминаніе того (сказано тамъ), что покойный отецъ мой, Дмитрій Тимоѳеевичъ Мизко, былъ первымъ и много лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, гдѣ и я воспитывался, я опредѣляю капиталъ въ шесть тысячъ рублей (наличными деньгами), который приносилъ бы пять процентовъ на стипендію для воспитанія въ екатеринославской гимназіи дѣтей, преимущественно изъ сиротъ и бѣдныхъ города Екатеринослава". Далѣе: „Всю жизнь мою посвящая литературнымъ занятіямъ и, втеченіе многихъ лѣтъ, собирая матеріалы для словаря русскихъ писателей, не увѣренный однако и сомнѣваясь, по моимъ лѣтамъ и недугамъ, удастся ли мнѣ исполнить это дѣло, которое считаю полезнымъ и необходимымъ, я завѣщаю двѣ тысячи рублей за составленіе и на изданіе словаря русскихъ писателей, отличающагося полнотою содержанія и отчетливой вѣрностью, хотя бы и въ границахъ сферы чисто литературной, внѣ исключительныхъ спеціаль-

ностей. Денги эти, двѣ тысячи рублей, имѣютъ быть вручены NN [1]), для изданія словаря русскихъ писателей, мною ему поручаемаго, съ матеріалами, мною собранными втеченіе трехъ лѣтъ. Если же будетъ не въ состояніи исполнить въ назначаемый срокъ, то деньги имѣютъ быть выданы тому, кто этотъ трудъ исполнитъ". Въ довершеніе, распредѣливъ свои капиталы и все имущество женѣ, нѣкоторымъ родственникамъ и близкимъ лицамъ, разнымъ церквамъ и обителямъ, и передавая свою обширную и особенно полную по части русской библіографіи библіотеку (содержащую въ себѣ по крайней мѣрѣ до шести тысячъ названій на языкахъ русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ), въ собственность своего воспитанника (девятнадцатилѣтняго юноши), кому посвящены были, главнѣйшимъ образомъ, всѣ заботы и помыслы покойника, — завѣщатель заканчиваетъ изложеніе послѣдней воли своей слѣдующими словами, въ которыхъ вылилась вся незлобивая душа его, полная истинно-христіанскаго благочестія: „Въ заключеніе этого моего духовнаго завѣщанія, прощая искренно всѣхъ, умышленно и неумышленно меня оскорбившихъ, испрашиваю и я у всѣхъ и каждаго, дѣломъ, словомъ или помышленіемъ мною оскорбленныхъ,—христіанскаго прощенія, и призывая благословеніе Божіе на тѣхъ, въ пользу которыхъ это завѣщаніе составлено, и на тѣхъ, кто потрудится при исполненіи послѣдней моей воли, прошу ихъ помолиться объ оставленіи вольныхъ и невольныхъ моихъ прегрѣшеній и о непостыдномъ предстательствѣ моемъ на Страшномъ судѣ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава, честь и поклоненіе всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь".

Теперь еще нѣсколько словъ, еще „одно послѣднее сказаніе" о Николаѣ Дмитріевичѣ Мизко, какъ о частномъ человѣкѣ.

Въ личныхъ его качествахъ брали рѣшительный перевѣсъ симпатичныя, свѣтлыя стороны надъ тѣми мелочными слабостями, о которыхъ здѣсь говорилось мимоходомъ и присутствіемъ которыхъ онъ былъ обязанъ столько же природѣ, сколько воспитанію и бытовымъ вліяніямъ, окружавшимъ его во время оно. Вся суть его недостатковъ выражалась въ томъ, что онъ (нѐчего грѣха таить) былъ вспыльчивъ, раздражительно-капризенъ на эти увлеченія, говоря со вздохомъ, словами церковнаго пѣснопѣнія: „отъ юности моея мнози борятъ мя страсти"... — Зато въ немъ была бездна свойствъ, невольно заставлявшихъ любить этого человѣка, прощать ему всѣ его маленькія странности и „изъянцы". Свойства эти высказываются въ одномъ многозначущемъ словѣ: сердечность. Да, именно, это была натура,

[1]) Здѣсь слѣдуетъ полное наименованіе лица, кому поручены составленіе и изданіе „словаря".

какую зовутъ въ нашемъ народѣ „сердечною“, когда хотятъ обозначить человѣка, не умѣющаго ни злобиться за сдѣланное ему зло, ни лукавить, ни кичиться. Николай Дмитріевичъ, самъ того не подозрѣвая, обладалъ великою притягательною силой, — способностью привлечь, расположить къ себѣ всякаго, кто входилъ съ нимъ въ соприкосновеніе и умѣлъ оцѣнить все его беззавѣтное добродушіе, необычайную общительность и искренность. При податливой мягкости характера, дѣтской довѣрчивости и неисцѣлимой непрактичности — что̀ ставило его, порою, то въ забавныя, то въ „казусныя“ положенія,—у него же, вмѣстѣ съ этими наивными чертами, какъ-то непостижимо уживались и зоркая наблюдательность, и мѣткое пониманіе самыхъ осложненныхъ, едва-уловимыхъ отношеній житейскихъ: странная смѣсь простодушія и тонкости, быть можетъ, объясняемая его замѣчательною отзывчивостью на разновидныя движенія человѣческой души.

Чисто малороссійскій складъ ума съ оригинально-юмористическимъ пошибомъ ярко просвѣчивалъ въ его устной рѣчи, въ его безчисленныхъ разсказахъ изъ народнаго и помѣщичьяго быта. Неподражаемымъ комизмомъ дышала тогда вся особа разсказчика,—эта небольшая, коренастая фигурка съ живыми глазами надъ глубоко-вдавленнымъ безобразнымъ носомъ, съ нѣсколько крикливымъ, рѣзкимъ голосомъ и выразительною жестикуляціей. Анекдотистъ онъ былъ превосходный и, вообще, наипріятнѣйшій собесѣдникъ, особенно когда касался неисчерпаемыхъ и весьма интересныхъ собственныхъ воспоминаній.

Здѣсь уже было сказано про его искреннюю набожность, про его всегдашнія симпатіи къ образованнымъ представителямъ православнаго духовенства. Остается замѣтить, что набожность эта и приверженность къ дѣятелямъ церкви были свободны отъ малѣйшихъ поползновеній на ханжество, лицемѣріе или суевѣріе и что истекали онѣ изъ чистаго источника теплой вѣры въ его сердцѣ, питаемыя основательнымъ изученіемъ божественнаго писанія, исторіи церкви и твореній нашихъ лучшихъ духовныхъ ораторовъ. Богословскія свѣдѣнія покойнаго были весьма обширны, — по крайней мѣрѣ для міранина,—хотя, конечно, не могли равняться, въ этомъ отношеніи, съ его глубокими познаніями въ области библіографіи, гдѣ онъ былъ спеціалистъ по преимуществу.

Не вовсе изъятый отъ притязаній авторскаго самолюбія, Н. Д. Мизко, въ иныя минуты болѣе строгихъ счетовъ съ самимъ собою, скромно опредѣлялъ свою роль, свое мѣсто въ литературѣ, отрѣшаясь отъ всякихъ преувеличеній и пристрастій. „Никогда не считая себя записнымъ литераторомъ (говорилъ онъ о себѣ въ одной автобіографической запискѣ, составленной для А. С. Суворина въ 1876 году),—а лишь любителемъ литературы, онъ (Мизко) только на двухъ изданныхъ имъ книгахъ, да и весьма немногихъ статьяхъ

обозначалъ свои имя и фамилію; большая же часть статей его подписаны начальными буквами „Н. М.“, или оставлены совсѣмъ безъ подписи“.—И онъ имѣлъ право называть себя „любителемъ“, — не въ узкомъ смыслѣ напускнаго, полупразднаго дилетантизма, а въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ привязанностей, какія когда-либо обитали въ его воспріимчивой душѣ, самою сильною, прочною и возвышенною была его неугасимая, горячая любовь къ русской литературѣ, — любовь, неумолкнувшая даже и передъ помыслами о послѣднемъ часѣ, о тихомъ пристанищѣ вѣчнаго покоя.

Д. Рябининъ.

Воронежъ.
12 сентября 1881 г.





ПОСМЕРТНЫЯ БУМАГИ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

I.

Письма съ кашгарской границы.

(1876).

Въ АВГУСТѢ 1876 года, послѣ покоренія Ферганской области, или Кокана, Скобелевъ предпринялъ движеніе въ алайскія горныя поселенія кара-киргизъ, желая появленіемъ нашихъ отрядовъ устрашить ихъ и заставить окончательно подчиниться русскому владычеству. Алайскія горы тянутся въ южной части ханства и отдѣляютъ насъ отъ знаменитаго Памирскаго плоскогорія. Этотъ походъ, извѣстный подъ названіемъ алайской экспедиціи, замѣчателенъ по тѣмъ трудностямъ, которыя приходилось преодолѣвать нашимъ войскамъ при движеніи по обрывистымъ горнымъ тропинкамъ, иногда черезъ страшной высоты перевалы (перевалъ Сары-Могулъ 14.100 ф., Арчакъ-Даванъ 11.000 и Кара-Кызыкъ около 15.000 ф.). Одинъ изъ его отрядовъ проникъ до озера Кара-Куль и даже далѣе. Весь обозъ былъ вьючный. Кромѣ желанія усмирить кара-киргизъ, Скобелевъ внимательно изучилъ кашгарскую границу, опредѣлилъ пункты, черезъ которые она должна была проходить, и приказалъ устроить отъ Гульчи на Улукъ-Ташъ, черезъ перевалы, колесную дорогу. Ожидая встрѣтить со стороны кара-киргизъ сопротивленіе, онъ употребилъ весьма искусный маневръ, чтобы гарантировать себѣ успѣхъ, въ случаѣ столкновенія. Всѣ сѣверные горные выходы изъ Алайскаго хребта были заперты небольшими отрядами; затѣмъ, переваливъ черезъ хребетъ съ восточной стороны, онъ спустился въ узкую долину Алай-Чая и, пройдя по ней на западъ между параллельными хребтами Алайскимъ и Заалайскимъ, опять перешелъ перевалъ Кара-Кызыкъ. Объ этомъ походѣ, о значеніи и характерѣ

кашгарской, а нынѣ китайской, границы, имъ составлена весьма интересная записка, которую ниже мы и приводимъ почти вполнѣ. Исключены только строки, относящіяся къ разнымъ мелкимъ распоряженіямъ и не имѣющія особаго интереса, а также тѣ, которыя мы нашли почему либо неудобнымъ помѣщать въ печати. Прилагаемая записка, посланная въ видѣ письма покойному генералъ-губернатору К. П. Кауфману I-му, представляетъ превосходное, можно даже сказать, образцовое изслѣдованіе границъ съ политической, административной и военной точки зрѣнія, свидѣтельствующая какъ объ отличномъ знаніи Азіи, такъ и тонкомъ умѣ знаменитаго автора записки.

Дойдя до долины Кара-Тигенъ, населенной таджиками, долины, къ которой опускались Алайскія горы, Скобелевъ, привлеченный теплымъ климатомъ и другими благопріятными условіями страны, писалъ К. П. Кауфману о необходимости движенія въ Каратигенъ къ Гарму и настаивалъ на его завоеваніи. Кауфманъ однако не разрѣшилъ этого движенія, признавая, что Кара-Тигенъ составляетъ часть владѣній бухарскаго эмира.

Взглядъ на движеніе въ Кара-Тигенъ выраженъ во второмъ письмѣ Скобелева къ К. П. Кауфману, служащемъ какъ бы дополненіемъ къ первому.

1.

„Первый кашгарскій пикетъ“ на р. Нурѣ, 9-го августа 1876 г., 9 час. утра (на границѣ Ферганской области съ кашгарскими владѣніями).

„Ваше Высокопревосходительство

„Милостивый государь

„Константинъ Петровичъ.

„Желая воспользоваться своимъ пребываніемъ на Алаѣ, для обозрѣнія нашей границы съ Кашгаромъ, со стороны Большого Алая, я рѣшился лично отправиться, чрезъ перевалъ Тунгъ-Бурунъ, къ кашгарскому пикету, расположенному у слiянія рѣкъ Нуры съ Кокъ-Су. Такимъ образомъ, я имѣлъ возможность не только убѣдиться въ дѣйствительномъ пребываніи кашгарскаго пикета на р. Кокъ-Су, но, главное, лично произвести военную рекогносцировку пути, ведущему съ Алайской возвышенности въ кашгарскія владѣнія, чрезъ перевалъ Тунгъ-Бурунъ.

„Раньше чѣмъ обратить вниманіе вашего высокопревосходительства на результаты настоящей поѣздки и на впечатлѣніе, произведенное на меня характеромъ дороги и окружающей ее мѣстности, я считаю своею обязанностью изложить вашему высокопревосходительству вкратцѣ распоряженія, сдѣланныя мною, до моего отъѣзда изъ лагеря у Кизылъ-Арта, по снабженію алайскаго отряда провіантомъ, фуражемъ и нѣкоторыми необходимыми вещами, для могущаго быть,

вашимъ высокопревосходительствомъ разрѣшеннаго, движенія къ Гарму.

„Къ 9-му августа настоящаго года во всѣхъ колоннахъ алайскаго отряда состояло провіанта—сухарей на 11 дней, т. е. по 19-е августа.

„Въ виду сего, для снабженія алайскаго отряда еще 12-ти-дневнымъ запасомъ провіанта и фуража, мною отправлено въ Гульчу 298 вьючныхъ лошадей, для доставленія къ отряду изъ гульчинскаго продовольственнаго магазина: 550 пуд. сухарей, 100 четв. крупъ, 7 пуд. чаю, 22 пуд. сахару и 1000 пуд. ячменя.

„Такъ какъ для поднятія названныхъ тяжестей требовалось 355 лошадей (полагая на лошадь вьюкъ въ 6 пудовъ), то въ помощь вышеозначенному числу вьючныхъ лошадей мною сдѣлано распоряженіе объ употребленіи для перевозки сихъ запасовъ всѣхъ строевыхъ и вьючныхъ лошадей отъ 1½ сотенъ, назначенныхъ для конвоированія транспорта. Возвращеніе транспорта изъ Гульчи въ ур. Арчабулакъ, мѣсто настоящаго расположенія алайскаго отряда, я предполагаю къ 14-му августа.

„Слѣдовательно, въ самое непродолжительное время алайскій отрядъ: 5 ротъ, 4 сотни, 2 конныхъ стрѣлковыхъ полуроты, 3 горныхъ орудія и ракетная батарея будутъ снабжены провіантомъ и фуражемъ по 30-е августа.

„16-го августа я разсчитываю получить отвѣтъ отъ вашего высокопревосходительства на мое письмо, посланное съ капитаномъ Боголюбовымъ. Въ случаѣ разрѣшенія движенія къ Гарму, подъ стѣнами его я разсчитываю быть на 9-й день по выступленіи изъ Аргабулака (мѣсто сосредоточенія всѣхъ 3-хъ колоннъ алайскаго отряда), а выступить я предполагаю по направленію къ Дараутъ-Кургану, какъ только прибудетъ транспортъ изъ Гульчи.

„Мною, по полученіи вашихъ приказаній въ смыслѣ наступленія къ Кара-Тигену, будутъ немедленно сдѣланы слѣдующія распоряженія объ усиленіи отряда, дѣйствующаго противъ Кара-Тигена и о снабженіи его еще, покрайней мѣрѣ, 2-хъ-недѣльнымъ запасомъ провіанта:

„1) Двумъ ротамъ (2-й 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 2-й 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, передвинутой изъ Науката въ Учь-Курганъ еще 7-го августа) и двумъ сотнямъ будетъ предписано присоединиться изъ Учь-Кургана къ отряду, имѣющему дѣйствовать противъ Кара-Тигена.

„2) Подъ прикрытіемъ этихъ войскъ будетъ доставленъ въ отрядъ двухъ-недѣльный запасъ провіанта, хранящійся въ учь-курганскомъ временномъ продовольственномъ магазинѣ (къ началу алайской экспедиціи въ Учь-Курганъ былъ доставленъ провіантъ въ мѣсячной пропорціи на весь алайскій дѣйствующій отрядъ).

„3) Перевозка сего провіанта будетъ произведена на строевыхъ и вьючныхъ лошадяхъ сотенъ учь-курганской колонны.

„Въ виду наступившихъ холодныхъ ночей, я сдѣлалъ распоряженіе о пріобрѣтеніи покупкою для алайскаго отряда кошемъ, которыхъ теперь въ отрядѣ достаточно съ излишкомъ; кромѣ того, приняты мною мѣры о подвозѣ возможнаго количества полушубковъ; ихъ имѣется уже въ достаткѣ для ночныхъ постовъ.

„Состояніе чиновъ алайскаго отряда въ гигіеническомомъ отношеніи удовлетворительно; вновь заболѣвающихъ нѣтъ; бывшіе же при отрядѣ слабые и больные отправлены 8-го августа въ Гульчу.

„7-го августа, съ одною полуротою конныхъ стрѣлковъ и двумя ракетными станками, я двинулся черезъ перевалъ Тунгъ-Бурунъ; въ этотъ же день снялись съ бивуака омская и гульчинская колонны, для слѣдованія къ укрѣпленію Арча-Булакъ, изобилующее хорошею водою и топливомъ, въ которомъ до сихъ поръ ощущался недостатокъ.

„Летучему отряду кн. Витгенштейна, расположенному у озера Кара-Куль, мною предписано также слѣдовать на Арча-Булакъ.

„Въ первый день моего движенія черезъ перевалъ Тунгъ-Бурунъ я сдѣлалъ 39 верстъ и остановился на ночлегъ за переваломъ; на этомъ участкѣ дорога тянется все время по холмамъ, упирающимъ въ лѣвый берегъ алайской Кизилъ-Су. Дорога ровная, грунтовая и никакихъ исправленій для движенія колеснаго обоза не требуетъ. Подъемъ на перевалъ незамѣтенъ и только спускъ съ него къ рѣчкѣ потребуетъ нѣкоторыхъ исправленій и то незначительныхъ.

„На слѣдующій день, 8-го августа, я двинулся далѣе къ кашгарскому пикету и на 17-й верстѣ отъ ночлега былъ встрѣченъ двумя вооруженными всадниками, высланными изъ передоваго поста. Передовой постъ пикета расположенъ на 20-й верстѣ отъ перевала Тунгъ-Бурунъ, на правомъ берегу рѣчки Нуры, впадающей въ Кокъ-Су. За передовымъ постомъ въ девяти верстахъ на правомъ берегу Кокъ-Су, находится Курганъ-Иркаштанъ, гдѣ расположенъ гарнизонъ въ 60 всадниковъ. До него я не доходилъ, такъ какъ на посту Нура меня просили не слѣдовать далѣе. Просьбу эту я не находилъ нужнымъ не исполнить.

„На этомъ участкѣ дорога сначала идетъ по косогору, а затѣмъ спускается медленно къ Кизилъ-Су, при впаденіи ея къ Кокъ-Су. На этомъ протяженіи дорога потребуетъ исправленія только въ двухъ мѣстахъ, именно, при подъемѣ на косогоръ, а затѣмъ при самомъ спускѣ на бродъ Кизилъ-Су. Спустившись къ Кизилъ-Су, дорога снова подымается на кряжъ, отдѣляющій Кизилъ-Су отъ рѣчки Кальта-Булакъ, впадающей въ Кокъ-Су; потомъ идетъ по кряжу, и спускается къ ручью Кальта-Булакъ. Отъ этого ручья до рѣчки Нуры дорога все время идетъ отчасти каменистымъ косогоромъ и требуетъ исправленія, въ особенности у самаго спуска къ нуринскому броду, за которымъ непосредственно находится кашгарскій передовой постъ. Отъ передоваго поста до пикета дорога пролегаетъ вдоль праваго берега

Карта Ферганской области.

Ташкентъ
Р. Ангренъ
Чуетъ
Наманганъ
Кара куль
Пайтыкъ
Андиджанъ
Ассаке
Ошъ
Коканъ
Маргеланъ
Русскій городъ
Узгенъ
Сыръ-Дарья
Маршанъ
Дарбутъ курганъ
Дубака
Мукуръ
Джаилганъ
Пер. Узъ-бель
Пик Кауфманъ
Т. Мальтабаръ
Пер. Кугъ-бель
Кашгаръ
Оз. Кара-куль
Пер. Карь-артъ
15000
12850
12580
17300
17800
14200
Пер. Каинды
Пер. Ала-байталъ
15340
Памиръ
Пер. Узъ-бель
15130
Пер. Туюкъ-су
14100
Кокъ-джаръ
Каратегинъ
Р. Мукъ-су
Ледн. Ганымаъ

Лит. П. А. Иванова по Екатерининск. кан. уг. Мал. Подъяческ. ул. д. № 34-2.

рѣчки Нуры и требуетъ на этомъ протяженіи болѣе серьезныхъ исправленій.

„Отъ пикета Иркаштанъ дорога тянется вдоль къ Кокъ-Су, долина котораго все болѣе и болѣе расширяется и наконецъ около Улукчата выходитъ на Кашгарскую равнину . . . . [1]).

„Вашему высокопревосходительству небезъинтересно будетъ узнать нѣкоторыя подробности о самомъ кашгарскомъ пикетѣ; передовой постъ на Нурѣ состоитъ изъ 10, а Иркаштанскій пикетъ изъ 60 всадниковъ. Въ главномъ же караулѣ въ Улукъ-Чашѣ 600 человѣкъ, подъ начальствомъ Рахшибай-таксабъ [2]), который отказался выѣхать къ передовому посту для свиданія со мною, по не полученію на то приказанія отъ Якубъ-бека, который, будто бы, разбивъ китайцевъ въ трехъ сраженіяхъ, нынѣ находится въ Турфанѣ.

„Люди всѣ сидятъ на добрыхъ коняхъ, которые содержатся въ ячменномъ тѣлѣ, что служитъ доказательствомъ, что сипаи [3]) и на дальныхъ пограничныхъ постахъ получаютъ исправно содержаніе.

„Снаряженіе лошадей въ большомъ порядкѣ.

„Одежда людей обыкновенная, сартовская—нѣсколько грязныхъ и разорванныхъ халатовъ, но поверхъ ихъ люди надѣваютъ еще халатъ изъ чамбарной желтой кожи, что составляетъ походную форму, будто бы, придуманную самимъ Якубъ-бекомъ. Каждый всадникъ, кромѣ шашки, имѣетъ еще огнестрѣльное оружіе; послѣднее разнообразныхъ образцовъ и видовъ; у 10 человѣкъ передоваго поста оказалось 1 фитильное ружье, одно гладкоствольное ударное, двѣ охотничьи двустволки и шесть штукъ шестилинейныхъ англійскихъ винтовокъ съ трехгранными штыками. Содержатъ оружіе довольно исправно, чуть ли не исправнѣе нашихъ казаковъ.

„Исполнивъ просьбу начальника передоваго поста не слѣдовать далѣе, я расположился у Нура-пикета на ночлегѣ и кромѣ того 9-го августа сдѣлалъ здѣсь (на Нура-пикетѣ) дневку. 9-го августа явился ко мнѣ юзбаши [4]) пикета съ достарханомъ [5]) и былъ мною, со всѣми его спутниками, богато отдаренъ халатами.

„Находя движеніе къ Нура-пикету вполнѣ достаточнымъ для освѣщенія насъ, какъ въ военномъ, такъ и въ административномъ отношеніи, и ни въ какомъ случаѣ не желая подвергать добытые рекогносцировкою драгоцѣнные результаты какимъ бы то ни было возможнымъ непріятнымъ случайностямъ, я думаю завтра двинуться въ обратный путь на Арча-Булакъ.

„Весьма замѣтное за послѣдніе годы царствованія Худояра ослабленіе ханской власти въ долинѣ должно было повлечь за собой

---

[1]) Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ въ оригиналѣ.
[2]) Таксабъ—генералъ-маіоръ.
[3]) Сипаи—поселенная конница.
[4]) Юзбаши—прапорщикъ.
[5]) Достарханъ—угощеніе; буквально значитъ—скатерть.

уменьшеніе, почти исчезновеніе ея значенія въ горной пограничной полосѣ; неспособность горныхъ жителей, въ большинствѣ случаевъ исторически доказанная, къ самобытному существованію и здѣсь вполнѣ проявилась.

„Якубъ-бекъ въ скоромъ времени воспользовался выгоднымъ для него положеніемъ дѣлъ и фактически, безъ всякаго соглашенія съ кокандскимъ ханомъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ всѣхъ кочевниковъ, зимующихъ по восточному склону горъ, служащихъ водораздѣломъ между системою рѣки Сыръ-Дарьи и рѣками, текущими къ востоку отъ этихъ горъ. Два года тому назадъ, вѣроятно еще болѣе убѣдившись въ періодически усиливающейся слабости правительства Худояра, Якубъ-бекъ уже не довольствовался вышеупомянутою водораздѣльною линіею, а распространилъ свои владѣнія на верховья рѣки Тара, впадающей у Узгента въ Кара-Дарью, вслѣдствіе чего кочевники (часть отдѣленія кара-барги, сары-барги и тасъ-барги, въ сложности до 400 кибитокъ) стали признавать власть бадаулета [1]) сплошь до Акъ-Богушскаго перевала.

„Рядъ насильственныхъ фактовъ, только что мною представленныхъ, невольно наводитъ меня на мысль вообще намѣтить тѣ отношенія, которыя всегда существовали и, по всей вѣроятности, будутъ существовать между жителями долины и горъ, что можетъ послужить наиболѣе вѣскимъ основаніемъ для рѣшенія предстоящей намъ задачи опредѣленія наиболѣе выгодной черты между Ферганской областью и владѣніями бадаулета.

„Вопросъ объ отношеніяхъ горныхъ жителей къ ихъ сосѣдямъ, живущимъ въ долинѣ издавна, въ немногихъ словахъ сводится къ слѣдующему: на сторонѣ горныхъ жителей большее развитіе нравственной и мускульной силы, что дѣлаетъ ихъ сравнительно воинственнѣе; племенная раздѣльность, способствуя безпрестаннымъ междуусобнымъ распрямъ, порождаетъ въ нихъ боевыя наклонности; весьма часто горный народецъ, бѣдный и по числу и по средствамъ, лишенный воинской организаціи, съ успѣхомъ дѣлался вѣчно безпокойнымъ, иногда страшнымъ соперникомъ для несравненно болѣе могущественныхъ обитателей смежныхъ долинъ.

„Въ характерѣ горныхъ жителей преимущественно дѣйствовать набѣгами, съ цѣлью грабежа, покидая только на время свои неприступныя твердыни, спускаясь, подобно бурному потоку, на богатые осѣдлые центры долинъ. Ихъ привычка къ личной самобытности, недостатокъ единства и дисциплины, дѣлаютъ ихъ, впрочемъ, неспособными къ сколько нибудь правильному образу веденія войны.

„Положеніе жителей долинъ совершенно противоположно; народонаселеніе ихъ многочисленно; они не затрудняются путями сообщенія; правительство у нихъ, обыкновенно, организовано и сильно; оно

[1]) Бадаулетъ—благословенный, титулъ принятый Якубъ-бекомъ.

рѣдко страдаетъ, сравнительно, недостаткомъ средствъ; войны, которыя ведутся жителями долинъ, бываютъ значительныя, а слѣдовательно и арміи ихъ бываютъ сильны.

„Изъ вышесказаннаго истекаетъ то относительное положеніе, которое, какъ показываетъ исторія, всегда существовало между жителями долины и ихъ горными сосѣдями: если пограничныя окраины должны по преимуществу быть подвержены внезапнымъ набѣгамъ и разоренію, то, напротивъ, значительныя экспедиціи всегда предпринимаются изъ долины въ горы, и можно съ увѣренностію сказать, что вредъ для жителей горъ отъ подобныхъ экспедицій всегда превосходитъ вредъ, который они своими набѣгами наносятъ жителямъ долинъ; экспедиціонныя колонны проникаютъ глубоко внутрь горъ, опустошая все; набѣги же на долину рѣдко предпринимаются далѣе 2-хъ дней коннаго хода отъ горной полосы.

„Вообще, горные жители, за немногими исключеніями, вызванными цѣлымъ рядомъ племенныхъ и историческихъ особенностей, въ концѣ концовъ всегда подчиняются власти, существующей въ одной изъ смежныхъ съ ними долинъ, разумѣется, сильнѣйшей или болѣе искусной; такъ было во всѣ времена и на нашихъ глазахъ—на Кавказѣ и въ Алжиріи.

„Наконецъ, тотъ же принципъ, совсѣмъ недавно, снова освѣщенъ поучительнымъ историческимъ примѣромъ — пораженіемъ Донъ-Карлоса и пораженіемъ Баскскихъ провинцій.

„Можно смѣло сказать, что горные жители неспособны къ продолжительной самобытности.

„Въ настоящую минуту, стоя на кашгарскомъ пикетѣ, мнѣ представляется опять-таки примѣненіе вышеизложеннаго, конечно, разсматривая его черезъ фокусъ особенностей, присущихъ азіатской политической жизни, какъ было уже мною выше упомянуто, еще недавно,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ кочевники, кочующіе по отрогамъ Алайскихъ горъ (ферганскаго Тіанъ-Шана), такъ или иначе, но признавали надъ собою сюзеренную власть Худояръ-хана, центръ которой находится въ долинѣ; но вотъ, на развалинахъ китайскаго могущества, является новое государство, власть котораго также получаетъ свое зачатіе въ долинѣ. Эта власть несомнѣнными талантами своего представителя крѣпнетъ неожиданно быстро и первымъ проявленіемъ ея значенія—распространеніе своей власти на прилегающую горную полосу, не стѣсняясь водораздѣльными линіями.

„Какъ вашему высокопревосходительству извѣстно, большинство киргизъ Ошскаго уѣзда кочуетъ на большомъ Алаѣ, но довольно значительная часть кочевниковъ Ферганской области уходитъ на лѣто и даже зимуетъ на отрогахъ тѣхъ горъ, которые еще такъ недавно составляли неотъемлемую принадлежность ханства Коканскаго.

„Такъ отдѣленія многочисленнаго племени бадигине, именно: тауке,

ульджаке, сартляръ, джури и совай, лѣтуютъ по Кокъ-Су и ея притокамъ, а на зиму остаются части этихъ отдѣленій, кромѣ Кокъ-Су, и на Терекъ-даванской большой дорогѣ, въ урочищахъ Суранташъ и Сургетъ. Изъ рода мунгушей отдѣленія гадачачинъ, япалякъ и ювашн Ошскаго уѣзда оставляютъ весь свой скотъ на зиму въ мѣстностяхъ по горамъ Тайчикмасъ, Икезякъ, Комъ-Итекъ, около перевала Караванкуль и далѣе до Нагры. Сами, т. е. хозяева этого скота, уходятъ на зиму въ Ошу.

„До какой степени еще живуче въ народѣ сознаніе о принадлежности ихъ къ бывшему Коканскому ханству, а также племенное сродство съ нашими кочевниками, наиболѣе ясно доказывается просьбою, предъявленною черезъ намъ подвѣдомственныхъ біевъ при появленіи моего разъѣзда на берегахъ Нуры начальнику Ошскаго уѣзда, біями отдѣленія ювашъ. Они просили о присоединеніи ихъ въ нынѣшнемъ году къ Ферганской области, поясняя при этомъ, что Якубъ-бекъ знаетъ тяготѣніе ихъ къ русскимъ и думаетъ выгнать ихъ изъ занимаемой ими въ настоящее время мѣстности въ восточную часть Кашгарскаго ханства.

„На восточныхъ склонахъ пограничнаго хребта, какъ бы въ подтвержденіе мною вышеизложеннаго, отъ озера Сары-Куль до большой дороги изъ Узгента, черезъ перевалъ Чаша [1]), на озеро Чатыръ-Куль, вовсе не кочуетъ коренныхъ кашгарскихъ киргизъ, главный родъ которыхъ, чумбагиты, всѣ находятся къ востоку отъ Улукъ-Чаша. Въ пограничной полосѣ, о которой идетъ рѣчь, кочуютъ исключительно части родовъ адигине и мунгушъ и даже части тѣхъ отдѣленій, которыя составляютъ коренное кочевое населеніе Ошскаго уѣзда.

„Имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства списокъ тѣхъ отдѣленій отъ родовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Ферганской области, которыя, безъ всякаго законнаго на то основанія, въ настоящее время подчинены Якубъ-беку.

„1) Рода мунгушъ:

„а) часть отдѣленія ювашъ постоянно кочуютъ по кашгарской рѣкѣ Кызылъ-Су, до впаденія ея въ Кокъ-Су, затѣмъ по рѣкѣ Нурѣ отъ Мальтабара, по рѣкѣ Тугучаръ, по рѣкѣ Сакалу и въ урочищахъ Нигра, Учьташъ, Икезякъ и наконецъ на перевалѣ Карванкуль.

„2) Рода адигине:

„б) Отдѣленія джури, часть ихъ кочуетъ смежно съ ювашами, а большая часть по верховьямъ Кокъ-Су и ея притокамъ.

„в) сара-барги
„г) кара-барги
„д) тасъ-барги } Кочуютъ въ мѣстности Алачеку и между урочищами Награ и Улукъ-Чашъ по рѣкѣ Кокъ-Су.

---

[1]) Чаша или Чатть.

„Въ доказательство, какъ мало кашгарская власть довѣряетъ связи, существующей между этими отдѣленіями съ Кашгаромъ, служитъ то, что всѣ біи названныхъ отдѣленій обязаны жить при кашгарскомъ Улукъ-Чашскомъ караулѣ.

„3) Рода Ичкиликъ:

„е) часть отдѣленія найманъ „ж) „ „ тіитъ „з) „ „ кипчакъ	Перешли изъ предѣловъ нынѣшняго Маргеланскаго уѣзда лѣтъ 10 или болѣе тому назадъ и въ настоящее время кочуютъ въ окрестностяхъ озера Сара-Куль.

„Примѣчаніе. Урочище Алайку составляетъ верховье рѣки Тара (Ой-Талъ); оно два года тому назадъ (разительный примѣръ безостановочно наступательныхъ стремленій болѣе сильнаго правительства долины, относительно своихъ горныхъ сосѣдей) присоединено было Якубъ-бекомъ къ своимъ владѣніямъ и, нѣтъ сомнѣнія, что, просуществуй еще нѣсколько лѣтъ слабое правительство Худояра, все кочевое горное населеніе нынѣшней Ферганской области, по обѣимъ сторонамъ ферганскаго Тіанъ-Шана, подчинилось бы Якубу.

„Въ настоящее время отдѣленіе Алайку отъ Ферганской области казалось бы невозможно допустить.

„1) Верховья рѣки Тара не отдѣлены отъ низовья, гдѣ кочуютъ киргизы, нынѣ признающіе нашу власть.

„2) Мятежные киргизы, какъ они и теперь сдѣлали, при требованіи съ нихъ зякета [2]), имѣютъ возможность переходить, при всякомъ удобномъ случаѣ, изъ мѣстностей Лай и Канчачай черезъ невысокій Акъ-Богушскій перевалъ въ Алайку (Ой-Талъ) къ однороднымъ съ ними баргамъ, гдѣ, если мы признаемъ мѣстность эту кашгарскими владѣніями, они для насъ недосягаемы.

„3) Если нынѣ существующее status quo не будетъ измѣнено волею вашего высокопревосходительства, то бадаулетъ и его преемники (?), владѣя Ой-Таломъ, будутъ во всякое время въ состояніи распространить свое вліяніе на низовья рѣки Тара и даже въ долину Кара-Дарьи, что, при предполагаемомъ мною крайне желаемомъ направленіи нашей коммуникаціонной линіи съ Ташкентомъ, о чемъ я буду имѣть честь докладывать вашему высокопревосходительству ниже, по правому берегу Дарьи, можетъ, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, имѣть для насъ крайне невыгодныя послѣдствія.

„Въ торговомъ отношеніи признаніе за Якубъ-бекомъ границъ по водораздѣльной линіи рѣкъ системы Дарьи и Кокъ-Су также для насъ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи мѣстныхъ условій, крайне невыгодно:

---

[2]) Зякетъ—обычная натуральная подать.

„1) Какъ бы сравнительно ни казалось прочно положеніе азіатскаго государя, тѣмъ не менѣе, въ отношеніи спокойствія и безопасности подвластныхъ населеній, онъ не можетъ представлять столько гарантій, сколько власть государствъ европейскихъ.

„Исторія всѣхъ самыхъ могущественныхъ азіатскихъ властителей показываетъ, какія часто ничтожныя, почти всегда трудно предугадываемыя случайности были поводомъ къ ихъ низверженію. Политическія же традиціи недоступны мусульманскому строю.

„Торговые пути изъ Ферганской области въ кашгарскіе предѣлы, проходя черезъ первостепенные снѣговые хребты и трудно доступныя трущобы, гдѣ всегда съ успѣхомъ могутъ укрываться шайки грабителей, казалось бы заставляютъ насъ особенно внимательно относиться къ только что вышеизложенному.

„Столь значительное торговое движеніе черезъ ферганскій Тіанъ-Шанъ будетъ обезпечено лишь тогда, когда мы выдвинемъ нашу власть за предѣлы горъ и будемъ, такимъ образомъ, хозяевами всей горной полосы. Для насъ еще слишкомъ должны быть памятны апрѣльскія событія (кровопролитное янги-арыкское дѣло и гибель лучшихъ нашихъ джигитовъ) и тѣ причины, которыми нѣсколько недѣль тому назадъ была отчасти вызвана Алайская экспедиція, чтобы кому либо довѣрить отвѣтственность за продолжительную безопасность первостепенныхъ торговыхъ путей съ восточнымъ Туркестаномъ.

„Примѣчаніе. Въ нынѣшнемъ году, благодаря безпорядкамъ, караваны дожидались въ Ошѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ и, наконецъ, все-таки вынуждены были направиться черезъ Узгентъ, на пер. Чаша и оз. Чатыръ-Куль.

„2) Въ смыслѣ необходимаго обезпеченія таможеннаго сбора, мы, какъ показалъ опытъ нынѣшняго года, не въ состояніи выставлять зякетные[1]) караулы на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ изъ кашгарскихъ предѣловъ; владѣя же Улукъ-Чатомъ мы можемъ обойтись однимъ зекетнымъ постомъ въ Улукъ-Чатѣ, откуда дороги развѣтвляются на пять переваловъ:

„1) На Талдыкъ-Даванъ, черезъ Тангбурунскій перевалъ.

„2) На Терекъ-Даванъ, черезъ Карванкуль.

„3) На перевалъ Дунгорма, черезъ перевалъ Арыкъ-Турукъ.

„4) Отъ Ишня, на перевалъ Чаша къ Узгенту.

„5) По большому Алаю на Дараутъ-Курганъ, къ Учь-Кургану.

„Здѣсь поименованные перевалы суть главные, на которые въ настоящее время обращено вниманіе зякетныхъ постовъ; но кромѣ ихъ есть множество менѣе доступныхъ и ими, конечно, пользуются

[1]) Т. е. таможенные.

контрабандисты, какъ-то перевалы: Сары-Могольскій, Докинтыкъ, Кара-Кульскій и на верховьяхъ рѣки Будайлыка, черезъ перевалъ Муланы-Башъ.

„Всѣ вышеизложенныя административныя и торговыя неудобства иссякнуть, когда снова будетъ возстановлена для Ферганской области историческая граница бывшаго Коканскаго ханства.

„Разобравъ, насколько позволяли мнѣ время и обстоятельства, возложенный на меня довѣріемъ вашего высокопревосходительства вопросъ о проведеніи пограничной черты между Ферганскою областью и владѣніями бадаулета, наиболѣе выгодной для насъ въ административномъ и торговомъ отношеніяхъ, позволяю себѣ коснуться и не менѣе существенныхъ соображеній и разсмотрѣть вновь предполагаемую пограничную черту съ точки зрѣнія исключительно военныхъ и политическихъ интересовъ.

„Предметъ стратегіи правильно опредѣляется стремленіемъ поставить свою армію заблаговременно въ такое положеніе, чтобы въ день столкновенія она бы обладала относительными выгодами. Это же, относительно очертанія границъ, будетъ вѣрно и въ томъ случаѣ, если вмѣсто слова армія употребимъ слово нація.

„Эти соображенія, смѣю это почтительно высказать, должны побуждать насъ — народъ наиболѣе могущественный, не имѣющій ни племенной, ни религіозной связи съ покоренными, владѣть во всемъ ея объемѣ горною полосою; это еще важнѣе, казалось бы, въ случаяхъ, подобныхъ нынѣ возникающему: при вопросѣ объ опредѣленіи границъ между Ферганскою областью и Кашгаромъ, по своему существу мусульманскимъ воинственнымъ государствомъ, которое, вслѣдствіе особо сложившихся обстоятельствъ, нуждается, для своего существованія, въ самыхъ фанатическихъ проявленіяхъ мусульманскаго духа.

„Вдумываясь въ возложенный на меня довѣріемъ вашего высокопревосходительства важный пограничный вопросъ, я положительно прихожу къ заключенію, что намъ необходимо владѣть всею горною полосою.

„Если бѣдные горные жители, благодаря своимъ твердынямъ, могутъ въ данный моментъ, хотя и на короткій срокъ, сдѣлаться грозою долины, можно ли сомнѣваться въ тѣхъ выгодахъ, которыя будутъ пріобрѣтены нами, когда въ горахъ будетъ существовать сильная, организованная военная власть, которая, если не повсемѣстнымъ присутствіемъ, то правомъ присутствія, окажетъ уже свое вліяніе на значеніе новой границы, какъ въ оборонительномъ, такъ и въ наступательномъ смыслѣ.

„Нельзя не согласиться, что первостепенныя горы, какъ тѣ, гдѣ мы теперь находимся, не служили бы значительнымъ препятствіемъ для дѣйствія войскъ, какъ въ смыслѣ выбора операціонныхъ путей, такъ и необходимой связи между колоннами; эти затрудненія тѣмъ

значительнѣе, чѣмъ болѣе силы, дѣйствующія въ горахъ, заслуживаютъ названія войскъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Соображенія эти еще очевидно первостепеннѣе, если вѣроятный, имѣющій военное значеніе, предметъ дѣйствія будетъ находиться за полосою горъ.

„Примѣчаніе. Приблизительный торговый оборотъ бывшаго Коканскаго ханства съ Кашгаромъ простирался отъ 30—40 тысячъ тиллей [1]) въ годъ. Вывозъ товара изъ Коканскаго ханства въ Кашгаръ состоитъ изъ предметовъ: шелку, краски уйрану и, въ особенности, бязи. Привозъ въ Коканское ханство: ковры, нашатырь, чай и кошемъ.

„Владѣя горами, мы, во всякомъ случаѣ, въ болѣе выгодномъ положеніи относительно нашего противника, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи. Мы владѣемъ иниціативой: при оборонѣ наступающій долженъ двигаться по заранѣе хорошо извѣстнымъ намъ дефиле, которые здѣсь въ горахъ весьма немногочисленны (заслуживаютъ вниманія въ смыслѣ операціонныхъ путей всего два, особенно для значительныхъ силъ, со своими необходимыми, вслѣдствіе условій движенія въ этихъ горахъ, обозами. Соображенія объ обозахъ здѣсь въ Азіи никогда, по-моему, не должны упускаться изъ виду. Азіатская толпа двигается съ невѣроятнымъ количествомъ тяжестей; я убѣдился въ этомъ: подъ Балыкчами, Ульджибаемъ, наконецъ Учь-Курганомъ. Можно ли представить болѣе разительный доводъ, что сарбазы [2]) (напр. въ Бухарѣ), эти илоты средне-азіатскихъ ханствъ, не ходятъ иначе въ походъ, какъ имѣя каждый по ишаку!

„При наступленіи, организованная сила, опирающаяся на такой операціонный базисъ, какъ долина Ферганы, направляемая способнымъ начальникомъ и владѣя такимъ брустверомъ, какъ ферганскій Тіанъ-Шанъ, можетъ съ полною безопасностью и скрытно сосредоточиться на какихъ угодно пунктахъ, угрожая наступленіемъ изъ всѣхъ дефиле. Уступить Кашгару по водораздѣльную линію—все одно, что отказаться отъ всей горной полосы, ибо въ данный моментъ племенная и религіозная связь возьметъ свое.

„Оборона долины Кашгарской Дарьи, при условіи вполнѣ цѣлесообразнаго очертанія нашей новой границы, будетъ до крайности затруднительна; между тѣмъ какъ, напротивъ того, этимъ самымъ наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ, какъ въ административномъ, такъ и въ военномъ отношеніи, достигается гарантія спокойствія въ долинѣ Ферганы.

---

[1]) Тилля—золотая монета въ 3 рубля.

[2]) Сарбазы —регулярная пѣхота.

„Упомяну здѣсь только о выгодахъ владѣнія такою длинною линіею первостепенныхъ горъ отъ Дараутъ-Кургана до предѣловъ Семирѣченской области въ военномъ отношеніи.

„Вдумываюсь во входящіе и исходящіе углы этого неприступнаго, Богомъ намъ даннаго, снѣговаго бруствера!.. Какъ возможно будетъ дебушировать изъ-за него во флангъ и даже тылъ противника; какъ трудно будетъ непріятелю обезопасить свои сообщенія!.. Мы пріобрѣтемъ огромныя выгоды и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Можно утвердительно сказать, что если у Якубъ-бека армія (о шайкахъ не говорю), то, выходя изъ горъ, будучи въ нашихъ рукахъ, она нетолько не можетъ думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ, по направленію къ Нарыну или Ошу, но она заранѣе поставлена въ невозможность оборонять владѣнія бадаулета впереди Кашгара и можетъ развѣ сосредоточиться вокругъ столицы, чѣмъ сразу война удаляется отъ нашихъ предѣловъ, что для населенія Ферганы, которое еще долго будетъ помнить недавно минувшее — особенно желательно.

„Заключаю: признавъ весь ферганскій Тіанъ-Шанъ нашимъ, мы

„1) обезпечиваемъ спокойствіе въ горахъ и увеличиваемъ государственный доходъ;

„2) владѣемъ „les issues des Croutieres";

„3) во всякую данную минуту можемъ дебушировать во флангъ и на сообщенія противника;

„4) всѣ выгоды, сопряженныя съ внезапностью дѣйствій—инниціатива въ нашихъ рукахъ;

„5) вынуждаемъ непріятеля несоразмѣрно дробить свои силы или отойти къ центру.

„Еще болѣе вѣскими представляются мнѣ всѣ вышеизложенныя соображенія и опасность допущенія для насъ въ горахъ ферганскаго Тіанъ-Шана какого либо владѣнія, кромѣ нашего, если вспомнить про нѣкоторыя особенности вновь завоеванной нами Ферганской области, какъ-то:

„1) Значительные города, переполненные элементами, всегда готовыми, подъ давленіемъ, какъ опытъ показалъ, часто мифическихъ внѣшнихъ причинъ, поднять знамя бунта.

„2) Коммуникаціонная наша линія, съ центральнымъ средне-азіатскимъ базисомъ—Ташкентомъ, въ настоящее время, по необходимости, пролегаетъ черезъ самые многочисленные и наименѣе проученные, а слѣдовательно и менѣе надежные города Ферганской области.

„Примѣчаніе. Это весьма невыгодное для насъ условіе, казалось бы, легко устранить устройствомъ военной дороги со станціи Кара-Су, черезъ Телау на Катъ-Рабатъ, Шайданъ, по правому берегу Дарьи, черезъ Намангань къ Учь-Курганскому мосту (который мною на всякій случай содержится въ большой

исправности), на Пайтокъ къ Андижану; а если мы будемъ владѣть всею горною полосою Тіанъ-Шана, то пожалуй и къ Узгенту. Этотъ путь, кромѣ того, будетъ и кратчайшимъ противъ нынѣшняго.

„Если ваше высокопревосходительство, по полученіи этого письма, уже изволили рѣшить вопросъ о походѣ въ Кара-Тигенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то необходимость военно-этапной дороги, по правому берегу Дарьи, становится еще очевиднѣе.

„3) Въ долинѣ Ферганы мы всегда будемъ опираться на весьма незначительное число укрѣпленныхъ пунктовъ; всегда будемъ располагать войсками гораздо слабѣйшими, чѣмъ бы того требовало протяженіе нашей оборонительной линіи, а тѣмъ самымъ не будемъ въ силахъ, не владѣя горною полосою ферганскаго Тіанъ-Шана, помѣшать вторгнувшимся, вслѣдствіе подстрекательствъ Кашгара, горнымъ кочевникамъ грабить большіе города и кишлаки и тѣмъ, въ случаѣ успѣха, нанести ударъ, въ данный моментъ, нашему вліянію въ извѣстномъ районѣ.

„Свобода выраженія всѣхъ моихъ мыслей, дарованная мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, съ перваго дня назначенія меня начальникомъ Наманганскаго отдѣла и увѣренность въ снисходительной улыбкѣ вашей, если бы даже мною было высказано что либо, не вполнѣ соотвѣтствующее съ возложенными на меня вашимъ превосходительствомъ прямыми обязанностями, даютъ мнѣ смѣлость и на этотъ разъ коснуться вопроса будущаго, быть можетъ, не нашего поколѣнія, но который не можетъ не быть признанъ вѣнцомъ нашихъ усилій въ средне-азіатскомъ вопросѣ, способностью нашею (при извѣстной долѣ беззавѣтной рѣшимости, вполнѣ оправданной результатами, могущими быть завоеванными для величія отечества) занять относительно азіатскихъ британскихъ владѣній такое угрожающее положеніе, которое облегчило бы рѣшеніе въ нашу пользу труднаго восточнаго вопроса—другими словами, завоевать Царьградъ своевременною, политически и стратегически вѣрно направленною, демонстраціею.

„Рѣшившись продолжать службу въ Средней Азіи, пока ваше высокопревосходительство, которому я всѣмъ обязанъ, не признаете болѣе полезнымъ указать мнѣ другую дѣятельность, я не могъ, всѣми силами сердца и мозга, не коснуться этого исполинскаго вопроса.

„Я въ этомъ твердо увѣренъ: въ политикѣ, какъ и на войнѣ, только невозможное—дѣйствительно возможно!.. Современная англійская литература все болѣе и болѣе свидѣтельствуетъ, какого страха англичане набрались съ тѣхъ поръ, какъ русскіе интересы въ Средней Азіи ввѣрены вашему высокопревосходительству и какою страшною угрозою для нихъ ваше имя.

„Англичане слишкомъ трудолюбивы и практичны, чтобы озабочиваться не исполнимымъ.

„Обращаясь къ связи, существующей между этимъ великимъ вопросомъ и русскою властію, собственно въ Ферганской области, мнѣ кажется, что ей не слѣдуетъ увлекаться возможностью имѣть рѣшающее значеніе въ могущей быть борьбѣ, но ей слѣдуетъ стать въ такое стратегически выгодное положеніе, чтобы въ данный моментъ быть въ состояніи также, въ извѣстной степени, способствовать успѣху.

„Восточный Туркестанъ по богатству средствъ вполнѣ въ состояніи содержать значительную армію, не только самостоятельный демонстративный отрядъ . . . .
(Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ въ оригиналѣ).

„Заключаю: и въ выгодахъ отдаленнаго будущаго, а также и въ настоящую многозначительную историческую минуту вполнѣ возможныхъ, самыхъ непредвидѣнныхъ политическихъ неожиданностей, намъ необходимо владѣть ферганскимъ Тіанъ-Шаномъ...

„Если все вышеизложенное въ этомъ письмѣ заслужитъ, хотя бы въ основной мысли, милостиваго одобренія вашего высокопревосходительства, то я полагалъ бы опредѣлить между Ферганскою областью и кашгарскими владѣніями слѣдующія границы:

„На юго-западъ: отъ бугра Карaулъ-Тюбе, лежащаго въ 9-ти вер. отъ Большой Карамукъ, чрезъ р. Алайское Кызылъ-Су, по снѣговому хребту, лежащему на юго-западъ отъ рѣки Алтынъ-Дарьи.

„На югъ: по большому снѣговому хребту до перевала Тугокъ-Су.

„На востокъ: отъ перевала Тугокъ-Су до предѣловъ Семирѣченской области. Подробности пограничной черты показаны на картѣ.

„Если признать новую границу, то вопросъ о владѣніи, какъ горною полосою въ смыслѣ военномъ, такъ и кочевымъ населеніемъ, потребуетъ отъ насъ, казалось бы, сравнительно незначительнаго расхода и сводится:

„1) къ разработкѣ колеснаго пути изъ Гульчи на Талдыкъ-Даванъ черезъ перевалъ Танмурунъ ур. Гау, Караулъ-Нура-Иркаштанъ (Ир-кочь-тать) и Улукъ-Чашъ;

„2) къ устройству: укрѣпленій 1) въ Ойтамъ, 2) въ Улукъ-Чашѣ. Улукъ-Чашъ преграждаетъ доступы въ дефиле и доставитъ намъ возможность прикрыть: 1) доступъ въ Большой-Алай (слѣдовательно и обезпечитъ нашу власть надъ кочевниками), 2) всѣ дороги, по которымъ могутъ двигаться значительныя силы въ Гульчу и Узгентъ, именно: 1) большую дорогу на перевалъ Дунгарма къ Узгенту; 2) изъ Иркашъ-тана на Терекъ-Даванъ; 3) черезъ Большой-Алай къ Талдыкскому перевалу. Предполагаемое укрѣпленіе Улукъ-Чашъ должно быть сильной самостоятельной профили, снабжено артиллеріею и боевыми припасами, въ виду возможной продолжительной осады превосходнаго и организованнаго непріятеля, для чего, по моему, необходимы если не казематированныя постройки, то весьма прочные блиндажи, что при изобиліи строеваго лѣса между пикетомъ Нура и

Улукъ-Ташемъ весьма исполнимо. Полезно имѣть для картечи и нѣсколько гладкоствольныхъ орудій.

„3. Въ виду значенія, которое пріобрѣтаетъ для насъ наша новая кашгарская граница, въ томъ видѣ, въ которомъ я осмѣливаюсь просить ваше высокопревосходительство ее признать, есть нѣсколько пунктовъ, на которыхъ было бы желательно основать казачьи станицы, разъ навсегда облегчающія намъ дѣйствительное обладаніе горною полосою и обезпечивающія власть въ краѣ русскаго элемента.

„Противъ основанія казачьихъ станицъ, послѣ условій возможности ихъ существованія, можетъ быть представлено весьма вѣское возраженіе,—это опасеніе, чтобы вновь переселяемое многочисленное христіанское населеніе, въ извѣстный періодъ времени, не подчинилось бы вліянію мусульманской окружающей среды; я смѣю думать и даже выражать убѣжденіе, что опасеніе это въ данномъ случаѣ не подтвердится фактами.

„1. Гребенскіе казаки 400 лѣтъ съ успѣхомъ боролись съ мусульманскимъ не только вліяніемъ, но и владычествомъ, и это въ тѣ дни, когда родная Россія была еще слишкомъ далеко и имъ приходилось кровью платить за вѣрность вѣрѣ, обычаямъ и преданіямъ отвергшаго ихъ отечества.

„2. Уральскіе казаки, по твердости своихъ религіозныхъ убѣжденій и вслѣдствіе вообще неподвижности, представляютъ именно тотъ надежный русскій элементъ, могущій съ полнымъ успѣхомъ послужить ядромъ для образованія будущаго ферганскаго казачьяго войска. Къ тому же станицы эти не будутъ изолированы; близость войскъ, безпрестанныя сношенія съ русскою властью и, наконецъ, сознаніе безусловнаго превосходства, которое теперь, благодаря ряду побѣдъ, сдѣлались достояніемъ всякаго русскаго человѣка.

„3. Окружающее предполагаемыя станицы туземное населеніе киргизское не только неспособно къ религіозной пропагандѣ, но и съ трудомъ подчиняется само правиламъ Шаріата.

„На первый разъ, и въ видѣ опыта, я предполагалъ бы поселить казаковъ: a) въ Ошѣ, b) въ Гульчѣ, c) въ Ойталѣ и d) въ Улукъ-Чашѣ.

„Проектъ устройства казачьихъ станицъ мною нынѣ разрабатывается и будетъ представленъ по приказанію вашего высокопревосходительства.

„Капитанъ Куропаткинъ, слава Богу, выздоравливаетъ; такъ какъ отправленіе посольства нынѣ по необходимости отложено, то я надѣюсь, что капитанъ Куропаткинъ къ тому времени совсѣмъ поправится. Лучшаго исполнителя воли вашей найти трудно.

„Я сильно озабоченъ вопросомъ о помѣщеніи войскъ; мнѣ помнятся разсказы о сильныхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали войска отъ сырыхъ помѣщеній въ яны-курганскомъ отрядѣ въ 1867 г. Съ

Алая взять въ руки это дѣло мнѣ положительно невозможно. Дѣлаю, что могу, т. е. пишу въ Коканъ; между тѣмъ время идетъ.

„Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства благодарный и преданный слуга Михаилъ Скобелевъ".

2.

„Ваше высокопревосходительство,

„Милостивый государь

„Константинъ Петровичъ.

„Въ ожиданіи возвращенія капитана Боголюбова и связаннаго съ нимъ окончательнаго выясненія, возникшаго 12 дней тому назадъ, недоразумѣнія съ Каратигеномъ, имѣю честь донести вашему высокопревосходительству, что я со вчерашняго числа нахожусь въ Дараутъ-Курганѣ съ конными стрѣлками и ракетною батареей.

„Возвращеніе Рахимъ-шаха извѣстно вашему высокопревосходительству. Я приписываю его присутствіе въ Гармѣ и послѣдовавшее смѣщеніе Сеидъ-Мугаммедина [1]), по всей вѣроятности, заявленію вашей воли эмиру бухарскому.

„Съ своей стороны, я радъ привѣтствовать возвращеніе Рахимъ-шаха, такъ какъ теперь надѣюсь, во всякомъ случаѣ, избѣгнуть необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ. Когда я посылалъ къ вашему высокопревосходительству капитана Боголюбова, надменное поведеніе Сеидъ-Мугаммедина, послѣдствія котораго уже начинали проявляться неизъявленіемъ покорности частью кара-киргизскаго рода ичкиликъ, по моему крайнему разумѣнію, должно было быть наказано въ самомъ началѣ, для чего у меня были средства, вслѣдствіе сосредоточенія на Алаѣ силъ.

„По возвращеніи моемъ съ кашгарской границы, слухи объ отъѣздѣ Сеидъ-Мугаммедина въ Бухару, о безначаліи въ Каратигенѣ и возможности просьбы со стороны партіи Рахимъ-шаха о нашемъ вмѣшательствѣ въ ея пользу, все это сильно меня тревожило и, сознаюсь, утверждало въ убѣжденіи въ необходимости быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, которыя здѣсь, въ Азіи, во-время предпринятыя, всегда почти въ состояніи предотвратить всякую грозу.

„О моемъ настроеніи, въ день отъѣзда капитана Боголюбова, онъ, конечно, съумѣлъ достаточно ознакомить ваше высокопревосходительство; сознаюсь, въ непосредственно послѣдовавшіе за его отъѣздомъ дни, имѣй я власть, я, по всей вѣроятности, рѣшился бы занять Большое Карамукское ущелье и этою демонстраціею постарался бы

---

[1]) Рахимъ-шахъ и Сеидъ-Мугаммединъ — правители Каратигена.

Прим. ред.

дать въ Гармѣ торжество тѣмъ политическимъ элементамъ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ нашимъ интересамъ.

„Въ трудную, только что пережитую мною минуту сомнѣнія я и на этотъ разъ всѣми силами старался остаться вѣренъ той политикѣ терпѣнія и справедливости, которую во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ почти 10-лѣтняго управленія краемъ, ваше высокопревосходительство положили въ основаніе всѣхъ вашихъ рѣшеній.

„Не зная въ точности, въ какомъ положеніи въ настоящую минуту отношенія наши къ Бухарѣ, по необходимости до сихъ поръ знакомый только по слухамъ объ отношеніяхъ Каратигена къ своему сюзерену, я счелъ своею обязанностью избѣгнуть до возвращенія капитана Боголюбова всего, что могло служить не только поводомъ, но и тѣнью повода къ болѣе быстрому и для массы очевидному развитію каратигенскаго недоразумѣнія. Я употребилъ и употребляю всѣ усилія, чтобы до полученія инструкцій вашего высокопревосходительства не связать себя никакими обязательствами, не только оффиціальными заявленіями, но и такими движеніями, которыя, имѣя характеръ угрозы, могли бы впослѣдствіи несоотвѣтствовать высшимъ видамъ вашего высокопревосходительства:

„1) Я до крайности медлилъ ичкиликскимъ вопросомъ до той поры, пока разрѣшеніе его, очевидно, было въ связи съ Сеидъ-Мугаммединъ-Музафаромъ.

„2) Только 16-го августа, вторага дня по полученіи письма отъ Рахимъ-шаха и когда возвращеніе его изъ Бухары сдѣлалось фактомъ почти безспорнымъ, я рѣшился двинуться съ авангардомъ къ Дараутъ-Кургану.

„3) Побудило меня къ тому прибытіе многихъ ичкиликскихъ біевъ съ изъявленіемъ покорности и готовности исполнить всѣ мои требованія, что, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, должно было приписать измѣненію къ нимъ политики каратигенскаго владѣтеля.

4) Чтобы не дать повода всегда сильной во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ партіи фанатическаго духовенства провозгласить газаатъ и тѣмъ самымъ ослабить значеніе умѣренныхъ, во главѣ которыхъ, со времени занятія Ферганской области, всегда стоялъ Рахимъ-шахъ, я оставилъ главныя силы на Арча-булакѣ, въ 115 верстахъ отъ границъ Каратигена съ Ферганскою областью, и выѣхалъ къ Дарауту скорѣе съ разъѣздомъ, чѣмъ съ отрядомъ.

„Увѣренность, внушенная мнѣ сознаніемъ, что, поступая такимъ образомъ, я исполняю вашу волю, какъ мнѣ кажется, уже принесла самые благіе результаты. Тѣ отдѣленія рода ичкиликъ, преимущественно найманъ и хадыршàа, которые колебались въ принесеніи покорности, надѣясь, вѣроятно, на поддержку смежнаго съ ними Каратигена, которымъ управлялъ Сеидъ-Мухаммединъ, и куда въ случаѣ крайности они имѣли бы возможность уйти зимовать, вмѣсто

долины Ферганы, толпами, въ лицѣ своихъ представителей являются съ изъявленіемъ покорности. Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ Рахимъ-шаха, главный поводъ неудовольствія на Каратигенъ самъ собою изчезаетъ.

„Конечно, если ваше превосходительство, подъ впечатлѣніемъ моего письма, дозволите мнѣ рѣшительныя дѣйствія, то я постараюсь извлечь изъ сосредоточенныхъ нами на Алаѣ войскъ возможныя гарантіи въ будущемъ для спокойствія Ферганской области.

„Лучшимъ къ тому средствомъ я считалъ бы доказать Каратигену и нашимъ кочевникамъ, фактически, что карамукская позиція, славящаяся своею неприступностью, не можетъ остановить движенія нашихъ войскъ; но и на подобныя демонстраціи я полагаю нужнымъ рѣшаться съ крайнею осмотрительностію, такъ какъ мнѣ кажется, что всѣ наши усилія должны заключаться въ томъ, чтобы помочь партіи Рахимъ-шаха утвердить за собою власть. Военное же давленіе на границы, какъ докладывалъ я выше, можетъ повлечь за собою совершенно противоположные результаты.

„Итакъ, мнѣ кажется, наиболѣе соотвѣтственно нашимъ интересамъ, разъ власть опять перешла въ руки партіи умѣренной (какъ теперь можно надѣяться), непремѣнно избѣжать вооруженнаго столкновенія, доказавъ все-таки Каратигену наше могущество.

„Напугавши хорошенько всѣхъ въ Каратигенѣ, я полагаю не переставать дружественно сноситься съ Рахимъ-шахомъ и, наконецъ, предоставить ему случай показать вліяніе своей, угодной Ярымъ-падишаху, личности и ею оказать народу услугу нашимъ удаленіемъ отъ границъ Каратигена.

„Въ связи и въ зависимости отъ вышеизложенной цѣли будутъ и тѣ требованія, которыя я предъявлю Рахимъ-шаху, въ томъ случаѣ, если отвѣтъ вашего превосходительства, который прибудетъ съ капитаномъ Боголюбовымъ, дастъ мнѣ право дѣйствовать; — эти требованія должны быть настолько ощутительны, чтобы воочію убѣдить и правителя, и народъ, въ нашей безспорной силѣ; но они вмѣстѣ съ тѣмъ, легкостью исполненія, должны, по-моему, совершенно предоставить Рахимъ-шаху возможность выйти изъ затрудненія побѣдителемъ т. е., быстрымъ исполненіемъ нашихъ требованій добиться отхода нашего отъ предѣловъ Каратигена.

„Я полагаю командировать Шабдана въ Гармъ съ предъявленіемъ тѣхъ требованій, о которыхъ донесено въ депешѣ 17-го августа, изъ Кизылъ-Оба.

„Очень можетъ быть, что наши біи, убѣжавшіе въ Каратигенъ, вслѣдствіе перемѣны правительства найдутъ для себя болѣе безопаснымъ искать убѣжище въ предѣлахъ Шугнана или Матчи. Это я буду знать черезъ своихъ лазутчиковъ, и не исполненіе, въ такомъ случаѣ, условія о выдачи ихъ намъ, не будетъ ему поставлено въ вину.

„Остальныя предъявленныя ему, въ случаѣ посылки Шабдана, требованія, нѣтъ сомнѣнія, будутъ имъ исполнены, тѣмъ болѣе, что одновременно съ посылкою Шабдана, я сосредоточу въ Дараутъ-Курганѣ: 2 роты 1-го стрѣлковаго батальона, 1-ну роту 15-го линейнаго батальона, 2 горныхъ орудія и 3 сотни казаковъ, что составитъ на границѣ Каратигена импонирующую силу въ 3 роты пѣхоты, 1 конной роты, 3 сотни казаковъ, 2 горныхъ орудія и ракетнаго батальона.

„Роту 4-го батальона я направляю, вслѣдъ за ротою 14-го батальона (выступившую 16-го августа съ Арчабулака), черезъ Талдыкъ-Даванъ въ Гульчу и Ошъ.

„Средоточіе столь значительной части отряда въ Дараутъ-Курганѣ не будетъ имѣть однако, если мы того не захотимъ, значенія угрозы. Части эти, кромѣ того, не сдѣлаютъ ни шагу назадъ. Присутствіе же ихъ въ Дараутъ-Курганѣ всегда, если понадобится, можетъ быть объяснено возвращеніемъ въ долину Ферганы съ Алая войскъ въ свои зимнія штабъ-квартиры.

„По полученіи инструкцій вашего высокопревосходительства, по опредѣленіи пограничной черты съ Каратигеномъ и по окончательному выясненію ичкиликскаго вопроса, я немедленно двинусь, если погода тому не воспрепятствуетъ, съ вышеназванными силами (которыя всѣ должны зимовать или въ Коканѣ, или въ Ташкентѣ), по рѣкѣ Кокъ-Су на перевалѣ Кокъ-Су, ущельемъ Кара-Кузакъ-Сая, на Кишлакъ-Азретъ-Сай и долину Шаамарданскаго Сая.

„Конные стрѣлки и ракетная батарея, вѣроятно подъ личнымъ моимъ начальствомъ, будутъ направлены съ перевала Кокъ-Су, какъ подножію перевала Алай-Убинъ, на озерѣ Куль-Кубанъ, черезъ перевалъ Зардаллы, къ Варуху.

„Такимъ образомъ, въ связи съ усмиреніемъ кочевниковъ на Алаѣ, будетъ разрѣшенъ вопросъ о подчиненіи, а, если нужно, то и о наказаніи рода Абагашцевъ, находившихъ, до сихъ поръ, убѣжище въ трущобахъ, окружающихъ озеро Куль-Кубанъ; а также въ одно лѣто будетъ мною пройдено и снято инструментально громадное протяженіе горной полосы, отъ ур. Капчачай до крѣпости Лайлакъ (не считая съемокъ, произведенныхъ въ горахъ бывшаго наманганскаго отдѣла и въ зимнюю экспедицію).

„Трое нашихъ джигитовъ: Мулла-халь-Магомедъ и проводникъ кара-киргизскій-бій Пулатъ-бій, преслѣдовали Абдулла-бека до Вакана въ Бабадакшанѣ недалеко отъ Шугнана; они застали Абдулла-бека, Омаръ-бека, Сулеймана-удайчу и Абдулъ-Киримъ-бека [1]), съ 15-ю спутниками, въ этомъ селеніи:

„Записку, ими мнѣ присланную, я имѣю честь представить при семъ же, съ покорнѣйшею просьбою благоволить возвратить ее въ

---

[1]) Вліятельныя кипчаки, стоявшіе во главѣ анти-русской партіи.

штабъ области; я горжусь, что джигиты въ Ферганской области научились такъ молодецки исполнять возлагаемыя на нихъ порученія. Беру смѣлость обратить милостивое вниманіе вашего высокопревосходительства на этихъ смѣльчаковъ.

„Поведеніе Шабдана выше всякой похвалы; когда подумаешь, что этотъ достойный человѣкъ пріѣхалъ изъ Семирѣчья съ 45-ю джигитами, по доброй волѣ, которыхъ содержитъ на свой счетъ, отказываясь изъ самолюбія принять часть слѣдуемой ему баранты; если къ этому прибавить, что всѣ его джигиты безукоризненны, то я даже затрудняюсь, къ какой наградѣ его представить, если бы послѣдовало на то разрѣшеніе вашего высокопревосходительства. Если принять въ соображеніе, что Шабданъ сынъ вліятельнаго кара-киргизскаго Малапа Джантая и то вліяніе, которымъ онъ пользуется въ своей странѣ, а также и здѣсь, я смѣю думать, что пожалованіе ему офицерскаго званія,—если можно, то штабъ-офицерскаго (такъ какъ въ Такмакскомъ уѣздѣ много штабъ-офицеровъ, менѣе родовитыхъ, чѣмъ Шабданъ, и не доказавшихъ въ такой степени свою преданность)—было бы достойною его наградою.

„Кромѣ того, считаю справедливымъ упомянуть въ порядкѣ постепенности объ состоящихъ при мнѣ, также безплатно, туземцахъ:

„1) Наманганскій почетный житель Тамъ-бала; награжденъ, въ февралѣ 1876 году, золотою медалью на шеѣ.

„2) Чуетскій, бывшій батырь-баши Мановаръ-Хаджа, награжденъ серебряною медалью на шеѣ.

„3) Ишанъ Пансатъ, не имѣющій наградъ.

„Въ отрядѣ все благополучно; войска обезпечены: кошмами, палатками, для ночныхъ постовъ полушубками, тулупами, мясомъ въ избыткѣ и прочимъ провіантомъ въ достаточномъ количествѣ.

„Здоровье войскъ весьма удовлетворительно, несмотря на суровую погоду и на дѣйствительные труды и лишенія алайскаго похода.

„Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства навсегда преданный и благодарный

Михаилъ Скобелевъ".

„P. S.

„Приложенія.

„1) Письмо Абдулла-бека, Омаръ-бека и Сулейманъ-бека.

„Переводъ письма:

„Споря ради вѣры, мы затѣяли газаатъ, но намъ Богъ не далъ, а потому пустились въ дорогу, на поклоненіе въ Мекку. Бѣлому царю Богъ далъ весь край. Генералъ, если будетъ брать по счету—хватитъ на 1.000 лѣтъ, а если продастъ—хватитъ на одинъ день. Впрочемъ, какъ знаете".

„2) Переводъ ко мнѣ письма за печатью Рахимъ-хана—парманачи; до поѣздки въ Бухару онъ не титуловался ни ханомъ, ни царманачи.

„3) Отчетная карта топографическихъ работъ, а также пространства, пройденнаго нашими въ эту экспедицію.

„Погода ужасная; прошу ваше высокопревосходительство быть снисходительнымъ за писаніе: руки коченѣютъ, отовсюду течетъ и создать сколько нибудь порядочное письмо очень трудно. Жду Боголюбова и начинаю безпокоиться, что его еще нѣтъ въ отрядѣ.

„Послалъ еще вчера джигитовъ по всѣмъ направленіямъ".

Ур. Дараутъ-Курганъ,

18 $\frac{18}{VIII}$ 76

6½ ч. вечера.

II.

Записка о занятіи Хивы.

(1871 г.).

Записка о занятіи Хивы представлена въ штабъ кавказскаго округа Скобелевымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1871 года, въ бытность его въ Тифлисѣ. Скобелевъ былъ тогда еще молодымъ офицеромъ, но, благодаря предварительной службѣ въ Туркестанѣ и въ Закаспійскихъ степяхъ, пріобрѣлъ уже военную опытность и знаніе края.

Въ то время, когда составлялась помѣщаемая ниже записка, хивинскій оазисъ былъ еще таинственной страной, казавшейся многимъ тогда недосягаемой. Могущество хана, оказавшееся ничтожнымъ, было значительно преувеличено, благодаря злополучному окончанію походовъ князя Бековича-Черкасскаго при Петрѣ I и Перовскаго при императорѣ Николаѣ, а также тѣмъ тягостямъ, которыя приходилось испытывать отрядамъ, производившимъ рекогносцировки въ закаспійскихъ пустыняхъ.

Скобелевская записка, помимо непосредственнаго интереса, представляемаго произведеніемъ столь необыкновенно популярнаго человѣка, еще замѣчательна въ томъ отношеніи, что планъ тогда еще молодаго офицера былъ вполнѣ осуществленъ въ 1873 году.

Такимъ образомъ, эта записка служитъ сильнымъ оружіемъ противъ тѣхъ его завистниковъ, которые ставили ему въ упрекъ его молодость и, слѣдовательно, малоопытность, такъ какъ въ сравнительно еще болѣе молодые года онъ предначерталъ планъ, который на дѣлѣ и оказался самымъ выполнимымъ.

На запискѣ Скобелева, между прочимъ, сдѣлана слѣдующая надпись:

„На записку эту, въ свое время, никто не обратилъ вниманія... Тѣмъ не менѣе, все предложенное относительно Хивы исполнено въ 1873 году. Шураханъ сталъ Петро-Александровскимъ".

„Генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

18 $\frac{15}{VI}$ 82

Минскъ.

1.

„Полагая въ основаніе не разъ выраженное правительствомъ твердое намѣреніе не предпринимать въ Средней Азіи новыхъ завоеваній, а напротивъ того, по возможности способствуя развитію нашей торговли съ средне-азіатскими ханствами, дѣйствовать исключительно оборонительно,—вопросъ о нашихъ будущихъ дѣйствіяхъ въ Закаспійскомъ краѣ, повидимому, приводится къ слѣдующему:

„A. Къ пріисканію средствъ, не вредя нашимъ торговымъ интересамъ и не роняя въ глазахъ туземцевъ значеніе русской власти, обуздать понятное и неизбѣжное стремленіе частныхъ начальниковъ идти впередъ.

„B. Къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ для изученія страны, отъ Каспійскаго моря до подножія Гиндуку, допуская возможность столкновенія русскихъ съ англичанами въ Авганистанѣ. Только при самомъ подробномъ знакомствѣ съ краемъ, въ которомъ пришлось бы дѣйствовать, можно разрѣшить въ нашу пользу этотъ великій вопросъ.

„Для достиженія первой цѣли, я полагалъ бы самымъ дѣйствительнымъ окружить наши границы, если возможно со всѣхъ сторонъ, номинально независимыми владѣніями, каковы въ настоящее время Коканъ и Бухара.

„Обращаясь къ опыту послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что открыто враждебное къ намъ настроеніе Кокана замѣнилось искреннею дружбою тотчасъ послѣ занятія достаточно сильнымъ подвижнымъ отрядомъ Ходжента. То же можно сказать и про Бухару послѣ взятія Самарканда и Катта-Кургана.

„Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что, дѣйствуя подобнымъ образомъ относительно Хивы, мы достигнемъ такихъ же результатовъ.

„Сторонники занятія Хивы обусловливаютъ, главнымъ образомъ, необходимость экспедиціи невозможностью инымъ путемъ водворить спокойствіе въ Арало-каспійской степи и обезпечить орско-казалинскій трактъ.

„Изъ данныхъ, собранныхъ мною во время проѣзда черезъ Иргизъ, осенью 1870 г., я составилъ себѣ убѣжденіе, что большинство случаевъ грабежей совершаются киргизами, кочующими не въ хивинскихъ, а въ нашихъ предѣлахъ, слѣдовательно, если затруднить возможность безнаказанно скрываться въ Усть-Юртскую степь, то, безъ сомнѣнія, уменьшатся и случаи грабежей. Этой послѣдней цѣли можно легко достигнуть постройкою ряда укрѣпленій отъ Эмбы до Аральскаго моря.

„По указанію иргизскаго уѣзднаго начальника, артиллерійскаго полковника Богака, достаточно возвести одно укрѣпленіе на западной оконечности большихъ Барсуковъ, около озера Чушка-Куля, и занять его летучимъ отрядомъ изъ двухъ или болѣе сотенъ.

„Для того, чтобы заставить Хиву совершенно измѣнить свой образъ дѣйствій относительно насъ и поставить ее въ положеніе Кокана и Бухары, казалось бы достаточнымъ занять на правомъ берегу Аму такой пунктъ, который позволитъ намъ постоянно угрожать Хивѣ.

„По свѣдѣніямъ, подобнымъ пунктомъ можетъ быть Шураканъ, расположенный на самомъ берегу Аму-Дарьи [1]), въ плодородной мѣстности и отстоящій отъ столицы ханства всего на 40 верстъ. Въ Шураканѣ обыкновенно устроена переправа для каравановъ.

„Гарнизонъ долженъ приблизительно состоять: изъ 10-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ, 4-хъ полевыхъ и 8-ми крѣпостныхъ орудій.

„Для поддержанія сообщеній съ Сыръ-Дарьей, необходимо поставить укрѣпленіе на Иркибаѣ, занявъ его приблизительно одною ротою при двухъ орудіяхъ.

„Если возможно, то было бы не безполезно занять урочище Дау-Кара, какъ пунктъ, находящійся на большомъ караванномъ пути изъ форта № 1-й въ Хиву.

„Занятіе Шуракана, быть можетъ, настолько измѣнитъ къ лучшему наши отношенія къ хивинскому правительству, что сдѣлаетъ занятіе Хивы лишеннымъ основанія; если же и послѣ этого не установятся прочныя отношенія съ ханствомъ, и ханъ не будетъ безпрекословно исполнять всѣ наши требованія, то строгое наказаніе его будетъ для насъ дѣломъ нѣсколькихъ ротъ и нѣсколькихъ дней, причемъ, главное, мы будемъ дѣйствовать почти безъ возможности неуспѣха.

„Подобный образъ дѣйствія принесетъ Россіи весьма существенныя выгоды:

„1) Избѣгаемъ неминуемаго столкновенія съ племенами, живущими на лѣвомъ берегу Аму. Они еще не испытали силы нашего оружія. По занятіи Хивы, недовольные все-таки будутъ находить убѣжище у Ширъ-Али-хана, какъ теперь киргизы находятъ поддержку въ Хивѣ; по личнымъ качествамъ и по отношеніямъ его къ англичанамъ, намъ слѣдуетъ болѣе всего опасаться Ширъ-Али.

„Примѣчаніе 1-е. Въ бытность мою въ Самаркандѣ, начальникъ отдѣла, подполковникъ Сѣровъ, впродолженіе всего 1869 года получалъ извѣстія изъ Авганистана; изъ нихъ оказывалось, что Ширъ-Али, еще въ 1869 году, намѣревался занять сильнымъ отрядомъ Балхъ, и предлагалъ эмиру заключить съ нимъ союзъ противъ русскихъ.

„То же подтвердилъ и Абдерахъ-Манъ-ханъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Туркестана, Магомедъ-Якубъ-ханъ возсталъ противъ отца. Это событіе, конечно, на время устранитъ опасность—

---

[1]) Другіе говорятъ, что въ трехъ верстахъ отъ Аму.

но со стороны Авганистана **всегда** должно ожидать намъ **грозы**.

„Вѣроятность скораго разрыва съ Авганистаномъ, безъ сомненія, увеличится вслѣдствіе занятія нами Хивы.

„**Примѣчаніе** 2-е. Послѣ свиданія въ 1868 году (отвѣтъ Англіи на взятіе Самарканда) индійскаго генералъ-губернатора съ Ширъ-Али, онъ получилъ отъ Англіи значительныя субсидіи деньгами и оружіемъ. Объ этомъ оффиціально заявлено въ англійскомъ парламентѣ.

„2) Потребуется всего $2^1/_2$ баталіона, 3 сотни казаковъ и 16 орудій, тогда какъ на завоеваніе и особенно на занятіе ханства потребуется, конечно, несравненно больше; даже трудно заранѣе опредѣлить—сколько.

„3) Мы избавляемся отъ тяжелой необходимости вводить въ край нашу администрацію.

„Кстати объ администраціи.

„Вслѣдствіе давленія хотя бы только частныхъ интересовъ, введеніе во вновь занятой странѣ нашей администраціи неминуемо приведетъ насъ къ новымъ затратамъ для содержанія этой администраціи, или же къ коренному преобразованію, съ **цѣлью увеличить доходы**, экономическаго быта всего населенія, что, при умственной неподвижности средне-азіатскихъ народовъ, силѣ преданія и обычаевъ, освященныхъ религіей, а въ особенности вслѣдствіе вѣроятнаго незнанія народа и страны со стороны представителей администраціи, врядъ ли не поведетъ къ неисчислимымъ замѣшательствамъ.

„Примѣръ на глазахъ—въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства.

„4) Но самая существенная выгода, пріобрѣтаемая нами не занятіемъ, а **подчиненіемъ** нашей власти сосѣднихъ ханствъ, въ томъ числѣ и хивинскаго, конечно заключается въ томъ, что со временемъ (а опытъ Кокана и Бухары показываетъ, что срокъ этотъ весьма непродолжительный) отношенія къ ханамъ главнаго представителя русской власти настолько ясно опредѣляются, что всякія могущія возникнуть недоразумѣнія, какъ на границахъ, такъ и въ предѣлахъ ханствъ, могутъ быть устраняемы путемъ мирнаго соглашенія.

„Вотъ что читаемъ мы въ 16-мъ нумерѣ „Туркестанскихъ Вѣдомостей, по поводу поѣздки камеръ-юнкера К. В. Струве въ Коканъ:

„Не вдаваясь въ подробности относительно политической цѣли этой поѣздки и **достигнутыхъ** ею результатовъ, мы ограничимся здѣсь лишь извлеченіемъ изъ писемъ К. В. Струве къ генералъ-губернатору нѣкоторыхъ свѣдѣній о пребываніи его въ предѣлахъ коканскаго ханства. Подробности эти лучше всего доказываютъ, съ какимъ уваженіемъ относятся въ настоящее время въ коканскомъ ханствѣ къ пріѣзжимъ русскимъ. Худояръ-ханъ пріемомъ, оказаннымъ имъ посланному отъ генералъ-губернатора, хотѣлъ, повидимому,

ясно выразить передъ народомъ и сосѣдями свою дружбу и преданность къ Россіи, въ которой видитъ свою силу и безопасность.

„Вслѣдъ за ханомъ и народъ отвыкаетъ отъ фанатической вражды къ иноземцамъ и начинаетъ смотрѣть на близкое сосѣдство и частыя сношенія съ Россіей, какъ на источникъ благосостоянія и на гарантію безопасности извнѣ“.

„Не полагаю, чтобы нашлось болѣе дѣйствительное средство навсегда положить предѣлъ пагубному стремленію пограничныхъ начальствующихъ лицъ идти впередъ, часто наперекоръ самымъ существеннымъ государственнымъ интересамъ.

„Противъ подобнаго образа дѣйствія вѣроятно возразятъ, что онъ возможенъ только при личномъ расположеніи къ намъ владѣтельнаго хана, такъ какъ по шаріату условія, имъ принятыя, не обязательны для его наслѣдниковъ. Это отчасти вѣрно. Но русскому правительству вообще не должно терпѣть въ сосѣднихъ ханствахъ владѣтелей, враждебно къ намъ расположенныхъ.

„Относительно Кокана и Бухары намъ слѣдуетъ заранѣе рѣшить, кого мы намѣрены поддерживать на престолѣ въ случаѣ смерти Худояръ-хана, или эмира Мусафара. Затративъ несравненно менѣе средствъ, чѣмъ на занятіе края войсками, введеніе и поддержаніе въ немъ нашей администраціи, мы легко составимъ себѣ въ ханствахъ вліятельную партію и, что еще важнѣе, постояннымъ вмѣшательствомъ во внутреннія ихъ дѣла подорвемъ нравственную силу какъ династіи, такъ и народа.

„Дѣйствуя подобнымъ образомъ, съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться вѣроятность возстанія противъ насъ всего мусульманскаго населенія, чего, какъ показалъ 1868 годъ, мы не можемъ слишкомъ опасаться.

„Исторія англійской Индіи, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, показываетъ, что вооруженное вмѣшательство для поддержки того или другого претендента, въ большинствѣ случаевъ обходится очень недорого и служитъ à la longue самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ подчиненію страны.

„Примѣчаніе. Весьма значительнымъ подспорьемъ для прочнаго водворенія европейской власти между мусульманскимъ населеніемъ, какъ показалъ примѣръ Кавказа, Алжира и Индіи, служитъ мекхемé. Очень жаль, что не вездѣ европейскіе завоеватели давали этому учрежденію должное развитіе.

„Необходимость вышесказанныхъ экспедицій, вѣроятно, будетъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, вслѣдствіе усиленія нашего вліянія въ странѣ и лучшаго знакомства съ нами жителей.

„Переходя къ разбору пункта В настоящей записки, казалось бы, что самая дѣйствительная угроза Англіи состоитъ въ постоянномъ изученіи Закаспійскаго края, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и

говоря словами свиты его величества генералъ-маіора Свистунова—въ постоянномъ пріученіи нашихъ войскъ къ степной войнѣ, съ тѣмъ, чтобы въ данную минуту нагрянуть куда слѣдуетъ. . . . . . [1]).

„Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе часто имѣютъ самыя мелкія случайности на политическій образъ дѣйствій этой страны въ данную минуту.

„Не захватами достигнемъ мы прочнаго положенія въ Средней Азіи, а основательнымъ изученіемъ страны, уясненіемъ предметовъ дѣйствія при различныхъ возможныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ особенности же подготовленіемъ средствъ для исполненія нашихъ плановъ со всевозможными шансами на успѣхъ, если можно такъ выразиться, на-вѣрняка.

„Характеръ нашихъ современныхъ отношеній къ хивинскому хану заставляетъ особенно желать возможно скорѣе и полнѣе ознакомиться съ землями, ему подвластными.

„На этомъ основаніи я рѣшился предложить двинуться въ Хиву изъ Туркестанскаго края съ купеческимъ караваномъ, съ цѣлью лично изучить страну, по которой пришлось бы двинуться нашему отряду, какъ изъ Туркестана, такъ и изъ Красноводскаго залива, въ случаѣ экспедиціи на Хиву, высочайше отложенной въ нынѣшнемъ году.

2.

„Цѣль предполагаемой командировки:

„1) Изученіе удобныхъ путей для прохожденія отряда, состоящаго изъ 3-хъ баталіоновъ, 6-ти сотенъ, при 12-ти орудіяхъ, изъ Ташъ-Арватъ-Кала въ Хиву.

„2) Составленіе распросной карты Усть-Юртскаго плато, отъ Эмбы до линіи, проведенной отъ Абугирскаго залива къ заливу Красноводскому.

„Принимая за основаніе, что распросныя свѣдѣнія въ Средней Азіи заслуживаютъ условнаго довѣрія тогда только, когда они наполняются изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ, польза собиранія одновременныхъ распросовъ, какъ со стороны Каспійскаго, такъ и со стороны Аральскаго морей, не можетъ быть оспариваема.

„Главною моею задачею, въ предстоящей командировкѣ, будетъ слѣдующее: ознакомившись по возможности основательно съ караванными и вообще путями, ведущими изъ русскаго Туркестана къ Хивѣ и далѣе къ Каспійскому прибрежью, въ качествѣ купеческаго приказчика выступить въ Хиву, вѣроятно изъ Казалинска; изъ Хивы же, соображаясь съ обстоятельствами, пройти къ Красноводскому заливу.

---

[1]) Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ въ оригиналѣ.

„Въ январѣ 1870 года, въ виду предполагавшейся весною того же года экспедиціи противъ Хивы, я предложилъ г. туркестанскому генералъ-губернатору пройти такимъ же образомъ черезъ Катта-Курганъ и бухарскія владѣнія въ Хиву.

„Предложеніе было принято и тогда же приступлено къ приготовленіямъ. Оно не состоялось по причинамъ независящимъ отъ возможности исполненія.

„Надѣяться на успѣхъ предпріятія весьма позволительно:

„1) Потому, что караванное сообщеніе между Казалинскомъ съ Хивою съ одной и между Хивою и каспійскимъ прибрежьемъ съ другой стороны существуетъ постоянное.

„2) Потому, что въ Хивѣ присутствіе русскаго купеческаго приказчика не возбуждаетъ особеннаго вниманія.

„Непремѣнный рискъ, связанный съ предпріятіемъ, въ случаѣ успѣха искупается несомнѣнною пользою службы.

„Опытъ показалъ, что при значительномъ развитіи торговыхъ сношеній между средне-азіатскими владѣніями собираніе подробныхъ распросныхъ свѣдѣній не представляетъ особенныхъ затрудненій.

„На всѣхъ туркестанскихъ рынкахъ, особенно же въ Казалинскѣ, при содѣйствіи мѣстныхъ властей, можно найти людей, близко знакомыхъ съ караванными сообщеніями отъ Сыръ-Дарьи къ Хивѣ и Астрабаду.

„Изъ того же Казалинска, вслѣдствіе весеннихъ перекочевокъ на сѣверъ киргизъ, зимовавшихъ на Усть-Юртѣ, составленіе распросной карты этой части степи весьма возможно, конечно, обращаясь къ самымъ разнороднымъ источникамъ.

„При собираніи распросовъ, я предполагаю обращать вниманіе:

„1) На количество воды въ извѣстной части степи; ручьевъ, колодцевъ, ямъ, наполняющихся водою отъ таянія снѣговъ (иногда, пользуясь этою водою, большіе караваны раннею весною измѣняютъ своему обычному направленію).

„2) На мѣсто нахожденія оазисовъ, если таковые есть на пути.

„3) На населенность этихъ оазисовъ, кочевое либо осѣдлое.

„4) На урожаи.

„5) На растительность и степи; опредѣлить, когда и гдѣ трава можетъ служить кормомъ для лошадей, или только для верблюдовъ, при помощи кунжура или безъ нея.

„Примѣчаніе. Кунжура—остатки отъ выжимки масла; ихъ пресуютъ въ кружки. Полпуда достаточно, чтобы при усиленныхъ переходахъ прокормить верблюда отъ двухъ до трехъ дней. Верблюдъ, который несетъ отъ 3—4 пудовъ этого корма, если только въ степи есть немного колючки [1]), вполнѣ обезпеченъ кормомъ, при самыхъ усиленныхъ переходахъ, на 22 дня.

---

[1]) Что почти всегда бываетъ.

„6) На возможно полное собираніе статистическихъ и историческихъ свѣдѣній, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; не слѣдуетъ пренебрегать преданіями племенъ и вліятельныхъ родовъ, кочующихъ въ степи; умѣнье пользоваться ханами, ихъ племенною враждою и пріязнью — весьма важное условіе успѣха въ средне-азіатскихъ войнахъ.

„Заранѣе невозможно опредѣлить, насколько удастся съ полнымъ успѣхомъ выполнить эту программу; можно даже сказать, что во время слѣдованія въ предѣлахъ хивинскаго ханства придется довольствоваться однимъ запоминаніемъ видѣннаго и рѣдкими осторожными распросами.

„Во всякомъ случаѣ, дополнивъ то, что самъ видѣлъ, свѣдѣніями, собранными до выступленія въ походъ (конечно, исправивъ невѣрности), можно себѣ составить, сравнительно, весьма ясное понятіе о краѣ въ военномъ отношеніи.

„Основываясь на вышесказанномъ, я полагалъ бы полезнымъ идти въ Хиву только по окончаніи распросной карты и, провѣривъ ее всѣми свѣдѣніями, имѣющимися въ штабѣ войскъ Туркестанскаго округа, отправить на Кавказъ до выступленія въ Хиву.

„Въ случаѣ, если войска Туркестанскаго округа пойдутъ въ началѣ апрѣля на Хиву, изъ Джизака или Самарканда, то, находясь въ составѣ отряда, составленіе распросной карты значительно облегчается по мѣрѣ приближенія къ предмету дѣйствія. Подъ впечатлѣніемъ разгрома Хивы, весьма много шансовъ съ полнымъ успѣхомъ выполнить главную задачу, т. е. пройти въ Ташъ-Арватъ-Калу.

„Въ Средней Азіи, послѣ событій подобной важности какъ взятіе Хивы, побѣдитель всегда располагаетъ значительнымъ числомъ временно преданныхъ людей, основательно знакомыхъ съ краемъ—ими я намѣренъ воспользоваться.

„Почти двухлѣтняя служба въ Туркестанѣ научила меня, къ кому и когда обращаться для сближенія съ ними. Допуская даже, что вслѣдствіе приказаній, полученныхъ по отъѣздѣ моемъ, красноводскій отрядъ призванъ будетъ къ совокупному дѣйствію съ войсками Туркестанскаго военнаго округа подъ Хивою, успѣшное выполненіе предполагаемаго порученія и тогда не пройдетъ безслѣдно для пользы службы.

„Условія степной войны въ Средней Азіи, гдѣ природа страшнѣе непріятеля, требуютъ, прежде всего, возможно всесторонняго знакомства со страною, въ которой предстоитъ воевать.

„Вотъ, по моему мнѣнію, настоящій и почти исключительный смыслъ слова — „осторожность“ въ столкновеніяхъ съ средне-азіатскими народами.

„Удивительные успѣхи англичанъ въ Индіи и въ началѣ авганской экспедиціи 1840 года блистательно подтверждаютъ это правило.

„Мы до сихъ поръ въ Средней Азіи дѣйствуемъ не только безъ

опредѣленнаго политическаго плана, но рѣдко задаемся ближайшею стратегическою цѣлью при началѣ экспедиціи.

„Эта небрежность, въ смыслѣ знакомства со страною, чуть-чуть не привела къ роковому исходу кампанію 1868 года.

„Неудачное движеніе графа Перовскаго въ 1839 году обыкновенно приписываютъ исключительно суровости зимы въ киргизской степи; положимъ, что оно и такъ, но вѣдь мы простояли болѣе ста лѣтъ на рубежѣ этой степи, и еще Петръ Великій мечталъ о завоеваніи Хивы.

„Выступили же мы все-таки нисколько не знакомые со свойствами предстоящаго зимняго похода.

„Достаточно ли помнятъ въ Оренбургѣ и Ташкентѣ тяжелый урокъ 1839 года? Вполнѣ ли оцѣнили, насколько прочно наше владычество въ Средней Азіи въ трудную минуту геройской обороны Самарканда—не берусь этого предрѣшать...

„Не вполнѣ сознаю одного:

„На какомъ основаніи мы пріучили себя считать успѣхъ экспедиціи противъ Хивы вполнѣ обезпеченнымъ, оттого только, что предполагаемъ выступить лѣтомъ, а не зимою?

М. Скобелевъ.

Тифлисъ.
18 $\frac{5\text{-го}}{III}$ 71





„НЕДОРОСЛЬ" НА СЦЕНѢ И ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

(1782—1882 гг.).

„... Въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонъ-Визинъ..."

Пушкинъ.

Двадцать четвертаго сентября исполнилось сто лѣтъ со дня перваго представленія „Недоросля". Объ этомъ дебютѣ сохранились интересныя, но частію и ошибочныя свѣдѣнія: такъ, историки нашего театра—Араповъ[1]) и Вольфъ[2]), простодушно довѣряя опечаткѣ „Драматическаго словаря", отнесли появленіе знаменитой пьесы къ сентябрю 1772 года; точно также извѣстный театралъ кн. А. А. Шаховской, вспоминая по изустнымъ разсказамъ о первомъ спектаклѣ „Недоросля", сообщилъ невѣрное распредѣленіе ролей и, къ удивленію, въ кружокъ дѣйствующихъ лицъ зачислилъ какую-то Машу, которая, какъ извѣстно, совсѣмъ незнакома комедіи Фонъ-Визина. Съ другой стороны, послѣ первой постановки на сценѣ, „Недорослю" пришлось пережить интересную вѣковую судьбу на театральныхъ подмосткахъ и въ русской печати; но объ этой судьбѣ, то радостной, то печальной, едва ли знаютъ многіе нынѣшніе читатели и театралы. Такимъ образомъ, столѣтнюю годовщину „Недоросля" приходится встрѣтить воспоминаніемъ о болѣе точныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ появилась эта пьеса,

---

[1]) „Драматическій Альбомъ", М. 1850 г., стр. XXXIX, и „Лѣтопись русскаго театра", Спб. 1862 г., стр. 110.

[2]) „Хроника петербургскихъ театровъ", Спб. 1877 г., ч. II, стр. 1.

и краткимъ очеркомъ той роли, какую она играла цѣлый вѣкъ въ исторіи русскаго театра и литературы.

На долю „Недоросля", передъ его появленіемъ на свѣтъ, выпала такая же невзгода, какую пережили всѣ лучшія русскія комедіи. Подобно „Горю отъ ума" и „Ревизору", не пропущеннымъ на сцену въ первоначальномъ видѣ, знаменитая пьеса Фонъ-Визина встрѣтила цензурную задержку и тайную интригу въ кружкѣ русской знати. Цензура того времени несомнѣнно боялась пустить на театральные подмостки такихъ лицъ, какъ Стародумъ и Правдинъ, изъ устъ которыхъ лились горячія, свободныя рѣчи о несправедливой раздачѣ чиновъ, о мелкихъ проискахъ при дворѣ, объ отсутствіи „гражданской доблести" въ служебномъ мірѣ и т. п. больныхъ мѣстахъ русской жизни. По другимъ причинамъ спѣшили затормозить появленіе „Недоросля" тѣ члены русскаго дворянства, которымъ по слуху или чрезъ авторское чтеніе удалось узнать сюжетъ комедіи [1]: имъ было больно выдать на смѣхъ „помѣщика-дурака безсчетнаго", „жену его презлую Фурію", „матушкина сынка—Митрофанушку" и отставнаго офицера Скотинина, изъ роду „крѣпколобовъ"; имъ казались обидными, напримѣръ, такія тирады, помѣщенныя въ пьесѣ: „въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души"; тамъ „всякая тварь что нибудь да значитъ и чего нибудь да ищетъ"; „много дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками"... Эти интриги „большаго свѣта" вмѣстѣ съ придирками цензуры, конечно, могли бы надолго задержать дебютъ „Недоросля" или, по крайней мѣрѣ, стереть первичныя краски комедіи, если бы ея авторомъ не значился „сатиры смѣлой властелинъ", Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ: онъ обратился къ помощи гр. Н. И. Панина, отъ котораго, какъ извѣстно, послѣ чтенія „Бригадира", выслушалъ совѣтъ „не оставлять своего дарованія"; знаменитый вельможа, въ свою очередь, склонилъ своего прежняго царственнаго питомца, цесаревича Павла, ходатайствовать предъ императрицей о пропускѣ Фонъ-Визинской пьесы. Высокое заступничество наслѣдника, которому уже было зна-

---

[1]) Г. Араповъ, со словъ И. Б. Пестеля, передалъ интересный разсказъ объ одномъ изъ такихъ „чтеній": „большое общество литераторовъ и знатоковъ съѣхалось къ обѣду; любопытство гостей было такъ велико, что хозяинъ (Б. В. Пестель) упросилъ автора, который былъ самъ прекрасный актеръ, прочитать хоть одну сцену безотлагательно; онъ исполнилъ общее желаніе, но когда остановился послѣ объясненія Простаковой съ портнымъ Тришкою объ укороченномъ кафтанѣ Митрофана, присутствовавшіе такъ были заинтересованы, что просили продолжать чтеніе; нѣсколько разъ приносили и уносили кушанье со стола, и не прежде сѣли за столъ, какъ комедія была прочитана до конца, а послѣ обѣда Дмитревскій (извѣстный артистъ), по общему требованію, долженъ былъ опять читать ее сначала" („Лѣтопись русскаго театра", Спб. 1862 г., стр. 111).

комо имя автора комедіи [1]), дало хорошій результатъ: осенью 1782 года „Недоросль“ могъ явиться на театрѣ „по письменному дозволенію отъ правительства“.

Съ этого времени для Фонъ-Визина начались новыя хлопоты о лучшей постановкѣ „Недоросля“ на с.-петербургскомъ театрѣ. Онъ подарилъ свою пьесу „на бенефисъ“ И. А. Дмитревскаго и по совѣту этого замѣчательнаго артиста сдѣлалъ нѣсколько поправокъ въ комедіи ради сценическихъ условій [2]), но тѣмъ не менѣе собралъ къ себѣ придворную драматическую труппу, мастерски прочелъ предъ нею свое произведеніе и самъ намѣтилъ роли: Простакова—г. Золину, Простаковой—г-жѣ Михайловой, Митрофана—г. Черникову, Еремѣевны—г. Шумскому, Правдина—г. Плавильщикову, Стародума—г. Дмитревскому, Софьи—г-жѣ Зориной, Милона—г. Маркову, Скотинина—г. Соколову, Кутейкина—г. Петрову, Цыфиркина—г. Суслову, Вральмана—г. Заводину и Тришки—г. Замирову [3]). Наконецъ, въ субботу 24-го сентября состоялось первое представленіе „Недоросля“ „на счетъ придворнаго актера г. Дмитревскаго“, безъ указанія на автора пьесы...

Говорятъ, князь Г. А. Потемкинъ, послѣ этого спектакля, встрѣтилъ Фонъ-Визина и выразилъ предъ нимъ такую своеобразную оцѣнку комедіи: „умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!“ [4]). Но, кромѣ подобной, можетъ быть, недостовѣрной фразы, до насъ дошли неоспоримые отзывы объ успѣшномъ дебютѣ „Недоросля“. „Le succès était complet“, тогда же писалъ Фонъ-Визинъ къ антрепренеру московскаго театра, г. Медоксу [5]). „Несравненно—добавлялъ „Драматическій Словарь“—театръ былъ наполненъ, и публика апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ; характеръ мамы игралъ бывшій придворный актеръ г. Шумскій къ несравненному удовольствію зрителей“ [6]).

Послѣ такого удачнаго перваго спектакля, казалось, „Недоросль“ могъ свободно появиться и на другой драматической сценѣ. Не то случилось на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ. Едва П. Е. Медоксъ задумалъ поставить на своемъ театрѣ прославленную пьесу, какъ московская цензура, въ лицѣ профессора Х. А. Чеботарева, постаралась задержать комедію Фонъ-Визина и вычеркнуть изъ нея

---

[1]) Фонъ-Визинъ, какъ извѣстно, напечаталъ „Слово на выздоровленіе е. и. в. великаго князя Павла Петровича въ 1771 году“ (Спб. 13 стр.). Оно перепечатано въ изданіи Глазунова: „Сочиненія Фонъ-Визина“ (Спб. 1866 г., стр. 180—186).

[2]) Араповъ, „Драматическій Альбомъ“, М. 1850 г., стр. XXVI.

[3]) Такое распредѣленіе ролей указано при первомъ изданіи „Недоросля“ (Спб. 1783 г.). Оно несомнѣнно вѣрнѣе той афиши, какую вспоминаютъ кн. Шаховской и Араповъ.

[4]) См. „Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, Спб. 1880 г., т. V, стр. 141.

[5]) „Библіографическія Записки“ за 1859 г., т. II, № 1, стр. 8.

[6]) „Драматическій Словарь“, точное воспроизведеніе изданія 1787 г., Спб. 1881 г., стр. 88—89.

„опасныя строки“, т. е. нѣкоторыя тирады Стародума. Это возбудило противорѣчивые толки въ московскомъ обществѣ и заставило Фонъ-Визина адресовать на имя Медокса такое любопытное письмо: „Братъ мой (т. е. Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ), я надѣюсь, передалъ вамъ извѣстный пакетъ и объяснилъ принятое мною рѣшеніе для уничтоженія толковъ, возбужденныхъ упорствомъ вашего цензора. Продолжительное ваше молчаніе слишкомъ ясно доказываетъ мнѣ неуспѣхъ вашихъ стараній, чтобы получить позволеніе... Безконечно желая вамъ добра, оставляю вамъ мою пьесу, но требую отъ васъ честнаго слова непремѣнно сохранить мой анонимъ, съ условіемъ—никому не давать моей комедіи и ни подъ какимъ видомъ не выпускать ее изъ вашихъ рукъ, ибо не хочу еще давать ей публичности... Вы можете увѣрить г. цензора, что во всей моей пьесѣ, а слѣдовательно и въ мѣстахъ, которыя его напугали, не измѣнено ни одного слога“ [1]). Неизвѣстно, скоро ли послѣ такого объясненія автора „Недоросль“ прошелъ на московскую сцену; неизвѣстно также, когда онъ въ первый разъ былъ разыгранъ труппою Медокса: сохранилось только свѣдѣніе, что роль Еремѣевны исполнялась „вольнымъ московскаго театра актеромъ г. Ожогинымъ къ совершенной забавѣ публики“ [2]), „такъ что многіе, принимая его за старуху, проигрывали закладъ“ [3]).

Вотъ при какихъ условіяхъ комедія Фонъ-Визина впервые появилась на двухъ сценахъ русскаго театра. Черезъ годъ послѣ перваго представленія, она, безъ имени же автора, появилась и въ печати [4]). Это первое изданіе „Недоросля“ только чрезъ четыре года получило такую небольшую оцѣнку: „сія комедія, наполненная замысловатыми израженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый (sic) въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ и почасту на с.-петербургскомъ и московскомъ театрахъ была представляема“ [5]). Послѣдующія же изданія „Недоросля“ въ прошломъ столѣтіи [6]),—между прочимъ одно на нѣмецкомъ языкѣ [7]),—не

---

[1]) „Библіогр. Зап.“ 1859 г., т. II, № 1, стр. 8.

[2]) „Драматическ. Словарь“, стр. 89.

[3]) Араповъ, „Драматическ. Альбомъ“, стр. XLVI.

[4]) Вотъ заглавіе перваго изданія: „Недоросль“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ сентября 24-го дня 1782. Спб. 1783 г. стр. 144 (экземпляръ Румянцевскаго музея). Поэтому Сопиковъ (№ 5.482) ошибочно показываетъ первое изданіе „Недоросля“ въ 1781 году.

[5]) „Драматич. Словарь“, стр. 89.

[6]) Второе изданіе, Спб. 1788 г., 160 стр. Третье изданіе — на страницахъ „Россійскаго Ѳеатра“ (Спб. 1789 г., ч. XXXI, стр. 5—152). Четвертое изданіе, М. 1790 г., 144 стр. Замѣтки объ этихъ изданіяхъ см. въ книгѣ: „Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина“, Спб. 1866 г., стр. 675.

[7]) О нѣмецкомъ переводѣ „Недоросля“ и продажѣ его въ Петербургѣ упоминаетъ самъ Фонъ-Визинъ (см. „Полное собраніе сочиненій Вяземскаго“, Спб. 1880 г., т. V, стр. 99—100).

удостоились даже и короткой рецензіи въ тогдашней періодической печати. Въ послѣдней намъ удалось встрѣтить только характерный отзывъ какой-то модной дамы объ одномъ изъ первыхъ изданій комедіи. „Нѣкогда, признается П. А. Плавильщиковъ,—будучи въ театрѣ, сидѣлъ я въ ложѣ съ одною новосвѣтскою барынею; играли „Недоросля". Аббатъ французъ въ то время проповѣдывалъ ей разныя красоты французскихъ театральныхъ сочиненій и развлекъ ея вниманіе такъ, что она, пріѣхавъ домой, спрашивала у меня, какая сегодня была пьеса въ театрѣ?.. „Недоросль" комедія была у меня въ карманѣ; я подалъ ей книгу и сказалъ, что эту комедію представляли. „Гдѣ вы ее купили"? спрашивала барыня. Я отвѣчалъ: въ Гостиномъ дворѣ, въ книжной лавкѣ. „Какъ не стыдно покупать", закричала она, „въ русской лавкѣ; вѣрно эта книга никуда не годится. Для чего вы за ней не съѣздили во французскій или англинскій магазеинъ: тамъ все гораздо лучше, нежели у русскихъ" [1])...

Между тѣмъ какъ „Недоросль" ежегодно появлялся въ новыхъ изданіяхъ и постоянно держался въ репертуарѣ русскаго театра, Фонъ-Визинъ, хотя и разбитый параличемъ, продолжалъ шире развивать сюжетъ своей комедіи, не переставалъ задумываться надъ дальнѣйшею судьбою выведенныхъ лицъ. Онъ такъ тѣсно сжился со своими героями и героинями, что обращался къ нимъ, какъ къ живымъ людямъ, или ставилъ ихъ въ новыя условія жизни и заставлялъ вести между собою оживленную переписку. Однимъ словомъ, нашъ знаменитый писатель интересовался „слѣдствіями комедіи „Недоросль". Такъ изъ-подъ его пера вышли: „Письма Стародума", „Переписка Софьи Милоновой со своимъ дядею", „Письмо Тараса Скотинина къ г-жѣ Простаковой" и „Письмо къ Стародуму отъ сочинителя „Недоросля", любопытное для насъ по слѣдующимъ строчкамъ автора: „я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей „Недоросль" одолженъ я вашей особѣ; изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ". Вся эта вереница „писемъ" готовилась авторомъ для задуманнаго журнала: „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ", но „полиція (по распоряженію Екатерины) воспретила печатаніе" [2]), и написанныя статьи вышли въ свѣтъ уже послѣ смерти нашего писателя [3]). Не менѣе самого Фонъ-Визина занимались дѣйствующими лицами „Недоросля" и мелкіе русскіе писатели, ослѣпленные успѣхомъ пьесы. Имъ казалось, что сюжетъ комедіи можно дополнить новыми эпизодами изъ жизни Фонъ-Визинскихъ типовъ. Съ этою цѣлью появились въ печати и на сценѣ „Сговоръ Кутейкина", одно-актная комедія

[1]) „Зритель", ежемѣсячное изданіе 1792 г., ч. II, кн. 6, стр. 137—138.
[2]) „Библіографич. Записки" за 1861 г., т. III, № 9, стр. 255.
[3]) „Сочиненія Фонъ-Визина", Спб. 1866 г., стр. 227—258.

П. А. Плавильщикова (Спб. 1799 и 1821 гг.), „Митрофанушка въ отставкѣ", пяти-актная комедія Г. Н. Городчанинова (М. 1800 г.), „Митрофанушкины именины — россійское сочиненіе въ одномъ дѣйствіи" (М. 1807 г.) и „Сватовство Митрофанушки", интермедія съ хорами, безъ имени автора [1]; но ни одно изъ названныхъ сочиненій, вызванныхъ пьесою Фонъ-Визина, не сравнялось со своимъ великимъ образцомъ.

Къ началу же нынѣшняго столѣтія, кромѣ перечисленныхъ „подражаній", относятся довольно частыя попытки разобрать значеніе „Недоросля". Онѣ открылись небольшимъ частнымъ замѣчаніемъ о характерѣ Вральмана. „Скажите, милостивые государи,—спрашивалъ неизвѣстный критикъ своихъ читателей,—бывалъ ли терпимъ у васъ когда нибудь столь подлый учитель нѣмецъ и смѣлъ ли сказать въ присутствіи строгаго русскаго дворянина, что онъ, живучи съ русскими господами, жилъ какъ съ лошадками? Кто усомнится сказать, что это одна выдумка для театра, вольность стихотворническая? Никогда не видали мы у себя такихъ чудаковъ бояръ и учителей, какими ихъ представилъ намъ Фонъ-Визинъ; но они могли быть, если бы мы допустили себя до столь унизительной нравственности, какова изображена въ „Недорослѣ" [2])... Вслѣдъ за такимъ защитникомъ „старинной русской жизни" показались два новые критика: одинъ, послѣ горячей похвалы Фонъ-Визину за изображеніе Простаковой и Митрофанушки, подробно разбиралъ „слишкомъ длинный и главному предмету совсѣмъ посторонній разговоръ Правдина со Стародумомъ" [3]), а другой впервые раскрылъ, что авторъ „Недоросля" многое заимствовалъ изъ сочиненій Дюфрени (Dufresny) и Вольтера [4]). Немного позднѣе выразилъ свой взглядъ извѣстный прежній критикъ, проф. Мерзляковъ. „Скотинины и Простаковы—говорилъ онъ,—повывелись, и мы, плѣняясь остроуміемъ Фонъ-Визина, давно уже находимъ натяжку и слишкомъ яркіе цвѣты въ его изображеніяхъ. Притомъ сіи изображенія стали ниже насъ: они оскорбляютъ самолюбіе отечественное, напоминая, каковыми были, и каковы изъ насъ, можетъ быть, къ сожалѣнію, еще есть нѣкоторые. Удовольствіе слабѣетъ: мы хладѣемъ къ пьесѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ" [5]). Но большимъ критическимъ тактомъ отличилась замѣтка М. Н. Загоскина, потомъ извѣстнаго романиста. „Если бы, напримѣръ—писалъ онъ,—перевели нашего „Недоросля" и отдали его играть французамъ, — не согласитесь ли вы, что тогда, несмотря на превосходство актеровъ французскихъ, мы пожалѣли бы о бѣдномъ Фонъ-

---

[1]) Послѣдняя пьеса появилась только на сценѣ, какъ указалъ г. Араповъ („Лѣтопись русск. театра", стр. 334).

[2]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1804 г., ч. III, кн. 7, стр. 32—33.

[3]) „Русск. Вѣстникъ" 1808 г., кн. VIII, стр. 261—275.

[4]) „Вѣстникъ Европы" 1811 г., ч. LVIII, кн. 15, стр. 206.

[5]) „Вѣстникъ Европы" 1817 г., ч. XCII, кн. 6, стр. 113.

Визинѣ?.. А что бы подумали французы, увидя на своей сценѣ Митрофанушку, Еремѣевну, Скотинина и Кутейкина? Не показались ли бы они имъ, вмѣсто характеровъ, списанныхъ съ природы, какими-то каррикатурами, которыя, по мнѣнію ихъ, выходя изъ натуры не могли бы даже имъ казаться и забавными" [1])...

Эти отзывы, однако, не повредили извѣстности „Недоросля". Комедія до двадцатыхъ годовъ продолжала появляться на русской сценѣ [2]) и вышла новымъ пятымъ изданіемъ (Спб. 1817 г.). Но еще болѣе она привлекла къ себѣ вниманіе съ той поры, какъ кн. П. А. Вяземскій чрезъ „Письмо къ издателю „Сына Отечества" [3]) попросилъ сообщать разнообразныя свѣдѣнія о Фонъ-Визинѣ, а потомъ началъ печатать и публично читать „отрывки" изъ своего труда о знаменитомъ екатерининскомъ писателѣ [4]). Въ этотъ періодъ, т. е. до конца сороковыхъ годовъ, „Недоросль" почти безъ перерыва держался на афишахъ рядомъ съ новыми пьесами—„Горемъ отъ ума" и „Ревизоромъ", какъ показываютъ годичные репертуары петербургскаго театра [5]), и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно часто подвергался разнымъ перепечаткамъ [6]). Правда, не всѣ тогдашнія изданія комедіи могли назваться удачными по исполненію: многія изъ нихъ, какъ рѣзко выразился одинъ критикъ, явились „подвигомъ производительной промышленности толкучаго рынка [7]). Тѣмъ не менѣе большое количество этихъ изданій заставляло читателей не позабывать стариннаго русскаго автора и его классическую пьесу... Притомъ почти каждая но-

---

[1]) „Труды Общества любителей россійск. словесности", М. 1822 г., ч. II, стр. 143—144. Мысль Загоскина частію не оправдалась: „Недоросль" два раза былъ переведенъ на французскій языкъ. Первый переводъ помѣщенъ въ книгѣ: „Chefs d'oeuvre du théâtre russe: Oseroff, Fon-Visine, Kryloff, Shakofskoi, Paris. 1823; второй, подъ заглавіемъ: „L'Enfant gâté", былъ приготовленъ къ печати артистомъ московской французской труппы, г. Моро („Драм. Альб." Арапова, стр. XCII); послѣдняго перевода, однако, мы не видали въ Румянцевскомъ музеѣ.

[2]) См. указанія г. Арапова въ „Лѣтописи русскаго театра", стр. 182, 208,222.

[3]) „Сынъ Отечества" 1823 г., кн. 37, стр. 163—167.

[4]) Эти „отрывки" помѣщены въ „Литературной Газетѣ" 1830 г., № 2, 3, 17 и 40; въ альманахѣ „Альціона", Спб. 1833 г., стр. 187; въ „Современникѣ" 1837 г., т. V, стр. 52; въ „Сборникѣ", изданн. Воейковымъ, Спб. 1838 г., стр. 311—320; въ альманахѣ „Утренняя Заря", Спб. 1841 г., стр. 145 и 181; въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1848 г., № 59 и 60.

[5]) „Хроника петербургскихъ театровъ", ч. II. — Объ одномъ изъ тогдашнихъ представленій „Недоросля" на московской сценѣ есть статья въ „Вѣстникѣ Европы" (1829 г., ч. CLXVI, кн. 15, стр. 204).

[6]) Вслѣдъ за указаннымъ пятымъ изданіемъ „Недоросля" появились: шестое изданіе въ „Собраніи сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина" (М. 1829 г.); седьмое изданіе въ „Собраніи оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина" (М. 1830 г.); восьмое и девятое—въ двухъ изданіяхъ „Полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина" (М. 1830 и 1838 гг.); десятое изданіе А. Кузнецова, М. 1839 г.; одиннадцатое и двѣнадцатое—въ двухъ изданіяхъ Смирдина: „Сочиненія Фонъ-Визина" (Спб. 1846 и 1847 гг.).

[7]) „Литературная Газета" 1840 г., № 4, стр. 90.

вая перепечатка встрѣчалась въ журналахъ не однѣми краткими замѣтками, какъ въ старину, но и болѣе обширными статьями, въ которыхъ мало-по-малу устанавливался вѣрный взглядъ на историко-литературное значенiе „Недоросля“; такъ, кромѣ немногихъ, но сочувственныхъ строкъ Бѣлинскаго [1]), выдѣлились критическiя статьи, напечатанныя въ „Галатеѣ“ [2]), „Библiотекѣ для чтенiя“ [3]) и „Отечественныхъ Запискахъ“ [4]); въ нихъ особенно замѣтны двѣ точки зрѣнiя на пьесу Фонъ-Визина: съ одной стороны—послѣдняя признавалась „картиною старинныхъ нравовъ“, а съ другой—разсматривалась „какъ истинная комедiя, какъ замѣчательное поэтическое произведенiе“.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданiй, явилось „сочиненiе“ кн. Вяземскаго, подъ заглавiемъ: „Фонъ-Визинъ“ [5]). Оно оказалось не столько образцовой бiографiей, сколько обширнымъ и талантливымъ комментарiемъ на литературные труды Фонъ-Визина: особенно выдавались въ немъ тѣ страницы, которыя изображали состоянiе русскаго театра и литературы въ минуту появленiя „Недоросля“, знакомили съ нравами екатерининской эпохи и ихъ отраженiемъ въ типахъ Фонъ-Визина; вслѣдъ за критическимъ анализомъ героевъ, бросался новый взглядъ на общественное значенiе „Недоросля“: послѣднiй признавался не только хорошимъ сочиненiемъ, но и добрымъ дѣломъ, патрiотической заслугой; въ заключенiе же всего сообщался такой выводъ: „живое чувство истины, мастерское изображенiе портретовъ съ натуры, хотя и не во весь ростъ, удачная съемка русскихъ нравовъ безъ примѣси красокъ чуждыхъ или неестественныхъ, свобода и оригинальность, съ которою выливается комическая фраза, русская веселость, которая должна существовать, какъ есть русская физiогномiя физическая и нравственная, — все это образуетъ характеръ автора „Недоросля“ и отличительное достоинство его, неоспоримое, неотъемленное“... Для оцѣнки подобныхъ сужденiй нужно прибавить, что они, несмотря на нѣкоторыя журнальныя рецензiи [6]), цѣликомъ вошли въ „исторiю русской литературы“ (напр. Галахова) и до настоящей минуты не потеряли своего авторитета.

Послѣ книги кн. Вяземскаго было уже трудно сказать „новое слово“ о значенiи „Недоросля“. Оставалось указывать не открытыя

---

[1]) Онѣ изъ прежнихъ журналовъ перепечатаны въ изданiи его „Сочиненiй“; см., напримѣръ, т. I (М. 1872 г.), стр. 54—56, т. III (М. 1871 г.), стр. 415, т. XI (М. 1875 г.), стр. 284—285.

[2]) „Галатея“ 1830 г., ч. XVI, стр. 158—175 и 466—471.

[3]) „Библiотека для чтенiя“ 1844 г., LXVII, кн. 12, отд. V, стр. 53—84.

[4]) „Отечеств. Записки“ 1847 г., кн. 8 и 9, отд. V, стр. 21—40 и 23—46.

[5]) Спб. 1848 г., 466 стр. Второе изданiе въ „Полномъ собранiи сочиненiй кн. Вяземскаго“, т. V, Спб. 1880 г.

[6]) Всѣ онѣ указаны г. Пономаревымъ въ „Сборникѣ II-го отдѣленiя академiи наукъ“ (Спб. 1880 г., т. XX, стр. 138).

раньше любопытныя заимствованія въ этой пьесѣ, какъ поступили проф. Тихонравовъ [1]) и Галаховъ [2]), или развивать въ другой формѣ основные взгляды кн. Вяземскаго, какъ въ недавнее время рѣшились сдѣлать гг. Кельсіевъ [3]) и Шашковъ [4]). Зато, безъ длиннаго перерыва, шло впередъ изданіе самой комедіи: она, съ начала пятидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней, пріобрѣла для себя десять новыхъ перепечатокъ [5]). Большая часть изъ нихъ вышла въ свѣтъ съ педагогическою цѣлью, какъ учебное пособіе для знакомства съ русскою классическою пьесой, а потому имѣла при себѣ „примѣчанія“, „вопросы“ и даже „объяснительные словари для устарѣлыхъ выраженій“. Но съ бо́льшими промежутками, въ послѣднія десятилѣтія появлялся „Недоросль“ на столичныхъ сценахъ. Напримѣръ, на петербургскомъ театрѣ, послѣ четырехъ спектаклей въ 1850 году [6]), онъ былъ точно вычеркнутъ изъ текущаго репертуара вплоть до 1869 года, когда его дали „въ первый разъ по возобновленіи“ [7]). Что же касается Москвы, то лишь въ послѣдніе два года Фонъ-Визинская пьеса шла почти еженедѣльно на сценѣ „Пушкинскаго“ театра, постоянно собирая среднюю публику и многолюдную гурьбу учащейся молодежи.

Вотъ краткій абрисъ „пережитаго“ нашей знаменитой комедіей. Пусть онъ, ко дню столѣтняго юбилея „Недоросля“, послужитъ хотя скромною признательною данью къ имени Дениса Ивановича Фонъ-Визина!..

Димитрій Языковъ.

---

[1]) „Замѣтки по поводу Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ“ („Московск. Вѣдомости“ 1853 г., № 6).

[2]) „Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка, по понятію Фонъ-Визина“ („Библіогр. Записки“ 1858 г., № 13).

[3]) „Обличитель прошлаго вѣка“ („Всемірн. Трудъ“ 1868 г., кн. 10, стр. 176—211).

[4]) „Фонъ-Визинъ и его время“ („Дѣло“ 1879 г., кн. 7).

[5]) Послѣ названныхъ раньше изданій „Недоросля“ вышли: тринадцатое— въ „Сочиненіяхъ Фонъ-Визина“, напечатанныхъ Смирдинымъ (Спб. 1852 г.); четырнадцатое—въ „Избранныхъ сочиненіяхъ фонъ-Визина“, напечатанныхъ Перевлѣсскимъ (Спб. 1858 г.); пятнадцатое, съ примѣчаніями Стоюнина (Спб. 1865 г); шестнадцатое — въ „Сочиненіяхъ Фонъ-Визина“, подъ редакціей г. Ефремова (Спб. 1866 г.); семнадцатое, съ примѣчаніями Стоюнина (Спб. 1868 г.); восемнадцатое, вмѣстѣ съ комедіей: „Горе отъ ума“ (Спб. 1870 г.); девятнадцатое— въ „Классной библіотекѣ“, напеч. Исаковымъ (Спб. 1876 г.); двадцатое — въ „Училищной библіотекѣ“, напеч. Мартыновымъ (Спб. 1880 г.); двадцать первое и двадцать второе, вмѣстѣ съ „Бригадиромъ“, изд. магазиномъ „Новое Время“. (Спб. 1880 и 1882 гг.).

[6]) Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ“, ч. II, стр. 161.

[7]) „О возобновленіи „Недоросля“, статья въ „Голосѣ“ (1869 г., № 261).



КЪ ИСТОРІИ ВОЙНЫ 1853—1856 ГОДОВЪ.

(Отрывокъ изъ записокъ генералъ-лейтенанта Кренке).

Въ 1853 году, существовалъ комитетъ для составленія частныхъ инструкцій комендантамъ крѣпостей имперіи. Предсѣдателемъ комитета былъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютантъ Бергъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и намѣстникъ царства Польскаго. Членами комитета были: инженеръ генералъ-лейтенантъ Шарнгорстъ, бывшій предсѣдатель инженернаго ученаго комитета, артиллеріи генералъ-лейтенантъ Яковлевъ, бывшій директоръ артиллерійскаго департамента, генеральнаго штаба полковникъ Штакельбергъ, и правителемъ дѣлъ комитета, съ правомъ голоса, инженеръ генералъ-маіоръ Дубенскій.

Въ самомъ началѣ 1854 года, Дубенскій былъ отозванъ въ дунайскую армію и убитъ при переправѣ черезъ Дунай. Вмѣсто Дубенскаго, правителемъ дѣлъ комитета, 19-го января 1854 года, былъ назначенъ я, въ чинѣ гвардіи инженеръ-подполковника.

Комитетъ обязанъ былъ опредѣлить стратегическое значеніе каждой крѣпости, подробно разсмотрѣвъ каждую крѣпость въ инженерномъ и тактическомъ отношеніяхъ; опредѣлить слабыя стороны крѣпости, указать ихъ коменданту и предложить, хотя въ общихъ чертахъ, мѣры къ исправленію недостатковъ; опредѣлить время сопротивленія каждой крѣпости и, сообразно съ этимъ, опредѣлить силу гарнизона, вооруженіе и количество всѣхъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; опредѣлить правила для употребленія гарнизона на боевую службу и на инженерныя работы, или составить уставъ о службѣ въ гарнизонѣ для каждой крѣпости отдѣльно.

Императоръ Николай I принималъ живѣйшее участіе въ занятіяхъ комитета, часто спрашивалъ Берга объ успѣхѣ занятій, всегда просматривалъ инструкціи, составленныя комитетомъ, и не разъ говорилъ Бергу, что поздно взялись за это дѣло, въ виду уже предстоявшей европейской войны, и что не въ петербургскихъ залахъ комитетъ долженъ бы былъ заниматься, а объѣзжать крѣпости и на самомъ мѣстѣ дѣлать свои постановленія. Но государь не зналъ, что и бумажныя-то постановленія комитета были большею частью гадательны, что комитетъ всѣ постановленія свои могъ основывать только на однихъ планахъ, а планы часто оказывались невѣрными; разныхъ годовъ планы одной и той же крѣпости не сходились и въ основныхъ чертахъ; въ особенности комитетъ не могъ составить себѣ никакого понятія о мѣстности, окружающей крѣпость, даже на пушечный выстрѣлъ.

Комитетъ собирался въ Инженерномъ замкѣ, въ бывшемъ помѣщеніи инженернаго ученаго комитета, смежномъ съ инженернымъ департаментомъ, чтобы быть ближе къ главному источнику справокъ. Дубенскій при сдачѣ должности передалъ мнѣ, что обязанность моя состоитъ въ подготовленіи всѣхъ данныхъ разсматриваемой крѣпости,—въ сборѣ всѣхъ чертежей, какъ генеральныхъ, такъ и детальныхъ; всѣ перемѣны въ состояніи крѣпости должны быть подобраны въ хронологическомъ порядкѣ, съ краткимъ изложеніемъ причинъ или поводовъ, заставившихъ сдѣлать такія-то перемѣны въ устройствѣ крѣпости; точно также должны быть подобраны всѣ перемѣны по вооруженію крѣпости, въ числѣ и родѣ орудій, и затѣмъ правитель дѣлъ долженъ подготовлять вопросы для рѣшенія комитета по каждой данной крѣпости. Но Дубенскій не успѣлъ указать мнѣ лицъ, къ которымъ слѣдовало обращаться для порученія требующихся данныхъ, и добывать необходимое было истиннымъ мытарствомъ. До меня окончены были инструкціи комендантамъ крѣпостей: Динаминда, Аланда, Гангеуда, Свеаборга, Нарвы, Выборга, Измаила, Киліи, Бендеръ, Хотина, и заготовлялись: Кинбурна, Риги, Ревеля, Кронштадта и Новогеоргіевска.

По послѣднимъ пяти крѣпостямъ я долженъ былъ собирать справки и обратился, конечно, къ начальнику отдѣленія инженернаго департамента, положимъ, къ Василію Васильевичу. Онъ мнѣ очень любезно отвѣтилъ, что подготовитъ черезъ ½ часа; черезъ ½ часа являюсь вновь, онъ отвѣчаетъ, что у него въ данную минуту подъ рукою только 8 чертежей, а за остальными надобно мнѣ обратиться къ Василію Семеновичу. Иду къ Василію Семеновичу; тотъ, повидимому, озадаченный, спрашиваетъ своихъ сосѣдей—Петра, Ивана, Ѳедора; тѣ отвѣчаютъ, что у нихъ этихъ чертежей не можетъ быть, они, вѣроятно, въ отдѣлѣ капитальныхъ работъ, и Василій Семеновичъ направляетъ меня къ Василію Ивановичу. Этотъ говоритъ, что у него кое-что есть, что онъ сдѣлаетъ справку къ завтрашнему дню,

но что я вѣрнѣе получу желаемое въ чертежной у Василія Петровича. Василій Петровичъ, привѣтливѣе другихъ, тотчасъ подаетъ мнѣ два чертежа, а остальное обѣщаетъ подобрать также къ завтрашнему дню. Взглянувъ на данные мнѣ два чертежа, я замѣтилъ, что оба они десятилѣтней давности и что на одномъ чертежѣ редюитъ обозначенъ въ проектѣ, но подчеркнутъ карандашемъ двумя горизонтальными чертами. Я спросилъ, что это значитъ,—построенъ ли этотъ редюитъ, или остается въ проектѣ, или совсѣмъ отмѣненъ; Василій Петровичъ долго разсматривалъ чертежъ, просмотрѣлъ всѣ отмѣтки на немъ, какъ онъ переходилъ изъ одного отдѣла департамента въ другой, сознался, что не можетъ дать мнѣ вѣрнаго отвѣта, и совѣтовалъ обратиться по этому предмету къ Василію Дмитріевичу. Василій Дмитріевичъ, перевернувъ нѣсколько разъ чертежъ, спрашиваетъ меня, росписался ли я въ полученіи его, и на утвердительный отвѣтъ мой, говоритъ: „Ну, такъ вы оставьте его у себя, а я сдѣлаю себѣ замѣтку и завтра самъ принесу вамъ отвѣтъ". Комитетъ собирался разъ и два раза въ недѣлю, а я ходилъ всякій день и, прождавъ одно и другое завтра, на третье завтра иду самъ за отвѣтомъ и къ Василію Ивановичу, и Петровичу, и Дмитріевичу—и опять получаю обѣщаніе на новое завтра.

Просить справку прямо изъ крѣпостной инженерной команды было невозможно; тогда дѣйствовала еще одна только Николаевская желѣзная дорога, да и изъ дѣлъ комитета видно было, что это можетъ послужить только напрасною проволочкою. Дубенскій, встрѣтивъ неясность въ чертежѣ, полученномъ отъ департамента, спрашивалъ одну крѣпостную команду, готова ли потерна подъ куртиною между бастіонами № 2 и № 3, и получилъ отвѣтъ, что въ той крѣпости нѣтъ бастіоновъ ни № 2, ни № 3, что тамъ бастіоны именные—Петровскій, Ивановскій и проч., а во всей комитетской инструкціи бастіоны назывались по №№, согласно департаментскимъ чертежамъ.

Справки по артиллерійской части были еще интереснѣе. Всѣ члены комитета сознавали, что труднѣйшая задача въ моей должности состояла въ собираніи справокъ, и Яковлевъ, какъ бывшій директоръ артиллерійскаго департамента, вызвался помогать мнѣ въ собираніи справокъ по артиллерійской части. И вотъ, первою справкою требовалось собрать свѣдѣнія о тогдашнемъ вооруженіи крѣпости Кинбурна. Въ назначенный день и часъ, я являюсь къ Яковлеву, тотъ любезно встрѣчаетъ и говоритъ, что на первый разъ немного сдѣлано: нашли только свѣдѣнія изъ реляціи Потемкина, или Суворова, о взятіи Кинбурна, сколько было тамъ орудій, общимъ итогомъ, не раздѣляя на роды и калибры орудій. Черезъ нѣсколько дней, въ назначенный часъ, вторично являюсь къ Яковлеву; онъ подаетъ мнѣ записку безъ всякой подписи, что въ Кинбурнѣ состоитъ столько-то пушекъ, гаубицъ, единороговъ, мортиръ и наиболѣе корронадъ, всего болѣе 250 орудій, калибры которыхъ не обозначены. Почтенный Яков-

левъ такъ былъ доволенъ этою запиской, что берегъ ее, не прочитавъ до моего пріѣзда. На замѣчаніе мое, что такая записка не имѣетъ никакого значенія, что она безъ подписи, что не проставлены калибры орудій, да и общее число орудій болѣе чѣмъ сомнительно (въ то время и въ нашихъ первоклассныхъ крѣпостяхъ было гораздо менѣе орудій), Яковлеву осталось только просить меня, чтобы я вовсе не заявлялъ въ комитетѣ и объ этой справкѣ. По третьей же справкѣ, въ Кинбурнѣ оказалось менѣе 25 старинныхъ орудій.

Бергъ говорилъ намъ, что онъ, въ присутствіи военнаго министра кн. Долгорукова, не разъ докладывалъ государю о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ комитетъ при добываніи справокъ о состояніи крѣпостей. На это государь отвѣчалъ, что пусть, по крайней мѣрѣ, скорѣе опредѣлятъ, какое количество запасовъ военныхъ и продовольственныхъ каждая крѣпость можетъ вмѣстить въ себѣ, по количеству имѣющихся готовыхъ безопасныхъ помѣщеній, чтобы всѣ крѣпости могли быть тотчасъ же снабжены всѣми запасами и чтобъ скорѣе опредѣлили силу и составъ гарнизона, собственно для обороны крѣпости, что̀ необходимо знать при общемъ соображеніи о распредѣленіи арміи. И этимъ комитетъ дѣйствительно усердно занимался.

Но все-таки государь ожидалъ отъ комитета болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать комитетъ, и если бы не энергичный предсѣдатель Бергъ, то комитетъ и ровно ничего не сдѣлалъ бы.

Помню, что всѣ члены комитета глубоко страдали нравственно, когда убѣдились, что необычайной заботѣ государя объ оборонѣ государства комитетъ безсиленъ былъ помогать. Помню, что незабвенный листокъ, исписанный собственной рукою Николая I, дрожалъ въ рукахъ членовъ комитета при чтеніи его. Въ этомъ листкѣ, государь, помогая комитету въ составленіи инструкціи новогеоргіевскому коменданту, самъ начерталъ 15 вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію комитета. Вотъ они:

„Приготовленія къ военному положенію Новогеоргіевска.

„Приведеніе въ военное положеніе: верки, артиллерія, провіантъ, запасы всего, мосты, гарнизонъ, число, размѣщеніе, раздѣленіе начальства, гарнизонная служба.

„Закрытіе крѣпости: служба, осторожности.

„Приближеніе непріятеля: армія отступаетъ къ Варшавѣ, армія отступаетъ на Новогеоргіевскъ.

„Армія укрывается послѣ неудачи подъ выстрѣлами крѣпости: на правомъ берегу Вислы, на лѣвомъ берегу Вислы, за Новый Дворъ, въ самой крѣпости.

„Непріятель облегаетъ крѣпость; на правомъ берегу Вислы, на лѣвомъ берегу Вислы, Новый Дворъ, всю крѣпость.

„Непріятель, въ отсутствіе нашей арміи, дѣйствуетъ противъ нашей крѣпости въ раіонѣ одного марша: на правомъ берегу Вислы, на лѣвомъ берегу Вислы, между Наревомъ и Вислою.

„Непріятель обложилъ Александровскую цитадель и намѣренъ ее осаждать.

„Непріятель выше Новогеоргіевска по Нареву устроилъ переправу.

„Непріятель устроилъ переправу между Варшавою и Новогеоргіевскомъ.

„Непріятель устроилъ переправу ниже крѣпости по Вислѣ.

„Непріятель подступилъ къ Новогеоргіевску и открываетъ осаду: фронтъ атаки, мѣры по сему требуемыя; овладѣніе передовыми верками фронта, дальнѣйшая оборона главнаго вала, потеря фронта, предварительные абшниты и соединеніе временными укрѣпленіями остатка крѣпости съ цитаделью; потеря всей крѣпости, отступленіе въ цитадель, выборъ фронта атаки, мѣры къ замедленію, потеря наружныхъ пристроекъ, оборона главнаго вала, овладѣніе главнаго вала, оборона оборонительной казармы.

„Атака на Варшавскій фронтъ.

„Оборона въ зимнее время.

„Удержаніе мостовъ или способовъ сообщенія съ противными берегами Вислы и Нарева".

Эти строки выражаютъ заботу государя о западной окраинѣ Россіи, но вѣдь главное вниманіе и заботы Николая I-го были тогда сосредоточены на югѣ Россіи, на Дунаѣ и въ Крыму.

Привожу доставленную тогда въ нашъ комитетъ копію съ собственноручнаго письма Николая I-го къ князю Меньшикову, отъ 16-го августа 1854 года:

„Если, Богъ дастъ, атаки на Севастополь не будетъ, надо воспользоваться, не теряя времени, льготой, чтобы усилить работы по сухопутнымъ укрѣпленіямъ. Общій проектъ начертанъ давно, и вотъ онъ въ маломъ видѣ: вели усилить тѣ работы, елико можно, которыя считаешь необходимыми. Таковыми мнѣ бы казались: бастіоны № 3-й и № 4-й и соединяющія ихъ стѣнки. Надо употребить всѣ усилія ихъ кончить къ апрѣлю, не щадя трудовъ. Показанная на планѣ оборонительная казарма, отмѣченная ±, была бы очень полезна для надежнаго обстрѣливанія внутренности батареи № 10. Но такъ какъ ты уже поднялъ бастіонъ № 6-й, то до времени можно обойтись безъ сей казармы, обратя, быть можетъ, готовый камень на постройку редюитовъ, бастіоновъ № 3-й и № 4-й и на стѣнки. Напиши мнѣ сейчасъ, какъ распорядился. Въ оврагахъ *x* и *z* не полагаешь ли построить по башнѣ, въ родѣ Волоховой, чтобъ очищать подступы вдоль оныхъ? Кромѣ того, хорошо бы устроить батареи полеваго профиля, въ удобныхъ мѣстахъ, для полевой артиллеріи, для усиленія слабыхъ пунктовъ до довершенія всѣхъ долговременныхъ верковъ. Кажется мнѣ, что все это возможно, имѣя саперный баталіонъ и много арестантовъ. Остановки не должно быть".

Прилагаю и отвѣтъ князя Меньшикова, отъ 26-го августа 1854 г., съ собственноручными помѣтками императора Николая I-го на по-

ляхъ, сдѣланными 2-го сентября 1854 года. Государь тогда еще не зналъ, что уже 1-го сентября непріятельскій флотъ былъ въ виду Севастополя.

Донесеніе князя Меньшикова, отъ 26-го августа.

„Вслѣдствіе всемилостивѣйшаго рескрипта вашего императорскаго величества, отъ 16-го сего мѣсяца, о севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, имѣю счастіе всеподданнѣйше донести:

„Соединеніе бастіоновъ № 3-й и № 4-й, согласно съ проектомъ, облицовка ихъ и устройство редюитовъ, составляютъ столь огромную работу, что не думаю, чтобы даже въ обыкновенные годы, когда есть возможность имѣть всякаго рода рабочихъ и мастеровыхъ людей, возможно было бы втеченіе одного года привести къ окончанію.

„Притомъ же необходимо захватить въ обороняемое пространство ближайшую превышающую высоту, съ которой непріятель могъ бы дѣйствовать вдоль гавани и города. Оборона этой высоты не вошла въ очертаніе верковъ, оставляющихъ также внѣ огражденія главные колодцы города, у подошвы этой горы находящіеся, и поэтому встрѣчается необходимость отступить отъ прежнихъ начертаній оборонительныхъ линій (прилагается планъ).

„Для возведенія соединительныхъ оборонительныхъ стѣнъ между упомянутыми бастіонами требуется особое техническое изученіе, ибо возводить ихъ должно по самымъ крутымъ и мѣстами почти отвѣснымъ обрывамъ, съ большимъ искусствомъ относительно прочности и устойчивости.

„Въ настоящее время это пространство преграждено временными стѣнами съ батареями, которыя втеченіе настоящей осени приведутся въ лучшее оборонительное состояніе, равно какъ и бастіоны № 3-й и № 4-й.

„Соединеніе бастіоновъ № 4-й и № 5-й учинено было на первый случай приспособ-

Собственноручныя помѣтки Николая I-го, сдѣланныя 2-го сентября 1854 г.

„Если каменной работы производить нельзя, то по крайней мѣрѣ желательно, чтобы земляная насыпь была кончена къ будущей веснѣ“.

„Предоставить кн. Меньшикову составить проектъ нужныхъ измѣненій и, не теряя времени, приступить къ возможному“.

„Въ этомъ необходимости нѣтъ, ибо гдѣ обрывы, то и мѣсто неприступно, и можетъ быть отложено до удобнаго времени. Если же, не смотря на то, обрывы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могутъ представлять непріятелю свободный проходъ, хотя не строемъ, а по одиночкѣ, въ такомъ случаѣ такія мѣста стараться сдѣлать неприступными, давая имъ большую крутость“.

„Очень хорошо и достаточно“.

ленными къ оборонѣ садовыми каменными оградами, нынѣ же приступлено къ кремальерному соединенію съ присовокупленіемъ батарей (показано на планѣ). Оно болѣе прочно, но также временное, пока не опредѣлится въ искусственномъ отношеніи способъ возведенія стѣны, предположенный общимъ проектомъ о севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, на крутыхъ скатахъ сей лощины.

„Согласенъ, а для казармъ чтобы кн. Меньшиковъ указалъ самъ мѣсто".

„Относительно оборонительной казармы, помѣщаемой между бастіонами № 6-й и № 7-й, осмѣливаюсь доложить, что я почиталъ бы полезнѣе возведеніе оной въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не приступлено къ постройкѣ оборонительной стѣны, а для обезпеченія тыла батарей № 10-й и Александровской возвести современемъ небольшую оборонительную башню, около пункта, показаннаго буквою *М* на планѣ, полученномъ мною отъ вашего императорскаго величества, у сего возвращаемомъ.

„Слабѣйшею стороною Севастополя остается сѣверная часть. Укрѣпленіе, тамъ находящееся, называемое Сѣвернымъ, дифилируется теперь по мѣрѣ возможности, но съ возвышеніемъ насыпи продолжаютъ обрушиваться эскарпы и вынуждаютъ къ огромной работѣ.

„Люнеты, которые проектированы передъ этимъ укрѣпленіемъ, могутъ быть съ поля рекошетированы и частію въ тылъ досягаемы непріятельскими выстрѣлами; они тѣмъ труднѣе могутъ быть защищены, что ночью доступны обходу и что, въ такомъ случаѣ, изъ укрѣпленія дѣйствовать будетъ невозможно, не истребляя обороняющихъ вмѣстѣ съ нападающими. По этимъ причинамъ проектъ этотъ оставленъ безъ исполненія.

„Ежели бы, по несчастію, дѣйствующія войска въ полѣ были опрокинуты къ бухтѣ и непріятелю удастся занять высоты, то войска и береговыя батареи будутъ въ отчаянномъ положеніи, городъ и рейдъ подвергнутся дѣйствію непріятельскаго огня.

„Сдѣлавъ проектъ, приступить къ исполненію, прислав съ него копію".

„Поэтому, я полагаю, что, для обезпеченія сего важнаго порта отъ случайности войны и для принятія отступающихъ войскъ, нужно

бы устроить укрѣпленную позицію или лагерь на сѣверной сторонѣ, который бы упирался однимъ флангомъ къ морю, около Волоховой башни, а другимъ близъ баракъ, находящихся восточнѣе батареи № 4-й. Ретраншаментъ сей могъ бы состоять изъ нѣсколькихъ замкнутыхъ редутовъ, соединенныхъ линіями съ сѣвернымъ укрѣпленіемъ и между собою.

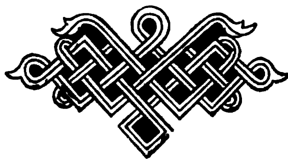
„Южная сторона представляетъ болѣе способовъ къ защитѣ, ибо, кромѣ внѣшней укрѣпленной ограды, каждый домъ и каждая барикада въ улицахъ могутъ быть защищаемы какъ войсками, такъ и жителями.

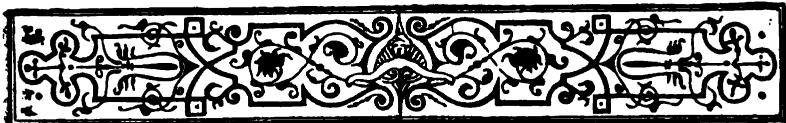
„Все это имѣю счастье всеподданнѣйше повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего императорскаго величества".

Когда мы читали это донесеніе, то ужъ было извѣстно, что непріятель перешелъ на южную сторону Севастополя и открылъ первыя осадныя работы съ той стороны.

Обстоятельства тогда быстро мѣнялись. Бергъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Ревеля и командующимъ войсками ревельскаго побережья; временно исполнялъ должность предсѣдателя комитета генералъ Шарнгорстъ и комитетъ былъ скоро закрытъ.

В. Кренке.





ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТЕРБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...“

I.

Не написанная басня Крылова.



ОЖЕТЪ быть, немногіе знаютъ, что Крыловъ на одрѣ смерти, въ послѣднія минуты своей жизни, сочинилъ басню, которую, однако, не успѣлъ передать на бумагу. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Вернувшись одинъ разъ, поздно вечеромъ, къ себѣ домой изъ англійскаго клуба, гдѣ проводилъ цѣлые дни, Иванъ Андреевичъ вдругъ почувствовалъ приступъ нестерпимаго голода и спросилъ чего-нибудь закусить. Кухарка объявила, что у ней есть только жареные рябчики, да и тѣ засохли, такъ какъ приготовлены были наканунѣ, но не потребовались.

— Прекрасно, сказалъ Крыловъ:—натереть ихъ и подать со сливочнымъ масломъ. Я очень люблю бутерброды въ такомъ видѣ.

Импровизированный ужинъ мигомъ явился на столѣ, и Крыловъ съ волчьимъ аппетитомъ напустился на рябчиковъ и плотно покушалъ любимыхъ бутербродовъ на сонъ грядущій.

Но онъ не принялъ въ разсчетъ ни своихъ преклонныхъ лѣтъ, ни силъ желудка, которому было довольно работы впродолженіе восьмидесятилѣтней жизни Ивана Андреевича, любившаго хорошій столъ.

Ночью онъ почувствовалъ себя дурно. Послали за докторомъ; дали знать Якову Ивановичу Ростовцеву, искреннему другу знаменитаго баснописца. Три дня и три ночи и тотъ и другой не отходили

отъ постели больнаго; но ни наука, ни дружба не въ состояніи были бороться со смертельнымъ недугомъ. Самъ „дѣдушка" понялъ, что часъ его насталъ, что пришла пора разстаться съ жизнью. Онъ по временамъ то впадалъ въ забытье, то приходилъ въ себя.

За нѣсколько часовъ до смерти, Крылову какъ будто стало легче. Онъ обратился къ Ростовцеву и сказалъ съ своимъ обычнымъ добродушнымъ смѣхомъ:

— Я сейчасъ сочинилъ басню на самого себя... Только жаль... не успѣю ее написать.

— Какую басню? спросилъ съ изумленіемъ Ростовцевъ.

— А вотъ какую — послушай: она какъ разъ подходитъ къ настоящему моему положенію. Видишь-ли: нагрузилъ мужикъ полную телѣгу, съ верхомъ, сухою рыбой—на базаръ хотѣлъ везти. Сосѣдъ, глядя на его затѣю, говоритъ ему: „эхъ, братъ, больно ужъ великъ грузъ навалилъ ты на свою клячонку — не по силамъ ей, не вывезетъ". А мой мужичекъ ему въ отвѣтъ: „ничего! Рыба-то сухая..." Вотъ басня... моя послѣдняя басня...

Къ вечеру дѣдушки не стало.

Императору Николаю Павловичу, глубоко уважавшему и искренно любившему Ивана Андреевича, угодно было принять на себя его похороны, на которыя отпущено 10 тысячъ рублей. Ростовцевъ былъ распорядителемъ и душеприкащикомъ покойнаго.

По его же иниціативѣ и ходатайству воздвигнутъ Крылову памятникъ въ Лѣтнемъ саду, изваянный изъ бронзы скульпторомъ барономъ Клодтомъ. Памятникъ сдѣланъ по подпискѣ и стоилъ 30 тысячъ рублей серебромъ.

Пишущій эти строки слышалъ приведенный разсказъ отъ Николая Ивановича Греча, которому онъ былъ переданъ самимъ Як. Ив. Ростовцевымъ.

II.

Дагеротипъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Николая, по представленію графа А. Х. Бенкендорфа, разрѣшено было Гречу и Булгарину изданіе первой частной политической газеты въ Россіи, гдѣ до того существовали только оффиціальныя „С.-Петербургскія" и „Московскія Вѣдомости". Новую газету издатели рѣшили наименовать „Сѣверная Пчела", позаимствовавъ это названіе отъ явившагося за нѣкоторое время передъ тѣмъ и безъ вѣсти куда-то пропавшаго французскаго листка „l'Abeille du Nord". Выходя три раза въ недѣлю,

въ крошечномъ форматѣ, „Пчелка", какъ ее прозвали, усвоившая литературный и общественный оттѣнокъ, въ отличіе отъ казенной суши „Вѣдомостей", сразу завоевала себѣ расположеніе публики живостью своихъ извѣстій и забористыми статейками Булгарина „Всякая всячина"—первый на Руси фельетонъ-хроника, что было совершенною новостью для того времени. Изданіе газеты обходилось крайне дешево: большая часть статей было даровыхъ, къ тому-же у Греча была собственная типографія, въ которой печатался еженедѣльный его журнальчикъ „Сынъ Отечества", выходившій книжками въ четыре-пять печатныхъ листовъ. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, „Сѣверная Пчела" достигла шести тысячъ подписчиковъ—невѣдомая прежде на Руси цифра, то Гречъ для облегченія тиража даже выписалъ изъ Гамбурга первую въ Россіи скоропечатную машину, на которую любопытные ходили смотрѣть, какъ на чудо. Типографія помѣщалась у Исакіевскаго, тогда еще далеко не конченнаго, собора, въ домѣ Бремме, на углу Конно-Гвардейской улицы, гдѣ жилъ въ бель-этажѣ и самъ Гречъ съ семействомъ.

Дѣло съ газетой пошло выгодно. Надобно знать, что Николай Ивановичъ Гречъ не отличался во всю свою жизнь особою бережливостью и умѣньемъ сколотить себѣ копѣйку про черный день. Онъ и умеръ въ бѣдности, а въ послѣдніе годы своей жизни существовалъ только пенсіономъ, назначеннымъ ему по ходатайству бывшаго министра народнаго просвѣщенія Головнина. Но и при всей своей неразсчетливости, онъ, однако, успѣлъ во дни процвѣтанія пчелинаго улья набить меду на девяносто тысячъ ассигнаціями — сумма значительная для того времени, на которые и пріобрѣлъ домъ барона Аша на Мойкѣ, у Почтамтскаго пѣшеходнаго мостика (гдѣ теперь помѣщается общество для заклада движимыхъ имуществъ), куда и переселился съ своею типографіею.

Съ своей стороны, и Булгаринъ, получавшій на свой пай половину чистаго дохода отъ газеты, также скопилъ капиталецъ, на который пріобрѣлъ имѣніе близь Дерпта (мызу Карлово), и переѣхалъ туда на житье. Онъ присылалъ по временамъ статейки для „Пчелы", и только изрѣдка, какъ метеоръ, на короткое время, являлся въ Петербургъ за полученіемъ своего дивиденда. Гречъ въ душѣ его не любилъ и постоянно надъ нимъ подтрунивалъ; но взаимныя выгоды связывали этихъ сіамцевъ-близнецовъ неразрывными узами. Когда Булгарина, предложеннаго Гречемъ въ члены англійскаго клуба, забаллотировали, Гречъ сказалъ ему:

— Поздравляю, Ѳаддей! Ты избранъ единогласно, т.-е. за тебя поданъ только одинъ голосъ—мой!

Гречъ по природѣ своей былъ человѣкъ добрый, общительный, гостепріимный, щедрый. Для своихъ сотрудниковъ — отецъ родной. Давнишній членъ англійскаго клуба, гдѣ балагурилъ и разсказывалъ анекдоты, сыпалъ остротами и каламбурами, которые потомъ ходили

по городу, онъ, послѣ покупки дома, любилъ и у себя принимать артистовъ, художниковъ, особенно же тогдашнюю, весьма впрочемъ немногочисленную, пишущую братію.

Сходились, обыкновенно, вечеромъ, по четвергамъ. Тутъ были всѣ „знаменитости" и „извѣстности", какъ петербургскія, такъ и заѣзжія, особенно заграничныя: литераторы, живописцы, музыканты, ученые. Пили чай, толковали обо всемъ на разныхъ языкахъ, курили, преимущественно трубки съ табакомъ извѣстнаго Жукова — папиросы еще не были введены. Ихъ первый акклиматизировалъ въ Россіи, гораздо позже, французъ Морнэ, а сигары тогда еще не пріобрѣли права гражданства и считились прихотью. Въ числѣ посѣтителей этой литературной биржи, какъ прозвали въ городѣ гречевскіе четверги, появлялся изрѣдка и поэтъ Пушкинъ. Онъ велъ себя очень сдержанно, рѣдко принималъ участіе въ разговорахъ, больше молчалъ и рано уходилъ, не простившись. Въ полночь, обыкновенно, бо́льшая часть гостей расходилась, и только самые короткіе знакомые оставались ужинать.

Когда гости соединялись за столомъ, бесѣда, разумѣется, становилась оживленнѣе, тѣмъ больше, что тутъ же присутствовали и дамы: жена, сестра и три дочери хозяина. Профессоръ Сенковскій— онъ же и баро́нъ Брамбеусъ, бичъ сихъ и оныхъ—постоянно оставался ужинать, и потѣшалъ все общество своими интересными разсказами, остроумными, блестящими парадоксами, на которые онъ былъ настоящій виртуозъ. Многіе находили въ немъ что-то мефистофелевское.

Одинъ разъ, въ февралѣ или въ мартѣ 1837 года, за ужиномъ, часу въ первомъ ночи, у входной двери помѣщенія Греча, раздался сильный звонокъ.

— Это, должно быть, иностранная почта! сказалъ Гречъ, вскакивая со стула, и побѣжалъ самъ въ прихожую, на встрѣчу почтальону, такъ какъ въ это время слуги подавали кушанья.

Черезъ минуту онъ вернулся съ пачкою газетъ въ рукахъ, сѣлъ на свое мѣсто и началъ торопливо разбирать и просматривать газеты; говоръ, утихшій на минуту, возобновился.

— Интересная новость! вдругъ выстрѣлилъ Гречъ, и началъ читать изъ одной берлинской газеты извѣстіе объ открытіи въ Парижѣ дагеротипа. Всѣ слушали съ понятнымъ любопытствомъ и удивленіемъ. Способъ снимать почти мгновенно изображеніе предмета посредствомъ солнечнаго свѣта казался чѣмъ-то необъяснимымъ, просто волшебствомъ, чудомъ. Гречъ продолжалъ чтеніе:

— „Изобрѣтатель, Дагерръ, предлагаетъ открыть свой способъ во всеобщее свѣдѣніе, если французское правительство выдастъ ему 50 тысячъ франковъ единовременно и, сверхъ того, назначитъ пожизненный пенсіонъ по шести тысячъ франковъ въ годъ".

Всѣ молчали, какъ рыбы, до того новость была поразительна.

Первый заговорилъ Сенковскій. Вооружившись всѣми пособіями физики и химіи (онъ въ послѣднее время съ жаромъ предался естественнымъ наукамъ), горячо и убѣдительно сталъ доказывать, что все это вздоръ, утка, сумбуръ, вранье, французское благерство; что Дагерръ не больше, какъ шарлатанъ! Что въ природѣ нѣтъ такого чувствительнаго вещества, которое могло бы въ пять минутъ въ камеръ-обскурѣ линять, т.-е. принимать изображеніе отъ дѣйствія свѣта; а если бъ и нашлось такое вещество, то какая возможность закрѣпить (фиксировать) изображеніе, которое при появленіи изъ тьмы на свѣтъ, естественно, должно улетучиться! При этомъ онъ разразился громовою филиппикою противъ шарлатанства французовъ, которыхъ вообще не жаловалъ, хотя и говорилъ постоянно на ихъ языкѣ, отдавая во всемъ предпочтеніе англичанамъ.

Прослушавъ Сенковскаго молча и окончивъ ужинъ, собесѣдники разошлись по домамъ въ недоумѣніи, не зная, что думать и чему вѣрить. Чудесныя открытія, не удивляющія теперь даже дѣтей, тогда только что начались, и потому не мудрено, что къ нимъ и великіе умы относились скептически. Наполеонъ I-й не вѣрилъ въ будущность пара; Тьеръ и графъ Канкринъ не вѣрили въ желѣзныя дороги. Нельзя себѣ представить, какъ мало было удобствъ еще на моей памяти. Какой возни, напримѣръ, стоило хоть бы добываніе огня; сколько было хлопотъ, чтобъ зажечь свѣчку, закурить сигару. Теперь это кажется смѣшнымъ. Первыя зажигательныя спички, появившіяся въ Петербургѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, продавались какъ рѣдкость, въ изящныхъ деревянныхъ коробочкахъ, у Кноппа въ Magasin à la Toilette, по два рубля ассигнаціями за 50 штукъ. Правда, онѣ были дороги потому, что приготовлялись изъ гремучаго серебра, такъ какъ нынѣшній дешевый матеріалъ для фабрикаціи спичекъ — фосфорно-кислая ртуть (fulminate de mercure) — не былъ еще придуманъ. А перья! Какая это была каторга и потеря времени для пишущаго люда очинка перьевъ. Первыя стальныя перья продавались у насъ по пяти рублей ассигнаціями за дюжину; теперь онѣ стоютъ 30 копѣекъ за гроссъ, или 12 дюжинъ! [1])

Прошло со времени вышеописаннаго достопамятнаго ужина три или четыре мѣсяца. Въ іюнѣ Дагерръ получилъ желаемое вознагражденіе за свое открытіе и обнародовалъ секретъ, который появился и въ „Сѣверной пчелѣ“. Берутъ мѣдную пластинку, покрытую тонкимъ листомъ серебра, и коптятъ іодомъ въ темной комнатѣ при свѣтѣ ночника. Вставленная въ камеръ-абскуру, пластинка принимаетъ изображеніе, которое затѣмъ фиксируется ртутными парами—вотъ и вся операція. Въ сентябрѣ того же 1837 года, на выставкѣ академіи художествъ, петербуржцы могли de visu, собственными очами видѣть

[1]) Булгаринъ утверждалъ, что этотъ инструментъ надо называть не перо — какое же это перо! Перо у птицы!—а писáло. Пуристъ онъ былъ. Пр. авт.

три большія пластинки, поднесенныя Дагерромъ съ собственноручными посвященіями императору Николаю Павловичу.

Замѣчательно, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, эдинбургскій профессоръ Тальботъ пошелъ дальше Дагерра и назвалъ свое открытіе фотографіей (свѣтописью), то Сенковскій сдѣлался горячимъ его панегиристомъ, расписался въ „Библіотекѣ для Чтенія" за Тальбота, и даже предлагалъ окрестить англійское изобрѣтеніе тальботипіей!

III.

Какъ была написана опера „Жизнь за царя".

Въ одинъ изъ гречевскихъ четверговъ, между привычными гостями появилось новое лицо, никогда прежде не посѣщавшее „литературной биржи": небольшаго роста, остриженный подъ гребенку, лѣтъ тридцати пяти баринъ, плотный, приземистый, съ умнымъ лицомъ и выразительными, бѣгающими глазами; немного разсѣянный и какъ бы занятый постоянною мыслью. Не мудрено было признать въ немъ артиста, художника, скорѣе всего—музыканта.

Въ половинѣ вечера Гречъ подъ руку съ этимъ господиномъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Вотъ Михайло Ивановичъ Глинка желаетъ познакомиться съ вами: представляю васъ другъ другу, прошу любить, да жаловать. Михайло Ивановичъ музыкантъ, а вы страстный любитель музыки, стало быть, сойдетесь.

— Кто изъ русскихъ не знакомъ съ Михайломъ Ивановичемъ по его прелестнымъ романсамъ, которые распѣваетъ вся Россія, отвѣчалъ я, подавая ему руку.

Когда Гречъ отошелъ отъ насъ, мы усѣлись на диванѣ и Глинка сказалъ мнѣ:

— Вы пишете театральныя рецензіи для „Сѣверной Пчелы", и я хотѣлъ бы поговорить съ вами на счетъ либретто оперы, которую я затѣялъ написать, или, лучше сказать, почти ужъ написалъ, то-есть, клавираусцугъ готовъ, остается оркестровать... Надобно вамъ разсказать, какъ случилось, что я взялъ на себя эту обузу...

Въ эту минуту подбѣжала къ намъ старшая дочь Греча, Софья Николаевна Безакъ, и при словахъ: „извините, я вамъ помѣшала!" обратилась къ Глинкѣ:

— Михайло Ивановичъ! Дамы просятъ васъ спѣть что-нибудь... Не откажите!

Глинка всталъ, какъ кажется, несовсѣмъ довольный приглашеніемъ.

— Здѣсь намъ не удастся поговорить, обратился онъ ко мнѣ. — Не зайдете ли ко мнѣ завтра вечеркомъ часовъ въ девять. Я живу здѣсь недалеко, въ Фонарномъ переулкѣ, домъ Плюшара.

Я обѣщался, и онъ ушелъ пѣть свои романсы, которые исполнялъ больше говоркомъ, но съ замѣчательнымъ искуствомъ, хотя у него и не было почти никакого голоса.

На другой день въ назначенный часъ я позвонилъ у дверей Глинки. Михайло Ивановичъ встрѣтилъ меня радушно, будто стараго знакомаго, усадилъ на диванъ, и намъ сейчасъ подали чай.

— Я вчера, кажется, говорилъ вамъ, началъ онъ:—что взялъ на себя тяжелую обузу—написать оперу. Неизвѣстно еще, что изъ этого выйдетъ... Знаете ли, какъ это случилось?... Какой я оперный композиторъ?... Я аматёръ, диллетантъ, сочинитель романсовъ и пѣсенокъ—больше ничего! Je n'ai d'etoffe que pour cela! прибавилъ онъ какимъ-то грустнымъ тономъ.

— Напрасно вы такъ недовѣрчивы къ своимъ силамъ, замѣтилъ я.—Но разскажите, кто же возымѣлъ благую мысль подбить васъ на оперу?

— Жуковскій, злодѣй! вотъ кто! У него собираются знакомые по средамъ и я часто тамъ бываю, пѣсенки и романсики имъ пою; хозяинъ ихъ жалуетъ. Я пою, а онъ ходитъ, задумавшись, по залѣ и слушаетъ. Вотъ одинъ разъ, года полтора назадъ, когда я что-то спѣлъ, Василій Андреевичъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Знаешь что, Michel? Ты бы оперу написалъ.

— Чтò вы! Куда мнѣ! отвѣчаю:—пороху не хватитъ!

— Вздоръ! Хватитъ! Тебя на это станетъ! Ты родился композиторомъ и только тратишь на пустяки свой талантъ.

— Хорошо! На какой же сюжетъ писать мнѣ оперу? спросилъ я.

— Разумѣется, на русскій, народный, патріотическій! Чтобъ русское сердце за-живое задѣть!... Вотъ хоть бы, напримѣръ, эпизодъ съ Иваномъ Сусанинымъ, какъ онъ разсказанъ у Сергѣя Глинки!

— Помилуйте, Василій Андреевичъ, перебилъ я. — На эту тему ужъ есть русская опера Кавоса, талантливаго, опытнаго музыканта! Куда мнѣ съ нимъ тягаться!

— Пустяки какіе! продолжалъ горячиться Жуковскій. — Чтобъ писать на русскій сюжетъ, мало таланта, недостаточно никакой опытности! Для этого, прежде всего, надо быть русскимъ, родиться и вырости на русской почвѣ, проникнуться до мозга костей русскимъ духомъ! Надо, чтобъ въ жилахъ текла, кипѣла русская кровь, та самая, что лилась за самобытность, за честь и славу Россіи на Куликовскомъ полѣ, подъ Москвою, въ годину самозванцевъ, подъ Бородинымъ, подъ Малымъ-Ярославцемъ!... Вотъ каковъ долженъ быть нашъ композиторъ! А Кавосъ, чтò! Онъ хоть и хорошій музыкантъ,

но развѣ у него настоящая русская музыка! У него поддѣлка подъ русскую музыку—больше ничего!

— Что жъ! Мнѣ кажется, Жуковскій совершенно правъ, замѣтилъ я.—И не только къ музыкѣ, а то же самое можно примѣнить и къ литературнымъ произведеніямъ: къ драмѣ, къ роману...

— Погодите! перебилъ меня Глинка.—И еще Василій Андреевичъ прибавилъ: „Притомъ же, у Кавоса, въ концѣ оперы Сусанина спасаютъ отъ поляковъ подоспѣвшіе русскіе—ошибка не только противъ событія, какъ передаетъ его народная легенда, но и противъ поэтическаго замысла и сценическаго эфекта. Подвигъ Сусанина, оканчивающійся трагически, производитъ на зрителя сильное, потрясающее впечатлѣніе, служитъ превосходною развязкою драмы—апотеозомъ любви къ отечеству!

— Вѣрно! вѣрно! Превосходно! вскричалъ я.—Другаго сужденія отъ такого художника, какъ Жуковскій, и ожидать было нельзя!

— Вотъ этотъ самый разговоръ, продолжалъ Глинка:—запалъ мнѣ въ душу, заставилъ призадуматься. Дня три-четыре онъ не давалъ мнѣ покоя, преслѣдовалъ меня, какъ тѣнь; а потомъ что-то другое и разныя житейскія дрязги вышибли у меня изъ головы мысль объ оперѣ, и я объ ней совсѣмъ забылъ. Только разъ, мѣсяцъ или полтора спустя, случилась со мной безсонница, да какая! совсѣмъ макбетовская! Увѣряю! Маялся я, никакъ уснуть не могу! Разная чепуха въ голову лѣзетъ; стану забываться, и вдругъ проснусь!... Чтò тутъ дѣлать!... Между прочей дребеденью пришла мнѣ и мысль объ оперѣ, на которую подбивалъ меня Жуковскій. „А что, думалось мнѣ, если бы я, въ самомъ дѣлѣ, возымѣлъ дерзкую мысль сочинять оперу, какъ бы я приступилъ къ ней?.. Гм! Дѣйствіе—въ деревнѣ Сусанина... Сначала, разумѣется, хоръ: крестьяне встрѣчаютъ весну... Потомъ—выходъ и арія примадонны, дочери Сусанина. Дальше—пріѣздъ жениха, тенора—дуэтъ. Является самъ Сусанинъ, басъ—тріо“... Я вскочилъ, какъ ужаленный; всякій позывъ ко сну окончательно исчезъ, я накинулъ халатъ, усѣлся въ темнотѣ за фортепіано и сталъ фантазировать.

— Браво! исполать вамъ, невольно вырвалось у меня.

— Что-то начинало выходить, продолжалъ Глинка. Я зажегъ свѣчу, отыскалъ листокъ нотной бумаги и набросалъ импровизацію: это былъ первый хоръ. Потомъ каватина примадонны стала обозначаться и достаточно округлилась—и ту записалъ; а между тѣмъ настанъ день, было часовъ восемь утра, свѣча совсѣмъ догорѣла. Отъ лихорадочной работы и отъ безсоницы я такъ обезсилѣлъ, такъ ослабѣлъ, что едва дотащился до постели и заснулъ мертвымъ сномъ... Когда я проснулся, былъ уже четвертый часъ пополудни. Первое, что я почувствовалъ, былъ страшный, звѣриный голодъ. Мнѣ такъ хотѣлось напиться кофе, что я больше ни о чемъ, кажется, не могъ и думать... Но вдругъ сквозь кофе и голодъ промелькнуло у меня:

а что это? во снѣ я сочинялъ оперу, или наяву?.. Вскакиваю съ постели, босикомъ подбѣгаю къ фортепіано, смотрю: что-то написано на листѣ нотной бумаги... Сажусь, пробую—кажется, ничего! Гутъ, какъ говоритъ Брюлловъ!.. Представьте мое удивленіе! Напился кофе и опять сталъ работать! Три дня цѣлыхъ не выходилъ со двора, никого къ себѣ не пускалъ, и все работалъ; мало ѣлъ и мало спалъ—до того увлекся. Мысли кишатъ въ головѣ, покою не даютъ!.. Такъ у меня былъ набросанъ почти весь первый актъ...

— А текстъ? спросилъ я.—На какой текстъ вы писали музыку?.. Либретто?

— Никакого текста, никакого либретто у меня не было! ни одного словечка!.. Смыслъ, содержаніе, суть нумеровъ, носились смутно передо мною, разумѣется, но больше ничего! Я серьезно подумалъ о словахъ, о текстѣ, только тогда, когда весь первый актъ былъ эбомированъ!.. Вотъ бѣда! Что̀ тутъ дѣлать, думаю. Бѣгу къ Жуковскому.

— Ну, говорю, Василій Андреевичъ! Подбили вы меня писать оперу; послушался я васъ и набросалъ первый актъ вчернѣ, а текста у меня нѣтъ ни словечка! Теперь вы обязаны меня выручать!.. Прежде всего, какъ мнѣ назвать оперу?

— Назови ее: „Жизнь за царя“, говоритъ онъ.

— А второе—напишите мнѣ текстъ?

— На готовую-то музыку подгонять тебѣ слова!!.. отвѣчалъ со смѣхомъ Василій Андреевичъ. — Ну, нѣтъ, любезный, извини! Я на это не гожусь! Совсѣмъ неспособенъ! Не мое это дѣло!

— Что же мнѣ дѣлать? со страхомъ и трепетомъ спрашиваю.— Какъ быть?

— А вотъ что. Я тебѣ дамъ „такого молодца“—это его собственныя слова — который подберетъ тебѣ подъ музыку стихи такъ же скоро и легко, какъ любая дѣвка нанижетъ ожерелье на нитку!

— Кто жъ этотъ благодѣтель? Назовите... спрашиваю.

— Баронъ Розенъ. Знаешь?

— Знакомъ немного: видалъ у васъ и еще кое-гдѣ — у Кукольника, кажется.

— Ну и прекрасно. Я его къ тебѣ пришлю.

И дѣйствительно, на другой же день милый баронъ—уморительно говоритъ онъ по-русски, съ остзейскимъ, нѣмецко-латышскимъ акцентомъ—былъ ужъ у меня—и началась работа. Вотъ какъ составилось мое либретто. По мѣрѣ того, какъ я писалъ музыку по задуманному плану, Розенъ подбиралъ слова, и такимъ образомъ съ Божьею помощью мы добрались до конца [1]... Не хотите ли послушать?

---

[1]) Впослѣдствіи Глинка написалъ для Воробьевой вводную сцену у воротъ монастыря „Бѣдный конь въ полѣ палъ“, для которой слова подобраны Кукольникомъ. Прим. авт.

Михаилъ Ивановичъ сѣлъ за фортепіано (это былъ весьма посредственный и ужъ очень подержанный инструментъ), сталъ пѣть и аккомпанировать... Всю оперу исполнилъ, отъ перваго хора до эпилога включительно (увертюра еще не была написана).

Такъ мнѣ выпало на долю прослушать если не первому, то одному изъ первыхъ, безсмертное произведеніе Глинки. Когда я вышелъ отъ него, на улицѣ ужъ было совсѣмъ свѣтло. Въ то время Михаилъ Ивановичъ и не подозрѣвалъ, какое геніальное произведеніе онъ создалъ.

Въ ноябрѣ 1836 года „Жизнь за Царя" была исполнена въ первый разъ при открытіи Большаго театра, перестроеннаго архитекторомъ Альбертомъ Катериничемъ Кавосомъ, сыномъ Катерина Кавоса, написавшаго оперу „Иванъ Сусанинъ" на текстъ, сочиненный княземъ А. А. Шаховскимъ. Въ качествѣ капельмейстера русской оперы, Катеринъ Кавосъ тщательно, съ любовью разучалъ произведеніе молодаго композитора и дирижировалъ оркестромъ. Сусанина пѣлъ О. А. Петровъ, Сабинина — Шемаевъ, Антониду — Степанова, Ваню—Петрова. Опера поставлена была великолѣпно — при императорѣ Николаѣ Павловичѣ иначе и нельзя было ставить пьесы à grand spectacle, оперы и балеты. Молодой еще тогда декораторъ, нынѣ маститый художникъ, Андрей Адамовичъ Роллеръ за постановку былъ сдѣланъ академикомъ, а впослѣдствіи, въ 1841 году, за декораціи къ „Руслану" получилъ званіе профессора—перваго и единственнаго до настоящаго времени профессора декораціонной живописи петербургской академіи художествъ.

Жуковскому пришлось быть крестнымъ отцомъ не одной оперы Глинки, но и другаго геніальнаго дѣтища русскаго искусства. Въ бумагахъ Пушкина послѣ его смерти была найдена драматическая поэма безъ заглавія. Жуковскій назвалъ ее „Каменный гость".

IV.

Стеариновыя свѣчи и Николай Полевой.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, выдающееся положеніе въ литературномъ и издательскомъ петербургскомъ мірѣ занялъ книгопродавецъ и содержатель библіотеки для чтенія, основанной патріархомъ русской книжной торговли Плавильщиковымъ, Александръ Филипповичъ Смирдинъ, отличный, добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, какихъ мало бываетъ на свѣтѣ. Съ горячею любовью къ своему дѣлу, чуждый купеческой, грошевой алчности, онъ первый и, кажется, едва ли не единственный до нашихъ дней книгопродавецъ сталъ щедро воз-

награждать авторовъ, не торгуясь изъ-за пятачка. Смирдинымъ изданы всѣ первыя произведенія Пушкина, которому онъ платилъ „по червонцу за стихъ“, какъ Лумлей лорду Байрону по гинеѣ.

Дѣла Смирдина пошли такъ успѣшно, что онъ изъ скромнаго помѣщенія у Синяго моста, въ угловомъ домѣ Гаврилова, переселился во вновь отстроенный домъ лютеранской церкви Петра и Павла, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ (теперь чайная торговля и парикмахерская), устроилъ книжный магазинъ, а въ бельэтажѣ помѣстилъ свою библіотеку для чтенія. Туда ежедневно по утрамъ сходились почти всѣ петербургскіе литераторы потолковать, обмѣняться мыслями, узнать городскія новости. Графъ Хвостовъ былъ всегдашнимъ, постояннымъ посѣтителемъ этихъ сходокъ; самъ покупалъ свои сочиненія и тутъ же дарилъ съ надписью желающимъ (и не желающимъ). Объ этихъ сходкахъ послѣ Пушкина осталась извѣстная эпиграмма:

„Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь;
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь“.

Расширяя все больше и больше свою дѣятельность, Смирдинъ выписалъ изъ Москвы бывшаго тогда въ славѣ Николая Алексѣевича Полевого, которому далъ квартиру въ своемъ домѣ, на Лиговкѣ, доставилъ работу и выручилъ изъ стѣсненнаго положенія, въ которое тотъ попалъ послѣ запрещенія „Московскаго Телеграфа“. Запрещеніе это, сказать мимоходомъ, произошло въ наказаніе за критическую статью, въ которой Полевой не очень лестно отозвался, съ литературной точки зрѣнія, о патріотической трагедіи Нестора Кукольника — „Рука Всевышняго отечество спасла“, находившейся подъ особеннымъ покровительствомъ высшихъ властей. Тогда ходила по городу слѣдующая эпиграмма:

„Рука Всевышняго“ три чуда совершила:
„Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого погубила“.

Видя успѣхъ „Сѣверной Пчелы“, Смирдину пришла мысль взять ее въ аренду, въ надеждѣ, что подъ редакторствомъ Полевого — до того онъ вѣрилъ въ его способности и въ его авторитетъ — газета удесятеритъ число своихъ подписчиковъ и принесетъ ему громадныя выгоды. Смирдинъ не сомнѣвался, что стóитъ Полевому взять въ руку перо, и сейчасъ изъ-подъ пера этого чародѣя, мага и волшебника, польются золотыя рѣки.

Для обсужденія Смирдинскаго плана и переговоровъ выписанъ былъ изъ Дерпта Булгаринъ и, послѣ продолжительныхъ преній, рѣшено отдать „Пчелу“ Смирдину, за 60 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ, подъ „негласную“ редакцію Полевого. Гласной ре-

дакціи, даже самого имени Полевого, Третье Отдѣленіе и не позволило бы, такъ какъ онъ былъ записанъ въ черную книгу, въ разрядъ „неблагонадежныхъ".

Но осторожные владѣтели газеты, не питая безграничнаго довѣрія къ Полевому, бросавшемуся во всѣ стороны — до того у него зудѣли руки — то въ исторію, то въ беллетристику, то въ драму— выговорили слѣдующія кондиціи:

1) „Сѣверная Пчела" должна печататься въ типографіи Греча, которому предоставляется полное право браковать сомнительныя статьи и читать послѣднюю корректуру.

2) Всѣ прежніе постоянные сотрудники остаются при редакціи и продолжаютъ свои занятія.

Послѣдняя предосторожность была вполнѣ раціональна, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго.

Наступилъ новый годъ, съ котораго „Сѣверная Пчела" стала выходить уже подъ главнымъ редакторствомъ Полевого, доставившаго предварительно нѣсколько капитальныхъ статей. Появились три или четыре нумера. Число подписчиковъ замѣтно росло; Смирдинъ потиралъ руки отъ удовольствія и „улыбался, какъ май". На пятый нумеръ газеты, кромѣ „Иностранныхъ извѣстій", составляемыхъ въ редакціи Амплiемъ Николаевичемъ Очкинымъ, да библіографическаго фельетона одного изъ молодыхъ сотрудниковъ, отъ Полевого въ назначенный часъ „оригинала" (техническій терминъ рукописи) не *было получено.* Ждутъ, ждутъ — ничего! Задней (литературной, или какой другой), статьи—нѣтъ, какъ нѣтъ! Нумеръ выдти не можетъ!..

Скандалъ, бѣготня, суета, тревога! Посылаютъ къ Полевому, посылаютъ къ Смирдину, ждутъ до вечера—пора „верстать" нумеръ! Метранпажъ (факторъ типографіи) потерялъ голову... Гречъ, на подобіе злополучной супруги „Синей Бороды" въ сказкѣ Перо (Офенбаховская еще не народилась), сидитъ у окна, смотритъ вдаль, и только-что не говоритъ: „Сестра Анна! взгляни, не бѣжитъ ли разсыльный отъ Полевого со статьей!.."

Нашлась, однако, въ картонкахъ редакціи какая-то завалящая статья—ее поспѣшно набрали, въ четыре руки, оттиснули и отправили на просмотръ къ цензору „въ колбасахъ" (т. е. въ столбцахъ— типографскій терминъ); къ счастью, свирѣпый Фрейгангъ ее пропустилъ безпрепятственно; сверстали нумеръ и только поздно ночью „спустили на машину", какъ говорится въ редакціяхъ газетъ. У Греча отлегло отъ сердца; но онъ сильно призадумался при этой передрягѣ.

На другой день, рано утромъ, Булгаринъ побывалъ съ жалобою у Смирдина въ магазинѣ и, не добившись толку, полетѣлъ къ Полевому. Ѳаддей Венедиктовичъ, надо знать, всегда выражался своеобразно и картинно. Возвратившись изъ своей экспедиціи къ Гречу, онъ такъ рапортовалъ:

— Вхожу къ Полевому — сидитъ за письменнымъ столомъ и пишетъ! да какъ пишетъ!!. Брызги изъ-подъ пера летятъ въ третью комнату!.. Передъ нимъ — стопа бумаги, цѣлая стопа!!! Около него, направо и налѣво—стулья, заваленные исписанными листами!.. Цѣлый ворохъ!.. Хватитъ—разъ, два! страница готова!.. Сочиняетъ въ одно и то же время: „Исторію русскаго народа"... Трагедію „Елена Глинская"... Водевиль „Цыгарка"... Критическую статью „Повѣсть изъ временъ самозванцевъ"... Остального не помню!.. Цѣлую литературу производитъ оптомъ!..

— А для „Сѣверной Пчелы?" перебилъ Гречъ.

— Для „Пчелы" пишетъ трактатъ о вновь выдуманныхъ стеариновыхъ свѣчахъ. Удивительная, говоритъ, будетъ статья!

— Гдѣ же этотъ трактатъ?

— Еще не конченъ — кончаетъ! обѣщалъ доставить нынче, къ обѣду.

Но ни къ обѣду, ни вечеромъ стеариновыя свѣчи такъ и не зажигались... виноватъ—не являлись.

Составили кое-какъ нумеръ на завтра общими силами и сдали въ типографію.

На слѣдующее утро къ Гречу является самъ Полевой съ извиненіями и отговорками, но безъ строчки „оригинала" для газеты. Онъ говорилъ презабавно, на-распѣвъ, въ родѣ речитатива, съ сибирскимъ акцентомъ на ȯ, и любилъ вставлять въ свою рѣчь французскія слова, произнося ихъ какъ бы они были написаны русскими буквами. Всего чаще онъ употреблялъ, кстати и не кстати, словечко „се-селонъ" (C'est selon—смотря по...).

— Извините великодушно, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, сказалъ Полевой, поспѣшно входя въ кабинетъ Греча, гдѣ были двое изъ сотрудниковъ: Владиміръ Михайловичъ Строевъ и пишущій эти строки. — Повинную голову мечъ не сѣчетъ! Не успѣлъ доставить вамъ вчера оригинала!..

— Кажется, Николай Алексѣевичъ, не только вчера, но и третьяго и четвертаго дня отъ васъ ничего не поступало, отвѣчалъ Гречъ.— Ужъ мы кое-какъ своими средствами наполняли газету...

— Ради Бога, простите!.. Зато какіе интересные нумера вы выпустили!.. Увѣряю!.. Разумѣется, у всякаго свой вкусъ! се-селонъ!.. Читатели бываютъ разные. Не даромъ же говорится: „одинъ изъ нихъ хотѣлъ арбуза, другой — соленыхъ огурцовъ"!.. Право, такъ! Газета всѣмъ должна угодить! А что найдутся недовольные — это ничего не значитъ! На всякое чиханье не наздравствуешься, говоритъ нашъ умный простой народъ!.. Фельетончикъ о театрѣ, во вчерашнемъ нумерѣ, остроумная, забористая штучка!.. А „задняя статейка" о картинѣ Брюллова „Послѣдній день Помпеи"! Парадоксально, если хотите, но очень оригинально!.. Публика любитъ пикантныя вещи въ родѣ кайенскаго перца, или пикулей, или англій-

ской соли!.. Увлекательно пишетъ этотъ В. В. В. [1]). Парле муа де са! Острымъ умомъ входитъ въ предметъ! Такъ и врѣзывается! Діантръ!

— Но „Пчела“ была бы еще интереснѣе, замѣтилъ Гречъ, если бъ вы, Николай Алексѣевичъ, дѣлали въ нее вклады, какъ мы уговорились...

— О, вклады будутъ, сакъ а папье! Непремѣнно будутъ! Обильные, разнообразные вклады! Теперь не успѣлъ, совсѣмъ абсорбировался другою, постороннею работой: оканчивалъ главу „Исторіи русскаго народа“ — хотѣлъ дописать. А тутъ одинъ бенефиціантъ приступаетъ: напиши ему драму—бенефисъ на носу! Другой проситъ: состряпай водевиль — какъ отказать!.. Еще мимоходомъ я задумалъ пьеску: мотивъ въ Сибири слышалъ. Надѣюсь, трогательная вещица выйдетъ!.. Расплачется даже, пожалуй, у кого глаза на мокромъ мѣстѣ! „Параша-сибирячка“ будетъ называться. А тутъ для „Невскаго альманаха“ надо что-нибудь сморозить—пристаетъ Аладьинъ! Я ему импровизировалъ нѣсколько антологическихъ вещицъ—не хотите ли прослушать? Знаете, въ древне-греческомъ духѣ! Напримѣръ, какъ вы это найдете:

„Мы не смерти боимся, но съ жизнью разстаться намъ жалко!
Такъ неохотно мы старый мѣняемъ хитонъ“!

Я сначала думалъ сказать: „старый мѣняемъ халатъ“, но остановился: хитонъ характернѣе — совсѣмъ грекомъ пахнетъ, такъ и разитъ! Да и халатовъ греки не носили. Намъ халаты, а съ ними и наша халатность, вѣдь отъ татаръ въ наслѣдство достались!.. А то вотъ еще другой афоризмъ: онъ у меня сегодня утромъ, за чаемъ, когда я трубку выколачивалъ, въ головѣ сложился:

„Трубку я докуривъ и золу изъ нея выбивая,
Думалъ: такъ выбиваетъ изъ жизни насъ Кронъ безпощадный“!

Ну, скажите, какъ можно было сердиться на милаго человѣка, который потѣшаетъ редакцію такою забавною болтовнею взамѣнъ статей. Гречъ и сотрудники помирали со смѣха.

— Но вы все-таки, Николай Алексѣевичъ, доставите, хоть завтра, статеечку, сказалъ, наконецъ Гречъ.—Мы на васъ будемъ разсчитывать и мѣсто послѣ „Заграничныхъ извѣстій“ оставимъ.

— Какъ же, непремѣнно! Рано утромъ пришлю! Я ужъ началъ для „Пчелы“ интересную техническую статью о стеариновыхъ свѣчахъ. Очень важное изобрѣтеніе! Торжество, тріумфъ современной химіи! Коренной переворотъ въ системѣ освѣщенія нашихъ жилищъ, во всемъ домашнемъ быту. Вонючія, грязныя, отвратительныя сальныя свѣчи, которыми такъ долго пробавлялось невѣжественное человѣчество, отойдутъ на задній планъ, сдѣлаются достояніемъ лакейскихъ и кухонь; ихъ замѣнитъ изящный, бѣлоснѣжный стеа-

[1]) В. М. Строевъ.

ринъ, безъ малѣйшаго запаха, горящій свѣтлымъ огнемъ, безъ всякой копоти, не требующій допотопныхъ щипцовъ для снятія нагара! Теперь весь міръ говоритъ о стеаринѣ: животрепещущая, какъ только что пойманная рыба, новость! Нувель дю журъ!

— Надѣюсь, статья будетъ понятна, общедоступна, какъ слѣдуетъ для газеты? ввернулъ Гречъ.

— Вполнѣ популярна, разумѣется, отвѣчалъ Полевой.—Впрочемъ, се селонъ! Нельзя же совершенно обойтись безъ техники! Но, ручаюсь, будетъ понятна и интересна въ высшей степени. Вотъ послушайте—весь процессъ очень простъ: бычачье сало варятъ парами въ чанахъ, прибавляя слабаго раствора сѣрной кислоты для разложенія животныхъ волоконъ; когда сало остынетъ, его вкладываютъ въ шерстяные мѣшки и подвергаютъ дѣйствію гидравлическихъ прессовъ; олеинъ, жидкая часть, вытекаетъ; онъ идетъ на выдѣлку мыла, на смазку машинъ; стеаринъ, твердая часть сала, остается; изъ него-то и получается драгоцѣнный матеріалъ для приготовленія свѣчей. „Се семпль, комъ бонжуръ!..“ Однако, мнѣ пора домой, прибавилъ Полевой, взглянувъ на каминные часы и вставая.— Прощайте, Николай Ивановичъ! Завтра получите статью о стеариновыхъ свѣчахъ. Непремѣнно получите, пароль донеръ! Прощайте, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ двумъ сотрудникамъ.— Прелестныя статейки вы пишите! Честь вамъ и слава! Же ву тиръ ма реверансъ!

И онъ торопливо направился къ двери.

Однако, статьи о стеариновыхъ свѣчахъ Полевой не прислалъ ни на другой, ни на третій, ни на четвертый день. Мы не знали, что̀ и подумать. „Пчела“, однако, выходила.

На пятый день въ четвергъ, когда обычные гости сидѣли за ужиномъ у Греча, раздался въ прихожей звонокъ и служитель подалъ хозяину большой пакетъ, со словами:

— Отъ Полевого!

Всѣ разговоры мгновенно смолкли; послышалось сдержанное хихиканье; нѣкоторые шепотомъ говорили: „стеариновыя свѣчи“... „стеариновыя свѣчи“. Всѣмъ была извѣстна легенда объ ожидаемой и не получаемой статьѣ Полевого.

Между тѣмъ Гречъ вскрылъ пакетъ и вынулъ большой листъ исписанной бумаги. Всѣ притаили дыханіе... Глаза сидѣвшихъ за столомъ буквально „повисли на губахъ“ Греча, по счастливому французскому выраженію. Тишина наступила мертвая... Вдругъ онъ громко произнесъ:

— Стеариновыя свѣчи!!

Кто былъ свидѣтелемъ этой сцены, тотъ никогда не забудетъ эффекта, который произвели эти два простыя слова. Если бъ подъ столовую подкатили десять бочекъ пороха и зажгли ихъ, если бъ всѣ громы небесные пали на землю, если бъ домъ разрушился отъ страш-

наго удара землетрясенія,—и тогда взрывъ не могъ быть сильнѣе, поразительнѣе. Всѣ вскочили изъ-за стола, какъ опьянѣлые, бросились къ Гречу и окружили его. Всѣ думали, что это шутка, фарсъ. Всякому хотѣлось во-очію удостовѣриться, дѣйствительно ли, наконецъ, явились пресловутыя стеариновыя свѣчи!..

Оказалось, что это были онѣ, несомнѣнно.

Статья была напечатана въ субботу—послѣдняя статья Полевого.

Въ половинѣ января условіе съ Смирдинымъ относительно редактированія „Сѣверной Пчелы" Полевымъ было уничтожено, и газета стала издаваться, какъ прежде.

V.

Благовѣщенскій мостъ и Рафаилъ Зотовъ.

Въ сороковыхъ годахъ, въ петербургскихъ театральныхъ сферахъ значительную, первостепенную роль разыгрывалъ статскій совѣтникъ Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, авторъ „Таинственнаго монаха" и другихъ романовъ, онъ же переводчикъ цѣлой миріады театральныхъ пьесъ и оперныхъ либретто. Ему меломаны обязаны, между прочимъ, переводомъ веберовскаго „Фрейшюца", который и до сихъ поръ играется въ томъ видѣ, какъ вышелъ изъ-подъ пера Зотова. Онъ былъ начальникомъ репертуара и состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ директоромъ театровъ, Александромъ Михайловичемъ Гедеоновымъ, на котораго имѣлъ огромное вліяніе. Словомъ, Зотовъ въ свое время былъ такой же Гог-Могогъ въ театральной дирекціи, какъ впослѣдствіи недавно сошедшій со сцены въ могилу П. С. Ѳедоровъ—cheville ouvriére, на которомъ вращался весь театральный механизмъ.

Но ужъ давно рѣшено и подписано, что въ нашемъ, такъ называемомъ, лучшемъ изъ міровъ нѣтъ ничего вѣрнаго, постояннаго, незыблемаго: vanitas! „На счастье прочно всякъ надежду кинь!" сказалъ старинный, но правдивый поэтъ. Насталъ и для Рафаила Михайловича ненастный день: между нимъ и Гедеоновымъ или пробѣжалъ заяцъ, или промелькнула черная кошка. Вотъ что случилось.

Твердо уповая на свою силу, на свое неотразимое вліяніе, Зотовъ какъ-то заспорилъ съ Гедеоновымъ, отказавшимъ дать въ домѣ дирекціи казенную квартиру нѣкоей водевильной актрисѣ, и споръ этотъ зашелъ такъ далеко, что превратился въ формальную жестокую ссору, окончившуюся — ни больше, ни меньше — тѣмъ, что Зотовъ письменно вызвалъ Гедеонова на дуэль!

Получивъ **картель**, Гедеоновъ поѣхалъ къ министру двора, князю Петру Михайловичу Волконскому, и преподнесъ ему вызовъ неистоваго Роланда... то бишь начальника репертуара. Князь немедленно же показалъ его, какъ нѣкій курьезъ, императору Николаю Павловичу. Государь много смѣялся этой исторіи, но какъ въ ней преобладалъ всего больше комическій элементъ, то Николай Павловичъ, человѣкъ умный и въ душѣ добрый, не захотѣлъ сдѣлать несчастнымъ долго служившаго старика, и дѣло окончилось тѣмъ, что Зотовъ былъ уволенъ, безъ прошенія и безъ пенсіона.

Въ печальномъ положеніи очутился злополучный авторъ „Монаха" и переводчикъ „Фрейшюца". Средствъ къ жизни у него не было. Къ счастью, Зотовъ хорошо зналъ иностранные языки, особенно нѣмецкій, и нашелъ работу у Греча, для котораго дѣлалъ выборку изъ политическихъ газетъ въ рубрику „Заграничныя извѣстія" для „Сѣверной Пчелы". Такъ онъ перебивался нѣсколько лѣтъ сряду „изъ кулька въ рогожку", какъ говорится, и жилъ не унывая, съ грѣхомъ пополамъ, ни шатко, ни валко. Между четырьмя и пятью часами дня, Рафаила Михайловича можно было встрѣтить зимою въ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, лѣтомъ въ толстомъ пальто, съ тростью въ рукѣ, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ гулялъ, окончивъ работу, напѣвая про себя оперный мотивъ и переносясь мыслью въ прежнее невозвратное время, когда онъ безгранично царилъ въ храмѣ Таліи, Мельпомены, Евтерпы, Полигимніи и легкокрылой Терпсихоры.

Судьба, однако, сжалилась надъ смертнымъ, который безропотно, смиренно, философски покорился ея велѣніямъ.

Постройка перваго постояннаго чрезъ Неву моста, послѣ восьмилѣтнихъ трудовъ инженера Кербедза, наконецъ осуществилась. Это было важнымъ событіемъ для сѣверной Пальмиры. Со временъ Петра Великаго, постоянный чрезъ Неву мостъ былъ всеобщею мечтою— и правителей, и жителей; мечта казалась невозможною, неисполнимою, въ родѣ квадратуры круга или вѣчнаго движенія, и вдругъ нашелся человѣкъ, который осуществилъ эту дерзкую мечту: взялъ и построилъ! Говорятъ, Кербедзъ еще кадетомъ, еще въ институтѣ путей сообщенія, на школьной скамьѣ низшихъ классовъ, задумалъ постройку моста, и все чертилъ планы, такъ что товарищи признавали его за помѣшаннаго на этомъ пунктѣ.

Послѣ выпуска въ офицеры, Кербедзъ представилъ графу Клейнмихелю, тогдашнему главноуправляющему путями сообщенія, подробные планы, смѣты и детали задуманнаго моста. Клейнмихель довелъ объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія. Государь былъ пораженъ, когда ему доложили о проектѣ: онъ самъ былъ инженеръ и отчасти архитекторъ. Послѣдовало приказаніе учредить особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго инженеръ-генерала Дестрема, для разсмотрѣнія проекта Кербедза. Въ городѣ многіе инженеры и архи-

текторы, заслышавъ объ этой затѣѣ, недовѣрчиво пожимали плечами и саркастически улыбались.

Однако, проектъ Кербедза всѣмъ синедріономъ былъ признанъ удобоисполнимымъ, остроумнымъ, геніальнымъ, и молодому поручику поручено было его исполненіе. Расходы опредѣлены въ восемь съ половиною милліоновъ рублей ассигнаціями. Половину суммы бывшій министръ финансовъ графъ Канкринъ отпустилъ кредитомъ изъ государственнаго казначейства; другая половина должна была пополняться изъ 1/4% прибавки къ таможенному сбору со всѣхъ заграничныхъ товаровъ, привозимыхъ къ петербургскому порту.

Мостъ строился подъ неусыпнымъ наблюденіемъ самого государя: почти дня не проходило, чтобъ его величество не побывалъ на работахъ. По мѣрѣ того какъ подвигалась постройка моста, Кербедзъ получалъ чины, одинъ за другимъ, и дошелъ до полковника, а при торжественномъ освѣщеніи и открытіи моста, императоръ, пройдя пѣшкомъ съ адмиралтейской стороны до Васильевскаго острова, поздравилъ счастливаго строителя генераломъ. Николай Павловичъ назвалъ мостъ Благовѣщенскимъ [1]), по имени ближайшей церкви конно-гвардейскаго полка, былъ очень доволенъ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ его царствованія и разцѣловалъ графа Клейнмихеля на самомъ мосту. Въ память его сооруженія была выбита медаль, гравированная Клепиковымъ.

На другой день торжества, въ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы" помѣщено было на открытіе моста коротенькое стихотвореніе съ подписью: Рафаилъ Зотовъ. Изъ него остались у меня въ памяти только два послѣдніе стиха:

„Царь Николай—нашъ повелитель,
А графъ Клейнмихель—исполнитель!"

Надобно знать, что въ то время акуратное чтеніе „Сѣверной Пчелы" было почти обязательно для каждаго, особенно сановникамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, такъ какъ самъ государь постоянно, каждое утро, читалъ газету и при встрѣчѣ могъ спросить: „читалъ ты сегодня въ „Пчелѣ"?..

Клейнмихель, увидѣвъ мадригалъ, направленный по его адресу, немедленно распорядился: узнать въ редакціи, кто таковъ Зотовъ, гдѣ имѣетъ жительство, и затѣмъ представить неукоснительно онаго Зотова предъ свѣтлыя его очи.

Приказано—сдѣлано. У него одно за другимъ слѣдовало всегда какъ день за ночью.

Зотовъ явился на слѣдующее же утро въ бывшій дворецъ герцога Виртембергскаго, занимаемый Клейнмихелемъ, у Обухова моста, гдѣ въ пріемной уже толпилась цѣлая толпа генераловъ и всякаго чиновнаго люда, въ мундирахъ, звѣздахъ, лентахъ и крестахъ, пере-

---

[1]) По кончинѣ государя онъ получилъ названіе Николаевскаго.

говаривавшихся между собою почтительнымъ шепотомъ и посматривавшихъ со страхомъ и трепетомъ на двери графскаго кабинета.

Къ Рафаилу Михайловичу подошелъ дежурный чиновникъ и едва успѣлъ освѣдомиться, что вновь прибывшій—Рафаилъ Зотовъ, какъ немедленно же отправился доложить, а вернувшись, тотчасъ ввелъ его въ кабинетъ графа, помимо генераловъ, звѣздо-и ленто-носцевъ.

Когда авторъ стиховъ на открытіе Благовѣщенскаго моста, не безъ внутренняго волненія, вступилъ въ святилище, изъ котораго летѣли перуны и разсыпались великія и богатыя милости „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды", грозный властитель сидѣлъ въ креслахъ передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ грудами бумагъ.

Одна легенда утверждаетъ, что между разнородными бумагами былъ и тотъ инженерный проектъ, на поляхъ котораго грозный властитель своимъ крайне-неразборчивымъ почеркомъ начерталъ: „Впредь не представлять мнѣ вычисленій въ непонятныхъ десятичныхъ дробяхъ".

При входѣ Зотова, путейскій юпитеръ поднялъ голову съ олимпійскимъ величіемъ и, измѣривъ быстрымъ взглядомъ смертнаго съ ногъ до головы, сказалъ отрывисто:

— Вы Рафаилъ Зотовъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, былъ отвѣтъ.

— Вашего сочиненія эти стихи?

Тутъ онъ ткнулъ пальцемъ въ лежавшій на столѣ листъ „Пчелы".

— Моего, графъ, отвѣчалъ Зотовъ, скромно наклонивъ голову и опустивъ очи долу.

— Служите? или въ отставкѣ?

— Въ отставкѣ...

— Хотите у меня служить?

— Почту за великое счастье...

— Съ нынѣшняго дня вы назначены членомъ совѣта путей сообщенія, съ жалованьемъ по тысячѣ двѣсти руб. въ годъ... Довольны?

— Не знаю, какъ выразить... Словъ не нахожу...

— Хорошо, можете идти!

При этомъ властитель сдѣлалъ повелительное движеніе рукою.

Зотовъ отвѣсилъ болѣе чѣмъ красиорѣчивый, глубокій поклонъ и вышелъ изъ кабинета громовержца, ногъ подъ собою не чуя. Ему, понятно, казалось все происшедшее какимъ-то волшебнымъ сномъ...

Два стишка—эка сила!

Зотовъ дослужился до пенсіи и умеръ, лѣтъ пять назадъ, въ преклонныхъ лѣтахъ.

П. Юркевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

На крайнемъ востокѣ Россіи, противъ устья рѣки Амура, прикрывая на тысячеверстномъ протяженіи приморскій берегъ Сибири, лежитъ неизслѣдованный малоизвѣстный островъ Сахалинъ, только съ 1875 года сдѣлавшійся безспорной принадлежностью русскаго царства. До этого года онъ находился въ общинномъ владѣніи русскихъ съ японцами. Собственно говоря, онъ не принадлежалъ ни тѣмъ, ни другимъ, а скорѣе гилякамъ и орочонамъ, населяющимъ его среднюю и южную части; сѣверная же часть не представляла ничего заманчиваго даже такимъ невзыскательнымъ народамъ, какъ вышеназванные обитатели его, и потому всегда оставалась незаселенною.

Положительныхъ правъ на владѣніе Сахалиномъ не могли предъявить ни Японія, ни Россія. Всѣ права первой изъ нихъ заключались въ томъ, что предпріимчивые промышленники острова Матсмая ежегодно переплывали проливъ Лаперуза и являлись въ извѣстное время на южный берегъ острова для ловли сельдей. Рыба эта показывалась въ заливѣ въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что сѣть, захватывавшая ихъ, занимала въ морѣ окружность въ три версты и прикрѣпленная къ берегу, образовывала родъ мѣшка, откуда постепенно вычерпывали сельдей. Затѣмъ, тутъ же на берегу изъ нихъ вытапливали въ котлахъ жиръ, а самое мясо подвергали прессованію и въ видѣ кубовъ отправляли въ Японію на удобреніе полей.

Иногда на берегу Сахалина появлялись въ незначительномъ числѣ китайцы; но они довольствовались собираніемъ морской капусты, морскихъ червей-трепанговъ, составляющихъ лакомое блюдо въ Китаѣ, да еще корня жень-чень, обладающаго возбудительнымъ свойствомъ, за что и цѣнился ими на вѣсъ золота.

Права русскихъ не были такъ ясны; но они могли сослаться на болѣе важныя причины политическаго свойства, заставлявшія ихъ искать обладанія этимъ островомъ. И дѣйствительно, обладатель его могъ бы задушить жизнь востока Сибири и изъ Татарскаго пролива сдѣлать вторые Дарданелы.

До половины нынѣшняго столѣтія мало кто обращалъ вниманіе на островъ, затерянный на дальнемъ востокѣ; географы предполагали даже, что этотъ островъ соединенъ на сѣверѣ съ твердою землею перешейкомъ; только послѣ пріобрѣтенія Россіей всего теченія Амура, русскіе моряки позаботились выяснить существованіе Татарскаго пролива, дѣлая промѣры фарватера. Много этому дѣлу оказалъ услугъ капитанъ Невельской, а позже лейтенантъ Старицкій. Во время Восточной войны Татарскій проливъ и заливъ де-Кастри были очень полезны русскому флоту и совершавшемуся въ то время перенесенію порта изъ Петропавловска въ Николаевскъ.

Послѣ войны русское правительство начало сознавать значеніе Сахалина; но особеннаго вниманія заслуживалъ каменный уголь превосходнаго качества, пластами вырисовывающійся на утесистыхъ обрывахъ острова. Пласты эти различной толщины черными полосами оттѣняютъ западный берегъ, обращенный къ проливу. Особенно замѣчательны они близъ поста Дуэ, противъ залива де-Кастри, и двѣсти верстъ южнѣе, на берегу носящемъ названіе Сортуная. Проходя проливомъ, пароходы начали посылать на берегъ команды для сколки дароваго топлива; и уголь этотъ, несмотря на хрупкость, оказался гораздо высшаго достоинства, сравнительно съ тѣмъ, который суда могли пріобрѣтать въ Японіи и даже въ Шанхаѣ.

Въ 1859 году, составлялось предположеніе устроить постоянное сообщеніе между Санъ-Франциско и Николаевскомъ на Амурѣ съ тою цѣлью, чтобы доставлять изъ Америки въ восточную Сибирь муку, а обратнымъ грузомъ долженъ былъ служить сахалинскій уголь. Присутствіе хорошаго угля на Сахалинѣ было особенно оцѣнено практическими американцами. Одинъ изъ представителей крупной торговой фирмы въ Шанхаѣ, Олифантъ и комп., вошелъ съ просьбой къ генералъ-губернатору восточной Сибири, М. С. Корсакову, о разрѣшеніи разрабoтывать на Сортунаѣ каменный уголь и доставлять его въ китайскіе порты, которые до того времени получали уголь кругосвѣтнымъ путемъ изъ Англіи, и понятно, что цѣна его была непомѣрно высока.

Выгодность предложенія Олифанта была очевидна и ему разрѣшено было русскимъ правительствомъ занять вдоль берега пятьсотъ саженъ, а всего до квадратной версты пространства. Это былъ чуть ли не первый свободный колонистъ Сахалина; онъ повелъ дѣло основательно, не жалѣлъ денегъ, началъ правильную разработку пластовъ штольнями, завелъ буксирный пароходъ и баржи, устроилъ на берегу склады угля и магазины съ товарами и на шанхайскомъ

рынкѣ началъ появляться въ небольшомъ количествѣ сахалинскій уголь, а въ биржевомъ листкѣ Шанхая отмѣчаться цѣны его.

Предпріимчивые янки разомъ поняли, какой неизсякаемый источникъ богатства представляетъ уголь Сахалина, съ которымъ по достоинству и цѣнѣ не могло конкурировать никакое топливо по всему западному побережью Тихаго океана. До сорока просьбъ поступило къ генералъ-губернатору отъ разныхъ лицъ объ отводѣ угольныхъ участковъ, и два американца—Краули и Эше успѣли заручиться разрѣшеніями. Но этотъ наплывъ просьбъ испугалъ администрацію; она увидѣла въ этомъ стремленіи иноземцевъ на Сахалинъ опасность мирнаго завоеванія острова. Раздача иностранцамъ участковъ была воспрещена и ими стали награждать русскихъ; такіе участки получили Якимовъ, Старицкій и Бауровъ. Но вскорѣ весь этотъ вопросъ запутался въ административномъ лабиринтѣ; никто не могъ указать системы, которой слѣдовало держаться въ этомъ дѣлѣ; а потому выбрали лучшій способъ рѣшенія, именно—затормозили весь вопросъ; иностранцамъ же, начавшимъ разработку, стали дѣлать затрудненія въ вывозѣ угля, въ наймѣ рабочихъ, и этимъ совершенно парализовали ихъ дѣятельность.

Впрочемъ, указанные американцами выгоды дѣла не прошли безслѣдно и русское правительство начало дѣлать распоряженія, чтобы извлечь пользу изъ случайно открывшагося источника богатствъ. Стали изыскивать способы для привлеченія рабочихъ рукъ, такъ какъ инородцы, которые были хорошими звѣроловами и охотниками, вовсе не годились къ осѣдлому труду, и особенно такому тяжелому, какъ выработка угля въ рудникахъ. Самый подходящій народъ были бы китайскіе манзы—работники выносливые, невзыскательные и дешевые; но это былъ бы иностранный элементъ, и элементъ опасный: наплывъ китайцевъ превратилъ бы въ короткое время Сахалинъ въ колонію Небесной имперіи, а его непремѣнно требовалось сохранить для Россіи.

Поэтому пришли къ заключенію о необходимости колонизовать островъ русскимъ населеніемъ, прибѣгнувъ для этого къ двумъ способамъ: насильственному и добровольному.

Около этого же времени возникъ вопросъ объ отмѣнѣ ссыльно-каторжныхъ работъ на сибирскихъ рудникахъ, и рѣшено было сдѣлать опытъ примѣненія этого труда на Сахалинѣ, для чего и было отправлено къ Дуэ до трехсотъ человѣкъ ссыльныхъ. Островъ вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ мѣста ссылки—побѣги, столь частые изъ сибирскихъ остроговъ, дѣлались тутъ почти невозможными. Для изученія вопроса объ устройствѣ каторжныхъ тюремъ была въ 1873 году отправлена на Сахалинъ цѣлая коммиссія подъ руководствомъ г. Власова, спеціалиста по этой части.

Въ этой же коммиссіи находился такъ-называемый агрономъ Мицуль для опредѣленія возможности устройства земледѣльческихъ ко-

лоній. Цѣлый годъ изучали они на мѣстѣ условія и выработали опредѣленный планъ. Они убѣдились, что побѣги съ острова могли бы случаться лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—на китоловныхъ судахъ, случайно заходящихъ въ тѣ мѣста; для бѣглецовъ не находилось нигдѣ селеній, куда бы имъ было возможно на время скрыться. Не встрѣчая нигдѣ поддержки и пищи, они, пробывъ нѣсколько сутокъ въ лѣсахъ, возвращались въ свою тюрьму; инородцы смотрѣли на этихъ людей подозрительно, послѣ нѣсколькихъ случаевъ насилія со стороны каторжныхъ. Гиляки приняли за правило пускать имъ, какъ звѣрю, пулю или стрѣлу въ голову, чтобы при случаѣ воспользоваться одеждой. Только зимою между мысами Лазарева и Погоби, отдѣленными шириною пятиверстнаго пролива, возможно было сообщеніе съ Сибирью по льду.

Агрономъ съ своей стороны опредѣлилъ, что средняя и южная части острова вполнѣ годны для устройства земледѣльческихъ колоній. Это же подтверждали опыты добровольнаго заселенія острова: нѣсколько десятковъ семействъ, соблазненныхъ обѣщанными льготами, изъ внутреннихъ губерній Россіи отправились на Сахалинъ. Первоначально, покидая родину, они стремились на Амуръ, о которомъ тогда ходили самые заманчивые слухи; но устройство поселеній по Амуру во многихъ мѣстахъ оказалось плачевнымъ и горемыки рѣшились принять предложенныя правительствомъ земли на Сахалинѣ.

Опыты примѣненія вольнаго труда вначалѣ были несовсѣмъ удачны; никто не могъ указать поселенцамъ тѣхъ мѣстъ, которыя болѣе всего удовлетворяли бы ихъ требованіямъ. Русскій крестьянинъ не имѣетъ ни тѣхъ свѣдѣній, ни тѣхъ пріемовъ земледѣлія, которыми обладаетъ западно-европейскій колонистъ; первобытныя орудія труда и трехпольная система хлѣбопашества—вотъ все, что могъ онъ принести на мѣсто новаго жительства. Отдѣленный отъ русскаго міра морями, или четырнадцатью тысячами верстъ сухопутья, онъ могъ единственно разсчитывать на обѣщанныя правительствомъ пособія. Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества. Суецкій каналъ былъ открытъ и сообщенія Россіи съ крайнимъ Востокомъ значительно сократились; этимъ путемъ посланы были поселенцамъ обѣщанныя орудія земледѣлія и сѣмена; но присланныя сохи были отправлены безъ сошниковъ, а сѣмена ржи яровой были перемѣшаны съ озимой. Подобные промахи тормозили устройство поселеній, тѣмъ болѣе что самая вѣсть объ ошибкѣ доходила лишь чрезъ полгода, и конечно не сама канцелярія, надѣлавшая промахи, поспѣшила бы указать на нихъ.

Мало-по-малу, однако, колоніи эти устроились съ помощью русской выносливости и терпѣнія и доказали возможность привить земледѣліе, но конечно первые опыты не поощрили добровольнаго переселенія на островъ.

Замѣчательнѣе всего, что всѣ эти эксперименты работъ и засе-

ленія производились на мѣстности, которая не принадлежала еще Россіи. Казалось, что мы нашли брошенный природой на Охотскомъ морѣ островъ, взглянули на него, и съ той поры онъ уже составлялъ нашу собственность. Въ этомъ убѣждало насъ то, что онъ окаймленъ съ моря грядой принадлежащихъ намъ Курильскихъ острововъ, и какъ бы включенъ въ русское море. Американцы, получившіе уступку нашихъ американскихъ владѣній, еще не простирали своихъ претензій на этотъ завидный уголокъ, да и первыя попытки ихъ колонизовать Сахалинъ были прекращены. Что же касается до жившихъ на югѣ острова безбородыхъ орочонъ или обитателей средней части, звѣроловов-гиляковъ, то русское правительство не сочло нужнымъ спрашивать ихъ о желаніи присоединиться къ Россія.

Серьезныя затрудненія явились со стороны японцевъ, хотя къ счастью, благодаря мягкому образу дѣйствій ихъ, эти затрудненія имѣли скорѣе комичный, чѣмъ враждебный характеръ. Пока русскіе кулаки-купцы, объѣзжая юрты гиляковъ, скупали у нихъ соболей за табакъ и бузу, японцы эксплоатировали орочонъ, добывая трудами ихъ морскую соль и рыбу. Каждый народъ имѣлъ свой районъ и столкновеній не происходило; японцы на сѣверъ не подавались.

Но вотъ русскіе начали постепенно спускаться къ югу и натолкнулись на японскіе промыслы. Этими промыслами питалось даже все племя орочонъ, не жалуясь на эксплоататоровъ, которые доставляли имъ изъ Японіи всѣ необходимые предметы. На берегу острова у японцевъ стояли солеварни и бараки, охраняемые въ зимнее время мѣстными жителями.

Такъ какъ русскія власти убѣдились, что японцы на островѣ не живутъ, а пріѣзжаютъ лишь на лѣто, то приняли рѣшительную мѣру занять весь островъ фактически; и, чтобы подтвердить осязательнымъ образомъ свои претензіи, врыли въ землю столбы, на которыхъ развѣвался русскій флагъ. Но чрезъ нѣсколько дней и на японскихъ строеніяхъ появился ихъ національный флагъ. Не придавая значенія этому поступку, русскіе распорядились на всѣхъ пунктахъ берега, гдѣ только оказались признаки каменнаго угля, вырыть ямы, какъ бы въ доказательство начатыхъ работъ, и у каждаго пункта поставить по флагу. Немедленно рядомъ съ русскими ямами появлялись ямы и флаги японцевъ. Манифестація принимала видъ шутки, и японцы насмѣшливо отзывались о способахъ русскихъ доказывать свои права на владѣніе.

Русскіе моряки, хозяйничавшіе на Сахалинѣ, шутить не любили, и потому послана была команда уничтожить всѣ эти японскіе знаки; а ретивый офицеръ, начальствовавшій ею, даже сжегъ бараки, разсчитывая уничтожить такимъ образомъ всѣ слѣды японскаго владычества. Шутка выходила изъ границъ и становилась серьезнымъ дѣломъ. Японцы заявили, что они со своей стороны не станутъ въ въ видѣ репрессалій прибѣгать къ поступкамъ недостойнымъ цивили-

зованнаго народа; но что во всякомъ случаѣ, срывая японскій флагъ, русскіе оскорбляютъ націю; а потому, не доводя дѣло до открытой вражды, которая можетъ быть одинаково тяжела для обоихъ сосѣднихъ народовъ, они предлагаютъ рѣшить вопросъ общиннаго владѣнія посредствомъ размежеванія.

Высказанные японцами взгляды были убѣдительны, и потому приступлено было къ дипломатическимъ переговорамъ. Однако, причины, заставлявшія русскихъ желать обладанія островомъ, теряли свое значеніе, если бы одна часть отведена была во владѣніе Японіи, которая конечно не замедлила бы допустить на нее американцевъ, которыхъ русскіе особенно избѣгали за ихъ меркантильную предпріимчивость и наклонность рѣзко рѣшать спорные вопросы. Одно время подумывали было покончить споръ оружіемъ; но, несмотря на кажущуюся силу Россіи, дѣло могло окончиться неблагопріятно, такъ какъ силы наши были далеки, а Японія, ближайшая къ острову сосѣдка, вступила въ періодъ развитія; и къ тому же въ распрю могли вмѣшаться непрошенные посредники. Наконецъ, даже въ случаѣ успѣха мы пріобрѣли бы ненависть тридцатимилліоннаго народа, а потому рѣшено было уступить Японіи, взамѣнъ ея спорныхъ правъ на Сахалинъ, гряду Курильскихъ острововъ, которая со времени упраздненія россійско-американской компаніи оставалась не эксплоатированною.

Въ августѣ 1875 года, островъ Сахалинъ по международному договору окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи.

Островъ Сахалинъ, имѣющій форму стерляди, у которой хвостъ обращенъ къ югу, пространствомъ своимъ равняется Баварскому королевству, и несмотря на то, что сѣверная оконечность его находится на широтѣ Рязани, а южная отвѣчаетъ Крыму, отличается суровымъ климатомъ. Только средняя и южная части его могутъ быть обитаемыми. Считая девятьсотъ верстъ протяженія, островъ имѣетъ въ ширину отъ двадцати пяти до ста верстъ. По срединѣ всего острова тянется горный хребетъ, развѣтвляющійся на югѣ; хребетъ этотъ разъединяетъ островъ на двѣ части: западную и восточную. Болѣе изслѣдованная западная часть пользуется климатомъ сравнительно умѣреннымъ, чему содѣйствуютъ туманы, сильно затрудняющіе плаваніе по Татарскому проливу, и горный хребетъ, закрывающій эту часть отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Западная часть, особенно богатая каменноугольными пластами, отличается на всемъ девятисотъ-верстномъ протяженіи отсутствіемъ гаваней и заливовъ. Дно у береговъ каменистое, не поддающееся якорю, и потому немало затрудняетъ стоянку судовъ на рейдѣ. Мѣстами у берега есть каменныя гряды и кряжи, на основаніи которыхъ можно бы устроить молы и пристани; но это требуетъ много затратъ и составляетъ вопросъ будущаго. До настоящаго же времени суда, приходящія брать сахалинскій уголь, подвергаются при западномъ вѣтрѣ

серьезной опасности быть выброшенными на берегъ и потому пароходы должны всегда быть въ готовности на парахъ отойти отъ негостепріимнаго берега. Извѣстны многіе случаи гибели судовъ у Сахалина и, кажется, первою жертвой былъ клиперъ подъ командой капитана Пещурова, нынѣ занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ морскомъ министерствѣ. Погрузка угля производится съ баржъ, такъ какъ морскія суда не могутъ подходить къ берегу ближе полуверстнаго разстоянія.

Въ это время отъ одного лица, занимавшагося въ прежніе года перевозкой моремъ грузовъ изъ Европы на Амуръ, сдѣлано было правительству предложеніе принять отъ казны Дуйскія угольныя копи въ аренду, съ тѣмъ чтобы рабочую силу поставляли каторжные. Это предложеніе отвѣчало вполнѣ намѣреніямъ правительства. Во-первыхъ: оно давало возможность направить на Сахалинъ бо̀льшее число людей, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, которые однако оставались въ тюрьмахъ европейской Россіи за невозможностью пріискать имъ работы и помѣщенія въ Сибири, вслѣдствіе чего судебные приговоры оставались безъ исполненія. Во-вторыхъ: силы этихъ людей получали примѣненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ работа окупала ихъ содержаніе. Кромѣ того, этимъ достигалось сбереженіе по устройству тюремъ, стражи и этаповъ, такъ какъ сосредоточеніе опасныхъ людей на Сахалинѣ, по самой природѣ своей составляющемъ естественную тюрьму, значительно сокращало расходы надзора за ними. Въ-третьихъ: достигалась этимъ способомъ колонизація русскимъ элементомъ передоваго поста Россіи на востокѣ, а добыча угля обезпечивала возможность содержанія въ Тихомъ океанѣ пароваго флота, безъ затратъ на покупку топлива въ Шанхаѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, выработаны были условія, по которымъ составителю проекта давалась возможность имѣть до двухъ тысячъ человѣкъ рабочихъ. Наемъ частныхъ людей изъ иностранцевъ былъ обставленъ ограничительными условіями и съ предпринимателемъ заключенъ былъ контрактъ на двадцати-четырехъ-лѣтній срокъ на разработку Дуйскихъ угольныхъ копей и на поставку угля русскому флоту.

Планъ, задуманный русскимъ предпринимателемъ, былъ обширенъ: онъ хотѣлъ совершенно отстранить на Сахалинѣ иностранную эксплоатацію, русскимъ топливомъ намѣревался замѣнить англійскій и японскій угли на всѣхъ приморскихъ рынкахъ Китая и разсчитывалъ даже чайную торговлю съ Россіей направить морскимъ путемъ вдоль Сахалина на Амуръ, вмѣсто существующаго способа странствованія каравановъ по степямъ Гоби на Кяхту.

Для осуществленія такого плана было составлено акціонерное общество подъ фирмою „Сахалинъ", но послѣдовавшее воспрещеніе министерства финансовъ совершить заграничный заемъ, а вслѣдъ затѣмъ и разныя другія стѣсненія и неблагопріятныя обстоятельства

съ самаго же начала нанесли смертельный ударъ новому обществу и парализовали его дѣятельность.

Между тѣмъ, правительственная колонизація шла своимъ чередомъ; у поста Дуэ образовалось цѣлое Александровское селеніе изъ числа отбывшихъ свои сроки каторжныхъ и, кромѣ того, свободные поселенцы заняли на островѣ нѣсколько пунктовъ, переставъ чуждаться его. Трудъ каторжныхъ былъ обращенъ на устройство дорогъ вдоль берега, на постройку пристани и подготовку мола, не говоря о каменноугольныхъ работахъ. Часть каторжныхъ была отдѣлена на югъ къ Корсаковскому посту, гдѣ, благодаря климатическимъ условіямъ, жизнь представляетъ болѣе удобствъ. Въ этой мѣстности сосредоточивается администрація и военная сила. Семейства офицеровъ и чиновниковъ постарались придать поселенію подобіе европейскаго городка; дамы составили филантропическое общество, принявшее на себя попеченіе о дѣтяхъ ссыльныхъ, устроили школы и энергіей своей дѣятельности положили основаніе русской гражданственности.

Въ послѣднее время появились извѣстія о нахожденіи на островѣ золота; но жаль будетъ, если этотъ развращающій металлъ обратитъ на себя зарождающуюся дѣятельность общества. Не поиски за золотомъ, а разработка желѣза, съ широкимъ развитіемъ угольнаго производства, должны бы служить къ благоденствію этого отдаленнаго края. Желательно, чтобы обращено было вниманіе предпріимчивыхъ людей на богатство рыбныхъ промысловъ, которые, снабжая край, могли бы производить отпускъ этого товара въ широкихъ размѣрахъ въ Японію, продовольствующуюся рыбой, и въ Шанхай, такъ щедро оплачивающій всѣ доставляемые туда продукты.

Сахалинъ до сего дня ждетъ изслѣдователей [1]). Его восточная сторона и сѣверная часть, его озера, заливы и рѣка Тымь почти неизвѣстны. Надо надѣяться, что съ увеличеніемъ народонаселенія они обратятъ на себя вниманіе жителей, которые, свыкнувшись съ моремъ, полюбятъ его.

Изложивъ вкратцѣ и безъ того краткую исторію Сахалина, или, лучше сказать, его прошлое, позволю себѣ коснуться его будущности. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ старанія правительства направлены на то, чтобы это будущее отвѣчало его планамъ и служило на благо Россіи. Разберемъ сначала, въ чемъ заключаются эти планы?

Уступая американцамъ наши сѣверо-американскія владѣнія по ту сторону Берингова пролива, правительство видимо желало заблаговременно сдѣлать добровольное почетное отступленіе и удалить всякій поводъ къ какому бы то ни было столкновенію съ Сѣверо-Американ-

---

[1]) Императорское Географическое Общество послало еще въ прошломъ году для изслѣдованія Сахалина ученую экспедицію подъ руководствомъ г. Полякова, но результаты дѣятельности этой экспедиціи пока еще не обнародованы.

скими Штатами, поставивъ между двумя могущественными народами океанъ. Но, поступая такимъ образомъ и какъ бы сосредоточиваясь, Россія должна была намѣтить пунктъ, который бы служилъ гранью, далѣе которой иностранцы не должны простирать свои стремленія. Для отстраненія всякаго иноземнаго вмѣшательства, Россія купила спокойствіе со стороны Японіи передачей ей Курильскихъ острововъ; этою цѣною отстояли исключительное право на Сахалинъ; слѣдовательно, этотъ островъ въ глазахъ правительства представляетъ именно крайнюю грань или оплотъ русской національности.

Участки русской земли не могутъ быть предметомъ международной торговли; поэтому никто не допуститъ мысли, чтобы русско-американскія колоніи были проданы за тѣ милліоны рублей, которые американцы внесли въ русское казначейство; деньги тутъ не причемъ и Россія, отказавшись отъ безполезной для нея земли, купила на продолжительное время дружбу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Дѣйствительно, если Франція послѣ унизительной и раззорительной войны признала для себя полезнымъ отказаться отъ Лотарингіи и Эльзаса, то почему Россія не могла придти къ такому же заключенію безъ принужденія, на основаніи здраваго смысла, не жертвуя ни своимъ достоинствомъ, ни кровью своихъ дѣтей; почти такъ же поступила Англія, отказавшись отъ Іоническихъ острововъ.

Я считаю поэтому добровольный отказъ отъ этихъ дальнихъ владѣній однимъ изъ благоразумнѣйшихъ актовъ прошлаго царствованія. Но подобныя жертвы могутъ быть приняты лишь по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ причинъ и послѣдствій. За нихъ правители несутъ отвѣтственность предъ отечествомъ и потомствомъ; поэтому задуманные планы должны быть преслѣдуемы съ неизмѣнной послѣдовательностью, независимо отъ отставки министра или даже перемѣны царствованія. Сахалинъ долженъ быть колонизированъ и ему слѣдуетъ сдѣлаться чисто русскою землею, съ ея вѣрованіями, обычаями и языкомъ.

Полное обрусѣніе острова тѣмъ необходимѣе, что онъ какъ бы врѣзался въ совершенно чуждый міръ, міръ глубокой Азіи: Китая, Японіи и Кореи,—странъ проснувшихся, или которыя европейцы силятся разбудить отъ вѣковаго сна. Вся политика Европы обращена на Востокъ; каждое изъ ея государствъ силится заявить ему о своемъ могуществѣ и вліяніи и въ доказательство того захватываетъ клочки земли, сажаетъ въ порты консуловъ и высылаетъ флоты. Для Россіи это составляетъ какъ бы наѣздъ съ тыла,—ее обошли, и она должна имѣть возможность съ этого фронта представить надежную защиту. Она необходима еще и потому, что хотя сила уважается повсюду, но нигдѣ она не играетъ такого значенія, какъ передъ народами Азіи. Предъ ними это единственно дѣйствительный аргументъ, и потому, чтобы не быть задавленнымъ напли-

вомъ монгольскаго племени, нужно быть сильнымъ. Въ этомъ отношеніи появленіе нашего флота въ китайскихъ водахъ подтвердило еще разъ эту аксіому.

Если по своимъ коммерческимъ соображеніямъ Европа устремляетъ свои помыслы къ многолюдной Азіи, то Россія, въ видахъ самоохраненія, должна быть болѣе другихъ внимательна къ совершающимся тамъ событіямъ. Востокъ просыпается, и если считають полезнымъ повсюду имѣть друзей, то лучшимъ для насъ тамъ союзникомъ можетъ быть Японія; надо только такъ устроить дѣла, чтобы она въ одной Россіи искала поддержки. Если загорится война между Китаемъ и Японіей, то Россія обязана будетъ въ этой борьбѣ сказать свое слово и подкрѣпить его осязательно, иначе могутъ произойти перемѣны, которыя значительно поколеблють положеніе нашего отечества на Востокѣ.

Колонизаторскія стремленія Америки, Англіи, Германіи и Франціи служатъ выраженіемъ избытка населенія. Этотъ избытокъ самъ по себѣ уже представляетъ силу, которая ищетъ для себя почвы; но объ Россіи сказать этого нельзя; она, напротивъ, страдаетъ малокровіемъ. За исключеніемъ запада, всѣ ея окраины пусты; повсюду границы ея могутъ быть нарушены; всякая случайность можетъ лишить ее участка земли; она даже не въ силахъ будетъ защититься отъ наплыва мирнаго китайскаго населенія, если только Небесная имперія выразитъ намѣреніе направить на сѣверъ колонизацію, которая теперь стремится за океанъ.

Въ виду всѣхъ этихъ опасностей, Россія принуждена выдѣлять отъ себя не избытокъ населенія, но плоть отъ плоти своей, чтобы ввѣрить ей на Востокѣ охрану своихъ интересовъ. Она должна посылать туда не одно отребье общества, но населеніе здоровое тѣломъ и духомъ. Удаляя больныхъ членовъ своей семьи отъ мѣстъ, гдѣ они родились, слѣдуетъ позаботиться объ ихъ излеченіи нравственномъ, чтобы и они сплотились съ населеніемъ, потому что Россіи надо дорожить каждымъ изъ своихъ сыновей. Тѣ дѣти русскаго народа, которые желаютъ переселиться на окраину отечества, должны быть окружены попеченіемъ и пользоваться при водвореніи всевозможнымъ пособіемъ и льготами, для того чтобы они не считали себя изгнанниками, пасынками Россіи; чтобы они чувствовали, что не оставляли русской почвы, а только перешли въ другую губернію; чтобы въ случаѣ столкновенія съ врагомъ они сознавали, что защищаютъ родную землю, а не захваченный край.

Конечно, Уссурійскій край, куда теперь преимущественно направляется пришлое населеніе, гораздо заманчивѣе Сахалина по своей благодарной почвѣ и природѣ; на эту мѣстность перенесены теперь всѣ заботы правительства по укрѣпленію портовъ; тамъ мы находимся ближе къ сплошному населенію Азіи. Но выдвинувшись такимъ образомъ на югъ, мы вдвинули себя въ самый огонь будущей борьбы

при рѣшеніи вопросовъ Востока. Мы разбудимъ этимъ китайцевъ, которые теперь, оглянувшись въ нашу сторону, строятъ пограничныя крѣпости, проводятъ дороги, усиливаютъ манджурскія войска и шлютъ къ границѣ поселенцевъ. Избыткомъ своего населенія они оттуда могутъ оттѣснить насъ на сѣверъ. Поэтому прочное устройство на островѣ, огражденномъ отъ всякаго нашествія, является логическою послѣдовательностью пріобрѣтенія его. Земледѣліе на Сахалинѣ можетъ служить какъ пособіе, но главная дѣятельность его народонаселенія должна быть обращена на горный промысемъ, на усиленное развитіе каменноугольнаго производства и, если возможно, желѣзнаго. Желательно также, чтобы его населеніе, находясь повсюду въ соприкосновеніи съ моремъ, освоилось съ нимъ, привязалось къ нему и дало бы намъ природныхъ моряковъ, въ которыхъ такъ нуждается Россія. Не проводя паралели между благословенными островами Великобританіи и островомъ Сахалиномъ, нельзя однако не напомнить, что именно флотъ и уголь составили главное могущество Англіи. Почему бы и намъ на этихъ двухъ факторахъ не устроить себѣ прочной охранительной силы?

Нашъ русскій Востокъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ; онъ долженъ въ себѣ находить силу и защиту; ему нѣкогда ожидать присылки флота чрезъ будущій Панамскій каналъ, или арміи по сибирской желѣзной дорогѣ. Достаточно чтобы знали, что позади его вся Россія. Пусть онъ не остается младенцемъ на помочахъ; надо ему готовиться самому защищать свою мать.

Что же нужно дѣлать, чтобы выростить ребенка и превратить его въ здороваго человѣка съ трезвыми взглядами на жизнь? Дать ему побольше воздуха и свѣта; предоставить естественному развитію, не насилуя его природныхъ наклонностей; охранять отъ увлеченій и указать ему лучшую дорогу въ томъ направленіи, которое онъ изберетъ для жизни.

Этотъ же взглядъ долженъ быть примѣненъ къ населенію Сахалина: ему слѣдуетъ дать бо́льшій просторъ въ устройствѣ собственныхъ дѣлъ и свободу совѣсти; отстранить по возможности вмѣшательство администраціи въ его промышленныя предпріятія, не навязывая ему кабинетныхъ измышленій. Мѣстному правителю нужно намѣтить общій планъ управленія, не спеціализируя отдѣльныхъ случаевъ, и дать ему право широко примѣнять свою власть, власть „рѣшить, а не вязать“, для того, чтобы не приходилось за каждымъ вопросомъ обращаться въ далекую метрополію. Вообще, принципъ „опеки“ долженъ изчезнуть изъ правительственной програмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо воспретить иностранцамъ, а пожалуй и евреямъ, селиться въ тѣхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока болѣе высокій уровень образованія населенія дастъ ему возможность не бояться эксплоатаціи.

Руководствуясь этими правилами, мы привлечемъ къ Сахалину добровольную русскую эмиграцію, въ средѣ которой будетъ много и

старовѣровъ, и интеллигенціи. Не чувствуя давленія бюрократіи и привыкнувъ разсчитывать исключительно на свои силы, этотъ русскій край скоро окрѣпнетъ настолько, что не будетъ представлять опасности быть оторваннымъ. Связанный съ Россіей родствомъ, онъ будетъ въ состояніи отстаивать свою независимость и русское національное достоинство.

Я. Бутковскій.

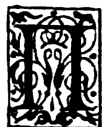




ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРІЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА.

II.

Отчего Парижъ не возсталъ противъ комуны.—Роль и значеніе центральнаго комитета.—Офиціальный журналъ комуны.—Переписка съ главнымъ штабомъ нѣмецкой арміи. — Рабочія общества. — Республиканскій календарь и красное знамя.—Комисіи или министерства комуны.—Тьеръ въ роли правителя Франціи. — Засѣданія національнаго собранія въ версальскомъ театрѣ. — Протестъ парижскихъ газетъ. — Бѣгство Жирардена въ Версаль. — Парижскіе меры въ національномъ собраніи.—Торжество провозглашенія комуны. — Сраженіе 2-го апрѣля. — Бюлетени обѣихъ сторонъ. — Сраженіе 3-го апрѣля. — Густавъ Флурансъ, его жизнь и трагическая кончина. — Взятіе Шатильона. — Генералъ Клюзере. — Декреты комуны. — Терористскія мѣры. — Страсть къ галунамъ.— Отставка четырехъ членовъ національнаго собранія. — Генералы Бильо и Галифе. — Аресты въ Парижѣ. — Съѣденная рукопись. — Попытки примиренія.— Комунистическія движенія во Фраціи.—Роль Тьера въ 1871 году и его характеристика въ прошедшемъ.—Шаткость его убѣжденій и ретроградныя наклонности.—Властолюбіе и страсть командованія войсками. — Генералъ Винуа.— Назначеніе Мак-Магона главнокомандующимъ версальскою арміею.—Маленькія причины, мѣшающія великимъ подвигамъ.—Монархическія тенденціи версальскаго собранія.



АРИЖЪ нерѣдко упрекали въ томъ, что при двух-миліонномъ населеніи онъ не протестовалъ противъ захвата власти горстью инсургентовъ и не произвелъ контр-революцію въ пользу законнаго правительства, а покорно подчинился всѣмъ предписаніямъ комуны. Но, не говоря уже о томъ, что въ Парижѣ не было ни центра, ни учрежденія, въ которомъ энергическіе люди могли бы сойтись для переговоровъ о томъ, что̀ должно предпринять, не надо забывать, что у комуны, для исполненія ея предписаній, было подъ рукою болѣе 200.000 національной гвардіи, хорошо вооруженной и озлобленной противъ версальскаго правитель-

ства,—а противъ такой дисциплинированной силы, исполнявшей приказанія своихъ начальниковъ, что могли сдѣлать протесты отдѣльныхъ лицъ? Центральный комитетъ передалъ власть свою комунѣ, но продолжалъ существовать, руководилъ всѣми ея дѣйствіями и завѣдовалъ преимущественно военными дѣлами; такъ, онъ уничтожилъ военные суды, но потомъ вскорѣ возстановилъ ихъ, уничтожилъ конскрипцію, но вслѣдъ затѣмъ предписалъ родъ поголовнаго вооруженія народа. Въ официальномъ журналѣ комуны комитетъ осыпалъ упреками тѣхъ, кто заключилъ миръ съ непріятелемъ, но въ то же время объявилъ, что твердо рѣшился соблюдать условія мира. Въ томъ же журналѣ комитетъ снималъ съ себя отвѣтственность въ убійствѣ генераловъ Леконта и Клемана Тома. Онъ сожалѣлъ объ этихъ убійствахъ, но въ то же время обвинялъ Леконта въ томъ, что тотъ четыре раза приказывалъ стрѣлять въ толпу, гдѣ были женщины и дѣти, а генерала Тома — въ томъ, что онъ снималъ планы монмартрскихъ барикадъ. А такъ какъ законы войны не допускаютъ ни шпіонства, ни убійства безоружныхъ, то казнь генераловъ была дѣломъ народнаго правосудія.

Много силы придало центральному комитету признаніе его прусскими военноначальниками. Управляющій императорскою квартирою, командиръ 3-го армейскаго корпуса, генерал-маіоръ Шлоттеймъ, увѣдомлялъ изъ Компіена парижскаго коменданта, что „нѣмецкія войска, занимающія сѣверные и восточные форты Парижа, также какъ правый берегъ Сены, получили приказаніе сохранить дружеское и пасивное положеніе до тѣхъ поръ, пока событія въ Парижѣ не примутъ по отношенію къ нѣмецкимъ арміямъ враждебнаго характера и удержатся въ формахъ, предписанныхъ мирными переговорами; если же событія примутъ враждебный характеръ, то съ городомъ Парижемъ будетъ поступлено какъ съ врагомъ". Этотъ документъ официальная газета комуны напечатала огромными буквами, измѣнивъ въ немъ только „нейтральное" положеніе пруссаковъ на „дружеское", что, конечно, не одно и то же. Пашаль Бруссе, делегатъ центральнаго комитета, завѣдующій внѣшними дѣлами, поспѣшилъ отвѣчать прусскому генералу, что „революція въ Парижѣ, произведенная центральнымъ комитетомъ, имѣетъ существенно муниципальный характеръ и ни въ какомъ отношеніи не враждебна нѣмецкимъ арміямъ. Что же касается до переговоровъ о мирѣ, вотированныхъ бордоскимъ собраніемъ, комитетъ не входитъ въ ихъ оцѣнку". Передавъ власть комунѣ, центральный комитетъ продолжалъ тайно внушать ей самыя крайнія рѣшенія до послѣдняго дня ея владычества. 26-го марта въ официальной газетѣ были помѣщены два документа международной асоціаціи рабочихъ и федеральнаго совѣта парижскихъ секцій. Изъ статей этихъ видно ясно, что рабочія общества намѣрены были завладѣть движеніемъ и направить его исключительно въ свою пользу, въ видахъ преобладанія рабочихъ классовъ надъ всѣми про-

чими. Устроившись въ ратушѣ, комуна объявила благодарность отъ имени отечества національной гвардіи и центральному комитету. Комуна попробовала вернуться къ республиканскому календарю, назначивъ свое первое засѣданіе 8-го жерминаля, но вскорѣ сама отказалась отъ этого счисленія. Въ то же время она отвергла трехцвѣтное знамя и приняла красное, подъ страннымъ предлогомъ, что и орифлама была также краснаго цвѣта. 31-го марта комуна объявила, что нельзя быть въ одно время членомъ комуны и депутатомъ версальскаго собранія, но что въ комуну могутъ быть допущены и иностранцы. Она разрѣшила также жильцамъ не платить домовладѣльцамъ за квартиру съ октября 1870 года и запрещала исполнять какія либо приказанія, исходящія отъ версальскаго правительства. Всѣ эти мѣры сопровождались громкими и оскорбительными фразами противъ версальцевъ, „начавшихъ подлымъ образомъ душить за горло гражданъ, хотѣвшихъ обезчестить ихъ, навязавъ имъ короля". Въ главѣ учрежденныхъ комуною комисій: исполнительной, финансовой, военной, судебной, продовольственной, рабочей, общественной безопасности и внѣшнихъ сношеній стали лица никому неизвѣстныя и оказавшіяся гораздо ниже того положенія, въ которое они были поставлены обстоятельствами. Вообще, несчастье Франціи того времени заключалось въ томъ, что въ ней было очень мало сколько нибудь замѣчательныхъ лицъ между всѣми классами общества.

За періодомъ организаціи комуны слѣдовалъ періодъ ея дѣятельности. Соперничество двухъ правительствъ должно было рѣшиться борьбою между ними. Въ Версалѣ начали скоро готовиться къ нападенію на возставшій городъ. Тьеръ собиралъ вокругъ себя всякій день своихъ министровъ. Онъ составлялъ съ генераломъ Винуа планы для осады столицы, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что на него палата возлагала надежду снова властвовать надъ Парижемъ. Онъ чувствовалъ, что управляетъ всѣмъ, а это было для него всего дороже: онъ управлялъ бы даже на вулканѣ. Дѣятельность его была изумительна, особенно въ такія преклонныя лѣта. Работая съ самаго ранняго утра, онъ принималъ безпрестанно всѣхъ и говорилъ всегда больше тѣхъ, кто являлся сообщить ему какія либо извѣстія. Между министрами его было мало согласія: одни склонялись къ уступкамъ, другіе къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Парижа; къ послѣднимъ принадлежалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ и сенскій префектъ Жюль Ферри, повторявшій, что если бы ему дали триста человѣкъ, онъ не вышелъ бы 18-го марта изъ ратуши. Тьеръ отвѣчалъ ему на это, что лучшій и вполнѣ удавшійся планъ въ подобномъ случаѣ выполненъ былъ въ 1848 году въ Вѣнѣ генераломъ Виндишгрецомъ: онъ оставилъ въ рукахъ инсургентовъ столицу Австріи, а потомъ, собравъ необходимыя силы, занялъ ее обратно. Но чтобы взять Парижъ, нужна была значительная армія, а на основаніи условій перемирія, Франція не могла имѣть болѣе 40.000 арміи. Надо

было войти въ переговоры съ нѣмецкимъ главнымъ штабомъ объ увеличеніи этого числа до 80.000. Нѣмцы разрѣшили благосклонно прибавить даже еще 20.000. Такимъ образомъ, версальцы могли начать военныя дѣйствія съ арміей въ 100.000, составленною большею частью изъ плѣнниковъ Седана и Меца, вернувшихся изъ Германіи. Въ то же время всѣмъ свободнымъ войскамъ было предписано сосредоточиваться въ Версалѣ. Полки и дивизіи быстро формировались; но хотя всякій день увеличивалъ число войскъ, Тьеръ медлилъ начинать нападеніе еще болѣе и потому, что сначала было необходимо утвердить въ войскѣ дисциплину, ослабленную долгимъ плѣномъ и послѣдними печальными событіями. Тьеръ утверждалъ, что только быстрое оставленіе Парижа избавило войско отъ соприкосновенія съ народомъ и отъ искушенія побрататься съ инсургентами. Эту мысль Тьеръ развивалъ въ особенности посланникамъ иностранныхъ державъ, также переселившимся въ Версаль—лорду Лайонсу, князю Меттерниху, графу Мольтке, Окуневу и Нигрѣ. Представители всѣхъ другихъ державъ, даже Китая и Чили, также прибыли въ Версаль, оставивъ въ Парижѣ свои канцеляріи, съ которыми продолжали сношенія.

Въ палатѣ Тьеръ являлся очень рѣдко. Странный видъ представляли ея засѣданія въ великолѣпномъ придворномъ театрѣ, гдѣ исполнялись оперы Люлли и миѳологическіе балеты эпохи Людовика XIV. Бюро собранія находилось на сценѣ, гдѣ стояла декорація, изображавшая греческій портикъ. Президентъ сидѣлъ на мѣстѣ, занимаемомъ нѣкогда капельмейстеромъ; трибуна возвышалась недалеко отъ суфлерской будки. Депутаты сидѣли въ партерѣ и ложахъ перваго яруса, представляя такимъ образомъ зрителей, хотя, въ сущности, они были дѣйствующими лицами парламентской комедіи. Между темно-красными драпировками и золочеными украшеніями барьеровъ ложъ рѣзко выдѣлялись черные сюртуки и лысыя головы, отражавшіеся въ зеркалахъ ложъ. О республикѣ толковали подъ королевскими гербами и бурбонскими лиліями. На этихъ 800 представителей народа, которые легко могли бы сдѣлаться конвентомъ, если бы у нихъ было сколько нибудь энергіи, Франція смотрѣла со страхомъ и опасеніемъ. Большая часть муниципій высказалась за версальское правительство и многія изъ нихъ прислали въ Версаль свои депутаціи, которымъ Тьеръ повторялъ безпрестанно, что онъ будетъ твердо поддерживать республиканскій образъ правленія. Парижская комуна оказалась, такимъ образомъ, изолированною, хотя въ пользу ея были демонстраціи въ Ліонѣ, Марсели, Парижѣ и другихъ большихъ городахъ. Она постоянно надѣялась и увѣряла другихъ, что провинціи поднимутся и пойдутъ на помощь къ Парижу. Это была напрасная надежда. Борьба между тѣмъ готова была вспыхнуть и бѣглецы изъ Парижа ежедневно приносили въ Версаль извѣстія, что комуна готовится къ нападенію. Прежде всего извѣстіе это проникло въ литературу. 34

главныя парижскія газеты первыя протестовали противъ захвата власти комуною, что поставило ее во враждебныя отношенія къ журналистикѣ. Бóльшая часть этихъ газетъ была монархическаго и реакціоннаго оттѣнка, но нѣкоторыя изъ нихъ вздумали даже вступить въ полемику съ комуной. Главный изъ этихъ полемистовъ, Эмиль Жирарденъ, явился въ Версаль совершенно противъ своего желанія. Онъ получилъ наканунѣ записку отъ Верморела, бывшаго сотрудника газеты „Пресса", а теперь одного изъ министровъ комуны. Въ запискѣ говорилось, что если журналистъ не оставитъ тотчасъ же Парижъ, то будетъ арестованъ и запертъ въ Мазасъ. Это понудило, конечно, Жирардена тотчасъ бѣжать въ Версаль. Несмотря на подобные факты, большинство національнаго собранія все еще надѣялось на возможность примиренія, и въ засѣданіи 23-го марта произошла странная и отчасти комическая сцена, до сихъ поръ еще оставшаяся неразъясненной: засѣданіе уже оканчивалось, когда на лѣвой сторонѣ депутатъ Арно изъ Арьежа потребовалъ, чтобы въ собраніе были допущены парижскіе меры. Прежде чѣмъ справиться о цѣли этого представленія, въ ложѣ авансцены, близъ трибуны президента, открытой по приказанію квестора База, появилась масса лицъ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ. Они начали кланяться собранію; лѣвая сторона стала аплодировать; правая встрѣтила съ ропотомъ это появленіе. Президентъ Греви принялся звонить изъ всѣхъ силъ; меры начали улыбаться и дѣлать непонятные жесты. Депутатъ Праксъ Пари вскричалъ: „Вотъ акредитованные посланники бунта!". Нѣкоторые депутаты надѣли шляпы, другіе закричали: „Шляпы долой!" Чтобы окончить эту комическую сцену, Греви закрылъ засѣданіе. Выходя изъ залы, ни депутаты, ни публика не понимали, зачѣмъ являлись эти меры въ палату. Арно изъ Арьежа говорилъ, что необходимо „соединиться сердцемъ съ Парижемъ; убѣдить его, что мы составляемъ съ нимъ одну національную и республиканскую душу!" Пуская меровъ въ ложу, квесторъ Базъ припомнилъ, вѣроятно, что собранія первой революціи принимали не разъ депутаціи во время своихъ засѣданій. На этотъ разъ, однако, парижскимъ мерамъ удалось только показать свои шарфы въ версальскомъ собраніи.

Когда въ засѣданіе 29-го марта пришло извѣстіе о торжественномъ провозглашеніи комуны, національное собраніе пришло въ волненіе, видя, что на ряду съ нимъ возникло другое революціонное правительство. Это провозглашеніе совершилось въ Парижѣ съ большою торжественностью. Въ центрѣ главнаго фасада ратуши, убранной красною драпировкою съ золотыми блестками, выстроена была эстрада, посреди которой, на высокомъ пьедесталѣ, поставленъ бюстъ республики, осѣненной красными знаменами; вокругъ были расположены кресла и одно изъ нихъ на небольшомъ возвышеніи для президента Асси, извѣстнаго члена интернаціонали и агитатора въ Крёзо. Съ перваго часа на площадь передъ ратушей стали собираться

федеральные батальоны со своими делегатами, украшенными огромнымъ краснымъ бантомъ на лѣвой рукѣ. Батальоны эти съ трудомъ пробирались чрезъ многочисленныя барикады, воздвигнутыя по всѣмъ направленіямъ. Многіе отряды не могли дойти до ратуши и остановились въ сосѣднихъ улицахъ. Въ четыре часа, при громѣ барабановъ, на эстрадѣ явились члены комисій и комуны съ своимъ президентомъ въ главѣ. Начали стрѣлять изъ пушекъ, разставленныхъ по набережной Сены. Раздались крики „виватъ!“ На концахъ ружей поднялись въ воздухъ и заколыхались солдатскія кепи. Загремѣли трубы, гражданинъ Асси произнесъ короткую рѣчь, изъ которой никто не слыхалъ ни одного слова. Потомъ начали читать результаты выборовъ округовъ въ члены комуны. Никому неизвѣстныя имена встрѣчались криками восторга, марсельеза гремѣла не умолкая; затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько рѣчей, наполненныхъ громкими фразами о свободѣ, братствѣ и солидарности; затѣмъ, при новыхъ пушечныхъ залпахъ батальоны гвардіи начали проходить передъ эстрадою, отдавая честь своему новому правительству и потрясая воздухъ громкими криками. Толпа долго не оставляла площади передъ ратушею и гуляла всю ночь.

Вслѣдъ за торжествомъ комуна задумала выказать свою силу и предприняла нападеніе на Версаль. 2-го апрѣля, раннимъ утромъ, колона федералистовъ въ 2.000 человѣкъ, но безъ артилеріи, вышла изъ Парижа по большой дорогѣ въ Курбвуа. Передовые отряды версальской арміи были, однако, готовы встрѣтить парижанъ. Близъ Бержера первою жертвою междоусобной войны палъ Паскье, главный докторъ версальской арміи. Думая, что главный штабъ арміи находится въ Курбвуа, онъ поѣхалъ туда по большой сен-жерменской дорогѣ, но встрѣтилъ неожиданно аванпостъ федералистовъ, давшихъ по немъ залпъ. Пораженный пулею въ лобъ, докторъ упалъ мертвый съ лошади. Въ то же время артилерія версальцевъ начала стрѣлять въ инсургентовъ. Они отвѣчали сначала дружными ружейными залпами, но вскорѣ принуждены были отступить. Дорога въ Нёльи покрылась бѣглецами, среди которыхъ картечь и бомбы версальцовъ производили страшныя опустошенія. Послѣ этой первой стычки начались обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ бюлетени о побѣдѣ съ обѣихъ сторонъ. Версальцы обнародовали, что съ ихъ стороны убито всего восемь человѣкъ и ранено тридцать, а у непріятеля убито только нѣсколько гвардейцевъ и тридцать взято въ плѣнъ. Объ участи послѣднихъ версальцы скромно умалчивали; между тѣмъ Леонсъ Дюпонъ, бывшій на мѣстѣ побоища, вслѣдъ за стычкою, насчиталъ болѣе двадцати повозокъ съ трупами, увозимыми съ мѣста сраженія. Что же касается до плѣнныхъ, то онъ утверждаетъ, что ихъ разстрѣливали масами, тотчасъ послѣ окончанія стычки. Это весьма возможно, если мы вспомнимъ, что отрядомъ войскъ командовалъ генералъ Галлифе, привыкшій во время второй имперіи разстрѣливать безоруж-

ныхъ. Между тѣмъ исполнительная комисія комуны, въ лицѣ начальника штаба, полковника Ганри, обнародовала, что огонь непріятеля прекратился, духъ войска—превосходный, линейныя войска массами присоединяются къ національной гвардіи, съ которой никто не хочетъ сражаться, кромѣ высшихъ офицеровъ. Депеша прибавляла, что самъ Бержере въ Нёльи. Это, конечно, было только смѣшно, но въ то же время газеты комуны печатали, что пансіонъ молодыхъ дѣвушекъ, выходившихъ изъ церкви Нёльи, былъ буквально истребленъ картечью солдатъ Фавра и Тьера. Это была уже гнусная выдумка, чтобы возбудить населеніе Парижа противъ арміи. Комуна обнародовала также, что „роялистскіе заговорщики напали на національную гвардію, и такъ какъ армія не хотѣла сражаться противъ нихъ, то пустила въ дѣло папскихъ зуавовъ и императорскую полицію, а шуаны Трошю бомбардировали беззащитную деревню Нёльи". Поэтому, „принимая во вниманіе, что версальцы начали междоусобную войну и убили дѣтей и женщинъ", комуна отдавала подъ судъ Тьера, Фавра, Пикара, Дюфора, Симона и Потюо и предписывала конфисковать ихъ имущество. Въ тотъ же день комуна издала декретъ, относящійся до церкви. Принимая во вниманіе, что первый основной принципъ республики—свобода совѣсти и, въ особенности, что налогъ въ пользу духовенства противенъ этому принципу, потому что заставляетъ гражданъ платить за обряды, въ которые они не вѣрятъ, и что духовенство всегда дѣйствовало за-одно съ монархіею противъ свободы, комуна постановляла отдѣлить церковь отъ государства, прекратить отпускъ всякихъ суммъ на духовенство и объявить всѣ церковныя имущества народной собственностью.

Неудача перваго столкновенія 2-го апрѣля не расхолодила комунаровъ; на другой же день значительный отрядъ ихъ, въ 30.000, двинулся къ Мон-Валерьену, подъ начальствомъ Густава Флуранса. Часть ихъ заняла Рюэль, Буживаль, Нантеръ и Курбвуа. Версальскія войска выбили ихъ изъ этихъ мѣстечекъ, разрушивъ устроенныя ими барикады. Предводитель войскъ комуны, Флурансъ, погибъ въ этотъ же день. Это была замѣчательная, высоко даровитая личность. Сынъ знаменитаго физіолога—натуралиста, онъ блистательно кончилъ курсъ наукъ въ колегіи Людовика-Великаго. 25-ти лѣтъ онъ уже былъ професоромъ естественной исторіи во французской колегіи, гдѣ занялъ каѳедру Кювье и читалъ исторію человѣческихъ расъ. Лекціи Флуранса имѣли огромный успѣхъ между молодежью, но въ то же время католическіе органы обвиняли его въ томъ, что онъ возстаетъ противъ религіи, церкви и власти вообще. Университетъ закрылъ лекціи молодого професора. По смерти своего отца, онъ имѣлъ полное право занять его мѣсто на каѳедрѣ физіологіи. Встрѣтивъ отказъ въ своемъ справедливомъ желаніи, онъ обратился съ просьбой къ Луи-Наполену, но тотъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права вмѣшиваться въ назначеніе професоровъ, а министръ просвѣ-

щенія отказался положительно дать ему каѳедру. Тогда Флурансъ оставилъ Францію и переселился въ Бельгію, гдѣ напечаталъ свои лекціи подъ названіемъ „Исторія человѣка". Въ то же время его публичныя чтенія въ Брюсселѣ, Антверпенѣ, Литтихѣ имѣли огромный успѣхъ. Но и тамъ іезуиты преслѣдовали ученаго за его смѣлыя идеи. Онъ отправился въ Константинополь, гдѣ также читалъ лекціи и писалъ статьи въ газетѣ „Courrier d'Orient". Статьи эти, въ которыхъ онъ проповѣдовалъ братство между всѣми восточными расами, произвели такое впечатлѣніе, что правительство приказало прекратить ихъ. Основанная имъ газета „Etoile d'Orient" была также запрещена. Флурансъ уѣхалъ въ Аѳины, гдѣ правительство запретило ему говорить на площадяхъ, и онъ перенесъ свою дѣятельность во французскую газету „Indépendance hellénique". Въ это время вспыхнуло возмущеніе на островѣ Кандіи. Съ горстью молодыхъ грековъ Флурансъ отправился на островъ, гдѣ впродолженіе цѣлаго года раздѣлялъ всѣ опасности и лишенія съ героическими горцами, страдая отъ холода и голода. Онъ писалъ оттуда кореспонденціи въ Европу, возбуждая вездѣ участіе къ кандіотскимъ инсургентамъ. Въ 1868 году, во время общихъ выборовъ въ греческій парламентъ, кандіоты послали въ Аѳины депутацію, выбравъ Флуранса ея главою, но по прибытіи ихъ въ Аѳины, министръ Булгарисъ ночью арестовалъ Флуранса и отправилъ его къ французскому посланнику, который заперъ его на французскомъ пакетботѣ. Депутація же была насильно отправлена обратно въ Кандію. Печать и общественное мнѣніе возстали противъ этого нарушенія народнаго права, и Флурансъ, отвезенный въ Марсель, выпущенъ былъ тамъ на свободу. Не повидавшись даже съ семьей, онъ въ тотъ же день отправился въ Аѳины и продолжалъ тамъ писать противъ министерства Булгариса; но, принужденный оставить столицу Греціи, удалился въ Неаполь, гдѣ за одну статью въ газетѣ „Popolo d'Italia" его арестовали и заперли въ тюрьму. Выпущенный оттуда въ концѣ 1868 года, онъ вернулся въ Парижъ и тотчасъ же началъ дѣйствовать противъ императорскаго правительства. Приговоренный къ трех-мѣсячному тюремному заключенію за составленіе сходокъ въ Бельвилѣ, онъ, выйдя изъ тюрьмы, дрался на дуэли съ бонапартистскимъ браво Кассаньякомъ и былъ опасно раненъ. Заботы матери спасли ему жизнь. Онъ началъ писать въ газетѣ „Rappel" статьи „Армія и народъ", въ которыхъ проповѣдовалъ солдатамъ республиканскія идеи. Когда газета была запрещена, онъ перенесъ свои статьи въ „Марсельезу" Рошфора. Послѣ убійства Виктора Нуара Пьеромъ Бонапарте, Флурансъ употребилъ всѣ усилія, чтобы тѣло писателя было привезено на кладбище Лашеза мимо Тюльери, съ цѣлью поднять народъ противъ убійцъ и имперіи, но Рошфоръ, узнавъ, какія страшныя приготовленія сдѣлалъ Канроберъ для подавленія манифестаціи, успѣлъ съ помощью Делеклюза похоронить Нуара въ Нёльи. Ра-

зойдясь вслѣдствіе этого съ Рошфоромъ, Флурансъ попытался 7-го февраля 1870 года произвести возстаніе въ Бельвилѣ, захватилъ на одной сходкѣ полицейскаго комисара, но, не поддержанный толпою, долженъ былъ скрыться и бѣжалъ въ Англію. Обвиненный въ намѣреніи убить Луи-Наполена, онъ былъ заочно приговоренъ судомъ къ ссылкѣ. Это не удержало его еще отъ нѣскольких попытокъ произвести республиканскія возстанія. Министръ Оливье назначилъ цѣну за его голову. Флурансъ отправился опять въ Аѳины, гдѣ правительство поспѣшило выдать его по требованію французскаго посланника, но народъ вступился за изгнанника и онъ отправился опять во Францію, которую въ это время наводнили нѣмецкіе полки. Въ концѣ августа онъ прибылъ черезъ Женеву въ Жексъ, гдѣ его приняли за прусскаго шпіона и онъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ революцію 4-го сентября. Кремьё далъ приказаніе выпустить его, и онъ явился въ Парижъ 8-го сентября. Недовольный дѣйствіями правительства національной обороны, онъ сформировалъ въ Бельвилѣ пять баталіоновъ вольныхъ стрѣлковъ и съ помощью ихъ задумалъ прежде всего низвергнуть правительство. 31-го октября онъ, вмѣстѣ со своими стрѣлками и толпою народа, явился въ ратушу, гдѣ засѣдали нѣкоторые члены правительства, и провозгласилъ его низверженіе и образованіе временного комитета общественной безопасности изъ Бланки, Доріана, Делеклюза, Мильера, Ранвье и самого Флуранса. Но Трошю и Ферри отправили батальоны національныхъ гвардейцевъ и бретонскихъ мобилей, очистить ратушу отъ непрошенныхъ гостей, и только что составившійся комитетъ принужденъ былъ капитулировать съ правительствомъ національной обороны, тѣмъ болѣе, что его батальоны проникли въ ратушу черезъ подземный ходъ и окружили залу, гдѣ засѣдалъ комитетъ, уже начавшій разсылать свои приказанія мерамъ и войску. Членовъ комитета выпустили изъ ратуши, обѣщали ихъ не тревожить, произвести новые выборы, но потомъ начали захватывать по-одиночкѣ. 7-го декабря Клеманъ Тома арестовалъ Флуранса и заперъ его въ Мазасъ, но вольные стрѣлки, бывшіе подъ его командой, освободили его ночью 22-го января 1871 года. Скрываясь отъ преслѣдованія полиціи, онъ написалъ брошюру „Paris livré“ и 10-го марта былъ заочно приговоренъ къ смерти, а 26-го избранъ въ члены комуны, по военной комисіи. Произведенный въ полковники, онъ получилъ 2-го апрѣля приказаніе идти на Версаль, въ главѣ федералистовъ. Соединившись, въ 4 часа утра, съ генераломъ Бержере въ Рюэлѣ, Флурансъ выстроилъ тамъ барикады, сражался отчаянно противъ значительно сильнѣйшаго непріятеля, и когда отрядъ Бержере отступилъ, громимый пушками Мон-Валерьена, Флурансъ, захваченный версальцами, былъ убитъ поручикомъ Демаре. О смерти его разсказывали различно. Мы приведемъ свидѣтельство безпристрастнаго очевидца этихъ печальныхъ событій, Леонса Дюпона.

Когда дивизія генерала Винуа выступила на равнину Рюэля, она

была покрыта отдѣльными групами федералистовъ. Винуа далъ по нимъ залпъ изъ пяти орудій и потомъ приказалъ кавалеріи очистить равнину. Федералисты тотчасъ разсѣялись, прячась по лугамъ, огородамъ и за отдѣльными домиками. Отрядъ, отправлявшійся въ деревеньку Рюэль, началъ обыскивать всѣ дома, забиралъ скрывшихся тамъ инсургентовъ и соединялъ ихъ въ кучки для отправленія въ Версаль. Изъ одного домика, гдѣ производилась продажа вина, въ жандармовъ выстрѣлили изъ револьвера. Они бросились въ домъ и въ первой же комнатѣ нашли высокаго блѣднаго человѣка съ непокрытой головою, въ наглухо застегнутомъ пальто и высокихъ сапогахъ. Его схватили и потащили съ лѣстницы къ начальнику отряда, сидѣвшему на лошади у крыльца дома. Взятый въ плѣнъ не сопротивлялся, но такъ какъ жандармы били и толкали его по дорогѣ, онъ обратился къ начальнику со словами: „Г. офицеръ, прикажите обращаться со мною по-человѣчески! вѣдь подло бить безоружнаго человѣка“.—„Это ты, подлецъ! вскричалъ одинъ жандармъ: ты стрѣлялъ въ насъ изъ окна!“ Другой жандармъ прибавилъ: „я знаю его! Это Флурансъ“. И прежде чѣмъ несчастный могъ сказать слово, поручикъ Демаре вскричалъ въ свою очередь: „а! такъ ты стрѣляешь въ моихъ жандармовъ? и еще жалуешься!“ и страшнымъ ударомъ сабли онъ разсѣкъ ему голову. Флурансъ упалъ на землю, обливаясь кровью, въ предсмертныхъ судорогахъ. Другой жандармъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ и прекратилъ его страданія. Въ то же время изъ дому вытащили и другого плѣнника, раненаго сабельными ударами жандармовъ. Это былъ итальянецъ Кипріани, секретарь Флуранса. Въ карманахъ убитаго нашли письмо его матери и телеграму исполнительной комисіи: „не приближайтесь къ Мон-Валерьену: намъ измѣнили“. Трупъ Флуранса бросили въ телѣгу и привезли въ Версаль, куда пригнали и всѣхъ, захваченныхъ въ плѣнъ комунаровъ. „Элегантная эмиграція Версаля“, говоритъ Леонсъ Дюпонъ, „вымѣщала на этихъ несчастныхъ весь страхъ и всѣ опасенія, какія она пережила въ эти два дня. Она встрѣчала плѣнныхъ оскорбленіями, ругательствами, даже побоями. Ихъ всѣхъ заперли на ночь въ сарай военнаго госпиталя, вмѣстѣ съ трупомъ Флуранса“. Такъ погибъ этотъ выдающійся членъ комуны, самый даровитый и искренній изъ всѣхъ своихъ товарищей. Энтузіастъ и фанатикъ, получавшій до 100.000 франковъ годового дохода, онъ пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ, блестящею будущностью, наукою, семьею, для осуществленія своего идеала,—эмансипаціи пролетарія и всемірной республики. Этой идеѣ принесъ онъ въ жертву и свою жизнь, погибнувъ ужасною смертью на 33-мъ году. Узнавъ о своемъ несчастьи, его старая мать пріѣхала изъ Парижа, требуя хоть трупъ своего сына; но его поспѣшили уже зарыть на версальскомъ кладбищѣ. Съ большимъ трудомъ удалось ей выпросить позволеніе перевезти дорогой ей трупъ въ фамильный склепъ на кладбищѣ Лашеза. Этотъ печальный обрядъ

ей позволили совершить только глубокой ночью, изъ опасенія манифестацій. Поручика Демаре, убійцу безоружнаго непріятеля, правительство произвело за его подвигъ въ капитаны.

Пользуясь паникою, произведенною въ рядахъ инсургентовъ, версальцы въ ту же ночь захватили Шатильонъ. Занимавшіе его федералисты не приняли даже самыхъ обыкновенныхъ предосторожностей, не выставили аванпостовъ и не оградили своихъ фланговъ. Лишенные поэтому возможности защищаться, полторы тысячи національныхъ гвардейцевъ сдались безусловно со всѣми пушками и ружьями. Командовавшій ими генералъ Дюваль, на котораго комуна возлагала также много надеждъ, былъ тотчасъ же разстрѣлянъ на мѣстѣ, гдѣ его взяли. Эти сраженія обезпечили Версаль отъ неожиданнаго нападенія федералистовъ, но въ то же время, пострадавъ отъ канонады съ фортовъ Исси и Ванва, версальцы убѣдились, что комуна обладаетъ огромною артилеріею и поэтому войти обратно въ Парижъ будетъ не такъ легко, какъ это имъ казалось сначала. Съ своей стороны комуна, испытавъ пораженіе своихъ войскъ, пришла въ ярость. Потерявъ двухъ своихъ лучшихъ предводителей, она выбрала новаго главнокомандующаго—генерала Клюзере. Еще прежде предлагала она званіе начальника парижской національной гвардіи—Гарибальди. Но тотъ отвѣчалъ съ Капреры учтивымъ отказомъ, ссылаясь на то, что въ настоящемъ положеніи Франціи необходимо сосредоточить всю власть въ однѣхъ рукахъ и что предводитель войскъ не можетъ зависѣть отъ комитета, управляющаго его движеніями. Онъ рекомендовалъ имъ выбрать Виктора Гюго, Луи Блана, Феликса Піа, Эдгара Кине или, наконецъ, генераловъ Кремера и Бильо; но комуна остановила свой выборъ на Клюзере. Это было лицо также давно извѣстное въ революціонныхъ кружкахъ. Ему было уже сорокъ восемь лѣтъ. Сынъ полковника, онъ служилъ сначала въ мобиляхъ, потомъ въ Африкѣ дрался съ кабилами, но скоро вышелъ въ отставку и, поступивъ волонтеромъ въ войско Гарибальди, сражался подлѣ него за освобожденіе Италіи. По завоеваніи Неаполя и Сициліи, онъ состоялъ въ главномъ штабѣ итальянской арміи, но оставилъ ее и, въ 1861 году, отправился въ Америку сражаться противъ рабовладѣльцевъ. Адъютантомъ Мак-Клелана онъ получилъ на полѣ сраженія чинъ полковника, потомъ генерала. По окончаніи войны, онъ основалъ въ Нью-Іоркѣ газету для поддержанія кандидатуры генерала Фремонта въ званіе президента республики; но послѣ избранія Гранта вернулся въ Европу, чтобы принять участіе въ феніанскомъ возстаніи. Подъ именемъ Аулифа, онъ участвовалъ въ 1867 году въ нападеніи на замокъ Честеръ. Англійскій судъ приговорилъ его за это къ смерти, хотя онъ и протестовалъ въ газетахъ, увѣряя, что не участвовалъ въ атакѣ. Тогда онъ переѣхалъ во Францію и печаталъ въ „Courrier Français" замѣчательныя статьи о положеніи Соединенныхъ-штатовъ. Въ слѣдующемъ году онъ основалъ свою

газету „L'Art“ и за статьи въ ней былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ сошелся съ главными лицами интернаціонали. Въ 1869 году рѣзкія статьи противъ организаціи арміи въ газетахъ „Democratie“, „Rappel“ и „Tribune“, собранныя имъ потомъ въ отдѣльную книгу подъ названіемъ „Армія и Демократія“, послужили поводомъ къ новому осужденію его на тюремное заключеніе, но такъ какъ онъ былъ американскимъ гражданиномъ, то посланникъ Соединенныхъ-штатовъ потребовалъ его освобожденія; его только выслали изъ Франціи. Въ 1870 году, во время процеса интернаціонали, на судѣ было прочтено письмо Клюзере, въ которомъ онъ предсказывалъ паденіе имперіи. 4-го сентября, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ вступилъ въ редакцію „Марсельёзы“, гдѣ напечаталъ такую рѣзкую статью противъ правительства національной обороны, что Рошфоръ долженъ былъ въ открытомъ письмѣ объявить, что не раздѣляетъ мнѣній своего сотрудника. Клюзере оставилъ Парижъ и отправился въ Ліонъ, гдѣ участвовалъ въ возстаніи 28-го сентября. Потомъ въ Марсели онъ организовалъ комуну и провозгласилъ себя военнымъ начальникомъ южной Франціи. Не выбранный въ національное собраніе, онъ явился на выборы комуны 26-го марта, но также не былъ избранъ. Несмотря на это, члены комуны назначили его 3-го апрѣля генераломъ и онъ адресовалъ „парижскому народу“ прокламацію, въ которой говорилъ, что „вандейцы Шарета и агенты Піетри разстрѣливаютъ плѣнниковъ, убиваютъ раненыхъ и стрѣляютъ въ перевязочные пункты“. Это было, конечно, преувеличеніе, такъ какъ ни вандейцы, ни папскіе зуавы, ни шуаны, ни бретонцы Трошю, о которыхъ упоминала каждая прокламація комуны, не входили въ составъ версальской арміи, но въ то же время генералъ Галифе въ своихъ приказахъ велѣлъ разстрѣливать на мѣстѣ крестьянъ, сражавшихся противъ солдатъ. Озлобленіе враждующихъ сторонъ было дѣйствительно такъ сильно, что страшныя жестокости совершались и комунарами, и версальцами.

Клюзере издалъ приказъ насильно брать въ батальоны всѣхъ неженатыхъ гражданъ отъ 17-ти до 35-ти лѣтъ. Черезъ день, новымъ декретомъ обязательная служба въ батальонахъ была продолжена до 40 лѣтъ и въ нее привлекались и женатые. 6-го апрѣля вышла новая драконовская прокламація комуны. Каждое лицо, виновное въ сношеніи съ версальскимъ правительствомъ, немедленно заключалось въ тюрьму, судилось присяжными и, если было обвинено, оставалось заложникомъ парижскаго народа. Затѣмъ, за всякою казнью версальцами военноплѣннаго или приверженца комуны опредѣлялось казнить троихъ изъ этихъ заложниковъ по жребію. Военноплѣнные версальцы поступали также въ число заложниковъ. Въ то же время комуна попыталась войти въ сношеніе съ иностранными державами, но циркуляръ, отправленный Пашалемъ Груссе къ представителямъ иностранныхъ дворовъ въ Парижѣ, остался безъ отвѣта. 7-го апрѣля комуна отправила въ департаменты декларацію, объяснявшую инсу-

рекціонныя движенія, обвинявшую версальское правительство. Но, возвѣщая наступленіе царства свободы, комуна принимала въ то же время самыя деспотическія мѣры: запрещала сходки на биржѣ, запретила три газеты: „Débats“, „Constitutionnel“ и „Paris-Journal“, закрывала церкви для богослуженія и разрѣшала открывать въ нихъ клубы, гдѣ произносились невозможныя рѣчи и предлагались самыя крайнія мѣры. Національный гвардеецъ, осмѣлившійся отказываться отъ обязанностей службы, или сражаться за отечество, лишался всѣхъ гражданскихъ правъ. Приверженцы комуны останавливали на улицахъ молодыхъ людей, осматривали экипажи, врывались въ омнибусы и насильно вербовали въ гвардію нераздѣлявшихъ мнѣній комуны и не желавшихъ драться за нее. Въ то же время всѣ городскія заставы строго охранялись и изъ Парижа нельзя было никому уйти иначе какъ тайно, ночью, спускаясь со стѣнъ, переодѣваясь, или посредствомъ какой нибудь хитрости. Доходило до того, что лица, преслѣдуемыя комуною, ложились въ гробы и ихъ выносили подъ видомъ покойниковъ на кладбище въ Иври.

Декреты разныхъ комисій или министерствъ комуны противорѣчили одинъ другому. 6-го апрѣля уничтожалось званіе генерала въ войскахъ комуны и начальникомъ этихъ войскъ назначался полякъ Домбровскій, вмѣсто потерпѣвшаго пораженіе Бержере, а черезъ нѣсколько дней Клюзере въ офиціальномъ журналѣ назначалъ жалованье бригаднымъ и дивизіоннымъ генераламъ. Раненымъ при защитѣ „народныхъ правъ“ назначалась пенсія въ 1.200 фр., половина—ихъ вдовамъ, а дѣтямъ законнымъ или нѣтъ—365 фр. Отъ 6-го до 10-го апрѣля версальская армія была въ постоянной тревогѣ, потому что федералисты не переставали громить своею артилеріею пункты, занятые арміею; южные форты стрѣляли безпрерывно, тратя огромное число зарядовъ. Шатильонъ, Кламаръ, Мёдонъ, Севръ, Бельвю были засыпаны ядрами. Несмотря на это, версальцы съ каждымъ днемъ, хотя и незамѣтно, подвигались къ Парижу. 7-го апрѣля Клюзере издалъ новую прокламацію, адресованную національной гвардіи, касающуюся странной стороны французскаго тщеславія. „Граждане,— говорилъ онъ въ этой прокламаціи,—я замѣчаю съ горестью, что мы забываемъ наше скромное происхожденіе: съ каждымъ днемъ начинаетъ увеличиваться у насъ смѣшная страсть къ галунамъ, нашивкамъ, ленточкамъ, аксельбантамъ“. Поэтому всѣмъ офицерамъ строго запрещалось прибавлять какія нибудь украшенія къ своему мундиру. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ галуновъ, одинъ изъ баталіоновъ XI-го округа вздумалъ уничтожить гильотину. Онъ отправился въ улицу Фоли-Мерикуръ, гдѣ хранилось это изобрѣтеніе первой республики, и при рукоплесканіяхъ толпы разбилъ его на куски, а деревянныя части сжегъ на кострѣ. Третья республика, въ обѣихъ формахъ ея— версальскомъ собраніи и парижской комунѣ — дѣйствительно никого не гильотинировала, но зато разстрѣляла множество народа. Войны

между одноплеменниками, а тѣмъ болѣе междуусобныя, бываютъ самыя безпощадныя и жестокія.

Послѣ первыхъ вооруженныхъ столкновеній между національнымъ собраніемъ и комуной четыре члена собранія, парижскіе депутаты Разуа, Флоке, Локруа и Мильеръ вышли въ отставку. Трое послѣднихъ написали президенту собранія колективное письмо, въ которомъ говорили, что они сдѣлали все возможное, чтобы остановить междуусобную войну, но, не успѣвъ въ этомъ, считаютъ, что мѣсто ихъ, какъ представителей Парижа, не въ Версалѣ. „Теперь, прибавляли они, наша единственная обязанность, какъ гражданъ, состоитъ въ томъ, чтобы, согласно съ нашей совѣстью, защищать угрожаемую республику". И они такъ стали защищать ее въ парижскихъ газетахъ, что версальскіе органы подняли громкіе крики. Министръ юстиціи прочелъ съ трибуны статьи Локруа, редактора газеты „Rappel", и Мильера—въ „Monument". Локруа прямо говорилъ: „Это положеніе вещей не можетъ продолжаться: надо, чтобы собраніе уступило. Оно побудило народъ двинуться на Монмартръ. Оно своимъ сопротивленіемъ длитъ кризисъ. Оно возбудило междуусобную войну". Дюфоръ объявилъ, что если бы Локруа не вышелъ въ отставку, противъ него было бы начато судебное преслѣдованіе. Генералъ Бильо, членъ собранія, рекомендованный Гарибальди въ начальники войскъ комуны, заявилъ съ трибуны, что если федералисты имѣютъ къ нему такую довѣренность, то онъ не имѣетъ къ нимъ никакой и считаетъ своимъ долгомъ „предать позору преступниковъ, которые, на глазахъ пруссаковъ, стараются довершить разореніе страны и, составляя подонки общества, безъ имени и отечества, обманываютъ не знающихъ дѣла, терроризируютъ слабыхъ, стараются обезславить республику". Генералъ почувствовалъ необходимость сдѣлать это заявленіе передъ своими ратными товарищами, „которые сражаются съ такою храбростью, защищая всеобщую подачу голосовъ—нашъ послѣдній якорь спасенія". Это генеральское краснорѣчіе обнаруживало, въ громкихъ фразахъ, отчаяннаго бонапартиста съ его якоремъ—всеобщимъ голосованіемъ, которое еще такъ недавно милліонами голосовъ темной массы одобряло и войну съ Пруссіей, и императорскій деспотизмъ. Но краснорѣчіе другого ратнаго товарища, генерала Галифе, пахло не фразами, а кровью. Онъ объявлялъ въ своей прокламаціи, что „война объявлена парижскими шайками, которыя убиваютъ моихъ солдатъ. Я также объявляю войну безо всякой пощады этимъ убійцамъ. Сегодня утромъ я далъ имъ урокъ, да будетъ онъ имъ спасительнымъ!" Урокъ этотъ заключался въ разстрѣляніи сдавшагося въ плѣнъ генерала Дюваля и его сподвижниковъ. Изданная въ Шату, прокламація эта предупреждала жителей, „въ интересахъ ихъ безопасности, что лица, давшія у себя пріютъ врагамъ собранія, подлежатъ военному суду". Впадая въ тонъ своего генерала, собраніе приняло безъ всякихъ возраженій и преній законопроектъ Дюфора объ упрощеніи

и сокращеніи судопроизводства въ военныхъ судахъ. На мѣстѣ невозможно было разстрѣливать всѣхъ плѣнныхъ, и въ сараяхъ бывшей саторійской фермы было ихъ въ это время уже болѣе 1100 человѣкъ.

Понятно, что такой образъ дѣйствій вызвалъ крайнія мѣры къ комунѣ. Многочисленные аресты, болѣе всего между духовенствомъ, были произведены отъ 3-го по 16-е апрѣля. Взяты были заложниками—архіепископъ Дарбуа, Крозъ, священникъ Лароветской тюрьмы, Дегерри, священникъ церкви Магдалины; начальники: іезуитскаго дома, семинаріи; викарій, патеры 26-ти закрытыхъ церквей и др. Комуна, желая воспользоваться своимъ закономъ о заложникахъ, предложила обмѣнять Дарбуа на Бланки, захваченнаго версальцами. Правительство отказало на-отрѣзъ, хотя знало, что раздраженная комуна не станетъ церемониться даже съ архіепископомъ. Между захваченными были и писатели, и одному изъ нихъ, Дарденну, пришлось, для своего спасенія, пожертвовать желудкомъ. Какъ секретарь перевязочнаго пункта, устроеннаго журналистами, онъ смѣло переѣзжалъ изъ Парижа въ Версаль и обратно, надѣясь на то, что его охранитъ повязка Краснаго креста. Но однажды его остановили на заставѣ и сказали, что отправятъ для допроса къ начальнику полиціи, Раулю Риго. По дорогѣ онъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ рѣзкая статья противъ комуны, предназначенная въ одинъ изъ журналовъ. Опасаясь обыска, онъ рѣшился истребить статью, но такъ какъ и разорванные кусочки могли изобличить ея преступное содержаніе, бѣднякъ придумалъ—съѣсть статью, и во всю дорогу, отрывая отъ нея кусочки, незамѣтно клалъ ихъ въ ротъ и разжевывая проглатывалъ. А статья была въ десятокъ страницъ, полныхъ, на толстой бумагѣ! Дарденнъ былъ обвиненъ комуною въ измѣнѣ за то, что, по обязанности члена Краснаго креста, помогалъ раненымъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму, но съ помощью друзей ему удалось вскорѣ бѣжать, что спасло его отъ печальной участи остальныхъ заложниковъ.

Попытки примирить воюющія стороны все еще не прекращались. Въ Версаль являлись депутаціи отъ комерческаго синдиката, отъ „парижской лиги“. Тьеръ принималъ ихъ, повторялъ, что республика будетъ сохранена, но требовалъ, чтобы комуна разошлась—и тогда казнены будутъ только ея генералы и начальники. Эта перспектива казней, даже и въ случаѣ покорности, не могла успокоить взволнованные и раздраженные умы, начинавшіе волноваться и въ другихъ мѣстахъ. Попытки возстанія обнаружились въ Марсели, Тулузѣ, Бордо и Лиможѣ. Въ послѣднемъ городѣ инсургенты убили полковника Билье, котораго пощадили пули Рейхсгофена и Вильерсекселя. Префектъ департамента верхней Вьенны былъ обвиненъ въ собраніи въ томъ, что роздалъ жителямъ 6000 ружей. Въ Марсели разстрѣляли Гастона Кремьё, сбиравшагося играть тамъ роль Мазаніелло. Тьера безпокоили эти извѣстія, но онъ не считалъ нужнымъ сообщать по-

дробности ихъ національному собранію. Даже передавая о первомъ столкновеніи арміи съ войсками комуны, онъ не говорилъ о смерти Флуранса и Дюваля. Онъ повторялъ только, что власть не откажетъ въ милосердіи тѣмъ, кто къ ней прибѣгнетъ, и что можно имѣть снисхожденіе къ заблужденію, но не къ преступленію. Вообще, чувствуя, что онъ необходимъ, онъ держалъ себя въ собраніи довольно высокомѣрно и въ законѣ объ устройствѣ муниципій, разсматриваемомъ въ собраніи, вопреки мнѣній большинства настоялъ на томъ, чтобы въ городахъ, гдѣ населеніе свыше 20.000, меры выбирались исполнительною властью. Онъ объявилъ, что сложитъ съ себя власть, если собраніе не приметъ этого предложенія. Тьеръ позволялъ себѣ даже подсмѣиваться надъ большинствомъ, и не заискивалъ больше его благосклонности, какъ въ Бордо, гдѣ давалъ торжественныя обѣщанія—возстановить монархію, лишь бы его избрали главою исполнительной власти. Въ Версалѣ онъ уже настаивалъ на поддержаніи республики, такъ какъ, по его собственному признанію, она одна могла спасти Францію. Убѣжденіе ли въ этомъ сдѣлало его изъ монархиста республиканцемъ на 75-мъ году, или желаніе играть всегда и вездѣ первенствующую роль?... Отвѣтъ на это не даетъ современная исторія. Самъ онъ, конечно, выставлялъ всегда мотивами всѣхъ своихъ поступковъ—интересы Франціи и принесъ ей, дѣйствительно, огромную пользу въ послѣдніе годы своей жизни, но первоначальная карьера его, какъ государственнаго дѣятеля, далеко не блистала либеральными принципами. Какъ министръ Луи-Филиппа, онъ защищалъ множество непопулярныхъ и нераціональныхъ мѣръ, отстаивая наслѣдственность званія пэра, сильно преслѣдовалъ республиканцевъ, подкупилъ суммами секретнаго фонда жида Дейтца, продавшаго правительству герцогиню Беррійскую, поддерживалъ драконовскіе „сентябрскіе" законы противъ печати въ 1835 году, а въ 1860 противился всѣми силами электоральной реформѣ. Соперничая съ Гизо, онъ постоянно интриговалъ противъ него, противъ Моле и вообще противъ всѣхъ министровъ, стоявшихъ въ главѣ правленія; поддерживая Мегмета-Али, онъ едва не вовлекъ Францію въ войну. Во время своего управленія онъ не пользовался популярностью и пріобрѣлъ ее только, какъ глава опозиціи, враждуя противъ правительства и доказывая въ палатѣ, какъ ошибочны и вредны всѣ мѣры внутренней и внѣшней политики, принимаемыя министерствомъ Гизо. Но когда, наканунѣ февральской революціи, министерство запретило банкеты, Тьеръ нашелъ, что необходимо подчиниться этому приказанію, и только предлагалъ, чтобы опозиція колективно подала въ отставку. Призванный королемъ въ ночь на 24-е февраля, чтобы составить съ Одилономъ Барро новое министерство, онъ издалъ прокламацію къ гражданамъ Парижа съ девизомъ: „свобода, порядокъ, соединеніе, реформы". Но на другое утро, осыпанный оскорбленіями толпы, явился въ палату только для того, чтобы сказать, что больше нельзя ничего сдѣлать. Когда была

провозглашена республика, онъ заявилъ временному правительству, что присоединяется къ ней, и явился кандидатомъ въ учредительное собраніе, но, забалотированный на большихъ выборахъ, попалъ въ него только въ іюнѣ. Вотируя за кандидатуру Кавеньяка, онъ сдѣлался главою правой стороны, но въ декабрѣ поддерживалъ кандидатуру Луи-Наполеона и, когда Биксіо напомнилъ ему его прежнія слова, что „подобное избраніе будетъ стыдомъ для Франціи", онъ отказался отъ этихъ словъ и вызвалъ Биксіо на дуэль, ничѣмъ, впрочемъ, неокончившуюся. Въ 1850 году Тьеръ вотировалъ за римскую экспедицію, закрытіе клубовъ и выборный законъ 31-го мая. Во всѣхъ рѣчахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ стоя въ главѣ коалиціи, враждебной республикѣ, онъ преслѣдовалъ ее „безопасными эпиграмами", какъ ихъ называлъ Ламартинъ, и всѣми силами поддерживалъ всякую реакціонную или строгую мѣру. Арестованный 2-го декабря 1851 г., Тьеръ былъ запертъ въ Мазасъ, потомъ высланъ за-границу и только въ августѣ 1852 года получилъ разрѣшеніе вернуться во Францію.

Одиннадцать лѣтъ жилъ онъ частнымъ человѣкомъ, занимаясь только историческими трудами. Въ 1863 году онъ рѣшился, наконецъ, явиться въ палату кандидатомъ опозиціи и былъ избранъ, несмотря на происки министра Персиньи. Лучшія рѣчи его въ эту эпоху обнаруживали нелѣпость правительственныхъ мѣръ по отношенію къ внѣшней политикѣ, хотя въ то же время онъ постоянно отстаивалъ необходимость такой мѣры, какъ занятіе Рима. Но онъ вѣрно указывалъ на опасность для Франціи усиленія Пруссіи и, говоря о политическомъ положеніи Франціи, произнесъ фразу, сдѣлавшуюся знаменитою: „теперь намъ уже не остается дѣлать больше никакихъ промаховъ". Въ 1869 году онъ явился самымъ пламеннымъ противникомъ комерческимъ трактатамъ, основаннымъ на принципахъ свободной торговли; ярымъ протекціонистомъ онъ былъ, впрочемъ, всю свою жизнь. Противникъ плебисцита и войны съ Прусіей, онъ подвергся сильнымъ оскорбленіямъ въ палатѣ за эту опозицію, а парижскіе избиратели протестовали противъ своего депутата, называя съ негодованіемъ его поведеніе „анти-французскимъ, анти-національнымъ и анти-политическимъ" и требуя, чтобы онъ подалъ въ отставку. Чернь перебила даже стекла въ его домѣ и бросала въ него камнями. Во время войны онъ внимательно слѣдилъ за всѣми ея перипетіями и посылалъ изъ Трувиля стратегическія замѣтки Луи-Наполеону, который, конечно, ими не воспользовался. 4-го сентября онъ предлагалъ въ законодательномъ собраніи учредить комисію національной обороны, но народное негодованіе уничтожило и собраніе, и имперію. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ предложеніе временного правительства и отправился просить о вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ, для заключенія мира, но ни въ Лондонѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Вѣнѣ, ни во Флоренціи не рѣшились принять сторону націи, испытавшей такое страшное пораженіе. Вернувшись въ Туръ,

Тьеръ былъ посланъ къ Бисмарку—съ просьбою о заключеніи перемирія для избранія національнаго собранія и долженъ былъ принять всѣ тяжелыя условія побѣдителей. Его заботы о спасеніи Франціи были вполнѣ оцѣнены страною и 26 департаментовъ выбрали его членомъ собранія, которое въ свою очередь почти единогласно избрало его главою исполнительной власти съ правомъ назначенія министровъ.

Принужденный заключить миръ на тяжкихъ условіяхъ—потери двухъ провинцій и уплаты пяти мильярдовъ, Тьеръ сдѣлался съ тѣхъ поръ дѣйствительнымъ главою государства, управляя всѣми его отраслями и учрежденіями. Въ политикѣ, финансахъ, комерціи, дипломатіи, военномъ дѣлѣ—вездѣ онъ игралъ первенствующую роль, за все принималъ на себя отвѣтственность. Но главною страстью его было всегда командовать арміею, передвигать войска и разъигрывать роль Наполеона. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ его исторію и критически разобралъ его походы и стратегическіе планы, онъ считалъ себя военнымъ геніемъ, по крайней мѣрѣ равнымъ Наполеону по дарованію. Теперь обстоятельства представляли ему возможность осуществить свои планы, и онъ, конечно, не могъ упустить такого случая. Занявшись сначала реорганизаціею арміи, сильно разстроенной неслыханными пораженіями и плѣномъ въ Германіи, онъ не торопился освободить парижанъ отъ комуны, составляя планы новой осады Парижа, которая должна была прославить его имя. Генералъ Винуа, командующій версальскою арміей, давно уже замѣтилъ, что Тьеръ больше высказываетъ свои мнѣнія, нежели выслушиваетъ его предложенія. Винуа все еще совѣтовалъ овладѣть Парижемъ посредствомъ быстраго, внезапнаго нападенія, тогда какъ Тьеръ чертилъ планы правильной осады. Неудача монмартрской экспедиціи, предпринятой генераломъ Винуа, не распологала къ возобновленію подобныхъ попытокъ, и Винуа не пользовался расположеніемъ солдатъ уже и потому, что подписалъ капитуляцію Парижа, хотя въ стратегическомъ отношеніи его отступленіе отъ Седана съ 33.000 корпусомъ, спасшимся отъ пораженія, было весьма замѣчательно. Не сходясь по этому во взглядахъ съ Винуа, Тьеръ рѣшился замѣнить его и выбралъ Мак-Магона. Герцогъ маджентскій только что вернулся въ Парижъ изъ Висбадена, гдѣ онъ провелъ шесть мѣсяцовъ своего плѣна. 18-го марта, узнавъ о бѣгствѣ правительства въ Версаль, Мак-Магонъ легъ однажды спокойно спать, но получилъ ночью отъ своего друга, военнаго министра Лефло,—записку о немедленномъ оставленіи Парижа и въ 5 часовъ утра уѣхалъ въ Версаль, а въ 8 комуна явилась уже въ его отель и, не найдя тамъ маршала, заняла его домъ военнымъ постоемъ. Въ первый день святой недѣли Тьеръ послалъ за Мак-Магономъ и сказалъ, что назначаетъ его главнокомандующимъ версальскою арміей. Маршалъ замѣтилъ, что товарищъ его, генералъ Винуа, не можетъ служить подъ его коман-

дою, когда самъ былъ главнымъ начальникомъ. Тогда Тьеръ оставилъ подъ начальствомъ Винуа шестой резервный корпусъ арміи, а командованіе надъ пятью корусами поручилъ Мак-Магону. Еще одно маленькое обстоятельство мѣшало маршалу принять командованіе. Рана, полученная имъ при Рейхсгофенѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается спина, не позволяла ему сѣсть на лошадь. Сколько разъ въ жизни Тьеръ самъ сожалѣлъ о томъ, что онъ не умѣетъ ѣздить верхомъ и что, если бы даже могъ носиться на конѣ передъ войсками,—его маленькая, толстенькая фигура, въ очкахъ, привѣтствующая войска тоненькимъ рѣзкимъ фальцетомъ—не возбудила бы въ нихъ ни малѣйшаго энтузіазма. Какія маленькія причины мѣшаютъ иногда великимъ подвигамъ! Это сознавали многіе, и даже Робеспьеръ, говорившій, что если бы онъ могъ выѣхать на конѣ передъ народомъ, а не былъ принужденъ идти пѣшкомъ, въ процесіи на праздникѣ въ честь верховнаго существа — то его историческая роль была бы гораздо значительнѣе. Мак-Магонъ нашелъ однако же средство усѣсться на смирнаго пони, и войска привѣтствовали сѣдого маршала, разбитаго съ такою славою при Рейхсгофенѣ и Седанѣ. Тьеръ былъ увѣренъ, что этотъ главнокомандующій приметъ всѣ его планы, какъ принималъ ихъ военный совѣтъ изъ пяти генераловъ, прикрывавшій своею отвѣтственностью всѣ военныя распоряженія Тьера. Безцвѣтность маршала и готовность его подчиняться вліянію окружающихъ его лицъ—была давно извѣстна. Болѣе всѣхъ было довольно его назначеніемъ національное собраніе, видѣвшее въ немъ опору монархіи и легитимизма. А собраніе уже и тогда высказывало свои реакціонныя стремленія, ярко выразившіяся потомъ въ низверженіи самого Тьера. И эти избранники народа удивлялись, что Парижъ и Франція смѣютъ не вѣрить ихъ преданности къ республикѣ, которую они, побѣдивъ комуну, открыто предлагали продать герцогу Бордоскому. — И будь эта послѣдняя, жалкая отрасль выродившейся династіи нѣсколько энергичнѣе—монархическая реставрація во Франціи была бы неизбѣжна вскорѣ за подавленіемъ комуны, совершенно основательно видѣвшей въ версальскомъ собраніи явныхъ враговъ республики и отечества.

Вл. З—въ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Баумгартенъ. „Передъ Варѳоломеевскою ночью" [1]).

Болѣе трехъ столѣтій прошло послѣ Варѳоломеевской ночи однако споръ относительно главныхъ виновниковъ этого страшнаго преступленія все еще не разрѣшенъ окончательно. Въ послѣдніе годы онъ снова возгорѣлся въ особенности по вопросу, уже неоднократно подвергавшемуся обсужденію и разрѣшенію то въ утвердительномъ, то отрицательномъ смыслѣ. Вопросъ въ томъ, была ли Варѳоломеевская ночь дѣломъ, рѣшеннымъ подъ вліяніемъ минуты, или это было послѣднимъ дѣйствіемъ заранѣе составленнаго плана, умно задуманнаго и схороненнаго въ глубокой тайнѣ. Вутке въ своемъ трудѣ о событіяхъ, предшествовавшихъ Варѳоломеевской ночи, разсмотрѣлъ безчисленные отзывы современниковъ и потомковъ и пришелъ къ слѣдующему выводу: всю вину слѣдуетъ приписать королевской семьѣ Франціи, а самое событіе представляетъ собой результатъ долго длившагося притворства и заговора. Въ заключеніе онъ предоставляетъ „прилежному" читателю самому добраться до того, когда начался этотъ заговоръ, кто были собственно подстрекателями, каковы были его истинныя причины и цѣли и т. д. Къ точно такому же выводу, относительно предумышленности, пришелъ и Бордье. Въ своей аргументаціи онъ главнымъ образомъ налегъ на то, чтобы доказать поддѣльность исповѣди Генриха III своему врачу Мирону. Вообще въ трудѣ этого французскаго протестанта безпристрастная критика не всегда находила себѣ мѣсто. Совершенно иначе поступилъ Баумгартенъ. Его сочиненіе не носитъ полемическаго характера, хотя кой-гдѣ онъ и наноситъ удары своимъ противникамъ; только въ прило-

---

[1]) Hermann Baumgarten. „Vor der Bartholomäusnacht."

женіи въ этой книгѣ труды Вутке и Бордье подверглись болѣе тщательному разсмотрѣнію. Вмѣсто всякой полемики, авторъ, на глазахъ читателя, воздвигаетъ въ ясныхъ и твердыхъ очертаніяхъ интересное зданіе широкой французской политики въ періодъ отъ 1570—72 годовъ. Къ этому времени относится знаменательная попытка противоиспанской политики, отмѣченная въ своемъ началѣ Сенъ-Жерменскимъ миромъ и завершившаяся кровавой Варѳоломеевской ночью. Матерьяломъ при этомъ Баумгартену послужили почти исключительно дипломатическія донесенія того времени. Въ завидной полнотѣ они сохранились до времени, непосредственно предшествовавшаго „кровавой свадьбѣ". Изо-дня въ день можно слѣдить за сношеніями величествъ Франціи съ ихъ послами при испанскомъ, англійскомъ и брюссельскомъ дворахъ. До насъ дошли также донесенія англійскихъ, испанскихъ и итальянскихъ дипломатовъ къ своимъ повелителямъ. Понятно, какъ легко можно, благодаря этому, слѣдить за намѣреніями и цѣлями запутанной, коварной политики Франціи и какъ вѣрно можетъ быть въ этомъ случаѣ сужденіе. Рѣчь ведутъ здѣсь только руководящія личности, въ рукахъ которыхъ находится окончательное рѣшеніе, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, и не достаетъ въ этомъ хорѣ. Такъ, отъ переписки Колиньи почти ничего не дошло до насъ. Но если относительно намѣреній самихъ протестантовъ, относительно событій внутри ихъ партіи и недостаетъ самаго главнаго голоса, все-таки того, что дошло, вполнѣ достаточно для рѣшенія загадки. Сравнительно съ цѣнностью этихъ подлинныхъ донесеній разсужденія тѣхъ, кто писалъ о самомъ событіи и притомъ послѣ него, представляютъ собой печальные источники. Кровавый отблескъ ужасной ночи, съ почти стихійной силой, долженъ былъ повліять на сужденіе побѣдителей и побѣжденныхъ, насильственно опредѣлить приговоръ исторіи и повредить его безпристрастію. Къ тому же религіозныя противоположенности продолжали существовать съ прежней силой, а фанатизмъ, который онѣ порождали, достаточно давалъ себя чувствовать даже въ литературномъ движеніи. Книга Баумгартена, впрочемъ, не даетъ исторіи Франціи за эти два года: ей недостаетъ для этого деталей мелкихъ событій; дѣйствіе все время вращается въ высокопоставленныхъ и даже высшихъ кругахъ. Но авторъ и не хотѣлъ дать новаго очерка этой эпохи, уже неоднократно подвергавшейся изображенію. Точно такъ же онъ обрываетъ свой разсказъ какъ разъ на роковомъ утрѣ 22-го августа, когда былъ сдѣланъ коварный выстрѣлъ въ Колиньи, а сами дѣйствовавшія и подстрѣкавшія лица очутились лицомъ къ лицу передъ рѣшительнымъ шагомъ. Но зато онъ имѣлъ преимущество дѣйствительно держать въ рукахъ всѣ нити политическаго движенія.

На первомъ планѣ всего дѣйствія, безъ сомнѣнія, стоитъ Екатерина Медичи. Отзывы о ней иностранныхъ пословъ звучатъ не всегда благосклонно: „Она не вѣритъ въ Бога", жалуется на нее однажды

папскій нунцій. Она страстна, вспыльчива, коварна, интриганка, двоязычна тамъ, гдѣ это она считаетъ необходимымъ. Къ религіознымъ и политическимъ мотивамъ она была, собственно говоря, равнодушна и строгихъ католиковъ не долюбливала, такъ же какъ и глубокихъ гугенотовъ. При всей итальянской страстности въ ней была та непріятная холодность, которая, сочувствуя всего болѣе умнымъ, но безпринципнымъ политикамъ, никогда не упускаетъ изъ виду личной выгоды. Кто зналъ ее ближе, находилъ ее вдобавокъ робкой отъ природы. Ея сынъ Карлъ IX-й уже давно достигъ совершеннолѣтія, но то, что говорили, было вполнѣ справедливо, именно, будто бы ее одну нужно принимать въ разсчетъ въ политикѣ Франціи, гдѣ она управляетъ всѣмъ. Екатерина принимаетъ пословъ наравнѣ съ своимъ сыномъ, присутствуетъ обыкновенно при всѣхъ его аудіенціяхъ, и не рѣдко Карлъ довольно точно повторяетъ то, чему научила его мать. Портретъ самого Карла IX-го, набросанный Баумгартеномъ, въ высшей степени неблагопріятенъ для короля. Испанскій посолъ сообщаетъ, что Богъ надѣлилъ его слабымъ разсудкомъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ искуснымъ притворщикомъ, но просто не установившимся, пылкимъ, страстнымъ юношей, легко подпадавшимъ чужому вліянію. Противоположныя вліянія толкали его постоянно изъ стороны въ сторону къ несчастію Франціи, которая именно въ это время нуждалась въ правительствѣ съ твердой, ясной и послѣдовательной волей. Въ это время она сдѣлала попытку освободиться отъ унизительной роли, удѣленной ей Испаніей послѣ смерти Генриха II-го, и пойти по дорогѣ, проложенной Франпискомъ I-мъ, по которой впослѣдствіи пошелъ Генрихъ IV-й, т. е. начать борьбу противъ могущества Испаніи, съ двухъ сторонъ, какъ въ желѣзныхъ рукахъ, сжимавшаго Францію. Сен-Жерменскій миръ, предоставившій протестантамъ нѣсколько укрѣпленныхъ убѣжищъ и значительную свободу въ исповѣданіи ихъ вѣры, былъ просто необходимостью: сила протестантовъ и денежныя затрудненія вынудили его у французскаго двора. Изъ донесеній, приведенныхъ у Баумгартена, видно, какъ Филиппъ испанскій и папа боролись, чтобы помѣшать этому отпаденію отъ „служенія Богу". Но личныя неудовольствія противъ Испаніи помогли французскому двору отбросить политическія соображенія. Жизненнымъ интересомъ для Екатерины были выгодные брачные союзы ея дѣтей. Между тѣмъ овдовѣвшій Филиппъ предпочелъ ея дочери Маргаритѣ Анну австрійскую, за которую неудачно сватался Карлъ IX-й. Правда, Филиппъ устроилъ затѣмъ бракъ Карла IX-го съ Елизаветой, сестрой своей жены, но въ формѣ унизительной для Франціи. Еще болѣе неудовольствія возбудило при ея дворѣ поведеніе Филиппа въ запутанныхъ сношеніяхъ по поводу брака Себастіана, молодаго короля Португаліи, съ Маргаритой французской. Это охлажденіе со стороны Франціи росло подъ вліяніемъ высокомѣрнаго поведенія испанскаго посла Алавы. Въ общемъ это былъ отличный

дипломатъ, опытный и искусный въ своихъ дѣлахъ. Его бумаги, хранящіяся въ парижской національной библіотекѣ, легли главнымъ образомъ въ основу подробнаго очерка того времени, набросаннаго Баумгартеномъ. Они принадлежатъ къ лучшимъ и наиболѣе достовѣрнымъ источникамъ.

Колеблющаяся политика Франціи все болѣе и болѣе клонилась къ серьезному разрыву съ Испаніей. Маршалъ Монморанси, родственникъ Колиньи, стоявшій во главѣ партіи политиковъ, пользовался большимъ довѣріемъ у короля. Подъ его вліяніемъ отношенія къ гугенотамъ дѣлались все болѣе и болѣе довѣрчивыми. Съ замѣчательнымъ искусствомъ эта партія стремилась посредствомъ предложеннаго брака принца Анжуйскаго (втораго брата Карла) съ дѣвственной владычицей Англіи тѣснѣе связать интересы Франціи съ дѣломъ протестантизма. Лѣтомъ 1571 года эти переговоры все еще колебались, и каждый шагъ къ сближенію съ Англіей былъ въ то же время отпаденіемъ отъ Испаніи. Этимъ же лѣтомъ Франція благосклонно стала прислушиваться къ планамъ графа Людовика Нассаускаго. Въ тайныхъ сношеніяхъ съ „ихъ величествами", онъ разъяснялъ имъ справедливость жалобъ Нидерландовъ, угнетаемыхъ Испаніей. Фландрія и Артуа были заманчивой наградой, назначенной за французскую помощь. Союзъ съ Англіей и протестантскими государями Германіи былъ, разумѣется, необходимымъ условіемъ этой помощи. Такимъ образомъ было указано на самое больное мѣсто Испаніи, гдѣ ей грозила наибольшая опасность. Въ то же время это сдѣлалось рѣшительнымъ вопросомъ для политики Франціи. Съ конца іюля 1571 года и до Варѳоломеевской ночи продолжалась борьба изъ-за рѣшенія короля въ томъ или другомъ смыслѣ. Противники напрягали всѣ свои силы; въ особенности же гугеноты. Имъ удалось привлечь на свою сторону Петруччи, флорентійскаго посла, пользовавшагося большимъ довѣріемъ у Екатерины. Благодаря ему, Колиньи былъ призванъ ко двору. Впрочемъ, гугенотовъ вообще старались привлечь ко двору для того, чтобы постепенно склонить ихъ къ католической религіи; къ этому стремилась въ особенности Екатерина. Средствомъ для этого долженъ былъ служить, между прочимъ, и бракъ Маргариты съ Генрихомъ Наваррскимъ.

Въ началѣ 1572 года, Филиппъ и папа сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы разрушить союзъ королевской дочери Франціи съ еретичнымъ государемъ. Но они ничего не достигли и могли утѣшаться только надеждой, что папа никогда не дастъ разрѣшенія на бракъ съ еретикомъ.

18-го апрѣля 1572 года, былъ подписанъ, наконецъ, оборонительный союзъ съ Англіей; это была рѣшительная побѣда анти-испанской партіи. Но тутъ событія въ Нидерландахъ вызвали кризисъ.

1-го апрѣля 1572 года, графъ Вильгельмъ де-ла Маркъ взялъ маленькую голландскую гавань Бриль съ согласія Англіи. Повсюду

въ измученныхъ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе. Теперь наступила минута, когда должно было обнаружиться, рѣшилась ли Франція разорвать съ Испаніей, или нѣтъ? Въ концѣ апрѣля Карлъ IX-й сдѣлалъ попытку освободиться отъ опеки своей матери и начать самостоятельную политику. Донесенія пословъ полны извѣстіями относительно важнаго событія—разлада между сыномъ и матерью. Гугеноты подъ рукой получили позволеніе идти на помощь къ гёзамъ. Впослѣдствіи у графа Людвига было найдено письмо короля. Здѣсь Карлъ IX-й заявлялъ, что онъ рѣшился, насколько это позволятъ обстоятельства, употребить на освобожденіе Нидерландовъ дарованныя ему Богомъ средства. По отношенію къ Испаніи увѣренія гласили, разумѣется, совершенно иначе. Французская политика въ страшныхъ противорѣчіяхъ качалась изъ стороны въ сторону. Взятіе Валансьеня и Мона (23-го и 24-го мая 1572 года) графомъ Людвигомъ сдѣлало положеніе еще болѣе критическимъ. Колиньи не переставалъ побуждать короля принять фландрскій планъ. Да и Екатерина была непрочь получить часть при раздѣлѣ плодовъ, добытыхъ безъ всякаго труда со стороны Франціи оружіемъ гугенотовъ и гёзовъ. Вдоль всей границы собирались войска. Безъ королевскаго разрѣшенія, французскіе приверженцы спѣшили на помощь возставшимъ. Недоставало только повода, чтобы открыто дать волю пламени. Въ это время приливъ анти-испанскаго направленія достигъ, пожалуй, своей высшей точки. Но тутъ посыпались одно за другимъ событія, которыя ухудшили положеніе гугенотовъ. 9-го іюня скончалась Іоанна д'Альбрэ, мать короля наваррскаго, строгая послѣдовательница протестантскаго ученія. Смерть послѣдовала не отъ яда, какъ это предполагали нѣкоторые, а отъ воспаленія легкихъ. Въ политическомъ отношеніи это событіе было очень важно, потому что ей не рѣдко приходилось помогать во многомъ гугенотамъ, совѣтомъ и деньгами. Къ тому же, несмотря на оборонительный союзъ, Елизавета отнюдь не была расположена уступить Франціи морской берегъ Фландріи. Въ это время Екатерина сдѣлала новую попытку предложить для дѣвственной королевы своего младшаго сына, рябого Алансона. Но всѣ старанія привлечь Англію на свою сторону были напрасны. Вполнѣ безнадежны были и разсчеты получить помощь изъ Германіи. Баумгартенъ набрасываетъ грустную картину положенія нѣмецкихъ протестантскихъ государей того времени. Пораженіе гугенотовъ подъ начальствомъ Жанлиса близъ Мона (17-го іюля) дало рѣшительный толчекъ. Только въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось побудить Карла къ открытому разрыву съ Испаніей, ихъ собственное положеніе было бы обезпечено. Случай былъ удобный. Екатерина въ началѣ августа отправилась къ своей больной дочери въ Лотарингію. Подавляющее вліяніе адмирала подвинуло короля такъ далеко, что дипломатическія донесенія уже гласили, будто бы рѣшено начать войну. Но тутъ вернулась королева мать, получившая вѣсть объ опасномъ

повоpотѣ дѣлъ. Уже съ конца іюня она снова высказывала болѣе сочувствія къ Испаніи. При ея робкомъ характерѣ ей не хотѣлось и слышать о войнѣ съ могучимъ сосѣдомъ. Еще разъ съумѣла она привлечь короля на свою сторону. Въ двухъ большихъ засѣданіяхъ совѣта 6-го и 9-го августа былъ рѣшенъ миръ. Доводы, приведенные противъ войны, — денежныя затрудненія, ненадежность англійской и нѣмецкой помощи,—были рѣшительны.

Но съ этихъ поръ Екатерина ненавидѣла Колиньи, человѣка, который впервые рѣшительно и серьезно подвергнулъ опасности ея вліяніе на Карла и прямо боролся противъ всей ея дѣятельности. Покуда онъ былъ въ живыхъ, нельзя было и говорить объ обращеніи Генриха Наваррскаго. Рѣшеніе убить адмирала исходило отъ нея. 22-го августа, Моревель сдѣлалъ роковой выстрѣлъ, который только ранилъ Колиньи. Дипломатическія донесенія касательно этихъ крайне важныхъ дней очень скудны, такъ что нельзя точно опредѣлить минуту, когда именно Екатерина приняла свое кровавое рѣшеніе. Баумгартенъ считаетъ въ этомъ случаѣ возможнымъ принять середину августа. Дальнѣйшія событія послѣ 22-го августа не разсказаны у него подробно. Въ числѣ другихъ донесеній авторъ приводитъ между прочимъ и то, что пишетъ папскій нунцій. „Если бы адмиралъ умеръ тотчасъ же, то другихъ бы не убили. Но, такъ какъ онъ не умеръ и Екатерина опасалась большаго несчастія, то она посовѣтовалась съ королемъ, и они рѣшили, отбросивъ стыдъ, велѣть убить его вмѣстѣ съ другими". Съ этимъ вполнѣ согласно донесеніе испанскаго посла: „Убійство этихъ гугенотовъ, знатныхъ, равно какъ и другихъ, не было сначала взвѣшено, но рѣшено вдругъ". Баумгартенъ заканчиваетъ такими словами: „Мнѣніе, будто бы все, что сдѣлало французское правительство съ августа 1570 года, было только приготовленіемъ къ 24-му августу 1572 года, это мнѣніе я устранилъ, надѣюсь, окончательно".

Гиндели. „Исторія тридцатилѣтней войны", томъ IV-й.

Четвертый томъ „Исторіи тридцатилѣтней войны" Гиндели излагаетъ битвы и запутанныя дипломатическія сношенія отъ 1621 до 1623 годовъ. Окончательнымъ результатомъ этихъ событій слѣдуетъ назвать передачу достоинства курфюрста Максимиліану Баварскому. Въ сущности только ради этой цѣли былъ изгнанъ пфальцграфъ и предпринята война противъ него и его наслѣдственной области. Чтобы разъяснить роль Бетлена Габора въ смутахъ Германіи съ конца 1620 года, авторъ впервые подвергъ тщательному изученію

богатый государственный архивъ Венгріи и архивныя сокровища, хранящіяся въ венгерской академіи наукъ. Въ приложеніи, состоящемъ изъ документовъ, находится цѣлый рядъ актовъ. Акты отчасти касаются капитуляціи Пильзена, отчасти ближе освѣщаютъ отношенія императора къ баварскому герцогу и чрезмѣрныя требованія, на которыя пфальцграфъ все еще считалъ себя вправѣ, несмотря на свое пораженіе. Во вступительномъ отдѣлѣ первой главы Гинделп даетъ отвѣтъ на вопросъ: „слѣдуетъ ли смотрѣть на тридцатилѣтнюю войну какъ на религіозную, или же какъ на политическую войну?" Въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ кругъ религіозныхъ идей господствовалъ надъ духовной и матеріальной жизнью народовъ. Въ настоящее время эту роль играетъ идея политическая и національная, а въ будущемъ, можетъ быть, она предназначена промышленному и спеціальному разсчету. Во время великой нѣмецкой войны этотъ религіозный контрастъ нерѣдко служилъ желаннымъ поводомъ для начала враждебныхъ дѣйствій, но онъ далеко не былъ достаточной причиной для войны. Жадность и властолюбіе отдѣльныхъ князей извлекли пользу изъ борьбы и стремились ее затянуть. Втеченіе войны нерѣдко случалось, что даже религіозные противники заключали другъ съ другомъ союзы для достиженія своихъ цѣлей. Споры изъ-за владѣній безпрерывно сопровождали религіозную борьбу и доставляли горючій матеріалъ, нужный для поддержки огня. Фердинандъ II-й прославляется обыкновенно, какъ защитникъ римской церкви. Между тѣмъ онъ имѣлъ въ виду исключительно расширеніе своего могущества, когда, стараясь отстранить пораженіе со стороны Франціи, отдалъ Лаузицъ на произволъ Саксоніи и этимъ нанесъ ущербъ религіознымъ интересамъ. Онъ могъ бы ихъ защищать съ гораздо большимъ успѣхомъ, если бы уступилъ Эльзасъ Франціи или снова завладѣлъ Лаузицемъ. Даже политику папы въ рѣшительные минуты опредѣляли свѣтскіе, а не религіозные интересы. Только опасность схизмы, которой грозила ему Испанія, принудила его къ уступчивости. Чтобы сломить ненавистное господство Габсбурговъ въ Италіи, онъ враждовалъ съ ними все время, пока счастье сопровождало ихъ знамена, и старался отнять у нихъ средства для борьбы противъ еретиковъ. Съ противной стороны Густавъ Адольфъ сознательно воспользовался озлобленіемъ, которое вызвалъ въ Германіи насильственный образъ дѣйствія императора, чтобы на развалинахъ габсбургскаго управленія основать свое собственное господство. Если причина войны и заключалась въ религіозныхъ контрастахъ, разъ война началась, религія во всякомъ случаѣ отошла на задній планъ, а на ея мѣсто сталъ вопросъ объ удовлетвореніи честолюбія и корыстолюбія, который и растянулъ эту войну.

Иф..лъ.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Кн. II-я. Спб. 1882. Съ приложеніемъ 4-хъ фотолитографическихъ снимковъ съ жалованныхъ грамотъ изъ семейнаго архива графа С. Д. Шереметева.

Вторая часть почтеннаго труда г. Барсукова представляетъ еще больше общаго интереса, чѣмъ первая, вышедшая въ прошломъ году. Первая возбуждаетъ много вопросовъ изъ исторіи возникновенія московскаго боярства и его судьбы при Іоаннѣ IV-мъ, вторая раскрываетъ передъ нами прошлое московскаго боярства въ многознаменательную эпоху русской исторической жизни, извѣстную подъ именемъ смутнаго времени. Это прошлое не оцѣнено безпристрастно въ нашей наукѣ, а потому представляется большинству въ совершенно превратномъ видѣ. „Вошло въ обычай — скажемъ словами г. Барсукова—выставлять единственными отвѣтчиками за всѣ бѣдствія смутнаго времени бояръ и вообще служилыхъ людей, которыхъ чуть не поголовно отнесли въ рубрику „измѣнниковъ отечеству" (стр. 188 — 189). Считаемъ излишнимъ доказывать, что такое воззрѣніе совершенно ненаучно и анти-исторично. Исторія не знаетъ ни правыхъ, ни виноватыхъ; явленія ея происходятъ не по винѣ или желанію отдѣльныхъ личностей и общественныхъ группъ, а составляютъ неизбѣжный результатъ предъидущихъ фазисовъ народнаго развитія. Смутное время, стоящее на рубежѣ двухъ вѣковъ, XVI-го и XVII-го, является именно такимъ результатомъ всей предшествовавшей исторіи Московскаго государства и боярство составляетъ не единственный, а лишь одинъ изъ элементовъ того политическаго и общественнаго броженія, которое характеризуетъ періодъ времени отъ 1584 по 1619 г. Въ эти года всѣ политическіе и общественные элементы русской земли, придавленные, но не задавленные еще вполнѣ грознымъ абсолютизмомъ Іоанна IV-го, воспрянули и заявили право на существованіе, на жизнь. Однимъ изъ самыхъ придавленныхъ элементовъ было боярство, а потому роль его въ смутное время самая замѣтная. И тем-

ныя, и свѣтлыя стороны боярства за это время опредѣляются длиннымъ рядомъ предъидущихъ событій. Никто не станетъ, конечно, отрицать, что многіе изъ бояръ смутнаго времени руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ мелкими, эгоистическими разсчетами, но развѣ это приложимо только къ однимъ боярамъ? Развѣ остальные классы русскаго народа въ это „лихолѣтье" русской земли были вдохновляемы лишь высокими патріотическими и нравственными принципами? Русскіе люди вообще „измалодушествовались" въ то время, по мѣткому выраженію матери Михаила Θеодоровича, старицы Марθы. Это малодушіе опредѣлялось тогдашними политическими условіями и объяснялось причинами предшествовавшихъ явленій русской исторической жизни. Не заглядывая въ давно-прошедшее, укажемъ на судьбу московскаго боярства со времени женитьбы Іоанна III на Софіи Палеологъ; столѣтіе, протекшее съ этого событія до смутнаго времени, не могло воспитать въ московскихъ боярахъ гражданскаго мужества и цѣльныхъ, независимыхъ характеровъ. Тѣмъ не менѣе есть много серьезныхъ общественныхъ заслугъ въ дѣятельности московскаго боярства въ смутное время. Лучшіе изъ тогдашнихъ бояръ, несмотря на деморализацію большинства, „держали имя свое честно и грозно" и выносили на себѣ тяжелую заботу объ обще-земскихъ, всенародныхъ интересахъ Московскаго государства.

. Смута началась прежде всего изъ-за важнѣйшаго политическаго вопроса: кому и какъ стоять во главѣ государства? Въ безгосударное время бояре были естественными представителями верховной власти. Такъ было въ малолѣтство Димитрія Донскаго, такъ было въ малолѣтство Іоанна IV-го, то же явилось по смерти бездѣтнаго царя Θеодора Іоанновича. Князья Шуйскіе, князья Голицыны и Романовы соперничали въ то время изъ-за Мономаховой шапки не только ради личнаго честолюбія, но и на основаніи своихъ историческихъ правъ и имѣя опору въ современныхъ имъ обстоятельствахъ. За Шуйскихъ говорило ихъ древнее родословіе (они происходили отъ старшаго сына Александра Невскаго, а московскіе великіе князья отъ младшаго). Голицыны, кромѣ стариннаго происхожденія отъ литовскихъ князей, пользовались большою популярностью среди духовенства и отличались личными достоинствами. Глава этой фамиліи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ представленіи лучшихъ людей эпохи считался „столпомъ", опорой отечества (такъ называлъ его князь Д. М. Пожарскій), и постоянно желалъ дружнаго единенія въ политическихъ дѣлахъ представителей всей земли Русской. Наконецъ, Романовы, старинные московскіе бояре, были популярны въ среднихъ и низшихъ классахъ русскаго народа, которые помнили печалованье и заступничество за правыхъ, но слабыхъ передъ Грознымъ Іоанномъ—отца ихъ боярина Никиты Романовича. Упорно держался слухъ въ народѣ, что умирающій царь Θедоръ назначилъ своимъ преемникомъ одного изъ „Никитичей",—такъ называли тогда Романовыхъ. Но всѣхъ претендентовъ пересилилъ худородный Борисъ Годуновъ, наперсникъ грознаго царя. Держа въ рукахъ власть еще въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV-го, онъ явился фактическимъ правителемъ при слабомъ его преемникѣ и его воцареніе казалось для большинства русскаго народа совершенно естественнымъ. На дѣлѣ оно явилось насиліемъ. Борисъ вступилъ въ открытую борьбу съ боярствомъ, опираясь на средній и низшій служилые классы. Ссылая Шуйскихъ и Романовыхъ и оставляя до времени въ покоѣ Голицыныхъ, онъ заискивалъ въ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ и въ ихъ интересахъ произвелъ ту политическую и соціальную реформу, которая

черезъ столѣтіе выросла въ чудовищное общественное зло—крѣпостное право. Извѣстно, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произведено было Борисомъ для обезпеченія экономическаго быта среднихъ и низшихъ служилыхъ людей и произведено было вопреки совѣту и желанію большихъ бояръ. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство до сихъ поръ мало обслѣдовано; между тѣмъ, въ интересахъ истины, оно требуетъ тщательнаго изученія. При Борисѣ является призракъ сына Іоанна IV-го; за призракомъ идутъ не одни бояре, но „вся земля", разныхъ чиновъ люди. На смѣну ихъ наступаетъ боярскій царь Василій Шуйскій, низвергающій названнаго Димитрія при помощи московскихъ купцовъ и посадскихъ. Съ Шуйскаго берутъ бояре запись, ограничивающую его власть. Вопреки общему убѣжденію, что запись эта была составлена въ смыслѣ огражденія узко-боярскихъ интересовъ, имѣются свидѣтельства первоисточниковъ, указывающія на совершенно иной характеръ записи. „Онъ же (Шуйскій), — читаемъ, напримѣръ, въ Никоновской лѣтописи,— нача говорити въ соборной церкви... что цѣлую-де крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не сдѣлати безъ собору". (См. „Ист. гос. росс.", Карамзина, т. XII. примѣч. 4).

Въ правленіе Шуйскаго смута проникаетъ во всѣ классы русскаго народа, болѣе и болѣе распространяется по областямъ. Боярскому избраннику противопоставляется царь, излюбленный чернью и казаками—Тушинскій воръ. Среди боярства образуются партіи, происходитъ расколъ. Люди поверхностные, карьеристы изъ бояръ, ради скорѣйшей карьеры и наживы передаются „вору"; но лучшіе люди изъ бояръ пребываютъ на высотѣ своего положенія—представителей и охранителей интересовъ земскихъ, народныхъ. Во главѣ этихъ бояръ стоитъ патріархъ Гермогенъ. Издѣваться надъ „семибоярщиной", временнымъ правительствомъ по низведеніи съ престола Шуйскаго, сдѣлалось общимъ мѣстомъ; а между тѣмъ въ присягѣ „всѣхъ чиновъ людей" на вѣрность тогдашнему правительству Московскаго государства, князю Ѳ. И. Мстиславскому „съ товарищи", между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „за Московское государство и за нихъ, бояръ, стоять и съ измѣнниками биться до смерти; вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть; другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство бояромъ и всякимъ людямъ, всею землею..... сославшись съ городами". Видя расколъ среди боярства, лучшіе люди изъ бояръ приходятъ мало-по-малу къ мысли о необходимости избрать царя не изъ среды боярской, а изъ сосѣднихъ иностранныхъ принцевъ, непричастныхъ внутреннимъ раздорамъ, чтобы съ большимъ безпристрастіемъ судить и рядить земскія дѣла Московскаго государства; но первымъ условіемъ при избраніи иностраннаго принца является принятіе имъ православія, этого выраженія самобытности русской народности. Выборъ бояръ падаетъ на польскаго королевича Владислава, который при условіи принятія имъ православія былъ признанъ за царя московскаго и всея Руси патріархомъ, Москвою и областями. Выборъ польскаго королевича, кромѣ того, представлялся весьма разумною мѣрою относительно внѣшней политики: бояре были убѣждены, что этотъ выборъ заставитъ Сигизмунда прекратить войну. Мысль о соединеніи двухъ государствъ—Польско-Литовскаго и Московскаго въ лицѣ одного государя не была новою мыслію. Сторонники Московскаго государства на польскомъ сеймѣ желали неоднократно втеченіе второй половины XVI в. видѣть на престолѣ пястовъ московскаго царя или его наслѣдника. Не далѣе какъ за 13 лѣтъ до избранія

Вторая книга „Рода Шереметевыхъ" доведена до 1622 года, до того времени, когда, съ возвращеніемъ изъ плѣна въ 1619 г., Филаретъ Никитичъ Романовъ сталъ „великимъ государемъ патріархомъ" и фактическимъ правителемъ Московскаго государства.

Д. К—овъ.

Образцы русской церковной проповѣди XIX-го вѣка. Составилъ священникъ М. А. Поторжинскій, преподаватель кіевской дух. семинаріи. Кіевъ. 1882.

Это—окончаніе „Исторической Христоматіи" русскаго проповѣдничества съ XI-го по XVIII-й в. включительно, составленной и изданной тѣмъ же авторомъ. Настоящій томъ ея (731 стр.) имѣетъ въ виду прежде всего кандидатовъ священства изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, затѣмъ сельскихъ пастырей и, наконецъ, не только любителя проповѣдника, но и всякаго любителя религіозно-нравственнаго и назидательнаго чтенія, и составляетъ для нихъ единственное, незамѣнимое пособіе къ изученію русской церковной литературы вообще и проповѣднической въ частности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, книга священника Поторжинскаго можетъ служить и цѣлямъ общаго свѣтскаго образованія, и науки. Извѣстно, что исторія русскаго проповѣдничества существеннымъ образомъ входитъ въ составъ исторіи русской словесности, понимаемой въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ, напримѣръ, у гг. Галахова, Порфирьева и друг. Но у этихъ историковъ русской словесности исторія русской проповѣди не доведена до конца, и у г. Галахова, напримѣръ, прерывается на московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Свящ. Поторжинскій ведетъ далѣе исторію русскаго проповѣдничества въ его образцахъ и доводитъ ее до позднѣйшаго времени. Въ его изданіи образцовъ, которыхъ насчитывается 112, помѣщены проповѣдническіе труды преосвященныхъ: Исидора, митрополита с.-петербургскаго, Филарета и Макарія, митрополитовъ московскихъ, Филарета, Арсенія и Платона, митрополитовъ кіевскихъ, Иннокентія и Димитрія, архіепископовъ херсонскихъ, Евсевія, архіепископа могилевскаго, Леонтія, архіепископа варшавскаго, Павла, архіепископа кишиневскаго, Іоанна, архіепископа полтавскаго, Серафима, архіепископа воронежскаго, Іоанна, епископа смоленскаго, Никанора, епископа уфимскаго, Амвросія, епископа дмитровскаго; протоіереевъ: Бажанова, Толмачева, Н. Сергіевскаго, Я. К. Амфитеатрова и одного сельскаго священника. Недостатокъ біографическихъ и библіографическихъ свѣдѣній объ этихъ проповѣдникахъ восполняется въ нѣкоторой мѣрѣ указаніемъ проповѣдническихъ изданій, откуда заимствованы образцы. Въ концѣ книги приложены планы для импровизаціи, программа и образчики внѣ-богослужебныхъ бесѣдъ и правила для современнаго церковнаго проповѣдничества въ русской церкви.

Н. П.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Петръ Великій въ Даніи.

(Извлеченіе изъ „Воспоминаній“ Клауса Зейдена, датскаго аптекаря, род. въ 1702 г., ум. въ 1781 г.).



УКОПИСЬ Клауса Зейдена находится въ настоящее время у правнука автора, приходскаго священника, и была издана копенгагенскимъ историческимъ обществомъ. Печатаемое здѣсь извлеченіе изъ воспоминаній Зейдена обязательно сообщено въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ профессоромъ оксфордскаго университета Морфилемъ.

„Въ 1716 г. насъ посѣтилъ въ Никіобингѣ (на островѣ Фольстерѣ) [1]) русскій царь Петръ, прозванный Великимъ. Онъ въ полночь присталъ миляхъ въ двухъ отъ Gjedesbye; съ нимъ были князь Меншиковъ и нѣсколько другихъ русскихъ вельможъ и генераловъ въ двухъ или трехъ открытыхъ лодкахъ. Всѣ они сейчасъ же вскочили на рабочихъ деревенскихъ лошадей, пасшихся на свободѣ въ поляхъ, и пріѣхали въ деревню, гдѣ остановились у трактирщика, бывшаго также и деревенскимъ судьею. Царь выгналъ его съ женой изъ постели и кинулся въ нее, еще теплую, самъ, въ сапогахъ. Между тѣмъ, хозяинъ долженъ былъ пристроить, сколь возможно лучше, остальныхъ гостей; послѣ этого онъ послалъ верховаго нарочнаго въ Никіобингъ для того, что бы тамъ все было приготовлено къ приличной встрѣчѣ. (Здѣсь авторъ перечисляетъ всѣ поспѣшившія собраться провинціальныя депутаціи). Сейчасъ же отправились въ Gjedesbye и забрали всѣ наемныя кареты, частные экипажи и лошадей, бывшихъ въ городѣ, чтобы предложить ихъ къ услугамъ царя; городской герольдъ (town crier) обошелъ весь городъ, приглашая жителей къ торжественной встрѣчѣ царя при въѣздѣ его, и всѣ лучшія хозяйки Никіобинга должны были отпра-

---

[1]) Гдѣ жилъ въ это время Зейденъ.

виться въ замокъ и готовить ему обѣдъ. Онъ пріѣхалъ на слѣдующее утро, въ одиннадцать часовъ, но не въ каретѣ, а въ чемъ-то въ родѣ открытыхъ носилокъ, на парѣ лошадей. Его провезли въ замокъ, но онъ разсердился на это, такъ какъ располагалъ пообѣдать въ какой-нибудь гостинницѣ, и, найдя своего повара на крыльцѣ замка, онъ задалъ ему здоровую трепку. Въ концѣ-концовъ, однако, онъ согласился остаться тамъ, гдѣ былъ, но настоялъ на томъ, чтобы обѣдать одному, такъ что датское дворянство должно было удалиться. Онъ былъ похожъ на сержанта или, скорѣе, на палача. Онъ былъ высокаго роста, на немъ былъ грязный синій суконный кафтанъ съ мѣдными пуговицами; на ногахъ большіе сапоги, на головѣ маленькая бархатная шляпа; усы средней величины; въ рукахъ длинная трость; въ концѣ-концовъ, онъ не казался ужъ особенно дурнымъ. Онъ не долго сидѣлъ за столомъ и, пообѣдавъ, сейчасъ же пошелъ со своею свитою въ кузницу, гдѣ приказалъ, чтобы были приготовлены лодки. По дорогѣ изъ замка, два или три горожанина, осмѣлившіеся подойти къ нему слишкомъ близко, попробовали его палки; и такъ какъ онъ не могъ пройти въ лодку, не замочивъ ногъ, то Клаусъ Вендтъ долженъ былъ перенести его на нее, за что царь далъ ему восемь шиллинговъ (около двухъ пенсовъ). Сѣвъ въ лодку, царь со свитою отвалилъ отъ берега, но когда они подъѣхали къ пристани, то онъ снова вышелъ на берегъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Потомъ онъ поплылъ въ Haselöe и далѣе, желая добраться до галеръ, на которыхъ онъ прибылъ изъ Мекленбурга. Ихъ было безчисленное множество, такъ какъ на нихъ у царя была армія въ 36.000 человѣкъ. Онъ вернулся въ Никіобингъ около 5-ти или 6-ти часовъ пополудни и высадился со свитой на берегъ. Однако, онъ не захотѣлъ ужинать въ замкѣ, гдѣ все было приготовлено, а отправился въ домъ почтмейстера Эвера Розенфельдта и здѣсь приказалъ подать себѣ ржанаго и пшеничнаго хлѣба, масла, голландскаго сыра, крѣпкаго эля, водки и вина; при этомъ ему особенно понравился одинъ ликеръ изъ Данцига: передъ нимъ не нужно было ставить иного напитка. Нѣкоторые изъ горожанъ, въ томъ числѣ и я, успѣли проскользнуть въ домъ Розенфельдта, чтобы посмотрѣть, какъ царь ужинаетъ. Онъ дѣйствительно велъ себя при этомъ съ большимъ изяществомъ, ибо всякій разъ какъ намазывалъ себѣ масломъ хлѣбъ, онъ начисто облизывалъ ножъ. Въ домѣ моихъ родителей было нѣсколько человѣкъ изъ его свиты, которыхъ угощали такимъ же образомъ. Когда прибыли галеры, вся команда вышла на берегъ; всѣ улицы и дома были до того наполнены людьми, что не было возможности двигаться; черезъ нѣсколько часовъ во всемъ городѣ нельзя было достать ни куска хлѣба, ни сыра, ни масла, ни яицъ, ни пива, ни какихъ-либо спиртныхъ напитковъ. Къ ночи царь со свитою вернулись на галеры; по данному сигналу и всѣ остальные люди возвратились на суда. Рано утромъ мы увидѣли на берегу нѣсколько тысячъ походныхъ котелковъ; подъ ними былъ огонь, для котораго солдаты воровали все, что могло горѣть; затѣмъ они собрали всю крапиву и болиголовъ и другую зелень, какую можно было достать, нарубили довольно мелко и положили въ котелки. Потомъ они покрошили въ каждый котелокъ по одной соленой селедкѣ, и когда все уварилось, похлебка была готова: они съѣли ее такъ скоро, какъ только могли, и вернулись на суда со своими котелками. Царь сейчасъ же повелъ флотъ подъ парусами въ Гульдборгъ, а оттуда въ Копенгагенъ, такъ что въ полдень уже не было въ виду ни одной галеры. Супруга царя прибыла сюда черезъ нѣсколько дней послѣ его отплытія: она ѣхала изъ Мекленбурга черезъ Голштинію и

Зеландію. Когда она пріѣхала на паромѣ, губернаторъ и шерифъ встрѣтили ее на пристани, но она не была особенно привѣтлива съ ними. Зато, когда она замѣтила между зрителями покойнаго нынѣ, достопочтеннаго Оле Зунда изъ Вейеръ-Лозе, сѣдого, почтеннаго на видъ старика, она низко поклонилась ему изъ своей коляски, думая, вѣроятно, что это патріархъ страны. Пребываніе въ Никіобингскомъ замкѣ произвело на нее довольно хорошее впечатлѣніе, потому что она оставалась тамъ пять дней; мѣстныя хозяйки поочереди ходили въ замокъ готовить ей кушанье. Она была также очень довольна и всею ихъ стряпнею, и рѣдкими винами, и всѣмъ, что было приготовлено для ея угощенія... Потомъ она отправилась въ Копенгагенъ къ своему супругу".

Сообщено **Г. Морфилемъ.**

Праздникъ невѣждъ.

Когда на югѣ Россіи стала обнаруживаться штунда, нѣкоторыя столичныя газеты, возвѣщая объ этомъ фактѣ, не разъ обращали особенное вниманіе на то, что „это—будто бы—первый опытъ уклоненія южно-русскаго народа отъ православія, за которое мужественно билось и умирало казацкое „лыцарство" На самомъ дѣлѣ это несовсѣмъ такъ. Штунда, безъ сомнѣнія, есть явленіе очень большое и многозначительное, но она все-таки не можетъ быть названа „первымъ опытомъ уклоненія" отъ истинной вѣры. Знатоки южнорусской народности могутъ указать нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, значительно опередившихъ обнаруженіе штундистскаго толка, но прежнія попытки были большею частію очень невѣжественны и не могли выдерживать такъ долго, какъ держится, повидимому, твердо установившаяся штунда. Одно изъ старинныхъ, совершенно невинныхъ, но и совершенно странныхъ заблужденій описано въ находящемся у меня указѣ бывшаго алексапольскаго духовнаго правленія исправлявшему должность благочинническую іерею Петру Санченку, 18-го іюля 1795 года, № 414. Въ указѣ этомъ читается слѣдующее:

„Алексопольскій нижній земскій судъ даетъ знать, въ ономъ-де судѣ слушано сообщеніе алексапольскаго уѣзднаго стряпчаго, прапорщика Склярева, въ коемъ прописываетъ, что мѣстечка Орлика старшина, провинціальный секретарь Степановъ, извѣщаетъ его, стряпчаго, что прошлаго мая 11-го числа усмотрѣно имъ, Степановымъ, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ округѣ онаго, яко простаго стану люди учредили пятокъ почитать за праздникъ и на оный никакихъ работъ не производить, что и начали уже исполнять, разглашая между и въ другихъ здѣшняго уѣзда въ селеніяхъ: по завѣщанію священническомъ празднуютъ пятокъ. Изъ сего суевѣрнаго и нелѣпаго простолюдинъ измышленія, кромѣ праздности и удаленія отъ работъ при всѣхъ ихъ недостаткахъ ничего добраго родиться не можетъ,— требуетъ онъ, стряпчій, о прекращеніи онаго посредствомъ священническихъ увѣщаній снести и симъ правленіямъ (sic). Почему оный нижній земскій судъ, сообщая, требуетъ предписать всѣмъ священникамъ съ подтвержденіемъ, чтобы оные по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ приходскихъ своихъ церквахъ простолюдинихъ, впадающихъ въ нелѣпое суевѣріе, увѣщевали и наклоняли бы къ работѣ, а не праздности. Для того въ алексапольскомъ духовномъ правленіи опредѣлено изъ правленія послать ко всѣмъ благочиннымъ указы—велѣть

какъ самимъ благочиннымъ стараться и всѣмъ священникамъ предписать о тщательномъ преувѣщаніи при церквахъ своихъ прихожановъ не праздновать въ пятокъ, яко тое празднованіе есть отъ невѣжъ вымышленное крайнее суевѣріе и церкви святой противное, а праздновали бы только воскресенье и тѣ церковью установленные праздники, кои священниками празднуются". Подписалъ: „протопопъ Іоаннъ Лисянскій".

Православное духовенство приняло этотъ указъ къ исполненію, и при его усиліяхъ пятокъ въ южной Россіи не замѣнилъ дня воскреснаго. Но, впрочемъ, можно думать, что это было явленіе не всеобщее, а проявлявшееся только въ небольшой мѣстности около Алексополя, или даже въ одномъ г. Орликѣ. Замѣчательно, однако, что расколъ южно-русскихъ пятничниковъ наслѣдили и указали духовенству мірскія власти, именно старшина провинціальный, секретарь Степановъ, и стряпчій, прапорщикъ Скляревъ, само же мѣстное духовенство этого какъ будто не замѣчало и на такое уклоненіе своихъ прихожанъ отъ истинной вѣры не жаловалось.

Нѣчто подобное, или даже совсѣмъ въ этомъ родѣ происходитъ въ Малороссіи и теперь, и притомъ по мѣстамъ не столь отдаленнымъ отъ центра главнаго духовнаго управленія. Народомъ по сю пору справляются такіе праздники, которые, по всей справедливости, могутъ быть названы праздниками невѣждъ. Такъ, въ прошломъ 1881 году мнѣ довелось въ іюлѣ мѣсяцѣ проѣхать съ Ржищевской пристани на Днѣпрѣ въ село Бурты, принадлежащее родственнику моему, Дмитрію Ивановичу Ногѣ. День былъ будній и въ самый разгаръ полевыхъ работъ, но, несмотря на то, на поляхъ не было видно ни одного рабочаго, а по дорогамъ тянулись вереницы разряженныхъ по-праздничному женщинъ и мужчинъ и въ корчмахъ сидѣли и пили вино „притомленни люде". На вопросъ мой: почему всѣ не работаютъ, а „празднуютъ"? мнѣ всѣ въ одну рѣчь отвѣчали, что „робыть грихъ", потому что сегодня праздникъ. А на вопросъ: какой именно сегодня праздникъ? отвѣчали: —„Маты Божа у крыници купалась".

И при этомъ отъ многихъ было сдѣлано сообщеніе, какъ именно и по какому случаю Св. Дѣва купалась въ колодцѣ между Ржищевомъ и Буртами.

Дѣло происходило будто такъ, что „Маты Божа приплыла на човнѣ (въ лодкѣ) до ржищевской пристани и пишла до Кагарлыка на торгъ, а якъ тоди була дуже велыка пинота (жара), то вона зхотила съ крынычки тильки водыци напиться. Але якъ була вона дуже стомлена, людей коло крыници никого не було, то вона стягла съ себя плахту и сорочку, да у той крыницы три раза съ головою окунулася, и добре освѣживши пишла въ Кагарлыкъ".

На вопросъ: кто же видѣлъ, какъ „Маты Божа купалась", если около колодца никого изъ людей о ту пору не было, отвѣчаютъ:

— „Отци духовны бачили. Одинъ больной бувъ на очи, и при садку у вишняхъ сидивъ, да и бачивъ, и якъ вона одяглась и пишла по Кагарлицькому шляху, винъ схопився, побигъ, узявъ крестъ и хропило и началъ большой молебенъ спивать, а потомъ умылся изъ крынычки и вразъ у него очи здоровыя стали. А тоди вже и уси люди стали мытися и усимъ силы богато прибыло".

Съ этого и наступилъ еще одинъ новый и по-нынѣ соблюдаемый „праздникъ невѣждъ", подъ названіемъ „купанія Божіей Матери". Онъ празднуется въ эти самые дни, когда настала пора торжествовать тысячелѣтіе насажденія въ Россіи христіанства, и празднуется именно въ этой самой странѣ кіевской,

„гдѣ стало христіанство отъ грековъ". Времена, очевидно, измѣнились лишь настолько, что нынѣ никто, подобно стряпчему изъ прапорщиковъ, кіевскому духовному начальству объ этомъ не пишетъ, а само оно не въ силахъ досмотрѣть, какъ у него торжественно справляется „праздникъ невѣждъ", дающій поводъ къ насмѣшкамъ всѣмъ иновѣрнымъ.

Послѣ этого можно ли удивляться успѣхамъ штунды?!

Но возможенъ другой вопросъ:

Что же дѣлаетъ само мѣстное духовенство?

Отвѣчаю: мѣстное духовенство служитъ молебны „на крыници, гдѣ Маты Божа купалась".

Зачѣмъ же оно это дѣлаетъ?

Вмѣсто отвѣта скажу, что мнѣ самому очень хотѣлось разспросить объ этомъ одного изъ окольныхъ священниковъ, но, увидавъ, какъ этотъ злополучный пастырь священнодѣйствовалъ въ церкви безъ сапогъ, въ старыхъ резиновнхъ калошахъ, надѣтыхъ на босу-ногу, а причастники, получавшіе изъ его руки „сокрамонтъ", запивали оный какъ жеребятки водою изъ конскаго водопойнаго ведра,—я подумалъ, что тутъ были не у мѣста разспросы.

Кто бы что ни говорилъ, но гдѣ духовенство обезпечено и гдѣ оно не имѣетъ нужды и выгодъ поддерживать въ народѣ суевѣрія, тамъ исчезаютъ и „праздники невѣждъ". Тамъ же, гдѣ думаютъ помочь дѣлу религіи однимъ умноженіемъ числа алтарей,—явленія, подобныя тѣмъ, кои здѣсь разсказаны, всегда будутъ возможны и, пожалуй, не исчезнутъ даже и во второмъ тысячелѣтіи нашего христіанста.

Да не будетъ мнѣ поставлено въ судъ и въ осужденіе простое желаніе, чтобы предстоящему празднованію тысячелѣтія Кіева предшествовала честная повѣрка всего, что недодѣлано въ первую тысячу лѣтъ и что надо бы сразу же справить въ началѣ второй.

Сообщено Н. С. **Лѣсковымъ**.

Такса на взятки.

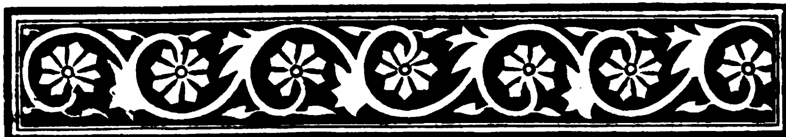
Консисторскій секретарь Гаврило Муратовъ судился въ ярославской палатѣ уголовнаго суда, а потомъ въ правительствующемъ сенатѣ, за взяточничество, какъ это видно изъ сенатскаго указа отъ 14-го мая 1789 года на имя ярославскаго и вологодскаго генералъ-губернатора Кашкина. Любопытна слѣдующая „лихоимственная такса", установленная Муратовымъ.

1) За переведеніе изъ одной церкви къ другой, болѣе доходной, въ пономари	15	руб.
2) За оставленіе безъ штрафу за дерзкія слова (?)	40	„
3) За назначеніе въ дьяконы изъ дьячковъ	25	„
4) За справку о назначеніи въ пономари	10	„
5) За представленіе къ его высокопреосвященству къ слушанію (?)	5	„
6) За резолюцію на прошеніи (?)	5	„
7) За обѣщаніе не показывать въ вѣдомостяхъ порочными	50	„
8) За опредѣленіе въ приставы (?)	7	„

(Да сверхъ сего холстины 37 аршинъ по цѣнѣ на. . . . . 5 рублевъ)

Конечно, такса эта не была постоянною, и повышалась или понижалась, смотря „по обстоятельствамъ".

Сообщено Л. Н. **Трефолевымъ**.



СМѢСЬ.



Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота. 6-го сентября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ученой и литературной дѣятельности академика Якова Карловича Грота. День этотъ вспомнили многіе почитатели трудовъ и таланта почтеннаго академика. Газета „Голосъ" сообщаетъ слѣдующія подробности объ юбилеѣ.

„Съ одиннадцати часовъ утра квартира юбиляра стала наполняться депутаціями отъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній.

„Первою прибыла депутація отъ Александровскаго лицея, гдѣ Я. К. Гротъ воспитывался и гдѣ, втеченіе десяти лѣтъ, съ великою честью и пользою занималъ каѳедру. Депутація, состоявшая изъ членовъ лицейскаго совѣта и двухъ воспитанниковъ выпускнаго курса, поднесла юбиляру адресъ. Почти въ то же время прибыла депутація отъ петербургскаго университета, совѣтъ котораго избралъ Я. К. Грота своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ диплома на это званіе, депутація поднесла юбиляру адресъ, написанный въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

„Около часа дня прибылъ министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и президентъ академіи наукъ графъ Д. А. Толстой, директоръ публичной библіотеки А. Ѳ. Бычковъ, члены государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій, М. Н. Любощинскій, К. К. Гротъ и друг. Министръ народнаго просвѣщенія, въ присутствіи президента академіи, прочелъ юбиляру высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь императоръ вспоминаетъ объ ученыхъ и литературныхъ заслугахъ юбиляра и благодаритъ его также за труды по воспитанію въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича Николая Александровича, и Его, нынѣ благополучно царствующаго. Сверхъ высочайшаго рескрипта, юбиляръ почтенъ отъ его величества назначеніемъ шестилѣтней аренды въ размѣрѣ 2.000 руб.

„Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, сотоварищъ юбиляра по второму отдѣленію академіи (русскаго языка), прочелъ прекрасную рѣчь, въ которой обрисовалъ какъ заслуги юбиляра въ дѣлѣ науки и литературы, такъ и нравственную его личность. По словамъ оратора, юбиляръ втеченіе всей своей жизни остался вѣренъ мыслямъ, изложеннымъ въ одномъ изъ его стихотвореній, гдѣ поэтъ отгоняетъ отъ себя всякое дурное помышленіе. Стихотвореніе это было прочитано г. Бычковымъ съ большимъ воодушевленіемъ. Большое впечатлѣніе произвела рѣчь профессора М. И. Сухомлинова, который указалъ двѣ драгоцѣнныя черты въ академикѣ-юбилярѣ: онъ высоко держалъ знамя науки свободной, уживающейся только въ академіи самоуправляющейся, и никогда не забывалъ, что онъ членъ русской академіи. Насколько велика заслуга юбиляра въ этомъ отношеніи, видно уже изъ того, что академія игнорировала юби-

лей своего члена и, кромѣ товарищей по отдѣленію, никто изъ академиковъ не пришелъ пожать честную руку юбиляра, столь много потрудившагося на пользу и славу русскаго просвѣщенія. Забылъ о юбилеѣ академика Я. К. Грота и непремѣнный секретарь академіи г. Веселовскій...“

† **Н. Я. Аристовъ.** 26-го августа въ Нѣжинѣ скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, заслуженный профессоръ и инспекторъ въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ Николай Яковлевичъ Аристовъ. Покойный первоначально воспитывался въ тамбовской духовной семинаріи. Онъ профессорствовалъ всего 21 годъ, сначала въ петербургскомъ университетѣ, потомъ въ казанскомъ, варшавскомъ и харьковскомъ университетахъ, а лѣтъ шесть назадъ былъ переведенъ въ нѣжинскій институтъ. Н. Я., помимо своей педагогической дѣятельности, немало внесъ ученыхъ трудовъ и въ нашу литературу. Такъ, онъ сотрудничалъ въ духовныхъ изданіяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ газетѣ „Якорь“ (1864 и 1865 гг.), журналѣ „Заря“ и др. Въ историческихъ журналахъ онъ принималъ участіе во всѣхъ, особенно же въ „Древней и Новой Россіи“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“. Съ настоящей книжки нашего журнала началось печатаніе посмертной статьи Н. Я. „Жизнь А. П. Щапова“. Изъ сочиненій его, изданныхъ отдѣльно, надо указать на слѣдующія: „Промышленность древней Руси“, „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“, „Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ“ и пр. Н. Я. скончался на 47-мъ году жизни, оставивъ семью, состоящую изъ жены и семи малолѣтнихъ. Средствъ у семьи не осталось ровно никакихъ.

† **А. О. Смирнова.** На-дняхъ предано землѣ, въ Москвѣ, на кладбищѣ Донскаго монастыря, тѣло Александры Осиповны Смирновой... Современнымъ поколѣніямъ едва ли что говоритъ это имя. Можетъ быть, припомнятъ они его по стихамъ Пушкина и Лермонтова, да и то развѣ съ помощью нашихъ библіографовъ... А между тѣмъ, это имя не только дорого каждому, кто имѣлъ случай узнать лично Александру Осиповну въ пору ея жизни, предшествовавшую болѣзненной старости (она скончалась 72-хъ лѣтъ), но вѣдомо и памятно всѣмъ, кому непосредственно близки преданія той блистательной литературно-общественной эпохи, которой Пушкинъ съ цѣлой плеядой поэтовъ былъ законодателемъ и представителемъ, а Смирнова—однимъ изъ изящнѣйшихъ украшеній. Родившись на югѣ Россіи, отъ отца француза и матери русской, но съ примѣсью грузинской крови (рано овдовѣвшей и вышедшей вскорѣ замужъ за генерала Арнольди), дѣвица Россетъ или Россетти (какъ иногда, неправильно, произносилась въ обществѣ эта фамилія) получила воспитаніе въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ стала тотчасъ же любимѣйшею ученицею Плетнева. Отличные успѣхи въ ученіи доставили ей шифръ, и Александра Осиповна, по выходѣ изъ института, поступила во фрейлины къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; послѣ же кончины государыни (въ 1828 г.), сдѣлалась фрейлиною императрицы Александры Ѳеодоровны. Ея красота, столько разъ воспѣтая поэтами,—не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линій смуглаго лица и черныхъ, бодрыхъ, проницательныхъ глазъ, вся оживленная блескомъ острой мысли, ея пытливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя—искусства, поэзіи, знанія — скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе. Дружба съ Плетневымъ и Жуковскимъ (также въ то время служившимъ при дворѣ) свела ее съ Пушкинымъ, и скромная фрейлинская келья въ 4-мъ этажѣ Зимняго дворца сдѣлалась мѣстомъ постояннаго сборища всѣхъ знаменитостей тогдашняго литературнаго міра... Она и предъ лицомъ императора Николая, который очень цѣнилъ и любилъ ея бесѣду, являлась, такъ сказать, представительницею, а иногда и смѣлой защитницей лучшихъ въ ту пору стремленій русскаго общества и своихъ непридворныхъ друзей. Зная ея дружескія отношенія съ Пушкинымъ, государь Николай Павловичъ нерѣдко черезъ нее получалъ отъ Пушкина и передавалъ ему обратно рукописи его произведеній. Къ этой придворной поре жизни Смирновой относится посланіе Пушкина къ князю Вяземскому:

„Она мила, скажу межъ нами,
Придворныхъ витязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза!“

Говорить ли о томъ множествѣ стиховъ и стихотворныхъ шутокъ, которые тогда, да и позднѣе, не переставала получать Александра Осиповна отъ князя Вяземскаго и, въ особенности, отъ Жуковскаго? Большею частью эти бездѣлки, конечно, не напечатаны, да и не предназначались для печати, касаясь мимолетныхъ интересовъ дня.

И выйдя замужъ за Николая Михайловича Смирнова (впослѣдствіи губернатора въ Калугѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, и скончавшагося лѣтъ 10 тому назадъ), Александра Осиповна не прекратила сношеній съ своими друзьями (она вообще была вѣрный другъ); напротивъ—ея гостиная или, лучше сказать, она сама была долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся художниковъ, писателей, мыслящихъ дѣятелей. Со многими изъ нихъ она вела обширную переписку. Извѣстна ея дружба съ Гоголемъ, котораго, конечно, не всякая дама „большаго свѣта и двора", особенно той эпохи, была бы способна такъ понять, оцѣнить и привязать къ себѣ душою. Вообще, не только въ Россіи, но и за-границей она была знакома со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными людьми, искала бесѣды съ ними, и при ея необычайной памяти, при ея начитанности, при ея житейской опытности, ея разговоръ, ея разсказъ, даромъ котораго она владѣла мастерски, представлялъ неотразимую занимательность и прелесть.

† **М. И. Богдановичъ.** 25-го іюля скончался въ Ораніенбаумѣ членъ военнаго совѣта, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Модестъ Ивановичъ Богдановичъ. Происходя изъ дворянъ Харьковской губерніи, М. И. Богдановичъ родился 26-го августа 1805 года и окончилъ курсъ наукъ въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское военное училище). 4-го іюня 1823 года Модестъ Ивановичъ былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи, съ назначеніемъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую роту резервнаго корпуса войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ его высочества, цесаревича Константина Павловича. Черезъ четыре года прапорщикъ Богдановичъ былъ переведенъ въ 24-ю (нынѣ 13-ю) артиллерійскую бригаду и въ январѣ 1831 года, въ чинѣ подпоручика, выступилъ въ царство Польское, для дѣйствія противъ мятежниковъ. Участвуя въ сраженіи при м. Ваверъ, въ дѣлахъ подъ Прагою и подъ Гроховымъ, подпоручикъ Богдановичъ за оказанное мужество былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость". Въ сраженіи при дер. Рагозницѣ, 17-го августа, онъ получилъ столь сильную контузію ядромъ въ правую ногу, что остался на полѣ сраженія, былъ взятъ мятежниками и находился въ плѣну до 27-го августа. Въ этотъ день онъ явился въ главную квартиру дѣйствующей арміи въ г. Варшаву, откуда и былъ отправленъ въ свою бригаду, въ г. Брестъ-Литовскъ.

Произведенный за отличіе въ сраженіяхъ въ поручики (5-го декабря 1832 г.), М. И. Богдановичъ въ ноябрѣ 1833 года поступилъ въ императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), былъ произведенъ за отличіе въ штабсъ-капитаны и въ 1835 году назначенъ состоять при третьемъ отдѣленіи бывшей канцеляріи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ 1836 году, М. И. Богдановичъ, произведенный въ капитаны съ переводомъ въ генеральный штабъ, былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, состоять при императорской военной академіи для приготовленія въ адъюнктъ-профессоры. Назначенный правителемъ дѣлъ канцеляріи академіи, Модестъ Ивановичъ былъ вскорѣ утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ военной исторіи и читалъ лекціи въ академіи, а также и въ Дворянскомъ полку. Въ 1839 г. капитанъ Богдановичъ былъ уволенъ отъ должности правителя дѣлъ канцеляріи академіи, а въ 1841 г. произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ штабъ-офицеромъ, начальствующимъ надъ обучающимися въ академіи офицерами и съ оставленіемъ адъюнктъ-профессоромъ.

Въ званіи профессора Модестъ Ивановичъ былъ утвержденъ въ февралѣ 1843 г., а въ февралѣ 1847 г. назначенъ членомъ военно-ученаго комитета по отдѣленію генеральнаго штаба. Въ сентябрѣ 1855 г., М. И. Богдановичъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1863 г. назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба его императорскаго величества, съ оставленіемъ членомъ конференціи академіи генеральнаго штаба. Въ апрѣлѣ 1863 г. Модестъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вслѣдъ затѣмъ зачисленъ членомъ совѣщательнаго комитета

главнаго штаба. Назначенный въ 1881 г. членомъ военнаго совѣта, Модестъ Ивановичъ оставался въ этомъ званіи до дня своей кончины, послѣдовавшей на 77 году отъ роду.

Изъ краткаго перечня службы Модеста Ивановича Богдановича видно, что большую часть своей жизни онъ посвятилъ профессорской и ученой дѣятельности; имя его не только извѣстно его многочисленнымъ ученикамъ и слушателямъ, но и знакомо всякому образованному человѣку, интересующемуся отечественною исторіею и исторіею русскаго оружія. Кромѣ капитальныхъ сочиненій, какъ „Исторія Отечественной войны“, „Исторія войны 1813 г.“, „Исторія войны 1814 г.“, „Восточная война 1853—1855 годовъ“ и „Исторія царствованія императора Александра I“, Богдановичъ написалъ множество статей въ разныхъ журналахъ и принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Военно-энциклопедическаго лексикона“.

† **Крейцвальдъ.** Телеграмма изъ Дерпта извѣстила о смерти извѣстнаго эстонскаго поэта, д-ра Крейцвальда. Крейцвальдъ родился въ 1804 году, въ Іемперѣ, въ екатериненскомъ приходѣ, Эстляндской губерніи и, слѣдовательно, умеръ 78 лѣтъ отъ роду. Съ 1826 по 36 годъ онъ слушалъ лекціи въ дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету, а по окончаніи курса получилъ мѣсто городскаго врача въ городѣ Верро. Степень доктора медицины онъ получилъ при одномъ изъ иностранныхъ университетовъ. Еще будучи студентомъ, онъ во время каникулярныхъ поѣздокъ, любилъ собирать и записывать изъ устъ народа сказанія и пѣсни. Въ сороковыхъ годахъ появился цѣлый рядъ его статей объ эстонскихъ древностяхъ, мифологіи, словесныхъ памятникахъ, народныхъ преданіяхъ и сказкахъ. Эти статьи доставили автору извѣстность основательнѣйшаго знатока эстонской народной словесности. Но самою выдающеюся его литературною заслугою считають, по справедливости, собраніе въ одно цѣлое и художественную обработку различныхъ частей эстонской народной поэмы „Калевипоэгъ“, которую онъ издалъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Дерптѣ, по порученію дерптскаго эстонскаго ученаго общества. Поэма „Сынъ Калевъ“ была впослѣдствіи переведена и на иностранные языки и доставила европейскую извѣстность д-ру Крейцвальду, извлекшему ее изъ мрака забвенія. Въ 1877 году д-ръ Крейцвальдъ отказался отъ своей врачебной дѣятельности и жилъ на покоѣ въ Дерптѣ. Умственная зависимость, благодаря всей предъидущей жизни и образованію, отъ чуждыхъ элементовъ, а подъ конецъ жизни и зависимость матеріальная, заставляли его сторониться отъ новѣйшаго движенія, возникшаго среди эстовъ, почему онъ въ послѣднее время и не игралъ особенно выдающейся роли въ жизни эстонцевъ, а напротивъ, его именемъ прикрывали иногда ловкіе люди дѣянія и стремленія, враждебныя этому движенію. Литературныя заслуги Крейцвальда громадны и имя его будетъ повторяться съ благодарностью эстонцами.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ.

(Замѣтка по поводу статьи кн. Н. С. Голицына).

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ напечатана статья князя Н. С. Голицына подъ заглавіемъ: „Почаевская лавра въ концѣ іюля 1855 года“. Въ названной статьѣ авторъ выражаетъ намѣреніе сообщить: „въ какомъ видѣ“ онъ нашелъ святыни Почаевской лавры, перешедшей къ намъ изъ уніатскихъ рукъ. Это очень любопытно и важно въ историческомъ отношеніи, такъ какъ прежними уніатскими хозяевами лавры, отцами базилянами, выпущены въ свѣтъ книжки, возбуждающія сомнѣнія насчетъ подлинности нѣкоторыхъ святынь нынѣшняго Почаева. Но доброе намѣреніе князя имъ, однако, выполнено такъ неудовлетворительно, что интересный вопросъ: въ какомъ видѣ были тогда почаевскія святыни въ самыхъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ ихъ чертахъ—остается по-прежнему невыясненнымъ и по-прежнему открытъ для пререканій и споровъ.

А споры эти, конечно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока уніатскому клиштору, стоящему насупротивъ Почаева, по ту сторону австрійской границы, выгодно будетъ утверждать, что древними святынями Почаевской лавры теперь владѣетъ онъ.

Это въ своемъ родѣ повтореніе чешско-польскихъ споровъ о мощахъ св. Ваплава, которыя были и у поляковъ, и у чеховъ, а дѣло о подлинности ихъ такъ запуталось, что его нельзя и разобрать.

Но обратимся къ статьѣ кн. Голицына о святыняхъ Почаева.

Во-первыхъ, въ много обѣщавшей статьѣ кн. Голицына нѣтъ никакого описанія такъ-называемой „стопы", или слѣда, оставленнаго ногою Богородицы на Почаевской скалѣ. Для описателя это совершенно непростительно, ибо это очень важно, такъ какъ именно о видѣ этой стопы говорятъ и пишутъ весьма неодинаково и даже крайне противорѣчиво. Князю Н. С. Голицыну надо бы это знать. А во-вторыхъ, у кн. Голицына ничего не сказано о стилѣ и способѣ письма почаевской иконы, что еще важнѣе, ибо по поводу этой иконы среди уніатовъ и у галицкихъ католиковъ живетъ твердая увѣренность, будто подлинная, древняя икона Почаевской Божіей Матери базиліанскими монахами изъ Почаевской лавры была выкрадена, а православнымъ пріемщикамъ, между коими не было ни одного настоящаго знатока иконописи, будто бы обманнымъ образомъ сданъ новый списокъ.

Все это не ограничивается преданіями и толками, но даже имѣетъ свою литературу на польскомъ и на русскомъ языкахъ и весьма сильно отражается на степени довѣрія къ несомнѣнности и подлинности Почаевскихъ святынь. А потому сколько-нибудь обстоятельное описаніе вида, въ какомъ стопа и икона были ранѣе и въ какомъ онѣ находятся нынѣ — давно очень желательно и очень нужно, но, къ сожалѣнію, ничего этого въ статьѣ кн. Голицына нѣтъ; спорные вопросы о Почаевскихъ святыняхъ послѣ княжеской статьи остаются въ ихъ прежней весьма досадительной неясности.

Мнѣ кажется, однако, что на дѣло это можетъ быть пролитъ хотя нѣкоторый слабый свѣтъ, при коемъ многія росказни должны будутъ утратить всякую достовѣрность.

Особенно это можно сказать въ отношеніи пустыхъ толковъ, будто часть камня, гдѣ отпечатлѣлся слѣдъ ноги Богоматери, базилянами тоже „вырублена и вывезена", а что „теперешняя стопа ноги (будто) изваяна рукою".

Кажется, нѣтъ ничего легче доказать, что тутъ никакой кражи камня не было, да нѣтъ и мѣста ваянію, и я не знаю, отчего до сихъ поръ никто не попытался представить простыя и очевидныя тому доказательства.

Споры о святыняхъ Почаева нѣкогда меня весьма интересовали и, когда представился случай провѣрить эти толки, я имъ не преминулъ воспользоваться.

Я былъ въ Почаевской лаврѣ гораздо позже князя Н. С. Голицына, именно въ послѣдній годъ жизни усопшаго архіепископа волынскаго Агаѳангела Соловьева, но я осматривалъ Почаевскую лавру такъ удобно и такъ внимательно, что объ обѣихъ Почаевскихъ святыняхъ, о коихъ высказываются недоразумѣнія, могу дать отвѣтъ довольно опредѣлительный.

Однако, прежде всего, я хотѣлъ бы попытаться уяснить, когда и отчего именно могло возникнуть и развиться сомнѣніе въ томъ: существуетъ ли въ дѣйствительности стопа или слѣдъ ноги Богородицы на почаевскомъ камнѣ?

По словамъ стариковъ въ Галичинѣ и на Волыни, сомнѣнія эти вы-

сказывались нѣкоторыми гораздо ранѣе передачи лавры уніатскими базиліанами православнымъ русскимъ монахамъ, а послѣ передачи они стали усиливаться. Это, по всей вѣроятности, произошло отъ того, что новые православные посѣтители Почаевской лавры пламенно желали видѣть „стопу“, или „слѣдокъ Богородицы“, и были увѣрены, что онъ „будетъ открытъ“, но открытія не послѣдовало, и слѣда этого или стопы никому изъ богомольцевъ видѣть не удавалось. Такъ это и о сю пору: стопа, говорятъ, есть, но ея не видно—отсюда у иныхъ являются сомнѣнія: есть ли она на самомъ дѣлѣ?

Русскіе богомольцы винятъ въ этой скрытности нынѣшнихъ православныхъ монаховъ Почаевской лавры, но это совершенно напрасно. Никакого „сокрытія стопы“ нѣтъ, а просто отъ самаго устройства церкви происходитъ такъ, что стопы нельзя видѣть.

Это не возбранено, но это такъ устроено, и устроено не нынѣшними, а прежними хозяевами лавры,—уніатскими монахами ордена св. Василія, или базиліанами.

Устроено это такъ, что въ одномъ изъ открытыхъ католическихъ алтарей, который и понынѣ уцѣлѣлъ у праваго столба храма, внизу у самаго пола есть небольшая металлическая форточка. Она всегда закрыта и даже заперта на ключъ. За этою-то форточкою, подъ алтаремъ, въ совершенномъ мракѣ и сокрытъ камень, на которомъ отпечатлѣлся слѣдъ ноги Богоматери. Это часть скалы, которая закрыта алтаремъ, а на ней приходится слѣдъ, изъ коего по сказанію постоянно струитъ многоцѣлебная вода, предлагаемая вѣрующимъ.

Упоминаемаго слѣда, или стопы Пресв. Богородицы нынѣшніе русскіе богомольцы, къ большому ихъ сожалѣнію, дѣйствительно никогда не видятъ, да и весьма трудно было бы доставить имъ возможность его видѣть. Для этого пришлось бы или совсѣмъ снять католическій алтарь, закрывающій это мѣсто, или освѣтить внутренность этого, теперь упраздненнаго алтаря и каждому богомольцу предоставить возможность просунуться туда въ форточку по крайней мѣрѣ по плечи. Разумѣется, это было бы не невозможно, но зато было бы очень хлопотно и во многихъ отношеніяхъ неудобно. За богомольцами тамъ уже нельзя было бы наблюдать, а между ними случаются люди необъяснимыхъ фантазій. Такъ, напримѣръ, дубовый гробъ св. Александра Свирскаго уцѣлѣлъ отъ нихъ только въ нѣкоторой долѣ, а остальное они все изгрызли. Дѣлается это, конечно, по вѣрѣ и благочестію, но святыни отъ этого повреждаются и теряютъ свой видъ. А потому въ Почаевѣ для богомольцевъ все ограничивается тѣмъ, что они становятся на колѣни у упраздненнаго католическаго алтаря, покрывающаго стопу, а нарочитый инокъ, у котораго есть ключъ отъ металлической дверцы или форточки, отпираетъ ее и, протянувъ во внутрь руку, беретъ оттуда черпачекъ полный цѣлебной водою. Этой воды инокъ даетъ богомольцамъ попить и умыться, чѣмъ для нихъ все и кончается. Имъ подаютъ тарелку и говорятъ: „Клади гроши и иди съ Богомъ“. Они кладутъ и уходятъ, и въ большинствѣ случаевъ безъ неудовольствія.

Просьбы о дозволеніи видѣть „слѣдъ“ если и бываютъ, то онѣ не удовлетворяются, да если бы кому было и дозволено продѣть голову въ форточку, за которою сокрытъ камень, то таковой зритель все равно тамъ ничего не могъ бы разсмотрѣть, потому что здѣсь подъ алтаремъ темно совершенно, какъ въ закрытой скрынѣ.

Такіе порядки заведены тутъ искони, и какъ они соблюдались при уніатахъ, такъ же точно соблюдаются нынче и у насъ. И польскіе почитатели по-

чаевскихъ святынь напрасно увѣряютъ, что будто при базилянахъ было что-нибудь иначе, и будто „тогда всѣ стопу видѣли". И встарь, при отцахъ базилянахъ, это было точно такъ же, какъ нынче, т.-е. и тогда нельзя было ничего видѣть.

Если въ „сокрытіи" слѣда есть что-либо способное внушать неудовольствіе инымъ нынѣшнимъ богомольцамъ, то это заведено совсѣмъ не православными монахами, а базилянами, которые камня не увезли, ибо его увезти нельзя и онъ лежитъ на своемъ мѣстѣ.

Другое дѣло: есть ли какое-нибудь основаніе утверждать, что слѣдъ или стопа послѣ перехода лавры къ православнымъ произведена изваяніемъ?

И это тоже совершенная ложь.

Я имѣлъ рѣдкій случай обозрѣть эту святыню очень близко и совершенно явственно, и могу свидѣтельствовать, что всѣ толки объ изваяніи есть чистѣйшая выдумка. Можно всѣмъ ручаться, что никакой глазъ не въ состояніи обнаружить здѣсь ни малѣйшихъ признаковъ изваянія, или какой бы то ни было искуственности въ произведеніи „стопы".

Такъ какъ я былъ въ Почаевской лаврѣ во время всеобщихъ передѣлокъ въ храмѣ и притомъ я пріѣхалъ въ эту пограничную обитель съ доброю рекомендаціею моего давняго знакомца, бывшаго ректора кіевской академіи, впослѣдствіи епископа рижскаго Филарета Филаретова, къ в. пр. Агаѳангелу, архіепископу волынскому, то мнѣ была предоставлена значительно большая доля свободы въ обозрѣніи святынь храма. Дорожа этимъ рѣдкимъ случаемъ, я обозрѣвалъ скалу въ форточку съ зажженою восковою свѣчею въ рукѣ и видѣлъ все, что тамъ можно видѣть, и вотъ мои замѣчанія.

То углубленіе въ камнѣ, которое именуется „стопою Богородицы", безъ всякаго сомнѣнія, не есть что-либо изсѣченное или изваянное, какъ разсказываютъ люди, недовольные переходомъ монастыря въ православныя руки. Самаго быстраго и поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы удостовѣриться, что никакое каменосѣчное искусство здѣсь не имѣло никакого приложенія. Никакого мало-мальски отчетливаго подобія слѣда ноги человѣческой здѣсь незамѣтно, а видна, во-первыхъ, темноватая поверхность сплошнаго камня гранитной породы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ какъ бы надтреснувшаго, и посреди его площади есть значительная, продолговатая впадина, въ формѣ раковины узкой, но длинной, на подобіе подрыбнаго блюда. Въ такую длину никакая нога человѣческая не бываетъ. Продолговатое, и къ концамъ мелкое и сходящее на нѣтъ, углубленіе это на серединѣ темнѣе и гораздо глубже и тутъ въ немъ замѣтно немного воды. Струею или фонтаномъ вода не бьетъ, а скорѣе сочится, или набѣгаетъ. Впрочемъ тутъ же для чего-то стоитъ металлическій жбанъ съ водою.

Болѣе подъ алтаремъ нѣтъ ничего и ничья рука тутъ никакихъ признаковъ ваянія не оставила. Кто утверждаетъ противное, тотъ говоритъ неправду.

Самое углубленіе произошло очевидно отъ долговременнаго тренія серебрянымъ черпачкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась нерукотворенная „стопа Божіей Матери", имѣвшая, по сказанію, прежде, въ давнія времена, ту отчетливую форму стопы, какая и понынѣ изображается на пузырькахъ или въ „бутылочкахъ", въ какихъ монастырь раздаетъ воду богомольцамъ, получая деньги не за воду, а за посуду, т.-е. „за бутылочки". Такъ же отчетливо стопа изображается и на нѣкоторыхъ книжкахъ, въ этомъ монастырѣ печатаемыхъ, но такихъ правильныхъ очертаній ноги съ пятью перстами и пятою, какъ обе-

значаютъ на этихъ стеклянныхъ пузырькахъ, теперь на самой скалѣ разсмотрѣть уже невозможно. Да это и не могло быть иначе, такъ какъ постоянное треніе металлическаго черпачка значительно расширило и углубило то мѣсто въ камнѣ, гдѣ на него наступила нога Богородицы.

Слѣдовательно, тутъ нѣтъ мѣста ни для какого сомнѣнія въ томъ, что никакой ваятель здѣсь стопы не изсѣкалъ, а только есть, кажется, причина сожалѣть, что съ названною святынею не умѣли обращаться бережнѣе, чтобы сохранить ее ни мало неповрежденною. И въ этомъ смыслѣ крайне интересно было бы знать: произошли ли описываемыя мною поврежденія отъ черпачка или ковша по ненаходчивости нашихъ православныхъ монаховъ, или стопа была уже точно въ такомъ видѣ изглажденія и въ то время, когда монастырями завѣдывали нѣсколько иначе воспитанные отцы базиляне?

Князь Голицынъ, осматривавшій святыню Почаева много ранѣе меня, можетъ быть, могъ объ этомъ что-нибудь знать и сказать, но, къ сожалѣнію, ничего основательнаго не сказалъ. Въ этомъ, по моему, огромный недостатокъ его описанія святынь Почаева.

Что же касается знаменитой чудотворной Почаевской иконы, т.-е. до ея стиля и способа ея письма, то теперь это едва ли можетъ быть приведено къ какому-нибудь рѣшенію, такъ какъ икона, повидимому, была „поновляема", т.-е. прописана новыми красками и покрыта, кажется, не олифою, а лакомъ, который совсѣмъ не идетъ къ древнему письму красками, растворенными на яичномъ желткѣ. Въ такомъ ли видѣ была эта икона, когда ее осматривалъ князь Голицынъ, онъ тоже не говоритъ. Теперь же, чтобы судить объ этой иконѣ, надо бы ее прежде настоящимъ образомъ вымыть, т.-е. снять съ нея извѣстнымъ способомъ лакъ и новыя записи, какъ это было недавно сдѣлано г. Праховымъ надъ древнею иконою Николы Мокраго въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. И это, можетъ быть, было бы весьма полезно, ибо въ нынѣшнемъ состояніи Почаевской иконы она имѣетъ видъ иконы новой, въ способѣ произведенія которой чувствуются пріемы и навыки руки, склонной болѣе къ живописной итальянской манерѣ, чѣмъ къ строгой иконописи византійскаго стиля. Но, повторяю, это еще не можетъ быть несомнѣннымъ подтвержденіемъ того, что отцы базиляне будто дѣйствительно старую икону выкрали, а намъ оставили новую копію, ибо по всѣмъ видимостямъ (съ которыми согласны и монастырскіе разсказы) на иконѣ есть „поновки", т.-е. позднѣйшія записи, подъ которыми, можетъ быть, и сокрыты драгоцѣнныя черты настоящаго древняго письма [1]).

---

[1]) Между разными странностями слѣпотствующаго ума существуетъ повѣрье, что иконы, особенно чтимыя за ихъ чудотворную силу, „нельзя раздѣвать, т. е. обнажать отъ ризы". По мѣстамъ это соблюдается строго и ризы съ особенно чтимыхъ иконъ не снимаютъ много лѣтъ. Такъ во все это время ризу почистятъ, не снимая съ образа, а самую иконопись не осматриваютъ, и потомъ вдругъ бываютъ поражены ея порчею, зависящею и отъ воздушныхъ перемѣнъ, дѣйствующихъ и на металлъ и на дерево, и отъ разныхъ иныхъ причинъ, которыя даже не могутъ придти въ голову. Такъ напр., когда профес. Адр. И. Праховъ въ прошломъ 1881 году снялъ ризу съ Николы Мокраго, то тамъ между ризою и самимъ образомъ оказались цѣлыя засыпи мелкой и ѣдкой пыли, и въ ней бумажные сверточки съ грошами, гривнами и двугривенными. Все это, по мнѣнію причта, „прокидано въ жертву святому черезъ ручку, або черезъ пазуху". Такой обычай есть. Онъ основанъ на тѣхъ соображеніяхъ, что подобнымъ образомъ опущенную жертву „попы уже не скрадутъ отъ Бога". На нѣкоторыхъ сверточкахъ еще можно было прочесть порученіе, какое жертвователи дѣлали

Было бы очень желательно, чтобы эти строки склонили князя Н. С. Голицына припомнить и пояснить: въ такомъ ли видѣ представлялись святыни Почаева, когда онъ гораздо ранѣе меня ихъ осматривалъ, или тогда тутъ что либо было иначе.

Post scriptum. Статья эта была окончена наборомъ, когда въ Петербургѣ получена новая, сентябрская книжка „Кіевской Старины", гдѣ напечатаны два до сихъ поръ неизвѣстные документа „по дѣлу передачи Почаевской лавры изъ вѣдомства уніатовъ въ вѣдомство православія".

Оба документа чрезвычайно интересны, особенно въ сравненіи съ статьею кн. Голицына, которую сама „Кіевская Старина" называетъ „не обильною фактами". Зато два новые документа изобилуютъ фактами, и хотя всѣ они опять почти не касаются самаго, по нашему мнѣнію, главнаго, т. е. не даютъ понятія о тогдашнемъ состояніи почаевскихъ святынь, но выясняютъ причину, почему все это дѣло представляется въ такой темнотѣ.

Пробѣжимъ эти любопытные документы, прослушаемъ сдѣланные изъ нихъ въ Кіевѣ выводы и въ заключеніе скажемъ, что̀ намъ самимъ думается.

Первый оглашаемый „Стариною" документъ есть „отношеніе коммиссіи военнаго суда въ г. Житомірѣ надъ мятежниками въ волынскую греко-россійскую духовную консисторію". Рѣчь идетъ „о расхищеніи имущества бывшаго почаевскаго базиліанскаго монастыря при передачѣ въ лоно православія". Производится слѣдствіе самою военно-судною коммиссіею и по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, въ 1833 году. Надо, кажется, предполагать большую строгость и отчетливость въ исполненіи воли этого твердаго государя надъ мятежными монахами, приютившими у себя отрядъ открытыхъ повстанцевъ Дверницкаго. Посмотримъ же, какъ это исполнялось на дѣлѣ: это и любопытно, и поучительно, особенно для тѣхъ, которые говорятъ о прошломъ безъ знанія и безъ понятій.

Угощеніе отряда Дверницкаго уніатскими монахами Почаевской лавры происходило въ началѣ іюня 1831 года, а 13-го іюля настоятель, казначей и экклезіархъ лавры отправлены подъ конвоемъ въ кіевскую крѣпость. Въ монастырѣ было „устроено временное правленіе", т. е. вмѣсто настоящаго архимандрита Сковскаго монастыремъ поручено править базиліанскому же монаху Вышатицкому.

Въ документѣ не сказано, но живое преданіе передаетъ, что базиліане съ этой поры уже знали, что дѣло кончится для нихъ самымъ роковымъ образомъ, т.-е. что лавру у нихъ возьмутъ и передадутъ въ православное вѣдомство. И этому легко можно вѣрить: императоръ Николай такихъ дѣлъ не прощалъ. По увѣреніямъ стариковъ, „базиляне знали объ этомъ гораздо ранѣе, чѣмъ пришло распоряженіе"—„чули зъ синода" и загодя уже начинали „що кра̀сты, а що не можно вкрасты—то шкодыти; и тутъ и пансвятшей Маты Божей икону до себя затягли, а на ея мѣстѣ що-сь друге одмалевалы, а плыту яко-сь пошкодылы".

святому Николаю. Мнѣ приходили на память двѣ такія записочки: „Святителю отче Николае, соедини убо рабовъ твоихъ Василія и Надежду", и другая: „Святителю отче Николае, устрой и соверши 1-го займа серіи № такой-то, билета № такой-то". Все это конечно очень тепло и жизненно, но жертвицы эти, ерзая между ризой и иконописью, все-таки царапаютъ и портятъ икону.

Н. Л.

Коммиссія (по документу), назначенная для пріема лавры, прибыла туда только 8-го октября 1831 года, и то съ подходомъ. „Пріѣхали химондритъ зъ крутопопами, и сказалы що буцимъ-то ідуть встрѣчать митрополита“ (Евгенія Болховитинова). Почаевскіе монахи базиляне дали гостямъ пріютъ. Въ подсылѣ были архимандритъ Флавіанъ и протоіереи Новицкій и Рафальскій (впослѣдствіи Антоній, архіепископъ варшавскій, митрополитъ петербургскій). Имъ, очевидно, назначено было лгать, и они лгали базилянамъ, что ожидаютъ Евгенія, но, по разсказамъ, „сами соромались, бо бачили, що базилянски отци имъ не вѣрятъ“.

Положеніе подсыльныхъ было такое непріятное, что они утромъ притворились спящими и долго не выходили. Только одинъ Рафальскій „погулявъ трохи по дѣдынцю, та и зновъ заховався до покою, — бо мавъ въ души совисть“.

Впрочемъ, и всѣмъ имъ было будто стыдненько, особенно при встрѣчахъ съ глазу на глазъ съ базилянами, которые говорили съ ними „шуткуючи, або мовчали съ усмихомъ“. Словомъ, базиляне давали имъ ясно понять, что они хорошо знаютъ о цѣли пріѣзда своихъ гостей и, пожалуй, не очень-то ихъ боятся.

„На другой день, во второмъ часу (писано въ документѣ), кременецкій исправникъ Булаковскій, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и велѣлъ никого не пущать въ оный или изъ онаго“. Гости тамъ остались тоже. „А послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Буликовскій, засѣдатели Солнцевъ и Горскій, секретарь греко-уніатской консисторіи Карашевичъ, игуменъ Іаникій и монахъ Маврикій“.

Они съ прежде прибывшими составили коммиссію и приступили къ „принятію монастыря со всѣмъ имуществомъ въ православное вѣдомство: отобрали отъ базилянъ ключи отъ церкви (стало быть, и отъ той, гдѣ „стопа“ и „икона“), отъ казначейства и кладовыхъ, отъ погребовъ и амбаровъ; опечатали своими печатями безъ приглашенія базилянъ и поставили военный караулъ внутри и снаружи, а исправлявшаго должность казначея монаха Шивурскаго держали подъ карауломъ восемь дней“. Этотъ исправляющій должность казначея „отдавалъ имъ тѣ деньги, которыя зналъ, сидя подъ арестомъ“. Прежде всего вниманіе православныхъ пріемщиковъ было обращено на деньги, потомъ на цѣнныя вещи: „они описывали золотыя и серебряныя кольца и табакерки, часы карманные и монеты, собольи воротники и старопольскіе золотые и серебряные пояса, серебряные подсвѣчники, столовыя и разныя ложки, ножи и вилки“. Затѣмъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей по описи, но вещи эти были „облаченія и золотые сосуды“. Въ облаченіяхъ оказывалось излишество противъ описи, а въ золотыхъ сосудахъ коечего не доставало, но послѣ все отыскалось. Потомъ дошло и до иконы Богородицы Почаевской, но объ осмотрѣ самой иконы и о свѣркѣ ея — не сказано ни слова, а записано только, что у нея было такъ много серебряныхъ вызолоченныхъ привѣсокъ, что пріемщики „не считали ихъ, но только перевѣсили. Было ихъ до 600, а можетъ быть и болѣе“. Все принимали кое-какъ и наскоро, какъ будто спѣша къ чему-то болѣе отрадному и существенному. Одно брали безъ депутатовъ, другое то теряли, то находили снова. Денегъ приняли много, но много еще и „просыпали“, потому что мѣшокъ разорвался.

Занося всѣ эти свѣдѣнія въ свое отношеніе, военно-судная коммиссія, оче

видно, давала цѣну этой необъяснимой и непростительнѣйшей небрежности пріемщиковъ, такимъ образомъ исполнявшихъ высочайшую волю строгаго государя.

„Такъ равно, продолжаетъ коммиссія, приняты ими погребъ съ сыченымъ медомъ, буфетъ и погреба съ винами и водкою, причемъ „іеромонахъ Галичскій подъ описью не подписался, ибо не имѣлъ на то отъ пріемщиковъ приказанія“. Только здѣсь утихаетъ спѣшка и пріемъ идетъ гораздо продолжительнѣе. „Таковой пріемъ продолжался съ 9-го октября до послѣднихъ чиселъ ноября безъ депутатовъ со стороны базилянъ“. Православные пріемщики прямо „отозвались“, что при пріемѣ погребовъ имъ „депутатовъ не нужно“.

Отъ такой системы пріема, разумѣется, обнаружились самыя странныя и зазорныя вещи: много кое-чего пропало и не нашлось, а иное отыскано, причемъ оказалось, что „стаканчикъ отъ стопы Божіей Матери (будто) давно еще, во время храмоваго праздника, украденъ“. И затѣмъ о „стопѣ“ болѣе ни слова...

Скажемъ, однако, отъ себя, что этотъ стаканчикъ былъ извѣстенъ богомольцамъ такъ же, какъ извѣстенъ, напр., мѣдный крестъ Марка гробокопателя (которымъ тоже пьютъ); многіе изъ стариковъ, часто посѣщавшихъ лавру, „во время ея громкой славы при унитахъ“, увѣряютъ, что „стаканчикъ“ этотъ не былъ особенно цѣненъ по вѣсу металла, но онъ имѣлъ цѣнность другаго рода: онъ былъ какъ бы принадлежность стопы,—„належалъ до нея“, и какъ освященный предметъ, онъ, по разсказамъ, былъ „унесенъ въ кляшторъ по тій бікъ границы, куда унесли и правдивый образъ“.

Такъ, пока православные пріемщики справлялись съ пріемомъ казны, утвари и буфета съ погребами, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандалезныхъ исторій, сдатчики базиляне, кажется, дѣйствительно имѣли достаточно и времени и возможности, чтобы утаить и вынести предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоцѣнными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ снова притекутъ деньги. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что „стаканчикъ отъ стопы“ не у насъ; а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у пріемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова...

Второй документъ есть отвѣтный „репортъ“ игумена Іаникія, который вообще на вопросы коммиссіи ничего не объяснилъ. Онъ такъ все позабылъ, что даже написалъ: „и когда конченъ пріемъ монастыря, не помню“. Очевидно, какой-то совсѣмъ безпамятный. Допрашивали ли памятливыхъ — неизвѣстно.

Тутъ и все. Это, конечно, немного, но, однако, достаточно для того, чтобы раздражить любознательность и возбудить охоту къ раскрытію подробностей этого страннаго и срамнаго дѣла. Когда-нибудь оно и разъяснится, ибо „Кіевская Старина“ говоритъ, что на Волыни многіе еще помнятъ грандіозные разсказы о почаевскомъ погромѣ, и указываетъ на существованіе важныхъ по этому дѣлу бумагъ „въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ“.

Извлечь эти бумаги на свѣтъ, разумѣется, будетъ интересно, но для выясненія вопроса о существѣ главныхъ почаевскихъ святынь и о томъ, въ какомъ видѣ онѣ переходили къ намъ отъ уніатовъ, кажется, все это ничего не прибавитъ. Такъ приходится судить по запросу военно-судной коммиссіи, изъ котораго видно, что пріемщики были заняты совсѣмъ другимъ и объ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили...

Это теперь уже, конечно, непоправимо и навсегда оставитъ извѣстную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумны базиляне дурныхъ москалей ошукали и усе святэ до себя загранылю въ кляшторъ забрали".

„Кіевская Старина" скорбитъ, что Почаевская лавра — „этотъ старинный народно-религіозный центръ Галичины, Волыни и Подолья, имѣвшій огромное вліяніе на народъ въ періодъ уніатскій, съ переходомъ въ православіе замираетъ и меркнетъ".

Это и въ самомъ дѣлѣ очень грустно, особенно для того, кто видѣлъ эту прекраснѣйшую мѣстность и этотъ хорошо устроенный на католическій манеръ монастырь, напоминающій нынѣ запущенный домъ безъ хозяина. „Необходимо бы изслѣдовать причины ослабленія дѣятельности Почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе", говоритъ „Кіевская Старина", и говоритъ правду. Кажется, давно бы пора замѣтить и изслѣдовать такое очевидное и такое невыгодное явленіе, какъ упадокъ всякаго значенія лавры для народа. Лавра вѣдь въ нашихъ рукахъ цѣлое полустолѣтіе. Но пока невозможны изслѣдованія, требующія свободы и безпристрастія выводовъ и иныхъ отношеній къ фактамъ, возможны по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе основательныя догадки о томъ, что̀ лаврѣ повредило и что̀ могло бы вернуть ей „время, когда ея обновленная дѣятельность зацвѣтетъ среди обновленнаго народа".

Кто отвѣтитъ „Кіевской Старинѣ", когда придетъ ожидаемое ею благополучное время, да и вообще — придетъ ли оно для обители, которая сдѣлала свое историческое дѣло и „шумная дѣятельность ея замерла, а слава померкла?" Всему свое время подъ солнцемъ, и поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ „въ періодъ уніатскій"—теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому много помѣхъ не въ однихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, что бы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣятелей и всѣхъ передѣлаетъ. Но „Кіевская Старина" полагаетъ, что значеніе Почаевской лавры въ народѣ могло бы оживить поднятіе здѣшней типографской дѣятельности. Журналъ указываетъ, что лавра могла бы „возвратить народу старинныя, любимыя имъ пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распроняли монахи базиляне". „Народъ о сю пору спрашиваетъ почаевскія книжки и выражаетъ смущеніе при отвѣтѣ, что этихъ книжекъ больше купить нельзя".

Конечно, это вѣрно, что базилянскіе пѣснопѣвные стишки и проповѣди (казанія) на мѣстномъ народномъ малорусскомъ языкѣ широко распространяли имя и значеніе лавры, и они частію сдѣлали ее любезною и полезною народу. Но думается, что не это одно заморило и примрачило значеніе лавры; есть основаніе думать, что въ простомъ народѣ сдѣлали лаврѣ много вреда толки о поврежденіи однихъ и о похищеніи другихъ святынь.

По несчастному навыку страшиться только того, что напечатано, и считать незначащимъ все, что носится въ видѣ вѣстей и слуховъ, мы отвыкли соразмѣрять силу и значеніе укрывающейся отъ всякой цензуры молвы. Въ этомъ наша бѣда при многихъ случаяхъ, а преимущественно въ вопросахъ религіозныхъ. „Колебаніе религіозныхъ основъ" всецѣло пишется на счетъ, подлежащій къ уплатѣ изъ бѣдныхъ скарбцевъ литературы, между тѣмъ какъ

все выражаемое литературою давно гораздо рѣзче и гораздо недоброжелательнѣе проходитъ въ народѣ безъ всякаго участія печати.

Святыни Почаевской лавры можетъ быть надо не прятать отъ глазъ подъспудомъ, что возбуждаетъ недоумѣніе и говоръ, а надо бы ихъ сдѣлать видимыми и объяснить въ толково составленныхъ описаніяхъ ихъ видъ, значеніе и естественныя перемѣны, которымъ онѣ подвергались отъ времени и отъ прикосновеній...

Это все могло бы быть сдѣлано, конечно, съ полнымъ уваженіемъ къ святынямъ и несомнѣнно тоже „послужило бы къ тому же подъему упавшаго значенія Почаевской лавры, о которомъ хлопочетъ „Кіевская Старина". Необходимо сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы доказать нашу правду такъ же смѣло и открыто, какъ сторона противнаго кляштора доказывала свою ложь.

Иначе дѣлать нечего. Молчкомъ здѣсь не опрокинешь вредящихъ лаврѣ толковъ объ ея святыняхъ.

Кіевскій журналъ указываетъ на совершившееся окончательное присоединеніе уніатовъ-малоруссовъ къ православію, послѣ чего должно бы начаться тяготѣніе ихъ къ Почаевской лаврѣ.

Правда, что уніаты присоединены—это фактъ, но и охватывающая этотъ край штунда, надо полагать—тоже фактъ.

Однако, оставимъ это волѣ Божіей. Въ историческихъ цѣляхъ, кажется, слѣдовало бы неукоснительно выяснить, какими мы получили почаевскія святыни отъ базилянъ? Со стороны редакціи кіевскаго историческаго изданія было бы большою заслугою, если бы оно, зная канцеляріи, въ которыхъ гніютъ бумаги о передачѣ лавры въ православіе, подала вѣрныя свѣдѣнія не объ однихъ деньгахъ и погребахъ, которые приняли православные, а и о томъ, что дороже и погребовъ, и денегъ. Мы разумѣемъ извѣстіе о самихъ святыняхъ, о стопѣ и объ иконѣ: кѣмъ они изъ православныхъ были свидѣтельствованы по положенію, въ какомъ видѣ описаны, и гдѣ хранится актъ этого освидѣтельствованія? Это помимо историческаго интереса даетъ возможность для самой убѣдительной отповѣди, въ интересахъ церковныхъ.

Пусть пріемъ лавры православными представлялъ что-то въ родѣ чудовищнаго хищенія, возмутившаго государя Николая Павловича, но не можетъ же быть, чтобы увлеченіе цѣнностями и напитками такъ поглотило всѣхъ, что главнѣйшія святыни оставлены даже вовсе безъ свидѣтельствованія и безъ описанія?!

„Кіевской Старинѣ" удобнѣе всѣхъ разъяснить это удивительное дѣло изъ временъ того порядка, въ возвращеніи къ которому иные усматриваютъ возвращеніе въ покой свой.

Н. Лѣсковъ.

12-го сентября 1882 г.
С.-Петербургъ.

ЗАМѢТКА
О ПЕРВОМЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ ЖУРНАЛѢ
„УЕДИНЕННЫЙ ПОШЕХОНЕЦЪ".

Ярославль можетъ гордиться, какъ родина русскаго театра. Это—фактъ общеизвѣстный. Но едва-ли многіе знаютъ, что Ярославлю принадлежитъ другая честь, другая заслуга, хотя и менѣе важная, чѣмъ первая, однако все-таки заслуга почтенная предъ отечествомъ.

Разумѣемъ изданіе здѣсь въ Ярославлѣ перваго (по времени) русскаго провинціальнаго журнала: „Уединенный Пошехонецъ", основаннаго при Екатеринѣ II, въ 1786 года, довольно извѣстнымъ тогда труженикомъ-стихотворцемъ Василіемъ Демьяновичемъ Санковскимъ, секретаремъ приказа общественнаго призрѣнія. Благодаря ему, а также ярославскому и вологодскому намѣстнику Алексѣю Петровичу Мельгунову, — личности исторической, игравшей особенно важную роль при Петрѣ III,—Ярославль первый изъ русскихъ провинціальныхъ городовъ получилъ возможность имѣть свой печатный органъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о достоинствахъ и недостаткахъ названнаго журнала. На него, конечно, слѣдуетъ смотрѣть ужъ никакъ не съ точки зрѣнія современной литературной критики. Такъ (скажемъ для сравненія), ни одинъ изъ нынѣшнихъ моряковъ не рѣшится хвалить или охуждать дѣдушку русскаго флота и дѣлать какія-либо сравненія между нимъ и настоящимъ его потомствомъ. „Уединенный Пошехонецъ" былъ дѣдушкой русской провинціальной печати, зародившейся въ Ярославлѣ. Вотъ и все. Этими словами ясно опредѣляется его библіографическое значеніе и право на уваженіе къ нему со стороны его многочисленнаго, хотя, къ сожалѣнію, еще слабаго и далеко не повсемѣстнаго потомства, иначе сказать—со стороны русской провинціальной журналистики.

Думается и вѣрится, что она, изъ уваженія къ себѣ и къ своему отдаленному предку — „Уединенному Пошехонцу", отпразднуетъ столѣтній юбилей его въ недалекомъ будущемъ, именно въ январѣ 1886 года.

Исполнится-ли это задушевное желаніе наше, какимъ образомъ и гдѣ, мы не вѣдаемъ. Конечно, всего приличнѣе было-бы отпраздновать этотъ скромный, но многознаменательный юбилей на мѣстѣ родины русской провинціальной печати, т. е. въ Ярославлѣ, съ участіемъ представителей мѣстныхъ ученыхъ и литературныхъ силъ, а также города и земства, при добрыхъ гостяхъ— иногородныхъ журналистахъ. Но, не вдаваясь въ напрасныя мечты, мы считаемъ своей обязанностью заблаговременно напомнить тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, т. е. нашимъ собратамъ—потомкамъ „Уединеннаго Пошехонца", что на всѣхъ ихъ лежитъ нравственный долгъ почтить, такъ или иначе, память перваго (по времени) провинціальнаго журналиста, Василія Демьяновича Санковскаго. Право, стыдно и грѣшно забывать нашихъ литературныхъ піонеровъ! Ярославцы-же, если позабудутъ ихъ, совершатъ двойной грѣхъ, ибо „Уединенный Пошехонецъ", кромѣ своего библіографическаго общерусскаго значенія, имѣетъ еще значеніе туземное, мѣстное. Въ этомъ журналѣ встрѣчается много такихъ статей, которыя и понынѣ могутъ пригодиться для исторіи и исторической статистики нашего ярославскаго края. Въ немъ печатались матеріалы,

такъ-сказать, земскіе—въ видѣ очерковъ всей губерніи и отдѣльныхъ ея уѣздовъ. Все это предавалось тисненію съ указаннаго дозволенія на маленькихъ листочкахъ сѣрой бумаги... Но мы не смѣемся надъ ними; напротивъ, мы смотримъ съ невольнымъ уваженіемъ на эти сѣрые листочки, которые теперь составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость.

Слѣдуетъ вновь воспроизвести эту рѣдкость, для того, чтобы она не исчезла окончательно, какъ исчезли, напримѣръ, для большинства любителей старины нѣкоторыя періодическія изданія Екатерининскаго времени. Если на это возразятъ намъ, что ихъ можно найти въ императорской публичной библіотекѣ, то такое замѣчаніе въ сущности ничего не значитъ: не каждый изъ насъ, уважающихъ памятники литературной старины, можетъ отправиться въ означенное книгохранилище и познакомиться тамъ съ ними болѣе или менѣе тщательнымъ образомъ. Вотъ почему русская читающая публика и отнеслась сочувственно къ трудамъ нашихъ лучшихъ библіографовъ. Разумѣемъ П. А. Ефремова, А. Н. Неустроева и покойнаго Афанасьева. Ими изданы вновь, между прочимъ: „Трутень", „Пустомеля", „Живописецъ", „Кошелекъ", „Поденьщина", „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости" на 1777 годъ и нѣк. др. Почти всѣ эти новыя изданія составляютъ теперь уже сами библіографическую рѣдкость.

Что касается „Уединеннаго Пошехонца", то намъ извѣстны всего лишь три-четыре экземпляра; но всѣ они не полны: утрачены не только отдѣльныя страницы, но и цѣлые нумера. Составляя свой весьма почтенный трудъ: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1803 года" (СПБ., 1874), г. Неустроевъ встрѣтилъ затрудненіе относительно „Уединеннаго Пошехонца", который хотя и оказался въ императорской публичной библіотекѣ, „но увы! (писалъ намъ г. Неустроевъ) съ большими недостатками". Намъ было пріятно сдѣлать, въ этомъ случаѣ, посильную услугу почтеному библіографу [1]). Затѣмъ мы напечатали въ Русскомъ Архивѣ (1879 г.) довольно-обширное изслѣдованіе объ „Уединенномъ Пошехонцѣ",—а нынѣ заявляемъ предъ русскими читателями твердое намѣреніе издать этотъ журналъ въ непродолжительномъ времени, однако при нѣкоторыхъ (далѣе высказанныхъ) условіяхъ.

Перепечатка будетъ сдѣлана самая тщательная, изъ буквы въ букву, съ соблюденіемъ довольно-своеобразной орфографіи этого журнала и даже съ сохраненіемъ „погрѣшностей" (опечатокъ), кромѣ лишь тѣхъ, которыя оговорены были самимъ редакторомъ его, Санковскимъ [2]). Къ сожалѣнію, типографскія условія не позволятъ намъ приступить ко второму изданію въ форматѣ перваго изданія; отсюда неминуемо произойдетъ между ними разница въ страницахъ. Только въ этомъ и будетъ заключаться несходство изданій 1786 и 1883 годовъ,—несходство, думаемъ, маловажное и способное огорчить развѣ только однихъ отчаянныхъ библіомановъ, но ужъ никакъ не разумныхъ библіофиловъ. Между ними, какъ извѣстно, лежитъ цѣлая бездна.

---

[1]) О другомъ ярославскомъ журналѣ: Ежемѣсячное Сочиненіе (1787 г.), служившемъ продолженіемъ Уединеннаго Пошехонца, г. Неустроевъ замѣчаетъ, что этого журнала ни въ одной библіографіи не значится; его не нашли мы и ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ.—Указаніе на Ежемѣсячное Сочиненіе, съ описаніемъ его содержанія, получено г. Неустроевымъ отъ насъ-же. *Л. Т.*

[2]) Въ предисловіи мы помѣстимъ его біографію, основанную на рукописныхъ и печатныхъ источникахъ. *Л. Т.*

Замѣтимъ еще, что для предположеннаго нами изданія мы воспользуемся экземпляромъ, который нѣкогда принадлежалъ самому редактору „Уединеннаго Пошехонца", что доказывается автографическими поправками Санковскаго [1]). Лучше, полнѣе этого экземпляра нигдѣ, смѣемъ предполагать, не имѣется.

Итакъ, мы высказали наше намѣреніе возсоздать первообразъ того журнала, отъ котораго должна вести свою генеалогію русская провинціальная журналистика. Дѣло будетъ исполнено добросовѣстно, старательно, на сколько это зависитъ отъ нашего умѣнья. Тѣнь перваго журналиста-провинціала Василія Демьяновича Санковскаго не упрекнетъ насъ за торопливую, небрежную работу. Любители книжной старины, авось, также скажутъ намъ спасибо. Но вотъ роковой вопросъ: много-ли ихъ у насъ въ Россіи, и поддержать-ли они наше изданіе?—Безъ этой-же поддержки оно немыслимо. Далекіе отъ надежды на матеріальныя выгоды, мы, однакожъ, не рѣшимся дѣйствовать здѣсь на „авось". За это насъ упрекнула-бы сама вышеозначенная тѣнь, которая, будучи плотью въ 1786 году, по собственному ея признанію, встрѣчала множество житейскихъ обстоятельствъ. (См. стихотвореніе Санковскаго „Охъ"! въ Уед. Пошех"., № 9, стр. 568—577). Право, не большое будетъ удовольствіе, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношенія, если издателю (говоримъ о себѣ) придется продать только два-три десятка книгъ, всѣ-же остальные экземпляры осудить на ауто-да-фе, или, что нисколько не лучше, спустить ихъ въ лавочки, для завертыванія мыла и ваксы. Вовсе не желательно (да и накладно, скажемъ откровенно) уподобляться одному изъ творцовъ о д ъ Екатерининскаго времени:

„...И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ..."

Разсчитывать исключительно на мѣстную, ярославскую публику... нѣтъ, это слишкомъ страшно! Никто въ своемъ отечествѣ пророкомъ не бывалъ... Это—горькая, но святая истина, не въ обиду будь сказано нашимъ родичамъ-туземцамъ. Остается надежда на иногородныхъ подписчиковъ, преимущественно на лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ провинціальной журналистикѣ. Авось хоть они-то поинтересуются узнать: а каковъ-то былъ нашъ дѣдушка „Уединенный Пошехонецъ"? А о чемъ-же онъ толковалъ, и какъ толковалъ?

...Толковалъ онъ (худо-ли, хорошо-ли, — разумѣется, это иной вопросъ) весьма о многомъ. Программа его была, по тому времени, довольно-обширная. Напримѣръ, въ нее входили достопамятныя происшествія, случившіяся въ здѣшней странѣ (т. е. въ Ярославской губерніи) издревле и нынѣ. Затѣмъ былъ отдѣлъ благотворительныхъ и человѣколюбивыхъ дѣяній, оказанныхъ частными людьми къ общественной пользѣ. Помѣщались также въ „Уединенномъ Пошехонцѣ", по примѣру тогдашнихъ столичныхъ изданій, разныя духовныя, философическія, нравоучительныя и историческія сочиненія. Кромѣ того, въ ярославскомъ ежемѣсячномъ сочиненіи давалось мѣсто статьямъ, до естественной исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащимъ. Впродолженіи года составилась объемистая книжка въ 782 стр., о которой и идетъ наша рѣчь.

---

[1]) Экземпляръ этотъ потомъ принадлежалъ покойному ярославскому любителю древностей, письменныхъ и печатныхъ, купцу Егору Васильевичу Трехлѣтову, и наконецъ, путешествуя изъ рукъ въ руки, доставался намъ, по счастливой случайности, впрочемъ, за хорошую цѣну. *Л. Т.*

Заключаемъ ее, эту рѣчь, слѣдующимъ предложеніемъ, обращеннымъ къ любителямъ и цѣнителямъ отечественной книжной старины:

1) Второе изданіе „Уединеннаго Пошехонца" выйдетъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ: отъ 400 до 450, не болѣе. Если-бъ (сверхъ ожиданія) число пренумерантовъ оказалось больше, то и въ этомъ случаѣ мы остановимся на означенной послѣдней цифрѣ, какъ удовлетворяющей вполнѣ наши (далеко не эгоистическіе) разсчеты и въ то же время очень близко къ количеству экземпляровъ перваго изданія названнаго журнала. Для библіографической цѣли, которую мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, вовсе не требуется большаго числа пренумерантовъ.

2) Выйдетъ это изданіе въ 1883 году лишь въ томъ случаѣ, если заблаговременно (не далѣе 1-го декабря сего 1882 года) нижеподписавшійся получитъ заявленія отъ подписчиковъ (но безъ приложенія денегъ) по крайней мѣрѣ на 350 экземпляровъ. Для отвѣтовъ требуется почтовая марка. Получивъ къ означенному сроку упомянутыя заявленія, мы немедленно приступимъ къ печатанію, съ полной увѣренностью, что подписка состоялась, и что пренумеранты не замедлятъ высылкою денегъ, по первому нашему требованію. Книга выйдетъ въ мартѣ 1883 г.

3) Цѣна за экземпляръ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкой по почтѣ—2 руб. Выписывающіе болѣе трехъ экземпляровъ за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ, кромѣ того, дѣлается уступка отъ 10-ти до 20%, смотря по числу требуемыхъ экземпляровъ и по взаимному соглашенію, но безъ отдачи на коммиссію.

4) Адресъ: Ярославль, въ губерскую земскую управу, въ редакцію Вѣстника Ярославскаго Земства, Леониду Николаевичу Трефолеву.

Мы будемъ глубоко обязаны редакціямъ тѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій, которыя познакомятъ своихъ читателей съ настоящею замѣткой. Безъ этого благосклоннаго участія она можетъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Тогда, по неволѣ, придется сказать, обратившись къ „Уединенному Пошехонцу":

Спи, милый прахъ, до радостнаго утра!

Когда-же засіяетъ это радостное утро, о томъ мы скромно умалчиваемъ; но вѣримъ, что оно когда-нибудь да наступитъ для правнучатъ нашего добраго, хотя нѣсколько наивнаго столѣтняго старца, „Уединеннаго Пошехонца", желающаго вновь выглянуть въ Ярославлѣ на божій—земскій свѣтъ.

Л. Трефолевъ.

Ярославль.
12 Сентября 1882 г.

Рана Ренси не была смертельна. Онъ изнемогалъ отъ сильной потери крови, хотя бормоталъ сквозь зубы съ насильственнымъ смѣхомъ, что „этимъ дѣло не кончится!“ Ему сдѣлали перевязку и послали за хирургомъ, который явился вмѣстѣ съ монахомъ. Оба довольно долго спорили между собой о томъ, кому изъ нихъ взять раненаго на свое попеченіе; но друзья Ренси положили конецъ спору, отдавъ предпочтеніе хирургу. Этотъ приказалъ перенести больнаго на берегъ Сены и повезъ въ лодкѣ къ себѣ на квартиру.

Въ это время слуги собирали окровавленныя салфетки, подмывали полъ и разставляли на столѣ новыя бутылки. Водрѐль, тщательно обтеревъ свою шпагу, вложилъ ее въ ножны и, перекрестившись, хладнокровно вынулъ изъ кармана распечатанное письмо.

Когда опять всѣ сѣли за столъ на свои прежнія мѣста, онъ прочелъ первую строку письма при громкомъ взрывѣ хохота со стороны слушателей:

„Mon chéri, этотъ несносный шевалье Ренси становится все невыносимѣе“...

— Уйдемъ отсюда! сказалъ Мержи своему брату, съ чувствомъ глубокаго отвращенія.

Чтеніе письма настолько поглотило общее вниманіе, что никто не замѣтилъ ихъ отсутствія.

ГЛАВА IV.

Исповѣдь отступника.

Капитанъ Жоржъ, вернувшись въ городъ съ братомъ, повелъ его въ свою квартиру. Дорогой оба они едва обмѣнялись нѣсколькими словами, такъ какъ тяжелая сцена, при которой они были невольными свидѣтелями, не располагала ихъ къ сообщительности. Между тѣмъ, подобныя ссоры и слѣдовавшіе за ними поединки представляли въ эту эпоху самое обыденное явленіе. Съ одного конца Франціи до другаго щепетильность дворянъ относительно вопросовъ чести вела къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ. Въ царствованіе Генриха II и Генриха IV едва ли не большее число дворянъ погибло отъ дуэлей, нежели впродолженіе десяти лѣтъ междоусобныхъ войнъ.

Квартира капитана была роскошно меблирована. Шелковыя занавѣси и ковры яркихъ цвѣтовъ привлекли вниманіе младшаго Мержи, привыкшаго къ болѣе скромной обстановкѣ. Онъ вошелъ въ кабинетъ, который Жоржъ называлъ своей „молельной“, потому что слово „будуаръ“ еще не было тогда извѣстно. Дубовый налой, украшенный

рѣзьбой; Мадонна, нарисованная итальянскимъ художникомъ, и кропильница съ буксовой вѣткой, повидимому, оправдывали благочестивое назначенiе этой комнаты, хотя съ другой стороны кушетка, обитая черной шелковой камкой, венецiанское зеркало, портретъ молодой женщины, оружiе и музыкальные инструменты свидѣтельствовали о свѣтскихъ привычкахъ хозяина.

Мержи бросилъ презрительный взглядъ на кропильницу и буксовую вѣтку, которыя служили грустнымъ доказательствомъ отступничества его брата. Маленькiй лакей поставилъ на столъ конфекты, орѣхи, вареные въ сахарѣ, и бѣлое вино. Чай и кофе не были еще тогда въ употребленiи, и вино замѣняло эти напитки для невзыскательныхъ предковъ нынѣшнихъ французовъ.

Мержи налилъ себѣ стаканъ вина; но все его вниманiе было поглощено крапильницей и налоемъ. Изъ груди его вырвался глубокiй вздохъ; онъ пристально взглянулъ на своего брата, который небрежно растянулся на кушеткѣ, и сказалъ:

— Ты, кажется, совсѣмъ сдѣлался папистомъ! Что сказала бы наша мать, если бы она по какому нибудь случаю очутилась здѣсь?

Эти слова видимо огорчили Жоржа; онъ нахмурилъ свои густыя брови и сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы упрашивая своего брата не касаться этого щекотливаго вопроса.

Но тотъ не былъ расположенъ щадить его и продолжалъ:

— Неужели ты не только устами, но и сердцемъ отрекся отъ вѣры нашей семьи?

— Я не знаю, что собственно ты называешь „вѣрой нашей семьи“... Она никогда не была моей вѣрой!... Неужели ты воображаешь, что я могъ придавать какое либо значенiе лицемѣрнымъ проповѣдямъ вашихъ гнусливыхъ пасторовъ!.. Это было бы слишкомъ глупо!

— Разумѣется! По твоимъ понятiямъ лучше вѣрить въ чистилище, исповѣдь, непогрѣшимость папы! Лучше преклонять колѣни передъ сандалiями какого нибудь капуцина! Быть можетъ, наступитъ время, когда тебѣ будетъ казаться, что нельзя сѣсть за столъ, не прочитавъ молитвы барона Водрёлы!..

— Слушай, Бернаръ, я ненавижу всякiе диспуты, а тѣмъ болѣе богословскiе, но такъ какъ рано или поздно я долженъ объясниться съ тобой, и мы уже заговорили объ этомъ непрiятномъ вопросѣ, то выслушай мою исповѣдь.

— Надѣюсь, что ты не вѣришь всѣмъ нелѣпымъ выдумкамъ папистовъ!

Капитанъ пожалъ плечами и ударилъ своей широкой шпорой о полъ.

— Паписты! гугеноты! все это ничто иное, какъ глупое суевѣрiе съ обѣихъ сторонъ! Я не могу вѣрить тому, что мой разсудокъ находитъ нелѣпымъ. Наши католическiя литанiи также безсмысленны,

какъ и ваши псалмы. Но въ нашихъ церквахъ,—добавилъ онъ, улыбаясь,—можно, по крайней мѣрѣ, услышать порядочную музыку, у васъ же человѣкъ съ хорошимъ слухомъ рискуетъ оглохнуть отъ вашего дикаго пѣнія.

— Нечего сказать, ты указалъ на важное преимущество твоей религіи! изъ-за этого стóитъ переходить въ католичество!..

— Сдѣлай одолженіе, не называй католичество моей религіей; я въ него такъ же мало вѣрю, какъ и въ протестантство. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ думать самостоятельно и разсудокъ заговорилъ во мнѣ...

— Но, позволь тебѣ сказать...

— Только не читай мнѣ нравоученій! Я знаю наизусть все, что ты можешь мнѣ сказать. Я также пережилъ пору надеждъ и сомнѣній. Неужели ты думаешь, что я не употребилъ всѣ усилія, чтобы сохранить суевѣрія моего счастливаго дѣтства? Я внимательно читалъ сочиненія нашихъ ученыхъ богослововъ, чтобы найти въ нихъ точку опоры противъ мучившихъ меня сомнѣній; и этимъ только увеличивалъ ихъ. Короче сказать, я пересталъ вѣрить въ святость какой бы то ни было религіи и не вѣрю въ это и въ настоящее время. Я признаю, что вѣра безцѣнный даръ, и хотя самъ навсегда утратилъ ее, но никогда не позволю себѣ подрывать вѣру другихъ людей.

— Я отъ души жалѣю тебя!

— Ну, это твое дѣло! Впрочемъ, ты правъ съ своей точки зрѣнія. Будучи протестантомъ, я не вѣрилъ въ проповѣдь; теперь я католикъ и не вижу смысла въ нашей обѣднѣ. Но позволь тебя спросить: задавалъ-ли ты себѣ когда нибудь вопросъ: что представляютъ собой наши междоусобныя войны? Развѣ тѣ жестокости, которыя совершаются во имя религіи, недостаточны, чтобы вырвать съ корнемъ самую непоколебимую вѣру?

— Эти жестокости дѣло рукъ человѣческихъ и совершаются людьми, которые исказили слово Божіе.

— Ты повторяешь чужія слова, и поэтому не сердись, если я не нахожу ихъ убѣдительными. Я не понимаю того, чтò составляетъ сущность вашей религіи, и не въ состояніи понять этого... Въ противномъ случаѣ, пришлось бы, по выраженію нашего друга Жоделль, вѣрить на слово безъ явныхъ доказательствъ.

— Если ты относишься безразлично къ обѣимъ религіямъ, то объясни, что побудило тебя отречься отъ протестантства, зная, насколько это огорчитъ твою семью и друзей?

— Я разъ двадцать писалъ моему отцу, чтобы объяснить мое поведеніе и оправдаться въ его глазахъ; но онъ, не распечатывая, бросалъ мои письма и относился ко мнѣ, какъ будто бы я совершилъ величайшее преступленіе.

— Мать и я не одобряли этой чрезмѣрной жестокости; и если бы не строгое запрещеніе отца...

— Я не знаю, что вы подумали тогда обо мнѣ. Но стараго не вернешь! Ты спрашиваешь, что побудило меня къ этому безразсудному поступку? Разумѣется, я никогда не рѣшился бы на него вторично, если бы мнѣ предоставили на выборъ...

— Я былъ убѣжденъ, что ты рано или поздно станешь раскаяваться въ этомъ.

— Раскаяваться! Я не чувствую ничего подобнаго, потому что вовсе не считаю свой поступокъ безчестнымъ. Въ то время, когда ты еще ходилъ въ школу и учился греческому и латинскому языку, я надѣлъ на себя латы и подпоясался бѣлымъ шарфомъ, потому что и тогда бѣлый цвѣтъ былъ принятъ реформаторами, въ отличіе отъ католиковъ. Я поступилъ въ армію подъ непосредственное начальство принца Конде и участвовалъ въ первыхъ междоусобныхъ войнахъ. Но вашъ принцъ Конде, который былъ виновникомъ стольких ошибокъ вашей партіи, занимался дѣлами не иначе, какъ урывками, потому что все его вниманіе было поглощено любовными исторіями. Я пользовался тогда расположеніемъ одной дамы; принцъ потребовалъ, чтобы я отказался отъ нея въ его пользу; и, когда это не удалось ему, онъ сдѣлался моимъ непримиримымъ врагомъ. Онъ какъ бы поставилъ себѣ задачей вредить мнѣ всѣми способами и при каждомъ удобномъ случаѣ указывалъ на меня фанатикамъ своей партіи, какъ на чудовище распутства и безвѣрія... Между тѣмъ, я имѣлъ всего одну любовницу и дорожилъ ею. Что же касается втораго обвиненія... Я ни съ кѣмъ не говорилъ о религіи и не задѣвалъ ничьихъ убѣжденій; казалось, что и меня можно было оставить въ покоѣ...

— Я не считалъ принца способнымъ на такой низкій поступокъ...

— Онъ умеръ, и вы сдѣлали изъ него героя. Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ! У него были свои достоинства и онъ умеръ съ честью; я давно простилъ ему. Но въ то время, о которомъ я говорю, онъ былъ всемогущъ и считалъ преступленіемъ, что такой ничтожный дворянинъ, какъ я, осмѣливается оказывать ему сопротивленіе.

Жоржъ прошелъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и продолжалъ съ возрастающимъ волненіемъ:

— Все духовенство и всѣ ханжи протестантской арміи разъярились противъ меня. Но я такъ же мало обращалъ вниманіе на ихъ ругательства, какъ и на ихъ проповѣди. Одинъ изъ приближенныхъ принца, желая угодить ему, назвалъ меня развратникомъ въ присутствіи всѣхъ моихъ товарищей. Я отвѣтилъ ему пощечиной и убилъ его. У насъ въ арміи бывало ежедневно не менѣе двѣнадцати дуэлей, и наше начальство всегда показывало видъ, какъ будто не знаетъ этого. Но для меня сдѣлали исключеніе: принцъ рѣшилъ подвергнуть меня строгому наказанію для примѣра офицерамъ всей арміи. Я былъ помилованъ только благодаря усиленнымъ просьбамъ сеньоровъ и самого адмирала. Послѣ этого принцъ еще больше вознена-

видѣлъ меня. Въ битвѣ при Жазенёль я командовалъ отрядомъ стрѣлковъ и дрался въ первыхъ рядахъ: мои латы были прострѣлены въ двухъ мѣстахъ; лѣвая рука проколота ударомъ копья, такъ что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что я не щадилъ себя. Въ моемъ отрядѣ осталось всего двадцать человѣкъ, а на насъ шелъ цѣлый баталіонъ швейцарцевъ. Принцъ велѣлъ мнѣ идти въ атаку... я просилъ его дать мнѣ еще двѣ роты рейтаровъ... онъ назвалъ меня низкимъ трусомъ!..

Мержи всталъ и пожалъ руку своему брату.

Жоржъ, расхаживая по комнатѣ, продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

— Онъ назвалъ меня трусомъ передъ всѣми этими дворянами, щеголявшими своими вызолоченными доспѣхами, но которые, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вѣроломно бросили его при Жарнакѣ, не сдѣлавъ даже попытки, чтобы спасти его отъ руки убійцы... Я зналъ, что онъ намѣренно посылаетъ меня на вѣрную смерть, но тѣмъ не менѣе бросился на швейцарцевъ, поклявшись въ душѣ, что, если останусь въ живыхъ, то никогда болѣе не обнажу шпаги за такого человѣка, какъ принцъ. Я былъ опасно раненъ, сброшенъ съ лошади и едва не убитъ; но тутъ одинъ дворянинъ изъ свиты герцога Анжуйскаго, этотъ сумасшедшій Бевилль, который сегодня обѣдалъ съ нами, спасъ мнѣ жизнь и представилъ герцогу. Со мной обошлись наилучшимъ образомъ. Я жаждалъ мести... Меня уговорили поступить на службу къ герцогу и привели этотъ стихъ:

„Omne solum forti patria est, ut piscibus aequor“ [1]).

— Я видѣлъ съ негодованіемъ, что протестанты призываютъ иностранцевъ въ наше отечество... Но зачѣмъ стану я скрывать главную причину, руководившую моими дѣйствіями!.. Я думалъ только о мести и сдѣлался католикомъ, въ надеждѣ встрѣтить принца Конде въ какомъ нибудь сраженіи и убить его. Другой отомстилъ ему за меня.... Способъ, какимъ былъ убитъ несчастный принцъ, почти заставилъ меня забыть мою ненависть. Я увидѣлъ его окровленнымъ, въ рукахъ солдатъ, которые подвергали его всевозможнымъ оскорбленіямъ. Мое вмѣшательство не могло спасти ему жизнь; я приказалъ поднять его трупъ и покрылъ его своимъ плащемъ. Въ это время я уже служилъ католикамъ и командовалъ эскадрономъ ихъ кавалеріи. Къ счастью, услуги, которыя я нѣкогда оказалъ протестантской партіи, не были забыты; я старался по возможности смягчить неистовства религіозной войны; и мнѣ удалось спасти нѣсколькихъ старыхъ пріятелей...

— Оливье де-Бассвиль разсказываетъ всѣмъ, что онъ обязанъ тебѣ жизнью.

— Я сдѣлался католикомъ, сказалъ Жоржъ болѣе спокойнымъ

---

[1]) Мужественному человѣку всякая страна отечество, какъ рыбамъ вода.

голосомъ, — и нахожу, что эта религія не хуже всякой другой и, вдобавокъ, ихъ благочестіе далеко не отличается такимъ суровымъ характеромъ, какъ наше! Ты видишь прекрасную мадонну, которая виситъ у меня на стѣнѣ: это портретъ одной итальянской куртизанки, между тѣмъ ханжи набожно крестятся передъ нею, восхваляя мое благочестіе. Повѣрь, что съ ними гораздо легче ладить, нежели съ нашими пасторами. Я живу здѣсь, какъ хочу, и дѣлаю только кое-какія уступки общественному мнѣнію. Такъ, напримѣръ, считается необходимымъ ходить къ обѣдни,—и я время отъ времени бываю въ церкви и любуюсь тамъ хорошенькими женщинами. Каждый обязанъ имѣть духовника,—я выбралъ себѣ въ духовные отцы францисканскаго монаха, славнаго малаго, который нѣкогда былъ коннымъ мушкетеромъ. За какой нибудь экю онъ дастъ мнѣ, когда угодно, свидѣтельство, что я былъ на исповѣди, и, вдобавокъ, я посылаю черезъ него любовныя письма къ его духовнымъ дщерямъ. Чортъ возьми! Въ виду всего этого, какъ не пожелать всякаго благополучія католическому духовенству...

Мержи невольно улыбнулся.

— Вотъ мой молитвенникъ! — продолжалъ капитанъ, бросивъ на столъ богато переплетенную книгу въ бархатномъ футлярѣ съ серебрянными застежками. — Этотъ часословъ стоитъ всѣхъ вашихъ протестантскихъ молитвенниковъ.

Мержи прочелъ на корешкѣ крупную надпись: „Придворный часословъ“.

— Отличный переплетъ! сказалъ онъ, возвращая книгу.

Капитанъ открылъ ее и указалъ на первую страницу:

Мержи прочелъ слѣдующее заглавіе:

„La vie très horrifique du grand Gargantua, père de Pantagruel, composée par M. Alcofribas, abstracteur de Quintessence“.

— Что ты скажешь объ этой книгѣ? воскликнулъ со смѣхомъ капитанъ. Я не промѣняю ее на всѣ богословскія книги женевской библіотеки!

— Я слышалъ, что авторъ этой книги замѣчательно ученый человѣкъ, но дурно воспользовался своими знаніями.

Жоржъ пожалъ плечами.

— Прочитай этотъ томъ, и тогда мы поговоримъ съ тобой.

Мержи взялъ книгу и сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Мнѣ очень жаль, что досада, хотя и вполнѣ законная, понудила тебя совершить поступокъ, въ которомъ ты рано или поздно будешь горько раскаяваться.

Жоржъ опустилъ глаза и, казалось, разсматривалъ съ особеннымъ любопытствомъ коверъ, разостланный подъ его ногами.

— Что сдѣлано, того не воротишь! сказалъ онъ съ подавленнымъ вздохомъ.—Впрочемъ, трудно ручаться за самого себя! добавилъ онъ

съ веселой улыбкой;—быть можетъ, наступитъ время, когда я опять буду слушать проповѣди. Но довольно объ этомъ; дай мнѣ слово, что мы не будемъ больше говорить о такихъ скучныхъ вещахъ.

— Я не теряю надежды, что твои собственныя размышленія сильнѣе подѣйствуютъ на тебя, чѣмъ всѣ мои разсужденія и совѣты.

— Ну, мы это увидимъ! а теперь поговоримъ о твоихъ дѣлахъ. Объясни мнѣ, что побудило тебя пріѣхать сюда?

— Я надѣюсь, что мнѣ удастся найти доступъ къ адмиралу и что онъ соблаговолитъ принять меня въ число дворянъ, которые будутъ сопровождать его въ Нидерланды.

— Этотъ планъ никуда не годится. Если дворянинъ умѣетъ владѣть оружіемъ и не окончательный трусъ, то онъ не долженъ добровольно брать на себя должность лакея. Кто тебѣ мѣшаетъ поступить въ королевскую гвардію въ качествѣ волонтера, и даже въ мой отрядъ, если ты этого желаешь? Во время всего похода, ты будешь, какъ и всѣ мы, подъ командой адмирала, но, по крайней мѣрѣ не станешь исполнять роль слуги.

— У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія вступить въ гвардію короля и я рѣшился бы на это только въ послѣдней крайности. Что же касается до твоего предложенія принять меня въ свой отрядъ, то я ничего не имѣю противъ этого; но мой отецъ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ первую кампанію подъ непосредственнымъ начальствомъ адмирала.

— Я узнаю васъ въ этомъ, господа гугеноты! Вы толкуете о примиреніи, а сами болѣе насъ проникнуты старыми предразсудками.

— Какимъ образомъ?

— Да такъ! Король въ вашихъ глазахъ всегда тиранъ или Ахавъ, какъ его называютъ ваши пасторы. По вашему мнѣнію, онъ даже не король, а узурпаторъ: со времени смерти Людовика XIII-го [1]) Гаспаръ I-й сдѣлался у васъ французскимъ королемъ.

— Я не понимаю этихъ шутокъ.

— Впрочемъ, нѣтъ никакой разницы въ томъ, будешь ли ты на службѣ у стараго Гаспара, или у герцога Гиза, продолжалъ Жоржъ,— г-нъ де-Шатильонъ во всякомъ случаѣ великій полководецъ; и ты пройдешь съ нимъ хорошую школу.

— Даже враги относятся къ нему съ уваженіемъ.

— Но никто не можетъ простить ему одного пистолетнаго выстрѣла.

— Онъ доказалъ свою невинность и, наконецъ, вся его жизнь служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ, что онъ не принималъ никакого участія въ вѣроломномъ убійствѣ Польтро.

---

[1]) Принцъ Людовикъ де-Конде, убитый при Жарнакѣ, навлекъ на себя подозрѣніе въ посягательствѣ на королевскую корону. Адмиралъ Колиньи назывался Гаспаромъ.

— Ты знаешь латинскую аксіому: fecit cui profuit? Безъ этого пистолетнаго выстрѣла, Орлеанъ былъ бы навѣрно взятъ. — Въ сущности, только однимъ человѣкомъ стало меньше въ католической арміи.

— Да, но какимъ человѣкомъ! Ты развѣ не слыхалъ поговорки, что „на каждаго Гиза найдется во Франціи Меré“ [1]).

— Это не болѣе, какъ пустая угроза, хотя я могъ бы составить длинный списокъ, если бы вздумалъ пересчитывать всѣ преступленія Гизовъ.

— По моему мнѣнію, — возразилъ Жоржъ, — существуетъ только одинъ способъ, какимъ можно водворить миръ во Франціи, и если бы я былъ королемъ, то я распорядился бы слѣдующимъ образомъ: я приказалъ бы запрятать всѣхъ Гизовъ и Шатильоновъ въ крѣпкій кожаный мѣшокъ и бросить въ воду, привязавъ къ нему тяжесть въ сто тысячъ ливровъ желѣза, изъ боязни, что который нибудь изъ этихъ господъ останется въ живыхъ. Въ придачу къ нимъ я велѣлъ бы положить въ тотъ же мѣшокъ нѣкоторыхъ людей.

— Какое счастье, что ты не французскій король!

Разговоръ принялъ болѣе веселый оборотъ. Оба брата, оставивъ въ сторонѣ политику и богословіе, разсказывали другъ другу небольшія приключенія, которыя были съ ними со времени ихъ послѣдней разлуки. Мержи не скрылъ отъ своего брата плачевной исторіи, которая случилась съ ними въ гостинницѣ „Золотого Льва“; этотъ хохоталъ отъ души и подтрунивалъ надъ потерей восемнадцати экю и надъ удачнымъ обмѣномъ лошадей.

Раздался звонъ колоколовъ въ сосѣдней церкви.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ капитанъ. — Пора идти! Не хочешь ли ты послушать вечернюю проповѣдь? Клянусь честью, что ты не соскучишься.

— Покорно благодарю! Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія мѣнять религіи.

— Что за вздоръ!!.. Право, жаль пропустить проповѣдь отца Любена. Это францисканскій монахъ, который умудряется представить католическую религію въ такомъ забавномъ свѣтѣ, что всегда собирается толпа, чтобы послушать его. Вдобавокъ, сегодня въ церкви Saint-Jacques будетъ присутствовать весь дворъ, а для тебя это зрѣлище не лишено извѣстнаго интереса.

— Какъ ты думаешь, увижу ли я тамъ графиню Тюржи и безъ маски?

— Я убѣжденъ въ этомъ. Врядъ ли она пропуститъ проповѣдь отца Любена. Не забудь кстати, что если ты намѣренъ ухаживать

---

[1]) Польтро де-Меré убилъ великаго Франсуа, герцога де-Гизъ, при осадѣ Орлеана, въ моментъ, когда городъ, доведенный до послѣдней крайности, готовился къ сдачѣ. На Колиньи пало подозрѣніе, что убійство совершено по его приказанію или что онъ намѣренно не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы предупредить преступленіе.

за ней, то встань у дверей, чтобы подать ей святой воды, когда она выйдетъ изъ церкви. Это одна изъ самыхъ умныхъ церемоній въ католической религіи. Господи! сколько красивыхъ ручекъ удалось мнѣ пожать, когда я подавалъ святую воду! сколько любовныхъ писемъ передалъ я этимъ способомъ!

— Все это возбуждаетъ во мнѣ такое глубокое отвращеніе, что я ни за что на свѣтѣ не прикоснусь пальцемъ къ святой водѣ...

Жоржъ прервалъ своего младшаго брата громкимъ смѣхомъ, и затѣмъ оба, накинувъ на себя плащи, отправились въ церковь, гдѣ уже собралась многочисленная публика.

ГЛАВА V.

Проповѣдь.

Жоржъ, войдя въ церковь съ своимъ братомъ, старался выбрать мѣста поближе къ проповѣднику; но тутъ вниманіе ихъ было привлечено взрывами хохота, которые раздавались изъ ризницы. Они вошли въ нее и увидѣли толстаго францисканскаго монаха, съ веселой румяной физіономіей, который велъ оживленный разговоръ съ стоявшими около него молодыми людьми.

— Держу пари, что онъ не станетъ ругаться въ проповѣди! — сказалъ Бевилль.

— Почему же нѣтъ! Это зависитъ отъ моего усмотрѣнія,—возразилъ францисканецъ вызывающимъ тономъ.

— Держу пари на десять пистолей, что вы не посмѣете этого сдѣлать.

— Десять пистолей! Идетъ!..

— Бевилль, позволь мнѣ на половину участвовать въ твоемъ пари,—сказалъ Жоржъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! я хочу сполна получить деньги съ нашего благочестиваго отца; если онъ побожится въ проповѣди, или скажетъ какое-нибудь ругательство, то, клянусь честью, я не пожалѣю десяти пистолей: божба проповѣдника стóитъ этой суммы.

— А я объявляю вамъ, что уже выигралъ пари,—сказалъ отецъ Любенъ.—Я трижды побожусь въ началѣ проповѣди. Вы, господа дворяне, воображаете, что вамъ однимъ все дозволительно, такъ какъ у васъ перо на шляпѣ и шпага! Посмотримъ.

Съ этими словами францисканецъ быстрыми шагами удалился изъ ризницы и вошелъ на каѳедру. Въ церкви тотчасъ же водворилась мертвая тишина.

Проповѣдникъ окинулъ глазами толпу, стоявшую около его каѳедры, какъ бы отыскивая того, кто держалъ съ нимъ пари и, увидя передъ собой Бевилля, стоявшаго у колонны, онъ нахмурилъ брови и, подбоченясь, началъ свою рѣчь громкимъ голосомъ:

„Мои дорогіе братья!

„Провались я сквозь землю! Клянусь смертью и кровью!..“

Ропотъ негодованія и удивленія прервалъ проповѣдника или, вѣрнѣе сказать, пополнилъ сдѣланную имъ паузу.

„Клянусь кровью Господа нашего“, продолжалъ францисканецъ набожно гнусливымъ тономъ, „что мы спасены и избавлены отъ ада...“

Этотъ неожиданный переходъ вызвалъ громкій смѣхъ со стороны присутствующей молодежи. Бевилль вытащилъ кошелекъ изъ-за своего пояса и показалъ его издали проповѣднику, сдѣлавъ при этомъ выразительный жестъ, что онъ проигралъ пари.

„Итакъ, мои братья“, продолжалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отецъ Любенъ, „я надѣюсь, что это радуетъ васъ! Мы спасены и избавлены отъ ада. Вотъ и прекрасно, думаете вы, намъ остается только сложить руки и предаться радости. Мы избавились отъ этого отвратительнаго адскаго огня. Чего намъ бояться чистилища! огонь его не болѣе обжога свѣчи, который излечивается елеемъ нѣсколькихъ обѣденъ. Что мѣшаетъ намъ ѣсть, пить и проводить веселыя ночи съ красавицами!

„Опомнитесь, закоснѣлые грѣшники! На что вы разсчитываете! Отецъ Любенъ совѣтуетъ вамъ не забывать часъ, когда придетъ небесный Женихъ.

„Вы, можетъ быть, воображаете себѣ, господа еретики, гугеноты и распространители гугенотства, что Господь дозволилъ распять себя на крестѣ, чтобы спасти васъ отъ мукъ ада? Какъ бы не такъ! Неужели онъ сталъ бы проливать свою драгоцѣнную кровь изъ-за какого-нибудь дурака или канальи! Это было бы — извините за выраженіе — все равно, что метать бисеръ передъ свиньями. Нашъ Господь, наоборотъ, пожертвовалъ свиньями ради жемчуга; драгоцѣнный жемчугъ находится въ морѣ и нашъ Господь повергъ въ море двѣ тысячи свиней. Et ecce impetu abiit totus grex prœceps in mare. Счастливый вамъ путь, господа свиньи! Затѣмъ остается только пожелать, чтобы всѣ еретики отправились той же дорогой!“

Ораторъ кашлянулъ и остановился, чтобы взглянуть на слушателей и насладиться эффектомъ, произведеннымъ его краснорѣчіемъ. Затѣмъ онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

„Итакъ, господа гугеноты, обратитесь немедленно въ истинную вѣру! иначе... прахъ васъ возьми! вы не избѣгнете ада; бѣгите отъ проповѣдей вашихъ пасторовъ и да здравствуетъ наша католическая обѣдня!

„А вы, мои дорогіе братья католики, вы потираете себѣ руки и облизываете себѣ пальцы, предвкушая райскія наслажденія. Но, го-

воря откровенно, путь отъ королевскаго двора, при которомъ вы находитесь (если вы даже пойдете окольной дорогой), еще дальше, нежели отъ Saint-Lazare до воротъ Saint-Denis.

„Страданія, смерть и кровь Господа нашего спасли и избавили васъ отъ ада... Но помните, что они избавили васъ только отъ первороднаго грѣха; и горе вамъ, если сатана опять овладѣетъ вами. Поэтому я говорю вамъ: Circuit quaerens quem devoret.

„О, мои дорогіе братья! Сатана далеко превосходитъ всѣхъ васъ въ фехтовальномъ искусствѣ, не исключая даже англичанъ и я долженъ предупредить васъ, что вамъ будетъ трудно отпарировать его мѣткіе удары.

„Едва бросимъ мы наши дѣтскія куртки и одѣнемъ рейтузы или, другими словами, только что мы достигаемъ возраста, когда можемъ совершить смертный грѣхъ, господинъ сатана вызываетъ насъ на поле брани; наша защита — святые дары, а у него цѣлый арсеналъ; наши грѣхи служатъ для него одновременно наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ.

„Вотъ онъ выступилъ на поле брани въ латахъ жадности; шпорами служитъ ему лѣнь; у пояса его сладострастіе въ видѣ длинной острой шпаги; на головѣ у него гордость на подобіе легкаго жандармскаго шлема; скупость въ его карманѣ, и онъ пользуется ею въ случаѣ надобности; гнѣвъ съ самыми оскорбительными ругательствами на устахъ его. Изъ этого вы видите, что онъ вышелъ на поединокъ вооруженный съ головы до ногъ.

„Когда наступаетъ моментъ битвы, сатана не говоритъ своему противнику, какъ это принято у вѣжливыхъ дуэлистовъ: милостивый государь, готовы ли вы?—а прямо набрасывается на христіанина безъ всякаго предостереженія. Христіанинъ, видя, что сатана намѣревается поразить его въ животъ рапирой жадности парируетъ ударъ воздержаніемъ“.

Проповѣдникъ остановился и, для большей наглядности, схватилъ свой посохъ, и началъ наносить имъ по воздуху мнимые удары, какъ дѣлаетъ это фехтовальный учитель своей рапирой, чтобы показать ученикамъ трудный ударъ.

„Сатана, отступивъ на нѣсколько шаговъ, наноситъ ему ударъ лезвеемъ гнѣва; затѣмъ ложное выпаденіе лицемѣрія и ударъ гордости квартой. Христіанинъ парируетъ терпѣніемъ, и отражаетъ гордость униженіемъ. Сатана въ раздраженіи наноситъ ему ударъ остріемъ шпаги сладострастія, но, видя, что его ударъ отраженъ умерщвленіемъ плоти, набрасывается стремглавъ на своего противника и дѣлаетъ попытку сбить его съ ногъ шпорами лѣни и поражаетъ его шпагой зависти, чтобы влить въ его сердце скупость. Тутъ нужно держать ухо востро и твердо стоять на ногахъ. Съ помощью трудолюбія можно удержаться отъ паденія, а шпагу зависти слѣдуетъ отразить любовью къ ближнему. (Это всего

труднѣе, друзья мои). Что же касается рапиры скупости, то ее ничѣмъ другимъ нельзя отвести, какъ только благотворительностью.

„Но, друзья мои, если на васъ нападаютъ терцами, квартами, или внезапнымъ выпаденіемъ, то многіе ли изъ васъ будутъ на-готовѣ, чтобы отразить противника? Я видѣлъ не одного борца, поверженнаго на землю; и если онъ тотчасъ же не прибѣгалъ къ раскаянію, то былъ осужденъ на гибель; и этимъ послѣднимъ средствомъ спасенія нужно пользоваться, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Вы, быть можетъ, воображаете, господа придворные, что вовсе не трудно раскаяться въ грѣхахъ? Но увы, друзья мои, сколько несчастныхъ умирающихъ хотятъ это сдѣлать, но у нихъ обрывается голосъ при первыхъ же словахъ, а тамъ—трахъ! и душу унесъ сатана; гонитесь за нею, какъ знаете!..“

Отецъ Любенъ продолжалъ еще нѣкоторое время изливать свое краснорѣчіе въ томъ же тонѣ. Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то одинъ любитель изящнаго слога замѣтилъ, что проповѣдь, которая продолжалась болѣе часу, была вся переполнена остротами и колкостями. Католики и протестанты одинаково апплодировали проповѣднику, который еще долго стоялъ у каѳедры, окруженный суетливой толпой, собравшейся съ разныхъ концовъ церви. Всѣ наперерывъ восхищались его краснорѣчіемъ и поздравляли съ успѣхомъ.

Мержи во время проповѣди нѣсколько разъ спрашивалъ: гдѣ графиня Тюржи; и капитанъ напрасно искалъ ее глазами. Графини или вовсе не было въ церкви, или же она скрывалась въ какомъ нибудь темномъ углу отъ преслѣдованій своихъ обожателей.

— Я желалъ бы, сказалъ Мержи, выходя изъ церкви,—чтобы всѣ тѣ, которые присутствовали при этой безсмысленной проповѣди, послушали бы теперь простыя увѣщанія котораго либо изъ нашихъ пасторовъ.

— Вотъ графиня де-Тюржи, шепнулъ ему капитанъ, прикоснувшись къ его рукѣ.

Мержи повернулъ голову и увидалъ подъ темнымъ портикомъ богато одѣтую женщину, которая промелькнула мимо него чрезвычайно быстро. Ее велъ подъ руку худощавый молодой человѣкъ, невзрачной наружности, съ бѣлокурыми волосами и съ женоподобнымъ лицомъ; въ костюмѣ его проглядывала небрежность, очевидно разсчитанная на извѣстный эффектъ. Толпа поспѣшно и даже съ нѣкоторымъ страхомъ разступалась передъ нимъ. Это былъ Коминжъ.

Мержи едва успѣлъ бросить бѣглый взглядъ на графиню Тюржи. Онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, какія у нея черты лица, но, тѣмъ не менѣе, оно произвело на него сильное впечатлѣніе. Коминжъ въ высшей степени не понравился ему, хотя это чувство было почти безсознательное. Онъ возмущался при мысли, что такой слабый человѣкъ пользуется незаслуженной славой. Если графиня

любить кого нибудь въ этой толпѣ, — подумалъ онъ, — то гнусный Комминжъ убьетъ его, онъ поклялся убивать всѣхъ, кто заслужитъ ея расположеніе. Онъ невольно схватился за рукоятку своей шпаги, но вслѣдъ затѣмъ ему сдѣлалось совѣстно этото порыва.—Въ сущности, какое мнѣ дѣло до графини, я видѣлъ ее только мелькомъ, и мнѣ нечего завидовать Комминжу.

Однако эти мысли произвели на него тяжелое впечатлѣніе; онъ упорно молчалъ во время всей дороги изъ церкви въ домъ капитана.

Ужинъ былъ готовъ и ожидалъ ихъ. Но Мержи ѣлъ мало, и какъ только убрали со стола, онъ изъявилъ желаніе вернуться въ свою гостинницу. Жоржъ согласился отпустить его подъ условіемъ, что на другой день онъ окончательно переѣдетъ къ нему на квартиру.

Считаемъ лишнимъ говорить о томъ, что Жоржъ предложилъ своему брату деньги, лошадь и проч. и, кромѣ того, познакомилъ его съ придворнымъ портнымъ и единственнымъ купцомъ, гдѣ дворянинъ, желающій заслужить благосклонность дамъ, могъ купить себѣ модныя перчатки, брыжи à la confusion и башмаки à cric или à pont levis.

Съ наступленіемъ ночи, Мержи вернулся въ гостинницу, въ сопровожденіи двухъ лакеевъ своего брата, вооруженныхъ пистолетами и шпагами, такъ какъ въ тѣ времена улицы Парижа послѣ восьми часовъ были несравненно опаснѣе, нежели нынѣшняя дорога изъ Севильи до Гренады.

ГЛАВА VI.

Предводитель партіи.

Бернаръ де-Мержи, вернувшись въ свою убогую гостинницу, бросилъ грустный взглядъ на окружавшую его бѣдную обстановку и потертую мебель. Онъ сравнивалъ черныя закоптѣвшія стѣны его номера съ дорогой шелковой обивкой только что оставленной имъ комнаты. Глядя на старинный образъ какого-то святаго, висѣвшій передъ нимъ, онъ невольно вспомнилъ прекрасное изображеніе Мадонны, нарисованное масляными красками, и въ душѣ его шевельнулась недобрая мысль. Жоржу стоило произнести одно слово, чтобы имѣть эту роскошную обстановку, пріобрѣсти благосклонность придворныхъ дамъ, милость короля! Развѣ трудно сказать это слово? достаточно произнести его губами; никто не станетъ справляться о томъ, что происходитъ въ сердцѣ... Ему пришли на память имена нѣсколькихъ протестантовъ, которые достигли почестей, благодаря

отреченію отъ религіи, и такъ какъ діаволъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы совратить человѣка съ истиннаго пути, то Мержи въ этотъ моментъ вспомнилъ притчу „о блудномъ сынѣ", и мысленно рѣшилъ, что вновь обращеннаго гугенота будутъ больше чествовать, нежели вѣрнаго католика.

Эти мысли, являясь подъ всевозможными формами, упорно преслѣдовали его, хотя и возбуждали въ немъ чувство глубокаго отвращенія, и онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы побороть ихъ. Онъ взялъ женевскую библію, принадлежавшую его матери, и принялся читать ее. Безпокойство его, мало-по-малу, улеглось и онъ закрылъ книгу съ клятвой жить и умереть въ вѣрѣ своихъ предковъ.

Однако, несмотря на чтеніе библіи и произнесённую клятву, онъ спалъ тревожнымъ сномъ, на которомъ отразились всѣ приключенія пережитаго дня. Ему снились шелковыя пунцовыя занавѣси, золотая посуда, опрокинутые столы, блескъ шпагъ, кровь лившаяся какъ вино. Затѣмъ, ему представилось, что оживаетъ нарисованная Мадонна, выходитъ изъ рамки и танцуетъ передъ нимъ. Онъ вглядывается въ нее, дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы припомнить черты ея лица; и тутъ только замѣчаетъ, что на ней черная маска. Но онъ видитъ темноголубые глаза и бѣлоснѣжную кожу, которая просвѣчиваетъ сквозь отверстія маски... Онъ смотритъ съ напряженнымъ вниманіемъ, маска падаетъ и является небесный обликъ, но безъ опредѣленныхъ очертаній, какъ изображеніе нимфы въ волнующейся рѣкѣ. Онъ невольно опускаетъ глаза, затѣмъ снова поднимаетъ ихъ; но теперь онъ никого не видитъ передъ собой, кромѣ Комминжа съ окровавленной шпагой въ рукахъ.

Онъ всталъ рано утромъ и приказалъ отнести свой легкій багажъ къ брату. Жоржъ предложилъ пойти съ нимъ и показать всѣ достопримѣчательности города; но онъ отказался и отправился одинъ въ отель Шатильонъ, чтобы передать адмиралу письмо своего отца.

Дворъ отеля былъ переполненъ прислугой и лошадьми, такъ что Мержи съ нѣкоторымъ трудомъ добрался до обширной передней, гдѣ встрѣтилъ цѣлую толпу дворянъ и пажей, которые хотя и не имѣли другаго оружія, кромѣ шпагъ, но представляли собой вполнѣ надежную стражу. Привратникъ, одѣтый въ черное съ головы до ногъ, окинулъ взглядомъ Мержи, и, увидя на немъ кружевной воротникъ и золотую цѣпь, тотчасъ же ввелъ его въ галлерею, гдѣ адмиралъ принималъ посѣтителей.

Въ пріемной было до сорока человѣкъ сеньоровъ, дворянъ и духовныхъ особъ, которые стояли въ почтительныхъ позахъ съ обнаженными головами. Адмиралъ былъ одѣтъ въ простое черное платье. Это былъ высокій, нѣсколько сутуловатый человѣкъ, съ плѣшивой головой, лицо котораго было покрыто преждевременными морщинами, вслѣдствіе трудовъ и лишеній, вынесенныхъ впродолженіе долгихъ войнъ. Длинная сѣдая борода опускалась ему на грудь. Его

впалыя щеки казались еще худощавѣе отъ глубокаго шрама, едва прикрытаго усами: во время битвы при Монконтурѣ ему прострѣлили щеку и выбили нѣсколько зубовъ. Выраженіе его лица было скорѣе серьозное, нежели строгое, и со смерти его брата, храбраго Дандело, никто не видалъ, чтобы онъ когда либо улыбался. Онъ стоялъ облокотившись у стола, покрытаго картами и планами, среди которыхъ лежала огромная библія. Всюду были разбросаны зубочистки, которыя играли важную роль въ жизни адмирала Колиньи и служили постояннымъ поводомъ для насмѣшекъ. На другомъ концѣ стола сидѣлъ секретарь, поглощенный писаніемъ писемъ, которыя онъ подносилъ адмиралу для подписи.

При видѣ этого великаго человѣка, который имѣлъ болѣе значенія для своихъ единовѣрцевъ, нежели король, такъ какъ онъ совмѣщалъ для нихъ въ своей особѣ личность героя и святаго,—Мержи почувствовалъ къ нему такое глубокое уваженіе, что, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, невольно преклонилъ колѣно. Адмиралъ, удивленный и недовольный такимъ необычайнымъ выраженіемъ почтительности, нехотя взялъ письмо изъ рукъ восторженнаго юноши. Но при взглядѣ на гербовую печать, лицо его нѣсколько прояснилось, и онъ сказалъ болѣе привѣтливымъ тономъ:

— Это письмо отъ моего стараго пріятеля, барона де Мержи, и вы такъ похожи на него лицомъ, молодой человѣкъ, что я почти увѣренъ, что вы его сынъ.

— Мой отецъ жалѣетъ, что преклонныя лѣта не дозволяютъ ему явиться сюда и лично засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Колиньи прочелъ письмо и, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, сказалъ:

— Господа, рекомендую вамъ сына барона де-Мержи, который проѣхалъ болѣе двухъ сотъ льё, чтобы присоединиться къ нашей арміи. Кажется, у насъ не будетъ недостатка въ волонтерахъ для похода во Фландрію. Господа, прошу васъ дружески принять этого юношу, ради того уваженія, которое вы чувствуете къ его отцу.

При этихъ словахъ до двадцати рукъ протянулось къ Мержи для рукопожатія, и онъ разомъ получилъ столько же предложеній услугъ.

— Участвовали ли вы въ какомъ нибудь военномъ дѣлѣ, мой другъ? спросилъ Колиньи.—Приходилось ли вамъ когда нибудь слышать мушкетные выстрѣлы?

Мержи отвѣтилъ краснѣя, что еще не имѣлъ счастья сражаться за религію.

— Скажите лучше несчастья, молодой человѣкъ! возразилъ Колиньи серьезнымъ тономъ.—Вы должны благодарить небо, что вамъ не пришлось проливать крови своихъ согражданъ! Но теперь, добавилъ онъ со вздохомъ,—у насъ, повидимому, кончилась междоусобная война; религія пока оставлена въ покоѣ; и мы можемъ только позавидовать вамъ, что вы въ первый разъ обнажите свою шпагу про-

тивъ враговъ короля и отечества. Я увѣренъ, что вы не опозорите крови, которая течетъ въ вашихъ жилахъ. Теперь я совѣтую вамъ поступить въ число служащихъ при мнѣ дворянъ, но постарайтесь при первой стычкѣ съ испанцами отнять у нихъ знамя, и я произведу васъ въ корнеты моего полка.

— Клянусь, что я добьюсь этого! воскликнулъ Мержи рѣшительнымъ тономъ,—хотя бы мнѣ стоило это жизни!

— Я узнаю сына храбраго Мержи! сказалъ Колиньи.

Затѣмъ онъ позвалъ своего управляющаго и добавилъ:

— Вотъ мосье Самуэль; если вамъ нужны деньги на обмундировку, то обратитесь къ нему.

Управляющій вѣжливо раскланялся передъ Мержи, который поспѣшно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, благодарю васъ! Отецъ и братъ съ избыткомъ даютъ мнѣ все необходимое для моего содержанія.

— Вашъ братъ?.. Это, вѣроятно, тотъ капитанъ Мержи, который отрекся отъ своей религіи во время первыхъ войнъ?

Мержи печально опустилъ голову; губы его шевелились, но онъ не могъ произнести ни одного слова.

— Онъ храбрый солдатъ! продолжалъ адмиралъ;—но какое значеніе имѣетъ мужество безъ страха Божьяго! Молодой человѣкъ, вы имѣете въ своей семьѣ примѣръ достойный подражанія въ вашемъ отцѣ, и затѣмъ—примѣръ брата, которому вы не должны слѣдовать.

— Я буду подражать брату въ храбрости... но не въ отступничествѣ...

— Приходите ко мнѣ почаще, мосье Бернаръ, и располагайте мной, какъ другомъ. Вы будете поставлены здѣсь въ весьма неблагопріятныя условія въ смыслѣ нравственности, но я надѣюсь скоро вырвать васъ отсюда и вывести на путь, гдѣ вы можете пріобрѣсти славу.

Мержи отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ и присоединился къ остальнымъ посѣтителямъ, стоявшимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ адмирала.

— Господа, сказалъ Колиньи, продолжая разговоръ, прерванный приходомъ Мержи;—я получаю со всѣхъ сторонъ хорошія извѣстія. Въ Руанѣ убійцы подверглись достойному наказанію...

— Но не въ Тулузѣ! возразилъ старый пасторъ съ мрачной физіономіей фанатика.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Колиньи,—я только что получилъ объ этомъ извѣстіе. Вдобавокъ, въ Тулузѣ уже учреждена „смѣшанная" палата [1]). Его величество ежедневно доказываетъ, насколько онъ желаетъ, чтобы правосудіе было одинаково для всѣхъ.

---

[1]) Въ силу мирнаго договора, заключеннаго послѣ третьей междоусобной войны, во многихъ парламентахъ были учреждены судебныя камеры, гдѣ половина членовъ были кальвинисты.

Пасторъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Нечего сказать, они заботятся о правосудіи! воскликнулъ старикъ съ сѣдой бородой, одѣтый въ черное бархатное платье.—Карлъ и его достойная мать только и думаютъ о томъ, чтобы уничтожить однимъ ударомъ всѣхъ Шатильоновъ, Монморанси и Гизовъ.

— Совѣтую вамъ, мосье Бониссанъ, выражаться почтительнѣе о королѣ, замѣтилъ Колиньи строгимъ тономъ.—Давно пора забыть старые счеты! Мы не должны давать повода къ замѣчанію, что католики лучше насъ соблюдаютъ священный принципъ прощенія обидъ.

— Клянусь прахомъ моего отца, что имъ это легче исполнить, нежели намъ, пробормоталъ Бониссанъ.—Двадцать три близкихъ мнѣ человѣка погибли мученическою смертью!. Такія вещи не очень легко забываются...

Въ то время, какъ Бониссанъ произнесъ послѣднія слова раздраженнымъ тономъ, въ галлерею вошелъ дряхлый старикъ съ отталкивающей физіономіей въ сѣромъ изношенномъ плащѣ. Онъ поспѣшно пробрался сквозь толпу и подалъ Колиньи запечатанную бумагу.

— Кто вы такой? спросилъ адмиралъ, не распечатывая бумаги.

— Одинъ изъ вашихъ доброжелателей, отвѣтилъ старикъ хриплымъ голосомъ и тотчасъ же удалился изъ галлереи.

— Я видѣлъ сегодня утромъ, какъ этотъ человѣкъ вышелъ изъ отеля Гизовъ, сказалъ одинъ дворянинъ.

— Это волшебникъ! добавилъ другой.

— Подкупленный убійца! замѣтилъ третій.

— Герцогъ Гизъ послалъ его сюда, чтобы отравить адмирала.

— Отравить меня! воскликнулъ Колиньи, пожимая плечами.— Не письмомъ ли?

— Развѣ вы забыли перчатки Наваррской королевы? [1]) воскликнулъ Бониссанъ.

— Я не вѣрю, чтобы отрава могла заключаться въ перчаткахъ или въ этомъ письмѣ; и вдобавокъ глубоко убѣжденъ, что герцогъ де-Гизъ неспособенъ на такой низкій поступокъ!

Съ этими словами адмиралъ хотѣлъ сорвать печать, но Бониссанъ бросился къ нему и вырвалъ письмо изъ его рукъ съ громкимъ восклицаніемъ:

— Ради Бога не читайте, вы можете вдохнуть смертельный ядъ!..

Всѣ присутствующіе столпились около адмирала, который дѣлалъ усилія чтобы отстранить отъ себя Бониссана.

— Изъ письма идетъ черный дымъ! сказалъ кто-то изъ толпы.

— Киньте письмо! Киньте! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Отстаньте отъ меня! Вы точно съ ума сошли! сказалъ Колиньи, стараясь освободить свою руку.

---

[1]) Причиной ея смерти, по свидѣтельству д'Обинье (d'Aubigné, „Hist. univ.", t. II, chap. II), былъ ядъ, которымъ были надушены перчатки по способу гг. Рене, Флорентецъ и комп.

Во время этой борьбы бумага упала на полъ.

— Самуэль, другъ мой! воскликнулъ Бониссанъ.—Будьте вѣрнымъ слугою, распечатайте этотъ пакетъ и только тогда отдайте своему господину, когда убѣдитесь, что въ немъ нѣтъ ничего подозрительнаго.

Предложеніе это видимо не понравилось управляющему, потому что онъ не двигался съ мѣста. Мержи поспѣшно поднялъ бумагу и сорвалъ печать. Въ тотъ же моментъ вокругъ него образовалось пустое пространство; всѣ бросились въ сторону, какъ будто ожидали взрыва мины. Но не видно было ни малѣйшаго признака дыма, въ конвертѣ былъ сложенъ грязный листъ бумаги, на которомъ было написано наскоро нѣсколько словъ.

Тѣ, которые первые отскочили отъ Мержи, тотчасъ же со смѣхомъ вернулись къ нему, когда увидѣли, что нѣтъ и тѣни какой либо опасности.

— Это что значитъ! воскликнулъ Колиньи раздраженнымъ голосомъ.—Какъ вы смѣете распечатывать письмо, адресованное на мое имя!

— Прошу извинить меня г. адмиралъ! отвѣтилъ Мержи. — Но если бы эта бумага дѣйствительно содержала бы въ себѣ ядъ, который могъ убить васъ, то не лучше ли чтобы погибъ такой молодой и незначительный человѣкъ какъ я, нежели вы, чья жизнь такъ дорога для нашей религіи.

Кругомъ послышался ропотъ удивленія. Колиньи дружески пожалъ руку молодому человѣку и помолчавъ минуту сказалъ:

— Ну, дѣлать нечего! Такъ какъ вы распечатали это письмо, то сдѣлайте одолженіе прочитайте его.

Мержи прочиталъ слѣдующее:

„Небо освѣщено на востокѣ кровавыми лучами. Звѣзды исчезли съ небосклона; въ воздухѣ видны огненныя шпаги. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не понять, что означаютъ эти признаки. Гаспаръ! надѣнь шпоры и вооружись шпагой или черезъ нѣсколько дней вороны будутъ кормиться твоимъ трупомъ.

— Подъ именемъ вороновъ онъ очевидно подразумѣваетъ Гизовъ, сказалъ Бониссанъ.

Адмиралъ презрительно пожалъ плечами. Остальные молчали, такъ какъ мрачное предсказаніе видимо произвело на всѣхъ извѣстное впечатлѣніе.

— Сколько людей въ Парижѣ придаютъ большое значеніе этимъ пустякамъ! сказалъ холодно Колиньи.—Мнѣ говорили, что болѣе десяти тысячъ мошенниковъ занимаются предсказаніями и существуютъ этимъ ремесломъ.

— Мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать этимъ предостереженіемъ, сказалъ одинъ изъ капитановъ.—Герцогъ Гизъ публично сказалъ, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не положитъ васъ на мѣстѣ своей шпагой.

— Убійцѣ слишкомъ легко пробраться къ вамъ! замѣтилъ Бониссанъ.—На вашемъ мѣстѣ, я не иначе ѣздилъ бы въ Лувръ, какъ въ латахъ!

— Успокойтесь другъ мой, отвѣтилъ адмиралъ,—убійцы не тронутъ такихъ старыхъ солдатъ, какъ мы. Они больше боятся насъ, нежели мы ихъ.

Колиньи еще нѣкоторое время разговаривалъ съ своими приближенными о предстоящемъ походѣ во Фландрію и религіозныхъ дѣлахъ. Многіе изъ присутствующихъ передали ему прошенія для передачи королю; онъ благосклонно принялъ ихъ, сказавъ каждому просителю нѣсколько ласковыхъ словъ. Когда пробило десять часовъ, онъ приказалъ подать себѣ шляпу и перчатки, чтобы отправиться въ Лувръ. Нѣкоторые тотчасъ же удалились, но большинство послѣдовало за нимъ, чтобы служить ему свитой и охранять во время пути.

ГЛАВА VII.

Королевская милость.

Жоржъ увидя издали своего брата крикнулъ ему:

— Ну что! видѣлъ ли ты Гаспара I-го? Какъ онъ принялъ тебя?

— Съ такой добротой, что я никогда не забуду этого.

— Очень радъ! Но чѣмъ же кончилась ваша бесѣда?

— Еслибы ты зналъ Жоржъ, что это за человѣкъ!..

— Что за человѣкъ! Такой же какъ и всѣ, съ тою разницей, что у него нѣсколько больше честолюбія и терпѣнія, нежели у моего лакея, не говоря уже о различіи происхожденія. Знатность рода играла не послѣднюю роль въ томъ высокомъ положеніи, какое занялъ де-Шатильонъ.

— Развѣ это научило его военному искусству и сдѣлало изъ него перваго полководца нашего времени?

— Конечно нѣтъ, хотя его достоинства не помѣшали ему быть вѣчно побѣжденнымъ. Но оставимъ этотъ разговоръ. Ты видѣлъ сегодня адмирала, такъ и должно быть; каждому слѣдуетъ воздавать почетъ по его заслугамъ. Я считаю вполнѣ законнымъ, что ты прежде всего отправился съ визитомъ къ адмиралу... Теперь я долженъ тебѣ сдѣлать одно предложеніе: не хочешь ли ты завтра отправиться на охоту? Я представлю тебя одному человѣку, котораго также стоитъ видѣть, а именно французскому королю Карлу IX-му.

— Ты приглашаешь меня на королевскую охоту!

— Разумѣется! И ты увидишь тамъ первыхъ здѣшнихъ красавицъ и самыхъ красивыхъ придворныхъ лошадей. Мѣстомъ сбора

назначенъ замокъ Мадридъ; и мы должны быть тамъ рано утромъ. Я дамъ тебѣ моего сѣраго коня въ яблокахъ и ручаюсь, что ты не будешь имѣть никакой надобности пришпоривать его, чтобы не отстать отъ собакъ.

Вошелъ лакей и подалъ Мержи пакетъ, доставленный королевскимъ пажемъ.

Мержи открылъ его и съ удивленіемъ увидѣлъ патентъ на чинъ корнета. Бумага была написана по всей формѣ, и къ ней привязана королевская печать.

— Чортъ возьми! Вотъ неожиданная милость! воскликнулъ Жоржъ. Я не могу понять какимъ образомъ Карлъ IX, который даже не знаетъ о твоемъ существованіи, вздумалъ послать тебѣ патентъ на чинъ корнета.

— Вѣроятно, я обязанъ этимъ адмиралу! возразилъ Мержи, и разсказалъ поэтому поводу исторію таинственнаго письма, которое онъ распечаталъ съ такимъ мужествомъ, думая спасти этимъ жизнь Колиньи. Капитанъ хохоталъ отъ души въ концѣ разсказа и немилосердно поддразнивалъ своего брата.

ГЛАВА VIII.

Бесѣда между читателемъ и авторомъ.

Теперь, г-нъ авторъ, вы можете воспользоваться удобнымъ случаемъ и представить намъ любопытную характеристику историческихъ лицъ. Надѣюсь, что вы введете насъ въ замокъ Мадридъ и познакомите съ жизнью этого франко-итальянскаго двора. Укажите намъ одинъ за другимъ всѣ выдающіеся характеры этого времени. Сколько новаго узнаемъ мы! и какъ интересенъ долженъ быть день, проведенный среди подобныхъ личностей!

— Увы, многоуважаемый читатель! вы требуете отъ меня невозможнаго. Я желалъ бы обладать талантомъ, чтобы написать исторію Франціи, но не стану разсказывать сказокъ. Я просилъ бы объяснить мнѣ, почему вы требуете, чтобы я знакомилъ васъ съ личностями, которыя не будутъ играть никакой роли въ моемъ романѣ.

— Но вы совершенно неправы г-нъ авторъ, не давъ имъ никакой роли въ вашемъ разсказѣ. Какъ! вы переносите насъ въ 1582 годъ и не хотите представить намъ портреты столькихъ знаменитостей! Какъ хотите, но вы должны удовлетворить наше любопытство. Начинайте,—я продиктую вамъ первую фразу: Открывается дверь въ салонъ и вы видите...

— Помилуйте г-нъ читатель, въ замкѣ Мадридѣ не было никакихъ салоновъ; какъ вамъ извѣстно салоны...

— Ну, хорошо! Начнемъ иначе: Большая зала была наполнена многочисленной толпой... и пр... общее вниманіе было обращено на личность...

— Позвольте васъ спросить: на чью личность?

— Во-первыхъ, на личность Карла IX-го!..

— А во-вторыхъ?..

— Нѣтъ, подождите. Вы должны описать мнѣ костюмъ французскаго короля, затѣмъ его наружность и характеръ, какъ это дѣлаютъ всѣ нынѣшніе романисты.

— Что касается костюма, то на немъ былъ обыкновенный охотничій нарядъ, а на шеѣ у него висѣлъ большой охотничій рогъ.

— Васъ однако нельзя упрекнуть въ многословіи!

— Что вамъ сказать объ его наружности... Дайте припомнить... Мнѣ кажется всего удобнѣе, чтобы вы сами отправились въ Ангулемскій музей и взглянули на бюстъ Карла IX-го. Онъ стоитъ во второй залѣ, подъ номеромъ 98.

— Вы забываете г-нъ авторъ, что я живу въ провинціи; неужели я долженъ отправиться въ Парижъ, чтобы видѣть бюстъ Карла IX-го?

— Ну, такъ представьте себѣ молодаго человѣка, довольно хорошо сложеннаго, голова котораго какъ будто завязла въ плечахъ; онъ вытягиваетъ шею и выставляетъ лобъ; носъ у него немного толстый; губы тонкія и длинныя; верхняя губа значительно выдается впередъ. Прибавьте къ этому мертвенно блѣдный цвѣтъ лица и большіе зеленые глаза, которые никогда не смотрятъ на того, съ кѣмъ онъ говоритъ. Впрочемъ, въ его глазахъ нельзя прочесть Вареоломеевской ночи, или чего либо подобнаго: выраженіе его лица скорѣе безсмысленное и безпокойное, нежели жестокое и суровое. Что касается его манеръ и обхожденія, то вы можете составить о нихъ понятіе, если представите себѣ молодаго англичанина въ тотъ моментъ, когда онъ входитъ въ залу, гдѣ сидятъ гости. Онъ проходитъ мимо нарядныхъ женщинъ, которыя молча смотрятъ на него. Онъ задѣваетъ одну за платье, толкаетъ у другой стулъ, пока не доберется до хозяйки дома; тутъ только онъ замѣчаетъ, что рукавъ его въ грязи, потому что онъ запачкалъ его о колесо, выходя изъ экипажа... Вамъ вѣроятно приходилось не разъ встрѣчать этого рода испуганныя физіономіи; или быть можетъ вамъ случалось видѣть самихъ себя въ зеркало, при входѣ въ салонъ, въ тѣ времена, когда у васъ еще не было никакого свѣтскаго навыка.

— А Екатерина Медичи?

— Екатерина Медичи? Хорошо, что вы напомнили о ней. Надѣюсь, что я въ послѣдній разъ упоминаю ея имя. Это хорошо сохранившаяся женщина, съ толстымъ носомъ и сжатыми губами, какъ

у людей, которые чувствуютъ приступъ морской болѣзни. Глаза у ней полузакрытые; она зѣваетъ чуть ли не каждую минуту; голосъ ея чрезвычайно монотонный. Такъ, напримѣръ, она говоритъ съ одной и той же интонацiей: Ахъ, если бы кто-нибудь избавилъ меня отъ этой несносной женщины! и: Маделена, дайте же молока моей неаполитанской собакѣ.

— Благодарю васъ, г-нъ авторъ, вы удовлетворили мое любопытство. Ну теперь заставьте ее сказать нѣсколько знаменательныхъ словъ. Если вѣрить слухамъ, то она только что приказала отравить Жанну д'Альбре. Вѣдь это должно же проявиться въ чемъ нибудь.

— Ничуть не бывало! Если бы она въ чемъ либо измѣнила себѣ, то гдѣ же то притворство, которымъ она такъ прославилась!

Я знаю изъ достовѣрнаго источника, что, въ день смерти несчастной Жанны, она ни о чемъ не говорила, кромѣ погоды.

— А Генрихъ IV-ый и Маргарита Наваррская? Разскажите намъ что нибудь о Генрихѣ, этомъ храбромъ, вѣжливомъ и добромъ принцѣ!.. Вотъ Маргарита передаетъ тайкомъ любовную записку красивому пажу; Генрихъ, съ своей стороны, жметъ руку одной, изъ статсъ-дамъ Екатерины.

— Въ данное время, никто не признавалъ въ этомъ вѣтреномъ мальчикѣ будущаго героя и короля Францiи. Онъ уже забылъ о смерти своей матери, хотя она умерла только двѣ недѣли тому назадъ, и ведетъ теперь безконечные разговоры съ ловчимъ объ оленѣ, который долженъ быть поднятъ на слѣдующее утро. Считаю лишнимъ пускаться въ подробности, такъ какъ вы кажется не охотникъ.

— А Маргарита?

— Она была не совсѣмъ здорова и оставалась въ своей комнатѣ.

— Однако вы ловко отдѣлываетесь отъ моихъ вопросовъ! Ну, а герцогъ Анжуйскiй? принцъ де-Конде? герцогъ де-Гизъ и Таваннъ, Рецъ, Ла-Рошфуко, Телиньи, Торè, Мерю и многiе другiе?

— Я убѣжденъ, что вы знаете ихъ не хуже меня. Поэтому, я буду говорить вамъ о моемъ другѣ Мержи.

— Теперь для меня ясно, что я не найду въ вашемъ романѣ того, чего я искалъ въ немъ.

— Я самъ не увѣренъ, что мнѣ удастся угодить вамъ.

ГЛАВА IX.

Перчатка.

Дворъ находился въ замкѣ Мадридѣ. Королева мать, окруженная статсъ-дамами, сидѣла за завтракомъ въ своей комнатѣ, въ ожиданіи короля, который обѣщалъ прійдти къ ней, прежде чѣмъ сѣсть на лошадь. Король, въ сопровожденіи принцевъ, медленно шелъ по галлереѣ, гдѣ стояли придворные, которые должны были сопровождать его на охоту. Онъ разсѣянно выслушивалъ фразы, съ которыми обращались къ нему и большею частью отвѣчалъ съ видимымъ неудовольствіемъ. Когда онъ приблизился къ двумъ братьямъ Мержи, Жоржъ преклонилъ колѣно и представилъ вновь произведеннаго корнета, который въ свою очередь низко поклонился и поблагодарилъ его величество, за оказанную ему милость, пока еще совершенно незаслуженную имъ.

— Не о васъ ли говорилъ мнѣ вчера адмиралъ?

— Да, ваше величество.

— Вы католикъ или гугенотъ?

— Я гугенотъ, ваше величество.

— Если я спрашиваю васъ объ этомъ, то изъ одного любопытства! Чортъ побери, что мнѣ за дѣло какой религіи тотъ, кто вѣрно служитъ мнѣ.

Король, сказавъ эти достопамятныя слова, прошелъ, не останавливаясь въ покои королевы.

Минуту спустя, по галлереѣ разсыпался рой молодыхъ женщинъ, какъ будто посланный съ цѣлью развлечь кавалеровъ и поддержать въ нихъ терпѣніе. Я не стану распространяться о многочисленныхъ красавицахъ двора Карла IX-го и опишу только одну изъ нихъ, а именно графиню Тюржи, такъ какъ она играетъ важную роль въ моемъ разсказѣ.

Въ это утро, на ней былъ одѣтъ свободный и кокетливый костюмъ амазонки; ея блѣдное лицо, при своей ослѣпительной бѣлизнѣ, рельефно выдѣлялось отъ ея волосъ черныхъ какъ смоль; красиво очерченныя, но слегка сросшіяся брови придавали ея тонкимъ чертамъ легкій оттѣнокъ жестокости, или вѣрнѣе гордости, не нарушая ихъ гармонической прелести. При встрѣчѣ съ нею, то же выраженіе презрительной гордости можно было прочесть въ ея большихъ темно-голубыхъ глазахъ; но во время оживленнаго разговора зрачки у ней мало-по-малу расширялись, какъ у кошки и взглядъ становился такимъ огненнымъ, что даже самый отъявленный фатъ не могъ долго выдерживать его неотразимой силы и опускалъ глаза.

— Какъ хороша сегодня графиня де-Тюржи! говорили между собой придворные. Каждый старался подойти ближе, чтобы лучше

видѣть ее. Мержи, который случайно очутился около того мѣста, гдѣ она проходила, былъ настолько пораженъ ея красотой, что не могъ сдвинуться съ мѣста и посторонился только тогда, когда шелковое платье графини коснулось его руки.

Она замѣтила произведенное ею впечатлѣніе, и это видимо доставило ей нѣкоторое удовольствіе, потому что она удостоила Мержи мимолетнымъ взглядомъ. Онъ невольно опустилъ глаза, между тѣмъ какъ щеки его покрылись яркимъ румянцемъ. Графиня улыбнулась, и проходя мимо нашего героя уронила, одну изъ своихъ перчатокъ, но онъ былъ настолько взволнованъ, что даже не догадался поднять ее. Въ тотъ же моментъ, Комминжъ, стоявшій позади Мержи, столкнулъ его съ дороги, поднялъ перчатку и, почтительно поцѣловавъ ее, передалъ графинѣ Тюржи, которая, даже не поблагодаривъ его, бросила на Мержи долгій взглядъ, исполненный глубокаго презрѣнія. Затѣмъ, увидя около него Жоржа, она сказала возвысивъ голосъ:

— Не знаете ли вы, капитанъ, откуда взялся этотъ недоросль? Я убѣждена, что онъ гугенотъ, судя по его внѣшности.

Взрывъ хохота, вызванный этимъ замѣчаніемъ, окончательно смутилъ Мержи.

— Это мой братъ, графиня, отвѣтилъ вполголоса Жоржъ.—Онъ всего три дня въ Парижѣ и, клянусь честью, что онъ не менѣе ловокъ, чѣмъ былъ Лануа, до того времени, когда вы взялись за его образованіе.

Графиня Тюржи слегка покраснѣла.

— Это злая шутка, капитанъ!.. Оставимъ въ покоѣ мертвыхъ. Дайте мнѣ вашу руку; я должна поговорить съ вами по порученію одной дамы, которая не совсѣмъ довольна вашимъ поведеніемъ.

Капитанъ почтительно подалъ руку графинѣ и повелъ ее въ амбразуру окна, гдѣ никто не могъ ихъ слышать. Она еще разъ повернула голову, чтобы взглянуть на Мержи.

Онъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, ослѣпленный появленіемъ красавицы, онъ горѣлъ желаніемъ видѣть ее и въ то же время не осмѣливался поднять на нее глаза.

Кто-то дотронулся до его плеча. Онъ обернулся и увидѣлъ барона Водрёль, который таинственно отвелъ его въ сторону, говоря, что долженъ потолковать съ нимъ безъ боязни быть прерваннымъ.

— Другъ мой, сказалъ баронъ,—вы человѣкъ пріѣзжій и можетъ быть не знаете, какъ слѣдуетъ вести себя при дворѣ.

Мержи съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Вашъ братъ занятъ своими дѣлами и поэтому не даетъ вамъ никакихъ совѣтовъ. Позвольте мнѣ взять на себя его роль.

— Я не знаю милостивый государь, что подало вамъ поводъ...

— Вамъ нанесено серьезное оскорбленіе! Видя васъ въ задумчивой позѣ, я былъ убѣжденъ, что вы размышляли о средствахъ отомстить ему.

— Отомстить кому? спросилъ Мержи.

— Развѣ васъ не толкнулъ Комминжъ! Всѣ придворные видѣли это, и ожидаютъ, что вы примете это къ сердцу.

— Толпа настолько велика, что онъ могъ случайно толкнуть меня.

— Мосье де-Мержи, я только что имѣлъ честь познакомиться съ вами, но вашъ братъ мой большой пріятель и можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что я, по возможности, придерживаюсь божественной заповѣди „забвенія обидъ". Я не сталъ бы впутывать васъ въ пустую ссору, но въ то же время, считаю своимъ долгомъ заявить вамъ, что Комминжъ намѣренно толкнулъ васъ. Если бы даже онъ не сдѣлалъ этого, то все-таки вамъ нанесена кровная обида: поднявъ перчатку графини, онъ присвоилъ себѣ право, которое принадлежало вамъ. Перчатка была у вашихъ ногъ—ergo, вы одни могли поднять ее и возвратить дамѣ... Впрочемъ, взгляните сюда! Вы видите, въ концѣ галлереи стоитъ Комминжъ, указываетъ на васъ пальцемъ и насмѣхается надъ вами.

Мержи, оглянувшись, замѣтилъ Комминжа, окруженнаго пятью или шестью молодыми людьми, которымъ онъ разсказывалъ что-то со смѣхомъ; тѣ съ видимымъ любопытствомъ слушали его. Тѣмъ не менѣе, ничто не доказывало, что рѣчь шла о немъ, но Мержи, благодаря объясненію своего услужливаго совѣтника, почувствовалъ, что имъ овладѣлъ сильный гнѣвъ.

— Я пойду къ нему послѣ охоты и потребую...

— Никогда не слѣдуетъ откладывать такого добраго намѣренія. Вы несравненно меньше прогнѣвите Бога, вызвавъ своего противника, тотчасъ послѣ обиды, нежели вы сдѣлаете это по зрѣломъ размышленіи. Грѣхъ еще не такъ великъ, если вы подъ вліяніемъ гнѣва назначаете мѣсто поединка, а когда вы деретесь послѣ этого, то во избѣжаніе еще большаго грѣха, чтобы не измѣнить данному слову. Однако, извините, я все забываю что говорю съ протестантомъ. Совѣтую вамъ немедленно условиться съ Комминжемъ относительно мѣста поединка; я тотчасъ же приведу вамъ его.

— Надѣюсь, что онъ не откажется попросить у меня извиненія!

— Ну, относительно этого, вы сильно ошибаетесь. Комминжъ никогда не скажетъ: „я былъ виноватъ". Впрочемъ онъ человѣкъ вполнѣ вѣжливый и дастъ вамъ удовлетвореніе, если вы потребуете его.

Мержи сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы казаться равнодушнымъ.

— Если Комминжъ оскорбилъ меня, сказалъ онъ,—то я потребую отъ него удовлетворенія. Онъ не можетъ отказать мнѣ въ этомъ.

— Превосходно, другъ мой! Отъ души радъ убѣдиться въ томъ, что вы не трусите, такъ какъ вамъ извѣстно, что Комминжъ лучше всѣхъ насъ владѣетъ шпагой. Клянусь честью, что онъ умѣетъ держать оружіе въ рукахъ. Онъ бралъ уроки въ Римѣ у знаменитаго Брамбилла; Petit-Jean больше не рѣшается состязаться съ нимъ.

Говоря это, Водрёль не спускалъ глазъ съ Мержи; который былъ больше взволнованъ мыслью о нанесенномъ ему оскорбленіи, нежели испуганъ послѣдствіями предстоящаго поединка.

— Я очень желалъ бы быть вашимъ секундантомъ въ этомъ дѣлѣ! продолжалъ Водрёль, но, къ сожалѣнію, я долженъ идти завтра къ причастію; и, вдобавокъ, далъ слово Ренси, что не буду участвовать ни въ одной дуэли, пока мы не покончимъ нашъ споръ въ Pré-aux-Clercs.

— Благодарю васъ, но если окажется нужнымъ, то братъ будетъ моимъ секундантомъ.

— Капитанъ знатокъ въ подобныхъ дѣлахъ! Но время дорого! Если вамъ угодно, то я приведу Комминжа, чтобы вы могли объясниться съ нимъ.

Мержи молча поклонился и, повернувшись къ окну, сталъ придумывать приличныя выраженія для вызова. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, нуженъ своего рода навыкъ, который пріобрѣтается долгимъ опытомъ. Нашъ герой долженъ былъ первый разъ драться на дуэли и вслѣдствіи этого испытывалъ нѣкоторое смущеніе: его не столько безпокоили удары шпаги Комминжа, сколько мысль сказать что нибудь неприличное для дворянина.

Онъ едва успѣлъ составить мысленно вѣжливую фразу, подходящую къ случаю, какъ опять забылъ ее, благодаря барону Водрёль, который неожиданно схватилъ его за руку.

Передъ нимъ стоялъ Комминжъ съ шляпой въ рукѣ и, отвѣсивъ низкій поклонъ, спросилъ его насмѣшливымъ тономъ:

— Вы желали говорить со мной, милостивый государь?

Мержи покраснѣлъ отъ гнѣва и отвѣтилъ твердымъ голосомъ:

— Вы, милостивый государь, позволили себѣ невѣжливость относительно меня и я желаю получить отъ васъ удовлетвореніе!

Водрёль одобрительно кивнулъ головой.

Комминжъ выпрямилъ спину и подбоченился, такъ это была поза, принятая въ подобныхъ случаяхъ, затѣмъ, помолчавъ немного,—сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Вызывая меня на дуэль, милостивый государь, вы являетесь истцомъ, и мнѣ въ качествѣ отвѣтчика должно быть предоставлено право выбрать оружіе.

— Назначьте то, которое для васъ удобнѣе.

Комминжъ задумался и черезъ минуту отвѣтилъ:

— Шпага хорошее оружіе, но раны, наносимыя ею, могутъ обезобразить человѣка, а въ наши годы, добавилъ онъ, улыбаясь,—не совсѣмъ пріятно явиться къ возлюбленной съ шрамомъ па лицѣ. Рапира совсѣмъ другое дѣло; она оставляетъ послѣ себя небольшую рану, но вполнѣ достаточную (Комминжъ еще разъ улыбнулся). Поэтому, я выбираю рапиру и кинжалъ.

— Я согласенъ! сказалъ Мержи и сдѣлалъ шагъ, чтобы уйти.

— Подождите одну минуту! воскликнулъ Водрёль.—Вы забыли назначить мѣсто поединка.

— Въ Pré-aux-Clercs! сказалъ Комминжъ.—Это мѣсто rendez-vous всего двора; если только мосье де-Мержи ничего не имѣетъ противъ моего предложенія?

— Для меня это совершенно безразлично.

— Что же касается часа... то я не могу прійти раньше восьми, по извѣстной причинѣ... Вы понимаете... Я проведу ночь внѣ дома и буду къ вашимъ услугамъ около девяти часовъ.

— Итакъ, въ девять часовъ.

Мержи повернулъ голову и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя графиню Тюржи; она только-что отошла отъ капитана, который въ это время уже разговаривалъ съ другой дамой. Естественно, что нашъ герой, при видѣ прекрасной виновницы предстоящей дуэли, сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы придать своему лицу серьозное и безпечное выраженіе.

— Съ нѣкотораго времени, сказалъ Водрёль, — вошло въ моду драться въ нижнемъ бѣльѣ изъ какой-нибудь красной матеріи. Если у васъ нѣтъ ничего подобнаго, то я велю принести вамъ пару, мосье де-Мержи; красный цвѣтъ представляетъ то преимущество, что кровь не такъ замѣтна.

— Это такіе пустяки, о которыхъ говорить не стоитъ' замѣтилъ Комминжъ.

Мержи нехотя улыбнулся.

— Итакъ, мои друзья, сказалъ баронъ де-Водрёль, который былъ совсѣмъ въ своей сферѣ,—теперь остается только условиться относительно секундантовъ и посредниковъ [1]).

— Мосье де-Мержи такъ недавно при нашемъ дворѣ, что ему будетъ трудно найти двухъ свидѣтелей. Я готовъ сдѣлать ему снисхожденіе, и буду довольствоваться однимъ секундантомъ.

Мержи сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться.

— Это очень любезно съ вашей стороны, мосье Комминжъ! сказалъ баронъ.—Пріятно имѣть дѣло съ такимъ сговорчивымъ человѣкомъ, какъ вы!

— Ваша рапира должна быть такой же длины, какъ и моя, сказалъ Комминжъ;—совѣтую вамъ обратиться къ Лорану, подъ вывѣской: „Золотое солнце“, на улицѣ Ferronnerie; это лучшій оружейникъ въ городѣ. Скажите ему, что вы пришли по моей рекомендаціи, и я знаю, что онъ угодитъ вамъ.

Съ этими словами Комминжъ сдѣлалъ легкій пируэтъ и спокойно вернулся къ оставленной имъ группѣ молодыхъ людей.

— Поздравляю васъ, мосье Бернаръ, сказалъ Водрёль;—вы отлично

---

[1]) Свидѣтели при дуэляхъ не всегда оставались простыми зрителями, такъ какъ часто дрались между собой. Ихъ называли seconds и tiers.

справились съ вызовомъ и вели себя, какъ прилично дворянину! Комминжъ не привыкъ, чтобы съ нимъ разговаривали такимъ тономъ. Всѣ боятся его какъ огня, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ положилъ на мѣстѣ этого верзилу Каниллака. Смерть С. Мишеля прошла незамѣтно, потому что онъ не отличался особеннымъ искусствомъ; но Каниллакъ самъ убилъ на дуэляхъ пятерыхъ или шестерыхъ дворянъ, не получивъ ни одной царапины. Онъ учился фехтованію въ Неаполѣ у Борелли, и говорятъ Лансакъ, умирая, передалъ ему секретъ того ловкаго удара рапирой, которымъ онъ надѣлалъ столько зла на своемъ вѣку. Впрочемъ, продолжалъ баронъ какъ бы про себя,—Каниллакъ ограбилъ церковь въ Оксерѣ и бросилъ на полъ святые дары, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ за это наказанъ.

Всѣ эти подробности не представляли никакого интереса для Мержи; но онъ счелъ нужнымъ продолжать разговоръ изъ боязни, чтобы у Водрёля не явилось оскорбительное подозрѣніе относительно его храбрости.

— Къ счастью, сказалъ онъ,—я не ограбилъ ни одной церкви и никогда не прикасался къ святымъ дарамъ, такъ что мнѣ не предстоитъ никакой особенной опасности.

— Я долженъ дать вамъ еще одинъ совѣтъ. Когда вы сразитесь съ Комминжемъ, то остерегайтесь его ложныхъ выпаденій, такъ какъ одно изъ нихъ стоило жизни несчастному Томасо. Комминжъ объявилъ, что у него сломался конецъ шпаги. Въ виду этого Томасо для отраженія удара поднялъ шпагу надъ головой; но тутъ оказалось, что шпага Комминжа совсѣмъ цѣла, такъ какъ она почти на футъ до эфеса вошла въ грудь Томасо. Но вамъ не предстоитъ подобной опасности, потому что вы будете драться на рапирахъ...

— Я буду остороженъ, насколько это окажется возможнымъ!

— Затѣмъ обратите вниманіе, чтобы рукоятка кинжала была надлежащей прочности; это весьма важное условіе при парированіи. Вы видите этотъ шрамъ на моей лѣвой рукѣ? Это случилось вслѣдствіе того, что я вышелъ разъ изъ дому безъ кинжала. Мы поссорились съ молодымъ Талларомъ, и я, не имѣя подъ рукой кинжала, едва не лишился лѣвой руки.

— Значитъ, вы ранили его? спросилъ Мержи съ разсѣяннымъ видомъ.

— Нѣтъ, я убилъ его, благодаря обѣту, данному мной святому Морису, моему патрону. Захватите также съ собой кусокъ полотна и корпіи. Это во всякомъ случаѣ будетъ не лишнее. Вѣдь не всегда же убиваютъ наповалъ. Равнымъ образомъ не мѣшало бы передъ дуэлью положить вашу шпагу на алтарь во время обѣдни... Все забываю, что вы протестантъ... Вотъ еще что: не воображайте, что честь обязываетъ васъ дать вздохнуть противнику; напротивъ, заставьте его биться до изнеможенія и затѣмъ, выбравъ удобный моментъ, нанесите ему ловкій ударъ въ грудь; тогда онъ пропалъ...

Водрёль вѣроятно еще долго продолжалъ бы давать совѣты молодому провинціалу, но къ удовольствію послѣдняго на дворѣ раздался громкій звукъ роговъ, служившій сигналомъ, что король намѣревается сѣсть на лошадь. Въ тотъ же моментъ дверь, ведущая въ покои королевы, отворилась и ихъ величества вышли на крыльцо въ охотничьихъ костюмахъ.

Капитанъ Жоржъ, оставивъ свою даму, подошелъ къ брату и, ударивъ его по плечу, сказалъ веселымъ тономъ:—Клянусь всѣми святыми, ты родился подъ счастливой звѣздой! Посмотрите-ка на этого красавчика съ кошачьими усами! едва показался онъ на свѣтъ божій и уже всѣ женщины отъ него безъ ума! Знаешь ли ты, что прелестная графиня цѣлыхъ четверть часа говорила о тебѣ! Совѣтую воспользоваться этимъ. Во время охоты не отставай отъ ея лошади и будь любезенъ съ нею насколько возможно. Однако, чортъ возьми, что съ тобой? Не боленъ ли ты? У тебя такая постная физіономія, какъ у пастора, котораго собираются жечь на кострѣ. Тьфу, пропасть! Посмотри на себя въ зеркало, на что ты похожъ!

— Я не имѣю никакого желанія быть на охотѣ, и мнѣ хотѣлось бы...

— Если вы не отправитесь съ нами, сказалъ вполголоса баронъ Водрёль,—то Комминжъ подумаетъ, что вы боитесь встрѣчи съ нимъ.

— Ну, такъ и быть! сказалъ Мержи, проводя рукой по своему горячему лбу. Онъ рѣшилъ дождаться конца охоты, чтобы сообщить брату о своей ссорѣ съ Комминжемъ.—Неужели я допущу, разсуждалъ онъ про себя,—чтобы графиня Тюржи подумала, что я боюсь смерти... и что мысль о предстоящей дуэли мѣшаетъ мнѣ принять участіе въ охотѣ.

ГЛАВА X.

Охота.

Множество богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ на прекрасныхъ верховыхъ лошадяхъ двигались взадъ и впередъ по обширному двору замка. Звуки охотничьихъ роговъ, лай собакъ, громкія восклицанія и говоръ представляли особенную прелесть для ушей охотника, но были невыносимы для всякаго другаго человѣческаго уха. Мержи машинально вышелъ на дворъ съ своимъ братомъ, и самъ, не сознавая этого, очутился около графини Тюржи. Она была въ маскѣ и сидѣла верхомъ на горячемъ андалузскомъ конѣ, который билъ ногой о землю и съ нетерпѣніемъ грызъ удила. Этотъ конь, вѣроятно, поглотилъ бы все вниманіе обыкновеннаго наѣздника; но графиня, по-

видимому, сидѣла на немъ такъ же спокойно, какъ у себя дома въ креслѣ.

Капитанъ подошелъ къ ней подъ предлогомъ подтянуть цѣпочку у мундштука лошади.

— Вотъ мой братъ, сказалъ онъ вполголоса амазонкѣ, но достаточно громко, чтобы Мержи могъ разслышать его.—Будьте милостивы къ бѣдному малому; у него подшиблены крылья съ того дня, какъ онъ увидѣлъ васъ въ Луврѣ.

— Я забыла его имя! отвѣтила она довольно рѣзкимъ голосомъ.— Какъ его зовутъ?

— Бернаръ... Замѣтьте, графиня, что его шарфъ одного цвѣта съ вашими лентами!

— Умѣетъ ли онъ ѣздить верхомъ?

— Сами увидите.

Съ этими словами Жоржъ поспѣшно поклонился и, сѣвъ на лошадь, подъѣхалъ къ одной изъ фрейлинъ королевы, за которой ухаживалъ съ нѣкотораго времени. Склонившись на сѣдлѣ и придерживая за узду лошадь своей дамы, онъ вступилъ съ нею въ оживленный разговоръ и вскорѣ забылъ о своемъ братѣ и его прекрасной возлюбленной.

— Вы, кажется, знакомы съ Комминжемъ, мосье де-Мержи? спросила графиня?

— Я, графиня?... я почти незнакомъ съ нимъ, отвѣтилъ онъ заикаясь.

— Но вы только-что разговаривали съ нимъ.

— Это было первый разъ въ моей жизни.

— Кажется, я догадываюсь, о чемъ вы говорили! возразила графиня. Ея глаза, пристально устремленные на него, какъ будто хотѣли проникнуть ему въ душу.

Одна изъ дамъ, обратившись съ какимъ-то вопросомъ къ графинѣ, прервала этотъ разговоръ къ удовольствію Мержи, который былъ въ сильномъ замѣшательствѣ. Тѣмъ не менѣе, не отдавая себѣ яснаго отчета, онъ поѣхалъ вслѣдъ за графиней; быть можетъ онъ сдѣлалъ это отчасти изъ желанія досадить Комминжу, который наблюдалъ за нимъ издали.

Всѣ двинулись разомъ изъ замка. Поднятый олень бросился въ лѣсъ, охота послѣдовала за нимъ. Мержи восхищался необыкновенною ловкостью, съ какой графиня Тюржи управляла лошадью и преодолѣвала препятствія, встрѣчаемыя ею на пути. Онъ поспѣвалъ за нею только благодаря проворству своей превосходной берберійской лошади; но вскорѣ къ величайшей его досадѣ къ нимъ присоединился графъ Комминжъ на такомъ же хорошемъ конѣ. Несмотря на бѣшеный галопъ и вниманіе, съ какимъ графъ слѣдилъ за охотой, онъ велъ почти безпрерывный разговоръ съ прекрасной амазонкой, тогда какъ Мержи молча завидовалъ его легкомысленной безпечности и спо-

собности говорить занимательно о пустякахъ, судя по тому удовольствію, съ какимъ слушала его графиня. При этомъ оба соперника, воодушевленные благороднымъ соревнованіемъ, разъ двадцать едва не сломали себѣ шеи, такъ какъ самые высокіе заборы и широкіе канавы не могли остановить ихъ.

Но тутъ графиня, внезапно отставъ отъ охоты, направила свою лошадь по лѣсной аллеѣ, составлявшей уголъ съ той, по которой ѣхалъ король со своей свитой.

— Что вы дѣлаете! воскликнулъ Комминжъ,—вы заблудитесь; развѣ вы не слышите съ этой стороны звуки роговъ и лай собакъ!

— Поѣзжайте по другой аллеѣ, если вамъ эта не нравится; развѣ я мѣшаю вамъ? возразила графиня.

Комминжъ молча поскакалъ за ней; Мержи не отставалъ отъ нихъ. Когда всѣ три лошади поравнялись, графиня поѣхала шагомъ; кавалеры послѣдовали ея примѣру.

— У васъ славный боевой конь, мосье де-Мержи! сказалъ Комминжъ,—у него такой бодрый видъ, какъ будто его сію минуту вывели изъ конюшни.

— Мой братъ купилъ его у одного испанца. Этотъ шрамъ полученъ имъ въ сраженіи при Монконтурѣ.

— Вы бывали когда-нибудь на войнѣ, мосье де-Мержи? спросила графиня.

— Ни разу въ моей жизни!

— И никогда не были ранены мушкетнымъ выстрѣломъ?

— Нѣтъ, графиня.

— Не получили также ни одного удара шпаги?

— Нѣтъ...

Мержи показалось, что она улыбнулась. Комминжъ съ самодовольствомъ поправилъ себѣ усы.

— По моему мнѣнію, замѣтилъ онъ,—порядочная рана лучшее украшеніе для молодаго человѣка. Что вы скажете на это, графиня?

— Да, если только она не получена случайно!

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Я нахожу, что только раны, полученныя на полѣ битвы, заслуживаютъ уваженія; а тѣ, которыя остаются послѣ дуэлей, ничего не возбуждаютъ, кромѣ презрѣнія.

— Вы, вѣроятно, пришли къ этому убѣжденію послѣ разговора съ мосье де-Мержи?

— Нѣтъ, отвѣтила графиня рѣзкимъ тономъ.

Мержи подъѣхалъ къ Комминжу:

— Милостивый государь, сказалъ онъ вполголоса,—какъ только мы присоединимся къ остальнымъ охотникамъ, то я предлагаю вамъ войти въ чащу; и тамъ, быть можетъ, мнѣ удастся доказать вамъ, что я вовсе не желаю избѣжать встрѣчи съ вами.

Комминжъ презрительно взглянулъ на него.

— Вполнѣ вѣрю вашей готовности сразиться со мной,— сказалъ онъ;—но я ни въ какомъ случаѣ не могу принять вашего предложенія. Мы не лакеи, чтобы драться наединѣ; и наши друзья не простятъ намъ, если мы лишимъ ихъ пріятнаго зрѣлища.

— Какъ вамъ угодно! отвѣтилъ Мержи и догналъ графиню, которая опередила ихъ на нѣсколько шаговъ.

Графиня опустила голову и, повидимому, была совершенно погружена въ свои мысли. Всѣ трое молча доѣхали до конца аллеи.

— Если не ошибаюсь, то это охотничій рогъ! сказалъ Комминжъ.

— Звуки послышались налѣво, изъ этой просѣки, добавилъ Мержи.

— Несомнѣнно, вы правы! и я могу даже съ увѣренностью сказать, что это болонскій рогъ. Будь я проклятъ, если это не забавляется мой пріятель Помпиньянъ. Вы не повѣрите, мосье де-Мержи, какая огромная разница между болонскимъ рогомъ и тѣми, какіе фабрикуются въ нашихъ жалкихъ мастерскихъ.

— Дѣйствительно, онъ слышенъ издали.

— Замѣтьте, какой пріятный и полный звукъ! Собаки, услышавъ его, забудутъ, что пробѣжали десятки лье. Собственно говоря, только въ Италіи и во Фландріи можно найти что-нибудь порядочное. Какъ вамъ нравится этотъ воротникъ à la walonne? Онъ очень идетъ къ охотничьему костюму; у меня есть также воротники и брыжжи à la confusion для баловъ... Вы, можетъ быть, думаете, что этотъ воротникъ вышитъ въ Парижѣ? Ничуть не бывало! Я его купилъ въ Бредѣ. Если вы желаете, то я выпишу для васъ такой же изъ Фландріи черезъ одного изъ моихъ друзей, который постоянно живетъ во Фландріи... Но...—онъ остановился и громко захохоталъ.— До чего я разсѣянъ! Боже мой, я совсѣмъ забылъ!..

Графиня остановила свою лошадь.

— Комминжъ, сказала она,—охота опередила насъ; судя по звуку роговъ, олень доведенъ до совершеннаго изнеможенія.

— Я думаю, что вы правы, графиня.

— Вы, вѣроятно, хотите присутствовать при послѣднихъ моментахъ охоты и принять участіе въ общемъ торжествѣ.

— Разумѣется! иначе мы рискуемъ подорвать нашу репутацію первыхъ охотниковъ и наѣздниковъ.

— Совѣтую вамъ поторопиться.

— Да, мы должны дорожить каждой минутой. Теперь лошади наши отдохнули; мы ждемъ вашего сигнала, графиня!

— Я устала и останусь здѣсь. Надѣюсь, что мосье де-Мержи не откажется составить мнѣ компанію. Вы можете ѣхать, мосье де-Комминжъ, не теряя времени.

— Но...

— Неужели я должна повторить вамъ еще разъ одну и ту же фразу?

Комминжъ не двигался съ мѣста. Краска выступила на его лицѣ; онъ съ бѣшенствомъ смотрѣлъ то на Мержи, то на графиню.



АФАНАСІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ЩАПОВЪ.

Съ современной фотографіи рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

дозв. ценз. спб., 26 окт. 1881 г. тип. а. суворина, эртелевъ пер., д. 11—2



РѢКА ЛѢСНЫХЪ ПУСТЫНЬ.

(Изъ поѣздки по Уралу).

I.

Косьва. — Бѣлый Спай и Бассеги. — Картины Урала. — Какъ Ермакъ волшебныхъ людей въ камень вогналъ. — Золотой и желѣзный гвозди. — Р. Няръ и Ермачки. — Метаморфозы Ермачка разбойнаго. — Лѣсопильня. — Какъ Никита Демидовъ потопилъ бродягъ въ подземельѣ.



СЪ ПЕРВАГО дня какъ я попалъ на Уралъ, Косьва то и дѣло дразнила мое воображеніе.

Вороги лѣсного царства—оголившіе прикамскія пустыни—еще не добрались до этой рѣки, и течетъ она поэтому среди вѣковѣчныхъ и нерушимыхъ сосновыхъ боровъ, гдѣ рѣже всего можно услышать стукъ топора и жалобный визгъ пилы, въѣдающейся въ здоровое и сочное, крѣпкое какъ камень, тѣло лѣснаго великана. Охота не пораспугала тамъ дикаго звѣря, и на всей вольной волѣ ходитъ онъ по скатамъ прикосьвинскихъ горъ, по тысячу лѣтъ тому назадъ заснувшимъ и до сихъ поръ не просыпавшимся ущельямъ.

Рѣдкими поселками забрались въ эту дрёму невѣдомые люди—да словно сами испугались своей смѣлости и не пошли дальше... Къ водѣ тѣснятся они, пугливо озираясь на вершины сумрачныхъ горъ, на сплошныя стѣны стараго лѣса. Живутъ до сихъ поръ въ этихъ сельбищахъ сказанія о дивной старинѣ, по всему остальному Уралу заглушенныя грохотомъ заводскихъ машинъ, кипѣньемъ и шумомъ не знающаго устали труда; поются уже забытыя нами пѣсни, не имѣющія ничего общаго съ пѣснями лакейскаго культа, всюду

занесенными въ русскую деревню. Тутъ, на Косьвѣ, Русь еще стоитъ на колонизаторской переходной эпохѣ; она еще не знаетъ—лѣсъ ли ее одолѣетъ, или она одолѣетъ лѣсъ... На сѣверъ она протянулась чуть не къ Павдинскому Камню, обогнула Растесъ, и только къ югу—на два дня пути отъ Камы—покрылась большими селами. Тысячи ущелій питаютъ ее своими потоками и рѣченками, гдѣ грохотъ воды въ порогахъ заглушается стрекотомъ непуганной дичи, гдѣ рѣзкій крикъ лебедя по зорямъ и точно жалобный плачъ кречета въ недосягаемой выси сѣвернаго неба—такъ и переносятъ васъ во времена ушкуйниковъ и иныхъ добычливыхъ русскихъ людей, уходившихъ сюда отъ всякаго рода ежевыхъ рукавицъ... Сверхъ того, для любителя природы Косьва даетъ рядъ такихъ картинъ, которыя, увидѣвъ разъ, не забудешь никогда. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ принялъ я предложеніе подняться вверхъ по этой рѣкѣ, сдѣланное мнѣ на Кизеловскомъ заводѣ.

Оставивъ вправо отъ насъ р. Полуденный Кизелъ, мы должны были выѣхать на устье Няра, впадающаго въ Косьву.

Дорога шла сначала по лѣсу, вершины котораго были обломаны.

— Ишь, буранъ у насъ какъ прошелъ... по верху... Густолѣсье здѣсь—въ глыбь ему силы не было, а верхи снесъ.

Путь былъ ужасенъ въ полномъ смыслѣ слова. Бо́льшую часть его пришлось сдѣлать пѣшкомъ, потому что телѣжка становилась по очереди то на одно колесо, то на другое, то передокъ подымался вверхъ, обрушивая насъ внизъ, то кузовъ наскакивалъ на какую нибудь колдобину, и мы сползали на лошадиные хвосты... На каждомъ шагу сверхъ того трясло немилосердно, такъ что мы собственными головами испытали прочность желѣзныхъ ободовъ, къ которымъ былъ приложенъ прочный кожаный верхъ.

Я невольно удивился спокойствію моего спутника.

— Тутъ братъ обколотишься!.. по всей округѣ у насъ другаго пути нѣтъ... Этотъ вотъ черезъ лѣсъ слаженъ—корни-то наскрозь дорогу прошли. Тутъ одинъ изъ Питера, вашъ же, ѣздилъ... съ „ученой цѣлью“... Сказываютъ, изъ большихъ чиновниковъ онъ.

— Ну?

— Остался доволенъ. На второй верстѣ вылѣзъ изъ брички, да легъ на дорогу и завылъ.

— Завоешь...

— Отчего не выть—вой, когда тебѣ такая охота пришла... А намъ прекрасно, лучше не требуется. Покрайности начальство рѣдко къ намъ лазяетъ. Проведи дорогу-то получше, отбою бы отъ него не было... А теперь мы за этимъ лѣсомъ какъ у Христа за пазухой.

Зато всѣ неудобства пути были забыты, когда по крутому и длинному скату мы взобрались на Бѣлый-Спай.

Мы долго стояли на вершинѣ его, не рѣшаясь тронуться съ мѣста — такъ велико было очарованіе открывшихся отсюда далей.

Бѣлый-Спай на 50 футовъ выше всѣхъ остальныхъ горъ этой части Урала. Тремя параллельными волнами—одна за другою—поднимались гряды его на сѣверъ, сплошь поросшія лѣсомъ... Впереди совсѣмъ синяя—мрачно хмурилась подъ нами, чѣмъ далѣе, тѣмъ сумеречнѣе и смутнѣе казались тоны этихъ горъ... За ними—тонкая полоса воздуху и надъ ней, какъ будто на высотѣ, ничѣмъ не связанные съ землею, висятъ рѣзко очерченные сверху, а внизу сливающіеся съ этимъ воздухомъ, силуэты каменныхъ Бассеговъ. Они казались совсѣмъ желтыми. Правильныя и величавыя массы ихъ заслоняли отъ насъ еще болѣе далекій сѣверъ... Бассеги на 3.500 футовъ подымаются надъ уровнемъ моря. Ихъ безлѣсныя гранитныя массы такъ напугали воображеніе окрестнаго населенія, что оно связываетъ съ ними почти всѣ явленія природы. Гроза главнымъ образомъ родится на Бассегахъ, тамъ же и вѣтеръ спитъ, пока не проснется... Оттуда идетъ морозъ, ранніе зимніе холода тоже одолжены Бассегамъ своимъ существованіемъ.

— Тамъ въ камени прежде люди жили!.. замѣчаетъ мой спутникъ.

— А что?

— До сихъ поръ есть въ немъ пещоры малыя... А эти люди волшебные, клятые... Они и доселѣ въ камнѣ хоронятся... Какъ въ пещору сойдешь—слышно, промежду собой разговариваютъ въ горѣ... гу-гу-гу гудутъ... Ихъ, сказываютъ, Ермакъ многое множество побилъ; остальные заклялись и въ гору ушли, такъ въ горѣ и живутъ...

— И здѣсь, значитъ, объ Ермакѣ слышно.

— Тамъ, у Бассеговъ, сказываютъ про него много. Ишь ты, шелъ онъ, Ермакъ, на Сибирь тремя путями, тремя войсками. Одно войско—мимо Бассеговъ... А тамъ тропа такая промежду двухъ горъ... ее не минуешь. Попало Ермаково войско на эту тропу, а волшебные люди сверху то его и давай каменемъ бить... Били-били, видитъ Ермакъ—не совладать. „Стой!“ говоритъ. „Къ нимъ круто, такъ не пройдешь,—пущай же они столько этого самаго каменю насыплютъ, чтобы мы до нихъ долѣзть могли“. Ну, стали наши. Сверху волшебные люди слышатъ ратные крики и все сыплютъ камни. Какъ этого камня навалило довольно,—Ермакъ и повелъ свою орду.

— Почему же „орду?“

— Потому у его въ войскахъ всякаго народу и всякаго званія довольно было. По волѣ дрались, гдѣ кто хочетъ... Ордой шли... Дорвался Ермакъ до волшебныхъ людей и давай ихъ бить. Били-били—до самой до ночи. А ночью волшебные люди всѣ своимъ колдовствомъ въ гору и попрятались. Они это такъ сдѣлали, чтобы на время, а Ермакъ видѣлъ скрозь кое мѣсто они въ камень ушли, да на этомъ мѣстѣ крестъ и высѣкъ. Такъ волшебные люди за этимъ крестомъ и сидятъ... Крѣпко!.. Ино слышно плачутъ, жалятся, ино—такъ себѣ свою молвь дёржутъ...

— Что же, крестъ этотъ до сихъ поръ цѣлъ?

— Есть, которые видѣли... Такъ и зовется онъ „Ермаковъ крестъ“, а камень, что волшебные люди насыпали—„Ермаковъ холмъ“... Такъ весь онъ изъ осколковъ, да изъ щебня... Самъ я видѣлъ холмъ этотъ—промежду двухъ горъ.

Сталъ было я говорить, что такого факта въ исторіи нѣтъ, что Ермакъ не этимъ путемъ въ Сибирь шелъ, — мой спутникъ оказался твердъ умомъ.

— Много знаютъ ваши ученые, много они видѣли!.. Помалкивай ужъ... Вонъ они какіе—чуть дорога похуже, лягутъ на брюхо, да что твоя корова мычатъ... Эдакъ мало усмотришь!.. Одинъ у насъ тоже былъ... Изъ Москвы онъ—такъ все пермени да пироги ѣлъ. Поѣстъ—поспитъ, поспитъ—поѣстъ... Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Дорога круто внизъ пошла. Тѣсно обступили ее ели и сосны... чуть не въ лицо хлещутъ. Кое-гдѣ въ проемѣнахъ—бѣлыя пятна мху... Издали слышенъ грохотъ рѣки въ порогахъ.

— Это Нярокъ нашъ шумитъ...

Когда мы сползли внизъ, показалась и эта рѣченка—красивая, говорливая, перекидывающаяся съ камня на камень... Камни съ берега прямо поперегъ теченія уступами... Злится и пѣнится вода, не осиливая ихъ, забрасываетъ брызгами зеленыя облака лозняка, что спустился къ берегу и нижними вѣтвями своими купается въ болѣе спокойныхъ струяхъ. Птичій стрекотъ кое-гдѣ просто глушитъ.

— Тутъ иной разъ птица тучей идетъ. Голосу своего не слышно...

По всей окрестности — медвѣдю вольно... Только и разсказовъ, что тутъ вотъ онъ корову задралъ, а тамъ человѣка попортилъ... Чѣмъ не дикая Африка!.. Вѣдь медвѣдь-то здѣшній, пожалуй, посильнѣе льва будетъ... Народъ тутъ тоже живетъ полудикій. Когда владѣлецъ ближайшихъ Кизеловскихъ заводовъ, князь Абамеликъ-Лазаревъ, сюда пріѣзжалъ, косвяне его встрѣчали вездѣ на колѣнахъ.

— И смотрѣть на него боялись!.. Онъ имъ больше царя казался!..

Потомъ я слышалъ, что изъ одного поселка народъ даже въ лѣсъ ударился при одномъ слухѣ о близости владѣльца... Вообще, видимое дѣло—всякое начальство здѣсь не особенно долюбливаютъ. Популярностью пользуется пока одинъ г. Новокрещеныхъ, управляющій всѣми Лазаревскими заводами. Онъ знаетъ народъ, и народъ здѣсь ему вѣритъ. Отъ остальныхъ отбивается всѣми силами. Про земскую полицію и говорить нечего...

— Медвѣдь помнетъ-помнетъ, да и пожалѣетъ, а у чиновника на мужика жалости нѣтъ... Онъ съ тебя какъ съ зайца пять шкуръ сдеретъ... Только у насъ, слава Богу, сторона глухая. Мы начальство это за рѣдкость видимъ... За лѣса отъ него схоронилися и живемъ.

— Ну и жизнь! вмѣшался рабочій, понюхавшій цивилизаціи въ Кизелѣ и Чермозѣ.

— Чѣмъ не жизнь?

— Живете вы, что вошь въ овчинѣ..

— Коли вошь сытно живетъ—такъ и вшѣ позавидуешь!

Народъ здѣсь дѣйствительно диковатъ. Изъ-за какихъ нелѣпостей возникаютъ въ этомъ краю довольно серьезныя неудовольствія—повѣрить трудно. Вотъ, напримѣръ, случившееся недавно въ Тагилъскихъ заводахъ. При освобожденіи крестьянъ ввели рабочую книжку. Посредникъ Г., желая понятнѣе объяснить ея значеніе, выразился въ какомъ-то селѣ:

— Прежде вы были прибиты къ заводамъ желѣзнымъ, а теперь будете прибиты золотымъ гвоздемъ.

Народъ разошелся молча. Вечеромъ стали собираться кучки... а а на другой день—формальное волненіе... „Что такое?“ Стали доискиваться причины.

— Не хотимъ золотаго гвоздя!.. въ единъ голосъ заорала толпа.

И, такимъ образомъ, начался бунтъ изъ-за рабочихъ книжекъ, который будетъ нами описанъ въ своемъ мѣстѣ.

Дорога опять стала перекидываться съ горы на гору... Въ лощинахъ гремѣли потоки, наверху величаво шумѣли вѣковые лѣса. Ближе къ Косьвѣ стали попадаться крупные кедры. Въ пышныхъ иглистыхъ зеленяхъ чернѣли желваками орѣховыя шишки. Видимо, здѣсь было некому обирать ихъ... Старые, прошлогодніе — гнили на землѣ, по которой въ мягкихъ проложинахъ то и дѣло попадались медвѣжьи слѣды. Звѣриныя тропки къ водѣ змѣились довольно замѣтно для глаза посреди этого чернолѣсья. Изрѣдка, когда мы останавливались, вдали слышалось шуршанье и трескъ сухихъ сучьевъ подъ чьей-то могучей лапой... „Это онъ шатается“, замѣчалъ ямщикъ, сдерживая коней, пугливо поворачивавшихъ туда головы съ насторожившимися ушами.

Некому пока его бить... на работахъ народъ. Съ одного изъ послѣднихъ холмовъ вдругъ словно выросла передъ нами вдали темно-синяя, почти черная на сѣромъ небѣ—выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго — гора Ослянка. Эта мрачная масса открылась на одну минуту — и ее тотчасъ же опять заволокло туманомъ. Проступила и спряталась, кутаясь въ свои грозовыя тучи. Казалось, приподнялся край занавѣси, скрывающей за собою зловѣщій міръ сказочныхъ черныхъ горъ и безлюдныхъ пустынь. Втечёніе этой минуты можно было только различить рѣзкія очертанія скалъ, вѣнчающихъ ея скаты и вершину... Еще полчаса дороги — и новое очарованіе: просѣка внизъ, долина съ разливомъ Косьвы, расширяющейся здѣсь въ спокойный плёсъ — серебряный щитъ, брошенный на дно котловины. Крутыя массы горъ кругомъ. У берега чуть мерещутся барки... Людей еще не различаетъ на нихъ глазъ, не привыкшій къ этимъ далямъ. Опять тучу нанесло. Тамъ на Уралѣ то и дѣло ползаютъ онѣ — сѣрыя, затягивающія своимъ туманомъ красивыя долины... Только и осталось отъ сейчасъ видѣннаго пейзажа впечатлѣніе ужасныхъ кручъ, синяго лѣса и идилически спокойной рѣки. Впрочемъ,

идилія тутъ далеко не Ѳеокритова. Я показалъ моему спутнику на покраснѣвшую, точно кровью обрызганную листву лѣса.

— А это у насъ пятаго іюня сильнымъ морозомъ ударило!..

Грохотъ воды... Мы спускаемся въ долину, гдѣ быстрая и красивая рѣка Няръ впадаетъ въ Косьву. Вода шумитъ все больше и больше, наконецъ, внизу — мы должны говорить громче, даже кричать, чтобы разслышать одинъ другаго чуть-чуть подальше. Долина живописна въ высшей степени. Со всѣхъ сторонъ обступили ее крутые, лѣсистые кряжи, огибающіе ее отовсюду кольцомъ, которое распаялось только въ одномъ мѣстѣ, оставляя на востокѣ пролетъ для рѣки... На западѣ она прячется въ темное ущелье. Куда не взглянешь—такія же извилистыя сѣрыя ущелья впадаютъ въ эту долину,— узкія, темныя... Совсѣмъ щелями кажутся они отсюда. Мрачно и величаво смотритъ Уралъ, чуть только подальше отойдешь отъ населенныхъ мѣстъ въ его заповѣдную глушь.

Тутъ уже царство иныхъ былинъ и сказаній.

О Ермакѣ на Косьвѣ молчатъ.

— У насъ Ермака не было—Ермачки были. Ермакъ—онъ выше прошелъ... Онъ чужой намъ совсѣмъ, у насъ—свои Ермачки.

— Что же эти Ермачки дѣлали?

— А тоже всякую чудь воевали... Тутъ что червь въ гниломъ орѣхѣ по разнымъ таинкамъ да падямъ чудь всякая жила, ну, наши Ермачки ее и воевали... Потому здѣсь какъ селились они? На чужое мѣсто пришли — хозяева и не пущаютъ, ну Ермачки хозяевъ и воевали... Это братъ все тутъ кровью полито... Ермачки ушли дальше, а по слѣду отцы наши и дѣды проявились сюда... Такъ подъ себя Пермяцкое безлюдье это и забрали.

— Сколько же ихъ было, Ермачковъ?

— Разныхъ много... Одни Ермачки были справедливые, а другіе разбойные. Разбойные Ермачки всѣхъ грабили—и своихъ и чужихъ. Монастыри раззоромъ зорили, приставовъ царскихъ гнали... По всему краю лютовали такъ-то. Ну, а которые справедливые, тѣ на одномъ мѣстѣ не сидѣли. Выбьетъ татарву поганую — и дальше, такъ по слѣду Ермаковому до самой до Сибири доходили. Вотъ тутъ на губѣ (у Няра) сидѣлъ Ермачекъ разбойный... У него подальше въ горѣ и пещера была. Оттуда онъ, что павокъ на мухъ, на всякаго страннаго человѣка кидался... До самой Камы злодѣйствовалъ, ну только его старецъ одинъ праведный волкомъ обернулъ... Шелъ этотъ старецъ отъ московской неправды въ самоё Сибирь... Вдолгѣ это опослѣ Ермака настоящаго было. Былъ на Москвѣ этотъ старецъ бояриномъ. По обѣту пѣшкомъ шелъ, а за нимъ въ челнахъ богачество великое везли, потому онъ хотѣлъ на Павдинскомъ камнѣ обитель поставить. Ну, вотъ, ладно—сталъ онъ подыматься по нашей Косьвѣ-рѣкѣ. До Губахи все благополучно было, а съ Губахи до Няра Ермачекъ этотъ дѣйствовалъ. Съ Ермачкомъ было разнаго народа — татаръ и чуди

ста полтора... Потому, какіе разбойные Ермаки,—тѣ къ себѣ всякой вѣры бѣглыхъ принимали. На ночлегѣ и напади Ермачекъ на старца. Не хотѣлъ старецъ человѣческой крови даромъ проливать, и говоритъ Ермачку: „честь честью подѣлимъ караванъ — половина тебѣ, половина мнѣ". А у того жадность разгорѣлась... „Давай все", говоритъ, „или молись Богу—тутъ тебѣ и конецъ будетъ! Сталъ старецъ съ нимъ драться. Только Ермачкова орда слугъ его осиливать начала... Половины не осталось... Тутъ старецъ силу свою и показалъ: „Будь же", говоритъ, „ты отнынѣ и навѣки проклятъ. На какой рѣкѣ лютовалъ, на той и лютуй, только не супротивъ людей божьихъ, а обернися ты со всѣми своими присными и разбойными людьми—щукой"... Только Ермачка и видѣли... Не стало ни его, ни рати злодѣйской!..

— Какъ же вы говорили, что онъ его волкомъ.

— А это другая исторія. Вишь ты, поставилъ этотъ старецъ праведный на Косьвѣ-рѣкѣ скитъ свой и сталъ Богу молиться да всякаго рода странныхъ людей къ себѣ перенимать. Пошелъ онъ, вдолгѣ послѣ того, на Косьву на бережокъ посидѣть—тутъ вся Косьвинская рыба къ нему изъ воды... поклонилася старцу!..

— Вона.

— Да! Какъ—ужъ не знаю, а только понялъ старецъ моленіе всякой мелкой рыбёшки. Пришла вишь та жалиться. „Съ таё поры, какъ заклялъ ты Ермачка щукой—житья намъ въ нашей рѣкѣ свѣтловидной да чистой нѣтъ... Поѣдомъ ѣстъ насъ тая щука и некуда намъ уйти отъ нёё. Нѣтъ ей сыти никогда,—сколько ни ѣстъ—всё ей мало". Ну, старецъ и пожалѣлъ рыбку... Вызвалъ это тайнымъ словомъ щуку со всѣми ея щучками — присными и сказалъ: „быть тебѣ отнынѣ сѣрымъ волкомъ, а вамъ волчатами. Потому въ рѣкѣ больше щуки—рыбы нѣтъ, и ты всѣхъ обижаешь, а въ лѣсу надъ тобой вѣдмедь будетъ старшой"... Скинулась щука со щуками волкомъ и волчатами и ударилась въ чернолѣсье наше.

Крестьянство здѣсь съ разныхъ сторонъ сошлось. Кореннаго не было. Семьями поселились они и лоцманствуютъ по Косьвѣ отъ Троицкаго рудника до Губахи. Сообщеніе по Косьвѣ въ полую воду барками, барки они и водятъ, теперь же вверхъ намъ пришлось подыматься въ утлыхъ душегубкахъ—на шестахъ... Два гребца—одинъ на носу, другой на кормѣ—(въ душегубкахъ скорѣе два носа, кормы нѣтъ) передвигаютъ лодку вверхъ, упираясь шестами въ дно рѣчное. Лѣтомъ лоцмана нанимаются гребцами и считаютъ себя счастливыми, получивъ за день такого каторжнаго труда 50 к. Остальные работаютъ на лѣсопильнѣ, устроенной управленіемъ князя Абамеликъ-Лазарева здѣсь же, у самаго устья Няра. Лѣсопильня водяная, она распиливаетъ отъ 80 до 200 саженъ дровъ ежедневно и снабжаетъ ими Чермозскій заводъ, стоящій далеко отсюда на р. Камѣ. Рабочіе здѣсь получаютъ поденьщину отъ 25 до 50 коп., причемъ каж-

дому задается извѣстный урокъ, который къ вечеру онъ обязанъ выполнить. Лѣсное царство вокругъ Няра такимъ образомъ приговорено къ истребленію. Уже и теперь топоръ дроворуба валитъ ȯ-земь столѣтніе великаны, оставляя за собою пустыню... Къ счастію, всѣ окрестности Косьвы вверхъ отсюда до истоковъ совершенно дѣвственны. Въ ихъ величавой тишинѣ звукъ топора ни разу еще не нарушалъ благоговѣйнаго раздумья сибирскихъ кедровъ и лиственницъ... Дроворубы въ при-нярскіе лѣса нанимаются дешево—на своихъ харчахъ за 30 коп. въ день идутъ. Промышленники и крестьяне въ этой долинѣ живутъ совсѣмъ одиноко и замкнуто. Въ нѣсколько лѣтъ разъ заглянетъ кто нибудь въ эту тихую и мирную пустыню, оглашаемую только грохотомъ рѣки въ порогахъ, да шумомъ колесъ водяной пильни. Здѣсь хотѣли было устроить волость, и нярцы волновались, не желая этого.

— Мы заугольники... Не хотимъ... Намъ старшину да писаря не надо. Досель этихъ безобразіевъ не было—жили и безъ нихъ, слава Богу.

Въ концѣ концовъ у нихъ не спросятъ — и выйдетъ въ концѣ концевъ кавардакъ. Разъ пріѣзжалъ сюда какой-то чинъ съ бумагой.

— Намъ бумаги не надо!.. Намъ и безъ бумаги хорошо... волновались нярцы:—Ну ее, бумагу.

— Да вѣдь вы деньги плотите.

— Плотимъ... Мы согласны... Мы что слѣдоваетъ царю плотимъ, пока животы есть.

— Такъ вѣдь вамъ квитанціи нужны.

— Мы платить—согласны, а на квитки не согласны.

Такъ чинъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Хотѣли было ихъ вызвать назадъ въ волость—не пошли... Чѣмъ это кончилось безъ меня — не знаю.

— Обойти насъ квитками хотѣли! радуются нярцы. — Квитками обвязать ладили, да мы на себя запись не взяли... Не примаемъ мы квитковъ ихнихъ... Съ квитками во какъ влетишь-то!.. Знаемъ.

Управленіе заводовъ Абамеликъ-Лазарева настаиваетъ на оброчной системѣ, потому что изъ заводскаго рабочаго никогда не выйдетъ хлѣбопашецъ.

Народъ здѣсь подвижной; если его сюда прикрѣпятъ надѣлами, а пильную закроютъ, какъ хотѣли, — въ этой уральской долинѣ не останется живой души... Соображеніе это для меня понятно. Владѣльцамъ выгоднѣе оставить землю за собою, чѣмъ подѣлиться ею съ крестьянами... Выйдетъ, или не выйдетъ изъ заводскаго крестьянина хлѣбопашецъ, — а лѣса-то, поля, рѣки и всякія иныя угодья останутся въ цѣпкихъ рукахъ управленія.

Тучи мало-по-малу сползали, одну за другой открывая мрачныя вершины окрестныхъ горъ, угрюмо задумавшихся надъ этими пустынями. Пока мой спутникъ условливался съ лоцманами, нанимая ду-

шегубку для переѣзда въ Троицкій рудникъ, я отправился на лѣсопильню. Тутъ грохотала вода, ворочая громадное маховое колесо, визжали пилы, врѣзываясь въ смолистую бѣлую крѣпень мѣстнаго дерева. Работало человѣкъ тридцать мужиковъ и двадцать бабъ, совсѣмъ засыпанныхъ мелкою сосновою трухою. Никто почти не отдыхалъ; спросилъ почему—оказалось, урокъ слишкомъ великъ. Двое рабочихъ должны выпилить сто саженъ дровъ въ день, четверо—двѣсти.

— Тутъ измаешься!.. Тутъ и поснѣдать-то часу нѣтъ... Урки большіе. За три-то гривенника пòтомъ изойдешь!

— Круглый годъ у васъ эта работа?

— Нѣтъ. Зимой и весной мы барки строимъ.

— Куда же это?

— Пустымомъ въ Губаху сплавляемъ, а изъ Губахи внизъ ихъ съ рудой отправляютъ въ Каму, въ Чермозскій заводъ. Тамъ руду эту плавятъ.

Изъ дальнѣйшаго объясненія можно было заключить, что и постройка барокъ неособенно выгодна нярскимъ крестьянамъ.

Заводъ нанимаетъ ихъ на поставку барокъ, уплачивая по 160 рублей за каждую, причемъ по камскимъ цѣнамъ вся такая барка стоитъ 450 р. За заготовку лѣса, за подвозъ его къ Няру, за распиловку, за оснастку, за самую покупку лѣса, если на него надо брать билетъ, заводъ ничего не платитъ; не платитъ и за желѣзо, и за гвозди. Все это надо поставить изъ тѣхъ же 160 рублей, причемъ длина такой барки не можетъ быть менѣе 20 саженъ. Выгрузивъ руду въ Чермозѣ, заводъ, благодаря дешевизнѣ заготовки, можетъ продать такую барку и продаетъ ее по 185 рублей. Такимъ образомъ, не только сплавъ и руды и накладные расходы сводятся къ нулю, но еще и незначительный барышъ получается управленіемъ. Большую часть этихъ барокъ изъ Чермоза отправляютъ съ желѣзомъ въ Нижній, а оттуда въ свою очередь сплавляютъ въ Казань, или вверхъ по Камѣ обратно. Какіе громадные лѣсные великаны ложатся подъ топоромъ дроворуба для этихъ барокъ! Хотя лѣсамъ вокругъ Косьвы и конца краю нѣтъ, но уже предчувствуется то время, когда сюда нагрянетъ со всѣхъ сторонъ жадное воронье—и послѣдняя сосновая роща сплавится въ видѣ распиленныхъ бревенъ внизъ, по Камѣ... Уцѣлѣютъ только лѣса, принадлежащіе Абамелику-Лазареву, да и то, если заводы Кизеловскій и Чермозскій обойдутся своими дачами или перейдутъ на каменный уголь. Сюда уже налетѣли промышленники, но пока они заняты инымъ дѣломъ: такъ для Оханска и другихъ прикамскихъ мѣстъ здѣсь добывается и разработывается жерновой камень въ участкахъ, арендуемыхъ у Лазарева. Дальше Осы и Сарапула, онъ, впрочемъ, нейдетъ. Недавно такимъ образомъ у заводскаго управленія одинъ крестьянинъ взялъ на разработку цѣлую гору съ уплатою по 30 к. за кубическій аршинъ. Ломаетъ ее онъ съ помощью при-косьвен-

скихъ мужиковъ и сплавляетъ съ ними же на плотахъ для Добрянскаго завода. За послѣднее время найдены здѣсь громады превосходнаго бутоваго камня, но пока ими никто не пользуется.

— Хуже нѣтъ этого сплаву у насъ, жалуются рабочіе.

— А что?

— Страсть, что народу по Косьвѣ тонетъ. Весною не глядишь... Стремя здѣсь ярое, грудью вода бѣжитъ... Вдаритъ въ камень — и Бога помянуть не успѣешь.

— А выплыть?

— Какой выплыветъ — пѣна одна... вода злонравная у насъ... Храбро идетъ... всего тебя о камень изщемитъ... Тутъ—будемъ такъ говорить — рѣдкая семья, чтобы кто не потопъ!.. Тутъ какъ? — Гдѣ и чистое мѣсто, безъ каменю — въ полтора часа тридцать верстовъ бѣжитъ судно, коли не очень грузное... А на перекатахъ, гдѣ внизъ сдаетъ, чистая изволочь... Зажмуришься и летишь, что птица!..

— Ну, жмуриться-то не слѣдъ... Такъ бы, глядя, можно багромъ отъ скалы отпихнуться.

Мужикъ расхохотался.

— Эхъ ты, баринъ! Какъ отпихнешься, когда тебя точно пулю изъ ружья на камень несетъ... Извернетъ вода — хорошо, не извернетъ—отъ тебя и дыму не будетъ. Въ пыль изотретъ... На Чусовой еще хуже.

— А ты на Чусовой бывалъ?

— Я не былъ, а только мы изъ тамошнихъ.

— Переселились?

— Давно, дѣды наши бѣжали сюда.

— Трудно было тамъ, что ли?

— А вотъ какъ — въ аду легше. Ты про Никиту Акинфіеча Демидова слыхалъ?

— Какъ же.

— Нонѣ что, нонѣ рай... вотъ при немъ было плохо... Къ нему всякій народъ шелъ — и бѣглые, и каторжные, которые и такъ, странствующіе, — дѣдко — такъ его звали—всѣхъ прималъ, потому ему надобилося многое множество рабочихъ; съ малыми силами евонаго дѣла не поднять было. Ну, на заводахъ — извѣстно, всякое случалось; народъ безъ удержу, совѣсть ему ни-по-чемъ, поди у каждаго на душѣ грѣха-то невпроворотъ. А кто и кровь пролилъ! Народъ, будемъ такъ говорить, самый дерзновенный. Съ ними тоже Демидовъ не шутилъ; чуть что—засѣкали, а какого на вѣчныя времена въ землю закапывали.

— Живьемъ?

— Погреба такіе были. Посадятъ, заложатъ, да и забудутъ; гдѣ тутъ всякаго бѣглаго помнить. Время жестокое было!..

— Да вѣдь Демидовъ въ Питерѣ жилъ.

— Все едино—наѣзжалъ, либо его именемъ лютовали управляю-

щіе... Онъ бы самъ, можетъ, и помиловалъ, а эти, сдѣлай милость,—не простятъ. Тоже эти бѣглые у него, у Демидова, и монету чеканили.

— Ну, вотъ...

— Вѣрно тебѣ говорю. Для этого самаго дѣла у него въ Невьянскѣ и башня была такая построена, а подъ ней, подъ башней, погреба обширные. Въ погребахъ бродяги монету чеканятъ, а на башнѣ сторожа сторожатъ — не ѣдетъ ли кто... И столько злодѣйства въ той башнѣ случалось, что она покосилася вся, такъ косая и стоитъ теперь [1]). Падать не падаетъ — а къ землѣ ее всю тянетъ... Такъ вотъ прознали про всѣ эти дѣла въ Питерѣ, и пришло Демидову круто, такъ круто, такъ круто, что хоть самому идти въ бродяги... Потому онъ зналъ, что ениралъ Потемковъ его не помилуетъ.

— Какой это еще генералъ Потемковъ.

— Былъ такой... Енъ еще турокъ всѣхъ повоевалъ. Такъ его на Демидова и послали—разобрать всѣ его дѣла и, если что окажется—заковать и къ самому царю въ Питеръ... Но только и Демидовъ былъ не промахъ. Сослалъ онъ всѣхъ своихъ на заводъ и самъ провѣрку сдѣлалъ... Однихъ, кои съ паспортами, опять къ дѣлу предѣлилъ, а другихъ заставилъ канаву рыть къ погребамъ, что подъ его хороминами были... Когда канава готова была, онъ ихъ загналъ въ погреба эти и заперъ... „Сидите“, говоритъ, „пока генералъ Потемковъ проѣдетъ, а потомъ я васъ выпущу, и гуляй, кто куда хочетъ. „Только генералъ пріѣхалъ, Демидовъ сичасъ его къ себѣ, честь честью. Пиръ ему задалъ, а ночью, какъ тотъ заснулъ, онъ изъ пруда заводскаго по той канавѣ воду и пустилъ въ погреба эти... Самъ бросился точно съ-перепугу къ генералу. Вода-де плотину прорвала... Едва-едва оба они спаслись... А что въ подвалахъ народушку погибло—страсть... Потому сверху ихъ желѣзными засовами забили, а окна, какія были за рѣдкость, рѣшетками задѣланы... Никто не спасся. И повѣрку нельзя было сдѣлать, потому — все кругомъ вода залила... Едва царскій левизоръ ноги унесъ отсюда [2])... Такъ дѣды-то наши отсюда и сбѣжали потомъ отъ страху, чтобы самимъ жисти не рѣшиться.

---

[1]) Башня эта, дѣйствительно, и до сихъ поръ еще стоитъ въ Невьянскѣ.

[2]) Преданіе, слышанное мною на Косьвѣ, очень похоже на такое же, сообщенное г. Вологдинымъ въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ послѣднемъ, вслѣдствіе доноса на Демидова, посланъ былъ изъ Петербурга сенаторъ князь Вяземскій. Но пока въ Петербургѣ доносы еще разсматривались, пока назначили слѣдователя, пока тотъ собирался въ путь,—прошло около года, а Демидовъ съ своей стороны времени не терялъ. Узнавъ, что большинство бродягъ — бѣглые изъ Подмосковья, богачъ заводчикъ послалъ туда агентовъ и скупилъ у мѣстныхъ помѣщиковъ всю массу людей, которыхъ тѣ считали пропавшими безъ вѣсти. Лицъ, не открывшихъ своего происхожденія, Демидовъ велѣлъ невьянскому управляющему держать въ кучѣ, и какъ пріѣдетъ слѣдователь, запрятать въ подземелье, но такъ, чтобы никто посторонній не могъ указать этого мѣста, и если обстоятельства того потребуютъ, „оставить бродягъ тамъ на вѣки вѣчные“. Для помѣщенія князя Вя-

II.

Въ душегубкахъ.— Береговые промыслы.— Орѣшники.— Люди съ желѣзными когтями.—Баба за мужика.—Наказанный порокъ, или какъ начальство бунтовало на Косьвѣ.—Камскій переборъ.—Р. Ершовка.—Чортово городище.—Какъ Ермачекъ сжегъ себя въ деревянномъ срубѣ.— Воспоминанія о Строгановѣ.

Нужно привыкнуть къ этимъ легкимъ утлымъ челнамъ, перевертывающимся при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи пассажира. Лучше всего лечь и лежать въ нихъ, — но и это неудобно въ томъ отношеніи, что ничего такимъ образомъ не увидишь, кромѣ блѣднаго неба, покрытаго сѣрыми тучами. Еще болѣе ловкости нужно имѣть гребцамъ, которые, стоя на переднемъ и заднемъ концахъ челна, упираются длинными шестами въ дно рѣки и такимъ образомъ передвигаютъ лодку. Душегубка все-таки медленно плыветъ вверхъ по Косьвѣ, стремящейся здѣсь быстро, настолько быстро, что стоитъ лоцманамъ зазѣваться на минуту, чтобы лодку тотчасъ же снесло на полверсты внизъ. Только въ плесахъ теченіе нѣсколько тише, но въ узинàхъ зато—хоть выходи на берегъ. Нигдѣ по сторонамъ, вверхъ отъ Няра, не видать обработанныхъ полей. Все населеніе, прижатое лѣсомъ къ водѣ, живетъ заводскими работами. Случается, что

земскаго въ Невьянскѣ былъ выстроенъ наскоро домъ, великолѣпно отдѣланный внутри и снаружи и снабженный мебелью изъ самаго рѣдкаго и драгоцѣннаго заграничнаго дерева. Жители, дивясь роскоши этого зданія, назвали его „красными хоромами". Когда прибылъ Вяземскій и приступилъ къ повѣркѣ народа, ему представили ревизскія сказки и крѣпостные акты, совершенные заднимъ числомъ на вновь пріобрѣтенныхъ людей. Что же касается бродягъ и бѣглыхъ, то на вопросъ по этому предмету данъ отвѣтъ, что такихъ никогда не было и нѣтъ по заводскому имѣнію. Успѣлъ или нѣтъ Вяземскій обличить Демидова въ укрывательствѣ безпаспортныхъ—неизвѣстно; по словамъ старожиловъ, Демидову не было ничего и только „спрятанные въ подземельѣ не выходили уже на бѣлый свѣтъ". Вѣрно Вяземскій чѣмъ нибудь не угодилъ Демидову, потому что, когда они встрѣтились въ Петербургѣ и первый между прочимъ сталъ расхваливать невьянскія „красныя хоромы", Демидовъ выслушалъ его молча, а вернувшись домой, написалъ своему управителю: „сжечь эти хоромы со всѣмъ, что въ нихъ есть!" Приказъ былъ исполненъ буквально, по отзыву управителя; въ дѣйствительности же зданіе немедленно было сломано и бревна употреблены на обжогъ руды. Мебель и уборы достались управляющему.

О Демидовѣ вообще ходитъ масса такихъ разсказовъ. Очевидно, нѣкоторая правда въ нихъ есть. Человѣкъ былъ жестокій и сентиментальничать не любилъ. Рабочихъ держалъ впроголодь, а бѣглыхъ и казнилъ нещадно за самые легкіе проступки. Подобныя же легенды приходилось мнѣ слышать на Уралѣ и объ Строгановѣ; только о послѣднемъ съ примѣсью элемента героическаго. Строгановъ воевалъ съ Ермакомъ вмѣстѣ татарву, Строгановъ держалъ свои войска, Строгановъ всѣмъ Ермачкамъ оказывалъ помощь съ единственнымъ условіемъ:—какое серебро они добудутъ — пускай берутъ себѣ, а золото ему.

нѣтъ работы для заводовъ—и народъ безъ хлѣба. Луга по рѣкѣ хорошіе, сочные, свѣжіе. Прикосьвяне могли бы держать пропасть скота, да не съ чѣмъ подняться, не на что завести его.

— Какъ тутъ и хлѣбъ-то сѣять!.. вздохнулъ мой проводникъ.

— А что?

— Да мѣсто вишь шибко студеное... Въ августѣ йніи бываютъ здоровые. Овощь зябнетъ, да и капуста вся въ трубку идетъ. Колосу и налиться не дастъ — ознобитъ его. Иное мѣсто бываетъ — овощь мало-маля поднимется—и то слава Богу. Мѣсто горное, красивое, да непогодное... Трудно намъ жить, ахъ трудно!

— Сколько въ заводы угля сбыть можно отсюда.

— Можно, да какъ? Заставляютъ, а мы не опытны, ну и коней нѣтъ, а въ Кизель нужно на заводъ на лошади возить. Больно гористо. Вотъ пониже Губахи—туда, къ Камѣ ближе,—мѣста пойдутъ хлѣбныя. Съ деревни Шестаки первыя поля начнутся.

Кое-гдѣ съ берега въ Косьву вдвигаются громадныя утесы. Рѣка пѣнится и пыжится, вспухаетъ, стараясь перекинуться черезъ самое темя дикаго камня. Весною барки и челны прямо несетъ на эти зловѣщіе пороги. Зачастую на недоступномъ водѣ темени утеса поднимается сумрачная хвоя или веселая березка любуется оттуда на бѣшеные порывы злой, да не сильной рѣки... Иной разъ пловцамъ удается издали видѣть на такомъ камнѣ отдыхающаго медвѣдя. Царь уральскихъ лѣсовъ и не шевельнется, пропуская мимо себя челнокъ. Съ челнока тоже его не пугаютъ: опасаются, чтобы не озлился. Топоромъ пока его еще зарубишь, а лодку онъ перевернетъ живо... Въ Растесѣ, верстъ за сто отсюда, на него охотятся. Тамъ народъ иной, болѣе смѣлый и добычливый; только и дѣла, что лѣсуетъ, звѣря ловятъ, птицу бьютъ...

— Да меньше нонѣ звѣря стало.

— Почему?

— Троицкое отбило. Пока не было жительства, что тутъ медвѣдя по борамъ этимъ ходило, страсть. Растесскій народъ на всемъ свое беретъ. Сколько одного орѣху съ кедра снимаетъ!.. Съ Ильина дня шишки рвутъ, а осенью чистятъ.

На вѣтвистые кедры лѣзутъ такъ, запросто, а на гладкіе надѣваютъ на руки желѣзные когти и цапаются.

— Иной точно звѣрь... отъ мухи, да отъ комара сѣтку надѣнетъ, а на лапы когти... Вѣдьмедь вѣдьмедемъ. Почище вѣдьмедя шкуру-то когтями этими содрать можно. За орѣхами въ Растесъ нарочно съѣзжаются ирбитскіе купцы къ „колодцамъ“.

— Что это за колодцы такіе?

— А срубы сдѣланы. Въ нихъ навалятъ кедроваго орѣха сверху, да и закроютъ плотно-наплотно, чтобы векша не проюртилась туда, чтобы мишка не залѣзъ. Тутъ же у колодцевъ и чистятъ.

Впослѣдствіи, въ другихъ мѣстностяхъ Урала мнѣ привелось самому видѣть этихъ кедропромышленниковъ.

Дѣйствительно, звѣрь звѣремъ. Лицо сѣткой закутано, волосы на лобъ сбились. На ногахъ какія-то бахила, чтобы, гдѣ болото, болото перейти. На рукахъ рукавицы съ громадными желѣзными когтями. Здорово они этими когтями обдираютъ кору лѣсныхъ великановъ. „Орѣшники" эти—народъ сумрачный и неразговорчивый. Съ однимъ всю ночь у костра сидѣть привелось—ни слова не вымолвилъ, точно у него языкъ отнялся. Смотритъ себѣ въ огонь безучастно и молчитъ. Спросишь—поведетъ на тебя глазами—и опять въ огонь. За спиной у такого добычника непремѣнно ружье съ толстымъ стволомъ и самодѣльнымъ неуклюжимъ ложемъ. Пули для этого ружья тоже отлиты особыя, громадныя. Пусть бьетъ недалеко, да сильнѣе. Мишку малой пулей не достанешь, въ шкурѣ останется, и уйдетъ онъ отъ тебя по-добру по-здорову въ свое лѣсное царство; а разъ ушелъ, больше не попадется пуганый. Лукавствомъ будетъ брать... Орѣшникъ—промышленникъ и птицу не минуетъ; силья для нея разставитъ. Лиса только подлая иногда слѣдомъ за человѣкомъ идетъ. Растесецъ поставитъ силокъ, попадетъ туда боровая птица—выѣстъ ее лиса патрикѣевна, только въ утѣшеніе охотнику птичью лапу оставитъ, да ворохъ перьевъ, апетитно ощипанныхъ лакомою хищницей.

Лучше всего то, что на такой промыселъ иногда снаряжаются и бабы.

Эта также мужикомъ одѣнется, такіе же когти на себя нацѣпитъ. Уральская баба въ иномъ мѣстѣ, впрочемъ, и мужика за поясъ заткнетъ. Возьметъ ружье и съ ружьемъ въ лѣсъ уходитъ; шатается по дебри темной, медвѣдя увидитъ—стрѣляетъ въ него. Кормиться нужно чѣмъ-нибудь. Коли всѣ лѣснымъ дѣломъ живутъ, чѣмъ же она хуже другихъ? Мужа пришибло гдѣ-нибудь на такомъ же промыслѣ, или нѣчисть его куда въ болото загнала, дѣтишки остались, ну лѣсовика и орудуетъ мужнинымъ промысломъ. Такую мнѣ пришлось видѣть только разъ, ночью, посередь уральскаго лѣса, у небольшого костра. Эта поразговорчивѣй была... Баба языка не удержитъ.

— Нонѣ крупнаго звѣря меньше стало... Ну, а птицу мы ловимъ хорошо. Векшъ бьемъ. Только шкурка дешева—не стоитъ заряда.

— А дѣти у тебя какъ же?

— А дѣти у старухи, у бабки. Она приглядитъ за ними. Разволочное время — потерять его нельзя. Все рублевъ десять нашебаршишь.

— Ну, а мужики въ лѣсу не обижаютъ?

— Какъ это?

— Не отнимаютъ промысла?

— Нѣтъ, у насъ свято, потому ловитъ волкъ, да ловятъ и волка,

ловитъ и волкъ покелѣ волка не поймаютъ... У насъ въ лѣсу правдой надо жить. Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься... И съ умомъ воровать — бѣды не миновать. Опять же онъ „крути да верти" не любитъ.

— Кто онъ?

— Лѣсовикъ. Ему эта круть да верть противна. Онъ правды хочетъ. Кто изъ чужихъ сильевъ орѣхъ уноситъ, того и лѣсовикъ не помилуетъ, нѣтъ... Тутъ-то нашимъ лѣсомъ такія болотины есть — забьетъ, такъ не успѣешь и помолиться толкомъ, съ головой уйдешь... Оно бываетъ грѣхъ, кто говоритъ, только рѣдко... И считаную овцу волкъ съѣдаетъ... Иной случается и поневолѣ — голодъ-то не свой братъ... Этому меньше грѣха, который отъ нужи великой на такое дѣло идетъ.

Мы не могли глазъ отвести отъ береговъ Косьвы. Они то сдвигались сумрачными кругами, къ вышинѣ надъ рѣкою лѣсная темень хмурилась, то разступались пологими отмелинами, сплошь покрытыми веселыми березняками... На первомъ роздыхѣ разговорился я съ лоцманами и тѣ шибко жалуются на безвременье.

— Все обиждаютъ насъ купцы.

— Какіе купцы?

— Да такіе, какъ и вы вотъ, потому, окромѣ купца, какое кому дѣло до нашей Косьвы рѣки. Какую бы работу не робить — все по тридцати копѣекъ на человѣка выробишь въ день... А тутъ двумъ за экую путину на шестахъ — все тридцать копѣекъ платятъ, по пятнадцати на брата. Вы вонъ понимаете, а у другаго этихъ понятіевъ нѣтъ. Давай лодку — что ему. Такъ, ослизлая душа, три гривенника и отдастъ... А теперь-то лодки у насъ пошли тяжелущія колодины... Съ вечера-то съ такой работы уснешь — утромъ не можешь разломаться, руки, ноги отоймутся... Еще двое сядутъ да и капиталу накладутъ съ собою.

— Какого капиталу?

— Да готвы разной... имѣнія всякаго. Рази имъ жаль рабочаго человѣка. Иной наровитъ даромъ проѣхаться... Былъ одинъ такой — каждый годъ раза два-три ѣздилъ и все даромъ; маялись мы съ нимъ, маялись, потому въ самую рабочую пору.

— Зачѣмъ же вы его возили?

— Ужъ очень храбро кричалъ на насъ — лютымъ окрикомъ, и ногами топалъ... Ну, мы люди смирные. Говорилъ — чиновникъ, мы и вѣрили. Бумагу постоянно такую показывалъ. Что же, мы грамотѣ не умѣемъ, и возили. Да на наше счастье на барина одного наткнулся. Баринъ тоже ѣхалъ. Слышитъ — крикъ неподобный, „что это", говоритъ, „у васъ?" — Да вотъ, начальство бунтуетъ... „Какое же, говоритъ, это начальство?" — У ево, говоримъ, бумага есть. Ну, и потребовалъ баринъ бумагу, посмотрѣлъ, да какъ разсмѣется. „Дураки, говоритъ, вы всѣ, вотъ что..." — Какъ дураки, коли на бумагѣ печать

казенная?... „Такъ и дураки, какіе дураки бываютъ. Въ бумагѣ-то что написано?—что судился мѣщанинъ такой-то за воровство и лишенъ всякихъ правовъ и сосланъ въ Пермскую украйну къ намъ... А вы, говоритъ, его возите даромъ и за начальство почитаете... Какъ же вы не дураки!..“ Ну только и мы тогда этого верхотурскаго мѣщанина спокаяли.

— Какъ это...

— Лозы нарвали, да лозой... Баринъ ему и казнь такую выдумалъ. Мы бы его отпустили, да онъ ужъ надоумилъ... „Ничего, говоритъ, ребята, не бойтесь. Что же вашему добру даромъ пропадать“... Высѣкли мы, точно, только онъ отдышался и взмолился: „братцы, вывезите меня куда-нибудь; ужли же мнѣ тутъ и пропадать на пустомъ берегу...“ Ну, мы его честь-честью домой и предоставили. Деньги ужъ давалъ—не взяли.

— Почему это?

— Потому онъ свое получилъ. Съ его довольно, слава Богу! Пущай его подавится нашими деньгами. Что съ вора взять — ни отъ камня плода, ни отъ вора добра.

Пологій лѣсокъ далеко вдвинулся въ Косьву; противоположный берегъ—почти отвѣсная гранитная стѣна, вогнутая параллельно мысу... Вся она закуталась въ туманъ. Слышно только, какъ волны рѣки разбиваются о ея подножіе... Туманъ и на верху сгустился въ темную тучу и легъ на горныя вершины... Лодченка наша совсѣмъ ничтожной и жалкой кажется рядомъ съ этими громадами... Лоцмана зорко смотрятъ—изъ воды, словно зубы какой-то чудовищной челюсти, торчатъ черные утесы... „Не доглядишь—и готово, говоритъ сквозь зубы Терентій...—Тутъ мѣсто вострое! сочувственно отзывается ему Иванъ съ другого конца челнока. Слышенъ сквозь грохотъ волнъ какой-то загадочный шумъ. Оказывается—водопадъ въ сторонѣ, весь спрятавшійся въ зеленую чащу и невидный отсюда. Порывомъ легкаго вѣтра разорвало туманъ. Налѣво—отвѣсная голая скала, по ней щели и трещины, точно невѣдомыя гвоздеобразныя письмена какого-то давно исчезнувшаго и иного слѣда но себѣ не оставившаго народа... Вонъ другая гремучая рѣченка злится и пыжится, съ разбѣгу кидаясь въ широкій плесъ Косьвы. У самаго устья ея даже каскадъ маленькій бѣлѣетъ — видимо черезъ каменную гряду перескакиваетъ быстроводная Пятигорка...

— Тутъ вотъ переборы пойдутъ!..

Косьва, дѣйствительно, скоро зашумѣла въ этихъ переборахъ. Ужасно напоминала она Тулому въ Лапландіи. Нашъ челнокъ осторожно заползалъ въ щели между камнями, изъ одной поднимался въ другую и зловѣще поскрипывалъ дномъ о предательскія корчи... А тамъ опять плесы съ прозрачной водой, гдѣ до самой глубины каждую рыбку видно, особенно на песчаномъ днѣ—тамъ не только рыбка вся выдѣлится до послѣдней своей чешуйки, но тѣнь ея внизу

бѣжитъ и извивается за нею... На-право изъ лѣсу торчатъ остатки какого-то бревенчатаго сруба, совсѣмъ ветхіе, заплѣснѣвшіе даже...

— Что, тутъ село было?

— Нѣтъ. Разбойное мѣсто такое... Ермачекъ одинъ верховодилъ... Давно ужъ, при дѣдахъ нашихъ. Огневище называется.

— Что это значитъ?

— А сжегъ онъ себя тутъ. Въ Павдѣ онъ у царскаго пристава жену уводомъ увелъ... волей... Полюбила она Ермачка... Онъ и увелъ ее.

— Да какіе же приставы въ Павдѣ были?

— Были, когда старики говорятъ. Они лучше насъ съ тобой, ваше почтеніе, знаютъ... Ну, уволокъ онъ ее сюда, и стали они разбойнымъ дѣломъ промышлять. На Каму уходили; разобьютъ караванъ, и сюда хоронятся. Только никакъ сослѣдить ихъ не могли... Много годовъ они такъ промышляли.

— А на Косьвѣ они не грабили?

— Зачѣмъ? Въ тѣ поры здѣсь пустынно было. Опять же близъ норы лиса на промыслы не ходитъ!.. И сосѣдей онъ жалѣлъ, потому—воръ попалъ, а міръ пропалъ. Воръ воруетъ, а міръ горюетъ... Только такъ это онъ разохотился удачей, что задумалъ Усолье пограбить... А на ту пору въ Усольѣ Строгановъ сидѣлъ. Собралъ Ермачекъ десятка три „казаковъ", ночью вломился въ варницы да въ дома усольскіе и обчистилъ ихъ дотла... Что онъ впопыхахъ народу побилъ, страсть... А на ту пору у Строганова гостилъ царскій приставъ изъ Павды... Увидалъ онъ этого Ермачка и спрятался, узналъ, значитъ... Пограбилъ, пограбилъ Ермачекъ и прочь отъѣхалъ съ караваномъ къ себѣ. Одного только изъ своихъ найти не могъ — думалъ, убитъ въ свалкѣ... А онъ въ варницѣ раненый лежалъ и мучился, только голосу подать не могъ, ослабъ очень. На другой день Строгановскіе нашли его и давай лечить. Вылечили. Здороваго привели къ Строганову и царскому приставу.—„Гдѣ Ермачекъ хоронится?" Молчитъ бунтырь. „Эй, лучше добромъ говори!" — Не могу я, клятву такую на себя принялъ!.. Стали его, ваше почтеніе, пытать на дыбѣ, кнутомъ пытали — молчитъ. Тогда его Строгановъ велѣлъ огнемъ донять... Пятками его въ печь вдвинули... Взвылъ, сталъ смерти просить. „Не будетъ тебѣ смерти — весь въ мукахъ долгихъ изойдешь, если не скажешь..." Дали ему день отдышаться. Опять волокутъ... „Можешь теперь отвѣчать?" — Не могу, заклятье такое далъ на себя. — Ну, тутъ котелокъ разожгли въ печкѣ и красный ему на голову надѣли. А царскій приставъ такъ и распалился. „Вы, говоритъ, у меня жену сволокли, такъ я-жь васъ повѣнчаю... Поносико этотъ вѣнецъ. Сладко ли?" Ну, тутъ казакъ не могъ тыя лютыя муки вынести, сталъ каяться. Сталъ каяться—всѣхъ выдалъ, и гдѣ Ермачекъ хоронится сказалъ. Въ тотъ же вечеръ казаки этого повѣсили, а на утро Строгановъ съ царскимъ приставомъ и большою

ратью въ походъ снарядился. Ночью они окружили Ермакову нору, а утромъ и бой начался. Ермакъ было хотѣлъ тайнымъ ходомъ уйти, а казакъ-то евоный и это сказалъ, гдѣ что; сунулся онъ туда — а тамъ у самаго мѣста ужь костры горятъ, хотятъ его какъ лису выкурить... Тогда вышелъ Ермачекъ на стѣну и говоритъ: „Казну сдалъ и самъ сдамся на казнь лютую, за то должны вы большой клятвой поклясться, что жену мою помилуете!..“ Строгановъ было далъ согласъ, а приставъ и озлобился. „Какая, говоритъ, песья душа, жена у тебя... съ чужою женою живешь... Я ее, подлую, къ конскимъ хвостамъ привяжу, да по каменью размечу безъ устатку.“ Тутъ жена и вступилась сама.—Плевать я, говоритъ, хочу на тебя царскому приставу,—потому не мужъ ты мнѣ, а ворогъ-лиходѣй... А будемъ мы биться до послѣдняго здоха и тогда вамъ въ руки живыми не дадимся!—И давай опять воевать... Строгановскіе люди на стѣну, а она ихъ кипучей смолой сверху... Сколько тутъ посѣкли народу мечами—и сказать не могу. Только къ вечеру—видитъ Ермачекъ, что ихъ одолѣваетъ сила вражья и говоритъ ей, женѣ-то: „Знаю я еще одинъ заповѣдный ходъ... Только двумъ не уйти... Я останусь на смерть, а ты уходи и молись за меня, коли жива будешь...“ —Не бывать этому, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и помирать!—это она-то. „Какъ такъ?“—А такъ... Залила она стѣнку и избу смолой, натаскала хворосту кругомъ, и только Строгановскіе люди полѣзли напослѣдокъ—она и запалила... Изба-то горитъ, приступу къ ей нѣтъ, а она съ Ермачкомъ вышла на кровлю, да и кричитъ приставу: „Полюбуйся-ко, ворогъ лютый, какъ мы милуемся, да радуемся“, обняла Ермачка и давай цаловать его... Такъ ихъ полымемъ и занесло... Тутъ мѣсто съ тоя поры нечистое...

— А что?

— Да видится разное... Ночью, ежели одному ѣхать, слышишь, какъ Ермачиха-то жалуется да плачетъ... А то къ лѣсу побѣжитъ— и огонь за нею такъ и пышетъ... Она въ воду хочетъ, а вода отъ нея прочь...

— Самъ ты видѣлъ?

— Какъ плакалась въ лѣсу—слышалъ, а видать не видалъ... Старики разсказываютъ въ Растесѣ и по другимъ мѣстамъ... Есть которые видали сами.

Что за красивое мѣсто пошло отсюда! Массы скалъ громоздились у берега въ самыхъ живописныхъ сочетаніяхъ; рѣка Ершовка съ высоты падала въ Косьву. Ершовка эта, прежде чѣмъ слиться съ Косьвой, дѣлаетъ восемьдесятъ семь колѣнъ и каскадовъ... Совсѣмъ „каскадная“ рѣка. Недвижныя ели важно стоятъ на мрачныхъ камняхъ, точно и онѣ тоже каменныя, ни одною вѣтвью не шелохнутъ въ этомъ царствѣ текучей и падающей воды, пѣны, брызгъ и грохота... Наши лоцмана устали очевидно—руки едва двигались... Нужно было сдѣлать привалъ. И нашли же для этого мѣсто—совсѣмъ подъ стать

этимъ величавымъ утесамъ. Мы причалили къ каменнымъ лудамъ—мелямъ посередь рѣки, вытащили на нихъ лодку и, спустя нѣсколько минутъ, разложили костеръ тутъ же, вблизи разбитыхъ барокъ, орясины которыхъ торчали изъ воды, точно ребра какихъ-то сказочныхъ чудовищъ...

Не успѣли мы сварить чаю, какъ сверху показался такой же челнокъ, только онъ точно съ разбѣгу бѣжалъ внизъ по теченію...

Стали мы всматриваться. Какая-то широкополая шляпа сидитъ...

— Приставайте сюда, кричимъ мы на-встрѣчу священнику, дремавшему въ душегубкѣ.

Молоденькій гимназистъ, бывшій съ нимъ, сталъ его будить... Проснулся...

— Чай у васъ... Благовременно!..—Неуклюже сталъ вылѣзать изъ лодки...—Это вы хорошо.

— Какъ это вы сюда попали?

— А вотъ съ сыномъ въ Растесѣ гостилъ, такъ опять домой въ Орелъ-городокъ плывемъ.,. Подлинно, дивно встрѣтить здѣсь кого въ цивильномъ платьѣ. Самая медвѣжья сторона—Косьва эта... Сморила меня дорога-то.

Разговорились. Сталъ я распрашивать батюшку о краѣ этомъ.

— И не вопрошайте, потому я ихняго невѣжества не любопытствую... И безъ того всѣ мы мохомъ обросли... У насъ въ Орлѣ-городкѣ тоже, я вамъ доложу, дичь порядочная...

Сталъ разсказывать про свое житье-бытье. Тоже плачется. Мужикъ здѣсь къ церкви не прилежитъ, но всячески отъ нея лыняетъ... Мальчикъ гимназистъ тоже немалыя огорченія доставляетъ...

— Представьте вы себѣ, сколь правильно у него умъ направленъ. По дорогѣ тутъ завелъ я съ нимъ назидательную бесѣду о всемогуществѣ Божіемъ; что же, вы думаете, какъ о Господѣ мнитъ юнецъ сей, а?

— Не знаю, право.

— Оно, говоритъ, правда, всемогущъ-то онъ всемогущъ, а все же ему козырнаго туза не покрыть! Такъ я и обомлѣлъ. Да онъ съ такимъ болваномъ, какъ ты, и играть-то не сядетъ!—моментально раздражился и выпалилъ въ сына священникъ...

Я такъ и покатился... Батюшка сообразилъ, что сказалъ глупость.

— Съ нимъ, право, влетишь... Душу онъ мнѣ повернулъ. Вдругъ отъ іерейскихъ чреслъ и такая пакость вышла!.. Ужъ дома я тебя выпорю. Я изъ тебя этотъ духъ изгоню... Будь спокоенъ.

Гимназистъ очевидно не понималъ, какимъ это образомъ онъ можетъ остаться спокойнымъ въ виду ожидающихъ его дома семейныхъ радостей. Со злости онъ сталъ запускать камнями въ воду.

— Не хотите ли рому, батюшка?

— Это значитъ пуншъ. Ежели умѣренно и во-время — отчего же... А у меня пирогъ есть съ рыбой и куропать жареная... Такимъ

образомъ мы съ вами соорудимъ пиръ Валтасаровъ... Валтасаръ-то кто былъ?.. ткнулъ онъ указательнымъ пальцемъ въ лобъ гимназиста.

— Царь!

— Царь и женолюбецъ!.. А я все-таки тебя выпорю... Предивно, сколь въ нихъ легкомысліе свирѣпствуетъ.

Какая-то сѣрая птица съ вершины утеса пристально всматривалась въ наше пиршество... Грохотъ Ершовки позади и шумъ Косьвы въ переборахъ порою заглушалъ нашу бесѣду.

— — —

III.

Путь до Троицкаго рудника.—Рабочій адъ. — Горы: Кусвинская, Гусь. — Невѣдомое племя.

— Тутъ по всему Уралу безперечь такая пошла, концовъ не соберешь... Вотъ будете въ богословскихъ заводахъ, напримѣръ, увидите, сколь хорошо тамъ народу живется.

— А именно?

— Да Башмаковъ вѣдь купилъ эти заводы и послалъ управлять ими, какъ бы вы думали... кого?

— Не могу догадаться... Спеціалиста какого-нибудь.

— Да, только по другой части... ученаго агронома. Этотъ что же сдѣлалъ: заводы обязаны поставлять въ казну мѣдь, а промывкой золота заниматься выгоднѣе. Сообразить не трудно. До интересовъ населенія дѣла нѣтъ никакого—и вотъ мѣдная шахта горитъ. Разработка мѣди прекращается. Хозяину выгодно—рабочіе начинаютъ умирать съ голода и кончаютъ бунтомъ. Озлобленіе повсюду страшное. Истощили всѣ средства, избы на срубъ на дрова продали, послѣднюю утварь проѣли; ходятъ обезсиленные, оборванные. Служащіе на заводахъ — разумѣется только не ученые агрономы—большую часть жалованья отдаютъ рабочимъ. Зубаревъ изъ своихъ 4.000 руб. раздѣляетъ между ними 3.000 руб.

— Ну, а агрономъ?

— Чоботовъ?.. онъ не иначе показывается изъ дому, какъ съ револьверомъ въ карманѣ... Народъ умоляетъ переселиться куда-нибудь... Адъ, чистый адъ... съ-ума сойдешь. На другихъ заводахъ — то же. Въ Александрійскомъ изворовались всѣ, и судьямъ страшно наказанія налагать, потому повальный голодъ воруетъ. У Чусовой есть такія мѣста, гдѣ мировому въ ноги кланяются за приговоръ въ тюремному заключенію, потому, хоть мѣсяца три, четыре, прокормишься. На одномъ изъ заводовъ, за долги владѣльца, бельгійская ком-

панія дѣло вела все, даже чугунныя плиты перетопила въ доменныхъ печахъ на металлъ, продала его и скрылась, задолжавъ населенію болѣе ста тысячъ. Тамъ тоже стонъ стоитъ!.. „Смерть наша приходитъ", говорятъ крестьяне. Вотъ тутъ, напримѣръ, безлюдье. Соперничества нѣтъ—цѣны должны быть высокія, а вы спросите у Терентія, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ.

— На кругъ? отозвался Терентій.

— Да, на кругъ.

— Мѣсяцъ робишь—воскреснаго дня не знаешь, а все не больше восьми рублей получишь.

— Ну, вотъ видите. Какъ же подняться этому народу, съ чѣмъ? У лѣсопромышленника еще хуже. Тамъ онъ совсѣмъ задичаетъ—потому всю зиму въ лѣсу на холоду—руби, а весною по горло въ водѣ грузи и потомъ впроголодь сплавляй...

Въ изломахъ утесовъ рыжѣетъ желѣзная руда. Берега, какъ и дно рѣки, отсюда сплошь каменные стали. Изрѣдка въ водѣ чернѣетъ выскерье—ель, вырванная непогодою вмѣстѣ съ корнемъ, или, какъ здѣсь говорятъ, съ мясомъ. Бѣжимъ мимо; Косьва какъ въ котлѣ кипитъ не переборахъ, душегубку нашу едва удается подымать на ступеняхъ, гдѣ вода угломъ падаетъ.

— Отсюда сплошь все крутые переборы пойдутъ да быстрины, утѣшаетъ насъ Терентій, зорко вглядываясь въ рѣчное дно. — Ярая вода, чуть зазѣвался — такъ вверхъ донышкомъ и опружитъ лодку. Ишь булькаетъ—словно въ котлѣ. Весною тутъ страшенно...

— А что?

— Да на баркахъ изъ Троицкаго рудника сплавляемъ руду всякую—до Чермоза. Такая тутъ сутолочь, что на каждую барку по 32 человѣка ставимъ. Одного лоцмана мало — ученика къ нему беремъ.

— Что же получаетъ лоцманъ?

— До Чермоза двадцать три рубля, а ученику тринадцать, да рабочимъ по десяти... Живемъ мы въ эту пору однимъ хлѣбомъ — больше нѣчего ѣсть. Пуда по два на человѣка хлѣба-то сойдетъ. Горячаго не варимъ, а вѣтрà въ эту пору стоятъ хуже чѣмъ зимой, огневица такъ и моритъ народъ. Въ послѣдній разъ изъ тридцати-то человѣкъ съ нашей барки мы двѣнадцать по пути похоронили... Вотъ сколь сладки сплавы-то эти.

Горы такъ круты здѣсь, что выйти нѣкуда на берегъ. Волжскія Жигули не сравнятся съ этими Косвинскими вершинами. Послѣднія и кручѣ, и величавѣе, и выше. Даже жутко становится плыть между ними—вотъ-вотъ сдвинутся и раздавятъ; или этотъ карнизъ, далеко выдавшійся сверху и повисшій надъ водой — рухнетъ внизъ и отъ тебя даже не брызнетъ. Подъ Гремяхой, Гусемъ, Претчихой—и лодочники, начто ужъ народъ привычный, смолкаютъ — такъ вліяютъ на душу эти каменныя громады... Особенно грозно висятъ надъ рѣч-

кой скалы Гуся. Тутъ бухточки похожи на колодцы. Узкія щели ведутъ въ нихъ, причемъ площадь дна больше поверхности (воды). Точно ихъ выдолбили искусственно для какихъ-то страшныхъ подземныхъ тюремъ, да залило водою. Терентій увѣряетъ, что это водою такъ высверлило... „Не дай Богъ свернуться внизъ — свѣта бѣлаго ужъ не увидишь"...

Совсѣмъ дивное царство потемочное... Спасенья нѣтъ—внизъ оно тянетъ, какъ не плавай. Вотъ два-три куреня въ сторонѣ, гдѣ дрова рубятъ и уголь жгутъ въ печахъ. Теперь они заброшены — зимой только сойдутся сюда лѣсопромышленники. Вонъ правильными куполами горы пошли; какія сказочные титаны придали имъ эти формы? Точно черепа какихъ-то чудищъ подымаются онѣ изъ зеленыхъ облаковъ кедроваго лѣса, обступившаго ихъ отовсюду... Перебираясь отъ одной къ другой, мы наконецъ видимъ передъ собою громадную, оставляющую за собою всѣ прежнія, Кусвинскую гору... Мы тянемся вдоль ея отвѣсныхъ стѣнъ. На всю Косьву бросила она свою тѣнь, точно въ какое-то мрачное царство вступили мы. Шесты бросили — цѣпляемся руками за выступы Кусвинскихъ отвѣсовъ и такъ переползаемъ. На высотѣ надъ нами кое-какъ держатся могучія ели — половина узловатыхъ корней на воздухъ вытянулась и чернѣетъ тамъ неподвижными змѣями... Должно быть, сначала въ скалѣ хоронились, да подъ постояннымъ напоромъ ихъ треснула и рухнула скала, а они остались, точно торжествующіе свою трудную побѣду надъ этою первозданною громадою. Водяные лопушки и лиліи колышутся по слѣду нашей лодки... Кое-гдѣ они захватываютъ ее своими цѣпкими длиными стеблями... трудно вырваться изъ этихъ объятій... Вонъ совсѣмъ срѣзанный березовый лѣсъ... Ледянымъ заторомъ снесло его, забило въ бухту, и гніетъ онъ въ ней... Вонъ въ чащѣ совсѣмъ лопарская тупа — бревенчатый срубъ, крытый на одинъ скатъ... Совсѣмъ не мѣстнаго типа избушка.

— Что это?

— А это растесская зиминка..!

— Да развѣ растесцы сюда ходятъ!

— Прежде ходили; тѣ, что лѣсомъ да рыбой занимаются... Ну, а какъ Троицкій рудникъ поставили, они и ходить перестали...

Наконецъ, опять впереди выдвинулась Ослянка, та самая, которую мы видѣли еще вчера, подъѣхавъ изъ Кизела къ Няру. Косьва, сдѣлавъ большой кругъ, опять подошла къ этой громадѣ. Вершина ея покрыта снѣгомъ, ярко горящимъ теперь подъ солнечнымъ свѣтомъ, зато остальная масса горы тонетъ въ какихъ-то синихъ сумеркахъ. Теперь долго намъ придется плыть въ виду этой вершины. Еще недавно шумная, Косьва тиха какъ въ чашкѣ... Слышно со стороны посвистываніе бекасовъ... Цѣлымъ юровьемъ повисла въ водѣ и не шелохнется мелкая рыбка—малявка.

— Ее и щука не ѣстъ—столь она скусна.

— Тутъ на Ослянкѣ и около прежде много разбойнаго лихаго народу жило. Только не нашей вѣры и не нашей мо̀лви.

— Татары и пермяки?

— Нѣтъ... особые какіе-то... И теперь черепа ихъ вырываютъ здѣсь крестьяне, и топоры—только топоры чудныя,—желѣзо-не желѣзо, мѣдь—не мѣдь.

— Куда же они дѣвались?

— Да ихъ давно, еще при Грозномъ, Строгановскіе люди побили. Безъ устатка всѣхъ—никому милости не было. Пермякамъ милость была—потому пермяки—смирные; ихъ, бывало, побьютъ, они и смирятся, а эти, что на Ослянкѣ жили, сами разбоемъ ходили и пардону ни у кого не просили. Ну, такъ Строгановъ и послалъ на нихъ свои рати... Они тоже противъ него съ умомъ дѣйствовали. Въ пещеры забирались и оттуда стрѣлами метали, да каменьемъ всякимъ!.. Долго къ нимъ подступу не было, да Строгановскіе догадались—сверху на нихъ накинулись... Изъ Перми, да изъ Екатеринбурга пріѣзжали сюда разные ученые, искали ихъ—ничего не нашли, съ тѣмъ и отъѣхали.

По скатамъ Ослянки палевыя пятна мерещатся—видимо оленьимъ мохомъ подернуло ихъ; это — ягелевыя пастбища. Оказалось, что и олени заходятъ сюда, только рѣдко, хоть ихъ и не бьютъ косьвяне, какъ не бьютъ лебедя. Олень у нихъ тоже почему-то слыветъ запретнымъ звѣремъ.

— Да почему же это? добивался я.

— Потому—онъ Божій.

— Всѣ Божьи...

— Точно что всѣ, а онъ особенно... Есть такіе святые, которыхъ съ оленями этими самыми на иконахъ рисуютъ.

— Какіе же это святые?

— Не знаю, а только есть... Растесцы еще ихъ бьютъ, случается, ну а мы—никогда. Мы этого звѣря жалѣемъ. Ихъ безъ того волки рѣжутъ до пропасти...

Черезъ нѣсколько часовъ Троицкій рудникъ; тѣмъ не менѣе рѣка и ея берега совсѣмъ пустынны...

— Теперь бы и на веслахъ можно, всмотрѣлся я въ казавшееся тихимъ теченіе Косьвы.

— Нельзя. Что на Усьвѣ, что Косьвѣ—никакъ на веслахъ вверхъ не подымешься—быстры слишкомъ.

Большой рудникъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей близости. Та же тишина стояла кругомъ, то же безлюдье... Одна за другой скалы въ 100 футовъ высоты сторожили рѣку. Вонъ совсѣмъ красная. Желѣзною ли окисью она покрыта, или дѣйствительно сплошная руда, какъ увѣряетъ меня мой спутникъ. Остальныя изъ глинистаго сланца и порфира; въ сланцѣ жилами залежи бураго желѣзняка.

— Тутъ все кругомъ желѣзомъ скрѣплено, да желѣзомъ мощено! раздумчиво проговорилъ мой спутникъ, всматриваясь въ громадныя богатства этого дѣвственнаго края.

IV.

Троицкій рудникъ.—Уральская пустыня.—Лѣсовики и бѣглые.—Какъ Лазаревы, Всеволожскіе и Демидовы новыя села основывали.—Рудникъ.—Громадныя богатства его.—Ослянка.—Какъ пьяница совладалъ съ чортомъ.—Причины пьянства.—Возвращеніе назадъ въ Няръ.

Только у самаго берега показались строенія Троицкаго рудника. Нѣсколько бревенчатыхъ избъ и домъ управляющаго съ балкончикомъ на верху. Странно было даже среди этой безлюдной пустыни встрѣтить обитаемое мѣсто. За два дня только и приходилось видѣть, что сумрачныя горы, синія дали, безлюдные берега. Казалось, что долго еще не услышишь людской мълви, не увидишь жилья... Впрочемъ, самый рудникъ основанъ недавно; до тѣхъ поръ прикосвинскія пустыни оживлялись только пѣснею охотника, выжидающаго краснаго звѣря, да однообразнымъ скрипомъ лодокъ, подымавшихся вверхъ по спокойнымъ излучинамъ рѣки. Сначала Лазаревы и Строгановы изъ ссыльныхъ крестьянъ основали, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, Растесскую волость, а потомъ первые устроили Троицкій рудникъ.

Населять пустыни Урала ссыльными заводскими рабочими долгое время было здѣсь въ обычаѣ у мѣстныхъ крупныхъ владѣльцевъ. Такъ дѣлали Демидовы, перегонявшіе цѣлыя села съ одного мѣста на другое, такъ дѣлали Всеволожскіе, раззорившіеся только теперь, точно такъ же поступали Абамеликъ-Лазаревы и Строгановы. Кромѣ того—случалось, переманивали крестьянъ одинъ у другого. Откроются гдѣ нибудь новыя богатыя рудныя залежи, свой народъ весь на работѣ,—хозяева и разсылаютъ звать чужихъ. „Плата де хорошая, беремъ всѣхъ—паспортовъ не спрашиваемъ". Ну, отовсюду и тянутся въ пустыню загнанные и недовольные уральцы, чающіе отъ новаго мѣста и новыхъ людей великихъ и богатыхъ милостей. Потомъ это вывелось, ибо на новыхъ мѣстахъ оказывалась жизнь горче, чѣмъ на старыхъ,—тутъ уже съ рабочимъ не церемонились. Бѣжать ему некуда, жаловаться—самому первому подъ кнутъ. Случалось, что за легкій проступокъ ихъ истязали, а за побѣги засѣкали до смерти. Былъ одинъ управляющій, Копиковъ, который своимъ судомъ вѣшалъ бѣглыхъ, и бѣглые молчали—куда сунешься!.. Бродяжная баба тоже шла въ эти захолустья. Съ ней церемонились еще меньше. Красивая попадала въ руки начальства, похуже — шла на потребу

всему рабочему люду. Жили вмѣстѣ въ скверныхъ сквозныхъ срубахъ, спали вповалку. Смѣшеніе половъ и возрастовъ было всеобщее. Въ слѣдующихъ очеркахъ Урала мнѣ еще не разъ придется рисовать эти картины. Троицкій рудникъ основанъ въ позднѣйшее время и, разумѣется, на совершенно иныхъ началахъ. Тутъ уже работаетъ свое, Лазаревское крестьянство, сравнительно за лучшую чѣмъ въ Кизелѣ плату. Идутъ они сюда по согласію, а не подъ конвоемъ. Старое крѣпостное время ушло со всѣми неистовствами горнозаводскаго режима, только нищета старая осталась — ее видимо не такъ легко избыть, какъ самодуровъ и самоуправцевъ.

Небольшого роста, пожилой, юркій управляющій засуетился на берегу, къ которому мы приставали.

— Очень радъ, очень радъ!.. Тутъ живаго человѣка не увидишь... Гостю — что хорошей погодѣ пріемъ по нашимъ пустырямъ всегда радушный... Пожалуйте ко мнѣ на балконъ чайку напиться... Полюбуетесь оттуда нашей Косьвой-рѣкой. Видъ единственный... Я, знаете, здѣсь въ глуши „Ниву" получаю; такъ иной разъ думаешь— вотъ, если бы рисовать умѣлъ; сейчасъ бы послалъ туда, чтобы и всѣ прочіе знали, какія у насъ мѣста чудесныя. У насъ денегъ-то мало—намъ „Нива" сокровище, все въ ней есть, и политикой кто интересуется, и картины, и чтенія сколько хочешь. А преміями я всѣ стѣны себѣ увѣшалъ, теперь—похоже на человѣка живу.

Когда мы взошли на балконъ, восторги управляющаго оказались совсѣмъ не преувеличенными.

Домъ его на вершинѣ холма. Внизу подъ нами Косьва дѣлаетъ пять излучинъ и образуетъ два прелестные острова, огибая ихъ капризными рукавами. Налѣво гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вѣчные снѣга и ягелевыя пастбища Ослянки... Противоположный берегъ тоже весь заставленъ горами. Это какой-то хаосъ скалъ, лѣсистыхъ склоновъ, голыхъ вершинъ... Быстро течетъ мимо нихъ рѣка, гремя въ своихъ безчисленныхъ переборахъ. Вода до того чиста, что мы отсюда подъ солнечными лучами видимъ дно ея, съ высоты полутораста футовъ... Узенькія душегубки замерли у берега, рядомъ тоже замерла засмотрѣвшаяся въ воду хорошенькая дѣвочка. Подъ ея ногами рѣка сдѣлаетъ маленькій каскадъ, и ребенокъ смотритъ—не насмотрится.

— Что, вамъ эти горы нравятся?.. обратился ко мнѣ управляющій.

Я удивился вопросу.

— Нѣтъ, я, знаете, почему. Тутъ вѣдь захолустье, одиночество. Перевели меня въ людное мѣсто, такъ я изъ-за этихъ горъ по Троицкому руднику такъ затосковалъ!.. Радъ былъ, когда назадъ меня отпустили. Бѣда къ одному мѣсту привыкнуть.

Горы стали однѣ противъ другихъ, точно ощетинившіяся чудовища ожидая сигнала, чтобы сдвинуться и уничтожить эту горде-

ливо шумящую рѣку, неустанно подмывающую ихъ каменныя подножія. Бѣлою пѣною клубится Орѣховка, вливающаяся здѣсь въ Косьву. Вонъ изъ горъ мерещится другой притокъ... Позади мирная долина, совсѣмъ идилическая, тихая заводь съ челночками и мордами, развѣшанными на шестахъ...

— Какъ на этихъ переборахъ барки весной идутъ?..

— Случается — гибнуть, а случается, что переборы еще и помогаютъ...

— Хорошая помощь!

— Вѣрно. Съ перваго перебора барка стремглавъ слетаетъ; прежде чѣмъ она израсходуетъ пріобрѣтенную скорость, она попадаетъ на слѣдующій переборъ. Такимъ образомъ до Губахи барки дѣлаютъ по 15-ти и 18-ти верстъ въ часъ, а ниже Губахи, гдѣ теченіе спокойно—только 8 верстъ, да и то не всегда.

На горы набѣжали тучки; кое-гдѣ тѣни отъ нихъ ползли по склонамъ. Весь пейзажъ передъ нами представлялъ болѣе двѣнадцати плановъ, одинъ смутнѣе другаго. Самые дальные только мерещились... Вонъ среди вѣчнаго снѣга на вершинѣ Ослянки чернѣютъ утесы стоймя... словно башни какого-то сказочнаго зàмка... Силъ нѣтъ оторваться. Все бы сидѣлъ и смотрѣлъ... Дичь непуганная вовсе. Пàрами перелетаетъ то и дѣло эта мелкая пташка съ одного берега на другой, подъ самымъ балкономъ нашимъ посвистываетъ, прорѣзывая застоявшійся среди этого затишья воздухъ... Вонъ гагарки потянулись по Косвѣ. На минуту раскидало ихъ водою въ переборѣ, нѣкоторыя и кувыркнулись — да опять выплыли въ спокойномъ мѣстѣ и отряхиваясь медленно плывутъ далѣе... Гдѣ-то издали слышится рѣзкій и звучный крикъ лебедя... Точно какая-то металлическая толстая струна лопнула и послѣдній предсмертный крикъ этой струны дрожитъ надъ молчаливою окрестностью. Изъ заводи утки заболтали что-то по своему... И опять тишина, только рѣка шумитъ въ порогахъ, да бекасы посвистываютъ надъ нею... Старикъ внизу едва бредетъ; съ нимъ тонкая густая сѣть; въ сѣти серебрится еще влажною чешуей мелкая рыба.

— Пожалуй малявки набралъ? кричитъ ему сверху управляющій.

— И малявка есть...

— Ужли-жъ ѣсть её станешъ... Ее щука не ѣстъ.

— Въ ильянахъ (пельменяхъ) чудесно!.. А что щука не ѣстъ, такъ щука но водѣ звѣрь первый... Ему и сижокъ, и харіусъ — все возможно; а мнѣ, старому да слабому—и малявка хороша... Тутотка племяшъ у меня опять на запасъ попалъ.

— Ну?

— Вѣрно! Пуда три будетъ.

— Экое счастье тебѣ.

— Богъ невидимо посылаетъ... Я съ этого запасу мѣсяцъ сытъ буду!

— Что это за запасъ такой? спрашиваю.

— А по лѣсамъ у насъ жилыя избушки таятся. Прежде, какъ Троицкаго рудника не было, такъ растесцы ходили сюда на промыслы. Ну, они въ избенкахъ этихъ разволочныхъ оставляли иной разъ большіе запасы хлѣба на слѣдующій промыселъ. Теперь ходить перестали въ лѣса — запасы такъ и остаются. А то, можетъ быть, хозяинъ померъ, а дѣтямъ невдомёкъ искать,—ну, наши наткнутся въ лѣсахъ на такую тупку—сейчасъ шарить. Хлѣбъ находятъ, случалось—пороху доставалось фунтовъ по пяти. Растесцы кàкъ — они здѣсь иной разъ и по зимамъ живали. Народъ угрюмый, ему человѣка не надо—и то хорошо, что хоть лѣсъ шумитъ надъ головой, да вьюга запѣваетъ свои пѣсни. А въ тупкѣ у него холодно, сыро... Все переносили. Такая у нихъ ужъ страсть къ одиночеству была. Случалось и такихъ находить здѣсь, что съ каторги бѣжали.

— Вона! Въ лѣсахъ-то вашихъ?

— Да! Куда ему дѣваться? Онъ найдетъ такую разволочную тупку, да и поселится въ ней. У инаго ружье есть — кормится. Звѣря бьетъ, шкуру въ томъ же Растесѣ продаетъ, пороху да хлѣба купитъ—и опять себѣ въ лѣсъ. Покрайности некому трогать его въ этомъ лѣсу... Одинъ и живетъ. Такіе случались, что отъ людской молви совсѣмъ отвыкали... Тутъ лѣсовикъ одинъ — бывало, придетъ въ Растесъ, броситъ мѣха да шкуры, сядетъ и сидитъ. Ну, кулаки, которые скупали, принесутъ ему пороху, хлѣба. Взвалитъ себѣ на спину и уйдетъ, не озираясь даже. Думали нѣмой. Нѣтъ, разъ услышали, какъ онъ въ лѣсной дремѣ пѣсню пѣлъ. Только съ людьми говорить не хотѣлъ,—вѣрно ужъ очень они его обидѣли. Помирать имъ только тяжело. Вьюга шумитъ, ночь въ окно смотритъ... Одинъ. Тутъ ужъ это уединеніе страшно. Дичали нѣкоторые такъ, что отъ людей бѣгали. Случаемъ встрѣтятъ орѣшника, либо звѣролова въ лѣсу—и прочь отъ него во всѣ ноги...

— Чѣмъ же жили?

— А Богъ ихъ знаетъ, чѣмъ; орѣхи палые которые... Руками звѣря ловили. Тутъ подъ Павдой въ лѣсахъ наши одного видѣли лѣсовика, такъ онъ векшу сырьемъ ѣлъ. Разорвалъ, какъ звѣрь, да сырьемъ и сожралъ...

— По моему, въ каторгѣ легче, чѣмъ такая жизнь.

— Какъ кому!

— По крайней мѣрѣ человѣка видишь!

— Иные, у кого кровь на душѣ, сами на себя, словно послушаніе въ монастыряхъ, накладываютъ — спасаться въ лѣсу, въ одиночествѣ, и терпѣть,—ну, и выносятъ... А потомъ привыкаютъ. Лѣсъ вѣдь захватываетъ; изъ него не выйдешь. Первый годъ труденъ, а пережилъ ты его—лѣсъ ужъ тебя не выпуститъ; такъ и останешься лѣсовикомъ. У насъ жить въ лѣсу называется—лѣсовать, а лѣсовикъ—тотъ, кто лѣсуетъ. Такихъ лѣсовиковъ много; иной и семью для этого

кинетъ. Близость лѣса создаетъ особыя натуры. Тянетъ лѣсъ къ себѣ, въ свою глушь великую. Особенно наши лѣса — кедровые. У насъ красивѣе, по другимъ мѣстамъ такихъ нѣтъ. Ну, предложилъ онъ, помолчавъ,—хотите посмотрѣть нашъ рудникъ?

— Да, еще бы. За этимъ мы къ вамъ и заглянули.

— А ходить по горамъ умѣете? У насъ вѣдь по кручамъ все, не то что на ровномъ мѣстѣ, какъ въ прочихъ мѣстахъ.

— Пробовалъ—не жаловался.

Высота рудника семьсотъ футовъ надъ рѣкой Косьвой. Туда ведетъ головокружительная тропинка, кое-какъ пробитая по кручѣ. Если бы не деревья по пути, за которыя иногда можно зацѣпиться и отдохнуть,—путь былъ бы совсѣмъ труденъ. Подъ ногами переплетаются корни деревьевъ, взрѣзавшіе почву, точно какія-то узловатыя змѣи. Не посмотришь внизъ—споткнешься, а споткнувшись, можешь очутиться Богъ знаетъ гдѣ. Гора, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ прямо въ Косьву обрушивается... На болѣе обширныхъ площадкахъ свалены бревна. Какіе лѣсные великаны легли подъ топорами! Бѣлое крѣпкое дерево уже вылущено изъ-подъ коры и далеко слышенъ отъ него смолистый, здоровый запахъ. Съ высоты зато грандіозный видъ на водораздѣлъ между Косьвой и Усьвой. За двумя лѣсистыми горными кряжами поднимается словно придавливающая ихъ и тяготѣющая надъ всею окрестностью Ослянка. На ней отсюда можно различить всѣ пояса растительности. Густой лѣсъ опоясалъ ее внизу, вверхъ мало-по-малу онъ переходитъ въ однообразное марево кустарника, кустарникъ смѣняется травою, трава—мхомъ. Наконецъ и палевыя пятна мху изчезаютъ, мерещится темною полосою голый камень. Тутъ уже нѣтъ ни одной былинки... Темная масса камня вверху смѣняется снѣговыми моренами, которыя расползлись и внизъ по кручамъ, заполняя собою лощины и щели... Все это въ дикихъ кручахъ, рѣзкихъ очертаніяхъ... Даль съ этою горою и другими выдвигающимися смутными силуэтами изъ-за нея полна неизобразимаго величія!..

— Видите вы на Ослянкѣ правильныя утесы, на самой вершинѣ, а вокругъ нихъ точно каменный валъ?

— Вижу.

— Народъ это прозвалъ чортовымъ городищемъ... Тутъ, ранѣе чѣмъ поселись люди, всякая нѣчисть жила... Внизъ, въ долины, она не заходила, потому—въ долинахъ своя спеціальная нѣчесть значилась—лѣшіе, водяные... а эта исключительно на вершинахъ горъ ютилась. Она имѣла свое особое назначеніе — насылать на долины вьюги и метели, закутывать случайные провалы тучами, взбудораживать воды—потому что чортъ водяной подчинялся во всемъ чертямъ горнымъ. Кто на горы ходилъ, того они обвалами встрѣчали... А главный ихній чортъ жилъ на Ослянкѣ.

— А теперь?

— Теперь его нѣтъ... Теперь онъ на Павдвинскій камень ушелъ. И знаете ли вы, кто все это сдѣлалъ?

— Старецъ какой нибудь праведный.

— Нѣтъ. Народъ приписываетъ это простому растесскому пропойцѣ. Былъ горькій пьяница... Нализался разъ да и полѣзъ на Ослянку. Чортъ оттуда и камнями, и обвалами, и вьюгой его сбиваетъ, и громомъ шумитъ, и въ тучу кутаетъ, а пьяному, извѣстно,— море по колѣно; онъ все вверхъ да вверхъ лѣзетъ, да на каждой скалѣ по пути кресты высѣкаетъ. Высѣчетъ крестъ — водка съ собой,—попьетъ и опять дальше... Такъ до самаго чортова городища на верху добрался. Подошелъ къ валу этому каменному и креститъ его издали, а тамъ въ черныхъ домахъ — утесахъ у нечисти смятеніе идетъ. Сталъ было изъ послѣднихъ силъ чортъ мятель на него снѣговую пускать, а растесецъ въ отместку ему крестъ на валу сейчасъ высѣкъ... Видитъ чортъ — ничего не подѣлаешь, взвылъ... Со всѣхъ горъ ему нѣчисть откликаться стала. Перелѣзъ пьяница черезъ валъ — тутъ нечистый не выдержалъ. Завился въ снѣговую тучу да и полетѣлъ на полуночь — туда, къ Павдѣ... Только его и видѣли... А дома его всѣ въ утесы обратились... Видите, въ какой у насъ чести пьяницы. Старцы праведные не могли, а пьяница добился своего...

— По-моему, эти утесы скорѣе похожи на какую нибудь крѣпость. Я ожидалъ преданія о разбойникахъ, укрывавшихся тамъ.

— Нѣтъ, у насъ на горныхъ плѣшкахъ разбойные люди не прятались, они больше по ущельямъ внизу держались... Они открытыхъ мѣстъ не любили. Да и не въ снѣгахъ же имъ пребывать постоянно.

Нельзя описать какъ красивы переливы цвѣтовъ и тѣней на этой величавой горѣ. Желтовато-сѣрые тоны уступаютъ мѣсто лиловымъ, лиловые — синимъ. Вонъ темень лежитъ на лиловомъ тонѣ... Не успѣли мы толкомъ всмотрѣться въ нее, какъ она уже свернулась въ тучу, приподнялась, открывая подъ собою палевые склоны, и двинулась дальше на югъ по вѣтру, унося туда нарождавшійся было надъ этою долиною дождь. Гора, по которой мы всползли, вся покрыта развѣдочными копями; онѣ открыли здѣсь богатыя залежи бураго желѣзняка, заключающаго въ себѣ по первымъ излѣдованіямъ до 25.000.000 пудовъ руды, въ которой отъ 50 до 60% желѣза. Разработка его не представляетъ особеннаго труда, такъ какъ руда идетъ прямо отъ поверхности горы—внутрь далеко докапываться за нею не приходится. Уже произведенными изысканіями заводы Чермозскій и Кизеловскій обезпечены на 20 лѣтъ. Надъ развѣдками работаетъ пока очень мало народу—всего сорокъ человѣкъ, точно муравьи возятся надъ этою массою желѣза, скалъ и глины.

— Это еще не послѣднее слово. Мы думаемъ, что залежь эта сквозь всю гору проходитъ.

— Могутная! отозвался рабочій.

— Что жъ тогда?

— А тогда заводы одною этою горою сотни лѣтъ жить могутъ! А такихъ горъ по окрестностямъ до пропасти есть. Не умѣютъ у насъ только пользоваться. Это счастье Абамеликъ-Лазаревыхъ, что у нихъ такіе управляюшіе, какъ Новокрещеныхъ; вы посмотрите, что̀ у другихъ-то дѣлается. Вы слыхали ли, что за открытіе новыхъ рудниковъ крестьянъ пороли и ссылали.

— Что за дичь!

— Ну, а у насъ эта дичь случалась! Старые владѣльцы и пороли, и ссылали за это. Я могу назвать...

Работа теперь идетъ надъ однимъ сравнительно небольшимъ пластомъ земли.

Ломаютъ руду прямо съ поверхности. Красноватая масса ея тронута уже двѣ сажени въ глубь. Рабочіе разбросались на триста саженъ всего; тѣмъ не менѣе ежегодно на этомъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ уже сбираются десятки тысячъ пудовъ желѣза. Работа пока веселая — потому что на поверхности земли. Въ Кизелѣ я видѣлъ несравненно болѣе тяжелую, въ вѣчномъ мракѣ подземныхъ галлерей, при полномъ отсутствіи сколько нибудь порядочной вентиляціи. Потому и народъ здѣсь смотрѣлъ бодрѣе. Вмѣстѣ съ бабами и мужиками работали мальчики отъ 10 лѣтъ и выше. Эти, разумѣется, плату получаютъ ничтожную — отъ 10 до 15 коп. въ день. Впрочемъ и взрослый крестьянинъ тутъ заработываетъ отъ 30 до 50 коп., а баба отъ 20 до 30; и разумѣется, всѣ они на своихъ харчахъ. Заводъ только иногда поставитъ имъ хлѣбъ нѣсколько подешевле, чѣмъ они купили бы его у сельскихъ кулаковъ...

Трудно себѣ представить, какая сила нужна для этихъ работъ. Если бы видѣли, какіе комья руды подымаютъ эти, повидимому, не особенно усталые люди,—вы бы изумились, также какъ я былъ изумленъ. При этомъ кое-гдѣ запѣвается пѣсня, звучатъ шутки и смѣхъ, въ антрактахъ за все отдуваются бабы.

— Ишь ты спина у тебя, Марья, какая широкая! и при этомъ слышится глухой звукъ не особенно легкаго шлепка.

— Дьяволъ! огрызнется баба.—Я вотъ тебѣ ковшомъ въ морду.

— Ломай, ломай его, Марья! Ишь у него харя-то съ послѣдняго перепоя ослизла.

— Еще трогается... Вотъ я Сашкѣ твоей скажу.

— У меня, братъ, этихъ Сашекъ сколько хошь.

— У тебя!.. Люди врутъ—навираются, нашъ вретъ—не наврется... У тебя!..

— Да, у меня...

— Заведутся у такого... какъ же... Смотри, языкъ проглотишь. Ври да помни.

— У него только вошь и заведется...

— Бредень бредни бредитъ—а у насъ языкъ щелкаетъ!..

— Душа кривая—все примаетъ...

Когда мы спускались изъ этого рудника внизъ по тѣмъ же кручамъ, управляющій указалъ намъ налѣво за Ослянку.

— Видите вы — вонъ двѣ правильныя горы... Знаете, какъ ихъ народъ зоветъ?—Титьки.

Названіе было чрезвычайно мѣтко. Дѣйствительно на горизонтѣ рисовались два силуэта — точно громадные сосцы совершенно правильной формы и при этомъ одна въ одну.

— Тутъ такъ: видать Титьки — значитъ и погода хорошая будетъ, а не видать — жди дождя, а зимою мятели... До нихъ отсюда верстъ мало-мало двѣсти будетъ, не меньше.

Нѣсколько ниже почву взрѣзалъ гребень большого бураго утеса.

— Вотъ тутъ и развѣдокъ нѣчего дѣлать.

— Почему?

— Чистое желѣзо... Въ глубь идетъ, ломай его и плавь—вотъ и весь трудъ... Вы еще по нашимъ мѣстамъ немало такихъ же увидите... Мнѣ достаточно было бы, если бы одну эту скалу подарили. Ей вѣдь цѣны нѣтъ,—милліоны пудовъ въ ней...

— Отчего же истощается производство другихъ заводовъ?

— Лѣсъ выжгутъ; безъ топлива этимъ горамъ грошъ цѣна.

По пути назадъ — неизбѣжная подробность каждаго заводскаго дѣла—пьяненькіе рабочіе намъ на встрѣчу.

— Успѣли! остановился управляющій.

— Мы, Иванъ Степанычъ, передъ тобой вò какъ — какъ свѣча горимъ!

— Вы бы лучше чѣмъ горѣть-то пить перестали.

— Мы теперь на всякую работу—благодаримъ покорно... Одинъ за трехъ. Потому, ежели ее въ акуратѣ — такъ отъ нея только силы прибавляется, отъ водки этой самой.

— Знаю я, нахлещетесь.

— Иванъ Степанычъ!.. У насъ совѣсти нѣтъ? удивлялся рабочій, стукая себя кулакомъ въ грудь.—У насъ совѣсти—сколь хошь... А мы, благодареніе создателю, чуточку, во—эстолько,—показалъ онъ на кончикъ мизинца,—и слава тѣ Господи... Свое дѣло знаемъ... Сичасъ на работу.

— Вы не повѣрите, какая возня съ ними на заводахъ. Иногда изъ-за одного пьянаго все дѣло останавливается.

— Это преувеличеніе.

— А вотъ разочтите: на каждую пудлинговую печь трое рабочихъ въ одну смѣну—у всякаго изъ нихъ свое дѣло. Одинъ запьянствовалъ — остальнымъ ничего подѣлать нельзя, потому—запаснаго нѣтъ. За этими тремя останавливается дѣло на всѣхъ пудлинговыхъ печахъ—потому въ общей связи все, операція одна у всѣхъ. Жаръ

отъ пяти пудлинговыхъ печей нагрѣваетъ котлы для производства пара въ прокатную паровую машину; такимъ образомъ, не топятся эти печи—остается безъ дѣла и прокатная. Въ концѣ концовъ изъ-за одного пьяницы пять, десять, человѣкъ сидитъ безъ дѣла, а иной разъ и заводъ можетъ остановиться. Рабочихъ въ обрѣзъ, замѣнить нельзя, да и всякаго не поставишь—нужно знаніе дѣла. У насъ хотѣли поэтому добиться отъ рабочихъ подписи контракта, которымъ заводъ обезпечиваетъ съ своей стороны рабочимъ постоянное дѣйствіе на слѣдующихъ условіяхъ: за прогулъ рабочій уплачиваетъ, во-первыхъ, своимъ товарищамъ, остающимся изъ-за него безъ работы, поденную плату, равную ихъ заработку, во-вторыхъ, — заводу расходы по разогрѣву печей. Всего пришлось бы и тѣхъ и другихъ штрафовъ рублей семь-восемь. Рабочіе упорно отказывались подписать этотъ контрактъ втеченіе двухъ лѣтъ. Думалъ я, думалъ—да и прижалъ ихъ. Временно, до пріисканія новыхъ рабочихъ, взялъ да и закрылъ заводъ, а самъ послалъ за народомъ въ Чермозъ, тамъ многіе безъ хлѣба сидятъ. Ну, кизеловцы какъ узнали объ этомъ — привалили. Согласны де на контрактъ. Въ подобныхъ случаяхъ свои къ чужимъ рабочимъ относятся крайне враждебно.

— Да вамъ стòитъ только закрыть кабаки.

— Мы ихъ и не держимъ.

— Да вѣдь земля принадлежитъ вамъ

— Если бы!.. Не вся. Между самими рабочими постоянно являются кулаки, поторговывающіе водкой и только для виду работающіе на заводахъ. Они еще охотнѣе идутъ работать въ рудники, на пристани, гдѣ нѣтъ питейныхъ заведеній. Тутъ имъ полный просторъ, да и выгоды громадныя, тѣмъ болѣе, что они отпускаютъ пойло это въ домъ, въ счетъ платы заработной, которая иной разъ вся на маклака переводится.

— Да вѣдь вы знаете же маклаковъ въ лицо.

— Еще бы не знать.

— Такъ отказать имъ отъ работы—и вся недолгà.

— Попробуйте!

— Что же будетъ?

— Сами рабочіе, которыхъ онъ грабитъ, волноваться начнутъ. Вы ихъ поймите... Тутъ самъ чортъ не разберетъ. Да вѣдь, наконецъ, его изловить надо; — нельзя же такъ — ступай вонъ. Онъ исправно работаетъ. Тутъ и бабы пьютъ. Спросишь у мужиковъ: зачѣмъ вы бабамъ пить позволяете? „Не дай ей“, говоритъ, „такъ она изъ тебя всѣ кишки попреками вымотаетъ. Баба веселѣй и согласнѣй съ вина-то!“ Вотъ вы и разсуждайте. И эти, что намъ на пути встрѣтились, тоже у своихъ же нализались. Въ Троицкомъ рудникѣ у меня кабака нѣтъ вовсе. Свои же рабочіе маклачествуютъ...

Еще разъ посидѣли мы на балконѣ троицкаго управляющаго, еще разъ полюбовались на дивные виды, открывающіеся отсюда на

югъ и на востокъ. Нужно было отправляться назадъ. Гребцовъ отсюда къ Растесу нельзя было достать — всѣ заняты на иныхъ работахъ, а наши лоцмана тоже торопились на свою лѣсопильню, потому что тамъ они забрались уроками, которые нужно было выполнить во что бы то ни стало.

— Назадъ вы живо поспѣете. Сегодня же черезъ нѣсколько часовъ будете тамъ.

Жара!.. Лодку быстриной теченія понесло шибче парохода. Берега стѣснились — Косьва течетъ точно по корридору. Небо кажется узенькой лентой. Гдѣ берегъ поположе, тамъ лѣса кедровые къ самой водѣ жмутся. Солнце играетъ сквозь листву, ярко изумрудными огоньками засвѣчиваясь въ прозрачныхъ струяхъ рѣки. Попадетъ горячій лучъ на водяную лилію—и въ его яркомъ блескѣ свѣтится она, точно раскалившійся комокъ серебра. А тамъ опять лодку вдругъ сноситъ въ тѣнь какой нибудь горы, и краски блекнутъ, лучи гаснутъ. Синія и стальныя тѣни ложатся повсюду; въ недосягаемой высотѣ кружатся ястребы, высматривая въ чащѣ зазѣвавшуюся добычу. Вонъ изъ затончика выплыла утка и стремглавъ бѣжитъ по водѣ отъ нашей лодки, нелѣпо хлопая крыльями; за ней цѣлый выводокъ суетится, не поспѣвая и видимо страшно волнуясь и вытягивая свои голыя еще головки... А тамъ опять тишина, опять ничто живое не выглянетъ изъ мирныхъ и прохладныхъ уголковъ на эту жару. Развѣ ни съ того ни съ сего набѣжитъ изъ-зади туча, совсѣмъ незамѣтно, остановится на минуту надъ рѣчною узиной, грянетъ громъ, брызнетъ дождь, въ каждой каплѣ котораго горитъ все то же солнце... Еще нѣсколько минутъ — и туча далеко-далеко, укладывается отдыхать на какую нибудь горную вершину, и надъ вами — безоблачное небо съ черными точками ястребовъ и бѣлыми искрами уже встрѣчающихся здѣсь чаекъ.

Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько часовъ добрались мы до Няра.

— А безъ васъ тутъ несчастіе случилось.

— Что такое?

— Да медвѣдь задралъ дроворуба... И главное—дерзость какая!— не вдалекѣ отъ пильни, саженяхъ въ двухстахъ.

— До смерти?

— Какъ же. Лежитъ теперь. Вѣрно, неожиданно напалъ на него изъ-зади... Лица невидно.

— Что жъ, у него оружія не было?

— Ружье на землѣ валяется неразряженное, а топоръ въ деревѣ сидитъ.

Я пошелъ туда.

Какая-то масса у недорубленной сосны. Топоръ, дѣйствительно, застрялъ въ деревѣ, на землѣ цѣлая лужа крови... Кожа съ лица дроворуба содрана—сплошная рана какая-то; кости всѣ изломаны.

— Что же вы его не покроете?

— Да, какъ же, дотронься... Хлопотъ не оберешься. Вы нашу полицію не знаете. Теперь изъ Кизела налетятъ. Фельдшеръ потрошить станетъ, становой явится...

Отсюда вплоть до устья Косьвы я рѣшился спуститься на лодкахъ.

До первой станціи—до Губахи—считалось 40 верстъ и по всему этому пути ни одного жилья. Берега Косьвы зато расширяются; рѣка то и дѣло разбивается на рукава, образуя острова, покрытые тальникомъ. Глыбь настолько значительна ужѐ, что затонувшихъ барокъ не видать вовсе... Тутъ Косьва принимаетъ въ себя горныя рѣчки—Нюръ, Дергачку, Перхашеръ, Кедровку, Мутную, Гремячую и многое множество безъимянныхъ.

— Живописцамъ бы слѣдовало по этимъ рѣченкамъ побродить.

— Красивы?

— Не опишешь—рисовать надо. Сюда В. Ф. Голубевъ посылалъ Петра Верещагина. Тутъ на Косьвѣ ему не привелось быть. Тутъ нѣкоторыя рѣчки чудныя совсѣмъ: течетъ-течетъ — пропадаетъ, а верстъ черезъ пять вновь изъ подъ земли выбѣгаетъ... Точно ей понадобилось на время отъ кого нибудь спрятаться...

— Косьва наша хороша, а Усьва да Вильва еще красивѣе.

И дѣйствительно, только до одной Ослянки отъ Няра, по тому пространству, по которому мы только что проѣхали, Косьва приняла въ себя болѣе двадцати рѣчекъ. Изъ нихъ по сѣверному Няру, напримѣръ, могутъ двигаться барки, а притоки его—Вогулка и Березовка—идутъ изъ совсѣмъ мало изслѣдованной глуши. Разсольная, Большая Чирковая, Малая Чирковая, Ершовка, Гремяча, Малая и Большая Усвинки, Тоскайха, Разсолка, Сухая, Ломовая, Ослянка, Ташковка, Полуденная — одна красивѣе другой. Подняться по любой изъ нихъ вверхъ до истока — обязательно для художника. Я это сдѣлалъ на рѣкѣ Кедровкѣ—и не раскаявался, несмотря на трудность передвиженія. Не описываю этого пѣшеходнаго странствованія здѣсь потому, что пришлось бы представить читателю рядъ картинъ, которыя, будучи очень интересны на полотнѣ, подъ перомъ являются крайне утомительными.

Скажу только одно: дикой красоты и сумрачнаго величія здѣшняго Урала я не забуду никогда.

В. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ПОСМЕРТНЫЯ БУМАГИ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

III.

Туркестанъ и англійская Индія.

(1876).

Изложенные ниже взгляды о положеніи англичанъ въ Индіи, значеніи этого сосѣдства для насъ и возможности движенія русскихъ войскъ въ Индію, были писаны Скобелевымъ въ бытность его Ферганскимъ военнымъ губернаторомъ, въ концѣ 1876 года.

Находясь тогда подъ обояніемъ личнаго успѣха въ недавней войнѣ съ покореннымъ имъ Коканомъ, въ сосѣдствѣ съ Памиромъ, отдѣлявшимъ его отъ сказочной великолѣпной Индіи, онъ, подобно другимъ полководцамъ, мечталъ о походѣ за Гинду-Кушъ. Основательно познакомившись съ сочиненіями разныхъ путешественниковъ и военныхъ людей, преимущественно англичанъ, онъ, руководствуясь ими, въ сжатой формѣ выразилъ политическое и военное состояніе современной Индіи, наше положеніе въ Средней Азіи, соотношеніе державъ и значеніе демонстраціи противъ англійской Индіи въ выгодномъ для насъ разрѣшеніи восточнаго вопроса. При этомъ Скобелевъ особенно придерживался вышедшаго тогда сочиненія подполковника Керри „Shadows of coming Events or the castern menace". London. 1875. Такимъ образомъ, нѣсколько рѣзкіе взгляды на „тревожное" положеніе британскаго могущества въ Индостанѣ, представляютъ въ большинствѣ случаевъ выраженіе англійскихъ же мнѣній.

Впослѣдствіи, въ особенности въ Ахалъ-текинской экспедиціи, въ которой знаменитый генералъ еще разъ лично испыталъ, какія уси-

3*

лія, расходы, боевыя средства и прочее, должно было употребить на операціи противъ Геокъ-Тепе, походъ въ Индію ему представлялся уже гораздо менѣе возможнымъ. Славянскій же вопросъ, охватившій въ послѣднее время всѣ его помыслы, значительно охладилъ его къ Азіи.

При свиданіи своемъ въ нынѣшнемъ году съ г. Марвиномъ, Скобелевъ, между прочимъ, говорилъ:—„нельзя равнять наши средства съ англійскими и не дай Богъ намъ занять Гератъ; тогда у насъ будетъ предметъ дѣйствія и мы рискуемъ вовлечь себя въ раззорительную войну... Я не вѣрю въ индійскій походъ въ ближайшемъ будущемъ, потому что для него надо создать огромныя перевозочныя средства... Но мы можемъ ударить шаръ шаромъ и такъ, что вы не устоите... Россія миролюбива и добра"... Такимъ образомъ, Скобелевъ намекалъ на демонстративныя дѣйствія, которыя въ дѣйствительности, какъ надо полагать, только и могутъ принести какую-либо пользу. Что же касается сочиненія полковника Керри, то относительно его можно замѣтить, что Керри, какъ и многіе другіе англійскіе писатели, рисуетъ слишкомъ мрачными красками положеніе дѣлъ въ Индіи, что на самомъ дѣлѣ несовсѣмъ такъ. Всѣ эти писатели и спятъ и видятъ приближеніе русскихъ войскъ; вслѣдствіе этого, трудно выполнимыя, а иногда даже невозможныя операціонныя линіи, имъ кажутся вѣроятными, и такимъ образомъ они видятъ наступленіе и опасность отовсюду. Такое „тревожное" отношеніе къ вопросу ослабляетъ довѣріе къ упомянутымъ сочиненіямъ.

„...Наступившія грозныя событія въ Европѣ заставляютъ насъ оглянуться на тѣ средства исполинскаго края, столь недавно и съ такими ничтожными силами завоеваннаго, частью уже успѣвшаго обрусѣть, вездѣ сознающаго наше безусловное превосходство, и взвѣсить тѣ огромныя преимущества, которыя за послѣднія десять лѣтъ мы пріобрѣли въ Туркестанѣ, въ смыслѣ рѣшительнаго участія его въ неизбѣжной тяжелой войнѣ, которая, при умѣньи и счастьи, закрѣпитъ за Россіею міровое первенство.

„Настоящее наше положеніе въ Средней Азіи въ смыслѣ стратегической базы, въ особенности въ смыслѣ громадности нашего политическаго и военнаго обаянія, есть результатъ твердой, честной политики нашей въ краѣ и военнаго торжества, не запятнаннаго ни одною неудачею. Въ этотъ славный періодъ безпрерывнаго торжества, туркестанскія войска выработали себѣ цѣлую систему военныхъ дѣйствій (основанную на знаніи мѣстныхъ условій, характера противника, а главное—на сознаніи своей собственной боевой годности), которая даетъ имъ право сознательно рѣшаться въ будущемъ на военныя предпріятія, соотвѣтствующія современнымъ боевымъ средствамъ Туркестана. Втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, отъ риско-

ванныхъ предпріятій, каковы были Джейзакъ, Ура-Тюбе, Китабъ, мы научились брать города безъ потерь, съ весьма малыми силами. Можно сказать, что теперь для насъ въ Средней Азіи, если мы будемъ продолжать дѣйствовать съ отрядами такъ, какъ дѣйствовали до сихъ поръ, не существуетъ болѣе преградъ.

„Дѣйствительно, если бросить взглядъ на первые шаги наши въ здѣшнемъ краѣ, то увидимъ, что и тогда наши войска всегда умѣли бить азіятцевъ въ полѣ безъ большихъ потерь, а это при старомъ оружіи, чего при томъ же оружіи и въ ту же эпоху нельзя сказать про англичанъ; тогда, какъ и теперь, среднеазіятскій непріятель, не за стѣнами, не представлялъ для насъ серьезнаго значенія. Но брать города быстро, почти безъ потерь, мы научились лишь въ послѣднее время. Припомнимъ, что Акъ-Мечеть, обороняемая гарнизономъ въ 500 человѣкъ, держится полтора мѣсяца противъ отряда въ 2500 человѣкъ, имѣющаго сильную артиллерію и ведущаго правильную осаду; что Пишпекъ, крѣпостца съ гарнизономъ еще меньшимъ чѣмъ Акъ-Мечеть, тоже держится довольно продолжительное время и сдается лишь послѣ правильной осады. Затѣмъ наступаетъ Черняевская эпоха эскаладъ, и хотя время овладѣнія крѣпостью, по сравненію съ прежнимъ способомъ атаки, сократилось весьма значительно, но подобный способъ носитъ характеръ слишкомъ рискованный и всегда обходится съ большими для насъ потерями. А вопросъ о потеряхъ здѣсь, въ Азіи, представляется совершенно инымъ, чѣмъ въ Европѣ; здѣсь его слѣдуетъ назвать безусловно первостепеннымъ, особенно въ смыслѣ обезпеченія успѣха продолжительныхъ военныхъ предпріятій, когда приходится дѣйствовать по операціоннымъ направленіямъ въ нѣсколько сотенъ верстъ, иногда при прерванныхъ сообщеніяхъ съ базою. Наконецъ, подъ Махрамомъ создалась формула, можно сказать, безошибочныхъ дѣйствій противъ главнаго оплота непріятеля—городовъ. Я это испыталъ во всѣхъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и считаю долгомъ чести заявить, что наши войска овладѣли впослѣдствіи Наманганомъ и Андижаномъ, съ столь малыми потерями и такъ рѣшительно, только благодаря впечатлѣнію, вынесенному мною изъ дѣла 22-го августа 1875 года. Я вдумывался, старался привести въ систему все, что видѣлъ, все, что испыталъ въ тѣ дни, когда я несъ тяжелое бремя отвѣтственности за наманганскій дѣйствующій отрядъ. Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что мы дозрѣли до того, чтобы при цѣлесообразныхъ систематическихъ дѣйствіяхъ, при обезпеченіи отряда орудіями и снарядами въ пропорціи, далеко превосходящей требованія европейской войны, бить непрітеля въ Средней Азіи навѣрняка, какъ въ полѣ, такъ и въ городахъ, и почти безъ потерь.

„Какъ подъ Махрамомъ, въ Наманганѣ, подъ Андижаномъ и Тюря-Курганомъ, происходитъ одно и то же: мы занимаемъ окружающія высоты артиллеріею, громимъ городъ, и затѣмъ занимаемъ его безъ

всякой потери. Дѣйствовать сходно съ этимъ противъ Азіи мы можемъ вездѣ, ибо нельзя допустить, чтобы при тщательной рекогносцировкѣ не найти средствъ выбить артиллерію непріятеля изъ любой укрѣпленной позиціи.

„При современномъ нашемъ опытѣ, молодецкихъ войскахъ, весьма значительныхъ, какъ мнѣ кажется, боевыхъ средствахъ, нѣтъ такой Азіи, которая могла бы дѣйствительно помѣшать намъ выполнить самые широкіе стратегическіе замыслы.

„Могутъ возразить, что при походѣ на Кабулъ намъ придется, можетъ быть, вести горную войну; но по горамъ отряды, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всегда проходили умѣючи; при современномъ вооруженіи европейскія войска пріобрѣли и въ горахъ несомнѣнныя выгоды. Кавказская война кончилась со введеніемъ нарѣзнаго оружія; въ горной странѣ утвердиться трудно—это пожалуй вѣрно, но намъ не придется этого дѣлать.

„Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся англичане. Англія владѣетъ въ Индіи 190 мил. жителей, враждебныхъ своимъ завоевателямъ. „До какой степени они (мусульмане) ненавидятъ англичанъ, говоритъ Венюковъ, доказывается частыми, почти непрерывными убійствами съ ихъ стороны разныхъ представителей британскаго владычества, начиная съ простыхъ солдатъ и кончая генералъ-губернаторами, ибо Ширъ-Али, убившій въ 1872 году лорда Майо, былъ мусульманскій фанатикъ". Имѣя всего 70-ти-тысячную европейскую армію, Англія должна охранять спокойствіе на пространствѣ 1.000,000 квадратныхъ миль. Базисъ ея находится въ Европѣ, за тысячи миль, по пути подверженному нападенію. Въ случаѣ войны въ Европѣ врядъ ли она будетъ въ состояніи выдѣлить въ Индію значительныя силы, такъ что эта послѣдняя должна быть предоставлена собственнымъ силамъ, а эти силы состоятъ только изъ 70.000 европейской арміи, такъ какъ сипаевъ въ разсчетъ брать нельзя, а арміи туземныхъ владѣтелей и подавно. Если же Сѣверная Америка воспользуется войною Англіи съ нами для того, чтобы овладѣть Канадою, и военные флоты этого государства появятся на всѣхъ моряхъ, то утвердительно можно сказать, что и изъ колоній своихъ, находящихся во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія не въ состояніи будетъ двинуть въ Индію ни одного солдата, ни одного орудія; такъ что весьма вѣроятно, что столкновеніе русскихъ съ англичанами въ Азіи произойдетъ въ силахъ равныхъ.

„Какъ утверждаютъ люди компетентные, достаточно одного появленія внѣшняго врага на почвѣ Индіи или даже на границахъ ея, чтобы произвести тамъ всеобщее возстаніе и обратить всю страну въ театръ войны. „Въ тотъ день, когда русскіе, пройдя Афганистанъ, вступятъ въ долины Гималая и Верхней Бенгаліи для того, чтобы выгнать англичанъ изъ Индостана, они тотчасъ же найдутъ готовыхъ союзниковъ въ 25—30 милліоновъ туземцевъ, которые изъ жажды

мести возстанутъ по первому сигналу [1]). Движеніе русскихъ войскъ можетъ не только потрясти, но разрушить Британскую имперію въ Индіи, а послѣдствія такого разрушенія будутъ столь необъятно велики, что весь міръ содрогнется.

„Походъ въ Индію со стороны Туркестана, благодаря базѣ, системѣ дѣйствій, которая даетъ возможность не обращать вниманія на азіатскаго непріятеля, если бы таковой случайно подвернулся, вполнѣ осуществимъ, я въ томъ глубоко убѣжденъ. Чтобы не допустить насъ до Индіи, англичане могутъ рѣшиться выдвинуть операціонный корпусъ въ Афганистанъ, но положеніе ихъ въ этой странѣ врядъ ли будетъ выгоднѣе нашего. Напротивъ того, Афганистанъ связанъ для нихъ съ позорнымъ воспоминаніемъ, и вся послѣдующая политика англійскихъ государственныхъ людей относительно этой страны, за послѣднія 30 лѣтъ, дала поводъ англичанамъ относиться къ афганцамъ слишкомъ осторожно, чтобы не сказать болѣе, а этимъ послѣднимъ глубоко презирать ихъ. На субсидію, выплачиваемую Англіею Ширъ-Али, въ Азіи смотрятъ какъ на нѣчто въ родѣ дани.

„Перехожу теперь къ изложенію свода мнѣній англійскихъ государственныхъ людей, людей военныхъ, путешественниковъ и др. (Раулинсона, Макъ-Ніеля, Гольдсмита, Вамбери и др.) объ отношеніяхъ Россіи и Англіи въ Средней Азіи, объ англійской арміи, объ отношеніахъ къ Англіи Афганистана и другихъ сосѣднихъ земель и вообще о положеніи Россіи въ Азіи.

„Всѣ эти мнѣнія отчетливо сгруппированы въ сочиненіи подполковника Керри „Shadows of coming Events or the eastern menace“ London. 1875.

„Подполковникъ Керри поразилъ меня ясностью сознаваемаго имъ убѣжденія въ неминуемости столкновенія между Россіей и Англіей въ самой Индіи или у ея преддверій, и это во имя самыхъ дорогихъ политическихъ интересовъ Россіи. Несмотря на патріотическое воодушевленіе, довѣріе къ силамъ, особенно нравственнымъ и преимущественно основаннымъ на безспорно славномъ, даже величественномъ, боевомъ прошломъ, въ сочиненіи Керри безспорно проглядываетъ сознаніе современной немощи великобританской арміи, скажу болѣе—народа, неспособности его за послѣдніе годы воодушевляться отвлеченнымъ политическимъ идеаломъ, въ особенности сносить бремя и рискъ, сопряженные всегда со всякимъ серьезнымъ военнымъ предпріятіемъ.

„Полусознанія Керри для молодой, обновленной съ Крымской войны Россіи имѣютъ особенное значеніе. Великій день 19-го февраля 1861 г. впервые призвалъ къ жизни всѣ наличныя силы рус-

[1]) Jacolliot. „Voyage au pays des perles“, 1874, стр. 29. Jacolliot, какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ „Voyage au pays des éléphants“,—дѣлаетъ много указаній на непрочность владычества англичанъ въ Индіи.

скаго народа. Не только Европа, но и русскіе государственные люди еще не испытали на дѣлѣ свободной Россіи въ трудныя минуты ея существованія. Со дня освобожденія крестьянъ русскій народъ имѣлъ возможность два раза высказать свое самосознаніе ошеломленной Европѣ: въ 1863 году и въ настоящую минуту. Оба раза совершались на нашихъ глазахъ явленія, доказывающія, какая пропасть раздѣляетъ насъ съ эпохою крѣпостного права. Мы теперь смѣло смотримъ въ глаза врагамъ,—скажу болѣе: тѣ, которымъ въ настоящую минуту суждено руководить силами отечества, обязаны, когда того требуютъ интересы его, соображать и рѣшаться на предпріятія соотвѣтствующія воодушевленію, безспорному мужеству, готовности всѣмъ жертвовать 80-ти-милліоннаго русскаго народа. Если до 19-го февраля 1861 г. русскія силы ходили въ Парижъ и Адріанополь, почему же теперь, когда державною волею государя императора создался весь русскій народъ, намъ задаваться меньшими цѣлями.

„Я невольно отклонился отъ вопроса, именно потому, что изученіе современныхъ англійскихъ писателей, ораторовъ, государственныхъ людей, наводитъ на размышленія совершенно противоположнаго свойства. Всѣ сколько-нибудь слѣдящіе за англійскою жизнью за послѣднее время не будутъ оспаривать, какіе успѣхи, за послѣдніе годы, сдѣлалъ въ ней самый грубый матеріализмъ и стремленіе большинства удовлетворять во что бы то ни стало потребности всевозможныхъ, чувственныхъ наслажденій. Англія, по многимъ примѣтамъ, находится въ томъ періодѣ народной жизни, который всемірная исторія называетъ началомъ упадка великаго народа, когда избытокъ средствъ успѣлъ заглушить малоприбыльную любовь къ отечеству. До какой степени въ этомъ отношеніи можетъ дойти народъ, служитъ примѣромъ Франція. Неужели есть что схожее между Франціею 14-го года и Франціею 70-го года? Всякій внимательный наблюдатель можетъ убѣдиться, что на поляхъ сраженій въ Крыму, въ эпоху знаменитаго entente cordiale двухъ старинныхъ враговъ, французы какъ-будто заразили своихъ союзниковъ тѣми страшными недугами, отъ которыхъ сами погибли въ 1870 году. Чтеніе сочиненія Керри подтверждаетъ мои выводы.

„Въ случаѣ войны Россіи и Англіи, отъ дѣйствій Туркестана будетъ зависѣть лишить англійскій флотъ всѣхъ преимуществъ безнаказанной иниціативы. Не береговыя батареи въ Одессѣ, Ригѣ, Кронштадтѣ, самымъ дѣйствительнымъ образомъ будутъ защищать наши пóрты и торговый флотъ, а цѣлесообразныя, соотвѣтствующія наличнымъ средствамъ Туркестанскаго края и политическимъ обстоятельствамъ, рѣшенія туркестанскаго генералъ-губернатора. Я не говорю про судьбу Константинополя только потому, что по недавно опубликованнымъ документамъ занятіе его, очевидно, не входитъ въ виды нашего правительства; но éсли бы, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, наше правительство когда

либо желало удержать за собою занятый русскими войсками Царьградъ, или передать его по усмотрѣнію, то опять-таки несомнѣнно, что роль туркестанскаго генералъ-губернатора снова становится первенствующею, такъ какъ вырвать у англичанъ согласіе на окончательное утвержденіе единственно нашего вліянія въ Константинополѣ можно лишь серьезно угрожая ея индійскимъ владѣніямъ. Что это такъ, указываетъ здравый смыслъ. Пусть укажутъ мнѣ на средства иначе какъ изъ Туркестана нанести самой Англіи какой-нибудь чувствительный государственный ущербъ. Мы можемъ уничтожить англійскую армію; но та самая армія Мура, которую Наполеонъ разбилъ подъ Короніей, послужила ядромъ арміи, гнавшей французовъ отъ Торресъ-Ведрасъ до Тулузы и вступившей въ Парижъ.

„Чтобы яснѣе представить современное нравственное состояніе англійской націи, въ особенности Англо-Индіи и ея арміи, я счелъ умѣстнымъ по возможности полно привести наиболѣе характеристическія мѣста изъ только что появившагося сочиненія Керри...

„Далеко то время, когда войны перестанутъ рѣшать судьбу народовъ, а потому и англійской націи необходимо болѣе серьезно подумать о своихъ вооруженныхъ силахъ.

„Англійскій народъ издавна славится своимъ мужествомъ, способностію драться; весь складъ англійской жизни во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ возрастахъ, развиваетъ именно эту способность. Этому коренному свойству британскаго народа Англія обязана своими многочисленными побѣдами, но совершенство вооруженія и вообще технической части военнаго дѣла приравниваетъ между собою, въ смыслѣ шансовъ на успѣхъ, всѣ арміи, одинаково вооруженныя. Конечно, качество крови всегда будетъ имѣть большое значеніе на поляхъ сраженій, но если ея значеніе достигаетъ своего maximum'а въ рукопашномъ бою, то, напротивъ того, оно уменьшается по мѣрѣ удаленія противниковъ; характеристика же войнъ современныхъ заключается именно въ рѣшающемъ, въ большинствѣ случаевъ, значеніи огня.

„Итакъ, главный элементъ успѣха — превосходство индивидуальное, съ помощью котораго до сихъ поръ Англія завоевала себѣ такое положеніе въ мірѣ и съ успѣхомъ противустояла усиленіямъ массъ,—мало-по-малу исчезаетъ! Между тѣмъ никогда не стояли передъ Англіей столь грозныя полчища! Допуская даже, что на сторонѣ англичанъ остались и наука, и умѣнье, нельзя, однако, отвергать, что и сосѣдніе народы во многомъ сдѣлали большіе успѣхи; хотя бы нѣмцы—въ прошлую кампанію 1870—1371 годовъ безспорно доказали большую боевую подготовку.

„Нельзя пренебрегать хорошо вооруженнымъ и обученнымъ солдатомъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Когда число непріятельскихъ солдатъ насчитывается милліонами, то даже Англія обязана подумать, можетъ ли она въ данный моментъ съ ними справиться.

„Тѣмъ не менѣе, однако, быть можетъ, именно во имя безсмертныхъ боевыхъ качествъ англійской націи, ея армія не представляетъ и 1/10 части войскъ, содержимыхъ великими державами.

„Причину подобнаго явленія слѣдуетъ искать въ безпредѣльномъ довѣріи всей націи къ своимъ силамъ, къ своему мужеству, а также въ исключительности географическаго положенія.

„Допустимъ, что Англія права и дѣйствительно способна оборонять территорію Соединеннаго королевства, но за-границей Англія безспорно слаба, неспособна къ серьезной наступательной войнѣ.

„Извѣстное нежеланіе англійской націи подчиниться необходимымъ требованіямъ, чтобы создать сильную постоянную армію, мотивируются: a) боязнью, чтобы эта армія не послужила средствомъ порабощенія страны, b) презрѣніемъ къ учрежденіямъ континентальныхъ государствъ, гдѣ гражданинъ лишенъ тѣхъ правъ, которыя составляютъ безспорную собственность каждаго англичанина при его рожденіи.

„Первое всегда было главною причиною того, что постоянная армія была съ незапамятныхъ временъ крайне непопулярною въ Англіи. Это-то чувство главнымъ образомъ и заставляетъ всякаго порядочнаго молодого человѣка смотрѣть на поступленіе въ ряды арміи, какъ на позоръ. Этому чувству слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что нигдѣ въ Англіи, иначе какъ насиліемъ, нельзя найти свободнаго мѣста подъ постройку казармы; всякій уважающій себя фермеръ будетъ протестовать противъ подобнаго сосѣдства, такъ какъ онъ убѣжденъ, что обитатели этихъ зданій безполезные, лѣнивые и недостойные люди, которые питаются незаслуженнымъ хлѣбомъ; красная куртка — мундиръ, несмотря на то, что уже нѣсколько вѣковъ стояла за Англію на многихъ славныхъ поляхъ сраженій, все-таки осталась въ глазахъ англійскаго народа признакомъ личнаго ничтожества и разврата.

„Необходимо, чтобы общественное мнѣніе поборолo это позорное, несправедливое предубѣжденіе, безъ чего невозможно надѣяться когда-либо соотвѣтственно реорганизовать національныя силы.

„Въ наше время солдатъ не импровизуется въ одинъ день. Недавнія событія доказали всю несостоятельность даже многочисленныхъ и хорошо вооруженныхъ, но недостаточно обученныхъ ополченій противъ войскъ, стоющихъ этого названія. Рѣшительные моменты событій въ современныхъ войнахъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, даже быстрѣе, чѣмъ событія въ современной исторіи. Къ концу года, потребнаго, чтобы научить защитниковъ отечества владѣть оружіемъ, по всей вѣроятности, нечего будетъ защищать. Только въ мирное время можно создать армію обученную, вѣрующую въ свои собственныя силы и въ своихъ начальниковъ, а главное—дисциплинированную. Всѣ въ Европѣ, кромѣ англичанъ, въ этомъ давно убѣдились.

„Допуская даже, что регулярныя войска, съ помощью конституціонной арміи (милиціи), въ состояніи будутъ оборонять Соединенное королевство, въ случаѣ высадки непріятеля, есть еще другая постановка вопроса, столь же существенная для Англіи.

„Въ Англіи за послѣднее время укоренилось мнѣніе, что Великобританія держава не континентальная, не заинтересованная непосредственно въ войнахъ, могущихъ вспыхнуть между державами европейскаго материка, что ей незачѣмъ содержать значительную армію и было бы безразсудно спорить въ этомъ отношеніи съ прочими великими державами.

„Стратегически Великобританія первостепенная **континентальная держава**, которая имѣетъ чрезвычайно сильную цитадель—свой островъ, и сильную оборонительную линію—океанъ. Но главнѣйшія англійскія владѣнія уда-

лены отъ правительственнаго центра и находятся на двухъ противуположныхъ полушаріяхъ (Индія и Канада). Отъ метрополіи до этихъ владѣній Англіи необходимо охранять длинные коммуникаціонные пути. Въ сосѣдствѣ Индіи и Канады растутъ два врага, которые пользуются выгодами фланговаго положенія своего относительно упомянутыхъ коммуникаціонныхъ линій. Англія такъ связана своими интересами въ Европѣ, что всякая пертурбація непремѣнно вовлечетъ ее въ войну для защиты этихъ коммуникаціонныхъ линій. Англія должна во всякую минуту быть въ состояніи выставить въ поле сильную армію, безъ чего ея сообщенія съ Индіей будутъ отрѣзаны. На пути въ Индію англичане владѣютъ нѣсколькими пунктами, которые возможно удержать лишь абсолютною силою оружія.

„Насколько миръ въ Европѣ не обезпеченъ, очевидно для всякаго мыслящаго человѣка. Возстаніе въ Босніи можетъ быть временно подавлено, но способъ дѣйствій великихъ державъ указываетъ, что въ скоромъ времени послѣдуетъ разрывъ. Россія можетъ временно желать отложить разрѣшеніе восточнаго вопроса; ей это выгодно по причинамъ весьма понятнымъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что восточный вопросъ будетъ предъявленъ къ разрѣшенію въ тотъ день, когда Россія сочтетъ себя къ тому готовою. Нельзя скрывать отъ себя того громаднаго жизненнаго значенія, которое имѣетъ восточный вопросъ для Англіи. Для нея это вопросъ денежный.

„Допустимъ, что Великобританскій островъ не уязвимъ; но британскія владѣнія, изъ которыхъ англичане получаютъ свои главнѣйшія средства, отдалены отъ метрополіи; между тѣмъ защита ихъ столь же важна, какъ и защита самого острова.

„Оба громадныя владѣнія, составляющія основу для Англіи — Канада и Индія, вполнѣ несхожія между собою, солидарны лишь въ томъ отношеніи, что отдалены отъ правительственнаго центра и представляютъ изъ себя предметъ дѣйствій, одинаково сильныхъ и энергическихъ враговъ — Америки и Россіи. Эти послѣдніе весьма выгодно расположены относительно коммуникаціонныхъ линій, соединяющихъ Англію съ ея важнѣйшими колоніями.

„За послѣднія нѣсколько лѣтъ война была почти неизбѣжна съ обоими упомянутыми государствами. Съ однимъ изъ нихъ она была крайне желанна. Чтобы не имѣть войны съ Америкой, Англія заплатила ей громадную сумму денегъ. Чтобы избѣгнуть войны съ Россіей, Англія допустила нарушеніе трактата 1856 года—послѣдняго результата кровавой, тяжелой войны, которую она вынесла съ успѣхомъ. Вслѣдствіе этого, Англія поставила себя въ весьма странное и фальшивое положеніе. Быть можетъ, Англія не услышитъ болѣе объ Ала-Бамѣ, но зато возникнутъ другія недоразумѣнія съ Америкой, потому что эта послѣдняя готова драться, а Англія только платитъ деньги. Что касается Россіи, то Англіи невозможно долѣе уступать ея требованіямъ въ Европѣ и Азіи, если она не намѣрена сойти съ политической арены. Англія, пожалуй, еще втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ избѣгнетъ войны съ Россіею цѣною уступокъ; но война возгорится, лишь только Англія откажетъ Россіи въ ея требованіяхъ. Россія добилась своего положенія на Черномъ морѣ и Англія это дозволила; затѣмъ, въ Турціи и Персіи давленіе Россіи закрыло Англіи тѣ прямые пути въ Индію, которые, не будь Россіи, были бы во власти Англіи...

„Если уже придется дѣлать выборъ между Канадою и Индіею, то, конечно, лучше потерять Канаду, чѣмъ Индію. Только Индіи Англія обязана

своимъ громаднымъ богатствомъ и тѣми безконечными средствами, которыми она обладаетъ. Одна только Индія даетъ Англіи средства поддерживать ея финансовое положеніе въ мірѣ. Содержаніе половины британской арміи ложится на бюджетъ Индіи. Только Индія даетъ Англіи право считать себя державою первостепенною. Страна эта, имѣющая болѣе одного милліона квадратныхъ миль, даетъ болѣе 60 мил. фунтовъ дохода въ годъ и на 14 мил. фунтовъ всякихъ оборотовъ. Если прибавить къ этому частныя торговыя предпріятія, процентъ всякихъ предпріятій, общественныя постройки, желѣзныя дороги и телеграфы, то тогда только можно понять, что̀ случится, если Индія будетъ оторвана отъ Англіи. Средства Индіи неисчерпаемы и не початы. Исторія Индіи записана кровью сыновъ Британіи отъ Плесси (въ 1757 году) до Дели (въ 1857 году).

„Покуда борьба будетъ значить что нибудь между людьми, пока алчность будетъ руководить дѣйствіями людей, пока будетъ существовать сила и возможность взрыва гордости и негодованія въ человѣкѣ, война будетъ существовать. Тамъ, гдѣ милліоны людей покорены горстью завоевателей и лишены правъ личныхъ и собственности, въ этой странѣ несомнѣнно должна свирѣпствовать безпощадная война [1]). Если къ такому шаткому положенію англичанъ прибавить тихій, но вѣрный подходъ другой силы, которая съ года на годъ постепенно улучшаетъ свою стратегическую базу относительно Индіи и охватываетъ ее желѣзнымъ кольцомъ, то истина становится очевидною и англичанамъ слѣдуетъ признать неизбѣжность войны.

„Указанія на приближеніе кризиса: въ наше время событія быстро слѣдуютъ одни за другими; увеличеніе арміи; громадныя богатства Англіи, которая по своему географическому положенію слишкомъ слабая держава и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ арміею безусловно недостаточною для обороны длинныхъ границъ; неизбѣжное въ близкомъ будущемъ распаденіе Турціи, существованіе которой есть аномалія и анахранизмъ въ нашемъ вѣкѣ; попытки соціалистовъ и, наконецъ, относительно Англіи, очевидная для всего міра слабость ея въ Индіи.

„Англія перестала быть исключительно морскою державою, а между тѣмъ поддерживается традиціями и учрежденіями, исключительно присущими морской державѣ. Въ то время, какъ стратегическое положеніе Россіи въ Азіи измѣняется въ пользу ея, Англія не имѣетъ тамъ арміи, всѣ ея военныя учрежденія отжили свой вѣкъ. А между тѣмъ предстоитъ въ скоромъ времени выборъ между національною войною и раззореніемъ, рабствомъ и паденіемъ Британской имперіи!

„Стратегическая позиція англичанъ въ Индіи не безопасна только съ сѣверо-запада. На сѣверо-западной границѣ Индустана живутъ народы фанатическіе, воинственные, дикіе и безпредѣльно ненавидящіе англичанъ. Страны, ими обитаемыя, въ военномъ отношеніи самыя трудно-доступныя, правительства ихъ самыя слабыя въ мірѣ. Одинъ лишь Афганистанъ имѣетъ значеніе какъ владѣніе независимое. Белуджистанъ состоитъ изъ массы мелкихъ владѣній. Страна Афреди (Сеистанъ и др.) слишкомъ слаба, чтобы ее возможно было считать опасною.

---

[1]) Jacolliot въ своемъ „Voyage au pays des perles", 1874 г. описываетъ страшное угнетеніе, которое претерпѣваетъ туземное населеніе Индустана отъ англичанъ, смотрящихъ на него, какъ на чернорабочую силу, подлежащую возможно большей эксплуатаціи.

„Къ сѣверу заслуживаютъ вниманія: государство Непалъ, дающее хорошихъ воиновъ (они индусы по религіи и тоже ненавидятъ англичанъ), Кашмиръ и Ладакъ. Въ стратегическомъ отношеніи страны эти значенія [1]) не имѣютъ, такъ какъ окружены съ сѣвера неприступными горами.

„Съ приближеніемъ русскихъ англичанамъ придется оборонять линію горъ. Всѣ выгоды наступленія съ упроченіемъ русскихъ въ Туркестанѣ переходятъ на ихъ сторону.

„Отъ Россіи будетъ зависѣть поставить Афганистанъ относительно себя въ положеніе вассальное, подобное тому, въ какомъ Кашмиръ находится относительно Англіи."

„Хотя Индію отдѣляетъ отъ средне-азіатскихъ владѣній Россіи Афганистанъ, но это такъ кажется; на самомъ же дѣлѣ, въ смыслѣ стратегическомъ, границы Россіи и Англіи въ Азіи уже сошлись.

„Нѣкоторые военные люди въ Англіи думаютъ, что время удобной обороны индійскихъ границъ уже упущено...

„Да не утѣшаются тѣ, которые думаютъ, что Индію отдѣляетъ отъ русскихъ Гинду-Кушъ. Не говоря уже о громадномъ нравственномъ значеніи наступленія русскихъ къ Индіи, физическія затрудненія похода будутъ съ каждымъ шагомъ для русскихъ уменьшаться...

„Ничто такъ не доказываетъ упадка значенія въ Азіи англичанъ и военныхъ учрежденій ихъ, какъ то, что въ настоящее время походъ противъ азіатцевъ становится дѣломъ труднымъ, тогда какъ прежде это было дѣло легкое [2]).

„Сколько извѣстно, Англія посредствомъ переговоровъ съ правительствомъ Россіи уступила ей Туркестанъ отъ Каспійскаго моря до Китая и отъ Аральскаго моря къ Хорасану и по теченію Аму-Дарьи. Чтобы ассимилировать это обширное царство, надо время и значительные расходы...

„Открыто течетъ рѣка русскаго нашествія, разливаясь и затопляя все, по мѣрѣ своего наступленія. Разрушаются вѣковыя царства: Персія съ одной стороны, Турція съ другой. Какимъ чудеснымъ вмѣшательствомъ будетъ остановлено это нашествіе? Англія, для которой событія каждаго дня имѣютъ безпредѣльное историческое значеніе, ослѣплена блескомъ золота, которымъ владѣетъ, и роскошью. Еще пусть поспитъ, и она очутится безсильною предъ врагомъ своимъ, который стоитъ во всеоружіи, какъ бывало стояла сама Англія въ тѣ дни, когда умѣла владѣть оружіемъ.

„Всѣ молодые народы жаждутъ развитія своихъ силъ...

„Если Бонапартъ считалъ возможнымъ наступленіе на Индію, Бонапартъ, опиравшійся лишь на Астрабадъ, то теперь положеніе Россіи вдвое выгоднѣе...

„Нѣкоторые говорятъ, что англійская армія должна встрѣтить русскихъ на Индѣ, потому что чѣмъ далѣе русскіе отъ своего базиса, тѣмъ они слабѣе, тѣмъ операціонная линія ихъ наиболѣе подвержена нападенію возставшихъ племенъ, и съ другой стороны чѣмъ ближе англійская армія къ морю, тѣмъ она

---

[1]) Относительно Ладака это еще вопросъ очень спорный.

[2]) Мы пока, слава Богу, не испытываемъ никакихъ затрудненій. Мы легки на подъемъ.

сильнѣе. Но подобный взглядъ примѣнимъ въ Европѣ, а не въ Азіи, гдѣ все основывается на нравственномъ впечатлѣніи. Оборона на Индѣ немыслима: не говоря уже о томъ нравственномъ впечатлѣніи, которое произведетъ появленіе русскихъ войскъ на границѣ, нѣтъ силы, которая бы могла помѣшать вторгнуться дикимъ ордамъ въ плодородныя страны Индіи и произвести тамъ возстаніе.

... „Если бы Индія была отторгнута отъ Англіи, то, не говоря уже о дезорганизаціи въ торговлѣ и въ общественныхъ дѣлахъ, въ Англіи произойдетъ соціальная революція [1]). Страшно представить себѣ послѣдствія, если бы въ Англіи узнали, что армія ея разбита, сипаи измѣнили и что крѣпости, форты и арсеналы въ рукахъ непріятелей!

„Англія сильна своимъ богатствомъ, имѣетъ населеніе, способное быть хорошими солдатами, оружіе ея—лучшее въ мірѣ, и она имѣетъ возможность приготовлять его въ громадномъ количествѣ; военное воспитаніе не уступаетъ таковому же другихъ народовъ. Сами враги англичанъ признаютъ, что британскія войска, имѣя равнаго себѣ противника въ европейскихъ арміяхъ, постоятъ за себя. Но если не будетъ измѣнена военная и политическая система, то Англія окажется державою слабою.

„Военная система Англіи не соотвѣтствуетъ ни значенію государства, ни ея континентальнымъ владѣніямъ, ни тѣмъ силамъ, которыя могутъ быть направлены на борьбу противъ нея. Англійская армія слаба, треть ея находится въ Индіи и на эту треть возложена задача поддерживать власть Великобританіи силою оружія, при невыгодныхъ стратегическихъ условіяхъ на границахъ. Индійская армія призвана оборонять длинный фронтъ, сообщенія котораго съ моремъ, вслѣдствіе вѣроятнаго возстанія, крайне ненадежны, и это въ виду энергическаго непріятеля, наступающаго на самую слабую часть этого фронта.

„Средства усилиться въ Индіи: создать мѣстную армію и укоротить линію сообщенія съ метрополіею.

„Въ Индіи ровно столько войскъ, чтобы поддерживать порядокъ.

„Съ уничтоженіемъ компаніи, порвалась нравственная связь англичанъ съ Индіею. Теперь чиновники думаютъ о томъ, какъ бы отбыть свою службу и вернуться въ Англію. Старые, опытные чиновники вымираютъ, а молодые не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Современный индійскій чиновникъ связанъ съ Индіею жаждою наживы; онъ пользуется и сомнительными средствами къ обогащенію себя, но взоры его обращены отъ Индіи къ Англіи, которая, благодаря Суэцкому каналу, стала гораздо ближе къ Индіи, чѣмъ прежде. Нынѣ офицеры и молодые люди вступаютъ на службу съ насмѣшкою къ Индіи.

„Существовавшая связь между англійскими офицерами и сипаями исчезла и вліяніе европейскаго элемента уменьшилось. Молодые офицеры британскихъ полковъ зачисляются въ главный штабъ туземной арміи неохотно. Сипайской арміи нѣтъ. Съ уничтоженіемъ компаніи уничтожились всѣ связи, которыя

---

[1]) Jacolliot въ своемъ „Voyage au pays des éléphants", стр. 30-я, говоритъ: „Пока англійскому народу никто не помѣшаетъ грабить Индустанъ, онъ не потребуетъ отчета отъ эгоистической олигархіи, управляющей судьбами Великобританіи", и далѣе: „движеніемъ на Индустанъ можетъ быть вызвана соціальная революція въ самой Англіи".

существовали между европейцами и массою завоеваннаго населенія. Англія можетъ удерживать свое положеніе въ Индіи постоянной готовностью къ войнѣ. Только обладая достаточною силою, только страхомъ давя на подвластныя государства, окружающія Индію, Англія можетъ владѣть страною. Кромѣ этихъ средствъ, у Англіи нѣтъ другихъ. Но въ Индіи нѣтъ ни достаточныхъ силъ, ни обезпеченныхъ сообщеній.

„Если въ Европѣ миръ, то въ Индіи будетъ продолжаться status quo. Но въ настоящемъ положеніи взрывъ приведетъ къ погибели. Опасности эти не случайныя и не временныя; онѣ имѣютъ raison d'être въ недостаткѣ средствъ. Національная конституція Великобританіи не соотвѣтствуетъ тому факту, что она сдѣлалась большою континентальною державою. Вотъ главныя причины слабости англичанъ.

„Силы, назначенныя для обороны Индіи, совершенно не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Если Англія не измѣнитъ коренныхъ своихъ законовъ, то она будетъ идти навстрѣчу пораженій.

„Уничтоженіе компаніи оправдываютъ тѣмъ, что у ней была плохая администрація; возстаніе сипайской арміи вынудило перестроить всю административную машину. Насколько правы утверждающіе это, разберемъ. Сипаи возстали потому, что имъ сдали всю страну въ руки, что они почувствовали себя сильнѣе европейцевъ. Такъ, предъ возстаніемъ европейскихъ войскъ въ Индіи находилось: 18 пѣхотныхъ полковъ, 9 конныхъ артиллерійскихъ ротъ, 23 пѣшихъ артиллерійскихъ роты и 2 кавалерійскихъ полка.

„Сипайская же армія состояла изъ 127 пѣхотныхъ полковъ, 39 батарей и 44 кавалерійскихъ полковъ.

„Испугавшись возстанія, правительство лишило себя силы, которая ему помогала. До 1857 года англійскія войска терялись въ массѣ сипаевъ. Въ Пенджабѣ, гдѣ были европейскія войска въ достаточномъ количествѣ, возстанія не было, несмотря на то, что онъ былъ недавно присоединенъ. Если бы европейская армія въ Индіи была уменьшена до размѣровъ до 1857 г. (30 т. человѣкъ), то возстаніе опять началось бы. Если бы въ 1857 г. было 70 т. европейской арміи, то возстанія не было бы.

„Превосходство сипайской арміи и было причиною, что она взбунтовалась; довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и было причиною возстанія.

„Иррегулярные сипайскіе полки были наиболѣе страшны во время возстанія, потому что въ мирное время наименѣе имѣли надъ собою вліянія массы европейскихъ офицеровъ (генералъ Уинтгемъ былъ разбитъ въ полѣ иррегулярными войсками [1]).. Регулярные сипайскіе полки, имѣвшіе исключительно англійскихъ офицеровъ, послѣ истребленія ихъ остались безъ головы. Въ настоящее время составъ европейскихъ офицеровъ въ сипайскихъ полкахъ уменьшенъ противъ того состава, который былъ въ нихъ до возстанія 1857 г. Но чрезъ это полки являются недостаточно организованными для войны съ европейцами и въ то же время усиливается кадръ туземныхъ офицеровъ...

„При первомъ серьезномъ вооруженномъ столкновеніи Англіи придется выбирать между общеобязательною повинностью и униженіемъ. Домъ ея основанъ на пескѣ, и когда коснется Англіи буря военная, то при современныхъ ея военныхъ средствахъ должно послѣдовать страшное паденіе

---

[1]) Это единственный случай пораженія англичанъ въ полѣ.

„Если вышеизложенное справедливо относительно средствъ обороны самой метрополіи, то насколько въ болѣе опасномъ положеніи находятся англо-индійскія владѣнія.

„Въ настоящую минуту въ Индіи англичане лишены всякихъ резервовъ. Надо, однако же, быть полоумнымъ оптимистомъ, говоритъ Керри, чтобы утверждать, что въ Индіи резервовъ никогда не понадобится. Въ настоящее время единственнымъ резервомъ для индійской арміи могутъ служить войска въ Англіи, но, въ случаѣ войны, разсчитывать отвлекать эти силы въ Индію было бы равносильно самоубійству.

„Приступая къ вопросу о цѣлесообразной реорганизаціи сипайской (туземной) арміи, наталкиваешься сразу: a) на крайнюю количественную и качественную недостаточность европейскихъ офицеровъ и, какъ послѣдствія этого, все болѣе замѣтное отсутствіе связи между офицерами и командуемыми ими туземными частями войскъ, и b) на совершенно несоразмѣрную, относительно задачи, численную слабость туземныхъ войскъ.

„Всѣ эти признаки слабости особенно ярко стали выступать за послѣдніе годы.

„Послѣдствіемъ бунта сипаевъ 1857 г. было удаленіе правительствомъ изъ рядовъ туземныхъ войскъ большинства европейскихъ офицеровъ,—единственнаго элемента, который былъ способенъ придавать массамъ серьезное боевое значеніе.

„На старую полковую организацію прежней сипайской арміи взвалили всю вину возстанія—и уничтожили ее.

„Нынѣ же дѣйствующая въ Индіи организація есть представительница всѣхъ ошибокъ, которыя могутъ представиться воображенію, исключительно направленному на то, чтобы дѣлать дурно; это сводъ всего, что можетъ служить представителемъ человѣческой неспособности—именно учрежденіе главнаго штаба индійской туземной арміи (India Staff Corps).

„Учрежденіе это, несправедливое, непопулярное, не соотвѣтствующее особенностямъ индійской арміи, ни въ какомъ отношеніи не достигло ожидаемыхъ результатовъ. Чтобы это выяснить, бросимъ бѣглый очеркъ на организацію туземной арміи до возстанія 1857 г.

„Въ Индіи существуетъ обычай, истекающій изъ необходимости, назначать европейскихъ офицеровъ туземной арміи на всевозможныя должности по военно-народному управленію: изъ числа ихъ даже назначались судьи, сборщики податей, офицеры для полицейской службы и проч. Иррегулярные полки, союзные контингенты, дипломатическіе агенты—всѣ пополнялись офицерами изъ полковъ той же регулярной туземной арміи. Такъ какъ всѣ эти должности гораздо лучше оплачивались, нежели служба строевая, то лучшіе офицеры уходили изъ полковъ.

„Этотъ коренной недостатокъ тогдашней организаціи былъ причиною, что еще далеко до возстанія начальство въ Индіи освоилось съ необходимостью учрежденія India Staff Corps.

„Предполагалось офицеровъ, оставляющихъ строевую службу, вовсе откомандировать отъ частей, гдѣ они по старой организаціи продолжали занимать вакансіи въ ущербъ офицерамъ, желающимъ продолжать службу въ строю. Признавалось полезнымъ офицеровъ, занимающихъ должности по управленію, зачислять окончательно въ India Staff Corps и этимъ открыть строевымъ офицерамъ доступъ къ повышенію въ чинахъ, чѣмъ нѣсколько уравновѣсить вы-

годы строевой службы относительно служащихъ по управленію въ India Staff Corps, производство на вакансіи предполагалось вовсе уничтожить и производить офицеровъ, занимающихъ должности по военно-народному управленію не иначе, какъ по прослуженіи ими опредѣленнаго закономъ срока на извѣстной должности. Но это предположеніе никогда не было приведено въ исполненіе. Послѣ 1857 года, когда взялись пересоздавать туземную армію, остановились на рѣшеніяхъ, не доставляющихъ ни одной изъ вышесказанныхъ выгодъ:

„1) Штатное число офицеровъ въ сипайскихъ полкахъ уменьшено на половину.

„2) Всѣхъ офицеровъ туземной арміи зачислили въ India Staff Corps, дабы обезпечить лучшій выборъ офицеровъ на всѣ вообще нестроевыя должности; остальные распредѣлялись по полкамъ.

„3) Офицеры, желающіе изъ полковъ быть зачисленными на должности по управленію, продолжали числиться въ спискахъ полка.

„Кромѣ того, уничтожены были полковыя кассы, которыя существовали въ полкахъ для того, чтобы отъ офицеровъ награждать пенсіономъ старыхъ штабъ-офицеровъ, чѣмъ часто открывалась дорога молодымъ.

„Организація 1857 года, кромѣ того, лишила массу офицеровъ штатныхъ должностей, породивъ вслѣдствіе произвольныхъ выборовъ при назначеніи массу интригъ и недоразумѣній, убившихъ прежній духъ доблести и преданности долгу службы, которымъ такъ замѣтно отличались офицеры старой арміи при полковой организаціи.

„Образовалась масса офицеровъ тунеядцевъ, состоящихъ „при“ и „по“. Денежныя преимущества служащихъ были значительно сокращены, содержаніе уменьшено на 10% и проч. Словомъ, всѣ основы, на которыхъ существовала молодецкая туземная армія, были окончательно потрясены, что въ высшей степени неблагопріятно отразилось на боевой годности туземной арміи, уничтоживъ тотъ корпусъ офицеровъ, который смотрѣлъ на Индію, на туземнаго солдата, какъ на нѣчто родное, и который умѣлъ внушить туземнымъ полкамъ и довѣріе къ предводителямъ, и даже стойкость на полѣ сраженія.

„Въ Индіи туземная вспомогательная армія во всякое время будетъ необходимостью:

„1) Потому что содержаніе соотвѣтствующей всѣмъ требованіямъ обороны и управленія европейской силы обошлось бы слишкомъ дорого.

„2) Европейскіе солдаты, вслѣдствіе климатическихъ условій, не выдержали бы всю ту службу, черную работу, которая нынѣ выпадаетъ на долю туземныхъ войскъ.

„3) Весьма значительный классъ туземцевъ нынѣ находитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ жизненныхъ потребностей въ рядахъ арміи и лишать его этой возможности было бы крайне опасно.

„Разъ, такимъ образомъ, потребность въ содержаніи значительной туземной арміи признается, то слѣдуетъ, по возможности, имѣть войска годныя къ бою. Этого нельзя сказать про нынѣшнія туземныя войска. Объ недостаточности корпуса офицеровъ было уже говорено. Про нижнихъ чиновъ придется сказать столь же мало утѣшительнаго; старый доблестный типъ сипая прежнихъ временъ нынѣ совершенно исчезаетъ, недовѣріе къ нимъ англичанъ послѣ возстанія, измѣненіе организаціи и проч. „понизили спросъ“, а теперь тѣ элементы, которые прежде выработывали изъ себя лучшихъ солдатъ,

нашли себѣ другія занятія. Правительство въ послѣдніе годы всѣми средствами старалось задушить въ массахъ всѣ признаки военнаго самознанія и въ этомъ отношеніи результаты достигнуты блистательные; конечно, это облегчило управленіе страною, но не могло не отразиться въ сильной степени на качествѣ вновь созданныхъ послѣ 1857 года (на совершенно иныхъ противъ прежняго основаніяхъ) туземныхъ войскъ.

„Но кромѣ всего этого вербовка хорошихъ солдатъ въ туземную армію въ весьма значительной степени затрудняется стремленіемъ неопытныхъ англійскихъ офицеровъ непремѣнно примѣнять, со всею строгостью, уставы англійской регулярной арміи, требованія гарнизонной службы, шагистику, нисколько не желая принять въ соображеніе ни характера, ни особенностей туземнаго солдата. Между тѣмъ пика гораздо болѣе сходна съ топоромъ, нежели сипай, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, похожъ на англійскаго солдата. Стремиться вылить ихъ въ одну и ту же форму—просто невозможно.

„Эти пагубныя увлеченія, одинаково вредныя какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, особенно бросаются въ глаза послѣдней: туземная легкая кавалерія, Рохиллы и Мюраты во всѣ времена были дѣйствительно грозною кавалерійскою силою; какая кавалерія выше, какъ боевая сила, при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ особенности, европейская или азіатская,—вопросъ еще весьма и весьма сомнительный [1].

„Нѣкоторыя азіатскія племена достигли въ полномъ смыслѣ слова совершенства во всѣхъ боевыхъ особенностяхъ кавалерійской спеціальности, въ подготовкѣ лошадей, матеріала и формы сѣдла, поворотливости, наконецъ, главное, способности къ натиску холоднымъ оружіемъ какъ въ одиночномъ бою, такъ и въ массахъ.

„Англійской кавалеріи, правда, удавалось бить лучшихъ представителей азіатской, но это ничего не доказываетъ, кромѣ развѣ того, что европеецъ вообще лучше дерется, чѣмъ азіатецъ, а главное—англичане закрѣпили за собою нравственное превосходство, которое главнымъ образомъ и служитъ единственною опорою ихъ владычества въ Индіи вообще.

„Во всякомъ случаѣ, навязыванье азіатской кавалеріи снаряженія и системы обученія, ей совершенно несродныхъ, можно назвать большою ошибкою (турецкіе уланскіе полки въ Азіатской Турціи 1853—1854 годовъ).

„Въ настоящее время англичане могутъ радоваться, что успѣли передѣлать крайне полезнаго молодца иррегулярнаго кавалериста въ каррикатурный образъ негоднаго англійскаго драгуна.

„Такова теперь туземная кавалерія индійской арміи, которая въ прежніе годы умѣла быть страшною въ бою.

„Воспитаніе войскъ, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, совершенно ложно роняетъ боевую годность войскъ, а, главное, дѣлаетъ службу въ туземной арміи крайне тягостною и непопулярною.

„Офицеры совершенно не знаютъ своихъ солдатъ, не умѣютъ пріобрѣсти на нихъ необходимаго вліянія, что не удивительно, такъ какъ они глубоко презираютъ своихъ подчиненныхъ (чего не было при старыхъ компанейскихъ офицерахъ). Вообще, правильныхъ отношеній — дисциплины быть не можетъ при нынѣшней организаціи. Несомнѣнно, что въ минуту испытанія никакой надежды нельзя имѣть на туземныя войска.

---

[1]) Европейскою кавалеріею слѣдуетъ, полагаю, признавать единственно кирасиръ.

„Современное состоянiе туземной армiи во всѣхъ отношенiяхъ—въ строевомъ, хозяйственномъ, въ особенности въ нравственномъ, въ высшей степени плачевно. Офицеры даже другъ съ другомъ незнакомы, ихъ мало, а главное, они презираютъ ту часть, въ которой служатъ; солдаты это знаютъ и служатъ только изъ-за жалованья, съ ненавистью въ сердцѣ къ своимъ начальникамъ; но, наученные опытомъ, они скромны, терпѣливы... ждутъ случая...

„Необходима коренная реорганизацiя и туземной, и англiйской армiй".

„Даже тѣ изъ писателей, которые наиболѣе склонны смотрѣть съ довѣрiемъ на успѣхи русскихъ въ Средней Азiи, не сомнѣваются, „что тѣ же причины, которыя привели англичанъ къ южнымъ отрогамъ Гинду-Куша, заставятъ русскихъ владѣть сѣверными отрогами его, и не далеко то время, когда это предсказанiе сбудется".

„Съ такимъ громаднымъ государственнымъ долгомъ, каковъ англiйскiй, съ такою массою нуждающагося въ работѣ населенiя, съ такою огромною потребностью на жизненные припасы, потеря денегъ, людей и торговли, которая пострадала бы отъ всякаго сколько нибудь тяжелаго удара, нанесеннаго англичанамъ въ Индiи, была бы для Великобританiи смертельною раною.

„Все вышеизложенное ведетъ къ заключенiю:

„1) Распаденiе значительной державы не можетъ обойтись безъ кровопролитiя, — борьба очевидна. Тотъ народъ, который наименѣе подготовленъ въ данный моментъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованъ въ предстоящихъ событiяхъ, понесетъ наибольшiя потери.

„Держава, нынѣ умирающая,—это Турцiя; держава, наименѣе готовая къ серьезной войнѣ и наиболѣе заинтересованная въ восточномъ вопросѣ,—это Великобританiя: а) у нея уязвимыхъ мѣстъ болѣе, чѣмъ у другихъ державъ, которыя будутъ съ нею спорить; б) англiйская армiя, крайне немногочисленная, по своей организацiи неспособна развиваться до требованiй военнаго времени.

„2) Предметъ дѣйствiй для Англiи наиболѣе страшный, пагубный, это Индiя. Не можетъ быть сомнѣнiя, что когда вспыхнетъ восточный вопросъ, то непрiятель немедленно будетъ угрожать Индiи.

„Вопросъ этотъ, въ случаѣ войны, безотлагательно для Англiи важенъ Дипломатическое бумагомаранье тогда только можетъ имѣть значенiе, когда оно является представителемъ штыковъ. Первое условiе существованiя государства—это возможность вести серьезную войну. Въ настоящее время техническiя усовершенствованiя придали войнамъ характеръ рѣшительный, слѣдовательно—кратковременный. Необходимость подготовки къ войнѣ болѣе чѣмъ когда либо важна. Тѣ же техническiя усовершенствованiя придали значенiе массамъ, снаряженiю, болѣе чѣмъ прежде, когда исходъ борьбы рѣшался скорѣе личною доблестью. Вся боевая эпопея Великобританiи, основана на боевыхъ нравственныхъ качествахъ британской армiи, чего, пожалуй, будетъ недостаточно.

„Владѣя обширными и отдаленными странами земнаго шара, Англiя обладаетъ военною силою, которая не соотвѣтствуетъ задачѣ. Это, несомнѣнно,

во всей своей страшной наготѣ выкажется при первой европейской войнѣ. Самые дорогіе англійскіе государственные интересы за послѣдніе годы такъ тѣсно, такъ неразрывно связались съ сохраненіемъ Индійской имперіи и съ безраздѣльнымъ тамъ и въ окрестныхъ странахъ владычествомъ Англіи, что нарушеніе такого положенія повлекло бы за собою гибель Англіи.

„Чѣмъ длиннѣе коммуникаціонная линія, чѣмъ дальше передовая линія отъ средоточія силъ, тѣмъ труднѣе оборона. Коммуникаціонная линія Англіи съ Индіей длинна и слаба. Когда подобной линіи угрожаетъ съ фланга могущественный врагъ, то это крайне опасно.

„3) Вооружённая сила въ Индіи двухъ родовъ: а) англійская армія, численностью крайне ничтожная по задачѣ: никогда въ исторіи міра, никогда въ исторіи военной не выпадало на долю 70.000 человѣкъ (строевыхъ и нестроевыхъ) обезпечивать власть на пространствѣ одного милліона квадратныхъ миль, и б) другая армія, туземная, которая составлена изъ покоренныхъ народовъ, тоже недостаточно сильная (въ смыслѣ резерва), но, главное, сердцемъ, умомъ, душею Англіи враждебная. Эта армія предметъ справедливаго недовѣрія англичанъ, недовѣрія, которое находитъ оправданіе въ страшномъ возстаніи 1857 года.

„Этимъ двумъ арміямъ поручено охраненіе Индіи, какъ части Великобританскаго королевства, а между тѣмъ это владѣніе подвержено нападенію извнѣ и поголовному возстанію туземныхъ шаекъ внутри.

„Средства къ оборонѣ, которыми обладаетъ Англія, если бы непріятель вторгнулся въ нее—это обще-обязательная воинская повинность, но для Индіи она примѣнена быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, потеря для Англіи Индіи— и это сознаютъ всѣ англичане — столь же пагубно отзовется на существованіи государства, какъ и вторженіе въ предѣлы самого соединеннаго королевства.

„Богатство и обаяніе англичанъ въ Индіи даютъ имъ не только уваженіе прочихъ народовъ, но и главное средство существованія. Великая катастрофа, постигнувшая Францію, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что постигло бы Англію въ случаѣ удачнаго приближенія къ предѣламъ Индіи. Оно произвело бы полное онѣмѣніе торговли, послѣдствіемъ котораго было бы паденіе законнаго правительства, и вовлекло бы голодомъ всю Англію въ дикую революцію. Вотъ послѣдствія подобной комбинаціи для самой богатой и могущественной державы. Нѣтъ сомнѣнія, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ искушеніе для враговъ будетъ неодолимо. Пораженіе англійскихъ войскъ впереди Индіи повело бы къ взрыву самыхъ дикихъ и необузданныхъ страстей въ Англіи. Этотъ взрывъ въ связи съ дикими страстями, которыя одушевляютъ самыя опасныя рабочія массы значительныхъ фабричныхъ городовъ въ Англіи, въ связи съ завистью, ненавистью и всѣмъ тѣмъ, что за послѣдніе годы сильно волнуетъ бѣдные классы противъ богатыхъ,—все бы поднялъ въ общемъ смятеніи.

„Какъ ни преувеличены и ни поразительны кажутся эти выгоды, но онѣ логическое послѣдствіе знакомства съ вопросомъ. Англія владѣетъ громадною отдаленною имперіею, доступною для извѣстнаго рода опасностей, и обороняетъ эту имперію средствами, безусловно недостаточными. Даже самые ярые оптимисты и люди мира соглашаются, что оставить Индію англичане не могутъ. Глава партіи подобныхъ людей, Грантъ Дуфъ, въ оффиціальномъ донесеніи въ бюро по индійскимъ дѣламъ, въ ноябрѣ 1875 года, выражается

такъ: „вопросъ объ оставленіи Индіи теперь, въ виду нашего экономическаго положенія, совершенно невозможенъ; мы втянулись въ нее и должны за нее держаться во что бы то ни стало, ибо мы не въ состояніи бы были иначе заплатить наши индійскіе долги; желѣзнодорожные капиталисты наши, затратившіе тамъ свои капиталы, обанкрутились бы и вообще были бы скомпрометированы созданія англійскихъ капиталистовъ. Мы бы не могли платить тѣ многочисленные пенсіоны, которые обѣщали служившимъ въ Индіи, и главное, не могли бы вознаградить безчисленное множество торговцевъ, которые были бы разорены подобною перемѣною въ нашемъ политическомъ положеніи".

„Британское правительство сдѣлало важный шагъ въ смыслѣ политики дѣятельной, — купивъ Суэзскій каналъ, но не нужно забывать, что права на Суэзскій каналъ только тогда дѣйствительны, пока Англія въ состояніи поддерживать ихъ силою оружія.

„Нельзя сомнѣваться въ томъ, заключаетъ Керри, что англійское правительство, разъ вступивъ на этотъ путь, не остановится и предъ необходимостью обнажить оружіе; но Англіи нельзя терять ни одной минуты времени; ей необходимо приступить къ реорганизаціи своихъ силъ, которыя соотвѣтствовали бы ея первенствующему положенію, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи".

„Пріобрѣтеніе Туркестанскаго края вышло для Россія дѣломъ совершенно случайнымъ и, какъ неоднократно заявляли наши государственные люди, скорѣе бременемъ ложилось на Россію, чѣмъ приносило пользу. Не вхожу въ разбирательство истины этихъ словъ, а только считаю умѣстнымъ напомнить объ этомъ теперь. Съ объявленіемъ войны Англіи, Туркестанъ обязанъ отречься отъ себялюбиваго взгляда и принести себя въ жертву самымъ дорогимъ интересамъ Россіи. Не можетъ быть сравненія между тѣмъ, чѣмъ мы рискуемъ, рѣшаясь демонстрировать противъ англичанъ въ Индіи, и тѣми міровыми послѣдствіями, которыя будутъ нашимъ достояніемъ въ случаѣ успѣха такой демонстраціи. До сихъ поръ Туркестанъ даже не колонія и по характеру своего завоеванія, и по характеру своего занятія нами, онъ не можетъ быть названъ ничѣмъ инымъ, какъ операціонною базою; предметъ же дѣйствій указанъ Провидѣніемъ.

„Туркестанскій край держится до сихъ поръ скорѣе обаяніемъ, соединенымъ съ безпрестанными славными дѣлами втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, чѣмъ силою наличнаго числа войскъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что и въ глазахъ англичанъ, и въ глазахъ всей Азіи наше значеніе упадетъ, если Туркестанъ останется безучастнымъ зрителемъ рѣшенія судьбы отечества на западѣ. Когда войска наши идутъ на „ура" противъ азіатцевъ, то имъ кажется до сихъ поръ, что они плюютъ огнемъ; англійскій офицеръ генеральнаго штаба представляетъ теперь нашу туркестанскую власть соединяющею Туркестанъ съ Москвою желѣзною дорогою. Каково же будетъ впечатлѣніе, когда бездѣйствіемъ своимъ въ рѣшительный моментъ судьбы отечества, враги поймутъ, что мы не знаемъ, не понимаемъ

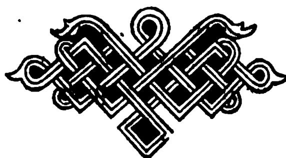
и, главное, не хотимъ понять, зачѣмъ мы случайно забрели въ Туркестанскій край.

„Образованіе туркестанскаго генералъ-губернаторства было первымъ шагомъ къ тому, чтобы привести къ опредѣленной цѣли безпорядочные порывы предшествовавшихъ ему дѣятелей; завоеваніемъ Хивы и Кокана обезпечено исполненіе; десятилѣтнимъ обрусѣніемъ Самарканда открытъ доступъ къ этой цѣли, во имя которой только и можетъ быть оправдано наше пребываніе въ Средней Азіи, ибо иначе овчинка не стоитъ выдѣлки...

„На необходимость участія Туркестана въ предстоящихъ событіяхъ указываетъ и то, что въ случаѣ неудачи войны, очищеніе или ограниченіе нашего положенія въ Туркестанѣ неминуемы. Если мы, даже при полной неудачѣ нашихъ предпріятій какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, докажемъ, хотя и несчастною предпріимчивостью, всю возможную грозность нашего теперешняго положенія въ Средней Азіи, то, при необходимости заключить несчастный миръ, Россіи, быть можетъ, предстоитъ откупиться цѣною Туркестана, поднявшагося въ цѣнѣ.

М. Скобелевъ.

18 $\frac{25}{XII}$ 76
Г. Коканд.





ЖИЗНЬ АѲАНАСІЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ЩАПОВА [1].

V.

Знакомство Щапова съ С. В. Ешевскимъ.—Уваженіе къ славянофильскимъ воззрѣніямъ и литературѣ.—Отношеніе къ ректору Іоанну.—Рѣчи Щапова на академическомъ актѣ.—Его печатныя сочиненія въ „Православномъ Собесѣдникѣ" и взглядъ на нихъ.—Развитіе новой системы русской исторіи.—Лучшія рукописныя сочиненія до 1861 года.



ТНОШЕНІЯ Щапова къ ученымъ людямъ были весьма ограниченны: онъ какъ-будто чуждался сближенія съ ними. Продолжалъ онъ бывать по прежнему у В. Ив. Григоровича, пользовался нерѣдко его рукописями и обмѣнивался съ нимъ научными свѣдѣніями [2]. Затѣмъ, послѣ отъѣзда въ Москву Н. А. Попова, Викторъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ А. П. Владимірскимъ, особенно хлопоталъ о перемѣщеніи Щапова изъ академіи въ университетъ; наконецъ, когда уже состоялось это приглашеніе на время, высокоуважаемый профессоръ рекомендовалъ его съ отличной стороны предъ попечителемъ округа, княземъ П. П. Вяземскимъ, и постарался сблизить ихъ. Но самое благодѣтельное вліяніе на развитіе широты научныхъ воззрѣній Щапова оказало знакомство его съ доцентомъ казанскаго университета С. В. Ешевскимъ, хотя оно было непродолжительно. Вопросы этнографическіе и экономическіе, задачи областной минувшей жизни, великое значеніе писцовыхъ книгъ и другія стороны науки, занимавшія впослѣдствіи Щапова, несомнѣнно навѣяны разговорами съ нимъ Ешевскаго. Но жадность Щапова къ

---

[1]) Продолженіе. См. „Историч. Вѣстн.", т. X, стр. 5.

[2]) О сношеніяхъ литературныхъ Щапова съ Григоровичемъ видно изъ „Правосл. Собесѣдн." 1861 г, ч. I, стр. 261.

новымъ воззрѣніямъ и работамъ, которая не разъ доводила его до разрыва съ людьми науки, послужила причиной къ прекращенію его знакомства и съ Степаномъ Васильевичемъ, вліяніе котораго не осталось, впрочемъ, безъ слѣда на развитіи его идей. Ешевскій часто и много толковалъ со Щаповымъ о колонизаціи сѣверо-восточнаго края и Поморья Россіи и указывалъ на соловецкія рукописи, какъ на драгоцѣнный источникъ для разработки этого важнаго вопроса. Щаповъ по обычаю съ энергіей взялся за эту мысль, тотчасъ началъ рыться въ рукописяхъ, желая предвосхитить идеи С. В. Ешевскаго и разработать фактически. Когда же послѣдній обращался къ нему за рукописями, онъ отказывалъ ему, говоря, что онѣ ему самому необходимы. Такъ проклятая ученая зависть Щапова оттолкнула отъ него образованнаго человѣка, который въ высшей степени былъ для него полезенъ!

Затѣмъ, онъ велъ знакомство съ Н. А. Поповымъ, который замѣнилъ Ешевскаго въ казанскомъ университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи и, при переходѣ въ Москву, рекомендовалъ Щапова факультету на свое мѣсто.

Славянофильскія и другія солидныя московскія изданія по прежнему увлекали Щапова: когда, напримѣръ, вышло въ 1858 г. сочиненіе Лешкова „Русскій народъ и государство", онъ носился съ нимъ цѣлые мѣсяцы и все совѣтовалъ студентамъ непремѣнно прочитать его, да и не разъ. Славянофильскія сочиненія установили окончательно его взглядъ на русскую исторію, въ которой должны играть роль не однѣ формы жизни и учрежденій государственныхъ, но самъ народъ, какъ творецъ своего быта, выступитъ на первый планъ, съ его отличительными духовными чертами и особеннымъ складомъ характера. „Когда я изучалъ, пишетъ онъ, исторію Устрялова и Карамзина, мнѣ всегда казалось страннымъ, отчего въ ихъ исторіи не видно нашей сельской Руси, исторіи массъ, такъ называемаго простаго чернаго народа? Развѣ это громадное большинство не имѣетъ правъ на просвѣщеніе, на историческое развитіе и значеніе? Прочитайте лѣтописи, акты и писцовыя книги, вы увидите, что строителями Россіи были крестьяне всюду и вездѣ, и они вынесли на своихъ могучихъ плечахъ свѣтлое будущее нашего отечества".

Раздѣляя мнѣнія и убѣжденія славянофиловъ и высказывая ихъ постоянно, Аѳанасій Прокофьевичъ, однако, не считалъ себя членомъ ихъ круга и послѣдователемъ оригинальнаго ихъ ученія; онъ какъ-будто даже опасался иногда, какъ бы его не назвали славянофиломъ. „Законы историческаго роста, писалъ онъ, воспитанія и развитія народнаго организма такъ же естественны и вѣчны, какъ законы природы. Народъ развивается естественно, на основаніи своихъ внутреннихъ силъ, и отъ инстинктивнаго движенія доходитъ до разумнаго историческаго воспитанія. Такое изученіе исторіи проявленія народнаго духа, саморазвитія и свободной жизненной дѣятельно-

сти народа совсѣмъ не будетъ славянофильствомъ. Самыя реформы петровской эпохи централизаціонной системы и бюрократическія учрежденія его, съ этой точки зрѣнія, могутъ имѣть силу жизненности и воспитательности исторической".

Вѣра его въ жизненную силу и величіе русскаго народа, стройное внутреннее устройство и недалекое грандіозное развитіе цивилизаціи нашего отечества служила исходной точкой всѣхъ его думъ и изслѣдованій научныхъ. Сначала онъ, вмѣстѣ съ славянофилами, смотрѣлъ на преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, какъ на большое зло, принесшее вредъ народу; потомъ нѣсколько смягчился и сталъ писать о необходимости петровскихъ реформъ, которыя привнесли въ нашу старинную жизнь искусственно-раціональное начало. Впрочемъ, воззрѣніе свое на исторію Петра Великаго онъ мѣнялъ нерѣдко и послѣ,—то писалъ въ пользу его дѣяній, то жестоко порицалъ ихъ за формализмъ.

Въ 1857 и 1858 годахъ, Аѳанасій Прокофьевичъ особенно много работалъ для духовнаго журнала, благодаря побужденію или подзадориванію академическаго начальства. Новый ректоръ Іоаннъ Соколовъ, извѣстный знатокъ церковнаго законовѣдѣнія, отлично понялъ и оцѣнилъ страстную личность и основательную дѣятельность Щапова; онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на его частые кутежи и опущенія лекцій. Зато постоянно поручалъ ему разныя работы для журнала, которыя онъ исполнялъ съ большимъ усердіемъ, потому что ректоръ назначалъ ему писать по предметамъ, излюбленнымъ для его сердца, и всегда оставался очень доволенъ его учеными работами. Вообще вліяніе ректора на Аѳанасія Прокофьевича было весьма благодѣтельно: какъ человѣкъ крѣпкаго разсудка и неумолимой логики, онъ умѣлъ смягчать его азіатскую натуру и умѣрять высокій полетъ его горячей фантазіи холодными доводами. Самъ Щаповъ былъ очень доволенъ, что суровый и недоступный Іоаннъ отличалъ его отъ другихъ по достоинству, былъ съ нимъ весьма обходителенъ и ласковъ, что онъ могъ многому поучиться у этого замѣчательно-образованнаго, хотя свирѣпаго человѣка.

Для торжественнаго акта, ко дню основанія и престольнаго праздника казанской духовной академіи (8-го ноября 1857 года), ректоръ Іоаннъ просилъ приготовить рѣчи И. М. Добротворскаго и А. П. Щапова; первый написалъ: „Объ историческомъ значеніи русскаго раскола", а второй доставилъ статью: „Религія и русская народность". Рѣчь Щапова, написанная живо и увлекательно, одобрена была ректоромъ и произнесена авторомъ въ многочисленномъ публичномъ собраніи, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и привела въ восторгъ и студентовъ, и постороннихъ слушателей. Но была тутъ одна забавная сторона, видная только для студентовъ, занимавшихъ мѣста вокругъ оратора. По опредѣленному заранѣе условію со Щаповымъ, два студента стояли за каѳедрой и останавливали его при

невнятномъ чтеніи, когда онъ особенно быстро мчался, сильно дергая за фалды знаменитаго фрака, сшитаго для Сонички, но подбитаго молью.

Къ сожалѣнію, эта рѣчь—„Религія и русская народность", кажется, исчезла безслѣдно: тогдашній студентъ университета В. М. Логгиновъ взялъ ее прочитать и не возвратилъ. Снялъ ли съ нее кто нибудь тогда копію, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1858 году, на торжественномъ актѣ академіи 8-го ноября, Щаповъ опять произнесъ рѣчь, болѣе интересную для современныхъ слушателей: „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей". Содержаніе рѣчи выбрано имъ по совѣту ректора Іоанна, когда уже началась работа, подготовлявшая освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Рѣчь произнесена была съ обычнымъ горячимъ чувствомъ и энергіей и произвела на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе, потому что опять два студента при чтеніи останавливали его, когда онъ пускался вскачь.

Ректоръ Іоаннъ (Иванъ Буйновидовъ, какъ звали его студенты въ шутку) любилъ бесѣдовать иногда со Щаповымъ попросту о дѣлахъ житейскихъ или острилъ по какому либо подходящему случаю. Однажды ректоръ гулялъ съ нимъ и другимъ профессоромъ по академическому палисаднику; мимо ограды проходила компанія мужичковъ въ послѣдней степени воодушевленія, поддерживая другъ друга подъ руки; они орали пѣсни во все горло.

— „Вотъ, Аѳанасій Прокофьевичъ, ваша черноземная сила во всей красѣ"!.. замѣтилъ со смѣхомъ ректоръ, указывая на подгулявшее общество крестьянъ [1]).

— „А что жъ, сказалъ Щаповъ,—тутъ ничего нѣтъ особеннаго, только они все-таки лучше насъ: видите, какъ они не оставляютъ другъ друга и не даютъ падать одинъ другому, а мы и трезвые постоянно готовы подставлять ногу другъ другу".

Изъ печатныхъ сочиненій Щапова первымъ появилась магистерская диссертація подъ заглавіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII-мъ вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII-го". Начало этой диссертаціи, именно 6 листовъ, напечатано въ „Православномъ Собесѣдникѣ" 1857 г. Все же сочиненіе издано казанскимъ книгопродавцемъ Дубровинымъ въ 1858 г. и повторено безъ перемѣнъ вторымъ изданіемъ въ 1859 г.

Какъ вообще бо̀льшая часть первыхъ печатныхъ трудовъ Щапова отражали въ себѣ постоянно церковную точку зрѣнія и рядомъ иногда проводились либеральные взгляды автора, такъ еще болѣе страдаетъ этимъ недостаткомъ смѣси его студенческое сочиненіе о

---

[1]) См. „Историч. Вѣстн." 1880 г., XII, стр. 786. „Къ характеристикѣ Іоанна, епископа смоленскаго".

расколѣ, состояніе и задачи котораго онъ не выяснилъ надлежащимъ образомъ. Двойственный складъ и неопредѣленное направленіе первой работы Щапова подали поводъ Н. А. Добролюбову напечатать въ „Современникѣ“ статью: „Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ?“ Здѣсь онъ подробно и безпощадно разобралъ противорѣчія въ самомъ направленіи молодаго ученаго. Этотъ рѣзкій отзывъ критика, по собственному сознанію Щапова, сильно отрезвилъ его, заставилъ глубже вдуматься во внутреннюю жизнь раскола и побудилъ заниматься болѣе строгимъ и осмотрительнымъ образомъ. Онъ откровенно говорилъ мнѣ, что хотя въ статьѣ Добролюбова много несправедливыхъ нападокъ и придирчивыхъ мелочей, но она дала ему сильный толчекъ къ работамъ основательнымъ и принесла большую пользу нѣкоторыми правдивыми замѣчаніями. Съ той поры онъ сталъ выработывать точное научное направленіе и окончательно бросилъ пріемы, усвоенные имъ и любимые духовнымъ начальствомъ.

Впрочемъ, отзывы москвичей о диссертаціи Щапова „Расколъ старообрядства“ были снисходительнѣе и выясняли нѣкоторые ея недостатки стѣснительными условіями и средой, въ которыхъ писано сочиненіе. Таковъ разборъ Н. Некрасова во 2-мъ томѣ „Лѣтописей Литературы“ Тихонравова.

Съ 1858 по 1862 г. Щаповъ напечаталъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ девять статей разнаго содержанія и издалъ девять старинныхъ памятниковъ, которые извлекъ изъ рукописей соловецкой библіотеки.

Главное содержаніе этихъ статей вертится около вопросовъ о распространеніи христіанства между инородцами, о развитіи просвѣщенія у нашихъ предковъ и объ улучшеніи нравственности русскаго народа подъ вліяніемъ пастырей церкви. Въ этомъ отношеніи находится между ними внутренняя связь; онѣ дополняютъ другъ друга и представляютъ довольно полную картину умственно-нравственнаго состоянія нашихъ предковъ. Здѣсь отчетливо выяснено значеніе христіанской вѣры и заслуга монастырей въ исторіи развитія народа. Статьи эти имѣютъ особую цѣну потому, что наполнены множествомъ выписокъ изъ соловецкихъ рукописей и обогатили историческую литературу новыми неизвѣстными прежде свѣдѣніями и расширили самый взглядъ на задачи русской церковной исторіи.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ замѣтно пренебреженіе къ строгой хронологіи: по своей юркой натурѣ и широкимъ размѣрамъ фантазіи, онъ смѣшивалъ явленія жизни разновременныя и проистекающія изъ разныхъ началъ, или перескакивалъ свободно изъ XII-го столѣтія въ XVI-е. Вотъ, напримѣръ, выдержка для образца: „Какъ только покорены были съ XI-го столѣтія новгородцами финскія племена, тамъ образовались небольшія русскія страдомыя деревни. У архіепископа Θеофила было четыре сельца, у Марθы посадницы — нѣсколько деревень“ („Прав. Соб.“ 1860 г., ч. 2-я, стр. 4—5). Очень

часто въ разныхъ статьяхъ встрѣчается повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей для уясненія разныхъ явленій церковной жизни; особенно досталось на этотъ разъ сильно грубости и жестокости нравовъ народа, который является точно звѣринцемъ, а пастыри и подвижники духовные—укротителями дикихъ звѣрей. „При безобразномъ хаосѣ нравственномъ, пишетъ онъ, при буйномъ разгулѣ страстей, общество русское разложилось бы, если бы среди мрачнаго безпорядка не были на стражѣ достойные пастыри церкви" („Прав. Собес." 1858 г., ч. I, стр. 529—532; 1859 г., ч. I, стр. 44—48; 1860 г., ч. III, 200—201; 1861 г., ч. I, стр. 78—87). Во всѣхъ этихъ статьяхъ встрѣчается не мало произвольныхъ предположеній и неосновательныхъ выводовъ, которые легко разбиваются при строгой повѣркѣ ихъ фактическими данными. Наконецъ, просвѣчиваетъ немало лишнихъ общихъ фразъ въ церковномъ духѣ и характерѣ, допущеніе которыхъ можно только объяснить помѣщеніемъ статей въ духовномъ журналѣ. А между тѣмъ изъ этого вытекалъ еще недостатокъ въ сочиненіяхъ, а именно: ненужная растянутость въ изложеніи.

Съ осени 1858 г. Щаповъ продолжалъ чтеніе лекцій такъ же безпорядочно и набѣгами, какъ и въ наше время, опуская ихъ до двухъ третей: то начнетъ сообщать отрывки изъ миѳологіи или изъ исторіи раскола, то о земскихъ сборахъ или о смутномъ времени, то вдругъ замахнетъ рисовать очеркъ личности Екатерины II-й. У однихъ лекцій не было начала, у другихъ—конца, и потому невозможно возстановить, въ какомъ порядкѣ велись онѣ. Въ иные часы приходилъ онъ безъ лекцій, приносилъ книгу и заставлялъ читать студента понравившуюся ему статью и дѣлалъ объясненія и добавленія; такъ читались статьи Б. Чичерина въ „Русскомъ Вѣстникѣ", жизнь Екатерины II-й въ лондонскомъ изданіи сочиненій Щербатова и т. под. Когда онъ являлся въ мрачномъ расположеніи духа, обыкновенно бранилъ современные порядки; доставалось мимоходомъ и студентамъ, какъ слушателямъ, которымъ не стóитъ и сообщать что-либо путное. Дома онъ работалъ тоже полосами: послѣ кутежей, засядетъ за чтеніе и письмо на нѣсколько дней и ночей сряду, перестанетъ посѣщать лекціи и не показывается никуда. Послѣ такихъ трудовъ, у него появлялся рядъ новыхъ статей по занимавшему его вопросу, или прежнія незрѣлыя работы получали другой видъ и серьезную отдѣлку, а то росли матеріалы для будущихъ изслѣдованій.

Самыя дѣльныя историческія изслѣдованія Щапова оставались еще въ рукописяхъ и не были напечатаны. Съ конца 1858-го года до 1861-го онъ выработалъ своеобразный взглядъ на русскую исторію и написалъ все лучшее, зрѣлое въ своей жизни, что выдвинуло его на степень талантливаго и самостоятельнаго ученаго. Въ нашъ курсъ студенты относились къ Аѳанасію Прокофьевичу на первыхъ порахъ снисходительно и по-товарищески, старались больше хвалить его и ободрять, прощали ему многія слабыя стороны; но студенты

1859 и 1860 годовъ стали требовательнѣе и строже въ отношеніи къ нему. Уважая его за симпатическую личность и недюжинный талантъ, они вели вражду противъ его крупныхъ недостатковъ—невоздѣланности и дикости натуры, крайностей и угловатостей воззрѣній, которыя онъ самъ и другіе принимали за оригинальное творчество, противъ опущенія лекцій, противъ его ненаучныхъ симпатій и скороспѣлыхъ выводовъ. Они сильно жалѣли, что громадная сила даровитаго историка расходуется иногда на пустыя затѣи, смѣло высказывали ему объ этомъ и убѣждали его идти прямымъ научнымъ путемъ. Нерѣдко студенты приходили къ нему на квартиру цѣлой компаніей и старались разсужденіями и спорами подвинуть его на серьезное дѣло. Споры основывались больше на идеяхъ и чувствованіяхъ; принимали въ нихъ участіе студенты П. Знаменскій, Емельяновъ, Морошкинъ, Лавровъ, Шавровъ, В. Рождественскій, П. Никольскій и нѣкоторые другіе. По сообщеніямъ тогдашнихъ студентовъ я представляю слѣдующія черты: дѣло спорное оканчивалось иногда тѣмъ, что Щаповъ всѣхъ студентовъ разругаетъ въ дребезги, разорветъ на себѣ рубашку и халатъ, разобьетъ объ нихъ тома два—три „Полнаго Собранія Законовъ" и всѣхъ выгонитъ въ толчки изъ квартиры. Подобныя сцены имѣли на него очень полезное и развивающее вліяніе. Иногда онъ разсердится до того, что нѣсколько времени не читаетъ лекцій; но зато, бывало, вдругъ засядетъ за работу и создастъ такой мастерской историческій очеркъ, какой не сталъ бы обработывать, если бы не стѣснялся своей холодно-критической и неглупой аудиторіи... Разъ студенты сдѣлали даже серьезное коллективное внушеніе Щапову, чтобы онъ неуклонялся отъ лекцій и не читалъ разныхъ пустяковъ, не относящихся къ дѣлу, лишь бы провести время; при этомъ прямо доложили ему, что они желаютъ учиться и просятъ его пособить имъ въ этомъ. Послѣ ли этого случая или другаго подобнаго внушенія, онъ угостилъ студентовъ въ началѣ 1859 г. превосходнымъ „Очеркомъ удѣльнаго періода", который бы одинъ могъ его обезсмертить. Сохранилась ли цѣликомъ и гдѣ эта лекція—неизвѣстно; изъ слушателей ее никто не записалъ, такъ какъ никто не ожидалъ такого сюрприза. Вѣроятно, и самъ Щаповъ ее забылъ и затерялъ, потому что нигдѣ почти не повторялъ изъ нее выдержекъ въ своихъ статьяхъ, какъ онъ это дѣлалъ со всѣми другими своими лекціями. Чуть-чуть только ее напоминаетъ начало статьи объ областяхъ въ смутное время... Побуждаемый студентами, Щаповъ работалъ нерѣдко дѣльно: въ эту пору явились почти всѣ его произведенія, какими онъ потомъ прославился въ университетѣ при чтеніи лекцій, послѣ напечанія ихъ въ „Вѣкѣ", „Отеч. Запискахъ" и „Русскомъ Словѣ"; но только въ академіи читалъ онъ ихъ студентамъ не въ такомъ искусственно-азартномъ видѣ, въ какомъ ихъ обнародовалъ. Всѣ эти статьи, пере-

работанныя изъ лекцій, мы видимъ страшно испорченными подъ вліяніемъ его позднѣйшей горячей тенденціозности...

Весьма жаль, что онъ впослѣдствіи увлекся не исторически цѣлями и не научными сочувствіями, а фельетонными картинами на подкладкѣ фактической. Вся сила и красота сочиненій Щапова, какъ и всякаго даровитаго, но еще мало учившагося историческаго писателя, состоитъ въ общихъ очеркахъ, гдѣ ему удобнѣе всего можно развить идеи и выразить всю свою поэзію. Въ очеркахъ вполнѣ обнаруживался его сильный историко-поэтическій талантъ, который безъ эрудиціи, даже безъ средствъ къ подобному и всестороннему изученію фактовъ, могъ чутьемъ угадывать существенныя стороны минувшей жизни и высказывать по-временамъ самыя свѣтлыя и мѣткія воззрѣнія па нихъ...

Какъ ни сильно привлекали вниманіе Щапова тогдашніе современные вопросы общественной жизни, какъ ни часто возбуждали въ немъ стремленіе заняться обсужденіемъ и истолкованіемъ ихъ, какъ ни велика была охота рѣшать ихъ по своимъ воззрѣніямъ,—необходимость останавливала работы на строго научной почвѣ. Правда, и тогда онъ добивался отыскать связь между началами старинной русской жизни и современнымъ ея теченіемъ, желалъ освѣтить историческій путь, по которому должны идти живые потомки сравнительно съ предками; но эти думы не отрывали его отъ точныхъ изслѣдованій фактическихъ и не увлекали въ область фантазіи [1]). Въ это-то время Аѳанасій Прокофьевичъ создалъ свою систему взглядовъ и убѣжденій историческихъ, развилъ планъ образованія и устройства Россіи въ древнюю пору и постепеннаго измѣненія началъ народной жизни. Уже въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, онъ, по мѣстамъ, развиваетъ свои воззрѣнія на древній земскій складъ русской жизни, особенно на начало образованія нашего отечества путемъ колонизаціи, упорнымъ трудомъ „посаженья и поставленья деревень на лѣсѣхъ“. Въ областяхъ финскихъ, по его словамъ, свободныя земли начинаютъ правильно разработываться съ постепеннымъ наплывомъ русскаго народонаселенія; появились поселки изъ вольныхъ охочихъ людей, заселились владѣльцами страдомыя деревни, а съ ними прилила практически-разумная хозяйственная сила. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ краю земли русской стали воздвигаться и устроиваться монастыри, которые служили зачатками, починками заселенія необитаемыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей, проводниками дальнѣйшей колонизаціи и распространенія культуры. Русскіе подвижники содѣйствовали обработкѣ неблагодарной земли, прокладывали пути сообщенія въ глухихъ тру-

---

[1]) Напримѣръ, противъ рабства слышался ему голосъ древней церкви, который призывалъ современную церковь русскую обратить вниманіе на воспитаніе народной свободы.

щобахъ и содѣйствовали привлеченію поселенцевъ и разработкѣ огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго поморья. Путемъ народной колонизаціи совершалась побѣда надъ дикой природой, а путемъ церковной или монастырской колонизаціи византійскій элементъ помогъ воспреобладать русскому человѣку надъ дикими племенами инородцевъ и обрусить ихъ.

Въ 1859 и 1860 годахъ, вопросъ о колонизаціи развился шире во взглядѣ Щапова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованія внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать удѣльный и областной порядокъ, отрасли управленія и суда, общественной экономіи и проч. Такъ, по его выводамъ, путемъ колонизаціи началось самообразованіе областныхъ земскихъ общинъ съ ихъ самоуправленіемъ. Вслѣдствіе земскаго саморазвитія и самоустройства, организовалась сельская община, городская община, уѣздъ, станъ и волость; послѣднія дѣленія имѣли сначала хозяйственно-промышленное значеніе, а потомъ—административное. Границами участковъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣленій служили рѣчныя системы или окраины разработанной земли, „покамѣстъ топоръ, соха и коса ходили". Имѣя въ виду естественное возникновеніе внутренняго областнаго строя на основѣ историко-географической, Щаповъ, въ то же время, придавалъ большое значеніе племеннымъ особенностямъ народонаселенія, считая историко-этнографическій элементъ основой земскаго строенія. На историко-этнографической основѣ, при земской самобытности областныхъ общинъ, создался конфедеративный союзъ всей земли русской.

Начала народосовѣтія или земско-общиннаго устройства служили основой для свободнаго склада всего юридическаго и политическаго быта Россіи. 1) Въ мелкихъ общинахъ явился мірской сходъ или міръ, сельская сходка, громада, мірское согласье у раскольниковъ; 2) въ городскихъ или большихъ собраніяхъ видимъ сходы на думу, на вѣча, въ другихъ мѣстахъ — сеймы, рады, казачьи круги; 3) связующими собраніями городскихъ и сельскихъ сходовъ служили областные земскіе совѣты, и 4) наконецъ, для связи всѣхъ областей явился „совѣтъ всей земли" или земскій соборъ. Вмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ основъ самоуправленія, Аѳанасій Прокофьевичъ основательно изучилъ старинное русское хозяйство и его начала. Экономическій бытъ, по его взгляду, тоже создался естественнымъ путемъ колонизаціи и промысловой дѣятельности, сообразно съ мѣстными условіями: крестьяне сажали деревни пашенныя, бортничьи, рыболовли и проч. Вольныя ремесла и рукодѣльные промыслы развивались тоже сообразно съ природою и удобствами мѣстности и характеромъ населенія; далѣе города возникали путемъ торга, а погосты путемъ гостьбы. Внутреннее поземельное самоустройство и экономическое саморазвитіе носило област-

ной оттѣнокъ; поэтому предметы труда и производства въ разныхъ мѣстностяхъ были неодинаковы: новгородцы отличались плотничествомъ, поморцы — звѣроловствомъ и рыболовствомъ, другія области славились путями и „ухожаями“ хлѣбными, соляными и т. д. Оклады податей и пошлинъ собирались по земельнымъ участкамъ, по пожиткамъ, промысламъ и торгамъ.

Самый взглядъ Щапова на расколъ послѣ 1859 г. сложился подъ вліяніемъ выработки опредѣленныхъ воззрѣній на земское устройство старинной Россіи. Вмѣсто невѣжественной толпы, раскольники явились народной массой практически-разумной; мысль и ученіе ихъ были жизненны и полны глубокихъ общественныхъ вопросовъ. Расколъ выдвинулся съ выработанной системой, какъ общинная оппозиція податнаго земства, противъ всего государственнаго строя церковнаго и гражданскаго, противъ рабства, насилія совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ власти. Стремленіе раскольничьихъ общинъ къ особно-областному самоустройству выразилось очень рано: возникли общины поморскія, стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія и проч. При различіи воззрѣній и характера жителей, создались своеобразные толки и согласья, съ отличительными чертами вѣрованій и мнѣній. Но всѣ они отстаиваютъ права и личность вольныхъ людей, старинныя народныя льготы, земское самоуправленіе и свободную промышленность, сообразно съ хозяйственными потребностями и правовыми обычаями народа.

Въ это время Щаповъ основательно изслѣдовалъ прежнее состояніе умственной жизни русскаго народа, начиная съ славяно-русской миѳологіи и легендарныхъ разсказовъ, въ которыхъ онъ старался отыскать смыслъ. Еще въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ онъ разбиралъ миѳическія космогоническія сказанія и сближалъ ихъ съ христіанскими, какъ они получали сперва апокрифическій оттѣнокъ, а потомъ смѣшивались съ библейскими (часть I, стр. 249 за 1861 г.). Онъ старался долго изучать самое направленіе и характеръ міросозерцанія русскаго народа, какъ оно складывалось и подъ какими вліяніями постепенно развивалось и измѣнялось. Здѣсь опять-таки для него было въ высшей степени важно слѣдить за характеристическими особенностями вѣрованій и убѣжденій жителей каждой области, за складомъ міровоззрѣнія населенія данной мѣстности. Каждая область, каждый большой городъ имѣли свой патрональный храмъ, своего святаго защитника, имъ славились и украшались; они почитали разныя мѣстныя святыни, которыми связаны были историческія воспоминанія, составляли житія святыхъ подвижниковъ, вели мѣстныя лѣтописи и писали другія литературныя произведенія, передавали разныя сказанія, легенды и проч. (Тамъ же, 1860 г., ч. III, стр. 203).

Я нарочно старался указать на цѣлый рядъ крупныхъ вопросовъ, по которымъ Аѳанасій Прокофьевичъ въ два года успѣлъ вновь на-

писать или переработать изъ прежнихъ статей массу изслѣдованій, а по другимъ собралъ богатые матеріалы, приведенные въ порядокъ лишь на скорую руку. Что дѣйствительно это вѣрно, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ несомнѣнныхъ данныхъ. Въ отчетахъ объ особыхъ трудахъ профессоровъ духовной академіи за 1859 годъ самимъ Щаповымъ сдѣлана замѣтка: „приготовлялъ къ печати „Очерки изъ исторіи народнаго русскаго просвѣщенія“, собиралъ матеріалы для историческаго изслѣдованія „О колонизаціи восточной Россіи до до XVII-го вѣка“ и для „Исторіи культуры сѣверо-восточной Россіи“. Подъ очерками изъ исторіи народнаго просвѣщенія, очевидно, разумѣются „Очерки народнаго русскаго міросозерцанія“, которые впослѣдствіи передѣланы, дополнены и напечатаны въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1863 г., кн. I—VI.

Въ 1859 и 1860 годахъ, Щаповъ читалъ студентамъ академіи, между прочимъ, такія лекціи: а) Объ удѣльномъ періодѣ или областномъ онъ составилъ чрезвычайно живой, свѣжій очеркъ, положивъ въ основаніе идею самостоятельнаго образованія княжествъ или земель, съ ихъ отличительными особенностями, съ колонизаціоннымъ саморазвитіемъ и общинной автономической жизнью; при этомъ онъ почти не касался взаимныхъ отношеній удѣльныхъ князей и вражды ихъ между собою. На этотъ предметъ онъ посвятилъ лекціи три. б) По славяно-русской миѳологіи читалъ талантливый очеркъ съ замѣчательно систематическимъ построеніемъ русскихъ миѳовъ; это сочиненіе онъ переработалъ и улучшилъ во время чтенія лекцій въ университетѣ. Въ академіи онъ читалъ пространно и въ безпорядочномъ видѣ о миѳологіи въ связи съ очерками христіанскаго міросозерцанія; потомъ выдѣлилъ послѣдній вопросъ и разработалъ особо. в) Очерки народнаго міросозерцанія, которые посылалъ въ 1860 году въ „Русское Слово“. г) Лекціи двѣ-три посвятилъ на сообщеніе свѣдѣній о земскихъ соборахъ и особенно долго остановился на соборѣ 1642 г. по дѣлу объ отдачѣ Азова Турціи. Наконецъ, д) Объ областяхъ въ смутное время читалъ въ разные періоды отрывками; началъ онъ эти лекціи любимымъ своимъ изображеніемъ, какъ царевна Ксенія Годунова сидѣла у косящата окна, блистая своей красотой, и распѣвала жалобныя пѣсни; читалъ онъ это описаніе съ большимъ восторгомъ и со слезами на глазахъ.

Въ каникулы 1859 г. я навѣстилъ Щапова, который сидѣлъ взаперти, весь обвязанный полотенцемъ, и лечился въ теплой комнатѣ; въ квартирѣ его я нашелъ еще болѣе безпорядка и неряшества, чѣмъ прежде, а соловецкихъ рукописей биткомъ было набито во всѣхъ углахъ. Я бралъ у него для справокъ нѣсколько рукописей и долго бесѣдовать съ нимъ опасался, видя его тяжелое болѣзненное состояніе; впрочемъ, и въ это время онъ занимался упорно, съ утра до полночи, надъ разработкою вопроса о колонизаціи сѣверо-восточнаго края. Я. Г. Рождественскій посѣтилъ Щапова въ слѣдующемъ

году, когда онъ былъ уже приглашенъ приватно въ университетъ, хотя жилъ все еще въ академическомъ флигелѣ, и вотъ что пишетъ: „Въ квартирѣ его я нашелъ страшную грязь и пыль; на полу въ залѣ нававенъ былъ въ углу цѣлый ворохъ „Полн. Собранія Законовъ Рос. Имп.". Аѳанасій Прокофьевичъ принялъ меня какъ товарища; мы разговорились съ нимъ о предметѣ общихъ нашихъ занятій—объ исторіи; указывая на груду „Собранія Законовъ", онъ замѣтилъ: „Вотъ главный, неисчерпаемый и ничѣмъ незамѣнимый источникъ для русской исторіи". Потомъ онъ перешелъ къ своему взгляду на смыслъ древней русской исторіи и доказывалъ, что Русь стремилась къ федераціи, что федерація есть единственная плодотворная форма народной жизни. Въ заключеніе Щаповъ просилъ меня заняться отыскиваніемъ и собираніемъ въ Вяткѣ мѣстныхъ памятниковъ, преданій и народныхъ пѣсенъ".

Въ началѣ августа 1860 г., Нилъ Ал. Поповъ писалъ, что тогда Щаповъ трудился надъ изслѣдованіемъ исторической этнографіи Россіи и изучалъ историко-географическую основу областнаго дѣленія Великороссіи и занятъ былъ исторіей колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ сочиненій онъ послалъ для напечатанія въ „Русское Слово" и, кромѣ того, туда же отправилъ восемь статей изъ „Очерковъ легендарно-эпическаго міросозерцанія русскаго народа". Но редакторы этого журнала почему-то не заблагоразсудили ихъ помѣстить, вѣроятно, по той простой причинѣ, что вообще не любили ученыхъ статей.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы можемъ извлечь несомнѣнный выводъ, что у Аѳанасія Прокофьевича къ 1861 году накопилось въ рукописяхъ, по крайней мѣрѣ, до 15-ти большихъ капитальныхъ изслѣдованій по русской исторіи. Такими можно считать слѣдующія:

1) „Очерки славяно-русской миѳологіи".

2) „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпическаго міросозерцанія".

3) „Колонизація сѣверо-восточной Россіи".

4) „Очерки исторіи культуры".

5) „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народа".

6) „Историко-географическая основа областнаго дѣленія Великороссіи".

7) „Историко-этнографическій складъ русскаго народонаселенія".

8) „Взглядъ на расколъ и его земское значеніе".

9) „Экономическое состояніе Россіи въ старинное время".

10) „Значеніе областнаго элемента въ русской исторіи и конфедеративное устройство Россіи".

11) „Самоуправленіе народное въ древней Россіи".

12) „О древнемъ удѣльномъ періодѣ".

13) „О русскихъ земскихъ соборахъ".

14) „Великорусскія области и смутное время".

Большая часть этихъ вопросовъ подробно была изслѣдована и основательно рѣшена Щаповымъ, какъ это убѣдительно доказываетъ его „Программа исторіи русскаго народа“ и вступительная лекція въ университетѣ. Достойно сожалѣнія, что множество лекцій и разныхъ сочиненій его, приготовленныхъ до 1861 г., погибло безвозвратно отъ невниманія людскаго. Когда Щаповъ увезенъ былъ въ Петербургъ, всѣ его тетради опечатаны были въ шкафѣ, а на все оставшееся имущество предъявилъ права собственности кредиторъ и товарищъ его Я. В. Рудольфовъ. Когда послѣдній умеръ, то пріѣхалъ изъ Саратова его братъ, священникъ Рудольфовъ, забралъ изъ академической кладовой всѣ оставшіяся вещи послѣ покойника и въ томъ числѣ бумаги Щапова и уѣхалъ къ себѣ въ приходъ. Надо полагать, что всѣ онѣ давно пошли подъ пироги...

VI.

Приглашеніе Щапова временно читать лекціи въ университетѣ.—Вступительная лекція.—Увлеченія судентовъ университета.—Уровень большинства ихъ развитія въ 1860 г.—Положеніе и дѣятельность Щапова въ новой сферѣ.—Желаніе его заниматься въ Москвѣ и Петербургѣ.—Забота о современныхъ преобразованіяхъ.—Бунтъ крестьянскій въ с. Безднѣ.—Панихида по убитымъ.—Слѣдствія этой манифестаціи.—Высылка Щапова изъ Казани.

Въ 1860 году 3-го августа, исправляющій должность адъюнкта русской исторіи, Нилъ Александровичъ Поповъ, перемѣщенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія изъ Казани въ московскій университетъ на ту же должность. Передъ своимъ отъѣздомъ 10-го августа, онъ рекомендовалъ историко-филологическому факультету въ преемники себѣ баккалавра казанской духовной академіи А. П. Щапова, приблизительно въ такомъ представленіи:

„Оставляя казанскій университетъ, считаю своимъ долгомъ указать историко-филологическому факультету на г. Щапова, какъ на ученаго, который можетъ принести большую пользу гг. студентамъ, если университетъ пригласитъ его преподавателемъ на кафедру русской исторіи. Какъ ручательство въ достоинствѣ его научныхъ свѣдѣній, могу назвать здѣсь, кромѣ извѣстнаго сочиненія „Русскій расколъ старообрядства“, имѣвшаго два изданія, еще слѣдующія, помѣщенныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“: a) „О способахъ духовнаго образованія въ древней Россіи“, b) „Лука Конашевичъ“, c) „Арсеній Грекъ“, d) „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“, e) „Русская церковь въ сѣверномъ Поморьи“.

„Всѣ эти сочиненія, относящіяся преимущественно къ исторіи русской церкви, касаются многихъ сторонъ общественной и государственной жизни Россіи; а потому, кромѣ своихъ специальныхъ достоинствъ, представляютъ нѣкоторыя данныя и вообще для русской исторіи. Мнѣ извѣстно также, что г. Щаповъ посвящаетъ свои труды изслѣдованіямъ по части исторической этнографіи Россіи; такъ, онъ занятъ теперь изученіемъ историко-географической основы областнаго дѣленія Великороссіи и колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ изслѣдованій посланы имъ для напечатанія въ редакцію „Русскаго Слова", куда также отправлены еще „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпическаго міросозерцанія"; всѣхъ очерковъ восемь. Большая часть изданныхъ, а равно и всѣ неизданные труды г. Щапова внесли въ русскую историческую литературу много свѣдѣній, до тѣхъ поръ бывшихъ неизвѣстными и скрытыми въ рукописныхъ источникахъ, которые онъ первый открылъ и разработалъ.

„Но чтобы имѣть полное понятіе о томъ взглядѣ, какой имѣетъ г. Щаповъ на русскую исторію отъ ея начала до конца, необходимо предложить ему доставить въ факультетъ программу общаго курса, который бы онъ могъ прочесть въ университетѣ, въ случаѣ приглашенія его въ преподаватели. Въ духовной академіи курсъ русской исторіи дѣлится на два: курсъ церковной исторіи и курсъ гражданской. Въ университетскомъ преподаваніи такого раздѣленія быть не можетъ; и потому при разсмотрѣніи программы г. Щапова необходимо имѣть въ виду соразмѣрность обоихъ отдѣловъ относительно цѣлаго".

Историко-филологическій факультетъ 10-го сентября согласился съ представленіемъ Н. А. Попова и вошелъ съ ходатайствомъ въ совѣтъ, чтобы г. Щаповъ, извѣстный своими сочиненіями по исторіи русской церкви и неизвѣстный еще, какъ специалистъ по гражданско-отечественной исторіи и какъ педагогъ, прикомандированъ былъ къ университету сначала на одинъ годъ, въ качествѣ временнаго преподавателя, съ производстомъ ему адъюнктскаго жалованья, съ слѣдующей оговоркой: „Если г. Щаповъ окажется достойнымъ преподавателемъ русской исторіи, то, по истеченіи настоящаго учебнаго года, факультетъ будетъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о совершенномъ перемѣщеніи его на кафедру русской исторіи; въ противномъ случаѣ будетъ искать другое лицо для ея замѣщенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ факультетъ просилъ совѣтъ ускорить дѣломъ и начать преподаваніе съ разрѣшенія г. попечителя, не дожидаясь опредѣленія министра народнаго просвѣщенія.

Въ засѣданіи 17 сентября 1860 года, совѣтъ университета произвелъ баллотировку г. Щапова во временные преподаватели русской исторіи; избирательныхъ шаровъ оказалось 15, не избирательныхъ 5. Когда извѣстили о выборахъ Щапова и пригласили его

преподавателемъ на годъ, на извѣстныхъ условіяхъ,—онъ увѣдомилъ декана факультета 3-го октября, что онъ согласенъ, съ разрѣшенія начальства казанской духовной академіи, временно преподавать русскую исторію въ университетѣ и при этомъ представилъ подробную программу своихъ чтеній.

Министръ народнаго просвѣщенія прикомандировалъ Щапова къ казанскому университету 26-го октября, а 7-го ноября увѣдомилъ объ этомъ членовъ факультета исправлявшій тогда должность ректора профессоръ А. М. Бутлеровъ.

Но такъ какъ переходу Щапова въ университетъ могло воспрепятствовать начальство духовной академіи, то казанскій попечитель князь П. П. Вяземскій постарался предварительно уладить это дѣло, заручившись согласіемъ ректора Іоанна. Нужно отдать честь князю Вяземскому, что онъ скоро оцѣнилъ достоинства Афанасія Прокофьевича и сталъ въ отношенія къ нему близкія и человѣчныя.

Но вотъ пришло ожидаемое 11-е ноября, день, въ который назначена была вступительная лекція въ университетѣ Щапова; ни одна изъ большихъ аудиторій не могла вмѣстить слушателей и всѣ принуждены были перейти въ большую актовую залу. Многіе изъ студентовъ пришли слушать его съ большимъ предубѣжденіемъ и разсуждали съ пренебреженіемъ: „Что можетъ сказать путнаго семинаръ-схоластикъ?“ Но Аѳанасій Прокофьевичъ быстро озадачилъ ихъ своей величественной и вмѣстѣ простой фигурой и поразилъ новой оригинальной лекціей и вдохновенной рѣчью. Успѣхъ вступительной лекціи былъ громадный и неожиданный: попечитель, профессора, лица изъ публики и студенты пришли въ восторгъ—и зала потряслась отъ рукоплесканій. Заглавіе этой лекціи: „Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“ не знакомитъ прямо съ ея содержаніемъ, въ основаніи котораго лежало начало областности; точнѣе говоря, лекція посвящена была „обозрѣнію общинно-колонизаціонной и земско-союзной исторіи великорусскаго народа“. Вступительная лекція въ переработкѣ вошла въ статью „Великорусскія области и смутное время“. Самъ Щаповъ охарактеризовалъ предварительно вкратцѣ предметъ своей лекціи слѣдующими словами:

„Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую особную, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной государственной географической централизаціи московской,

а въ областныхъ лѣтописяхъ раздастся самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ собиранія русской земли".

„Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ сборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству втеченіе всего XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій; онъ возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. под.

„И мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи!.."

Лекція представляла мастерской очеркъ и совершенно самобытный обзоръ исторической русской жизни съ древняго времени до освобожденія крестьянъ. Но не однимъ богатствомъ и новостью мыслей, не одной самостоятельной разработкой и по мѣстамъ художественнымъ изложеніемъ и прочувствованнымъ пересказамъ лекція Щапова произвела потрясающее дѣйствіе на студентовъ: большинство изъ нихъ очарованы были необычайной энергіей и силой убѣжденія доцента, его свободой и независимостью воззрѣній и живымъ энтузіазмомъ. Послѣ вступительной лекціи, нѣкоторые изъ студентовъ-филологовъ отправились къ Щапову на квартиру въ академію засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и выразить удовольствіе по поводу первой лекціи. Онъ встрѣтилъ ихъ въ пол-пьяна, хотя (уже выспавшись, и остался весьма доволенъ, что они пришли къ нему на поклонъ. „Съ этихъ поръ, говоритъ юный тогдашній слушатель, г. Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улечься... Пока онъ занималъ каѳедру русской исторіи, онъ царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; когда онъ читалъ лекціи, всѣ аудиторіи пустѣли, городская публика стремилась послушать „знаменитость" на каѳедрѣ, какъ сбѣгается слушать „знаменитость" на сценѣ.. Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Щаповѣ, а о студентахъ и говорить нечего: они ходили какъ ошалѣлые отъ восторга [1])".

---

[1]) См. подробности о первой лекціи Щапова въ сборникѣ „Первый Шагъ". Каз. 1876 г., стр. 404—413.

Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченіе студентовъ университета Щаповымъ было искреннее; но оно отзывается дѣтствомъ, искусственностью и какимъ-то кокетствомъ съ наукой. Они восторгались и носились съ своими собственными фантазіями больше, чѣмъ стремились на лекціи русской исторіи съ задушевнымъ желаніемъ—изучать судьбы своего отечества. Поэтому, дѣйствительно, къ нимъ очень идетъ выраженіе: „ходили какъ ошалѣлые отъ восторга"..

Студенты академіи не только не доходили до такого одурѣнія, какое изображаетъ первокурсникъ, отъ лекцій Щапова, но даже относились къ лучшимъ его изслѣдованіямъ критически и задавали ему частыя головомойки и за непосѣщеніе лекцій, и за ихъ чтеніе небрежное. Тогдашніе студенты университета стояли ниже по развитію сравнительно съ студентами академіи. И это не предположеніе или предубѣжденіе, а несомнѣнный фактъ, подтверждаемый многими, не исключая и самихъ университетскихъ студентовъ прежняго времени.

Многіе изъ нихъ не читали солидныхъ сочиненій, на лекціи необращали никакого вниманія и только усердно занимались размноженіемъ списковъ секретной литературы. Имъ нужны были обаятельныя и раздражающія фразы, какими тогда прославился профессоръ кіевскаго университета П. В. Павловъ. Получивъ подробныя свѣдѣнія о характерѣ его чтеній, очаровательныхъ для кіевскихъ слушателей,—студенты казанскіе рѣшились залучить его къ себѣ и писали ему коллективное письмо, приглашая на каѳедру русской исторіи. Очевидно, эти верхогляды не могли обратить вниманія на талантливаго труженика—Щапова, будто бы потому, что „извѣстность и популярность этого ученаго были еще незначительны". Правда, Щаповъ занимался въ академіи серьезно наукой и не могъ прославиться, какъ задорный публицистъ, не рискуя потерять уваженіе духовныхъ студентовъ; но зато многіе профессоры и дѣльные студенты университета хорошо знали его, какъ отличнаго преподавателя русской исторіи, даровитаго ученаго и самостоятельнаго изслѣдователя старины. Къ тому же онъ ежегодно печаталъ сочиненія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ интереснѣе и замѣчательнѣе: надо только удивляться, какъ не знали студенты его живой и современной рѣчи о несвободныхъ людяхъ! Серьезные студенты университета не только давно знали Щапова, но постоянно ходили къ нему еще съ 1857-го года съ цѣлью поучиться, побесѣдовать о своихъ занятіяхъ или воспользоваться совѣтомъ насчетъ сочиненія; особенно часто навѣщали его студенты изъ сибиряковъ и всѣхъ онъ принималъ радушно. Если же Щапова не знали, то это были какіе-нибудь наивные первокурсники и юные мечтатели, цѣнившіе людей по фразамъ, или студенты, погруженные совсѣмъ въ рѣзаніе кадаверовъ.

Изъ „Воспоминаній казанскаго студента" ясно видно, какая ничтожная была подготовка у студентовъ, которые не могли понимать лекціи по „энциклопедіи законовѣдѣнія" и даже не въ состояніи

были отличать субъектъ отъ объекта [1]). Пропитанные своими фантастическими планами и мечтами, они замышляли ввести прелестный строй въ Россію и водворить небо на землѣ; а между тѣмъ, при отсутствіи запаса знаній и самой малой опытности, они очутились въ рукахъ ловкихъ поляковъ передъ повстаньемъ, какъ восковыя куклы.

Вотъ что пишетъ Я. Г. Рождественскій о бесѣдѣ своей съ бывшимъ слушателемъ Щапова, который припомнилъ о времени своего образованія:

„Берви былъ студентомъ казанскаго университета, когда читалъ лекціи Щаповъ, и хотя слушалъ математическія науки, но посѣщалъ и лекціи его, и бывалъ у него на квартирѣ. О характерѣ чтеній Аѳанасія Прокофьевича Берви замѣтилъ, что дикція его была чрезвычайно плоха, но онъ увлекалъ студентовъ неслыханной своей откровенностью, искренностью и смѣлостью, говорилъ открыто о лицахъ и событіяхъ все, что самъ зналъ. Разъ въ концѣ чтенія онъ заявилъ, что на слѣдующей лекціи станетъ говорить о декабристахъ. Само собою разумѣется, что 7-я аудиторія къ назначенному часу была биткомъ набита; едва успѣлъ Щаповъ взойти на каѳедру, растворилась дверь, вошелъ помощникъ попечителя Тихомандрицкій и занялъ мѣсто. Наступила мертвая тишина... Лекторъ при неожиданности немного растерялся: досталъ изъ кармана бумажку, на которой написанъ былъ конспектъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять положилъ въ карманъ; потомъ опять вынулъ конспектъ и тотчасъ заявилъ, что лекція его имѣетъ предметомъ исторію декабристовъ... Онъ началъ говорить съ такою свободой и о такихъ подробностяхъ, какъ будто дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ между близкими пріятелями; эту лекцію Щаповъ заключилъ стихами:

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной родится мощный родъ:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ!

„Восторженный взрывъ рукоплесканій и криковъ пронесся словно буря съ трескомъ и гуломъ и проводилъ смѣльчака-доцента.

„Эта-то искренность, по словамъ Берви, подкупала къ нему молодежь, заставляла ее съ удивленіемъ и восторгомъ слушать лекціи. Но и помимо лекцій, Щаповъ привлекалъ студентовъ простыми и добрыми свойствами своей натуры; въ отношеніи студентовъ у него никогда ничего не было завѣтнаго и тутъ онъ вправѣ могъ бы приложить къ себѣ выраженіе Василія Буслаева: „Кто хочетъ пить и есть готовое, валися къ Васькѣ на широкій дворъ"!..

Въ квартиру къ нему былъ свободный доступъ для всѣхъ студентовъ безъ исключенія; каждый изъ нихъ могъ у него ѣсть, пить, брать книги, вызывать хозяина на разговоръ и споръ. Берви пом-

[1]) „Первый Шагъ", стр. 384—5, 388, 404.

нить, какъ Щаповъ продалъ Дубровину 2-е изданіе книги „Расколъ старообрядства", кажется, за двѣ тысячи рублей. Эти деньги быстро пошли въ дѣло: втеченіе нѣсколькихъ недѣль у Щапова безвыходно хозяйничали студенты и самъ онъ не ходилъ на лекціи, пока не исчезли всѣ деньги. Берви прибавилъ, что „въ его время между студентами было очень много совершеннѣйшихъ мальчишекъ по умственному и нравственному развитію, которые не имѣли понятія о нравственной деликатности; они безцеремонно осаждали Щапова, ужъ конечно не ради любознательности, а съ цѣлями другаго сорта"...

По словамъ Берви, лекцій за Щаповымъ никто не записывалъ, да и едва ли возможно было это сдѣлать, по причинѣ несносной дикціи его, а самъ онъ лекцій не выдавалъ; поэтому удивительно, какъ и по чему бы стали студенты приготовлять къ экзаменамъ лекціи по русской исторіи.

Наконецъ, Берви сообщилъ слѣдующій интересный фактъ: когда студенты университета восторгались Щаповымъ, чуть не распинаясь передъ нимъ во время свободныхъ и смѣлыхъ лекцій, — студенты академіи были весьма недовольны имъ: они упрекали его въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу, выставляли на видъ, что онъ, вмѣсто научныхъ изслѣдованій, какъ мальчикъ гоняется за либеральными фразами...

Такіе справедливые упреки студентовъ академіи глубоко раздражали его, сбившагося съ прямой своей дороги, и шевелили безцеремонно боль его сердечную, отъ которой лекарство и отраду онъ сталъ искать въ кругу своихъ поклонниковъ—студентовъ университета. Съ ними онъ исключительно бесѣдовалъ о широкихъ планахъ современнаго устройства отраслей государственнаго управленія Россіи, переработки всего юридическаго и экономическаго порядка и улучшенія народной жизни. Крестьянская реформа наэлектризовала Щапова до послѣдней степени, и надо было ожидать если не громоваго удара, то сильнаго треска; своимъ страстнымъ увлеченіемъ и порывистой энергіей, страшной силой убѣжденія и непреклоннаго характера, необычайной задушевностью и горячей любовью къ народу онъ электризовалъ и студентовъ. Онъ часто плакалъ и на каѳедрѣ, и дома, когда запальчиво разсуждалъ о современныхъ страданіяхъ русскаго простонародья и о его горько-слезной минувшей судьбѣ; его рѣчи въ дрожь бросали студентовъ и вызывали на глаза слезы. Вотъ почему Щаповъ явился въ ихъ воззрѣніи не только модной диковинкой для развлеченія, рѣдкимъ и рьянымъ ученымъ, но и организаторомъ будущаго прочнаго устройства нашего отечества и пламеннымъ пророкомъ народнаго благоденствія. Если бы онъ оставался въ духовной академіи, при прежнихъ основательныхъ умственныхъ работахъ, изъ него вышелъ бы современемъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ людей.

Но въ лихой, видно, часъ сдружился Афанасій Прокофьевичъ съ университетомъ, который невольно и безсознательно, съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ, при громѣ рукоплесканій, повелъ его по прямой дорогѣ къ гибели!..

Я говорю это не съ цѣлью оправдать Щапова и всю вину свалить на университетъ, но желаю только показать, что новая сфера содѣйствовала въ немъ развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное вмѣшательство въ современныя преобразованія. Я желаю разъяснить, почему Щаповъ не могъ продержаться въ университетѣ болѣе полугода. Прежде, обыкновенно, всю вину сваливали на дьявола, а теперь принято обвинять во всемъ внѣшнюю среду и обстоятельства; но въ исторіи Щапова прежде всего является причиной гибели онъ самъ, съ своимъ дикимъ нравомъ и непростительнымъ упорствомъ, а среда и настрой времени только разжигали его ребяческое сердце, кипятили и безъ того необузданную натуру.

Время появленія Щапова на университетской каѳедрѣ было критическимъ даже для опытныхъ профессоровъ русской исторіи, а не только для такого податливаго и совершенно неопытнаго молодого ученаго. Это была пора крайнихъ увлеченій русской молодежи (да и не одной молодежи!), которая вошла въ роль цѣнителя ученыхъ талантовъ и раздавателя лавровыхъ вѣнковъ профессорамъ. Громъ рукоплесканій и ѳиміамъ студенческихъ куреній оглушилъ и отуманилъ Щапова, но онъ не подозрѣвалъ, что весь этотъ мишурный блескъ и фальшивый трескъ онъ долженъ купить цѣною свободы и самостоятельности своихъ ученыхъ работъ, что теперь не самъ онъ будетъ руководителемъ занятій студентовъ, а они станутъ распоряжаться даже его выборомъ предмета для лекцій. Студентамъ тогдашняго времени, особенно множеству вольнослушающихъ недоучекъ, нужны были не ученыя лекціи, а громкія забирательныя фразы.

Молодой ученый, знавшій минувшую жизнь нашихъ предковъ, началъ сообщать на лекціяхъ очерки миѳологіи и свѣдѣнія о древне-русскомъ народномъ міросозерцаніи; но эти прекрасныя ученыя и живыя чтенія совсѣмъ не пришлись по вкусу студентамъ, потому что не били въ цѣль современнаго либерализма. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ, недолго думая, сразу порѣшили, что Щаповъ долженъ взять другой, болѣе свѣжій предметъ и читать лекціи въ уровень съ иностранной наукой, т. е. отыскивать въ прошломъ русскомъ черты европейской жизни, въ родѣ вопроса о конституціи или „Исторіи развитія революціонныхъ идей въ Россіи". Неопытный и горячій доцентъ дѣйствительно поддался на эту острую удочку и, вмѣсто научнаго изслѣдованія, вступилъ на скользкій, незнакомый ему путь современной политики и преобразованій. Впрочемъ, онъ поддался опасному искушенію не вдругъ: сперва попробовалъ не ходить въ университетъ на лекціи и не соглашался на убѣжденія студентовъ, а потомъ скоро соскучился по восторженной аудиторіи, гармонировав-

шей съ настроеніемъ его горячаго сердца. Тогда онъ сдѣлалъ уступку, хотя не вполнѣ, именно: онъ распредѣлилъ лекціи поочередно, одну взялъ для преподаванія стариннаго міросозерцанія и суевѣрія, а другую для чтенія новой исторіи въ либеральномъ духѣ. Но эта жалкая уступка, какъ и слѣдовало ожидать отъ зазнавшейся молодежи, повела скоро еще къ худшему; стали раздаваться недовольные голоса: „къ чему онъ намъ читаетъ какую-то чепуху о міросозерцаніи? Пускай онъ ее броситъ и каждую лекцію посвящаетъ современнымъ русскимъ живымъ интересамъ!..“ Тогда поднялся невообразимый гвалтъ между студентами! Начали сбираться сходки, совѣщанія и приговоры, пошли въ ходъ депутаціи съ разными предложеніями; студенты перессорились и раздѣлились на партіи, да, говорятъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ натравливалъ на Щапова одинъ изъ недоброжелательныхъ ему университетскихъ товарищей. Во время этого гама и кутерьмы, составился кружокъ независимыхъ студентовъ, которые стали доказывать, что взглядъ на исторію у Аѳанасія Прокофьевича ложный, что вся его теорія есть вздоръ и фантазія и совсѣмъ не оправдывается фактами. Долго кричали, спорили и порѣшили вызвать его на состязаніе въ частную квартиру, гдѣ кругъ студентовъ будетъ развивать его изслѣдованія, а онъ обязанъ защищать ихъ фактически. Щаповъ обѣщался явиться вечеромъ на этотъ безпримѣрный диспутъ въ толпѣ студентовъ, но почему-то не пришелъ на сходку, что постарались объяснить его ученой слабостью и опасеніемъ неудачи въ спорѣ. Всѣ эти непріятности сильно раздразнили Щапова и онъ серьезно грозилъ бросить университетъ, прекративъ тамъ чтеніе лекцій; но знакомые его студенты убѣдили не обращать вниманія на мелочныя выходки и ласково уговорили продолжать съ ними занятія. Тогда, опасаясь слишкомъ увлечься на поприщѣ свободныхъ чтеній открыто въ аудиторіи, онъ иногда въ угоду студентамъ писалъ особаго приготовленія и оттѣнка лекціи и читалъ ихъ на сходкахъ. Немудрено, что онъ, по заключеніи связи съ университетомъ, забылъ о своихъ грандіозныхъ ученыхъ планахъ и забросилъ даже тѣ знакомые пути, по которымъ прежде вѣрнымъ шагомъ шелъ къ дорогимъ умственнымъ открытіямъ.

Очевидно, эту погоню за двумя зайцами онъ не могъ не сознавать съ горечью; это раздвоеніе между наукой исторіи и между искусствомъ политики не могло не отзываться томительной тяжестью на его сердцѣ. Оставалось или взяться за умъ и идти научной прямой дорогой, или броситься очертя голову по стремнинамъ, пока столкнутъ въ пропасть. При такомъ безвыходномъ настроеніи, психическое состояніе его становилось безотраднымъ; онъ дѣлался раздражительнѣе и мрачнѣе, пробовалъ злобными и рѣзкими выходками успокоить свою душу, но напрасно... Недовольство его еще болѣе возростало отъ горькаго сознанія, что, пожиная дешевые лавры въ кругу студентовъ, самъ онъ еще далеко не доучился до прочнаго положе-

нія профессора; какъ ни слѣпила ему глаза блестящая слава, онъ хорошо могъ разглядѣть крайнюю односторонность собственнаго образованія. Такой двойной мучительный гнетъ заставлялъ его чаще бросаться въ омутъ пьянства, чтобы какъ-нибудь заглушить давящую его тоску и досаду...

Сознавая нѣкоторые изъ своихъ недостатковъ и желая многому поучиться, Щаповъ сильно стремился въ Москву и Петербургъ для занятій; поэтому сталъ хлопотать въ университетѣ о командировкѣ его и 12-го апрѣля подалъ факультету прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Осмѣливаюсь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ командировать меня, на предстоящее вакантное время, въ Москву и С.-Петербургъ для наиболѣе полной научной подготовки къ преподаванію русской исторіи въ казанскомъ университетѣ.

„Поѣздку въ столицы я нахожу крайне необходимою. Не получивъ университетскаго образованія и не слушавъ исторіи въ русскихъ университетамъ, я считаю полезнымъ познакомиться съ другими профессорами русской исторіи, какъ напр., Соловьевымъ, Костомаровымъ и съ ихъ практическимъ методомъ преподаванія.

„Для этой же цѣли мнѣ крайне необходимо заняться—въ Москвѣ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, извлечь, что найду нужнымъ, изъ библіотекъ московскихъ: университетской, академической и другихъ; въ Петербургѣ главнымъ образомъ заняться въ публичной библіотекѣ и въ археографической коммиссіи.

„Такъ какъ давно слышно, что публичная библіотека въ Петербургѣ будетъ скоро закрыта по случаю перестроекъ, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить командировать меня въ поѣздку тотчасъ по открытіи навигаціи, если это будетъ признано нужнымъ“.

Но командировка эта не могла состояться, потому что въ концѣ того же мѣсяца Щаповъ высланъ былъ изъ Казани на казенный счетъ, помимо распоряженій университетскаго начальства, и долженъ былъ навсегда распроститься съ должностью профессорской. Опасная игра, которую онъ повелъ въ современные вопросы со студентами университета, при его вспыльчивомъ и упорномъ нравѣ, постепенно развивалась съ усиленнымъ азартомъ. Какъ фанатикъ своихъ убѣжденій, онъ привыкъ высказывать ихъ не стѣсняясь; если бы даже грозили ему страданія за откровенность, онъ не посмотрѣлъ бы на нихъ, а только закалился бы въ своемъ стремленіи. Вотъ представился случай показать силу своего убѣжденія и явиться передъ студентами героемъ новыхъ идей—и онъ не задумался передъ страшнымъ прыжкомъ, сгубившимъ благосостояніе всей его жизни и разцвѣтъ его умственной дѣятельности. Такъ минутное торжество безцѣльной политики убило на-поваль развитіе науки!

Примкнувъ къ университету, Аѳанасій Прокофьевичъ во всѣхъ своихъ лекціяхъ и статьяхъ старался проводить идеи о современныхъ

преобразованіяхъ и стать публицистомъ. Въ Казани онъ уже выработалъ полно и широко свой цѣльный взглядъ на историческое движеніе русской жизни и выразилъ его въ „Ученой бесѣдѣ", которую читалъ въ частномъ собраніи студентовъ университета 1861 г. Идеи и планъ ея тѣ же, какія развиты имъ въ другихъ сочиненіяхъ, только въ „Ученой бесѣдѣ" ведется вопросъ о правильной постановкѣ современныхъ реформъ на древне-русскихъ началахъ.

„Клянусь, писалъ онъ, безъ основательнаго, жизненнаго пониманія исторіи нашего народа, безъ историческаго и историко-этнографическаго самосознанія, мы вдругъ не создадимъ полной реформы, которая обошлась бы безъ бунтовъ, удовлетворила бы всему народу или, вѣрнѣе, всѣмъ народамъ... Напрасно мы будемъ льстить себя надеждой создать что-нибудь новое или поддерживать отжившее, наперекоръ историческимъ основаніямъ; даже геніальное творчество, равно какъ и самая фанатическая любовь къ старинѣ, должны волей-неволей подчиниться закону исторической послѣдовательности... Наперекоръ исторической организаціи и жизни нашего народа, мы не создадимъ ничего прочнаго, новаго, не улучшимъ вдругъ быта нашего народа,—многое даже можемъ испортить, какъ и были уже опыты въ нашей исторіи. Мы только, при лѣнивомъ и во многихъ отношеніяхъ еще непочатомъ изученіи бытовой, внутренней исторіи нашего народа, мы только не знаемъ еще тайны потребностей, инстинктовъ, желаній вѣковыхъ исканій нашего народа. А народъ выразилъ ихъ уже въ своей прожитой исторіи, выразилъ нестройно, нескладно, только лишь естественно, потому что не доставало искусственности и раціональности, той европейской раціональности, какую долженъ былъ внести въ Россію Петръ Великій. Онъ внесъ это вспомогательное, существенно необходимое, начало нашей новой исторической жизни. Оно, хотя и сквозь уродливыя, нестройныя историческія формы конца XVII и начала XVIII столѣтія, но внеслось, внѣдрилось въ нашу жизнь и дало ей европейское направленіе. И значеніе Петра тѣмъ кончено...

„Для Россіи настанетъ пора новаго историческаго, разумно-сознательнаго бытія! И вотъ почему, мнѣ кажется, въ наше время особенно необходимо всестороннее и глубокое историческое самосознаніе наряду съ современнымъ политическимъ самосознаніемъ. Великая всенародная реформа народнаго самоуправленія тогда только удовлетворитъ всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ народовъ, населяющихъ Россію, тогда только мирно водворится въ русской землѣ, когда будетъ плодомъ нашего всесторонняго и глубокаго историческаго самопознанія и будетъ согласоваться съ историческимъ духомъ и характеромъ народа. А безъ всесторонняго историческаго самопознанія невозможно глубокое политическое самосознаніе народное; слѣдовательно невозможно правильное и естественное удовлетвореніе всѣхъ его высокихъ, обширныхъ и разнообразныхъ потребностей, развившихся

втеченіе исторіи. Вотъ почему въ наше время жизненно необходимо глубокое и всестороннее изученіе исторической организаціи древней Россіи столько же, какъ и изученіе новой Россіи. Послѣдняя органически связана съ древней. Элементы древняго быта Россіи еще глубоко коренятся во многихъ слояхъ нашего современнаго общественнаго слоя... Недаромъ ученые и поэты молодой Россіи съ особенной симпатіей уносились въ міръ древней Россіи...

И вотъ, при такихъ мирныхъ думахъ, когда Щаповъ пугался кровавыхъ сценъ при введеніи преобразованій, вдругъ недалеко отъ Казани возникли волненія по случаю освобожденія крестьянъ.

Когда манифестъ 19-го февраля 1861 г. разосланъ былъ по провинціямъ и проникъ въ массы народныя по селамъ и деревнямъ, тогда возникло много недоразумѣній между крестьянами. Каждаго грамотнаго человѣка заставляли читать и толковать непонятныя мѣста, которыхъ встрѣчали весьма много. Естественное дѣло, что крестьяне охотнѣе вѣрили тѣмъ толкователямъ, которые болѣе обѣщали льготъ и выгодъ имъ, въ ущербъ помѣщиковъ; извѣстно, какъ за настоящее прямое толкованіе манифеста мужики сильно отколотили по шеѣ покойнаго П. И. Якушкина, будто онъ не смыслитъ въ этомъ дѣлѣ; ясно, что у нихъ складывались собственныя своеобразныя объясненія. Къ тому же ожиданіе полной чистой воли отъ государя императора смѣнилось недовѣріемъ къ манифесту, въ которомъ говорилось о срочномъ обязательномъ выкупѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ. Явилось по мѣстамъ подозрѣніе, что настоящая золотая царская грамота спрятана помѣщиками и подмѣнена ими другою—фальшивою, составленною въ ихъ выгодахъ. По поводу этихъ слуховъ возникали сильныя недоразумѣніи и волненія въ Пензенской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ; но самый выдающійся бунтъ разгорѣлся въ с. Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. Тамъ раскольничій начетчикъ, Антонъ Петровъ (по другимъ показаніямъ—Варсонофій), воспользовался недоразумѣніями между помѣщикомъ и крестьянами, сталъ во главѣ движенія недовольныхъ и еще болѣе подзадоривалъ ихъ къ упрямству и неповиновенію. „Земля Божья, твердилъ онъ, а человѣка Богъ поставилъ надъ дѣлы руку своею, владать землей, водой, звѣрями лѣсными и рыбами морскими. Господа противъ закона Божія хотѣли отбить землю у народа; земля Божья и душа Божья!..“ Собрались войска для усмиренія бунтовщиковъ; Антонъ Петровъ вышелъ къ народу со старой иконой на груди, сталъ на возвышеніе и убѣждалъ не сдаваться, а стоять за правду, какъ одинъ человѣкъ; на это зрѣлище стеклось множество любопытныхъ крестьянъ изъ окрестныхъ селъ взглянуть, чѣмъ кончится дѣло. Начались увѣщанія и убѣжденія; безоружная толпа стояла на своемъ упорно и отвѣчала отказомъ на приглашеніе разойтись; предъявили требованіе, чтобы крестьяне выдали Антона Петрова, какъ главнаго зачинщика бунта, но они не согласились. Сдѣланъ

былъ залпъ изъ ружей — и сразу пало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ; тогда толпы народа въ ужасѣ бѣжали въ разныя стороны и бросились черезъ рѣчку, гдѣ многіе потонули второпяхъ, потому что весенній хрупкій ледъ ломался подъ ними.

Когда получена была въ Казани грустная вѣсть о несчастномъ бездниискомъ происшествіи, горькое и тяжелое впечатлѣніе произвела она, особенно въ кругу студентовъ, а Щаповъ впалъ въ страшное волненіе и плакалъ навзрыдъ объ убитыхъ невинно крестьянахъ, называя ихъ страдальцами и мучениками. Виновникомъ избіенія считали неумѣлое начальство, которое не могло говорить и убѣдить простодушныхъ и непонимающихъ людей. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ рѣшено было произвести манифестацію, т. е. отслужить торжественную панихиду по невинно убитымъ въ с. Безднѣ, а Щаповъ вызвался приготовить и сказать приличную случаю надгробную рѣчь. Панихида отслужена была послѣ вечерни въ вербное воскресеніе, 16-го апрѣля, въ Куртинской городской кладбищенской церкви, а 17-го апрѣля разстрѣляли въ селѣ Безднѣ Антона Петрова. Вотъ подробности, какія сообщаетъ П. В. объ этой панихидѣ, какъ видно, весьма вѣрныя и точныя:

„Народу собралось очень много, преимущественно учащейся молодежи—университетскихъ и академическихъ студентовъ. Богослуженіе отправлялось соборне: двумя священниками и іеромонахомъ, въ сослуженіи діакона и іеродіакона [1]). На краткихъ ектеніяхъ и возгласахъ священнослужители поминали „рабовъ Божіихъ, во смятеніи убіенныхъ“. На клиросѣ пѣли студенты академіи и университета, а вѣчную память пропѣли всѣ присутствовавшіе въ церкви молельщики. По окончаніи панихиды А. П. Щаповъ, взойдя на амвонъ, окруженный студентами, взволнованнымъ голосомъ произнесъ краткую, но весьма одушевленную и содержательную рѣчь, въ которой коснулся печальной бездиинской исторіи. Эта рѣчь, произведшая на слушателей сильное впечатлѣніе и потомъ ходившая во множествѣ списковъ, и погубила энтузіаста-профессора... Что же касается до служившихъ панихиду священнослужителей, то по распоряженію начальства кладбищенскій священникъ былъ переведенъ въ другой приходъ гор. Казани, а дьяконъ вовсе лишенъ былъ мѣста; студенты же академіи, священникъ, іеромонахъ и іеродіаконъ, принимавшіе участіе въ богослуженіи, разосланы были по разнымъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ, монастырямъ“ [2]).

Когда нужно было препроводить Щапова въ Петербургъ, попечитель князь Вяземскій, опасаясь волненій студентовъ при его отправкѣ съ жандармами, убѣдилъ доцента ѣхать изъ Казани для оправда-

---

[1]) Священникъ, іеромонахъ и іеродіаконъ были студентами академіи.

[2]) „Къ біографіи А. П. Щапова“, „Древн. и Нов. Россія“, 1876 г., № 9, стр. 104. Іеродіаконъ Мелетій сосланъ въ миссію въ Восточную Сибирь.

нія передъ высшими властями, не дожидаясь ареста. Щаповъ съ уваженіемъ относился къ Вяземскому и охотно согласился на его предложеніе; студенты завезли его къ фотографу и сняли портретъ, а 29-апрѣля, въ субботу на Пасхѣ, онъ двинулся въ путь. Было свѣтлое весеннее утро и толпы студентовъ академіи и университета пришли его проводить; они биткомъ набили его квартиру, корридоръ, сѣни и крыльцо академическаго флигеля. Прощаніе было трогательное и Щаповъ плакалъ горькими слезами. Часть студентовъ разсѣлась по лодкамъ и изъ Подлужной слободы проводили его по разливу р. Казанки до самой пароходной пристани. Несмотря на вспрыскиванія и распѣванія, тяжелы были эти проводы: каждаго томила завѣдомо-горькая доля молодаго задушевнаго человѣка и даровитѣйшаго ученаго, который такъ мало царилъ въ университетѣ.

Грустная, надрывающая пѣсня, приспособленная къ случаю, далеко разносилась изъ груди студентовъ и замирала надъ воднымъ широкимъ раздольемъ:

„Вверхъ по Волгѣ рѣкѣ, къ Нижню городу
Снаряженъ стружокъ какъ стрѣла летитъ;
А на томъ стружкѣ, на снаряженомъ,
Удалыхъ гребцовъ двадцать два сидитъ.
Вотъ одинъ изъ нихъ, добрый молодецъ,
Призадумался, пригорюнился?“...

Жесткій практическій отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ на другой день, 30-го апрѣля. Переодѣтые жандармы не тревожили Щапова до самаго Нижняго-Новгорода; здѣсь, по выходѣ на берегъ съ парохода, нижегородскій полиціймейстеръ приказалъ его арестовать и препроводилъ съ жандармами на перекладныхъ до Москвы.

„Отлично и весело доѣхалъ до Петербурга“, разсказывалъ онъ мнѣ потомъ съ улыбкой; „жандармскій офицеръ былъ прекрасный человѣкъ; мы съ нимъ дорогой выпивали по маленькой и разсуждали о научныхъ историческихъ вопросахъ; онъ разсказывалъ мнѣ, какія мѣстности встрѣчались на пути и чѣмъ замѣчательны, а я велъ путевыя записки о судьбѣ старинныхъ областей, по которымъ проѣзжалъ“. Дѣйствительно, эти наброски, пополненные въ клиникѣ, онъ читалъ мнѣ, и потомъ передѣлалъ ихъ въ большую статью, въ родѣ радищевскаго „Путешествія изъ Москвы въ Петербургъ“. Но объ этомъ скажу въ свое время.

Въ маѣ 1861 г. пріѣхалъ въ Казань И. Г. Бибиковъ для производства слѣдствія надъ студентами университета, которые принимали участіе въ панихидѣ; но они единогласно отказались отъ присутствія на кладбищѣ и всю вину свалили на студентовъ академіи. Изъ синода присланъ былъ въ академію для разъясненія дѣла особый слѣдователь; бывшіе при панихидѣ духовные студенты честно и откровенно дѣлали показанія на судѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, виновные въ соучастіи съ Щаповымъ, были выгнаты изъ заведенія.

VII.

Аѳанасій Прокофьевичъ въ Петербургѣ подъ арестомъ.—Освобожденіе его и причисленіе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.—Описаніе путешествія его изъ Казани въ сѣверную столицу.—Знакомство его съ литераторами.—Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго.—Отношенія Щапова къ современнымъ лицамъ и событіямъ: Герценъ, петербургская жизнь, польскій вопросъ, земскія учрежденія и проч.—Непріятныя отношенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ и отчисленіе Щапова.

Привезенный въ Петербургъ, Аѳанасій Прокофьевичъ посаженъ былъ въ III Отдѣленіе. „Отличная комната,—хвалилъ онъ потомъ на свободѣ,—высокая и свѣтлая, въ три большихъ окна; а чистота такая, какой у меня не было въ квартирѣ (еще бы!)... Свои „Путевыя замѣтки“ я смялъ въ комокъ, подрѣзалъ край тюфяка и заложилъ туда, а отъ скуки продолжалъ писать“... Здѣсь все допрашивали Щапова, кто былъ на панихидѣ изъ студентовъ университета, но онъ отозвался незнаніемъ ихъ, потому что и лекцій не пришлось тамъ читать полгода. Вскорѣ изъ III Отдѣленія по болѣзни перевели его въ офицерское отдѣленіе клиники профессора Заблоцкаго-Десятовскаго. Находясь тамъ мѣсяца полтора, онъ продолжалъ набрасывать свои „Путевыя замѣтки“ и занялся обработкой своихъ академическихъ лекцій о великорусскихъ областяхъ и смутномъ времени. Но у него еще появилась работа, которая вызвана была ходомъ его дѣла, когда изъ клиники онъ попалъ въ III Отдѣленіе: изъ уваженія къ таланту Щапова, взглянули на его казанскую выходку, какъ на увлеченіе молодости, и вмѣсто слѣдствія приказали написать подробное откровенное объясненіе, почему отслужена панихида, кто участвовалъ и т. п. Вотъ онъ и сталъ писать свою записку съ изложеніемъ исторической судьбы русскаго простонародья. Изобразивъ подробно прежнюю силу и значеніе народа въ исторіи Россіи, его права и участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ коснулся выборнаго самоуправленія и земскихъ соборовъ; потомъ нарисовалъ картину постепеннаго приниженія народа, отнятія правъ и участія въ распоряженіи своими дѣлами, постепеннаго закрѣпощенія, тяготѣнія надъ нимъ боярина и чиновника и вообще горько-слезной его жизни. Въ тяжелую пору жизни народъ выражалъ свой протестъ противъ насилія, но по непониманію чиновники такимъ жалобамъ придавали значеніе волненій и бунтовъ. Бездкинскій бунтъ тоже произошелъ по недоразумѣнію и въ немъ, Щаповѣ, возбудилъ искреннее горе: самъ по происхожденію изъ крестьянъ, онъ взглянулъ на убитыхъ, какъ на невинныхъ страдальцевъ, и рѣшился почтить ихъ память панихидой. Участвовавшихъ лицъ при служеніи изъ студентовъ онъ никого не

помнитъ, и въ заключеніе чистосердечнымъ образомъ признавалъ свою вину и заявлялъ полное расканіе.

Написанная горячо и задушевно объяснительная записка подана была шефу жандармовъ, понравилась искренностью, и Щаповъ безъ суда и слѣдствія былъ прощенъ, взятъ на-поруки тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ, который хотѣлъ устроить прочно судьбу Щапова, чтобы онъ не покидалъ занятій по русской исторіи и могъ идти по широкой дорогѣ. Онъ назначилъ его чиновникомъ министерства по дѣламъ раскольничьимъ, далъ на первый разъ 600 рублей жалованья въ годъ и лично объяснилъ ему, что онъ можетъ свободно заниматься любимыми и полезными для него работами, не стѣсняясь никакими служебными обязанностями.

Въ видѣ наказанія за необдуманный поступокъ, Аѳанасія Прокофьевича велѣно было выдержать подъ арестомъ при полиціи двѣ недѣли. Когда Щаповъ жилъ еще въ Казани, началъ посѣщать его въ 1859 г. извѣстный ученый юристъ П. А. Мулловъ, который встрѣтилъ его первый случайно на Невскомъ, по выходѣ на свободу. Прибывъ въ іюлѣ 1861 г. въ Петербургъ, въ августѣ, я встрѣтилъ своего товарища по академіи, Т. А. Г., который сообщилъ мнѣ, что Щапова только-что освободили изъ подъ ареста, и мы направились отыскивать его. Вечеромъ нашли его помѣщеніе въ меблированныхъ комнатахъ на Владимірской улицѣ, во второмъ домѣ отъ Невскаго, и дождались пока онъ пришелъ съ П. А. Мулловымъ. Онъ былъ въ отличномъ веселомъ настроеніи духа и восторженно повѣствовалъ намъ о своихъ лѣтнихъ похожденіяхъ и о новомъ положеніи, въ которомъ очутился неожиданно. Видя, что Щапова безсовѣстно обираютъ, Мулловъ нашелъ ему квартиру въ домѣ Фридерикса, гдѣ самъ жилъ тогда, и на другой день мы перевезли его туда съ небольшимъ чемоданомъ и большимъ мѣшкомъ тетрадей и выписокъ, которыя возвратили ему изъ III Отдѣленія. Въ это время онъ чувствовалъ себя прекрасно, далъ полную волю своей фантазіи, что онъ весьма доволенъ, очутившись на жительствѣ въ Петербургѣ, мечталъ, какъ онъ теперь возьмется за разработку новыхъ матеріаловъ для русской исторіи, съ какой быстротой онъ поглотитъ драгоцѣнныя, разнообразныя и многочисленныя дѣла по расколу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и проч. Всѣмъ знакомымъ онъ твердилъ, что высылка его изъ Казани такъ сильно подѣйствовала на него, что онъ совершенно измѣнился и въ три мѣсяца „выросъ и окрѣпъ въ душѣ, точно прожилъ 10 лѣтъ“.—„И это очень понятно, говоритъ его некрологъ. Изъ міра идей, въ которомъ онъ до сихъ поръ только и вращался, онъ попалъ прямо въ объятія самой суровой дѣйствительности и здѣсь опытно понялъ, что людскія отношенія въ мірѣ дѣйствительности укладываются не такъ стройно и гуманно, какъ въ мірѣ идей. Урокъ былъ суровый, но развивающій и полезный, а главное, былъ дѣйствительно не болѣе какъ урокъ“. Все это правда,

но, къ сожалѣнію, этотъ урокъ не отрезвилъ Щапова, не прибавилъ ему ни малѣйшей доли опытности и практичности, не измѣнилъ склада его ума и характера; необузданная натура его осталась совершенно прежняя и онъ, какъ дикарь, очутился въ болѣе широкомъ кругу образованнаго общества. Его арестъ только содѣйствовалъ сильному развитію недовѣрчивости и подозрительности, которыя стали проявляться въ немъ постоянно.

Водворившись въ новой квартирѣ, изъ двухъ комнатъ, въ домѣ Фридерикса, Аѳанасій Прокофьевичъ отвелъ уголокъ на полу около кровати для своей библіотеки, т. е. для мѣшка съ бумагами, и началъ разбирать ихъ; быстро выхвативъ свои скомканныя „Путевыя замѣтки“, онъ сталъ читать мнѣ изъ нихъ выдержки, а потомъ засѣлъ за ихъ обработку и видимо желалъ изъ нихъ воспроизвести новое „Путешествіе“ въ родѣ Радищева. Вышло у него нѣсколько большихъ писемъ, которыя отослалъ онъ въ Казань на память о себѣ своимъ бывшимъ слушателямъ, студентамъ университета, между которыми распространились они въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ обществу объ освобожденіи Щапова, стали появляться въ его квартирѣ издатели и литераторы: одни навѣщали смѣлаго профессора просто изъ любопытства, другіе съ цѣлью привлечь въ свой кругъ оригинальнаго писателя. Въ это время онъ познакомился съ А. А. Краевскимъ, который далъ ему впередъ денегъ и получилъ отъ него рукопись статьи „Великорусскія области и смутное время“, напечатанной въ „Отечест. Запискахъ“ 1861 г., №№ 10 и 11. Тогда онъ близко сошелся съ прежнимъ своимъ профессоромъ казанской академіи Г. З. Елисѣевымъ и редакторомъ „Искры“ В. С. Курочкинымъ. На другихъ литераторовъ, искавшихъ его знакомства, онъ смотрѣлъ недоброжелательно и подозрительно. Вообще журнальная братія въ его глазахъ стояла низко, за немногими исключеніями; особенно онъ терпѣть не могъ тѣхъ записныхъ литераторовъ, которые судили и рядили о дѣлахъ и нуждахъ Россіи, не зная и не понимая ея интересовъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ подъячими и чиновниками. „Развѣ они не такіе же борзописцы?“ говорилъ онъ язвительно. „Тѣ же безжизненные скрипачи пера! Какъ водовозныя клячи, вымучиваютъ изъ себя жалкія и ничтожныя мыслишки, просиживая надъ пустяками цѣлыя ночи. За усердіе и трудолюбіе,— прибавлялъ онъ со смѣхомъ,—и жалованье получаютъ подъяческое: за 15 строчекъ три пятиалтынныхъ“. Забавная была комедія, когда литераторы стали осаждать постоянно квартиру Щапова и навязываться на знакомство, а онъ чуть не въ каждомъ подозрѣвалъ шпіона и старался поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ!...

Въ высшей степени сообщительный по натурѣ и привыкшій къ постоянному одобренію своихъ идей и плановъ въ кругу студенческомъ, онъ нуждался въ компаніи простыхъ знакомыхъ лицъ, чтобы

подѣлиться своими замыслами, пересказать или перечитать начатую или задуманную статью, ея продолженіе и окончаніе. Отъ людей близкихъ онъ ничего не таилъ и душа его всегда была на-распашку. Но избави Богъ, если въ такія откровенныя минуты вдругъ неожиданно появлялся какой-либо непрошеный гость изъ литературнаго міра, на котораго онъ смотрѣлъ недовѣрчиво. Онъ обращался тогда съ недоумѣніемъ и съ вопросомъ къ товарищамъ: „Ну, зачѣмъ онъ отъявился? Что ему отъ меня надо? Вотъ таскается народъ отъ бездѣлья!“... Послѣ этого, иногда злостно и дерзко начиналъ допекать посѣтителя, задѣвая его личность; или же съ досадой обрывалъ разговоръ, упорно молчалъ, не отвѣчая ни на какіе вопросы случайнаго гостя. Въ обоихъ случаяхъ положеніе прибывшаго становилось невыносимымъ и онъ, разумѣется, старался скорѣе освободиться отъ незаслуженной пытки. Впрочемъ, Левъ Камбекъ съ геройской стойкостью и отвагой выдержалъ не разъ всевозможныя атаки хозяина, зато жаловалъ въ квартиру Щапова, когда ему вздумается, и приводилъ подъ личнымъ своимъ покровительствомъ гостей, не давая ихъ ни въ какую обиду.

Осенью Щаповъ сталъ приготовлять объемистое историческое изслѣдованіе „О русскомъ дворянствѣ“, которое имѣло для него современемъ непріятныя послѣдствія.

Вотъ какимъ образомъ появилось это сочиненіе. Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1861 года помѣщено было стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ „Замѣтка“, въ которомъ онъ противопоставляетъ истинную чистую свободу свободѣ безобразной и мрачной.

„Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.
Есть благородная и чистая свобода,
Возвышенной души сокровище и страсть,
Святыня,—не попретъ ея судьбы невзгода,
Враждѣ людей—ея твердыни не потрясть.
Она любовь и миръ, и благодать, и сила,
Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
Я ей не измѣнялъ, и мнѣ не измѣнила
Она: и сторожитъ домашній мой порогъ.
Я пребылъ вѣренъ ей подъ солнцемъ и подъ тучей,
Мнѣ внутренней броней она всегда была;
Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздѣ падучей,
При восходящей я не возносилъ чела.
Кто рабствуетъ страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ;
Свободу дай ему—онъ тотъ же будетъ рабъ;
Дай власть ему—въ чаду болѣзненно-мятежномъ,
Въ могуществѣ самомъ онъ малодушно слабъ.
Онъ недовѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху;
Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ:

Душой свободенъ былъ Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подчасъ;
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ—пѣшехода,
Лѣнивой нищеты—къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу—того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго—къ законному суду.

Смѣшенъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ и честь и все, что имъ сродни.
На всѣхъ сверкаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ,
И, чтобъ вѣрнѣй любовь къ свободѣ доказать,
Онъ силится смотрѣть свирѣпымъ дикобразомъ
И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! Бѣдняжкѣ неизвѣстно,
Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть,
И мнѣнья своего и убѣжденій честно
Держаться, а людей, пугая, не смѣшить.

. . . .

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
Кто свѣтелъ и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвитъ нахальной черни свистъ".

. . . .

Трудно допустить, чтобы князь Вяземскій въ этомъ стихотвореніи мѣтилъ на опредѣленную какую либо личность; но между литераторами сложилось тогда убѣжденіе, что онъ изображаетъ здѣсь Щапова, о чемъ и сообщили послѣднему знакомые. Прочитавъ стихотвореніе въ концѣ сентября, онъ не сомнѣвался, что оно написано лично на его счетъ, и воспылалъ неудержимымъ гнѣвомъ противъ Вяземскаго; послѣ приличныхъ ругательствъ на словахъ, вмѣсто предисловія, онъ тотчасъ взялся за перо, чтобы написать князю отвѣтное письмо. Помню, начиналось оно приблизительно такъ: „Хорошо вамъ, ваше сіятельство, нѣжась у камина въ мягкихъ, уютныхъ бархатныхъ креслахъ, кропать вздорные стишонки для развлеченія и въ самолюбивомъ удовольствіи награждать себя разными добродѣтелями и хвалиться благородной и чистой свободой! Хорошо вамъ, имѣющимъ досугъ и возможность хоть по пяти разъ на день призывать къ себѣ парикмахера, съ презрѣніемъ бросать грязью въ тѣхъ тружениковъ, которымъ некогда причесать голову и не на что купить кусокъ мыла! А задумывались ли вы, чего стоитъ ваша дорогая свобода, данная вамъ другими, безъ всякаго труда съ вашей стороны?" Далѣе идетъ разсужденіе, сколько тиранства испытали рабы князей Вяземскихъ, его предковъ, чтобы купить свободу потомку. Наконецъ,

вообще слѣдуетъ историческій очеркъ происхожденія и состоянія русскаго дворянства, въ жилахъ котораго течетъ кровь татарскихъ мурзъ, мордовскихъ, армянскихъ, башкирскихъ князьковъ и нѣтъ ни капли крови русской.

Когда Щаповъ прочиталъ это рѣзкое, безпощадное письмо своимъ пріятелямъ, они просили его не посылать ни подъ какимъ видомъ его къ князю Вяземскому, чтобы сразу не повредить себѣ тотчасъ послѣ освобожденія и не нажить враговъ въ средѣ крупнаго дворянства, которое особенно стало щекотливо послѣ освожденія крестьянъ. Можетъ быть, онъ не посмотрѣлъ бы на эти доводы, но ему не хотѣлось оскорбить казанскаго попечителя, котораго онъ уважалъ, сына П. А. Вяземскаго; поэтому онъ и не отослалъ письма по назначенію, а только читалъ его нерѣдко своимъ знакомымъ. Потомъ онъ придалъ ему общій характеръ, началъ развивать и дополнять свои мысли о русскомъ дворянствѣ, собралъ много историческихъ данныхъ и, такимъ образомъ, статья разрослась впослѣдствіи въ большое историческое изслѣдованіе, которое Щаповъ предназначалъ къ печати. Но въ какое изданіе онъ ни обращался съ нимъ, нигдѣ оно не было пропущено цензурой.

Много безпокойства въ то же время надѣлало Щапову одно, повидимому, ничтожное обстоятельство, которое онъ по неопытности совершенно упустилъ изъ виду, именно: забылъ формально уволиться изъ духовнаго званія. Когда кончилось слѣдствіе надъ студентами казанской духовной академіи и многимъ изъ нихъ опредѣлено наказаніе, тогда св. синодъ приговорилъ и Щапова, какъ принадлежащаго къ духовному вѣдомству и виновника панихиды на Куртинѣ, сослать въ Соловецкій монастырь на смиреніе. Много пришлось хлопотать, чтобы синодское опредѣленіе не приводилось въ исполненіе, а Щапову оно доставило сильныя непріятности и онъ совсѣмъ было сгоряча написалъ и подалъ прошенье, чтобы его сослали лучше въ Сибирь, а не въ заточеніе на Соловецкомъ „отокѣ окіана-моря“. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ приняли участіе въ Щаповѣ и доказали, что онъ, какъ прощенный государемъ императоромъ, уже не подлежитъ суду духовнаго начальства; простили ему даже взысканіе, которому онъ подлежалъ за растерянныя казенныя рукописи соловецкія, взятыя имъ изъ библіотеки казанской духовной академіи.

Для очерка воззрѣній и убѣжденій Щапова этой поры достаточно привести нѣсколько фактовъ изъ его отношеній къ современнымъ вопросамъ, лицамъ и событіямъ. Разъ зашелъ разговоръ о значеніи тайныхъ обществъ въ его присутствіи; передавали, что въ Петербургѣ учреждается такое секретное общество; онъ все время молчалъ и глубоко размышлялъ о чемъ-то. Но когда ему предложили вопросъ: не желаетъ ли онъ быть членомъ тайнаго общества? онъ высказалъ опредѣленно свой взглядъ: „Я думаю, что теперь пора тайныхъ об-

ществъ миновала; прежде они могли приносить много пользы, чему разительнымъ доказательствомъ служитъ дѣятельность Н. Ив. Новикова; ну, а въ настоящее время, кажется, можно принести болѣе пользы, оставаясь явнымъ членомъ образованнаго и дѣятельнаго общества, чѣмъ тайнымъ. Надо говорить только просто, ясно и откровенно, безъ ужимокъ, и дѣло дѣлать начистоту, отъ полноты убѣжденія". Однако, онъ скоро измѣнилъ свой взглядъ на современное значеніе тайныхъ обществъ въ Россіи, когда стали уничтожать воскресныя школы и закрыли „Шахматный клубъ".

Осенью 1861 г. Щаповъ получилъ краткое, но любезное письмо отъ А. И. Герцена и былъ весьма доволенъ имъ, такъ какъ съ уваженіемъ всегда относился къ этому даровитому русскому ученому и литератору; съ другой стороны, самое содержаніе письма было очень лестно для молодаго историка. Въ обычныхъ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ Герценъ высказывалъ удовольствіе, съ которымъ читалъ его серьезныя историческія сочиненія, и просилъ продолжать неустанно работать съ прежней глубиной пониманія минувшей жизни нашихъ предковъ. „Вашъ свѣжій голосъ, заключалъ онъ, чистый и могучій, теперь почти единственный, отрадно раздается среди разбитыхъ и хриплыхъ голосовъ современныхъ русскихъ писателей и глубоко западаетъ въ душу" и проч. Когда началась полемика М. Н. Каткова съ издателемъ „Колокола", Аѳанасій Прокофьевичъ считалъ ее лишней и безцѣльной. Нерѣдко говорилъ онъ по этому поводу, что Герценъ давно заслужилъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, какъ талантливый философъ, глубокій романистъ и остроумнѣйшій публицистъ—и не Каткову лишить его заслуженнаго значенія. Герценъ давно содѣйствовалъ распространенію свѣтлыхъ и гуманныхъ идей въ Россіи; всѣ русскіе молодые образованные люди втеченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ воспитались на его сочиненіяхъ и, кромѣ добраго, развивающаго вліянія, не испытывали никакого вреда. Какъ бы ни кричалъ Катковъ и ни усиливался забросать его грязью,—это ему не удастся: Герценъ заслужилъ благодарность своихъ питомцевъ и слава его навсегда упрочена. Личное раздраженіе и непристойная ругань московскаго профессора, обличая его безсиліе—уронить дѣла и взгляды противника, еще крѣпче убѣдятъ русскую молодежь въ справедливыхъ и гуманныхъ дѣйствіяхъ изгнанника и усилятъ вѣру въ каждое его слово. Мнѣнія Герцена объ освобожденіи крестьянъ съ землей и объ упроченіи русской общины показываютъ, что и послѣ многолѣтняго отсутствія изъ Россіи онъ не разучился смотрѣть прямо на интересы своего отечества. Разсуждая такимъ образомъ, онъ отправилъ за-границу Герцену свою статью „О русскомъ дворянствѣ", которую не пропустила петербургская цензура; а въ своихъ „Думахъ" отмѣтилъ, что онъ любитъ часто и долго смотрѣть на его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ полу-лежачемъ видѣ, облокотившись на руку, въ моментъ глубокой

задумчивости, съ грустью гражданской, давно наболѣвшей и накипѣвшей въ сердцѣ.

Бойкая и суетливая петербургская жизнь привлекала сильно вниманіе Щапова и онъ любилъ разсуждать о ней съ экономической точки зрѣнія, что она истощаетъ на прихоти плоды трудовъ недостаточныхъ классовъ общества, что доходы въ свою пользу областныхъ городовъ, при чрезмѣрной экономической централизаціи, весьма несоразмѣрны. Въ 1856 г. въ пользу 620 городовъ поступило доходовъ 11.537.607 р. сер., изъ нихъ доходы одного Петербурга составляли 3.637.385 р., а доходы 601-го города вмѣстѣ равнялись 3.650.967 р. сер. Картины соціально-экономической жизни и неравномѣрное распредѣленіе богатства въ разныхъ слояхъ общества Петербурга онъ хотѣлъ изобразить въ особыхъ очеркахъ.

Рылѣевъ, который называлъ себя гражданиномъ, а не поэтомъ, сложилъ цѣлый рядъ „думъ", выставляя силу и доблести русскихъ историческихъ дѣятелей съ древнихъ временъ; онъ привлекъ вниманіе Щапова, какъ Радищевъ, и ему захотѣлось, въ подражаніе Рылѣеву, написать тоже цѣлый рядъ своихъ историко-политическихъ думъ. Началъ онъ эту работу въ пасхальную ночь 1862 г. и первой думѣ сообщилъ названіе: „Гражданская грусть", но очерка этого не окончилъ. Между прочимъ онъ пишетъ: „И о чемъ только ни призадумаешься, на что ни взглянешь, къ чему ни присмотришься въ нашей общественной жизни—все возбуждаетъ гражданскую грусть. Вотъ идешь по Невскому проспекту, и видишь самое скоросиѣшное, безпокойное, неугомонное, вѣчно куда-то несущееся, торопящееся, рвущееся движенье самыхъ пестрыхъ рабочихъ массъ, видишь молодыхъ ремесленниковъ въ запачканныхъ, засаленныхъ, оборванныхъ халатишкахъ, ученнковъ самаго чернаго неблагодарнаго труда, слышишь невольно исторгающееся, несущееся къ публичной гласности, самое невинное, игриво пущенное словцо, наивно срывающееся съ языка молодаго парня, только-что освободившагося отъ гнетущаго труда, словцо, однако-жъ, самое жгучее, колкое глубокой правдой и самое язвительное для господъ богатыхъ... Что это такое, какъ не злая иронія рабочей нищеты и рабства противъ господскаго богатства, противъ двойнаго деспотизма—монопольнаго капитала и олигархическаго господства, преобладанья немногихъ господъ надъ огромными бѣдными массами? Что это другое, какъ не выраженіе уже сильно накипающаго, наболѣвающаго въ сердцахъ, въ крови рабочихъ классовъ инстинктивнаго чувства озлобленія и мести, которое рано или поздно неминуемо должно разразиться страшнымъ соціальнымъ переворотомъ?.. И что это такое, какъ не источникъ нашей родной грусти гражданской?!." Любимымъ предметомъ разговоровъ Щапова были повѣсти и сказанія о народныхъ возстаніяхъ, о старинныхъ разбойникахъ и о бунтахъ. Онъ часто касался вопроса о возможности повторенія подобныхъ явленій въ наше время и рѣшалъ его, смотря

по настрою душевному: то онъ боялся скораго и крупнаго мятежа, то отрицалъ даже возможность его возникновенія и развитія.

Въ Духовъ день (мая 28-го) 1862 г. начались страшные пожары въ Петербургѣ, взволновавшіе все населеніе: сгорѣли Толкучій рынокъ, Щукинъ и Апраксинъ дворы, зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, множество дровяныхъ сараевъ и проч. Жители въ страхѣ за свое имущество, а погорѣлые въ отчаяніи, стали указывать на поляковъ и студентовъ, какъ на поджигателей. Поэтому поводу Аѳанасій Прокофьевичъ припоминалъ ряды лѣтописныхъ фактовъ о старинныхъ пожарахъ, часто разсуждалъ объ этомъ явленіи и хотѣлъ написать историческій очеркъ. Замѣчательно, по его словамъ, общее явленіе, которое повторяется въ Россіи при всѣхъ большихъ пожарахъ; народъ въ страшномъ переполохѣ теряетъ голову и ищетъ причины посторонней—въ поджогахъ злыхъ людей, а не въ горючемъ матеріалѣ строеній и не въ оплошности жителей. Поучительно слѣдить за обнаруженіемъ страстей человѣческихъ въ такое тяжелое время; въ древнемъ Новгородѣ считали поджигателями воровъ и грабителей, въ Москвѣ—высшихъ бояръ изъ иноземцевъ, а въ наше время—поляковъ и студентовъ. „Гласъ народа—гласъ Божій", и доля исторической правды здѣсь существуетъ, но, разумѣется, не при каждомъ данномъ случаѣ; здѣсь надо изучать проявленіе вражды и ненависти разныхъ классовъ общества другъ къ другу. Въ Новгородѣ грабители могли и не быть поджигателями, а пользовались суматохой во время пожаровъ, врывались даже въ церкви, убивали хозяевъ имущества, снесеннаго туда для сохраненія, и грабили пожитки: „а злые люди пошли на грабежъ, все разграбили, что въ церквахъ, и сторожей убили". Пожары всегда наводили ужасъ на жителей и они выселялись изъ города вонъ, забирая пожитки, обитали въ полѣ, на лугахъ, или жили въ лодкахъ на рѣкѣ по недѣлѣ и больше; погорѣвшіе съ горя вѣрили каждому слуху и жестоко расправлялись съ подозрѣваемыми зажигателями, чему иногда не вѣрили лѣтописцы. Такъ, въ 1442 г. въ Новгородѣ „люди, отъ скорби великой и смущаемые яростью, захватили людей и обвиняли, что они тайно ходятъ и зажигаютъ городъ и людей губятъ"; бросали ихъ въ огонь или въ Волховъ съ моста. Но лѣтописецъ прибавилъ: „справедливо ли говорили, Богъ вѣсть испытанія человѣческая". Поразительный пожаръ Москвы, когда Грозный удалился на Воробьевы горы, народъ приписалъ Глинскимъ,—будто Анна Глинская выпимала сердца человѣческія, съ волшебствомъ настаивала на нихъ воду и этой водой кропила дома въ Москвѣ и произвела страшный пожаръ. Какъ могъ повѣрить такой нелѣпой молвѣ народъ? А такъ же, какъ вѣритъ теперь, что поляки поджигаютъ: Глинскихъ, этихъ литовскихъ выѣзжанъ, народъ считалъ своими злыми врагами, способными сдѣлать ему всякое лихо... Впрочемъ, Щаповъ скоро оставилъ мысль писать о петербургскихъ пожарахъ, когда услыхалъ, что объ этомъ предметѣ готовитъ статью Н. И. Костомаровъ.

По предубѣжденію, Щаповъ не любилъ великороссовъ и имѣлъ черезчуръ пристрастный взглядъ на Малороссію и на Сибирь; на послѣднюю смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейской Россіей. Такое лестное воззрѣніе лелѣялъ онъ до высылки его изъ Петербурга и передъ отъѣздомъ увѣрялъ меня по старой фантазіи, что онъ очень радъ отправиться въ Сибирь, гдѣ почва незараженная, приволье и раздолье. Но такъ какъ онъ Сибирь, Малороссію и Великороссію зналъ по книжкамъ, то и мечты его сразу разлетѣлись отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью: родной городъ его Иркутскъ показался ему адской тюрьмой, безъ образованныхъ людей, съ каторжнымъ населеніемъ, грубымъ и невѣжественнымъ.

При введеніи уставныхъ грамотъ, у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, появлялись нерѣдко недоразумѣнія, которыми хотѣли воспользоваться либеральные молодые люди, и возбуждали народъ къ волненію противъ помѣщиковъ. Они учили крестьянъ пѣть разныя вольныя пѣсни, наприм. „Долго насъ помѣщики душили, становые били“... Иногда разносили по селамъ фальшивые манифесты, подъ именемъ золотой грамоты царской, или подговаривали крестьянъ къ неповиновенію бывшимъ своимъ господамъ. Всѣ эти искусственныя средства Щаповъ считалъ дѣтскими, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что молодые полуобразованные люди совсѣмъ не знаютъ народа, и русскій простой крестьянинъ обладаетъ бо́льшимъ смысломъ, чѣмъ эти недоучки. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами крестьяне вязали своихъ благодѣтелей съ золотыми грамотами и отдавали въ руки полиціи. „Если я, говорилъ онъ, стоялъ за безднинскихъ крестьянъ, то прямо, открыто и безъ фальши; а ложь развѣ можетъ привести къ чему-либо доброму?“

Въ то время въ обществѣ ходячимъ и моднымъ былъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи; Аѳанасій Прокофьевичъ говорилъ о немъ не охотно, кажется, потому, что строго и опредѣленно не рѣшилъ его для себя; впрочемъ, онъ о полякахъ выражался всегда рѣзко, считая ихъ народомъ даровитымъ, но фальшивымъ. Когда же началось повстаніе извѣстной ночной рѣзней русскихъ солдатъ въ казармахъ поляками, онъ былъ сильно озлобленъ, предсказывалъ печальный исходъ возмущенія, а для русскихъ предвидѣлъ въ концѣ вредъ въ задержкѣ развитія нарождающихся свободныхъ учрежденій.

Когда въ повременныхъ изданіяхъ 1862 г. начали появляться письма изъ Польши и западнаго края Россіи, въ которыхъ выражался задорный тонъ и забавное самовосхваленіе, описывались неправды на счетъ русскихъ нравовъ, порядковъ и угнетеній поляковъ, тогда Щаповъ возмущался глубоко искаженіемъ истины и грубыми колкостями, особенно намѣренными историческими подтасовками. „Такая ядовитая клевета, говорилъ онъ, завѣдомая ложь и дѣтская односторонность способны оттолкнуть отъ поляковъ всякаго честнаго человѣка,

а русскій, какъ бы благосклонно ни относился къ нимъ, не можетъ ничего болѣе почувствовать, кромѣ ненависти и презрѣнія. Честные люди, хотя и угнетенные, не прибѣгаютъ къ езуитскимъ средствамъ, а могли бы жить въ любви и соединеніи, или въ конфедеративной связи".

Вопросовъ иностранной политики Россіи онъ никогда не касался и считалъ ихъ для себя совершенно чуждыми, какъ вообще всю внѣшнюю исторію; онъ высказывалъ прямо, что его задача—„слѣдить за исторіей народа, жизни народной, за проявленіемъ собственно народныхъ стремленій, инстинктовъ, исканій, дѣйствій, страданій, движеній. Пусть историки государства, правительства, централизаціи, администраціи, войнъ, подробно разсказываютъ біографіи царей, про войны крымскія, турецкія, польскія, про московскіе приказы и петербургскія коллегіи и проч., и проч. Мы хотимъ знать въ историческомъ рожденіи, ростѣ и воспитаніи нашего народа одно только то, что тяжкое перестрадалъ, перенесъ народъ, чего хорошаго, истиннаго, живаго, свободнаго хотѣлъ онъ съ-молоду, со временъ вѣчеваго младенчества... Мы посовѣтуемъ лучше молодымъ воспитанникамъ, изучающимъ русскую исторію, выучить, вмѣсто нѣсколькихъ страницъ исторіи Устрялова, Важскую или другую какую-нибудь уставную грамоту, особенно общинно-областную челобитную объ излюбленномъ самоуправленіи".

Въ декабрской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія" 1862 г. помѣщена была небольшая статейка—„Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи", въ которой сопоставлялись взгляды Щапова и Соловьева на минувшую жизнь нашихъ предковъ, доказывалось, что теорія родоваго быта Соловьева разбивается въ прахъ, а изслѣдованія Щапова на счетъ областнаго быта превосходны, что „Исторія Россіи" написана мертвымъ чиновничьимъ пріемомъ, а немногія сочиненія Щапова проникнуты жизненнымъ народнымъ началомъ. По поводу этой статейки, которая видимо ему понравилась, онъ долго бесѣдовалъ на любимую свою тему, что исторія внутренней жизни многомилліоннаго народа должна совсѣмъ уничтожить внѣшнюю исторію чиновничью, военную и проч. Соловьевъ въ своей исторіи совсѣмъ не говоритъ о народѣ и не знаетъ его многострадальной дѣятельности и великой заслуги передъ потомками; онъ въ грамотахъ и актахъ не обращаетъ вниманія, о чемъ общины крестьянскія и посадскія били челомъ, какіе у нихъ были интересы и стремленія въ данное время; а только слѣдитъ за тѣмъ, что приказали, какъ взглянули бояре и чиновники на ихъ жалобы и требованія.

Крайности изложенія внѣшней стороны жизни исторической, особенно въ подкрашенномъ видѣ, надоѣли серьезнымъ людямъ, вызывая другую крайность—трудиться единственно надъ разработкой внутренней исторіи, имѣть въ виду исключительно жизнь народную и не обращать ни малѣйшаго вниманія на формы проявленія внут-

ренняго движенія жизни, на научную разработку и критическую оцѣнку самихъ матеріаловъ.

Когда возникъ вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Россіи, Аѳанасій Прокофьевичъ желалъ, чтобы создано было самоуправленіе на основаніи духа и смысла старинныхъ русскихъ общинныхъ учрежденій и не для устройства только однихъ экономическихъ дѣлъ. Введеніе имущественнаго ценза, какъ не русскаго установленія, онъ считалъ непрочнымъ основаніемъ для созданія гражданскаго строя нашего отечества; онъ постоянно доказывалъ, что начала земскихъ общинныхъ міровъ, собраній и совѣтовъ давно практиковались русскими людьми, и пренебрегать ими будетъ большой ошибкой. Онъ, между прочимъ говорилъ приблизительно такъ:

„Историческіе корни отечественной старины съ живыми отростками, какъ бы ни были заглушены дикими чуждыми сорными растеніями, должны быть поливаемы живою водою; образованный садовникъ, основательно изучившій нашу старинную земскую дѣятельность, долженъ сознательно ухаживать за этими сочными корнями и отпрысками, очищать отъ всего наноснаго, давать просторъ свѣту, теплу и влагѣ, чтобы они развивались широко и свободно, росли стройно и укрѣплялись прочно на почвѣ земской жизни. Историческая жизнь должна развиваться органически по неизмѣнному праву и законамъ роста народнаго и тогда только принесетъ здоровые плоды“.

Онъ убѣждалъ, что земскія собранія и областные совѣты должны завѣдывать и управлять всѣми общественными дѣлами и служить для истиннаго, дѣйствительнаго благоустройства массъ народныхъ, для развитія хозяйства, образованія, правильной постановки суда и управленія. „Будучи устроены, писалъ онъ, изъ выборныхъ отъ всѣхъ деревушекъ, городовъ и областей или отъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ міровъ и мірскихъ сходокъ въ каждой областной общинѣ,—земскія собранія и областные совѣты равномѣрно распредѣляютъ по частямъ, по мѣстамъ благоустроительныя силы, средства и заботы; избиратели уполномочиваются заявлять, что̀ имъ нужно, какъ и какими силами и средствами лучше устроиться и удобнѣе удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ, прямымъ, истинно извѣданнымъ на мѣстѣ нуждамъ“. Они соберутъ точныя данныя статистическія, географическія, этнографическія и, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ опредѣлять раздѣленіе или сліяніе уѣздовъ и областей, какого требуетъ естественная жизнь народа, правильно устроить податную систему, мѣстное сельское хозяйство, развитіе образованія, поддержаніе народнаго здравія. „Далѣе, земскія собранія и областные совѣты могутъ устроить земскія думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ міровъ или отъ городскихъ и сельскихъ сходокъ, избирать излюбленныхъ головъ, старостъ, судей, надзорщиковъ за благочиніемъ и вообще—устроить излюбленный самосудъ, самоуправленіе и полицейское самоохраненіе“.

Живыя мечты Щапова о плодотворныхъ занятіяхъ въ Петербургѣ,

при богатѣйшихъ источникахъ по русской исторіи, очень быстро охладѣли и разлетѣлись въ прахъ. Съ самаго уже начала, онъ сталъ посѣщать министерство внутреннихъ дѣлъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ чиновниковъ, дѣятельность которыхъ считалъ бездушной и негодной, и возвращался всегда оттуда недовольный, сумрачный и озлобленный. Оказалось, что во время его знакомства съ съ богатымъ архивомъ по дѣламъ раскола, чиновники любили бесѣдовать съ нимъ о разныхъ сектахъ, давали множество вопросовъ, чтобы вывѣдать его воззрѣнія и узнать о складѣ убѣжденій. Такое отвлеченіе его отъ работы онъ приписывалъ не одному только простому любопытству; нѣкоторыя дѣла необходимо было взять ему для просмотра на домъ, но сначала давали ихъ ему съ какимъ-то для него непонятнымъ разборомъ. Все это для него, настроеннаго подозрительно и недовѣрчиво въ отношеніи чиновниковъ, казалось чѣмъ-то ужаснымъ; его даже сильно раздражало любезное желаніе нѣкоторыхъ искренно съ нимъ познакомиться. Случалось, впрочемъ, что немногіе изъ чиновниковъ, вызывая его на откровенный разговоръ, внутренно посмѣивались надъ прямымъ, беззавѣтнымъ образомъ мыслей и рѣзкими сужденіями, неслыханными ими; онъ крестилъ иногда безпощадно ихъ департаментскихъ дѣятелей, считавшихъ себя свѣтилами и знатоками всей широкой Россіи. Особенно не щадилъ онъ ихъ бюрократически-щекотливаго самолюбія при слѣдующемъ забавномъ случаѣ.

Разъ пришелъ Щаповъ въ департаментъ. Подошли къ нему чиновники и одинъ, вооруженный бумагами, сообщилъ, что въ Пермской губерніи появилась новая небывалая секта раскольничья, такъ что они затрудняются, къ какому разряду отнести ее, и просилъ у него разъясненія. Затѣмъ онъ сообщилъ подробно, по мѣстному отношенію и описанію, что на большой дорогѣ стоитъ зеленая ветла, а съ листьевъ ея съ самой вершины и по сучьямъ капаетъ чистая вода; на одномъ суку поставлена икона Божіей Матери, которой молятся прибывающіе богомольцы и кладутъ деньги около ветлы. Этого мало: стекаются люди во множествѣ и по вечерамъ смотрятъ на вершину дерева, увѣряя другъ друга, что явится сама Богородица, какъ многіе ее уже будто бы видали... Выслушавъ объясненіе, Щаповъ сталъ доказывать, что въ этомъ оригинальномъ происшествіи не обнаруживается никакого признака сектантства и раскольничьяго толка, и этимъ поставилъ въ-тупикъ чиновниковъ, которые продолжали настаивать на открытіи новой секты. Тогда онъ не выдержалъ и, какъ разсказывалъ мнѣ, сталъ говорить прямо, что они управляютъ судьбами русскаго народа и слѣдятъ даже за движеніями его сердечными и религіозными, а совсѣмъ не понимаютъ степени его развитія и характера воззрѣній: каждый православный крестьянинъ то же дѣлаетъ чуть не ежедневно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что наблюдали около ветлы въ Пермской губерніи. Какому-нибудь невѣждѣ или

пьяному становому приставу и исправнику можетъ влѣзть въ голову такое дикое мнѣніе, а чиновникамъ министерства стыдно и непростительно вѣрить ихъ донесеніямъ.

Аѳанасій Прокофьевичъ и раньше терпѣть не могъ офиціальныхъ безжизненныхъ сочинительствъ и бюрократическихъ лабораторій, секретныхъ для народа; а теперь и въ разговорахъ, и въ статьяхъ возставалъ противъ теоретическо-механическихъ многосложныхъ регламентацій и казенныхъ проектовъ, которыми воображали теоретики-эгоисты облагодѣтельствовать Россію, всецѣло убивая саможизненную выработку быта, свободное самоустройство и саморазвитіе жизни народной. „Пусть кабинетная, сухая, черствая, подъ-часъ даже безсердечно-холодная отвлеченность разсуждаетъ объ абстрактной государственной идеѣ и глумится надъ идеей живаго народа; но, обращаясь къ дѣйствительному государственному положенію нашихъ провинціальныхъ общинъ, провѣря лично, самоспытно, собственнымъ наблюденіемъ, дѣйствительный жалкій бытъ, дѣйствительныя нужды огромныхъ массъ народонаселенія, — мы все-таки никакъ не можемъ помирить живаго горя-злосчастья народнаго съ безжизненно-абстрактной, кабинетной государственной идеей!.. Опытъ показываетъ всю несостоятельность или неудобоприложимость централько и секретно-бюрократическаго рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ, сочиненія мѣстныхъ учрежденій... Хотя и грустная, но положительно извѣстная историческая и современная правда, что массы провинціальнаго земства почти всегда питали чувство оппозиціи, недовѣрія, антипатіи и антагонизма къ существующему бюрократическому губернско-областному управленію и приказному начальству“.— И вотъ онъ, бывало, съ досады никакъ не можетъ придумать довольно характеристическихъ выраженій для деревянныхъ бюрократовъ, по милости которыхъ несчастные провинціалы переносятъ бездну мученій, испытываютъ раззоренье, тратятъ здоровье и спокойствіе. „Въ петербургскихъ присутствіяхъ, восклицалъ онъ, валяются сотни вопіющихъ провинціальныхъ горько-слезныхъ народныхъ дѣлъ, безсердечно, безучастно переписываемыхъ бюрократическими борзописцами, скрипачами живаго горя народнаго, или недвижимо лежащихъ въ пыльныхъ связкахъ, или безъ рѣшенія сдаваемыхъ въ архивъ“. Въ декабрѣ 1861 года онъ написалъ очеркъ „О русскомъ управленіи XVIII вѣка“, гдѣ досталось сословно-корпоративному характеру дѣятельности чиновниковъ.

Съ той поры Щаповъ рѣдко сталъ заглядывать въ министерство, развѣ какое-либо раскольничье дѣло надо было взять на квартиру или получить жалованье, хотя связь его съ министерствомъ окончательно не разрывалась; но что особенно вооружило его противъ министерства, это—полная зависимость въ цензурномъ отношеніи: каждую статью, приготовленную для печати, онъ обязанъ былъ доставить прежде на просмотръ и одобреніе министерства. Тамъ выбрасывали рѣзкія мѣ-

ста въ его сочиненіяхъ, а нѣкоторыя статьи совсѣмъ не дозволяли печатать; это обстоятельство приводило его въ злость; онъ перестаалъ ходить въ министерство даже за жалованьемъ, которое присылали ему на домъ съ курьеромъ. Окончательный разрывъ произошелъ, если не ошибаюсь, изъ-за статьи „О русскомъ дворянствѣ“, которая шла въ-разрѣзъ съ цѣлями партіи журнала „Вѣсти“ Скарятина и произвела самое непріятное впечатлѣніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тогда совсѣмъ прекратили выдачу жалованья Щапову, перестали присылать его на квартиру, а потомъ пришло извѣстіе, что онъ отчисленъ отъ министерства.

Считая себя передовымъ вожакомъ, расчистившимъ историческія дороги прямоѣзжія, по которымъ должно ровно и правильно идти самоустройство и развитіе внутренней народной жизни, — Щаповъ ожидалъ, что министерство съ благодарностью воспользуется его указаніями для улучшенія быта крестьянъ. Не тутъ-то было: чиновники даже съ недовольствомъ отнеслись къ его новымъ открытіямъ и считали ихъ опасными фантазіями. А было недавно золотое время, когда сотни студентовъ восторгались новыми блестящими идеями! Поэтому въ некрологѣ совершенно справедливо объясняется причина недовольства Щапова министерствомъ перемѣною къ худшему его положенія. „Если бы Щаповъ прямо изъ духовной академіи былъ взятъ и поставленъ на эту дорогу, то, быть можетъ, онъ остался бы вполнѣ доволенъ ею, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ,—потому что она давала ему матеріалъ для работъ по русской исторіи, матеріалъ самый богатый, разнообразный и притомъ современный, какого онъ не могъ бы нигдѣ болѣе найти. Но теперь это было поздно. Послѣ тѣхъ тріумфовъ, которыми сопровождалась каждая его лекція въ казанскомъ университетѣ, онъ не могъ довольствоваться одной кабинетной работой... Ему нужны были люди, которымъ онъ могъ бы лично сообщать результаты этой работы, могъ бы лично видѣть, какъ въ нихъ зажигается его мысль, какъ она постепенно овладѣваетъ ими, какъ по мѣрѣ его одушевленія растетъ ихъ одушевленіе; однимъ словомъ — ему нужна была громадная аудиторія, напряженное вниманіе слушателей, восторженныя лица... Ничего этого Щаповъ не могъ найти въ отдѣленіи расколовъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ чиновника, и онъ перестаалъ туда ходить. Мало того: самое имя чиновника ему стало противно. Нельзя не упомянуть здѣсь слѣдующаго курьеза. У Щапова былъ закадычный другъ чиновникъ, котораго Щаповъ очень любилъ и съ которымъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ. Этотъ другъ служилъ Щапову козломъ отпущенія за всѣхъ чиновниковъ, за весь чиновничій міръ. Какъ только Щаповъ выпьетъ, такъ онъ начинаетъ допекать своего друга за его чиновничьи воззрѣнія, чиновничью логику, за тупость и безсмысленность основъ ея. Этого мало: всякому встрѣчному объясняетъ, что другъ его—такой человѣкъ, съ которымъ ни разговора

вести, ни жить вмѣстѣ, ни дѣла никакого дѣлать невозможно. На другой день, однако-жъ, и Щаповъ и другъ его опять, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ, и опять у нихъ, что называется, ленъ не дѣленъ". („Отеч. Зап." 1876 г., № 5. „Внутр. Обозр.", 181). Вообще, какъ на черту характера Аѳанасія Прокофьевича можно указать, что онъ любилъ сближаться съ людьми смирными и безотвѣтными, которыхъ бы можно было при случаѣ выбранить, а они смотрѣли бы на эту временную шалость безобидно.

Н. Аристовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





„ЛИХОЛѢТЬЕ".

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

XIII.

„Jo! wesola mlodzy spiewaj! juz rumiany
Febus, zlotem ukasal warkocz przeplatany,
A po wielkim Olimpie zwietne tocza kola"...

„Эхъ! пой веселая молодежь! уже румяный Фебъ показалъ косу, переплетаемую золотомъ; его блестящія колеса мчатся на высокомъ Олимпѣ..

(Янъ Корейва).

Ы въ литовскомъ „мястѣ" пана Ксаверія Стадницкаго — „Залусцьѣ". „Място", собственно „рынокъ", заключался въ обширной площади (или выгонѣ), застроенной тѣсно жидовскими корчмами, лавками, бѣлыми мазанками „загоновой" шляхты. Среди площади бѣлѣлся тяжелой архитектуры каменный костелъ съ высокою черепичною кровлей, узкими окнами и блестящими крестами. Поджарый и беззадый, какъ всѣ его соплеменники, Янкель Дудель „шинкаруетъ" у костела водкой, въ просторномъ, нà-скоро сбитомъ изъ теса, балаганѣ. Бывшій маркитантъ вельможнаго „тлустаго" пана Неборскаго, убитаго на войнѣ съ москалями, навсегда покончилъ свое странствованіе за жолнерами, исполненное опасностей и ежеминутнаго для него страха. Если объ этихъ пережитыхъ опасностяхъ и вспоминалъ Янкель съ ужасомъ, свойственнымъ трусу, тѣмъ не менѣе эти опасности дали ему „гешефтъ"—свѣтлые червонцы, кербели и гроши. Въ качествѣ „арендатора панскаго" онъ пользовался

широкимъ правомъ водочной торговли и не терпѣлъ конкурренціи. На всемъ пространствѣ панскихъ владѣній, „маетностей", жидки могли торговать напитками только отъ него. Онъ „держалъ" панскую винницу, т. е. винокурню, и курилъ вино; „держалъ" православную церковь также въ арендѣ и большіе церковные ключи звенѣли у него за поясомъ вмѣстѣ съ кожанымъ ящичкомъ талмуда. Безъ „арендаря", т. е. безъ взноса ему положеннаго денежнаго сбора, попъ не могъ отправлять ни службы, ни требы; покойникъ недѣлями валялся въ сараѣ, разлагаясь въ жаркое время, и своимъ видомъ пугалъ семью, если ей нечѣмъ было заплатить Янкелю; паробки жили безъ вѣнца съ дивчатами, какъ мужъ съ женой, если у нихъ не хватало внести Янкелю „аренду". Такого притязательнаго, корыстнаго „арендаря" еще не видѣлъ забитый шляхтенскими палками православный народъ. Старый попъ Меркулъ больше обрѣтался въ балаганѣ или корчмѣ Янкеля, чѣмъ въ церкви, предавшись пьянству и чувствуя, что онъ въ зависимости отъ пархатаго жида, „якъ песъ на веревкѣ". Въ то время, какъ пьяный попъ Меркулъ, забывъ свое священническое званіе, срамилъ его и себя, задавая выпляску за кварту взятаго въ долгъ вина и потѣшая жидковъ и шляхту, „быдло"— православный народъ его прихода—пропадалъ съ зари до зари на панщинѣ, т. е. на панской работѣ. Въ поляхъ, политыхъ его потомъ, а нерѣдко и кровью, усталый поселянинъ уныло тянулъ унылую пѣсенку:

„Ходитъ попокъ по церковци,
У книжку читае:
— Ой, чомъ же васъ, добри люди,
У церкви не мае.
— Ой, якъ же намъ, паноченьку,
До церкви ходити:
Отъ недили до недили
Маемъ молотити..."

и эту самую унылую пѣсенку тянулъ православный мужикъ на всемъ пространствѣ Посполитой Рѣчи.—„На що тебѣ Богъ создавъ?" спроситъ шутя какая нибудь панна старостина крестьянскаго хлопчика.— „Щобъ панщину робивъ", отвѣтитъ паннѣ старостинѣ хлопчикъ. Панна старостина возьметъ и дастъ хлопчику въ поощреніе за такой отвѣтъ „срибнаго злотаго".

За „яромъ" въ садкахъ, на опушкѣ лѣсного разлива, бѣлѣлись хаты, мазанки, длиннымъ, извилистымъ порядкомъ, исчезавшимъ въ лѣсу. Мазанки маленькія, убогія, подъ очеретовыми крышами, съ высокими, мазанными же, комлями вмѣсто трубъ. Надъ яромъ перекосилась отъ ветхости и небреженія маленькая рубленая церквочка, всегда запертая; крыша на ней очеретовая же, взбуровленная вѣтрами, мѣстами сползшая. Маленькія рѣдкія оконца давно безъ стеколъ, по церкви на просторѣ гудитъ вѣтеръ, неся лѣтомъ дождь, а зимой снѣгъ. Покачнувшійся деревянный крестъ когда-то былъ вы-

крашенъ желтой краской. Противъ паперти, на полусгнившихъ столбахъ съ перекладиной, качается маленькій колоколъ; когда въ него звонитъ одичавшій пономарь, онъ издаетъ жалобные звуки, скорѣе похожіе на стонъ, чѣмъ на благовѣстъ. И какъ рѣдко приходилось стонать этому маленькому православному колоколу! Даже сегодня, въ день святыхъ Петра и Павла, уныло молчитъ этотъ колоколъ; сиротливо пригорюнилась „русская" церквочка. Зато съ какой радостной торжественностью оглашаютъ „място" звучные колокола „панскаго" костела. Клеха усердно раскачиваетъ большіе „звоны", висящіе надъ окномъ колоколенки, выступающей красивой башенкой съ фасада величественнаго костела; какую огромную, шумную толпу собралъ этотъ торжественный звонъ вокругъ костела и въ немъ! Толпы хмѣльныхъ, разодѣтыхъ по праздничному, шляхтичей толкались по „ярмаркѣ"—базару, становившемуся въ этотъ день на площади, и сбиравшему окрестное и дальнее населеніе. Пархатый „арендарь", Янкель, торговалъ въ балаганѣ на славу. Цуры, Ривки, Рахили, все многочадное семейство бывшаго маркитанта, съ босоногими „мишуресами" включительно, едва поспѣвали отпускать напитки и получать за нихъ гроши. Самъ онъ, своими мокрыми, шельмоватыми глазами только слѣдилъ за тѣмъ, чтобы какой нибудь „бѣдака", задорный нахалъ, съ вызывающимъ на ссору видомъ, длиннымъ усомъ, въ лихо заломленной шапкѣ, съ продранными локтями когда-то суконнаго кунтуша и съ пустыми карманами, хоть ихъ выверни, не взялся бы за полный стаканъ прежде, чѣмъ за него заплатитъ. Этихъ усатыхъ молодцовъ, оборванныхъ и гремящихъ саблей, Янкель, по личному опыту, боялся пуще наказанія, которымъ грозитъ сыну Израиля Іегова за неисполненіе имъ закона о „трефной" и „кошерной" мясной пищѣ. Но съ „быдломъ", съ безотвѣтнымъ и внѣ закона стоящимъ „музикомъ", „хлопомъ", Янкель держалъ себя не только надменно, но и безсердечно.—Ну и цто ви, музицки? Цто вамъ треба? презрительно спрашивалъ онъ толпу босоногихъ крестьянъ, прямо съ поля, запыленныхъ, запотѣвшихъ, обгорѣвшихъ на пеклѣ, съ косами и граблями на плечахъ, въ грязныхъ рубахахъ, безъ поясовъ, въ порткахъ и маргелкахъ, бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ—стаканомъ, сахарной головой.—Горилки выпить? грошi давайте, ну!—„Ихъ всѣхъ за грошъ купишь, жиду!" дерзко усмѣхаясь на рабочій уныло поглядывавшій людъ, замѣтилъ высокій сѣдоусый панъ экономъ сосѣдняго фольварка, съ строго вращающимися глазищами, въ сѣрой чемаркѣ и высокихъ сапогахъ, съ плетью въ огромной рукѣ. — „Въ полѣ панська работа, а они пьянствовать! Лайдаки! Пся кревь! Не я, панъ Тодоръ, у васъ экономъ!.. попробовали бы вотъ этого!"

Панъ Тодоръ влилъ въ свою объемистую тушу другую кружку пива, бросилъ грошъ и, поѣдая хлоповъ строго вращающимися глазищами, внушительно погрозилъ имъ плетью и вышелъ изъ балагана.

— Гроши? съ тѣмъ же презрѣньемъ косясь на хлоповъ, требова-

тельно повторилъ Янкель, провожая въ то же время мокрыми глазами уже подкутившаго шляхтича, съ сердцемъ хлопнувшаго о земь пустой стаканъ, такъ какъ другого стакана горѣлки ему въ долгъ не дали. По мрачно-рѣшительному виду усатой рожи ушедшаго „арендарь“ понялъ, что требовать съ него гроши за разбитую „стклянечку“ то же самое, что быть битымъ; а потому разсчетливый сынъ Израиля нехотя ограничился вздохомъ сожалѣнія да раздраженнымъ окрикомъ на толпу хлоповъ, тѣснившихся у входа въ балаганъ.

— Идзь соби съ Богомъ, Хоме! обратился онъ къ плотному старику, завистливо поглядывавшему на то, какъ добрые люди пьютъ горѣлку посмакивая пересохшими, полопавшимися на солнцѣ губами. И смѣло взявъ его за широкія плеча своими пархатыми руками, жидъ попробовалъ было его вытолкать вонъ. Къ пущей досадѣ жида эта саморучная расправа съ хлопомъ оказалась не по жидовской силѣ. Старикъ стоялъ какъ вросшій въ землю пень.

— Нема грошей? визжалъ на него Янкель.—Нема?

— Нема, жиду, спокойно отвѣтилъ Хома.

— Нема горилки! съ злобнымъ удовольствіемъ помучить бѣднаго человѣка, закончилъ Янкель и повернулся къ хлопамъ спиной.

— На обжинки возъ жита ссыпемъ, жиду, продолжалъ невозмутимый Хома, хорошо изучившій Янкеля и знавшій, чего ему отъ нихъ нужно.—Дай въ долгъ боченокъ горѣлки. Уморились... одолжи!..

— Въ долгъ! все въ долгъ! платить кто будетъ? ну? заговорилъ уже совсѣмъ другимъ голосомъ Янкель, быстро оборачиваясь къ хлопамъ. — Ну, и я вамъ, музыцки, боцоновъ горилки налью; а вы мнѣ, въ обзынки, пару возовъ зита ссыпите? Ну? ладно?

Хлопы межъ собой переглянулись, почесались, крякнули съ усмѣшкой людей, которымъ, какъ говорится, пришлось ни въ задъ, ни въ передъ. А выпить хочется, моченьки нѣтъ, уходились надъ буйною рожью, навихляли руки, плечи болятъ.

— Ну, и сто-зъ? Наливать сто ли, музыцки? загнусавилъ нетерпѣливо Янкель.—Нецего стоять! ну?

— Наливай, жиду! спокойно согласился за товарищей Хома, подавая Янкелю полуведерный боченокъ, изъ котораго предварительно выпилъ остатокъ воды, утолявшей мужичью жажду на косьбѣ.

Отпуская хлоповъ съ горѣлкой въ долгъ, хотя за страшные, вполнѣ жидовскіе проценты, Янкель нѣсколько разъ подтвердилъ имъ: „Стобъ було вѣрно, музыцки! стобъ по цесности!.. стобъ пару возовъ“...

— Вѣрно будетъ, ссыпемъ, жиду! спокойно отвѣтилъ Хома за всю толпу своихъ, давно привыкшихъ быть безотвѣтными.

Но отойдя, хлопы дружно принялись ругать пархатаго жида, ободравшаго ихъ слишкомъ чувствительно. Прежніе „арендари“ полведра за возъ жита давали, а этотъ христопродавецъ слупилъ съ нихъ два воза.

Дешевъ былъ на Литвѣ мужичій трудъ и его сельскіе продукты.

Четверикъ ржи стоилъ грошъ, даже меньше; мужицкіе сани—полтора гроша, волъ рабочій—два рубля съ полтиной, возъ сѣна—грошъ. И при такой дешевизнѣ рабочаго труда, мужикъ платилъ пану, при ежедневной „паньщинѣ", т. е. барщинѣ, три рубля подати, кромѣ подати „натурою", живностью и зерномъ. Не дорогъ былъ на Литвѣ и самъ мужикъ, человѣкъ „простаго стана". За увѣчье или убіеніе тяглаго и дворового, по статуту Сигизмунда, полагалась только пеня; эта пеня была даже ниже пени за увѣчье или убійство татарина.

Между тѣмъ, изъ корчемъ доносились веселыя пѣсни шляхетныхъ гулякъ. Молодые щеголи паны красовались на кровныхъ коняхъ, богато осѣдланныхъ, давя и пугая народъ. Среди яркихъ польскихъ кунтушей выдѣлялись бѣлыя свитки и серьмяги крестьянъ, въ бѣлыхъ маргелкахъ и бѣлыхъ онучахъ, въ лыковыхъ лаптяхъ. У бабъ, по праздничному, были надѣты цвѣтные кушаки и бѣлые платки на шеѣ; замужнія въ наметкахъ изъ холстины съ узорными концами, разшитыми цвѣтнымъ шитьемъ; дѣвки съ распущенными волосами, или косами, въ синихъ суконныхъ андаракахъ, въ юбкахъ; старухи въ пассовахъ, полотняныхъ халатахъ. Въ крестьянской одеждѣ сказывалась близость Бѣлоруссіи. Шляхетная молодежь грубо заигрывала съ дѣвками покрасивѣе. Къ костелу то и дѣло подкатывали щегольскіе панскіе возки и нейтычаны; передъ папертью, по обѣ стороны аллеи изъ высокихъ тополей, ведшей въ костелъ, толпились слуги и конюха, держа въ поводу множество красивыхъ засѣдланныхъ коней. На солнцѣ весело блестѣли серебро, позолота, дорогіе каменья, бархатъ, парча панскихъ сѣделъ, чепраковъ и уздъ. Горячіе жеребцы ржали, брыкались, взвивались на-дыбы. Зеленый, словно лаковый послѣ ночного дождя, тополевый листъ сонно шелестилъ въ тепломъ, неподвижномъ воздухѣ. Съ грохотомъ по камнямъ мостовой подкатила и богатая нейтычана пана Ксаверія, четверкой цугомъ подобранныхъ сѣрыхъ жеребцовъ. Высокія краковскія шоры были украшены серебряными бляхами, махрами и разноцвѣтными кистями. Узды, обитыя малиновымъ бархатомъ, обвѣшаны мелкими, въ тонъ подобранными гремушками, издававшими тонкій, разсыпчатый звонъ. Ловкій возница, въ ливреѣ съ гербами, управлялъ цугомъ малиновыми бархатными возжами и длиннымъ бичемъ. Вооруженные гайдуки окружали нейтычану; впереди, очищая „пану дорогу", бѣжалъ скороходъ. Съ паномъ Ксаверіемъ вышла прелестная его дочь, панна Ортанса. Ея граціозная, легкая фигура въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ золотившимися на солнцѣ льняными волосами, подъ кокетливымъ бѣлымъ беретомъ, выпорхнула птичкой изъ высокой нейтычаны съ помощью старой руки отца. Онъ повелъ ее межъ тополей, еще душистыхъ, къ костелу, оглашаемому тѣмъ же торжественнымъ звономъ. Ея синіе, прекрасные глаза ласкали, казалось, всякаго, на комъ случайно останавливались. Она словно не ступала по желтому песку аллеи бѣлыми атласными башмачками на красныхъ каб-

лучкахъ,—такъ была легка, изящна ея походка. Волшебной феей промелькнула она въ восторженныхъ глазахъ молодыхъ пановъ, ожидавшихъ ее у входа въ костелъ, въ которомъ она скрылась, увлекая за собою толпу своихъ обожателей.

А у балагана Янкеля Дуделя—хохотъ, давка, грубыя громкія остроты. Старый попъ Меркулъ собралъ вокругъ себя толпу. Облѣзлая отъ времени, измятая пуховая шляпа съ широкими полями сдвинулась на затылокъ, затасканный нанковый подрясникъ, подпоясанный широкимъ поясомъ, съ висящими на немъ кожаными лѣстовками,—въ пуху и грязи. Опухшее съ пьянства, заросшее всклокоченной бурой бородой лицо алѣло; глаза безсмысленно и безстыже ухмыляются, налитые хмѣлемъ; онъ качался на старыхъ ногахъ, съ явнымъ трудомъ удерживая равновѣсіе и опираясь обѣими руками на палку.

— Камо гряду азъ, непотребный іерей? вопилъ онъ во всю глотку.—Гряду въ землю обѣтованную, ко христопродавцу Іудѣ, еже Христа за тридцать сребренниковъ продалъ! Гряду вина испити! горе размыкати, братіе! и повалился, при радостномъ хохотѣ обступившей его пьяной толпы.

— Вотъ такъ батька! одобряли его веселые голоса, — справилъ праздничекъ! набрался спозаранка!—Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ хотѣли пособить ему подняться.

— Прррочь! отыди, хамово колѣно, отъ колѣна Левита! неистово вопилъ пьяный попъ, отмахиваясь палкой отъ воображаемыхъ враговъ. Тѣшится шинкарь Янкель Дудель, и шляхта, и крестьяне, надъ распьянствовавшимся православнымъ попомъ. Даже выбѣжали изъ балагана посмѣяться Цура, Ривка, Рохля, мишуресы. А въ костелѣ идетъ католическая месса. Служитъ самъ прелатъ, монсиньоръ Брамантини, въ сослуженіи плебана—ксендза и капеллана „замка", патера Леонарда. Обширный костелъ, переполненный набожными молящимися, вмѣщалъ въ себѣ цвѣтъ мѣстнаго дворянства. Многіе пріѣхали издалека. Добрая половина изъ нихъ были „гости" пана Ксаверія. Роскошно разодѣтыя дамы не обмѣнивались теперь любезностями съ кавалерами, а углубились въ свои „ксенжки до набоженства". Мелодическій органъ то словно пѣлъ на хорахъ, вызывая въ молящихся религіозное настроеніе, то рокоталъ глухо и таинственно, какъ упрекъ совѣсти, забывшейся въ мірской суетѣ и не пекущейся о спасеніи души. Величавая фигура прелата въ бѣломъ облаченіи, эмблемѣ его обѣтовъ дѣвственной непорочности, въ голубоватыхъ облакахъ воскуреннаго фиміама, съ медленною торжественностью подъемля глаза и руки къ небу, звучнымъ голосомъ провозглашаетъ:—„Dominus vobiscum!" и трижды на всѣ стороны благословляетъ паству. Престолъ подъ парчевой одеждой, съ высокимъ распятіемъ, весь убранный яркими, только что сорванными живыми цвѣтами, окруженный горящими свѣчами въ золоченныхъ под-

свѣчникáхъ, залить ослѣпительнымъ блескомъ солнца, прорывавшагося въ готическія узкія окна за узорными рѣшетками, какъ блескомъ славы Божіей, кому воздавалось здѣсь торжественное поклоненіе. Когда органъ заигралъ „Sanctus“, всѣ встали съ своихъ мѣстъ и костелъ огласился громкимъ пѣніемъ предстоявшихъ:

„Sanctus Dominus Deus Sabaoth, plena sunt coeli et terra gloria tua, Osanna in excelsis!“

Панна Ортанса, по обычаю, исполняла въ этотъ день празднованія святыхъ Петра и Павла, во имя которыхъ назывался костелъ, обязанность квесторки. А потому, въ свое время, пошла съ серебрянымъ блюдомъ собирать „динарій“. Старый панъ Ксаверій сзади шелъ съ церковнымъ ящикомъ. Золото и серебро щедро сыпались на блюдо молодой красавицы. Тароватые паны на-перерывъ ловили ея благодарный взглядъ и заслушивались, какъ музыки, ея „бардзо дзинькую, панъ“, сопровождаемое скромнымъ поклономъ, полнымъ прелести. Когда квесторка остановилась передъ паномъ Вицентомъ Подгурскимъ, забившимся въ дальній уголъ костела, она вдругъ смутилась и покраснѣла. Нѣсколько сконфуженная, впрочемъ, какъ всегда расположенная къ ней улыбка этого неуклюжаго пана съ простымъ, очень загорѣлымъ лицомъ и видомъ скорѣе эконома, чѣмъ богатаго владѣльца, кѣмъ онъ былъ, встрѣтила Ортансу, какъ ей показалось, молчаливымъ упрекомъ; самолюбивая краска показалась на его щекахъ, обнаруживъ его волненіе. Она стояла передъ нимъ какъ виноватая, опустивъ глаза, и безпокойно ждала, чтобъ онъ положилъ на ея блюдо монету. Она, почему-то, расчитывала, что онъ дастъ менѣе другихъ, по всѣмъ извѣстной своей скупости. Несмотря на такой торжественный день и многолюдный съѣздъ, онъ былъ въ неизмѣнномъ черномъ бархатномъ, поношенномъ кунтушѣ, такъ ей надоѣвшемъ. За этотъ противный кунтушъ она готова была на него разсердиться. Чудакъ! будто нарочно старается показаться хуже, чѣмъ онъ есть? Она сердилась на него еще и за то, что онъ пересталъ у нихъ бывать въ домѣ, и отецъ не разъ замѣчалъ ей, что по ея милости не видитъ своего пріятеля, бесѣдой съ которымъ онъ такъ дорожитъ. Но что жъ онъ медлитъ? жаль, конечно, карбованца? Чудакъ!.. Панъ Вицентъ положилъ на блюдо Ортансы полный кошелекъ золота, тяжесть котораго она сейчасъ же почувствовала. Изумленнымъ, но благодарнымъ взглядомъ синихъ глазъ квесторка выразила душевное свое одобреніе его щедрости на Божій храмъ и торопливо отъ него отошла, вспыхнувъ до ушей. Онъ не услыхалъ — только онъ одинъ изъ всѣхъ кавалеровъ въ костелѣ — ея музыкальнаго „бардзо дзинькую, панъ“. Она забыла ему поклониться хорошенькой головкой. Онъ ясно видѣлъ, что она отъ него бѣжала. Тихій вздохъ этого простодушнаго пана и нѣжный взглядъ напутствовали ее...

Панская усадьба мало чѣмъ отличалась отъ усадебъ сосѣднихъ литовскихъ пановъ и московскихъ бояръ „за рубежомъ". Тѣ же рубленыя хоромы и дворовыя строенія подъ гонтомъ или соломой. Только обширный домъ съ разновременными пристройками имѣлъ видъ и носилъ названіе „зàмка". Жилище велемочнаго католическаго помѣщика, почти неограниченнаго властелина своихъ православныхъ хлоповъ, „цивилизованнаго" угнетателя забитаго, загнаннаго, безправнаго „быдла", служило и защитой окрестности, и ея тюрьмой. Сліяніе двухъ рѣкъ образовало озеро, обтекавшее зàмокъ съ трехъ сторонъ и дѣлавшее его, въ случаѣ надобности, трудно доступнымъ. Отъ рынка или „мяста" его защищала неуклюжая рубленая четырехугольная башня, съ чугунными пушками, глядѣвшимися въ маленькія бойницы. Надъ ея воротами былъ прибитъ большой кованый мѣдный щитъ дѣда пана Ксаверія, пана Тадеуша, прозваннаго „Медвѣдемъ". На щитѣ огромный двуручный мечъ и шлемъ съ заржавленнымъ панцыремъ. Сколько внѣшность замка внушала уваженіе, по крайней мѣрѣ гайдамакамъ, тревожившимъ порубежную къ степямъ Литву, столько же внутренность панскихъ покоевъ представляла удобствъ къ жизни болѣе утонченной, къ пріему и пребыванію въ немъ друзей. Пограничный зàмокъ пана Ксаверія не разъ оказывалъ окрестному населенію добрыя услуги, даже въ татарскіе набѣги и въ борьбѣ Литвы съ Москвою. Въ строгомъ смыслѣ, нельзя было назвать „зàмкомъ" нѣсколько большихъ строеній различныхъ размѣровъ и высоты, одно-этажныхъ и въ два этажа, какъ-то безтолково сведенныхъ въ одно цѣлое. Здѣсь жила панская семья и помѣщались покои для пріѣзжихъ. Квадратный низенькій домъ со множествомъ небольшихъ оконъ смыкался съ главнымъ корпусомъ галлереей на столбахъ. Здѣсь жили „ðршаки" панскихъ слугъ, изъ которыхъ шляхтичи составляли хоругвь надворной панской пѣхоты, а челядь—сотню панскихъ казаковъ и гайдуковъ. Панскія хлѣбни, винницы, пивоварни, конные и скотные дворы, птичники—тянулись у лѣса къ селу, отдѣляемые отъ него крутымъ яромъ.

Гостепріимство знатнаго пана, достойное преданій старой Литвы, пользовалось вполнѣ заслуженной славой. Далеко разносилась молва о многолюдныхъ съѣздахъ и веселыхъ праздникахъ въ зàмкѣ пана Ксаверія. Католическіе паны отличались слабостью къ нововведеніямъ и роскоши въ жизни отъ православныхъ пановъ Литвы, придерживавшихся, какъ и ихъ одновѣрные московскіе бояре за рубежемъ, старины и неохотно съ нею разстававшихся. Изъ Кракова и Варшавы уже проникала въ глубь литовскихъ лѣсовъ и болотъ порча нравовъ, распространяющаяся скорѣе истиннаго просвѣщенія и его опережающая.

Многолюдное общество, съѣхавшееся въ зàмкѣ пана Ксаверія, щеголяло бархатомъ и шелкомъ, дорогими каменьями и изысканнымъ покроемъ своихъ одеждъ. Оно уже забыло равендукъ и сукно старой

Польши. Изъ костела всѣ возвратились порядкомъ проголодавшись, особенно паны, вставшіе рано.

— Добрая чарка, какъ и охотничій рожокъ, всегда въ пору въ старой Литвѣ, панове! весело обратился панъ Ксаверій къ мужчинамъ.—Къ дамамъ, кавалерство! Прошу къ столу!

Онъ любезно, съ молодцоватой выправкой стараго вояки, предложилъ правую руку дебелой, еще красивой, несмотря на лѣта, паньѣ старостинѣ Могилевской, Ядвигѣ Сулятыцкой, и повелъ ее въ огромный залъ, къ огромному, накрытому и заставленному кушаньями и напитками столу. За нимъ пàрами потянулись кавалеры съ своими дамами. Панну Ортансу, вызывавшую страстные взгляды и нѣжные вздохи воинственной молодежи, повелъ панъ Конюховскій, тотъ самый дворянинъ королевскаго посольства въ Москвѣ, котораго такъ искренно ненавидѣлъ Гонсѣвскій. Лишь только хозяинъ съ паньей старостиной вступилъ въ залъ, съ хоръ, за искусно точеной рѣшеткой, грянула музыка. Подъ звуки полонеза, кавалеры, особенно молодые, побрякивая шпорами и постукивая каблукáми въ тактъ музыки, любезничая съ дамами и покручивая усы, вели ихъ къ столу. Степень знатности гостей и ихъ близости къ дому пана Ксаверія сама собой распредѣляла за столомъ мѣста. Хозяйка, панья Магдала, лежала больная у себя въ опочивальнѣ и не могла принять участія въ праздникѣ. Ея мѣсто за столомъ заняла панья старостина; свободное право кавалера выбирать себѣ къ столу даму доставило, конечно, нѣкоторымъ юнымъ парамъ удовольствіе весело провести обѣдъ. Панна Гонората, эта перезрѣлая дѣва изъ Замѣхова, негодовала на судьбу, пославшую ей въ кавалеры пана ойца, ксендза-плебана. Патеръ Леонардъ, къ ея досадѣ, давно уже вышелъ изъ того возраста, когда мужчина, будь онъ даже духовникъ, обязанъ внимательностью къ прекрасному полу. Только одной паннѣ Гоноратѣ казалось, что она не на своемъ мѣстѣ, среди общаго довольства своими мѣстами. Ея ожирѣвшій, оплѣшивѣвшій и, какъ она полагала, одурѣвшій ксендзъ просто выводилъ ее изъ себя. Что за дикая фантазія побудила этого обжору пригласить своей дамой къ столу именно ее, пану Гонорату Модлевскую? Развѣ мало кромѣ него здѣсь молодыхъ любезныхъ кавалеровъ, которыхъ сообщество могло быть ей пріятно? Ужели онъ, несчастный ксендзъ, думаетъ, что его сопѣнье и мрачный видъ способны пробудить въ образованной дѣвицѣ нѣжное чувство? Въ своемъ неисправимомъ женскомъ увлеченіи и легкомысліи она не хотѣла понять въ поступкѣ отвратительнаго ей ксендза христіанскаго чувства, достойнаго болѣе правильной оцѣнки. Что ожирѣвшій патеръ вовсе не разсчитывалъ на удовольствіе пользоваться за столомъ сообществомъ панны Гонораты, въ этомъ она сейчасъ же убѣдилась. Громко благословивъ яства и питіи, воспитатель Ортансы и капелланъ замка, сопя, тяжело опустился на табуретъ и исключительно занялся только тѣмъ, чтò благословилъ—

яствами и питіями, съ серьезностью человѣка, вполнѣ понимающаго свои обязанности передъ желудкомъ. Его не развлекали ни шумный разговоръ, ни веселый смѣхъ кругомъ, ни громкіе тосты, провозглашаемые хозяиномъ и оглушительно подхватываемые гостями. Панна Гонората не стѣснялась жаловаться сосѣдямъ по столу на невѣжливость съ нею обжоры ксендза. Онъ только моталъ головой, утвердительно или отрицательно, не отрываясь отъ тарелки, заботясь лишь о томъ, чтобы она была постоянно полна. Трудно было бы найти двухъ собесѣдниковъ, болѣе различныхъ по своему характеру: престарѣлая дѣва все говорила и не ѣла; престарѣлый патеръ все ѣлъ и молчалъ. Она и онъ невольно напоминали насмѣшницѣ Ортансѣ сонъ Фараона о тощей кравѣ, пожравшей тучную, о чемъ она не замедлила сообщить своему кавалеру. Панъ Конюховскій много смѣялся, замѣтивъ прелестной дѣвушкѣ, что на этотъ разъ тощая крава рискуетъ подавиться тучной кравой, несмотря на видимое желаніе ее сожрать. Удачное сравненіе Ортансы, разойдясь среди молодежи, вызвало одобрительный смѣхъ.

Панъ Конюховскій слишкомъ открыто „ухаживалъ" за панной Ортансой, чтобъ этого не замѣтили особы прекраснаго пола, особенно всевидящая Гонората, ни на минуту не упускавшая изъ вида свою опасную соперницу. Надменный панъ „пбсолъ", какъ его величали одни въ насмѣшку, другіе по невѣдѣнію той печальной роли, какою ему приходилось довольствоваться въ Москвѣ, въ королевскомъ посольствѣ Гонсѣвскаго, очень не нравился веселой красавицѣ. Не въ ея вкусѣ была его глупо гордая манера держаться и его несчастная, отталкивающая ее физіономія. Но больше всего онъ былъ противенъ ей потому, что имѣлъ виды матримоніальные, разсчитывалъ жениться, именно на ней, паннѣ Ортансѣ. Ее забавлялъ этотъ крошечный носъ, всегда кичливо вздернутый кверху вмѣстѣ съ большими усами, и головка, несоразмѣрно маленькая, посаженная капризницей природой на широчайшія плечи и украшавшая превысокую фигуру. Недостатковъ мужской внѣшности, въ глазахъ дѣвушки, не искупалъ богатый модный кунтушъ ярко-зеленаго испанскаго бархата, съ серебряными жгутами по груди и атласные алые штаны, ни мелодическій звонъ серебряныхъ шпоръ на венгерскихъ сапожкахъ съ раструбами и кисточками. Характеръ кичливаго пана Януарія Конюховскаго удовлетворялъ Ортансу еще менѣе. Претензіи къ „комплиментамъ" и смѣшная слабость къ своей особѣ, лучше, красивѣе и умнѣе которой онъ не зналъ, столь не соотвѣтствовали его нравственнымъ качествамъ. Ужасно онъ ей надоѣлъ, избравъ ее предметомъ своего волокитства и нѣжныхъ взглядовъ, пересыпанныхъ самыми многозначащими, но ни мало ей не льстившими вздохами. Онъ принималъ картинныя позы, чванясь ими, какъ доказательствомъ своей утонченной свѣтскости, въ дамскомъ обществѣ.

Но всѣ „апроши" пана были напрасны. Не до него было Ортансѣ.

Она досадовала на пана Вицента, котораго отсутствіе въ за̀мкѣ въ такой день и въ такой съѣздъ она не могла не замѣтить. Больше: она чувствовала его отсутствіе. Его скромная неуклюжая фигура и радостно смущенное выраженіе лица, съ какимъ онъ ее встрѣтилъ въ костелѣ, не выходили у ней изъ головы. Онъ считался „своимъ" въ семьѣ пана Ксаверія. Ортанса привыкла часто видѣть его у себя. А тутъ вдругъ нѣсколько недѣль глазъ не показываетъ! Чудакъ! И, всего досаднѣе, она же виновата передъ отцомъ въ его чудачествѣ. Въ чемъ же она виновата? А въ томъ, что она держала себя съ нимъ, хорошимъ, благороднымъ человѣкомъ, не такъ, какъ слѣдовало, въ томъ, что она его не понимала, потому что понять не хотѣла. Развѣ она не знаетъ, какъ давно, постоянно онъ ее любитъ? Развѣ онъ не сто̀итъ ея, балованной, своенравной дѣвушки? Развѣ онъ не умнѣе, не образованнѣе ея? несмотря на свой видъ эконома, развѣ онъ не благородный человѣкъ? Съ какимъ великодушіемъ онъ отступилъ отъ нея въ то время, когда она увлеклась юнымъ Паоло! Въ этотъ страстный моментъ ея жизни панъ Вицентъ всецѣло предоставилъ ее своему увлеченію, не мѣшая ей, не надоѣдая своимъ искательствомъ. А какъ это ему тяжело было! Она хорошо понимала. И за это великодушіе, достойное любящаго мужчины, она его такъ уважаетъ и готова, кажется, полюбить. Она сознаетъ свою неправоту передъ нимъ. Она ее загладитъ. Она такъ ему признательна и ей жаль его. Но онъ все же чудакъ, нелюдимъ. Не пріѣхать къ ней въ такой праздникъ! Можетъ, онъ разлюбилъ ее или мстилъ ей, разсчитываясь равнодушіемъ за равнодушіе? Нѣтъ, онъ ее не разлюбилъ, не мстилъ ей. Въ этомъ ее убѣдилъ въ костелѣ его грустный видъ. Онъ просіялъ, увидя ее. Какъ не похожъ онъ на всѣхъ этихъ молодыхъ пановъ, любящихъ въ женщинахъ только самихъ себя! Это глубокое, нѣжное сердце подъ некрасивою наружностью... но зачѣмъ онъ чудакъ? Зачѣмъ онъ не пріѣхалъ?

Такъ раздумывала Ортанса, беззаботною веселостью скрывая свое душевное безпокойство. Она вѣрно объясняла себѣ отношенія къ ней пана Вицента и его характеръ. Панъ Вицентъ не бросался въ глаза, особенно молоденькимъ дѣвушкамъ, своею наружностью. Онъ не былъ показнымъ кавалеромъ, способнымъ возмутить покой женскаго сердца. Молодыя дѣвушки вообще держались отъ него въ почтительномъ отдаленіи. Ихъ отчасти пугала его всегдашняя неувѣренность въ себѣ и та серьезность умнаго мужчины, что такъ безошибочно открываютъ милыя вѣтренницы. По достоинству цѣнимый благоразумными родителями, онъ не имѣлъ успѣха у ихъ легкомысленныхъ дочекъ, расположенныхъ осмѣять, про себя, неловкость и нелюбезность мужчины прежде, чѣмъ пожелаютъ ближе познакомиться съ его умственными и душевными качествами. Въ этомъ неуспѣхѣ своемъ у дѣвушекъ, прежде всего, былъ виноватъ самъ панъ Вицентъ, именно его пагубная для него несвѣтскость. Несмотря на свое разностороннее

образованіе и игривый умъ, онъ позволялъ затмить себя въ глазахъ веселыхъ красотокъ всякому пустозвону и самохвалу-неучу, бойкому на языкъ и незастѣнчивому въ обращеніи съ женщинами. Въ своей сосредоточенности онъ и не замѣтилъ, какъ въ его душѣ выросло настоящее чувство къ Ортансѣ. При всемъ его стараніи не обнаруживать этого чувства, оно просилось въ немъ наружу и доставляло ему тяжелыя минуты. На его сторонѣ оказались мать и отецъ, намекавшіе ему, по старой пріязни, что лучшаго зятя они не желаютъ. Но Ортанса слышать не хотѣла о немъ. Она мечтала о королевскомъ дворѣ, куда и попала. Молодая фантазія увлекла ее въ Москву, въ числѣ фрейлинъ царицы Марины Юрьевны. Что̀ перенесъ панъ Вицентъ во время ея продолжительнаго отсутствія и пребыванія въ Краковѣ и Москвѣ, какъ за нее трепеталъ, съ какимъ нетерпѣніемъ надѣялся ее увидѣть снова — то знаетъ онъ, да немножко ея родители, поддерживавшіе въ немъ слабую надежду. Они увѣряли его, что Ортанса иначе на него посмотритъ, когда „поумнѣетъ", и извиняли ея невниманіе къ нему легкомысліемъ ея лѣтъ. Встрѣча красавицы на рубежѣ не могла обрадовать пана Вицента. Онъ убѣдился, что она по-прежнему на него не смотритъ, и занята молодымъ индійскимъ принцемъ, влюбленнымъ въ нее безъ памяти... Такіе подвижные мечтательные женскіе характеры, какъ Ортанса, не терпятъ противорѣчій и препятствія только раздражаютъ ихъ. Это понималъ панъ Вицентъ. На свою женитьбу онъ смотрѣлъ какъ на самый важный шагъ своей жизни, уважалъ свое человѣческое достоинство и свое счастіе полагалъ возможнымъ лишь тогда, когда сама дѣвушка пойметъ и раздѣлитъ его безкорыстное къ ней чувство. Онъ боялся принужденія и участія здѣсь отцовской власти. Но ему тяжело было видѣть ея увлеченіе красивымъ индійскимъ юношею. Онъ уѣхалъ въ свои дальнія маетности подъ предлогомъ необходимаго хозяйственнаго осмотра. И какъ ему осталась за это благодарна Ортанса!..

Ортанса встрѣтила въ пылкомъ сынѣ поэтическаго востока „родную себѣ душу"; такъ ей казалось по крайней мѣрѣ. Она смотрѣла на него въ увеличительное и радужное стекло своего перваго чувства; слушала его поэтическую рѣчь съ восторгомъ, вызывавшимъ у нея слезы счастья; только счастье сулило обоимъ это чистое, мечтательное сближеніе, прелесть этихъ новыхъ для обоихъ отношеній, гдѣ Ортанса увидѣла себя богиней индійской миѳологіи, обожаемой прекраснымъ юношей, увлекала ее въ невѣдомую, звавшую ее къ себѣ даль. Сказочная судьба принца, на утренней зарѣ своихъ дней заброшеннаго въ Сарматію, покинувшаго милую родину и ея религію ради Бога христіанъ, сообщала ихъ таинственнымъ платоническимъ свиданіямъ въ сумракѣ столѣтняго парка полноту и высоту, до какихъ только можетъ подняться нравственное чувство. Въ томъ духѣ вѣчной истины, что привелъ Паоло отъ идолопоклонства къ Богу, таилась живая сила, захватывавшая Ортансу. Дитя природы, чуждый

нравамъ и условіямъ образованнаго общества, юный Паоло рѣзко выдѣлялся въ немъ и своею наружностію, и своимъ нравственнымъ существомъ. Чище, выше помыслами, смѣлѣе и великодушнѣе Паоло— Ортанса не встрѣчала еще ни одного юноши, и была увѣрена, что не встрѣтитъ. Его образная, одушевленная рѣчь, отражавшая міросозерцаніе его дальней родины, проникала дѣвушку неизъяснимою прелестью. Вниманіе Паоло къ красивой полькѣ не могло, конечно, нравиться монсиньору Брамантини. Съ этой минуты, какъ оно слишкомъ замѣтно перешло въ нѣжное и страстное чувство, прелатъ рѣшилъ выпроводить своего прозелита въ Краковъ. Юношеское увлеченіе поэзіею жизни, какъ бы ни было извинительно къ его лѣтахъ, не соотвѣтствовало видамъ прелата на Паоло. Онъ долженъ обожать живую женщину въ идеалѣ Мадонны, и въ культѣ непорочной дѣвы, Матери Божіей, долженъ найти успокоеніе своей страсти. Такая богато одаренная натура, такой характеръ, какъ Паоло, не долженъ пропасть въ толпѣ молодежи, глупо вздыхающей въ юности по тому самому, что ей надоѣдаетъ въ совершенныхъ годахъ. Избранный, онъ не смѣшается на пиру жизни съ ними, только зваными. Онъ не охмѣлѣетъ вмѣстѣ съ ними на этомъ грѣховномъ и безумномъ пиршествѣ. Въ Римѣ ждетъ Паоло его духовный подвигъ, который начнется въ школѣ отцовъ іезуитовъ, въ „пропагандѣ", а окончится миссіонерствомъ, христіанскою проповѣдью Паоло въ полуденныхъ странахъ Великаго Могола.

Такъ рѣшилъ прелатъ и такъ исполнилъ. Взаимныя отношенія Паоло и Ортансы были прерваны хотя насильственно, но благоразумно. Паоло отправился съ вѣрнымъ человѣкомъ въ Краковъ съ письмами прелата; оттуда кардиналъ долженъ былъ препроводить Паоло въ Римъ. Романъ индійскаго принца съ прекрасной Ортансой прервался въ самомъ началѣ. Ортанса пролила потокъ сердечныхъ слезъ, прекрасныхъ, чистыхъ какъ мечты, сблизившія ее съ отбывшимъ Паоло. Она подарила ему послѣднее свиданіе, впечатлѣніе котораго онъ увезъ въ своемъ грустномъ сердцѣ, какъ лучшую свою собственность, какъ безцѣнный даръ жизни. Ортанса грустила съ мѣсяцъ, но затѣмъ послѣднее свиданіе забывалось постепенно. Она вспоминала неуклюжаго пана Вицента и уже досадовала на него за то, что къ нимъ не ѣдетъ. Ей хотѣлось теперь встрѣтить его дружелюбнѣе прежняго. Она была увѣрена, что простилась навсегда съ первыми мечтами своего сердца, что теперь ей будетъ не непріятно снова видѣть возлѣ себя пана Вицента. Но онъ не ѣдетъ, чудакъ! Она на него имѣетъ право сердиться.

Монсиньоръ Бруно Брамантини не торопился покинуть радушную семью пана Ксаверія. Онъ рѣшился воспользоваться „дѣломъ" Марины Мнишекъ, т.-е. ея домогательствомъ на званіе московской царицы и ея царицыными правами на московское государство. Она дождалась своего супруга, царя Дмитрія, спасшагося отъ московскихъ

убійцъ на Литву, откуда онъ вступилъ въ Русь. Какое дѣло монсиньору, что этотъ царь Дмитрій обрусѣлый жидъ, котораго самъ же онъ выдвинулъ на путь самозванства, осыпавъ его римскимъ золотомъ, поддержавъ его содѣйствіемъ вооружившихся пановъ, обѣщая ему на извѣстныхъ условіяхъ могучую помощь Ватикана; какое ему дѣло, что вся эта „офяра" Мнишковъ осуждается лучшими людьми Польши? Инымъ путемъ нельзя ему достигнуть своей цѣли: подчинить схизматическую Русь вліянію, а потомъ власти Рима. Лично онъ не терпѣлъ Юрія Мнишка, какъ вліятельнаго аріанина. Именно въ семьѣ и партіи Мнишка держалось „швейцарское исповѣданіе". Его глава въ Польшѣ, великій коронный маршалъ Янъ Фирлей, получилъ краковское воеводство при содѣйствіи Мнишка только потому, что женился на сестрѣ Мнишка; другая сестра Мнишка была за аріаниномъ Стадницкимъ, родственникомъ пана Ксаверія. Аріанская фамилія Олесницкихъ съ-родни Мнишку; ученый вольнодумецъ Яковъ Соцыгневскій, львовскій архіепископъ Янъ Суликовскій и Якубъ Сѣннинскій, всѣ аріане, ему друзья. Самъ Мнишекъ женатъ на аріанкѣ Тарло. Но, твердо держась іезуитскаго правила, монсиньоръ не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, ведущимъ къ цѣли.

Несмотря на то, что панъ Ксаверій, какъ строгій католикъ и добрый сынъ святѣйшаго римскаго отца, не раздѣлялъ заблужденій аріанизма, онъ въ политическихъ мнѣніяхъ вполнѣ сходился съ Юріемъ Мнишкомъ и стоялъ за него. Поэтому монсиньоръ нашелъ въ панѣ Ксаверіи полное одномысліе и поддержку своимъ видамъ, въ сущность которыхъ, конечно, не считалъ нужнымъ посвящать стараго пана. Прелатъ, условясь съ нимъ, намѣревался обратиться къ многочисленному собранію съѣхавшихся на праздникъ благородныхъ пановъ и именемъ римскаго отца побудить ихъ вооружиться на схизматическую Москву, гдѣ погибло столько вѣрныхъ сыновъ католической церкви. Когда, послѣ веселаго обѣда, впродолженіе котораго играла на хорахъ музыка, кавалеры остались одни за столомъ, уставленнымъ бутылками, а дамы, согласно польскому обычаю, удалились, монсиньоръ поднялся съ табурета, величавый какъ всегда. Собраніе стихло, всѣ глаза вопросительно устремились на него. Строго правильное, блѣдно матовое лицо съ благороднымъ римскимъ носомъ и строго вдохновенный взглядъ большихъ черныхъ глазъ выражали религіозное чувство, требовавшее высказаться во славу Бога, которому онъ служилъ. Умѣлъ прелатъ приступить къ своей рѣчи и зналъ, кому говорилъ. Будь онъ великій актеръ, и тогда бы не могъ онъ играть свою роль лучше того, какъ онъ игралъ ее въ эту минуту. Эти усатые польскіе паны, „вѣрные католики", уже были нафанатизированы глубокимъ святымъ религіознымъ трепетомъ, волновавшимъ представителя римской непогрѣшимой церкви и препятствовавшимъ ему говорить, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ слову. На благородномъ итальянскомъ лицѣ прелата живо отра-

жались разнородныя чувства, угнетавшія его сердце: сокрушеніе священнослужителя о гибели множества вѣрныхъ сыновъ церкви; глубокое горе пастыря, растерявшаго стадо пасомыхъ; негодованіе воина церкви за оскорбленіе, ей нанесенное схизмой; казалось, всѣ громы Ватикана готовъ низвергнуть на его враговъ этотъ достойный представитель святого римскаго отца. Тонкія ноздри расширились, черные глаза блестѣли слезой, бѣлыя, изящныя руки трепетали. Успѣхъ рѣчи уже былъ подготовленъ, это ясно видѣлъ прелатъ по нетерпѣливому волненію, сообщенному имъ собранію. Тогда онъ началъ, набожно осѣнивъ себя знаменіемъ креста и вздохнувъ, какъ вздыхаютъ сильно усталые:

— Во имя Бога всемогущаго! Благородные польскіе паны! къ вамъ, къ вашему мужеству, всему міру извѣстному, къ вашему католическому благочестію, къ вашей славѣ національной обращаюсь я, прелатъ святой римской церкви! Не случайность собрала васъ въ этомъ гостепріимномъ замкѣ во множествѣ; не слѣпой судьбѣ обязанъ и я чести находиться среди васъ въ сей день святыхъ апостоловъ, именемъ которыхъ называется градъ и храмъ нашего святѣйшаго отца папы! Воля Божія, все указующая, собрала насъ, католиковъ, здѣсь! иначе не смѣю думать. Поймемъ же, не только разумомъ, но и сердцемъ нашимъ, знаменіе Божіе, указующее намъ свою волю. Наши братья о Христѣ, католики, злодѣйски умерщвлены въ Москвѣ. Кровь ихъ мученическая вопіетъ къ небу. Католичество не должно уклониться отъ наказанія этой нечестивой Москвы и не воспользоваться случаемъ восторжествовать надъ заблужденіемъ схизмы! Религія и честь зовутъ васъ, благородное рыцарство, поднять оружіе во славу Божію и внести его побѣдно въ Московію! Да соберутся полки ваши! Да разовьется надъ ними святая орифлама!

— Такъ есть! оглушительно воскликнуло собраніе, моментально переходя отъ мертвой тишины къ бурѣ. Сабли зазвенѣли и засверкали надъ стриженными головами пановъ.—Пойдемъ! вооружимся! за польскую честь! за братьевъ!

Когда шумъ, крики и сабельный звонъ стихли, прелатъ поднялъ руку и торжественно благословилъ восторженныхъ пановъ, сказавъ:

— Именемъ святѣйшаго отца нашего, папы Павла V-го, благословляю ваше оружіе, вѣрные католики!

Паны смиренно склонили свои головы. Панъ Ксаверій, а за нимъ и всѣ, одинъ за другимъ подошли къ рукѣ, ихъ благословившей, и цѣловали ее. Собраніе настроилось на воинственный ладъ. Пошли шумные толки: когда, гдѣ, какъ сбираться. Назначили региментарей, хорунжихъ; разсчитывали, сколько кто можетъ вывести въ поле жолнеровъ. Панъ Ксаверій шепнулъ, что монсиньоръ не прочь помочь римскимъ золотомъ. Молодежь расходилась, ликовала.

— Добрыдень, панове! привѣтствовалъ собраніе громкій голосъ, заставившій всѣхъ оглянуться. Волоча за собой гремѣвшую саблю,

вошелъ молодцоватый казакъ съ загорѣлымъ лицомъ, черными усами, въ смушковой шапкѣ набекрень, которую онъ не счелъ нужнымъ снять. Онъ только кивнулъ всѣмъ вообще, съ видомъ дерзкимъ, какъ бы вызывающимъ. Сѣрая суконная чемарка на крючкахъ, красные штаны въ высокія голенища сапогъ, покрытыя пылью, свидѣтельствовали, что онъ прямо съ сѣдла. Черезъ плечо на ремнѣ висѣла короткая казацкая плеть. Монсиньоръ невольно подался назадъ и перемѣнился въ лицѣ, неожиданно увидя своего знакомца, съ которымъ желалъ бы вѣкъ не встрѣчаться.

Изумленіе стараго хозяина не замедлило перейти въ негодованіе при видѣ этого нахала, запыленнаго, вонявшаго конскимъ пóтомъ, въ грязныхъ сапогахъ, осмѣлившагося явиться незваннымъ, въ шапкѣ, у него въ домѣ, предъ столь благороднымъ собраніемъ. Едва себя сдерживая, онъ воскликнулъ:

— Кто ты, невѣжа, осмѣливающійся стоять передо мною, въ моемъ домѣ, въ холопской шапкѣ?

— Вольный ротмистръ Лисовскій! спокойно сказалъ казакъ во всеуслышаніе.—Здравствуй, панъ Ксаверій!

— Прежде сними шапку, лайдакъ, или я тебѣ собью ее! запальчиво вскричалъ Стадницкій.

— Ротмистръ Лисовскій не привыкъ ни передъ кѣмъ ломать шапки, панъ! потише! не забудь, что кромѣ вотъ этой сабли, которую ношу, за твоими воротами тысяча сабель...

Панъ Ксаверій быстрымъ движеніемъ повернулся и взглянулъ въ окно: на площади, передъ замкомъ, темнѣлся живой, блестѣвшій остріями, лѣсъ никъ; сѣрѣлись казачьи чемарки, слышалось конское ржанье и фырканье. Еще не улегшаяся пыль, поднятая множествомъ конскихъ копытъ, туманомъ стояла надъ площадью.

— Подлому разбойнику, осужденному сеймомъ на висѣлицу, нѣтъ мѣста въ замкѣ пана Ксаверія Стадницкаго! воскликнулъ Стадницкій, котораго сотни лисовчиковъ, пожаловавшихъ въ „място“, только пуще раздражили вмѣсто того, чтобъ напугать. — Твое присутствіе, негодяй, безчеститъ насъ, польскихъ пановъ! Вонъ отсюда! Сію минуту вонъ!

— Вонъ его, негодяя! вонъ! огласилась зала взрывомъ угрожающихъ криковъ, сопровождаемыхъ звономъ обнаженныхъ сабель. Вонъ! или искрошимъ тебя саблями! Пошелъ на дорогу, откуда пришелъ, грабитель!

— Честь, какой я себѣ не ожидалъ! весело смѣясь и не трогаясь съ мѣста сказалъ Лисовскій, нахальными глазами разглядывáя грозно обступившихъ его пановъ съ поднятыми саблями. — Всѣ на одного! Поединокъ, достойный только пьяныхъ! Гонятъ человѣка прежде чѣмъ спросили его: зачѣмъ онъ? легкомысленно!..

— Я не имѣю и не хочу имѣть никакого дѣла съ такимъ мерзавцемъ! горячился Стадницкій.

— Но я имѣю къ тебѣ дѣло, панъ Ксаверій! Маленькій должокъ прошу уплатить!

Стадницкій на него уставился, не понимая, о какомъ должкѣ онъ говоритъ.

— Тысяча червонцевъ за избавленіе твоей дочери, прекрасной панны Ортансы, изъ московскаго плѣна, панъ Ксаверій,—обязательно напомнилъ хозяину Лисовскій, и положилъ руку на пару заряженныхъ пистолей, за поясомъ.

Стадницкій тутъ только вспомнилъ рыцарскую услугу, оказанную Лисовскимъ его дочери за золото. По насмѣшливой улыбкѣ, пробѣжавшей по лицу гордаго пана, было понятно, что воспоминаніе объ этой доброй услугѣ не измѣняло мнѣнія пана на счетъ репутаціи почтеннаго вольнаго ротмистра.

— Рыцарскій подвигъ, панове! громко обратился къ своимъ гостямъ панъ Ксаверій. — Польская панна, спасенная разбойничьимъ атаманомъ за золото!

— Негодяй! съ громкимъ смѣхомъ презрѣнья раздалось въ залѣ.— Вонъ его!

— Вы черезъ-чуръ высокаго о себѣ мнѣнія, вельможные и невельможные паны! весело замѣтилъ собранію Лисовскій.—Ни вашимъ благороднымъ сообществомъ, ни вашимъ мнѣніемъ я не дорожу. Вы оставайтесь при своей чести, я при своей тысячѣ червонцевъ. Всякому дорого только то, чего у него мало или чего вовсе у него нѣтъ. Я бѣденъ золотомъ и дорожу имъ; вы дорожите честью, потому что ее у васъ мало, панове каждый по своему понимаетъ честь! По вашему—я разбойникъ; Цицеронъ же людей моего ремесла назвалъ: „gens desperata"...

При этомъ новомъ оскорбленіи, нанесенномъ Лисовскимъ благороднымъ панамъ, зала потряслась неистовымъ воплемъ; нѣсколько сабель замахнулись на дерзкаго. Стадницкій едва успѣлъ предупредить удары, и воскликнулъ:

— Благородная сабля не должна отнимать у закона и палача преступника, осужденнаго на висѣлицу, панове! въ ножны сабли! мой домъ да не осквернится кровью разбойника!

Стадницкій швырнулъ на полъ тяжелый свертокъ червонцевъ, который Лисовскій преспокойно поднялъ и бережно засунулъ въ карманъ чемарки.

— Bene! сказалъ онъ, кивнувъ головой.—До видзенья, панове! и вышелъ, волоча гремѣвшую по полу саблю, напутствуемый дружнымъ смѣхомъ и криками: „Вонъ, негодяй! Твое мѣсто на дорогѣ, пока не заболтаешь ногами на висѣлицѣ"!

Лисовскій даже не обернулся.

XIV.

„U jednego dziewczecia lichego, na czele
Wiczytaly do wiersow, sluzace fortele,
Wargi jej Hipokrenem nieprzebranej wody,
Parnasem zdaly sie byc rozkwitle jagody.
I tak gdy jej pilnuje swych niesfrzege oczu,
Zostalem Rymodziejem zgola po warkoczu".

„У одной бѣдовой дѣвушки на челѣ прочли невинныя хитрости, располагающія къ сложенію стиховъ. Ея уста казались Ипокреномъ неисчерпаемой воды, ея цвѣтущія ланиты казались Парнасомъ. Я стерегу ее, не спуская съ нея своихъ очей, и ея коса сдѣлала меня риѳмачемъ".
(Вареоломей Зиморовичъ).

Не скоро улеглось волненіе, возбужденное появленіемъ вольнаго ротмистра. Возобновились шумные толки по поводу московской „офяры". Вѣсть о рѣшеніи, принятомъ благороднымъ собраніемъ, идти на Москву, отомстить ей за погибшихъ поляковъ, за плѣнъ королевскихъ пословъ, задержанныхъ боярами вопреки законовъ образованныхъ націй, была съ восторгомъ выслушана дамскимъ обществомъ. Молодыя панны вызвались сшить великолѣпную орифламу, которая напоминала бы польскому воинству его долгъ передъ Богомъ и отечествомъ. Ортанса, съ своимъ какъ бы врожденнымъ вкусомъ, предложила цвѣта̀, форму, размѣры, девизъ и даже матеріалы предполагаемаго воинскаго знамени. Мужское и женское настроеніе оказалось тождественнымъ. Возбужденный духъ безпокойныхъ пановъ, скучавшихъ своимъ бездѣйствіемъ, далекъ былъ отъ осторожной и выжидательной политики канцлера Замойскаго, къ несчастью Польши умершаго. Что предпринимаемое движеніе самонадѣянныхъ магнатовъ расходилось въ своихъ цѣляхъ съ цѣлями короля, осаждавшаго уже Смоленскъ, даже вредило имъ,—это не бралось въ разсчетъ. „Неподлеглые" никому паны готовы были, если-бъ понадобилось имъ, идти „рокошемъ" противъ самого короля, хотя бы въ критическую минуту его дѣла. Патріотизмъ и долгъ были понятія слишкомъ условныя въ Рѣчи Посполитой, разбитой на независимыя партіи, часто не имѣвшія между собой ничего общаго, или весьма слабо связанныя временнымъ, условнымъ интересомъ. Сѣдые, испытанные въ войнахъ и буряхъ польской республики, паны рѣдко проявляли благоразуміе въ безпокойныхъ движеніяхъ знатной молодежи, поддерживали ихъ и направляли. Въ этомъ войнолюбивомъ обществѣ благоразуміе часто порицалось, какъ трусость. А назвать польскаго пана трусомъ была обида, смывавшаяся кровью. Монсиньоръ Брамантини, вполнѣ довольный успѣхомъ дѣла, которое затѣялъ, тщательно скрывая свои клерикальные виды отъ тѣхъ, кого вооpу-

жалъ на Москву,—удалился въ свой покой, отведенный ему въ концѣ длиннаго коридора. Потирая съ удовольствіемъ руки и улыбаясь уже не тою улыбкою, что у него была на-показъ, для людей, для „вѣрующихъ", онъ усѣлся въ кресло и взялъ раскрытую книгу своего любимаго мэтра Раблэ. Отъ высоко-религіознаго одушевленія, отъ своей торжественной рѣчи благородному польскому собранію, прелатъ перешелъ прямо къ безбожнику, осужденному церковью за свое еретичество. Убѣжденія прелата позволяли ему быть однимъ человѣкомъ въ Ватиканѣ, и совсѣмъ другимъ у себя, наединѣ съ самимъ собой. Тутъ онъ снималъ съ себя маску лицемѣрія и ханжества, тутъ онъ былъ самимъ собой; прелата римской куріи смѣнялъ скептикъ, остроумный насмѣшникъ, тонко понимающій разницу между ученіемъ Христа и ученіемъ римской церкви.

Ранній лучъ солнца блеснулъ на готическихъ окнахъ тяжелаго костела и на его темной черепичной кровлѣ. Живописное озеро, съ своими причудливыми очертаніями и заливами, то въ бѣлѣющихся пескахъ, то въ темной рамкѣ сосновыхъ боровъ, отражало голубое небо съ легко плывшими серебрнстыми облачками. Тихое, ясное утро внушало Ортансѣ желаніе подышать имъ, полюбоваться изъ окна своей комнаты. Все улыбалось молодой красавицѣ, которая сама всему улыбалась. Съ лукавствомъ, унаслѣдованнымъ всѣми красавицами, конечно, отъ ихъ общей прародительницы—Еввы, она позволяла любоваться собою назойливому пану Конюховскому, стоявшему передъ окномъ въ картинной задумчивости, конечно, разсчитанной, и не спускавшему съ нея глазъ, которымъ несчастный волокита сообщилъ выраженіе „влюбленности", но такъ неудачно, что плутовка смѣялась отъ души. Онъ только что привѣтствовалъ Ортансу, совсѣмъ одѣтую, съ добрымъ утромъ и въ отборныхъ выраженіяхъ, ловко обдуманныхъ, объяснилъ ей, что къ ея окну привело его ревнивое чувство, мѣшавшее ему спать эту ночь. Съ неподражаемымъ, какъ ему казалось, изяществомъ придворнаго кавалера онъ вручилъ ей роскошный букетъ яркихъ цвѣтовъ, еще въ капляхъ утренней росы. Она то подносила букетъ къ своему прекрасному личику и наслаждалась его ароматомъ, то любовалась имъ съ кокетливымъ выраженіемъ молодой дѣвушки, избалованной вниманіемъ мужчинъ. Сегодня ея чудесные золотистые волосы были высоко собраны, туго зачесаны и заплетены въ видѣ красивой коронки; бѣлая, расшитая по широкимъ рукавамъ кисейная сорочка и черная бархатная безрукавка, называвшаяся „казачкой", рѣзче выдавали блескъ ея здороваго, разрумянившагося, веселаго личика и большихъ синихъ глазъ.

— Охота затѣялась, панъ Януарій? спросила его дѣвушка, прислушиваясь къ звонкому собачьему лаю и звукамъ рожка, будившимъ тишину утра.

— Хотятъ зубра брать, прелестная панна. Вы, наша Діана, конечно? Я вашъ кавалеръ.

Онъ ей поклонился, вѣроятно для того, чтобы послѣ поклона еще выше задрать крошечный носикъ, всегда красный, утопавшій въ пухлыхъ щекахъ, и чтобы покрутить огненно-рыжій, щетинистый усъ, который итальянскіе косметики могли превратить только въ зеленоватый.

Между тѣмъ, въ столовой былъ приготовленъ обильный завтракъ для охотниковъ. Завтракъ едва не окончился печально. Поѣдая вкусныя „зразы", „колдуны", „фляки", баранину, нашпигованную чеснокомъ и подрумяненую на вертелѣ, въ собственномъ соку, запивая эту благодать литовской кухни „наливочками" и „старувками", благородные паны продолжали толковать все о той же московской „офярѣ" и о своихъ вооруженныхъ сборахъ. Панъ Конюховскій, успѣвшій возстановить противъ себя мужское общество нескрываемымъ къ нему пренебреженіемъ, съ свойственною ему безтолковостью, позволилъ себѣ вслухъ порицать интригу пана Мнишка; онъ не обратилъ вниманія на то, что въ числѣ гостей пана Ксаверія находились родные и друзья сендомірскаго воеводы. Онъ незамедлилъ наткнуться на крупную ссору. Молодой панъ Гербуртъ обрадовался случаю „осадить" чванливаго пана „посла" и придрался къ его словамъ съ задоромъ молодости и дерзостью своего характера, хотя и не съ нимъ говорилъ панъ посолъ, дурно отзываясь о затѣяхъ пани Марины и ея отца; тѣмъ не менѣе панъ Гербуртъ счелъ своимъ долгомъ замѣтить ему:

— Стыдно тому, кто дурно отзывается объ отсутствующихъ, даже если бы они были его врагами, панъ посолъ! Но злословить женщину въ несчастьи, и такую прелестную, какъ пани Марина,— подло! слышишь, панъ Януарій, подло, низко!

— Такъ есть! подтвердила молодежь.

— Не позволю говорить мнѣ такъ дерзко, панъ! вломясь въ амбицію запѣтушился Конюховскій.—Возьми назадъ свои слова, или...

Кичливый панъ наткнулся на словѣ, которое слѣдовало ему произнести и которое его пугало.

— Не только не возьму назадъ своихъ словъ, но еще прибавлю, что ты подлецъ, панъ Януарій! кричалъ молодой Гербуртъ, готовый отъ брани перейти къ саблѣ.—Ты надменный оселъ!..

Растерявшійся посолъ не зналъ: обижаться-ли ему, и если обижаться, то въ какой приличной формѣ долженъ онъ выразить свое негодованіе за нанесенную ему обиду и какъ за нее наказать? Попросту—онъ струхнулъ. Гордый левъ обратился въ зайца, высматривающаго кустъ, гдѣ-бы спрятаться. Его усатая рослая фигура въ богатомъ платьѣ выглядѣла теперь бабой, съ внѣшностью мужчины. Куда дѣвалась его кичливость! Послышался презрительный смѣхъ. Враждебные взгляды отовсюду доставали нарядного и присмирѣвшаго труса.

— „Сатысфакція!" если ты дворянинъ, панъ Януарій! вскричалъ

Гербуртъ и, ударивъ по ручкѣ сабли, обнажилъ ее. Пàнъ посолъ подался назадъ и уныло оглянулся, какъ бы ища защиты.

— „Сатысфакція!" подхватила молодежь, обрадованная возможности поединка, а еще болѣе случаю унизить и наказать зазнавшагося посла.—Мы всѣ оскорблены!

Конюховскій, увидѣвъ себя вынужденнымъ со всѣми объясниться, всталъ и дрожащимъ голосомъ началъ:

— Протестую, панове! Я никого изъ васъ не оскорбилъ. Оскорбленъ я... публично... прошу выслушать, панове... я... я... если не ошибаюсь, панове, вы требуете, чтобы я со всѣми вами дрался?.. Такъ-ли?

— Такъ есть, пàнъ, громко подтвердила молодежь.—Поручаемъ пàну Гербурту, по рыцарскому обычаю, бросить тебѣ перчатку вызова!

Янъ Гербуртъ бросилъ, чуть не въ лицо несчастнаго посла, замшевую перчатку съ раструбой. Вся фигура Гербурта дышала предвкушеніемъ счастья драться на сабляхъ; лѣвую ногу онъ отставилъ, голову закинулъ назадъ, правая рука опиралась на саблю. Посолъ поднялъ перчатку скрѣпя сердце, съ усмѣшкой, не одобрявшей этого формальнаго порядка, который съ нимъ продѣлывали задорные пàны, порядка, за которымъ сейчасъ-же слѣдовалъ поединокъ, по всей вѣроятности долженствующій закончиться не въ пользу посла. Онъ поднялъ перчатку остріемъ своей сабли и, взявъ ее въ руку, не зналъ, что ему теперь съ нею дѣлать?

— Оружіе? Мѣсто? Время? Громко спросилъ его Гербуртъ, до тонкости изучившій благородную науку поединковъ, и любившій ихъ не меньше женщинъ, вина и лошадей.—Тебѣ, какъ вызванному, выбирать оружіе, мѣсто и время! Отвѣчай-же, панъ Януарій Конюховскій?

Но великолѣпный панъ посолъ въ эту скверную для себя минуту словно навсегда утратилъ способность обдумывать и отвѣчать. Онъ уныло водилъ глазами по собранію и упорно молчалъ.

— Слово, панове! вмѣшался только что вошедшій въ залу панъ Ксаверій, въ отсутствіи котораго заварилась эта каша. — По праву хозяина и именемъ короля, саблю въ ножны, панъ Гербуртъ! Въ ножны, мой коханный панъ! Теразъ!

Голосъ почтеннаго хозяина и его миролюбивое требованіе непріятно раздались въ ушахъ задорнаго Гербурта; но онъ имъ повиновался. Зато ободрившійся посолъ умильно поглядывалъ на благороднаго хозяина, отвратившаго кровопролитіе, вызванное безпокойнымъ характеромъ Гербурта. Онъ поторопился передать перчатку хозяину дома, возвратившему ее, по принадлежности, Гербурту.

— Въ домѣ пана Ксаверія, панове, гость лицо неприкосновенное, по священному закону польскаго гостепріимства! внушительно замѣтилъ почтенный хозяинъ молодежи.—Вы это знаете. Хвала Богу, мы здѣсь собрались не на турниръ, не для личныхъ счетовъ, а ради пріязни нашей и веселаго сообщества. Да не устыжусь воспоминанія, что у меня въ замкѣ пролилась кровь моего пріятеля, ибо каждаго

изъ васъ, панове, я считаю своимъ пріятелемъ. Забудемъ непріятность, но не забудемъ охоты. Пора! Зубръ ждетъ насъ въ бору. Выслѣженъ. Гей! Хлопы! Венгуровки! по кубку на дорогу и въ сѣдло, панове!..

— Виватъ пану Ксаверію! весело крикнули гости, одинаково расположенные служить обоимъ веселымъ богамъ: и Марсу, и Бахусу. Но по взгляду, брошенному Гербуртомъ на Конюховскаго, снова надменно вздернувшаго вверхъ крашенную щетину усовъ, было понятно, что онъ не считаетъ дѣло поединка конченнымъ и, въ свое время, потребуетъ отъ злополучнаго посла „сатысфакціи".

Верховая лошадь и дамское сѣдло было удовольствіемъ Ортансы, съ которымъ она не равняла всѣ прочія. Молодые охотники поджидали на дворѣ „царицу амазонокъ" и на-перебой бросились подсадить Ортансу въ сѣдло. Но эта честь досталась пану послу, успѣвшему забыть урокъ, преподанный ему Гербуртомъ, и съумѣвшему оттереть своею надменною особой менѣе счастливыхъ кавалеровъ. Успѣхъ поднялъ крошечный носъ посла еще выше. Панъ Ксаверій съ старыми панами далеко уѣхалъ впередъ съ ловчими, псарями, доѣзжачими и лаявшими сворами, подвигаясь къ боражъ, мрачившимъ даль. Чванливый посолъ увязался рядомъ съ Ортансой, ревниво косясь на гарцовавшую кругомъ молодежъ. Кровная караковая лошадь съ примоченною и заплетенною гривкой, разчесаннымъ хвостомъ и вычерненными копытами горячилась на шагу подъ амазонкой, грызя мундштучное желѣзо и собираясь кольцомъ. Ортанса легко откинулась назадъ, граціозная какъ фея, и поскакала во всю прыть своей рѣзвой лошади. На ней была синяя бархатная гусарская куртка, разшитая золотомъ; синяя юбка амазонки развѣвалась; маленькая магерка, синяго же бархата, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, надвинутая на правый глазъ, кокетливо оттѣняла золотистые волосы; синіе глаза блестѣли, нѣжный румянецъ красилъ бѣлое личико, оживленное скачкой; посадка ея выражала увлеченье. Раннее солнце слѣпило ей глаза; она и жмурилась, и смѣялась; панъ посолъ, да и не онъ одинъ, на нее засмотрѣлся; смѣясь она повторяла: „Ахъ, что за утро! Жаль минуту потерять!" Она жила всѣми своими молодыми силами.

— За такой прекрасной наѣздницей я готовъ на край свѣта скакать! замѣтилъ ей панъ посолъ, упорствуя пронзить ея сердце своими глупыми глазами, но совершенно безуспѣшно.—Да! на край свѣта!

— Далеко: устанете, панъ! отвѣчала она, лукаво смѣясь.

— Панъ посолъ завладѣлъ сердцами нашихъ красавицъ! насмѣшливо замѣтилъ Конюховскому молодой Гербуртъ. — Счастливецъ въ любви такъ же, какъ храбръ въ полѣ! Совершеннѣйшій изъ польскихъ пановъ! Краса мужскаго пола! Великій умъ и плѣнительная любезность, панове! Намъ остается охотиться!

Высказавшись такъ зло и сорвавъ свое „сердце" на несчастномъ послѣ, заслонявшемъ ему собой хорошенькую панну, Гербуртъ при-

шпорилъ коня и ускакалъ, сопровождаемый смѣявшеюся молодежью, къ темному бору, куда скрылась охота. Впрочемъ, не безъ сожалѣнія покинулъ Гербуртъ и его товарищи синіе, зажигательные глазки и веселую болтовню прелестной амазонки, для менѣе пріятнаго, но болѣе мужественнаго провожденія времени. Вѣренъ Ортансѣ остался Конюховскій, и то потому, что избѣгалъ вообще всякой опасности, слѣдовательно и охоты, и былъ къ тому же плохой ѣздокъ. Его уморительная претензія затмить своею молодцоватостью на конѣ всѣхъ кавалеровъ вызывала веселый смѣхъ не одной Ортансы. Она не могла видѣть, какъ, безпомощно болтаясь на сѣдлѣ, онъ задиралъ кверху крошечный носикъ и большіе усы, лихо подбоченясь, поднявъ плечи, но то и дѣло хватаясь рукою за луку, чтобы не упасть. О своемъ наѣздническомъ искусствѣ онъ былъ самаго высокаго мнѣнія и не скрывалъ его.

Ортансѣ очень захотѣлось проучить этого несноснаго хвастуна, и въ ея умненькой головкѣ блеснула мысль, которую она не замедлила осуществить.

— Поскачемъ наперегонки! Поскачемъ, панъ! предложила она ему тономъ, не допускавшимъ съ его стороны возраженій. И давъ своему коню поводъ, поскакала. Онъ за ней,—правда, нисколько не по своему желанію, а просто уносимый лошадью, съ которой не могъ справиться. Прекрасная насмѣшница нарочно оглянулась на всемъ скаку, чтобы доставить себѣ удовольствіе полюбоваться на страхъ хвастливаго кавалера. Онъ еле держался на сѣдлѣ, схватясь рукою за луку. Его видъ былъ самый жалкій. Надменное лицо теперь выражало только заботу, какъ бы не свернуть себѣ шею. Мстительная дѣвушка неслась на кусты, которые ея рѣзвая лошадь легко перепрыгивала. Разсчетъ дѣвушки избавиться отъ докучнаго кавалера былъ вѣренъ: отчаянный вопль несчастнаго ѣздока, раздавшійся позади, возвѣстилъ о событіи, столь для нея желаемомъ. Оглянувшись, она увѣрилась, что вельможный панъ посолъ распростертъ на землѣ въ своемъ великолѣпномъ бархатномъ кунтушѣ и что его конь во весь духъ несется по направленію къ замку. Вмѣсто того, чтобы по чувству христіанскаго участія вернуться и помочь въ несчастіи пострадавшему спутнику, такъ жестоко наказанному за самохвальство, она продолжала скакать и перешла въ шагъ только въ густомъ кустарникѣ, мѣшавшемъ скачкѣ. Вдругъ ея лошадь навострила уши и на-встрѣчу ей изъ кустовъ показался пѣшій охотникъ съ ружьемъ и собакой. Къ своему удивленію, отчасти и досадѣ, она узнала въ немъ пана Вицента, шедшаго задумчиво и тоже не ожидавшаго съ ней встрѣтиться въ такой глуши. Оба остановились. Онъ приподнялъ шапку, поклонился.

— Панна Ортанса! своимъ глазамъ не вѣря, заговорилъ онъ, серьезный, какъ всегда, голосомъ, обнаружившимъ его радостное изумленіе, что ее видитъ.—Какъ вы сюда попали?

— Такъ же, какъ и вы, панъ: вы только пѣшкомъ, я верхомъ... Забавный случай, панъ!..

Ортанса, смѣясь, разсказала ему, какъ она отдѣлалась сейчасъ отъ надоѣвшаго ей волокиты и хвастунишки, пана посла.

— Жестокая вы дѣвушка! съ тихимъ вздохомъ не то замѣтилъ онъ ей въ видѣ упрека, не то высказалъ свою мысль. Онъ погладилъ рукою красивую, „сухую" морду ея лошади и сказалъ:—умный взглядъ. Ваша лошадь, панна, умнѣе пана посла.

— Отчего вы не у насъ, въ зàмкѣ, сегодня, панъ? Съ легкимъ упрекомъ замѣтила ему дѣвушка, избѣгая на него глядѣть. Его грустный взглядъ она понимала, какъ упрекъ себѣ, упрекъ, вполнѣ ею заслуженный.—Въ зàмкѣ много съѣхалось, какъ всегда, на Петра и Павла, весело... Отецъ часто васъ вспоминаетъ, панъ...

Подгурскій положилъ руки на дуло ружья и задумался.

— Гдѣ весело, гдѣ многолюдно—тамъ не мое мѣсто, панна Ортанса, сказалъ онъ, вздохнувъ и тоже избѣгая на нее глядѣть. — Я не гожусь для свѣтскаго общества, вы это знаете... Во мнѣ много странности... Люблю поля, лѣса... Вотъ гдѣ мнѣ хорошо.

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ поднялъ голову и съ спокойной улыбкой бросилъ взглядъ на окрестность. Ортанса поняла, какъ радуетъ его раздолье зеленѣющихся кругомъ кустовъ, кроткая ясность голубаго неба, мягкость въ душу просящагося воздуха, синѣвшіеся вдали боры, озлащенные лѣтнимъ солнцемъ, волнующіяся спѣлыя нивы... Она его знала.

— Бываютъ дни, продолжалъ Подгурскій, вскинувъ на дѣвушку свои простодушные глаза,—когда человѣку нужно оставаться съ самимъ собою; когда онъ не годится для общества, кажущагося ему пустыней, гдѣ нѣтъ ему отвѣта...

— Такіе дни, конечно, не могутъ быть продолжительны, панъ; иначе жизнь оказалась бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ, замѣтила Ортанса съ выраженіемъ, не скрывшимъ отъ пана Вицента ея доброе къ нему участіе.

— Жизнь, какъ вдумаешься, право, не стоитъ того горя, которымъ мы за нее платимъ, панна! продолжалъ Подгурскій.—Стоитъ ли такъ добиваться того, что мы называемъ своимъ счастьемъ?.. Присмотришься къ жизни — все то мы прощаемся: съ близкими намъ людьми прощаемся, съ дорогими мечтами... Разбитая душа—не та же ли смерть?

— Вы больной человѣкъ, панъ; душевно больной, сказала Ортанса съ сочувствіемъ.

— Душевно больной, панна? заговорилъ Подгурскій, встрепенувшись, словно уязвленный, и быстро недовѣрчиво остановилъ свой взглядъ на дѣвушкѣ.—Можетъ быть!.. Но мнѣ такъ непріятно, когда мнѣ говорятъ о моей душевной болѣзни! Очень непріятно, панна Ортанса!,.

— Но если это такъ, панъ? улыбаясь, мягко замѣтила дѣвушка, впрочемъ, уже раскаявшаяся, что позволила себѣ съ нимъ такую откровенность и зашла такъ далеко въ отношеніяхъ своихъ къ человѣку, котораго до сихъ поръ отвергала.

— Потому и непріятно это мнѣ, что это такъ, панна! раздражительно сказалъ онъ и замолчалъ съ очевидною рѣшимостью уклониться отъ этого разговора.

Выраженіе его, обыкновенно спокойнаго, лица теперь пугало Ортансу своею безнадежностью, вполнѣ соотвѣтствовавшею мрачной правдѣ его словъ. Только теперь, только въ эту минуту ея женское сердце почувствовало всю серьезность привязанности къ себѣ этого скромнаго, неуклюжаго на видъ пана. Состраданіе связывало ее съ нимъ въ эту минуту, удерживало ее возлѣ него. Она была смущена, но въ ней заговорила хорошая, честная женская рѣшимость. Ей хотѣлось оправдаться въ чемъ-то передъ нимъ.

— Панъ Вицентъ! заговорила она прежде, чѣмъ успѣла обдумать хорошенько свои слова.—Быть можетъ, вы имѣете основаніе считать меня виновною въ вашемъ мрачномъ настроеніи; но я передъ вами права... клянусь! Если я избѣгала васъ до сихъ поръ, то потому, что не понимала васъ... Для дѣвочки вы слишкомъ серьезный человѣкъ и я васъ боялась. Теперь, только теперь, я васъ понимаю... и если ваше чувство ко мнѣ не измѣнилось, могу вамъ на него отвѣтить...

Ортанса нагнулась къ шеи лошади и погладила ее перчаткой, чтобы скрыть брызнувшія изъ глазъ слезы. Она сказала здѣсь послѣднее „прости" свѣтлому воспоминанію о встрѣчѣ своей съ юнымъ Паоло...

Подгурскій взялъ ея руку и, сжавъ, молча смотрѣлъ на нее благодарными, просіявшими глазами, безъ силъ высказать ей свою благодарность, свою радость.

— Только подождите, панъ... прошептала она, глотая слезы и отвернулась отъ него на минуту. — Дайте мнѣ немного времени... и вѣрьте мнѣ...

— Вѣрю и жду, панна Ортанса! твердо сказалъ онъ, съ счастливымъ вздохомъ не спуская съ нея глазъ. — День, въ который я назову васъ своею женой, будетъ лучшимъ днемъ моей жизни!

— Теперь я имѣю право запретить вамъ грустить и приказать вамъ съ нами обѣдать въ замкѣ, панъ... Вечеромъ я танцую съ вами мазурку...

— Ваши приказанія исполню, прелестная и коханная моя панна Ортанса!

Онъ съ трудомъ заставилъ себя выпустить маленькую ручку дѣвушки, предварительно поцѣловавъ ее, и проводилъ амозонку нѣжнымъ вздохомъ.

Едва она скрылась въ кустахъ, онъ услыхалъ ея отчаянный крикъ, звавшій на помощь. Онъ опрометью побѣжалъ на крикъ, торопливо

взведя на бѣгу курокъ своего заряженнаго ружья. Собака опередила его съ лаемъ. Онъ не замедлилъ увидѣть Ортансу, окруженную тремя конными лисовчиками. Испуганный Подгурскій приложился въ задняго разбойника дрожащими отъ волненія руками и выстрѣлилъ. Лисовчикъ качнулся на сѣдлѣ и, медленно склоняясь, свалился съ сѣдла. Остальные ускакали, увлекая съ собой Ортансу.

— Кто ты, негодяй? трясясь отъ гнѣва, спросилъ раненаго Подгурскій.

— Лисовчикъ! съ мрачнымъ равнодушіемъ пробормоталъ тотъ, мертвенно блѣдный.

Пуля пробила ему грудь на вылетъ, выше сердца.

— Кто увезъ панну? говори. Подгурскій грозно замахнулся надъ головой раненаго прикладомъ ружья.—Говори!

— Ротмистръ Лисовскій, чуть слышно прошепталъ раненый, быстро ослабѣвая.

— Куда увезъ? допытывался Подгурскій.

Но его вопросъ остался безъ отвѣта. Кровь хлынула у раненаго ртомъ; онъ потянулся, тихо простоналъ и умеръ.

Ружье выпало изъ рукъ Подгурскаго.

— Іезусъ-Марія! воскликнулъ онъ въ отчаяніи, не зная, что ему дѣлать, какъ помочь Ортансѣ.

XV.

„Красна-дѣвица надежа
Въ садику гуляла,
Она въ садику гуляла,
Грушицу ломала,
Другу отсылала
Словомъ наказала:
Ты не во время ходишь,
Не въ пору гуляешь;
Приходи, моя надежа,
Иною порою,
Вечернею зарею,
Когда батюшки нѣтъ дома,
А матушка въ гостяхъ,
Милы братцы на охотѣ“.
(Русская пѣсня).

— Что жъ раскисъ? Въ затворники ступай, спасайся, Василій Ивановичъ, коли царская шапка тебѣ не по старой головѣ! рѣзко и съ злымъ чувствомъ воскликнулъ князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій въ отвѣтъ на жалобы брата, царя, на трудность государственнаго дѣла при общей замутѣ земли и при боярской шатости.

— Намъ съ тобою, Митя, теперь, видно, не спастись! съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ царь.—Опоздали, должно...

— Не всѣ добрые люди отъ насъ отвернулись. Не пропали еще. Властвуешь.

— Надолго ли? Не властвую, въ осадѣ сижу. Глянь на меня: такой ли былъ? состарился!

Князь Дмитрій Шуйскій молча устремилъ на брата царя свой всегда насмѣшливый, злой взглядъ. Богатый атласный кафтанъ его и внушительная сановитость такъ не соотвѣтствовали старенькому, хотя парчевому, цареву платью и его согбенной, подслѣповатой, какъ бы запуганной старческой фигурѣ. Василій Ивановичъ невесело продолжалъ:

— „Они" сказываютъ, я-де государь несчастливый, изъ-за меня-де кровь христіанская точится и нестроеніе государственное; затѣмъ, Украйна-де къ ворамъ отступилась; старъ-де я, неспособенъ править. По дѣлу выходитъ, ихняя правда. Надо-быть мнѣ своею волею съ государства сойти. Да замирится земля русская...

— А мы-то? кровные твои и благопріятели? Мы-то, вѣрные твои бояре? запальчиво воскликнулъ князь Дмитрій Шуйскій. — Мало ли мы изъ-за тебя враговъ себѣ нажили? Сойдешь съ государства — подавятъ насъ всѣхъ!..

— Богъ не безъ милости, кротко сказалъ царь съ спокойствіемъ стараго правителя, убѣжденнаго въ необходимости принести себя въ жертву государственной пользѣ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай, Василій! Держись на царскомъ столѣ.

— А силою ежели сведутъ, Митя? Вѣдь хуже.

— Дѣло будетъ видно: потягаемся!

Царь неодобрительно покачалъ уже сѣдою головой, остриженною по-русски, въ скобку, и тихо замѣтилъ, какъ бы наставительно, брату:

— Самондравенъ ты, Митя, знаю. Никому тебя не переспорить. Что ты, что женка твоя—на языкѣ, какъ на гусляхъ. Да на дѣлахъ плохи. Не мало за васъ переношу! Опять ты меня подбиваешь? Размысли: похвалки однѣ твои. Въ нужномъ часѣ, въ тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ тебя искать? Не тебѣ ли, своему единокровному, единоутробному брату вручалъ я воеводство надъ ратью не малою; куда дѣлъ ты ту рать сильную? Послалъ тебя на воровъ, а ты прибѣгъ въ Москву самъ-пятъ? Рать сильную истерялъ? Не по твоему ли слѣду воры къ бѣлокаменной шли? Тебѣ ли, Митя, меня научать? Мнѣ ль тебя слушать?

— Срамишь ты меня, Василій! Не по моимъ тебѣ заслугамъ награждаешь! горячо возразилъ князь Димитрій. — Кабы не эти твои злыдни измѣнили, далъ бы я ворамъ прочухана!

— Пойди, заткни имъ глотки! вздохнувъ, замѣтилъ Василій

Ивановичъ,—прислушай, что въ народѣ про царскаго братенька поговариваютъ?

Князь Димитрій не могъ воздержаться отъ негодованія. Весь трясясь, сжавъ кулаки, онъ сдѣлалъ къ брату шагъ и вскричалъ:

— Видно, на то барабанъ, чтобъ въ него палкой попадать! Братъ царевъ, князь Дмитрій, видишь, казну ограбилъ, царю измѣнилъ; похваляется испортить, а то отравить племянника своего, князя Михаила Скопина, и въ томъ умыслѣ ему, князю Дмитрію, княгиня, его жена, Екатерина Григорьевна, помогаетъ. Злодѣй, поэтому, я тебѣ и твоему государству, царь и великій князь Василій Ивановичъ? Пособникъ я твоимъ измѣнникамъ и лиходѣямъ твоимъ, государь! Что жъ глядишь на лиходѣя брата? Не отнята еще у тебя власть царская! Вели на „верхъ", въ царскихъ палатахъ своихъ, думнымъ боярамъ сбираться! Веди меня въ думу свою царскую къ допросу, а оттоль пошли въ застѣнокъ, пытать! повинюсь на дыбѣ, скажу тебѣ всю свою неправду великую, въ своихъ лихихъ на тебя дѣлахъ покаюсь! И по тѣмъ моимъ лихимъ дѣламъ скажи мнѣ, своему злодѣю, свой судъ царскій; сказни меня, своего злодѣя, царскимъ палачомъ, всенародно, на лобномъ мѣстѣ! Порадуй Москву бѣлокаменную! Не терпитъ она меня, твоего царскаго брата; ненавидитъ семью мою, княжескую; жена-молъ — Малюты-палача дочка, кровью людскою насыщенная съ юныхъ своихъ дней! И я имъ распрегордъ кажусь! Порадуй своихъ недруговъ!

Князь Дмитрій въ сильномъ раздраженіи прошелся по горницѣ, ядовито усмѣхаясь. Его благообразное лицо исказилось злобой, давно накипѣвшей на сердцѣ и бурно высказавшейся. Василій Ивановичъ безпокойно слѣдилъ за нимъ подслѣповатыми глазами.

— Коли вѣрилъ бы я лихимъ на тебя навѣтамъ, Митя, не стоялъ бы ты по мнѣ первымъ человѣкомъ въ государствѣ моемъ, тихо замѣтилъ царь, желая успокоить раздраженіе брата, казавшееся ему справедливымъ. — Навѣты по злобѣ отличу отъ твоей правды, Митя; не вовсе еще одурѣлъ...

Князь Дмитрій остановился противъ брата и окинулъ его взглядомъ нескрываемаго, оскорбительнаго презрѣнія. Гордая фигура князя дышала теперь надменностью вельможи, принужденнаго оправдываться въ нелѣпыхъ толкахъ и обвиненіяхъ, упорно державшихся въ народѣ,

— Кабы ты былъ твердый правитель—давно понялъ бы, въ чемъ дѣло, Василій Ивановичъ, продолжалъ князь, замѣтно поуспокоясь.— Впрямь, сходи съ государства, царь; не жди, чтобъ силой тебя съ него свели. Не тебѣ, по такому времени лихому, да государствовать; не по бурѣ кормчій, не по кораблю корабельщикъ! Того не поймешь: ты не любъ—по тебѣ не любы и мы, братья твои; невѣстокъ твоихъ, и тѣхъ ославили! Мы у нихъ и измѣнники, и казнокрады!.. Эхъ, горюша ты нашъ, Василій-свѣтъ Ивановичъ. Нешто ты-то самъ измѣнникъ, когда съ Мстиславскимъ повелъ великія рат-

ныя силы на воровскую Украйну, при Борисѣ царѣ? Самозванцева сброда противъ васъ горсть всего была, а вы его истребить не могли; не вы съ Мстиславскимъ измѣнили Годуновскому роду, рать измѣнила... Такъ и я съ дружиной. Не я тебѣ измѣнникъ, государь Василій Ивановичъ. Опричь меня ихъ много.

— Знаю, сумрачно согласился съ нимъ царь.

— А знаешь, такъ къ чему бабьимъ сплетнямъ вѣришь? Мало ли чего на тебя они взвели? Какой небывальщины? Послушай только— не заснешь!

— И то, иную ночь отъ черныхъ думъ глазъ не сомкнешь, Митя. Не знаю: какъ мнѣ быть? сказалъ Василій Ивановичъ, понурилъ голову. Его уныніе невольно смягчило негодованіе оскорбленнаго брата. Они были дружны и, при всѣхъ недостаткахъ своего характера, князь Дмитрій любилъ, по-своему, старшаго брата. Его тяжелое положеніе, какъ царя, онъ понималъ и не прочь былъ забыть полученный отъ него упрекъ. Не до самолюбія теперь было. Въ опасности, угрожавшей царю, а съ нимъ и его роднѣ, отъ признанія частью русскихъ бояръ и народа русскимъ государемъ польскаго королевича, князь Дмитрій видѣлъ одинъ исходъ: укрѣпить волю брата и держаться ему царемъ въ Москвѣ. Авось противный вѣтеръ на попутный смѣнится. Зная расположеніе брата къ волхованію, онъ обратился къ нему съ такими словами:

— Василій! не время задумываться. Того волхва, что планиду людскую сказываетъ, я привелъ. Узнаешь своего врага и судьбу свою. Дозволишь позвать?

Внимательно выслушавъ брата, Василій Ивановичъ одобрительно качнулъ головой.

— Какой такой? спросилъ онъ, вдругъ обезпокоясь. Царь зналъ по Москвѣ всѣхъ гадателей, чернокнижниковъ и волхвовъ.

— Звѣздочотъ истинный, изъ жидовинъ выкрестъ, поспѣшилъ успокоить брата князь Дмитрій.

— Чернокнижникъ — знаю, случается изъ жидовинъ, замѣтилъ царь, самъ посвященный въ науку чернокнижія. — Да вѣдь чернокнижнику полагается не мало вѣдать, Митя. Ученъ ли волхвъ твой, Митя?

— Зѣло наученъ, Василій Ивановичъ.—Увидишь.

Царь кивнулъ головой въ знакъ согласія. Но недовѣрчивая усмѣшка не покидала его усталаго, осунувшаго лица, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ обращеннаго на сѣнную дверь, откуда долженъ былъ появиться братъ съ неизвѣстнымъ еще царю волхвомъ изъ „жидовинъ“.

Въ эту самую ночь молодая княжна Марія засидѣлась дольше обыкновеннаго въ своемъ саду. Грустное настроеніе дѣвушки, гото-

вящейся стать женою государя, не могло не обращать на себя вниманіе домашнихъ и особенно „кумушекъ“, охотницъ до чужихъ тайнъ. Какъ ни прикрывалась царская невѣста печалью по отцѣ,—ей самой неловко становилось, когда, пристально на нее глядя, мать или какая-нибудь старая родственница участливо ее спрашивала: „что̀ она печальна, совсѣмъ не та, что была?“ Но что она имъ скажетъ? Она понимала, что пережитое ею чувство къ польскому пану легло на ея остальную жизнь длинною и грустною тѣнью; что каждый день, приближающій ее къ свадьбѣ, усиливаетъ ея сердечную тоску. И въ ней она не вольна̀. Эта свадьба производитъ на нее впечатлѣніе похоронъ. Кого-жъ она хоронитъ? Себя, свою молодость, свою неудавшуюся жизнь. Веселое напоминаніе добродушной матери о свадьбѣ раздражаетъ невѣсту. Это замѣчала и мать. Привѣтливая, общительная, княжна замкнулась теперь сама въ себѣ. Словно смолкла навсегда и ушла въ себя отъ всѣхъ. Будетъ понятно поэтому удовольствіе, съ какимъ она проводила тихіе, уединенные вечера въ саду, подъ звѣзднымъ небомъ, предаваясь созерцанію природы и бесѣдѣ глазъ на глазъ съ своимъ страдающимъ сердцемъ. Она засидѣлась на своей скамейкѣ, въ углубленіи изъ цвѣтущей акаціи, и отдалась во власть того лѣниваго, нѣжащаго спокойствія, что̀ нисходитъ на усталую землю вмѣстѣ со сномъ. Отрадна казалась ночная тишина. Свѣжесть и сумракъ бодрили ее. Она полною грудью вдыхала благоухающій воздухъ и жадно вслушивалась въ соловьиныя трели, мелодически раздава̀вшіяся въ рощѣ. Свѣтлыя мечты мѣшались съ грустнымъ воспоминаніемъ невозвратимаго счастья. Къ сердцу подступала томительная тревога. Темнота теплой лѣтней ночи таинственно раскинулась кругомъ и густо залила все, на чемъ еще недавно отражалась погасавшая заря. Княжна не замѣтила, какъ изъ-за дубовой рощи, обливая ее своимъ лучистымъ свѣтомъ, тихо поднялся мѣсяцъ—круглый, ясный и глянулъ на садъ, на усадьбу, на весь міръ Божій. Вдругъ передъ дѣвушкой по травѣ скользнула тѣнь и выросла человѣческая фигура... Не можетъ быть! Ей показалось? Нѣтъ, онъ!.. онъ!.. молодой польскій панъ! Тотъ самый взглядъ смѣлыхъ синихъ глазъ, та самая гордая, хотя теперь печальная улыбка; скрѣщенные на груди руки и молодецкая осанка, по которой она узнала бы его изъ тысячи мужчинъ! Она не шелохнулась, не вскрикнула. Изумленіе ея было слишкомъ велико. Страхъ быстро смѣнился въ ея сердцѣ счастьемъ еще разъ съ нимъ встрѣтиться, увидѣть его. Онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, какъ виноватый, умоляющій о прощеніи. Этотъ молчаливый, умоляющій взглядъ высказалъ ей всю страсть, жаловался ей безъ словъ на все горе, что онъ за нее вытерпѣлъ. Его казацкая одежда бросилась ей въ глаза.

— Княжна Марія! прошепталъ онъ, и нѣжной музыкой отозвались его слова въ ея трепетавшемъ сердцѣ,—прости мою рѣшимость: не осуждай! Чтобъ только тебя увидѣть—я готовъ умереть. Видишь:

для любви нѣтъ невозможнаго; она обманетъ стражу, проникнетъ въ непріятельскій городъ, не дорожитъ жизнью! Что мнѣ жизнь! несчастье, отъ котораго я хочу избавиться!.. Но и смерть бѣжитъ меня! Я счастливъ, что тебя увидѣлъ! Я унесу въ сердцѣ твой прекрасный образъ и умирая улыбнусь ему! прости: я испугалъ тебя!.. Онъ стоялъ безъ шапки, которую мялъ въ рукахъ, и вздохнулъ, какъ ожидающій своего приговора.

— Да, панъ, ты меня испугалъ! проговорила она, наконецъ, дрожащимъ голосомъ. И, какъ бы поясняя свои слова, прибавила:—за тебя боюсь... какъ могъ ты?..

— Чего я не могу для тебя, княжна? повторяю: для любви моей нѣтъ невозможнаго. Не попытаться тебя увидѣть еще разъ—было бы свыше моихъ силъ! О, прекрасная княжна! Если бы ты знала, что я вынесъ?.. какъ я несчастенъ...

Дворжицкій вздохнулъ и опустилъ голову. Она прочла на его лицѣ живое страданье.

— Не думаешь ли, благородный панъ, что мнѣ легче твоего? замѣтила княжна съ горькою усмѣшкой и невольнымъ упрекомъ разстроенной души.

Онъ встрепенулся и вскинулъ на нее нетерпѣливый, обрадованный взглядъ. Женское чувство, сказавшееся въ ея словахъ, льстило ему, отвѣчало его чувству.

— Повтори!.. повтори!.. повтори, что ты сказала, княжна! воскликнулъ онъ и въ глазахъ его блеснуло счастье.—Твои слова возвращаютъ меня къ жизни! и ты страдаешь, Марія?

Она грустно молчала, лаская его широко раскрытыми глазами.

Онъ порывисто схватилъ ея руку; она не сопротивлялась. Мѣсяцъ блестѣлъ на ея прекрасномъ лицѣ, на лебединой шеѣ, серебрилъ ея бѣлую сорочку съ кружевомъ по вороту и золотой позументъ сарафана. Дворжицкій вдругъ упалъ передъ ней на колѣни, покрылъ ея руки горячими поцѣлуями, смочилъ ихъ горючими слезами. Что это были слезы счастья—она не сомнѣвалась. Его счастье и ей сообщилось. Онъ почувствовалъ, что къ его горячему лбу приникли горячія женскія губы; что женскій поцѣлуй, безъ звука, медленный, сладкій—обжегъ его лобъ. Больше онъ ничего не помнилъ. Пролетѣло мгновенье, показавшееся ему вѣчностью. Такъ хорошо ему еще никогда не было. На его плечѣ довѣрчиво покоилась хорошенькая черноволосая головка. Всѣмъ своимъ стройнымъ молодымъ тѣломъ она, склонясь какъ изнемогшая отъ наполнявшаго ее чувства, прижалась къ нему и замерла. Хорошо было ея выраженіе. Онъ упорно смотрѣлъ ей въ лицо, освѣщенное мѣсяцемъ, и улыбался все одною и тою же улыбкою счастья. Эту-то улыбку хотѣла объяснить себѣ дѣвушка, запомнить навсегда. Обѣ ея руки трепетали въ его рукахъ.

— Хорошо! хорошо ты на меня смотришь, Марія! нѣжно шепталъ Дворжицкій.

А она смотрѣла ему въ глаза и улыбалась.

— Что за ночь! Нѣтъ, твой взглядъ лучше этой ночи, Марія! Онъ глубоко вздохнулъ, усталый отъ восторга.—Эта минута—награда мнѣ за тяжелые дни... Я ее заслужилъ страданьемъ... О, какъ я счастливъ! Какъ мнѣ хорошо съ тобой, Марія!..

Она не шевелилась, какъ бы сама въ себѣ прислушиваясь, какъ бы боясь выдти изъ власти охватившаго ее страстнаго опьянѣнія, изъ обаянія этой тихой, роскошной мѣсячной ночи.

— И все это правда?.. И я не сплю?.. Не сонъ это чудный? нѣжно шепталъ Дворжицкій, любуясь дѣвушкой, замершей въ его сильныхъ объятіяхъ.—Говори же, Марія; скажи мнѣ что нибудь?

— Я счастлива! шепнула она, вздыхая...

Шумъ на усадьбѣ и голоса людей заставили княжну очнуться. Быстрымъ, легкимъ движеніемъ она выпрямилась на скамейкѣ и прислушалась безпокойно къ голосамъ.

Она встала.

— Я сумасшедшая! прошептала она, не то упрекая себя, не то приводя себѣ въ ясность значеніе для себя только что промелкнувшей минуты.

— Уходи, панъ! настойчиво сказала она ему съ выразительностью молодой женщины, трепещущей за жизнь любимаго человѣка.— Уходи, ради самого Бога!.. прощай!..

И быстро пошла отъ него къ хоромамъ.

Могла ли она заснуть? Она и не ложилась. Попыталась „замолить свой грѣхъ" передъ образомъ, но молиться не могла, мысль ея была далеко отъ молитвы. Вся подъ живымъ впечатлѣніемъ неожиданнаго свиданья, она все время словно видѣла Дворжицкаго, повторяла не слова молитвы, а нѣжныя его рѣчи. Короткая лѣтняя ночь промелькнула полная счастья, какъ продолженіе волшебнаго сна. Только страхомъ за жизнь красавца пана омрачалось эту ночь счастье княжны...

И послѣ такой ночи, казавшейся княжнѣ озаренной чуднымъ свѣтомъ, вдругъ вѣсть: „женихъ-де, государь Василій Ивановичъ, пожалуетъ нынче къ нимъ, своей нарѣченной роденькѣ, въ гости". Оробѣла, упала духомъ княжна, выслушавъ отъ матери эту тяжелую вѣсть; присѣла, слова не вымолвила. Словно затуманилось передъ ней ясное солнышко, проглянувшее было на нее привѣтно, было пригрѣвшее ее!

Старый женихъ „пожаловалъ" раньше обыкновеннаго; онъ выглядывалъ съ безпокойствомъ, котораго не въ силахъ былъ скрывать. Даже задумавшаяся княжна это замѣтила. А дородная княгиня Анна не утерпѣла, пристала къ нему съ вопросами: что такое? не вѣсти ли какія случились худыя изъ Тушина или съ Украйны?

Шуйскій вздохнулъ, прежде чѣмъ рѣшился отвѣтить, и робко глянулъ на неподвижную княжну. Та инстинктивно поняла, что дѣло касается ее.

— Откройся, государь Василій Ивановичъ, зятекъ мой нарѣченный; не томи ты меня, старуху, причитывала, словно пѣла, добродушная хозяйка, готовая всплакнуть своими безхитростными слезами, вызванными участіемъ къ нему.

— Вѣстей хорошихъ, должно, ждать намъ нѐоткуда, матушка княгиня, сказалъ наконецъ Шуйскій, нагнувши голову, нахмурясь и глядя въ полъ, словно сбираясь съ мыслями и тяготясь сообщить то, что сообщить ему необходимо.—Тутъ вышла иная статья... Нынче, по ночи, дозоръ стрѣлечій взялъ человѣка, якобы съ твоего, княгинюшка, двора бѣжалъ... сказался полякомъ, молодой парень, видный... Признали мы съ князь Федоромъ въ томъ полякѣ дворянина, что съ послами круля въ Москвѣ жилъ... Не подсыльный ли то отъ круля? съ измѣнниками нашими царскими на Москвѣ не сносился ли? Учали его допрашивать; говоритъ: не отъ круля пришелъ въ Москву, самъ по себѣ. А зачѣмъ? рѣчми путается. Говоритъ: де-желалъ князь Ивана Ростовскаго видѣть; другъ-де онъ мнѣ, названный мнѣ онъ братецъ. Правда ли то, княгиня Анна Тимофѣевна?

— Охъ, правда, государь Василій Ивановичъ! сущая правда! со вздохомъ сокрушенья должна была подтвердить княгиня. — Сынъ мнѣ князь Иванъ, а покрывать его не покрою, государь, точно: какъ еще тогда, въ лѣсѣ, на охотѣ, полячекъ тотъ Ваню моего отъ злой смерти спасъ,—медвѣдя убилъ; медвѣдь-то, слышь, на Ванѣ уже сидѣлъ,—помѣнялись они крестами, братьями крестовыми, точно, назвались, и другъ съ дружкой, словно кровные братья, жили; все, государь, отъ покойника, царство ему небесное, вѣчный покой, отъ князь Петра, ихняго родителя, слабость была пущена! добавила княгиня, какъ бы въ оправданіе себя. — А я того пріятельства Ванинова съ полячкомъ не терпѣла; даже можетъ сколько разовъ срамила Ваню. Съ кѣмъ это ты, говорю, связался Иванъ Петровичъ? Нешто онъ тебѣ ровня? съ полячкомъ братаешься, съ нехристемъ? то тебѣ, говорю, въ стыдъ, сынокъ: люди засмѣютъ. Такъ куды тебѣ! меня же, старую, оговорили: „старовѣрка-де!“ И покойникъ мой его же, сына, поддержалъ. Не мѣшайся, говорилъ, Анна Тимофѣевна; де-не твоего бабьяго разума это дѣло; нынче, говорилъ, не старина! Вотъ-те и знай: я же у нихъ виновата осталась!

— Что-жъ? Поляковъ порочить нечего, княгиня, замѣтилъ Шуйскій, нарочно избѣгая глядѣть на свою молодую невѣсту, которую бросало то въ жаръ, то въ холодъ, съ великодушнымъ желаніемъ не усиливать ея смущенія.—Полякъ—народъ-чистота; полякъ супротивъ нашего брата русака много показнѣе, нація рыцарская... У поляка, особенно у пана, есть чему поучиться русскому дворянину. Панъ польскій образованъ не по-нашему: всякому обычаю иноземному на-

ученъ... Опять же одѣвается щеголемъ, льстивъ рѣчью, наипаче съ женскимъ поломъ... потому панъ нашимъ краснымъ дѣвушкамъ любъ...

— Правда, Василій Ивановичъ, согласилась съ нимъ простодушная княгиня.—Нашъ-то и говорить путно не можетъ: либо совретъ, либо словно обухомъ ударитъ... необразованный!

— Я вотъ насчетъ пріятельства того, матушка княгиня, продолжалъ Шуйскій, возобновляя первоначальный разговоръ о взятомъ ночью полякѣ. — Знать то хочу: видался ли тотъ полячекъ захваченный съ своимъ крестовымъ братцемъ, князь Иваномъ? и гдѣ видался? когда?..

— Оба сына мои, князья Иванъ да Юрій, на твоей государевой службѣ ратной, на градской стѣнѣ, Василій Ивановичъ, сказала дородная княгиня, начинавшая не на шутку безпокоиться этимъ серьезнымъ разговоромъ нарѣченнаго своего зятя, имѣвшимъ смыслъ какъ бы допроса.—То самъ вѣдаешь, государь...

— Вѣдаю, матушка княгиня: оба князька на стѣнѣ градской... Ну, а не видалъ ли кто изъ твоихъ домочадцевъ на дворѣ твоемъ княжемъ того полячка сею ночью? знать то мнѣ надо...

Призванный дворецкій Шульга не умедлилъ донести Шуйскому, что сею де ночью на княжъ дворъ никто не былъ, и князь Ивана не спрашивалъ; и то де ему, Ипату, извѣстно, потому-де спитъ онъ, Ипатъ, кажну ночь на княженецкомъ красномъ крыльцѣ, и де чутокъ во снѣ: песъ ли брехнетъ, человѣкъ ли крадется, птица ли шарахнется на древѣ—онъ, Ипатъ, на чику, озирается. И дворъ-де княжъ запертъ крѣпко; того де нельзя, чтобъ потайно человѣкъ на дворъ зашелъ.

Шуйскій внимательно выслушалъ вѣрнаго стараго слугу, и когда тотъ удалился, взглянулъ на молчавшую все время княжну. Что она вся трепетала, сидѣла ни жива, ни мертва, это онъ хорошо видѣлъ, щурясь на нее глазами въ красныхъ вѣкахъ съ подозрѣніемъ, вызваннымъ оскорбленнымъ чувствомъ. Умное лицо его сосредоточилось на мысли, которую поясняла тонкая насмѣшливая улыбка немолодого человѣка, ревнующаго, добивающагося убѣдиться, основательно ли его подозрѣніе, и боящагося его обнаружить.

Смущенье молодой невѣсты, слишкомъ явно выдававшее ея душевную тревогу, не могло, конечно, скрыться и отъ материнскаго взгляда; это дочернее смущенье, понятое въ эту минуту материнскимъ сердцемъ, бросило княгиню въ отчаяніе. По своей простотѣ, она видѣла теперь въ дочери виновницу, кладущую покоръ на свою дѣвичью честь, унижающую достоинство Ростовскаго княжескаго дома; теперь ясно для нея становилось значенье вопросовъ жениха и утренняя радость дочери, рѣзко смѣнившая постоянную ея печаль. Ужели дочь ея видѣлась въ эту ночь съ Дворжицкимъ? Гдѣ? Конечно, въ саду! не даромъ же она такъ поздно изъ него вернулась. Болѣе несносно не могло быть уязвлено ея материнское самолюбіе. Единственная

дочь обезславила себя, мать, весь старинный свой княжескій родъ; осрамилась въ глазахъ жениха и добрыхъ людей; не бывать ея дочкѣ царицей, а ей, княгинѣ Аннѣ, царевой тещей!..

Но именно эта самая боязнь за будущность дочери, именно это горячее желаніе видѣть ее царицей, а себя царевой тещей, внушило княгинѣ Аннѣ рѣшимость, возвратить себѣ спокойствіе, хотя бы наружное, и попытаться поправить дѣло. Она рѣшилась не замѣчать смущенья дочери и „заговорить“ жениха. Но онъ ее предупредилъ, сказавъ съ строгой важностью:

— Стало быть, коли не приходилъ молодой панъ къ тебѣ, княгинюшка, на дворъ, не спрашивалъ князь Ивана, — рѣчи его, польскія, пустыя выходятъ, облыжныя; и тѣми облыжными своими рѣчами явственно обнаруживаетъ онъ свой умыселъ; стало, полякъ казакомъ одѣлся, въ бѣлокаменную пробрался злоухищреніемъ. Впрямь онъ есть подсыльный отъ круля къ нашимъ царскимъ измѣнникамъ на Москвѣ: къ своему крулю склонять ихъ пришелъ. Стало, повиненъ тотъ польскій панъ пыткѣ и казни смертной!

Шуйскій медленно поднялся съ лавки и зашуршилъ своимъ тяжелымъ парчевымъ кафтаномъ. Но, бросивъ взглядъ на княжну, испугался. Мертвенно блѣдная, она, какъ сидѣла, опрокинулась на рѣшетчатую спинку скамьи, съ безсильно поникшей головой.

Минута эта показалась матери роковою. Шуйскій растерялся. Его ревнивая усмѣшка рѣзче обнаружила удовлетворенное чувство нелюбимаго жениха, узнавшаго, наконецъ, имя соперника. Но мстительное и понятное въ положеніи стараго жениха чувство, къ чести его, скоро смѣнилось болѣе благороднымъ, даже нѣжнымъ чувствомъ участія и состраданія. Видя, что мать княгиня стоитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не вѣря тому, что совершилось передъ ней, онъ ей шепнулъ:

— Водицей бы ты ее взбрызнула, Анна Тимофѣевна...

— О, охъ мнѣ, горькой! взвыла княгиня, заплакавъ.—Не глядѣли бы мои глазушки! Не пережила бы я своего милаго покойничка, князь Петра! О, охъ мнѣ, сиротинкѣ, вдовицѣ несчастной!..

Теперь она все забыла за своимъ срамомъ, не обращала вниманія на насмѣшливый взглядъ жениха, ни на безчувственную дочь. Горе прорвалось наружу и подавило ее.

Шуйскій безпокойно озирался: не увидѣлъ бы этого срама кто изъ домашнихъ? Спасибо, никого нѣтъ близко.

Взбрызнутая водой, княжна медленно пришла въ себя и, открывъ блуждающіе, никого не узнающіе глаза, глубоко вздохнула. На мать и на Шуйскаго она глядѣла какъ-то странно, словно на чужихъ. Взглядъ ея красивыхъ черныхъ глазъ дико блестѣлъ; душевное страданіе выражалось на ея прекрасномъ лицѣ по мѣрѣ того, какъ оно оживлялось румянцемъ возвращавшейся къ ней жизни. Плача, мать

дала ей глотнуть воды. Она сдѣлала движеніе всѣмъ своимъ стройнымъ станомъ и сѣла по-прежнему. Шуйскій невольно ею залюбовался. Сладкая надежда обладать этою красавицей пересилила въ немъ, старомъ женихѣ, ѣдкое чувство ревности къ молодому красивому пану. Онъ любилъ ее въ эту минуту, казалось, еще глубже; она казалась ему въ эту минуту еще краше. Она уловила его любящій, кроткій взглядъ, и этотъ взглядъ стараго жениха, преданнаго ей, несмотря ни на что, одушевилъ ее, далъ ей силы и желаніе заговорить.

Оглядясь, убѣдясь, что мать вышла принести еще воды, что она одна съ женихомъ, княжна облегчила вздохомъ свою высоко подымавшуюся молодую грудь и съ рѣшимостью, удивившею жениха, сказала:

— Василій Ивановичъ!.. Исполни мою къ тебѣ просьбу.

— Исполню, княжна, прошепталъ онъ.

— Отпусти пана Дворжицкаго немедля изъ Москвы, не сдѣлавъ ему ни малѣйшей обиды... Не подсыльный онъ отъ круля: хотѣлъ меня видѣть...

— Тебя? переспросилъ ее Шуйскій въ недоумѣніи, хотя новаго она ничего ему не сказала, подтвердила только его собственное подозрѣніе.

— Меня! твердо, съ рѣшимостью вполнѣ, честно высказаться, подтвердила она.—Знай, Василій Ивановичъ, онъ меня любитъ...

— Знаю, прошепталъ Шуйскій.—Но ты, княжна, любишь ты его?

— Люблю! чуть слышно прошептала бѣдная дѣвушка, поспѣшно закрывши лицо руками, и зарыдала.

Старый женихъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ къ ея горести и къ честному движенію женскаго сердца, съ какимъ оно высказалось.

— Не плачь, прекрасная княжна! прошепталъ Шуйскій растроганный, легонько взявъ ея бѣлую руку.—Панъ Дворжицкій свободенъ...

Онъ поцѣловалъ ея руку и получилъ отвѣтный благодарный дѣвичій поцѣлуй въ голову.

Въ эту минуту вошла княгиня со склянкой воды.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Влад. Марковъ.



СИНОДАЛЬНЫЯ ПЕРСОНЫ.

Періодъ борьбы за преобладаніе.

(1820—1840 гг.).

I.

Оберъ-прокуроръ князь П. С. Мещерскій. — Ст. Д. Нечаевъ. — Его „жандармскія продѣлки“. — Промахъ Филарета Дроздова. — Оберъ-прокурорскіе подручники. — Андрей Н. Муравьевъ. — Общее возстаніе синодаловъ противъ оберъ-прокурора Нечаева. — Новая ошибка синода безъ участія Филарета. — Смиренный Серафимъ. — Оберъ-прокуроръ полковникъ Протасовъ. — Его различіе съ Нечаевымъ. — Усиленіе канцелярщины. — Торжество побѣдителей.

„Сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта суть въ родѣ своемъ“.
(Лук., XVI, 8).



ПРОФЕССОРЪ кіевской духовной академіи Ф. А. Терновскій помѣстилъ въ сентябрской книжкѣ духовнаго журнала „Странникъ“ небольшой, но прелюбопытный отрывокъ изъ воспоминаній бывшаго синодальнаго секретаря Ф. И. Исмайлова. Періодъ времени, описываемый покойнымъ Исмайловымъ,— двадцать лѣтъ его служенія въ синодѣ, съ 1820 по 1840 годъ, именно тѣ самые годы, когда совершилась замѣчательная въ исторіи синода борьба членовъ синодальнаго присутствія съ оберъ-прокурорами.

Отсюда понятно, какой живой интересъ должны имѣть для исторіи правдивыя воспоминанія близкаго свидѣтеля этой борьбы, нерѣдко даже принимавшаго въ ней участіе и, наконецъ, въ заключеніе существенно отъ нея пострадавшаго.

Мы беремъ изъ этого отрывка только самыя существеннѣйшія черты, которыя выясняютъ нѣчто до сихъ поръ въ этой исторіи неясное, и стараемся привести то, что намъ самимъ извѣстно изъ другихъ записокъ или разсказовъ современниковъ, которыхъ еще немало находится въ живыхъ.

Абрисы и разсказы секретаря Исмайлова очень безъискусственны и мѣстами даже просты до наивности, но этимъ они внушаютъ большое довѣріе къ автору,—человѣку, который, какъ мы сейчасъ увидимъ, представляется очень добрымъ, тепло вѣрующимъ и совѣстливымъ. Но, несмотря на всю непритязательность и скромность воспоминаній Исмайлова, они въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставляютъ отдать имъ полное предпочтеніе передъ тѣмъ, что начертано рукою болѣе или менѣе фразистыхъ некрологистовъ и тенденціозныхъ историковъ.

Исмайловъ своими чистосердечно раскрытыми воспоминаніями нетолько сообщаетъ много любопытныхъ частностей о событіяхъ, главныя пружины которыхъ кроются до сихъ поръ въ хаосѣ канцелярскаго хлама, но и безъискусственно ловитъ на бумагу такіе штрихи, которые сразу наводятъ на извѣстныя историческія лица совсѣмъ не ту игру, которая застыла на ихъ портретахъ, списанныхъ по правиламъ мертвой рутины.

Борьба за вліяніе въ синодѣ, какъ извѣстно, окончилась полною побѣдою оберъ-прокуроровъ, но побѣда эта далась имъ не легко и не сразу. „Черные" тоже пытались за себя постоять и стояли, какъ могли, или, лучше сказать, — какъ умѣли. Тутъ мы увидимъ самое простое и чистосердечное повѣствованіе объ этомъ умѣньи и неумѣньи и будемъ въ состояніи спокойно сравнить силы, какія явлены борцами одной и другой стороны.

II.

Первый оберъ-прокуроръ, котораго зналъ и описалъ Исмайловъ, былъ князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій. Онъ и принялъ автора на службу по просьбѣ генерала Капцевича, у котораго Исмайловъ училъ дѣтей. Князь Мещерскій по просьбѣ генерала опредѣлилъ учителя „къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ, а чтобы коронная служба не отнимала у него много времени отъ частныхъ занятій съ воспитанникомъ, сталъ давать ему особыя порученія, которыя тотъ могъ исполнять дома въ свободное время".

Черезъ два года такой службы Исмайлова сдѣлали секретаремъ.

„Синодъ тогда занималъ два ближайшіе къ Невѣ прясла двѣнадцати коллегій". Авторъ подробно описываетъ синодальное помѣщеніе и меблировку, которыя произвели на его впечатлительную душу очень сильное впечатлѣніе, не исчезнувшее во всю его жизнь.

Это интересно само по себѣ и любопытно для уясненія характера человѣка, котораго довольно грузная обстановка синодальной камеры не только поразила, но даже какъ-то поработила себѣ его чувства. Вотъ какъ описываетъ онъ это помѣщеніе и его обстановку:

„Со входа чрезъ переднюю въ пріемную залу и экзекуторскую на правой сторонѣ помѣщалась канцелярія, а на лѣвую было присут-

ствіе. Присутственная комната вся обита и драпирована малиновымъ бархатомъ съ золотыми кистями и бахромою; посрединѣ присутственный столъ, покрытый такимъ же бархатомъ съ золотымъ же уборомъ: предъ столомъ во главѣ тронное кресло, а по сторонамъ шесть креселъ для членовъ; слѣва столъ для оберъ-прокурора съ однимъ для него кресломъ и стуломъ для чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, а справа столъ оберъ-секретарскій съ двумя стульями; противъ троннаго кресла налой для докладчика, а за нимъ нѣсколько поодаль—такой же для протоколиста. Вся вообще мебель богатая, но нестолько изящная, сколько величественная.

„На присутственномъ столѣ, кромѣ зерцала въ срединѣ, крестъ и евангеліе предъ троннымъ кресломъ и библія — предъ налоемъ докладчика. За троннымъ кресломъ—портретъ царствующаго государя, а по сторонамъ на пьедесталахъ и въ дорогихъ ковчегахъ мощи Андрея Первозваннаго и подлинный духовный регламентъ Петра Великаго. Въ переднемъ углу образъ Спасителя, въ заднемъ—огромные старинные часы, а по стѣнамъ, въ приличныхъ мѣстахъ, два или три царскіе портрета. Словомъ, присутственная комната св. синода, или, какъ ее называютъ оффиціально—камера, поражая входящаго и величіемъ, и святынею, представляется ему какъ нѣкое святилище или какъ богато убранный алтарь, особенно, когда члены бываютъ въ мантіяхъ, напримѣръ, на архіерейскихъ нареченіяхъ".

Это такъ понравилось нашему автору, что онъ (стр. 76) „ни одного шага не могъ сдѣлать безъ благоговѣнія, и когда сталъ докладывать, то чувствовалъ себя въ какомъ-то молитвенномъ состояніи, какъ бы въ церкви". Состояніе по истинѣ завидное и испытываемое далеко не каждымъ.

Служебныя занятія въ синодѣ автору не нравились: „пищи для ума никакой, одна рутина и рутина; я горевалъ, чувствовалъ, что упадаю духомъ, и порывался оставить службу въ синодѣ, но мнѣ все-таки было жаль разстаться съ этимъ мѣстомъ служенія, — и я удержалъ себя по тому чувству благоговѣнія, которое возбудилось во мнѣ при вступленіи въ первый разъ въ присутствіе св. синода".

Слѣдовательно—ясно, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ души очень мирной и благоговѣйной, и это надо запомнить, чтобы при дальнѣйшемъ слѣдованіи за его воспоминаніями не принять его иногда за отрицателя.

При Мещерскомъ въ синодѣ въ каждомъ углѣ разстилались тишь, гладь и Божія благодать.

Такой мирной картиной воспоминанія начаты, но не то насъ ждетъ въ ихъ продолженіи.

III.

Съ выходомъ изъ оберъ-прокуроровъ князя П. С. Мещерскаго (1817 — 1833 года), при которомъ въ синодѣ „строго соблюдалась тишина и порядокъ, почти какъ во время народнаго церковнаго богослуженія",—строй этотъ сразу же падаетъ. При оберъ-прокурорѣ Нечаевѣ и потомъ при графѣ Протасовѣ (1833—1855) пошли неурядицы и ожесточенная борьба за преобладаніе. Притомъ оба эти оберъ-прокурора сами были большіе ругатели.

Воспоминанія о Степанѣ Дмитріевичѣ Нечаевѣ начинаются съ того, что при немъ синодъ перешелъ въ свое нынѣшнее помѣщеніе. Тутъ это учрежденіе посѣтилъ государь Николай Павловичъ, и авторъ, описывая посѣщеніе его величества, какъ будто подозрѣваетъ, что при этомъ случаѣ члены синода получили какое-то „предвареніе", въ силу котораго „никто изъ членовъ государя не встрѣтилъ, а встрѣтилъ его одинъ оберъ-прокуроръ со своими классными чиновниками".

Конечно, это значило не то, что оберъ-прокуроръ Нечаевъ какъ будто считалъ за неумѣстное парадность встрѣчи его величества, а совсѣмъ что-то другое. Чувствуется, что оберъ-прокуроръ какъ будто имѣлъ намѣреніе оттереть членовъ и выдвинуть впередъ свою канцелярскую армію, — тогда, впрочемъ, еще не вполнѣ размноженную. Нечаевъ „разставилъ всѣхъ на крыльцѣ и въ сѣняхъ по разрядамъ должностей; впереди стояли оберъ-секретари, за ними секретари, далѣе прочіе чиновники".—„Члены для перваго присутствія были въ мантіяхъ" и могли бы быть всѣхъ виднѣе и представительнѣе, но оберъ-прокуроръ сдѣлалъ такъ, что они оставались во время встрѣчи государя въ залѣ.

„Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, по словамъ автора, былъ прокуроръ не легкій (легкаго авторъ такъ и не дождался). Пока онъ (т. е. Нечаевъ) служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, онъ держалъ себя прилично,—ласковъ былъ съ чиновниками и льстилъ членамъ. (Льстить старшимъ, по мнѣнію Исмайлова, значило „держать себя прилично",—такъ думалъ онъ для себя, а можетъ быть такъ же внушалъ и генеральскому сыну, котораго воспитывалъ на счетъ суммъ св. синода).

„Особенно льстилъ Нечаевъ московскому митрополиту (Филарету Дроздову), который, извѣстный государю и всѣмъ какъ мужъ совѣта, былъ въ большой силѣ. Но когда (Нечаевъ) добился оберъ-прокурорства, показалъ себя въ натуральной наготѣ.

„Съ чиновниками, говоритъ авторъ, Нечаевъ могъ обходиться, какъ хотѣлъ, но ему хотѣлось взять верхъ и надъ членами синода" и, вѣроятно, особенно надъ самимъ мужемъ совѣта, съ котораго онъ это и началъ. До сего времени онъ ему „льстилъ особенно", а теперь постарается особенно ему вредить.

Необыкновенно любопытно: какія тонкости пронырливаго ума обнаружить этотъ честолюбецъ въ борьбѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Филаретъ Дроздовъ, уму и прозорливости котораго у насъ до сихъ поръ никакъ не подведутъ настоящаго итога.

Но, увы, характерные и въ своемъ родѣ замѣчательные пріемы Нечаева выражаютъ только одно: что нѣтъ силы сильнѣе подлости, которая способна не остановиться ни передъ чѣмъ, а такая сила всего матерѣе зрѣетъ въ канцелярской средѣ, гдѣ въ атмосферѣ лести и искательствъ сформировался каверзный оберъ-прокуроръ, взявшій перевѣсъ надъ Филаретомъ.

IV.

„Вдругъ, ни съ того ни съ сего, появились жандармскіе доносы на архіереевъ и на членовъ синодальныхъ. Доносы оказывались большею частію ложными. Канцелярія подозрѣвала, что въ нихъ участвуетъ самъ оберъ-прокуроръ, имѣя цѣлью унизить духовное правительство въ Россіи. Архіереи и члены синода оправдывались сколько могли. Синодъ очень безпокоился, показывалъ видъ безпокойства и оберъ-прокуроръ и, подстрекая членовъ къ неудовольствію, говорилъ, что учрежденіе жандармскаго досмотра дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы".

Взволнованные члены синода должны были рано или поздно выйти изъ терпѣнія и опротестовать злочинство, совершаемое надъ ними „жандармскимъ досмотромъ". А какъ всѣми этими махинаціями по какому-то поводу руководилъ самъ оберъ-прокуроръ, то ему и не трудно было воздвигнуть доносъ на лицо болѣе другихъ характерное, умное и горделивое, — именно на самого „мужа совѣта"... Понятно, что съ нимъ и слѣдовало перевѣдаться и его замарать или сдѣлать подозрительнымъ и безгласнымъ, а потомъ съ остальными справиться было уже не трудно.

На Филарета появился доносъ отъ жандармовъ.

Авторъ не поясняетъ, въ чемъ именно состоялъ этотъ доносъ, ни того, какъ оберъ-прокуроръ Нечаевъ организовалъ такія удобныя вещи. Впрочемъ, Исмайловъ повидимому даже и самъ недоумѣваетъ, какъ это могло быть устроено: но мы, жившіе позднѣе, когда практика доносовъ, до закрытія III-го Отдѣленія, была развита гораздо обширнѣе, — знакомы отчасти по слухамъ съ этими пріемами. Они заключались въ томъ, что если кому не любъ былъ извѣстный человѣкъ, то тотъ дѣлалъ на непріятеля извѣтъ жандармамъ. Жандармы же, частію по обязанности извѣщать о всѣхъ вещахъ, хотя бы и недоказанныхъ, но подозрительныхъ, а частію и по желанію обнаруживать большую дѣятельность, и по безотвѣтственности за доносъ ложный,—были благодарны за указанія и давали ходъ всему, что до нихъ доходило. Такимъ образомъ, доносить на людей, дѣятель-

ность которыхъ шла передъ глазами доносчика, всегда была обширная возможность. Намѣреніе, жестъ, мина, а тѣмъ паче нетерпѣливое слово,—для доносчика все это матеріалъ.

Всего вѣроятнѣе, что оберъ-прокуроръ Нечаевъ зналъ разсказываемую циркуляцію гораздо лучше, чѣмъ его добрый и простодушный секретарь, и пользовался этимъ нехитрымъ, но сильно дѣйствующимъ средствомъ для борьбы съ Филаретомъ...

Итакъ, удивительно не то, что онъ добрался до Филарета, но то, что онъ съ перваго же абцуга заставилъ этого осторожнѣйшаго человѣка продѣлать все, что ему продиктовала каверзливая душа подъячаго. „Случись, говоритъ авторъ, поступить доносу на московскаго митрополита; доносъ переданъ оберъ-прокурору съ высочайшимъ повелѣніемъ — разсмотрѣть синоду. Этого-то властолюбивому гордецу (т. е. Нечаеву) и хотѣлось: съ доносомъ онъ ѣдетъ къ митрополиту (самому же Филарету) и убѣждаетъ его вмѣстѣ съ оправдательнымъ объясненіемъ изложить мнѣніе, что данное жандармской командѣ право доносить со слуховъ и безъ всякой за ложь отвѣтственности стѣсняетъ свободу администраціи и, какъ похожее на слово и дѣло, лишаетъ подданныхъ спокойствія. Митрополитъ, дотолѣ уважаемый государемъ, не остерегся и попалъ въ разставленныя ему такъ хитро сѣти: онъ написалъ оправданіе, написалъ и мнѣніе. Оберъ-прокуроръ, минуя синодъ, гдѣ въ общемъ собраніи, можетъ быть, предостерегли бы митрополита, представилъ его оправданіе и мнѣніе прямо государю императору. Государь разгнѣвался и поступокъ митрополита, какъ противный верховной власти, едва не распубликовалъ чрезъ св. синодъ по всей Россіи“.

О такой угрозѣ Филарету Дроздову намъ не приводилось слышать, но въ разсказахъ объ этомъ іерархѣ не упоминается обыкновенно и всей этой исторіи, въ которой, къ удивленію нашему, Филаретъ допускаетъ играть собою очень легко,—даже безъ большой хитрости... Это совсѣмъ не вяжется съ господствующими представленіями о необыкновенной, будто бы, умственной прозорливости іерарха и о его до щепетильности осторожномъ характерѣ.

Послѣ разсказанной неосторожности, какъ бы омрачившей на мгновеніе умъ прославленнаго за свою мудрость Филарета, переходимъ къ дальнѣйшимъ побѣдамъ оберъ-прокурора Нечаева надъ цѣлымъ составомъ синодальныхъ членовъ, причемъ получимъ нѣсколько образцовъ нравовъ и характеровъ низшихъ синодальныхъ дѣльцовъ,— тоже по большей части происходившихъ изъ духовнаго званія и культивированныхъ въ духовныхъ училищахъ.

V.

„Оберъ-прокуроръ, пошатнувъ опору синода (Филарета), сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ измѣнялъ резолюціи и опредѣленія св. синода и затѣвалъ ограничить архіерейскую власть". Важнѣе всего въ этомъ родѣ было то, что Нечаевъ совсѣмъ было исторгъ изъ ихъ рукъ веденіе „архіерейской кандидатуры".

Здѣсь разсказывается характерный случай изъ борьбы оберъ-прокуроровъ съ архіереями и со всею откровенностію излагается мало кому извѣстный „процессъ архіерейской кандидатуры".

„Открылась вакансія архіепископской каѳедры; надобно было избрать и представить на высочайшее утвержденіе кандидатовъ. Процессъ архіерейской кандидатуры таковъ: синодъ ищетъ по своимъ спискамъ достойныхъ и, соображаясь со старшинствомъ, съ познаніями и опытностію, равно и съ мѣстными особенностями вакантной епархіи, назначаетъ трехъ кандидатовъ, предоставляя окончательное назначеніе выбору государя императора. Но, чтобы государь зналъ, на кого изъ представляемыхъ обращаетъ синодъ свое мнѣніе преимущественно, предоставлялось оберъ-прокурору приложить ко всеподданнѣйшему докладу записку о томъ. Какъ вакансія открылась въ епархіи второкласной, то на каѳедру ея разсудили перевесть архіерея — епископа, а въ епископа избрали изъ архимандритовъ и на обѣ каѳедры представили по три кандидата, объяснивъ словесно оберъ-прокурору, кого изъ нихъ синодъ признаетъ болѣе достойнымъ".

Въ существѣ дѣла представленіе трехъ кандидатовъ—была только одна проформа, а главная всему суть состояла именно въ томъ „словесномъ объясненіи, кого синодъ признаетъ болѣе достойнымъ". Выборъ, стало быть, падаетъ собственно только на одно это лицо, а два остальныя его лишь декорируютъ... И при такихъ условіяхъ очень легко понять, какъ важно, чтобы оберъ-прокуроръ имѣлъ хорошую память и добрую совѣсть. Все назначеніе зависитъ отъ того, чтобы онъ точно доложилъ государю, — кто изъ трехъ именуемыхъ для проформы кандидатовъ есть настоящій избранникъ.

Мы почти теперь только понимаемъ всю ту горячность, съ какою покойный волынскій архіепископъ Агаѳангелъ Соловьевъ, въ извѣстной своей отповѣди на предположенія духовно-судебной реформы, говорилъ о преимуществахъ, предоставляемыхъ оберъ-прокурору его правомъ подносить къ трону рѣшенія синода, тогда какъ синодальные члены таковымъ правомъ не пользуются, и потому не знаютъ, въ какомъ видѣ сужденія ихъ докладываются монарху.

Можно ли было предвидѣть отъ этого серьезныя опасности, какія предвидѣлъ покойный Агаѳангелъ, усвоившій себѣ еще съ молодыхъ лѣтъ репутацію большаго „политикана"?

Если судить по прошлому, то слѣдующій случай, помимо своего историческаго значенія, можетъ пролить свѣтъ на упомянутыя опасенія.

VI.

У оберъ-прокуроровъ того времени — даже самыхъ кичливыхъ— почти всегда бывали партизаны „изъ среды начальствующихъ монаховъ", т. е. изъ такихъ, кои сами мѣтили въ архіереи и старались имѣть оберъ-прокурора на своей сторонѣ. По отношенію къ членамъ синода эти лица вели себя иногда очень предательски, но оберъ-прокурора держались, и не даромъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ и лица ихъ не постыжались. Слѣдующій случай, который мы сейчасъ же разскажемъ, представитъ убѣдительнѣйшее доказательство, что̀ могъ сдѣлать оберъ-прокуроръ и на какую дерзкую отвагу способны были наши высшіе чиновники передъ лицомъ даже такого грознаго государя, какъ императоръ Николай Павловичъ.

„Оберъ-прокуроръ (Нечаевъ) составилъ себѣ партію изъ начальствующихъ монаховъ и, передавая докладъ на высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе, выставилъ въ запискѣ достойными не тѣхъ, кого синодъ назначилъ", т. е. солгалъ государю.

„Выставилъ въ запискѣ", а не на словахъ доложилъ. Это произошло потому, что въ то время (до Протасова) оберъ-прокуроры еще лично государю не докладывали, а вносили свои доклады въ кабинетъ императора черезъ статсъ-секретаря. Слѣдовательно, что синодалы сказали Нечаеву, то этому послѣднему приходилось написать на запискѣ, которую докладывающій статсъ-секретарь обязанъ былъ подать императору.

Нечаевъ при исполненіи этого не побоялся пословицы, что „написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ", и обманулъ государя самымъ дерзкимъ и самымъ возмутительнымъ образомъ. Онъ написалъ его величеству совсѣмъ не тѣ имена, которыя ему произнесли члены синода, а назвалъ другія имена лицъ, которыхъ онъ одинъ своею единоличною властію хотѣлъ вывести въ архіереи и дѣйствительно вывелъ.

Наглость Нечаева въ обманѣ строжайшаго изъ государей была такъ велика, что онъ не только не стѣснялся оставить слѣдъ своей дарзкой лжи на бумагѣ, но даже имѣлъ увѣренность, что все это сойдетъ ему безнаказанно, и тутъ тоже опять не ошибся.

VII.

„Государь, разумѣется, утвердилъ докладъ по запискѣ оберъ-прокурора и докладъ сошелъ съ собственноручною высочайшею резолюціею: быть такому-то и такому-то". То есть, государь назначилъ быть тѣмъ, которыхъ подставилъ ему самовластно Нечаевъ, вмѣсто

тѣхъ, кого считало достойнѣйшимъ полное собраніе святѣйшаго синода.

Это необходимо должно было вызвать негодованіе въ членахъ синода и произвести бурю, которая должна была сорвать съ дерзкаго нахала вскинутую имъ на себя не по плечу епанчу.

Кажется, и въ самомъ дѣлѣ непремѣнно надо было ожидать чего нибудь крупнаго и даже грандіознаго, — достойнаго высокаго сана мужей, которые были такъ дерзко и такъ смѣшно унижены.

Пусть непріятный примѣръ одного изъ нихъ (Филарета Дроздова) былъ имъ и памятенъ, но Филаретъ въ тотъ разъ заступался за себя: онъ себя защищалъ противъ жандармскихъ доносовъ,—а теперь на сценѣ было не чье либо личное безпокойство, а святѣйшій интересъ церкви, которой эти люди служатъ столпами и свѣтильниками... Ужъ конечно они не остановятся передъ страхомъ за личное благополучіе и по долгу совѣсти и присяги доведутъ до государя поступокъ преступнаго чиновника, который дерзнулъ обмануть его величество... Государь изъ самой записки, какую ему вручилъ черезъ статсъ-секретаря Нечаевъ, непремѣнно убѣдится, что члены синода доводятъ ему правду, и тогда гнѣвъ его всеконечно падетъ не на правыхъ, а на виноватаго, который вполнѣ заслуживалъ и гнѣва, и наказанія.

Таковъ, кажется, единственный прямой путь, какой люди, преданные своему долгу и уважающіе святость власти монаршей должны были избрать и совершить съ безтрепетностью истинныхъ христіанъ и сопослѣдователей митрополита Филиппа Колычева... Его могущественный примѣръ, вѣроятно, вдохновитъ ихъ и напомнитъ имъ, насколько дѣло имъ предстоящее легче и безопаснѣе того дѣла, которое совершилъ въ свое время св. Филиппъ, не преклоняясь „ни надесно, ни на-шуе“.

Но напрасно мы будемъ настраивать свое воображеніе на ладъ столь высокій. Хотя все, что мы сказали, казалось бы и не превышало силы очень обыкновенныхъ людей, исполненныхъ только сознанія долга, однако ничего подобнаго не случилось, а вышло нѣчто совсѣмъ иное. Въ развязкѣ дѣла не имѣло мѣста ничто, дышащее благороднымъ негодованіемъ, которое должно бы вызвать благородныя же и открытыя дѣйствія, а вышло что-то мелкое, перекорливое, базарное, съ обнаруженіемъ свойствъ ужасающаго мелкодушія.

VIII.

Оберъ-прокуроръ Нечаевъ, сдавши резолюціи, исторгнутыя имъ обманомъ у государя, самъ замедлилъ прибытіемъ въ присутствіе синода. Вѣроятно, это входило въ какіе нибудь его разсчеты.

Члены собрались ранѣе и, „увидя высочайшую резолюцію, изумились и не знали, что̀ дѣлать“.

Когда Нечаевъ наконецъ пожаловалъ въ присутствіе, святители спросили его:

— „Отчего это государь не соизволилъ утвердить кандидатовъ по нашему назначенію?“

— „Не знаю, отвѣчалъ оберъ-прокуроръ, весь вспыхнувъ“.

Этимъ отвѣтомъ Нечаевъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно подтвердилъ, что государемъ утверждены не тѣ избранники, которыхъ синодъ словесно наименовалъ ему, оберъ-прокурору; иначе слово „не знаю“ не имѣло здѣсь смысла, а оберъ-прокуроръ прямо долженъ былъ сказать:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, — его величество изволилъ утвердить тѣхъ самыхъ лицъ, кого вы просили.

Такъ долженъ бы отвѣчать человѣкъ, который поступилъ какъ слѣдуетъ, и принесъ съ собою правду, а не плутовство; но такъ же поступилъ бы и находчивый плутъ, умѣющій и красть, и краденое прятать. Словомъ, Нечаеву очевидно надо было запереться и лгать, глядя смѣло въ глаза людямъ.

IX.

„Завязался споръ съ упреками и угрозами съ обѣихъ сторонъ...“

Какія же могли быть угрозы?

Синодалы, понятно, могли „угрожать“ Нечаеву тѣмъ, что доведутъ его продѣлки до государя. Онъ могъ имъ повѣрить или не повѣрить, что они способны сдѣлать если не то, что должны, то, по крайней мѣрѣ, хоть то, что могутъ... Конечно, онъ зналъ характеры этихъ мужей и распоряжался ими сообразно своимъ о нихъ понятіямъ, но чѣмъ онъ, кругомъ виноватый, смѣлъ угрожать опѣшившимъ святителямъ—это совершенно непонятно. Они, можетъ быть, подлежали какой-нибудь укоризнѣ за безхарактерность и неумѣстную покладливость тамъ, гдѣ совѣсть указывала бы иное отношеніе къ дѣлу, но за кѣмъ же изъ нихъ были такія виновности, какъ обманъ государя и подвохъ, сдѣланный на его собственныхъ глазахъ и подъ его руками? Чѣмъ кругомъ виноватый Нечаевъ могъ запугать іерарховъ? Къ сожалѣнію, въ запискахъ нашего автора ничего объ этомъ не объяснено. Можетъ быть, святителямъ страшно было не то, что̀ на нихъ можно доказать, а страшенъ былъ просто доступъ Нечаева къ государю; страшно было, что онъ могъ представить еще какую нибудь записку, о содержаніи которой отцы синода и знать не будутъ, а между тѣмъ впадутъ у государя въ немилость, какъ уже случилось съ Филаретомъ.

Но какъ бы то ни было, Нечаевъ, вначалѣ сплоховавшій и сконфузившійся,—поправился и съумѣлъ заставить святителей замолчать. Послѣ перепалки съ Нечаевымъ, гдѣ этотъ послѣдній не уступилъ имъ ни въ чемъ, члены перешли къ своимъ очереднымъ занятіямъ. Однако Нечаеву еще казалось мало, что онъ такъ наиздѣвался надъ правдою,

а можетъ быть ему было и нѣсколько безпокойно—какъ бы не разошлась молва въ людяхъ и не дошла до государя... Много упражнявшись самъ въ доносахъ на своихъ членовъ, оберъ-прокуроръ, конечно, зналъ, какъ это не трудно устроить, а разъ что государь пожелаетъ свѣриться съ запискою—тогда ложь Нечаева выйдетъ наружу. Надо было дать дѣлу другой фасонъ—такъ, чтобы если оно и дойдетъ до государя, то чтобы кривда вышла правдою, а правда кривдою, и чтобы обманутый уже одинъ разъ императоръ былъ обманутъ еще разъ и еще хуже, и при этомъ совершилъ бы еще большую несправедливость—разгнѣвавшись на совершенно правыхъ членовъ синода.

Это былъ планъ очень предусмотрительный и совершенно необходимый. Дѣло надо было передѣлать именно въ этомъ родѣ, но только для этого надо было заручиться нѣсколькими благородными лжесвидѣтелями, которые въ случаѣ надобности могли бы удостовѣрить, что митрополиты называли оберъ-прокурору именно тѣ имена, которыя утвердилъ государь, а теперь позабыли это по своему безпамятству или по какимъ-то инымъ причинамъ говорятъ другое.

Тогда оберъ-прокуроръ выйдетъ чистъ и правъ, а ихъ святѣйшества будутъ знать, что „сынове вѣка сего мудрейши паче сыновъ свѣта суть въ родѣ своемъ“, и впередъ станутъ еще смирнѣе и еще осторожнѣе.

Вопросъ только былъ въ томъ,—гдѣ подобрать въ нужномъ родѣ?

Но въ этомъ не могло быть затрудненія: Нечаевъ видѣлъ ихъ передъ собою цѣлый разсадникъ.

X.

Послѣ присутствія, оберъ-прокуроръ обратился къ двоимъ оберъ-секретарямъ,—къ автору записокъ, какъ къ докладчику, и къ протоколисту, и „потребовалъ подтвержденія своихъ словъ, что синодъ назначилъ именно тѣ лица, которыя утверждены государемъ“.

Тутъ сейчасъ сказываются нравы новаго сорта синодальныхъ дѣятелей.

„Зная правоту синода, но не смѣя оправдывать (правыхъ), всѣ говорили:“ „Кажется, помнится и т. п.“... То-есть „кажется и помнится“, что было такъ, какъ именно на самомъ дѣлѣ не было. Какія честныя натуры!

Самъ о себѣ прямодушный авторъ говоритъ:

„Я сказалъ, что не знаю“.

У Исмайлова былъ нѣкоторый поводъ сказать „не знаю“, но тоже поводъ казусный.

„Я сказалъ не знаю, потому что хотя въ то время докладывалъ и я, но о томъ, кого утвердить государю, говорили послѣ доклада, когда я вышелъ въ канцелярію“.

Юридически этотъ смиренномудрый чиновникъ былъ правъ и

нравственно не совершалъ, по крайней мѣрѣ, грубаго лжесвидѣтельства, тогда какъ сказавшіе, что имъ „кажется и помнится", прямо вышли клеветниками и потворщиками государеву обманщику. Но конечно и Исмайловъ своею казуистическою натяжкою хотя и поосвободилъ немножечко свою совѣсть изъ нечаевскихъ тисковъ, но однако своимъ „не знаю" тоже оказалъ Нечаеву большую поддержку. Тѣмъ, что онъ не хотѣлъ быть противъ него и за правду, онъ былъ за него и противъ правды.

Это сейчасъ и выразилось тѣмъ, что Нечаевъ „воскликнулъ":

Увидавъ, что противъ него и за архіереевъ нѣтъ никого, Нечаевъ закричалъ:

— „Я докажу этимъ калуерамъ, что̀ такое оберъ-прокуроръ!"

Еще бы не доказать, имѣя таковый облакъ свидѣтелей или робкихъ и ничтожныхъ, или прямо съ „прозженною совѣстію". Только тотъ, кто встрѣчалъ суровую необходимость дознать, на что способны эти отпрыски духовно-канцелярскаго сѣмени, можетъ понять, отчего митрополиты сами не пожелали опросить секретарей и на нихъ сослаться, а должны были затаить свой справедливый гнѣвъ и оставить угрозы, въ виду большой непріятности, какую бы имъ сочинилъ Нечаевъ въ случаѣ, если бы они не замолчали. При такихъ людяхъ, какъ описанные секретари, митрополиты рисковали сами быть выставлены передъ государемъ лжецами и интриганами...

Трудно вообразить и безъ ужаса себѣ представить этотъ страшный порядокъ дѣлъ, который сложился и много лѣтъ всевластно господствовалъ вокругъ полномочнѣйшаго въ мірѣ государя, обладавшаго умомъ, душевною мощію и благородствомъ. Пусть, кто можетъ, отрицаетъ значеніе учрежденій, если они могли поставить центръ самой сильной власти внѣ всякаго доступа для слова правды и посѣяли въ нашемъ отечествѣ самыя злыя сѣмена.

Но вотъ воспоминанія покойнаго секретаря выдвигаютъ передъ нами еще новый типъ синодальнаго дѣятеля, какъ тогда говорили,— „изъ большихъ барчуковъ".

Типъ этотъ не менѣе другихъ интересенъ, хотя описывающій его авторъ, къ сожалѣнію, очевидно совершенно незнакомъ ни съ внутреннимъ міромъ этого особливаго героя, ни съ тайными побужденіями его вѣрнопреданности іерархамъ,—о чемъ впрочемъ извѣстно довольно много разсказовъ, достовѣрныхъ не менѣе писанныхъ воспоминаній Исмайлова.

XI.

Въ то время, когда Нечаевъ съигралъ свою предательскую продѣлку съ государемъ и членами синода, стараясь еще разъ обмануть сихъ послѣднихъ, что они не то говорили, что ими дѣйствительно было ему сказано,—„за оберъ-прокурорскимъ столомъ сидѣлъ

чиновникъ, коллежскій совѣтникъ, человѣкъ фамильный, умный, религіозный и чтитель монашествующаго духовенства".

Это былъ извѣстный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, въ видахъ особеннаго почтенія къ которому, мы, въ наши учебные годы, понуждаемы были наизусть заучивать нѣкоторыя его сочиненія, какъ будто они заключали въ себѣ какія-то высокія литературныя достоинства.

Въ видахъ поощренія издателя, книги Муравьева раздавали въ награду, покупая ихъ на казенный счетъ, а въ старшихъ классахъ задавали писать сравненія между имъ и Шатобріаномъ, причемъ, конечно, для хорошаго балла требовалось, чтобы Шатобріанъ былъ какъ можно ниже поставленъ въ сравненіи съ Муравьевымъ,—„русскимъ Шатобріаномъ..."

Это было время лжи и лести, которая расточалась повсемѣстно, даже тамъ, гдѣ ею не могъ любоваться тотъ, въ угоду кому гнули и коверкали молодой умъ и молодую совѣсть...

По силѣ отраженія все это дало свой плодъ: невѣріе ни во что, даже въ то, во что должно вѣрить.

Нивы, уродившія плевелы нигилизма были воздѣланы именно тогда...

Но возвращаемся къ нашей исторіи.

Во все время возмутительнѣйшей сцены, когда старшій чиновникъ синода съ наглостью сражался съ іерархами, которые обнаруживали его плутню, а стоящая подъ нимъ секретарская мелюзга виляла и гнулась, какъ вѣтромъ колеблемое тростіе, Муравьевъ сидѣлъ здѣсь же и произвелъ на Исмайлова импозантное впечатлѣніе.

„Во время спора Муравьевъ молчалъ и, хотя къ нему обращались (съ вопросами), не склонялся ни на ту, ни на другую сторону"

То есть Муравьевъ тоже не хотѣлъ сказать правды: „молчалъ и не склонялся". Онъ зналъ все такъ же хорошо, какъ и секретари, которые уже замололи вздоръ, но не мѣшалъ лжецу оберъ-прокурору, ставить святителей въ невыносимое положеніе. Несмотря на то, что онъ былъ родовитъ, „фамиленъ" и его неудобно было вышвырнуть изъ-за оберъ-прокурорскаго стола, какъ всякаго секретаришку, онъ все таки не говоритъ правды, а молчитъ. Превосходный примѣръ для худородныхъ!

Такъ, кажется, и видишь эту дылдистую фигуру, съ умными, но непріятными глазами и типическимъ русымъ кокомъ: эта фигура не то что всѣ, — она непремѣнно должна сдѣлать на своемъ сѣдлистомъ вертлюгѣ какой-то совсѣмъ особенный поворотъ, въ какомъ-то византійскомъ родѣ съ русскимъ оттѣнкомъ, и это сейчасъ будетъ передъ нами продѣлано.

XII.

Отцы св. синода, кажется, не могли быть довольны „фамильнымъ чтителемъ монашества“, который во время пронесшагося урагана важно стоялъ, какъ „высокій дубъ развѣсистый“, и не произнесъ ни одного слова въ пользу праваго дѣла. Чтитель монашества могъ остановить все оскорбительное для святителей развитіе этой исторіи, но такой простой и прямой образъ дѣйствій и не представляется возможнымъ автору воспоминаній, и можетъ быть онъ казался невозможнымъ и самимъ членамъ.

Неудивительно, что тогда, по понятіямъ секретаря, члены синода не должны были сердиться на Муравьева за то, что и онъ ихъ предалъ почти такъ же, какъ и всѣ прочіе, т. е., при всей своей святости и любви къ монашествующему духовенству, не поддержалъ ихъ передъ расходившимся чиновникомъ, а „молчалъ“, когда долженъ былъ не молчать. Исмайловъ держитъ тотъ тонъ, что члены какъ будто обязаны были принять за благо молчаніе Муравьева, потому что „онъ тайно сносился съ членами синода, поддерживалъ ихъ и планировалъ, какъ устроить имъ доступъ къ государю“.

Способность къ интригѣ въ Андреѣ Николаевичѣ, по мнѣнію совоспитанныхъ ему, была не велика и не высокой пробы. Самое тонкое и внушительное въ его политикѣ, по замѣчанію современниковъ, было умѣнье „стоять, какъ высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ“. Эту внушительную позитуру онъ усилилъ съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ случай поднести государю свое сочиненіе „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“. Другаго такого великосвѣтскаго благочестивца не было и это обращало на него вниманіе [1]). Его намѣренія, между коими главнѣйшимъ считали занятіе оберъ-прокурорскаго мѣста,— всегда были обнаруживаемы ранѣе времени и почти постоянно неудавались. Но несостоятельный для интригантной борьбы съ совоспитанными ему людьми свѣтскими, Муравьевъ былъ геній сравнительно съ персонами духовными, основательному уму которыхъ чаще всего не достаетъ смѣлости, гибкости и творчества, столь необходимыхъ въ умной интригѣ. Для нихъ А. Н. Муравьевъ представлялся способнымъ дипломатомъ и они охотно допустили его занять при своихъ особахъ тайный дипломатическій постъ, на которомъ онъ и совершилъ подвигъ, незабвенный въ исторіи синодальныхъ злоключеній.

Муравьевъ представлялся іерархамъ большою силою, особенно

---

[1]) Принявъ у Муравьева книгу, государь Николай Павловичъ самъ „назначилъ его за оберъ-прокурорскій столъ въ синодъ“ (см. приписку Муравьева къ 24 письму Филарета Дроздова). Считали, что этимъ назначеніемъ государь какъ бы „намѣтилъ“ Муравьева къ оберъ-прокурорству и послалъ поучиться. Были увѣрены, что при первой смѣнѣ оберъ-прокурора должность эту непремѣнно займетъ Муравьевъ. Самъ онъ тоже, кажется, не долженъ былъ въ этомъ сомнѣваться.

во вниманіе тѣхъ связей, какія онъ имѣлъ съ лицами, близкими ко двору, но притомъ митрополиты, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ—Филаретъ Дроздовъ, кажется, понималъ дальнія цѣли, которыя Муравьевъ себѣ намѣтилъ и ради которыхъ ему лестно было усердно стараться о смѣщеніи изъ оберъ-прокуроровъ Нечаева. Притомъ „высокій дубъ“ хотя и былъ „развѣсистъ“, но получалъ не обильное питаніе у своихъ корней,—онъ часто нуждался и какъ-то никогда не умѣлъ устроить себя иначе, какъ „при духовномъ званіи...“

При дневномъ свѣтѣ онъ красовался въ открытыхъ для него великосвѣтскихъ гостиныхъ, куда Андрей Николаевичъ вступалъ обыкновенно съ свойственною ему, исключительною, неуклюжею граціею, всегда въ высокомъ черномъ жилетѣ „подъ душу“ и съ миніатюрными бѣленькими чотками, обвитыми вокругъ запястья лѣвой руки; здѣсь онъ иногда „вѣщалъ“, но болѣе всего собиралъ вѣсти: „куда колеблются вѣсы“. А обогатясь этими свѣдѣніями, скидывался Никодимомъ и „нощію тайно сносился“ съ іерархами. Собственно дѣятельность была не тяжелая и особеннаго ума не требовавшая, но сложная и отвѣтственная. Андрей Николаевичъ разомъ работалъ на пользу загнанныхъ оберъ-прокуроромъ іерарховъ и для собственныхъ благъ, которыя въ одно и то же время составляли его завѣтнѣйшую мечту и благо православной церкви, призванной, между прочимъ, исправить заблужденія всѣхъ иномыслящихъ христіанскихъ церквей. Андрею Николаевичу самому хотѣлось быть оберъ-прокуроромъ и это по многимъ мнѣніямъ непремѣнно должно бы случиться, такъ какъ „лучше его для этого мѣста не было человѣка“. Черезъ него Господь непремѣнно долженъ былъ совершить „дѣло рѣшительное на землѣ“.

XIII.

Въ свѣтскихъ домахъ, гдѣ мало-мальски интересовались „загнаннымъ синодомъ“ и кое-что понимали о Нечаевѣ,—болѣе по внушеніямъ, которыя дѣлалъ Муравьевъ,—прямо говорили, что если только Нечаевъ будетъ смѣщенъ, то „Андрей Николаевичъ — готовый оберъ-прокуроръ“. „Готовымъ“ его называли, разумѣется, потому, что при тогдашнемъ повальномъ невѣжествѣ въ дѣлахъ церковнаго управленія, Муравьевъ, который нѣчто въ этомъ понималъ, — уже казался и ни вѣсть какимъ знатокомъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ святителей онъ слышалъ то же самое и эти ему говорили: „кому же и быть, какъ не вамъ? Самъ государь васъ намѣтилъ“. Муравьевъ, книгу котораго государь будто читалъ охотно, вѣрилъ, что на немъ положена намѣтка и во всю остальную свою жизнь оставался въ убѣжденіи, что оберъ-прокурорское мѣсто „принадлежало ему по преимуществу и по праву“.

Увѣренность въ этомъ не оставляла его даже въ послѣдній годъ

его жизни, которую онъ доживалъ въ своемъ живописномъ „кіевскомъ уголкѣ“, гдѣ онъ занимался распеканіемъ мѣстнаго духовенства и энергическою критикою дѣйствій тогдашняго оберъ-прокурора, графа Д. А. Толстаго, замѣстить котораго онъ былъ еще согласенъ.

— „При всей преклонности лѣтъ моихъ, говорилъ онъ пишущему эти строки, я еще взялъ бы оберъ-прокурорское мѣсто для того, чтобы упразднить его и возвратить святителямъ отнятое у нихъ значеніе“.

Но черезъ минуту послѣ такой нѣжной заботы объ имущихъ помазаніе отъ святаго, онъ уже гнѣвался и страшно поносилъ митрополита Арсенія Москвина за то, что этотъ святитель забылъ предложить ему завтракъ, когда Андрей Николаевичъ пріѣхалъ къ нему въ послѣдній разъ въ Голосѣевъ, чтобы указать опасность отъ существующаго въ Кіевской лаврѣ обычая выносить въ садъ для передѣванія мощи святыхъ по нѣскольку заразъ. Онъ боялся, что ихъ перемѣшаютъ, и кажется имѣлъ на то свои причины.

Какъ думалъ о Муравьевѣ Филаретъ Дроздовъ, объ этомъ говорятъ различно. Сколько можно судить по ихъ напечатанной перепискѣ, то въ ней не видно со стороны Филарета большаго и серьезнаго уваженія къ Муравьеву. Нѣкоторые даже основательно удивлялись, зачѣмъ онъ поспѣшилъ напечатать эти письма безъ разбора. Во всякомъ случаѣ въ этихъ письмахъ есть мѣста, гдѣ миніатюрная ручка Филарета даетъ Андрею Николаевичу сдержанные, но очень чувствительные щелчки. Порою митрополитъ какъ будто даже тяготится излишкомъ большаго усердія Муравьева въ перепискѣ. Иногда онъ долго не отвѣчаетъ и извиняется, но при этомъ на обширное посланіе опять даетъ отвѣтъ самой обидной краткости.

Вообще, митрополитъ какъ бы не ощущалъ потребности въ поддержкѣ сношеній съ Андреемъ Николаевичемъ, а только во имя чего-то стараго уступалъ его желанію часто вопрошать и свидѣтельствовать свою „преданность и уваженіе, уваженіе и преданность“.

Вотъ это „старое“, что ихъ связывало до конца жизни, и кроется въ исторіи описываемой секретаремъ Исмайловымъ борьбы за преобладаніе въ синодѣ. Но Исмайловъ, трогательный своимъ чистосердечіемъ и простотою, очевидно, былъ слишкомъ тѣсно замкнутъ въ своемъ канцелярскомъ кружкѣ и глядѣлъ на свѣтъ и на людей только изъ синодальнаго окошка, а отсюда самыя обыкновенныя вещи часто представляются совершенно непонятными. Мелочи жизни до того удивляютъ серьезные умы, что, по разсказамъ протоіерея І. В. Васильева, усопшій митрополитъ Филоѳей, увидавъ однажды, какъ шедшій на смѣну къ солдатской гауптвахтѣ караулъ отсалютовалъ проѣзжавшему генералу, въ глубокомъ удивленіи спросилъ:

— „Недоумѣваю, чему сіе соотвѣтствуетъ“? и потомъ, когда ему

разсказали, то онъ испугался своего собственнаго, въ существѣ очень невиннаго, недоумѣнія.

Говоря объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, секретарь, очевидно, тоже совсѣмъ недоумѣвалъ, что возможно имѣть какія нибудь другія цѣли, кромѣ желанія сидѣть въ синодѣ съ тѣмъ поразительнымъ благоговѣніемъ, какое было заведено при князѣ Мещерскомъ. Ни характера Муравьева, ни тѣхъ его цѣлей, которыя впослѣдствіи не только ясно обозначились, но даже и самимъ имъ не утаивались, Исмайловъ не понимаетъ и не даетъ имъ никакого значенія въ своихъ простодушныхъ воспоминаніяхъ.

Отсюда все, что Исмайловъ пишетъ о „тайныхъ сношеніяхъ“ Муравьева съ митрополитами, нельзя принимать за такія простосердечныя дѣйствія, какъ принимаетъ ихъ секретарь, не смѣвшій и думать, что у „фамильнаго человѣка“ могли быть какія нибудь свои цѣли. Между тѣмъ Муравьевъ, какъ думаютъ, имѣлъ надежду быть оберъ-прокуроромъ вмѣсто Нечаева, и надѣялся на это „по праву“, и дѣйствительно, кажется, имѣлъ такое право, ибо онъ изъ всѣхъ родовитыхъ современниковъ едва ли не одинъ зналъ синодальныя дѣла и членамъ синода былъ близокъ и любезенъ. Но шла ли эта любезность до того, что члены синода дѣйствительно желали имѣть его своимъ оберъ-прокуроромъ?

Очень можетъ быть, что и желали. Если даже допустить, что митрополиту Филарету московскому, можетъ быть, и не нравилась нѣсколько безпокойная натура Андрея Николаевича Муравьева, то все-таки въ данную критическую минуту, когда имъ надоѣла наглость Нечаева и главною ихъ заботою было только, чтобы отъ него избавиться, Муравьевъ, конечно, былъ человѣкъ болѣе другихъ подходящій. Члены синода, получивъ его себѣ, по крайней мѣрѣ ничего бы не проиграли, а самъ Муравьевъ, грубовато интригуя противъ Нечаева, могъ проиграть и проигралъ. Но онъ шелъ съ отвагою и безъ оглядки, ибо, съ одной стороны, ему мнилось, что онъ имѣетъ за собою уже слишкомъ много шансовъ, а съ другой—близость осуществленія завѣтной мечты, можетъ быть, ослѣпляла его соображенія, которымъ, повторяемъ, постоянно не доставало тонкости. Вышло же, однако, такъ, что, благодаря Муравьеву, всѣ проиграли,—и члены синода, и самъ Муравьевъ, и притомъ проиграли сразу и навсегда. Бѣда эта пришла къ нимъ, какъ на смѣхъ, именно тогда, когда они побѣдили оберъ-прокурора Нечаева и только могли бы отторжествовать побѣду надъ своимъ врагомъ. Вся эта трагикомедія произошла благодаря вдохновительнымъ воздѣйствіямъ дипломатическаго генія Муравьева.

XIV.

Авторствующій секретарь пренаивно начинаетъ повѣсть этой несчастной побѣды.

„Судьба или, лучше сказать, само провидѣніе помогло чиновнику за оберъ-прокурорскимъ столомъ (Муравьеву) выполнить задуманный имъ планъ".

Провидѣніе здѣсь, какъ во всѣхъ партіонныхъ интригахъ исторіи греко-восточной церкви, было необходимо, но въ высшей степени характерно и любопытно, какъ оно сюда привлекается и комментируется.

У Нечаева была больная жена, которую отправили „для уврачеванія въ Крымъ, но она не получила облегченія". Это, если вѣрить автору, было въ цѣляхъ провидѣнія, которое томило тяжкимъ недугомъ бѣдную жену для того, чтобы принудить Нечаева оставить синодъ и ѣхать къ женѣ въ Крымъ, а въ это время дать Муравьеву случай на его счетъ распорядиться. Произошло даже нѣчто перешедшее необходимость этого повода: „больная не только не обмогалась, но совсѣмъ померла",—и Нечаеву нельзя было скоро возвратится въ Петербургъ. Таковы пути провидѣнія, обыкновенно неисповѣдимыя для всѣхъ людей, исполненныхъ истиннаго богопочтенія, но всегда ясные для бѣдныхъ слѣпцовъ, которыхъ суевѣрная набожность легко доводитъ до кощунственной смѣлости, съ которою они позволяютъ себѣ объединять свои низменныя соображенія съ недосягаемою мудростію Промысла. Умерла женщина, можетъ быть, очень хорошая и осиротила мужа и дѣтей, — это для всякаго добраго человѣка горе, которое обязываетъ состраданіемъ и заставляетъ забыть свои мелкіе счеты, но для синодальныхъ чиновниковъ—это бенефисъ въ пользу тѣхъ, кому выгодно, чтобы мужъ покойной не могъ въ это время вернуться къ должности.... Нечувственныя сердца и темные умы, которыхъ не коснулся лучъ истиннаго богопочтенія, съ возмутительнѣйшимъ фиглярствомъ объявляютъ: „Это Богъ! Это Онъ пришелъ къ намъ на помощь, чтобы мы могли лучше обдѣлать наше дѣло. Теперь мы имъ довольны и лобызаемъ Его десницу, недругъ нашъ въ несчастіи, домъ его пустъ и дѣти его сироты. Слава святому провидѣнію!"

Кто иначе вѣруетъ, — тотъ нигилистъ, и да изгладится имя его изъ книги жизни... [1]).

Андрей Николаевичъ Муравьевъ тоже почувствовалъ, что „се насталъ часъ", для котораго онъ пришелъ въ міръ.

---

[1]) Филаретъ Дроздовъ въ этомъ отношеніи былъ несравненно деликатнѣе и не торжествовалъ по случаю семейнаго горя Нечаева. Въ изданныхъ Муравьевымъ въ 1869 году „Письмахъ митрополита московскаго Филарета къ А. Н. М." (1832—1867), подъ однимъ письмомъ, писаннымъ изъ Москвы 6-го іюля 1836 г., есть такой post-scriptum: „Здѣсь на сихъ дняхъ ждутъ Стефана Дмитріевича (т. е. Нечаева). Не знаю, дождусь ли его. Не слышу, какъ онъ переноситъ свое лишеніе. О покойной можно думать съ миромъ. Жаль его и дѣтей".

„Наконецъ, хочется мнѣ сказать, чтобы вы поклонились отъ меня графу Николаю Александровичу" (т. е. Протасову).

XV.

На время отъѣзда Нечаева къ женѣ, болѣвшей и умершей, какъ разъяснилъ Исмайловъ, ради предоставленія врагамъ ея мужа полнаго удобства столкнуть этого зазнавшагося человѣка съ мѣста, „должность оберъ-прокурора исправлялъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, гусарскій полковникъ графъ Н. А. Протасовъ“.

Какова была подготовка графа Протасова къ занятію обѣихъ высокихъ должностей, которыя были ему теперь ввѣрены вмѣсто командованія гусарами, давно извѣстно. Впрочемъ, мы можемъ это очень кратко напомнить словами справедливаго curiculum vitae, которое прописалъ ему тишайшій Исмайловъ.

Графъ Н. А. Протасовъ — „человѣкъ изъ знатной фамиліи, съ значеніемъ при дворѣ, по своей матери и тещѣ, бывшихъ статсъ-дамами при покойномъ государѣ Александрѣ I, лично любимый императрицею, какъ отличный танцоръ; воспитанникъ іезуита, приставленнаго къ нему въ гувернеры,—гордый не менѣе своего предмѣстника“ (т. е. Нечаева).

Повидимому, такой человѣкъ не отвѣчалъ даже и должности товарища министра, на которую у насъ порою были назначаемы люди очень малаго образованія; но для управленія синодомъ онъ, очевидно, какъ будто совсѣмъ не годился. Мысль сдѣлать Протасова оберъ-прокуромъ могла развѣ придти только ради шутки.

Обыкновенно назначеніе это ставятъ какъ бы въ вину императору Николаю, но онъ едва ли не менѣе всѣхъ причиненъ въ этомъ назначеніи. Къ удивленію, до сихъ поръ очень немногіе знаютъ, кто именно былъ настоящимъ авторомъ этой несчастнѣйшей мысли, принесшей церкви русской чрезвычайно много истиннаго горя и ущербъ едва ли когда поправимый. А авторъ этотъ былъ никто иной, какъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, который, дѣйствуя въ качествѣ штатнаго дипломата при митрополитахъ, перехитрилъ самого себя— нанесъ синоду такой ударъ, отразить который послѣ уже и не пытались.

XVI.

Назначеніе въ синодъ гусарскаго полковника, „шаркуна и танцора“, какимъ, можетъ быть не совсѣмъ основательно, считали графа Протасова, — изумило столицу. На мѣстѣ товарища министра народнаго просвѣщенія онъ какъ-то не столь казался неумѣстенъ. На этой должности и тогда уже привыкли видѣть людей, имѣвшихъ весьма малое касательство къ просвѣщенію, и съ этимъ уже освоились. Можетъ быть, это даже считали до нѣкоторой степени въ по-

рядкѣ вещей. Тогда у многихъ было такое странное мнѣніе, что будто просвѣщеніе въ Россіи не въ фаворѣ у власти и терпится ею только по нѣкоторой, даже несовсѣмъ понятной, слабости, или по снисхожденію. Снисхожденіе это оказывалось пустой и вредной западной модѣ, которой очень бы можно и не слѣдовать. Но кто понималъ дѣло лучше и вообще былъ политичнѣе, тотъ не усматривалъ и несообразности, а только одну политику. Выводили что въ этомъ странномъ распредѣленіи должностей втайнѣ проводится принципъ „чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше". Стало быть, по министерству просвѣщенія могло случаться все, ибо, говоря откровенно и безъ обиняковъ,—просвѣщеніе тогда многими считалось силою вредною для государства, а о своихъ врагахъ и вредителяхъ никто радѣть не обязанъ. Но православіе — дѣло совсѣмъ другое, и оно потому стояло совсѣмъ на иномъ счету. Тогда находились только три начала жизни: „православіе, самодержавіе и народность", но изъ нихъ, какъ сейчасъ видимъ „православію" давалось первое мѣсто. Въ тройственности этихъ, объединявшихся въ Россіи и крѣпко ее связующихъ, началъ православіе какъ бы даже старѣйшинствовало и господствовало. И это, разумѣется, было прекрасно. Что же иное достойно быть поставленнымъ выше вѣры? Развѣ не она окрыляетъ надежды и питаетъ любовь, безъ которыхъ человѣческое общество стало бы табуномъ или стадомъ? Но если это такъ, то тогда какъ же столь великое дѣло ввѣрить человѣку, который не только ничего въ церковныхъ дѣлахъ не понималъ, но еще на несчастіе былъ дурно направленъ какимъ-то іезуитомъ и до того преданъ легкимъ удовольствіямъ свѣта, что наивысшая похвала, которой онъ удостоивался, выпадала ему только за танцы...

Какой же это, въ самомъ дѣлѣ, оберъ-прокуроръ для святѣйшаго синода?

Въ обществѣ рѣшительно не допускали, чтобы Протасовъ могъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ синода. Что онъ былъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, то Исмайловъ справедливо замѣчаетъ, что это относили къ заслугамъ „тещи и матери" Протасова и къ тому, что онъ нравился императрицѣ, „какъ отличный танцоръ". Къ тому же относили и данное Протасову порученіе исправлять должность синодальнаго оберъ-прокурора на время отъѣзда Нечаева по причинамъ „предъуготовленнымъ Провидѣніемъ". Но всѣ были увѣрены, что это не имѣетъ долговременнаго значенія и допущено только на короткій срокъ для удовольствія покровительствовавшихъ Протасова дамъ. Говорили: „Онъ въ короткое время ничего не напортитъ, а между тѣмъ Нечаевъ снова возвратится".

Но чтобы Протасовъ былъ утвержденъ въ этой серьезной должности и усѣлся на ней на такой продолжительный срокъ, какой судилъ ему Богъ править судьбами правящихъ въ русской церкви

слово истины, — этого никто не считалъ возможнымъ [1]). И если гдѣ были предположенія, что насолившій синодаламъ Нечаевъ будетъ смѣщенъ и начинали избирать на его мѣсто кандидатовъ, то обыкновенно называли въ первую голову Андрея Муравьева, а въ случаѣ спора восклицали:

— „Ну, ужъ только не гусаръ же вѣдь будетъ на его мѣстѣ!

— „Ну, разумѣется, не гусаръ. Гусару не поручатъ.

— „Ни во вѣки вѣковъ.

— „Ни во вѣки вѣковъ.

И затѣмъ опять планировали назначенія способныхъ и „готовыхъ“ людей, и тутъ опять волею-неволею первую номинацію получалъ Андрей Николаевичъ, какъ „оберъ-прокуроръ по праву и по преимуществу“.

Такое „общее мнѣніе“ вѣроятно сбило его съ толку и подвигло къ энергическому и смѣлому движенію, чтобы убѣдить императора Николая поскорѣе поспѣшить смѣною Нечаева и назначеніемъ человѣка всѣми почитаемаго необходимымъ для благоустройства церкви.

Зная неприступный нравъ царя, съ этимъ надо было идти очень бережно, и вотъ подводится тонкая механика, которую, однако, прозрѣли люди привычные къ интригѣ и вложили свои открытія „во ушеса дамъ“, а тѣ какъ broderies вывязали все по своему узору.

Секретарь Исмайловъ, во всѣ эти любопытнѣйшіе моменты огромнѣйшей изъ ошибокъ высшаго церковнаго учрежденія въ Россіи, продолжалъ смотрѣть на все изъ своего синодальнаго окошка, откуда, какъ выше сказано, даже человѣкъ, стоявшій много выше секретаря, затруднялся понять: „чему сіе соотвѣтствуетъ“?

XVII.

„Такъ какъ отсутствіе оберъ-прокурора (Нечаева) было довольно продолжительно, то чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ (Муравьевъ) успѣлъ уговорить первенствующаго члена въ синодѣ (митрополита петербургскаго Серафима Глаголевскаго) войти съ докладомъ къ государю о перемѣнѣ оберъ-прокурора“.

Чтобы оцѣнить этотъ поступокъ Муравьева со стороны его дальнозоркости и трудности, надо знать, во-первыхъ, что въ это время московскаго митрополита Филарета Дроздова въ Петербургѣ не было, а во-вторыхъ, что „первенствующій членъ, старшій митрополитъ въ Россіи и синодѣ“ (Серафимъ) былъ человѣкъ „осторожный до трусости“.

Будь въ это время въ Петербургѣ Филаретъ Дроздовъ, Муравьеву

---

[1]) Николай Александровичъ Протасовъ занималъ должность синодальнаго прокурора съ 1836 по 1855 годъ, т. е. втеченіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ, а Нечаевъ всего три года (1833—1836).

едва ли бы удалось подбить Серафима на крайне опрометчивое предпріятіе — просить государя о смѣнѣ Нечаева и... о назначеніи на его мѣсто „танцора", графа Протасова. Почти невозможно сомнѣваться, что Филаретъ ни подъ какимъ видомъ не сталъ бы на сторонѣ этого рискованнаго дѣла. Хотя смѣщеніе Нечаева и могло быть угодно Филарету, — который не забывалъ обидъ и конечно помнилъ, какъ Нечаевъ сначала оклеветалъ его черезъ жандармовъ, а потомъ подвелъ хитростію въ немилость у государя, но что касается просьбы о назначеніи совершенно неподходящаго къ синодскимъ дѣламъ гусара, то весьма трудно допустить, чтобы Филаретъ на это согласился. Въ серьезъ такая просьба всеконечно была бы противна уму и чувствамъ Филарета, а шутить было не въ его нравѣ, да и какая шутка умѣстна въ подобномъ случаѣ. Оставалось одно — волей-неволей подумать: нѣтъ ли какого затаеннаго плана у того, кто заводитъ такую неподходящую механику? Ухищреніе это, какъ увѣряли, и какъ легко вѣрится, состояло въ томъ, что просьба о назначеніи Протасова непремѣнно должна была показаться государю неподходящею, ибо думали, что государь и самъ былъ не высокаго мнѣнія о способностяхъ этого человѣка. Онъ позволялъ графу дѣлать карьеру отличавшими его свѣтскими талантами, которые находили Протасову благорасположеніе вліятельныхъ дамъ, но на должность оберъ-прокурора его ни за что не назначитъ. Это и въ самомъ дѣлѣ казалось статочнымъ.

У верховода же описываемой синодальной интриги противъ оберъ-прокурора Нечаева находили естественнымъ предполагать такой планъ, что если только государь согласится смѣнить Нечаева, то просьбу о назначеніи Протасова онъ непремѣнно отвергнетъ, и тогда „готовый оберъ-прокуроръ" явится у него на виду и дѣло будетъ сдѣлано какъ надо.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Андрею Николаевичу казалось, что государь самъ о немъ вздумаетъ, а если онъ пожелаетъ спросить мнѣнія у митрополитовъ, то и тутъ для Муравьева риску не предвидѣлось, потому что іерархи, конечно, укажутъ на него, какъ на человѣка имъ преданнаго, который съ ними давно „тайно сносился", „самъ для нихъ писалъ", и если желалъ оберъ-прокурорской должности, то съ тѣмъ, чтобы ее, такъ сказать, „упразднить" и предоставить членамъ синода полную свободу дѣйствій. Выборъ іерарховъ и дѣйствительно, казалось, не могъ пасть ни на кого, кромѣ этого „фамильнаго и благочестиваго мужа".

Но, что человѣкъ предполагаетъ, то Богъ часто располагаетъ по своему.

Такъ случилось и тутъ, несмотря на удивительную тонкость подхода, — можетъ быть, нѣсколько даже перетонѣнную.

XVIII.

Послѣ „тайныхъ сношеній" съ митрополитомъ Серафимомъ, которыя немогли быть легкими, ибо „первенствующій членъ, старшій митрополитъ въ Россіи" — былъ „осторожный до трусости", Муравьевъ возобладалъ надъ выступающею чертою характера владыки. Онъ убѣдилъ робкаго митрополита ѣхать къ государю. Полагали, что въ этомъ Муравьеву много помогла мастерская, по нѣкоторымъ сужденіямъ, редакція протокола и доклада, составленныхъ и переписанныхъ самимъ Муравьевымъ „безъ помощи канцеляріи и безъ вѣдома исправлявшаго должность оберъ-прокурорскую" (т. е. безъ вѣдома Протасова).

Послѣднее, можетъ быть, происходило и несовсѣмъ такъ. Трудно представить, чтобы все это могло устроиться въ совершенной тайности отъ Протасова, да и была ли въ томъ какая надобность? Дѣло вѣдь велось въ его пользу? Но чистосердечный секретарь вѣритъ, что Протасовъ ничего не зналъ.

„Докладъ", съ которымъ Серафимъ долженъ былъ предстать государю, съ просьбою „о перемѣнѣ оберъ-прокурора" — Муравьевъ самъ составилъ, и самъ его переписалъ, а затѣмъ самъ же „собралъ подписи отъ всѣхъ прочихъ синадальныхъ членовъ" [1]).

Филарета Дроздова, повторямъ, въ эту пору въ Петербургѣ не было и подписи его подъ этимъ конспиративнымъ актомъ муравьевскаго сочиненія нѣтъ.

Члены синода рѣшили подписать этотъ актъ, который, впрочемъ, былъ исполненъ чрезвычайной мягкости и умѣрености, а при томъ онъ даже изобиловалъ лестью „гусару", выраженною аляповато, но въ самомъ семинарскомъ вкусѣ. Это заставляетъ думать, что кромѣ авторства Муравьева тутъ есть и редакціонныя вставки и поправки людей иного воспитанія.

„Въ докладѣ между прочимъ было написано, что настоящій оберъ-прокуроръ (Нечаевъ) — человѣкъ обширныхъ государственныхъ способностей, что для него тѣсенъ кругъ дѣятельности въ синодѣ, и что синодъ всеподданнѣйше проситъ дать оберъ-прокурору другое назначеніе, а на его мѣсто желалъ бы имѣть исправляющаго оберъ-прокурскую должность, полковника и товарища министра народнаго просвѣщенія (Протасова), какъ человѣка извѣстнаго по уму, образованности и усердію къ церкви православной".

Не ясно ли, что если бы Н. А. Протасовъ и узналъ о секретѣ, въ которомъ члены синода оговариваютъ его передъ государемъ въ образованности и усердіи къ церкви, то онъ, пожалуй, могъ немножко

[1]) Въ воспоминаніяхъ или запискахъ, которыя были въ шестидесятыхъ годахъ напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ", помнится, какъ будто были поименованы всѣ лица, подписавшія этотъ докладъ.

сконфузиться, но при всей пылкости своего кавалерійскаго характера не нашелъ бы за что тутъ разсердиться? Весьма, вѣроятно, что онъ оставилъ бы затѣянное членами синода обходное движеніе дальнѣйшему теченію безъ всякаго своего вмѣшательства.

Это такъ и было: графъ не помѣшалъ ни святителямъ, ни ихъ дипломату, и только, можетъ быть, втихомолку подсмѣивался надъ симъ послѣднимъ, какъ надъ человѣкомъ, хитрости котораго всегда были сметаны далеко сквозившими бѣлыми нитками. Такъ шелъ онъ и здѣсь, даже едва ли ясно понимая, съ чѣмъ ему придется бороться.

Не имѣя по своей „развѣсистости“ большаго успѣха у женщинъ, Андрей Николаевичъ, очевидно, не умѣлъ взвѣсить способности дамъ выводить въ люди своихъ любимцевъ, а святители на этотъ счетъ были, конечно, еще неопытнѣе.

XIX.

Но если подпись доклада, льстивая какъ для отсутствующаго оберъ-прокурора, такъ и для присутствующаго его замѣстителя, не требовала еще большой храбрости, такъ какъ это было произведено всѣми вмѣстѣ, то представленіе бумаги императору Николаю Павловичу требовало мужества. Это было совсѣмъ другое дѣло,—тутъ надо одному отвѣчать за всѣхъ и вынести можетъ быть минуту грозную.

Люди, близко знавшіе государя Николая Павловича и освоенные съ нимъ болѣе частыми личными сношеніями, въ одно слово говорили, что изъ всѣхъ приближенныхъ къ императору лицъ не было ни одного человѣка, который бы представалъ этому монарху спокойно, безъ неодолимаго душевнаго трепета. Всякая типическая разница характеровъ здѣсь совершенно сглаживалась и изчезала до того, что, по шутливому замѣчанію однаго изъ современниковъ, при государѣ „даже Клейнмихель опасался походить на Гросмихеля“.

Каково же должно быть положеніе человѣка, непривычнаго представлять свои доклады такому государю, да еще вдобавокъ — человѣка, вносящаго свой докладъ внѣ правилъ и какъ бы съ указаніемъ такого мѣропріятія, какъ перемѣна сановника, государемъ поставленнаго.

Конечно, это требовало не только обыкновеннаго гражданскаго мужества, но даже и огромнаго воодушевленія и отваги.

Кто же долженъ былъ сдѣлать такое дѣло?

Представлять докладъ, конечно, надо было старшему изъ всей коллегіи, гдѣ состоялось эта конспирація, и высокопросвященный Серафимъ имѣлъ тутъ рѣдкій случай испытать невыгоды старѣйшинства, рѣдкія, но однако все-таки иногда возможныя, даже и при нашихъ порядкахъ.

Исмайловъ представляетъ бѣдственное въ эти минуты положеніе митрополита Серафима такимъ образомъ:

„Осторожный до трусости, онъ зналъ государя ближе другихъ и очень боялся оскорбить его величество непріятнымъ докладомъ; однако, помолившись въ Александро-Невскомъ соборѣ Богу и угоднику, поѣхалъ во дворецъ“.

Это „однако“ очень слабо выражаетъ мучительную внутреннюю борьбу митрополита, который будто поколебался немного, но потомъ, подкрѣпивъ свой духъ молитвою, сейчасъ и отважился.

На самомъ дѣлѣ, это, разсказываютъ, уладилось несовсѣмъ такъ скоро и происходило во всякомъ случаѣ при несравнено болѣе продолжительныхъ колебаніяхъ. Высокопреосвященный Серафимъ считалъ возложенную на него миссію дѣломъ чрезмѣрной тягости, превышавшей всѣ его природныя силы, и до того выводилъ А. Н. Муравьева изъ терпѣнія своею нерѣшимостію, что тотъ терялъ всякую надежду довести дѣло до конца.

— „Бросилъ бы все, говорилъ онъ,—если бы не стоялъ передо мною апостолъ съ своимъ приказамъ: убѣди его войти“.

Не своимъ, а апостольскимъ словомъ онъ убѣждалъ и какъ бы постыжалъ робкаго Серафима, пока возогрѣлъ его духъ до необходимой рѣшимости и пребывалъ при немъ въ тайныхъ сношеніяхъ неотступно, пока вывелъ на дѣйстія явныя.

Молитва у мощей была послѣднимъ актомъ этой мучительной борьбы, но и то духъ владыки, надо полагать, не былъ еще твердъ и успокоенъ, ибо онъ уѣзжалъ въ сильномъ волненіи, и, выходя изъ своихъ покоевъ, не разъ присаживался, какъ бы желая бросить на все послѣдній взглядъ. Даже говорилъ:

— „Богъ знаетъ, что будетъ,—молитесь“.

Казалось, онъ какъ будто опасался даже, что не возвратится домой. Но, впрочемъ, какъ бы тамъ долго и тяжело это ни происходило и какихъ бы нравственныхъ мукъ владыкѣ ни стоило, — дѣло, наконецъ, дошло до рѣшительнаго момента и сильно возволнованный Серафимъ явился во дворецъ и предсталъ императору.

„Государь выслушалъ митрополита несовсѣмъ благосклонно; но докладъ принялъ, а отпуская, принялъ и благословеніе“.

Невыносимая тяжесть страха и боязни спала съ робкой души „осторожнаго до трусости“ старца и онъ, конечно, съ глубоко тронутымъ сердцемъ благословилъ императора.

Затѣмъ, выслушавъ просителя и прочитавъ подписанную имъ бумагу, „государь милостиво утвердилъ докладъ св. синода“. Нечаевъ „получилъ назначеніе въ сенатъ, а оберъ-прокуроромъ сдѣланъ желанный товарищъ министра, графъ Н. А. Протасовъ“.

Облегченный отъ совершеннаго труднаго предпріятія, митрополитъ Серафимъ возвратился домой съ тихою радостію, которую выражалъ впрочемъ очень сдержанно. Всѣ перенесенныя имъ тревоги, повидимому, до такой степени его измучили, что онъ менѣе думалъ

о томъ, кого смѣстилъ и кого выпросилъ, чѣмъ о томъ, что „гора спала съ плечъ". Въ объясненіи, которое Серафимъ имѣлъ въ тотъ же день съ „тайно сносившимся" Муравьевымъ, онъ даже былъ нѣсколько сухъ. Тотъ пришелъ съ словами Исидора: „Печется еще Господь о Пилусѣ, — благовѣствую вамъ новую жизнь съ Симпликіемъ", а митрополитъ отвѣчалъ такъ, какъ будто ему почти все равно, кто былъ и кто будетъ оберъ-прокуроромъ, что онъ только уступалъ общему желанію членовъ и теперь болѣе всего благодаренъ государю за его милость.

— „А лучше или хуже будетъ, говорилъ онъ,—я не знаю. Все это меня утомило... Какъ будетъ, пусть такъ и будетъ,—теперь сами этого выпросили... больше ужъ я не поѣду... да, не поѣду".

И онъ благодарственно перекрестился и добавилъ:

— „Дай Богъ здоровья государю, что онъ тáкъ обошелся, а теперь—какъ знаете, я не поѣду. Съ меня довольно".

Разумѣется, это „не поѣду" относилось къ предположенію объ отдаленномъ будущемъ, которое въ эти минуты какъ бы предносилось очамъ старца, въ самомъ дѣлѣ всѣмъ этимъ совершенно измученнаго и теперь сугубо цѣнившаго свой покой.

Муравьевъ былъ недоволенъ его „безцвѣтнымъ настроеніемъ", но собственно ему въ эти минуты, можетъ быть, не нравился „весь тоалетъ".

XX.

Авторъ разсматриваемыхъ нами воспоминаній сряду и безъ обиняковъ пишетъ: „синодъ ошибся". Выборъ Протасова былъ вполнѣ неудаченъ, но хуже всего приходилось іерархамъ отъ того, что Протасовъ былъ избранъ и расхваленъ государю самимъ синодомъ, какъ человѣкъ умный, образованный и усердный къ церкви православной. „Этимъ новый оберъ-прокуроръ воспользовался". Началось въ своемъ родѣ повтореніе исторіи Ровоамова царствованія, и хотя Нечаевъ былъ далеко не Соломонъ ни въ какомъ отношеніи, однако дошло до того, что его и съ Соломономъ сравнивали.

Нѣкто, раздѣлявшій горести засѣдавшихъ при Протасовѣ іерарховъ, разсказывалъ такую трогательную исторію: [1])

---

[1]) Меня могутъ укорить, что, приводя въ другихъ случаяхъ имена лицъ, на свидѣтельство коихъ ссылаюсь—здѣсь, гдѣ такое указаніе было бы всего умѣстнѣе, я употребляю неопредѣлительное „нѣкто". Очень объ этомъ сожалѣю, но иначе сказать не могу, а постараюсь только объяснить причину. Этотъ „нѣкто" былъ архіерей, на ближайшей родственницѣ котораго былъ женатъ мой двоюродный дѣдъ, Иванъ Сергѣевичъ Алферьевъ, служившій въ московскомъ сенатѣ, а родной его братъ, а моей матери отецъ, Петръ Сергѣевичъ Алферьевъ, имѣлъ обычай вести ежедневныя записи всего по его, мнѣнію, замѣчательнаго. Въ этихъ записяхъ и встрѣчаются любопытные разсказы, которые мною теперь частію вставлены. Но приводятся онѣ просто подъ такими словами: „преосвященный разсказывалъ у брата Ивана",—или

„Владыка Серафимъ, который тотчасъ по утвержденіи Протасова какъ бы предчувствовалъ, что съ нимъ будетъ хуже, терпѣлъ молча и Протасовъ ему снисходилъ за кротость, а другіе говорили: Протасовъ насъ забралъ въ руки по-военному, сразу и такъ задралъ, такъ задралъ, что просто голоса поднимать не смѣли. Какъ былъ гусаръ. такъ имъ и остался, и сонмомъ архіерейскимъ какъ эскадрономъ на ученьи командовалъ, а за глаза поносилъ всѣхъ передъ чиновниками самыми кавалерскими словами. Онъ зналъ, что — избранникъ, и какъ бывало разозлится, то и кричитъ про насъ заочно: „пусть-ка сунутся на меня жаловаться! Я имъ клобуки-то намну“. Да никто и не думалъ на него жаловаться, потому что нельзя, — сами его выбрали, да, признаться, и духу уже ни у кого нестало... очень задралъ. Владыку Серафима онъ меньше всѣхъ обижалъ, но однажды— не знаю уже, что такое ему въ голову вступило,—такой оскорбительный для чести старика намекъ сдѣлалъ, что тотъ только посмотрѣлъ на него, и когда ярый Протасовъ отвернулся, то владыко благословилъ его издалека и, вздохнувъ, сталъ подписывать бумаги.“

„Все это происходило при чиновникахъ, которые держались одного Протасова, а на насъ совсѣмъ озвѣрѣли, но тутъ при этомъ случаѣ даже чиновникъ, который подписи пескомъ засыпалъ, окончивъ должность, припалъ и поцѣловалъ у митрополита руку какъ бы со слезами“...

Не знаю, какой это именно былъ случай, — подобныхъ при Протасовѣ было не мало, но любопытно, что, видя оскорбленіе почтеннаго старика, ни одному изъ его сотоварищей не пришло на умъ хоть просто встать и выйти изъ присутствія. Такой протестъ не составилъ бы никакой грубости по отношенію къ мѣсту, но былъ бы понятъ „гусаромъ“ и, можетъ быть, послужилъ бы ему не безполезнымъ урокомъ; но ни въ комъ не нашлось ни духа, ни такта.

„Задралъ“, да и кончено!

О послѣдствіяхъ этого казуса, который пронялъ до слезъ чиновника, засыпавшаго подписи, разсказывалось такъ:

„Мы были въ смущеніи и не знали: съѣхать послѣ къ митрополиту, чтобы выразить свое участіе, или представить видъ незамѣтливости, или какъ бы непониманія? Совѣта не дѣлали, но всѣ про себя нашли, что промолчать ему (т. е. Серафиму) самому будетъ пріятнѣе. Только послѣ двухъ или трехъ засѣданій мнѣ довелось быть у него и разговаривать о разномъ. Говорили о сведенборговомъ толкованіи Св. Писанія по соотвѣтствіямъ. А когда подали чай, то разговоръ прекратился, но владыка открылъ книгу и сталъ читать слова Ровоама изъ 12-й главы Царствъ: „юность моя толстѣе

„были у преосвященнаго и слушали, что онъ говорилъ“, — и далѣе самая запись, о чемъ былъ разговоръ. Но какъ звали этого преосвященнаго, нигдѣ не записано, и я его не зналъ и не видалъ, да и происходило все это въ годы моего сущаго младенчества.

чреслъ отца моего. Отецъ мой наложи на васъ яремъ тяжекъ, азъ же приложу къ ярму вашему; отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами". И прочитавъ, вздохнулъ, закрылъ книгу и, постучавъ себя въ темя, сказалъ Ѳеофановы слова: — „о главо, главо!" и прибавилъ: „то твоимъ радѣніемъ все добыто". Явственно было, что относилъ это къ Протасову и давнему своему ходатайству, чтобы этотъ вданъ былъ въ отца и командира синоду. Такая скорбь минутами точила Серафима во всѣ семь лѣтъ, которыми онъ пережилъ свое удачное посольство для протасовскаго испрошенія. Видъ одинъ этого оберъ-прокурора былъ омраченіемъ духа и потерею расположенія, и всякій его тяготился видѣть, кромѣ искателей. Избѣгали о немъ говорить нестолько, можетъ быть, изъ осторожности и страха переносовъ, сколько непріятно было разговаривать, какъ все это добыто своимъ же добровольнымъ избраніемъ и испрошеніемъ, да еще съ похвалами; но на памяти это страданіе было постоянно. Въ сорокъ второмъ году,—незадолго до кончины владыки, онъ разъ замѣтилъ: „Выпхали тогда меня—какъ лягушку изъ болота посломъ къ Юпитеру—просить вамъ царя, я сдѣлалъ по желанію (т. е. по общему желанію) — выпросилъ его вамъ, и вотъ семь лѣтъ смотрю, какъ онъ всѣхъ задираетъ. Духъ изъ всѣхъ повышибъ... Твори, Господи, волю свою, а съ меня довольно его... (т. е. Протасова). Да, довольно... Вы просили его себѣ въ цари и стяжайте въ терпѣніи вашемъ души ваши, а мнѣ довольно... я ужъ больше не поѣду... нѣтъ; никуда не поѣду"...

Онъ и не поѣхалъ; 17-го января 1843 года смиреннаго Серафима Глаголевскаго нестало и на каѳедру митрополіи новгородской назначенъ изъ архіепископовъ варшавскихъ Антоній Рафальскій—тотъ самый, который въ званіи волынскаго „крутопопа" участвовалъ въ православной коллегіи, совершившей безпримѣрный пріемъ отъ уніатовъ Почаевской лавры [1]).

[1]) О высокопреосвященномъ Антоніи Рафальскомъ любопытно бы выяснить одностраиное недоумѣніе, въ которое вводитъ литература, несогласная съ фактомъ и съ преданіемъ. Въ „спискѣ архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ", который въ 1872 году издалъ бывшій товарищъ синодальнаго оберъ-прокурора Юрій Васильевичъ Толстой, Антоній Рафальскій значится подъ № 281 съ такими, между прочимъ, отмѣтками: „1833 архимандритъ, намѣстникъ Почаевской лавры, 184. митрополитъ новогородскій; 1848 ноября 4 уволенъ по болѣзни отъ управленія, а 1848 ноября 16 скончался". Все что касается увольненія Антонія „по болѣзни", есть или ошибка со стороны Ю. В. Толстаго, или же указаніе на какой-то синодальный секретъ, котораго не зналъ никто, — ни міряне, ниже́ само петербургское духовенство, но Толстой, которому были доступны синодальныя тайности, могъ знать болѣе. Обыкновенно всѣ думали и думаютъ, что хотя Антоній и прихварывалъ недугомъ невоздержанія, усвоеннымъ имъ во время почаевскаго житія „при уніатскихъ остаткахъ", но что онъ все-таки умеръ не отставленный отъ митрополичьей каѳедры и отъ мѣста въ синодѣ. Между тѣмъ оказывается, что онъ былъ уволенъ и скончался уже не митрополитомъ новогородскимъ, — чего, говорятъ, будто не зналъ ни самъ больной, пережившій свое удаленіе только двѣнадцатью днями, ни

XXI.

Но чѣмъ же оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ достигъ того, что нагналъ такой неодолимый страхъ и трепетъ на іерарховъ, которыхъ онъ собственно не имѣлъ права подвергать никакимъ штрафамъ и наказаніямъ?

Это объясняется его системою, положившею новое начало въ системѣ управленія церковью.

Прежде всего графъ Протасовъ оказался не только человѣкомъ ловкимъ, но и человѣкомъ умнымъ. Если вѣрить одному анекдоту, то Протасовъ былъ даже и начитанъ въ отеческихъ твореніяхъ, а притомъ обладалъ проницательностію и юморомъ. Разсказываютъ, что ему въ видѣ намека на его неподготовленность кто-то анонимно прислалъ выписку изъ мнѣній Григорія Богослова, гдѣ говорится объ „опасности, чтобы священный санъ не сдѣлался наиболѣе подлежащимъ осмѣянію, ибо предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелью, но происками. Не бываетъ-де ни врача, ни живописца безъ предварительной подготовки". Протасовъ будто надписалъ на этомъ изъ того же св. отца (письмо къ Василію Великому): „Не видалъ я ни однаго собранія епископовъ, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ и не увеличивало бы бѣдствій вмѣсто того, чтобы избавлять отъ нихъ".

Анонимное посланіе съ этою надписью было отослано какъ разъ по тому адресу, по какому слѣдовало.

Онъ понималъ дѣла и отношенія не по-семинарски. Благочестія же и особенно „усердія къ церкви православной", за изобиліе котораго въ немъ ручались государю члены синода, на самомъ дѣлѣ въ Николаѣ Александровичѣ Протасовѣ было очень мало. Во всякомъ случаѣ извѣстное выраженіе: „и изъ тѣхъ, кои сидѣли въ синодѣ, иные насилу притворялися, будто во что-то вѣруютъ", — относятъ къ Протасову, ибо къ Чебышову это относиться не можетъ, такъ какъ этотъ оберъ-прокуроръ открыто говорилъ „гнилыя слова", что онъ въ Бога не вѣруетъ, да и синодъ будто рѣшилъ, что Бога нѣтъ.

всѣ его окружающіе, изъ коихъ многіе до сихъ поръ здравствуютъ и извѣстію объ удаленіи „зашибавшаго" Антонія весьма удивляются. Однако, приходится думать, что митрополитъ Антоній дѣйствительно былъ уволенъ, и именно 4-го ноября 1848 г., потому что въ этотъ самый день (когда онъ былъ еще живъ) на его мѣсто былъ уже опредѣленъ Никаноръ Клементьевскій. Былъ, конечно, случай, что во вселенной одновременно были два вселенскіе патріарха, но то было при безпорядкахъ римской имперіи, но у насъ два митрополита одновременно не могли занимать одну и ту же каѳедру. Здѣсь, однако, имѣемъ образецъ, какъ далеко распространялся въ то время принципъ „канцелярской тайны", къ которой нынѣ обнаруживается обновленное влеченіе, и однако никакихъ большихъ благополучій отъ торжества этого принципа не послѣдовало.

Монаховъ Протасовъ не любилъ и, несмотря на свое гусарство, понималъ ихъ такими, каковы они есть, а не воображалъ, какими они должны бы быть. Какъ іерархи могли подчиниться лукавой мысли Муравьва, чтобы попросить себѣ въ командиры такого человѣка — это просто непостижимо и составляетъ верхъ бестактности. Если вѣрить, что государь Николай Павловичъ зналъ о синодальной затѣѣ и нарочно далъ имъ срокъ собраться испросить себѣ Протасова, то онъ наказалъ синодъ ужасно, и притомъ наказалъ на срокъ, способный превысить всякое терпѣніе, именно, почти на двадцать лѣтъ...

Противъ Протасова члены синода не могли сдѣлать ничего, такъ какъ на своего собственнаго избранника жаловаться непристало, да и государь едва ли бы сталъ слушать такія жалобы.

Гусаръ быстро сообразилъ, что „синодъ заперъ для себя послѣдній выходъ изъ стѣсненнаго положенія, и воспользовался этимъ". Дѣйствовалъ онъ быстро и безъ всякаго сострадапія къ избравшимъ его іерархамъ.

„Воспитанникъ іезуита, гордый не менѣе своего предмѣстника,— началъ съ того, что преобразовалъ все высшее духовное правительство въ Россіи. Въ пособники себѣ онъ призвалъ чиновника (Сербиновича), тоже воспитанника іезуитовъ,—необыкновенно хитраго, и замыслилъ съ нимъ уничтоженіе синода". Но совсѣмъ уничтожить синодъ было невыгодно для самого Протасова, а задача его была иная. Она состояла въ томъ, чтобы въ синодѣ „стало невидно синода", и графъ Протасовъ „придумалъ такое начало". Начало само по себѣ не хитрое: оно заключалось въ усиленномъ переполненіи синода чиновниками и въ учрежденіи множества такихъ должностей, которыхъ синодъ прежде не зналъ и безъ которыхъ онъ однако обходился. Судя по тому, что цѣлое вѣдомство старовѣрческой, якобы „секретной", іерархіи въ Москвѣ управляется при одномъ секретарѣ изъ московскихъ купцовъ (Иванѣ Ивановичѣ Шибаевѣ), да двухъ или трехъ писаряхъ,—надо думать, что это дѣло можно вести безъ большой министерской помпы. Все, что заводили при Протасовѣ, было заводимо, напротивъ, съ такою цѣлію, чтобы всѣ нововведенія придавали синоду характеръ особаго министерства. „Создали духовно-учебное управленіе подъ дирекціею на подобіе министерскаго департамента. Для финансовой части учредили хозяйственное управленіе, тоже съ особымъ директоромъ. Самый синодъ являлся теперь какъ бы третьимъ департаментомъ этой министерской организаціи"... Лицо, стоявшее во главѣ такого учрежденія, уже могло ставить себя на одну линію съ министрами и помышлять о личномъ докладѣ у государя.

Нечаевъ объ этомъ много хлопоталъ и было устроилъ, но онъ какъ-то не умѣлъ себя держать при докладѣ, и потому это у него снова было отнято. Протасовъ былъ мастеръ держать себя и съ нимъ подобнаго не случилось.

„При министрахъ полагается канцелярія,—и въ канцелярію пере-

именовали отдѣленіе духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія, подъ дирекціею Сербиновича. Синодъ облегчился, бремя правленія съ него снято. Но этого мало, — надо наложить руку на все. Синодъ имѣетъ канцелярію, которая, состоя подъ его приказаніями, чрезъ оберъ-секретарей составляла съ нимъ какъ бы одно цѣлое. Надобно было отлучить отъ него канцелярію. Учредили директора синодальной канцеляріи и канцелярія превратилась въ департаментъ, а синодъ остался не-причемъ: ни сказать, ни приказать, ни выслушать нѣкого".

Вышло такъ, что „синода Протасовъ не уничтожилъ, но изъ оберъ-прокурорства сдѣлалъ настоящее министерство, если еще не больше".

Въ какомъ же отношеніи „больше?" Авторъ не поясняетъ этого, но надо думать, что онъ разумѣетъ огромное вліяніе оберъ-прокурора на побытъ архіерейскій и беззащитность архіереевъ передъ его произволеніемъ... Конечно, и всякій иной министръ можетъ уволить чиновника отъ должности (кромѣ сенаторовъ, профессоровъ, слѣдователей и судей), но уволенный чиновникъ воленъ искать себѣ мѣста въ другомъ вѣдомствѣ, или, если онъ годенъ на что нибудь кромѣ службы, то онъ найдетъ работу и будетъ ѣсть хлѣбъ по благословенію Божію, нимало не чувствуя далѣе этого — тягостей начальственнаго нерасположенія. Архіерей совсѣмъ не въ такомъ положеніи.

„Устроивъ по такому плану управленіе православною церковью и духовенствомъ въ Россіи, оберъ-прокуроръ сталъ дѣйствовать свободно, не стѣсняясь ни закономъ, ни церковными правилами [1]). Если

---

[1]) Не знаю, слѣдуетъ ли этому вѣрить. Протасовъ въ числѣ прочихъ своихъ ловкостей очень умѣлъ представлять себя вѣрующимъ и почтительнымъ къ церкви. Изъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ едва ли не онъ одинъ устроилъ у себя домовую церковь, въ которой до самой недавней поры часто дьячилъ одинъ не даровитый, но въ своемъ родѣ извѣстный писатель. То-же и о правилахъ: напротивъ, Протасовъ первый издалъ такъ называемыя „соборныя правила" и „этимъ, а также и другими дѣйствіями въ пользу православія старался пріобрѣсти расположеніе старца Серафима и пріобрѣлъ". Это я беру изъ разсказа, вставленнаго Муравьевымъ между 24 и 25 письмами Филарета. Конечно, это противорѣчитъ тому, что пишетъ о Протасовѣ Исмайловъ, но правды въ этой исторіи, гдѣ всѣ изрядно хитрили, добиться чрезвычайно трудно. Въ шестидесятыхъ годахъ намъ приводилось читать въ „Рус. Вѣстникѣ" чьи-то любопытныя записки, гдѣ эта борьба излагалась еще какъ-то иначе. Очень жаль, что не имѣя полнаго указателя статей „Русскаго Вѣстника" за тѣ годы, мы лишены возможности свѣрить воспоминанія Исмайлова съ воспоминаніями, напечатанными въ журналѣ М. Н. Каткова. Андрей же Н. Муравьевъ, въ своихъ приписяхъ что-то какъ бы нарочно путаетъ. Напечатавъ письмо № 24 (отъ 6 іюля 1836 г.), онъ дѣлаетъ такое прибавленіе. „Письмо это знаменуетъ эпоху и въ моемъ собственномъ быту, и въ дѣлахъ управленія церковнаго. Оберъ-прокуроръ Нечаевъ долженъ былъ отправиться на югъ по болѣзни жены своей и на это время испросилъ (самъ испросилъ) чтобы его мѣсто заступилъ флигель-адъютантъ графъ Протасовъ, человѣкъ весьма образованный и ловкій въ дѣлахъ; но такое назначеніе военнаго было довольно страннымъ и смутило архіереевъ". Далѣе

(же) кто изъ членовъ синода возвысить голосъ въ защиту своихъ правъ, или заговорить вопреки желанію оберъ-прокурора, того сдвинутъ съ епархіи безъ суда и апелляціи".

Здѣсь авторъ представляетъ дѣло не въ полномъ свѣтѣ: не только могли „сдвинуть съ епархіи", но могли послать на житье въ такой монастырь, гдѣ жизнь хуже настоящей ссылки... И такіе примѣры бывали.

Конечно, это нисколько не способствовало образованію между русскими архіереями крупныхъ и стойкихъ характеровъ, о недостаткѣ которыхъ у насъ давно многіе стали соболѣзновать, и не безъ основанія. Опасенія потерять епархію содѣлало архіереевъ болѣе иска-

---

говорится о Филаретѣ Дроздовѣ: „Онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ графомъ, который не имѣлъ къ нему довѣренности по наговорамъ о его мнимомъ мистицизмѣ и протестантствѣ". Извѣстно, что это со стороны Протасова было просто предлогомъ къ устраненію Филарета съ синодальнаго горизонта. Но если вѣрить здѣсь Муравьеву, то выйдетъ, что Протасовъ былъ православнѣе самого Филарета, и тогда покоръ его Сербиновичемъ и іезуитомъ напрасенъ. Еще ниже писано: „Члены (синода) желали, чтобы онъ заступилъ мѣсто Нечаева, имъ нелюбимаго; это вскорѣ исполнилось, когда Нечаевъ, лишившись жены, былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву. Въ то же время и мнѣ графъ Протасовъ испросилъ званіе камергера за мою трехлѣтнюю службу" (т. е. за прошлую службу при Нечаевѣ)...

Я прошу сопоставить эту чуткость Протасова къ заслугамъ Муравьева, которыхъ онъ не видалъ, и подумать: не имѣетъ ли въ этомъ какого нибудь подтвержденія мое предположеніе, что усердіе Муравьева по составленію доклада объ испрошеніи Протасова, могло не быть секретомъ для этого „ловкаго въ дѣлахъ человѣка?" Я такъ думаю, несмотря на то, что у Муравьева, который въ другихъ случаяхъ рѣчистъ, здѣсь все такъ нагорожено, что изъ-за лѣса деревьевъ не видно. Напутано даже то, что Протасовъ будто привлекъ къ себѣ вниманіе іерарховъ изданіемъ „соборныхъ правилъ", тогда какъ книга эта была издана Протасовымъ, когда онъ уже былъ оберъ-прокуроромъ. А что члены синода „желали" имѣть Протасова, и какъ они его добывали,—это все скомкано такъ, что механики раскрываемой Исмайловымъ и другими памятливыми современниками,—совсѣмъ не видно...

Впрочемъ, и на это сказаніе о самомъ желаніи членовъ есть варіантъ и одно время въ духѣ его замышлялася цѣлая историческая отповѣдь: епископъ Виталій Гречулевичъ, помнится, находилъ возможнымъ привести вопросъ къ такому выводу, что члены синода въ испрошеніи флигель-адъютанта Протасова на оберъ-прокурорство — совсѣмъ неповинны. Словомъ, дѣло это разные любители истины много разъ старались затемнять и простодушныя воспоминанія о немъ Исмайлова разъясняютъ въ немъ многое лучше всякихъ иныхъ подборовъ и выводовъ. Простодушіе Исмайлова можетъ быть лучшая порука за его искренность.

Если же можетъ быть доказано, что „члены тутъ не-причемъ", то стало быть все сдѣлано Муравьевымъ, который былъ головою и душею этого дѣла и получилъ за то отъ возведеннаго его радѣніемъ въ оберъ-прокуроры флигель-адъютанта камергерское званіе.

Вотъ за что, значитъ, было предано въ команду гусара святѣйшее собраніе русской церкви, явившееся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ одного интригана, который велъ для него одного лишь безпроигрышную и выгодную игру.

Это я думаю должно прочно установиться даже въ томъ случаѣ, если въ илетень вплететъ свое слово и от. Гречулевичъ.

тельными, чѣмъ ревнующими о вѣрѣ, и дѣла вѣры, при всей огромнѣйшей организаціи центральнаго управленія, пришли въ такое положеніе, которое сами архіереи не хвалятъ.

XXII.

О чиновникахъ нѣчего и говорить. „Если кто станетъ не противъ синода, а за синодъ, того или выгонять совсѣмъ изъ службы, или лишать права на всякую выслугу". „Завелись секретныя дѣла, пошли доносы и ябеды".

Авторъ пренаивно повѣствуетъ о себѣ:

„Маленькій, но самолюбивый (sic) чиновникъ, воспитанный въ страхѣ и уваженіи къ духовному начальству, я сталъ на сторону св. синода и черезъ это подвергъ себя всѣмъ невыгодамъ дальнѣйшей службы". Его не повышали въ должности и когда въ 1836 году оберъ-секретарь доложилъ синоду о слѣдующемъ Исмайлову орденѣ Владиміра, то „синодъ единогласно положилъ представить, но когда дѣло дошло до оберъ-прокурора, то онъ отмѣнилъ и на настояніе оберъ-секретаря сказалъ: „я не знаю заслуги Исмайлова: кому онъ служилъ, тотъ бы его и представлялъ".

Послѣ этого Исмайловъ сряду пишетъ: „жалуетъ царь, но не жалуетъ псарь". Если сравнить эти досадливыя и горькія слова съ тѣмъ сладостнымъ лепетомъ, которымъ этотъ человѣкъ лепеталъ о своемъ поступленіи въ синодъ на службу, то можно подумать, что пятнадцатилѣтнее пребываніе въ этомъ священномъ коллегіумѣ Исмайлова не только не усовершило, но въ нѣкоторой степени какъ бы испортило его. Тогда онъ умилялся и благоговѣлъ передъ камерою и ея обстановкою, а теперь онъ дѣлаетъ обидное и непристойное сопоставленіе оберъ-прокурора со „псаремъ".

Человѣкъ этотъ очевидно палъ.

А между тѣмъ, онъ совсѣмъ не изъ такихъ дерзкихъ, чтобы его не слѣдовало награждать. Съ свойственною Исмайлову довольно забавною наивностію онъ говоритъ: „явно я не противился оберъ-прокурору, ладилъ со всѣми его сателитами и онъ самъ считалъ меня въ своемъ полку, но все какъ будто сомнѣвался,—будто подозрѣвалъ меня человѣкомъ двуличнымъ".

Это премило, онъ только „явно" не противился, и велъ себя такъ, чтобы его числили въ оберъ-прокурорскомъ „полку", но въ душѣ онъ носилъ, что-то иное: хотѣлъ Владимірскій крестъ, который ему былъ очень нуженъ, и не хотѣлъ, чтобы его подозрѣвали въ томъ, что онъ вѣренъ памяти Мещерскаго, а Протасова не любитъ...

Какіе забавные комики!..

XXIII.

Самымъ цѣлостнымъ изъ всей этой толчеи выходитъ во весь свой ростъ православный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, наградившій синодъ оберъ-прокуроромъ Протасовымъ. Подведя церковь „подъ гусара“, онъ увидалъ, что сплоховалъ, и получивъ, что могъ отъ Протасова, отбылъ въ страны дальныя, но не съ пустыми цѣлями обыкновеннаго туриста, а съ серьезною заботою просвѣтить Римъ на счетъ восточнаго православія и внушить русскимъ несостоятельность римскаго католицизма... Со стороны Муравьева въ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой заслуги: какъ бы такъ ни было, а все-таки онъ первый изъ свѣтскихъ людей началъ вѣщать о такихъ вопросахъ, которыми до него „свѣтскіе“ люди не интересовались и не умѣли за нихъ тронуться. Наша система религіознаго преподаванія этому вполнѣ благопріятствовала, и викарій Ключаревъ въ своихъ недавнихъ публичныхъ лекціяхъ въ Москвѣ высказался такъ, что это едва ли не было къ лучшему. Занятіе церковными вопросами, которые теперь заинтересовали многихъ (благодаря трудамъ м. Макарія Булгакова и профессоровъ Голубинскаго, Знаменскаго и Терновскаго), не повело къ осуществленію давнихъ желаній Кузьмы Пруткова, сочинившаго, кажется, самый лучшій проектъ „введенія единомыслія въ Россіи“.

Сочиненія Муравьева по нынѣшнему времени въ большинствѣ такъ несостоятельны, что заниматься чтеніемъ ихъ значитъ терять напрасно время, но тогда они читались и даже изъ нихъ кое-что обязательно заучивалось наизусть. Они приносили автору хорошій доходъ, который къ послѣднимъ годамъ его жизни вдругъ остановился. Андрей Николаевичъ приписывалъ это умаленію вѣры, происшедшему, какъ все злое, отъ одного несчастнаго источника, — „отъ тлетворнаго направленія литературы“, призванной быть козломъ отпущенія за все, что ведется неумѣлыми руками. Самъ Муравьевъ жилъ не всегда въ теплѣ да въ холѣ, но кое-какъ устроился и къ концу дней „сталъ на стражѣ у Кіева“. Какъ настоящій православный богатырь, онъ сѣлъ надъ горою и смотрѣлъ во всѣ стороны, чтобы мимо его ни птица не пролетѣла, ни звѣрь не прорыскивалъ,— и надоѣлъ кіевскому духовенству своею докучною и мелочною инспекціею до нестерпимости. Его даже считали вреднымъ и самую вѣру, которая одушевляла кипящею бодростью состарѣвшійся составъ его длинныхъ костей, считали не вѣрою, а ханжествомъ. Впрочемъ, это былъ типъ чрезвычайно цѣльный, и одно обстоятельство, сопровождавшее его кончину, я думаю, должно служить тому сильнымъ подтвержденіемъ.

Въ одномъ изъ большаго числа сохраняемыхъ мною писемъ епископа Филарета Филаретова, помѣченномъ 27 августа 1874 года, есть

такая приписка: „Умеръ А. Н. Муравьевъ. Такъ скоро и быстро смерть его свалила, что и самъ онъ не успѣлъ распорядиться своимъ добромъ. До конца однако же остался вѣренъ самому себѣ. Я соборовалъ его передъ смертію. Онъ былъ почти въ агоніи, но послѣ соборованія все-таки сказалъ: „благодарю, чинно совершено таинство".

Какъ жилъ онъ, такъ и угасъ, до послѣдней секунды надзирая за „чинностію совершенія таинствъ".

Духовенство русское болѣе чѣмъ равнодушно къ памяти Муравьева и совсѣмъ не цѣнитъ его заслугъ. Оно какъ будто понимаетъ, что ханжествомъ всей своей жизни Муравьевъ не могъ поправить того огромнаго зла, которое онъ причинилъ своимъ самолюбивымъ и опрометчивымъ поступкомъ съ посылкою митрополита Серафима къ государю для испрошенія синоду „гусара".

Нѣтъ нужды, что тайности эти далеко не всѣмъ извѣстны и до сихъ поръ, сколько помнится, не встрѣчали печатной оцѣнки—у массы есть свой инстинктъ, которымъ она отличаетъ добро отъ зла.

Нѣкоторыхъ до сихъ поръ интересутъ любопытный вопросъ: что̀, если бы Андрей Николаевичъ Муравьевъ получилъ мѣсто оберъ-прокурора, — исполнилъ ли бы онъ свое намѣреніе „упразднить" эту должность, или, по крайней мѣрѣ, поставить іерарховъ выше себя и самому передъ ними, такъ сказать, стушеваться и смириться до пріятія „зрака раба".

Кто можетъ рѣшить то, что осталося тайнымъ и неразрѣшеннымъ въ высшихъ судьбахъ Провидѣнія? Но насколько можно судить объ исполнимости намѣреній по характеру и другимъ свойствамъ, человѣка, ихъ выражавшаго, то я смѣю думать, что сказанное намѣреніе Муравьева осталось бы неисполненнымъ.

XXIV.

Въ публикѣ Андрея Николаевича Муравьева часто сравниваютъ съ дѣйствующимъ нынѣ на литературномъ поприщѣ княземъ Владиміромъ Петровичемъ Мещерскимъ. Сходство между ними дѣйствительно есть, но вѣдь находятъ сходство и между Григоріемъ Богословомъ и Шопенгауеромъ, или Василіемъ Великимъ и Гумбольтомъ, а есть и большая разница. Муравьевъ, конечно, былъ несравненно свѣдущѣе князя въ церковныхъ дѣлахъ и зналъ какъ Св. Писаніе, такъ и исторію церкви, въ чемъ никто не дерзнетъ обвинять обширнаго невѣдѣніемъ кн. Мещерскаго. Кромѣ того, Муравьевъ вполнѣ понималъ нравы низшаго и высшаго духовенства, и любилъ задавать страху тѣмъ и другимъ, тогда какъ князь Мещерскій строгъ только къ „модному духовенству", съ воротничками и чистымъ бѣльемъ на виду, а къ „фіолетамъ" самъ искательно подъѣзжаетъ на особомъ „духовномъ передкѣ" (ips. verbo). Муравьевъ же, напротивъ, какъ говорятъ: „гонялъ поповъ, но не давалъ спуску и архіереямъ".

Здѣсь кстати разскажу, отъ какого случая онъ продолжалъ непріязнь съ митрополитомъ Арсеніемъ, который его пережилъ немного и хотѣлъ было лишить успокоенія подъ церковью. Митрополитъ Арсеній, объѣзжая епархію, однажды обѣдалъ у какого-то таращанскаго или звенигородскаго помѣщика, — кажется, если не ошибаюсь, у г. Млодецкаго, поляка. За столомъ были духовные особы, сопровождавшіе митрополита, и мѣстный ксендзъ. Православный же мѣстный причетъ и сосѣднее духовенство во все время обѣда ожидали владыку на дворѣ, стоя у крыльца вмѣстѣ съ жидами, собравшимися поглазѣть на экипажи и на гостя. Андрей Николаевичъ сдѣлалъ за это выговоръ митрополиту безъ всякаго послабленія, а тотъ, чувствуя справедливость сдѣланнаго ему замѣчанія, никогда не могъ искренно помириться съ Муравьевымъ и завелъ это до того, что даже мстилъ ему мертвому. Митрополитъ сдѣлалъ неожиданное затрудненіе въ погребеніи его въ склепѣ подъ Андреевскою церковью, хотя склепъ этотъ былъ устроенъ Муравьевымъ гораздо ранѣе его смерти и не безъ вѣдома митрополита Арсенія.

Такъ же были исполнены рѣзкостей, и притомъ совершенно неумѣстныхъ, нѣкоторыя отношенія Муравьева къ другому современному кіевскому епископу—Порфирію Успенскому, большому и почтенному труженику, изысканія котораго о Востокѣ должны быть высоко цѣнимы церковно-историческою наукою. (Преосвященный Порфирій здравствуетъ).

Выходитъ, что въ послѣдніе дни своей жизни Андрей Николаевичъ изъ трехъ кіевскихъ архіереевъ кое-какъ благоволилъ только къ одному, именно къ Филарету Филаретову, да и къ этому онъ преложилъ свой гнѣвъ на милость только незадолго передъ смертію, и то благодаря расположенію, которое оказывалъ Филарету содержащій ключь ко многимъ сердцамъ П. П. Демидовъ Санъ-Донато.

Таковъ былъ неуживчивый, безпокойный и претензіонный, но нелишенный нѣкоторой смѣлости и отваги характеръ „готоваго", но „несостоявшагося оберъ-прокурора", А. Н. Муравьева. По этому краткому, нельстивому, но и безпристрастному очерку всякій можетъ самъ умозаключать: были ли достаточныя основанія сожалѣть, что Муравьеву въ свое время былъ предпочтенъ Протасовъ, а потомъ другіе, и можно ли было ожидать, что при Муравьевѣ епископы много бы выиграли въ своей независимости.

Я еще разъ готовъ сказать, что ни епископы, ни вся церковь отъ него никакихъ бы благополучій для себя не доспѣли.

XXV.

Изъ запутанной и неясной, но во всякомъ случаѣ тяжкой для чувства православныхъ исторіи, которую мы какъ могли разсказали съ своими и чужими соображеніями, можетъ быть, и ошибочными,—

обыкновенно выводятъ или тщатся выводить, что благоуспѣшность проповѣди и вообще церковнаго благочестія въ Россіи остановили маловѣріе однихъ оберъ-прокуроровъ и крутое самовластіе другихъ.

Такъ ли это однако?

Сами мы этого разбирать не станемъ, такъ какъ это увлекло бы насъ значительно дальше того, докуда мы мѣтимъ собственно въ интересахъ исторической заботы уберечь преданія; но отмѣтимъ краткое замѣчаніе, высказанное объ этомъ г. Владиміромъ Соловьевымъ въ журналѣ Ив. С. Аксакова.

По поводу нынѣшняго совершеннаго упадка въ Россіи „духовнаго авторитета", г. Соловьевъ ежлется за откровенное признаніе епископа уфимскаго Никанора, который въ словѣ на новый 1882 годъ откровенно признался, что „никто уже у нихъ больше не хочетъ учиться и ихъ слушаться".

Положеніе очевидно отчаянное, но редакція „Руси" и ея начитанный въ церковныхъ вопросахъ сотрудникъ усматриваютъ главную причину бѣдствія все-таки не въ недостаткѣ охраны и защиты церковныхъ дѣятелей, а совсѣмъ въ другомъ, — именно въ томъ, что („Русь", 18 сент. 1882 г., № 38) въ такомъ отчаянномъ положеніи „иные благонамѣренные, но неблагоразумные ревнители духовнаго авторитета прибѣгаютъ къ отчаянному же средству, — къ признанію за русской мѣстной (?!) іерархіей привиллегіи непогрѣшимости во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, что составляетъ во всякомъ случаѣ несовсѣмъ удачную пародію папизма".

Горячая преданность обоихъ этихъ лицъ (Аксакова и Соловьева) интересамъ православія, разумѣется, заставляетъ отнестись къ ихъ словамъ съ серьезною провѣркою, тѣмъ болѣе, что приведенныя слова, кажется, справедливы и во всякомъ случаѣ глубоко доброжелательны и искренны. А это во всякомъ разѣ тѣ свойства, недостатокъ которыхъ всего ощутительнѣе во всей разсмотрѣнной нами исторіи.

Николай Лѣсковъ.





РУССКІЙ ЛИТТРЕ.

(По поводу новаго изданія „Словаря“ Даля).

21-го мая (2-го іюня) прошлаго года, умеръ въ Парижѣ на восемьдесятъ первомъ году французскій философъ, публицистъ и филологъ, имя котораго пользуется глубокимъ уваженіемъ во всей мыслящей Европѣ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ приняла она вѣсть о кончинѣ ученаго. Отечество устроило ему торжественныя, хотя и гражданскія, похороны. Онъ занималъ такое видное мѣсто въ ряду современныхъ представителей науки, что не скоро найдется лицо, которое моглобы замѣнить его въ тѣхъ отрасляхъ знанія, гдѣ дѣйствовалъ покойный Литтре. Въ молодости онъ былъ лингвистомъ, основательно зналъ древніе языки, санскритскій, арабскій, а изъ европейскихъ—нѣмецкій, англійскій, итальянскій и испанскій. Изучая медицину, онъ перевелъ десять томовъ сочиненій Гипократа, дрался на іюльскихъ баррикадахъ, потомъ былъ однимъ изъ редакторовъ газеты „National“. Какъ медикъ, онъ написалъ изслѣдованіе о холерѣ, участвовалъ въ „Журналѣ медицины и хирургіи“, основалъ медицинскій журналъ „l'Experience“, существовавшій десять лѣтъ (1807—16), издалъ „Словарь медицины, хирургіи и фармаціи“, перевелъ „Естественную исторію“ Плинія. Какъ философъ, онъ перевелъ „Жизнь Іисуса“ Штрауса и былъ жаркимъ адептомъ и популяризаторомъ ученія Огюста Конта, написалъ „Анализъ позитивной философіи“, „Приложеніе позитивизма къ управленію обществами“, „Консерватизмъ, революція и позитивизмъ“, „Ученіе позитивной философіи“, „Огюстъ Контъ и его философія“ и друг., основалъ съ М. Г. Вырубовымъ журналъ „Philosophie positive“, гдѣ помѣщалъ много статей и, между прочимъ, „Органическія начала нравственности“, возбудившія противъ него всю стаю ретроградовъ. Но еще замѣчательнѣе онъ какъ филологъ. Изучивъ

старинный французскій языкъ, онъ перевелъ стихами „Адъ“ Данта на языкъ XIV-го столѣтія, и первую пѣснь Иліады на языкъ трубадуровъ, составилъ „Исторію французскаго языка“, наконецъ, посвятивъ двадцать лѣтъ на подготовленіе матеріаловъ для „Словаря французскаго языка“, онъ началъ издавать его въ 1863 году и окончилъ черезъ десять лѣтъ послѣдній четвертый томъ. Черезъ пять лѣтъ (1877 г.) вышло дополненіе къ этому „Словарю“.

„Словарь“ Литтре составляетъ гордость и славу нашего времени. То, чего не могла сдѣлать втеченіе многихъ лѣтъ вся французская академія, въ полномъ составѣ ея сорока „безсмертныхъ“ ученыхъ и литераторовъ, сдѣлалъ одинъ человѣкъ, сравнительно въ короткое время, и сдѣлалъ такъ, что остается только удивляться знанію и трудолюбію этого человѣка, котораго не могли отвлечь отъ работы даже такія событія, какъ паденіе имперіи, вторженіе иноземцевъ въ его отечество, восстаніе комуны. Недаромъ онъ говорилъ, вступая въ масонскую ложу Великаго Востока: „равнодушіе науки—безусловно: отъ этого увеличивается ея вліяніе на измѣненія соціальнаго положенія“.

„Словарь французской академіи“ имѣлъ нѣсколько изданій, начиная съ 1694 года. Только четвертое—1762 года имѣетъ нѣкоторое значеніе, благодаря трудамъ Дюкло. Начатое вслѣдъ затѣмъ изданіе секретарями академіи Мармонтелемъ и Даламберомъ, было остановлено во время революціи и окончено неизвѣстными книгопродавцами въ 1798 году. Академія, разогнанная революціею, не хотѣла признать этого труда и, съ помощью новыхъ членовъ, выпустила въ свѣтъ новое изданіе въ 1835 году. Опредѣленіе словъ въ этомъ изданіи отличается наивностью. Такъ, слово „étonnement“—значитъ „surprise“, а „surprise“ опредѣляется словомъ „étonnement“; „быть“—значитъ „существовать“, а „существовать“—значитъ „быть“. „Экономія“ опредѣляется словомъ „сбереженіе“, сбереженіе—экономіею. Этимологіи нѣтъ вовсе въ этомъ словарѣ; для показанія употребленія словъ примѣры сочиняются самими академиками, а не приводятся изъ прочихъ писателей; не вездѣ показанъ выговоръ словъ, даже въ спорныхъ случаяхъ. Число пропущенныхъ словъ громадно: нѣтъ даже такихъ словъ, какъ capitaliser, diorama, editer, incorrectement, démoralisation и др.; многіе граматическіе вопросы вовсе не рѣшены, и проч. и проч.

Всѣхъ этихъ недостатковъ нѣтъ въ словарѣ Литтре. Онъ даетъ полную номенклатуру всѣхъ французскихъ словъ, какъ встрѣчающихся въ обыкновенной рѣчи, такъ и въ терминологіи наукъ, искуствъ и ремеслъ; онъ приводитъ идіотизмы, критическія замѣчанія о трудностяхъ и неправильностяхъ языка, различныя значенія словъ, ихъ произношенія, этимологію, историческія измѣненія всѣхъ терминовъ французскаго языка, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, отъ начала ихъ происхожденія до XVI-го вѣка; опредѣленія словъ, отличающіяся

ясностью, приводить всѣ ихъ значенія, въ логическомъ порядкѣ, съ примѣрами, взятыми изъ классическихъ писателей, со всѣми синонимами.

И создавшаго такой словарь человѣка — французская академія, обязанная, по уставу, заботиться объ изданіи подобнаго рода книгъ, нѣсколько разъ отказывалась принять въ число своихъ членовъ. Когда вышелъ первый томъ словаря, епископъ Дюпанлу, на предложеніе кандидатуры Литтре, отвѣчалъ публичнымъ обвиненіемъ его въ безнравственности и безбожіи. Впослѣдствіи, еще нѣсколько разъ предлагали его избраніе, какъ въ 1867 году, на мѣсто Баранта. Только въ концѣ 1876 года, послѣ того какъ Литтре былъ выбранъ членомъ національнаго собранія, вице-президентомъ генеральнаго совѣта въ Парижѣ, професоромъ исторіи и географіи въ политехнической школѣ, академія избрала его въ члены, на мѣсто Вильмена, семнадцатью голосами противъ 12-ти, данныхъ Тальяндье и Вьель-Кастелю Дюпанлу всѣми силами старался мѣшать этому избранію, но, не успѣвъ въ этомъ, торжественно отказался отъ своего академическаго кресла, „не желая засѣдать въ учрежденіи, принимающемъ безбожниковъ въ свои члены". Въ своей вступительной рѣчи, произнесенной въ академіи, въ іюнѣ 1873 года, Литтре не упоминалъ вовсе о философіи, а говорилъ только о литературѣ и о замѣчательномъ развитіи французскаго языка въ XII вѣкѣ. Зато отвѣчавшій ему академикъ Шампаньи счелъ долгомъ прочитать великому ученому религіозное наставленіе, въ духѣ епископа Дюпанлу.

Католики не хотѣли оставить въ покоѣ безкорыстнаго дѣятеля науки и послѣ его смерти. Безупречная жизнь его бѣсила фанатиковъ-клерикаловъ, проповѣдовавшихъ, что всякій свободный мыслитель непремѣнно человѣкъ безнравственный и безчестный. Но отрицая всякое преданіе, вѣрованіе и откровеніе, Литтре въ то же время былъ образцомъ гражданина и семьянина. Родившись въ семьѣ, отвергавшей всякую религію, онъ никогда не былъ крещенъ и даже въ масоны вступилъ только, когда они вычеркнули изъ своего устава статьи, по которымъ существованіе „великаго зодчаго вселенной" считалось обязательнымъ. И такой человѣкъ, по увѣренію семьи его, умеръ не только христіаниномъ, но и католикомъ. Мало того: чтобы имѣть возможность отпѣвать по обрядамъ церкви „нèкреста", клерикалы объявили въ газетахъ, что Литтре совершилъ надъ собою обрядъ крещенія, незадолго до смерти, чтобы не огорчать жену и дочь. Никто однако не называлъ священника, крестившаго ученаго. Не смотря на это, пришлось вѣрить словамъ его семьи, и тѣло покойнаго, по католическому обычаю, было выставлено во временной каплицѣ (chapelle ardente). Но когда гробъ былъ вынесенъ изъ нея и поставленъ на дроги, одинъ изъ любимыхъ учениковъ и горячихъ поклонниковъ Литтре, докторъ Галопенъ, подошелъ къ дрогамъ въ сопровожденіи членовъ масонской ложи и сказалъ: „Учитель! Я прихожу сюда от-

стоять отъ имени философіи позитивизма права̀ всемірнаго масонскаго братства. Насъ обманули, чтобы похитить тебя у мыслящаго человѣчества. Но будущее произнесетъ приговоръ надъ твоими и нашими врагами. Мы отмстимъ за тебя, давая читать твои творенія дѣтямъ нашимъ".

При этихъ словахъ, толпа, окружавшая гробъ, взволновалась: одни осуждали протестъ Галопена, другіе одобряли манифестацію масоновъ. Но погребальная процесія двинулась къ церкви. Толпа писателей, ученыхъ, сенаторовъ, академиковъ, депутатовъ шла за гробомъ. Эрнестъ Ренанъ, какъ представитель академіи, держалъ одинъ изъ снурковъ балдахина траурной колесницы. „Свободные мыслители" и масоны не вошли въ церковь и не позволили внести въ нее вѣнки, принесенные ими на гробъ ихъ собрата, а положили ихъ на паперти, пока тѣло отпѣвали. На кладбищѣ Монпарнаса, гдѣ похоронили усопшаго, по настоятельному желанію его семьи, не было произнесено рѣчей, но когда толпа уже стала расходиться, редакторъ „Revue Positiviste" сказалъ прощальное слово, которое, въ то же время, было и протестомъ: „Литтре доказалъ собою, говорилъ г. Вырубовъ, что можно имѣть благородное и великодушное сердце, слѣдуя ученію, непризнающему ничего, кромѣ дѣйствительности... Несмотря на обманчивую обстановку, онъ умеръ, какъ жилъ, не отрекаясь отъ своихъ убѣжденій... Тебѣ не суждено загробное безсмертіе, котораго ты никогда и не ожидалъ, но ты оставляешь за собою твою страну, которой ты честно служилъ, республику, къ которой всегда былъ горячо привязанъ, цѣлое поколѣніе учениковъ, которые всегда будутъ вѣрны тебѣ. Ты завѣщалъ всему мыслящему человѣчеству твои идеи и твои добродѣтели. Сегодня начинается для тебя безсмертіе земное, единственное, отъ котораго можно ожидать пользы и плодовъ".

Этотъ вторичный протестъ вызвалъ еще больше шума, чѣмъ первый. Часть толпы рукоплескала, другая громко осуждала неумѣстность выходки. Дѣло дошло до криковъ и перебранки. Послѣдователи позитивистской философіи не съумѣли сохранить должнаго хладнокровія. Обманъ, допущенный клерикалами, былъ очевиденъ. Если бы слухъ, распущенный о предсмертномъ крещеніи Литтре, былъ справедливъ—при первомъ сомнѣніи о немъ, высказанномъ въ газетахъ, духовенство поспѣшило бы представить несомнѣнныя доказательства факта,—но ихъ не было, и потому оно молчало и предпочло скорѣе нарушить основной догматъ католицизма, строго воспрещающій христіанское погребеніе нехристіанъ, нежели допустить гражданскія похороны великаго ученаго, но и нераскаяннаго атеиста. Въ борьбѣ съ свободными мыслителями католицизмъ допускаетъ еще и не такія передержки.

Въ то время, когда Литтре готовился вступить въ учрежденіе, признавшее наконецъ громадныя заслуги филолога по составленію образцоваго словаря, въ Москвѣ, также въ кругу семьи, но почти

всѣми забытый, умиралъ другой составитель словаря, также не академическаго, но единственнаго въ Россіи, лучше котораго мы не скоро дождемся. Это былъ не такой глубоко образованный ученый какъ Литтре, но превосходилъ французскаго лексиколога тѣмъ, что былъ замѣчательнымъ, чисто народнымъ писателемъ, отличавшимся въ то же время разнообразною и многостороннею дѣятельностью. Владиміръ Ивановичъ Даль былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ дѣятелей: морякъ, медикъ, натуралистъ, филологъ, этнографъ, ботаникъ, политико-экономистъ, инженеръ, администраторъ, туристъ, блестящій литераторъ. Онъ родился въ 1801 году, въ Луганскомъ заводѣ Екатеринославской губерніи. Отецъ его, датчанинъ по происхожденію, принявшій русское подданство, былъ докторомъ, а впослѣдствіи медицинскимъ инспекторомъ въ черноморскомъ флотѣ. По этому молодой Даль получилъ воспитаніе въ морскомъ корпусѣ и въ 1819 году, вышелъ мичманомъ въ черноморскій флотъ, но на первыхъ порахъ службы встрѣтилъ непріязнь въ своихъ начальникахъ и, преслѣдуемый адмираломъ Грейгомъ, перешелъ въ балтійскій флотъ. Кромѣ того, служить въ морѣ ему мѣшало слабое здоровье. Онъ не могъ переносить морской качки и, несмотря на это, долженъ былъ оставаться морякомъ, чтобы заплатить своею службою за казенное воспитаніе. Напрасно пытался онъ втеченіе этого времени перейти въ инженерное и артилерійское вѣдомства, наконецъ просто въ армейскій полкъ. Его не выпускали до срока, положеннаго по закону, и только черезъ шесть лѣтъ онъ могъ выдти въ отставку. Тогда онъ поступилъ въ дерптскій университетъ въ такіе годы, когда другіе уже выходятъ изъ студентовъ. Онъ порѣшилъ сдѣлаться медикомъ, хотя этому мѣшало совершенное незнаніе латинскаго языка, которому не учили въ морскомъ корпусѣ. Это не остановило, однако, Даля и онъ началъ учиться латыни съ азбуки, а черезъ три года (въ 1829 году) напечаталъ уже докторскую дисертацію: „Specimen inaugurale exhibens observationes duos: de rebratione cransi cum successu instituta et de renum exularatione occulta". Товарищъ Пирогова и Иноземцова, онъ оказалъ такіе блестящіе успѣхи въ университетѣ, что былъ зачисленъ казеннокоштнымъ студентомъ. Ему слѣдовало кончить курсъ въ концѣ 1830 года, но еще за годъ передъ тѣмъ, по случаю войны съ Турціей, потребовали въ армію всѣхъ способныхъ медицинскихъ студентовъ и Даль отправился въ походъ, въ званіи доктора, защитивъ свою дисертацію.

Исполняя ревностно обязанности военнаго врача во время всей кампаніи, онъ, сверхъ того, счастливо исполнилъ порученіе начальства—остановить распространеніе холеры, появившейся въ Яссахъ и Каменецъ-Подольскѣ. Въ польскую войну 1831 года онъ снова неутомимо оперировалъ на поляхъ сраженій. Въ то же время онъ выказалъ практическія знанія и по инженерной части. Отрядъ Ридигера, при которомъ Даль былъ врачомъ, долженъ былъ переправиться

черезъ Вислу, но при генералѣ не было ни одного инженера, способнаго навести понтонный мостъ. Докторъ взялся за это, исполнилъ съ успѣхомъ, самъ лично защищалъ мостъ отъ сильнаго натиска поляковъ, а потомъ разрушилъ его. По окончаніи войны онъ поступилъ ординаторомъ въ петербургскій военный госпиталь и тогда же (въ 1832 году) издалъ свой первый литературный трудъ: „Русскія сказки изъ преданія народнаго, изустнаго, на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому принаровленныя и поговорками ходячими разукрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ“. Эти бойкіе, полные неподдѣльнаго юмора разсказы, доказывавшіе въ авторѣ глубокое знаніе народнаго быта, болѣе всего были замѣчательны по прекрасному, образному языку, чисто русскимъ оборотамъ народной рѣчи. Между тѣмъ, авторъ ихъ только четыре года тому назадъ началъ писать статьи на нѣмецкомъ языкѣ въ „Dorpater Jahrbücher“ [1]). Но съ перваго же шагу на литературномъ поприщѣ Даль попалъ въ разрядъ писателей неблагонамѣренныхъ. Булгаринъ, по своему обыкновенію, указалъ на нѣсколько смѣлыхъ, рѣзкихъ фразъ, хотя и въ чисто народномъ духѣ, и приписалъ имъ вредное, опасное значеніе. Книжку захватили и заодно уже препроводили и автора въ III Отдѣленіе. По счастью, Жуковскій, этотъ всегдашній ходатай за всѣхъ угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ, растолковалъ кому слѣдуетъ, что въ заподозрѣнныхъ фразахъ не заключается ничего зажигательнаго, никакихъ потрясеній основъ и покушеній на ниспровержение властей. Даля выпустили изъ застѣнка, но книгу его все-таки запретили — во избѣжаніе превратныхъ толкованій. Да и не могло же всемогущее и всезнающее III Отдѣленіе сознаться, что оно напрасно приняло кукушку за ястреба и стараго доносчика Булгарина за ревностнаго патріота. Тотъ же добрый и благородный Жуковскій познакомилъ Даля съ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, В. А. Перовскимъ и въ слѣдующемъ же году, врачъ-писатель поступилъ къ нему чиновникомъ по особымъ порученіямъ.

Семь лѣтъ Даль находился постоянно въ Оренбургѣ, близко изучилъ тотъ край и собралъ огромный запасъ свѣдѣній всякаго рода. Въ 1837 году онъ сопровождалъ Наслѣдника во время поѣздки его по этому краю, а въ 1839 году участвовалъ въ безтолковомъ хивинскомъ походѣ, изъ котораго писалъ любопытныя письма къ друзьямъ. Письма эти только спустя четверть столѣтія слишкомъ могли появиться въ печати („Русскій Архивъ“ 1867 года, стр. 402 и 606). Въ это время онъ окончательно упрочилъ свою литературную извѣстность, издавъ свои „Были и небылицы“ (четыре тома, второе изданіе

[1]) Статья эта „Uber die Schriftstellerei des russischen Volks“ (1835, № 1-й) посвящена предмету, занимавшему Даля втеченіе всей его жизни. Въ ней онъ осуждаетъ нашу подражательную литературу, возстаетъ противъ искаженія языка на иностранный ладъ и съ любовью говоритъ о лубочныхъ картинахъ.

1863 года), и въ то же время не оставлялъ и ученыхъ занятій: какъ медикъ онъ дѣлалъ много операцій и посвятилъ себя изученію глазныхъ болѣзней. Врагъ гомеопатіи въ 1835 году, онъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ ревностныхъ ея послѣдователей и написалъ одну изъ первыхъ статей въ защиту этого ученія въ „Современникѣ" 1838 года (№ 129). Какъ натуралистъ, онъ перевелъ „Естественную исторію Оренбургскаго края" Эверсмана. Въ 1841 году Даль перешелъ въ Петербургъ, по приглашенію министра удѣловъ А. А. Перовскаго и былъ при немъ секретаремъ. Въ 1846 году онъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и завѣдовалъ канцеляріей этого министерства. Какъ администраторъ, онъ составилъ въ то время двѣ любопытныя брошюры, не являвшіяся въ продажѣ: „О скопческой ереси" и „Объ убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ" (1844 г.). Какъ литераторъ, онъ въ это время написалъ „Солдатскіе досуги", иллюстрированную повѣсть „Похожденія Віольдамура" и четыре тома „Сочиненій казака Луганскаго". Какъ ученый, онъ издалъ „Ботанику" для воспитанниковъ военноучебныхъ заведеній (второе изданіе, 1851). Въ 1849 году, онъ былъ назначенъ управляющимъ удѣльною нижегородскою конторою и десять лѣтъ мирно прожилъ на этомъ мѣстѣ, получая содержаніе, достаточное для его скромной жизни. Но въ 1859 году губернаторомъ былъ сдѣланъ Муравьевъ. Ему нужны были не талантливые писатели и высокочестные чиновники, а лакеи и наушники въ вицмундирахъ, и Даль былъ уволенъ въ отставку, ничего не наживъ на мѣстѣ, гдѣ другіе наживали сотни тысячъ. Незначительная пенсія была наградою за сорокалѣтнюю службу этого рѣдкаго, достойнаго человѣка, неперестававшаго работать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, сборникахъ, словаряхъ. Кромѣ множества разсказовъ, очерковъ, повѣстей, онъ уже въ это время собиралъ матерьялы для своего капитальнаго труда и еще въ 1852 году въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества" напечаталъ замѣчательное изслѣдованіе „О нарѣчіяхъ русскаго языка". Но только выйдя въ отставку онъ получилъ возможность заняться приведеніемъ въ порядокъ матерьяловъ для своего словаря, которыя началъ собирать еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1861 года, вышли два первые выпуска „Толковаго словаря живаго великорусскаго языка", каждый въ четвертую долю большаго формата, по пятнадцати листовъ, въ два столбца. Средства для изданія дало „Общество любителей россійской словесности" при московскомъ университетѣ. Никакихъ введеній, предисловій, объясненій автора не было приложено къ этому труду, на которомъ красовалось только цензорское позволеніе печатать. Даже для такой книги необходимо было обидное испрашиваніе позволенія, да еще съ оговоркою, подъ условіемъ даровою представленія узаконеннаго (штукъ 15) числа экземпляровъ въ цензурный комитетъ, безъ чего и позволеніе недѣйствительно. Со второго же выпуска къ сло-

варю начали прилагаться отдѣльные листы поправокъ и дополненій. Только съ четвертаго выпуска въ слѣдующемъ году явилось цензурное одобреніе безъ всякихъ оговорокъ и, вмѣсто предисловія: „напутственное слово" автора, рѣчь его „о русскомъ словарѣ", читанная въ обществѣ любителей русской словесности въ 1860 году и статья о нарѣчіяхъ русскаго языка. Изъ этихъ статей, занявшихъ слишкомъ пятьдесятъ страницъ мелкой печати, можно было ознакомиться со взглядомъ автора на свое дѣло, планомъ словаря и его мнѣніями объ особенностяхъ русскаго языка, его правописаніи, граматическихъ формахъ и т. п. Съ шестаго выпуска 1863 года опять является цензурное „дозволеніе" вмѣсто „одобренія". До простаго „разрѣшенія" такъ и не додумалась цензура—вплоть до уничтоженія ея для нѣкоторыхъ книгъ и газетъ.

Средствъ общества любителей словесности достало только на восемь выпусковъ „Словаря" (920 страницъ, до слова ме́чта) — и онъ долженъ былъ прекратиться, но въ томъ же 1864 году вышелъ и девятый выпускъ, „печатанный на счетъ всемилостивѣйше пожалованныхъ средствъ". Даль заявилъ при этомъ, что восемь выпусковъ, стоившіе по 600 рублей каждый, почти истощили средства, данныя А. И. Кошелевымъ отъ имени общества (3.000 рублей), а также вырученныя изъ продажи, но изданіе обезпечено еще выпусковъ на 6—7, считая и продажу, „пожалованьемъ черезъ министра просвѣщенія значительной суммы". Съ 13-го выпуска 1866 года исчезла съ обертки словаря и эта оговорка, и было объявлено, что словарь весь готовъ для печати и выходъ его денежно обезпеченъ. Въ этомъ году вышло пять выпусковъ его. Въ 18-мъ выпускѣ, Даль напечаталъ критическій „отвѣтъ на приговоръ", въ которомъ защищается отъ обвиненія его въ томъ, что онъ вноситъ въ словарь не общеупотребительныя и какъ бы вновь составленныя слова, безъ указанія, гдѣ именно и кѣмъ они сообщены составителю. Въ этомъ упрекали его рецензіи гг. Пыпина, Срезневскаго, Савваитова. Такія указанія Даль считалъ задачею трудною, даже неисполнимою, особенно напоминая, что онъ собралъ 80 тысячъ словъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. При мѣстныхъ словахъ у него есть указаніе на губерніи, при сомнительныхъ онъ ставилъ вездѣ знаки вопроса. „Что же я могъ сдѣлать больше? зачѣмъ я буду самъ придумывать слова?" спрашиваетъ Даль и прибавляетъ, что онъ исправилъ по духу языка даже много офенскихъ, то-есть, придуманныхъ словъ, и ставилъ при нихъ знакъ сомнѣнья. „Многія изъ нихъ не были въ печати, но вѣдь авторъ составляетъ словарь не книжнаго, а живого языка". Изъ трехъ словъ будто бы сочиненныхъ Далемъ, два—„согласъ" и „живуля" несомнѣнно народныя, а третье—„ловкосиліе" употреблено имъ, какъ попытка объяснить русскимъ выраженіемъ слово „гимнастика".

21-мъ выпускомъ 1867 года окончилось изданіе, печатавшееся втеченіе почти семи лѣтъ. Публика встрѣтила его довольно равно-

душно, критическіе отзывы въ журналахъ были не замѣчательны. Самую лучшую оцѣнку ему сдѣлалъ Я. К. Гротъ, написавъ разборъ словаря по порученію нашей академіи, присудившей Далю въ 1870 году ломоносовскую премію. Еще прежде онъ получилъ за него высшую награду „Географическаго общества". Лучшую оцѣнку далевскаго словаря можно было бы сдѣлать сравнивъ его съ академическимъ, но Гротъ—самъ академикъ, и потому не могъ указывать на промахи и нелѣпости труда своихъ собратовъ. Онъ распространялся въ своей рецензіи о ходѣ развитія русскаго языка вообще, указывалъ на заимствованія его, на искаженія, внесенныя при реформахъ Петра I-го, на попытки Ломоносова и Карамзина очистить языкъ, Шишкова—обойтись вовсе безъ иностранныхъ словъ и составленныхъ по иноязычнымъ образцамъ. Но языкъ Ломоносова былъ неуклюжъ и неправиленъ, Карамзинъ былъ мало знакомъ съ языкомъ народа, а Шишковъ съ его „непщеваніемъ, гобзованіемъ, умодѣліемъ и присно-текущими" былъ просто невозможенъ даже для своихъ подчиненныхъ, какъ ни старались они „углѣбать", чтобы подслужиться своему министру просвѣщенія. На искуственной и дѣланной прозѣ Карамзина была построена граматика Греча, произвольная и условная, задержавшая своими стѣснительными правилами развитіе языка въ тридцатыхъ годахъ до появленія граматики Востокова, лучшаго знатока свойствъ русскаго языка, вмѣстѣ съ Далемъ и Гротомъ — хотя они всѣ трое не русскаго происхожденія.

Каждый изъ нашихъ лучшихъ писателей обращался къ народному языку, какъ источнику богатыхъ оборотовъ, блестящихъ выраженій. Фонвизинъ, Крыловъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ обильно черпали изъ этого источника, сознавая важное значеніе его. Даль прямо утверждалъ, что безъ него писатель не можетъ сдѣлать правильнаго шага. Онъ признавался, что всѣ его произведенія служили для него не цѣлью, а только средствомъ — познакомить русскаго человѣка съ народнымъ говоромъ. Его тревожила, по собственному признанію, „несообразность письменнаго языка нашего съ устною рѣчью простого русскаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ". Литературный языкъ нашъ, по мнѣнію его, совершенно удалился отъ народнаго, принялъ чуждый ему складъ и утратилъ первоначальный характеръ силы, сжатости и выразительности. Поэтому всѣ усилія Даля были направлены къ тому, чтобы замѣнить книжный языкъ народнымъ говоромъ. Въ этомъ главная заслуга писателя и, въ то же время, главное его заблужденіе. Несомнѣнно, что языкъ народный во многихъ случаяхъ образнѣе и выразительнѣе книжнаго, но у всѣхъ націй языкъ, „по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, даетъ болѣе перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью", какъ говоритъ Буслаевъ въ своей „Исторической граматикѣ". Вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредствен-

ную своеобразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ. Такое космополитическое явленіе въ языкахъ — необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей путемъ литературы, и признавая важность его, г. Гротъ въ разборѣ далевскаго словаря напрасно возстаетъ противъ перехода въ нашъ языкъ такихъ выраженій, какъ „разсчитывать на кого, раздѣлять чьи либо мысли, пройти молчаніемъ, предпослать", или такихъ словъ, какъ „фактъ, результатъ, интересный, серьезный, формулировать, вліятельный, немыслимый" и проч. Всѣ эти обороты и слова происходятъ именно отъ обще-европейскихъ представленій и пріобрѣли у насъ право гражданства. А сколько, въ послѣднее время, возникло и чисто русскихъ словъ не народныхъ, но прямо книжныхъ, какъ: проявленіе, сопоставленіе, настроеніе, голосованіе, творчество, пробѣлъ, сдержанность и проч. Даль возстаетъ даже противъ „исчезновенія" и „возникновенія", но Гротъ совершенно основательно спрашиваетъ: чѣмъ же они хуже отдохновенія, прикосновенія? и самъ въ тоже время находитъ безобразнымъ слово „вдохновлять". Но чѣмъ же оно хуже слова благословлять? спросимъ мы въ свою очередь. Вообще только изъ соединенія книжныхъ словъ съ народными возникаетъ богатый языкъ, развитію котораго содѣйствуетъ каждый даровитый писатель. Поэтому, кромѣ словаря живого языка, намъ необходимъ еще и словарь языка книжнаго, литературнаго. Первый составленъ уже Далемъ, второй ждетъ еще другого, русскаго Литтре.

Но заслуги Даля по составленію словаря народнаго языка — огромны и не забудутся никогда. Оставляя въ сторонѣ его не осуществимую претензію замѣнить иностранныя слова областными или составными русскаго происхожденія, какъ закрай — вмѣсто „горизонтъ", голкъ—резонансъ, насылка—адресъ, колоземица—атмосфера, чистякъ—пуристъ, и проч.—мы должны сказать, что собранный имъ запасъ русскихъ словъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе, дѣйствительно огроменъ и, въ этомъ отношеніи, академическій словарь нельзя и сравнивать съ далевскимъ, не говоря уже о томъ, что опредѣленіе словъ у Даля несравненно лучше, яснѣе. Къ недостаткамъ его словаря слѣдуетъ отнести введеніе въ него чисто областныхъ, мѣстныхъ словъ, неизвѣстныхъ за предѣлами той области, гдѣ они родились. Напрасно также не исключилъ онъ такія слова, которыя уже никакъ нельзя отнести къ языку „живому", какъ угобжать, скирбь, скнипа, спона, стрый и т. п. Но пусть скорѣе въ словарѣ будутъ слова лишнія, нежели въ немъ будетъ недоставать какихъ нибудь словъ. Принятый имъ способъ расположенія словъ не въ строго азбучномъ порядкѣ, который Даль находитъ „тупымъ и сухимъ" и не въ порядкѣ корнесловномъ, слишкомъ труднымъ и ведущимъ къ произволу,—а по семьямъ или гнѣздамъ, нельзя не назвать вполнѣ раціональнымъ, но правильное примѣненіе этой системы требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго фило-

логическаго образованія, а этимъ Даль не обладалъ, въ чемъ и самъ сознается. Поэтому, зная языкъ только практически, онъ часто ошибался и въ распредѣленіи гнѣздъ и въ групировкѣ словъ по гнѣздамъ. Гротъ указываетъ на многочисленные промахи Даля въ этомъ отношеніи, но перечисляетъ ихъ далеко не всѣ. Кромѣ этимологіи у Даля хромаетъ и граматика, хотя, въ противуположность съ академическимъ словаремъ, онъ вовсе исключилъ изъ своего—обозначеніе при каждомъ глаголѣ его залога. Въ правописаніе онъ ввелъ также много особенностей, но не со всѣми изъ нихъ можно согласиться. Такъ, противное русскому духу сдваиваніе согласныхъ онъ распространяетъ и на причастія страдательныя и пишетъ: своевременый, дѣланый — хотя здѣсь удвоенія требуетъ самое произношеніе и самъ же Даль допускаетъ причастія: сокращенный, данный, и др. Тутъ уже прямой произволъ, но онъ распространяетъ его и на гласныя и пишетъ: вобще, вображеніе, сотвѣтствовать и, въ то же время: „соображеніе, сообщать, соотечественникъ". Въ словахъ съ предлогами безъ, разъ онъ безъ всякой нужды и въ противность произношенію пишетъ: бестыдно, бесвязно, раставлять; опускаетъ букву ь въ числительныхъ: седмой, восмой и проч.

Огромное значеніе въ словарѣ Даля имѣютъ пословицы, приводимыя имъ какъ примѣры употребленія словъ въ томъ или другомъ значеніи. (Впрочемъ, сборникъ этихъ пословицъ, расположенныхъ систематически по предметамъ, изданъ имъ отдѣльною книгою въ 1862 году). Но еще важнѣе и вполнѣ оправдываютъ названіе толковаго словаря—реальныя объясненія словъ, относящихся къ нравамъ, обычаямъ, занятіямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ естественнымъ наукамъ, промысламъ, судоходству, торговлѣ. Въ этомъ едва ли не главное и, во всякомъ случаѣ, неотъемлемое достоинство его словаря. Спеціалисты-академики, ботаникъ Рупрехтъ и зоологъ Шренкъ заявили, что по этимъ отдѣламъ словарь Даля выше академическаго и заслуживаетъ одобреніе и благодарность. Гротъ говоритъ, что хотя далевскій словарь и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, но его богатое вещественное и лексическое содержаніе искупаетъ всѣ недостатки. „Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матерьяла не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи". Эта настольная книга для всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ, книга не только полезная, но и занимательная, въ которой много любопытнаго, замѣчательнаго, поучительнаго. „Это трудъ задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно". У насъ нѣтъ другого сочиненія по русскому языку, которое могло бы идти въ сравненіе съ этимъ трудомъ; это плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни писателя умнаго, даровитаго, посвятившаго себя практическому изученію русскаго языка. Даль не проникъ во всѣ тайны законовъ языка, но и то,

что онъ сдѣлалъ для родного слова останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и лексикографіи. Тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ словаря, неутомимый составитель его началъ дополнять и исправлять его, внося на коректурные листы свои замѣтки, улучшенія, поправки. Намъ удалось видѣть эти листы, во многихъ мѣстахъ до того испещренные вставками и помарками, что почти ничего не оставалось изъ прежняго текста. И трудясь, какъ всю жизнь упорно и постоянно, Даль въ послѣднія пять лѣтъ своей жизни довелъ до того поправки въ своемъ словарѣ, что почти окончательно приготовилъ его второе изданіе. Прошло, однако, десять лѣтъ со смерти великаго лексикографа, покамѣстъ изданіе это могло явиться въ свѣтъ. Издавшій уже столько многотомныхъ и дорого стоющихъ сочиненій, М. О. Вольфъ рѣшился пожертвовать значительной суммой и, пріобрѣтя право на новое, совершенно переработанное авторомъ изданіе толковаго словаря, выпустилъ его въ свѣтъ ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ Даль, забытый при концѣ жизни, умеръ въ Москвѣ, въ своемъ скромномъ домикѣ. Одинъ взглядъ на это изданіе, сравнительно съ первымъ, показываетъ, какія важныя, многочисленныя измѣненія сдѣланы въ немъ составителемъ. Четыре объемистыхъ тома, напечатанныхъ четкимъ, хотя и компактнымъ шрифтомъ, со всею отчетливостью и тщательностію въ типографскомъ отношенія, дѣлаютъ вполнѣ безполезнымъ первое изданіе, котораго, впрочемъ, давно уже нѣтъ въ продажѣ. Но мы такъ скоро забываемъ заслуги нашихъ даровитыхъ дѣятелей на гражданскомъ и литературномъ поприщѣ, что напомнить о покойномъ Далѣ, возродившемся въ новомъ изданіи его безсмертнаго труда, казалось намъ и полезно, и необходимо. Можетъ быть, воспоминаніе о русскомъ Литтре наведетъ на мысль хоть кого нибудь изъ нашихъ журнальныхъ дѣятелей, знающихъ все на свѣтѣ, кромѣ законовъ языка, которымъ они пишутъ, заглянуть при случаѣ въ этотъ словарь, куда чуть не втеченіе полувѣка вносилъ всѣ слышанныя имъ когда либо и гдѣ либо русскія слова— этотъ странный человѣкъ, говорившій самъ о себѣ: „словарникъ — не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ". Но отзываясь скромно о своихъ заслугахъ, Даль забылъ, что въ трудѣ своемъ онъ явился не только сборщикомъ, а и толкователемъ нашего живого родного языка. И надъ такимъ собираніемъ и толкованіемъ русскихъ словъ съ глубокимъ уваженіемъ остановится будущій изслѣдователь свойствъ русскаго языка.

Вл. З—овъ.





ДВА ВРАГА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Многимъ, я думаю, небезъизвѣстны тѣ аномальныя отношенія, въ которыхъ находились другъ къ другу почти всю жизнь, да такъ ее и закончили, двое нашихъ государственныхъ дѣятелей: виленскій генералъ-губернаторъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и с.-петербургскій—свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ.

Что было причиной обоюдной ожесточенной вражды этихъ людей, откуда и когда началась эта вражда, мнѣ неизвѣстно; знаю лишь, что вражда давняя и начало ея кроется чуть ли еще не въ молодыхъ лѣтахъ обоихъ ненавистниковъ. Надо полагать, что причины столкновенія были слишкомъ серьезны, потому что надъ ними совершенно безслѣдно пронеслись и долгіе десятки лѣтъ, и опытъ жизни, и высокое, выдающееся положеніе этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей. Покойнаго государя крайне огорчали такія отношенія между Суворовымъ и Муравьевымъ. По кротости души своей императоръ Александръ Николаевичъ не могъ понять, какъ можетъ сердце человѣческое выносить продолжительную ненависть, гнѣвъ или злобу; любя обоихъ, одинаково обоими дорожа, государь искренно и не однажды пытался было помирить враждующихъ. Не знаю, какъ относился къ этой доброй попыткѣ графъ Муравьевъ, но князь Суворовъ при одномъ случаѣ заявилъ государю, что онъ высоко цѣнитъ и не находитъ словъ благодарить его величество за великодушное участіе, но съ Муравьевымъ никогда не сойдется. „Намъ суждено—сказалъ при этомъ князь Суворовъ—окончить съ Муравьевымъ жизнь врагами и врагами предстать предъ судъ Божій; одинъ Богъ разсудитъ насъ!“...

Эти слова, сколько мнѣ извѣстно, были сказаны государю княземъ Суворовымъ при слѣдующемъ случаѣ:

По усмиреніи польскаго мятежа и по водвореніи въ сѣверо-западномъ краѣ полнаго порядка, члены государственнаго совѣта, по инициативѣ, кажется, бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, предположили къ предстоявшему пріѣзду въ Петербургъ Муравьева поднести ему благодарственный адресъ. Государственный совѣтъ собрался для сего въ полномъ составѣ; былъ тутъ, конечно, и князь Суворовъ. Когда редакція адреса была всѣми одобрена, приступили къ подписямъ, по старшинству членовъ совѣта; очередь нѣсколько разъ доходила до Суворова, но онъ, вмѣсто подписи, передавалъ адресъ своимъ сосѣдямъ; наконецъ, адресъ былъ покрытъ подписями всѣхъ присутствующихъ и предложенъ снова Суворову; князь отказался, заявивъ, что адреса онъ не подпишетъ. Произошло замѣшательство; нѣкоторые члены государственнаго совѣта сочли себя обиженными, другіе заявили, что князь Суворовъ такимъ поступкомъ оскорбилъ высокое учрежденіе совѣта, а нѣкоторые обратились къ князю съ требованіемъ категорическихъ объясненій его поведенія. Суворовъ всталъ изъ-за стола и, выходя изъ присутствія, сказалъ: „Оставьте меня, господа; Богъ свидѣтель, что не хотѣлъ я ни оскорбить нашъ государственный совѣтъ, ни сдѣлать кому-нибудь изъ васъ непріятное; какъ русскій человѣкъ, я низко, до земли, кланяюсь генералу Муравьеву, усмирителю польскаго мятежа, но, какъ Суворовъ, я ни подъ какимъ видомъ не протяну мою руку для Муравьева“...

Говорили, что этимъ тогда дѣло не кончилось, что о такомъ поступкѣ князя Суворова было доведено до свѣдѣнія государя, котораго это очень огорчило и онъ при этомъ послѣдній разъ пытался склонить враждующія стороны къ миру. При этомъ же случаѣ князь Суворовъ и сказалъ государю вышеприведенныя слова о томъ, что одинъ Богъ можетъ разсудить его съ Муравьевымъ.

И вотъ, при такомъ положеніи дѣла, однажды, въ ноябрѣ 1864 года, въ высшихъ петербургскихъ сферахъ пронесся странный, невѣроятный слухъ... Но здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы продолжать разсказъ въ возможной степени близко къ тѣмъ источникамъ, которые, несмотря на протекшія восемнадцать лѣтъ, живо сохранились въ моей памяти.

Было воскресенье—день, стало быть, для меня не заурядный въ томъ смыслѣ, что въ этотъ день я съ утра бросалъ работу, отправлялся въ одиннадцать часовъ къ обѣднѣ, навѣщалъ до обѣда немногихъ знакомыхъ, обѣдалъ каждое воскресенье у начальницы Маріинскаго института М. С. Ольхиной, затѣмъ бывалъ въ театрѣ и возвращался домой лишь послѣ полуночи. Такъ случилось и на этотъ разъ и я былъ немало удивленъ и огорченъ, вернувшись къ себѣ во второмъ часу ночи и найдя записку И. Я. Четыркина слѣдую-

щаго содержанія: „...заѣзжалъ къ вамъ два раза; какъ бы поздно вы не вернулись домой, хотя бы въ 12 ч., навѣстите меня; очень нужно переговорить; если же нельзя будетъ, то приходите завтра утромъ въ 10 ч. къ свѣтлѣйшему; князь желаетъ васъ видѣть и я обѣщалъ".

Хотя я былъ близко знакомъ съ Иваномъ Яковлевичемъ Четыркинымъ, бывшимъ въ то время директоромъ канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора и хорошо былъ принятъ въ его гостепріимномъ домѣ, однако ѣхать къ нему въ такую позднюю пору не представлялось возможнымъ, несмотря на весь, возбужденный во мнѣ запиской, интересъ этого свиданія.

Съ княземъ Суворовымъ я познакомился и сблизился еще за два года передъ тѣмъ, и когда я былъ утвержденъ редакторомъ газеты „Петербургскій Листокъ", князь неоднократно удостоивалъ меня сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній для помѣщенія въ этой газетѣ. Неужели предстоящее свиданіе съ княземъ, думалъ я, засыпая, имѣетъ связь съ тѣмъ страннымъ слухомъ, про который была сегодня рѣчь за обѣдомъ у М. С. Ольхиной?

Привыкнувъ поздно ложиться и вставать послѣ десяти часовъ, я чуть было на этотъ разъ не проспалъ назначеннаго срока и едва къ 10 ч. успѣлъ подъѣхать въ Большой Морской къ генералъ-губернаторскому дому. Въ пріемной, по обыкновенію, была масса просителей, я вошелъ во вторую, красную, и первое лицо, встрѣтившее меня, былъ И. Я. Четыркинъ.

— Идите, спрашивалъ васъ; какъ жаль, что мы раньше не повидались, сказалъ мнѣ И. Я., провожая до кабинета.

Въ этомъ самомъ кабинетѣ я прежде неоднократно видѣлъ князя Александра Аркадьевича всегда бодрымъ, веселымъ, шутившимъ; но этотъ разъ я засталъ его мрачнымъ и очевидно взволнованнымъ. Поздоровавшись, онъ подвинулъ мнѣ кресло и съ полминуты молчалъ, сильно затягиваясь дымомъ изъ длиннаго чубука.

— Слышали? произнесъ онъ наконецъ упавшимъ голосомъ.

— Ничего не знаю, отвѣчалъ я.

— Развѣ вамъ не сказалъ Иванъ Яковлевичъ?

— Я съ нимъ только сію минуту успѣлъ повидаться.

— Скверно, такъ скверно, какъ и во снѣ не грезилось!

Я молчалъ, любопытство мое росло; князь продолжалъ сильно затягиваться изъ чубука.

— Видите ли, въ чемъ штука! началъ онъ... Вы знаете, что моя жена—извѣстная домосѣдка; при всей своей набожности, она съ трудомъ разъ въ мѣсяцъ въ церковь соберется; да и дома рѣдко какой день она не поваляется въ постели, благодаря своимъ несчастнымъ нервамъ. Всѣ ее такою знаютъ и не требуютъ отъ нея ни посѣщеній, ни, тѣмъ менѣе, такъ называемыхъ обязательныхъ визитовъ. Нѣкоторые добрые знакомые запросто навѣщаютъ ее, не рѣшаясь даже

и приглашать къ себѣ, зная, что этимъ только могутъ поставить мою жену въ неловкое положеніе. Къ числу такихъ добрыхъ женщинъ принадлежитъ жена баварскаго посланника графиня де-Перголесъ; несмотря на то, что жена не успѣла еще заплатить ей визитъ, графиня на прошлой недѣлѣ снова къ намъ заѣхала; жена была тронута такой любезностью графини де-Перголесъ и, разставаясь, сказала ей: „Мнѣ такъ совѣстно предъ вами, графиня, и вмѣстѣ такъ пріятно ваше милое общество, что при первой хорошей погодѣ, несмотря ни на что, я навѣщу васъ".—Душевно буду рада, княгиня; адресъ мой вы, вѣроятно, знаете,—Сергіевская улица, домъ Муравьева, отвѣчала графиня, уѣзжая отъ насъ.

„Прошло три дня; выдался прекрасный солнечный день, и жена къ крайнему моему удивленію и радости съ утра еще объявила, что поѣдетъ къ графинѣ де-Перголесъ. На каждый выѣздъ жены изъ дому мы, домашніе, привыкли смотрѣть какъ на событіе и на этотъ разъ я очень обрадовался этому, тѣмъ болѣе, что, въ самомъ дѣлѣ, намъ неловко уже становилось предъ семействомъ Перголесовъ. Въ одиннадцать часовъ я отправился въ Морскую принимать доклады и просителей, въ двѣнадцать былъ у государя, затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ, объѣхалъ городъ и вернулся домой къ пяти часамъ, разсчитывая раньше пообѣдать, потому что государь пригласилъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Большой театръ и для этого къ семи часамъ я долженъ былъ поспѣть въ Зимній дворецъ.

„Вообразите себѣ мое удивленіе и тревогу, когда дома мнѣ сказали, что княгиня уѣхала въ два часа и до сихъ поръ не возвращалась. Кромѣ графини де-Перголесъ жена никуда болѣе не собиралась; оставаться такъ долго и съ первымъ визитомъ было немыслимо; положимъ, она потомъ вздумала кататься, но и катанье не могло взять у нея болѣе часу времени; если бы, не дай Богъ, съ ней что случилось во время катанья — понесли лошади или выбросили изъ экипажа—я первый зналъ бы объ этомъ; заболѣть она не могла, потому что выѣхала довольно бодрая, веселая... „Что за притча!" думалъ я, снуя по комнатамъ, все болѣе и болѣе тревожась и въ то же время стараясь подавить эту тревогу. А время шло; близилось уже къ шести часамъ; мнѣ и ѣсть хотѣлось, и о Зимнемъ дворцѣ думалось, и такая продолжительная отлучка жены не выходила изъ головы. Наконецъ, въ шесть часовъ я велѣлъ дать себѣ наскоро пообѣдать, думая успѣть, передъ поѣздкой къ государю, завернуть хоть на минуту къ де-Перголесъ и узнать въ чемъ дѣло.

„Только что сѣлъ я за столъ, слышу подъѣзжаетъ къ дому экипажъ, а затѣмъ раздается и звонокъ; въ то же время мнѣ доложили, что пріѣхала княгиня; я выбѣжалъ ей на встрѣчу, вхожу въ переднюю и, блѣдную, дрожащую, въ слезахъ, принимаю жену на руки.

„— Гдѣ ты была, Люба? Что съ тобой? Успокойся, ради Создателя... ободрялъ я ее, внося въ гостиную и укладывая на диванѣ. Слезы

душатъ ее, не можетъ говорить, дрожитъ вся и затѣмъ сильный припадокъ истерики. Съ большимъ трудомъ успоили ее, привели въ себя, и вотъ что она мнѣ разсказала:

„Въ два часа я выѣхала изъ дому и, помня адресъ графини, какъ она мнѣ его сказала, я, садясь въ экипажъ, успѣла лишь сказать Степану: „Сергіевская, домъ Муравьева!“ Степанъ передалъ кучеру, тотъ отвѣчалъ—знаю, съ княземъ ѣздили, — и я спокойно поѣхала. Подъѣзжаемъ въ Сергіевской къ подъѣзду дома; Степанъ соскочилъ съ козелъ къ швейцару, тотъ отвѣчалъ: „дома, принимаютъ“. Высадили меня изъ коляски, я поднялась на нѣсколько ступенекъ, человѣкъ растворилъ предо мной дверь, вхожу въ переднюю, оправляюсь предъ зеркаломъ и вижу, что ко мнѣ поспѣшными шагами направляется изъ третьей комнаты какая-то старушка. Не успѣла я оправиться отъ смущенія и произнести слова, какъ очутилась ужъ въ объятіяхъ хилой женщины, которая со слезами начала благодарить меня за мое великодушіе. Растерявшись и тронутая нѣжной встрѣчей этой женщины, сознавая въ то же время, что я ошиблась и попала не къ Перголесамъ, я соображала, какъ бы поделикатнѣе дать понять старухѣ о моей ошибкѣ; но она продолжала съ чувствомъ жать мои руки, плакать и твердить: „это счастливѣйшій день во всей моей жизни... Благодарю Тебя, Творецъ Милосердный, что услышалъ мои молитвы, сжалился надъ моими слезами... За великодушіе ваше, княгиня, васъ Богъ наградитъ“... Я была глубоко тронута нѣжностью этой доброй, невѣдомой старушки и покорно шла за ней подъ руку въ гостиную, теряясь въ предположеніи: гдѣ я и какъ поудобнѣе и поскорѣе мнѣ оттуда выбраться. Очевидно, эта женщина меня знаетъ и, при такомъ нѣжно-ласковомъ пріемѣ, не сказать же ей мнѣ сразу, что я ошиблась и не туда попала.... Усаживаюсь я на диванъ, какъ на иголкахъ, и думаю: посижу минуты двѣ-три, да и откланяюсь; пусть себѣ думаетъ эта добрая старуха, что я къ ней пріѣзжала; а если потомъ и узнаетъ, все же лучше, чѣмъ теперь открывать мнѣ ей мою ошибку. А хозяйка продолжаетъ разговоръ, спрашиваетъ о тебѣ, благодаритъ и тебя за великодушіе; я отвѣчаю ей не въ-попадъ, стараюсь скрыть мое смущеніе, говорю, сама не зная что, силюсь, по возможности, удержаться въ тонѣ свѣтскаго разговора, собираюсь уже откланяться, какъ вдругъ изъ третьей или четвертой комнаты показывается фигура... Муравьева. Я его никогда не видала, но сразу признала его по фотографическимъ его карточкамъ, которыя мнѣ до того попадались. Тутъ только поняла я весь ужасъ своего положенія... „Сергіевская, домъ Муравьева... Эта нѣжная старуха... этотъ... этотъ самъ Муравьевъ... Господи! и за что же такое тяжкое наказаніе?“... Слезы душили меня, чувство горькой обиды наполнило всю душу; а между тѣмъ я должна была подняться съ дивана и съ улыбкой протянуть руку Муравьеву. Что онъ мнѣ го-

ворилъ, не знаю; помню лишь смутно, что онъ былъ очень тронутъ, говорилъ о твоемъ великодушіи, о томъ, что ему теперь легче умирать; а я молчала и, подавивъ слезы, старалась удержать на лицѣ свѣтлую улыбку. Не знаю, долго ли продолжалась моя пытка; это время показалось мнѣ нѣсколькими часами... Наконецъ, я встала, ноги мои подкосились, у чуть не упала. Хозяева проводили меня до передней; она обнимала меня, онъ цѣловалъ мои руки, увѣрялъ въ чемъ-то; помню слезы на его глазахъ; затѣмъ оба они проводили меня до лѣстницы; я едва держалась на ногахъ; наконецъ, мы разстались; Муравьевы ушли къ себѣ, я стояла какъ вкопанная; Степанъ о чемъ-то говорилъ со мной... „Гдѣ мы? гдѣ графиня де-Перголесъ?“ спросила я наконецъ, придя въ себя. — „Графъ Перголесъ этажемъ выше“, отвѣчалъ швейцаръ. „Ведите меня туда“... могла лишь я произнести и уже не помню, какъ я очутилась у графини. Когда я пришла въ себя, за мной усердно ухаживали докторъ и добрѣйшая графиня“.

Здѣсь князь Александръ Аркадьевичъ остановился, видимо осиливая глубокое волненіе и зашагалъ по комнатѣ.

„Повѣрите ли, продолжалъ онъ, — болѣе тяжкой обиды я въ жизнь свою не испытывалъ. Мнѣ казалось, что самъ демонъ вмѣшался въ это несчастное дѣло и велъ его отъ начала до конца своей подлой рукой. Мысль, что Муравьевы объяснили визитъ моей жены за компромиссъ съ моей стороны съ-ума меня сводила; болѣе обиднаго, болѣе унизительнаго для меня самъ адъ ничего не могъ бы придумать „Что мнѣ теперь дѣлать? Что ты надѣлала?“ вскричалъ я, не сладя ни съ горемъ моимъ, ни со слезами... Но предо мной лежала жалкая женщина, въ тѣ минуты не менѣе моего несчастная; я долженъ былъ отрѣшиться отъ личныхъ чувствъ, пощадить бѣдную жену мою. Это придало мнѣ бодрости и силы; я сталъ успокоивать княгиню; увѣрилъ ее, что послѣдствія глупой ошибки совсѣмъ не такъ велики, какъ это намъ сразу показалось, что я разскажу объ этомъ государю, который объяснитъ приближеннымъ, а черезъ нихъ и Муравьеву всю суть дѣла.

„Успокоивъ, сколько могъ, жену, я помчался въ Зимній дворецъ; было уже половина восьмого. Но не успѣлъ я сѣсть въ экипажъ, какъ кровь немилосердно застучала въ моихъ вискахъ, въ ушахъ зазвенѣло; картины, одна другой чудовищнѣе, охватили весь мозгъ мой; я велѣлъ кучеру ѣхать въ Лѣтній садъ и тамъ безъ шапки ходилъ около часу; взглянулъ на часы — девять; мнѣ стало немного легче и я поѣхалъ прямо въ театръ. Шло уже второе дѣйствіе и я, не рѣшаясь нарушать тишину въ ложѣ государя, прошелъ въ партеръ, въ свое кресло. Но не успѣлъ я усѣсться, какъ уже встрѣтилъ взглядъ государя, которымъ онъ звалъ меня къ себѣ. Я тотчасъ же отправился въ ложу и засталъ тамъ, кромѣ государя, великихъ князей и еще двѣ личности.

„Государь былъ видимо озадаченъ моимъ позднимъ прибытіемъ въ театръ и непріѣздомъ во дворецъ; онъ подвинулъ назадъ свое кресло и съ нѣкоторой тревогой спросилъ, почему я не пріѣхалъ къ семи часамъ и не случилось ли что-нибудь.

— Все благополучно, ваше величество, поспѣшилъ я успокоить государя;—а дѣйствительно случилось кое-что особенное, но это лично меня касается.

— Въ чемъ же дѣло? разскажи, пожалуйста.

— Ваше величество, позвольте мнѣ разсказать вамъ все это въ въ антрактѣ, отвѣчалъ я, расчитавъ, что лучше будетъ, если сегодня же всѣ въ этой ложѣ узнаютъ, какъ было дѣло. Замѣтно было, что государь не удовольствовался моимъ отвѣтомъ и нетерпѣливо ждалъ конца акта.

„Тогда мы всѣ вышли въ аван-ложу и тамъ я передалъ государю и всѣмъ его окружавшимъ всѣ подробности несчастнаго визита.

„Разумѣется, въ томъ, что для человѣка представляется его личнымъ глубокимъ горемъ, посторонніе иногда невольно подмѣтятъ и смѣшную сторону... да оно, если хотите, тутъ прежде всего пища большая для смѣха. Такъ и на этотъ разъ случилось. Государь, а за нимъ и другіе не могли нѣсколько разъ не разсмѣяться, слушая подробности эпопеи... Наконецъ, когда я кончилъ разсказъ, государь съ чувствомъ пожалъ мою руку и сказалъ: „вотъ видишь ли, Божіе наказаніе за гордость; сколько разъ я убѣждалъ тебя помириться... Однако, въ самомъ дѣлѣ, вышло скверно... Я вхожу въ твое положеніе; вѣдь, пожалуй, завтра или черезъ день къ тебѣ пріѣдутъ Муравьевы; что ты будешь дѣлать? вѣдь не отказывать же... впрочемъ, этого не случится, я думаю; они завтра же узнаютъ, въ чемъ дѣло".

„Успокоенный государемъ и увѣренный, что разговоръ нашъ въ ложѣ завтра же утромъ сдѣлается общеизвѣстнымъ и дойдетъ по адресу Муравьевыхъ, я, по окончаніи спектакля, поѣхалъ домой успокоивать жену.

„На другой день я былъ у государя; зашла рѣчь о вчерашнемъ и онъ высказалъ увѣренность, что Муравьевы, должно быть, узнали уже про ошибку и что положеніе ихъ сегодня хуже и комичнѣе, нежели мое вчера. Отъ государя я завернулъ въ государственный совѣтъ и первое лицо, встрѣтившее меня, былъ М.

„— А, князь, поздравляю! давно бы пора; худой миръ всегда лучше доброй ссоры...

„— Что вы хотите этимъ сказать, генералъ? спросилъ я.

„— А какже; зачѣмъ скрывать? Знаемъ, знаемъ...

„— Что же вы знаете?

„— А то, что вы сдѣлали, наконецъ, первый шагъ, что княгиня была у Муравьевыхъ.

„— Послушайте, вскричалъ я, выведенный изъ терпѣнія, — одно

изъ двухъ: или вы хотите оскорбить меня, или же вы грубо заблуждаетесь...

„— Богъ съ вами, князь, перебилъ меня тотъ, — зачѣмъ мнѣ оскорблять васъ? Объ этомъ всѣ говорятъ.

„— Да вы отъ кого слыхали?

„— Я слыхалъ отъ князя Г., а тому говорилъ человѣкъ, слышавшій отъ васъ лично о томъ въ ложѣ государя.

„— Я хотѣлъ бы, что этотъ господинъ зналъ, что я зову его тѣмъ именемъ, какого достоинъ человѣкъ, завѣдомо извращающій правду, сказалъ я, уходя изъ совѣта.

„Это было третьяго дня; а вчера, какъ мнѣ стало извѣстнымъ, въ нѣкоторыхъ салонахъ упорно поддерживались слухи о томъ, что я посылалъ свою жену съ поклономъ и повинной къ Муравьеву. Благодаря государю, Муравьевъ, кажется, знаетъ уже про ошибку и, какъ честный человѣкъ, не поддерживаетъ обидныхъ для моей чести слуховъ: но въ числѣ придворныхъ у меня есть недруги, которые на каждомъ шагу ищутъ случая забросать меня грязью; они-то и дѣйствуютъ въ настоящемъ случаѣ, распространяя уже не сплетни, но очевидную клевету, потому что очень хорошо знаютъ, какъ было дѣло. Я не дорожу ни ихъ мнѣніемъ, ни мнѣніемъ тѣхъ легкомысленныхъ людей нашего большого свѣтѣ, которые считаютъ пропащимъ въ своей жизни тотъ день, когда у нихъ нѣтъ никакой пищи для злоязычія. Но я живу и дѣйствую не для этого большого свѣта; служа государю, я въ то же время служу и всему населенію ввѣренной мнѣ его величествомъ столицы. До сихъ поръ я никогда не закрывалъ моихъ поступковъ; я весь на виду предъ государемъ; хочу, чтобы и послѣдній мужикъ видѣлъ меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ; сплетни я всегда презиралъ, но я не потерплю, когда сплетня затрогиваетъ мою честь, мои принципы; и если въ высшемъ петербургскомъ обществѣ я богатъ злорадниками моимъ неудачамъ, то это тѣмъ болѣе обязываетъ меня не быть равнодушнымъ къ тому, что обо мнѣ могутъ говорить и думать въ остальныхъ сферахъ столичнаго населенія. А между тѣмъ, вы знаете, клевета ростетъ подобно волнѣ морской; на нее падки люди...

„И вотъ я пригласилъ васъ, какъ представителя столичной прессы, чтобы просить васъ взять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ; ваша газета довольно распространена въ Петербургѣ и я прошу и уполномочиваю васъ съ моихъ словъ разсказать вашимъ читателямъ дѣло, какъ оно происходило... Не думалъ я, что придется мнѣ когда-нибудь обращаться къ газетной защитѣ; но что прикажете дѣлать? Я слишкомъ старъ, да и положеніе мое таково, что къ другого рода защитѣ прибѣгать мнѣ не приходится“...

Поблагодаривъ князя за довѣріе, я обѣщалъ ему, что на другой же день онъ прочтетъ въ моей газетѣ весь разсказъ свой. Но мнѣ суждено было и самому ошибиться и обмануть ожиданія князя Су-

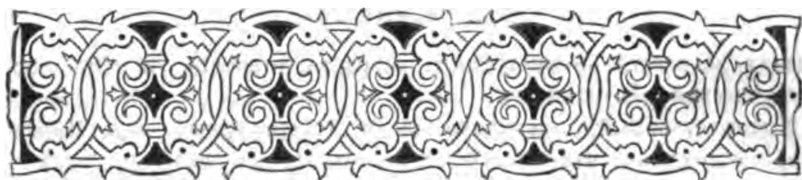
ворова. Кто не помнитъ тогдашнихъ цензоровъ? Моимъ былъ Касторскій... да простится ему вся вольная и невольная!... Разсказавъ подробно все дѣло и озаглавивъ статью „Крупная ошибка“, я въ тотъ же день велѣлъ набрать ее, самъ продержалъ корректуру и отправилъ сверстанный № газеты къ Касторскому; приносятъ мнѣ статью, перекрещенную краснымъ карандашемъ съ надписью: „не можетъ быть напечатано“; ѣду на другой день къ Касторскому, объясняюсь, — неумолимъ; ѣду съ корректурнымъ листомъ въ цензурный комитетъ, тоже объясняюсь, говорю объ источникѣ статьи и возвращаюсь съ Васильевскаго острова съ тѣмъ же, съ чѣмъ вернулся отъ Касторскаго. Пришлось постучаться въ дверь высшихъ инстанцій; былъ нѣсколько разъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ честь бесѣдовать по этому поводу и съ П. А. Валуевымъ и съ его сотоварищемъ А. Г. Тройницинымъ и кончилъ тѣмъ, что мнѣ позволили, опустивъ многія существенныя подробности, помѣстить въ „Петербургскомъ Листкѣ“ небольшую замѣтку, вся суть которой заключалась въ томъ, что С. былъ въ ссорѣ съ М., что жена С. дѣлала визитъ П. и по ошибкѣ попала къ М., въ домѣ котораго жила П.

Сильно и ужъ никакъ не менѣе моего былъ огорченъ князь Александръ Аркадьевичъ, когда, пришедши къ нему лишь черезъ недѣлю, я со стыдомъ подалъ ему № газеты, въ которомъ, подъ заглавіемъ: „Крупная ошибка“, красовались инициалы дѣйствующихъ лицъ разсказаннаго имъ мнѣ происшествія.

В. Сикевичъ.

Сувалки,
14 октября 1882 г.





В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда вся артистическая Европа и зарождающійся художественный мірокъ Америки внимательно слѣдятъ за художественною дѣятельностью геніальнаго русскаго живописца, въ то время, когда европейскіе и американскіе художественные и литературные журналы отводятъ на своихъ страницахъ почетное мѣсто статьямъ объ этомъ художникѣ—намъ, кажется, нѣтъ надобности объяснять нашимъ русскимъ читателямъ причину появленія въ нашемъ журналѣ настоящей статьи. Слишкомъ рѣдки міровые успѣхи и побѣды русскихъ талантовъ, чтобы не напоминать постоянно о тѣхъ изъ нихъ, которые уже при жизни пріобрѣли имя въ исторіи искусства и культуры человѣчества, которые вырвали пальму первенства у художниковъ западной Европы, давно, привычно и крѣпко державшихъ ее въ своихъ рукахъ.

Выставка картинъ Верещагина, устроенная самимъ художникомъ осенью 1880 г. въ Парижѣ, въ отелѣ Rue Volney, хотя и не впервые познакомила съ этими произведеніями Европу, однако главнымъ образомъ способствовала упроченію міровой славы Верещагина. На этой выставкѣ было собрано почти все, что написалъ художникъ: въ одной залѣ развѣшано было собраніе его картинъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг.; въ другой залѣ красовалась замѣчательная коллекція картинъ, явившихся плодомъ путешествія его по британской Индіи; наконецъ, въ третьей выставлены были фотографическіе снимки съ его средне-азіатскихъ картинъ. Тутъ, повторяемъ, было собрано въ оригиналахъ или снимкахъ почти все то, что художникъ

сдѣлалъ до своего 38-ми-лѣтняго возраста, втеченіе 22 лѣтъ своей артистической дѣятельности.

Художественный, артистическій и литературный міръ Парижа вскорѣ вспомнилъ, что иностранецъ Верещагинъ вовсе не былъ новичкомъ въ Парижѣ. Вспомнили, что Василій Васильевичъ Верещагинъ прошелъ тамъ курсъ въ „Школѣ изящныхъ художествъ" („Ecole des Beaux Arts" или прямо „les Beaux Arts"—какъ зовутъ ее французы); онъ учился тамъ усердно, своеобразно и оставилъ о себѣ такого рода репутацію, которая предвѣщала карьеру необыкновенную.

Въ дѣлѣ искусства Верещагинъ явился въ школу „des Beaux Arts", впрочемъ, уже съ установившимися взглядами. Какъ извѣстно, отецъ Верещагина, новгородскій помѣщикъ, желалъ, чтобы изъ сына его вышелъ морякъ, самъ же Верещагинъ желалъ сдѣлаться художникомъ. В. В. Верещагинъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія очень просто: онъ поступилъ въ морское училище, а часи досуга проводилъ въ школѣ рисованія. И тутъ, и тамъ, онъ занимался такъ усердно, что кончилъ курсъ въ морскомъ училищѣ однимъ изъ первыхъ и получилъ въ рисовальномъ классѣ академіи художествъ серебряную медаль. На службѣ во флотѣ онъ пробылъ не долго и уже 18-ти лѣтъ, въ 1860 г., вышелъ въ отставку и окончательно посвятилъ себя живописи. Передъ тѣмъ ему удалось уже повидать свѣтъ: онъ посѣтилъ Англію и былъ въ Лондонѣ; почти тотчасъ по выходѣ въ отставку ему удалось совершить поѣздку въ Парижъ и на Пиринеи. Годъ спустя, онъ уже былъ на Кавказѣ, записывая и зарисовывая свои путевыя впечатлѣнія.

Описаніе поѣздки Верещагина на Кавказъ, составленное имъ самимъ, съ его иллюстраціями, помѣщено было во французскомъ ежемѣсячномъ журналѣ „Le Tour du Monde". Поѣздка на Кавказъ была предпринята очень основательно: Верещагинъ посѣтилъ все сѣверное предгоріе, начиная со Ставрополя, пробрался оттуда въ Тифлисъ и Закавказье. Всюду его поражали все новыя и новыя впечатлѣнія.

Послѣ поѣздки на Кавказъ, Верещагинъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо пройти строгую школу подъ хорошимъ руководствомъ для того, чтобы одолѣть всѣ трудности техники живописи и выработать себѣ правильный рисунокъ. Въ 1864 г. онъ отправился въ Парижъ, прямо къ знаменитому французскому живописцу Жерому, и заявилъ ему, чтобы тотъ принялъ его въ число своихъ учениковъ.

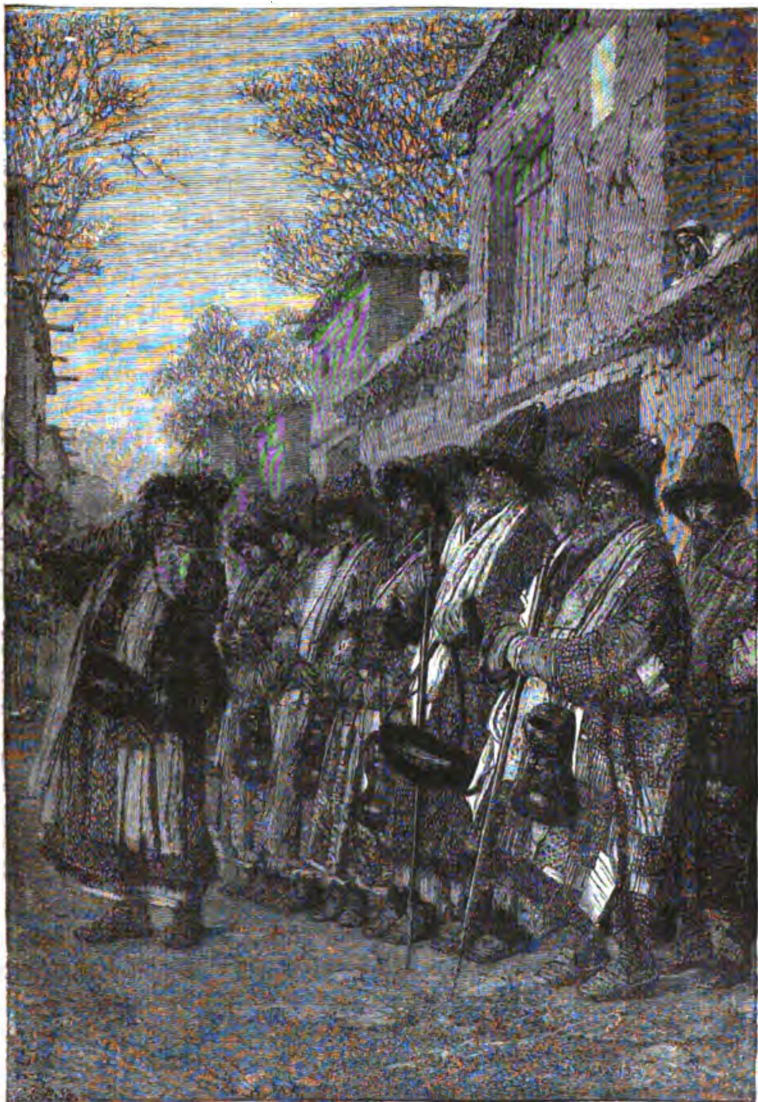
— Кто прислалъ васъ ко мнѣ? спросилъ Жеромъ любезно Верещагина.

— Ваши картины, отвѣтилъ послѣдній.—Я буду учиться только у васъ и ни у кого болѣе.

Этого было достаточно, какъ оказалось, и слѣдующіе 2—3 года Верещагинъ занимался въ школѣ „des Beaux Arts", подъ руководствомъ Жерома.

Верещагинъ работалъ очень прилежно, учился очень усердно, но

всегда въ немъ сильно пробивалось стремленіе работать на свой ладъ. Когда Жеромъ заставлялъ его писать съ классическихъ мраморовъ, Верещагинъ проводилъ половину времени въ работѣ съ натуры, пред-



Дервиши поющіе хоромъ.

почитая афинскимъ мраморамъ живое тѣло и кровь. Въ то же время онъ не измѣнялъ своему прирожденному стремленію,—вѣрнѣе, своему принципу — и постоянно уходилъ въ сторону съ торной дороги, въ

поискахъ за новыми сюжетами. Время вакацій онъ проводилъ не въ Аньерѣ, Барбизонѣ и другихъ окрестностяхъ Парижа, но гдѣ нибудь на далекомъ востокѣ Европы, въ Персіи, среди тѣхъ племенъ, которыя еще не перемѣнили свои яркія живописныя лохмотья на европейскіе черные сюртуки и пиджаки. Втеченіе этихъ кратковременныхъ поѣздокъ онъ побывалъ на окраинахъ той неизвѣданной области новыхъ наблюденій, которая въ недалекомъ будущемъ должна была доставить ему столь обильную жатву впечатлѣній. Время это быстро наступило.

Въ сотый разъ Россія собралась бросить на дикія племена Средней Азіи горсть своихъ воиновъ, чтобы наказать безпокойныхъ хищниковъ. Въ 1867 г. была предпринята новая экспедиція подъ начальствомъ генерала К. П. Кауфмана, пригласившаго Верещагина присоединиться къ русскому отряду въ качествѣ художника-добровольца, обязаннаго не драться, а только наблюдать и рисовать.

Нечего и говорить, что это предложеніе вполнѣ отвѣчало желаніямъ В. В. Верещагина, который и сопутствовалъ нашему отряду во всѣхъ его движеніяхъ, не останавливаясь передъ „художественными рекогносцировками", предпринимавшимися имъ особнякомъ. На этотъ разъ Верещагинъ проникъ почти въ самое сердце Азіи: выѣхавъ изъ Оренбурга, онъ пробрался на Аральское море, на линію нашихъ фортовъ, и вмѣстѣ съ нашими побѣдоносными войсками былъ въ Чемкентѣ, Ташкентѣ, Ходжентѣ и вошелъ въ Самаркандъ. Тутъ талантъ его могъ развернуться на просторѣ. Верещагинъ вглядывался въ картины боя, зарисовывалъ ихъ; часто самъ храбро принималъ участіе въ бою съ шашкой въ рукѣ, но на геройство свое онъ смотрѣлъ, въ сущности, какъ на простую трату времени.

Такимъ-то образомъ Верещагину было суждено снять съ этой области завѣсу, скрывавшую отъ взоровъ образованнаго міра цѣлый своеобразный міръ. Правда, немало путешественниковъ описывали ранѣе этотъ край, но ни одинъ художникъ, по истинѣ достойный этого имени, не переносилъ край этотъ на полотно. Верещагинъ очутился на дѣвственной почвѣ живописнаго: предъ его взорами разстилались сапфировыя озера въ берегахъ розоваго цвѣта, самыя красивыя въ природѣ горы, самыя обширныя равнины, населенныя племенами, коснѣющими въ остаткахъ древней цивилизація. Города доставляли ему массу типовъ, и онъ черпалъ въ этомъ художественномъ кладѣ обѣими руками. Его картина „Дервиши", снимокъ съ которой мы помѣщаемъ здѣсь, показываетъ, что и теперь есть въ Средней Азіи люди, могущіе поспорить съ бенедиктинцами X-го столѣтія въ искусствѣ прожить свой вѣкъ съ возможно меньшими заботами. Какъ-то разъ, рано утромъ, эти святоши, удобно закутанные въ теплыя лохмотья, слишкомъ рѣдко смѣняемыя, затянули свою пѣсню подъ окномъ Верещагина. Это была пѣсня привѣтствія и просьба о хлѣбѣ. Для Верещагина пѣснь эта была призывомъ къ



Богатый киргизъ съ соколомъ.

работѣ—и онъ немедленно принялся за нее. Конечно, было въ высшей степени соблазнительно схватить вѣрно лица и фигуры такихъ натурщиковъ: это были лѣнтяи, бездѣльники, которые даже не пытались скрывать этихъ „качествъ" своихъ.

Тутъ же Верещагинъ увидѣлъ однажды мѣстнаго богача, владѣльца множества верблюдовъ, одѣтаго для поѣздки на охоту. Этотъ человѣкъ не охотится самъ, а заставляетъ охотиться за себя своего дрессированнаго сокола. Это правило охоты на Востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ правило жизни. Согласно этому и костюмъ охотника не предусматриваетъ необходимости движеній его, какъ это видно по прилагаемому снимку съ картины Верещагина „Богатый киргизъ, собирающійся на соколиную охоту". Дрессировка сокола ведется также въ направленіи, соотвѣтствующемъ образу мыслей восточнаго ума. Начинается дѣло съ того, что сокола привязываютъ къ кисти руки какого либо бойкаго, подвижнаго мальчика, который долженъ постоянно качать и встряхивать сокола днемъ и ночью. Соколу не дается ни минуты покоя, пока его немногія мысли и представлянія не обратятся въ одно смѣшанное понятіе ужаса и безсильной злобы. Полуголодный, съ постоянно завязанными въ это время глазами, соколъ начинаетъ, наконецъ, размышлять о томъ, были ли вѣрны до сихъ поръ его представленія о вещахъ и вѣрно ли его собственное понятіе о свободномъ полетѣ и свѣтломъ утрѣ, какъ о единственномъ, что представляетъ интересъ въ мірѣ, и не слѣдуетъ ли дополнить эти понятія безжалостнымъ отношеніемъ человѣка къ птицамъ. Разъ онъ доведенъ до такого размышленія, все остальное представляется крайне легкимъ. Можетъ быть, не мѣшаетъ и гг. ученымъ педагогамъ бросить взглядъ на этотъ пріемъ? Можетъ быть самый вѣрный способъ обогащенія чѣмъ либо человѣческаго ума и состоитъ въ томъ, чтобы начать съ вытрясанія изъ него чего либо.

Вслѣдъ за этими картинами Верещагина явились его „Политики". Это не тѣ политики, которые получаютъ мѣста: они только толкуютъ о послѣднихъ. Въ Средней Азіи, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ земнаго шара, люди эти одѣты въ лохмотья, служащія ихъ отличительнымъ мундиромъ. Да и можетъ ли человѣкъ найти время на починку своей одежды, когда поставленъ на разрѣшеніе вопросъ объ уравновѣшеніи власти въ Туркестанѣ? Верещагинъ былъ свидѣтелемъ того, какъ они обсуждали важные вопросы минуты, не смущаемые, къ счастію, никакими новыми свѣдѣніями, которыя осложняли бы разрѣшеніе дѣла. Они ненавидятъ всякое осложненіе мысли,—тупы, грязны, невѣжественны и лѣнивы, готовы сдѣлаться рабами любаго человѣка, который вздумалъ бы подчинить ихъ себѣ. Одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы понять почему горсти русскихъ достаточно, чтобы держать въ рукахъ Среднюю Азію.

Военное счастіе не было неизмѣнно предано нашему оружію въ эту экспедицію, а когда оно улыбалось непріятелю, орда дико празд-



Средне-азіатскіе политики.

новала свою побѣду. Какъ только очищалось нашими войсками поле битвы, эти мясники славы принимались рѣзать головы у всѣхъ убитыхъ русскихъ, неубранныхъ съ поля, клали эти головы въ саквы и отправляли ихъ въ Самаркандъ къ эмиру. Тутъ головы эти сваливались въ кучи, среди бѣлыхъ мраморныхъ колонъ съ тончайшею высѣчкою, и дворъ, выстланный блѣдно-желтымъ мраморомъ, обагрялся кровью, когда повелитель этихъ правовѣрныхъ осматривалъ головы, переворачивая ихъ носкомъ своего сапога, проникаясь при этомъ мыслью объ исключительности и высотѣ своего положенія; зрѣлища этого рода были такой же необходимой принадлежностью его жизни, какъ его темныя, грязныя, вонючія темницы были необходимой частью его дворца. Послѣ осмотра эмира, головы выставлялись на длинныхъ тонкихъ шестахъ на площади, передъ великолѣпною мечетью, являясь главнымъ украшеніемъ этого дня народнаго праздника. И этотъ моментъ торжества средне-азіатскихъ ордъ талантливо и ярко изобразилъ Верещагинъ своею кистью. Подъ жаркимъ солнцемъ пекутся въ воздухѣ на длинныхъ шестахъ эти длинноволосыя, блѣдныя русскія головы, съ искаженными чертами лица. Внизу разнокалиберная толпа азіатовъ, собравшаяся почти амфитеатромъ, съ первыми рядами халатниковъ, сидящихъ, поджавъ подъ себя ноги. Тутъ на общей почвѣ удовлетворенія патріотическаго и религіознаго фанатизма собрались и перемѣшались всѣ классы населенія: рядомъ съ дервишемъ и нищимъ стоятъ и сидятъ на коняхъ мѣстные богачи; со спинъ верблюдовъ блѣдные, худые больные также наслаждаются общимъ зрѣлищемъ, и вдали такія же худыя собаки сидятъ и бѣгаютъ, чуя добычу, и высунувъ отъ жары языкъ. Въ самой середкѣ толпы стоитъ ея любимый мулла, поддерживающій настроеніе чтеніемъ соотвѣтствующихъ стиховъ Корана, указывающихъ на значеніе такого праздника. Постоянно слышатся въ-перемежку возгласы „Аллахъ!“ и „Тамерланъ“, и послѣдняго, видѣвшаго въ человѣчествѣ только матеріалъ для казней и убійствъ, прославляютъ на всѣ лады, словословятъ и чтутъ, какъ чтутъ другіе народы величайшихъ дѣятелей на благо народное. Мечеть, въ которой находится его гробница, и самая гробница обращены въ предметъ поклоненія. Верещагинъ перенесъ и ихъ на полотно и познакомилъ цивилизованный міръ съ внутреннимъ и внѣшнимъ видомъ этого памятника. Множество типовъ, видовъ, этюдовъ было вывезено Верещагинымъ въ этотъ разъ изъ Средней Азіи.

Вернувшись изъ этой поѣздки, Верещагинъ не долго оставался въ Европѣ, работая то въ Мюнхенѣ, то въ Парижѣ. Его постоянно сильно тянуло опять въ этотъ неизвѣданный край. Онъ еще разъ окунулся въ эти яркія моря свѣта и красокъ, работалъ горячо, жадно и вернулся въ Европу съ еще болѣе богатымъ запасомъ матеріала. На этотъ разъ онъ поселился на три года въ Мюнхенѣ, устроивъ тамъ себѣ первую мастерскую на открытомъ воздухѣ. „Если вамъ

приходится писать сцены на воздухѣ, говоритъ онъ, то необходимо, чтобы натурщикъ вашъ и позировалъ на открытомъ воздухѣ". Удовлетворяя этимъ своимъ требованіямъ, Верещагинъ устроилъ себѣ мастерскую, вращавшуюся по рельсамъ и открытую съ одного бока, такъ чтобы модель его, во время работы, находилась на открытомъ воздухѣ, залитая солнечнымъ свѣтомъ. Эта мастерская вращалась вслѣдъ за солнцемъ при помощи особаго нехитраго механизма.

Продолжительность отдыха въ Мюнхенѣ только разжигала въ Верещагинѣ желаніе броситься въ новыя, нетронутыя кистью области. На этотъ разъ онъ остановился на Индіи: туда тянула его сила тропическаго свѣта, яркость красокъ природы, человѣческихъ сооруженій, одежды туземцевъ, разнообразіе типовъ, богатство архитектуры. Индія манила къ себѣ и другаго знаменитаго живописца: года 3—4 передъ тѣмъ Реньо составилъ было уже себѣ маршрутъ поѣздки въ Индію, но его сразила нѣмецкая пуля въ борьбѣ за родину.

Верещагинъ отправился въ Индію изъ Петербурга, въ 1873 г., когда тамъ была устроена его первая большая выставка средне-азіатской коллекціи картинъ, на которой толпились тысячи зрителей, перебывавшихъ по нѣскольку разъ въ залахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ почти впервые у насъ было примѣнено къ выставкѣ искусственное, художественно-расположенное освѣщеніе, стѣны и окна затянуты коричневымъ коленкоромъ—словомъ, былъ данъ урокъ „показомъ"—по выраженію покойнаго М. Д. Скобелева—какъ надо устраивать выставки.

Изъ Петербурга Верещагинъ отправился чрезъ Одессу въ Константинополь, Каиръ, Суецъ, Бомбэй, посѣтилъ Индостанъ, взбирался на Гималай, проникъ отчасти въ Тибетъ. Впечатлѣніе его выставки индійскихъ картинъ, устроенной въ Петербургѣ весной 1880 г., полагаемъ еще слишкомъ свѣжо, чтобы вспомнить здѣсь эту замѣчательную галлерею, которая, сама по себѣ, одна могла составить уже имя художнику.

Возвращеніе его изъ Индіи совпало почти съ началомъ нашей войны съ Турціей. Вмѣстѣ съ нашими войсками, въ хвостѣ разныхъ начальствующихъ лицъ потянулось не мало художниковъ. Большинство тамъ и осталось, не видѣвъ войны и наглядѣвшись вдоволь на своихъ патроновъ. Только 3—4 человѣка отнеслись добросовѣстно къ дѣлу: Верещагинъ, Ковалевскій, Полѣновъ... Но Верещагинъ все же былъ впереди и этихъ своихъ талантливыхъ товарищей. „Онъ точно, неотступно наблюдалъ все, начиная отъ общей картины боя и кончая эффектами кровавыхъ пятенъ на снѣгу, тутъ же набрасывая колеры въ свой походный альбомъ", пишетъ В. И. Немировичъ-Данченко въ своихъ интересныхъ статьяхъ „Художникъ на боевомъ полѣ" [1]). „Особенный цвѣтъ льда, застывшаго у мелкой рѣченки, вечернее освѣ-

[1]) „Художественный Журналъ", №№ 1, 2, 3 за 1881 г.

щеніе снѣга, оригинальная складка въ лицѣ встрѣтившагося ему турка или болгарина—все это выхватывается Верещагинымъ изъ дѣйствительности, все это становится его достояніемъ. Въ его многочисленныхъ картинахъ нѣтъ ни одной черточки занятой у другаго, созданной воображеніемъ,—это реалистъ по преимуществу. Это не правда фотографическая, не правда силуэтовъ у контуровъ, это сама жизнь съ ея тепломъ и свѣтомъ, съ ея красками, съ ея дыханіемъ и движеніемъ, и для наблюденія за этою жизнью Верещагинъ никогда не колебался идти туда, гдѣ смерть была очень легкимъ выигрышемъ, гдѣ кругомъ въ свистѣ пуль и трескѣ лопавшихся гранатъ громче всего говорили инстинкты самосохраненія и быстро замиралъ дешевый экстазъ боевыхъ энтузіастовъ"...

Верещагинъ настолько реалистъ по преимуществу, что, переводя на полотно одну голую дѣйствительность, какъ она ему представляется, онъ совершенно и поневолѣ пренебрегаетъ тѣмъ, что зовется въ живописи „композиціей". Природа не всегда обращаетъ вниманіе на композицію, которою живутъ школы живописи. Природа даже часто не выдѣляетъ ясно всѣхъ подробностей картины—и вотъ почему Верещагинъ, неизмѣнно вѣрный природѣ, не рѣдко даетъ въ своихъ картинахъ лишь намеки на руки, ноги, лицо. Какъ колористъ, долго работавшій въ Мюнхенѣ, Верещагинъ любитъ рѣзкіе контрасты; никто не способенъ въ то же время лучше Верещагина, искуснѣе его, залить всю картину обильнымъ, яркимъ свѣтомъ. Нѣкоторые посѣтители его выставокъ думаютъ, что Верещагинъ преувеличиваетъ силу свѣта и тѣней въ своихъ картинахъ,—но кто видѣлъ свѣтовые эффекты Средиземнаго моря, Сициліи, Мальты, сѣвернаго побережья Африки, тотъ повѣритъ правдѣ освѣщенія картинъ Верещагина.

Вѣрность дѣйствительности въ картинахъ войны 1877—78 гг. вызвала множество нападокъ на эти картины Верещагина. Его обвиняли, можетъ быть, не совершенно безосновательно, въ нѣкоторой односторонности. Но дѣло въ томъ, что въ душѣ Верещагина родилось и укрѣпилось чувство отвращенія къ войнѣ, и не потому, что втеченіе ея у него одного брата убили, а другого брата и его самого ранили. Нѣтъ, не личныя невзгоды и горе волновали его душу: она содрогалась при видѣ тысячей русскихъ труповъ, гнившихъ подъ редутами Плевны, окаменѣвшихъ на утесахъ и въ ущельяхъ Шибки, при видѣ тысячей турокъ, умершихъ и обреченныхъ на смерть въ плевненскихъ заколоченныхъ лазаретахъ. Верещагинъ и задался въ своихъ картинахъ войны проповѣдью отвращенія къ войнѣ: онъ поражаетъ зрителя видомъ труповъ гвардейцевъ, убитыхъ при Горномъ Дубнякѣ—и чѣмъ ближе онъ всматривается въ эту картину смерти, тѣмъ болѣе растетъ число труповъ, увязшая грива какъ бы колышется и открываетъ новый рядъ жертвъ, которыхъ сейчасъ поглотитъ мать сыра-земля.

Какъ и всегда, Верещагинъ работалъ на войнѣ усердно, горячо,

безъ отдыха. Нервность работы еще усиливалась тѣмъ, что въ самомъ началѣ войны; еще до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, Верещагинъ былъ раненъ подъ Парапиномъ, на миноноскѣ Скрыдлова, и долженъ билъ пролежать болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ, въ Бухарестѣ. Приходилось наверстывать потерянное время—и Верещагинъ работалъ съ утра и до вечерней зари подъ Плевной, въ дни ея обложенія и послѣ сдачи арміи Османа паши. Верещагинъ не только собиралъ матеріалъ въ свои походные альбомы, но собиралъ съ поля битвы и цѣлыя груды рваной, простреленной, пропитанной кровью одежды, мундировъ, собиралъ обломки оружія, аммуниціи; все это должно было впослѣдствіи служить ему образцомъ,



Въ траншеяхъ Шибки.

моделью для его картинъ, дышащихъ правдою и вѣрностью дѣйствительности.

Послѣ войны Верещагинъ окончательно поселился во Франціи, неподалеку отъ Парижа, въ мѣстности, называемой „Maisons Lafitte“, гдѣ живетъ немало художниковъ. Домъ Верещагина стоитъ уединенно, окруженный со всѣхъ сторонъ деревьями. Его стерегутъ двѣ чудныя гончія собаки, вывезенныя изъ Средней Азіи.

Уединеніе Верещагина раздѣляетъ только жена его. Оба они живутъ такъ тихо, невидимо, что объ образѣ ихъ жизни сложилась въ окружности цѣлая легенда. Дѣло въ томъ, что съ утра до ночи Верещагинъ работаетъ въ своихъ мастерскихъ. Ихъ двѣ: одна вращающаяся, доступная свѣту и воздуху и устроенная по образцу его мюн-

хенской мастерской, другая обыкновенная мастерская, но громаднѣйшихъ размѣровъ: 100 футъ длины, 50 ширины и 33 фута вышины. Дверь мастерской вышиной въ 3 сажени, окно вышиной въ 6 и шириною въ 3 сажени. Это самая большая мастерская художника на земномъ шарѣ. Художникъ едва замѣтенъ въ ней; каждое слово его, какъ бы они не было тихо сказано, порождаетъ эхо. Самыя большія картины его кажутся въ этой громадной мастерской крошечными жанрами. Часть этой мастерской отдѣлена перегородкой и обращена въ хранилище для картинъ и холстовъ, къ другому концу примыкаютъ комнатки, въ которыхъ натурщики одѣваются въ нужные костюмы. Тутъ и тамъ развѣшены живописные предметы, привезенные съ Востока: ковры, шали, куски шелковыхъ матерій, попоны, сѣдла, оружіе, щиты, кольчуги, шашки и громадныя маски, которыя надѣваются индусами во время ихъ религіозныхъ торжествъ и т. п.

Мы заключимъ нашу статью коротенькой, но очень вѣрной характеристикой Верещагина, сдѣланной авторомъ замѣтки о немъ, напечатанной въ американскомъ журналѣ „Scribner's Magazine":

„Мы могли бы приложить къ Верещагину, не по существу конечно, а только формы ради, изреченіе Наполеона о русскомъ человѣкѣ: „Поскребите этого человѣка, угрюмаго и эксцентричнаго на внѣшній взглядъ, и вы увидите доброе и нѣжное сердце, глубоко преданное истинѣ".

В. С. Р.





ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРІЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА [1].

III.

Война между парижскими и версальскими газетами. — Декреты о разрушеніи Вандомской колонны, конфискаціи фабрикъ и закрытіи газетъ.—Военныя дѣйствія.—Декларація къ французскому народу.—Плѣнные комунары.—Допросы.—Мужскія и женскія тюрьмы.—Плачущее правительство.—Монархическія тенденціи собранія. — Политика Бисмарка. — Подозрительность и воинственность Тьера.—Тронсен-Дюмерсанъ.—Спасеніе жителей Нельи.—Россель.—Раздоры въ комунѣ и благосклонность къ ней прусаковъ.—Комитетъ общественнаго спасенія.—Редутъ Мулен-Саке и часовня Людовика XVI.—Запрещеніе газетъ.—Прокламаціи Тьера и комуны.—Статья Рошфора о домѣ Тьера.—Подписаніе мира во Франкфуртѣ.—Разрушеніе дома Тьера.—Драконовскія мѣры комуны.—Варварство версальскихъ солдатъ.—Взрывъ патроннаго завода.—Разрушеніе Вандомской колонны.—Журнальныя статьи и пѣсни.—Какъ принялъ Тьеръ паденіе колонны и своего дома.—Манифестъ Шамбора.—Пренія о заключеніи мира.—Положеніе комуны.—Жюль Валлесъ.—Къ чему ведутъ казни и разстрѣливанія.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда междоусобная война разгорѣлась между Парижемъ и Версалемъ, газеты того и другого города вели между собою не менѣе упорную войну. Каждая изъ враждующихъ сторонъ преувеличивала, какъ во всякой обыкновенной войнѣ, свои побѣды и взваливала на противника всевозможныя, ничѣмъ незаслуженныя обвиненія. Офиціальный (версальскій) журналъ разсказывалъ, въ нумерѣ 9-го апрѣля, исторію комуны со времени ея возникновенія и, не понимая вовсе настоящихъ причинъ возстанія, осыпалъ его самыми рѣзкими и несправедливыми оскорбленіями, дѣлая еще болѣе невозможнымъ какое-либо соглашеніе между враждебными партіями. Журналъ выставлялъ національное собраніе образцомъ правительства, тогда какъ большинство членовъ собранія, не скрывавшее своихъ монархическихъ и самовластныхъ тенденцій,

---

[1]) Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.", т. X, стр. 187.

внушало всѣмъ искреннимъ республиканцамъ весьма основательныя опасенія, вполнѣ подтвердившіяся впослѣдствіи. Особенно смѣшны были увѣренія, что собраніе одушевлено самыми лучшими намѣреніями по отношенію къ населенію Парижа. 12-го апрѣля комуна издала слѣдующій декретъ:

„Принимая во вниманіе, что императорская колонна Вандомской площади представляетъ памятникъ варварства, символъ грубой силы и ложной славы, прославленіе милитаризма, отрицаніе международнаго права, постоянное оскорбленіе побѣдителями побѣжденныхъ, вѣчное опроверженіе одного изъ великихъ принциповъ французской республики—братства, постановлено: колонна Вандомской площади будетъ разрушена".

Хотя французы, особенно въ послѣднее время, давно уже перестали гордиться своею колонною, но декретъ, предписывающій поступокъ вандализма во имя международнаго права и братства, въ виду прусаковъ, стоявшихъ подъ стѣнами Парижа, былъ во всякомъ случаѣ достаточно дикимъ актомъ соціалистской сентиментальности. Скажемъ кстати, что ему нисколько не былъ причастенъ живописецъ Курбе, на котораго потомъ взвалили обвиненіе въ разрушеніи колонны.

Офиціальный журналъ продолжалъ по прежнему увѣрять, что инсурекція съ каждымъ днемъ слабѣетъ и теряетъ бодрость, а журналъ комуны декретировалъ, что всѣ фабрики и мастерскія, оставленныя хозяевами, будутъ заняты кооперативными рабочими обществами, которыя обязаны пустить ихъ въ ходъ; особыя жюри учреждались для опредѣленія платы, какая могла быть выдана впослѣдствіи хозяевамъ мастерскихъ. Но этотъ призывъ къ рабочимъ, хотя и нарушавшій право собственности, не пополнялъ фабрикъ, прекратившихъ работу. Рабочіе предпочитали ничего не дѣлать, а лучшіе изъ нихъ, въ войскахъ комуны, охраняли валы и заставы города, или дрались съ версальцами. Въ то же время комуна пополняла число своихъ членовъ новыми выборами и издавала декретъ, которымъ откладывалась на три года уплата безъ процентовъ всякаго рода долговыхъ обязательствъ, векселей, счетовъ, даже квартирной платы. Президентъ военнаго отдѣла Россель декретировалъ, что всѣ проступки противъ общественной безопасности будутъ судимы военнымъ судомъ и виновные подвергнуты смертной казни — разстрѣляніемъ. 19-го апрѣля явился слѣдующій указъ:

„Комуна, принимая во вниманіе, что невозможно терпѣть въ осажденномъ Парижѣ газеты, явно проповѣдующія междоусобную войну, сообщающія непріятелю о военныхъ планахъ и распространяющія клевету противъ защитниковъ республики, постановляетъ запретить газеты „Вечеръ", „Колоколъ", „Народное мнѣніе" и „Общее благо".

Такъ понимала комуна свободу печати. Противъ этой насиль-

ственной мѣры возстали даже такія газеты, какъ „Mot d'ordre“ и „Rappel“, рискуя подвергнуться такому же запрещенію.

Военныя дѣйствія шли, въ то же время, своимъ чередомъ. 10-го апрѣля, командиръ перваго корпуса генералъ Ладмиро занялъ Аньеръ, послѣдній пунктъ, изъ котораго комунары могли грозить Версалю. Они однако не опубликовали этой потери, а напечатали въ тотъ же день депешу Домбровскаго, увѣрявшаго, что войска комуны сохранили свои позиціи и что всѣ слухи объ оставленіи ихъ распускаются реакціонерами съ цѣлью деморализировать населеніе. Комуна чувствовала, однако, свою слабость и обнародовала 20-го апрѣля декларацію къ французскому народу, съ цѣлью привлечь къ своей програмѣ симпатіи Франціи. Програма эта заключалась въ безусловномъ самоуправленіи общины, во всей Франціи, вотированіи общинныхъ приходовъ и расходовъ, назначеніе и распредѣленіе цифры налога, управленіе мѣстными повинностями и имуществомъ общины, выборами учителей, чиновниковъ полиціи и вообще администраціи, полную гарантію свободы лицъ, мнѣній, совѣсти и труда, учрежденіе мѣстной защиты и стражи, охраняющей порядокъ. Но напрасны были всѣ увѣренія комуны, что Парижъ страдаетъ и сражается за всю Францію, что своими жертвами онъ приготовляетъ ей возрожденіе умственное, нравственное, экономическое и административное, славу и благоденствіе, что Парижъ не стремится къ преобладанію надъ страною и націей, а готовитъ ей—единеніе не монархическое или парламентское, то-есть ту же деспотическую централизацію, а единеніе политическое, то-есть добровольную асосіацію всѣхъ мѣстныхъ интересовъ и индивидуальныхъ силъ, стремящихся къ одной общей цѣли—свободѣ, безопасности и благосостоянію всѣхъ и каждаго. Напрасно комуна увѣряла, что революція 18-го марта открываетъ новую эру политики серьезной, положительной, основанной на опытѣ, предвѣщаетъ конецъ стараго міра правительства и клерикализма, чиновничества, милитаризма, эксплуатаціи, ажіотажа, монополій, привилегій, которыя держатъ въ рабствѣ бо̀льшую часть народа и которыя виною всѣхъ бѣдствій и потерь отечества. Франція осталась глуха къ приглашенію—обезоружить Версаль, и комуна одерживала надъ нимъ побѣды только въ своихъ бюлетеняхъ, продолжавшихъ самымъ наглымъ образомъ приписывать полный успѣхъ комунарамъ, при всякой стычкѣ съ версальскими войсками.

Въ то время, какъ Домбровскій разбивалъ—на бумагѣ—армію Мак-Магона, Версаль всякій день отправлялся какъ на гулянье, смотрѣть на массы плѣнныхъ парижанъ, захваченныхъ въ ежедневныхъ стычкахъ. На большой дорогѣ, близъ Вирофлейской заставы, часто поднималась пыль отъ смѣшанной массы всадниковъ, пѣшихъ и телегъ; появлялись толпы блѣдныхъ оборванцевъ, опирающихся другъ на друга, большею частью босыхъ, съ растрепанными волосами; между ними было не мало женщинъ въ истрепанныхъ юбкахъ, съ некра-

сивыми лицами, съ выраженіемъ гнѣва и отчаянія. Версальцы встрѣчали этихъ плѣнниковъ непріязненно. Дюпонъ говоритъ, что даже дамы высшаго круга забывались до того, что ударяли зонтиками несчастныхъ, смотрѣвшихъ на нихъ скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ негодованіемъ. Одного журналиста, возмущеннаго подобнымъ ударомъ зонтика и громко выразившаго свое неодобреніе, потащили въ полицію, называя комунаромъ. Это былъ извѣстный Луи Ратисбонъ, одинъ изъ редакторовъ „Journal des débats". Его выпустили только тогда, когда убѣдились въ этомъ. Другой журналистъ, Эдуардъ Локруа, бывшій членомъ собранія, подавшій въ отставку вмѣстѣ съ Мильеромъ, Разуа и Флоке и оставшійся въ Парижѣ, вскорѣ увидѣлъ невозможность жить подъ управленіемъ комуны и, взявъ у нея пропускъ, отправился по дорогѣ въ Ванвъ, чтобы попасться въ руки версальцевъ. Встрѣченный отрядомъ кавалеріи, онъ былъ отведенъ въ Версаль, и посаженъ въ тюрьму, откуда вышелъ только благодаря протекціи Тьера. Плѣнныхъ комунаровъ, число которыхъ прибывало съ каждымъ днемъ, сажали предварительно въ два большія дворцовыя зданія, гдѣ прежде помѣщались придворные лошади и экипажи. Въ холодныхъ, пустыхъ и низкихъ комнатахъ этихъ зданій, даже въ погребахъ размѣстили плѣнниковъ. Кормили ихъ солдатскимъ хлѣбомъ, спали они на соломѣ; обращались съ ними дурно. Въ отрепанныхъ, полувоенныхъ, полустатскихъ костюмахъ, въ пальто безъ пуговицъ, въ кепи безъ козырьковъ, дырявыхъ башмакахъ и оборванныхъ панталонахъ приводили этихъ исхудавшихъ, грязныхъ комунаровъ къ полицейскому комисару для допроса. Послѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, лѣтахъ, професіи, почти всѣ они на вопросъ о томъ, зачѣмъ приняли участіе въ возстаніи — отвѣчали: потому что мы были безъ работы, а комуна давала намъ по тридцати су въ день. Больше всего было между ними лицъ, едва достигнувшихъ юношескаго возраста: въ эти годы, незнакомые съ тяжелыми уроками жизни, всякая утопія кажется осуществимою, всякая фантазія легко достижимою; междоусобная война становится явленіемъ простымъ, обыденнымъ. Недостатокъ упроченнаго положенія, средствъ къ жизни былъ также одною изъ главныхъ причинъ, что къ возстанію примкнули огромныя массы бѣдняковъ безъ работы, для которыхъ ровно ничего не стоило всякій день жертвовать своею жизнью, не приносившею имъ ничего, кромѣ труда и лишеній. Родъ занятій имѣлъ, въ этомъ случаѣ, также большое вліяніе. Между комунарами почти вовсе не встрѣчалось земледѣльцевъ, садовниковъ, но много кровельщиковъ, сапожниковъ, слесарей; иные съ важностью называли себя писателями, хотя плохо знали грамату. При допросахъ разрѣшалось присутствовать нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, какъ Александру Дюма, Людовику Галеви, карикатуристу Хаму, изучавшимъ съ различныхъ сторонъ эту оригинальную и разнообразную массу. Отвѣты комунаровъ были большею частью искренни; только женщины лгали постоянно, не сознаваясь

ни въ своей професіи, ни въ мѣстѣ рожденія, ни — всего болѣе—въ своихъ годахъ.

Одинъ изъ современныхъ публицистовъ сказалъ, что „самая осмысленная война есть война междоусобная, потому что только въ ней люди знаютъ, за что они дерутся". Этотъ парадоксъ опровергается яснѣе всего войною 1871 года: въ ней-то именно большая часть инсургентовъ дралась, сама не зная за что.

Послѣ допроса, женщинъ отводили въ особую, назначенную для нихъ тюрьму, которую онѣ наполняли крикомъ, плачемъ, жалобами, но черезъ два дня привыкали обыкновенно къ своему положенію. Многія изъ нихъ, жертвы минутнаго увлеченія привязанности къ своимъ мужьямъ, не могли обойтись безъ работы и требовали какихъ нибудь занятій. Обитательницъ кабаковъ и домовъ терпимости, мегеръ-петролейщицъ было очень немного. Одна изъ комунарокъ была взята на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и, по заключеніи въ тюрьму, съ ней тотчасъ начались родовыя боли. Ее хотѣли отправить въ госпиталь, но она отказалась встать съ постели, и другія женщины обѣщали ходить за нею, прося не безпокоить родильницу. Она разрѣшилась благополучно; ее окружали, за ней ухаживали десятки внимательныхъ, заботливыхъ женщинъ, исполняя въ точности всѣ докторскія предписанія. Ребенокъ былъ окруженъ не меньшей заботливостью. Все остальное было забыто этими женщинами при исполненіи материнскихъ обязанностей. Ребенокъ, родившійся въ тюрьмѣ, былъ не только радостью для той, которая дала ему жизнь, онъ былъ утѣшеніемъ всѣхъ, помогавшихъ ему явиться на свѣтъ.

Тюрьмою для мужчинъ служила дворцовая оранжерея, огромное зданіе, куда на зиму переносились изъ версальскихъ садовъ, въ своихъ зеленыхъ кадкахъ, апельсинныя и другія деревья, пережившія нѣсколько монархій и республикъ. Въ извѣстные часы заключеннымъ, въ ожиданіи военнаго суда, позволялось гулять по саду; многіе изъ нихъ въ эти часы занимались очисткою деревьевъ, уходомъ за цвѣтами. Руки, почернѣвшіе въ пороховомъ дыму братоубійственной войны, осторожно окапывали заступомъ нѣжныя растенія. Люди эти, только что взятые въ кровавыхъ, отчаянныхъ схваткахъ, казались тихими и кроткими, и добродушно улыбались, когда ихъ заставали за садовой работой. Однажды оранжерею посѣтилъ богатый и знаменитый маркизъ-англичанинъ, въ качествѣ иностранца, не имѣющаго основанія принимать сторону комунаровъ, но видящаго въ нихъ только несчастныхъ. Онъ испросилъ позволеніе раздать плѣнникамъ нѣсколько денегъ. Подойдя къ невысокой рѣшеткѣ, отдѣлявшей посѣтителей отъ заключенныхъ, онъ протянулъ имъ горсть золота, говоря, что считаетъ себя счастливымъ, давая имъ возможность пріобрѣсти то, что имъ нравится. Масса плѣнниковъ не тронулась съ мѣста и отказалась принять золото маркиза. Однако, вслѣдствіе его настояній, нѣкоторые изъ нихъ взяли у него нѣсколько су и мелкой

монеты на табакъ. Они были, однако, тронуты предложеніемъ маркиза и поднесли ему собранный ими букетъ цвѣтовъ, когда онъ уходилъ изъ тюрьмы. Къ оранжереѣ не разъ приходили изъ Парижа жены, матери, сестры отыскивать между плѣнниками своихъ мужей, отцовъ, братьевъ. Никакими средствами нельзя было отогнать ихъ отъ тюрьмы, и если онѣ находили близкихъ имъ лицъ, крики радости мѣшались со слезами и жалобами. Многія требовали—раздѣлить участь несчастныхъ, но между матерями встрѣчались и такія, которыя осыпали упреками своихъ сыновей за приверженность къ комунѣ. Какъ далеки были эти сцены отъ тѣхъ, которыя происходили въ оранжереѣ въ прошломъ столѣтіи, когда, спустившись съ мраморной лѣстницы въ сто ступеней, напудренные вельможи, въ бархатныхъ кафтанахъ, со шпагой поперегъ поясницы, съ треуголкой подъ-мышкой, раскланивались по всѣмъ правиламъ этикета съ придворными дамами, въ высоко взбитыхъ прическахъ, съ громадными шлейфами, жеманившимися подъ румянами и мушками. Теперь тутъ были только рубища да тряпки, блузы да фуражки, красные панталоны и кепи солдатъ.

Что же въ это время дѣлало версальское правительство? Газеты, враждебныя ему, ясно намекали, что Тьеръ нарочно даетъ разгорѣться возстанію, чтобы доказать свои военныя и стратегическія способности блистательною осадою и взятіемъ Парижа и, въ то же время, прослыть спасителемъ отечества, получивъ за это, конечно, всевозможныя награды и титулы. Кромѣ военныхъ плановъ, всѣ остальныя стороны администраціи были страшно дезорганизованы. Правительственные листки, какъ „Трехцвѣтное знамя" Франциска Сарсе, приводили не стѣсняясь, напримѣръ, слѣдующій отзывъ Тьера о такомъ важномъ правительственномъ лицѣ, какъ сенскій префектъ: „Жюль Ферри не очень далекъ. Это плохой администраторъ, хотя и не безъ достоинствъ. Къ тому же у меня не было другого подъ рукою". Тотъ же періодическій органъ такъ выражался обо всемъ правительствѣ, въ другомъ нумерѣ своего изданія: „Въ этомъ правительствѣ больше всего—плачутъ. Г. Тьеръ плачетъ, г. Жюль Фавръ плачетъ, г. Трошю плачетъ, г. Шангарнье плачетъ; у г. Симона, самаго плаксиваго изо всѣхъ, вѣчно слезы въ голосѣ". Однако правительство не только плакало, но и принимало мѣры, еще болѣе разжигавшія междоусобную войну. Такъ, оно объявило, что нѣсколько инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ и принадлежавшихъ къ составу арміи, были разстрѣляны, на основаніи законовъ, наказывающихъ смертью солдата, сражающагося противъ своего знамени. На это даже такая умѣренная газета, какъ „Siécle" замѣтила, что само версальское правительство признало Парижъ воюющею стороною, что нельзя называть инсургентами двухмильонное населеніе Парижа, и что солдаты, признавшіе республику, также дрались противъ своего прежняго императорскаго знамени. Тьеръ, считая мятежниками всю національную

гвардію, требовалъ ускоренія процедуры военныхъ судовъ, но собраніе, припомнивъ Луи-Наполеоновскія ссылки безъ суда въ 1852 году, отвергло это предложеніе, хотя и не имѣло твердости отказать Тьеру въ его требованіи: назначать самому меровъ тѣхъ городовъ, гдѣ болѣе 20-ти тысячъ жителей.

И въ эти дни, когда братоубійственная война разгоралась съ новой силою, на французской територіи находилось еще 500.000 прусаковъ, содержаніе которыхъ стоило Франціи ежедневно 1.200.000 франковъ. Паскаль Груссе, комунальный министръ иностранныхъ дѣлъ, послалъ въ главную нѣмецкую квартиру въ Сен-Дени запросъ: почему не очищаются отъ войскъ сѣверные форты Парижа, если уже внесены 500 мильоновъ контрибуціи прусакамъ? Генералъ Фабрицій не далъ на это никакого отвѣта. Члены комуны были убѣждены, что Европа не допуститъ утвердиться въ Парижѣ управленію на комунистическихъ и анархическихъ началахъ, что прусаки только и ждутъ, чтобы имъ поручили усмирить возстаніе—и все-таки инсургенты и не думали о примиреніи, о соглашеніи. Болѣе благоразумные между ними сознавали, что они не въ силахъ управлять теченіемъ, и должны слѣдовать за нимъ. Эта общая участь всѣхъ вождей революціи: они почти всегда увлечены ею гораздо дальше, чѣмъ разсчитывали. Генералъ Трошю, не хотѣвшій употребить для защиты Парижа трехсот-пятидесятитысячную національную гвардію, министръ Пикаръ, называвшій ее въ своихъ циркулярахъ „низкою демагогіею съ подлыми лицами“—также увлекались, и эти увлеченія еще болѣе поселяли раздраженіе между враждующими сторонами.

Въ концѣ апрѣля Тьеръ мало занимался даже военными планами. (Замѣчательно, что онъ ни разу не посѣтилъ тюрьмы плѣнниковъ, не присутствовалъ ни при одномъ допросѣ, не дѣлалъ никакихъ распоряженій объ участи вдовъ и сиротъ лицъ, павшихъ въ междоусобной войнѣ). Его безпокоило настроеніе собранія, большинство котораго явно выражало свое мнѣніе, что для спасенія Франціи необходимо возстановить монархію; расходились только въ вопросѣ: какую—бурбонскую или орлеанистскую? Но еще болѣе безпокоило Тьера положеніе Германіи. Бисмаркъ объявилъ въ рейхстагѣ, что если парижская комуна не будетъ подавлена, то для охраненія територіальныхъ и финансовыхъ пріобрѣтеній Германіи онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать съ такою же энергіею, какъ и въ только-что окончившуюся войну. Видя, что въ Брюсселѣ затягивается нѣкоторыми подробностями окончательное подписаніе мирныхъ условій, Бисмаркъ прибѣгнулъ, по отношенію къ Тьеру, къ прежней уловкѣ, употребленной уже имъ при открытіи первыхъ переговоровъ о мирѣ. Въ то время, когда Жюль Фавръ пріѣхалъ въ Версаль къ Бисмарку, составлялъ въ его квартирѣ, въ улицѣ Прованса, мирныя условія, въ другой комнатѣ того же дома сидѣлъ посланный отъ Луи Наполеона Клеманъ Дювернуа, подъ именемъ Дюпарка, и нѣмецкій

дипломатъ часто переходилъ отъ одного делегата къ другому. Чтобы заставить министра республики принять всѣ условія побѣдителя, стоило только сказать, что ихъ принимаетъ агентъ имперіи — и Жюль Фавръ тотчасъ же соглашался на все. Теперь, Тьеръ вдругъ началъ получать извѣстія отъ своихъ агентовъ, состоявшихъ на жалованьи и у Бисмарка, что прусскій кабинетъ вошелъ въ Лондонѣ въ переговоры съ экс-императоромъ, возстановленіе котораго на престолъ явилось возможнымъ дѣломъ, если бы онъ рѣшился подписать миръ съ Германіей. Если бы Тьеръ вникнулъ, какъ слѣдуетъ, въ эти слухи, преднамѣренно распускаемые, онъ убѣдился бы въ томъ, что они неосуществимы; но при одной мысли о бонапартійской реставраціи, распорядитель судьбами Франціи терялъ голову и вѣрилъ всякому вздору о переговорахъ Берлина съ Чизльгерстомъ. Подъ вліяніемъ страха, Тьеръ приказалъ арестовать Руэ, пріѣхавшаго въ Булонь изъ Англіи. Надѣясь найти въ карманахъ бывшаго вице-императора матерьяльное доказательство этихъ переговоровъ, его объискивали такъ нецеремонно, что даже разорвали на немъ платье и, не найдя ничего, отпустили. Несмотря на это, Тьеръ былъ сильно испуганъ извѣстіемъ, что французскія войска, бывшія еще въ плѣну въ Германіи, хотятъ требовать возстановленія имперіи, и что къ этой мѣрѣ склоняется и Пруссія. Къ этому присоединились у Тьера опасенія за свой домъ въ Парижѣ, гдѣ находились рѣдкія колекціи произведеній искуства, и который комуна грозила сжечь. Это насиліе Тьеръ думалъ отвратить другими такими же насильственными мѣрами. Такъ, въ концѣ апрѣля, онъ вздумалъ арестовать Гамбетту, подозрѣвая его въ сношеніяхъ съ комуной. Бывшій турскій и бордоскій министръ жилъ въ Испаніи, но часто пріѣзжалъ въ Байонну и Біарицъ и Тьеръ далъ приказъ арестовать его, когда онъ переѣдетъ границу Франціи. Узнавъ объ этомъ, Пикаръ, для снятія съ себя отвѣтственности, предложилъ представить дѣло въ совѣтъ министровъ, и Тьеръ, не желая подвергать свои рѣшенія обсужденію другихъ лицъ, отказался отъ своего намѣренія.

Зато онъ съ большимъ жаромъ принялся за свои планы—осады Парижа. Маршалъ Мак-Магонъ былъ только послушнымъ исполнителемъ его замысловъ. Но Тьеръ хотѣлъ вести осаду по старой системѣ: копаніемъ траншей и заложеніемъ паралелей. Онъ даже заявлялъ поползновеніе прибѣгнуть къ лѣстницамъ и Мак-Магонъ съ трудомъ могъ убѣдить его, что эта система будетъ опасна, губительна для солдатъ и успѣхъ ея—весьма сомнителенъ. Съ Парижемъ Тьеръ имѣлъ однако почти ежедневныя сношенія черезъ посредство доктора Тронсен-Дюмерсана. Въ то время, когда комуна никого не впускала въ Парижъ и не выпускала изъ него, не исключая санитаровъ и госпитальной прислуги, докторъ, снабженный полномочіями посланниковъ австрійскаго, итальянскаго, испанскаго и португальскаго, жившихъ въ Версалѣ, ѣздилъ въ ихъ канцеляріи, остававшіяся въ Па-

рижѣ и привозилъ оттуда свѣдѣнія, нужныя правительству. Комуна не смѣла мѣшать иностраннымъ представителямъ сноситься съ персоналомъ посольства и, подъ этимъ предлогомъ, Тронсенъ исполнялъ часто весьма деликатныя порученія правительства, перевозилъ въ своемъ фаетонѣ значительныя суммы банку, обществамъ земельнаго кредита и др.; однажды онъ перевезъ въ Парижъ сто тысячъ франковъ золотомъ, а въ другой разъ вывезъ оттуда зятя министра Пикара, адвоката Ліувиля, котораго комуна сбиралась арестовать. Докторъ подвергался опасности не только со стороны комунаровъ: бомбы Мон-Валерьена не разъ падали на дорогу, по которой онъ проѣзжалъ, и два раза лошадь его фаэтона падала подъ ихъ осколками. Комуна относилась къ Тронсену съ уваженіемъ, такъ какъ онъ оказалъ ей большую услугу. Жители Нёльи, близъ котораго происходили упорныя и кровопролитныя битвы, не смѣли подъ градомъ бомбъ выдти изъ погребовъ своихъ разрушенныхъ домовъ, даже для того, чтобы зарыть тѣла убитыхъ. Они умоляли сражающихся позволить имъ оставить свою деревню. Они просили перемирія, но Тьеръ не хотѣлъ и слышать о немъ. Тронсенъ выхлопоталъ свободный пропускъ въ Версаль четыремъ делегатамъ комуны, и хотя самъ Тьеръ не хотѣлъ имѣть никакихъ сношеній съ мятежниками, но позволилъ делегатамъ выдти съ бѣлыми знаменами передъ версальскимъ войскомъ и прекратить огонь на время переговоровъ, продолжавшихся часа два. Въ это время жители Нёльи успѣли выдти изъ своихъ жилищъ и въ деревнѣ остались однѣ сестры милосердія.

Тронсенъ служилъ также посредникомъ между правительствомъ и лицами, недовольными комуною, а недовольны ею были даже многіе изъ ея членовъ. Они подозрѣвали другъ друга; управлявшіе разными частями смѣнялись поминутно, аресты слѣдовали за назначеніями; волки грызлись между собою. Тьеръ расчитывалъ на измѣну многихъ выдающихся лицъ въ управленіи. Человѣкъ, купившій въ 1832 году у Дейча тайну мѣстопребыванія герцогини Беррійской, и передавшій ему деньги каминными щипцами, чтобы не дотронуться до руки предателя, надѣялся привлечь подкупомъ на свою сторону вліятельныхъ лицъ въ комунѣ. У Отёйльскихъ воротъ стоялъ батальонъ комунаровъ, преданность котораго комунѣ казалась весьма сомнительною. Тронсенъ вошелъ въ переговоры съ командиромъ батальона, и тотъ обѣщалъ отворить версальцамъ ворота города за сто тысячъ франковъ. Какъ заговорщики комической оперы, правительственныя войска должны были явиться ночью къ воротамъ, если не „въ бѣлокурыхъ парикахъ и съ черными воротниками“, то съ трехцвѣтной перевязью и подать условный знакъ. Командиръ взялъ десять тысячъ въ задатокъ, но вечеромъ, за нѣсколько часовъ до наступленія ночи, въ которую должно было совершиться предательство, батальонъ Отёйльскихъ воротъ переведенъ былъ на другой постъ—и заговоръ не удался. Подозрѣвала ли комуна вѣрность батальона, или командиръ

его нашелъ болѣе нравственнымъ—украсть у Тьера десять тысячъ, нежели предать своихъ братьевъ,—осталось неизвѣстнымъ. Исторія эта повредила, однако, Тронсену во мнѣніи комуны, которая приказала даже его арестовать. Но онъ явился смѣло въ комитетъ общественной безопасности и спросилъ себѣ пропускъ подъ своею второю фамиліею—Дюмерсанъ.

Несмотря на неудачу первой попытки, Тьеръ не переставалъ разсчитывать на измѣну охранителей города и три раза, втеченіе второй половины апрѣля, предупреждалъ Мак-Магона, чтобы тотъ приготовилъ все ко вступленію войскъ въ Парижъ—на слѣдующую ночь. Тотъ отправлялъ передовые отряды къ назначеннымъ воротамъ, но они не отворялись, версальцевъ встрѣчали выстрѣлами и они принуждены были ретироваться, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ илюзіи Тьера, полковникъ Лаперщъ послалъ 30-го апрѣля изъ траншей къ коменданту форта Исси требованіе сдаться. Полковнику отвѣчалъ Россель: „Любезный товарищъ! Въ слѣдующій разъ, когда вы позволите себѣ послать намъ требованіе, такое дерзкое, какъ ваше вчерашнее собственноручное письмо, *я прикажу* разстрѣлять вашего парламентера, согласно съ военными обычаями". И такого человѣка, какъ Россель, исполнительный комитетъ комуны не только лишилъ командованія фортомъ, но и заставилъ его выдти въ отставку. Отказываясь отъ званія делегата по военнымъ дѣламъ, онъ закончилъ свое письмо слѣдующими словами: „Мнѣ оставалось только или сломить препятствіе, мѣшающее мнѣ дѣйствовать, или уйти. Я не сломлю препятствія, потому что препятствіе—это вы сами и ваша слабость. Я не хочу возставать противъ избранниковъ народодержавія—и удаляюсь, прося у васъ только одного мѣста—въ тюрьмѣ Мазаса". Россель былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ комуны. Сынъ батальоннаго командира, онъ блистательно кончилъ курсъ въ политехнической школѣ, потомъ въ Мецѣ, откуда вышелъ въ 1866 г. съ чиномъ поручика. Строгой жизни, замѣчательныхъ способностей, онъ писалъ военныя статьи въ газетѣ „Le Temps", обратившія на него вниманіе. Когда въ 1869 г. вышелъ послѣдній томъ „Кореспонденціи Наполеона I", изданный правительственною комисіею, Россель доказалъ, что помѣщенныя въ томѣ стратегическія сочиненія, приписанныя Наполеону, не могли быть имъ написаны. Комисія должна была сознаться, что она была „введена въ заблужденіе", но молодой капитанъ былъ отправленъ въ гарнизонъ Буржа. При началѣ войны съ Пруссіею, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, напрасно просился въ дѣйствующую армію, и напечаталъ въ „Temps" свой планъ защиты отечества, состоящій въ томъ, что вся нація должна была вооружиться и сражаться маленькими отрядами, а регулярная армія должна была только поддерживать партизанскіе отряды. Росселя отправили въ Мецъ, который вскорѣ былъ обложенъ прусаками. Видя съ негодованіемъ дѣйствія маршала Ба-

зена, Россель предлагалъ пробраться изъ крѣпости и принести извѣстія изъ Парижа. Ему отказали и онъ скоро понялъ, что неспособность или измѣна Базена отдадутъ во власть непріятеля и крѣпость, и армію. Тогда, въ сообществѣ съ нѣсколькими офицерами, Россель составилъ планъ арестовать Базена и, отдавъ его подъ военный судъ, пробиться изъ крѣпости. Но заговоръ былъ открытъ и Россель заключенъ въ тюрьму, откуда былъ выпущенъ только въ моментъ капитуляціи. Переодѣвшись крестьяниномъ, онъ прошелъ сквозь прусскія линіи и бѣжалъ въ Бельгію, гдѣ въ газетѣ „Indépendance Belge" протестовалъ противъ позорнаго образа дѣйствій Базена. Побывавъ въ Англіи для свиданія съ матерью-англичанкою, онъ явился вскорѣ въ Туръ и предложилъ свои услуги правительству національной обороны. Военный министръ Гамбетта послалъ его на сѣверъ Франціи, организовать тамъ средства къ защитѣ страны. Въ декабрѣ 1870 года онъ былъ сдѣланъ полковникомъ и начальникомъ лагеря въ Неверѣ. Въ этомъ городѣ онъ получилъ извѣстіе о революціи 18-го марта и написалъ военному министру, что ѣдетъ въ Парижъ принять сторону той партіи, которая „не подписывала мира и не имѣетъ въ своихъ рядахъ генераловъ, способныхъ на капитуляцію". Въ Парижѣ онъ былъ тотчасъ же избранъ членомъ центральнаго комитета и командиромъ легіона XVII-го округа. Но за попытки ввести въ легіонъ строгую военную дисциплину его отставили и даже арестовали 2-го апрѣля, потомъ вскорѣ же освободили, и генералъ Клюзере назначилъ его начальникомъ штаба. Когда комуна смѣнила Клюзере, она поручила Росселю исполнять обязанности военнаго министра, и въ короткое время своего управленія этой частью онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы поднять духъ сражающихся, организовать защиту. Онъ не хотѣлъ только лгать, какъ члены комуны, и когда версальцы взяли фортъ Исси, обнародовалъ это извѣстіе въ офиціальной газетѣ. Комуна обвинила его въ стремленіи къ диктатурѣ и въ измѣнѣ. Онъ скрылся отъ мести комунаровъ, напрасно отъискивавшихъ его въ Парижѣ и даже напечатавшихъ, что онъ продался за деньги версальцамъ. Дальнѣйшая судьба этой даровитой личности была еще печальнѣе. Хоть онъ не принималъ никакого участія въ послѣдней борьбѣ комунаровъ съ версальской арміей, но былъ захваченъ въ Парижѣ въ началѣ іюня и отведенъ въ Версаль, гдѣ военный судъ два раза, въ сентябрѣ и октябрѣ, приговорилъ его къ смерти. Во время суда онъ получилъ со всѣхъ сторонъ знаки искренней симпатіи. Двѣсти женщинъ изъ Меца подали прошеніе о помилованіи его президенту республики; парижскіе студенты посылали депутаціи съ той же цѣлью, но Тьеръ приказалъ казнить заблуждавшагося даровитаго, честнаго патріота, которому не было еще 27-ми лѣтъ. Передъ смертью онъ оставилъ пастору письмо, въ которомъ завѣщалъ своей партіи, если она когда нибудь достигнетъ власти, не мстить за его смерть, „такъ какъ это недостойно сво-

боды". 28-го ноября Россель былъ разстрѣлянъ на Саторійской равнинѣ, вмѣстѣ съ членомъ комуны Ферре и сержантомъ Буржуа. Во время своего процеса онъ написалъ замѣчательную книгу „О реорганизаціи арміи" и, еще прежде, „Военное искуство" и брошюры „Капитуляція Меца" и „Защита Меца".

Въ то время, когда комуна подозрѣвала своихъ лучшихъ членовъ въ измѣнѣ и продажности, сама она нисколько не уважала частную собственность. Такъ, еще 22-го апрѣля она отправила одного делегата обобрать все серебро въ отелѣ „Инвалидовъ", а въ кожевенныхъ лавкахъ Сен-Марсельскаго квартала захватила, въ видѣ реквизиціи, весь товаръ у купцовъ. Въ то же время, почти въ каждомъ засѣданіи комуны, члены ея ссорились между собою. Рауль Риго отказался отъ званія префекта полиціи, Феликсъ Піа вышелъ въ отставку, потомъ опять вступилъ въ комуну, по просьбѣ своихъ избирателей. Верморель осмѣялъ его за это въ газетѣ. Піа отвѣчалъ ругательствами. Комуна соглашалась также на размѣнъ плѣнныхъ и предлагала отпустить архіепископа Дарбуа, если версальцы освободятъ Бланки. Тьеръ отказалъ, говоря, что жизни Дарбуа не угрожаетъ никакая опасность, такъ же, какъ и жизни Бланки. Это упрямство повлекло за собою гибельныя послѣдствія. О намѣреніяхъ комуны ходили зловѣщіе слухи; въ ея засѣданіяхъ предлагались мѣры одна другой радикальнѣе: требовали уничтоженія долговой государственной книги, въ которую вписаны всѣ ренты, и выдачи пенсій любовницамъ національныхъ гвардейцевъ, наравнѣ съ ихъ женами, а также легитимаціи всѣхъ побочныхъ дѣтей и усыновленія ихъ комуною. И между тѣмъ нѣмцы вовсе не враждебно относились къ комунѣ. Въ одномъ изъ засѣданій рейхстага Бисмаркъ отозвался о ней такъ, что Тьеръ и его министры были глубоко оскорблены. Германскій канцлеръ сказалъ именно, что „въ возстаніи парижанъ лежало справедливое основаніе" и что въ сущности комунары сначала не хотѣли ничего другого, „кромѣ муниципальной организаціи, на подобіе существующей въ Германіи". Сношенія инсургентовъ съ нѣмцами были не рѣдки. Гдѣ-то близъ Парижа комунары открыли „нечаянно" складъ восемнадцати тысячъ ружей шаспо. Наконецъ, прусаки нисколько не стѣснялись продавать парижанамъ лошадей. 3-го мая Россель купилъ ихъ 1.000, по 400 франковъ за каждую. Въ началѣ мая нѣмцы пріостановили также возвращеніе во Францію плѣнныхъ солдатъ. Это было косвеннымъ поощреніемъ инсурекціи.

2-го мая исполнительная комисія комуны была замѣнена „комитетомъ общественнаго спасенія". 34 голоса противъ 28-ми вотировали возстановленіе учрежденія эпохи первой революціи. Пять человѣкъ сдѣлались съ этихъ поръ полновластными правителями Парижа. Это были: Антоній Арно, Лео Мелье, Ранвье, Феликсъ Піа и Шарль Жерарденъ. Они взяли себѣ помощниками: Теофиля Ферре, Гастона д'Акосту, Мартенвиля и Гюгено. Прокуроромъ комитета былъ назна-

ченъ Рауль Риго. Офиціальный журналъ комуны обнародовалъ въ то же время бюджетъ ея доходовъ и расходовъ отъ 20-го марта по 30-е апрѣля: она получила въ это время 26 мильйоновъ слишкомъ, истратила болѣе 25-ти, остатокъ къ первому мая простирался до 876 тысячъ. Тотъ же журналъ долженъ былъ сознаться, что въ ночь съ 3-го на 4-е мая редутъ Мулен-Саке, охраняемый двумя батальонами національной гвардіи, былъ внезапно захваченъ версальцами, явившимися туда подъ видомъ патруля и впущенными въ укрѣпленіе послѣ того, какъ они сказали пароль и лозунгъ. Версальцы выгнали гарнизонъ, захватили шесть пушекъ и тотчасъ же увезли ихъ. Слѣдствіе обнаружило измѣну командира батальона національной гвардіи, или его безпечность при сохраненіи тайны пароля. Это происшествіе взволновало комуну. Съ 6-го мая она стала употреблять въ своихъ декретахъ старый республиканскій календарь и помѣстила отъ 16-го флореаля 79-го года слѣдующій декретъ:

„Принимая во вниманіе, что зданіе (immeuble), извѣстное подъ названіемъ искупительной часовни Людовика XVI-го, составляетъ постоянное оскорбленіе первой революціи и вѣчный протестъ реакціи противъ народнаго правосудія, постановляемъ — разрушить искупительную часовню Людовика XVI-го и матерьялъ ея продать съ аукціона въ пользу казны“.

Декретъ этотъ комуна не имѣла, однако, времени привести въ исполненіе. Зато въ то же время однимъ почеркомъ пера какого-то Курне, делегата по завѣдыванію общественной безопасности, она уничтожила еще семь газетъ, между которыми были и такія, всюду распространенныя, какъ „Le Temps“, „La France“, „Le Petit Journal“. Кара постигла ихъ за то, что онѣ „возбуждали вражду между сословіями, подрывали основы управленія“. Не доставало только обвиненія во вредномъ направленіи, но оно подразумѣвалось само собою. И никому невѣдомый Курне спокойно уничтожалъ собственность множества лицъ, лишалъ работы тысячи людей, умственной пищи—десятки тысячъ! А самъ онъ, можетъ быть, заслуживалъ столько же уваженія, какъ членъ комуны Бланше, отправленный въ это же время въ Мазасъ за то, что подъ именемъ Панилля служилъ въ ліонской полиціи, былъ монахомъ и объявленъ по суду злостнымъ банкротомъ.

6-го мая комуна постановила, что всѣ вещи заложенныя въ ломбардѣ (mont-de-piété) ранѣе 26-го апрѣля, въ суммѣ, не превышающей 20-ти франковъ и состоящія изъ одежды, бѣлья, мебели, книгъ и рабочихъ инструментовъ могутъ быть получены обратно безъ выкупа. Этимъ могли воспользоваться не многіе, такъ какъ въ день можно было получить не болѣе четырехъ тысячъ заложенныхъ пакетовъ, а комуна просуществовала не болѣе десяти дней послѣ этого декрета. И эти послѣдніе дни ея существованія прошли въ постоянныхъ спорахъ изъ-за власти съ центральнымъ комитетомъ національной гвардіи. Въ засѣданіяхъ комуны члены ея препирались о томъ,

зачѣмъ члены комитета носятъ шарфъ черезъ плечо и розетку съ серебрянной бахрамой въ петлицѣ.

8-го мая Тьеръ издалъ прокламацію къ жителямъ Парижа, въ которой приглашалъ ихъ подавить возстаніе комуны, „прикрывающейся подлымъ краснымъ знаменемъ“, захватывающей частную собственность, останавливающей работы въ Парижѣ и во всей Франціи, мѣшающей очищенію страны отъ непріятеля, который грозитъ новымъ вторженіемъ, если возстаніе не будетъ подавлено. Парижане приглашались спасти себя, „сдѣлавъ штурмъ города безполезнымъ“. На эту прокламацію комитетъ общественной безопасности отвѣчалъ декретомъ 21-го флореаля, въ которомъ опредѣлялось: „въ виду афиши господина (sieur) Тьера, называющаго себя главою исполнительной власти французской республики, увѣряющаго, что его армія не бомбардируетъ Парижъ, тогда какъ всякій день женщины и дѣти падаютъ жертвами братоубійственныхъ снарядовъ версальцевъ, возбуждающаго также къ измѣнѣ, чтобы проникнуть въ Парижъ“,—недвижимая собственность Тьера берется въ казну, домъ его на площади Жоржа уничтожается (sera rasée). Это была, конечно, варварская, грубая мѣра, но она была принята изъ мести Тьеру и давно подготовлялась въ газетахъ комуны. Вотъ, что писалъ, напримѣръ, Ганри Рошфоръ въ своемъ „Mot d'ordre“.

„У Тьера, на площади Сен-Жоржа удивительный отель, полный произведеній искуства во всѣхъ родахъ. У г. Пикара въ Парижѣ три дома, приносящіе колосальный доходъ, а г. Фавръ занимаетъ въ улицѣ Амстердама великолѣпное зданіе. Что̀ бы сказали эти государственные люди и домохозяева, если бы за разрушеніе своихъ жилищъ жители Парижа отвѣчали ударами лома, если бы за каждый домъ въ Курбвуа, падающій отъ бомбъ, сломали хоть одну стѣну дома площади Сен-Жоржъ или улицы Амстердама? Я убѣжденъ, что, при первомъ извѣстіи о поврежденіи двери его дома, Тьеръ приказалъ бы прекратить огонь. Пусть насъ назовутъ Тамерланомъ, но мы сознаемся, что это возмездіе не казалось бы намъ чрезмѣрнымъ, если бы не представляло важнаго неудобства. Если народное правосудіе разрушитъ домъ Тьера, стоющій два мильона, версальское собраніе вотируетъ ему на постройку три мильона и, такъ какъ по этому счету придется выплачивать тѣмъ же парижскимъ жителямъ, то мы принуждены отсовѣтовать подобную операцію“.

Она однако-же была утверждена и въ комунѣ происходили жаркія пренія о томъ, что̀ дѣлать съ произведеніями искуства, хранившимися у Тьера. Курбе, которому было поручено наблюдать за уничтоженіемъ вандомской колонны, былъ выбранъ также членомъ комисіи, разбиравшей драгоцѣнныя вещи Тьера и предложилъ перенести ихъ въ Лувръ, или продать съ аукціона. Однѣхъ рѣдкихъ бронзовыхъ вещей Курбе насчиталъ на полтора мильона франковъ. Прото предлагалъ растопить на монетномъ дворѣ всѣ бюсты орлеан-

свой фамиліи. Рѣшили, наконецъ, сохранить все, передавъ произведенія искуства и рѣдкія книги въ музеи и библіотеки; только мебель продана съ публичнаго торга и все бѣлье перешло въ госпитали; вырученныя суммы назначены къ выдачѣ вдовамъ и сиротамъ убитыхъ въ войнѣ съ версальцами. На мѣстѣ „отеля отцеубійцы" положено развести скверъ. Извѣстіе это было получено въ Версалѣ во время бурнаго засѣданія палаты 11-го мая, когда Тьеръ, оскорбляемый монархистами, нѣсколько разъ предлагалъ выдти въ отставку. Положеніе его было дѣйствительно критическое; ему угрожали въ одно время: возстаніе комуны, интриги легитимистовъ, двусмысленное положеніе прусаковъ. Онъ рѣшился покончить съ послѣдними, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ другихъ отношеніяхъ — и въ пять дней подписалъ во Франкфуртѣ мирныя условія, переговоры о которыхъ тянулись цѣлый мѣсяцъ въ Брюселѣ. Условія эти касались уплаты пяти мильярдовъ военной контрибуціи, по частямъ, каждые три мѣсяца, по мартъ 1874 года. Французскіе уполномоченные въ Брюселѣ находили этотъ способъ уплаты невозможнымъ, но Жюль Фавръ и Пуйе-Кертье, отправленные во Франкфуртъ для личныхъ переговоровъ съ Бисмаркомъ, подписали 10-го мая все, чего онъ требовалъ, и онъ приказалъ возвратить правительству еще занятые прусаками сѣверные форты Парижа и всѣ французскія войска, еще оставшіяся въ плѣну. Они составляли четвертый и пятый корпуса версальской арміи. Тогда Тьеръ обратилъ всѣ усилія, чтобы кончить борьбу съ комуной. Шесть новыхъ батарей, воздвигнутыхъ на Монтрету, почти совершенно разрушили Отейль. Всего около Парижа версальцы воздвигли 128 батарей, въ числѣ которыхъ 12 митральезныхъ. Эти батареи обратили въ развалины почти всѣ окрестныя мѣстечки, виллы, предмѣстья и сады Парижа. За то въ самомъ городѣ, 13-го мая, разрушили домъ Тьера. Въ тотъ же день комуна запретила еще шесть газетъ, въ числѣ которыхъ были „Moniteur universel" и „Univers". По поводу этихъ запрещеній даже такое безобидное изданіе, какъ „Илюстрація", напомнило комунѣ слова Армана Мараста, когда его судили въ палатѣ перовъ, какъ редактора газеты „National": „если это война противъ той или другой газеты—это ребячество; если же это война противъ прессы—вы будете побѣждены". Комуна не ограничилась однако этими газетами и 15-го мая запретила еще шесть, а 18-го еще десять—и того тридцать-три изданія. Въ то же время, за нападки на республику и комуну, положено было отдавать подъ военный судъ и каждый гражданинъ долженъ былъ постоянно имѣть при себѣ видъ (carte d'identité) съ указаніемъ его имени, лѣтъ, занятій, квартиры и примѣтъ. Видъ этотъ, выдаваемый полиціей, должно было показывать по требованію каждаго національнаго гвардейца. Не имѣющій вида немедленно арестовывался. Этотъ декретъ, лишающій гражданина свободы, отдающій его во власть перваго дурака или пьяницы, который нашелъ бы его примѣты несход-

ными съ видомъ, возбуждалъ негодованіе въ Парижѣ, но комуна, гдѣ поминутно мѣнялись члены, завѣдующіе разными вѣдомствами, не обращала никакого вниманія на общественное мнѣніе и издавала постановленія одно страннѣе другого. Такъ она назначила къ каждому генералу статскаго комисара, потребовала, чтобы обо всѣхъ складахъ петроля и минеральныхъ маслъ было сообщено въ городскую ратушу; всѣ поѣзды желѣзныхъ дорогъ, прибывающіе въ Парижъ приказано осматривать строжайшимъ образомъ. Въ то-же время, почти наканунѣ вступленія версальцевъ въ Парижъ, комуна продолжала публиковать бюлетени о побѣдахъ надъ регулярной арміей, которая, не публикуя о своихъ подвигахъ, продолжала поступать безжалостно съ инсургентами. Такъ, 12-го мая, 22-ой батальонъ національной гвардіи, встрѣтивъ неожиданно 64-ый линейный полкъ, долженъ былъ отступить и оставилъ восемь раненыхъ; всѣ они были тутъ же разстрѣляны солдатами. 16-го мая комунары должны были очистить фортъ Ванвъ, засыпанный бомбами. Гарнизонъ форта предлагалъ сдаться на капитуляцію; версальцы требовали безъусловной покорности. Тогда гарнизонъ оставилъ укрѣпленіе и скрылся черезъ подземный ходъ, выходившій въ поле. Триста человѣкъ едва не погибли въ узкихъ переходахъ, до половины залитыхъ водою. Но въ фортѣ осталось еще 70 раненыхъ и много убитыхъ. Поручикъ 7-го легіона гвардіи Бютенъ, несмотря на то, что наканунѣ версальцы, въ окрестностяхъ форта, изнасиловали и убили женщину, ухаживавшую за ранеными, отправился парламентеромъ къ регулярнымъ войскамъ съ докторомъ и санитаромъ, со знаменемъ Краснаго Креста и съ трубачемъ, несшимъ бѣлый флагъ, но версальцы встрѣтили ихъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Думая, что это какое-нибудь недоразумѣніе и что армія цивилизованной націи знаетъ международное право, поручикъ шелъ впередъ, и только второй залпъ заставилъ его вернуться по счастью невредимымъ.

17 мая, въ шесть часовъ вечера, произошелъ взрывъ на патронномъ заводѣ, въ улицѣ Раппа. Дѣйствіе взрыва было чувствительно на близкихъ и даже дальнихъ улицахъ, гдѣ лопнули всѣ стекла. Причиною несчастія, оставшеюся неизвѣстною, была, вѣроятно, какая-нибудь случайность, производящая гибельныя послѣдствія въ мѣстахъ, гдѣ фабрикуютъ взрывчатыя вещества; но офиціальная газета комуны обвиняла въ этомъ „версальское правительство, запятнавшее себя новымъ преступленіемъ, самымъ ужаснымъ и самымъ низкимъ. Агенты его подожгли заводъ и произвели страшный взрывъ. Считаютъ болѣе ста жертвъ (ихъ не было и половины). Женщины и грудной ребенокъ были разорваны въ куски. Четверо виновныхъ захвачены 27-го флореаля LXXIX“. Наканунѣ этого дня совершилось разрушеніе Вандомской колонны. Это былъ послѣдній праздникъ комуны. Давно уже возвѣстивъ это разрушеніе, комуна медлила приведеніемъ его въ исполненіе, но нѣкоторые члены ея энергически

потребовали привести въ исполненіе постановленіе и въ газетѣ комуны явилась статья, представлявшая это разрушеніе, какъ „разрывъ съ милитаризмомъ, съ этимъ кровавымъ отрицаніемъ всѣхъ правъ человѣка". Бонапарте представлялся въ этой статьѣ человѣкомъ, „принесшимъ мильоны дѣтей народа въ жертву своей жажды властвовать. Сынъ революціи, онъ окружилъ себя привилегіями и комическими атрибутами королевства; онъ хотѣлъ заклепать въ ошейникъ рабства всѣ народы, чтобы царствовать одному въ своемъ тщеславіи, посреди всеобщей низости". За этими напыщенными фразами слѣдовало подтвержденіе, что начавъ съ клятвопреступленія и убійства, имперія оставила послѣ себя однѣ развалины, долгое нравственное униженіе и уменьшеніе Франціи, не говоря уже о второмъ декабря и Седанѣ. Поэтому-то комуна считала справедливымъ — разрушить колонну. „Пусть міръ будетъ увѣренъ (говорила въ заключеніе офиціальная газета), колонны, которыя будетъ воздвигать комуна, не станутъ прославлять разбойниковъ исторіи, а увѣковѣчать воспоминаніе о славныхъ побѣдахъ въ области наукъ труда и и свободы".

Утромъ, въ праздникъ разрушенія, члены комуны отправились къ колоннѣ по улицѣ Мира съ музыкою, игравшею марсельезу и „Chant du départ". Все вокругъ было убрано красными знаменами; въ окнахъ множество народа; на балконахъ министерства юстиціи стояли чиновники въ красныхъ шарфахъ и между ними дряхлый Гле-Бизуенъ, снявшій шляпу при паденіи памятника. Барабанный бой, музыка, крики производили страшный шумъ. Къ вершинѣ колоны были привязаны канаты, за которые внизу тянули посредствомъ блоковъ. Мостовая во всю длину улицы Мира была устлана густымъ слоемъ соломы, на которую упала колонна, разбивъ свои барельефы. При паденіи у статуи Наполеона отлетѣла голова и рука со статуею побѣды. Толпа, бросившаяся на свою добычу, простерла ненависть къ деспотизму до того, что сбиралась растащить куски разбившейся бронзы, и надо было поставить часовыхъ, чтобы усмирить рвеніе народа. Генералъ Вержеръ доставилъ себѣ удовольствіе попирать ногами статую и произнесъ надутую рѣчь, имѣвшую очень мало смысла. Говорили также спичи гражданинъ Ранвье отъ имени комитета общественной безопасности и гражданинъ Міо. Послѣдній окончилъ свою алокуцію слѣдующею фразою: „до сихъ поръ гнѣвъ нашъ обрушивался только на вещественные предметы, но близокъ день, когда возмездіе будетъ ужасно и падетъ на эту низкую реакцію, стремящуюся насъ подавить". Феликсъ Піа писалъ въ своей газетѣ „Le Vengeur".

„Наконецъ уничтожатъ эту колонну, этотъ смѣшной и чудовищный трофей, воздвигнутый по приказанію слѣпого деспота, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе своихъ безумныхъ побѣдъ, своей преступной славы. Монументъ, лишенный всякаго артистическаго значенія,

плохая копія Траяновой колонны, — искуство ничего не потеряетъ отъ его разрушенія, а здравый смыслъ и патріотизмъ выиграютъ, потому что не хорошо оставлять на глазахъ невѣждъ и простаковъ глупое восхваленіе проклятаго прошлаго. Я никогда не могъ видѣть эту колонну безъ того, чтобы сердце у меня не забилось отъ негодованія и отвращенія". Сочинили также простонародную пѣсню съ каламбуромъ на разрушеніе колонны. Вотъ ея начало и конецъ:

„Muni de son protocole,
Courbet va trouver Rigaut,
Ce procureur des plus chauds
Lui dit: faut que Protot colle
Cette affiche-la, sans quoi
Ça ne serait pas une loi.
. . . .
Et voila comme en tirant
On peut abattre un tyran.

Комуна не думала ограничиться разрушеніемъ одной колонны. Опредѣливъ уничтожить искупительную часовню, сбирались выбросить прахъ Наполеона, сломать тріумфальную арку Звѣзды, грозили даже воротамъ Сен-Дени и Сен-Мартепа. Привести въ исполненіе эти планы не удалось, потому что скоро наступилъ конецъ существованія самой комуны. На Тьера и версальское правительство паденіе колонны не произвело особенно тяжелаго впечатлѣнія. Представители народа воздерживались выразить свое негодованіе изъ боязни, чтобы ихъ не приняли за приверженцевъ имперіи. Упреки больше всего сыпались на Курбе, хотя живописецъ-реалистъ требовалъ уничтоженія памятника съ артистической, а не съ политической точки зрѣнія. Историки послѣдняго времени до того унижали имперію и ея военную славу, что паденіе колонны было естественнымъ слѣдствіемъ ихъ діатрибъ.

Засѣданіе національнаго собранія 17-го мая было посвящено преніямъ о проектѣ реорганизаціи арміи. Ланглуа и генералъ Дюкро препирались о томъ, можно ли назвать пушки—ultima ratio народовъ и правительствъ. И эти споры происходили въ то время, когда въ палату приносился отдаленный пушечный гулъ междоусобной борьбы! О колоннѣ никто и не заикнулся въ это засѣданіе, гдѣ Жюль Греви былъ снова избранъ президентомъ палаты и благодарилъ своихъ „дорогихъ товарищей за новое доказательство довѣрія и уваженія, какими они почтили его". Глубоко тронутый этимъ, онъ, конечно, обѣщалъ „употребить всѣ усилія, чтобы остаться безпристрастнымъ руководителемъ ихъ трудовъ и хранителемъ ихъ прерогативъ". Только на другой день, во время преній объ утвержденіи собраніемъ мира, подписаннаго во Франкфуртѣ, Тьеръ упомянулъ о паденіи колонны, „разрушенной негодяями и преступниками". Но въ тоже время честолюбивый старикъ, всю жизнь только думавшій о самомъ себѣ,

вздумалъ сопоставить это покушеніе съ другимъ, „къ счастью не совершившимся"—съ попыткою запретить и уничтожить его „Исторію консульства и имперіи". Незачѣмъ распространяться, до чего неумѣстно было подобное сопоставленіе, особенно, если вспомнить, что попытка уничтожить книгу Тьера никому не приходила въ голову и неизвѣстно, откуда онъ взялъ это извѣстіе. Только маршалъ Мак-Магонъ, въ приказѣ по арміи, выразился вполнѣ прилично, сказавъ: „Солдаты, если воспоминанія, возбуждаемыя въ насъ колонною, не будутъ вырѣзаны на мѣди, они останутся все-таки живы въ нашихъ сердцахъ и, одушевленные ими, мы дадимъ Франціи новыя доказательства нашей преданности, храбрости и нашего патріотизма".

Совершенно иначе Тьеръ принялъ извѣстіе о разрушеніи своего дома. Онъ упорно отказывался вѣрить, чтобы комуна рѣшилась совершить это покушеніе. Когда Тронсен-Дюмерсанъ привезъ въ Версаль эту новость, онъ отправился сначала къ госпожѣ Тьеръ и, послѣ криковъ отчаянія и гнѣва, она стала совѣщаться съ дѣвицею Донъ, кàкъ сообщить это президенту. Послали за его секретаремъ. Бартелеми Сент-Илеръ былъ убѣжденъ, что Тьеръ не перенесетъ этого несчастія. Дамы были того же мнѣнія и никто изъ нихъ не рѣшался нанести ужасный ударъ, сообщивъ это извѣстіе. Тронсенъ рѣшился, наконецъ, пожертвовать собою, съ условіемъ, что г-жа Тьеръ будетъ присутствовать при разговорѣ. Они вошли въ кабинетъ главы государства. Тьеръ ходилъ по комнатѣ въ нетерпѣніи и на фразу Тронсена, что онъ долженъ сообщить печальную новость, прервалъ его отрывистымъ вопросомъ:—въ чемъ дѣло?

— Дѣло идетъ о вашемъ домѣ, отвѣчалъ Тронсенъ.

— Что же они хотятъ сдѣлать съ моимъ домомъ? спросилъ взволнованный президентъ.

— Они не только хотятъ, но уже сдѣлали, продолжалъ Тронсенъ и разсказалъ подробно о томъ, чтò случилось, показавъ ему парижскія газеты. Тьеръ поблѣднѣлъ, сѣлъ въ кресло, пробѣжалъ газету, скомкалъ ее, закрылъ лицо руками и началъ рыдать. Госпожа Тьеръ стала его утѣшать. Онъ не слыхалъ ее, но послѣ нѣсколькихъ минутъ ребяческаго рыданія пришелъ въ себя и, вѣроятно, понявъ, что это происшествіе придастъ ему еще болѣе популярности, сказалъ:

— Отечество стòитъ этой жертвы!

Эту сцену описываетъ Леонсъ Дюпонъ въ своихъ запискахъ и прибавляетъ, что еще долго потомъ Тьеръ заботился больше о своихъ драгоцѣнностяхъ, чѣмъ о кровопролитныхъ схваткахъ на Аньерскомъ мосту, или о жителяхъ Нёльи, засыпаемыхъ версальскими бомбами. Давая порученія въ Парижъ тому же Тронсену, Тьеръ поручилъ ему узнать, чтò хочетъ сдѣлать комуна съ канонерскими лодками на Сенѣ и куда дѣвался изъ его колекцій маленькій фламандскій ящичекъ, сколько солдатъ у воротъ Мальо и гдѣ эмальированный баулъ XVI-го столѣтія? Тронсену удалось, дѣйствительно, возвратить Тьеру

много мелкихъ вещицъ, припрятанныхъ гвардейцами, при разрушеніи дома. Впослѣдствіи число этихъ драгоцѣнныхъ предметовъ увеличилось до того, что Тьеръ помѣстилъ ихъ въ отдѣльную комнату за своимъ кабинетомъ, куда часто удалялся — созерцать и перебирать свою колекцію и куда не смѣлъ входить никто, не исключая Бартелеми Сент-Илера, даже если надо было доложить главѣ исполнительной власти о чемъ нибудь важномъ. Въ такихъ случаяхъ секретарь дожидался возвращенія Тьера изъ его музея. Страсть стараго президента къ этимъ дорогимъ игрушкамъ была непонятна, и Рошфоръ не даромъ замѣчалъ въ своей газетѣ, что если Тьеръ „не бомбардируетъ площади Сен-Жоржа, то, конечно, изъ величія духа, а не изъ спекуляціи".

На другой же день послѣ декрета комуны, два роялиста предложили палатѣ—воздвигнуть снова домъ Тьера на счетъ государства, и палата вотировала это, вмѣстѣ съ предложеніемъ—произвести публичныя молебствія, чтобы призвать милосердіе божіе на бѣдствія Франціи. Какъ же послѣ этого было Тьеру не считать себя избранникомъ, любимцомъ націи! Вѣдь вздумалъ же въ эту, дѣйствительно бѣдственную эпоху, графъ Шамборъ публиковать о своей готовности явиться на призывъ Франціи. Въ своемъ манифестѣ онъ даже прямо говорилъ: „вѣрьте, я буду избранъ не только потому, что я право, но потому что я порядокъ, потому что я—реформа!" Этотъ разслабленный подагрикъ увѣрялъ, что „въ его рукахъ — старая шпага Франціи, а въ его груди—сердце короля и отца" и что онъ принесетъ съ собой „диктатуру только одного милосердія", потому что „въ его рукахъ и только въ его рукахъ милосердіе будетъ справедливостью". Эти надутыя фразы не обратили, однако, на претендента вниманія страны. Палата еще не смѣла явно высказывать своихъ легитимистскихъ тенденцій. Она еще дорожила Тьеромъ и надѣялась, что онъ сдержитъ обѣщаніе, данное нѣкоторымъ роялистамъ при избраніи его Бордо главою исполнительной власти — возстановить, когда придетъ удобное время, монархію. Настоящее время было однако же, по сознанію самихъ монархистовъ, далеко не удобно. Надо было утвердить миръ, подписанный Тьеромъ во Франкфуртѣ. Засѣданіе собранія въ этотъ день представляло неутѣшительное зрѣлище. Одни ораторы оплакивали печальную необходимость перенести такое униженіе и обвиняли въ этомъ имперію, объявившую войну, республику 4-го сентября, революцію 18-го марта; роялисты вспоминали, что реставрація доставила даже выгоды Франціи; военные возставали противъ уступки огромной територіи непріятелю; Тьеръ настаивалъ на томъ, что сохраненіе Бельфора обезпечиваетъ обладаніе долиною Вогезскихъ горъ, и что ему стоило огромныхъ трудовъ это сохраненіе, на которое Германія никакъ не хотѣла согласиться. Онъ увѣрялъ, что подписаніе мирнаго трактата составляетъ величайшую скорбь въ его жизни, но почему-то прибавилъ, что скорбь эта должна была бы

меньше чѣмъ кому либо — выпасть на его долю. 440 голосовъ изъ 538-ми депутатовъ утвердили франкфуртскій миръ.

Что же въ это время дѣлала комуна? Потерявъ въ послѣдніе дни до 3.000 плѣнныхъ и 150 пушекъ въ ежедневныхъ стычкахъ, она увидѣла, что траншеи версальцевъ были уже въ 200 метрахъ отъ городскихъ стѣнъ. И въ это-то время, потерявъ 22 члена, подавшихъ въ отставку, заперевъ шестерыхъ въ тюрьму, перемѣнивъ втеченіе недѣли трехъ делегатовъ, завѣдующихъ военными дѣйствіями: Росселя, Клюзере и Делеклюза, комуна дала въ Тюльери большой балъ и концертъ, на которомъ офицеры въ галунахъ и красныхъ шарфахъ танцовали всю ночь съ нечопорными гражданками. Во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ были ежедневные пиры и оргіи. Въ Палероялѣ и на маленькихъ театрахъ давали „Утку о трехъ клювахъ“ и „Старость Бридиди“. Многіе изъ членовъ комуны не стѣснялись вести далеко не примѣрную жизнь. Рауль Риго, Бильоре, Паскаль Груссе открыто являлись въ публику со своими возлюбленными, актрисами мелкихъ театровъ. Болѣе откровенные изъ нихъ отзывались о комунѣ самымъ нелестнымъ образомъ. Жюль Валлесъ, даровитый журналистъ, писалъ своему другу: „Рауль Риго обвиняетъ меня въ несочувствіи къ комунѣ. Приходится сжечь половину Парижа, чтобы не быть подозрительнымъ другой половинѣ. Какое занятіе! Есть отъчего помѣшаться. Сеансы комуны днемъ, сеансы ночью — и для чего? Чтобы слушать восхаленія Бабефа или Анахарсиса Клотца. Версальская армія съ каждымъ часомъ отнимаетъ у насъ клочекъ земли и надежду, а насъ созываютъ сегодня, чтобы обсуждать предложеніе Курбе, угрожающаго подать въ отставку, если декретомъ не отмѣнятъ Бога. И что имъ мѣшаетъ этотъ Богъ!.. Ты спрашиваешь, чѣмъ это кончится? Очень просто: Клюзере или кто нибудь другой продастъ версальцамъ доступъ въ одни изъ воротъ и, въ одно прекрасное утро, насъ захватятъ въ нашихъ постеляхъ. Прекрасный букетъ составятъ изъ насъ для Кайенны! Я, лично, принялъ противъ этого сюрприза нѣкоторыя мѣры и надѣюсь вӧ-время удрать въ Бельгію“.

И онъ сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ, хотя газеты того времени утверждали, что принадлежа къ числу послѣднихъ бойцовъ комуны, онъ сражался на барикадахъ XI-го округа, потомъ скрылся, но 25-е мая былъ захваченъ и, вмѣстѣ съ Ферре, разстрѣлянъ на площади Шателе. Теперь обнаружилось, что разстрѣляли вовсе не ихъ, а только похожихъ на нихъ и, можетъ быть, даже совершенно невинныхъ людей. Въ то время, при нецеремонныхъ казняхъ, безъ суда и разслѣдованія, подобныя „печальныя ошибки“ случались очень часто. Валлесъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей комуны. Сынъ професора, онъ получилъ солидное образованіе, и готовился самъ быть професоромъ, но прибывъ въ Парижъ, увлекся жаждою дѣятельности и велъ жизнь, полную приключеній и опасностей. Семнадцати лѣтъ онъ вступилъ

въ заговоръ, имѣвшій цѣлью похитить и увезти Луи-Наполеона. Заговоръ конечно не удался, и Валлесъ, просидѣвъ нѣсколько времени въ Мазасѣ, былъ выпущенъ безъ суда. Онъ былъ одно время секретаремъ Густава Планша, и написалъ его біографію въ пристрастномъ тонѣ. Въ 1856 году онъ издалъ первое свое произведеніе „Деньги", грубый гимнъ золоту, выражавшій страсть къ пріобрѣтенію, жажду богатства и матерьяльныхъ наслажденій. Несмотря на эфектную внѣшность книги въ желто-золотой оберткѣ съ посеребреной гравюрою, изображавшею монету въ пять франковъ, книга не имѣла успѣха, хотя была олицетвореніемъ литературы имперіи. Но этотъ трудъ открылъ автору дорогу въ сотрудники „Фигаро". Валлесъ былъ сдѣланъ биржевымъ хроникеромъ. Это было очень скромное мѣсто въ газетѣ, не обладавшей тогда большими средствами и выходившей два раза въ недѣлю. Поселившись въ Латинскомъ кварталѣ, онъ началъ вести жизнь литературнаго цыгана и, чтобы не голодать, сталъ писать драмы, романы, стихотворенія, обнаруживавшіе дѣйствительное, оригинальное дарованіе, хотя и испорченное афектаціей и парадоксами. Въ 1860 году явилась въ „Фигаро" его статья „Воскресенье молодого бѣдняка", обратившая на него вниманіе публики. Его пригласили участвовать въ другихъ газетахъ и, несмотря на свою лѣность, онъ сталъ писать въ „Presse", „Liberté", „Epoque", „Revue européenne". Статьи эти, собранныя въ 1866 году въ одну книгу подъ названіемъ „Les refractaires", произвели впечатлѣніе. Подрядившись писать ежедневную хронику въ газетѣ „Evênement" за полторы тысячи франковъ въ мѣсяцъ, онъ сталъ нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ парадоксахъ и сдѣлался исторіографомъ уличныхъ акробатовъ, силачей, клоуновъ, волтижерокъ, парижскихъ бродягъ. Изъ этихъ очерковъ онъ составилъ книгу „Улица", въ которой кромѣ того помѣщены его „Воспоминанія"—картины деревенской жизни. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Валлесъ стремился къ эксцентричнымъ явленіямъ жизни, ко всему что бьетъ на эфектъ, стремится выказаться, отличиться передъ другими. Хотя онъ участвовалъ во многихъ попыткахъ сопротивленія императорскому правительству, но руководимый такимъ проходимцемъ какъ Вильмессанъ, редакторъ „Фигаро" осмѣивалъ въ его газетѣ людей съ характеромъ, республиканцевъ, оставшихся вѣрными своимъ убѣжденіямъ и называлъ ихъ „революціонными пономарями". Потерявъ мѣсто въ газетѣ „Evénement", онъ въ 1867 году основалъ свою газету подъ названіемъ „La Rue", отличавшуюся грубымъ реализмомъ, парадоксами и эксцентричностью. Газету запретили черезъ полгода. Валлесъ опять сдѣлался бѣднякомъ и сталъ работать въ „Фигаро". Онъ замѣтно опустился—и его упрекали даже въ томъ, что онъ получалъ субсидію отъ правительства. Во всякомъ случаѣ ему дали средства въ 1869 году основать новую газету „Le peuple", въ которой онъ выставилъ себя кандидатомъ въ депутаты, чтобы помѣшать выборамъ Жюля Симона. Помѣшать из-

бранію этого серьезнаго противника цезаризма было въ цѣляхъ правительства, а Валлесъ, назвавшій себя „кандидатомъ бѣдняковъ“, былъ не опасенъ для имперіи, особенно въ виду его привычки пускаться въ эксцентричности и доводить парадоксы до абсурда. Всего вѣроятнѣе, что Валлесъ былъ въ этомъ случаѣ сильнымъ орудіемъ тонкой интриги, но вся эта исторія произвела тяжелое впечатлѣніе, хотя онъ и провалился, конечно, на выборахъ. Послѣ пораженій при Рейхсгофенѣ и Форбахѣ, онъ такъ враждебно отнесся къ правительству, что его заперли въ Мазасъ. Освобожденный 4-го октября, онъ вступилъ въ члены интернаціонали, игралъ выдающуюся роль во всѣхъ волненіяхъ эпохи осады Парижа. 31-го октября 1870 г., какъ начальникъ батальона національной гвардіи, участвовалъ въ возстаніи противъ правительства народной обороны. Послѣ капитуляціи Парижа, онъ началъ издавать газету „Крикъ народа“, въ которой высказалъ мысль, что Парижъ долженъ быть вольнымъ городомъ. Газета была запрещена генераломъ Винуа, но появилась послѣ 18-го марта. Выбранный въ члены комуны, онъ сталъ проповѣдывать умѣренность и примиреніе „чердаковъ и бельэтажей“. Но, послѣ первыхъ же схватокъ съ версальцами, снова началъ совѣтовать въ своей газетѣ— защищаться до крайности съ энергіею отчаянія. Въ его „Cri du peuple“ явилась впервые угроза—скорѣе взорвать и сжечь Парижъ, чѣмъ отдать его врагамъ. Не принадлежа къ правителямъ комуны, онъ успѣлъ скрыться въ Лондонъ, послѣ ея паденія, получилъ наслѣдство въ 50.000 франковъ отъ одного изъ своихъ почитателей и поселился въ Женевѣ, откуда продолжалъ писать анонимно въ разныя газеты. Приговоренный къ смерти въ 1872 году, онъ, послѣ амнистіи 1880 года, появился въ Парижѣ, издалъ романъ „Жакъ Вентрасъ“. Теперь ему 50-й годъ, и въ немъ трудно признать рьянаго комунара. Годы и опытность взяли свое. Месть и казни только озлобляютъ людей. Если бы версальцы не такъ усердно разстрѣливали и ссылали въ Нукагиву послѣ своей побѣды, много семействъ не осиротѣло бы и не сдѣлалось врагами общества и правительства.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).





ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

„Préussen in Bundesrathe, von Poschinger". Leipzig, 1882. (Пруссія въ совѣтѣ германскаго союза, Пошингера, Лейпцигъ, 1882).


А ДНЯХЪ вышелъ третій томъ *), составляющій окончаніе труда Пошингера, сборника дипломатическихъ документовъ Пруссіи съ мая 1856-го года по мартъ 1859-го года, когда Бисмаркъ сдалъ постъ представителя Пруссіи при германскомъ союзѣ во Франкфуртѣ-на Майнѣ г. Узедому и получилъ назначеніе быть прусскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Третій томъ г. Пошингера составляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ XV-й томъ изданія г. Зибеля „Обнародованія изъ прусскаго государственнаго архива" (Publicationen aus dem Preussischen Staatsarchive). Въ этомъ третьемъ томѣ, который оказывается объемистѣе двухъ первыхъ, содержатся дипломатическія донесенія Бисмарка къ своему правительству по вопросу объ освожденіи невшательцевъ, оставшихся вѣрными Пруссіи и взятыхъ въ плѣнъ швейцарскимъ правительствомъ, о гольстино-лауэнбургской конституціи, о предложеніи барона Бейста (тогдашняго главнаго министра) касательно перемѣнъ въ конституціи германскаго союза, о сооруженіи и гарнизонахъ союзныхъ нѣмецкихъ крѣпостей. Всѣ эти вопросы дали случай Бисмарку вновь выказать свою дипломатическую прозорливость и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ взаимныя отношенія Австріи и Пруссіи, а равно второстепенныхъ и третьестепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Поэтому для исторіи, равно какъ и для дипломатіи, третій томъ Пошингера доставилъ богатый матеріалъ для изученія. Для полной біографіи Бисмарка, какъ государственнаго дѣятеля и дипломата, въ этомъ томѣ можно найти много новыхъ данныхъ и интересныхъ подробностей.

---

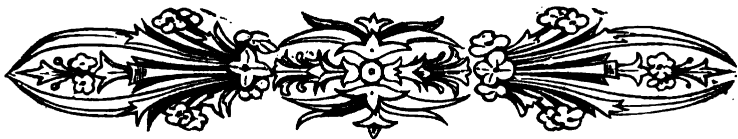
*) См. „Историческій Вѣстникъ", т. IX стр., 403, ст. „Первые дебюты Бисмарка".

Въ одномъ изъ своихъ частныхъ сообщеній министру иностранныхъ дѣлъ, барону Мантейфелю, именно отъ 2-го (14-го) марта 1858-го года, Бисмаркъ, говоря о взаимныхъ отношеніяхъ Австріи и Пруссіи въ составѣ германскаго союза, мѣтко и рѣзко характеризуетъ политику габсбургской монархіи. „Изумительно, пишетъ Бисмаркъ, какого успѣха достигаетъ Австрія своею системою преслѣдованія каждаго государственнаго дипломата, который не подчиняется ей, который защищаетъ и интересы своего государства (на германскомъ сеймѣ) противъ воли вѣнскаго кабинета, до того, что онъ, изъ страха или отъ утомленія въ сопротивленіи, подчиняется политикѣ Австріи; если Австрія не въ состояніи удалить непріятнаго ей посланника вліяніемъ на министра иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго онъ зависитъ, то она направляетъ весь свой осадный паркъ противъ самого министра, соединяется со всякаго рода оппозиціею противъ него, особенно съ ультрамонтанами, завязываетъ связи съ его соперниками при дворѣ и даже не брезгаетъ заподозрить его путемъ семейной переписки между особами царствующихъ династій. Въ небольшихъ государствахъ это средство оказывается дѣйствительнымъ; этимъ способомъ многіе были укрощены. Подобная игра сильно облегчается вѣнскому кабинету личными отношеніями и неоффиціальными агентами. Въ его распоряженіи состоятъ вся милиція іезуитовъ, ультрамонтанское духовенство, а въ южной Германіи нѣтъ ни одного значительнаго человѣка на государственной или придворной службѣ, котораго сынъ, братъ или другъ—какой нибудь родственникъ, не находился бы на службѣ въ Австріи, такъ что чрезъ послѣдняго для него является возможность имѣть сношенія съ первымъ, или влiять на него. Вамъ (барону Мантейфелю) извѣстно, какимъ образомъ каждый офицеръ или чиновникъ въ Австріи въ надлежащемъ случаѣ привлекается къ цѣлямъ общей ея политики и какія значительныя суммы раздаются за-границею Австріею изъ ея секретныхъ суммъ“. Представивъ примѣры въ подтвержденіе своихъ словъ, Бисмаркъ пишетъ, что „его семилѣтняя служебная дѣятельность во Франкфуртѣ-на-Майнѣ представляетъ непрерывную борьбу противъ всякаго рода захватовъ, противъ неустанныхъ попытокъ эксплоатаціи союза въ качествѣ орудія для возвышенія Австріи и для умаленія Пруссіи. Австрія никогда не представляетъ намъ инаго выбора между безусловнымъ подчиненіемъ ея волѣ и сопротивленіемъ съ употребленіемъ всѣхъ средствъ для борьбы. Если мы не уступаемъ, то она возбуждаетъ жалобы при нѣмецкихъ дворахъ и въ печати на нарушаемое нами единство въ Германіи“. Въ заключеніе своего длиннаго письма о политикѣ Австріи въ Германіи и Франкфуртѣ-на-Майнѣ Бисмаркъ даетъ слѣдующія совѣты для успѣха въ дальнѣйшей борьбѣ Пруссіи съ вѣнскимъ кабинетомъ. „Если мы желаемъ сохранить сносныя отношенія съ Австріею и большинствомъ германскаго союза,

то единственнымъ для того средствомъ оказывается серьезное отклоненіе всякаго несправедливаго требованія; если же мы уступимъ, то всякая уступка будетъ матерью новыхъ притязаній до тѣхъ поръ, пока насъ въ такой степени не притиснутъ къ стѣнѣ, что, въ неблагопріятный часъ, для насъ, можетъ быть, не останется другаго выбора, кромѣ кореннаго разрыва или полнаго подчиненія рѣшеніямъ большинства, проводимымъ Австріею въ германскомъ сеймѣ. Мы должны принудить Австрію къ такой политикѣ, которая сдѣлаетъ возможнымъ единство безъ нарушенія нашего достоинства и независимости. Много тому можетъ содѣйствовать назначеніе посланникомъ нашимъ въ Вѣну лица съ рѣшительною окраскою и твердаго характера. Еще большее будетъ произведено впечатлѣніе, если мы дозволимъ у насъ печати, а въ палатахъ дадимъ случай, свободнѣе высказываться о политикѣ Германіи и объ отношеніи къ ней Пруссіи, если бы даже намъ самимъ, т. е. правительству, и не понравились бы всѣ интонаціи, которыя будутъ при томъ пущены въ ходъ. Какое вниманіе возбуждено было въ Германіи умѣренными затрогиваніями гольстинскаго вопроса и вопроса о реформѣ германскаго союза, сдѣланными въ маленькихъ саксонскихъ палатахъ. Если мы переносимъ неудобства, причиняемыя палатами во внутренней политикѣ, то мы должны при случаѣ пользоваться ими для нашего внѣшняго положенія и устроить изъ изъ нихъ отпоръ антипрусскимъ махинаціямъ на сеймѣ". Этими совѣтами Бисмарка прусское правительство воспользовалось вполнѣ впослѣдствіи.

Изъ нынѣ обнародованныхъ документовъ оказывается, что Бисмаркъ около пятнадцати лѣтъ велъ борьбу противъ Австріи, посягавшей на достоинство и значеніе Пруссіи въ Германіи, первоначально въ качествѣ посланника, а потомъ министра (съ 1862 года), пока не достигъ своей цѣли въ войну 1866 года. Бисмаркъ пользовался услугами своихъ сосѣдей въ различныя войны, начатыя Пруссіею съ 1864 года, постепенно замѣняя ихъ одного другимъ. Въ войну съ Даніею въ 1864 году Пруссіи помогала оружіемъ Австрія, въ войну съ послѣднею, въ 1866 г., нейтралитетомъ Франція и Россія, въ войну съ Франціей въ 1870 году Россія, удержавшая Австрію отъ помощи Франціи. Въ прусскомъ государственномъ архивѣ хранятся и донесенія Бисмарка во время пребыванія его посланникомъ въ Петербургѣ съ такими же, можетъ быть, откровенными изліяніями его о Россіи, какія нынѣ онъ дозволилъ обнародовать относительно Австріи. Было бы очень любопытно прочитать ихъ, но можно сомнѣваться, чтобы они появились въ свѣтъ въ скоромъ времени. Ихъ обнародованіе могло бы ослабить положеніе Германіи въ отношеніи къ Россіи, между тѣмъ какъ Австріи, опирающейся нынѣ на помощь Германіи, нечего опасаться ея канцлеру, разрѣшившему, вслѣдствіе того, изданіе труда г. Пошингера.

П. У.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

„Исторія россійской академіи". М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой. Спб. 1882.

ЕСТОЙ выпускъ обширной „Исторіи россійской академіи", предпринятой М. И. Сухомлиновымъ, заключаетъ въ себѣ очеркъ жизни и литературной дѣятельности Осипа Петровича Козодавлева.

Питомецъ лейпцигскаго университета, куда онъ былъ посланъ одновременно съ извѣстнымъ Радищевымъ по распоряженію императрицы Екатерины, Козодавлевъ впослѣдствіи не занималъ виднаго мѣста въ числѣ писателей своего времени, но онъ прошелъ блестящій путь на поприщѣ государственной службы, былъ при императорѣ Александрѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ и умеръ, въ 1819 году, въ званіи члена государственнаго совѣта. По самому положенію своему онъ принималъ участіе во многихъ важныхъ дѣйствіяхъ правительства, особенно въ александровскій періодъ. Поэтому для изложенія его біографіи г. Сухомлиновъ имѣлъ возможность найти довольно богатые матеріалы въ разныхъ архивахъ, и біографія эта, подъ перомъ почтеннаго академика, представляетъ много любопытныхъ данныхъ изъ исторіи екатерининскаго и александровскаго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать, что, изображая дѣятельность Козодавлева, г. Сухомлиновъ нѣсколько увлекся его личностью и, какъ намъ кажется, преувеличилъ ея значеніе въ кругу общественнаго развитія начала нынѣшняго вѣка.

Г. Сухомлиновъ высказывается безусловнымъ почитателемъ Козодавлева. И дѣйствительно, онъ былъ человѣкъ весьма добрый, способный и образованный; просвѣщенный взглядъ на вещи обнаруживается во всѣхъ его начинаніяхъ, во всей его общественной дѣятельности. Но обладалъ ли Козодавлевъ дарованіями истиннаго государственнаго человѣка, былъ ли онъ самостоятельный и энергическій дѣятель на томъ посту, который онъ занималъ, и насколько серьезно понималъ онъ задачи своей высокой административной роли, этого—признаемся—мы не видимъ изъ біографіи, написанной г. Сухомлиновымъ. Козодавлевъ сочинялъ хорошіе проекты, поощрялъ русскую промышленность, хлопоталъ за невинноосужденныхъ, но на практикѣ въ дѣлахъ го-

сударственной важности, очевидно, оказывался не на высотѣ своего положенія. Въ капитальнѣйшемъ вопросѣ нашего стараго общественнаго строя, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, Козодавлевъ былъ „либераломъ“, пока дѣло касалось русскихъ помѣщиковъ и русскихъ крестьянъ, или, проще говоря, слѣдовалъ тому пути, который былъ предначертанъ свыше знаменитымъ указомъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, — но тотъ же Козодавлевъ обнаружилъ весьма мало проницательности, когда ему пришлось участвовать въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ нашей прибалтійской окраинѣ. „Самымъ печальнымъ эпизодомъ въ исторіи крестьянскаго дѣла во времена Козодавлева—принужденъ сознаться и г. Сухомлиновъ, — служатъ положенія, составленныя остзейскими помѣщиками для остзейскихъ крестьянъ. Злую шутку сыграли остзейскіе дворяне и законники съ нашею администраціею: подъ видомъ улучшенія крестьянскаго быта, они улучшили свое собственное благосостояніе къ явному ущербу крестьянъ. Съ Козодавлевымъ повторилась старая исторія. Подобно тому, какъ вдохновляемый остзейскими баронами рьяный республиканецъ Лагарпъ предлагалъ освободить крестьянъ на такихъ началахъ, которыя въ дѣйствительности отняли бы у крестьянъ всякую свободу, такъ и Козодавлевъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, не далъ отпора замаскированнымъ посягательствомъ остзейцевъ на свободу и человѣческія права крестьянъ“.

Многіе современники Козодавлева и люди ближайшихъ къ нему поколѣній судили о немъ гораздо строже, чѣмъ нынѣшній его біографъ. Г. Сухомлиновъ разбираетъ эти отзывы и старается ихъ опровергнуть. Мы готовы согласиться съ нимъ, что въ сужденіи Державина сказывается „желчное негодованіе“, готовы признать, что и въ разсказахъ злорѣчиваго Вигеля много преувеличенія; но несовсѣмъ понимаемъ, почему въ отзывѣ Карамзина о Козодавлевѣ: „въ немъ много добраго, несмотря на то, что вошелъ въ пословицу не съ хорошей стороны“,—почему въ этомъ отзывѣ не хорошая сторона должна заключаться именно „въ либерализмѣ Козодавлева“, когда извѣстно, что Карамзинъ, подобно многимъ современникамъ, обвинялъ его главнымъ образомъ въ искательствѣ. Напомнимъ г. Сухомлинову еще одинъ отзывъ о Козодавлевѣ, не приведенный въ его книгѣ, отзывъ Пушкина: въ своей статьѣ о Радищевѣ, разсказывая о посылкѣ его и его товарищей въ лейпцигскій университетъ, Пушкинъ выражается объ этихъ молодыхъ людяхъ слѣдующимъ образомъ: „Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ, на чредѣ замѣтной, обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, другой прославился совсѣмъ иначе“. Данныя, собранныя въ біографіи Козодавлева, едва ли могутъ послужить къ опроверженію этого вѣскаго сужденія; они, конечно, свидѣтельствуютъ о добрыхъ намѣреніяхъ Козодавлева, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, что въ положеніи государственнаго человѣка Козодавлевъ дѣйствительно проявилъ только безсиліе и посредственность, былъ не болѣе какъ дилетантъ.

Мы выразили несогласіе съ г. Сухомлиновымъ во взглядѣ на то лицо, біографія котораго наполняетъ собою шестой выпускъ „Исторіи россійской академіи“, но повторяемъ, книга эта содержитъ въ себѣ много новаго и любопытнаго для нашей исторіи въ исходѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго.

По плану труда, задуманнаго въ широкихъ размѣрахъ и столь дѣятельно продолжаемаго, г. Сухомлинову предстоитъ разсказать жизнь и оцѣнить лите-

ратурную дѣятельность еще многихъ замѣчательныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу россійской академіи съ 1783 года до ея закрытія въ 1840 году. Пожелаемъ ему успѣха въ этомъ трудѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобы рядъ біографическихъ очерковъ онъ заключилъ обзоромъ жизни самой академіи, какъ учрежденія, которое такъ или иначе входило въ соприкосновеніе съ разными идеями и направленіями мысли, возникавшими и развивавшимися въ періодъ ея существованія. Такое повѣствованіе будетъ одною изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Л. Майковъ.

Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ и біографіею М. В. Ломоносова. С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 40 к.

Этотъ компактный томикъ сочиненій Ломоносова принадлежитъ къ числу изданій „Дешевой библіотеки“, предпринятой съ полезною цѣлію сдѣлать доступными по цѣнѣ массѣ читателей труды нашихъ лучшихъ писателей и поэтовъ. Такимъ образомъ изданы были „Горе отъ ума“, Грибоѣдова (съ его біографіей), цѣна 10 коп.; „Русскія пѣсни“ Мерзлякова и Цыганова, съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ, цѣна 10 к.; „Повѣсти Карамзина“, цѣна 20 к.; двѣ комедіи—„Бригадиръ“ и „Недоросль“ Фонъ-Визина, съ его біографіею и и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ, цѣна 15 к.; „Бурсакъ“, романъ Нарѣжнаго, цѣна 35 к. Успѣхъ этого предпріятія указываетъ, что въ подобномъ дешевомъ изданіи ощущалась у насъ потребность; „Горе отъ ума“ уже вышло пятымъ изданіемъ въ нынѣшнемъ году, разойдясь въ количествѣ 44.000 экземпляровъ, а „Повѣсти Карамзина“ и двѣ комедіи фонъ-Визина вышли уже въ прошедшемъ году третьимъ изданіемъ.

Выпущенныя нынѣ въ свѣтъ избранныя сочиненія Ломоносова не представляютъ одну перепечатку нѣкоторыхъ изъ нихъ, но дѣйствительно выбраны для изданія въ извѣстной системѣ, которая оставляетъ въ умѣ прочитавшаго ихъ полное понятіе о геніальности и обширныхъ знаніяхъ знаменитаго русскаго ученаго и поэта. Послѣ дѣльной біографіи Ломоносова съ нѣсколькими анекдотами изъ его жизни и съ стихотвореніями русскихъ поэтовъ, посвященными Ломоносову (Пушкина, А. Н. Майкова, Б. Н. Алмазова, Ѳедора Глинки, изъ которыхъ второе и третье были читаны въ столѣтній юбилей Ломоносова), помѣщены: оды духовныя; всѣ девятнадцать похвальныхъ одъ (изъ нихъ однѣ вполнѣ, другія въ извлеченіи), надписи, стихи императрицѣ Елисаветы 1755 г., разговоръ съ Анакреономъ, разныя стихотворенія, эпиграммы на Тредьяковскаго, басни, притчи, отрывки изъ Иліады, Энеиды и друг., изъ поэмы „Петръ Великій“, „Тамира и Селимъ“, трагедія въ пяти актахъ въ пересказѣ К. С. Аксакова, изъ письма о пользѣ стекла, письма къ И. И. Шувалову (девять), письма: къ неизвѣстному, къ графу Орлову, къ сестрѣ; изъ „Похвальнаго слова Петру Великому“; „Согласіе естествознанія съ религіею“; „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“; „Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“ (въ письмѣ къ Шувалову); изъ „Краткаго описанія разныхъ путешествій по сѣвернымъ морамъ и показанія возможнаго проходу сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ (этотъ трудъ Ломоносова хранили въ величайшей тайнѣ; его отыскали въ главномъ морскомъ архивѣ и издали въ 1847 году на средства гидрографическаго департамента морскаго министерства); наконецъ, изъ

„Древней россійской исторіи", глава восьмая, о разсмотрѣніи вѣръ и о крещеніи Владиміра.

Мы перечислили почти всѣ труды Ломоносова, вошедшіе въ составъ избранныхъ его сочиненій, чтобы показать, до какой полноты достигаетъ этотъ новый томъ „Дешевой Библіотеки". Ими охарактеризирована ученая, учебная, и литературная, вообще многосторонняя дѣятельность Ломоносова, бывшаго, по выраженію Екатерины Великой, „образцомъ русскаго ума", „красою русской учености". Но характеристика Ломоносова въ этомъ изданіи была бы еще полнѣе, если бы въ немъ было отведено болѣе мѣста его грамматикѣ русскаго языка (изданной имъ въ 1755 г.), которая принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ трудамъ этого ученаго, потому что положила начало самобытной русской народной рѣчи и послѣдующимъ грамматическимъ трудамъ Востокова, Греча и друг. По успѣху изданій „Дешевой Библіотеки", можно ожидать, что „Избранныя сочиненія Ломоносова" потребуютъ вскорѣ новаго изданія, въ которомъ, вѣроятно, не ограничатся нынѣшнимъ упоминаніемъ о его грамматикѣ только въ біографіи, но будетъ представлена надлежащая оцѣнка этого труда, съ указаніемъ на историко-сравнительный методъ, примѣненный имъ во многихъ случаяхъ къ русской рѣчи гораздо ранѣе знаменитыхъ европейскихъ филологовъ.

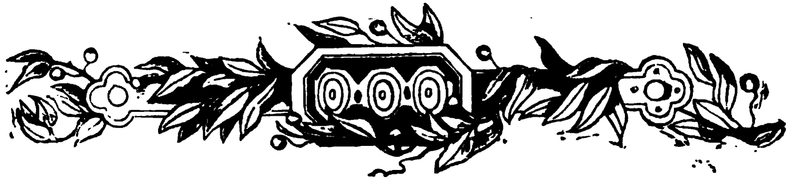
Въ заключеніе, можно пожелать, чтобы изданіе „Дешевой Библіотеки", по принятой въ ней системѣ, продолжалось съ нынѣшнимъ ея успѣхомъ и современемъ составило бы безусловную принадлежность каждаго учащагося русскому языку. Внимательное прочтеніе, напримѣръ, „Избранныхъ сочиненій Ломоносова" лучше ознакомитъ учащагося съ этимъ писателемъ, чѣмъ отрывочныя безъ системы выдержки изъ его твореній.

П. У.

Фабричный бытъ Германіи и Россіи. А. Погожева. Москва, 1882 г.

Самое заглавіе книги „Фабричный бытъ Германіи и Россіи" указываетъ на сходство этого быта въ обѣихъ странахъ. „Читая, говоритъ авторъ, отчеты германскихъ фабричныхъ инспекторовъ объ условіяхъ жизни фабричнаго люда въ Германіи, право, можно было бы иной разъ подумать, что рѣчь идетъ о нашихъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ: стоитъ лишь замѣнить нѣмецкія фамиліи русскими и нѣсколько усилить мрачный фонъ общей картины". Въ виду недавняго введенія въ Россіи фабричнаго инспектората, замѣчаетъ далѣе авторъ, можно полагать, что и этотъ скромный трудъ послужитъ до нѣкоторой степени къ большему уясненію вопроса, относительно котораго въ административныхъ и въ литературныхъ сферахъ существуетъ такъ много разнорѣчивыхъ взглядовъ и толкованій". Мы съ своей стороны скажемъ, что такая надежда автора вполнѣ основательна. Книга его, богатая фактами и талантливо изложенная, въ высшей степени интересна не только для спеціалиста, но и для публики. Распространеніе среди послѣдней сочиненія г. Погожева даже весьма желательно: дѣятельность германскихъ фабричныхъ инспекторовъ, дополненная изслѣдованіями 7—8 уѣздовъ Московской губерніи, представляетъ рядъ картинъ и научныхъ обобщеній о нашемъ собственномъ рабочемъ. Оглавленіе, которое г. Погожевъ сдѣлалъ при обзорѣ отчетовъ германской инспекціи, можетъ служить программой какъ вообще для изслѣдованія фабрично-заводской промышленности, такъ и для законодательства о ней.

А. Ф—въ.



СМѢСЬ.

Публичныя чтенія г. Миклухи-Маклая.

Н. Н. Миклуха-Маклай съ октября мѣсяца открылъ рядъ чтеній, по которымъ русская публика могла ознакомиться съ результатами его двѣнадцатилѣтнихъ странствованій по тропическимъ странамъ. Пребываніе въ Петербургѣ русскаго путешественника было для него рядомъ овацій. Учащаяся молодежь изъ нѣсколькихъ университетскихъ городовъ прислала ему поздравительные адресы. Теперь, когда улеглись чувства восторга, весьма понятнаго при первой встрѣчѣ молодого ученаго, по собственному почину предпринявшаго обширное путешествіе, умѣстно подвести итогъ результатамъ этого путешествія, насколько они изложены самимъ г. Миклухой-Маклаемъ. Но прежде всего нѣсколько свѣдѣній о личности этого ученаго.

Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай, окончивъ свое научное образованіе за границей, гдѣ получилъ степень доктора медицины, первое время своей ученой дѣятельности провелъ въ Іенѣ; посвятивъ себя преимущественно изученію сравнительной анатоміи и зоологіи, онъ состоялъ ассистентомъ одного изъ профессоровъ іенскаго университета. Не имѣя особенной склонности къ занятію каѳедры, которую емъ предлагали, г. Миклуха-Маклай рѣшилъ направить свои силы къ изученію на мѣстѣ тѣхъ зоологическихъ формъ, которыя для натуралистовъ Европы остаются мало извѣстными. Рѣшаясь, такимъ образомъ на довольно продолжительное путешествіе въ странахъ тропическихъ, г. Миклуха-Маклай предпринялъ, одну за другою, двѣ подготовительныя поѣздки. Первую изъ нихъ онъ совершилъ въ 1866—1867 годахъ, черезъ Францію и Португалію, на островъ Мадеру и на Канарскіе острова, гдѣ втеченіе цѣлой зимы занимался на берегу моря изслѣдованіемъ низшихъ животныхъ и возвратился въ Европу черезъ Марокко и Испанію. Вторая поѣздка его была направлена въ Египетъ и на берега Краснаго моря; здѣсь г. Миклуха-Маклай сдѣлалъ новыя наблюденія надъ низшими организмами и возвратился назадъ черезъ Малую Азію, Греческіе острова и Турцію. На возвратномъ пути изъ Турціи въ Іену, онъ посѣтилъ Петербургъ и могъ еще болѣе обогатить свои свѣдѣнія по части низшихъ организмовъ, принявъ на себя разработку коллекцій губокъ въ музеѣ академіи наукъ. Въ то же время было окончено и отпечано сочиненіе его о „губкахъ", доставившее ему вполнѣ заслуженную извѣстность.

Весь 1869 г. Миклуха-Маклай имѣлъ въ виду посвятить на разработку и изданіе собраннаго имъ матеріала, но, увлекшись проектомъ новаго большого путешествія, отложилъ это до болѣе благопріятнаго времени. Сознавая

невозможность выполнить свое предпріятіе безъ помощи, хотя бы нравственной, какого-нибудь ученаго учрежденія, г. Миклуха-Маклай, въ бытность свою въ Петербургѣ, обратился съ просьбою о поддержаніи его къ русскому географическому обществу и сообщилъ отдѣленію физической географіи проектъ его экспедиціи и планъ его зоологическо-анатомическихъ изслѣдованій, возбудившій живой интересъ во многихъ изъ спеціалистовъ. Къ сожалѣнію, проектъ г. Миклухи-Маклая не могъ найти себѣ полной поддержки со стороны общества въ виду разногласія его предположеній съ уставомъ и традиціями общества, которое, ограничивая кругъ своей дѣятельности географическимъ изслѣдованіемъ Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, не могло принять на себя полнаго снаряженія экспедиціи въ Тихій океанъ для анатомическаго изслѣдованія низшихъ зоологическихъ формъ. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ общества рѣшилъ оказать г. Миклухѣ-Маклаю посильное содѣйствіе: согласно ходатайству тогдашняго вице-предсѣдателя общества, графа Ѳ. П. Литке, Н. Н. Миклухѣ-Маклаю былъ высочайше разрѣшенъ безплатный проѣздъ на одномъ изъ военныхъ судовъ, отправлявшихся въ кругосвѣтное плаваніе; общество же испросило открытый листъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и снабдило его рекомендательными письмами. Наконецъ, общество нашло возможнымъ выдать ему и денежное пособіе, хотя въ размѣрахъ, не превышавшихъ 1.200 рублей, и при томъ условіи, чтобъ онъ распространилъ свои зоогеографическія изслѣдованія отъ морей тропическихъ до нашихъ поморій Японскаго и Охотскаго. Осенью 1870 г., Н. Н. Миклуха-Маклай оставилъ Россію и на военномъ клиперѣ „Витязь" совершилъ плаваніе кругомъ Капъ-Горна до береговъ Новой Гвинеи, пользуясь каждымъ удобнымъ ему представлявшимся случаемъ для производства научныхъ изысканій. Въ это время имъ былъ собранъ, между прочимъ, матерьялъ для изученія температуры океана на большихъ глубинахъ. Замѣтки эти помѣщены въ „Извѣстіяхъ географическаго общества" за 1871 годъ.

Высадившись на берегу Новой Гвинеи въ избранномъ имъ пунктѣ, въ заливѣ Астролябія, въ той части берега, которая, начиная отъ Гумбольдова залива до острововъ Луизіады, оставалась до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстною, одинъ, съ двумя своими слугами, г. Миклуха-Маклай поселился въ небольшой хижинѣ, построенной ему экипажемъ „Витязя", и провелъ въ этомъ дикомъ и негостепріимномъ мѣстѣ болѣе 14-ти мѣсяцевъ. Папуасы-туземцы Новой Гвинеи, встрѣтившіе путешественника съ недовѣріемъ и даже враждебностью, мало-по-малу привыкли къ нему, допустили познакомиться съ ихъ бытомъ домашнимъ, обычаями, разсказывали ему свои преданія и т. д. Сближеніе это позволило г. Миклухѣ-Маклаю собрать значительный матеріалъ для познанія этого первобытнаго народа.

Результаты изслѣдованій г. Миклухи-Маклая находятся въ его антропологическихъ коллекціяхъ и журналахъ, а нѣкоторое понятіе о нихъ даютъ пересланные имъ въ академію наукъ антропологическій очеркъ племени папуасовъ, переданный академику К. М. Беру, словарь языка папуасовъ, первый и единственный въ своемъ родѣ, переданный академику Бетлингу, и сводъ метеорологическихъ наблюденій на Новой Гвинеи, переданный академику Вильду. Судьба г. Миклухи-Маклая, добровольно поставившаго себя въ такія опасныя условія, какова жизнь среди дикихъ, сильно озабочивала географическое общество, въ виду чего, оно, съ одной стороны, обратилось къ французскому и англійскому географическимъ обществамъ съ просьбою ходатайствовать передъ ихъ правительствами о возможномъ, въ случаѣ надобности, содѣйствіи г. Миклухѣ-Маклаю, а съ другой стороны, ходатайствовало передъ своимъ августѣйшимъ предсѣдателемъ о посылкѣ г. Миклухѣ-Маклаю какого-нибудь военнаго судна. По распоряженію его высочества генералъ-адмирала, былъ командированъ съ этою цѣлью клиперъ „Изумрудъ", ко всеобщей радости соотечественниковъ выручившій г. Миклуху-Маклая изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился, и принявшій его на бортъ 24-го декабря 1872 года. Посѣтивъ во время плаванія на „Изумрудѣ" острова Филиппинскіе и Хонконъ, Миклуха-Маклай провелъ нѣсколько мѣсяцовъ на Явѣ, въ Батавіи и Бюйтенцоргѣ, гдѣ разработалъ, насколько возможно, нѣкоторыя части собраннаго имъ матерьяла, а въ ноябрѣ 1873 года оставилъ Яву, направляясь вторично на Новую Гвинею. На этотъ разъ предметомъ изслѣдованій былъ имъ избранъ югозападный берегъ ея, Папуа-Кавіай. Пребываніе у береговъ

Новой Гвинеи продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцовъ, тѣмъ неменѣе, и здѣсь энергическій путешественникъ успѣлъ собрать значительное количество научнаго матерьяла, несмотря на всѣ невзгоды пребыванія среди враждебно настроеннаго племени, извѣстнаго своею дикостью и кровожадностью. Изучая племя папуасовъ, г. Миклуха-Маклай рѣшился дополнить свои наблюденія, собравъ новыя данныя относительно населенія полуострова Малайскаго и съ этою цѣлью совершилъ рядъ новыхъ экспедицій. Первая изъ нихъ начата была имъ въ декабрѣ 1874 года, продолжалась по февраль слѣдующаго года и была направлена въ Іохоръ. Результатомъ ея было знакомство съ племенемъ семангъ, которое носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды смѣшенія съ папуаскимъ племенемъ. Проболѣвъ и пролечившись нѣкоторое время въ Іохорѣ, г. Миклуха-Маклай, въ іюнѣ 1875 года, предпринялъ большую экспедицію въ Паханъ, на восточномъ берегу полуострова, и потомъ, прошедши внутри его почти до самаго перешейка, онъ, наконецъ, вышелъ на западный берегъ въ Кеды, употребивъ на путешествіе 113 дней. Положительными результатами экскурсіи были антропологическія и этнологическія замѣтки о папуаскомъ населеніи полуострова, собраніе діалектовъ этихъ племенъ, потомъ ближайшее ознакомленіе съ малайцами, ихъ соціальнымъ положеніемъ и этнографическими особенностями.

Отдохнувъ около двухъ мѣсяцевъ въ Чербонѣ, на Явѣ, неутомимый путешественникъ предпринялъ новую экспедицію, которою онъ намѣревался завершить свои работы передъ возвращеніемъ въ отечество. Чтобъ дополнить собранный имъ заранѣе матерьялъ, онъ рѣшился посѣтить Новую Гвинею въ третій разъ и передъ этимъ совершилъ подготовительную экскурсію на острова Западной Микронезіи и нѣкоторые другіе, находящіеся въ тѣхъ же долготахъ, но южнѣе экватора между Новою Гвинеей, Новою Ирландіей и Новою Британіей. Мѣстность эта представила для г. Миклухи-Маклая тотъ особый интересъ, что, находясь на границѣ Меланезіи, Полинезіи и Малезіи, она послужила, по мнѣнію Вайтца, воротами, черезъ которыя излился на острова Великаго Океана потокъ Малайо-полинезійскаго племени.

Въ іюнѣ 1876 года, г. Миклуха-Маклай вторично высадился на берегу залива Астролябіи, третій разъ на Новой Гвинеѣ. Шхуна „Sea Bird", оставивъ его, ушла назадъ въ Сингапуръ, и г. Миклуха-Маклай снова остался одинъ среди дикарей. И на этотъ разъ географическое общество, внимательно слѣдившее за дѣятельностью г. Миклухи-Маклая, ходатайствовало передъ русскимъ правительствомъ о посылкѣ военнаго судна за г. Миклухою-Маклаемъ. Къ сожалѣнію, посылка эта при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Турціи уже не могла состояться, и общество, черезъ посредство министерства иностранныхъ дѣлъ и голландскаго посланника, просило объ оказаніи г. Миклухѣ-Маклаю помощи, въ случаѣ надобности, со стороны правительства голландскаго. Незадолго передъ этимъ, ему были посланы 1.500 руб., заимствованные для этой цѣли изъ запаснаго капитала общества, и 2.000 руб. пожертвованные обществу В. Л. Нарышкинымъ.

Полуторагодовое пребываніе на берегу г. Миклухи-Маклая снова обогатило научный матерьялъ, собранный имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и значительно пошатнуло его и безъ того слабое здоровье. Послѣ двухмѣсячнаго плаванія отъ береговъ Новой Гвинеи до Сингапура, прохворавъ около полугода (съ января по іюль 1878) въ Сингапурѣ, г. Миклуха-Маклай, для поправленія своего здоровья, провелъ въ Іохорѣ, пользуясь гостепріимствомъ магараджи іохорскаго, около шести недѣль; но и эта мѣра не помогла ему: слишкомъ продолжительное пребываніе въ тропическомъ климатѣ вредно дѣйствовало на его организмъ; по совѣту врачей, необходимо было перемѣнить климатъ и хотя временно поселиться въ Европѣ, или Японіи или, наконецъ, въ Австраліи. Несмотря на письма, призывавшія его въ Европу, и на просьбы географическаго общества возвратиться въ отечество для разработки собраннаго имъ матерьяла, который безъ того можетъ погибнуть, г. Миклуха-Маклай предпочелъ поѣздку въ Австралію, увлекаемый жаждою все новыхъ и новыхъ изслѣдованій. 18-го іюля 1878 года, онъ прибылъ въ Сидней; здоровье его во время 22-хдневнаго плаванія значительно поправилось: онъ могъ, немедленно по прибытіи въ Австралію, приняться за научныя работы и, занимаясь, съ одной стороны, чисто анатомическими изслѣдованіями, дѣлать наблюденія надъ жизнью туземцевъ, которые, по замѣчанію его, принадлежатъ къ числу племенъ, чрезвычайно быстро вымирающихъ.

На этомъ оканчиваются свѣдѣнія, которыя географическое общество имѣло отъ г. Миклухи-Маклая до пріѣзда его въ Петербургъ.

Пребываніе г. Миклухи-Маклая въ тропическихъ странахъ далеко не осталось безплоднымъ для науки, хотя, къ сожалѣнію, большое количество матерьяла, имъ собраннаго, въ высшей степени интереснаго и важнаго, остается до сихъ поръ неразработаннымъ, а потому и неизвѣстнымъ; тѣмъ неменѣе, въ „Извѣстіяхъ географическаго общества" было, втеченіе 1871—1878 годовъ, помѣщено значительное число его писемъ, мелкихъ статей и предварительныхъ отчетовъ, а литература иностранная обогатилась нѣсколькими статьями, напечатанными на нѣмецкомъ языкѣ частью въ Батавіи, частью въ западно-европейскихъ спеціальныхъ журналахъ. Тѣмъ болѣе желательнымъ представлялось совѣту русскаго географическаго общества возвращеніе г. Миклухи-Маклая въ Европу, что этимъ обезпечивалось приведеніе въ извѣстность собранныхъ имъ матерьяловъ и коллекцій и обогащеніе отечественной литературы сочиненіемъ первостепенной научной важности нетолько для Россіи, но и для всего ученаго міра.

Руководясь такими соображеніями и проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ научнымъ трудамъ г. Миклухи-Маклая, совѣтъ русскаго географическаго общества хотя и не могъ, ни въ силу устава и традицій общества, ни по ограниченности своихъ средствъ, принимать на себя полностью денежное содержаніе экспедиціи, тѣмъ неменѣе, не пропускалъ случая, чтобъ оказать помощь путешественнику, частью ассигнуя на это собственныя средства, частью привлекая къ тому постороннія силы. Географическое общество съ признательностью вспоминаетъ при этомъ имена гг. Нарышкина, Демидова князя Сан-Донато, г-жи Раевской и др. Такимъ образомъ, г. Миклухѣ-Маклаю было переслано обществомъ втеченіе его путешествія до 7.000 рублей, не считая безплатныхъ проѣздовъ на корветѣ „Витязь", отвезшемъ его на Новую Гвинею, на клиперѣ „Изумрудъ", выручившемъ его оттуда, сверхъ того, болѣе 7.000 р., полученныхъ отъ частныхъ лицъ, было собрано и отправлено въ распоряженіе г. Миклухи-Маклая помощникомъ предсѣдателя общества. Тѣмъ неменѣе, упомянутыя суммы далеко не могли быть достаточны для покрытія расходовъ и г. Миклуха-Маклай долженъ былъ сдѣлать довольно значительный долгъ у банкировъ въ Сингапурѣ и Сиднеѣ. Географическое общество и въ этомъ случаѣ стремилось помочь русскому ученому. Въ средѣ общества уже давно между ревнителями дѣла была открыта подписка въ пользу г. Миклухи-Маклая и въ 1879 году ему была послана въ Сидней довольно значительная сумма.

Нынѣшній пріѣздъ въ Петербургъ русскаго путешественника вызванъ желаніемъ его издать свои наблюденія и изслѣдованія. Съ этой цѣлью г. Миклуха-Маклай въ трехъ своихъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ географическомъ Обществѣ, ознакомилъ съ ходомъ и результатами своихъ 12-ти-лѣтнихъ странствованій. Лекторъ подчасъ съ трудомъ справлялся съ русской рѣчью, изложеніе его также нельзя считать блестящимъ, но это, по его собственному признанію, объясняется его „малой привычкой говорить въ многочисленномъ собраніи бѣлыхъ". Г. Миклухѣ-Маклаю „приходилось часто говорить съ черными", но это, конечно, совсѣмъ другое дѣло! Тѣмъ не менѣе, повѣствованіе о его сближеніи съ черными, составившія главный предметъ чтеній въ географическомъ Обществѣ, настолько оказались занимательными, что и „бѣлые" не безъ любопытства слушали г. Миклуху-Маклая. Да и нельзя было не слушать. Вотъ что, напр., разсказывалъ г. Миклуха-Маклай на первомъ изъ своихъ чтеній.

„Ознакомясь ближе съ языкомъ, говоритъ путешественникъ,—я сталъ замѣчать, что между туземцами существуетъ какое-то особенное мнѣніе касательно моей личности. Мнѣ удалось, наконецъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, узнать, что среди туземцевъ возникла мысль о моемъ сверхъестественномъ происхожденіи. Эта мысль возникла, выросла и окрѣпла среди туземцевъ нетолько безъ всякаго съ моей стороны участія или содѣйствія, но даже безъ моего вѣдома, такъ какъ самъ я узналъ о существованіи ея только впослѣдствіи, ближе ознакомившись съ мѣстнымъ языкомъ.

„Я сталъ замѣчать, что въ разговорахъ между собою они часто употребляли весьма странную комбинацію словъ: каарамъ-тамо; „каарамъ"—означаетъ луна, „тамо"—человѣкъ. Сначала я не могъ понять значеніе этого выраженія: „каарамъ-тамо"—человѣкъ съ луны, и только познакомившись

наконецъ, съ языкомъ папуасовъ настолько, чтобъ спросить у нихъ „что это такое", гдѣ находится этотъ „каарамъ-тамо", я, къ моему крайнему удивленію, узналъ, что такъ они называютъ меня. Но, всетаки, весьма ограниченное знаніе языка не позволяло мнѣ сдѣлать дальнѣйшихъ вопросовъ, чтобъ тотчасъ же разъяснить, какимъ образомъ они пришли къ такому странному заключенію относительно моего происхожденія. Наконецъ, уже на четвертомъ мѣсяцѣ моего знакомства съ ними, когда я успѣлъ ознакомиться съ языкомъ достаточно хорошо, при новыхъ распросахъ о происхожденіи этого выраженія, я узналъ слѣдующее. Спросивъ однажды одного изъ туземцевъ: „кто тебѣ сказалъ, что я каарамъ-тамо", т. е. человѣкъ съ луны, я получилъ отвѣтъ:— „Да всѣ говорятъ это".—„Кто же эти всѣ?"—„Да ты спроси ихъ (при этомъ онъ указалъ на подлѣ стоявшихъ): вотъ тотъ, тотъ и тотъ, всѣ тебя такъ называютъ". Добившись, наконецъ, кто первый назвалъ меня такимъ образомъ (мнѣ сказали, что это былъ Бугай, изъ деревни Горенду), я тотчасъ же отправился въ эту деревню, отыскалъ Бугая и спросилъ его: „Почему ты думаешь, что я пришелъ съ луны?—„Потому что у тебя огонь съ луны". Опять явилось затрудненіе, что они называютъ „огнемъ съ луны". Я сталъ объяснять имъ, что огонь, который горитъ въ моей хижинѣ или зажигается въ ней, совершенно такой же, какъ и тотъ, который горитъ въ Горенду, Гумбу и другихъ деревняхъ. „Все это такъ, отвѣчалъ Бугай, но у тебя въ твоей хижинѣ есть еще другой огонь, который съ луны". Снова пришлось распрашивать и, наконецъ, я узналъ, что этотъ дикарь Бугай, будучи разъ съ товарищемъ на рыбной ловлѣ, увидѣлъ около моей хижины яркій, бѣлый свѣтъ и такъ испугался, что сейчасъ же бросился въ деревню и сталъ звать всѣхъ посмотрѣть на „огонь съ луны", какъ онъ назвалъ этотъ необыкновенный огонь. Съ этого времени, сначала въ ближайшихъ деревняхъ, а потомъ и въ болѣе отдаленныхъ стали звать меня „человѣкомъ съ луны". Долго я не могъ сообразить, какой особенный огонь они могли видѣть у меня. Припомнивъ хорошенько всѣ обстоятельства моей жизни въ Гарагаси, я остановился, какъ на болѣе вѣроятномъ, на слѣдующемъ случаѣ. Однажды, въ бурную ночь, когда мнѣ надо было отыскать что-то подъ хижиною (хижина въ Гарагаси стояла на сваяхъ), я вздумалъ зажечь одинъ изъ фальшфейеровъ, оставленныхъ мнѣ командиромъ корвета „Витязь". Это-то случайное обстоятельство окончательно утвердило въ мозгу туземцевъ убѣжденіе въ моемъ сверхъестественномъ происхожденіи, первоначальное зерно котораго брошено было, вѣроятно, моимъ неожиданнымъ появленіемъ среди нихъ. Туземцы, разъ вошедши въ эту колею мышленія, стали объяснять положительно всякую относящуюся ко мнѣ мелочь какимъ нибудь особеннымъ сверхъестественнымъ образомъ. Они были убѣждены, напримѣръ, что я могу зажечь воду, могу летать и т. д. Всѣ эти атрибуты, которыми они облекали „каарамъ-тамо", „человѣка съ луны", росли и распространялись весьма быстро, вслѣдствіе того, что мои сосѣди имѣли, сверхъ того, и выгоду какъ можно больше разсказывать обо мнѣ, какъ существѣ необыкновенномъ.

„Чѣмъ больше распространялась моя извѣстность, какъ „каарамъ-тамо" (человѣка съ луны), тѣмъ удобнѣе стало для меня являться въ окрестныя деревни, и мои изслѣдованія и наблюденія пошли гораздо успѣшнѣе. Вообще, чѣмъ менѣе я мѣнялъ свое поведеніе, чѣмъ болѣе я оставался самимъ собой, т. е. „европейцемъ", „ученымъ", „изслѣдователемъ", чѣмъ больше отличался отъ туземцевъ, тѣмъ болѣе укрѣплялась въ нихъ идея о моемъ неземномъ происхожденіи, для поддержанія которой мнѣ не приходилось играть никакой роли или принимать какія нибудь мѣры. Въ отношеніяхъ моихъ съ туземцами я строго наблюдалъ за собою, чтобъ всегда, даже малѣйшее, ео данное мною обѣщаніе было исполнено, такъ что у папуасовъ явилось убѣжденіе, выражаемое ими въ трехъ словахъ и ставшее между ними родомъ поговорки: баланъ Маклай худи, что въ переводѣ значитъ: „слово Маклая одно". Но, чтобъ дойти до такого мнѣнія, я дѣйствительно долженъ былъ быть весьма заботливъ: никогда ничего не обѣщать, чего не могу сдѣлать. Это исключительное положеніе много помогало въ моихъ частыхъ сношеніяхъ съ туземцами и давало мнѣ возможность оказывать на нихъ хорошее вліяніе при часто возникавшихъ между ними междоусобіяхъ и войнахъ. По мѣрѣ знакомства съ туземцами, съ образомъ ихъ жизни и нравами, въ сентябрѣ 1882 года, т. е. въ конецъ моего пребыванія въ Гарагаси, мнѣ стала рисоваться программа дальнѣйшихъ изслѣдованій на островахъ Ти-

хаго Океана. Изучивъ туземцевъ Берега Маклая въ антропологическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ, я намѣтилъ себѣ задачу изслѣдованія всей папуаской или полинезійской расы. Между интересными и малоизвѣстными животными Новой Гвинеи. наиболѣе интереснымъ представлялся мнѣ туземецъ Новой Гвинеи, homo-papua.

„Такимъ образомъ, мнѣ представлялось необходимымъ, во-первыхъ, познакомиться съ папуасами другихъ частей Новой Гринеи, для сравненія ихъ съ изученными мною жителями Берега Маклая; вовторыхъ, сравнить папуасовъ Новой Гвинеи съ обитателями другихъ островов Меланезіи, и втретьихъ, выяснить отношеніе папуасовъ къ „негритосамъ" Филиппинскихъ Острововъ, доказать присутствіе или отсутствіе курчавоволосой расы на Малайскомъ Полуостровѣ, и въ случаѣ ея присутствія, сравнить ея представителей съ остальными меланезійцами. Програму эту мнѣ удалось выполнить, но на выполненіе потребовалось десять лѣтъ путешествія.

„Вернувшись изъ Новой Гвинеи и прибывъ на клиперѣ „Изумрудъ", въ маѣ 1873 года, на островъ Яву, я воспользовался тамъ гостепріимствомъ генералъ-губернатора Нидерландскихъ Индій и занялся приведеніемъ въ порядокъ моихъ наблюденій на Берегу Маклая въ 1871—72 годахъ, результатомъ чего былъ рядъ статей въ батавійскомъ журналѣ естественныхъ наукъ („Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie"). Случилось это такимъ образомъ: страдая въ то время лихорадкою-денга (кнокель курсъ голандцевъ или денью-фиверъ англичанъ) съ опухолью суставовъ пальцевъ, я не въ состояніи былъ писать и долженъ былъ диктовать переписчику, и вотъ причина, почему статьи эти напечатаны въ иностранномъ журналѣ, на чужомъ языкѣ; будь я самъ здоровъ, или имѣй подъ руками переписчика, умѣющаго писать порусски, я, безъ сомнѣнія, прислалъ бы статьи въ русское географическое общество.

„Такимъ образомъ напечатаны были:

1) „Anthropologicshe Bemerkungen über die Papuas des Maclay-Küste in Neu-Guinea".

2) „Uber Brachyocephalie bei den Papuas von Neu-Guinea".

3) „Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea. I und II".

4) „Notice météorologique concernant la Cote-Maclay en Nouvelle-Guinée".

„Наконецъ, я послалъ професору Брока въ Парижъ маленькую статейку, подъ заглавіемъ: „Vestiges de l'art chez les Papous de la Cote-Maclay en Nouvelle-Guinée", которая составляла начало цѣлаго ряда статей, посвященныхъ вопросу объ искуствѣ папуасовъ; но отъ професора Брока я не получилъ отвѣта, вѣроятно, по случаю его смерти, и только теперь случайно узналъ, что означенная статейка моя напечатана въ „Bulletins de la Societé d'Anthropologie de Paris, tome I-er, 3-me serie, année 1878"; послѣдующія же статьи о томъ же предметѣ остались ненапечатанными и находятся въ моихъ бумагахъ".

Вышеозначенныя брошюры заключаютъ въ себѣ предварительныя сообщенія о результатѣ изслѣдованій въ Новой Гвинеѣ въ 1871 — 1872 гг. Для передачи содержанія каждой изъ этихъ брошюръ, потребовалось бы цѣлое отдѣльное чтеніе, а потому приниматься за подробное изложеніе результатовъ, перечисленныхъ въ нихъ, г. Миклуха-Маклай счелъ положительно неумѣстнымъ; тѣмъ болѣе, что еслибъ онъ, по его словамъ, вздумалъ изложить результаты своихъ 11-тилѣтнихъ путешествій, болѣе или менѣе въ подробномъ видѣ, ему понадобилось бы употребить на это, по одной лекціи въ недѣлю, цѣлую зиму.

Отправляясь, въ декабрѣ 1872 года, на „Изумрудѣ" съ Берега Маклая, онъ обѣщалъ туземцамъ, которые сильно горевали о его отъѣздѣ, вернуться къ нимъ. Въ январѣ 1876 года ему удалось исполнить это обѣщаніе: онъ отправился вторично на Новую Гвинею. Это путешествіе, совершенное на маленькой англійской шхунѣ „Sea-Bird", было сопряжено съ большими неудобствами и богато приключеніями.

Изъ Явы Миклуха-Маклай отправился на островъ Целебесъ и, пройдя около островов Геби и группы Пеганъ, отправился на островъ Япъ, а оттуда на группу Пелау или Пелью; побывавъ тамъ, и пройдя гр. Улеай и острова Матвѣя, посѣтилъ острова Адмиралтейства, острова Лубъ, Ниниго и, наконецъ, прибылъ къ себѣ въ Новую Гвинею. Краткое сообщеніе объ этой экспедиціи находится въ

„Извѣстіяхъ географическаго общества", а также напечатано въ Petermann's Geogr. Mittheilungen 1879. Reise in West-Mikronesien, Nord-Melanesien und ein dritter Aufenthalt in Neu-Güinea, von Febr. 1876. Jan. 1878. Онъ вернулся снова на Берегъ Маклая за тѣмъ, чтобъ, зная хорошо языкъ туземцевъ и пользуясь ихъ полнымъ довѣріемъ, дополнить свои наблюденія и окончательно выяснить нѣкоторые, невполнѣ разрѣшенные имъ при первомъ посѣщеніи, вопросы. Его ожиданія вполнѣ оправдались. Полное знаніе языка туземцовъ, а, главнымъ образомъ, ихъ довѣріе къ нему весьма облегчили его изслѣдованія.

Само собою разумѣется, что онъ обставилъ свое возвращеніе въ Новую Гвинею совершенно инымъ образомъ, чѣмъ въ 1871 году. Вмѣсто хижины, въ которой его помѣщеніе было не болѣе семи квадратныхъ футовъ, онъ привезъ съ собою изъ Сингапура удобный домъ и поставилъ его въ другомъ мѣстѣ берега, чѣмъ въ 1871 году. На этотъ разъ его резиденція находилась въ 1/2 мили отъ порта Константина, на мыскѣ, называемомъ туземцами Богарломъ (или Бугарломъ).

Ему удалось еще посѣтить значительныя пространства берега Новой Гвинеи—миль 180, отъ мыса Кроазиль до мыса Теляты. Онъ съ двумя слугами и нѣсколькими изъ жителей деревни Бонгу отправился въ двухъ пирогахъ вдоль берега, останавливался почти во всѣхъ деревняхъ и вездѣ встрѣчалъ радушный пріемъ, благодаря его спутникамъ-папуасамъ, которые, будучи его старыми знакомыми, хорошо знали его и знали туземные языки, такъ что онъ могъ очень удобно познакомиться съ образомъ жизни и нравами береговыхъ папуасовъ, которые въ этнологическомъ отношеніи очень отличаются между собою: каждая деревня имѣетъ свои характерныя особенности.

„Мое вліяніе на туземцевъ—увѣряетъ г. Миклуха-Маклай, оказалось такъ сильно, что мнѣ удалось совершенно прекратить, во все время моего пребыванія, постоянныя междоусобныя войны. Этотъ результатъ былъ для меня въ высшей степени пріятенъ. Эти войны имѣютъ болѣе характеръ убійствъ, чѣмъ войны или боя въ открытомъ полѣ. Каждое убійство ведетъ къ новымъ репресаліямъ, и такимъ образомъ, вся война состоитъ изъ ряда вендеттъ. Войны страшно вредили всему населенію, такъ что туземцы боялись отходить на нѣсколько часовъ отъ своихъ селеній. Вслѣдствіе моего положенія и авторитета, какъ „человѣка съ луны", я имѣлъ возможность положительно запретить войны и вскорѣ увидѣлъ хорошій результатъ этого запрещенія".

Благодаря большому къ нему довѣрію туземцевъ, г. Миклуха-Маклай былъ поставленъ во время второго у нихъ пребыванія въ возможность познакомиться съ весьма интересными обычаями, брачными, погребальными и другими.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какимъ образомъ г. Миклуха-Маклай успѣлъ сойтись съ туземцами и заслужить ихъ довѣріе и уваженіе. Безъ сомнѣнія, такое довѣріе и уваженіе облегчало задачу ученаго изслѣдователя. Нашъ путешественникъ заявляетъ, что онъ успѣлъ „достигнуть весьма интересныхъ и важныхъ для науки результатовъ". Гдѣ же эти результаты и увидимъ ли мы ихъ когда нибудь—вотъ вопросъ, который остается нерѣшеннымъ и послѣ пріѣзда въ Петербургъ знаменитаго путешественника.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу „Воспоминаній" г. Юркевича.

Въ октябрской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" помѣщены „Воспоминанія петербургскаго старожила". Для современниковъ подобныя воспоминанія всегда любопытны; они переносятъ насъ въ прошедшее, которому часто „вѣрится съ трудомъ, хоть оно и очень свѣжо". Но у старыхъ людей также часто бываетъ, какъ говорится, коротка память. Строго-исторической точности отъ ихъ разсказовъ не требуется, но для того, чтобы они имѣли значеніе, необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы въ нихъ не было явной неправды и несообразностей. Къ сожалѣнію, именно этого условія и не видно въ послѣднемъ разсказѣ г. Юркевича—„Благовѣщенскій мостъ и Рафаилъ Зотовъ". Разсказъ состоитъ всего изъ четырехъ страничекъ, но въ нихъ,—что ни строка, то ошибка. Авторъ не далъ себѣ труда даже справиться, насколько вѣрны факты и данныя, передаваемые имъ, очевидно, по-наслышкѣ. Г. Юркевичъ начинаетъ свой разсказъ съ описанія значительнаго вліянія, какимъ пользовался статскій совѣтникъ

Зотовъ въ театрѣ, въ сороковыхъ годахъ. Но коллежскій совѣтникъ Зотовъ вышелъ въ отставку въ 1836 году и огромнаго вліянія на директора Гедеонова не могъ имѣть уже и потому, что съ самаго вступленія въ должность этого содержателя итальянской труппы въ Москвѣ былъ съ нимъ не въ-ладахъ. Это ясно видно изъ „Записокъ" Зотова, напечатанныхъ въ „Иллюстрированномъ Вѣстникѣ" 1874 г., въ которыхъ не говорится только о вызовѣ имъ на дуэль своего начальника, потому что цензура не позволила даже упомянуть объ этомъ эпизодѣ. Вызовъ этотъ былъ, конечно, необдуманный со стороны отца шестерыхъ дѣтей; сама по себѣ дуэль не доказала бы правоты Зотова, но выставлять поступокъ его съ смѣшной стороны, какъ это дѣлаетъ „старожилъ", находить въ этомъ „нѣкій курьезъ, комическій элементъ", называть Зотова „несчастнымъ старикомъ" (ему въ то время было сорокъ лѣтъ), „неистовымъ Роландомъ", — все это не дѣлаетъ чести ни сердцу, ни понятіямъ г. Юркевича. Вполнѣ вѣримъ, что ему смѣшно и подумать, какъ можно было посылать картель своему начальнику, но вѣдь не всякій же подчиненный благоговѣйно вѣритъ въ начальническій афоризмъ: „хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю", и кто помнитъ, какъ строго смотрѣли на чинопочитаніе и субординацію при Николаѣ I, тотъ уже никакъ не повѣритъ, чтобы надъ этимъ вызовомъ стали смѣяться. Не до смѣху было, когда за нарушеніе дисциплины хотѣли посадить въ крѣпость и отставили отъ службы, „съ тѣмъ чтобы впредь никуда не опредѣлять". Г. Юркевичъ прибавляетъ: „и безъ пенсіона", но и тутъ не въ-попадъ, потому что нельзя же было считать за ничто двадцатипяти-лѣтнюю службу человѣка, начавшаго ее прапорщикомъ петербургскаго ополченія въ 1812 году и получившаго десять ранъ. Зотовъ получилъ 1.200 рублей ассигнаціями. Съ этою пенсіею и съ деньгами, получаемыми отъ Смирдина за свои романы, и отъ своихъ литературныхъ работъ въ „Сѣверной Пчелѣ" и другихъ журналахъ, „злополучный авторъ Монаха" находился вовсе не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ описываетъ г. Юркевичъ, и если искалъ мѣста, то потому, что чувствовалъ себя способнымъ къ службѣ государству, особенно, видя какіе люди и какими путями попадаютъ на важныя мѣста. Неспособенъ онъ былъ только наживаться на службѣ да прислуживаться начальству, и эти качества, конечно, дѣлали изъ него плохого чиновника. Но онъ не хотѣлъ понять этого и все рвался служить, думая, что можетъ принести пользу родинѣ своими знаніями, честностью, усердіемъ. Пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ напрасныхъ поискахъ—никто не рѣшался принять къ себѣ человѣка, не пресмыкавшагося передъ начальствомъ; всякій зналъ, что его не велѣно было никуда опредѣлять, и хотя приговоръ этотъ былъ отмѣненъ, вслѣдствіе обращенія Зотова къ самому государю, но всѣ боялись дать ему мѣсто, не зная, какъ взглянутъ на это въ высшихъ сферахъ. Былъ въ то время только одинъ человѣкъ, не стѣснявшійся принятіемъ къ себѣ на службу кого угодно,— увольненіемъ никто не стѣснялся,—и онъ пригласилъ къ себѣ на службу Зотова членомъ общаго присутствія департамента ревизіи отчетовъ, прочитавъ въ „Сѣверной Пчелѣ" стихи его на открытіе Благовѣщенскаго моста. Объ этомъ Зотовъ говоритъ двумя словами въ своихъ „Запискахъ", прибавивъ только, что онъ „едва ли хорошо сдѣлалъ, принявъ предложенное мѣсто, такъ какъ самый кругъ сослуживцевъ не соотвѣтствовалъ моимъ правиламъ и обычаямъ". Клейнмихель самъ увидѣлъ это и занялъ Зотова иностранной перепиской въ своей канцеляріи. Г. Юркевичъ сочиняетъ цѣлую сцену по поводу этого опредѣленія, приводитъ бесѣду „путейскаго юпитера" съ Зотовымъ, который поминутно говоритъ: „почту за великое счастіе... не знаю, какъ выразить... словъ не нахожу!" Поневолѣ хочется спросить г. Юркевича: гдѣ же вы были въ это время, если могли подробно записать весь разговоръ? И когда вы могли слышать, чтобы Зотовъ выражался такимъ образомъ? Къ чему помѣщаются въ воспоминаніяхъ, которыя должны передавать одни факты, подобныя бесѣды, принадлежащія къ области риторическихъ упражненій и безцѣльной болтовни? Чтобы рисовать характеристику человѣка, надо изучить его жизнь и поступки, а не сочинять съ плеча небывалыя бесѣды, основанныя на сплетняхъ и на вымыслахъ старческой фантазіи.

Печатая неправду о Зотовѣ съ первой строки, г. Юркевичъ оканчиваетъ и послѣднюю строку неправдой: Зотовъ умеръ не пять лѣтъ тому назадъ, а одиннадцать.

Вл. З—въ.

— Мадамъ де-Тюржи желаетъ устроить tête-à-tête! замѣтилъ онъ съ ядовитой улыбкой.

Графиня протянула руку по направленію просѣки, гдѣ слышались звуки охотничьихъ роговъ и сдѣлала выразительный жестъ кончиками пальцевъ.

Комминжъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія уступить поле битвы своему противнику.

— Я вижу, что должна говорить съ вами болѣе яснымъ языкомъ. Оставьте насъ, мосье де-Коммннжъ. Ваше общество непріятно мнѣ. Поняли-ли вы меня теперь?

— Вполнѣ, милостивая государыня. Вы достаточно ясно выразили свое желаніе! отвѣтилъ онъ, не помня себя отъ ярости, и добавилъ почти шепотомъ: — что же касается этого побѣдителя дамскихъ сердецъ, то онъ не долго будетъ потѣшать васъ! Прощайте, мосье де-Мержи, до скораго свиданія.

Онъ произнесъ послѣднія слова съ особеннымъ удареніемъ и, пришпоривъ свою лошадь, ускакалъ въ галопъ.

Графиня осадила своего коня, который хотѣлъ послѣдовать примѣру товарища, и заставила его идти шагомъ. Она молчала и только время отъ времени бросала взглядъ на своего спутника, какъ будто хотѣла заговорить съ нимъ; затѣмъ опять смотрѣла въ сторону, не находя приличной фразы, чтобы начать разговоръ.

Мержи поспѣшилъ вывести ее изъ затрудненія.

— Я горжусь, графиня, сказалъ онъ,—предпочтеніемъ, которымъ вы удостоили меня.

— Мосье Бернаръ... учились ли вы фехтованію?

— Да, графиня, отвѣтилъ онъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, я желала бы узнать... хорошо ли вы владѣте оружіемъ?

— Порядочно для дворянина, но, разумѣется, не настолько, чтобы взять на себя должность фехтовальнаго учителя.

— Развѣ вы не знаете, что у насъ дворяне искуснѣе всякихъ фехтмейстеровъ?

— Мнѣ говорили, что многіе изъ нихъ проводятъ цѣлые дни въ фехтовальныхъ залахъ и тратятъ время, которое они могли бы употребить болѣе пріятнымъ образомъ.

— Я желала бы знать, что̀ вы называете болѣе пріятнымъ препровожденіемъ времени?

— Вы вѣрно согласитесь со мной, графиня,—отвѣтилъ улыбаясь Мержи,—что лучше бесѣдовать съ дамами, нежели доводить себя до изнеможенія въ фехтовальной залѣ.

— Вамъ часто случалось драться на дуэляхъ?

— До сихъ поръ Господь хранилъ меня отъ этого. Но зачѣмъ всѣ эти вопросы?

— Позвольте сдѣлать вамъ небольшое наставленіе. Женщинъ ни-

когда не слѣдуетъ спрашивать: зачѣмъ онѣ дѣлаютъ то или другое? Это не принято въ благовоспитанномъ обществѣ.

— Послѣдую вашему совѣту, возразилъ Мержи съ едва замѣтной улыбкой, наклоняясь къ шеѣ своей лошади.

— Въ такомъ случаѣ... что вы будете дѣлать завтра?

— Завтра?

— Да, завтра! Не прикидывайтесь, будто вы удивлены.

— Графиня!..

— Отвѣчайте прямо на мой вопросъ! Мнѣ все извѣстно! сказала она, протянувъ къ нему руку съ величественнымъ жестомъ. Кончики ея пальцевъ прикоснулись рукава Мержи и заставили его вздрогнуть.

— Буду драться насколько хватитъ умѣнья, сказалъ онъ.

— Мнѣ нравится вашъ отвѣтъ: въ немъ нѣтъ ни тѣни трусости или хвастовства. Но извѣстно ли вамъ, что ваша первая дуэль будетъ съ человѣкомъ, котораго всѣ боятся!

— Что дѣлать! вѣроятно, завтра я буду чувствовать себя также неловко, какъ и теперь! добавилъ онъ улыбаясь.—До сихъ поръ мнѣ приходилось встрѣчаться только съ простодушными провинціалками, и при первомъ моемъ дебютѣ въ высшемъ столичномъ обществѣ я совершенно неожиданно очутился en tête-à-tête съ первой красавицей французскаго двора.

— Поговоримъ серьезно. Комминжъ владѣетъ шпагой лучше всѣхъ здѣшнихъ придворныхъ, хотя между ними нѣтъ недостатка въ искусныхъ дуэлистахъ. Затѣмъ, онъ считается первымъ изъ здѣшнихъ raffinés...

— Я слышалъ это!

— Неужели васъ не безпокоитъ встрѣча съ нимъ?

— Я уже говорилъ вамъ, графиня, что сдѣлаю все отъ меня зависящее. Никогда не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе съ хорошей шпагой въ рукахъ и въ особенности съ Божьей помощью!..

— Съ Божьей помощью!.. прервала она его презрительнымъ тономъ;—вѣдь вы гугенотъ?

— Да, я протестантъ!

— Значитъ, вы подвергаетесь большей опасности, нежели всякій другой.

— Это почему?

— Потому что вы рискуете не только потерять жизнь, но и погубить душу.

— Вы смотрите на эти вещи, графиня, съ точки зрѣнія вашей религіи; насъ, протестантовъ, вовсе не занимаютъ подобныя мысли.

— Вы будете въ прямомъ проигрышѣ, такъ какъ обрекаете себя на вѣчныя мученія изъ-за какой нибудь случайности! Оставаясь протестантомъ, вы лишаете себя послѣднихъ шансовъ спасенія.

— Въ томъ или другомъ случаѣ я пришелъ бы къ однимъ и

тѣмъ же результатамъ! Если бы я завтра умеръ католикомъ, то, выйдя на дуэль, я все-таки умеръ бы въ смертномъ грѣхѣ.

— Противъ этого можно привести цѣлый рядъ возраженій! воскликнула графиня, задѣтая тѣмъ, что Мержи привелъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ аргументовъ ея собратій по религіи;—наши ученые могли бы объяснить вамъ...

— Я увѣренъ въ этомъ, потому что ваши ученые богословы позволяютъ себѣ извращать слова Евангелія, по волѣ своей фантазіи. Такъ, напримѣръ...

— Оставимъ это! Гугенотъ не поговоритъ и двухъ минутъ безъ того, чтобы не упомянуть о священномъ писаніи при первомъ удобномъ случаѣ.

— Это объясняется тѣмъ, что мы дѣйствительно знакомы съ нимъ, благодаря чтенію священныхъ книгъ, тогда какъ ваше духовенство почти не заглядываетъ въ нихъ. Но перемѣнимъ сюжетъ разговора. Какъ вы думаете: пойманъ ли теперь олень?

— Вы очень привязаны къ вашей религіи?

— Вы сами начинаете прежній разговоръ!

— Вы считаете ее хорошей?

— Я не только считаю ее хорошей, но лучшей изъ всѣхъ существующихъ религій. Если бы я думалъ иначе, то не оставался бы протестантомъ.

— Вашъ братъ перемѣнилъ религію.

— У него были свои причины, чтобы сдѣлаться католикомъ, а у меня нѣтъ для этого никакого повода.

— Вы, гугеноты, отличаетесь замѣчательнымъ упрямствомъ и глухи къ голосу разсудка! воскликнула она съ гнѣвомъ.

— Завтра будетъ дождь! сказалъ Мержи, взглянувъ на небо.

— Мосье Бернаръ, давнишняя дружба съ вашимъ братомъ и ожидающая васъ опасность побуждаютъ меня относиться къ вамъ съ особеннымъ участіемъ.

Онъ почтительно поклонился.

— Вы, еретики, не придаете никакого значенія мощамъ!

Мержи улыбнулся.

— Вы считаете для себя оскверненіемъ прикоснуться къ нимъ? продолжала она.—Вамъ кажется страннымъ, что приверженцы римско-католической церкви носятъ ихъ на себѣ.

— Мы находимъ этотъ обычай совершенно безцѣльнымъ.

— Мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай: одинъ изъ моихъ кузеновъ привязалъ ладонку къ шеѣ своей охотничьей собаки и выстрѣлилъ въ нее крупной дробью на разстояніи двѣнадцати шаговъ.

— И, разумѣется, убилъ собаку.

— Нѣтъ, ни одна дробинка не попали до нея!

— Какъ это хорошо! Я желалъ бы имѣть подобный талисманъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? И вы будете носить его?

— Разумѣется! Тѣмъ болѣе, что ладонка спасла собаку отъ смерти... Впрочемъ, позвольте!.. Можетъ быть, по вашему мнѣнію еретикъ хуже собаки, особенно, если она принадлежитъ католику?

Графиня де-Тюржи, не обращая вниманія на его слова, поспѣшно растегнула воротъ своего узкаго корсажа и вытянула плоскую золотую коробочку, привязанную къ черной лентѣ.

— Вотъ! надѣньте это себѣ на шею! Современемъ вы возвратите мнѣ мой подарокъ.

— Разумѣется, если только останусь въ живыхъ.

— Только дайте мнѣ слово, что вы будете беречь эту вещь и не позволите себѣ никакого святотатства!

— Я получилъ ее отъ васъ, графиня, такъ что относительно этого вы можете быть совершенно спокойны!

Онъ взялъ коробочку съ мощами и надѣлъ ее себѣ на шею.

— Католикъ облобызалъ бы руку, давшую ему этотъ святой талисманъ!

Мержи взялъ руку графини и хотѣлъ поднести ее къ своимъ губамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! слишкомъ поздно.

— Не будьте такъ жестоки, графиня! Быть можетъ, мнѣ никогда болѣе не суждено испытывать этого счастья!

— Снимите мнѣ перчатку, сказала она, протянувъ ему руку.

Мержи исполнивъ ея приказаніе, почувствовалъ легкое пожатіе, и тотчасъ же горячо поцѣловалъ эту прекрасную бѣлую руку.

— Мосье Бернаръ, сказала графиня взволнованнымъ голосомъ,— неужели вы будете упорствовать до конца и нѣтъ никакой надежды тронуть васъ? Перемѣните ли вы религію ради меня?..

— Не знаю! отвѣтилъ онъ со смѣхомъ;—вы должны во всякомъ случаѣ долго и усиленно просить меня объ этомъ. Одно несомнѣнно, что кромѣ васъ никто не обратитъ меня въ католичество.

— Скажите мнѣ откровенно... если бы вы встрѣтили женщину... которая съумѣла бы...

Она остановилась въ смущеніи.

— Которая съумѣла бы? повторилъ Мержи.

— Да, я хотѣла сказать... если бы любовь, напримѣръ... Только прошу васъ, говорите со мной откровенно и серьезно...

— Серьезно? спросилъ онъ, стараясь опять взять ее за руку.

— Такъ, напримѣръ, если бы вы полюбили женщину другой религіи, нежели вы... то неужели эта любовь не могла побудить васъ перемѣнить вѣру?.. Кто знаетъ... пути Божьи неисповѣдимы!..

— Вы хотите, чтобы я отвѣчалъ серьезно и откровенно на вашъ вопросъ?

— Я требую этого.

Мержи опустилъ голову, придумывая уклончивый отвѣтъ. M-me де-Тюржи слишкомъ явно выказывала ему свое расположеніе, и онъ

не хотѣлъ лишиться ея милости. Но съ другой стороны онъ былъ всего нѣсколько часовъ при французскомъ дворѣ и его щепетильная совѣсть провинціала не допускала лжи въ такомъ серьезномъ вопросѣ.

— Я слышу крикъ! Олень пойманъ! воскликнула неожиданно графиня и, не дождавшись отвѣта, ускакала въ галопъ. Мержи послѣдовалъ за нею; но теперь она ни разу не взглянула на него и не удостоила ни однимъ словомъ.

Они нагнали охотниковъ черезъ нѣсколько секундъ.

Олень бросился сначала въ средину пруда и упорно держался своей выгодной позиціи. Но тутъ нѣкоторые изъ всадниковъ, сойдя на землю и вооружившись длинными шестами, принудили бѣдное животное вернуться къ берегу. Эта борьба окончательно истощила его силы. Въ то время, какъ собаки, казалось, удвоили свое рвеніе, олень, задыхаясь и съ высунутымъ языкомъ, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, и затѣмъ, собравъ послѣднія силы, попятился къ толстому дубу и храбро встрѣтилъ нападеніе собакъ. Первыя изъ нихъ были отброшены на воздухъ съ распоротыми животами. Тогда люди, лошади и собаки остановились въ почтительномъ отдаленіи; никто не рѣшался подойти къ разъяренному звѣрю изъ боязни его грозныхъ роговъ.

Король соскочилъ съ лошади и, спрятавшись за дубомъ, ловко всадилъ свой охотничій ножъ въ бокъ оленя. Животное съ жалобнымъ стономъ упало на землю. Въ тотъ же моментъ на него бросилась стая собакъ, вцѣпилась ему въ горло, уши, шею.

Олень лежалъ неподвижно; крупныя слезы катились у него изъ глазъ.

— Пропустите дамъ! крикнулъ король.

Желаніе короля было тотчасъ же исполнено, такъ какъ почти всѣ дамы уже сошли съ лошадей.

— Вотъ тебѣ, parpaillot! (нечестивецъ) сказалъ король и, вонзивъ ножъ въ бокъ оленя, повернулъ лезвее, чтобы увеличить рану. Кровь хлынула струей и забрызгала лицо, руки и платье короля.

Въ тѣ времена католики часто называли кальвинистовъ насмѣшливой кличкой parpaillot. Это слово само по себѣ и тонъ, какимъ оно было сказано, не понравились многимъ изъ присутствующихъ, между тѣмъ какъ другіе громко выразили свое одобреніе.

— Король похожъ на мясника! сказалъ довольно громко и съ видомъ отвращенія зять адмирала, молодой Телиньи.

Тотчасъ же нашлись услужливые люди, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка и особенно при дворѣ, и передали эти слова королю.

Карлъ IX не забылъ ихъ.

Дворъ, насладившись зрѣлищемъ собакъ, пожирающихъ внутренности оленя, отправился обратно въ Парижъ. Мержи разсказалъ дорогой своему брату о нанесенномъ ему оскорбленіи и предстоящей дуэли. Жоржъ, убѣдившись, что всѣ его совѣты и просьбы напрасны, согласился быть секундантомъ.

ГЛАВА XI.

Дуэлистъ по профессіи.

Несмотря на сильную усталость, Мержи провелъ большую часть ночи безъ сна. Имъ овладѣло лихорадочное безпокойство и придало необычайную дѣятельность его воображенію. Тысячи безсвязныхъ мыслей, не имѣющихъ никакого отношенія къ предстоящему событію, омрачали его мозгъ. Много разъ ему казалось, что лихорадочное состояніе, въ какомъ онъ находился, предвѣстникъ серьезной болѣзни, которая окончательно проявится черезъ нѣсколько часовъ и привяжетъ его къ постели. Тогда честь его навсегда потеряна! Что скажетъ свѣтъ и въ особенности мадамъ де-Тюржи и Коммингъ? Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, назначенной для поединка.

Но съ восходомъ солнца Мержи почувствовалъ благодѣтельное успокоеніе въ крови и съ меньшимъ волненіемъ сталъ думать о предстоящей дуэли. Онъ одѣлся не торопясь и даже съ нѣкоторою изысканностью. Фантазія рисовала ему цѣлую картину, какъ прелестная графиня явится на мѣсто поединка и, увидя его раненымъ, сдѣлаетъ ему собственноручно перевязку, не скрывая болѣе своей привязанности къ нему.

Мечты его были прерваны боемъ часовъ въ Луврѣ.

Пробило восемь часовъ, и въ тотъ же моментъ въ комнату вошелъ Жоржъ.

На лицѣ его видна была глубокая грусть; онъ также, повидимому, дурно провелъ ночь; но, пожимая руку брату, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться и принять веселый видъ.

— Вотъ рапира и кинжалъ; я купилъ ихъ у Луно изъ Толедо. Посмотри, не тяжела ли шпага?

Съ этими словами онъ бросилъ на постель кинжалъ и длинную рапиру.

Мержи обнажилъ оружіе, попробовалъ гибкость стали и, осмотрѣвъ лезвее, одобрительно кивнулъ головой. Кинжалъ особенно обратилъ на себя его вниманіе, такъ какъ онъ кончался широкимъ ефесомъ, снабженнымъ безчисленнымъ количествомъ небольшихъ отверстій, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы задержать остріе непріятельской шпаги и поставить этимъ въ затрудненіе противника.

— Съ такимъ хорошимъ оружіемъ немудрено защитить себя! сказалъ Мержи. Затѣмъ, вынувъ золотую коробочку, спрятанную на его груди, онъ добавилъ, улыбаясь: — Вотъ, кромѣ того, талисманъ, который предохранитъ меня отъ ударовъ шпаги лучше всякой кольчуги.

— Откуда у тебя эта игрушки?

— Догадайся! возразилъ Мержи съ веселой улыбкой.

Тщеславное желаніе похвастать передъ братомъ расположеніемъ первой придворной красавицы заставило его на минуту забыть Коминжа и лежавшую передъ нимъ шпагу.

— Держу пари, что этимъ наградила тебя сумасшедшая Тюржи. Чортъ бы побралъ ее съ ея коробочками!

— Вѣдь она дала мнѣ этотъ талисманъ на сегодняшній день!

— Ты посовѣтовалъ бы ей не снимать перчатокъ! Съ чего это она вздумала вчера показывать публикѣ свою красивую бѣлую руку!

Лицо Мержи покрылось яркимъ румянцемъ: — Я не придаю никакого значенія мощамъ папистовъ, сказалъ онъ,—но если мнѣ суждено погибнуть сегодня, то пожалуйста передай ей, что я не разставался съ ея подаркомъ до послѣдней минуты моей жизни.

— Какое глупое тщеславіе! воскликнулъ капитанъ, пожимая плечами.

— Вотъ письмо къ матери! сказалъ Мержи дрожащимъ голосомъ.

Жоржъ молча взялъ письмо и, подойдя къ столу, открылъ библію, чтобы скрыть свое волненіе, между тѣмъ какъ Мержи кончалъ свой туалетъ и завязывалъ множество шнурковъ съ металлическими наконечниками, которые составляли неизбѣжную принадлежность тогдашняго мужскаго костюма.

На первой страницѣ Жоржъ прочелъ надпись, сдѣланную рукой ихъ матери: 1-го мая 1547 года родился мой сынъ Бернаръ. Господи, наставь его на путь истинный! Господи, избави его отъ всякаго зла!...

Слезы душили его; онъ прикусилъ себѣ губы и бросилъ книгу на столъ.

Мержи, видя это движеніе, вообразилъ, что какая-нибудь нечестивая мысль пришла въ голову его брата; онъ взялъ библію, бережно вложилъ ее въ вышитый футляръ и спряталъ въ шкапъ.

— Эта библія нашей матери! сказалъ онъ серьознымъ тономъ.

Капитанъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Не пора ли намъ двинуться въ путь? спросилъ Мержи, пристегивая шпагу къ своему поясу.

— Нѣтъ еще, мы успѣемъ позавтракать.

Они сѣли за столъ, на которомъ были поставлены пирожки разныхъ сортовъ и большой серебряный кувшинъ съ виномъ. Во время завтрака они подробно толковали о достоинствѣ поданнаго вина, сравнивая его съ другими винами, находящимися въ погребѣ капитана; каждый изъ нихъ, выказывая мнимое участіе въ этомъ пустомъ разговорѣ, надѣялся скрыть свои настоящія душевныя ощущенія.

Капитанъ поднялся первый съ своего мѣста.

— Пора! сказалъ онъ хриплымъ голосомъ и, надвинувъ на глаза шляпу, быстро спустился съ лѣстницы.

Они сѣли въ лодку, чтобы переплыть Сену. Лодочникъ угадалъ

по ихъ лицамъ причину, побуждавшую ихъ ѣхать въ Pré-aux-Clercs и, усердно работая веслами, старался занять ихъ разговоромъ. Онъ разсказалъ имъ, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ два дворянина, изъ которыхъ одинъ былъ графъ Комминжъ, наняли у него лодку, чтобы драться на свободѣ на другомъ берегу Сены. Противникъ графа, имя котораго было неизвѣстно лодочнику, былъ насквозь пробитъ шпагой и сброшенъ въ воду, гдѣ исчезъ безслѣдно, такъ что не было возможности отыскать его трупъ...

Причаливая къ берегу, они увидѣли лодку съ двумя людьми, которая переѣзжала рѣку въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ.

— Вотъ и наши! подожди меня здѣсь! воскликнулъ капитанъ и, выскочивъ на берегъ, побѣжалъ на встрѣчу къ подъѣзжавшей лодкѣ.

Въ ней сидѣлъ Комминжъ и виконтъ Бевилль.

— Это ты, Жоржъ? спросилъ со смѣхомъ виконтъ, цѣлуя его. — Скажи, пожалуйста, котораго изъ васъ убьетъ сегодня Комминжъ: тебя или твоего брата?

Капитанъ и Комминжъ церемонно раскланялись другъ передъ другомъ.

— Милостивый государь, сказалъ Жоржъ Комминжу, вырвавшись съ трудомъ изъ объятій Бевилля,—я считаю своимъ долгомъ попытаться еще разъ остановить плачевныя послѣдствія ссоры, которая вовсе не касается вопросовъ чести; я увѣренъ, что мой другъ (онъ указалъ на Бевилля) скажетъ вамъ то же самое.

Бевилль, сдѣлавъ гримасу, отрицательно покачалъ головой.

— Мой братъ молодъ; у него нѣтъ ни имени, ни достаточнаго умѣнія владѣть оружіемъ, такъ что онъ долженъ быть щекотливѣе другихъ въ этого рода дѣлахъ; но вы, графъ, пользуетесь такой извѣстностью, что ваша честь нисколько не пострадаетъ, если вы заявите въ нашемъ присутствіи, что нечаянно.

Комминжъ громко захохоталъ.

— За кого принимаете вы меня, капитанъ! Неужели вы думаете, что я такъ рано разстался съ моей возлюбленной... и переѣхалъ на другой берегъ Сены, чтобы извиниться передъ какимъ-нибудь молокососомъ!

— Вы забываете, милостивый государь, что, выражаясь подобнымъ образомъ о моемъ братѣ, вы оскорбляете...

— Если бы я говорилъ даже о вашемъ отцѣ! Какое мнѣ дѣло до всей вашей семьи!

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, вы и будете отвѣчать передъ всей семьей! Я старшій и вы начнете съ меня.

— Прошу извиненія, г. капитанъ, но по правиламъ дуэлей я буду прежде всего драться съ тѣмъ изъ васъ, кто первый сдѣлалъ вызовъ. Въ данномъ случаѣ вашему брату принадлежитъ неотъемлемое право первенства, какъ говорятъ наши юристы; и когда я покончу съ нимъ, то вы можете располагать мною.

— Комминжъ совершенно правъ, и я не допущу никакихъ измѣненій! воскликнулъ Бевилль.

Мержи, не понимая причины такихъ продолжительныхъ переговоровъ, подошелъ медленнымъ шагомъ. Онъ подоспѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда братъ его, осыпая Комминжа оскорбительными упреками, назвалъ его подлецомъ, между тѣмъ какъ этотъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Когда я кончу съ вашимъ братомъ, то займусь вами, милостивый государь!

Мерти взялъ за руку капитана.

— Жоржъ, сказалъ онъ:—ты забываешь, что я просилъ тебя быть моимъ секундантомъ! Я вовсе не желаю мѣняться ролями... Милостивый государь, добавилъ онъ, обращаясь къ Комминжу:—я къ вашимъ услугамъ; мы можемъ начать, если вамъ угодно.

— Я ничего не имѣю противъ этого! отвѣтилъ Комминжъ.

— Вотъ и прекрасно, мой милый другъ, сказалъ Бевилль, пожимая руку Мержи.—Если намъ не суждено похоронить тебя сегодня, то ты далеко пойдешь!

Комминжъ снялъ платье и развязалъ ленты у башмаковъ въ доказательство, что онъ не намѣренъ отступить ни на шагъ. Въ этомъ случаѣ онъ сообразовался съ модой, принятой у дуэлистовъ по профессіи. Мержи и Бевилль послѣдовали его примѣру; одинъ капитанъ не снялъ даже своего плаща.

— Что съ тобой, Жоржъ? сказалъ Бевилль;—развѣ ты не знаешь, что намъ придется посчитаться съ тобой. Мы не такіе секунданты, чтобы стоять сложа руки, когда друзья ихъ будутъ драться! Неужели мы отстанемъ отъ прекраснаго андалузскаго обычая?

Капитанъ пожалъ плечами.

— Ты думаешь, что я шучу? Клянусь честью, что ты долженъ драться со мной! Чортъ меня побери, если ты думаешь отказаться...

— Ты сумасшедшій или дуракъ! замѣтилъ холодно капитанъ.

— Будь я проклятъ, если ты не дашь мнѣ удовлетворенія за эти слова... или ты принудишь меня...

Съ этими словами Бевилль схватился за рукоятку своей шпаги, какъ бы намѣреваясь ударить Жоржа.

— Ну, если ты такъ настойчиво требуешь этого, то изволь! сказалъ Жоржъ, сбрасывая съ себя платье.

Комминжъ съ особенной граціей тряхнулъ по воздуху своей рапирой, такъ что ножны сразу отлетѣли на двадцать шаговъ. Бевилль хотѣлъ сдѣлать тоже; но ему удалось только на половину обнажить шпагу, что считалось не только неловкостью, но и дурнымъ предзнаменованіемъ. Оба брата Мержи, хотя и не такимъ хвастливымъ способомъ, но также отбросили ножны своихъ шпагъ, чтобы они не могли попасть имъ подъ ноги во время поединка. Каждый всталъ передъ своимъ противникомъ съ обнаженной шпагой въ правой рукѣ

и съ кинжаломъ въ лѣвой. Всѣ четыре шпаги скрестились одновременно.

Жоржъ, примѣнивъ способъ, названный итальянскими учителями фехтованія liscio di spada è cavare alla vita [1]), отклонилъ шпагу своего противника и ловкимъ ударомъ выбилъ её изъ его рукъ. Затѣмъ онъ прикоснулся остріемъ своей шпаги къ груди Бевилля, но вмѣсто того, чтобы вонзить ее, спокойно опустилъ руку.

— Наши силы слишкомъ неравны, сказалъ онъ:—прекратимъ этотъ глупый поединокъ! не выводи меня изъ терпѣнія, или тебѣ придется раскаяться въ твоемъ упрямствѣ...

Бевилль поблѣднѣлъ, почувствовавъ остріе шпаги у своей груди. Немного сконфуженный, онъ протянулъ руку Жоржу, и оба, воткнувъ шпаги въ землю, обратили все свое вниманіе на двухъ главныхъ актеровъ этой сцены.

Мержи обладалъ храбростью и хладнокровіемъ; при этомъ онъ не дурно владѣлъ оружіемъ, а въ тѣлесной силѣ далеко превосходилъ Комминжа, который видимо казался утомленнымъ послѣ безсонной ночи. Мержи ограничивался тѣмъ, что съ величайшею осторожностью парировалъ удары, наносимые Комминжемъ, и держа остріе своей рапиры противъ его лица, прикрывалъ себѣ грудь кинжаломъ. Это неожиданное сопротивленіе раздражило Комминжа, который замѣтно поблѣднѣлъ, а блѣдность у такого храбраго человѣка могла только означать приступъ сильнаго гнѣва. Онъ съ яростью атаковалъ своего противника и, ловко отклонивъ его шпагу, готовился нанести рѣшительный ударъ, который, вѣроятно, положилъ бы конецъ поединку. Мержи спасся какимъ-то чудомъ: остріе рапиры, встрѣтивъ золотую коробочку, скользнуло по ея гладкой поверхности, и вмѣсто того, чтобы пронзить грудь, только слегка распороло кожу противъ реберъ и вышло на два дюйма отъ первой раны. Не дожидаясь, чтобы Комминжъ вновь поднялъ свою шпагу, онъ съ такой силой ударилъ его по головѣ кинжаломъ, что самъ потерялъ равновѣсіе и упалъ на землю. Комминжъ повалился вслѣдъ за нимъ, такъ что секунданты сочли ихъ обоихъ мертвыми.

Но Мержи быстро вскочилъ на ноги и тотчасъ же схватился за свою рапиру, которую онъ выронилъ изъ рукъ при паденіи. Комминжъ лежалъ неподвижно. Бевилль приподнялъ его и началъ стирать кровь съ лица своимъ носовымъ платкомъ, но скоро долженъ былъ убѣдиться, что знаменитый дуэлистъ, передъ которымъ онъ преклонялся, убитъ на-повалъ, такъ какъ кинжалъ вонзился ему въ глазъ и повидимому повредилъ мозгъ.

Мержи съ ужасомъ смотрѣлъ на трупъ.

— Ты раненъ, Бернаръ! воскликнулъ капитанъ, бросаясь къ нему.

---

[1]) Всѣ тогдашніе термины фехтованія были заимствованы изъ итальянскаго языка.

— Раненъ! повторилъ полусознательно Мержи, и тутъ только замѣтилъ, что его рубашка въ крови.

— Ничего, это пустяки! сказалъ капитанъ, внимательно разглядѣвъ рану: — оружіе скользнуло по кожѣ, нужно остановить кровь. Мы сдѣлаемъ тебѣ перевязку изъ носовыхъ платковъ.

Бевилль опустилъ на траву тѣло убитаго и подалъ капитану свой носовой платокъ, равно и Комминжа, который онъ досталъ изъ кармана его платья.

— Клянусь честью, вотъ здоровый ударъ кинжала! сказалъ Бевилль.—Я не желалъ бы попасться вамъ подъ руку. Чортъ возьми, что скажутъ наши столичные raffinés, если изъ провинціи будутъ являться къ намъ молодцы въ родѣ васъ. Я желалъ бы знать, который разъ вы деретесь на дуэли?

— Въ первый и, надѣюсь, послѣдній разъ въ моей жизни! Помогите же, ради Бога, вашему другу.

— Ну, вы его такъ отдѣлали, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи; кинжалъ вонзился въ мозгъ, ударъ былъ нанесенъ ловко и съ такой силой... Взгляните на его бровь и щеку; ефесъ кинжала оставилъ отпечатокъ на его лицѣ, какъ на воскѣ.

Мержи дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; крупныя слезы текли по его щекамъ.

Бевилль поднялъ кинжалъ и внимательно разсматривалъ запекшуюся кровь.

— Это оружіе, сказалъ онъ,—оказало немалую услугу младшему Комминжу. Онъ долженъ поставить не одну свѣчу... Ему достанется громадное наслѣдство.

— Уйдемъ отсюда... Уведи меня, сказалъ Мержи, взявъ подъ руку своего брата.

— Успокойся, бѣда еще не такъ велика, сказалъ Жоржъ, помогая ему одѣть платье.—Этотъ человѣкъ не заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія.

— Бѣдный Комминжъ! воскликнулъ Бевилль.—Кто могъ ожидать, что ты, который выдержалъ сотни дуэлей, будешь убитъ молодымъ, неопытнымъ человѣкомъ. Бѣдный Комминжъ!

Бевилль, сказавъ эту надгробную рѣчь, бросилъ послѣдній взглядъ на своего друга и увидѣлъ часы, висѣвшіе на его шеѣ по тогдашней модѣ.

— Ну, пріятель, сказалъ онъ, — теперь тебѣ нѣтъ надобности знать, который часъ! Я возьму это себѣ на память, а твой братъ и безъ того будетъ достаточно богатъ.

Съ этими словами Бевилль снялъ часы съ шеи мертвеца и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Подождите меня! крикнулъ онъ вслѣдъ обоимъ братьямъ, поспѣшно одѣваясь.—Мосье де-Мержи, вы забыли вашъ кинжалъ! Неужели вы не дорожите имъ?

Онъ вытеръ лезвее рубашкой покойника и, догнавъ своихъ пріятелей, сѣлъ съ ними въ лодку.

— Утѣшьтесь, милый другъ! сказалъ онъ, обращаясь къ младшему Мержи. — Къ чему эта плачевная физіономія? Послушайтесь моего совѣта: вмѣсто того, чтобы скорбѣть и проливать слезы, отправьтесь сегодня же къ вашей возлюбленной, и кто знаетъ, можетъ быть черезъ девять мѣсяцевъ вы подарите французскому королевству новаго гражданина, взамѣнъ того, котораго оно лишилось сегодня. Такимъ образомъ, свѣтъ ничего не потеряетъ отъ смерти Комминжа... Ну, лодочникъ, греби скорѣе, если желаешь заработать хорошія деньги. Видишь, тамъ идутъ люди съ алебардами. Это сержанты изъ башни Несль; мы не имѣемъ никакихъ желаній встрѣтиться съ ними.

ГЛАВА VII.

Бѣлая магія.

Люди, вооруженные алебардами, принадлежали къ отряду, который находился неотлучно въ сосѣдствѣ Pré-aux-Clercs, чтобы, въ случаѣ надобности, вмѣшаться въ ссоры, происходившія въ этой классической мѣстности дуэлей. По своему обыкновенію, они шли медленнымъ шагомъ, чтобы явиться по окончаніи поединка. Ихъ попытки водворить миръ большею частью были весьма дурно принимаемы. Не разъ случалось, что отъявленные враги прерывали смертельный бой и сообща нападали на солдатъ, которые старались разнять ихъ. Такимъ образомъ, обязанности этой стражи почти исключительно состояли въ помощи раненымъ и въ подбираніи мертвыхъ тѣлъ. На этотъ разъ стрѣлкамъ пришлось только сдѣлать послѣднее, и они исполнили это по своему обыкновенію, т. е. тщательно обшарили карманы несчастнаго Комминжа и раздѣлили между собой его одежду.

— Мой милый другъ, сказалъ Бевилль, обращаясь къ Мержи,— если вы хотите послушаться моего совѣта, то отправьтесь по возможности тайно къ Амбруазу Паре. Никто лучше его не можетъ зашить рану или перевязать сломанную ногу. Хотя онъ такой же еретикъ, какъ самъ Кальвинъ, но пользуется такой извѣстностью за свое знаніе, что самые ревностные католики прибѣгаютъ къ его помощи. До сихъ поръ одна только маркиза де-Буассьеръ выказала необычайное мужество и предпочла лучше умереть, чѣмъ быть обязанной жизнью гугеноту. Держу пари на десять пистолей, что она теперь въ раю.

— Твоя рана, Бернаръ, такъ незначительна, что заживетъ дня черезъ три, сказалъ Жоржъ. — Но у Комминжа есть родные въ Парижѣ, и они могутъ принять къ сердцу его смерть.

— Разумѣется, сказалъ Бевилль.—Мать Комминжа ради приличія сочтетъ своимъ долгомъ преслѣдовать нашего друга. Поэтому, на всякій случай, совѣтую тебѣ, Жоржъ, обратиться къ г-ну Шатильону—пусть онъ выхлопочетъ у короля помилованіе твоего брата; король точно мягкій воскъ въ рукахъ адмирала.

— Я желалъ бы, сказалъ вполголоса Мержи,—чтобы адмиралъ ничего не зналъ объ этой исторіи.

— Почему? Я глубоко убѣжденъ, что старикъ будетъ очень доволенъ, когда услышитъ, какимъ молодецкимъ способомъ протестантъ спровадилъ на тотъ свѣтъ католика.

Мержи глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ.

— Комминжъ настолько извѣстенъ при дворѣ, что его смерть надѣлаетъ шуму, сказалъ капитанъ,—но ты, Бернаръ, исполнилъ только свою обязанность дворянина, и тебѣ нечего стыдиться этой исторіи. Я давно не бывалъ у Шатильона; вотъ удобный предлогъ возобновить съ нимъ знакомство.

— Во всякомъ случаѣ, крайне непріятно провести нѣсколько часовъ подъ арестомъ, продолжалъ Бевилль.—Если ты ничего не имѣешь противъ этого, Жоржъ, то я отведу твоего брата въ одинъ домъ, гдѣ онъ можетъ спокойно оставаться до тѣхъ поръ, пока его дѣло окончательно не уладится. Къ несчастью, онъ еретикъ, врядъ ли можно будетъ помѣстить его въ монастырѣ.

— Благодарю васъ за ваше любезное предложеніе, сказалъ Мержи;—но я не считаю себя вправѣ принять его, такъ какъ это можетъ повредить вамъ.

— Нисколько, мой милый другъ! Развѣ мы не должны оказывать услуги нашимъ пріятелямъ! Вы поселитесь въ домѣ одного изъ моихъ кузеновъ, котораго теперь нѣтъ въ Парижѣ. Я уже помѣстилъ тамъ одну особу, и она позаботится о васъ. Это почтенная старуха, весьма полезная для молодежи, и, вдобавокъ, я могу вполнѣ разсчитывать на ея преданность. Она имѣетъ обширныя свѣдѣнія въ медицинѣ, магіи и астрономіи. Чѣмъ она только не занимается!.. Но ея главное ремесло—сводничество, и въ этомъ никто не сравнится съ нею. Провались я на мѣстѣ, если она не возьмется передать любовное письмо королевѣ! Стоитъ мнѣ только заикнуться объ этомъ...

— Значитъ, мы сведемъ его въ домъ вашего кузена, какъ только Амбруазъ наложитъ ему первую перевязку, сказалъ капитанъ.

Они причалили къ правому берегу Сены, и усадивъ съ нѣкоторымъ трудомъ раненаго Мержи на лошадь, сперва отвезли его къ знаменитому хирургу, а затѣмъ въ уединенный домъ предмѣстья Saint-Antoine, гдѣ, уложивъ его въ покойную постель, оставили на попеченіе старухи.

Если кому случалось убить человѣка, а тѣмъ болѣе въ первый разъ, тотъ естественно мучится нѣкоторое время, особенно при наступленіи ночи, когда воображеніе живо рисуетъ ему картину по-

слѣднихъ конвульсій, предшествовавшихъ смерти. Голова такъ занята мрачными мыслями, что онъ съ трудомъ принимаетъ участіе въ томъ, что окружаетъ его; самый простой разговоръ раздражаетъ его; но, въ то же время онъ боится одиночества, которое внушаетъ еще болѣе тяжелыя мысли.

Несмотря на частыя посѣщенія Бевилля и капитана, Мержи провелъ въ ужасающей тоскѣ первые дни, слѣдовавшіе за дуэлью. Довольно сильная лихорадка, вызванная раной, лишала его сна, такъ что по ночамъ онъ чувствовалъ себя всего несчастнѣе. Мысль, что, быть можетъ, графиня Тюржи думаетъ о немъ и удивляется его храбрости, до извѣстной степени утѣшала его, но не приносила никакого успокоенія.

Однажды ночью, измученный удушливымъ іюльскимъ жаромъ, онъ вздумалъ прогуляться и подышать воздухомъ въ саду, среди котораго находился домъ. Онъ накинулъ плащъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты; но дверь оказалась запертою на ключъ. Предполагая, что старуха сдѣлала это случайно и, вѣроятно, спитъ крѣпкимъ сномъ, онъ счелъ безполезнымъ звать ее, тѣмъ болѣе, что она жила далеко отъ него. Но окно было настолько низко, что онъ послѣ минутной нерѣшимости однимъ скачкомъ очутился въ саду. Все небо заволокло тучами; нигдѣ не видно было ни одной звѣздочки, и только время отъ времени черезъ знойный и тяжелый воздухъ какъ бы съ трудомъ проносились порывы вѣтра. Было далеко за полночь, кругомъ царило мертвое молчаніе.

Мержи нѣкоторое время шелъ по саду, погруженный въ свои размышленія. Они были неожиданно прерваны стукомъ въ калитку, выходившую на улицы. Удары были настолько легкіе, что тотъ, который стучалъ очевидно разсчитывалъ, что кто нибудь поджидаетъ его и тотчасъ же отворитъ ему. Посѣтитель въ такомъ уединенномъ домѣ и въ такой поздній часъ не могъ не возбудить удивленія. Мержи притаился въ темномъ углу сада, откуда онъ могъ все видѣть, оставаясь незамѣченнымъ. Ему не долго пришлось ждать. Изъ дома вышла женщина съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ; это была, вѣроятно, старуха; она поспѣшно отворила калитку, и вслѣдъ затѣмъ кто-то вошелъ въ садъ, закутанный съ головы до ногъ въ большой черный плащъ съ капюшономъ.

Любопытство Бернара было возбуждено въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что, судя по росту и походкѣ, онъ догадывался, что это была женщина. Старуха поклонилась ей съ видомъ величайшаго уваженія, между тѣмъ какъ таинственная посѣтительница едва удостоила кивнуть ей головой. Но при этомъ она многозначительно протянула руку: чистый звонъ упавшаго металла и поспѣшность, съ которой старуха начала что-то отыскивать въ пескѣ, привели Мержи къ заключенію, что она получила деньги.

Обѣ женщины пошли по саду; старуха шла первая, прикрывъ

фонарь платьемъ. Въ глубинѣ сада была устроена бесѣдка изъ липъ, соединенныхъ сплошнымъ трельяжемъ, перевитымъ вьющимися растеніями. Эта бесѣдка была съ двумя ходами; посрединѣ стоялъ небольшой каменный столъ. Старуха вошла въ нее въ сопровожденіи другой женщины, лицо которой было покрыто густымъ вуалемъ. Мержи, затаивъ дыханіе, прокрался вслѣдъ за ними и всталъ за трельяжемъ, гдѣ могъ слышать каждое слово и все видѣть, насколько дозволялъ слабый свѣтъ фонаря освѣщавшій бесѣдку.

Старуха зажгла что-то на жаровнѣ, стоявшей среди стола, и въ то же время погасила или спрятала фонарь. Въ ту же секунду вспыхнулъ голубоватый огонекъ, какой бываетъ отъ спирта, смѣшаннаго съ солью, но такой слабый, что Мержи не могъ бы разглядѣть лица незнакомки, если бы оно даже не было покрыто вуалью. Старуху онъ тотчасъ же узналъ по росту и манерамъ и даже замѣтилъ, что лицо ея вымазано темной краской, такъ что въ своемъ бѣломъ чепцѣ она имѣла видъ бронзовой статуи. На столѣ въ извѣстномъ порядкѣ были разложены какія-то вещи. Мержи показалось, что это кости и окровавленныя тряпки, на которыхъ была поставлена небольшая статуэтка въ дюймъ величины, сдѣланная повидимому изъ воска.

— Ты говоришъ, Камилла, что ему лучше? спросила шепотомъ женщина подъ вуалью.

Мержи вздрогнулъ, услыхавъ звуки этого голоса.

— Да, онъ чувствуетъ себя немного лучше! отвѣтила старуха.— Этимъ онъ обязанъ нашему искусству, хотя мнѣ трудно было сдѣлать что нибудь съ этими тряпками и при маломъ количествѣ крови на компрессахъ.

— А что говоритъ Амбруазъ Паре?

— Развѣ понимаетъ что нибудь этотъ неучъ! Рана настолько глубока и опасна, что можетъ быть вылечена только посредствомъ магіи; нужны частыя жертвы земнымъ и воздушнымъ духомъ... а для этого...

Дама поняла намекъ.

— Если онъ выздоровѣетъ, сказала она,—то ты получишь вдвое противъ того, что я тебѣ дала сегодня.

— Не теряйте надежды и положитесь на меня!

— Что будетъ со мной, Камилла, если онъ умретъ!

— Вамъ нечего безпокоиться; духи милостивы; звѣзды покровительствуютъ намъ; а принесеніе въ жертву чернаго барана расположило въ нашу пользу т о г о, котораго я не хочу назвать...

— Я принесла тебѣ ту вещь, которую ты требовала отъ меня, хотя это стоило мнѣ большого труда. Я купила ее у одного изъ стрѣлковъ, ограбившихъ трупъ.

Съ этими словами дама вынула что-то изъ-подъ плаща; Мержи

видѣлъ, какъ блеснуло лезвее шпаги. Старуха взяла ее и поднесла къ огню.

— Слава Богу, на лезвеѣ кровь и ржавчина! У него кровь, какъ у василиска; она оставила на стали неизгладимый слѣдъ.

Дама съ замѣтнымъ безпокойствомъ взглянула на лезвее.

— Посмотри, Камилла, кровь у самой рукоятки! Онъ можетъ умереть отъ этого удара.

— Нѣтъ, онъ выздоровѣетъ, эта кровь не изъ сердца.

— Ты увѣрена, что онъ выздоровѣетъ?

— Да, но онъ страдаетъ отъ неизличимой болѣзни...

— Какой болѣзни?

— Отъ любви.

— Ахъ, Камилла, неужели это правда!

— Развѣ я лгала когда нибудь! Не я ли предсказала вамъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ боя, и что духи будутъ сражаться за него. Развѣ я не зарыла заблаговременно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ драться, черную курицу и шпагу, которую благословилъ священникъ.

— Да, все это правда!

— Наконецъ, вы сами, развѣ не пронзили въ сердце изображеніе его противника, направивъ этимъ удары человѣка, въ пользу котораго я употребила всѣ средства моей науки.

— Да, Камилла, я пронзила въ сердце изображеніе Комминжа; но я слышала, что онъ умеръ отъ удара, нанесеннаго ему въ голову.

— Несомнѣнно, онъ умеръ отъ удара въ голову; но смерть произошла отъ того, что кровь сгустилась въ его сердцѣ.

Дама ничего не отвѣтила, видимо подавленная силой аргумента. Между тѣмъ старуха поливала масломъ и бальзамомъ лезвее шпаги, тщательно обертывая его бинтами.

— Видите ли, сударыня, я натираю шпагу масломъ скорпіона, чтобы это симпатическое средство перешло въ рану молодаго человѣка. Онъ въ такой же степени ощущаетъ дѣйствіе этого африканскаго бальзама, какъ будто бы я лью его въ самую рану. Но если бы мнѣ вздумалось положить конецъ шпаги на огонь и раскалить ее, то больной почувствовалъ бы такую сильную боль, точно его жгутъ живьемъ.

— Ради Бога, не дѣлай этого!

— Разъ я сидѣла у огня и усердно натирала бальзамомъ шпагу, чтобы вылечить одного молодаго дворянина, которому нанесли двѣ ужасныхъ раны въ голову. Я заснула за этимъ занятіемъ. Вдругъ лакей больнаго постучалъ въ дверь и объявилъ мнѣ, что его господинъ страдаетъ невыносимо и жалуется, что чувствуетъ себя точно на огнѣ. Какъ вы думаете, отчего это случилось? Шпага нечаянно выскользнула у меня изъ рукъ и лезвее очутилось на угольяхъ. Я тотчасъ же вынула шпагу и сказала лакею, что его барину стало

легче. Дѣйствительно, не теряя ни минуты, я опустила шпагу въ холодную воду, къ которой примѣшала кое-какія снадобья, и послѣ этого пошла взглянуть на больнаго. Онъ встрѣтилъ меня словами: „Ахъ, моя добрая Камилла, какъ я хорошо чувствую себя теперь! Меня какъ будто посадили въ ванну изъ прохладной воды, а нѣсколько минутъ тому назадъ мнѣ казалось, что я горю на медленномъ огнѣ, какъ святой Лаврентій.

Старуха окончательно забинтовала шпагу и сказала съ видомъ полнѣйшаго самодовольства:

— Ну, теперь все сдѣлано какъ слѣдуетъ. Я увѣрена, что онъ выздоровѣетъ, и намъ остается только приступить къ послѣдней церемоніи.

Съ этими словами она бросила въ пламя щепотку пахучаго порошка и, крестясь безпрерывно, произнесла какія-то непонятныя слова. Вслѣдъ затѣмъ дама взяла дрожащей рукой восковую статуэтку и, держа ее надъ огнемъ жаровни, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ этотъ воскъ таетъ и горитъ на пламени этой жаровни, такъ пусть и твое сердце, Бернаръ Мержи, растаетъ и возгорится любовью ко мнѣ.

— Такъ! сказала старуха, одобрительно кивнувъ головой.—Теперь возьмите эту зеленую свѣчу, вылитую въ полночъ по всѣмъ правиламъ нашей науки. Зажгите ее завтра у алтаря св. Богородицы.

— Я сдѣлаю это! Однако, несмотря на всѣ твои обѣщанія, я въ сильномъ безпокойствѣ. Вчера мнѣ приснилось, что онъ умеръ.

— На которомъ боку лежали вы тогда?

— Я желала бы знать... на правомъ или на лѣвомъ боку снятся правдивые сны?..

— Скажите мнѣ сперва: на которомъ боку вы спите обыкновенно? Я вижу, что вы сами хотите обмануть себя.

— Я сплю обыкновенно на правомъ боку.

— Успокойтесь! Вамъ сонъ предвѣщаетъ счастье.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! Но я видѣла его блѣднымъ и окровавленнымъ, въ длинномъ саванѣ...

Говоря это, она подняла голову и увидѣла Мержи, стоявшаго у одного изъ входовъ въ бесѣдку. Неожиданность настолько поразила ее, что она громко вскрикнула; а старуха намѣренно или случайно опрокинула жаровню на землю. Въ тотъ же моментъ поднялось яркое пламя, которое ослѣпило Мержи на нѣсколько секундъ. Обѣ женщины, пользуясь этимъ, бросились изъ бесѣдки другимъ ходомъ. Какъ только Мержи могъ различать что либо, онъ побѣжалъ вслѣдъ за ними, но едва не упалъ, запнувшись о какую-то вещь, попавшую ему подъ ноги. Онъ сталъ разглядывать ее и убѣдился, что это была шпага, которой онъ обязанъ былъ своимъ мнимымъ изцѣленіемъ. Досадуя на неумѣстную трату времени, онъ быстро свернулъ на широкую прямую аллею, въ полной увѣренности, что теперь ничто не

помѣшаетъ ему догнать бѣглянокъ. Но въ этотъ моментъ онъ услышалъ, какъ хлопнула калитка, выходившая на улицу, и ее заперли на ключъ.

Мержи остановился въ недоумѣніи, нѣсколько огорченный неудачей; затѣмъ добрался опущью до своей комнаты и легъ въ постель. Всѣ мрачныя мысли, мучившія его въ послѣдніе дни, разсѣялись какъ дымъ, равно и упреки совѣсти и безпокойство о своемъ положеніи. Онъ только думалъ о томъ, что любитъ самую красивую женщину въ цѣломъ Парижѣ и любимъ ею: у него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дама подъ вуалью была графиня Тюржи. Онъ заснулъ съ восходомъ солнца и проснулся поздно утромъ. На его подушкѣ лежало запечатанное письмо; не понимая, какъ оно могло очутиться тутъ, онъ поспѣшно сорвалъ печать и прочелъ слѣдующія слова:

„Милостивый государь, отъ вашей скромности зависитъ честь женщины“.

Нѣсколько минутъ спустя, вошла старуха съ чашкой бульона въ рукахъ. На этотъ разъ противъ обыкновенія у пояса ея висѣли крупныя четки. Лицо ея было тщательно вымыто и напоминало по цвѣту закоптѣвшій пергаментъ. Она шла медленнымъ шагомъ съ опущенными глазами, какъ бы изъ боязни, что видъ земныхъ предметовъ нарушитъ ея благочестивыя размышленія.

Мержи мысленно рѣшилъ, что онъ только въ томъ случаѣ можетъ исполнить то, чего требовали отъ него въ таинственной запискѣ, когда узнаетъ подробно, что̀ собственно долженъ онъ скрывать передъ свѣтомъ. Онъ взялъ чашку изъ рукъ старуки и, не давъ ей времени выйти изъ комнаты, сказалъ:

— Вы никогда не говорили мнѣ, что васъ зовутъ Камиллой!

— Камиллой?.. Мое имя Марта... Марта Мишели, отвѣтила старуха съ удивленнымъ видомъ.

— Значитъ, вы называетесь Мартой, когда говорите съ простыми смерными, и принимаете имя Камиллы, когда имѣете сообщеніе съ духами!

— Съ духами!.. Господи, помилуй меня грѣшную! Я не понимаю, что вы хотите сказать, сударь?

Она набожно перекрестилась при этихъ словахъ.

— Не играйте комедіи! Даю вамъ честное слово, что это останется между нами. Назовите мнѣ фамилію дамы, которая такъ интересуется моимъ здоровьемъ?

— Дамы, которая...

— Ну, да! той дамы... Пожалуйста, не повторяйте моихъ словъ, а отвѣчайте откровенно на мои вопросы. Клянусь честью, что я не измѣню вамъ.

— Право, сударь, я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать.

Мержи не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на старуху, которая,

положивъ руку на сердце, дѣлала напрасныя усилія, чтобы казаться удивленной. Онъ вынулъ золотой изъ кошелька, висѣвшаго у его изголовья, и подалъ ей.

— Возьмите это, моя добрая Камилла, сказалъ онъ:—вы такъ старательно натирали вчера шпагу бальзамомъ скорпіоновъ, чтобы вылечить меня, что я долженъ сдѣлать вамъ подарокъ.

— Повѣрьте мнѣ, сударь, что я рѣшительно не понимаю, что вы хотите сказать.

— Чортъ васъ побери, Марта или Камилла! Не сердите меня и отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ! Кто эта дама, съ которою вы колдовали прошлую ночь?

— Господи Іисусе Христе! Онъ не на шутку сердится!.. Не начинается ли съ нимъ бредъ?

Мержи, окончательно выведенный изъ терпѣнія, бросилъ подушку въ голову старухи, которая съ смиреннымъ видомъ положила ее на постель, а затѣмъ подняла золотой, упавшій на землю.

Приходъ капитана избавилъ ее отъ непріятнаго объясненія, которое могло очень дурно кончиться для нея.

ГЛАВА XIII.

Клевета.

Жоржъ въ это же утро отправился къ адмиралу, чтобы переговорить съ нимъ относительно своего брата. Онъ изложилъ ему дѣло въ нѣсколькихъ словахъ.

Адмиралъ, слушая его, разгрызъ зубочистку, что всегда было у него признакомъ нетерпѣнія.

— Я знаю эту исторію, сказалъ онъ, —и удивляюсь, что вы мнѣ разсказываете ее, такъ какъ она уже получила достаточную огласку.

— Если я рѣшился безпокоить васъ, г. адмиралъ, то въ виду участія, которымъ вы удостоивали нашу семью; надѣюсь, что и на этотъ разъ вы не откажетесь просить короля о помилованіи моего брата. Ваше вліяніе на его величество...

— Мое вліяніе! повторилъ съ живостью адмиралъ.—Я пользуюсь имъ благодаря тому, что никогда не безпокою его величество незаконными просьбами.

При этихъ словахъ Колиньи почтительно снялъ шляпу.

— Обстоятельство, которое вынуждаетъ моего брата обратиться къ вашему ходатайству, продолжалъ капитанъ,—представляетъ, къ несчастью, слишкомъ обычное явленіе. Король въ прошломъ году под-

писалъ болѣе тысячи просьбъ о помилованіи; противникъ Бернара также не разъ пользовался снисхожденіемъ его величества.

— Вашъ братъ былъ зачинщикомъ ссоры. Быть можетъ, и я желалъ бы, чтобы это было такъ... онъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ только дурнымъ совѣтамъ нѣкоторыхъ господъ.

Говоря это, адмиралъ пристально смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Я старался по возможности отвратить послѣдствія этой нелѣпой ссоры, сказалъ Жоржъ;—но, какъ вамъ извѣстно, Комминжъ не признавалъ другого удовлетворенія, кромѣ того, которое дается шпагою. Честь дворянина и хорошее мнѣніе дамъ...

— Этимъ вздоромъ вы, разумѣется, и начинили голову молодому человѣку въ надеждѣ сдѣлать изъ него un raffiné. Какъ огорчился бы вашъ отецъ, если бы узналъ, на сколько его младшій сынъ пренебрегаетъ совѣтами, полученными въ родительскомъ домѣ! Господи! едва прошло два года, какъ кончились наши междоусобныя войны, и они уже забыли потоки пролитой крови! Имъ это кажется недостаточнымъ... Нужно еще, чтобы французы ежедневно убивали французовъ!

— Если бы я зналъ, что моя просьба будетъ непріятна вамъ...

— Скажу вамъ откровенно, мосье де-Мержи, что я могъ бы преодолѣть чувство христіанина и найти оправданіе ссорѣ, затѣянной вашимъ братомъ, но, судя по слухамъ, его поведеніе во время дуэли не было...

— Что хотите вы этимъ сказать, г. адмиралъ?

— Мнѣ говорили, что способъ, какимъ былъ веденъ весь поединокъ, недостоинъ французскаго дворянина.

— Кто осмѣлился распространить эту клевету! воскликнулъ Жоржъ съ глубокимъ негодованіемъ. Глаза его сверкали отъ гнѣва.

— Успокойтесь, мосье де Мержи! Вамъ не придется посылать вызова, потому что женщинъ не вызываютъ на дуэль. Мать Комминжа сообщила королю кое-какія подробности о поединкѣ, которыя не дѣлаютъ чести вашему брату. Этимъ только и можно объяснить, что такой извѣстный дуэлистъ, какъ Комминжъ, погибъ подъ ударами мальчика, едва вышедшаго изъ возраста пажей.

— Скорбь матери настолько велика и законна, что нечему удивляться, если слезы мѣшаютъ ей видѣть истину. Но я надѣюсь, что вы, г. адмиралъ, не будете судить о моемъ братѣ со словъ женщины, ослѣпленной горемъ.

Колиньи видимо колебался; въ голосѣ его уже не было слышно прежняго оттѣнка горькой ироніи.

— Но вы не можете отрицать, сказалъ онъ, — что секундантъ Комминжа, Бевилль, вашъ первый другъ.

— Я давно знакомъ съ нимъ и даже многимъ обязанъ ему! Онъ былъ также друженъ съ Комминжемъ, который выбралъ его своимъ секундантомъ... Впрочемъ, Бевилль настолько извѣстенъ своей храб-

ростью и честностью, что относительно этого не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Честность Бевилля! повторилъ адмиралъ, пожимая плечами. Это отъявленный атеистъ, человѣкъ развращенный до мозга костей!

— Тѣмъ не менѣе, это рыцарски честный человѣкъ! воскликнулъ Жоржъ. — Но зачѣмъ станемъ мы распространяться объ этомъ? Я самъ присутствовалъ на дуэли. Неужели, г. адмиралъ, вы считаете меня или моего брата способнымъ совершить убійство?

Въ тонѣ, какимъ были сказаны эти слова, слышалась угроза. Колиньи не понялъ, не хотѣлъ понять заключавшагося въ нихъ намека на убійство Франциска Гиза, приписанное ему ненавистью католиковъ.

Черты лица его приняли прежнее спокойное и неподвижное выраженіе.

— Мосье де-Мержи, сказалъ онъ съ презрительной улыбкой:— человѣкъ, который отрекся отъ религіи, потерялъ право говорить о своей чести, такъ какъ никто не повѣритъ ему.

Лицо капитана побагровѣло отъ гнѣва и черезъ минуту покрылось мертвой блѣдностью. Онъ отступилъ назадъ, какъ бы изъ боязни поддаться искушенію ударить старика.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, — вашъ возрастъ и положеніе, которое вы занимаете въ свѣтѣ, даютъ вамъ возможность безнаказанно оскорблять бѣднаго дворянина въ томъ, что для него всего дороже. Но умоляю васъ, прикажите которому нибудь изъ окружающихъ васъ дворянъ новторить ваши слова. Клянусь небомъ, что я заставлю его подавиться ими.

— Вѣроятно, это принято у господъ raffinés. Но я не слѣдую ихъ обычаямъ и выгоняю изъ моей службы тѣхъ дворянъ, которые подражаютъ имъ.

Говоря это, Колиньи повернулъ спиной.

Капитанъ вышелъ изъ отеля Шатильонъ съ яростью въ сердцѣ и, вскочивъ на лошадь, пустилъ ее бѣшенымъ галопомъ, усиленно пришпоривая ее въ бока. Дорогой онъ едва не раздавилъ нѣсколькихъ прохожитъ, такъ что нужно приписать особенному счастью, что съ нимъ не встрѣтился ни одинъ изъ raffinés, потому что въ томъ настроеніи духа, въ которомъ онъ находился, для него достаточно было малѣйшаго повода, чтобы обнажить шпагу.

Стремительная ѣзда мало-по-малу успокоила его возбужденные нервы. Онъ поѣхалъ шагомъ и, гладя по шеѣ своего взмыленнаго коня, свазалъ съ горькой усмѣшкой:

— Мой бѣдный другъ, я отомстилъ тебѣ за нанесенное мнѣ оскорбленіе!

Онъ съ горечью припоминалъ малѣйшія подробности своего разговора съ Колиньи; но, войдя въ комнату своего брата, онъ не счелъ нужнымъ сообщать ему что-либо и ограничился короткимъ извѣстіемъ, что адмиралъ отказался исполнить его просьбу.

Вслѣдъ затѣмъ явился Бевилль и, бросившись въ объятія Мержи, сказалъ ему:

— Поздравляю васъ, мой другъ! Вотъ бумага о помилованіи; вы обязаны этимъ ходатайству королевы.

Мержи былъ менѣе удивленъ, нежели его братъ. Онъ приписывалъ неожиданную милость короля хлопотамъ таинственной дамы, т. е. графини де-Тюржи.

ГЛАВА XIV.

На rendez-vous.

Мержи переѣхалъ на квартиру своего брата и сталъ вновь являться при дворѣ. Войдя въ Луврѣ, онъ замѣтилъ, что къ нему до извѣстной степени перешло то уваженіе, которымъ пользовался Коммингжъ. Люди, едва знавшіе его, униженно кланялись ему, какъ близкіе знакомые. Мужчины плохо скрывали свою зависть подъ видомъ изысканной вѣжливости; дамы лорнировали его и встрѣчали съ кокетливой улыбкой, такъ какъ въ тѣ времена репутація ловкаго дуэлиста была самымъ вѣрнымъ средствомъ покорить ихъ сердца. Три или четыре человѣка, убитыхъ въ поединкахъ, имѣли больше значенія, нежели красота, умъ и богатство. Когда нашъ герой появился въ галлереѣ Лувра, то онъ услышалъ вокругъ себя одобрительный шепотъ:

— Вотъ Мержи, который убилъ Коммингжа! Какой онъ молодой и какъ себя держитъ! Онъ очень красивъ! Посмотрите, какіе у него славные усы! Любопытно было бы знать, кто его возлюбленная?..

Но Мержи напрасно искалъ въ толпѣ голубые глаза и черныя рѣсницы госпожи де-Тюржи. Онъ дано рѣшился сдѣлать ей визитъ; но ему сказали, что въ день смерти Коммингжа она уѣхала въ свое помѣстье, на разстояніи двадцати лье отъ Парижа. Злые языки говорили, что горе, причиненное смертью человѣка, который такъ усиленно ухаживалъ за нею, принудило ее искать уединенія, гдѣ бы она могла на свободѣ предаться своей тоскѣ.

Однажды утромъ, когда капитанъ, лежа на кушеткѣ, читалъ въ ожиданіи завтрака: „La vie très horrificque de Pantagruel“, а Бернаръ былъ занятъ игрой на гитарѣ подъ руководствомъ музыкальнаго учителя, синьора Уберто Винибелла, вошелъ лакей и объявилъ, что въ нижней залѣ ждетъ опрятно одѣтая старуха, которая желаетъ переговорить съ мосье Бернаромъ.

Младшій Мержи поспѣшно сошелъ внизъ и увидѣлъ незнакомую старуху, непохожую ни на Марту, ни на Камиллу. Она подала ему

письмо, завязанное золотой ниткой, съ большой печатью изъ зеленаго воска, на которой вмѣсто герба былъ изображенъ амуръ, приложившій палецъ ко рту, съ кастильскимъ девизомъ: Callad! (молчите). Мержи открылъ письмо, которое состояло изъ одной фразы на испанскомъ языкѣ, едва понятной для него: Esta noche, una dama espera à V. M. (одна дама ждетъ васъ вечеромъ).

— Кто далъ вамъ это письмо? спросилъ онъ старуху.

— Одна дама.

— Какъ ея фамилія?

— Не знаю, она называетъ себя испанкой.

— Гдѣ же она познакомилась со мной? Старуха пожала плечами.

— Ваша репутація любезнаго кавалера, вѣроятно, навлекла на васъ эту бѣду! отвѣтила она насмѣшливымъ тономъ.—Скажите мнѣ только: придете ли вы или нѣтъ.

— Куда долженъ я придти?

— Приходите сегодня вечеромъ въ половинѣ девятаго въ церковь Saint-Germain l'Auxerrois, налѣво отъ главнаго алтаря.

— Значитъ, я увижу эту даму въ церкви?

— Нѣтъ; за вами придутъ и скажутъ, куда вы должны идти. Но никому не говорите объ этомъ и приходите одни.

— Исполню въ точности.

— Вы обѣщаете это?

— Даю честное слово.

— Прощайте! Не слѣдите за мной, потому что это будетъ безполезно.

Старуха удалилась съ низкимъ поклономъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста: зачѣмъ приходила къ тебѣ эта сводня? спросилъ Жоржъ своего брата послѣ ухода учителя музыки.

— Такъ, безъ всякой особенной цѣли! отвѣтилъ Мержи равнодушнымъ голосомъ, внимательно разглядывая мадонну.

— Сдѣлай одолженіе, не принимай таинственнаго вида! Не нужно ли проводить тебя на свиданіе, а затѣмъ постоять на улицѣ, чтобы отгонять ревнивцевъ шпагою?

— Нѣтъ, я вовсе не нуждаюсь въ этомъ.

— Ну, это твое дѣло! Секретничай сколько угодно, но держу пари, что тебѣ настолько же хочется разсказать все, какъ мнѣ узнать, что сказала тебѣ старуха.

Мержи разсѣянно наигрывалъ на гитарѣ.

— Кстати, Жоржъ, я не могу сегодня быть на ужинѣ у Водрёля.

— Значитъ, свиданіе назначено сегодня! Скажи мнѣ, какова она? придворая ли дама? мѣщанка или купчиха?

— Право, не знаю! Меня должны представить одной дамѣ... Она не здѣшняя... Но кто она—я не имѣю объ этомъ никакого понятія.

— Но тебѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты встрѣтишь ее?

Бернаръ показалъ записку и сообщилъ, что̀ ему сказала старуха.

— Это поддѣльный почеркъ, сказалъ Жоржъ,—и я не могу понять, къ чему такія предосторожности!

— Можетъ быть, это какая-нибудь знатная дама, Жоржъ!

— Какова самоувѣренность у нашей молодежи! Подайте имъ малѣйшій поводъ, и они тотчасъ вообразятъ, что самыя знатныя дамы готовы броситься имъ на шею.

— Посмотри, какими превосходными духами надушена эта записка!

— Что же это доказываетъ? возразилъ капитанъ, нахмуривъ брови. Въ головѣ его промелькнула мрачная мысль.—Комминжи извѣстны своей мстительностью, добавилъ онъ:—можетъ быть, это они приглашаютъ тебя, чтобы заманить въ западню, гдѣ ты дорого поплатишься за ударъ кинжала, доставившій имъ богатое наслѣдство.

— Чего ты не выдумаешь! Что за дикая фантазія!...

— Это будетъ не первый разъ, что любовь служитъ приманкой для мести. Ты читалъ библію, вспомни о Самсонѣ, котораго предала Далила.

— Неужели ты считаешь меня такимъ трусомъ, что я въ виду подобныхъ предположеній откажусь отъ rendez-vous, которое, быть можетъ, доставитъ мнѣ величайшее наслажденіе! Испанки...

— По крайней мѣрѣ, не ходи безъ оружія. Если ты хочешь, то мои лакеи къ твоимъ услугамъ.

— Ну, Жоржъ, ты кажется хочешь, чтобы весь городъ былъ свидѣтелемъ моихъ любовныхъ приключеній!

— Въ моемъ предложеніи нѣтъ ничего обиднаго для тебя. Теперь это въ обычаѣ. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ мой другъ д'Арделей шелъ на свиданіе къ своей возлюбленной въ латахъ и съ двумя пистолетами за поясомъ... кромѣ того, за нимъ шли еще четыре солдата его отряда, вооруженные съ головы до ногъ. Ты не знаешь Парижа, мой милый; повѣрь, что осторожность никогда не мѣшаетъ. Латы всегда можно снять, если они окажутся лишними.

— Я не чувствую ни малѣйшаго безпокойства. Если бы родные Комминжа вздумали мстить мнѣ, то кто мѣшаетъ имъ напасть на меня на улицѣ, среди ночи!

— Но я выпущу тебя изъ дому только подъ условіемъ, что ты возьмешь съ собой пистолеты.

— Изволь! но надо мной будутъ насмѣхаться.

— Это еще не все! Ты долженъ предварительно пообѣдать какъ можно сытнѣе: съѣсть двѣ куропатки и цѣлую тарелку паштета съ пѣтушьими гребешками, чтобы вечеромъ поддержать честь семейства Мержи...

Бернаръ удалился въ свою комнату, гдѣ онъ провелъ не менѣе четырехъ часовъ за своимъ туалетомъ; онъ причесывалъ и завивалъ волосы, обливалъ себя духами и мысленно приготовлялъ краснорѣ-

чивыя фразы, съ которыми думалъ обратиться къ прекрасной незнакомкѣ.

Мержи явился на rendez-vous ранѣе назначеннаго времени, такъ что болѣе получаса прогуливался по церкви. Онъ уже трижды сосчиталъ всѣ свѣчи, колонны и ex-voto (приношенія по обѣту), когда наконецъ явилась старуха, тщательно закрытая капюшономъ, и взявъ его за руку, вышла съ нимъ молча на улицу, а затѣмъ повела его различными обходами въ узкій и повидимому необитаемый переулокъ. Здѣсь она остановилась передъ низкой стрѣльчатой дверью и отперла ее ключемъ, который вынула изъ кармана. Она вошла первая; Мержи послѣдовалъ за ней, держась за ея капюшонъ, такъ какъ очутился въ совершенной темнотѣ; въ это время кто-то заперъ за ними дверь большимъ засовомъ. Старуха предупредила его, что они у лѣстницы и что ему придется подняться на двадцать семь ступеней. Лѣстница была узкая и ступени настолько истертыя и неровныя, что онъ нѣсколько разъ едва не упалъ. Когда они дошли до площадки, которой кончалась лѣстница, старуха отворила дверь; яркій свѣтъ на минуту ослѣпилъ Мержи. Онъ вошелъ въ комнату, которая была гораздо богаче меблирована, нежели можно было ожидать по внѣшнему виду дома.

Стѣны были обиты пестрыми обоями, немного потертыми, но совершенно чистыми. Среди комнаты стоялъ столъ, освѣщенный двумя свѣчами изъ розоваго воска, на которомъ были разставлены фрукты, пирожныя, стаканы и хрустальные графины, наполненные различными винами. Два большихъ кресла, поставленныя по обѣимъ сторонамъ стола, повидимому ожидали гостей. Въ нишѣ, полузакрытой шелковыми занавѣсами, виднѣлась роскошно убранная кровать, покрытая пунцовымъ атласнымъ одѣяломъ. Нѣсколько курильницъ распространяли по комнатѣ пріятный ароматъ. Старуха сняла свой капюшонъ и Мержи узналъ въ ней ту самую женщину, которая принесла ему таинственное письмо.

— Пресвятая Марія, воскликнула старуха, увидя пистолеты и шпагу, которыми былъ вооруженъ Мержи,—неужели вы думали, что вамъ придется драться съ великанами? Повѣрьте, что такому красивому господину, какъ вы, найдется здѣсь другое занятіе, помимо дуэли на шпагахъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это! Но я взялъ съ собой оружіе изъ предосторожности, чтобы братья или сердитый мужъ не вздумали помѣшать нашему разговору.

— Вамъ нечего опасаться чего либо подобнаго! Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ вамъ нравится эта комната?

— Я нахожу ее восхитительной; но, разумѣется, буду скучать въ ней, если долженъ оставаться тутъ въ печальномъ одиночествѣ.

— Нѣтъ, къ вамъ придетъ одна особа. Но прежде всего вы должны дать мнѣ одно обѣщаніе.

— Какое?

— Если вы католикъ, то вы должны произнести клятву надъ распятіемъ (старуха вынула крестъ изъ шкафа); если же вы гугенотъ, то поклянитесь Кальвиномъ... Лютеромъ, всѣми вашими богами...

Мержи громко расхохотался.

— Но въ чемъ же я долженъ поклясться? спросилъ онъ.

— Въ томъ, что вы не сдѣлаете никакой попытки, чтобы узнать имя дамы, которая придетъ сюда.

— Это довольно тяжелое условіе!

— Какъ хотите! Если вы не согласитесь произнести клятву, то я опять уведу васъ отсюда.

— Ну хорошо! Даю вамъ честное слово; оно стоитъ нелѣпыхъ клятвъ, которыя вы требуете отъ меня.

— Вотъ и отлично! Теперь ждите терпѣливо; пейте и кушайте сколько вамъ угодно, а немного погодя къ вамъ придетъ дама, которую вы такъ желаете видѣть.

Старуха взяла свою мантилью съ капюшономъ и вышла, заперевъ дверь на ключъ.

Мержи бросился въ кресло. Его сердце усиленно билось; онъ испытывалъ такое же волненіе, какъ нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Pré-auz-Clercs при встрѣчѣ съ Комминжемъ.

Въ домѣ царила мертвая тишина. Мержи провелъ болѣе четверти часа въ мучительномъ ожиданіи. Воображеніе попеременно рисовало ему то Венеру, выходящую изъ потаенной двери, чтобы броситься въ его объятія, то графиню Тюржи въ охотничьемъ костюмѣ, принцессу королевской крови, шайку разбойниковъ и, наконецъ, что казалось ему всего ужаснѣе—влюбленную пятидесятилѣтнюю женщину.

Мечты эти были прерваны совершенно неожиданно, такъ какъ не слышно было ничьихъ шаговъ; кто-то повернулъ ключъ въ замкѣ дверей и въ комнатѣ появилась женщина въ маскѣ. Она была высокаго роста и хорошо сложена; узкій корсажъ красиво обрисовывалъ ея стройную фигуру; но къ огорченію Мержи возрастъ незнакомки нельзя было опредѣлить ни по миніатюрной ножкѣ, обутой въ бѣлую бархатную туфлю, ни по маленькой рукѣ, закрытой вышитой перчаткой. Тѣмъ не менѣе нѣчто неуловимое, быть можетъ, своего рода предчувствіе заставляло его вѣрить, что ей было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Ея богатый туалетъ отличался простотой и изяществомъ.

Мержи тотчасъ же поднялся съ своего мѣста и преклонилъ колѣно. Таинственная дама подошла къ нему на нѣсколько шаговъ и сказала ласковымъ голосомъ:

— Dios os guarde, caballero. Sea V. M. el bien venido [1]).

---

[1]) Господь да сохранитъ васъ, милостивый государь. Будьте нашимъ дорогимъ гостемъ.

Мержи съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Habla V. M. espanol? [1]).

Мержи не говорилъ по-испански и съ трудомъ понималъ этотъ языкъ.

Дама сдѣлала недовольную мину. Мержи довелъ ея до кресла; она сѣла и, пригласивъ его жестомъ руки послѣдовать ея примѣру, заговорила съ нимъ по-французки, съ иностраннымъ акцентомъ, иногда очень сильнымъ и какъ бы утрированнымъ, но который минутами былъ совершенно незамѣтенъ.

— Очень рада познакомиться съ вами, мосье де-Мержи!—сказала она.—Слухи о вашей необычайной храбрости заставили меня забыть сдержанность, свойственную женщинѣ; мнѣ хотѣлось увидѣть то, что вы, французы, называете un cavalier accompli, и теперь мое желаніе исполнилось.

Мержи отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

— Неужели вы будете настолько жестоки, сказалъ онъ, — что останетесь въ этой маскѣ, которая какъ завистливая туча скрываетъ отъ меня солнечные лучи? (Онъ вычиталъ эту фразу въ одномъ испанскомъ романѣ, переведенномъ на французскій языкъ).

— Если я буду довольна вашей скромностью, то вы не разъ увидите меня съ открытымъ лицомъ; сегодня же вы дожны довольствоваться тѣмъ, что вы говорите со мной наединѣ.

— Но это удовольствіе, какъ оно ни велико, еще больше усиливаетъ мое желаніе видѣть васъ.

Онъ стоялъ на колѣнахъ и повидимому намѣревался приподнять маску.

— Poco a poco! [2]) вы, французы, слишкомъ живы... Садитесь на это кресло, или я тотчасъ же уйду отъ васъ. Если бы вы знали, кто я и чему я подвергаю себя, чтобы видѣть васъ, то вы довольствовались бы честью, которую я оказала вамъ, назначивъ этотъ rendez-vous.

— Дѣйствительно вашъ голосъ кажется мнѣ знакомымъ.

— Но все-таки вы слышите его въ первый разъ. Скажите, способны ли вы остаться вѣрнымъ женщинѣ, которая бы полюбила васъ?..

— Я чувствую вблизи васъ...

— Какъ можете вы любить меня, не видавъ ни разу моего лица. Вы даже не знаете, красива ли я, или дурна, какъ смертный грѣхъ!

— Я убѣжденъ, что вы очаровательны.

Незнакомка отняла руку, которой онъ завладѣлъ, и поднесла къ маскѣ, какъ бы намѣреваясь снять ее.

---

[1]) Говорите ли вы по-испански?

[2]) Потише.

— Что вы скажете, если передъ вами очутится пятидесятилѣтняя женщина, и вдобавокъ такая безобразная, что вы испугаетесь, когда увидите ее.

— Нѣтъ, это невозможно!

— Женщина въ пятьдесятъ лѣтъ еще можетъ влюбляться!

(Она глубоко вздохнула при этихъ словахъ; Мержи содрогнулся отъ ужаса).

— Эта изящная талія, эта рука, которую вы напрасно стараетесь отнять отъ меня, свидѣтельствуютъ о вашей молодости,—возразилъ онъ.

Въ тонѣ, съ какимъ произнесены были эти слова, скорѣе слышалось желаніе сказать любезность, нежели дѣйствительное убѣжденіе.

Незнакомка вторично вздохнула. Мержи почувствовалъ еще большее безпокойство.

— Вамъ, мужчинамъ, недостаточно одной любви! продолжала она, задумчиво склонивъ голову.—Вы еще непремѣнно требуете красоты.

— Умоляю васъ, снимите маску...

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Развѣ вы забыли свое обѣщаніе! воскликнула она, отталкивая его; затѣмъ добавила болѣе веселымъ тономъ:—кто знаетъ, снявъ маску, я, можетъ быть, рискую потерять ваше расположеніе. Мнѣ пріятно видѣть васъ у моихъ ногъ!.. Въ случаѣ, если у меня нѣтъ ни молодости, ни красоты, насколько вы требуете этого... то можете ли вы дать мнѣ слово, что не покинете меня...

— Позвольте мнѣ взглянуть на вашу руку!

Она сняла перчатку и протянула ему руку снѣжной бѣлизны.

— Теперь я догадываюсь, кто вы. Въ цѣломъ Парижѣ нѣтъ другой болѣе красивой руки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Чья же это рука?

— Одной графини.

— Какой графини.

— Де-Тюржи.

— Я встрѣчала ее въ обществѣ... Да, у Тюржи красивыя руки, но только благодаря разнымъ косметическимъ средствамъ. Я могу похвастать, что кожа на моихъ рукахъ еще нѣжнѣе, хотя я не прибѣгаю для этого къ помощи парфюмера!

Все это было сказано такимъ естественнымъ тономъ, что у Мержи явилось сомнѣніе, хотя за минуту передъ тѣмъ онъ готовъ былъ держать пари, что узналъ голосъ Тюржи.

— Двѣ вмѣсто одной! думалъ онъ.—Феи положительно покровительствуютъ мнѣ!

Онъ старался найти на прекрасной рукѣ слѣдъ кольца, который видѣлъ у графини Тюржи; но на красивыхъ пальцахъ не видно было ни малѣйшаго знака отъ него.

— Графиня Тюржи! воскликнула со смѣхомъ незнакомка.—Мнѣ нечего благодарить васъ, что вы принимаете меня за Тюржи! Слава Богу, я считаю себя несравненно лучше этой прославленной красавицы.

— Клянусь честью, графиня самая красивая женщина, которую я когда либо видѣлъ въ моей жизни.

— Значитъ, вы влюблены въ нее?

— Можетъ быть! Но сдѣлайте одолженіе, снимите маску; я очень желалъ бы видѣть женщину красивѣе Тюржи.

— Я сдѣлаю это, когда буду увѣрена, что вы любите меня... тогда вы увидите мое лицо.

— Любить васъ!.. Но, чортъ побери, развѣ возможно влюбиться въ женщину, не видя ея лица!

— Вы восхищаетесь моей рукой! Вообразите, что лицо вполнѣ соотвѣтствуетъ этой рукѣ.

— Теперь я болѣе чѣмъ когда нибудь увѣренъ въ вашей красотѣ. Вы измѣнили себѣ, заговоривъ вашимъ обыкновеннымъ голосомъ. Я узналъ его, и никто не убѣдитъ меня въ противномъ.

— Вамъ опять почудился голосъ Тюржи? возразила она съ замѣтнымъ испанскимъ акцентомъ.

— Разумѣется!

— Вы очень ошибаетесь, сеньоръ Бернардо; меня зовутъ донна Марія... донна Марія де... Вы послѣ узнаете мою фамилію. Я уроженка Барселоны; мой отецъ, который зорко слѣдитъ за мной, отправился путешествовать; я воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы немного развлечься и увидѣть парижскій дворъ. Что же касается Тюржи, то сдѣлайте одолженіе, не говорите мнѣ объ этой женщинѣ; я даже не хочу слышать ея имени! Это самая злая изъ всѣхъ придворныхъ дамъ. Вы, вѣроятно, слыхали, какъ она сдѣлалась вдовой!

— Да, я что-то слышалъ объ этомъ. Разскажите, пожалуйста...

— Что вы такое слышали?

— Мнѣ говорили, что она разъ застала своего мужа въ интимной бесѣдѣ съ горничной и, не долго думая, взяла кинжалъ и нанесла имъ нѣсколько сильныхъ ударовъ невѣрному мужу. Бѣдняга жилъ послѣ этого не болѣе мѣсяца.

— Вы несомнѣнно находите этотъ поступокъ... ужаснымъ!

— Скажу откровенно, что я не вижу въ этомъ ничего особеннаго. Она любила своего мужа и, слѣдовательно, имѣла полное право ревновать его.

— Вы говорите это въ томъ убѣжденіи, что передъ вами графиня Тюржи; я знаю, что вы въ душѣ презираете ее.

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти слова, слышалась глубокая грусть; но это не былъ голосъ графини.

Мержи былъ въ недоумѣніи.

— Меня удивляетъ, сказалъ онъ,—что вы, уроженка Испаніи, не признаете ревности!

— Оставимъ это! Что это за черный шнурокъ у васъ на шеѣ?

— Это ладонка. Въ нее положены мощи.

— Я думала, что вы протестантъ и не признаете подобныхъ вещей.

— Несомнѣнно! Но я получилъ эту вещь отъ одной дамы, и поэтому не разстаюсь съ нею.

— Если вы хотите заслужить мое расположеніе, мосье Мержи, то вы должны забыть всѣхъ дамъ, кромѣ меня. Я хочу занять ихъ мѣсто въ вашемъ сердцѣ. Скажите, отъ кого получили вы эту коробочку? Вѣрно отъ Тюржи!

— Нѣтъ! Не она...

— Вы обманываете меня!

— Я убѣжденъ, что вы графиня Тюржи.

— Вы сами выдали себя, сеньоръ Бернардо!

— Какимъ образомъ?

— Когда я увижу графиню Тюржи, то спрошу ее, какъ она рѣшилась на святотатство! Развѣ такія вещи дарятъ еретикамъ...

Недоумѣніе Мержи увеличивалось съ каждой минутой.

— Я хочу имѣть эту коробочку. Отдайте мнѣ ее! сказала настойчиво незнакомка.

— Нѣтъ, я не могу сдѣлать этого.

— Ну, а если я буду просить васъ? Неужели вы рѣшитесь отказать мнѣ!

— Я обѣщалъ возвратить ладонку при первомъ требованіи.

— Но вѣдь это ребячество. Обѣщаніе, данное лживой женщинѣ, не имѣетъ никакого значенія. Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ быть на-сторожѣ; можетъ быть, вы носите опасный талисманъ. Я слышала, что Тюржи колдунья.

— Я не вѣрю въ колдовство.

— И не признаете колдуновъ?

— Нѣтъ, но колдуньи совсѣмъ другое дѣло! Я до извѣстной степени вѣрю имъ.

Мержи произнесъ эти слова съ особеннымъ удареніемъ.

— Отдайте мнѣ эту ладонку, и я, можетъ быть, сниму маску.

— Клянусь честью, это голосъ графини Тюржи!..

— Говорю вамъ въ послѣдній разъ: исполните ли вы мою просьбу или нѣтъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, если вы снимите маску.

— Какъ вы надоѣли мнѣ съ вашей Тюржи; любите ее сколько вамъ угодно! Меня это нисколько не интересуетъ!

Она отвернулась отъ него съ недовольнымъ видомъ. Атласъ на ея груди быстро поднимался и опускался отъ усиленнаго біенія сердца.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи; затѣмъ она неожиданно повернулась къ нему и сказала насмѣшливымъ тономъ:

— Vola me Dios! V. M. no es caballero, es un monge [1]).

Съ этими словами она опрокинула рукой обѣ свѣчи, горѣвшія на столѣ, которыя слетѣли на полъ съ нѣсколькими стаканами и тарелками. Она сорвала маску. Мержи почувствовалъ ея горячее дыханіе на своемъ лицѣ; губы ихъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ...

ГЛАВА XV.

Въ темнотѣ.

На часахъ сосѣдней церкви пробило четыре.

— Боже мой! Уже четыре часа. Я едва успѣю вернуться домой до разсвѣта!

— Какая ты недобрая, неужели ты хочешь такъ скоро разстаться со мной!

— Это необходимо! но мы скоро увидимся.

— Увидимся... Но вы забываете, графиня, что я не видѣлъ васъ сегодня.

— Оставьте въ покоѣ вашу графиню... какой вы ребенокъ! Я донна Марія; когда вы увидите меня при свѣтѣ, то убѣдитесь, что я вовсе не похожа на эту несносную Тюржи.

— Съ которой стороны двери? Я позову кого нибудь.

— Нѣтъ, дайте мнѣ только встать, Бернаръ; я знаю эту комнату и найду все, что мнѣ нужно.

— Будьте осторожны; не наступите на стекло! Вы разбили вчера нѣсколько стакановъ...

— Не безпокойтесь!

— Находите ли вы свои вещи?

— Да, вотъ мой корсетъ! Но что я буду дѣлать!.. Вчера вы перерѣзали всѣ шнурки вашимъ кинжаломъ...

— Если хотите, то я могу позвать старуху.

— Нѣтъ, не вставайте! Мнѣ ничего не нужно... Adios, querido Bernardo!

Въ тотъ же моментъ щелкнулъ замокъ и за дверью послышался легкій смѣхъ. Мержи, видя, что таинственная незнакомка ускользаетъ изъ его рукъ, бросился за нею. Но онъ напрасно отыскивалъ двери, спотыкаясь на каждомъ шагу о мебель, брошенное платье и оружіе, и едва не вскрикнулъ отъ радости, когда въ комнату вошла женщина съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ. Длинный черный плащъ покрывалъ ее съ головы до ногъ.

---

[1]) Прости Господи! вы не кавалеръ, а монахъ.

— Ну, теперь вы не убѣжите отъ меня! воскликнулъ онъ, заключивъ ее въ свои объятія.

— Оставьте меня въ покоѣ, мосье де-Мержи, сказалъ грубый голосъ.—Вы чуть не задушили меня!

Это была старуха.

— Чортъ бы васъ побралъ! сказалъ онъ съ досадой.

Онъ молча одѣлся и, накинувъ плащъ, вышелъ изъ дому съ непріятнымъ ощущеніемъ человѣка, который, опьянѣвъ отъ превосходной малаги, выпиваетъ вслѣдъ затѣмъ, по разсѣянности слуги, стаканъ отвратительнаго декокта.

Мержи, вернувшись домой, отвѣчалъ нехотя на вопросы Жоржа. Онъ упомянулъ вскользь, что познакомился съ какой-то дамой, которая показалась ему очень красивой, хотя ея лицо было закрыто маской; но не сказалъ ни слова о своихъ подозрѣніяхъ относительно графини Тюржи.

ГЛАВА XVI.

Признаніе.

Прошло два дня безъ всякихъ извѣстій о мнимой испанкѣ. На третій день Жоржъ сообщилъ своему брату, что графиня Тюржи пріѣхала наканунѣ въ Парижъ и вѣроятно будетъ представляться королевѣ-матери. Они тотчасъ же отправились въ Лувръ и встрѣтили графиню въ одной изъ галлерей, среди группы дамъ, съ которыми она вела оживленный разговоръ. Появленіе младшаго Мержи повидимому не произвело на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія; щеки ея оставались такими же блѣдными, какъ всегда. Она дружески кивнула ему головой, какъ старому знакомому, и послѣ обычныхъ привѣтствій сказала въ полголоса, наклоняясь къ нему:

— Теперь, я увѣрена, ваше гугенотское упрямство нѣсколько поколебалось! Или вы ждете новыхъ чудесъ, чтобы обратиться на путь истины?

— Какимъ образомъ?

— Развѣ вы не испытали на себѣ удивительное дѣйствіе мощей?

Мержи недовѣрчиво улыбнулся.

— Любовь и воспоминаніе о прекрасной рукѣ, давшей мнѣ золотую коробочку, удвоили мои силы и ловкость, сказалъ онъ шутливымъ тономъ.

Графиня Тюржи погрозила ему пальцемъ:

— Вы слишкомъ много позволяете себѣ, г-нъ корнетъ! Развѣ говорятъ подобныя вещи въ порядочномъ обществѣ?



ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Картина профессора Венига, гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

ДОЗВ. ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 27 НОЯБРЯ 1882 Г. ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛ. ПЕР., Д. 11—2

О ПОДПИСКѢ НА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1883 ГОДУ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться **въ 1883 году** по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число **гравюръ**, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: **Паннемакеру** въ Парижѣ, **Клоссу** въ Штуттгартѣ, **Зубчанинову** и **Рашевскому** въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. **Д. В. Аверкіева.**—Женщины Пугачевскаго возстанія. **А. В. Арсеньева.**—Выгорѣцкіе совратители. **Его-же.**—Генералъ Антоній Езеранскій. **Н. В. Берга.**—Возстаніе поляковъ на Кругобайкальской дорогѣ. **Его-же.** — Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта **А. Я. Бутковской.** — Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія **Я. Н. Бутковскаго.**—Одинъ изъ забытыхъ писателей. (Князь А. А. Шаховской). **Е. М. Гаршина.**—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. **И. И. Дубасова.**—Меншиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. **Г. В. Есипова.**—Борьба за существованіе мысли. **В. Р. Зотова.**—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). **Е. П. Карновича.**—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. (Съ рисунками). **Его-же.**—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. **Н. И. Костомарова.**—Сербскіе гости въ Бессарабіи. **А. А. Кочубинскаго.**—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта **В. Д. Кренке.**—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. **Его-же.**—Женщины древней Греціи. (Съ рисунками). **Д. П. Лебедева.** — Русскіе

дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. **Н. С. Лѣскова.**—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). **Л. С. Мацѣевича.** — Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). **В. Н. Майнова.** — Отрывки изъ воспоминаній **А. П. Милюкова.**—Заграничныя воспоминанія **В. И. Модестова.** — Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. **В. О. Михневича.**— Скептическо-матерьялистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. **А. И. Незеленова.** — Очерки изъ современной украинской литературы. **Н. И. Петрова.**—Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. **С. Т. Славутинскаго.** — Отрывки изъ воспоминаній **П. С. Усова.**—Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. **Его-же.** — Воспоминанія и замѣтки. **Ѳ. В. Чижова.** — Письма изъ Америки и Австраліи. **С. Б. Чичерина** и др.

Обиліе матерьяловъ, поступившихъ въ редакцію **„Историческаго Вѣстника“**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. **Е. П. Карновича.**—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. **Д. Ф. Кобеко.** — Во славу Божію. Разсказъ **В. Н. Майнова.**—Плавня. Разсказъ **С. В. Максимова.**—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть **Д. Л. Мордовцева.**—Записки ссыльнаго **А. Песляка.**—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. **Ѳ. М. Уманца.**— Суевѣрія человѣчества. **М. К. Цебриковой** и др.). Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **„Историческому Вѣстнику“**, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа **Ю. Роденберга** подъ заглавіемъ **„Кромвель“.**

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** находится при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**: въ Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

текстъ А. Брикнера, профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ.

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и МАТТЭ въ Парижѣ; КЕЗЕБЕРГА и ЭРТЕЛЯ въ Лейпцигѣ; КЛОССА и ХЕЛЬМА въ Штутгартѣ; ЗУБЧАНИНОВА, РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА и ВИНКЛЕРА въ Петербургѣ.

„**Иллюстрированная исторія Петра Великаго**" раздѣлена на шесть **частей или книгъ,** составляющихъ вмѣстѣ **большой томъ** до **50 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.** Согласно намѣченному плану, авторъ, не придерживаясь строго хронологическаго порядка, излагаетъ въ первыхъ двухъ частяхъ исторію развитія Петра до 1700 года, т. е. до времени, такъ сказать, подготовленія его къ широкой дѣятельности преобразователя; въ третьей описываетъ упорную борьбу царя съ сторонниками старины; предметомъ четвертой служитъ исторія внѣшней политики въ эпоху Петра; въ пятой помѣщена характеристика преобразованій въ области законодательства и администраціи; въ шестой очерчена личность Петра и указано значеніе нѣкоторыхъ его сотрудниковъ.

Рисунки для настоящаго изданія выбраны лишь тѣ, **которые имѣютъ прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго** и притомъ **преимущественно сдѣланные въ его время.** Портреты сподвижниковъ Петра воспроизведены съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ; виды городовъ, зданій, мѣстностей, костюмовъ, бытовыя сцены и проч. большею частью съ **оригиналовъ, современныхъ Петру.**

Всѣхъ гравюръ въ „**Иллюстрированной исторіи Петра Великаго**" около 250. Такъ, какъ гравюры распредѣлены, насколько это было возможно, сообразно съ содержаніемъ текста, то въ иныхъ главахъ, или выпускахъ, ихъ больше, въ другихъ меньше. Сверхъ того, приложено нѣсколько факсимиле и два портрета Петра (Кнеллера и Моора), воспроизведенные съ рѣдкихъ оригиналовъ фото-литографскимъ способомъ.

„Иллюстрированная исторія Петра Великаго" выходитъ выпусками, каждый объемомъ до 2-хъ печатныхъ листовъ. *Всѣхъ выпусковъ будетъ около 25.* **Подписная цѣна на все изданіе 12 руб. безъ пересылки, съ пересылкой 14 руб.,** *причемъ г. подписчики могутъ, по желанію, вносить деньги въ разсрочку, а именно:* **городскіе**—*при подпискѣ 6 руб., по выходѣ шестаго выпуска 3 руб. и по выходѣ двѣнадцатаго выпуска 3 руб.;* **иногородные:** *при подпискѣ 6 руб., по выходѣ шестаго выпуска 4 руб. и по выходѣ двѣнадцатаго выпуска 4 руб.*

Каждый выпускъ продается отдѣльно *по 60 к. безъ перес., съ пересылкой 70 к.*

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ДЕСЯТИ ВЫПУСКОВЪ:

Текстъ: Отъ издателя.—Введеніе.—**Часть первая.** Глава первая. Дѣтство Петра (1672—1689). Глава вторая. Кризисъ 1682 года. Глава третья. Начало регентства Софьи. Глава четвертая. Правленіе Софьи. Глава пятая. Паденіе Софьи. Глава шестая. Нѣмецкая слобода. Глава седьмая. Азовскіе походы.—**Часть вторая.** Глава первая. Путешествіе за-границу. Глава вторая. Русскіе за-границей. Глава третья. Иностранцы въ Россіи. Глава четвертая. Начало преобразованій. **Часть третья.** Глава первая. Признаки неудовольствій. Глава вторая. Стрѣлецкій бунтъ 1689 года.

Гравюры въ текстѣ: Царь Алексѣй Михайловичъ (съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ).—Казнь колесованіемъ (съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова).—Домъ князя Меньшикова въ С.-Петербургѣ (съ современной гравюры 1716 года). — Амстердамскій бургомистръ Витзенъ (съ гравированнаго портрета Шенка 1701 г.). — Видъ Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной голландской гравюры).—Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія). — Графъ Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ (съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей).—Московская улица въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія).—Царица Евдокія Өеодоровна (съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову).—Нѣмецкая слобода (съ гравюры Генриха де-Витта, начала XVIII столѣтія).—Дѣтскій возокъ Петра Великаго (съ

рисунка, находящагося въ книгѣ Говарда „The Russian empire“). — Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 г.).—Царица Наталья Кириловна (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ). Никита Моисеевичъ Зотовъ (съ гравированнаго портрета Осипова). — Страница изъ учебной тетради Петра Великаго (со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова).—Царь Иванъ Алексѣевичъ (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).—Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры).—Царевна Софья Алексѣевна (съ портрета, находящагося въ Романовской галлереѣ.—Стрѣльцы-начальники и стрѣльцы-рядовые (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“).—Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ (съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова).—Стрѣлецкое знамя 1684 года (съ фотографіи, сдѣланной съ подлинника, хранящагося въ Оружейной палатѣ). — Пренія раскольниковъ въ Грановитой палатѣ (съ рисунка художника Дмитріева). — Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ (съ рисунка художника Дмитріева). — Пѣшій жилецъ (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“).— Конный жилецъ (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“).—Старинная церковь въ селѣ Воздвиженскомъ (съ рисунка, находящагося въ „Русской старинѣ“, изд. Мартыновымъ). Саввинъ-Сторожевскій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной гравюры).— Троицкая-Сергіева лавра въ началѣ XVIII столѣтія (съ рѣдкой современной гравюры Малютина).—Воинъ-иноземецъ въ русской службѣ въ XVII столѣтіи (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“).—Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (съ рѣдчайшаго современнаго гравированнаго портрета Тарасевича). — Царевна Софья Алексѣевна (съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова).—Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры).—Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи (съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“).—Московская площадь въ концѣ XVII столѣтія (съ современной гравюры находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія).—Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи (съ рисунка, сдѣланнаго въ 1674 г. шведомъ Пальмквистомъ). — Московская улица въ концѣ XVII столѣтія (съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія). — Тронъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей (съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“). — Измайловскій ботикъ (въ настоящемъ его видѣ).—„Fortuna“, ботикъ Петра I на Переяславскомъ озерѣ (въ настоящемъ его видѣ). — Францъ Тиммерманъ (съ современнаго портрета, находящагося на гравюрѣ Шхонебека „Взятіе Азова“). — Царевна Софья Алексѣевна (съ весьма рѣдкаго современнаго портрета, гравированнаго въ Голландіи Блотелингомъ). — Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ (съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова).—Новодѣвичій монастырь въ XVIII столѣтіи (съ старинной гравюры). — Патрикъ Гордонъ (съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова). — Францъ Лефортъ (съ гравированнаго портрета Шенка 1698 года). — Архангельскъ въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной голландской гравюры). — Соловецкій монастырь въ XVIII столѣтіи (съ современной гравюры). — Крестъ, поставленный Петромъ Великимъ на берегу Бѣлаго моря (съ рисунка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова). — Крестъ, сдѣланный

Петромъ Великимъ и находящійся въ настоящее время въ соборѣ г. Архангельска (съ рисунка А. П. Норовлева).—Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ (съ рѣдкой современной гравюры).—Автономъ Михайловичъ Головинъ (съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова").—Воронежъ въ концѣ XVII столѣтія (съ современной голландской гравюры).—Цейхгаусъ петровскаго времени въ Воронежѣ (въ его настоящемъ видѣ).—Корабль „Молящійся св. апостолъ Петръ", построенный Петромъ I въ Воронежѣ, въ 1696 г. (съ современной гравюры Шхонебека). — Князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ). — Бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ (съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова").—Печати, употреблявшіяся Петромъ I во время пребыванія его въ Голландіи (съ факсимиле, приложенныхъ къ „Исторіи Петра Великаго" Устрялова).—Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).—Рига въ XVIII столѣтіи (съ рѣдкой современной гравюры Шенка). — Митава въ XVIII столѣтіи (съ современной шведской гравюры).—Курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ (съ гравированнаго портрета Буха). — Домикъ, гдѣ жилъ Петръ I въ Саардамѣ (съ современной гравюры).—Внутренность домика Петра I въ Саардамѣ въ настоящее время (съ гравюры Слюйтера). — Видъ города Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной голландской гравюры).—Амстердамскій бургомистръ Витзенъ (съ гравированнаго портрета Шенка 1701 г.).—Петръ Великій въ матросскомъ платьѣ (Piter-baas) въ Саардамѣ (съ гравированнаго портрета Маркуса).—Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ (съ гравюры Свистунова). — Петръ I въ кабинетѣ голландскаго собирателя рѣдкостей, Вильде (съ современнаго офорта, сдѣланнаго дочерью Вильде).—Русское посольство въ Гаагѣ, въ 1697 году (съ современной гравюры Маркуса).—Петръ Великій въ русскомъ платьѣ, въ бытность свою въ Голландіи, въ свитѣ великаго посольства (съ современнаго гравированнаго портрета Оттенса).—Видъ города Гааги въ XVIII столѣтіи (съ современной голландской гравюры).—Король англійскій Вильгельмъ III (съ гравированнаго портрета Хубракена). — Лордъ Кармартенъ (съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ). — Императоръ австрійскій Леопольдъ I (съ гравированнаго портрета Шенка).—Король польскій Августъ II (съ современнаго гравированнаго портрета). — Петръ Андреевичъ Толстой (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).—Петръ I экзаменуетъ учениковъ, возвратившихся изъ-за границы (съ картины Н. Н. Каразина).—Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (съ гравированнаго портрета Колпакова).—Адмиралъ Крюйсъ (съ рѣдкой голландской гравюры Кнюйна, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова). — Баронъ Гюйсенъ (съ современнаго гравированнаго портрета).—Бородовые знаки (съ рисунковъ, находящихся въ „Описаніи русскихъ монетъ" Шуберта).—Фузелеръ Преображенскаго полка при Петрѣ Великомъ (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ").—Гренадеръ Преображенскаго полка при Петрѣ Великомъ (оттуда же). — Фузелеръ драгунскаго полка при Петрѣ Великомъ (оттуда же).—Фузелеры пѣхотныхъ армейскихъ полковъ Петровскаго времени (оттуда же). — Офицеръ и солдатъ армейскаго полка Петровскаго времени (оттуда же).—Знамя Преображенскаго полка въ 1701 году (оттуда же).—Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) монастырь въ началѣ XVIII столѣтія (съ современнаго гравированнаго вида).

Гравюры, приложенныя на отдѣльныхъ листахъ: Петръ Великій (съ гравюры Смита, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ въ Утрехтѣ въ 1697 году и находящагося въ Лондонѣ, въ Гамптонъ-Кортѣ; фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ).—Полтавскій бой (съ современной гравюры Шхонебека, грав. Кезебергъ и Эртель въ Лейпцигѣ). — Первое морское сраженіе въ устьяхъ Невы въ 1703 году (картина проф. Лагоріо, грав. А. Клоссъ въ Штутгартѣ).—Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году (съ картины Дмитріева. Грав. Паннемакеръ въ Парижѣ).—Коломенскій дворецъ (съ рѣдчайшей гравюры Гильфердинга, сдѣланной съ натуры за годъ до разрушенія дворца, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова). — Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной гравюры Бликланда). — Каменный мостъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной гравюры Бликланда). — Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтія (съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства"). — Село Измайлово въ XVIII столѣтіи (съ весьма рѣдкой современной гравюры). — Петръ I въ селѣ Измайловѣ (съ картины Мясоѣдова, грав. Кезебергъ и Эртель въ Лейпцигѣ).—„Взятіе Азова" въ 1696 году (съ современной (1699 г.) гравюры Шхонебека, грав. Паннемакеръ въ Парижѣ).—Въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ въ 1697 году (съ современной гравюры Мушероля, гравировалъ Паннемакеръ въ Парижѣ).—Аудіенція Шереметева у австрійскаго императора Леопольда (съ гравюры, приложенной къ книгѣ „Записка о путешествіи Шереметева").—Преслѣдованіе русской одежды въ Петровское время (съ современной голландской гравюры).—Факсимиле царицы Евдокіи.—Арестъ Цыклера (рисунокъ художника Загорскаго, гравюра Клосса въ Штутгартѣ). — Казнь стрѣльцовъ (съ гравюры приложенной къ „Дневнику" Корба).



НОВИКОВЪ ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ.

(По новымъ документамъ [1]).

Й со беззакѡнными вмѣнисѧ.
(ѿ Марка, гл. еі. кѳ.)

Въ послѣдніе годы блестящаго царствованія императрицы Екатерины, въ сферѣ умственной жизни русскаго общества совершилось одно великое трагическое событіе. Дѣйствующими лицами его были — сама императрица и знаменитый издатель журналовъ и общественный дѣятель Николай Ивановичь Новиковъ.—Указомъ главнокомандующему Москвы, князю А. А. Прозоровскому, отъ 1-го августа 1792 г., императрица повелѣла заключить Новикова безъ суда въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ за чрезвычайныя провинности и преступленія. Въ чемъ они состояли, явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ указа [2]):

„Разсматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ... слѣдующія обстоятельства

---

[1]) Документы эти, приведенные нами въ текстѣ, находятся въ Государственномъ Архивѣ; копіи съ нихъ обязательно переданы въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ Г. В. Есиповымъ.

[2]) Онъ напечатанъ въ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и моск. мартинисты“. М. 1867 г., стр. 0114.

обнаруживаютъ ихъ явными и вредными государственными преступниками: 1) Они дѣлали тайныя сборища [1]), имѣли въ оныхъ храмы, престолы, жертвенники; ужасныя совершались тамъ клятвы съ цѣлованіемъ креста и Евангелія, которыми обязывались и обманщики и обманутые вѣчною вѣрностію и повиновеніемъ ордену Златорозоваго креста съ тѣмъ, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпѣвать мученіе и казни. Узаконенія о семъ, писанныя рукою Новикова, служатъ къ обличенію ихъ. 2) Мимо законной, Богомъ учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдавъ себя въ его покровительство и зависимость, потомъ къ нему же относились съ жалобами въ принятомъ отъ правительства подозрѣніи на сборища ихъ и чинимыхъ будто притѣсненіяхъ. 3) Имѣли они тайную переписку съ принцемъ Гессенкассельскимъ и съ прусскимъ министромъ Вёльнеромъ изобрѣтенными ими шифрами и въ такое еще время, когда Берлинскій дворъ оказывалъ намъ въ полной мѣрѣ свое недоброхотство. Изъ посланныхъ отъ нихъ туда трехъ членовъ двое и понынѣ тамъ пребываютъ, подвергая общество свое заграничному управленію и нарушая чрезъ то долгъ законной присяги и вѣрность подданства. 4) Они употребляли разные способы, хотя вообще, къ уловленію въ свою секту извѣстной по ихъ бумагамъ особы [2]); въ семъ уловленіи, такъ какъ и въ помянутой перепискѣ, Новиковъ самъ призналъ себя преступникомъ. 5) Издавали печатныя у себя, непозволенныя, развращенныя и противныя закону православному книги и послѣ двухъ сдѣланныхъ запрещеній осмѣлились еще продавать новыя, для чего и завели тайную типографію. Новиковъ самъ призналъ тутъ свое и сообщниковъ своихъ преступленіе. 6) Въ уставѣ сборищъ ихъ, писанномъ рукою Новикова, значатся у нихъ храмы, епархіи, епископы, миропомазаніе и прочія установленія и обряды, внѣ святой нашей церкви непозволительныя. Новиковъ утверждаетъ, что въ сборищахъ ихъ оныя въ самомъ дѣлѣ не существовали, а упоминаются только одною аллегоріей для пріобрѣтенія ордену ихъ вящшаго уваженія и повиновенія; но симъ самымъ доказываются коварство и обманъ, употребленные имъ съ сообщниками для удобнѣйшаго слабыхъ умовъ поколебанія и развращенія. Впрочемъ, хотя Новиковъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергаютъ его казни. Мы однако-жъ, и въ семъ случаѣ слѣдуя сродному намъ человѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость".

Итакъ, Новиковъ и его „сообщники", т. е. товарищи по масонству и Типографической Компаніи, обвинялись въ учрежденіи тайнаго общества, имѣвшаго тайную типографію и печатавшаго запрещенныя книги; въ стремленіи „уловить" въ это общество наслѣдника престола, и въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, враждебными правительству императрицы Екатерины. Масонскому и общественному дѣлу Новикова и его товарищей придана была политическая окраска. Императрица, должно быть, заподозрила измѣну и заговоръ съ цѣлью возведенія на престолъ великаго князя Павла Петровича. (Впрочемъ, указъ 1-го августа дѣлаетъ оговорку, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ").

---

[1]) Здѣсь разумѣются засѣданія масонскихъ ложъ.

[2]) Эта особа—великій князь Павелъ Петровичъ.

Понятно поэтому то живое участіе, которое приняла императрица въ слѣдственномъ дѣлѣ о Новиковѣ. Слѣдствіе производили, главнымъ образомъ, князь Прозоровскій и знаменитый Степ. Ив. Шешковскій. Но они дѣйствовали не самостоятельно: ими руководила сама Екатерина и всѣ ихъ вопросы Новикову и другимъ лицамъ составлялись на основаніи ея собственноручныхъ инструкцій и замѣчаній,—слѣдствіе производила она сама. Въ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты" напечатаны „Отвѣты Новикова Шешковскому въ Шлиссельбургѣ въ іюнѣ 1792 г.". Позднѣе появились въ печати (въ II-мъ т. „Сборника Русскаго Историческаго общества") „Вопросные пункты Шешковскаго, предложенные Новикову". Въ настоящее время можно сказать, что эти вопросные пункты составлены на основаніи собственныхъ указаній императрицы. По крайней мѣрѣ, относительно первыхъ пунктовъ объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная записка Екатерины:

О Новиковѣ.

„Послѣ обыкновенныхъ о состояніи и образа жизни до него лично касающихся нужно спросить:

„1) Что онъ вѣдая, что всякое завожденіе новой секты или раскола и проповѣдованіе онаго есть вреденъ Государству и запрещенъ Правительствомъ, какой имѣлъ поводъ и побужденіе посвятить себя сему пагубному упражненію?

„2) Когда онъ къ тому приступилъ и при какихъ обстоятельствахъ?

„3) Кто были съ нимъ участники и кто послѣдователи, тутъ нужно различить первыхъ отъ послѣднихъ, такъ какъ обманщики отъ обманутыхъ. Объ участникахъ долженъ онъ сказать о каждомъ порознь—время вступленія его въ союзъ съ нимъ и какія къ тому имѣли они достоинства. Таково же нужно объясненіе и о послѣдователяхъ.

„4) Распросить подробно о обрядахъ пріема, а паче еще о присягѣ.

„5) Уставъ ихъ дозволяетъ ли имѣть сношеніе съ непріятелями, почти явными Государства.

„6) Какой причины ради они входили въ переписку съ Прусскимъ Министромъ Вельнера, какъ явствуетъ изъ взятыхъ бумагъ?

„7) Переписка съ Принцемъ Карломъ Гессенъ-Кассельскимъ по какой была причинѣ и какіе онъ имъ далъ совѣты?

„8) Князь Рѣпнинъ имѣлъ ли свѣденіе о ихъ перепискѣ съ чужими дворами?

„9) Вѣдая, что Пруссія въ теченіе сей войны была противъ Россіи, какъ общество столь многоумныхъ людей могло ослѣпиться войти въ переписки и пересылки наставленія и руководство отъ одного изъ Министровъ Прусскихъ? Когда сія переписка началась, въ чемъ состояла? Не для оной ли Кутузовъ живетъ въ Берлинѣ? Посланъ ли онъ обществомъ ихъ? И кого онъ тамъ представляетъ?

„10) Какое сдѣлано ими употребленіе изъ предписаній, данныхъ Вельнеромъ касательно В. К. [1]) или какое употребленіе здѣлать они хотѣли?

„11) Какія переписки и когда они имѣли съ княземъ Рѣпнинымъ, съ Плещеевымъ, съ княземъ Куракинымъ? И знали ли они о Берлинскихъ наставленіяхъ?

---

[1]) Великаго князя.

„12) По запрещеніи и запечатаніи у него книги, какъ онъ дерзнулъ нарушить сіе запрещеніе и вѣдаетъ ли какому подвергается наказанію?"

Точно также вопросные пункты Колокольникову, одному изъ студентовъ, посланныхъ Типографической Компаніей учиться за-границу, составлены на основаніи собственноручной инструкціи императрицы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ своимъ содержаніемъ и порядкомъ „Отвѣты Колокольникова на вопросные пункты", напечатанные во II-мъ т. „Сборника Русскаго Историческаго общества". Вотъ записка императрицы Екатерины:

„Какъ они ссылаются на привиллегія Университетскія, то можемъ имъ сказать, что давно они бы выполнены были, ежели упрямствомъ и упорностію своею сами дѣло свое не остановили и не довели до того, что изъ монастыря перевезены въ крѣпость.

Въ эту записку вложена другая, собственноручная же, съ слѣдующими вопросами:

„1) За что и по какому закону Новиковъ и Лопухинъ съ людей присягу берутъ?

„2) Село Пыскорѣ Пермскаго Намѣстничества чей [1])?

„3) Что за Кампанія, которая набирала студенты на своемъ иждивеніи?

„4) Какой это домъ, гдѣ компанія дозволяла жить студентамъ и давала имъ столъ?

„5) Какъ студенты въ томъ домѣ были содержаны и много ли ихъ было?

„6) Чего въ томъ домѣ учились? и какими обязаны были должностями и какія съ нихъ брали обязательства письменныя или словесныя, когда и какъ и кто?

„7) Новиковъ и Лопухинъ въ той компаніи и въ томъ домѣ какія имѣли должности и кѣмъ поставлены въ оныхъ?

„8) Кто приводилъ къ присягѣ и какъ сіе происходило?

„9) Чего обѣщались?

„10) Что за голубые кафтаны съ золотымъ камзоломъ и черное исподнее платье и кто оныхъ носилъ?

„11) Они ли сами просились, либо ихъ уговорили ѣхать въ чужіе края для ученія медицины?

„12) Какія имянно книги Лопухинъ купить велѣлъ и вывозить?

„13) Изъ показанія его видно нѣкоторое чистосердечіе и довольной смыслъ и для того требуется, чтобъ онъ сказалъ откровенно и безъ утайки, какъ, когда и на что и съ какими мыслями начертилъ извѣстную черную найденную бумагу?

„14) Въ чужіе края, понеже призналъ что масонъ, хаживалъ ли и посѣщалъ ли масонскія ложи и въ оныхъ получилъ ли онъ либо его товарищъ степени выше данной имъ въ Москвѣ?

„15) Начертаніе найденное не коверъ ли вышней той степени или тамъ полученной?

„16) Извѣстно здѣсь, что до 160 степеней считаютъ масонства, то какой онъ степени и какъ оной называютъ и достигаютъ?

„17) Имяна людей, находящіеся въ компаніи, коя содержала и отправляла студентовъ особо записать прикажите.

---

[1]) Во II-мъ т. „Сборн. Русск. Ист. общ." напечатана „Исторія жизни и дѣлъ моихъ" (Колокольникова), начинающаяся словами: „Родился я въ селѣ Пыскорѣ, Пермскаго Намѣстничества, учился въ семинаріи..."

„18) Весьма бы хорошо было, ежели преосвященный Митрополитъ приказалъ кому изъ учителей экзаминовать въ законѣ писателя приложенной бумаги, котораго имя однако я нигдѣ не нашла, а безумнаго и спросить не чего—онъ больной [1])?

Изъ вышеприведеннаго, обвиняющаго Новикова указа князю Прозоровскому, между прочимъ, вытекаютъ, повидимому, два такія заключенія: 1) Новиковъ самъ призналъ себя виновнымъ въ „уловленіи" великаго князя Павла Петровича. 2) Императрица была вполнѣ убѣждена во вредныхъ и опасныхъ политическихъ замыслахъ „сего преступника и его сообщниковъ". Но на самомъ дѣлѣ оба эти положенія ложны. Отношенія свои къ Павлу Петровичу Новиковъ очень обстоятельно разъясняетъ въ отвѣтѣ на 21-й вопросный пунктъ Шешковскаго [2]). Сношенія московскихъ масоновъ съ великимъ княземъ производились, оказывается, черезъ архитектора Баженова. Въ концѣ 1775, или въ началѣ 1776 года, Баженовъ передалъ великому князю отъ Новикова и его товарищей двѣ книги: „переводъ Арндтовъ о истинномъ христіанствѣ" и „помнится еще (говоритъ Новиковъ)—избранную библіотеку для христіанскаго чтенія". Но рѣшился Новиковъ послать эти книги, во-первыхъ, послѣ того, какъ узналъ (отъ купца Глазунова или отъ Баженова—онъ не помнитъ), что ихъ раньше искали „для той особы" въ книжныхъ лавкахъ; во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ это по совѣту съ княземъ Трубецкимъ, какъ однимъ изъ „старшихъ братьевъ", и притомъ Баженову было подтверждено, „чтобы отдалъ лишь когда спроситъ", т. е. когда спроситъ великій князь; въ-третьихъ, Новиковъ положительно утверждаетъ, что при этомъ у него не было никакого инаго умысла, кромѣ надежды „милостиваго покровительства и заступленія" со стороны великаго князя. Изъ словъ Новикова видно, что на допросѣ ему напомнили о какомъ-то прежнемъ намѣреніи, относительно великаго князя, профессора Шварца (бывшаго, какъ извѣстно, главою московскихъ масоновъ); дѣло это стояло въ связи съ какимъ-то письмомъ принца Гессенкассельскаго. „Прежнее намѣреніе у меня и изъ головы вышло и вспомнилъ лишь здѣсь", пишетъ Новиковъ, и прибавляетъ: „по истинѣ какъ передъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не осмѣлился, и почиталъ бы то не возможнымъ исполненію".—Возвратившись въ Москву послѣ передачи Павлу Петровичу названныхъ выше книгъ, Баженовъ далъ Новикову „бумагу", гдѣ написалъ то, что говорилъ съ великимъ княземъ; бумага эта поразила, по словамъ Новикова, его и Гамалѣю, и они бы сожгли ее, если бы не надо было показать князю Трубецкому. Въ этой бумагѣ Баженовъ „много вралъ и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское". Словамъ этой бумаги о великомъ князѣ Новиковъ

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣетъ императрица Невзорова.

[2]) „Сборн. Русск. Ист. общ.", т. II-й, „Отвѣты Новикова на 21-й вопросный пунктъ".

„истинно не повѣрилъ, зная (поясняетъ онъ) того человѣка, который писалъ оную“.

Эта бумага Баженова и была, какъ можно думать, главною уликою противъ Новикова и его товарищей. Къ сожалѣнію, она донынѣ остается намъ неизвѣстной. Безъ нея „Новиковское дѣло“, несмотря на множество открытыхъ и напечатанныхъ уже документовъ, до сихъ поръ не вполнѣ ясно. Не открыта и другая, тоже, должно быть, важная бумага Баженова,—это записка, которую онъ далъ московскимъ масонамъ по возвращеніи изъ Петербурга, въ 1787 или 1788 году, когда онъ передалъ великому князю вторую посылку книгъ, а именно: „извлеченіе краткое изъ сочиненій Ѳомы Кемпійскаго“ и „на нѣмецкомъ языкѣ книгу о таинствѣ Креста“. Эта вторая записка говорила (по словамъ Новикова) о томъ, что книги приняты благосклонно, но „особа“ спрашивала, увѣренъ ли Баженовъ, что между московскими масонами нѣтъ ничего худаго; Баженовъ увѣрялъ клятвенно, что нѣтъ; тогда „особа“ заключила: „Богъ съ вами, только живите смирно“. Вторая записка Баженова выгораживала такимъ образомъ изъ „Новиковскаго дѣла“ великаго князя, быть можетъ и опровергала, или, по крайней мѣрѣ, подрывала значеніе первой записки. Была ли она извѣстна слѣдователямъ — мы не знаемъ. Новиковъ говоритъ, что не помнитъ, у кого она осталась: у него ли, у князя ли Трубецкаго, или возвращена Баженову. Почти несомнѣнно, что съ этой запиской совершенно гармонируютъ два очень важныхъ документа, появившіеся въ печати въ XXVII-мъ т. „Сборн. Русск. Ист. общ.“: письмо на французскомъ языкѣ Павла Петровича къ императрицѣ, въ которомъ онъ отрекается отъ того, что сказано о немъ въ первой запискѣ Баженова, и пояснительная собственноручная замѣтка императрицы къ этому письму, въ которой она говоритъ: „приложенной пасквиль, у Новикова найденной, показанъ мною великому князю и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цыдулкою, изъ которой оказывается, что на него все вышеписанной пасквиль всклѣпалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожу вящще виннымъ сочинителя онаго“.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать то заключеніе, что Новиковъ, вопреки утвержденію указа отъ 1-го августа 1792 года, вовсе не сознавался въ „уловленіи“ наслѣдника престола и далъ даже довольно обстоятельныя объясненія документа, кидавшаго на него тѣнь въ этомъ смыслѣ. Указъ 1-го августа даже самъ себѣ противорѣчитъ, утверждая фактъ сознанія Новикова, потому что въ концѣ его сказано, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“.

Другой вопросъ — повѣрила ли императрица отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ? Повидимому, не повѣрила; на самомъ дѣлѣ, если не вполнѣ повѣрила, то по крайней мѣрѣ усомнилась въ существованіи той вины, которая за нимъ первоначально подозрѣва-

лась. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и указанное противорѣчіе въ обвинительномъ актѣ и, главнымъ образомъ, одна непостижимая, повидимому, странность въ Новиковскомъ дѣлѣ: пострадалъ одинъ Новиковъ, а „сообщники“ въ его ужасныхъ преступленіяхъ не были наказаны совсѣмъ, или почти совсѣмъ. Указъ 1-го августа 1792 года, обвиняющій Новикова, вотъ что говоритъ о его товарищахъ:

„Что же касается до сообщниковъ его, Новикова, статскаго дѣйствительнаго совѣтника князя Николая Трубецкаго, отставныхъ бригадировъ Лопухина и Тургенева, которыхъ не только признанія Новикова, но и многія, писанныя руками ихъ заразительныя бумаги обличаютъ въ соучаствованіи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ, то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждаго изъ нихъ порознь, истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнятъ съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единаго человѣколюбія освобождая ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерніи, гдѣ тѣ деревни состоятъ, и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, употребленія надъ ними всей законной строгости“ [1]).

Въ приведенныхъ словахъ указа поражаетъ насъ и удивительное несоотвѣтствіе наказанія съ взводимой на кн. Трубецкаго, Лопухина и Тургенева виной, и странная увѣренность императрицы, что изъ ихъ отвѣтовъ Прозоровскій непремѣнно „усмотритъ истинное ихъ раскаяніе“. (Отъ Новикова этого истиннаго раскаянія не ожидалось). Странность рѣшенія императрицы поразила даже князя Прозоровскаго, быть можетъ и самого Шешковскаго. „Позвольте мнѣ дружески вамъ сказать (пишетъ князь Прозоровскій Шешковскому 22-го іюня 1792 года) [2]): я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники! Но до нихъ видно дѣло не дошло. Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ“. Недоумѣніе главнокомандующаго Москвы тѣмъ болѣе понятно, что вовсе и не Новиковъ былъ главою нашихъ московскихъ масоновъ, а князь Ник. Никит. Трубецкой [3]); это было извѣстно, между прочимъ, и Шешковскому: въ „Возраженіяхъ на отвѣты Новикова“, напечатанныхъ во II т. „Сборн. Русск. Истор. общества“ въ замѣчаніяхъ на 36-ой отвѣтъ сказано, что князь

---

[1]) Указомъ князю Прозоровскому 12-го августа 1792 г. Лопухину позволено даже было (изъ уваженія къ службѣ отца его) остаться въ Москвѣ.

[2]) „Сборникъ Рус. Ист. общества“, т. II, стр. 106.

[3]) См. объ этомъ „Ник. Ив. Новиковъ“. Изсл. А. Незеленова, Спб., 1875 г., стр. 427.

Трубецкой переписку велъ съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ, „да и надъ сборищами главной начальникъ". Но онъ отдѣлался, оказывается, сравнительно пустяками, а пострадалъ одинъ Новиковъ. Соображая все это, нельзя не придти къ убѣжденію, что императрица послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдилась въ томъ, что Типографическая Компанія вовсе невиновна въ составленіи политическаго заговора. Грозно начавшееся дѣло окончилось вздоромъ для всѣхъ, кромѣ Новикова. За Новиковымъ, значитъ, была, по мнѣнію императрицы, какая-то другая, тайная вина, за которую онъ и былъ заключенъ въ крѣпость на 15 лѣтъ.

Вина эта откроется, по всей вѣроятности, если мы прослѣдимъ за отношеніями императрицы къ различнымъ изданіямъ Новикова, къ его литературной дѣятельности, за которой она слѣдила внимательно, одно время даже принимая въ ней личное непосредственное участіе.

Въ сентябрѣ 1784 года оберъ-полицеймейстеръ Москвы Архаровъ получилъ указъ, которымъ повелѣвается запретить напечатаніе въ Москвѣ „Ругательной исторіи ордена іезуитскаго" [1]). Эта исторія напечатана Новиковымъ въ „Прибавленіямъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ" 1784 г., въ №№ 69, 70 и 71.—Вслѣдъ затѣмъ, съ 7-го октября 1785 г. идетъ послѣдовательный рядъ указовъ, повелѣвающихъ: освидѣтельствовать частныя училища въ Москвѣ, разсмотрѣть книги, выходящія изъ типографіи Новикова, испытать самого Новикова въ христіанскомъ законѣ, осмотрѣть больницу, заведенную Дружескимъ Обществомъ (или Типографической Компаніей), опечатать книжную лавку Новикова, и т. д. и т. д. .[2]). Дѣло продолжается такимъ образомъ до 1792 года, когда выходитъ, наконецъ, повелѣніе арестовать Новикова. — Къ этому періоду времени (отъ 1784 по 1792 г.) относится, объясняющая упомянутые указы, собственноручная записка императрицы:

„Слышу я, что на Москвѣ печатаютъ ругательную Исторію Езуитскаго ордена, а какъ я тому ордену дала покровительство, то требую чтобъ Исторія та не токмо запрещена была но и экземпляры отобраны были.

Послать подъ какимъ ни есть видомъ кого осмотрѣть какія строенія заводитъ у себя въ деревнѣ Новиковъ.

Хераскова отставить [3]).

Имяна осьми семинаристовъ нужно знать паче же тѣхъ кои постриглись дабы не попались въ кандидаты Епархіальные для Епископства.

---

[1]) „Новиковъ и московскіе мартинисты", Лонгинова, стр. 016 (Указъ 23 сентября 1784 г.).

[2]) См. Приложенія къ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты".— Чтенія въ „Общ. Ист. и Др. Рос." 1867 г., кн. 4.

[3]) Лонгиновъ говоритъ однако (стр. 354), что Херасковъ „во все царствованіе Екатерины оставался кураторомъ Университета".

Уничтожить это почтенное общество изъ которой (?) окромѣ книгъ несходные съ православіемъ не выходило [1])".

Такимъ образомъ, началось дѣло повидимому съ заступленія императрицы за обиженныхъ въ Москвѣ іезуитовъ. Но едва ли сердцу Екатерины было такъ дорого почтенное общество Іисуса. Жалоба, принесенная орденомъ на Новикова, послужила ей, конечно, только поводомъ для начала преслѣдованія человѣка, на котораго она давно уже сердилась; жалоба эта была лишь каплей, переполнившей чашу. Іезуиты, со свойственною имъ ловкостью, указали на то, что, отзываясь непочтительно объ ихъ орденѣ, пользующемся покровительствомъ императрицы, Новикомъ этимъ самымъ оскорбляетъ власть государыни, „столь достойной уваженія" [2]). Но едва ли только съ этой выходки іезуитовъ Екатерина заподозрила Новикова въ недостаткѣ уваженія къ ея власти и личности. Съ большою достовѣрностію можно предположить, что она сама, по личной инипіативѣ, запретила, нѣсколькими недѣлями ранѣе, другое сочиненіе, печатавшееся тоже въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ": „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы и образъ мыслей". Сочиненіе это началось печатаніемъ съ 61 № „Прибавленій къ Моск. Вѣд.", послѣдующихъ-же 62-го, 63-го и 64-го номеровъ, въ которыхъ должно было быть продолженіе его, подписчики не получили. Въ экземплярѣ „Прибавленій", принадлежащемъ Имп. Публичн. Библіотекѣ, въ концѣ 61 № рукою подписчика, получавшаго этотъ экземпляръ, написано: „номеры 62, 63 и 64 не присыланы, и извиненіе писано въ вѣдомостяхъ". А между тѣмъ нумерація страницъ въ „Прибавленіяхъ (составлявшихъ въ этомъ году отдѣльную отъ Вѣдомостей книгу) не прерывается изъ-за пропуска нѣсколькихъ номеровъ: значитъ, продолженіе сочиненія „О вліяніи успѣха наукъ" было задержано прежде выхода его въ свѣтъ. Что̀ именно не понравилось императрицѣ въ этой статьѣ (если, дѣйствительно, какъ можно догадываться, она запретила ея дальнѣйшее печатаніе), мы не знаемъ; но съ достовѣрностію можно сказать, что многія статьи журналовъ Новикова послѣдняго періода его литературной дѣятельности (1781 — 1785 гг.) не нравились и не могли нравиться императрицѣ, какъ не могла быть ей по сердцу и общественная дѣятельность его и его товарищей.

Для разъясненія всего этого надо обратиться къ началу взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Новикова. Это начало относится къ 1769 году, когда Новиковъ блистательно выступилъ на литературное поприще своимъ сатирическимъ журналомъ „Трутень". „Трутень" велъ, какъ извѣстно, ожесточенную войну съ журналомъ

---

[1]) Г. Есиповъ относитъ этотъ документъ къ 1792 г. Не вѣрнѣе-ли отнести къ 1784 году?

[2]) „Вѣстн. Евр." 1869 г., № 1. „Екатерина II и іезуиты", ст. А. Н. Попова. (Письмо Черневича къ кн. Потемкину, 15 сентября 1784 г., стр. 393).

„Всякая Всячина“, тайнымъ редакторомъ котораго была императрица Екатерина. Полемику эту нельзя считать простымъ журнальнымъ споромъ: она была серьезной борьбою убѣжденій, борьбою идей двухъ выдающихся дѣятелей русской жизни. Эта полемика подробно изложена въ моей книгѣ о Новиковѣ [1]); я позволю себѣ разсказать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Началось дѣло изъ-за преслѣдованія „Трутнемъ“ силою ѣдкой насмѣшки взяточничества. „Всякая Всячина“ вступилась за обижаемыхъ Новиковымъ приказныхъ. Но скоро споръ перешелъ въ отвлеченную область. „Всякая Всячина“ стала проводить идею, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какимъ онъ кажется инымъ злымъ людямъ (журналъ ясно намекалъ на Новикова), что человѣку нельзя быть совершеннымъ, и со слабостями, которыя мы видимъ въ людяхъ, можно и должно примиряться; „Всякая Всячина“ думала, что нѣтъ нужды предаваться „меланхоліи“, приходить въ негодованіе; гораздо лучше веселиться и быть ко всему и всѣмъ снисходительнымъ. „Трутень“, напротивъ, думалъ и говорилъ, что терпимость къ пороку вовсе не то-же самое что милосердіе, и что она—дѣло нехорошее; онъ полагалъ затѣмъ, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на общество такимъ путемъ, какимъ онъ хочетъ: путемъ-ли сатиры, или нравоученія. Доказывая свои снисходительныя и умѣренныя мысли, свою уступчивую мораль, „Всякая Всячина“ была весьма неразборчива на средства, а именно—употребляла софизмы; напримѣръ, она говорила, что приказные не были бы издоимцами, если-бы ихъ не соблазняли взятками сами истцы и т. д.—За этимъ разногласіемъ въ принципахъ крылись и другого рода фактическія и реальныя разногласія двухъ журналовъ. Такъ, императрица вовсе не раздѣляла сочувственнаго взгляда Новикова на предковъ, на русскую старину. Не сочувствовала она и появленію въ „Трутнѣ“ статей о крестьянахъ и помѣщикахъ, въ которыхъ выражалась мысль о тяжеломъ положеніи крѣпостнаго и о томъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ. Императрица въ принципѣ была за освобожденіе крестьянъ, но осуществить его она считала дѣломъ преждевременнымъ и невозможнымъ. Вотъ почему, должно быть, „Трутень“ принужденъ былъ печатать статьи о крестьянахъ съ различнаго рода оговорками; а въ 1770 году въ немъ и совсѣмъ перестали появляться сочиненія, касающіяся крѣпостнаго права. Наконецъ, мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что журналъ Новикова былъ остановленъ личнымъ распоряженіемъ императрицы: онъ умеръ „съ превеликой печали“ (по его выраженію), послѣ того какъ получилъ отъ нея (найденное Пекарскимъ въ собственноручныхъ бумагахъ императрицы) письмо, начинающееся словами: „Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ...“

---

[1]) „Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“. Спб. 1875 годъ, стр. 158—170.

Но замѣчательно, что вслѣдъ за прекращеніемъ „Трутня“ начинается сближеніе императрицы съ Новиковымъ: спустя нѣсколько времени она начинаетъ сообщать ему историческія рукописи для его изданій, затѣмъ письменно обѣщаетъ свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ „Живописецъ“, и наконецъ, дѣйствительно принимаетъ въ „Живописцѣ“ личное участіе. Какъ объяснить такую, повидимому, странную перемѣну? Дѣло въ томъ, что полемика Екатерины и Новикова не была ожесточеннымъ споромъ людей, закоснѣлыхъ въ односторонности своихъ взглядовъ; это была борьба молодыхъ умовъ, увлеченныхъ искренно противорѣчащими одно другому направленіями. Въ жару спора противники впадали въ крайности, какъ это обыкновенно бываетъ; въ особенности это можно сказать относительно императрицы. Проводя мысль о снисходительности къ слабостямъ, она, противорѣча себѣ, допускала во „Всякую Всячину“ довольно рѣзкую сатиру, напримѣръ, на взяточничество. Назвавъ издателя „Трутня“ злымъ, она однако-жь признала его остроумнымъ писателемъ и умнымъ человѣкомъ [1]). Литературные противники вѣрили въ искренность убѣжденій другъ друга; оттого императрица не оскорблялась на чрезвычайную рѣзкость „Трутня“, оттого (что̀ весьма замѣчательно въ данномъ случаѣ) спорившіе повліяли другъ на друга своими взглядами и убѣжденіями. На Новикова подѣйствовала мысль, что лучше исправлять нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ, чѣмъ смѣхомъ: вскорѣ послѣ „Трутня“ онъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи, съ цѣлью показать современному обществу образцы доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ, а черезъ нѣсколько времени, именно въ 1774 или 1775 году, онъ даже отрекается отъ сатиры. Императрица, въ свою очередь, отступаетъ отъ снисходительнаго взгляда на жизненное зло, отъ низменныхъ воззрѣній на человѣческую природу, навѣянныхъ на нее идеями философовъ-матеріалистовъ и особенно ея учителя Вольтера. Въ 1772 году она пишетъ комедіи: „Именины г-жи Ворчалкиной“ и „О время!“, въ которыхъ остро и серьезно осмѣиваетъ французоманію русскаго общества, и довольно ярко (хотя и слабѣе „Трутня“) рисуетъ тяжелое положеніе крестьянъ подъ властью жестокихъ помѣщиковъ (вродѣ Ханжахиной во второй изъ названныхъ комедій). Императрица увлеклась, такимъ образомъ, обѣими идеями, положенными Новиковымъ въ основу его „Трутня“. Сатира императрицы получила серьезный характеръ. Понятно, что Новиковъ посвятилъ своего „Живописца“ автору комедіи „О время!“. Здѣсь не разсчетъ, а искреннее увлеченіе (и совершенно основательное) руководило его поступкомъ.

Въ отвѣтъ на посвященіе ей „Живописца“, императрица Екатерина написала Новикову письмо, въ которомъ она не только сочув-

---

[1]) „Всякая Всячина“, 1769 г., стр. 402.—„Н. И. Новиковъ“, изсл. Незеленова, стр. 166—167.

ствуетъ журналу своего прежняго литературнаго противника, но и совершенно въ тонъ ему нападаетъ на сословные предразсудки. Письмо это напечатано въ 7-мъ № „Живописца", т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ появленія въ немъ (въ № 5) „Отрывка изъ путешествія И. Т.", въ которомъ авторъ мрачными красками рисуетъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Значитъ, императрица ничего не имѣла противъ этой статьи. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дальнѣйшихъ №№ журнала печатается цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій о крестьянахъ.

Карамзинъ въ своей запискѣ о Новиковѣ, писанной имъ для императора Александра I, положительно говоритъ, что въ „Живописцѣ" „напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера" Екатерины [1]). Авторъ настоящей статьи предполагаетъ, въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ [2]), что императрицѣ Екатеринѣ принадлежатъ: письмо „Осмидесятилѣтняго старика" (въ 7 № журнала), письмо „дворянина съ одною душею" (въ предпослѣднемъ № 1772 года) и статья противъ масоновъ (въ №№ 8 и 9 втораго года журнала). Двѣ первыя статьи своимъ содержаніемъ (а вторая даже и заглавіемъ) выражаютъ явное личное сочувствіе императрицы освобожденію крестьянъ.

Сообщеніе Екатериною Новикову памятниковъ нашей исторіи, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, какъ и сатира ея на французоманію, что она начала сочувственно относиться и къ русской старинѣ. Императрица не только подписалась на 10 экземпляровъ „Древней Россійской Вивліоѳики", но и поддерживала это изданіе Новикова значительными субсидіями. А между тѣмъ, цѣлью „Вивліоѳики", какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ первой-же ея части, было „начертаніе нравовъ и обычаевъ" нашихъ предковъ, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою". „Не всѣ у насъ еще, слава Богу, заражены Франціею", прибавляетъ Новиковъ.— Все это совершенно гармонируетъ съ извѣстной любовью императрицы къ народнымъ русскимъ обычаямъ, къ пѣснямъ, пословицамъ, играмъ, къ народному языку и т. д. Кто знаетъ, можетъ быть народныя русскія черты, которыхъ нельзя не замѣтить въ характерѣ Екатерины, явились въ ней подъ вліяніемъ идей издателя „Трутня" и „Вивліоѳики".

Но добрымъ отношеніямъ императрицы и Новикова не суждено было остаться неизмѣнными. Разногласіе замѣтно уже и въ названныхъ статьяхъ ея въ „Живописцѣ". Соглашаясь въ принципѣ съ взглядами Новикова на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, императрица предостерегаетъ (еще дружески) издателя журнала отъ помѣщенія рѣзкихъ статей подобнаго рода. Письмо „дворянина съ одною душею" даже остановило совсѣмъ, какъ можно предполагать съ боль-

---

[1]) Новиковъ и моск. март., Лонгинова, стр. 0161.
[2]) Стр. 191—192 и 195.

шою достовѣрностью, ихъ печатаніе: послѣ этого письма въ „Живописцѣ" вовсе не встрѣчается сочиненій о крѣпостномъ правѣ; ихъ нѣтъ и въ сатирическомъ листкѣ 1774 года „Кошелекъ".

Со вступленіемъ Новикова въ масонство, въ 1775 году, отношенія между нимъ и императрицей, какъ можно догадываться, совсѣмъ прекращаются; по крайней мѣрѣ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этихъ отношеній. Императрица, какъ извѣстно, терпѣть не могла масонства. Съ 1777 года, Новиковъ издавалъ „Утренній Свѣтъ", журналъ отвлеченно-нравоучительнаго направленія съ мистическимъ оттѣнкомъ. Имени императрицы нѣтъ въ спискахъ подписчиковъ этого изданія, хотя можно предполагать, что Новиковъ поднесъ ей экземпляръ журнала, какъ подносилъ прежнія изданія.

Изданіе „Утренняго Свѣта" связано съ началомъ практической общественной дѣятельности Новикова: на средства журнала онъ задумалъ основать, при помощи русскаго общества, народныя училища. Такія училища были открыты (въ 1778 г.) при церквахъ Владимірской Божіей Матери и Благовѣщенія на Васильевскомъ острову. Первое изъ нихъ названо было Екатерининскимъ, второе—Александровскимъ. Общество русское отозвалось на призывъ Новикова къ благородной общественной дѣятельности: со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія деньгами и вещами; жертвователи охотно, по призыву „Утренняго Свѣта", посѣщали свои школы; журналъ, съ своей стороны, печаталъ отчеты обществу о веденіи въ нихъ дѣла, и училища быстро встали на ноги [1]). Но императрица не выказала своего къ нимъ сочувствія, не приняла никакого участія въ нихъ, не смотря на то, что Екатерининское училище названо такъ въ честь ея, учреждено въ день ея Ангела и посвящено ей, какъ объ этомъ говорятъ и стихи, напечатанные вмѣстѣ съ объявленіемъ объ учрежденіи училища:

„Тебѣ приносимъ то, Тобой дано что намъ:
Минервѣ мы своей Минервинъ ставимъ храмъ".

Ученица энциклопедистовъ, должно быть уже безвозвратно увлеченная въ это время идеей „просвѣщеннаго деспотизма", косо посмотрѣла на подобное проявленіе общественной самодѣятельности. Въ холодности Екатерины къ школамъ Новикова выразилась та-же самая мысль ея, которая черезъ 5 лѣтъ на вопросъ Фонвизина: „отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?" подсказала ей энергическій и ревнивый отвѣтъ: „отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго". — Школы Новикова существовали еще въ 1781 и 1782 годахъ (въ пользу ихъ издавались слѣдовавшіе по времени за „Утреннимъ Свѣтомъ" журналы „Московское Изданіе" и „Вечерняя Заря"); но дальнѣйшее развитіе этого

[1]) Подробности см. „Н. И. Новиковъ". Изслѣдованіе А. Незеленова, стр. 262—269.

дѣла, которое могло бы, судя по блестящему началу, повести къ широкому развитію народнаго просвѣщенія въ русской землѣ, остановилось или было остановлено. Въ 1782 году, правительство Екатерины обратило вниманіе на народное просвѣщеніе: выписанъ былъ изъ-за границы извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево и ему (но уже помимо общественной инціативы) было поручено открытіе и устроеніе школъ. Новиковъ же не былъ приглашенъ къ участію въ организаціи народнаго образованія.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній на отношенія императрицы Екатерины къ журналамъ третьяго періода литературной дѣятельности Новикова, кромѣ запрещенія ею печатать въ одномъ изъ нихъ „ругательную исторію" ордена іезуитскаго, да предполагаемаго запрещенія статьи: „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы". Но едва-ли можно сомнѣваться, что она этимъ журналамъ Новикова не сочувствовала. Если „Трутень" принужденъ былъ прекратить свое существованіе изъ-за статей о крестьянахъ; если даже „Живописецъ" долженъ былъ перестать печатать сочиненія о крѣпостномъ правѣ, не смотря на то, что императрица сочувствовала этимъ сочиненіямъ и сама ихъ писала, перестать по ея-же (какъ можно догадываться), хотя дружескому, но настоятельному совѣту,— то несомнѣнно, что она не иначе какъ съ гнѣвомъ должна была принять подобныя произведенія въ „Вечерней Зарѣ" и „Покоящемся Трудолюбцѣ". Тѣмъ болѣе, что Новиковъ вернулся въ концѣ своей литературной дѣятельности къ вопросу о крѣпостномъ правѣ съ замѣчательною энергіей, и поднялъ его смѣло и довольно рѣзко. Яркимъ примѣромъ того, какого рода мысли о крестьянахъ высказывались въ послѣднихъ новиковскихъ изданіяхъ, можетъ служить напечатанное въ „Покоящемся Трудолюбцѣ" стихотвореніе „Письмо къ другу" [1]), въ которомъ встрѣчаются такія мысли:

„Кровавый потъ они (крестьяне) трудяся проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдясь подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ, и насъ, и ихъ, Творецъ.
Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю,
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Не ужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда—
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?"

По всей вѣроятности не нравились императрицѣ статьи новиковскихъ журналовъ и о другихъ предметахъ, напримѣръ, нѣкоторыя политическія и педагогическія сочиненія. Такъ, едва ли она могла сочувствовать основной мысли напечатанной въ прибавленіяхъ къ „Мо-

[1]) „Покоящійся Трудолюбецъ" 1784—1785 гг. ч. IV, стр. 224—230.

сковскимъ Вѣдомостямъ" 1784 года статьи „Краткое описаніе жизни и характера генерала Вашингтона", гдѣ сказано, что Вашингтонъ „основалъ республику, которая вѣроятно будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ". Подобныя мысли были случайностью въ новиковскихъ журналахъ, вообще не вдававшихся въ политику; но заподозрѣнному человѣку вмѣняется въ-вину и мимоходомъ и безъ умыслу сказанное слово.—Педагогическія воззрѣнія, проводимыя Новиковымъ очень обстоятельно въ его изданіяхъ, особенно въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ" 1783 года, совершенно расходились съ воззрѣніями императрицы, которыя она хотѣла осуществлять на дѣлѣ, что и поручила Бецкому. Новиковъ своими журналами подрывалъ идею о приготовленіи путемъ воспитанія вдали отъ семьи „новой породы" людей. Императрица могла досадовать и на это.

Наконецъ, она, конечно, была недовольна широкой общественно-благотворительной и просвѣтительной дѣятельностью Дружескаго Ученаго Общества въ Москвѣ, если, какъ мы видѣли, она подозрительно и несочувственно посмотрѣла на подобную, даже несравнено меньшихъ размѣровъ дѣятельность Новикова въ Петербургѣ. Со словъ Лонгинова мы привыкли думать, что главными дѣятелями Дружескаго Ученаго Общества, или Типографической Компаніи, были масоны, между прочими и Новиковъ, по-скольку онъ былъ масонъ. Но императрица Екатерина, должно быть, думала иначе (и была, по всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ права): несмотря на то, что главою нашихъ масоновъ оказался не Новиковъ, императрица признала все-таки главнымъ лицемъ въ московскомъ благотворительномъ обществѣ его, на него одного обрушился гнѣвъ, одного его постигла кара. Едва-ли можно сомнѣваться, что онъ пострадалъ не за то, что былъ масонъ, не за сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (эти сношенія были лишь въ числѣ поводовъ для начала преслѣдованія), а именно за всю свою литературную и общественную дѣятельность, которою одно время увлеклась сама императрица и которую она потомъ осудила подъ вліяніемъ философской идеи вѣка о „просвѣщенномъ деспотизмѣ".

Указомъ 10-го мая 1792 года, князю Прозоровскому [1]) императрица повелѣваетъ „Новикова отослать въ Слесельбургскую крѣпость", „апробуя", что онъ не отдалъ этого „коварнаго" человѣка по ея повелѣнію подъ судъ. Указу этому предшествовала слѣдующая собственноручная записка императрицы отъ 9-го мая 1792 года, донынѣ не напечатанная:

„Хвалю поступокъ Князя Прозоровскаго, что остановилъ мое приказаніе о судженіи Новикова а написать надлежитъ, какъ сего утра я уже приказала привезти сего бездѣльника въ Шлюшельбургъ".

---

[1]) „Новиковъ и моск. мартинисты" Лонгинова, стр. 072.

Такимъ образомъ, Новиковъ былъ заключенъ въ крѣпость безъ суда и даже до окончанія производства слѣдствія (Шешковскій допрашивалъ его уже въ Шлиссельбургѣ): императрица, знакомая съ съ его литературной дѣятельностью, не сомнѣвалась въ его преступности. Но она поступила, въ данномъ случаѣ, вопреки своему собственному, въ прежнее время ею высказанному, мнѣнію. Въ 7-мъ томѣ „Сборника Русскаго Историческаго Общества" напечатаны „Бумаги императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ"; эти бумаги относятся къ годамъ съ 1744 по 1764. Между ними есть одна замѣтка Екатерины, начинающаяся такъ: „Виданъ ли болѣе варварскій и достойный турковъ способъ дѣйствовать, какъ тотъ, который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія?"

Жизнь Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости была безотрадно тяжела, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ печатаемые ниже документы.

„Донесеніе Шлюссельбургскаго Коменданта Колюбакина Генералу Прокурору Александру Николаевичу Самойлову. Августа 9-го 1794 года.

„Покойный Господинъ Тайный Совѣтникъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, будучи въ сей крѣпости, далъ мнѣ приказаніе, чтобъ содержащимся извѣстнымъ арестантамъ Новикову, его человѣку и бывшему при немъ доктору [1]) производить кормовыхъ по рублю въ сутки, а притомъ, чтобъ за здоровьемъ его, Новикова, имѣть особое по волѣ Ея Императорскаго Величества попеченіе, а потому когда онъ, Новиковъ, случаемъ боленъ и представляемы были отъ меня къ нему прописываемыя вышеписаннымъ докторомъ для него, Новикова, лѣкарства, то оныя были ко мнѣ доставляемы, а нынѣ пріемлю смѣлость утруждать Ваше Высокопревосходительство симъ моимъ объясненіемъ: 1) что какъ всему уже обществу ощутительна есть во всемъ дороговизна, то сколько бы я ни старался въ удовлетвореніи сихъ людей въ безбѣдномъ ихъ содержаніи, но оное опредѣленное имъ число къ содержанію ихъ нахожу весьма недостаточнымъ. 2) Изъ сихъ людей о докторѣ осмѣливаюсь донесть, что скромность жизни его, а паче жалоба на вовлеченіе въ сіе несчастное бытіе Новиковымъ и въ томъ чистосердечное его раскаяніе, что замѣчено было и Господиномъ Шешковскимъ, который сдѣлалъ мнѣ приказаніе о употребленіи къ нему возможнаго снисхожденія, но я сіе отношу до воли Вашего Высокопревосходительства, яко высокоповелительному Начальнику и испрашиваю дозволенія о бритіи сему доктору бороды и прохожденіи для сохраненія жизни подъ моимъ присмотромъ внутри крѣпости въ удобное время на воздухѣ. И такъ изъясняя симъ Вашему Высокопревосходительству по долгу и препорученію о сихъ людяхъ попеченія моего имѣю честь испросить вашего въ резолюцію соизволенія. Полковникъ Комендантъ Колюбакинъ".

Изъ этого донесенія Колюбакина мы видимъ, что первое время о Новиковѣ, по личному распоряженію императрицы, заботились: ему доставляли, напримѣръ, лекарства; а потомъ о немъ позабыли, и вслѣдствіе начавшейся дороговизны на съѣстные припасы ему пришлось бѣдствовать. Колюбакинъ ходатайствуетъ о дозволеніи доктору Багрянскому для сохраненія здоровья прохаживаться иногда на воз-

[1]) Багрянскій.

духѣ внутри крѣпости подъ его присмотромъ: значитъ, Новикову бывать на воздухѣ не приходилось, и онъ безвыходно жилъ въ казематѣ; эта жизнь должна была подорвать его здоровье, что, какъ увидимъ, и случилось.

Самойловъ, вслѣдствіе донесенія Шлиссельбургскаго коменданта, отправилъ въ Шлиссельбургъ чиновника Тайной Экспедиціи Макарова для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія. Донесенія Макарова о его поѣздкѣ не найдено. 10-го октября 1794 г. Самойловъ увѣдомилъ коменданта, что 13-го октября онъ самъ пріѣдетъ въ крѣпость. Но вѣроятно онъ не поѣхалъ, потому что 12-го октября снова послалъ въ Шлиссельбургъ Александра Макарова.

14-го октября Макаровъ донесъ Самойлову,

„что содержаніе секретнымъ арестантамъ чинится со всевозможною осторожностію и къ утечкѣ или другимъ какимъ непріятнымъ случаямъ сумнѣнія никакого нѣтъ; положенное же число для продовольствія ихъ денегъ всѣ получаютъ и тѣмъ довольны, изключая Новикова, который произносилъ просьбу о недостаткахъ въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны".

Это коротенькое донесеніе Макарова какъ будто намекаетъ, что Самойловъ несовсѣмъ довѣрялъ Колюбакину: онъ поручилъ своему чиновнику изслѣдовать—строго ли присматриваютъ за арестантами и дѣйствительно-ли имъ недостаточно отпускаемаго содержанія.

При своемъ донесеніи Макаровъ представилъ списокъ арестантамъ, содержавшимся въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости. Вотъ онъ:

„1. Малороссіанинъ Сава Сирскій съ 776 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій.

2. Пономаревъ сынъ Григорій Зайцевъ съ 784 г. за ложное и дерзкое разглашеніе и буйственное поведеніе.

3. Бѣглой сержантъ Протопоповъ съ 784 г. за отвращеніе отъ вѣры и неповиновеніе Церкви.

4. Унтершихмейстеръ Кузнецовъ съ 787 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій на 10 лѣтъ.

5. Бывшій поручикъ Карновичъ съ 788 г. по лишеніи чиновъ и дворянства за продажу чужихъ людей, за сочиненіе печатей и пашпортовъ и дерзкія разглашенія, посланъ до окончанія Шведской войны.

6. Отставной поручикъ Новиковъ съ 792 г. за содержаніе масонской секты и за печатаніе касающихся до оной развращенныхъ книгъ на 15 лѣтъ.

7. При немъ докторъ за переводъ развращенныхъ книгъ [1]).

8. Человѣкъ его, но за что неизвѣстно".

Изъ этого списка мы видимъ, что участь Новикова была такова-же, какъ и человѣка, продававшаго чужихъ крѣпостныхъ людей и сочинявшаго фальшивые паспорты; онъ сидѣлъ въ казематѣ той-же крѣпости, въ которую заключены были дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій.

14-го октября 1794 г. комендантъ Колюбакинъ представилъ Самойлову, по его приказанію, на-скоро начерченный планъ казармъ,

[1]) Кромѣ этого указанія Макарова мы другихъ данныхъ для заключенія, что Багрянскій былъ посаженъ въ крѣпости какъ обвиненный, не имѣемъ.

гдѣ содержатся секретные арестанты. Новиковъ сидѣлъ въ нижнемъ этажѣ, въ 9 №.

26-го октября комендантъ представилъ свой списокъ секретнымъ арестантамъ; въ немъ названы тѣ-же лица, что и въ спискѣ Макарова, но безъ означенія преступленій. Къ списку Колюбакинъ приложилъ собственноручную записку Новикова:

„Записка о всепокорнѣйшихъ моихъ просьбахъ.

1) Въ разсужденіи дороговизны на всѣ съѣстные припасы, изъ получаемаго рубля имѣемъ самое нужное и бѣдное пропитаніе.

2) Во всякомъ бѣльѣ и обуви, также и платье, а наипаче слуга при насъ находящійся, крайнюю претерпѣваемъ нужду и бѣдность.

Наконецъ, ежели голосъ несчастнаго страждущаго, почти умирающаго, можетъ достигнуть въ слухъ Ея Императорскаго величества, то всепокорнѣйше вашего высокопревосходительства изъ единаго человѣколюбія прошу внушить и представить всемилостивѣйшей матери отечества мою нищую всеподданнѣйшую просьбу о милосердомъ помилованіи и прощеніи насъ! Слабость крайняя и изтощенныя силы не попущаютъ меня теперь болѣе о семъ распространиться; но человѣколюбіе и состраданіе вашего высокопревосходительства да исполнятъ недостатокъ моей бѣдной вѣрноподданнической просьбы. Умилосердитесь надъ несчастнымъ и преклоните на милосердіе всемилостивѣйшую Матерь и Государыню хоть для слезъ бѣдныхъ троихъ сиротъ дѣтей моихъ!“

Простая и трогательная, эта записка Новикова показываетъ намъ, какъ разбито было его здоровье въ два года пребыванія его въ крѣпости, какъ разбита была и душа его. Перенося неволю, болѣзнь и нужду, тоскуя по разлученнымъ съ нимъ дѣтямъ, онъ и не пытается уже оправдываться, а проситъ лишь великодушнаго милосердія государыни, ея прощенія.

Просьба Новикова о помилованіи осталась безъ послѣдствій, равно какъ, должно быть, безъ послѣдствій оставлено было и ходатайство Колюбакина о лекарствахъ для Новикова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся донесеніе отъ 22-го октября 1796 года коллежскаго ассесора Ѳедора Крюкова генералу-прокурору камергеру графу Александру Николаевичу Самойлову, о посѣщеніи имъ секретныхъ шлиссельбургскихъ арестантовъ,

„къ коимъ приходя въ комнаты (пишетъ Крюковъ), засталъ Кузнецова, Карновича, Сирскаго, Васильева и Зайцева стоящими предъ образомъ на молитвѣ, изъ коихъ первый молился со слезами, а у послѣдняго отъ полагаемыхъ частыхъ земныхъ поклоновъ видѣнъ на лбу знакъ въ мѣру куринаго яйца, Кречетова же въ упражненіи чтенія церковныхъ книгъ, а прочихъ сидящихъ на своихъ мѣстахъ; я, отдавъ всякому должное почтеніе и употребя всевозможное мое привѣтствіе, распрашивалъ каждаго о ихъ состояніи и неудовольствіяхъ, на что мнѣ всѣ единогласно отвѣчали, что они ни отъ кого и ни въ чемъ неудовольствія не имѣютъ и спокойны, а токмо всякой жаловался на судьбу свою и раскаевается въ содѣянномъ предъ Богомъ и всемилостивѣйшею Государынею преступленіи, въ чемъ и просятъ у высочайшаго ея величества престола въ облегченіе жребія ихъ матерняго ея милосердія, кромѣ развращеннаго во нравѣ Протопопова, которой по ожесточеніи своемъ настоитъ упорно въ своемъ заблужденіи, къ сему опредѣленному ему жребію выставляетъ онъ себя безвиннымъ страдальцемъ съ чаяніемъ полученія за то свя-

тости; а какъ замѣчены мною нѣкоторые въ неимѣніи и самаго нужнаго одѣянія то на вопросъ мною о семъ, г. Комендантъ отвѣтствовалъ, что онъ не имѣя на то особо опредѣленной суммы, кромѣ опредѣленнаго числа кормовыхъ, того исправлять навсегда не можетъ, а старается всегда чинить имъ съ своей стороны всевозможное пособіе; что принадлежитъ до Новикова, то онъ будучи обдержимъ разными припадками и не имѣя никакова себѣ отъ того пособія получилъ наконецъ нынѣ внутренній желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ (?) и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сіятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ страждутъ они съ Багрянскимъ и отъ опредѣленнаго имъ къ содержанію малаго числа кормовыхъ, въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны".

Такимъ образомъ мы видимъ, что Новиковъ 4 года въ крѣпости терпѣлъ тяжкую нужду и больной оставался безъ медицинской помощи. Заподозрить коллежскаго ассесора Крюкова, что онъ въ своемъ отчетѣ мирволилъ Новикову, никакъ нельзя, судя по началу этого отчета, гдѣ Крюковъ такъ наивно повѣствуетъ о своемъ „должномъ почтеніи" и „всевозможномъ привѣтствіи", съ какими онъ распрашивалъ арестантовъ, и гдѣ онъ такъ негодуетъ на полу-помѣшаннаго фанатика Протопопова, „развращеннаго (по его мнѣнію) во нравѣ". Крюковъ, должно быть, былъ человѣкъ недалекій, простодушный, честный, и въ своемъ донесеніи онъ искренно сказалъ то, что дѣйствительно замѣтилъ. Болѣзненное состояніе Новикова его, видимо, поразило.

Донесеніе Крюкова возъимѣло нѣкоторое дѣйствіе. Вслѣдствіе него Самойловъ въ тотъ-же день, 22-го октября, предписалъ Шлиссельбургскому коменданту

„...прислать рапортъ сколько какой одежды и обуви и для кого потребно, а притомъ доставить ко мнѣ и рецептъ на лѣкарство для Новикова отъ содержащагося съ нимъ доктора, также по дороговизнѣ въ съѣстныхъ припасахъ, прибавьте ему и при немъ находящимся къ производимымъ на пищу деньгамъ еще по одному рублю въ день.

Черезъ три дня, а именно 25-го октября, Колюбакинъ представилъ рецептъ лекарства для Новикова; 28-го числа Самойловъ послалъ въ Шлиссельбургъ самое лекарство. Возможность черезъ нѣсколько дней послѣ прописанія медицинскаго средства употреблять его была значительнымъ улучшеніемъ въ участи больнаго человѣка, годы остававшагося безъ медицинскаго пособія, несмотря на присутствіе при немъ доктора.

Этотъ небольшой поворотъ къ лучшему въ жизни Новикова послѣдовалъ почти наканунѣ его освобожденія. Императоръ Павелъ въ первый же день своего восшествія на престолъ приказалъ освободить знаменитаго узника.

Въ одномъ письмѣ друга Новикова—Сем. Ив. Гамалеи (отъ декабря 1796 г.) [1]) мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія о возвращеніи Новикова изъ заточенія на родину. „Онъ прибылъ къ намъ 19-го ноября по

[1]) Сборникъ студентовъ с.-петербургскаго университета, вып. I.

утру, дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ", пишетъ Гамалея. „Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости (продолжаетъ онъ) видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая, при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній".— Въ P. S. письма Гамалея прибавляетъ: „по написаніи сего получилъ я письмо Николая Ивановича, что онъ 5-го числа послѣ полудня въ 5 часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ—слава Богу!"—Лично знавшій Новикова знаменитый художникъ Витбергъ разсказывалъ впослѣдствіи, что Павелъ просилъ у Новикова прощенія за мать и при этомъ даже всталъ на колѣни: эксцентрическій, странный, но великодушный поступокъ больнаго императора.

Разбитый крѣпостнымъ казематомъ физически, Новиковъ вернулся изъ заточенія и разбитымъ нравственно: мы уже не видимъ въ немъ послѣ 1796 года энергическаго представителя высшей духовной жизни своего народа, передоваго писателя; оставивъ литературное поприще, онъ отдается теперь масонству, уходитъ въ его бредни, въ его вѣрованія въ 4 стихіи и 7 планетъ и т. д. Эту эпоху жизни Новикова у насъ зачастую смѣшиваютъ съ эпохами прежними, предшествовавшими заточенію,—обстоятельство, вслѣдствіе котораго и считаютъ иногда Новикова (совершенно ошибочно) главнымъ представителемъ нашего масонства екатерининскихъ временъ.

Трагическая судьба Новикова имѣетъ глубокій внутренній смыслъ. Въ отношеніяхъ его и императрицы Екатерины другъ къ другу, въ ихъ литературномъ спорѣ, въ ихъ сближеніи и потомъ разрывѣ выразились отношенія и борьба двухъ главнѣйшихъ направленій русской мысли во вторую половину XVIII вѣка, эту важную эпоху нашей исторической жизни. Ученица энциклопедистовъ, одно время сильно увлекшаяся народной мыслью Новикова, Екатерина въ концѣ своего царствованія задумала остановить развитіе этой мысли. Но такое дѣло оказалось невозможнымъ: было уже поздно,—мысль Новикова кончила полный кругъ своего развитія еще въ 1785 году въ журналѣ „Покоящійся Трудолюбецъ". Личная воля человѣка, желавшаго грубымъ насиліемъ сломить жизнь по своему произволенію, оказалась безсильной противъ разумнаго хода историческихъ событій.

А. Незеленовъ.





РѢКА ЛѢСНЫХЪ ПУСТЫНЬ [1].

V.

Отъ Няра до Губахи по безлюдью. — Картины берега. — Губаха. — Первый лѣсопромышленникъ.

Быстро скользила наша лодка, когда мы, оставивъ за собою красивый Няръ, двинулись внизъ по Косьвѣ. Берега обставлены скалами; иныя словно башни далеко вдвигаются въ воду, поддерживая въ своихъ щеляхъ и трещинахъ одинокія, остро-верхія пихты... Совсѣмъ на южные кипарисы похожи онѣ издали. Особенно эффектно это дерево, когда цѣпкими корнями вопьется оно въ известковый утесъ и держится—темное на его бѣлой поверхности. Оставленная рыбачья избенка на берегу полуразвалилась вся; такіе же безлюдные теперь куреньки для дровосѣковъ— и опять нѣсколько верстъ горныхъ береговъ безъ малѣйшаго намека на присутствіе человѣка.

— Тутъ у насъ жернова ломаютъ, показываетъ гребецъ на жилье какое-то, прислонившееся къ громадному утесу. И не разсмотришь даже вблизи этого убогаго логовища—совсѣмъ теряется оно.

— Есть народъ?

— Были, да ушли.

— Что же, не выгодно?

— Тяжко... Все молчитъ округъ тебя... Коли бы люди были— людей нѣтъ. У насъ народъ къ заводамъ привыкъ; на заводахъ округъ тебя шумъ, суета... А тутъ гора насупилась, лѣсъ насупился... ну, и бѣгутъ люди. Ты думаешь, легко тутъ...

---

[1]) Окончаніе. См. „Историч. Вѣстн.", т. X, стр. 241.

Потомъ я встрѣчалъ такихъ рабочихъ за Салдой—въ другомъ уголкѣ Урала. Въ концѣ концовъ человѣкъ и самъ насупится, такъ что отъ него слова не добьешься. Подумаешь—больно говорить ему, а онъ просто молчать привыкъ среди этихъ величавыхъ горъ, гдѣ какъ-то дико звучитъ громкая молвь человѣка... Вонъ, точно изъ зеленыхъ облаковъ лиственнаго лѣса, кругляющихся на красивомъ островѣ, подымаются изъ самой середины стройныя, высокія пихты. Совсѣмъ готической архитектуры дерево—такъ и кажется, что это стрѣльчатыя колокольни какого-то чудеснаго собора. Известковыя скалы горы Хорошей по пути на минуту останавливаютъ внимательный взглядъ туриста узорчатымъ и изящнымъ наслоеніемъ своимъ, совсѣмъ фантастическаго рисунка...

— Нашей красѣ конецъ приходитъ! замѣчаетъ гребецъ.

— А что?

— Да желѣзнодорожные здѣсь проявились...

Дѣйствительно, въ то время какъ я путешествовалъ по этому краю, думали, что дѣвственная глушь его наканунѣ кончины. Партіи инженеровъ проходили мимо, дѣлали съемки. Въ концѣ концовъ рельсовая линія прошла стороной и Косьвинскія пустыни остались нетронутыми.

Скалы за скалами, нѣкоторыя совсѣмъ розовыя, горы за горами... Косьва дѣлаетъ извилину за извилиной. Плывешь по какимъ-то котловинамъ, дно которыхъ залито водою... На высотахъ утесы напоминаютъ фантастическіе зàмки, внизу лѣса ползутъ по нимъ и, безсильныя добраться до темени, остаются на полу-горѣ. Это какое-то царство дикихъ утокъ—нѣкоторые плесы чуть не сплошь покрыты ими. Изрѣдка въ прозрачныхъ водахъ сверкнетъ харіусъ, или видно, какъ юркая щука погналась за маленькимъ сижкомъ. У входа въ большія необслѣдованныя пещеры сидятъ ястреба и кречеты, совершенно сливаясь сѣрымъ перомъ своимъ съ цвѣтомъ окружающаго ихъ камня. И камень весь изщелился совсѣмъ, точно это громадная кирпичная кладка какая-то. Черные зѣвы пещеръ провожаютъ васъ далеко, тянутся онѣ внутри тоже на десятки верстъ. Такъ, напримѣръ, если вѣтеръ отсюда, то онъ, войдя внутрь пещеры, выходитъ изъ Артемьевскаго рудника, верстъ за 15; если вѣтеръ оттуда, то выдувается онъ изъ Губахинской пещеры. Иная пещера прячется за круглую, какъ старая башня, скалу, на вершинѣ которой вмѣсто зубцовъ давно выросли и давно уже постарѣть успѣли мрачныя ели... Окрестности чѣмъ далѣе по направленію къ Губахѣ, тѣмъ становятся все грандіознѣе. Не доѣзжая шести верстъ до нея, вы совсѣмъ обманываетесь фантастическимъ складомъ утесовъ. Это десятки, сотни башенъ, громоздящихся одна на другую, крѣпостныхъ стѣнъ, перепутавшихся какими-то самыми смѣлыми и неожиданными зигзагами. И на-лѣво и на-право они... Башни перемѣжаются развалинами громадныхъ дворцовъ и храмовъ. Вотъ уцѣлѣвшій сводъ арки, вонъ ку-

полы повисли въ воздухѣ, вонъ какая-то колонна торчитъ вверхъ, поддерживая фантастическое Т—цѣлую скалу, упавшую на нее поперекъ... Вонъ на вершинѣ горы двубашенныя укрѣпленія, вонъ точно массивная мечеть съ тонкимъ минаретомъ... Протираешь глаза себѣ—куда попалъ я? Неужели это уголокъ Россіи? Отчего же гдѣ такой здоровый воздухъ, такія чудныя окрестности, такіе поэтическіе виды,—отчего сюда не направляются наши скучающіе туристы?.. Вонъ скала нависла надъ Косьвой; вся рѣка стосаженной ширины течетъ подъ этимъ утесомъ... Наверху, на самомъ концѣ утеса, три громадныя ели. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ—и онѣ, и сама скала сползутъ внизъ и перегородятъ совсѣмъ теченіе этой свѣтловодной рѣки... Какъ хороши эти картины, когда вечерняя заря обдаетъ ихъ своимъ багровымъ заревомъ. Всѣ эти развалины никогда не существовавшихъ городовъ, руины никогда и никому не грозившихъ крѣпостей!.. Вонъ одна сквозная пещера на аломъ фонѣ гаснущаго дня... Вся черная, а въ ея зѣвѣ горитъ багровое уже солнце... Словно въ окно оно смотрится сквозь этотъ удивительный тунель.

Рѣка здѣсь почти недвижной кажется... Теченіе незамѣтно... Медленно, такимъ образомъ, подплываемъ мы къ Губахѣ, тоже спрятавшейся на дно котловины и богатой со всѣхъ сторонъ такими же очаровательными видами. Громко рокочетъ она, перекидываясь черезъ тысячи переборовъ прежде, чѣмъ здѣсь ей удается соединиться съ тихими водами Косьвы... Все ея ущелье полно этого веселаго, дѣятельнаго грохота... Весною Косьва здѣсь очень опасна. Дальше на ней масса пороговъ и въ одномъ 1875 году, напримѣръ, здѣсь утонуло 16 человѣкъ гребцовъ на баркахъ. Рѣчка бѣшено мчится тогда мимо этихъ поэтическихъ береговъ... Косьва вспучивается на двѣ сажени, питаемая тысячами рѣчекъ и ручьевъ, и стремится съ чудовищной силой въ Каму.

— При такой глубинѣ по ней могли бы идти и пароходы?

— Да, только никакой пароходъ не подымется вверхъ при быстротѣ ея теченія. Тутъ паденіе рѣки громадно.

То и дѣло весеннія воды Косьвы выбрасываютъ на берега трупы гребцовъ и барочной прислуги... Недавно, за мѣсяцъ до моего пріѣзда, въ четырехъ верстахъ отъ Губахи нашли такимъ образомъ прибитыми къ берегу пять труповъ гребцовъ и барочной прислуги, а двумя верстами ниже—шесть такихъ же.

— Тутъ разъ полой водой медвѣдя сбросило въ рѣку. Онъ было барахтаться—куда! понесло его... Верстъ за тридцать выбросило вонъ, только мертваго. Всю ему башку о скалы наши разбило...

— Ладились мы шкуру достать!

— Не годится?

— Спорчена. Ослизла да стерта... А гдѣ такъ и званія шкуры нѣтъ—сбило о камень... И вѣдмедь же огромаднѣющій былъ... Я его увидѣлъ, какъ его въ воду сбросило, потомъ пошелъ по берегу, ду-

малъ—мѣхъ даромъ достанется... Только—поѣхалъ въ цвѣтномъ, а пріѣхалъ ни въ чемъ.

— Самого ободрало?

— Да малость въ рѣчушкѣ одной... Я думалъ малая—сунулся, а она и меня, что Косьва медвѣдя, прихватила... Едва-едва выбился.

— Пошелъ на собакѣ сѣно косить.

— Точно что! Въ баню идти—пару не бояться. Любишь парко—люби и жарко... На уру пошелъ. У насъ медвѣди чудесные!

Не знаю, каковы губахинскіе медвѣди, но комары губахинскіе ужасны. Они не кусаютъ, а подлинно жрутъ... Тутъ мажутъ лицо дегтемъ отъ нихъ; иногда впрочемъ и деготь не помогаетъ... Скотъ въ воду загоняютъ эти звѣри. Часто кони даже тонутъ отъ комара.

— Здѣсь по всему этому околотку—пьянства мало... Все наша брага! До пропасти пьютъ ея. Съ огня на заводахъ, и такъ здѣсь постоянно пьютъ ее. Она очень вкусна, бѣлая; изъ проросшаго овса и солода варятъ ее. Иной по полведра въ день выпиваетъ ея.

Трудно сказать, какъ бы питался мѣстный рабочій, если бы не это пойло. Мяса онъ не видитъ и въ праздникъ, хлѣба не всегда въ волю, рыбы мало. Особенно много ея употребляютъ въ Губахинскихъ каменно-угольныхъ копяхъ. Онѣ были извѣстны давно, но до сихъ поръ не разрабатывались, да и теперь—не особенно, хотя содержаніе этихъ копей разсчитано на 90.000.000 пудовъ угля. Дѣло въ томъ, что какъ его ни эксплоатируй, но пока этого богатства дѣвать нѣкуда. При заводской топкѣ и на Усольскихъ солеварняхъ сто пудовъ угля соотвѣтствуютъ кубической сажени дровъ. Послѣдняя заводамъ и варницамъ обходится въ шесть рублей, тогда какъ только одинъ подвозъ угля обойдется въ семь рублей, не считая расходовъ по эксплоатаціи. Только тогда, когда цѣнность его будетъ низведена на мѣстахъ потребленія, а не производства, до 6 коп. пудъ, можно ожидать, что его цѣлыми массами станутъ жечь солевары и желѣзняки. Но это долгая пѣсня, а пока подъ топорами дровосѣковъ гибнетъ лучшее богатство Урала—его лѣса!.. Самая рѣчка Губаха замѣчательна здѣсь тѣмъ, что она верстахъ въ семи уходитъ въ землю и черезъ десять къ сѣверу опять показывается на свѣтъ, пробѣжавъ все это пространство какою-то подземною жилой.

— У насъ рѣка хитрая!..—Въ прятки играетъ! шутятъ губахинскіе крестьяне.

У Губахи пропадаетъ одно изъ красивѣйшихъ деревьевъ нашего сѣвера—кедръ; отъ Губахи на Каму идетъ уже все лиственница... Въ старое время и на самой Камѣ водились кедры, но лѣтъ семьдесятъ тому назадъ они почему-то стали вымирать, уступая свое мѣсто другимъ лѣснымъ великанамъ. Въ Губахѣ же я встрѣтилъ лютаго ворога лѣсовъ. Смотрю—идетъ ожирѣлый кулакъ въ простой сермягѣ. Сапоги бутылками, на головѣ широкополая шляпа; грязная ситцевая рубаха, воротникъ весь просалился — взглянуть ужасно. Борода рѣ-

денькая, косичками, красные глаза изъ-подъ рыжихъ бровей такъ и бѣгаютъ...

— Милліонщику!.. привѣтствовалъ его мой спутникъ.

— Здорово, Иванъ Степановичъ. Каково прыгаешь?

— Ничего... Твоими молитвами. Чего тебя сюда занесло?

— Да вотъ, ладился лѣску прикупить, на срубъ-то-ись. Сухмелился съ управляющимъ... хорошую цѣну давалъ.

— Ну?

— Не пошелъ, чтобъ его! Ужъ я ему резонты всякіе подводилъ. Говорю: отпиши, что палъ прошелъ и лѣсъ пожегъ на корню.

— Что же онъ?

— А, забодай его комаръ, въ шею выгналъ.

— Тебя-то, милліонщика? Какъ же ты это стерпѣлъ?

— Что жъ—дѣло торговое, стерпишь...

— Вы посмотрите-ка на Ѳедосѣева этого, обратился ко мнѣ Иванъ Степановичъ, когда лѣсопромышленникъ отошелъ на минуту.—Вы какъ думаете о немъ—мужикъ, по виду, самый послѣдній, а у него мильона два, у козыря у этого. Онъ одинъ, я такъ полагаю, по Камѣ больше лѣсовъ извелъ, чѣмъ всѣ заводчики вмѣстѣ взятые. Онъ какъ это дѣло ведетъ—явится къ лѣсничему и давай его охаживать, а какой народъ лѣсничіе—вы сами знаете... Ну, сторгуется и давай рубить. Сколько онъ этихъ казенныхъ участковъ извелъ...

— Да вѣдь ревизія бываетъ же?

— Какія тамъ ревизіи. Вся ревизія въ томъ и состоитъ, что пріѣдетъ нàбольшой, пообѣдаетъ, получитъ что ему слѣдуетъ,—и дальше, на слѣдующую получку. У насъ такіе участки есть, которые только числятся на бумагѣ, да на картахъ, а ихъ давно и слѣдъ простылъ... и не пахнетъ. По тѣмъ мѣстамъ давно одинъ песокъ, гдѣ когда-то рощи кудрявыя стояли... Самые осторожные—тѣ позволяютъ „разчищать лѣсъ“, т. е. рубить не сплошь, а черезъ три-четыре дерева. Лучшія, разумѣется, по корень, а худыя пущай стоятъ. А то еще, когда палъ—такъ это очень выгодно. Лѣсничій отъ этихъ „божьихъ произволеніевъ“ большія тысячи наживаетъ. Молонья сниметъ пятокъ деревьевъ, а лѣсничій срубитъ ихъ на версту. Все равно: кто повѣрять станетъ? А то тоже есть еще гніющія на корню деревья, которое перезрѣетъ — его рубить надо. Вы посмотрите на пни этихъ, „сгнившихъ“ какъ бы, лиственницъ... Крѣпкіе какъ камень. Этотъ Ѳедосѣевъ еще на какія штуки пускается. У него паутина вездѣ раскинута, и въ Питерѣ тоже. Узнаетъ онъ, примѣрно, что молодой заводчикъ какой въ Питерѣ закутился — деньги спустилъ. Онъ сейчасъ своимъ паучкамъ: — „Дай денегъ подъ большіе проценты“, тѣ даютъ. Прошелъ срокъ—векселя вдвое... А потомъ и самъ Ѳедосѣевъ является. „Такъ и такъ, вашъ векселекъ у меня?“—Погоди, голубчикъ, денегъ нѣтъ! — „Ждать-то нельзя, мнѣ теперь надо лѣса покупать, контрактомъ обвязался поставить туда-то“.—Да у меня ни гроша, го-

ворятъ тебя!..—„Ужъ вы не заставьте ко взысканію"... Сунется заводчикъ туда, сюда—никуда ему пути нѣтъ... Опять къ Ѳедосѣеву. А тотъ: „Да что вамъ, батюшко, съ лѣсомъ-то возиться. У васъ гниленькій лѣсишко есть... Я бы его взялъ за долгъ. Вы спросите у вашего управляющаго, какой это лѣсишко; ему грошъ цѣна... Я ужъ бы его такъ, что къ мѣсту очень близко". Спроситъ дуракъ у управляющаго, а тотъ уже стакнулся съ Ѳедосѣевымъ.—„Если есть покупатель, нужно скорѣй продать. Ничего этотъ лѣсъ не стоитъ". Такъ на-сто тысячъ за какіе нибудь десять и сбудутъ ему чудеснаго крѣпкаго лѣса... И онъ-то, Ѳедосѣевъ этотъ, дуракъ!.. Коли бы онъ рубилъ съ толкомъ. Одно вырубилъ, другое оставилъ, исподволь — у него бы гораздо больше было, да и на будущее время тоже осталось, а онъ все сплошь. Хуже лѣснаго пожара пройдетъ. Тамъ хоть обгорѣлые стволы останутся, а отъ этого ничего. Сколько у насъ рѣкъ изъ-за этого Ѳедосѣева обмелѣло въ Камскомъ бассейнѣ—не сочтешь. Я это все про тебя, обратился мой спутникъ къ Ѳедосѣеву.

— Ругаешь меня, должно?..

— А какъ же тебя хвалить-то? не за что. Самый ты вредный человѣкъ.

— Я-то?.. Ты спроси, сколько я народу кормлю.

— Знаемъ мы твои кормы! Въ-проголодь народъ живетъ, весь онъ у тебя въ кулакѣ зажатъ. Крѣпко ты его держишь.

— А какъ иначе? Распусти, попробуй. Все же я за нихъ и подать, и недоимку... и казнѣ отъ меня хорошо! Вонъ изъ Перми меня къ кавалеріи представили,—святаго Станислава хотятъ навѣсить, а все за что—казнѣ пользю доставляю.

— А чиновникамъ-то еще большую.

— И чиновникамъ ѣсть-пить требовается. Ты думаешь, у ево, у чиновника, брюха нѣтъ — сдѣлай милость, какое еще. Младенцевъ у нихъ тоже понасыпано. Ты думаешь, онъ на царское жалованье прожить можетъ, да мадаму свою одѣвать-обувать!.. Всѣ мы люди, всѣ человѣки. А вотъ какъ Ѳедосѣевъ на лицо — ему и думать нечего. И младенцы евоные сыти будутъ, и мадаму онъ подкуетъ въ лучшемъ видѣ. Я и судьѣ дай, мировые-то нынче еще побольше берутъ, чѣмъ прежде. Прежде бывало съ десяткой пришелъ—первый гость, а нынѣ, врешь! И съ радужной-то не сразу сунешься... А у насъ и такія язвы завелись, что и вовсе не клюютъ... Какую ему наживку не надѣвай—не идетъ на уду, хоть ты что хошь... Вотъ это точно что зловредные мигнилисты... Опять же въ губерніи—тоже всѣмъ подай. Ты вотъ что умомъ разумомъ раскинь... Въ пользу бѣдныхъ у нихъ разныя генеральши собираютъ. Къ кому?—къ Ѳедосѣеву. Клубъ строили въ заводѣ, къ Ѳедосѣеву... Все я... не разорваться же мнѣ,—дѣло явственное.

— А у народа хлѣбъ плохо родится, а заработковъ нѣтъ—потому на заводѣ топлива мало—заводъ закрывается.

— Посмотрю я на тебя, совсѣмъ ты необстоятельный парень— Иванъ Степанычъ.

— Что такъ?

— Ты подумай-ко, о чемъ ты говоришь... хлѣбъ плохо родится... отъ того, что я лѣса рублю?

— Вѣрно.

— Лѣса Богъ на потребу человѣку создалъ и рубить ихъ указалъ... А хлѣбъ не родится, потому нонѣ грѣха много стало. Вездѣ грѣхъ... Развѣ народъ нонѣ такой, какъ прежде былъ? Оттого Господь и наказуетъ, неурожаи ниспосылаетъ... Теперчи заводамъ не хватаетъ лѣсу,—опять потому, что Бога перестали знать... Иначе и Богъ бы возращалъ лѣса сколько надобно. Ну, перестану я рубить, положимъ. Что-жъ, Богъ безъ меня не найдетъ средствія покарать? Да онъ молоньёй спалитъ лѣсъ и все едино останется заводъ безъ дровъ. Въ лѣсу всякая нечисть водится... Злодѣи куда укрываются—въ лѣса... Гдѣ больше всего убивствъ — въ лѣсахъ, гдѣ странному человѣку страшно—въ лѣсу. Ихъ и изводить-то не грѣхъ... То ли дѣло поле. Оно откровенное, на емъ все видать—зеленое стелется тебѣ... Смотритъ на него Богъ сверху — и Богу весело... потому поле Божіе...

— А лѣсъ?

— А лѣсъ—нашъ, мы его и рубимъ. Молитесь, Господь вамъ такіе ли возраститъ лѣса... А вы его всемогущаго забыли, да на меня жалитесь... А я что! я свое дѣло сполняю, да народъ кормлю. Ты узнай, сколько отъ меня жить-то пошло.

— Да, мошенниковъ здоровыхъ наплодилъ.

— Ихъ грѣхамъ я не отвѣтчикъ... Сколько храмовъ Божіихъ изъ моихъ лѣсовъ построено! На Каму выйдешь... бѣляна бѣжитъ—глядишь и радуешься. Изъ моего лѣса сердешная. На бѣлянѣ народъ,— бѣдовали бы вы, други, коли бы не срубилъ я вамъ бѣляны. Моимъ лѣсомъ и зимою грѣются, и лѣтомъ отъ стихій укрываются... Ты сначала пойми, какое это дѣло-то... Тутъ, братъ, не то что сразу раскинулъ умомъ и рѣшилъ... Коли бы еще баринъ сказалъ,—не обидно, а ты свой человѣкъ, торговый... ты меня этимъ словомъ какъ ушибъ-то...

— Ушибешь тебя!

— Отчего не ушибить... Всякой злой человѣкъ ушибить можетъ. Вотъ въ Екатеринбургѣ мировой судья есть ***. Слыхалъ?

— Какъ не слыхать!

— Ты послушай... Онъ человѣкъ умный... Что онъ говоритъ: Ѳедосѣевъ всему Пермскому краю благодѣтель. Вотъ какъ умные-то люди!

— Этотъ ***, обратился ко мнѣ Иванъ Степановичъ,—прежде горнымъ чиновникомъ былъ... Звѣрь-звѣремъ. Просто злодѣйствовалъ въ своемъ округѣ. Пришли новыя времена, его въ Екатеринбургъ выбрали судьей... Вотъ онъ по одному дѣлу приговорилъ мужика къ штрафу и объявляетъ ему:

— Вы можете въ двухъ-недѣльный срокъ, если не довольны, обжаловать мое рѣшеніе.

— Кому же жаловаться-то?

— Принесите жалобу ко мнѣ, а ее направлю въ съѣздъ.

— Къ тебѣ-то, да на тебя-то?... И отвѣтчикъ изумленно уставился на него.—Лучше уже получай-ка! Зубы-то у насъ, слава Богу, не разъ считаны, знаемъ мы это, какъ на тебя жаловаться.

— Теперь, мой другъ, время не то...

— Коли ты сидишь да судишь—значитъ никакой перемѣны не будетъ... Это ты уже прости меня... Намъ-то ручки твои хорошо извѣстны. На, получай эту штрахву, Богъ съ тобою... И квитка не надо мнѣ, ну его къ Богу!...

Въ Губахѣ было нѣсколько человѣкъ больныхъ, одного уже два мѣсяца трепала лихорадка.

— Надо бы въ Кизеловскую больницу отправить, да все некогда. У насъ земство ничего по заводамъ для народнаго здравія не дѣлаетъ. Вы какъ бы думали—съ Лазаревскихъ дачъ оно получаетъ ежегодно пятьдесятъ тысячъ рублей, а взамѣнъ даетъ намъ ноль. Только уже благодаря настойчивости управляющаго прислали намъ въ этомъ году въ Чермозъ акушерку. Тутъ по веснамъ народъ страсть мретъ. Особливо у Ѳедосѣева на лѣсныхъ работахъ. Иному придется цѣлый день по поясъ въ водѣ, ну, прихватитъ морозомъ—и кончено. Пища у нихъ плохая, одеженка тоже. Ночью согрѣться негдѣ — избушки-то на курьихъ ножкахъ, сквозныя...

VI.

По низовьямъ Косьвы.—Хлѣбопашество.—Косьвинскія бабы.—Мѣстное преданіе о бабѣ разбойницѣ.

Хлѣбопашество начинается въ верстахъ восемнадцати ниже Губахи, да и то плохое. Сѣютъ, только для подспорья при заводскихъ работахъ, ячмень и овесъ, ржи совсѣмъ мало. Въ двухъ деревняхъ, по лѣвому берегу — Майковой и Тихой — хлѣбъ родится ничего, такъ что имъ своего хватаетъ до Масляной, на остальное время года нужно прикупить. Поля тутъ окаймлены лѣсами, защищающими ихъ отъ непогодъ; часто посреди нивы подымаются нарочно оставленныя „для красы" пихты. Эти же сѣверные кипарисы и въ самомъ селѣ Малковѣ торчатъ между избами, придавая много оригинальнаго жалкой деревушкѣ. Ранѣе Малковой мы оставили за собою Плоскую, Шестаковку, Кедровку и Сонливу. Эти жалкія выселки похожи на становища переселенцевъ, устроившихся въ новыхъ мѣс-

тахъ не совсѣмъ, а такъ, для опыта, что-де изъ этого выйдетъ. Очевидно, здѣсь скудно живется населенію. „Рыбой живемъ — да рыбы мало. На заводъ ходимъ, когда работа есть, а то по лѣсамъ уголь жжемъ". Видимо—ничего опредѣленнаго. Косьва тутъ разливается по веснамъ и зачастую сноситъ прочь гнилыя избы, останавливаясь только передъ громадными утесами праваго берега, которые снизу до верху выдвинули точно какія-то ребра. Всѣ они изъ пермскаго песчанника. Въ горныхъ лѣсахъ на каждомъ шагу слышны дятелы.

— Опрятная птица! замѣчаетъ мой Иванъ Степановичъ.

— А что?

— Да не только за собой ходитъ, но и дерево чиститъ, червя выклевываетъ...

— Нужно ѣсть что-нибудь!..

Проплыли мы мимо Брюханова, Малкова. Ни одной церкви по всей рѣкѣ до сихъ поръ, только въ тѣни красивыхъ рощъ поставлены часовни. Болѣе усердные крестьяне и безъ попа устраиваютъ общія моленія въ часовняхъ по субботамъ и праздникамъ, и то, впрочемъ, старики. Молодежь въ часовню не заманишь. Ей нѣкогда. Нужно работать. Здѣсь если не потрудишься—такъ и ѣсть нечего. Съ жиру не бѣсятся!.. И погулять-то имъ не удастся... По заливнымъ островамъ косятъ траву исключительно бабы... Изумленно оглядываютъ онѣ меня, видимо посторонній человѣкъ въ этой глуши— диво дивное.

— Купца везешь?... орутъ онѣ Ивану Степановичу.

— А что у васъ, продать есть что?

— Самихъ себя, другъ любезный... Почемъ съ пуда платите?

— А вы почемъ нонѣ хотите? отшучивается мой спутникъ.

— А цѣна по покупателю. Съ молодого дешевле, а съ тебя, стараго да неладнаго, дороже.

— Тутъ у насъ баба бойкая! замѣчаетъ Иванъ Степановичъ;— она тебя языкомъ забодаетъ.

— А на дѣлѣ?

— Совсѣмъ другая статья. Послушай-ка: подумаешь развратъ, а а ты попробуй, приступи. Ни за деньги, ни такъ... Еще есть дѣвки, которыя шалятъ, а баба знаетъ своего мужа и больше никого...

— Плывите сюда! кричатъ намъ съ другаго заливнаго острова.

— Зачѣмъ?

— У насъ мягко... Ишь травы сколько накосили... Есть гдѣ поспать.

— Экія вы бабы смѣлыя.

— Ты выйди-ко, мы тебѣ покажемъ, какая у насъ такая смѣлость. И грозятся издали косами, пересмѣиваясь между собою.—Ишь у тебя чиновникъ заснулъ совсѣмъ, дава-ко-сь его сюда... Мы его развеселимъ. А то онъ у тебя что дятелъ опустилъ носъ, да и пыжется. Ты ему распусти-ко хвостъ... Соли ему насыпь, чтобы онъ пофорсистѣй былъ...

Столь непочтительныя замѣчанія на мой счетъ заставили меня отъ души хохотать.

— Вы еще такихъ дамовъ не видѣли.

— Всякихъ видѣлъ! На сѣверѣ и похуже.

— Это почему?

— А ругаются прямо... Родителей до третьяго восходящаго колѣна потревожать.

— Ну, вотъ погодите, на низъ поплывемъ, такъ вамъ бабы и не такія еще встрѣчи устроютъ. Вы эту бабу весной посмотрите. Тутъ изъ Малкова, да изъ Брюханова мужики всѣ на сплавъ желѣза, чугуна да руды всякой уйдутъ—бабамъ тогда воля вольная. Вы ихъ тогда послушайте. Подумаешь къ пьянымъ попалъ, а онѣ только что душу отводятъ.

Совсѣмъ населенными мѣстами поѣхали. Картина измѣнилась. Недавнее величавое молчаніе красивыхъ окрестностей пустынной Косьвы уступило мѣсто жизни и движенію. Гдѣ селъ нѣтъ—тамъ по рѣкѣ рыболовы скользятъ на своихъ челнокахъ, по широкимъ плесамъ—сѣтями рыбу тащатъ... На солнцѣ блестятъ чайки, эти всегдашнія спутницы рыболова... По островамъ, гдѣ людей нѣтъ, гомонитъ всякая птица. Задорно орутъ о чемъ-то зяблики. Одна другой выкрикиваютъ что-то безъ устали.

— Ишь, птаха тоже... Махонькая, а какъ наговариваетъ... Озорная!.. замѣчаетъ гребецъ.

Вонъ мужики на берегу... Эти держутъ себя солидно, не то что бабы.

— Дождика дай-то Богъ — вамъ! На травку-то, на мяконькую, кричитъ нашъ лоцманъ...

— Тихой погоды вамъ, отзываются тѣ, провожая глазами быстро скользящій челнокъ.

Горы только съ одной стороны тѣснятся. Другая вся въ кустарники ушла. Гладью легла... Далеко окидываешь ее взглядомъ. Послѣ недавняго безлюдья—селъ точно насыпано. Одно уйдетъ изъ глазъ, смотришь—другое выдвигается... И избы пошли уже чѣмъ ближе къ Камѣ, тѣмъ лучше. Видимо, народъ зажиточнѣе. Тутъ уже періодъ колонизаторства пережитъ, тутъ люди осѣли прочно на вѣки. Отсюда они не тронутся никуда. Подъ Краснымъ сплошь цѣлыя горы подъ нивами. Вонъ по нимъ вѣтерокъ волной бѣжитъ. Вонъ рѣдкая по этому краю рожь тоже клонится подъ легкимъ вѣяніемъ жаркаго сегодня воздуха. Такъ жарко, что я мокрымъ платкомъ голову обвязалъ. То и дѣло мочимъ водою лицо. Томитъ знойное солнце, радъ бы Богъ знаетъ куда уйти отъ него...

Большая лодка намъ на-встрѣчу. Бабы гребутъ совсѣмъ по-поморски. Грудью на весла наваливаются; лодка быстро движется отъ этой ловкой, мѣрной греби. Лица вспарились.

— Эхъ вы, работницы! иронически встрѣчаетъ ихъ лоцманъ.

— Молчи, чортова кайла! весело отзывается одна изъ бабъ.

— Тебѣ бы мутовкой кашу мѣшать, а ты весла взяла, дура несуразная.

— Вотъ лопану тебя мутовкой этой по лбу... ты у меня станешь трогаться... Иродъ!.. погрозила она ему весломъ.

— Псой пропахли.

— Ахъ, ты... И тутъ въ воздухѣ повисла такая мѣткая и въ то же время неожиданная ругань, что не только я, но и лоцманъ ротъ разинулъ.

Минуты двѣ мы проплыли въ нѣмомъ молчаніи.

— Ну и бабы!.. Наконецъ разразился лоцманъ.

— А что, невкусно?

— Да... Эта баба, братъ, отзвонитъ... лучше попа...

— Косьвинская баба мужика загоняетъ, тутъ баба вострая.

— Ишь какія онѣ... уязвительныя! никакъ не могъ успокоиться лоцманъ.

— Это никакъ иначе—съ Колотовской.

— Почему? спросилъ я.

— А потому, что другой бабѣ такъ не выругаться. Колотовскія мастерицы на это!..

Иной разъ случается на Косьвѣ—ругаются, ругаются двѣ лодки, изъ коихъ на одной мужики гребутъ, а на другой бабы, да и въ серьезъ раздерутся. Веслами другъ друга позатылкамъ погладятъ, а то и такъ, ради смѣха, возьмутъ да и опрокинутъ лодки одни у другихъ.

— Вѣдь такъ и утонуть можно?

— Зачѣмъ. Нашу бабу силой не утопишь... Нашу бабу вода не беретъ.

— У насъ бабы особыя. Вы когда нибудь слышали про камскую Фелисату.

— Нѣтъ.

— Великая атаманша была... Если вѣрить старикамъ—она и на Косьвѣ пошаливала.

— Разскажите пожалуйста. Я записываю всѣ подобныя легенды. На Волгѣ мнѣ удалось собрать нѣсколько такихъ про тамошнихъ разбойницъ.

— Былъ одинъ попъ, въ Усольѣ жилъ,—давно ужъ это! Можетъ, двѣсти лѣтъ назадъ, а можетъ и триста! Женился этотъ попъ на работницѣ своей; изъ Орла-городка пошла она къ нему въ услуженіе. Дѣвка была красивая, здоровая, а силы такой, что разъ переодѣлась парнемъ, да на бой съ солеварами и вышла. Тогда въ Усольи по праздникамъ бои бывали. Пристала къ партіи, которая послабѣй, и всѣхъ одна осилила. Женился на ней попъ и стали они ссорится. Только разъ Фелисата эта ушибла его такъ, что онъ уже и не вставалъ больше. Ну, попа похоронили съ честью, хотѣли было Фелисату взять—не далась: кто съ такимъ чортомъ справится? Наконецъ,

стрѣльцовъ пригнали,—сонноё забрали ее—посадили, она въ тую-жъ ночь высадила ворота въ острогѣ и не только сама ушла, но и всѣхъ колодниковъ за собой увела. А въ тоё поры на Камѣ у самаго Усолья нарядная строгоновская ладья стояла. Сѣла Фелисата съ колодниками на ладью, отвезла ихъ въ Орелъ-городокъ *) и отпустила на всѣ четыре стороны. „Идите, братцы—промышляйте вольнымъ разбойнымъ дѣломъ. А вотъ вамъ и запретъ: воеводъ и купцовъ хоть въ Камѣ топите, а только мужика у меня чтобъ не трогать... А кто мужика тронетъ—того и я не помилую“... Опослѣ того забрала она двухъ своихъ сестеръ изъ Орла-городка, переодѣлась съ ними парнями, накупила себѣ оружія всякаго и стала по всей Камѣ плавать... Гдѣ прослышитъ, что есть сильная баба либо дѣвка, сейчасъ къ себѣ сманитъ. Такъ она большую шайку собрала, бабъ съ полсотни у ей было. Нашли онѣ себѣ пещоры, убрали ихъ коврами персидскими, утварью разною и положили промежду собой такой завѣтъ, чтобы все по-ровну дѣлить и чтобъ отнюдь къ себѣ мужчинъ не пускать... А на ту пору изъ Сибири караванъ съ царскимъ золотомъ по Камѣ шелъ. Прослышала о немъ Фелисата и на легкихъ стругахъ кинулась по слѣду. Подъ Оханскимъ нагнала, перебила всѣхъ стрѣльцовъ, что съ караваномъ шли. Изъ Оханска хотѣли имъ помочь подать, она помочь отогнала, а оханскаго воеводу на берегу повѣсила. Потомъ забрала награбленное и ушла въ свои пещоры... Пять годовъ бушевала она такъ-то—ни купцу, ни царскому приставу ходу по Камѣ не было. Ежели кого начальство либо хозяева обижали, сейчасъ къ Фелисатѣ шелъ. Она разбирала по всей правдѣ. Князя одного розгами высѣкла, гунчурскаго купца вверхъ ногами повѣсила. Въ Сарапулѣ воевода одинъ былъ — ладился поймать ее... Всѣмъ своимъ хвастался—уже запру же я ее въ клѣтку желѣзную. Она одна къ нему пріѣхала... „Запирай, говоритъ, хочу посмотрѣть я, какъ это ты съ бабой совладаешь“. Ну, у того отъ страху языкъ отнялся. Только потому она его и помиловала. Разъ она прослышала, что на Чусовой проявился разбойникъ одинъ и себя за ее выдаетъ. А разбойникъ этотъ больно простой народъ-чернеть обижалъ. Фелисата на мужицкихъ вороговъ накидывалась, а онъ мужика грабилъ да тѣснилъ. Дани ея именемъ собиралъ. Послала она къ нему свою подручную, ой уймись-де... А подручная была собой красавица писанная. Разбойникъ ее не пожалѣлъ — обидѣлъ, тутъ и поднялась Фелисата сама, собрала всѣхъ своихъ и вызвала его на открытый бой. На Чусовой они и дрались. Два дня дрались, на третій она полонила его, собрала по берегу всѣхъ кого обижалъ онъ, велѣла большой чугунный котелъ принести, связала его да живьемъ и сварила... Съ тоё поры и камская вольница противъ ее ничего не могла... И стали всѣ ее бояться и уважать...

*) Орелъ-городокъ—село на Камѣ.

— Чѣмъ же она кончила?

— Разное... Одинъ говоритъ—спокаялась и въ Сибирскихъ предѣлахъ, въ Бѣловодьѣ, большой монастырь женскій поставила и сама игуменьей была, а другіе толкуютъ, будто тѣсно ей на Камѣ показалось и ушла она на Волгу.

— Подъ Казанью разсказываютъ, что дѣйствительно одна атаманша съ бабьей шайкой на Волгу съ Камы явилась.

— Вотъ-вотъ... только на Волгѣ, будто, занимался тогда вольнымъ промысломъ Стенька Разинъ. Послалъ, будто, къ ней пословъ Стенька, желаю-де пожениться съ тобою, чѣмъ намъ розно, лучше вмѣстѣ жить. Ну, она и говоритъ—„если побѣдишь меня—бери. Твое счастье". И стали они биться. Семь дней бились, никакъ одинъ другаго взять не могли... Тогда Стенька и слукавилъ. Говоритъ: „не можетъ этого быть, чтобъ ты бабой была, потому, гдѣ твои косы?" А у нея коса подъ шеломъ запрятана была, только она показала ему косу, а коса у ей по землѣ волоклась, онъ и схватилъ за ее.... Схватилъ, закрутилъ на руку—и побѣдилъ Фелисату. А опослѣ они поженились и Персію вмѣстѣ воевать ходили...

— Да имѣетъ ли дѣйствительный смыслъ эта сказка?.. Было ли что нибудь подобное?

— Это насчетъ чего же?

— Случалось ли, чтобы бабы въ Пермской губерніи когда нибудь разбойничали?

— Въ Демидовскихъ владѣніяхъ ста полтора лѣтъ тому назадъ была Марья, одна лиховала; у Всеволожскихъ лѣтъ семьдесятъ назадъ тому одна баба тоже разбоемъ занималась!..

Деревни за деревнями смѣнялись по обоимъ берегамъ. Только два села попалось намъ побольше. Вонъ Фетиновка. Трудно глаза оторвать отъ нея—такъ она красива... Сползаетъ съ одной горы, заполоняетъ лощину и опять взбирается на скатъ противоположнаго кряжа. Горы мало-по-малу отступаютъ. Силуэты ихъ точно висятъ надъ зелеными понизями. Кое-гдѣ по гребнямъ отдаленныхъ вершинъ словно ласточкины гнѣзда лѣпятся деревнюшки... Вотъ одна прислонилась къ кручѣ, на вѣсу вся. Такъ и кажется, что первымъ вѣтромъ снесетъ ее прочь...

— Отчего внизу не строятся они?

— Нельзя, Косьва заливаетъ все. Вода ярая въ ней веснами. Иной разъ такъ пойдетъ, что отъ деревни бы и слѣда не осталось. Не нашли бы гдѣ и была она...

За Кушгородомъ Косьва воложками пошла. То и дѣло дробится на рукава, точно ей каждую пядень земли этой по всѣмъ сторонамъ обласкать хочетъ.

— Это на Волгѣ воложками зовутъ, замѣчаетъ мнѣ Иванъ Степановичъ.

— А у васъ какъ?

— У насъ проточины эти—заостровками зовутся.

Совсѣмъ время стоитъ какое-то несуразное. То печетъ, то вдругъ налетитъ туча, грянетъ громъ, обольетъ дождемъ какъ изъ ведра, а черезъ минуту солнце опять жаритъ еще пуще, такъ что не знаешь, что дѣлать: лечь ли мертвымъ трупомъ на дно лодки, или броситься за бортъ въ Косьву... Каждый часъ мы купались, но спустя нѣсколько минутъ всякій разъ намъ становилось еще душнѣе, еще невыносимѣй...

— На водѣ здѣсь всегда такъ жжетъ! отозвался лоцманъ.

— Погодите дальше, пятнами по тѣлу пойдутъ ожоги...

Я было усумнился.

— А вотъ завтра увидите...

— Да что же это—Астрахань, что ли?

— Нѣтъ, не Астрахань, а Косьва... Почище Астрахани истомитъ... Пекло такое!..

Первую церковь мы встрѣтили у села Пермскаго... Еще издали замѣтили ея массивный бѣлый силуэтъ у самой воды... Кругомъ превосходныя постройки. Видно, что народъ живетъ зажиточно. Поля на десятки верстъ раскинулись кругомъ. Здѣсь сравнительно сѣется много хлѣба и урожай чудесный. Кому нельзя дома прокормиться, тотъ идетъ заготовлять дрова для Чермоза или Кизела, а то и на заводскую работу нанимается... Самое село разбросалось на большое пространство кучками. Тутъ группа избъ—въ полуверстѣ другая группа, а тамъ третья... Такихъ группъ мы насчитали до двѣнадцати... А въ далекѣ мерещились еще и еще. Бабы здѣсь совсѣмъ безцеремонны. Насъ съ берега обдавали такими любезностями, что даже привычный Иванъ Степановичъ и тотъ диву дался.

— Ну, однако!.. только и могъ проговорить онъ.

Зато только что мы причалили и вышли на берегъ, перемѣна декорацій полная. Еще минуту назадъ ругавшіяся дѣвки застыдились и даже стали закрываться рукавами. Попробовалъ было имъ лоцманъ напомнить нѣкоторыя подробности ихъ же собственнаго словаря—онѣ и вовсе разбѣжались!.. Никого я по всему этому краю не встрѣтилъ въ лаптяхъ. Пермскій мужикъ всегда въ исправныхъ кожанныхъ бахилахъ, которыя сотнями тысячъ заготовляются въ Сарапулѣ, на Чусовой и въ Кунгурѣ. Отсюда ихъ развозятъ во всѣ захолустья... Даже въ Вологду—въ какой нибудь Кадниковскій уѣздъ идутъ онѣ...

— Передъ этимъ пермскимъ селомъ каждую весну несчастія съ барками.

— Шибко тонутъ.

— Въ маѣ между двумя барками расплющило мужика... Такъ, чтобы вынуть трупъ, пришлось вырѣзывать часть стѣны въ одной изъ нихъ.

— Что же онѣ, разойтись не могли?

— Куда тутъ разойдешься, когда разомъ цѣлый караванъ собьется. Чтобы понять, какая это кутерма, нужно здѣсь самому быть. Иначе и представленія болѣе или менѣе вѣрнаго себѣ не сдѣлаете.— Вотъ пріѣзжайте къ намъ весной. Тогда вы нашу кормилицу Косьву— не узнаете!

VII.

Село Пермское (Никольское тожъ).—Бабы на рыбной ловлѣ.—Привилегированная птица. — Село Филагино. — Свободная любовь. — Неплательщики.

Въ Пермскомъ селѣ даже роскошь замѣтна. Есть хорошія крестьянскія избы съ расписанными голубцами, красными и желтыми цвѣтками фантастическаго рисунка. Около оконъ устроены затѣйливыя шкапики того же пестраго письма съ набойкой на полатяхъ. Кое-гдѣ просто по стѣнамъ расписано наивною кистью.

— Кто это у васъ искусникъ такой?

— Изъ села Нижегородки одинъ ходитъ. Да что, мы его нонѣ къ себѣ не пущаемъ.

— Что такъ?

— На дѣвокъ больно лихъ. Сколько онъ у насъ перекастилъ ихъ, страсть.

— Да вѣдь у васъ на этотъ счетъ не особенно строго. У васъ баба должна остерегаться, а дѣвка вольный казакъ.

— Точно это, а только водись со своими парнями. У насъ такого заводу нѣтъ, чтобы съ чужими. Чужой за себя не возьметъ— онъ перервалъ ей горло и прочь, а свои поженятся.

Въ крестьянскихъ избахъ до пропасти картинъ суздальскаго дѣла навѣшено. Видимое дѣло люди со вкусомъ живутъ, и не объ единомъ хлѣбомъ заботятся. Особенно популярна обтянутая въ трико дама съ громаднымъ шиньономъ, катающаяся на велосипедѣ, тысячелѣтіе Россіи и еще одна картинка совершенно фантастическаго содержанія, гдѣ подъ ногами у коня съ зеленымъ генераломъ въ сѣдлѣ проходитъ процессія митрополитовъ и архіереевъ.

— Что это обозначаетъ?

— Торжество!

— Какое?

— А бѣсъ его знаетъ.

Тутъ въ нынѣшнемъ году (1876), какъ съ весны засѣлъ тифъ, такъ и до сихъ поръ держится. Народъ мретъ отъ него—врачебная помощь совсѣмъ безсильна. Наѣзжалъ фельдшеръ, но онъ, съ недѣлю позанявшись легкомысленнымъ поведеніемъ, убрался во свояси; док-

тора нѣтъ. За всѣхъ за нихъ лечитъ какая-то баба, даетъ пить воду съ трехъ угольевъ, шепчетъ какія-то „тайныя слова" по зорямъ и паритъ больныхъ въ банѣ. Больные послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ о ихъ здравіи „дохнутъ, хоть ты что хошь".

— У насъ, братъ, согласно помираютъ, не то что съ упирательствомъ; у насъ такъ—помирать, такъ помирай. Мы этого нисколечко не боимся. Иному-то и помереть лестно, потому—одѣнутъ его во все чистое, воютъ надъ нимъ, честь честью—ну, онъ и понимаетъ это!.. А наши бабы точно что отъ кашлю могутъ, отъ трясавицы могутъ, а отъ синей болѣзни—никакъ.

— Почему же эта болѣзнь синяя?

— Потому—человѣкъ весь поголубѣетъ... Весь въ синее пятно пойдетъ... Это у насъ каждую весну шибко держится болѣзнь... Ишь до самаго до лѣса дотянулась... Все отъ рѣки. Бѣдушшая наша Косьва рѣка. Другія рѣки смирныя есть, а наша буйная, ярая... Кормилица! А что толку въ смиренствѣ? Смиренъ пень, да что въ немъ?

Мѣстный типъ совершенно иной, чѣмъ въ верховьяхъ Косьвы. Съ Пермскаго села начиная, живетъ здѣсь народъ рослый и сильный. Плечи широкія, хребты могучіе. Пермскіе на заводахъ любятъ работу при кричныхъ печахъ вообще открытую, на землѣ. Въ рудникъ подъ землю пермскаго никакъ не заманишь. „Послѣднее это дѣло отъ солнышка хорониться. Мы не черви, чтобы въ землю заползать. Человѣку указано на землѣ жить".

Мягкія зеленыя луговины стелются отсюда вдоль рѣки, особенно по лѣвому берегу — уходятъ они въ необозримую даль. По сочнымъ низинамъ торчатъ пихты; мерещатся богатыя нивы по отлогимъ скатамъ, тамъ, гдѣ земля едва всхолмливается... Гдѣ-то далеко, далеко, нѣтъ да и примерещится смутный силуэтъ одиноко стоящей горы. А тамъ, смотришь, и цѣлый кряжъ, — точно какая-то тучка застоялась на горизонтѣ... Мы отплыли изъ Никольскаго (Пермскаго) къ вечеру... Солнце склонялось-склонялось къ западу, да и пропало не дойдя до горизонта.

— Неужели сѣло уже?..

— Не должно по времю. Въ мороку, надо быть, ушло.

Въ синихъ сумеркахъ вечера тонутъ понизи... Берега тальникомъ заросли. Вдали густится „морокъ", а что въ немъ—не разглядишь. Вѣтромъ съ луговъ пахнуло—медомъ запахло.

— Ишь какъ обноситъ! Чудесно!

— Пчелъ держите?

— Нѣтъ... Медомъ мы не занимаемся. Гдѣ намъ! Некогда, да и морозы большіе и долги—до медовъ ли тутъ. У насъ пчела не живетъ!.. Тутъ поправѣй надо взять, ишь намывная мель. Косьва за эту весну мелкаго каменья сюда наворочала до страсти!

Мель всползла наконецъ поверхъ воды. По мели груды бурой руды разбросаны.

— Что же это такое?

— А барки здѣсь весною здорово било. Ну, вотъ какую руду успѣли спасти, сгребли сюда!.. завтра быть хорошей погодѣ — ишь птаха, какъ она разыгралась,—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Ласточки взмывали все выше и выше... Рѣка тянется спокойными плесами; несмотря на трудные и капризные извивы — вода точно расплавленная, тяжелая сталь — не шелохнется... Гуще пахнетъ медомъ съ далекихъ луговъ—должно быть, сплошь затянуло ихъ ароматными цвѣтами. Вотъ направо маленькій выселокъ. Бабы по поясъ въ водѣ тянутъ неводъ... Мы плывемъ близко-близко... На поверхности рѣки въ чертѣ невода булькаютъ харіусы, головли... „А это вонъ щеклея мечется — замѣчаетъ лоцманъ, показывая на юркую рыбу, перемахнувшую черезъ край невода.—Она завсегда уйдетъ".

— Эхъ ты, матка, рыбину-то опустила!

— Довольно и безъ нея... Каждому жить хоцца!..

— Нѣтъ, которая рыбка справедливая, та завсегда въ уху согласна... Она такъ въ неводѣ тихо себя дёржитъ. Не шелохнется!.. А эта, щеклея, завсегда такая лукавая. Отъ ей пользы мало!..

Бабы давно уже остались позади съ своимъ неводомъ. Сумерки вечера густились все больше и больше. Вонъ едва-едва выдѣлились изъ нихъ тесовыя кровли села Веселкина. Рыбачье и земледѣльческое — весь берегъ передъ нимъ усѣянъ лодками да челнами, земли не видно, а по объясненію гребцовъ веселкинскія поля такъ далеко идутъ, что ихъ и глазомъ не окинуть... Тутъ и караванничаютъ, по Косьвѣ и по Камѣ.

— Богаты веселкинскіе?

— Богаты, богаты и все на заводахъ работаютъ.

— Какъ не работать, подать заробить надо, изъ-за подати идутъ на заводъ. Зато имъ хлѣба своего хватаетъ отъ урожая до урожая... Не то что у насъ въ верховьяхъ... Здѣсь народъ не заморенъ...

Хорошее понятіе о богатствѣ: хлѣбъ есть, значитъ богаты. Веселкинцы, какъ и по всей Косьвѣ, не продаютъ своего хлѣба на сторону — самимъ надо. Пониже, у устьевъ, торгуютъ хлѣбомъ, но тамъ въ послѣдніе десять лѣтъ кулаки завелись и излишекъ хлѣба поэтому сталъ не источникомъ крестьянскаго богатства, а напротивъ, поводомъ къ мужицкой нищетѣ. Кулаки и въ Веселкино забирались, но народъ здѣсь имѣетъ нѣсколько промысловъ и заводы подъ бокомъ, такъ что міроѣдамъ пришлось не сладко и они убрались прочь. Кромѣ того, въ Веселкинѣ и не настолько дисциплинировано населеніе, чтобы ему можно было на шею сѣсть.

— Веселкинца не обидишь!

— Почему это?

— Потому онъ у мироѣдовъ избы палитъ. Веселкинцы на всякую отчаянность пойдутъ. Тутъ народъ храбёръ. Ему что, ему все равно,

Ивана Артемьева въ раззоръ раззорили. Сталъ онъ ихъ кабаками донимать. Они и пропились было, а потомъ и кабаки да и домъ у Артемьева пожгли. Такъ онъ ни съ чѣмъ отъ нихъ и ушелъ. Тутъ и противъ начальства если пойдутъ, ничего съ ними не подѣлаешь... Силой съ начальствомъ нельзя, потому силы у начальства больше, такъ Веселкинцы, какъ и прочіе по Уралу, чуть что—сейчасъ бѣлые такіе кафтаны повздѣваютъ, на горку выдутъ и объявляютъ: мы де не плательщики, не хотимъ ни податей, ни мирскихъ сборовъ платить... И какъ только объявятся у насъ неплательщики, ничего ты съ ними не подѣлаешь, пори его, въ землю рой, въ Сибирь сошли, ни копѣйки не дастъ". Тутъ по заводамъ, гдѣ мужикъ раззоренъ—этихъ неплательщиковъ много. Всѣмъ селомъ въ неплательщики идутъ. Взять съ нихъ нечего—скота нѣтъ, имущества никакого, избы сами на дрова пожгли... Молятся да бѣлые кафтаны носятъ.

Наивное описаніе „неплательщиковъ", сдѣланное моимъ лоцманомъ, оказалось вѣрнымъ. Неплательщики, главнымъ образомъ, объявляются тамъ, гдѣ народъ раззоренъ до тла безработицей, или гдѣ и есть работа, да заводское управленіе неисправно въ разсчетѣ. Народъ отказывается работать; налетаетъ начальство „усмирять бунтъ" и къ ужасу своему видитъ толпу совсѣмъ спокойную въ бѣломъ, заявляющую, что отнынѣ они неплательщики, и тутъ уже дѣйствительно—пори на смерть, а толку не добьешься. Неплательщики эти имѣютъ даже религіозную подкладку... О нихъ мы скажемъ впослѣдствіи, когда очередь дойдетъ до Чусовой.

Изъ затончиковъ то и дѣло выплываютъ лебеди. Самецъ неизбѣжно впереди, самка за нимъ рядомъ съ дѣтенышами.

— У насъ ихъ не бьютъ. Убьешь лебедя, другой надъ этимъ самымъ мѣстомъ недѣлю, а то и весь мѣсяцъ плакать будетъ, на слѣдующій годъ опять прилетитъ туда же и снова плакать начнетъ. У насъ ихъ жалѣютъ. За нихъ и Богъ наказываетъ.

Тутъ вѣрятъ, что убить лебедя—значитъ накликать на себя большое несчастіе. Одинъ охотникъ будто бы, не вѣря этому, застрѣлилъ лебедя, а у самого жена умерла сейчасъ же. Онъ взялъ другую и опять какъ-то на промыслѣ не удержался, убилъ птицу—и вторая жена тоже умерла. Онъ женился въ третій—съ нимъ повторилась та же исторія...

— Жаль, петербургскіе мужья не знаютъ столь простого и легкаго средства, замѣтилъ я Иванъ Степановичу.

— А что?

— Они бы живо собрались на Косьву лебедей бить! И просто, и хорошо, и совѣсть спокойна.

Выгибая длинныя граціозныя шеи надъ водою, дикіе лебеди плыли мимо насъ, не сворачивая въ сторону. Кажется, совсѣмъ неподвижны они, а между тѣмъ живо оставили за собою позади нашу лодку.

— Въ Верхневьянскомъ округѣ водится такой обычай, крестьяне

между собою постановили: кто убьетъ лебедя, того въ волостное правленіе и драть.

— И дерутъ?

— Еще какъ.

— Значитъ, повѣрье исполняется неукоснительно. Убьетъ лебедя и сейчасъ же несчастіе накликаетъ.

— Въ Тагилѣ про одного изъ Демидовыхъ разсказываютъ; кажется, про дѣда нынѣшняго; привезъ онъ себѣ изъ Питера любовницу, красавица была, и сталъ съ ней жить гдѣ-то въ Невьянскѣ, что ли... Только разъ пошелъ онъ на охоту, пробродилъ цѣлый день, ничего неудалось ему убить, озлился онъ, а тутъ на него лебедь бѣлая какъ разъ и выплыла. Онъ приложился да прямо въ грудь ей... Ну, лебедь шею склонила, готова!.. Приходитъ Демидовъ домой, и прислуга бѣгаетъ вся ополоумѣвши. Ни на комъ лица нѣтъ.

— Что случилось! спрашиваетъ.

Никто доложить не смѣетъ. Только одинъ выискался палъ на колѣни.

— Великое горе!..

— Да что такое?

— Часъ тому назадъ невидимо откуда выстрѣлили въ барыню... Прямо въ грудь ей попали... На смерть!..

— Кто?..

— А неизвѣстно... Вдругъ точно сверху ударило.

Бросился къ ней Демидовъ, а у той подъ правою грудью ранка и кровь изъ нея сочится... Онъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Разумѣется, сказка, но сказка характерная и нелишенная своеобразной поэзіи. И Ермака припутываютъ тоже къ этимъ преданіямъ о лебедяхъ. По Чусовой когда Ермакъ подымался, такъ лебедь ему показывалъ дорогу, впереди плылъ, гдѣ отмели или камни, лебедь въ сторону сворачивалъ и атаманъ тоже забиралъ стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди въ большой милости. До нихъ никто не дотронется. И въ такихъ заводьяхъ водятся они здѣсь охотно, прилетая каждый годъ на знакомое мѣсто...

Ночь окутала насъ своимъ сумракомъ. Съ береговъ кое-гдѣ свѣтили огоньки. Коростели скрипѣли въ тальникѣ, гагары завели болтовню въ тихихъ заводьяхъ, рѣзкій крикъ лебедя порою покрывалъ ихъ. Гдѣ-то издали слышенъ былъ словно плачущій окрикъ бѣлоголоваго орла—скопы.

— На ночлегъ мы приворотимъ въ Филагино. Тамъ хорошія избы есть.

— У нихъ нонѣ все пожары, сказываютъ, жгутъ филагинцевъ.

— Кто?

— Мало ли злого человѣка.

Пристали, вышли на берегъ. Прямо большая красивая изба въ два этажа выведена... хозяйка ведетъ на верхъ въ чистыя комнаты.

На стѣнахъ изъ хвостовъ рябчика звѣзды сдѣланы, висятъ для красы. Съ потолка болтаются деревянные голуби. Крылья и хвосты приклеены къ нимъ изъ лучинокъ. Самые голуби выкрашены въ голубую и красную краски. Въ окна доносятся пѣсни. Парни и дѣвки за селомъ собрались.

— У нихъ теперь до утра весилье пойдетъ! объясняетъ намъ хозяйка.

— Послѣ работы?

— Да нонь косили. А вечеромъ хороводы. А потомъ каждый свою возьметъ и въ лѣсъ. Дѣло молодое! У меня тамъ двѣ дочки съ своими парнями.

И все это говорится совершенно спокойно. Видимое дѣло, сама молода была—также поступала.

— Ты бы намъ, Марья, сѣна сюда послала.

— Чего?.. Точно ушамъ своимъ невѣря, переспросила хозяйка.

— Сѣна.

— Зачѣмъ?

— Спать чтобы мягче.

— Въ горницу-то, да сѣна... А!.. Это можетъ кровать по вашему... недоумѣваетъ она.

Пояснили ей...

— Нѣтъ, какъ это можно, горницу сѣномъ поганить, сѣно въ хлѣвахъ да сѣновалахъ лежитъ! Комнату сѣномъ поганить нельзя...

Едва-едва удалось уговорить ее... Всю ночь намъ слышались пѣсни. Замрутъ въ одномъ мѣстѣ, слышишь—заводятъ ихъ въ другомъ. Изъ лѣсу тоже неслися онѣ; съ той стороны Косьвы тоже кое-какъ долетали до насъ отзвучія молодыхъ голосовъ... Здѣсь въ Филагинѣ, и всего чаще въ этомъ домѣ, останавливаются караваньщики. Около ежегодно рѣка барки бьетъ. Они и идутъ сюда. Вслѣдствіе этого и нравственность здѣсь не особенно высоко стоитъ. Въ Пермскомъ наблюдаютъ, напримѣръ, чтобы дѣвка съ своимъ парнемъ путалась, а чужой не тронь. А въ Филагинѣ все равно, свой ли, чужой ли. Отъ чужаго еще лучше—больше прибытку. Дѣвственность — не ставится ни во что и теряется очень рано. И не таятся совсѣмъ. Молодой парень изъ караваньщиковъ ухаживаетъ, напримѣръ, за дѣвкой. Та, наконецъ, соглашается на все и назначаетъ куда ему придти. Хоронится да таится парень, чтобы не узнали... Вечеромъ — крадется, встрѣчаетъ другую бабу.

— Не туда, парень, идешь-то. Паранька вонъ гдѣ тебя дожидается.

Оказывается, что дѣвушка уже разсказала всѣмъ...

— Эта Кулька—такъ себѣ, слякотная дѣвка! говорятъ здѣсь про какую нибудь изъ мѣстныхъ красавицъ.

— Почему?

— А ни съ кѣмъ не цапается.

— Что жъ, это хорошо, скромная.

— Что добраго, если никто дѣвку не любитъ. Значитъ не стоитъ она!.. Изъ такой и бабы хорошей не будетъ.

Дѣтей дѣвка можетъ имѣть сколько хочетъ, отъ нихъ прибыль въ домъ... Все лишняго работника воспитаетъ.

На другой день, когда мы уѣзжали, даю я хозяйкѣ рубль.

— На-ко-ся!.. Много!.. Съ ужасомъ возвращаетъ баба.

— Какъ много?

— Много!.. Не возьму...

— Да сколько же тебѣ...

— А во сколько... За горницу—гривенникъ, за куръ гривенникъ, да за самоваръ гривенникъ.

— А хлѣбъ?

— За хлѣбъ деньги брать—грѣхъ...

— Ну, а сѣна мы у тебя сколько попортили.

— Сѣно свое у насъ, бери сколько хошь. Что жъ за сѣно брать!..

Такъ и не взяла!..

Тутъ уже коней много у крестьянъ. Вездѣ по берегу, гдѣ только зеленый логъ—и кони пасутся. Пустыни нестало. По берегу сѣти развѣшены на шестахъ. Сохнутъ. Изъ лѣсковъ слышно, какъ коровы позвякиваютъ бубенцами.

— Стерлядей не надо ли? кричатъ намъ рыболовы.

— А почемъ нонѣ? вступаетъ въ бесѣду Иванъ Степановичъ.

— Да ежели рыбина фунта въ четыре—двоегривенный... Нонѣ у насъ дорого!

А вчера мы купили штукъ двадцать харіусовъ большихъ и жирныхъ, да головля крупнаго, за 40 коп. и рыбаки еще какъ рады были. „Вотъ дай вамъ Богъ!..“ провожали насъ.

VIII.

Въ устьяхъ Косьвы.

Свѣтлое безоблачное небо обѣщало яркій и знойный день. По всему берегу насъ преслѣдуетъ пѣніе пѣтуховъ. И орутъ же они здѣсь! Какая-то особенная порода; на безголосье пожаловаться не могутъ. На яру гнилушки взобрались на самый гребень. Издали и не сообразишь, что это такое,—тучи хвороста или жилье человѣка. Оказывается, здѣсь „поселенный черкесъ живетъ“.

— Не живетъ, а бѣдствуетъ. Голодомъ весь изморился. На человѣка не похожъ. Онъ нашего дѣла не знаетъ, а мы его понять

не можемъ. Прежде онъ разбойничалъ, а теперь и на это у него силы нѣтъ, совсѣмъ дохлый сталъ.

Сталъ было я подробнѣе распрашивать гребцовъ — молчатъ. Вообще замѣчательна несловоохотливость здѣшнихъ гребцовъ сравнительно съ сѣверными. Тѣ охотно дѣлились своими свѣдѣніями — Косьвяне какъ-то понуро молчатъ, рѣдкій отзовется, да и то нѣхотя. Пѣсни не запоетъ; только сонливо передвигаетъ веслами. Разъ мнѣ привелось съ ними четыре дня проплавать — и ни слова. Даже любопытства никакого не обнаруживаютъ. Сказываютъ, что и на баркахъ то же самое. Соберутся у костра, гдѣ пристанутъ, смотрятъ въ огонь и молчатъ; такъ цѣлые вечера. Водка развязываетъ языки, да и то не всегда. „Очень уже мы затомивши тогда, поясняютъ гребцы; — это кому отъ бездѣлья и разговаривать — хорошо, а намъ трудно. Птица та цѣлый день языкомъ щебечетъ, а пользы отъ нея все нѣтъ никакой. Привалиться бы да заснуть!“ На заводахъ тоже народъ хмурый, сумрачный. Видимое дѣло, не легко ему живется.

— А то и совсѣмъ у насъ безглагольные есть.

— Это какіе же?

— А по Вильвѣ живутъ; тѣ больше руками. Спросишь что—отмахнется отъ тебя и прочь пойдетъ... Тамъ есть изъ татаръ которые... До Строгонова татарами были, такъ у нихъ и доселѣ обликъ держится не русскій. Они страсть говорить не любятъ. Задичали. Поди-ко ты у лѣсовиковъ нашихъ, что рубятъ дрова, слова выпроси. Смотритъ на тебя, смотритъ—понурится да и прочь. А то и просто рукой махнетъ.

Такимъ образомъ, мы проѣхали мимо Плесо, Крутиковой, Красной, Соболькоео, Плаксиной и Боровской деревень, а тамъ вдругъ и поселковъ не стало. Ѣдемъ версту за верстой—ни одной избушки. Понизи все глаже и глаже, тальникъ у воды гуще и гуще, Косьва все ширится, дѣлая самыя прихотливыя извилины по ровному мѣсту, а жилья нѣтъ! Солнце начинаетъ печь немилосердно. Пристать бы— ни одного уголка.

— Куда народъ дѣлся?

— Нѣтъ тутъ народу... Пустынь пошла. И въ пѣснѣ про нее поется—„мати зеленая пустынь“.

— Да вѣдь Кама близко.

— Оттого и сельбища нѣтъ, что Кама близко. Теперь всѣ деревни да села по правую ея сторону, а сюда — рѣка разливается очень широко. Всякое жительство снесетъ. Здѣсь жить нельзя.

Безлюдье полное. Тоска охватываетъ. Горы ушли далеко; теперь и силуэтовъ ихъ не видать на дальнемъ планѣ... Все одна гладь безъ перерыву. Плывемъ часъ, другой, третій... Жара стала такая, что дышать трудно. Вчерашнее предсказаніе Ивана Степановича исполнилось. Солнце буквально въ нѣсколькихъ мѣстахъ обожгло кожу. Красными пятнами пошло все, жгло сквозь рубаху—и въ суквѣ стало

совсѣмъ невыносимо. Отраженіе солнечныхъ лучей въ водѣ глаза слѣпило. Невыносимо трудно было пережить эти нѣсколько часовъ. Я терпѣлъ легко лѣтній зной Ирана и Турціи — но тутъ мнѣ казалось, что мозгъ въ головѣ растопится въ этомъ томящемъ пеклѣ. Наконецъ, свалился какъ снопъ въ лодку, вытянулся на днѣ ея и постарался заснуть. Вмѣсто сна—кошемаръ какой-то. Весь въ испаринѣ обезсиливающей лежишь, дышать нечѣмъ... Чуть ли не каждый часъ приворачивали къ берегу купаться. Но выйдешь изъ воды—и, спустя мгновеніе, зной опять начиналъ томить... Въ одномъ мѣстѣ хотѣлъ было броситься въ воду—освѣжиться. Гребцы остановили.

— Здѣсь нельзя, мѣсто нечистое.

— Почему?

— Здѣсь двѣ дѣвки утопли. Такъ и зовется дѣвкина муть.

— Они это радуются, когда дѣвка утонетъ.

Гребцы засмѣялись.

— Чего-же?.. Что хорошаго?

— А здѣсь повѣрье: дѣвка утонетъ—хлѣбъ дешевле будетъ. И откуда пошло оно—Богъ ихъ знаетъ... А вѣрятъ всѣ этому.

На-встрѣчу показался маленькій челночекъ. Дряхлый старикъ кое-какъ гребъ внизъ по водѣ. Мы его живо нагнали. Обернулся къ намъ, уставился подслѣповатыми глазами и—ясное дѣло—не видитъ ничего. Шапку снялъ на всякой случай.

— А, дѣдушко, здравствуй! крикнулъ ему Иванъ Степановичъ... Ну что, какъ живешь?

— Нудно живемъ, батюшко!

— А еще пенсіонщикъ!... Получаешь ли пенсію?

— Дай Богъ здоровья грахвàмъ! Получаю...

— Это еще что за пенсіонщикъ? спрашиваю у Ивана Степановича—смѣется...—И какіе это графы?

— А видишь ли, у графовъ Строгоновыхъ, которые у нихъ рабочіе всю жизнь прожили—тѣмъ пенсіонъ выдаютъ до смерти.

— Что-жъ, это прекрасное дѣло, по крайней мѣрѣ человѣкъ обезпеченъ.

— Еще бы! А знаете, сколько пенсіону этого... Дѣдушко, а дѣдушко?

Тотъ опять повернулъ къ намъ старое, покрытое морщинами лице.

— Сколько ты пенсіону получаешь?

— Я-то?

— Ты, а то кто же еще, не мы вѣдь.

— Я полный получаю... Девять гривенъ въ годъ! За службу.

— А долго-ли служилъ ты?

— Я-то... я сорокъ годовъ служилъ на заводѣ... А теперь не могу — силы моей нѣтъ. Теперь уже я покуда только хлѣбъ жую, помирать вотъ, батюшко, собираюсь.

— Ужь ты который это годъ собираешься...

— Пора, батюшко, пора... Самъ знаю... Надо и совѣсть знать, зажился. Болѣзни какой жду—да не идетъ, не хочетъ... Боится она меня-то...

Потомъ я узналъ, что такіе пенсіоны дѣйствительно выдаются у Строгонова. У Абамеликъ-Лазарева рабочимъ приходится иногда по шести рублей въ годъ пансіону. Тѣмъ не менѣе, у крупныхъ владѣльцевъ еще сносно—а ужъ у купцовъ не приведи Господи. Искалѣчитъ тебя—лишняго дня кормить не станутъ, какъ падаль выбросятъ вонъ изъ завода. Умрешь на работѣ—на похороны денегъ не дадутъ. На дняхъ случилось, напримѣръ, въ Чердыни у купца Черныхъ такая бѣда. Зимою у него на незамерзающей вслѣдствіе ея быстроты рѣкѣ Чермози работали крестьянскія дѣвки. Какъ-то доработались до ночи, домой надо было переѣзжать рѣку. Попросили у Черныхъ лодку—не далъ. Еще обругалъ: „изъ-за васъ, поскудъ, стану я лодку на ночь отпускать" [1]). Нечего дѣлать, стали стоймя въ душегубку гурьбой и поплыли. На серединѣ рѣки душегубка опружилась [2]). Двѣ и утонули. Нужно было спасти, пока время; опять къ Черныхъ—лодку просятъ,—еще пуще заругался и опять прочь прогналъ. Такъ двѣ крестьянки и пропали. Дня черезъ два трупы ихъ выбросило. Черныхъ и на погребеніе не далъ ни гроша. А работали у него эти несчастныя по двадцати копѣекъ за цѣлый день.

— Составили актъ?

— Составили. Да ему что-же за дѣло. Онъ и на актъ наплевалъ. Развѣ я, говоритъ, топилъ ихъ, сами утопли! Съ Бога и ищи, а не съ меня.

— У купца Благодушева двое работникомъ тифомъ заболѣли осенью, такъ онъ еще лучше сдѣлалъ. Приказалъ ихъ еще живыми вынести въ полѣ и бросить тамъ. Разбойникъ и тотъ не рѣшился бы на такую мерзость.

— Что-же, выкинули?

— Товарищи въ клѣть перенесли, ну, больные черезъ два дня въ клѣти и умерли. У насъ купцы сѣкутъ рабочихъ.

— Ну, уже это вы преувеличиваете.

— Честное слово. Они какой изворотъ придумали. Берутъ артель такую только, которая между собой условилась, чтобы сѣчь другъ друга. Чуть что—купецъ въ сторонѣ. Не онъ дралъ, а артель драла [3]).

Пенсіонщикъ отъ насъ скоро отсталъ—и опять кругомъ потянулось безлюдье нерушимое.

Глаза слѣпило, въ головѣ точно бились какія-то жилы. Въ вискахъ стучало отъ жары. Этотъ палящій зной, это однообразіе низ-

---

[1]) Большой отдѣлъ положенію пермскаго рабочаго посвященъ авторомъ въ статьяхъ „Уралъ" („Русская Рѣчь", 1881 г., сентябрь—декабрь).

[2]) Опружилась—опрокинулась.

[3]) Много фактовъ такихъ приведено въ статьяхъ того-же автора „Уралъ". („Русская Рѣчь", декабрь, 1881 г.).

менныхъ береговъ страшно томило. Слегка сквозь сонъ слушаю я басносновные разговоры о томъ, что въ прошломъ году на „Чусовой стерлядь выловили въ 4 п. 10 фунтовъ. „И силы нѣтъ даже оспаривать такую сказку. Огонь какой-то чудится въ глазахъ, откроешь ихъ—это солнце горитъ въ неподвижномъ разливѣ Косьвы, а она, какъ нарочно, извилину за извилиной дѣлаетъ, то назадъ возвращается, то въ сторону уходитъ. И хоть бы одна избушка на пути!..

— Долго еще кружиться?..

— Да часокъ пожалуй.

Но и часокъ проходитъ, и другой вскорѣ за нимъ; третій часъ началъ, а конца нѣтъ этому.

Солнце уже спускаться стало... Жара не падаетъ. Наконецъ, вдали мелкнуло громадное пространство воды.

— Радуйтесь... Вотъ и Кама!...

Одинъ изъ гребцовъ вышелъ на берегъ и потянулъ нашу лодку бечевой или, по-здѣшнему, „шнуромъ". Съ сѣвера пахнуло прохладнымъ вѣтромъ—мы ожили... За нами въ кустахъ шмыгали лодки, тоже выбиравшіяся съ разныхъ сторонъ изъ рукавовъ Косьвы. Бѣлоголовые орлы зарѣяли въ высотѣ... Чайки бросались за ними и отгоняли ихъ.

— Чайка птица смѣлая... Ишь какъ она скопу обижаетъ.

А на томъ берегу Камы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега уже выросталъ Чермозскій заводъ...

IX.

Изъ исторіи недавняго прошлаго.—Освобожденіе ли крестьянъ повредило заводамъ?—Долги и истребленіе лѣсовъ.—Лѣсничій и заводоуправленія.

Въ прохладныхъ комнатахъ Чермозскаго управительскаго дома мнѣ казалось, что я попалъ въ рай послѣ Косьвинскаго пекла. Прежде чѣмъ пріѣхать сюда, я уже видѣлъ десятка два заводовъ и частныхъ, и казенныхъ. Видѣлъ и почти въ конецъ погубленное дѣло въ Александрійскомъ заводѣ и цвѣтущее у Абамеликъ-Лазаревыхъ. Всюду, гдѣ производство уменьшилось и владѣльцы бились въ ежевыхъ рукавицахъ всевозможныхъ кулаковъ и кредиторовъ—приходилось слышать жалобы на освобожденіе крестьянъ, будто бы подорвавшее благосостояніе Урала. Жалобы эти раздаются въ унисонъ, и мало знакомый съ дѣломъ, встрѣчая ихъ даже въ печати, можетъ повѣрить Іеремiямъ, плачущимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ. Усвоивается поэтому взглядъ на нихъ какъ на жертву неизбѣжной исторической реформы, а между тѣмъ тутъ исторія совсѣмъ иного рода и освобож-

деніе крѣпостныхъ могло скорѣе помочь этимъ господамъ, чѣмъ раззорить ихъ. Въ Чермозѣ не разъ по этому поводу пришлось мнѣ говорить съ однимъ изъ лучшихъ горнозаводскихъ дѣятелей, г. Новокрещенныхъ, и онъ во многомъ разъяснилъ мои недоумѣнія. Крѣпостное право напрасно считаютъ главною опорою заводовъ. Даже въ періодической печати не разъ сообщалось ошибочное мнѣніе, „что подъ охраною привиллегій, данныхъ заводамъ Петромъ и его преемниками, и при отсутствіи предпріимчивости, слабомъ развитіи реальныхъ знаній и недостаткѣ капиталовъ — заводы не могли развиться и приняли характеръ монополіи, почерпая свою силу изъ крѣпостнаго права, уничтоженіе котораго погубило горнозаводское дѣло".

Я привелъ это мнѣніе г. Новокрещенныхъ, но онъ только улыбнулся на него.

— Въ Петербургѣ всему вѣрятъ. Немудрено, что и такіе выводы приняли на слово. Въ Петербургѣ не только не знаютъ Россіи, но и не заботятся узнать ее. Горная промышленность, какъ всякое заводское производство, и даже болѣе всякаго другого, должна была въ свое время пользоваться гарантіями и привиллегіями, они и сдѣлали свое дѣло. Подъ ихъ охраной Уралъ сразу сталъ центромъ промышленности. Лѣсныя дачи размежеваны были такъ, что каждый заводъ получилъ соотвѣтствующій его предполагаемому обороту надѣлъ. Не увеличивая выработку, заводы могли бы вѣчно пользоваться лѣсами, потому что ежегодный приростъ съ избыткомъ пополнялъ расходъ порубки. Ну, а развивать дѣятельность шире нельзя было безъ ущерба въ будущемъ. Желѣзныхъ рудъ для каждаго завода было и есть вполнѣ достаточно. Еще ни одно предпріятіе не закрывалось отъ недостатка ихъ. Если нѣкоторые заводы пользуются запасомъ магнитнаго желѣзняка съ Благодати и Высокой, такъ это вовсе не потому, что у нихъ у самихъ ничего нѣтъ. Напротивъ, есть и много— только они еще не разслѣдовали своего собственнаго района. Благодать и Высокая здѣсь составляютъ лишь утолщеніе одной общей жилы, еще до сихъ поръ неразвѣданной на всемъ протяженіи. Если я скажу, что заводы обезпечены рудами на тысячу лѣтъ—разумѣется, при нынѣшнемъ оборотѣ,—то я нисколько не преувеличу естественныхъ богатствъ Урала. Внутренняя жизнь заводовъ развивалась сначала довольно быстро, и казенные во многихъ случаяхъ учились у частныхъ разнымъ производствамъ. Не имѣя почти никакихъ средствъ для постановки паровыхъ машинъ, заводы и тутъ не отставали. Они начали строить машины низкаго давленія. Мѣдные паровые котлы были дороги—стали дѣлать деревянные въ видѣ громадныхъ цилиндровъ, стянутыхъ обручами и мѣдными частями тамъ, гдѣ они соприкасались съ огнемъ. Строитель этихъ котловъ, чуть ли не столѣтній старикъ, еще недавно жилъ въ Верхне-Исетскомъ. Механизмы эти дѣлались по-просту, безъ станковъ, при помощи зубила и пилы, но тѣмъ не менѣе они и до сихъ поръ работаютъ въ Исети. И тогда

какъ нѣкоторые даже казенные велись столь же патріархально — Нижнетагильскіе, Демидовскіе, тратили страшныя деньги на всякія новыя приспособленія. Какое-либо полезное открытіе въ горнозаводскомъ дѣлѣ тотчасъ же примѣнялось и у нихъ. Старики разсказываютъ, что не успѣешь, бывало, прочесть объ томъ или другомъ изобрѣтеніи — пріѣдешь въ Тагиль, а оно уже тамъ во-очію. Такимъ образомъ, казенные заводы тогда могли поучиться у частныхъ, которые дѣйствительно были предпріимчивы. Недостатка капиталовъ не было. Безъ посредства банковъ дѣло велось на наличные. Весьма часто въ кассѣ завода скоплялось по нѣскольку сотъ тысячъ свободныхъ денегъ. Когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Верхне-Исетскіе заводы предпочли новую систему: закладывать выдѣланные металлы въ банки, то на ярмаркѣ всѣ прежніе ихъ покупщики отшатнулись отъ нихъ. Ихъ, видите ли, смутилъ военный караулъ и они сочли фирму погибшей по неимѣнію денегъ. Это настолько было рѣзко, что весь привозъ пришлось пустить въ розничную продажу. Недостатокъ капиталовъ явился тогда только, когда оказалось возможнымъ закладывать металлы и такимъ образомъ освободить прежній оборотный заводскій капиталъ. Вы думаете, воспользовались этимъ съ толкомъ? Какъ же!... Лучшіе стали развивать дѣло свыше дѣйствительной надобности, а большинство — освобожденные капиталы пустило на аферы, кутежи, на карты, на разгулъ, о которомъ вы и представленія не можетъ сдѣлать. Вмѣсто устройства заводовъ, владѣльцы занялись устройствомъ своръ, громадныхъ охотъ, трехсотъ тысячные проигрыши стали дѣломъ зауряднымъ. Спаиваніе цѣлыхъ городовъ, самые безмысленные траты считались признаками хорошаго заводскаго топа. На первыхъ порахъ если вслѣдствіе всего этого заводы и не особенно нуждались въ капиталахъ, то тѣмъ не менѣе дѣйствовали лишь при посторонней помощи, т. е. при пособіи заклада выдѣлываемаго металла. Такъ можно было держаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнились общія условія горнозаводской дѣятельности, до перваго кризиса. А между прочимъ уже измѣненіе къ худшему началось, уже нанесенъ былъ первый ударъ, и за нимъ ожидались другіе. Этимъ первымъ ударомъ была Крымская война. Послѣ нея многіе заводы въ окончательномъ выводѣ своего дивиденда должны были вмѣсто плюса ставить минусъ. Цѣнность хлѣба съ 15—18 коп. за пудъ сразу поднялась до 60 коп. Овесъ съ 12 и 15 коп. выросъ до 40 и 50 к. Думали, что цѣны опять упадутъ — не тутъ-то было—вскорѣ мука стоила уже 1 руб. пудъ и даже дороже. Разъ ставъ на эту высоту, цѣны уже не понижались. Заводъ, который должалъ прежде, чтобы прокормить своихъ крестьянъ, отъ 15 до 20 тысячъ, при новыхъ цѣнахъ кредитовался на 120.000 р. Запасныхъ капиталовъ уже не было — всѣ ушли на кутежи и развратъ. Оставалась посторонняя помощь; съ каждымъ годомъ нужно было все болѣе и болѣе втягиваться въ долги. Явился кулакъ, какъ и во

всей остальной Россіи. Вездѣ выросли свои Разуваевы и Колупаевы. Долги все болѣе захлестывали владѣльцевъ мертвою петлей. Вотъ тутъ-то уничтоженіе крѣпостнаго права явилось какъ нельзя болѣе кстати. Ему обрадовались. На первыхъ же порахъ оно облегчило заводчиковъ, благодѣяніемъ было для нихъ. Заводы сразу освободились отъ необходимости кормить населеніе, замѣнивъ выдачу провіанта высокими платами за трудъ. Стоимость работы, какъ велика она ни была, все-таки оказывалась меньше чѣмъ сумма, потребная на обезпеченіе продовольствія (возросшаго съ 15 коп. на 1 р. съ пуда) плюсъ вознагражденіе труда, существовавшее и прежде. Начали кое-гдѣ работать не сполна, не было обязанности давать непремѣнно всѣмъ работу, производство сокращалось и разница въ пользу заводовъ выходила громадная. Кромѣ того, уничтожились пенсіоны и пособія дармоѣдамъ — да сводились къ нулю и другіе обязательные прежде расходы.

— Такъ что на Уралѣ освобожденіе крестьянъ должно было принести прямыя выгоды заводчикамъ?

— А то какъ же иначе... Сверхъ того оно же дало имъ возможность прибѣгнуть къ пособіямъ отъ правительства. Заводы стали жаловаться на невозможность вести работы безъ дешевыхъ мастеровъ и поденьщиковъ, стали ссылаться, что уничтоженіе крѣпостного права отняло у нихъ тысячи рукъ. При тогдашней путаницѣ правительство не могло провѣрить, насколько во всемъ этомъ было правды, и разрѣшило выдавать ссуды.

— Спросить было некого?

— Самихъ заводчиковъ развѣ. На Уралѣ все было на ихъ сторонѣ. Да сверхъ того многіе владѣльцы жили въ Петербургѣ, были близки ко двору. Если бы мѣстныя начальства и пошли противъ нихъ — кому бы скорѣе повѣрили... Между заводчиками оказывались и такіе, которые заводовъ своихъ въ глаза не видали, сидя въ столицѣ, да путешествуя за-границей... Случалось такъ, что сегодня выдадутъ ссуду, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея уже нѣтъ въ наличности, причемъ заводы изъ нея грошемъ не пользовались.

— Куда же уходили онѣ?

— А карты на что? Женщины дороги стали; рулетки начали привлекать россійскихъ остолоповъ... Легкость полученія ссудъ дала владѣльцамъ надежду и въ будущемъ пользоваться этимъ неоскудѣвающимъ источникомъ. Поэтому никто и не думалъ расходовать ихъ сообразно назначенію. Ни заводовъ ими не обезпечивали, ни долговъ не платили. А долги все росли и росли, кулаки все больше присасывались, банки все прочнѣе и прочнѣе опутывали горнозаводское дѣло своею цѣпкою паутиной... Въ концѣ концовъ дошли до настоящаго своего состоянія,—когда заводы по уши влѣзли въ долги, когда ни оффиціальные экономисты, ни самые владѣльцы, не знаютъ, гдѣ выходъ изъ этого отчаяннаго положенія.

— Печально!..

— Да, не весело...

— Какую цѣнность представляютъ заводы?

— Въ настоящемъ ихъ видѣ?

— Да.

— По этому случаю вотъ вамъ фактъ изъ недавняго прошлаго. Въ горномъ совѣтѣ во время оно разсматривался вопросъ о продажѣ за долги казнѣ частныхъ заводовъ, тѣхъ именно, которые правительству кромѣ постояннаго убытка ничего не приносятъ. Всѣ члены совѣта порѣшили спустить ихъ съ рукъ, назначивъ торги. Одинъ изъ присутствовавшихъ не подалъ своего голоса. Обратились къ нему.

— Ваше мнѣніе?

— Вы этого требуете? Что вы, господа, разумѣете подъ словомъ продать? Я понимаю, что купить я могу только то, что приноситъ извѣстную долю пользы, не такъ ли?

— Ну-съ.

— Если дѣло не только не даетъ выгоды, но напротивъ, приноситъ убытокъ, и если правительство желаетъ, чтобы покупщики продолжали это дѣло, то мнѣ кажется, что покупателю нужно прежде всего обезпечить эти убытки, т. е. къ заводу придать и капиталъ, процентами съ котораго покрывался бы дефицитъ.

— Это очень остроумно, но мы все-таки назначимъ торги.

Мнѣніе члена горнаго совѣта вполнѣ оправдалось: на объявленные торги никто не явился.

Въ такомъ положеніи этотъ вопросъ и теперь. Долги заводовъ ростутъ, обороты ихъ уменьшаются, вѣра въ горное дѣло поколеблена, и мы дошли уже до того, что совершенно серьезно мечтаемъ передать его въ руки иностранцевъ. Если упадокъ уральской промышленности ставится въ прямую зависимость отъ уничтоженія крѣпостнаго права, то это основано на мнѣніи самихъ заводчиковъ, которымъ подобные выводы какъ нельзя болѣе на руку.

Давнымъ бы давно пора покончить съ такими ошибочными взглядами. А они все еще держатся. Когда нельзя было дискредитировать нравственное значеніе великой реформы прошлаго царствованія, ей приписали финансовый кризисъ и экономическій упадокъ, замѣчавшійся повсюду въ послѣдніе двадцать лѣтъ. На горныхъ заводахъ видно, насколько эти господа были правы съ своими ламентаціями и цифровыми выкладками.

Крестьянская реформа на Уралѣ только въ одномъ отношеніи увеличила расходъ нѣкоторыхъ заводовъ, именно въ топливѣ.

Мы говоримъ „нѣкоторыхъ" потому, что намъ извѣстны многіе, гдѣ эти цѣны годъ отъ году уменьшаются и приходятъ къ нормальнымъ, основаннымъ на урочномъ положеніи и стоимости провіанта и фуража. Возвышеніе цѣнъ на дрова, разомъ по освобожденіи крестьянъ, вызвано было боязнью заводчиковъ остаться безъ топлива на годъ.

Что вообще стоимость лѣса должна годъ отъ году увеличиваться — это несомнѣнно, но до сихъ поръ этого роста не замѣтно, да если бы оно и было, то повѣрить его причины весьма затруднительно. Различія въ удобствѣ лѣсосѣка—разстоянія; климатическія условія имѣютъ въ этомъ отношеніи большое вліяніе.

Намъ извѣстно, говорили мнѣ, много примѣровъ, когда управитель завода, желая выторговать съ кубической сажени четвертакъ, пропускалъ удобное время и потомъ къ этимъ четвертакамъ прибавлялъ рубли, да и то оставался безъ дровъ. Слѣдовательно нельзя сказать, чтобы одна цѣнность выражала недостатокъ топлива.

Вотъ когда-то заготовленная мною записка но этому поводу. Привожу изъ нея сущность.

Лѣсовъ на Уралѣ мало—и говорить нечего, но это зло еще не столь большой руки, если бы каждый заводъ занялся раціональнымъ лѣснымъ хозяйствомъ. А то на всѣхъ почти заводахъ нѣтъ даже порядочныхъ лѣсныхъ картъ. Назначатъ, случается, лѣсосѣкъ, явится народъ для вырубки въ указанное мѣсто, и оказывается, что рубить тутъ нечего. Лѣсъ когда-то тутъ росъ, но лѣтъ пять тому назадъ его сняли подъ корень. По плану же вырубка нанесена совсѣмъ въ другое мѣсто. Часто—это не только слѣдствіе небрежности, но и злоупотребленія. Въ частныхъ лѣсахъ имѣются спеціалисты, получающіе по нѣсколько тысячъ рублей жалованья, но кромѣ исправнаго пріема этихъ денегъ и расписыванія въ книгахъ они другихъ обязанностей не знаютъ. Что можетъ значить отчетъ такого лѣсничаго? Онъ не видалъ даже той мѣстности, о которой сообщаетъ, а между тѣмъ на основаніи его словъ дѣлаются распоряженія, составляются ходячія мнѣнія о громадныхъ лѣсныхъ богатствахъ Урала, которые будто бы неистощимы!.. •

Лѣсовъ мало, очень мало, но урегулируйте лѣсное хозяйство—и ихъ хватитъ!

Прежде всего необходимо завести точные планы, потомъ правильно распредѣлить лѣсосѣки и разумно обсѣменять вырубленныя площади хвойными лѣсами, а не предоставлять это природѣ, которая на мѣстѣ стараго лѣса роститъ лиственный никуда негодный кустарникъ. Я самъ видѣлъ цѣлыя громадныя площади, вмѣсто хвои поросшія такою безполезною мелкотою. Наши лѣсничіе отлично знаютъ всѣ виды обсѣмененія, но чтобы приложить научныя свѣдѣнія къ дѣлу — никогда! Будущность заводовъ зависитъ отъ количества топлива, слѣдовательно, позаботьтесь прежде всего о лѣсахъ, не ставьте ихъ на задній планъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалось на Уралѣ. Вотъ примѣръ. Ревдинскій округъ—въ опекѣ, капиталъ, необходимый на уплату долговъ и на содержаніе опекунскаго управленія, очень значителенъ. Вмѣсто того, чтобы добывать его продажею хромистыхъ желѣзняковъ, которыхъ въ Ревдѣ множество, или никкелевыхъ рудъ, какъ продуктовъ заводу совсѣмъ не нужныхъ, или увеличить различными льго-

тами добычу золота, — что дѣлаетъ опека? Она начала продавать лѣса—это единственное обезпеченіе будущаго! Высшее начальство, не сообразивъ дѣла, утвердило продажу,—и пошла писать! При стоимости кубической сажени дровъ отъ 2—3-хъ рублей, арендной платы большой взять нельзя, и чтобы выручить хоть бы жалованье опекуну, надо вырубить такую громадную площадь чудеснаго лѣса, что со стороны становится жалко смотрѣть на такое хищническое пользованіе естественными богатствами края! А между тѣмъ Ревда не исключеніе, такихъ фактовъ сотни на Уралѣ.

Еще одно зло лѣснаго хозяйства—пожары. Предупредить ихъ нельзя, но ограничить размѣры всегда возможно. Какъ только нѣсколько стихнетъ пламя и огненная рѣка уймется, на площади пожара въ нѣсколько квадратныхъ верстъ оставляютъ отъ пяти до десяти человѣкъ, а иногда и никого. Эта жалкая кучка народа должна тушить остатки тлѣющихъ костровъ и пней. Такимъ образомъ, теряется лучшее время, и на завтра пожаръ разыгрывается съ новою силою, захватывая уже несравненно обширнѣйшій районъ. Тогда схватываются за умъ, высылаютъ народъ, но пожаръ уже уходитъ далеко, такъ что люди едва успѣваютъ слѣдить за нимъ, не принимая никакихъ способовъ къ его прекращенію. Ночью народъ уходитъ домой, завтра та же исторія, и такъ пока пожаръ не прекратится самъ собою. Между тѣмъ, ловкій, знающій мѣстность лѣсничій, съ подробною и точною картою въ рукахъ, можетъ при помощи небольшой толпы рабочихъ положить конецъ несчастію. Для этого и расходы требуются не особенно большіе. Стоитъ лишь поставить поскорѣй народъ передъ огнемъ и воспользоваться первой рѣчкой, болотомъ или дорогой, чтобы пустить встрѣчный пожаръ, а затѣмъ ночью, когда видно каждую искру, заняться тушеніемъ пламени. Теперь народъ отлично понимаетъ безцѣльность своего шатанія вслѣдъ за пожарищемъ и, несмотря на объявленную плату, прячется дома. Гасить пожары возможно съ хорошей картой въ рукахъ, а у насъ карты таковы, что съ ними чаще всего приходится и самого-то лѣсничаго выручать изъ огня. Благодаря всему этому, составилось совершенно ложное убѣжденіе, что противъ лѣсныхъ пожаровъ нѣтъ никакихъ средствъ; это слагаетъ всякую отвѣтственность съ лѣсничаго и онъ какъ нельзя болѣе доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ.

— Что же лѣсничіе дѣлаютъ?

— Все ихъ участіе въ томъ и проявляется, что онъ прикатитъ въ покойномъ экипажѣ, на великолѣпной тройкѣ коней, обругаетъ рабочихъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ, и также важно уѣдетъ назадъ. А тамъ по начальству рапортъ: несмотря на принятыя энергическія мѣры, пожаръ не прекращенъ вполнѣ, хотя и остановленъ тамъ то и тамъ то, чѣмъ сбережена площадь во столько тысячъ десятинъ. Затѣмъ, слѣдуетъ счетъ расходамъ, употребленнымъ на поѣздку и на прекращеніе огня.

— Вы упустили главное.

— Именно?

— А лѣсопромышленниковъ, которые точно одержимы ненавистью къ лѣсу, и валятъ его всюду, гдѣ возможно.

— Я не упускалъ ихъ изъ виду, а говорилъ о лѣсахъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, сами въ немъ нуждаясь, не станутъ продавать ихъ на срубъ этимъ кулакамъ... Я говорилъ исключительно о заводскихъ лѣсахъ. Не повліяетъ ли разработка каменнаго угля на сокращеніе лѣсовъ.

— Не вѣрю, чтобы это скоро случилось. На иной разработкѣ руды каменнаго угля—недостаточно, нужно дерево... Да чтобы передѣлать заводы для отопленія каменнымъ углемъ, требуются свободные капиталы.

— Которыхъ нѣтъ?

— И не предвидится... А притомъ и цѣнность угля слишкомъ высока.

— Слѣдовательно, остается...

— Пользоваться лѣсомъ раціонально и ростить его вездѣ гдѣ возможно...

— Ну, а какъ вамъ кажется—при нынѣшнихъ людяхъ добьетесь вы этого?

— Нужда научитъ.

— Ну, а казенное управленіе заводовъ лучше или нѣтъ?

— Несравненно хуже... У меня была по этому поводу записка, я вамъ сообщу ея содержаніе:—эти столбцы цифръ не спеціалисту не особенно интересны, главное—общія положенія, выведенныя изъ нихъ. Какъ только заводы попали въ казенное управленіе, тотчасъ же строй хозяйства измѣняется на новый ладъ. Въ смѣтахъ является несмѣтное множество статей, дѣлаются гадательные выводы барышей на бумагѣ, на дѣлѣ же долгъ прибываетъ и производительность завода падаетъ. Вотъ, напримѣръ, лучшій округъ—Гороблагодатскій. По смѣтѣ назначено въ продажу металловъ на 91.896 рублей, а предполагается выручить за нихъ 96.841 р., то есть барышей 4.945 р. Если же исключить 5% съ оборотнаго капитала, то чистый доходъ 350 руб. И это еще не будетъ собственно доходъ казны, а плата за пользованіе лѣсами, рудами и пр., что для частныхъ заводчиковъ составляетъ иногда 10% всего валоваго дохода. Будь эти заводы въ частныхъ рукахъ, казна получила бы съ нихъ въ десять разъ болѣе. На Пермскомъ сталепушечномъ заводѣ выдѣланныя орудія обходились 39 р. пудъ; если взять % оборотнаго задолженнаго капитала и % погашенія, то стоимость пуда выростетъ до 54 руб. 50 коп. При такой цѣнѣ не резонъ готовить самимъ орудія. Поэтому-то казна не находитъ возможнымъ считать проценты на оборотный капиталъ и % погашенія въ цѣнѣ выдѣланныхъ металловъ, иначе сейчасъ бы обнаружилась несостоятельность завода. При такихъ условіяхъ легко дѣлать какіе угодно

выводы. Возьмите смѣту горнаго департамента—чистый доходъ составляетъ почтенную цыфру. Намъ неизвѣстно, какъ выводитъ свою дѣятельность экспедиція заготовленія кредитныхъ билетовъ; если такъ-же, то тамъ должно быть еще выгоднѣе дѣло, чѣмъ на горныхъ заводахъ; на расходы употреблено 100.000, а выдѣлываютъ на 100.000.000! Я этимъ хочу сказать, что управители казенныхъ заводовъ такъ привыкли къ смѣтамъ и выводамъ барышей тамъ, гдѣ одни убытки, что когда поступаютъ на частный заводъ, то всегда по счетамъ будутъ барыши,—и запасы, о которыхъ не всегда имѣются точныя данныя, годъ отъ году уменьшаются и въ общемъ результатѣ—приращеніе долговъ. Иной разъ и долговъ не будетъ, и запасы цѣлы, запасы капиталовъ въ стѣнахъ зданій, которые какъ и на всѣхъ заводахъ казенныхъ къ возврату ежегоднымъ погашеніемъ не подлежатъ. Кончается тѣмъ, что, видя вздорность дѣла, такого управителя смѣняютъ, присылаютъ на мѣсто другаго, а этотъ оказывается еще худшимъ.

— Гдѣ же исходъ?

— Ищите и обрящете... Мы его пока при всѣхъ этихъ условіяхъ не видимъ!

X.

Возвращеніе на Каму.—Чермозскій заводъ.—Старо-Екатерининскій каналъ.—Изъ недавняго прошлаго.

Чермозъ совсѣмъ городъ. Красивые дома, громадныя зданія, заводы, прямыя улицы, по которымъ сегодня что-то уже очень разсовались бабы, одѣтыя въ пестрое. Послѣ патріархальныхъ прикосьвинскихъ деревень и безмолвныхъ пустынь этой красивой рѣки, мы отдыхали здѣсь среди полнаго довольства и комфорта. Вечеромъ, когда жара спала, мы вышли на улицу. Рабочіе только что окончили свои уроки, и изъ завода повалила толпа—молчаливая, сумрачная. Только подростки нѣсколько оживляли ее смѣхомъ и шутками. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ мнѣ на встрѣчу—что-то до нельзя опухшее, подвязанное, оборванное, но съ неизбѣжною кокардою на фуражкѣ. Идетъ—шатается, увидѣлъ меня, остановился.

— Къ вамъ-съ!

— Что угодно?..

— Пишите, обижаютъ.

— Кого это?

— Меня обижаютъ. Мужики меня обидѣли... Пишите, чтобы вся Россія знала, какіе они, чермозскіе мужики... А то я не согласенъ.

— Да, помилуйте, это совсѣмъ не мое дѣло.

— А чье же? Вы вотъ все съ книжкой... Я васъ и на кизеловскомъ заводѣ видѣлъ. Дворянина обижаютъ, а вамъ и дѣла нѣтъ.

— Егоровъ, не безобразь.

— Вотъ видите, сколь въ нихъ невѣжество неистово... Егоровъ!.. Я своему государю двадцать-пять вѣрой и правдой, а онъ Егоровъ.

Едва удалось отдѣлаться отъ его благородія. Оказывается, и тутъ завелись они, плодя кляузы и существуя писаніемъ просьбъ и жалобъ. Всѣмъ этимъ добромъ надѣляетъ заводы Пермь. Тамъ походя гоняютъ чиновниковъ, очень ужъ хороши; еще новые туда сюда, а эти или живутъ шутами у купцовъ, или тонутъ въ бездонномъ пьянствѣ. Съ этимъ самымъ Егоровымъ случилась такая исторія: держалъ онъ квартирантовъ еще въ бытность на службѣ, и поселился у него товарищъ, у котораго водились денжонки. Стали они пропадать изъ стола сначала по-мелочамъ, а потомъ всѣ сразу. Обокраденный заявилъ подозрѣніе на Егорова, котораго нашли въ публичномъ домѣ безобразно пьянымъ. При немъ деньги.

— Есть ли у васъ какія нибудь доказательства, что эти деньги украдены у васъ?

— Есть: вотъ уголки отъ нихъ у меня хранятся.

Егорову оставалось одно: сознаться, что̀ онъ и сдѣлалъ.

Судъ. Свидѣтели показываютъ единогласно, что Егоровъ тиранитъ семью, что онъ негодяй и т. п. нелестныя вещи. Отправились присяжные засѣдатели совѣщаться. „Что же, братцы, надо по душѣ. Служилъ-служилъ человѣкъ, и вдругъ его теперича за валомъ!.. Лишеніе права, пенсіонъ выслужилъ, безъ пенсіона гуляй... Какъ возможно!.. Выходятъ. „Нѣтъ, не виновенъ". Предсѣдатель озлился. „Егоровъ—вы свободны, кстати и деньги возьмите, потому что ежели вы невиновны, то и вещественныя доказательства ваши"... А потомъ „истецъ" встаетъ: „за одно ужь прихватите и уголки отъ кредитокъ, они должны быть тоже ваши".

— Что же бы вы думали, на другой же день этотъ Егоровъ подалъ на истца за клевету... А теперь онъ у насъ тутъ кой-какіе заводы мутитъ... Явится, путаетъ рабочихъ. Тѣ его слушаютъ, гдѣ мало знаютъ, а потомъ, смотришь—волненіе. У купцовъ съ нимъ просто; къ одному онъ явился на заводъ, затѣялъ смуту, но купецъ его отодралъ здорово, а потомъ въ чуланчикъ заперъ, пока не зажило, и отпустилъ!..

Въ Чермозѣ, какъ и въ Кизеловскомъ заводѣ, выдѣлывается чугунъ и сверхъ того изъ болванки прокатывается листовое желѣзо. Тутъ же имѣются большія механическія мастерскія, отливаются разныя издѣлія изъ вагранокъ (родъ доменной печи, гдѣ вмѣсто руды плавится чугунъ). Около Чермоза лѣсопильный заводъ. Громадная домна, которая съ большими удобствами могла бы замѣнить огненную печь тремъ еврейскимъ отрокамъ, когда мы ее осматривали,

работала во-всю, чуть не охватывая въ верху розовымъ пламенемъ пережигаемаго металла голыхъ рабочихъ, сумрачно возившихся вокругъ ея устья. Несмотря на умѣренность платы, рабочимъ здѣсь лучше живется чѣмъ въ другихъ мѣстахъ по Уралу. Ближе къ управленію, дешевле заготовленный имъ для потребностей завода хлѣбъ, чище избы. На черныхъ работахъ взрослые получаютъ здѣсь 30 коп. въ день, мальчики 18. Чтобы понять, каково въ сущности это сравнительно лучшее положеніе Чермозскаго крестьянина, я приведу здѣсь слѣдующій разсчетъ. Вотъ, напримѣръ, Иванъ Сухихъ. Онъ уже старъ, пятьдесятъ пять лѣтъ, но работаетъ у зѣва доменной печи, или, какъ здѣсь называютъ, домны. Получаетъ онъ 7 р. 80 к. въ мѣсяцъ, двое сыновей у него—10 р., жена дома, потому что есть еще маленькія дѣти. Такимъ образомъ, въ годъ онъ имѣетъ около 180 р., ибо въ два льготные мѣсяца, когда онъ коситъ траву и жнетъ хлѣбъ, отъ завода ничего не получаетъ. Платитъ онъ за три души податей, что вмѣстѣ со всевозможными мирскими и земскими сборами составитъ около 75 рублей. Слѣдовательно, на всю семью въ шесть ртовъ на все остается 105 руб. въ годъ или около 9 руб. въ мѣсяцъ при цѣнѣ хлѣба 1 руб. за пудъ. Комментаріи излишни. Положеніе мастеровъ лучше: кузнецъ на заводѣ зарабатываетъ 80 коп. въ день, а механическій мастеръ 30 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ, напримѣръ, рабочіе у вагранки, гдѣ переплавляется чугунъ и ломъ всякій, гдѣ дѣло идетъ и днемъ и ночью. Ѣдкая пыль ржаваго чугуна стоитъ въ воздухѣ; дымъ и чадъ портятъ глаза, задыхаешься, здѣсь и не знаешь, какъ бы поскорѣе выбраться вонъ. Заморенный мужикъ опускается рядомъ съ нами на какую-то колдобину и безсильно охватываетъ колѣна руками.

— Какъ у васъ смѣна?

— По двѣнадцати часовъ работаемъ каждый! Морокомъ изойдешь весь.

— Сколько же ты получаешь?

— 28, 29 коп. въ день.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость заводу: онъ стремится устроить работу въ отрядъ, т. е. поденную, и дать переводить и на задѣльную. Тогда рабочіе, случается, получаютъ въ четверо больше, хотя неминуемо число ихъ уменьшается. Остаются самые сильные и трезвые.

У входа въ литейную мастерскую заснулъ затомившійся рабочій. Кирпичъ подъ голову, самъ тяжело дышетъ. Ступаютъ по немъ товарищи, какая-то черная накипь точно капли сажи садится на лицо. Изъ-подъ открытаго ворота рубахи видна костлявая грудь. Между ребрами синія полосы. Воздухъ съ какимъ-то хрипомъ выходитъ изъ блѣдныхъ безкровныхъ губъ. Вонъ изъ вагранокъ и отражательныхъ печей чугунъ отливаютъ въ формы для машинъ... Багровый отсвѣтъ расплавленнаго металла играетъ на лицахъ.

— Тутъ у нихъ хорошо! Замѣчаетъ мнѣ проводникъ. Тутъ задѣльно берутъ рублей по 15 въ мѣсяцъ. Лѣнивый и тотъ заработаетъ въ день коп. 30. Сейчасъ металлъ выпускаютъ... Посмотрите...

Мнѣ уже надоѣли, признаться, эти картины, потому что на каждомъ заводѣ ихъ, какъ нѣчто необычайное для посторонняго, особенно внимательно рекомендуютъ ему. Первый разъ эта отливка кажется очень эффектной. Къ вагранкамъ подставляютъ котлы. Изъ отверстій вагранокъ къ котлу—жолоба. На дно котла сыплютъ горячія угли, чтобы металлъ не остывалъ въ немъ.

— Теперь пустяки самые. Всего пудовъ семьдесятъ!..

Отворили отдушину. Рабочій ломомъ пробилъ загустѣвшую въ отдушинѣ массу металла. Въ сараѣ было темно, но какъ только въ отверстіи показалось огненное жало расплавленной массы, все кругомъ освѣтилось имъ. Густая струя жидкаго металла, желтая, слѣпящая глаза, полилась въ котелъ или ковшъ, какъ его называютъ здѣсь, разбрасывая при паденіи тысячи огненныхъ брызгъ, отъ быстраго вращенія въ воздухѣ принимавшихъ форму звѣзды. Жара около ковша становилась невыносимая, но рабочіе стояли какъ ни въ чемъ не бывало, даже потъ не выступалъ на лицахъ.

— Тутъ не съ чего потѣть-то... Это съ сыти которые потѣютъ, точно... А намъ потѣть не съ чего.

Ковшъ приподняли при помощи механизма, и стали переливать изъ него металлъ въ земляную форму. Опять миріады серебристыхъ золотыхъ и голубоватыхъ звѣздъ взрывались вверхъ и потухали подъ сводами этого черного сарая. Такимъ образомъ здѣсь переливается обыкновенно отъ 600—780 пудовъ чугуна. Я не описываю подробно всего производства. Этому отведено достаточно мѣста въ очеркахъ Урала, въ главѣ о Киселовскомъ заводѣ *). Тамъ же значительное мѣсто посвящено и неприглядному положенію горнозаводскаго рабочаго, тутъ же я касаюсь только особенностей, не повторяющихся въ другихъ районахъ.

— Вотъ посмотрите глухарей нашихъ.

Еще издали я слышу оглушительный стукъ. Въ головѣ точно все сотрясается отъ него. Точно это не въ паровую трубу, а тебѣ въ черепѣ молотки стучатъ. Громадный металлическій цилиндръ. Снаружи въ него вбиваютъ раскаленные гвозди. Внутри цилиндра сидятъ рабочіе-глухари и заклепываютъ концы этихъ гвоздей. Имъ приходится выдерживать шумъ настолько ужасный, что отъ обычнаго пребыванія здѣсь многіе изъ нихъ и дѣйствительно глохнутъ. Въ этомъ отдѣленіи вообще цѣлый адъ звуковъ, грохотъ машины, стукъ молотовъ, рѣзкій свистъ пламени изъ зѣвовъ пудлинговскихъ печей.

— Что эти глухари получаютъ у васъ?

*) „Русская Рѣчь“ 1881 г.

— О, они зарабатываютъ хорошо. Вообще во всей этой мастерской до 70 коп. въ день можно добыть. Ну, имъ идетъ по 50 коп.

Вонъ въ сторонѣ другой каторжникъ труда выхватываетъ изъ калильной печи болванку. Раскаленною перекидываетъ ее въ прокатную машину—грохочутъ валы ея, сплющивая комъ желѣза въ тускло уже свѣтящуюся, точно извнутри, красноватымъ отсвѣтомъ лепешку. Лепешку опять въ калильную печь и оттуда, когда она засвѣтится вся огнемъ—въ новую прокатную машину, изъ-подъ валовъ которой она выходитъ еще тоньше. Повторивъ нѣсколько разъ этотъ процессъ, получаютъ листовое желѣзо. Но оно все еще не готово: по восьмидесяти листовъ связываютъ въ одинъ пакетъ, на особой телѣжкѣ везутъ его въ третью печь, гдѣ и оставляютъ накаливаться втеченіе семи часовъ. Послѣ этого листы пробиваютъ молотами и опять въ печь, и опять молотки въ ходъ. Повторивъ это три раза, получаютъ матовое листовое желѣзо, пять — глянцовое. Угольная пудра тутъ стоитъ столбомъ... Ею дѣйствительно дышешь. Когда рабочіе умираютъ, то врачи при вскрытіи находятъ легкіе ихъ переполненными этимъ углемъ.

— Женщины у васъ не работаютъ?

— Нѣтъ. Прежде ходили. Теперь ихъ подрядчики избаловали. Онѣ складываютъ, подвозятъ дрова, вообще на лѣсномъ дѣлѣ стоятъ.

— Чѣмъ же это легче?

— И легче, да и выгоднѣе. Мы имъ платимъ отъ 15 до 20 коп. въ день, а лѣсопромышленники сманили ихъ на 30—35, случается и до 50 коп. Онѣ и бросили заводы... Теперь вообще рабочихъ меньше стало. Прежде избытокъ оказывался, а теперь другой разъ недохватка.

— Куда же дѣлись они?

— Мотовилиха отняла. Туда направляются. Казенные заводы больше платятъ. Теперь у насъ работаетъ отъ 500 до 1.400 человѣкъ въ годъ. Смотря, когда сколько надо. Они выдѣлываютъ листоваго желѣза 200.000 пудовъ, да другаго 120.000 пудовъ.

— Воображаю, какая масса лѣсу уходитъ на это?

— Да. Въ прошломъ году мы сожгли 20.000 саженъ дровъ, да 15.000 коробовъ древеснаго угля—короба-то у насъ вѣдь большіе—девяти-аршинные!..

— Сколько вы считаете рабочихъ дней въ году?

— Да двѣсти-сорокъ норма!

Вообще и здѣсь, какъ на остальныхъ заводахъ, не особенно приглядно живется мужику, а между тѣмъ заводскій народъ въ высшей степени способенъ и любознателенъ. Трудно сказать, что̀ бы выработалось изъ него при другихъ условіяхъ!.. На заводахъ встрѣчаешь превосходныхъ механиковъ, выработавшихся у машинъ безъ всякихъ научныхъ свѣдѣній. Они изобрѣтаютъ новыя приспособленія, упрощаютъ старыя. По общему отзыву спеціалистовъ, наши мастера, начавшіе свое воспитаніе у кричныхъ печей и кончившіе его въ сто-

лярной мастерской, иногда замыкаютъ за поясъ нѣмцевъ-механиковъ, и всегда оказываются способнѣе ихъ. Въ старое время Строганова и Демидова сотни такихъ самородковъ выводили на широкую дорогу. Теперь всѣ господа живутъ внѣ своихъ заводовъ; а управленіямъ лишь бы казенное дѣло справить, остальное имъ не интересно.

— Что теперь! Вишь къ намъ Фуску прислали, — что ёнъ, что евоная Фускиха... ничего не понимаютъ... Упрется быкомъ въ машину и стоитъ, думаетъ; а пока ёнъ думаетъ, мы ужь ее совсѣмъ разсмотрѣли...

— Кто это Фуска?

— А это нѣмецъ механикъ пріѣхалъ съ женой—Фаустъ. А они его въ Фуску перекрестили.

Къ сожалѣнію, талантливость русскаго человѣка не ведетъ въ данномъ случаѣ ни къ чему. Ходу ему все равно не будетъ никуда, хоть лобъ себѣ разбей. Въ мальчикахъ, которые въ здѣшнихъ школахъ учатся, замѣчаются иногда феноменальныя способности. Да что же толку,—все равно дальше своего училища не пойдетъ, да и того еще не кончитъ... Я не могу забыть сцены, которую наблюдалъ тутъ же на Уралѣ. Къ одному изъ учителей является рабочій...

— Чего тебѣ?

— Ослобоните!..

— Кого?

— Сынишку моего... Ужъ ему двѣнадцатой годъ пошелъ.

— Какъ зовутъ его?

— Ефимомъ.

— Зачѣмъ же его тебѣ?

— Къ дѣлу приставить. Къ печкѣ. Кормить-то ужъ его тяжело стало, пущай самъ кормится.

— Бога ты не боишься! Потерпи еще немного, пускай онъ школу-то кончитъ... Вѣдь у него способности изъ ряду вонъ. Я здѣсь десять лѣтъ—такого не видалъ еще.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните... Потому,—пущай кормится... Это еще когда способностевъ ждать, а намъ не могутно. У меня еще махонькіе есть. Хлѣба не хватаетъ.

Вмѣшались бывшіе при этомъ. Предложили за цѣлый годъ заплатить пополамъ съ управителемъ *** завода.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните! уперся на своемъ отецъ.—Мы не нищіе, чтобы отъ чужихъ брать... пущай онъ къ нашему заводскому дѣлу обыкаетъ. Грамотой не прокормиться ему. Еще тамъ что выйдетъ.

Учитель чуть не плакалъ, освобождая лучшаго изъ своихъ школяровъ. А то явился другой—къ нему же

— Сколько вы мнѣ положите?

— За что?

— А за сына.

— Какъ это?..

— Да онъ въ школу къ вамъ ходитъ, такъ сколько вы за него положите, потому—мы родители.

— Да ничего не положу... Будь доволенъ, что даромъ его учатъ.

— Мы такъ даромъ не могёмъ, потому—его кормить надо... Мы въ такомъ случаѣ его возьмемъ.

И взяли!..

Въ прежнее время хоть управляющіе, члены заводскаго управленія, выходили изъ мѣстныхъ школъ. Теперь и этого нѣтъ. Какихъ-то необыкновенныхъ олимпійцевъ присылаютъ изъ Питера, не имѣющихъ никакого понятія о заводскомъ дѣлѣ. Одинъ, напримѣръ, агронома поставилъ во главѣ дѣла, другой—раззорившагося помѣщика, который у себя въ имѣніи когда-то разводилъ нарочно овражковъ „какъ средство къ дренажу", третій прислалъ пѣвца—тенора, потерявшаго голосъ и потому почувствовавшаго призваніе къ заводскому дѣлу; четвертый отставнаго гусара, а этотъ на первыхъ же порахъ завелъ „бабью повинность"...

Вообще тутъ курьезовъ не оберешься. Мы всѣ, напримѣръ, давно уже считали, нѣкогда существовавшій и при императорѣ Николаѣ заброшенный, каналъ Екатерининскій—вычеркнутымъ изъ списка живыхъ. Его тогда признали ненужнымъ вовсе, уничтожили и даже на старыхъ, не говоря уже о новыхъ, картахъ его найти теперь невозможно. Населеніе впрочемъ къ нему отнеслось иначе. Начальство его упразднило, а Пермская, Вятская и Вологодская губерніи имъ пользуются съ 1871 года опять. Наткнувшись на него, видятъ—шлюзовъ нѣтъ, а каналъ еще цѣлъ, и обрадовались. При общемъ безпутьи—эта дорога оказалась крайне удобной. По несуществующему каналу стали передвигать грузы на лодкахъ, отъ 500—600 пудовъ на каждой. Зимою, когда онъ замерзаетъ, прямикомъ по его поверхности открывается громадный проѣздъ изъ Вологодской губерніи. Десятки тысячъ жерновов, напримѣръ, перевезли по немъ въ послѣднюю зиму. Изъ Архангельской губерніи по этому же каналу — прямой путь на Ирбитскую ярмарку. Въ первый годъ, какъ населеніе схватилось опять за этотъ каналъ, по немъ передвинуто было 30.000 пудовъ разнаго груза, дошедшаго благополучно. Съ тѣхъ поръ количество транзита все увеличивается и увеличивается. Консерваторъ зоологическаго музея казанскаго университета, Пельцамъ, кажется, въ сентябрѣ 1875 года, вернулся черезъ этотъ каналъ съ Штукенбергомъ и Некрасовымъ изъ экспедиціи на Тиманскія горы... Фонъ Т.*, одинъ изъ камскихъ солеваровъ, предлагалъ мнѣ проѣхать самому по этому каналу и удостовѣриться.

— У насъ все такъ—начальство уничтожитъ, а смотришь—дѣло все-таки идетъ своимъ порядкомъ. Теперь хотимъ просить опять возобновить каналъ этотъ!.. Онъ и для обезпеченія хлѣбомъ очень важенъ.

Какъ-то заговорили о ростѣ цѣнъ на хлѣбъ въ Пермской губерніи, по поводу все того же канала.

— Еще бы имъ не рости, здѣсь своего мало, а у насъ его стали вывозить.

— Какъ это такъ?

— Съ каждымъ годомъ увеличивается вывозъ. Въ 1872 году по Усолвѣ и черезъ Ленву на Березовъ увезли 180.000 пудовъ; хлѣбъ стоилъ тогда 53 коп. пудъ. Теперь куль муки дешевле 3 руб. не купишь, а въ розницу дороже рублемъ. Прежде на мѣстные базары хлѣбъ получался изъ Перми и изъ Ильинскаго, теперь съ устья Бѣлой идетъ, а весь ильинскій хлѣбъ и тотъ, который когда-то возили черезъ Пермь, кунгурскій, идетъ за-границу, сначала на Петербургъ. Екатерининскій каналъ и въ этомъ отношеніи очень важенъ. По немъ пойдутъ у насъ массы грузовъ.

— Да достаточно ли воды тамъ?

— Пельцамъ проѣхалъ осенью, воды было довольно; Крузенштернъ недавно прокатился на Печору этимъ же путемъ — тоже не жаловался.

— А какъ добраться до этого несуществующаго канала?

— Вверхъ по Камѣ до Усть-Кельтмы Южной. Весною и осенью Кельтма судоходна. Для дровъ по ней самый лучшій сплавъ, такъ что лодки ухватчиковъ стоятъ тогда на устьѣ ея, а дровяные плоты сами добѣгаютъ до нихъ, безъ препятствія по всему теченію рѣки. По Кельтмѣ нужно подняться до границы Вологодской губерніи. Оттуда вы вступите въ каналъ и по немъ доберетесь до Сѣверной Кельтмы, которая въ свою очередь впадаетъ въ Вычегду. Въ самое мелководье, посередь лѣта, глубина Южной и Сѣверной Кельтмы—minimum отъ ½ до ¾ аршина. Весною и осенью вода „пухнетъ“, по мѣстному выраженію, и можетъ поднять значительный грузъ... При шлюзахъ пристани.

— Позвольте, вы говорите, что каналъ въ Вологодской губерніи; вѣдь на тѣхъ картахъ, гдѣ его когда-то означали, онъ былъ въ Пермской?

— Вѣрно, что же васъ удивляетъ. Врутъ не одни календари; врутъ и карты, а у насъ еще пуще календарей!..

Чермозъ — столица Абамеликъ-Лазаревскихъ владѣній на Уралѣ. Едва ли у кого нибудь сохранилось здѣсь столько лѣсныхъ угодій; какъ у нихъ. Все начало этого столѣтія и конецъ прошлаго ознаменовались борьбой между ними и Всеволожскими. Къ какимъ только средствамъ ни прибѣгали тѣ и другіе, чтобы завладѣть какимъ нибудь урочищемъ. Право владѣнія считалось по первенству занятія. Всеволожскіе займутъ, положимъ, лѣсъ и поставятъ тамъ избу, а Лазаревскіе люди перенесутъ ее въ другое мѣсто и ставятъ свою. Такимъ образомъ доходило до побоищъ, жертвы которыхъ такъ и оставались неизвѣстными. Пермскіе лѣса свято и вѣрно хранятъ

свои тайны. Свидѣтели жестокихъ убійствъ и грабежей, вѣковые великаны давно легли подъ топорами дровосѣковъ и только случайно попадающіеся въ уральскихъ пустыняхъ черепа и костяки безмолвно говорятъ душѣ о томъ, что не всегда эта мертвая глушь была также тиха и молчалива, какъ теперь. По старымъ документамъ опредѣлялись границы рѣками. Такъ, для того чтобы расширить свои владѣнія, предки Лазаревыхъ заваливали одни рѣки, а имена ихъ переносили на другія. Да и межевщики тонко знали свое дѣло. Случалось, напримѣръ, что изъ 200 тысячъ десятинъ они вымежевывали 9.000, а остальное шло тѣмъ, кто раньше всталъ, палку взялъ. Нечего уже и говорить о томъ, что иногда цѣлыя имѣнія проигрывались въ карты. Уралъ не мало насчитать можетъ такихъ собственниковъ, которые своими громадными имѣніями обязаны мошенничеству, подлогу, или шуллерству... Не мудрено, что въ населеніи прикамскихъ волостей и теперь живъ еще духъ бродяжничества, старательно развивавшійся владѣльцами, которымъ были выгодны всякія переселенія на никому не принадлежащую новь. Пермскій крестьянинъ до сихъ поръ мѣняетъ свою родину. Она не привязываетъ его къ себѣ, „гдѣ сталъ—тамъ и взялъ", говорятъ они. Еще недавно въ Растесъ, къ Павдѣ, на истоки малоизвѣстныхъ рѣкъ, переходили цѣлыя села. Въ пермскихъ лѣсахъ, близъ Растеса, и до-нынѣ живутъ сотни народа, который навѣрно не скажетъ—кто онъ и откуда пришелъ. Эти колонисты вообще не спрашиваютъ о прошломъ. Имъ до прошлаго нѣтъ никакого дѣла. Они дружелюбно относятся къ бѣглецамъ, устраивающимъ жилища подъ землей, гостепріимно встрѣчаютъ „орѣшниковъ", т. е. крестьянъ, сбирающихъ кедровые орѣхи, и охотниковъ на бѣлку, которыхъ промыселъ иногда загоняетъ въ дремучую глушь пермскаго лѣса.

Указаніе криминалистамъ: между бѣглыми въ этой глуши—преступленіе неизвѣстно, убійство не слыханно!

— У насъ миръ и согласіе, говорятъ они.—Другъ дружкѣ помогаемъ и живемъ по-Божьему. Ни надъ нами, ни подъ нами никого

Уѣзжая отсюда въ Пермь, я уносилъ съ собою глубокія впечатлѣнія.

Долго еще потомъ грезились мнѣ лѣсныя пустыни, безлюдныя рѣки, жизнь—сложившаяся помимо всякаго насилія—вольно и убого. Убого потому, что кромѣ внѣшней красоты своей природа здѣсь не даетъ богатства колонизатору. Не разъ и потомъ тянуло меня опять въ эти кедровыя чащи, въ эти горы, мрачное, каменное великолѣпіе которыхъ переноситъ туриста въ сказочный край, въ міръ грезъ и фантазій...

В. И. Немировичъ-Данченко.



„ЛИХОЛѢТЬЕ“ [1].

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

XVI.

„Охъ! въ горѣ жить—не кручинну быть.
Не два звѣря сходилися,
Не бѣлъ заяцъ и не сѣръ заяцъ;
Сходилися правда съ кривдою,
Правду кривда переспорила:
Кривда осталась на сырой землѣ,
А правда пошла на небо.

(Старинная русская пѣсня).



СѢВЕРЩИНА и куряне своею пролитою за самозванцевъ кровью, своимъ раззореніемъ, добивались возвращенія себѣ того безпечальнаго времени, когда они не знали московскаго кнута и московской волокиты, когда они платили легкую дань „по бѣлѣ и веверицѣ“. Но ратуя противъ московскаго „закрѣпощенія“, противъ московскаго самодержавія, „прежде-погибшая Украйна“ очутилась въ тискахъ грабительскихъ воякъ, въ родѣ Лисовскаго и Неборскаго, и имъ подобныхъ пановъ. Все время смуты Украйна терпѣла отъ тѣхъ, кого считала своими освободителями, болѣе чѣмъ отъ тѣхъ, на кого шла.

Невольно, силою обстоятельствъ, курскій бояринъ Ферапонтовъ сталъ въ положеніе „земскаго излюбленнаго человѣка“. Только одинъ онъ, твердый подвижникъ русскаго дѣла въ отдаленной царской сто-

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, томъ X, стр. 337.

ронѣ, могъ сплотить и одушевить смятенное курское населеніе, разбросанное по лѣсистымъ ярамъ и степямъ. Игуменъ Манассія горячею проповѣдью въ курскомъ монастырѣ оживляетъ сознаніе народа, напоминая ему его племенную, религіозную и государственную связь съ Москвой. Уже не „тянула" Украйна къ ворамъ, а выжидала, кого Богъ поставитъ бѣлымъ русскимъ царемъ на Москвѣ вмѣсто Шуйскаго, котораго престолъ колебался и котораго царская власть казалась въ отдаленіи еще слабѣе, чѣмъ вблизи, чѣмъ въ самой Москвѣ.

Въ то время „безгосподарства", т.-е. безпорядка, русскій крестьянинъ въ общей государственной замутѣ нашелъ оправданіе своей какъ бы прирожденной слабости къ кочевой, неосѣдлой жизни. Съ незапамятныхъ поръ народъ привыкъ широко пользоваться своею свободой сходить отъ вотчинника къ вотчиннику. Всякій смердъ зналъ, что за двѣ недѣли до осенняго Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ него, онъ могъ „отказаться", т.-е. оставить вотчинника, заплативъ ему „пожилое", опредѣленное судебникомъ, за свое житье у вотчинника въ деревнѣ. Указомъ 1597 года царь Ѳедоръ Ивановичъ запретилъ крестьянскій „выходъ". Простонародье жило въ „великой тугѣ". Недовольный, обездоленный людъ, избывая „боярской крѣпости", подавался на „вольную" Украйну. Безконечныя травянистыя степи, стлавшіяся къ морю синему, пустопорожнее „поле дикое" манили къ себѣ крестьянство. Усиливалось движеніе его въ ту дальнюю сторонку, о которой народъ сложилъ пѣсню:

„Высота-ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе..."

Будетъ понятна поэтому поспѣшность крестьянъ села „Упалаго Колодезя", съ какой они, бросивъ свое насиженное жилье, пришли огромнымъ обозомъ въ вотчину боярина Ферапонтова старъ и малъ, съ „животинкой и всѣмъ своимъ домашнимъ добромъ". Нежеланіе каширскихъ „сходцевъ" сидѣть на „розстаняхъ", на распутіи дорогъ, притоманномъ мѣстѣ нечистой силы, а также убѣжденье, что ихъ село на „крови" ставлено, на костяхъ убіенныхъ на брани, служило каширскимъ сходцамъ предлогомъ, прикрывавшимъ только ихъ давнишнюю заботу выбраться совсѣмъ на „вольныя земли". Пришелъ съ ними и ихъ сельской попъ съ семьей и „святостью", вывезенною изъ старой упаловской церкви, оставленной сошедшимъ съ мѣста селомъ заколоченною. По слову боярина, каширцы „сѣли слободой" на обмяти, у лѣса, у „мѣхани". Отсѣявшись овсами, „новосельцы", какъ ихъ стали называть курскіе севрюки, принялись усердно рубить себѣ избы, ставить дворы; къ осени „жило" у каждой семьи поспѣло. Бояринъ помогъ своимъ новымъ насельникамъ сѣменами, хлѣбомъ, лошадьми, всѣмъ, что̀ имъ было нужно. По Обмяти вытянулась длинная, безтолково разбросанная слобода. Каждая семья ставила свой дворъ,

какъ ей казалось удобнѣе. А по первопутью, зимой, новосельцы міромъ запрягли двѣсти подводъ, навязали пихтери сѣна, набили мѣшки овсомъ и харчами, и по благословенію попа своего поѣхали „подымать“ свою старую церковь. Въ двѣ поѣздки они свезли ее съ прежняго своего пепелища въ новую слободу. По ранней веснѣ они міромъ поставили на-ново церковь „на красовитомъ“ мѣстѣ, на горѣ и „обрядили“ ее готовою святостью. Игуменъ Манассія торжественно освятилъ этотъ возобновленный храмъ, въ присутствіи боярина. Слободу по престолу храмовому назвали „Спасомъ“. Припѣваючи зажили новосельцы: „какъ у Христа за пазушкой мы за своимъ бояриномъ“, хвалились они, и ставили свѣчки у своего стараго иконостаса „за здравіе раба Божія Іоны“, каждую церковную службу. Новосельцы „захватили“ пустопорожней земли, „поля дикаго“, сколько глазъ видѣлъ. Всякъ воленъ былъ пользоваться ею „безъ отвода“.

Бояринъ зналъ живыя урочища, граничившія его обширныя земли и угодья; но очень удивился бы, если бы кто-нибудь спросилъ у него: сколько у него въ полѣ десятковъ тысячъ четвертей, а въ дву по тому-жъ?

Преклонныя лѣта и тяжело переживаемыя событія замѣтно состарили твердаго боярина. Коротая время съ заночевавшимъ у него игуменомъ Манассіей, онъ потягивалъ помаленьку крѣпкій медокъ.

— Меды мои боярскіе, знаю, не по монахову брюху, разсмѣявшись и наливая себѣ стопу, замѣтилъ онъ.—Обѣтъ твой неизмѣнный: не огаживать себя питіемъ, опричь воды ключевой. Твердъ монахъ...

Старый бояринъ осушилъ стопу и звонко поставилъ ее на столъ, съ молодецкимъ движеньемъ бывалаго питуха. Нахмурясь, не глядя на игумена, онъ его спросилъ:

— Стало, въ Соловки надумался идти, честной отче?

— Коли Господь грѣхамъ нашимъ попуститъ, Іона Агѣичъ... Обѣтъ далъ... Обитель же Пресвятой Богородицы Коренской раззорена, быть мнѣ игумномъ не при чемъ. Манассія вздохнулъ, перебирая четки.

— Не мнѣ, грѣшнику, поучать тебя, христолюбца, разсудительно замѣтилъ бояринъ. — Но... послушай меня, стараго чорта, монахъ: провожу я тебя до бѣлокаменной... Дай время, подымусь съ ратью, царя отъ тушинскихъ воровъ, да отъ польскихъ пановъ оборонять. Пойду вѣдь конно, людно, оружно... Отъ обиды, а то, коли доведется, и отъ смертнаго часа обороню. По дорогамъ губители разсыпаны. Въ повозкѣ, слышь, повезу.

— На твоей боярской милости много тебѣ благодаренъ, Іона Агѣичъ, съ поклономъ сказалъ игуменъ.—Не попутчики мы. Не пригоже монашескому убожеству течи вмѣстѣ съ ратнымъ мужествомъ. Ничто же губители придорожные; когда человѣкъ борется съ губителями въ самомъ себѣ, съ своими грѣхами. Пойду пѣшъ и нищъ, по Христову образу и на его имя. Не убоюсь обиды, ниже конца

смертнаго, но возрадуюсь, аще во славу Христа пострадаю. Прости мя, бояринъ, и не осуди.

— Тати, чего добраго, захватятъ тебя, монахъ! утверждалъ бояринъ.—Замучаютъ, вѣдь...

— Кровь мучениковъ—семья христіанства, сказалъ Тертуліанъ, древній церковный письменникъ...

Игуменъ всталъ, чтобы идти на покой. Бояринъ принялъ его благословеніе. Но тутъ обычная твердость его измѣнила ему. Его старыя руки мощно сжали костлявую руку игумена и не выпускали ее въ то время, какъ блестѣвшіе слезою старые глаза вопросительно остановились на кроткомъ взглядѣ монаха.

— Порадовалъ ты меня, отче, спасибо! прошепталъ онъ. — Аль ни слеза, смотри, прошибла... Привыкъ вѣдь къ тебѣ... Куда вздумалъ? Не пойдешь ты отселева, вотъ что; почто домъ Коренской матери Божіей покидаешь? на кого?.. Садись!..

Бояринъ, досадуя на свою минутную слабость, властно указалъ игумену рукою на лавку. Тотъ повиновался и сѣлъ, перебирая чотки.

— Давай, игуменъ, монастырекъ твой поправлять? твердо началъ бояринъ.—Ктиторомъ быть твоимъ хочу; обнесу монастырекъ каменными стѣнами, кельи поставлю; игуменствовать по-старому будешь; чернецы наползутъ къ намъ отовсюду, за чернецами не станетъ дѣло... Что задумался? что молчишь, отче?

— Спаси тебя Христосъ, Іона Агѣичъ! сказалъ, надумавшись игуменъ. — Пекущійся о храмѣ Божіемъ самъ о себѣ печется. Своею боярскою щедротою и своимъ христіанскимъ хотѣніемъ мыслишь возстановить монастырекъ на Корени, — и мнѣ поэтому отбыть въ Соловки, на Поморье, не довлѣетъ... игуменствовать останусь...

— По уму и рѣчь! одобрительно замѣтилъ бояринъ. — Хвалю, отче. Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы своя, а наемникъ бѣжитъ... Съ Егорья, слышь, работать почнемъ... А помру, положи ты меня, игуменъ, въ склепу, подъ церковью своею.

— Продли Господи твой вѣкъ, бояринъ. Печальникъ ты за Русь православную...

— Немного насъ такихъ-то бояръ, что прямятъ русскому дѣлу и своей матушкѣ, государынѣ Руси, дурна не хотятъ, сумрачно сказалъ Ферапонтовъ.—Повоевана Русь. Литва и шведъ и своя крамола воровская хозяйствуютъ аки волки. Царь обиженный словно въ осадѣ сидитъ на Москвѣ, не государствуетъ... Вотъ-вотъ услышимъ, что царя у насъ нѣтъ, и настанетъ „лихолѣтье"...

— Не погибнуть бы намъ отъ враговъ православнаго христіанства? печально замѣтилъ игуменъ.

Вошелъ Косолапъ—усталый, сумрачный. Саблю свою и шапку онъ бросилъ на лавку, поклонился боярину, подошелъ подъ благословеніе игумена и сѣлъ въ углу. Это былъ уже не прежній лихой молодецъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся. Огневой задоръ черныхъ

глазъ смѣнился строгою, печальною сосредоточенностью. Онъ теперь глядѣлъ съ видомъ человѣка усталаго душевно, готоваго каждую минуту дать отчетъ себѣ и людямъ во всякомъ своемъ словѣ и во всякомъ своемъ поступкѣ. Жесткое выраженіе его энергическаго смуглаго рябого лица, съ черной бородой, теперь какъ бы смягчилось, успокоилось, просвѣтлѣло.

Вслѣдъ за Косолапомъ Ферязь съ Ерой внесли, кряхтя, тяжелый объемистый мѣдный котелъ и поставили его передъ бояриномъ, глядѣвшимъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ. Котелъ, облеплѣнный сырой землею, которая много лѣтъ скрывала его отъ людской жадности, забитъ былъ желѣзной заслонкой. Севрюки принесли еще двѣ желѣзныя мѣрки, тоже тяжелыя и въ землѣ.

— Кладъ, что кладенъ въ Олисановской пустоши, у дуба голенастаго, надъ отвершкомъ, отколь рѣчка Потудень берется, пояснилъ боярину Косолапъ, раскрывая концомъ сабли желѣзныя заслонки.

До краевъ въ котлѣ и мѣркахъ были насыпаны старыя серебряныя монеты. Верхнія даже позеленѣли отъ сырости. Невольно ахнули отъ удивленія, при видѣ такого богатства, бояринъ и присутствующіе. Холопы рты разинули и какъ бы побаивались сокровищъ, собранныхъ нечестіемъ и хранимыхъ тоже нечистой силой. Ера качнулъ головой съ усмѣшкой, какъ бы не вполнѣ довѣряющей тому, что онъ видѣлъ.

— И деньжищевъ, братцы! замѣтилъ онъ своимъ. — Должно, на выпивку хватитъ?.. И деньжищевъ же!..

— Благодарить Бога, теперь есть на что курскую рать вооружить и подъ Москву идти есть съ чѣмъ! весело замѣтилъ бояринъ. Что жъ: подъ замокъ замкни казну, Ферязь; въ кладовую, что на моихъ сѣняхъ боярскихъ. Бояринъ подалъ дворецкому ключъ.

Когда за Косолапомъ люди вынесли въ сѣни кладъ, игуменъ набожно перекрестился и сказалъ:

— Видимая помощь Божія правому дѣлу!..

Вернувшись, Косолапъ заговорилъ, что надо дѣломъ торопиться и на-дняхъ же идти въ походъ, у него-де все готово: и ратники, и кони.

— Неправдой, разбоемъ собралъ я тотъ кладъ, закончилъ онъ;— на мнѣ его грѣхъ, растрачу его за правду противъ разбойниковъ, губящихъ Русь, поведу наемную рать... Ждать нечего...

— Жди не жди—не переждешь, замѣтилъ бояринъ.—Не сидѣть намъ, курянамъ, коли вся земля русская за себя стала. Въ горшкѣ горячая каша — и мы съ ложкой. Схожу, видно, еще разокъ къ бѣлокаменной, земскому дѣлу послужу. Была не была! вывезетъ кривая—ладно, не вывезетъ — такъ тому быть. Жалѣть нечего, да и некому. Жилъ одинъ, померъ одинъ! да за правду лишь бы.

— А ты, игуменъ, выслушай мои слова, продолжалъ Косолапъ —

Отходя на рать, хочу совѣсть свою многогрѣшную успокоить. Похоронен въ Коренскомъ монастырѣ братъ мой меньшой. Крестъ поставилъ бы ты на его могилѣ, либо камень положилъ... да на вѣчное поминаніе раба божія Глѣба въ синодикъ записалъ бы... и меня, грѣшнаго, буде не вернусь...

— Исполню по слову твоему, Василій, кротко сказалъ игуменъ.

— Еще полюбовница была у меня, хуторянка Маруся, на зимовникѣ своемъ живетъ... сынишка у ней—мой грѣхъ... Не оставь ихъ въ нуждѣ ихней, отче.

— Стало, Глѣбъ Верещагинъ, что убитъ, что въ Курскѣ стоялымъ головой служилъ, тебѣ братъ, Василій? спросилъ бояринъ.—Стало, и ты Анфисы Тимофѣевны сынъ?

— Ея сынъ, бояринъ. Старше я убитаго брата Глѣба на восемь годовъ... Нешто знавалъ ты мою мать, Іона Агѣичъ?

Вмѣсто отвѣта старикъ упорно, съ трепетнымъ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ болѣе нѣжнымъ чувствомъ, всматривался въ Косолапа, словно бы увидѣлъ его въ первый разъ, или словно бы только сейчасъ узналъ онъ: кто такой Косолапъ?..

— Мать меня благословила образкомъ святителя Василія Кессарійскаго, продолжалъ Косолапъ.—Ежели сложу на рати голову свою, игуменъ, передай тотъ образокъ моему сынишкѣ... Такъ матушка покойница наказывала: чтобъ образокъ моему сыну послѣ меня... Берегъ я его. Въ латыню совратясь, и тогда хранилъ при себѣ тотъ образокъ... Вотъ... Возьми, отче.

Дрожала старая рука боярина, когда онъ взялъ у игумена образокъ въ серебряной ризѣ, съ кольцомъ и стальной цѣпочкой, чтобы на шею надѣвать. Своимъ старымъ глазамъ не вѣрилъ онъ, всматриваясь въ образокъ. Волненіе его усиливалось. Положивъ образокъ передъ игуменомъ, онъ прислонился спиной къ стѣнѣ, нуждаясь въ ея поддержкѣ. Игуменъ съ Косолапомъ дивились слезамъ, текшимъ по щекамъ старика, его волненію, мѣшавшему ему говорить.

— Мой образокъ! прошепталъ старый бояринъ, смущенный, можетъ быть, еще въ первый разъ въ своей жизни.

— Твой? переспросилъ его Косолапъ, ничего не понимая.

— Тебя, Василій, благословилъ я имъ...

— Ты, Іона Агѣичъ?! Косолапъ пуще запутался въ словахъ боярина и ждалъ, чтобы онъ ихъ пояснилъ.

— Ты мой сынъ, Василій... Кровный сынъ... чуть слышно проговорилъ Ферапонтовъ.

Пролетѣла минута гробоваго молчанья. Слышенъ былъ только тихій старческій всхлипъ.

— Такъ кровный ты мнѣ отецъ, Іона Агѣичъ? раздумчиво не то спросилъ его, не то самъ себѣ отвѣтилъ Косолапъ, въ то время какъ его горѣвшіе черные глаза, остановившіеся на плачущемъ бояринѣ, выражали его сильное душевное движеніе.

Онъ упалъ боярину въ ноги, воскликнувъ:

— Батюшка!

Прижавъ его къ груди, бояринъ крѣпко его обнялъ, безсильный сдержать свое рыданье.

— Господня власть, шепталъ онъ. — Отымаетъ видимо, подаетъ невидимо... Законная дочь ушла въ черницы, незаконный сынъ нашелъ отца... Не одинъ я теперь, какъ перстъ, буду... Подашь отцу, въ послѣдній часъ, воды глотнуть; закроешь ему глаза... Это тогда еще, на Москвѣ, случилось: прижилъ я тебя, Василій, грѣшнымъ дѣломъ, съ матушкой твоей, нынѣ покойницей, Анфисой Тимофѣевной... Мужъ то ея, стрѣлецій голова, лѣтъ пять въ Инфлянтахъ въ походахъ проходилъ... Каюсь. Будь ты мнѣ, Василій, въ сына законнаго мѣсто... Тебѣ-жъ, послѣ меня, курской вотчиной моей боярской володѣть, Василій, кровный сынокъ...

— Батюшка! повторилъ только Косолапъ, вздохами облегчая свою взволнованную глубоко душу, не успѣвъ еще свыкнуться съ этою поразившею его неожиданно новостью, измѣнявшею его положеніе и всѣ отношенія къ жизни.—Свела насъ съ тобой, отца съ сыномъ, Господня воля... Пускай незаконный я тебѣ сынъ, да любить буду не хуже законнаго... Увидишь... Привязался я къ тебѣ, назвалъ тебя своимъ отцомъ, не знаючи еще, кто ты мнѣ, по крови, доводишься... Кровь, должно, заговорила... Радъ отцу найденному; но того больше радъ, что нашелъ долгъ свой сыновній...

— И ты бы, игуменъ, завтра мое духовное завѣщанье переписалъ, обратился къ монаху бояринъ. Для того, не было у меня сына—одно распоряженіе; а сынъ нашелся—иначе распишу имѣніе мое боярское: Василій сынъ по мнѣ наслѣдникъ...

— Пойду къ Москвѣ съ дружиною, биться съ русскими недругами, батюшка; какъ велишь мнѣ и какъ совѣсть моя мнѣ велитъ, заговорилъ оправясь Косолапъ;—но тебя, батюшка родной, не возьму на рать... Слышь: не возьму! Успокой свои старыя кости, строй здѣсь Коренскую обитель; а я, коли живъ останусь, провожу изъ бѣлокаменной чудотворную икону... Поставимъ, поможетъ намъ Богъ, царя, замирится Русь—заживемъ мы съ тобою, родитель, на вольной Украйнѣ курской. Забудемъ горе и черные дни!.. Нѣтъ, батюшка Іона Агѣичъ! не въ восемдесятъ лѣтъ тебѣ воевать, ты, должно, отвоевался! будетъ!.. оставайся!..

Старый бояринъ нерѣшительно глянулъ на игумена, мнѣніемъ котораго дорожилъ.

— Строить безъ тебя не кому обители, бояринъ, замѣтилъ осторожный игуменъ, не желавшій высказаться болѣе опредѣленно по столь важному вопросу.

— Стало, оставаться мнѣ, монахъ? стало, за монастырь браться? повеселѣвъ, заговорилъ Ферапонтовъ, понимавшій, что Косолапъ говоритъ правду.—Оставаться, сынокъ, такъ оставаться. Ступай вмѣсто

меня правду на Руси утверждать. Вернись домой, къ отцу, заслуженнымъ человѣкомъ, дворяниномъ; проводи матушки Курской честную икону; а мы ей здѣсь домъ ея коренскій приготовимъ... А тебѣ, Василій, невѣсту подыщемъ...

Косолапъ всталъ и ничего не отвѣтилъ на послѣднія слова боярина. Но по его омрачившемуся вдругъ лицу и по печально опущенной головѣ было понятно, что его мысли и чувства далеки отъ женитьбы.

— Батюшка государь, Іона Агѣичъ, сказалъ онъ твердо,—не промѣняю тебя на жену. Хочу не радости житейской, а добраго отвѣта на страшномъ судѣ Божіемъ!..

Кладъ Косолапа далъ сильный толчекъ ратнымъ сборамъ курскихъ севрюковъ. Разбойничье серебро помогло вооружиться пятитысячному конному отряду. Старая рука боярина ослабѣла, чтобы держать саблю; но старая его голова еще работала, и Косолапъ нуждался въ его совѣтѣ.

Посѣщеніе женскаго монастыря грознымъ Лисовскимъ, такъ напугавшее старую игуменью Сандулею, не прошло для нея даромъ. Съ того дня она пуще заслабѣла и все готовилась къ смерти. „Пособоровавшись“, она причащалась теперь каждое воскресенье; она уже не ругала молодыхъ черницъ, не грозила кулакомъ „матерямъ“, не объѣдалась по-прежнему. Всегда въ чистой „срачицѣ“, съ руками на груди крестомъ, неподвижная, она имѣла видъ покойницы. Если она заговаривала, то только „о своемъ часѣ, когда Господь по ея грѣшную душеньку пошлетъ“. Ея келейница, сестра Нимфодора, не покидала ее. Однажды, ночью, игуменья тихо позвала Нимфодору. Чуткая сестра подошла къ ней.

— Страхованье мнѣ Нимфушка, пожаловалась ей старица. — Стань на молитву; зажги страстную свѣчу у иконъ, клади трижды сто земные поклона; за каждымъ читай: „да воскреснетъ Богъ!“ Бѣсъ ко мнѣ приступаетъ и ты бы его, сестрица, не убоялась, когда на поклоны, на молитву станешь; не зри, не внимай: то тебѣ будетъ дьявольское навожденіе“.

Нимфодора стала на поклоны, на молитву, зажегши страстную свѣчу. Когда къ свѣту она подошла къ хворой старицѣ, сказать ей, что исполнила по ея приказу, игуменья Сандулея по-прежнему лежала недвижима. Нижняя челюсть отвисла, глаза остановились, лицо въ мелкихъ морщинкахъ потемнѣло, носъ почернѣлъ. Она уже охладѣла.

— Мать скончалась! вскрикнула Нимфодора, опускаясь на колѣни и цѣлуя мертвую руку.

Ударилъ печально колоколъ. Черныя фигуры рясофорныхъ монахинь одна за другой наполнили келью. За ихъ рядомъ толпились

сестры и послушницы. Послѣ суетливаго „убиранія" опочившей, исполненъ былъ въ строгой молчаливой торжественности обрядъ „послѣдняго цѣлованія. Рясофорныя „матери", а за ними сестры и послушницы въ поясъ поклонились сестрѣ Нимфодорѣ.

— Тебя, честна сестра Нимфодора, просимъ въ игуменьи мѣсто! обратилась къ ней толстая мать—казначея Ироидища. — Всей обителью нашей просимъ!

Мать казначея снова поклонилась, а матери и сестры въ подтвержденіе ея просьбы единогласно сказали: „Просимъ!" Черныя шапочки, подъ черными покрывалами, одновременно, въ поясъ, поклонились Нимфодорѣ.

Молодая сестра растерялась. Предлагалась ей такая высокая духовная честь. Достойна ли она ея? Справиться ли ей мало опытной съ бременемъ начальствованія? Правда, покойная мать Сандулея давно и настойчиво утверждала, что быть по ней игуменьей сестрѣ Нимфодорѣ; и черницы привыкли смотрѣть на нее, какъ на свою будущую настоятельницу; но въ эту минуту она испугалась отвѣтственности, каторую ей предлагали, боялась взять ее на себя. Она заплакала, не зная, что имъ отвѣчать.

— Благодарна вамъ, честныя матери и сестрицы, кротко сказала она, справясь съ своимъ смущеніемъ. — Предлагаете мнѣ честь не заслуженную. Достойнѣе меня, старше, разумнѣе сыщется изъ нашихъ обительскихъ матерей... Хотя бы вотъ мать казначея Ироида? Я же, сами знаете, не рясофорная еще...

— Завтра, во время службы церковной, примешь большой постригъ, сестра, настойчиво возразила ей мать казначея.—Послано за игуменомъ Манассіей. Опричь тебя некому изъ насъ игуменствовать, сестра... Всѣмъ соборомъ тебя во игуменью просимъ!

— Просимъ! повторили громко матери и сестры.—Не откажись!

Опять черныя шапочки, подъ черными покрывалами, одновременно торжественно въ поясъ поклонились Нимфодорѣ.

— Воля Божія! съ глубокимъ смиреніемъ прошептала она, опустивъ свои большіе голубые глаза въ полъ и вся трепеща. Ничего не видя за слезами, она упала на колѣни и въ ноги поклонилась матерямъ.

Мать казначея подняла ее.

Старицы, а за ними сестры, по обычаю, одна за другою подходили „къ рукѣ" новой игуменьи, цѣловавшей каждую трикраты въ щеки.

Въ воскресенье толпы народа наполняли не только церковь, но и дворъ курскаго женскаго монастыря. Пятьдесятъ сотенъ конной рати, вооруженной Косолапомъ, выстроились противъ монастырскихъ воротъ, на пустырѣ. Въ церкви шла служба соборне. Служилъ игуменъ Манассія. Косолапъ, въ посконной длинной рубахѣ, подпоясанной веревкой, босой, безъ шапки, стоялъ на колѣнахъ на паперти съ смиреніемъ всенароднаго кающагося грѣшника. Всякому проходив-

шему въ церковь онъ билъ земной поклонъ, съ словами: „простите, православные, меня, окаяннаго Василья!“ И каждый проходившій молельщикъ, крестясь, торопился сказать:

— „Господь тебя проститъ, Василій!“

Послѣ литургіи оглашенныхъ, рясофорныя старицы ввели Косолапа въ церковь и поставили его, на колѣняхъ же, противъ царскихъ вратъ. Шло торжественное постриженіе сестры Нимфодоры въ иноческій чинъ, а потомъ поставленіе ея во игуменью. Старый бояринъ, въ сердечномъ умиленіи, плакалъ все время печальнаго и высокаго обряда; плакали матери и сестры и предстоявшіе...

Послѣ обѣдни, игуменъ Манассія далъ всенародно Косолапу отпущеніе „грѣховъ содѣянныхъ“. Царскія врата были отворены. Косолапъ на крестѣ и евангеліи поклялся не щадить живота своего въ подымаемой имъ борьбѣ за православную Русь, и служить русскому царю, кого землѣ русской Господь укажетъ. Въ заключеніе онъ поцѣловалъ клинокъ своей сабли.

Затѣмъ атаманы и сотники „охочекомоннаго полка“ Косолапа одѣли его на паперти въ лазоревый суконный казакинъ, трухменку съ алой выпушкой, длинные сапоги; препоясали его саблей и посадили въ богатое сѣдло, на коня, красу боярскихъ косяковъ. Ерa, въ званіи стремяннаго, везъ за нимъ войсковой бунчукъ: черный пушистый конскій хвостъ, волновавшійся на пикѣ.

— Хоть куда молодцы! громко похвалилъ свою сотню старый бояринъ, не безъ сожалѣнія провожая севрюковъ, пестрѣвшихъ московскими казакинами, въ смушковыхъ шапкахъ, и досадуя, что уже не въ силахъ самъ вести ихъ на великое земское дѣло.—Женишки! свои бабы не признаютъ!..

Игуменъ Манассія отслужилъ курскому ополченію молебствіе, окропилъ его святой водой, напутствовалъ горячимъ увѣщаніемъ, снабдилъ „христолюбивыхъ воевъ“ иконой. Заголосили и взвыли бабы, пестрой толпой окружавшія уходившихъ на рать мужей, отцовъ, сыновей и братьевъ.

— Съ Богомъ, братцы! крикнулъ Косолапъ.

— Съ Богомъ! подхватили сотни.

— Съ Богомъ! повторили конные ратники.

— Съ Богомъ! напутствовалъ ихъ народъ.

— Прощай, сынъ мой названный и кровный, Василій! Храни тебя и рать курская заступница, матерь Божія Коренская! въ послѣдній разъ сказалъ бояринъ Косолапу, поскакавшему впередъ, и благословилъ его вслѣдъ дрожащею рукою.

Курское населеніе уныло, въ тяжеломъ молчаніи, глядѣло на уходившія въ даль, на кровавую встрѣчу съ недругами, свои силы. Уходили сотни, поднявшія тучи пыли, въ которой густымъ волнующимся лѣсомъ краснѣлись древки пикъ и блестѣли ихъ острія; а бабья голосьба пуще разливалась сердечными, нелживыми слезами...

Пики скрылись за горой, пыль улеглась...

— Ну, игуменъ, сказалъ ему бояринъ, — теперь за монастырекъ твой Коренскій возьмемся. Обрядимъ его...

XVII.

„Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
Зазнобилъ меня любезный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснаго солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу,
Не зельями, не кореньями,
Безъ морозу сердце вызноблю,
Безъ краснаго солнца высушу!

(Русская пѣсня, изъ собр. Сахарова).

Вернемся назадъ въ Москву бѣлокаменную.

Настало время, когда княжна Марія Ростовская должна покинуть свой тихій дѣвичій теремъ. Морозный январскій день стоялъ веселый. Людная дворня еще наканунѣ прорѣзала лопатами отъ воротъ къ крыльцу широкую дорогу въ высокихъ снѣжныхъ сугробахъ, завалившихъ дворъ. Дорога походила на глубокій ровъ съ отвѣсными снѣжными стѣнками, то синѣвшими въ тѣни, то какъ сахаръ сверкавшими на солнцѣ. Дворецкій Шульга суетливо бѣгалъ по дорожкѣ, пробитой ногами челядинцевъ по высокимъ сугробамъ. Всё приказывалъ, бранился, сердился. Высокое крыльцо съ точенымъ балясникомъ чисто выметено и покрыто яркими дорогими коврами; по сходнямъ спускается полоса алаго сукна. Оголенныя старыя липы сада тяжело обвѣшаны бѣлымъ инеемъ; на нихъ чернѣютъ надувшіяся галки. Широкій дворъ ростовскій полонъ возковъ, саней, изъ которыхъ бросаются въ глаза богатыя сани жениха-царя съ высокимъ задкомъ и красиво изогнутымъ передкомъ,—„козыремъ“; сидѣнье и спинка обиты малиновымъ алтабасомъ; малиновый алтабасный же „занаметъ“ на темно-буромъ медвѣжьемъ мѣху, съ пушистыми шелковыми кистями; сани бѣлыя, лакированныя, пестро изукрашенныя по „ребрамъ“, задку и козырю яркою позолотою и голубыми „жилками“, то-есть отводками лазоревой краски; жениховъ возница, видный, рослый, безусый парень, одѣтъ въ малиновый бархатный длинный кафтанъ, съ бобровымъ воротомъ и бобровой оторочкой, совсѣмъ

прикрывавшемъ бѣлыя какъ мѣлъ валенки, подпоясанъ широкимъ парчевымъ кушакомъ, въ высокой бобровой шапкѣ и зеленыхъ замшевыхъ рукавицахъ; четыре бѣлыя рослыя лошади впряжены „цугомъ", одна за одной, въ лакированныхъ хомутахъ, обсыпанныхъ золоченнымъ наборомъ; цвѣтные мохры висятъ до самаго снѣга; на каждой лошади по „сороку" соболей; каждую лошадь держитъ подъ устцы безусый, наподборъ молодецъ къ молодцу, конюхъ, всѣ въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, подбитыхъ лисицей, въ лисьихъ шапкахъ, въ парчевыхъ поясахъ. Дуга высокая, расписная. И бояре,—„поѣзжане", не ударили лицомъ въ грязь: одинъ передъ другимъ щеголями выѣхали, челядь свою разодѣли. Дворецкій, по обычаю свадебному, угостилъ „поѣздъ" на славу. Поѣзжане на-веселѣ ѣли крупитчатые калачи съ начинкой и добросовѣстно заводили ругань, пересыпанную насмѣшливымъ остроуміемъ и грубымъ хохотомъ; у каждаго на рукавѣ и на шапкѣ былъ повязанъ платокъ, котораго цѣнность обусловливалась значеніемъ его боярина въ поѣздѣ; были платки шелковые, бумазейные, а больше миткалевые,—дареніе невѣсты-княжны. Дворецкій Шульга безотходно распоряжался у бочекъ съ пивомъ и зеленымъ виномъ. Лотки съ горячими пирогами и кусками мяса быстро расходились въ тѣснившейся къ нему толпѣ. Едва успѣвали одѣлять стрѣльцевъ стремяннаго полка, поѣзжанъ и нищихъ; красные стрѣлецкіе кафтаны съ бѣлыми басонами по груди ярко выдѣлялись среди лохмотья и плохой одежонки нищей братьи.

Между тѣмъ, княжна въ терему горько рыдала, припавъ на грудь матери. Вволю наплакавшись въ нѣжныхъ объятіяхъ тоже плакавшей матери, княжна вспомнила, наконецъ, что „пора".

Молодыя подруги стали ее одѣвать и обувать, „къ вѣнцу наряжать". Красныя дѣвушки дружно въ ладъ пѣли свадебную пѣсню:

„Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно-солнышко, родима матушка
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Къ чужому отцу, къ чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся..."

Мать-княгиня залюбовалась красавицей дочерью съ понятною материнскою гордостью.

— Вся-то ты въ меня, Машенька, шептала она, вспоминая свою собственную молодую фигуру въ подвѣнечномъ платьѣ и тотъ радо-

стный день, когда сама вѣнчалась. Нѣтъ! Она веселѣе шла подъ вѣнецъ, нежели дочь. У дочери кручина на сердцѣ. Чего жъ ей еще надо? вѣдь въ царицы идетъ? Пусть ее поплачетъ: съ семьей родной жаль разстаться. Дѣвушки тою же одной дорожкою всѣ идутъ. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Было такъ и будетъ, должно, до скончанія вѣка. А тяжко ей, бѣдняжечкѣ,—убивается.

— Горлинка ты моя!.. Что это вы, дѣвушки красныя, пѣсенку спѣли такову, аль ни душенька надрывается? обратилась княгиня къ пѣсельницамъ.—Вы бы, красныя, веселенькую! порадуйте невѣсту! Ну-те, повеселѣе съиграйте, дѣвочки милыя!

Красныя дѣвушки переглянулись, пошептались, и громко запѣли веселую пѣсенку:

„На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Въ свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
— Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Петровна, пойдемъ домой!—
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
— Машенька, пойдемъ домой!
Петровна, пойдемъ домой!—
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька;
Приходитъ къ ней Василій,
Василій, сударь, Ивановичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
— Машенька, пойдемъ домой!
Душа Петровна, пойдемъ домой!—
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть!“

— Вотъ такъ пѣсенка! спасибо вамъ, дѣвушки! благодарю, красныя! Повеселили мнѣ невѣсту! говорила княгиня, одаривая пѣсельницъ яркими платками и атласными лентами.—Уберитесь, голубушки, на нашей на радости: надѣвайте платочки, вплетайте въ косынки

дѣвичьи ленты цвѣтныя! Всѣмъ бы намъ утѣшаться да здравія и счастія невѣстѣ пожелать, съ честью ее къ вѣнцу проводить. Играйте, играйте пѣсни подвѣнечныя! По родительскому обычаю проводимъ невѣсту. И вамъ бы, красныя, женишковъ въ сапожкахъ, молодыхъ да кудрявыхъ!..

— Спасибо, матушка княгиня! Довольны твоей лаской, веселымъ дареньемъ! Поиграемъ невѣстѣ честной пѣсенки, потѣшимъ душеньку дѣвичью!

Пѣсельницы стали величать жениха:

А кто у насъ господинъ,
А кто у насъ дворянинъ?
Василій, сударь, господинъ,
Ивановичъ, сударь, дворянинъ!..

Царева невѣстка, княгиня Екатерина Григорьевна, постельничная боярыня будущей царицы, по окончаніи „величальной пѣсни" раздала, отъ женихова имени, пѣсельницамъ по новенькому золотому ефимку каждой, да по шелковой тѣлогрѣѣ на зайцахъ. Она имъ сказала:

— Проводили-бъ вы, красныя удалыя пѣсельницы, царскую невѣсту; ѣхали-бъ вы въ поѣздѣ. Женихъ, государь, на величаньи вамъ благодаренъ; жалуетъ васъ, чести своей высокой ради.

— Благодарны остаемся на царской милости, на жениховомъ дареньи! съ поклономъ отвѣтили пѣсельницы. — А въ честномъ невѣстиномъ поѣздѣ въ тѣлогрѣяхъ будемъ!

И „заиграли" другую величальную.

„Сѣнныя", молодыя боярыни, назначенныя къ будущей царицѣ „на сѣни", держали на рукахъ коробъ съ уложеннымъ въ немъ богатымъ подвѣнечнымъ платьемъ и другой—съ собольей шубкой, крытой камкой кизильбашской, по золотой землѣ травы: шелкъ червчатъ, бѣлъ, лазоревъ; тутъ же были чоботы: бархатъ алъ гладкій; подъ чоботами скобы серебряны; подкладка тафта желтая. Въ третьемъ коробѣ—лѣтникъ, въ обьяри по бѣлой землѣ, по ней травки золотныя; бобровый воротъ „на пухъ"; „вошвы" нашиты—нѣмецкое дѣло, дѣланы по атласу червчату золотомъ волочнымъ съ канителью цвѣтною; въ травахъ низано скатнымъ жемчугомъ. Это были сегодняшніе подарки жениха. Прежніе: безцѣнное ожерелье, серьги, запястья и перстни—сверкали на столѣ своими самоцвѣтными камнями.

Одѣли невѣсту, осмотрѣли со всѣхъ сторонъ. Мать и княгиня Екатерина Шуйская, набѣленная и нарумяненная, съ подведенными бровями, по внимательномъ осмотрѣ пышнаго наряда, остались имъ довольны. Подружки невѣсты ахали отъ восхищенія, утверждая, что съ-роду не видѣли ни такой красавицы невѣсты, ни такихъ жениховыхъ даровъ,—подлинно-де царская невѣста! Накрашенная княгиня Шуйская самодовольно посмѣивалась, съ всегдашнею своею надменностью озирая красавицу, которая, входя къ нимъ, въ ихъ знатный

родъ въ родню, вотъ-вотъ станетъ ея государыней. Завистливый характеръ дочери Малюты Скуратова заранѣе усматривалъ въ ней женщину, владѣющую всѣми женскими чарами, чтобъ подчинить себѣ стараго мужа, и умомъ, способнымъ отдалить отъ него ихъ, царскихъ невѣстокъ. Она ревновала уже „новую" невѣстку къ ея будущему значенію и принимала его, въ душѣ, какъ оскорбленіе своему достоинству. Впрочемъ, княгиня Шуйская старалась быть ласковою съ невѣстой и даже поцѣловала ее по-родственному, назвавъ „красавицей писанной".

Когда, совсѣмъ готовая подъ вѣнецъ, княжна помолилась Богу на образъ, мать-княгиня еще разъ оглянула ее съ безпокойствомъ матери, выдающей замужъ единственную дочь, да еще за государя. Ничто, ни малѣйшая складка на рукавѣ, ни морщинка на тальѣ, не ускользнули отъ ея вниманія.

Княжна поцѣловалась со всѣми подружками, пѣсельницами и боярынями и, скрѣпивъ сердце, вышла изъ своего дѣвичьяго терема навсегда. „Сѣнная" боярыня бережно несла въ рукахъ длинный хвостъ ея тяжелаго сарафана; сзади шли мать, боярыни и всѣ „поѣзжанки".

Въ большой столовой свѣтлицѣ невѣсту ждалъ протопопъ Успенскаго собора со крестомъ и протодіаконъ, въ полномъ облаченіи. Царственный женихъ терпѣливо короталъ время, бесѣдуя въ другой горницѣ съ своимъ посаженымъ отцомъ, княземъ Мстиславскимъ, и братомъ, княземъ Дмитріемъ. На столѣ красовались пять иконъ въ дорогихъ окладахъ; на полу персидскій коверъ, а на коврѣ, рядомъ, двѣ алыя бархатныя подушки. Вся эта торжественность, блескъ парчевыхъ ризъ, богатство женихова кафтана и строгое молчаніе, которымъ встрѣтили невѣсту посаженые отцы и посаженыя матери, не могли не смутить и безъ того смущенную княжну. Она почувствовала себя во власти новаго, еще ею неиспытаннаго чувства страха. Особенно смущалъ ее пытливый взглядъ стараго жениха. И все глядѣло на нее въ эту минуту такъ строго, все внушало ей ожиданіе и близость чего-то невѣдомаго, таинственнаго... Вотъ старый женихъ, кротко ей улыбаясь, беретъ ее за руку и оба становятся на коверъ; напротивъ ихъ рядомъ стоятъ: мать ея родная, отцы посаженые и матери посаженыя; у всѣхъ въ рукахъ по иконѣ.

Прекрасная стоитъ она въ бѣломъ штофномъ сарафанѣ, блестящемъ золотымъ кованымъ позументомъ, жемчугомъ и ласами, подъ серебристымъ, прозрачнымъ покрываломъ. Дѣвичье смущеніе только возвышаетъ ея красу. Опустясь вмѣстѣ съ женихомъ на бархатную подушку, она покорно склонила свою черноволосую головку подъ старый образъ Спаса Нерукотвореннаго. Ее не покидало сознаніе своей красоты, которою любуются здѣсь всѣ, а всѣхъ больше старый женихъ. Она цѣлуетъ образъ, материнскую руку, ее благословившую; но не можетъ молиться: не до того ей. Со двора доно-

сятся веселые звуки колокольчиковъ, хохотъ челяди, ржаніе и фырканье лошадей. То свадебный поѣздъ ее ждетъ... Сейчасъ въ церковь! Сейчасъ все для нея кончится!..

„Молодые" вышли изъ Успенскаго собора при громогласномъ пѣніи многолѣтія царственной четѣ. Пѣлъ хоръ чудовскихъ монаховъ. Съ пpеднесеніемъ креста и горящихъ свѣчъ, „молодые" слѣдовали по царскому чину, по суконнымъ алымъ половикамъ, длинной лентой стлавшимся по снѣжной площади отъ паперти до краснаго крыльца кремлевскихъ каменныхъ палатъ. Прикрытая легкой фатой, поддерживаемая супругомъ, молодая красавица-царица медленно проходила между рядами тѣснившихся бояръ и служилыхъ людей, низко кланявшихся и поздравлявшихъ „государя со молодой государыней"; на паперти милостыньку нищимъ во здравіе „молодого" раздавалъ князь Мстиславскій, а во здравіе „молодой"—„верховая" боярыня, княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская.

Живыя стѣны стрѣльцовъ, въ красныхъ кафтанахъ, съ мушкетами на плечѣ, оберегали длинную полосу алаго сукна отъ толпившагося за ними народа. „Молодая" желала скорѣе дойти до богатыхъ царскихъ саней, обитыхъ внутри алтабасомъ и запряженныхъ цугомъ, въ четыре бѣлыя лошади. Эти сани очень ей понравились со всею упряжью, съ красивыми возницей и конюхами. Вмѣсто конюховъ, лошадей держали теперь подъ-узцы бояре. Вдругъ, поднявъ голову, она встрѣтилась съ упорнымъ мужскимъ взглядомъ, показавшимся ей знакомымъ. Знакомая остриженная бѣлокурая голова и красивое знакомое лицо молодаго казака заставили ее вздрогнуть. Она узнала пана Дворжицкаго. Столько отчаянія прочла она на этомъ красивомъ, миломъ ей лицѣ! Она почувствовала, что изнемогаетъ, что ноги ея подкашиваются, въ глазахъ темнѣетъ... Супругъ во-время ее поддержалъ. Почти безчувственную бояре посадили ее въ сани.

Во дворцѣ поднялись, конечно, „соблазнительныя" рѣчи: „де молодую царицу испортили". Остановились на убѣжденіи, что „сдѣлано колдовство на царицынъ слѣдъ". Нашлись извѣтчики, видѣвшіе какъ женка Улька-Козлиха, ворожея, на слѣдъ „молодой" посыпала пепелъ. „Пепелъ-де тотъ отъ сожженнаго ворота женской рубашки, наговоренъ на лихое дѣло. А та-де кривая ворожея Улька мужей приворачиваетъ и наговорныя слова говоритъ".

Князь Дмитрій Ивановичъ, государевъ „братенекъ", по извѣту тому приказалъ взять ту ворожею Ульку въ застѣнокъ и пыталъ ее на-крѣпко. „И ворожея Улька съ пытки, съ огненнаго жженья, учела виниться и плакать, и во всемъ созналась: до свѣта-де, кочеты пропѣли, сыпала пепелъ съ наговоромъ по слѣду царицыному, какъ ей идти отъ саней на паперть Пречистыя Успенія; потайно сыпала, а наговоръ не на лихое дѣло, а по наукѣ княгини Анны Тимофѣевны, чтобъ государь Василій Ивановичъ ея дочь, государыню Марію Петровну, въ любви своей супружеской держалъ и въ своемъ госуда-

ревомъ жалованьи, а вòротъ-де отодрала княгиня Анна отъ дочерней рубашки, а она, Улька, вòротъ сожгла на ошосткѣ у печи съ наговоромъ; а наговоръ она, Улька, сказывала такой: какъ люди смотрятся въ зеркало, такъ бы мужъ, Василій Ивановичъ, смотрѣлъ на свою младу жену Марьюшку, да не насмотрѣлся; а соль съ мыломъ дала она, Улька, княгинѣ Аннѣ наговорные не на лихое-жъ дѣло, а наговорныя ея слова такія: сколь борзо мыло смоется, столь бы де скоро мужъ жену полюбилъ; какъ ту соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а рубашка-де какова на тѣлѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ. А наговаривала де она, Улька, по княгининому, Анны, моленію и за то отъ княгини дары получила. А въ порчѣ царицыной не виновата. И то на нее по сердцамъ людской обговоръ. Лихимъ словомъ не наговариваетъ. А она, Улька, жабу у кого прилучится во рту уговариваетъ: святый Ангелъ хранитель, умири и исцѣли; да горшки на брюхо наметываетъ и дѣтей больныхъ, наговоря на воду, смываетъ".

Про свой розыскъ князь Дмитрій, конечно, не сказывалъ „молодому", „ради особеннаго случаю", то-есть, чтобы не тревожить брата, забывшаго въ этотъ счастливый день своей жизни „докуку" правительственную. Тѣмъ не менѣе, князь Дмитрій, глазъ на глазъ, только въ присутствіи своей жены княгини Екатерины, распросилъ „сватьюшку" Ростовскую, княгиню Анну, и „привелъ ее въ раскаяніе".

— Съ ума ты это рехнулась, сватьюшка! учалъ ее „срамить" князь Дмитрій.—Какую дѣль затѣяла: на царицинъ слѣдъ колдовать? Впрямь ты ума своего рѣшилась!

— Охъ, рѣшилась я, глупая, ума своего, сваточекъ милый! Съ самой съ покойниковой, князь Петра смерти! Истину говоришь! согласилась съ княземъ Дмитріемъ Ростовская княгиня, плача. Она не на шутку испугалась при мысли: не повредила ли она „наговоромъ" дочери-царицѣ, вмѣсто того, чтобы ей помочь быть любимой мужемъ.—И, сватокъ милый, гдѣ-жъ-таки ты бабу вдовую да умной видѣлъ? Ну, только мать я своей дочери родная, не хотѣла ей дурна, хотѣла своимъ „молодымъ" совѣта да любви. Господь Создатель свидѣтель. Лиходѣица ли я своимъ дѣтамъ? Тотъ „наговоръ" Улькинъ не на лихое дѣло—самъ вѣдаешь... Съ глупаго бабьяго разума вздумала. Въ томъ виновата! И ты бы меня, князь, сватокъ милый, бабу глупую извинилъ по родству, и про Улькинъ наговоръ царю, зятю моему, и дочкѣ моей, царицѣ, не сказывалъ бы: пусть ихъ нынче другъ на дружку радуются, да насъ, свою кровную роденьку, жалуютъ!

Не стерпѣла, заговорила гордая княгиня Екатерина, относившаяся вообще къ сватьѣ съ нескрываемымъ и обиднымъ для нея высокомѣріемъ. Нарумяненное и набѣленное лицо ея, когда-то бывшее красивымъ, но никогда не бывшее пріятнымъ, исказилось недоброй усмѣшкой, тонкія ноздри раздулись. Она обрадовалась случаю на нее напасть.

— Быть бы тебѣ, Анна Тимофѣевна, ниже травы, тише воды, а ты вонъ что затѣяла! укоризненно замѣтила княгиня Екатерина. — Потому братецъ Василій изъ навозной кучи — извини — дочку твою подобралъ, царицей нарекъ; а вы съ дочкой всѣхъ вѣдьмъ московскихъ за то на царя напустили, отблагодарили! Ты бы, сватья, лучше дочку свою, красавицу, въ дѣвкахъ держала въ строгости и законѣ; не бѣгала бы по садамъ ночами съ польскимъ паномъ; не цѣловалась бы да не миловалась бы съ нимъ! Волю ты дѣвкѣ дала, потатчица!

Материнское достоинство заговорило въ простодушной Ростовской княгинѣ и она, глубоко обиженная за дочь словами княгини Шуйской, ей возразила:

— Не тронь моей дочери, княгиня Катерина Григорьевна! Не безчесть молодую царицу! Не клади покора на честь дѣвичью! Грѣшно вѣдь: у самой у тебя дочь дѣвка; но злобѣ своей то говоришь! Не бѣгала моя дочь въ дѣвкахъ по садамъ; съ какимъ такимъ польскимъ паномъ цѣловалась-миловалась? Богобоязной скромницей вышла дочка моя замужъ, честной дѣвицей, за твоего братца Василья Ивановича! и такой несносной для себя порухи не ждала я отъ тебя, сватья!.. Грѣхъ! Сама ты мать: отольются тебѣ, Катерина Григорьевна, материнскія слезы!.. Богъ съ тобой!..

— Нечего реветь по-коровьи, Анна Тимофѣевна! входя въ пущій задоръ, продолжала княгиня Шуйская. — Моей дочери ты съ своей не ровняй, даромъ что твоя въ царскія палаты попала! Планида ей вышла, ея счастье! По красотѣ, не по достоинству царица... Залетѣла ворона въ высокія хоромы!.. Теперь попалъ бычокъ на веревочку; старому мужу глядѣть теперь въ глаза молоденькой женкѣ! Ночная кукушка перекукуетъ дневную! Какъ же: мы, невѣстки государевы, держись теперь отъ него подальше. „Новая" роденька съ Разгуляя наѣхала: мы ей должно опасны. Надо, видишь, приколдовать царя къ супругѣ!.. Небойсь, Анна Тимофѣевна, красавица дочка твоя съумѣетъ безъ Улькинова наговора приворожить къ себѣ царя. Старики вѣдь похотливы. Изъ своего старика молодая царица хоть веревки вей! Не надышется вѣдь на нее сдуру!.. Не обидѣла я тебя, сватья: послушай-ка, что про твою дочку говорятъ? Соблазнъ одинъ!..

— Не тронь мою дочь, Катерина Григорьевна! гнѣвно и требовательно воскликнула Ростовская княгиня, напоминавшая собою раздраженье насѣдки, отбивающей слабымъ крыломъ коршуна отъ своего цыпленка. — Завидки, вижу, тебя берутъ: моя-де дочь красавица, а твоя сквернорожая!.. Сердце свое на мнѣ вымѣщаешь?.. грѣхъ!.. сама ты мать!..

— Будетъ! не твое дѣло: отстань! строго приказалъ женѣ князь Дмитрій, нахмурясь и указавъ ей рукою дверь.—Слышала?

Княгиня Шуйская вышла изъ горницы, не осмѣлясь ослушаться воли мужа, крутого въ своихъ домашнихъ распорядкахъ. Внѣ себя

отъ раздраженія, она продолжала поносить „молодую“, подобранную въ навозной кучѣ на Разгуляѣ...

Наконецъ-то! разъѣхались гости, отбытъ свадебный столъ, потушены огни...

„Молодой“ и въ то же время старый мужъ, Василій Ивановичъ, оставшись одинъ, уже раздѣтый въ своей горницѣ, склонился на бархатную подушку скамьи и перевелъ духъ, какъ сильно усталый. Да! душой усталъ онъ! Столько тяжелыхъ ощущеній пришлось ему пережить въ его отношеніяхъ къ красавицѣ невѣстѣ, пока онъ достигъ этого счастливаго дня, этого ночнаго часа! Что онъ ему сулитъ? Въ счастьѣ супружества, въ тишинѣ домашней жизни съ любимой женой и любящей — онъ ждалъ успокоенія многострадальной души, отдыха и утѣшенія въ повседневномъ огорченіи правительственныхъ заботъ и неудачъ; достигъ ли онъ осуществленія своей многолѣтней, лучшей мечты? Оправдались ли его человѣческія надежды въ этотъ день, который кажется ему счастливымъ? Какого рода счастье принесъ онъ ему? Онъ, нежеланный теперь государь, на кого возстаютъ его подданные, въ то же время и мужъ нежеланный. Красавица жена не только не любитъ его, но любитъ другого и по немъ, по этомъ другомъ, страдаетъ; не по своей волѣ она его жена; не за Василія Ивановича Шуйскаго вышла, а за русскаго царя. Есть у него жена любимая, но нѣтъ у него жены любящей. Одинокъ онъ по-прежнему; не дождалась его многострадальная душа того, что такъ долго напрасно просила!..

Онъ бросилъ взглядъ на затворенную дверь опочивальни. Тамъ, за этою затворенною дверью, уже легла его молодая жена, ждетъ его... Нѣтъ! не ждетъ она его, немилаго! Она ждетъ его не какъ желаннаго сожителя и друга, а какъ трепещущая жертва ждетъ своего убійцы... Того ли ему хотѣлось?.. Но вѣдь кончено: она его жена, онъ не только можетъ, онъ долженъ къ ней идти...

XVIII.

„У насъ бѣлый царь надъ царями царь,
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную;
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ Пресвятыя Богородицы.
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языцы ему покорилися:
Потому бѣлый царь надъ царями царь“...
(„Стихъ о книгѣ Голубиной“).

„Запустѣлъ“ московскій столъ: бояре „свели съ государства“ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Иновѣрца, чужеземца, польскаго королевича Владислава признали своимъ русскимъ государемъ тѣ изъ московскихъ бояръ, которые завистливо и недоброжелательно смотрѣли на возвышеніе достойнѣйшихъ и родовитѣйшихъ изъ русскаго своего боярства. Именно эта недоброжелательная зависть къ Шуйскому, какъ представителю стараго поколѣнія бояръ, сломленнаго Иваномъ III-мъ и Грознымъ, расшатала московское государство и поставила его на краю пропасти. Въ гибельную минуту проснулось народное сознаніе. Въ тѣхъ, кто призывалъ иновѣрнаго и иноплеменнаго человѣка въ русскіе государи, народъ видѣлъ измѣнниковъ своихъ и за ними не пошелъ. „Смута“ отрезвила, наконецъ, народныя массы и укрѣпила духъ лучшихъ русскихъ людей. Народное чувство было оскорблено занятіемъ бѣлокаменной Москвы, съ ея народною святынею — Кремлемъ, польскими полками. Далеко, во всѣ концы обширной русской земли, доходили „увѣщательныя“ громоты киръ-патріарха. Святитель, жившій въ Москвѣ, на своемъ дворѣ „подъ страхомъ“, не убоясь угрозъ Салтыкова и Гонсѣвскаго и даже смерти, благословлялъ и „велѣлъ духовнаго и мірскаго чина людямъ за домъ Богоматери и за землю русскую единомыслить и на время ополчиться“.

И сердцемъ нелживымъ внималъ повоеванный, обиженный русскій народъ святительскимъ посланіямъ. Голосъ киръ-патріарха былъ голосомъ „земли“.

— Если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру и Литва изъ московской земли не выйдетъ, то онъ намъ не государь! твердо сказалъ святитель, отказавшись наотрѣзъ, даже подъ поднятой надъ его старческой головой саблей Салтыкова, подписомъ своимъ утвердить грамоту, призывавшую на московское царство королевича.

И народъ повторилъ святительскія слова: „онъ намъ не государь!“

Встала русская земля въ защиту своей жизни, достоянья, церкви и своихъ правъ, нагло попранныхъ иноземцами и своими же ворами. Ополчался народъ. Земскія рати надвигалась съ понизовья, съ Рязани, съ сѣвера, отовсюду. Ополченія, ведомыя излюбленными земскими людьми, выростали какъ сказочный богатырь, охватывая Бѣло-

каменную матушку Москву. Неодолимая „земская сила“ заступила мѣсто разрушеннаго государства. Какъ дружное весеннее тепло отовсюду гонитъ снѣгъ, такъ земскія рати дружно очищали русскую землю отъ грабительскихъ хоругвей польскихъ пановъ, казачьихъ таборовъ и воровъ, разсѣявшихся по ея безконечному пространству. Не польской „офярѣ“, не іезуитскимъ интригамъ считаться съ русской народной силой. Поздно спохватившіеся бояре поняли, наконецъ, въ чью руку доигрались они, столько лѣтъ обнаруживая свою „шатость“ злонамѣренную, доведшую государство до гибели. Смолкла зависть, поутихли счеты „мѣстами“. Опамятовались города и уѣзды, тянувшіе было за королевича, пристали къ „общему“ дѣлу. Громко жаловались смольняне: „де покорились королевичу ради спасенія православія и жизни“, а ихъ убиваютъ и въ латыню неволятъ. Не смотря на свою дородность тѣлесную, располагавшую къ лѣни, и на свою слабость сладко съѣсть и выпить, добродушный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій очутился во главѣ народнаго движенія на пониэовьѣ. Изъ воеводы серпуховскаго, потомъ зарайскаго, онъ прямо сталъ народнымъ вождемъ-полководцемъ. Нравственная чистота и сильный духъ не укрылись въ этомъ ожирѣвшемъ, скромномъ служиломъ человѣкѣ отъ народной прозорливости. Своего героя, истинное человѣческое достоинство соединенное съ способностями, пригодными народу, народъ умѣетъ находить съ отличающею его безошибочностью. Не ошибся онъ и въ князѣ Пожарскомъ, выбравъ его своимъ вождемъ. Скромный князь не погнушался сотоварищества простого „говядаря“, мѣщанина Козьмы Минина Сухорукаго. Два великіе гражданина своей земли, стоящіе на столь разныхъ ступеняхъ общественнаго положенія, своимъ живымъ примѣромъ поучали мѣстническое боярство обязанностямъ вѣрнаго сына отечества, призваннаго на служеніе ему, на его спасеніе. Истинный, по крайней мѣрѣ русскій, героизмъ никогда не расходится съ скромностью. Пожарскій— чисто русскій герой!

И рязанцы, эти „гордые высокоумни сущи люди“, выслали своего героя, Прокофія Ляпунова. Ляпуновъ представляется характеромъ, далеко не похожимъ на Пожарскаго. Его прошлое, отражавшее его пылкій духъ, беззавѣтную отвагу, выдающіеся военные таланты и способность руководить своимъ краемъ,—не было такъ безупречно и чисто, какъ чистое, безупречное прошлое Пожарскаго. Ляпуновъ, герой безъ ясно сознаннаго идеала гражданина, виляетъ всю свою жизнь, но прямо не идетъ. Свои убѣжденія онъ мѣняетъ, соображая ихъ съ обстоятельствами. Онъ не сильнѣе ихъ, онъ не самобытенъ, онъ увлекается врожденною дерзостью и безпокойнымъ духомъ, болѣе чѣмъ слушается своего разсудка. Онъ вѣрное олицетвореніе стараго рязанскаго населенія съ его безпокойнымъ духомъ, отрывавшимъ постоянно отъ Москвы съ ея единодержавіемъ старую Рязань. Какъ старая Рязань якшалась съ Литвой и татарами, въ видахъ ослабленія москов

скаго великаго князя и своей собственной независимости, такъ и Ляпуновъ съ рязанцами держать руку Лжедмитрія противъ царя Шуйскаго. Что Ляпуновъ зналъ о самозванствѣ того, за кого онъ бился какъ за истиннаго русскаго государя, это подтверждаетъ послѣдующее поведеніе его. Онъ перешелъ на сторону Шуйскаго, какъ только понялъ, что холопъ Болотниковъ и воеводы Лжедмитрія не расположены уступать ему главенства надъ ратью. Самъ норовя въ именитые люди и сознавая, что ему своими „худыми" родами величаться нечѣмъ, Ляпуновъ ненавидѣлъ „старый порядокъ", съ мѣстами въ государствѣ, занятыми изродовымъ, именитымъ боярствомъ; поэтому онъ ненавидѣлъ и представителя этого стараго порядка—царя Шуйскаго. Только этою ненавистью можно себѣ объяснить „подыскательство" Ляпунова, предлагавшаго молодому „удачнику", князю Скопину Михаилу, посадить его въ государи, а дядю его, Шуйскаго, съ государства свесть. И теперь, воеводствуя надъ земскимъ ополченіемъ, онъ соединился съ казаками разбойниковъ Заруцкаго и Просовѣцкаго и съ „тушинскими" боярами. Еще зазорнѣе того казалось народу въ поведеніи Ляпунова, что онъ принялъ было въ союзники пана Сапѣгу. Сапѣжинцы прослыли страшными насильниками и убійцами; Сапѣга держалъ въ злой осадѣ Троицкую Сергіеву обитель. „Неладно съ врагомъ явленнымъ союзиться русскому стратигу", толковалъ народъ, и былъ правъ. Смиреніе Пожарскаге неизмѣримо выше тщеславности Ляпунова! Это сознавали ихъ современники, это еще виднѣе ихъ потомкамъ.

„Лихолѣтье" настало для русской земли. Русскіе изъ-за Москвырѣки, изъ двухъ острожковъ, при каменной церкви, „били" Кремль. Въ то время „навальнымъ приступомъ" отбили у ляховъ ворота: Никитскія, Арбатскія, Чертольскія. Пятитысяцкій Василій Косолапъ съ своими курянами ухитрился взять „пятиглавую" высокую башню на „бѣлой стѣнѣ", надъ Москвою-рѣкою. Спасибо, „добышъ" (барабанщикъ) одинъ къ нему перебѣжалъ. Что вы, говоритъ, москали глядите? Въ башнѣ одна рота поручика, всего три сотни жолнеровъ; внизу, говоритъ, въ нижнемъ поясу, порохъ и гранаты у нихъ спрятаны. Добышъ указалъ ниже оконце. Въ то оконце Косолапъ собственноручно пустилъ двѣ зажженныя стрѣлы, одну за другою. Помогли отлично! Какъ почало рвать снизу, запылала деревянная четырехъ-ярусная башня—любо-дорого! Спасаясь отъ огня, ляшки, что муравьи изъ гнѣзда, спускаются изъ башни по веревкѣ на рѣку, а русскіе севрюки саблями ихъ сѣкутъ; много побили, остальные въ башнѣ сгорѣли. Поручика и хорунжаго Ляпуновъ отпустилъ на волю; еще похвалилъ: храбрые-молъ вы парни, держались долго. Косолапъ заслужилъ за свой подвигъ званіе дворянина.

Пожарскій съ Ляпуновымъ отобрали Бѣлый городъ, но поляки успѣли его зажечь. Москва запылала. Страшно колыхалось огненное море... при его зловѣщемъ заревѣ, при набатѣ еще не сгорѣвшихъ

церквей кипѣлъ кровавый бой: русскіе добывали свой стольный городъ, захваченный коварствомъ враговъ, убѣждаясь, что имъ достанется только пепелище. О Ляпуновѣ въ этотъ день такъ говоритъ простодушная „повѣсть“ Филарета Никитича:

...„Той же бодренный, разсмотрительный воевода всего московскаго воинства, властитель Ляпуновъ скачетъ по полкамъ всюду, аки левъ рыкая, направляюще воинство и вооружающе крѣпчеѣ побѣду на враговъ своихъ воспріяти“...

Не спускала съ этого страшнаго пожара своихъ большихъ черныхъ глазъ красивая, молодая инокиня, пригорюнившаяся у раскрытаго окна своей кельи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Окно выходило въ поле, отдѣлявшее монастырь отъ столицы. Она вся какъ на ладони была. Въ сумеркахъ надвигавшейся весенней ночи, на темныхъ нависшихъ тучахъ дрожало красное зловѣщее зарево. Огненная буря, пожиравшая старинный городъ, распространялась во всѣ стороны съ величіемъ неотразимаго несчастія; казалось, баснословный драконъ изрыгаетъ пламенныя стрѣлы, разинувъ свою огненную, губительную пасть; безчисленные огненные языки, какъ бы подземные злые духи, вырвавшіеся наружу, пробѣгали, слизывая дома, храмы, строенія; только огненная, неумолимая стихія властвовала теперь безраздѣльно, отогнавъ обезумѣвшаго человѣка отъ его жилища и распоряжаясь вмѣсто него. Стольный городъ, охваченный огненнымъ кольцомъ, представлялъ собой одинъ громадный костеръ.

Есть зрѣлища, способныя ужаснуть женщину; случаются несчастія, которымъ она не вѣритъ даже тогда, когда ихъ испытываетъ; сила горя можетъ подавить въ женской душѣ всякое сознаніе этого горя; великость испытанія можетъ притупить самое воспріимчивое женское чувство. Гибель Москвы, пылавшей въ глазахъ молодой инокини, подавила въ ней, казалось, и сознаніе и чувство. Казалось, ея умъ, ея душа не могли вмѣстить въ себѣ всего ужаса, всей великости испытанія, которое она переживала, всей неисправимости бѣдствія, котораго безмолвною зрительницею она была. Ея прекрасные глаза, широко раскрытые недоумѣвающимъ страхомъ, были безсильны оторваться отъ этого громаднаго огненнаго костра, поглотившаго столицу; она безсильна была дать себѣ отчетъ во всѣхъ послѣдствіяхъ этого пожара для себя и для многихъ тысячъ семей. Она глядѣла какъ безумная.

И можно было сойти съ ума женщинѣ въ положеніи молодой инокини. Съ высоты земного величія судьба бросила ее въ монастырскую келью. Блещущая красотой молодая царица — теперь насильственно постриженная, безвѣстная, всѣми забытая инокиня; счастливая жена разлучена съ любимымъ мужемъ. Вдругъ всего лишилась она, всего, что ей дорого, что она любитъ. Въ этой несчастной инокинѣ родная мать съ трудомъ признала бы свою дочь красавицу, царицу Марію Петровну. Глубокое несчастіе не краситъ человѣка...

Она не о себѣ горевала, горевала о мужѣ. Только теперь, разлученная съ нимъ на вѣкъ, она увидѣла въ истинномъ свѣтѣ невзрачную фигуру стараго мужа и краше красавца пана сталъ онъ для нея. Старый, нелюбимый мужъ заставилъ и незамѣтно и легко красавицу жену полюбить себя; за его нѣжность, заботу, за счастье семейной жизни, что онъ далъ ей, она привязалась къ нему тихимъ, чистымъ, прочнымъ чувствомъ. Рожденье дочери только осмыслило и укрѣпило нравственную связь между старымъ мужемъ и молодой женой. Глубокая скорбь отца, обнаруженная мужемъ по случаю смерти этого младенца, котораго появленіе на свѣтъ вызвало его неизъяснимую радость, пуще сблизила супруговъ чувствомъ ихъ общей утраты.

Смолкли пушечные залпы, грохотъ и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, вопль, какъ бы несмолкаемый цѣлый день, сотенъ тысячей человѣческихъ голосовъ. А страшный костеръ пылаетъ съ тою же неослабѣвающею силой. Нѣтъ, это не Москва горитъ, думается царицѣ-инокинѣ:—это разрушеніе Ниневіи или Вавилона за грѣхи ихъ!

Въ холодный сѣренькій октябрскій день, въ открытой каптанѣ, цугомъ въ шесть коней, по краковскому предмѣстью Варшавы везли плѣненнаго царя Василія Ивановича. Большая, уже побѣлѣвшая борода лежала на бѣлой парчѣ его богатой ферязи; пушистая соболья шапка была надвинута на подслѣповатые глаза, строго, но спокойно глядѣвшіе на густыя толпы враждебнаго ему польскаго народа. Нафанатизированное горячими проповѣдями въ костёлахъ іезуита Скарги, варшавское населеніе встрѣчало „убійцу своихъ братій въ Москвѣ“ съ нескрываемымъ раздраженіемъ, съ трудомъ сдерживаемымъ королевскою стражею. Ревностный поборникъ католицизма, какъ средства для іезуитскихъ цѣлей, Скарга только что объяснилъ „вѣрнымъ“ въ фарѣ, съ каѳедры, бѣдствія и униженія москалей, впавшихъ въ суевѣріе и грѣховность, какъ волю Божію, указующую путь къ расширенію католической церкви и истинъ католицизма. На переднихъ мѣстахъ каптаны сидѣли два брата царя, князья Шуйскіе, и между ними приставъ. Каптана слѣдовала за многочисленной конной эскортой гетмана Жолкѣвскаго, тоже верхомъ, окруженнаго своимъ рыцарствомъ, польской знатью и земскими послами, такъ какъ въ Варшавѣ собрался сеймъ. „Побѣдителя Москвы“, знаменитаго польскаго полководца, толпы провожали радостными, льстившими его самолюбію, криками. Пріобрѣтеніе для короля Москвы, занятой горстью поляковъ, окруженныхъ русскими земскими силами, легкомысленный народъ считалъ дѣломъ оконченнымъ, а московское государство уже подъ властью Польши. Само собой, на долю несчастнаго русскаго царя, не только „сведеннаго съ государства“, но и „обобраннаго“, насильно постриженнаго въ монахи своими подданными, доставались

угрозы, проклятія, насмѣшки толпы. Въ эту, быть можетъ, тяжелую минуту своей жизни, Шуйскій высказалъ все величіе души, всю твердость нести свой крестъ. Его укрѣпляло сознаніе, что онъ несетъ его за всю многострадальную Русь. Его умное лицо выражало покорность судьбѣ религіознаго человѣка, угнетаемаго не по своей винѣ, а по волѣ Божіей... Въ своемъ посрамленіи онъ видѣлъ только посрамленіе Руси кичливою Польшей. О самомъ себѣ онъ словно давно забылъ... Въ это тяжелое для себя утро Шуйскій вспоминалъ печальное шествіе на Голгоѳу праведника, Богочеловѣка, падавшаго подъ тяжестью креста, который несъ для того, чтобы быть на немъ распятымъ. Заушаемый, кровянимый, оскорбляемый, праведникъ только говорилъ рыдавшимъ о немъ женщинамъ: „не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ". Это христіанское воспоминаніе поддерживало Шуйскаго.

Въ королевскомъ замкѣ Сигизмундъ III только что отстоялъ мессу. Служилъ монсиньоръ Брамантини, при самой величественной обстановкѣ. Религіозный до ханжества король требовалъ отъ своего избалованнаго прежними порядками двора строгой нравственной чистоты и пышные королевскіе покои мрачилъ фигурами іезуитскихъ патеровъ, своихъ наставниковъ и лучшихъ собесѣдниковъ. Возлѣ короля, съ рыжими усами, низко остриженной головой, съ густившимися какъ на ежѣ волосами, съ задумчиво-упорнымъ выраженіемъ выбритаго лица, сидитъ на золотомъ креслѣ большой тронной залы панъ Юрій Мнишекъ. Онъ, подобострастно нагнувшись, въ полголоса, съ жаромъ объясняетъ что-то внимательно слушающему его королю, поглядывая въ то же время на нарядную толпу магнатовъ и придворныхъ, среди которыхъ у него не мало враговъ. Панъ Юрій не могъ забыть того высокого положенія, какое онъ занималъ при послѣднемъ королѣ изъ дома Ягеллоновъ. Не выдаваясь воинскими талантами, какъ Жолкѣвскій, ни правительственною мудростью, какъ Замойскій, Мнишекъ давно растратилъ мильоны злотыхъ, прикарманенныхъ имъ изъ королевской казны Сигизмунда-Августа. Другіе временщики оттирали теперь отъ короля этого стараго вкрадчиваго вельможу, умѣвшаго возвышаться только интригой. А между тѣмъ долги его росли и для поддержанія блеска своей фамиліи и привычной роскоши ему не хватало доходовъ съ обширныхъ своихъ „маетностей", раззоряемыхъ татарскими набѣгами. Разсчетъ былъ на зятя-самозванца, но не удался. „Офяра" дочери Марины пуще запутала его дѣла: не пришлось ему получить съ зятя, по записи съ нимъ, мильона злотыхъ и половины Смоленской области съ половиной Сѣверщины. Обидно казалось тщеславному Мнишку видѣть себя среди магнатовъ, когда-то ему завидовавшихъ, льстившихъ ему, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ его краковскомъ „палацѣ", гдѣ онъ давалъ великолѣпные обѣды и балы въ честь своей дочери панны Марины, невѣсты московскаго государя Дмитрія, обрученной съ его посломъ,

Власьевымъ, кардиналомъ Мацѣйовскимъ: Мнишекъ не забылъ, что послѣ обѣда король танцовалъ съ Мариной, а имъ прислуживали: королевичъ, великій литовскій маршалъ, сенаторы. По рукамъ ходило тогда стихотвореніе шляхтича изъ свиты Мнишка, Забчича: „Posel Moskiewski“. „Счастливый воевода, что дождался такой минуты“, воспѣвалъ своего патрона Забчичъ:—„ужъ самъ король пируетъ съ тобой въ твоемъ домѣ, съ твоею дочерью, которую выдаешь за дѣдина бѣлой Руси. Счастливая земля польская: чрезъ домъ Мнишковъ дождалась ты такого времени, что царь изъ Москвы усердно домогается твоей дочери“... И гдѣ она, его дочь, московская царица, съ судьбой которой Мнишекъ связалъ судьбу своей фамиліи? Достойная дочь его, Марина сказала: „Признанная царицей, не перестану ею быть“. Эти гордыя слова привели ее въ кремлевскія палаты, въ свѣтлицу въ Ярославлѣ, въ тушинскій буйный лагерь. Самую женскую стыдливость она принесла въ жертву своего властолюбія и самолюбія, мѣшавшаго ей вернуться на родину осмѣянною и обезславленною: она признала русскимъ царемъ и своимъ супругомъ второго Лжедмитрія, считая его самозванцемъ; на валахъ города Дмитрова она одушевляетъ своимъ мужествомъ защитниковъ и отбиваетъ приступы русской рати; одѣтая по-мужски, верхомъ на казачьемъ сѣдлѣ, бѣжитъ въ Калугу; въ калужскомъ плѣну родитъ сына... Теперь часто нашептываетъ себѣ Мнишекъ слова польской пѣсенки, которую играли музыканты при въѣздѣ Марины невѣстой царской въ Москву: „W kajdym tak szczesciu iako i nieszczesciu“. Сбылась на немъ и на его дочери эта польская пѣсенка. Теперь Мнишекъ поддѣлывался къ королю, не питавшему къ нему особеннаго расположенія. Злая судьба, словно въ насмѣшку, свела въ этотъ день въ тронной залѣ королевскаго замка двухъ враговъ несчастныхъ—Мнишка и Шуйскаго...

Поставленный приставомъ передъ королемъ, Василій Ивановичъ съ печальнымъ любопытствомъ оглянулъ огромную, высокую палату, переполненную вельможами и царедворцами, и своего счастливаго соперника, короля, возсѣдавшаго на тронѣ во всемъ величіи своего королевскаго достоинства. Самонадѣянныя, тщеславныя фигуры гордыхъ пановъ, блиставшихъ золотомъ и серебромъ, рѣзко отличались отъ спокойно-равнодушныхъ, тяжелыхъ съ виду, бояръ, изумленныхъ непривычною имъ роскошью королевскаго двора. Сверженный русскій царь стоялъ, какъ бы праведникъ передъ неправымъ судилищемъ, уже произнесшимъ свой приговоръ. Насмѣшливыя улыбки и обидный на его счетъ шепотъ нарядныхъ пановъ не смущали Шуйскаго въ сознаніи его правоты. Государемъ смотрѣлъ онъ на своего врага государя, которому въ руки предала его своенравная судьба.

Съ собольей шапкой въ рукѣ, Шуйскій низко поклонился королю, а за нимъ его братья, согласно наставленію Жолкѣвскаго, принимавшаго въ его несчастіи самое благородное участіе. Сигизмундъ, съ гордостью побѣдителя, не соотвѣтствовавшею ни его фанатически-

мрачному виду, ни его военнымъ дарованіямъ, важно всталъ съ трона и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Шуйскому. Пажи понесли концы длинной, тяжелой бархатной королевской мантіи, подбитой горностаемъ, обшитой золотою бахромою съ золотыми кистями. Великій канцлеръ несъ корону, осыпанную драгоцѣнными камнями, Жолкѣвскій королевскій мечъ.

Поклонясь королю, знаменитый воинъ Польши и великодушный человѣкъ, гетманъ сказалъ рѣчь, нѣсколько риторическую, о томъ, какъ измѣнчиво земное счастье, славилъ доблесть короля, благодаря которой взяты Смоленскъ и Москва, и кончилъ такими словами:

— Послѣдній изъ могущественныхъ московскихъ царей передъ тобой, августѣйшій и наияснѣйшій король Польши, великій князь Литвы! онъ бьетъ тебѣ, государь, челомъ!

Шуйскій, низко поклонясь, смиренно дотронулся правой рукой до пола и потомъ поцѣловалъ свою руку. Князь Димитрій ударилъ лбомъ въ полъ разъ, а князь Иванъ три раза и плакалъ.

— Вручаю тебѣ, наияснѣйшій король и господинъ мой, сверженнаго московскаго царя и его благородныхъ братьевъ, князей; продолжалъ Жолкѣвскій,—вручаю не какъ плѣнныхъ; въ нихъ видишь живое свидѣтельство непрочности человѣческаго счастья. Будь же великодушенъ и ласковъ къ несчастнымъ! Кротость и милосердіе только возвышаютъ престолъ и прославляютъ земныхъ государей! сами они просятъ о томъ же тебя, король польскій, великій князь литовскій!

Шуйскіе, молча, въ сильномъ волненіи снова ударили королю челомъ. Впечатлѣніе этой тяжелой минуты было столь глубоко, что даже Мнишекъ не рѣшился нарушить упавшую тишину своимъ протестомъ, давно имъ обдуманнымъ. Слышались вздохи сочувствія къ несчастному русскому царю; въ толпѣ благородныхъ пановъ обнаружилось въ его пользу великодушное движеніе.

— Ты, бывшій государь московскій, и твои братья не плѣнники въ Варшавѣ, а гости! среди глубокаго молчанья сказалъ Сигизмундъ, явно тронутый.—Государственная польза требуетъ вашего здѣсь пребыванія. Я хочу, чтобы оно для васъ было возможно менѣе тягостно.

Шуйскій, а за нимъ его братья, подошли къ королевской рукѣ, милостиво имъ протянутой.

— Наияснѣйшій государь, король Сигизмундъ! обратился къ нему Шуйскій все съ тѣмъ же печальнымъ спокойствіемъ человѣка, утратившаго свои земныя надежды.—Мнѣ сегодня, тебѣ завтра; не быть тебѣ московскимъ государемъ! не быть православной Руси подъ польскою рукою!

Король строго на него взглянулъ. Въ рядахъ магнатовъ прошелъ ропотъ, не одобрявшій послѣднихъ словъ Шуйскаго, въ зловѣщемъ смыслѣ которыхъ звучала правда, сознаваемая и королемъ, и благоразумнѣйшими изъ его совѣтниковъ. Мнишекъ воспользовался этой минутой и, выступя впередъ, едва собой владѣя, вскричалъ:

— Правосудіе, государь, наияснѣйшій король польскій. Передъ тобой виновникъ въ смерти многихъ тысячъ твоихъ подданыхъ, вѣрныхъ католиковъ! Передъ тобой отецъ злополучной дочери, свободной польки, которой супруга убилъ этотъ царь, сверженный за свое нечестіе! Божеское правосудіе уже наказало этого вѣроломнаго боярина, клятвопреступника, достигшаго престола кознями; но его ожидаетъ человѣческій судъ. Сверши-жъ его, мудрый государь! Мы требуемъ— крови за кровь нашихъ братій; жизни за ихъ жизнь! Кто-жъ, если не польскій король, вступится за позоръ, покрывшій сѣдую голову польскаго пана? Кто, какъ не отецъ, потребуетъ отомщенья за поруганную честь дочери, за бездну несчастья, куда она ввергнута? Правосудія, король польши, великій князь Литвы!..

— Правосудія, государь! воскликнули сторонники Мнишка. Но ихъ было не много. Ихъ крики безсильно потерялись въ ропотѣ большинства пановъ, явно сочувствовавшихъ презрѣнью, съ какимъ Жолкѣвскій глядѣлъ теперь на Мнишка.

— Слова пана Юрія Мнишка не достойны совѣтника короля, строго и внушительно замѣтилъ благородный гетманъ, голосъ котораго уважался цѣлой Польшей, — неприличны въ устахъ католика. Только язычники говорили: „Heu victis!“. Королевское правосудіе, правосудіе христіанской, рыцарской націи должно быть далеко отъ чувства мести, хотя бы къ врагу!

— Такъ есть! съ громкимъ единодушіемъ высказались магнаты и послы.—Милость къ несчастью! Wiwa, Сигизмундъ!

— Тѣмъ болѣе, панъ воевода Сендомірскій, что твое ненасытное честолюбіе и твоя корысть возбудили вражду Москвы къ Польшѣ, погубившую тысячи твоихъ собратій, смерть которыхъ ты оплакиваешь, извини, лживыми слезами! продолжалъ Жолкѣвскій, въ свое время горячо, хотя и безполезно, порицавшій вмѣстѣ съ Яномъ Замойскимъ безразсудныя затѣи Мнишка. — Довльно зла и горя видѣла отъ тебя Польша, панъ Юрій! Прошло время, когда ты злоупотреблялъ слабостью больнаго короля и самъ королевствовалъ!

— Такъ есть! Wiwat, Сигизмундъ! Wiwat, Жолкѣвскій! огласилась королевская палата взрывомъ одушевленныхъ криковъ.—Милость къ несчастью, государь!...

Поднялись протестующіе голоса Мнишка и его сторонниковъ; но ихъ глушили все усиливавшіеся крики:—„Милость, государь!

Сигизмундъ, хорошо изучившій нравы своевольнаго панства, не стѣснявшагося и его королевскимъ присутствіемъ, оглянулъ залу, изъподлобья, нахмуренными, недовольными глазами и движеньемъ руки далъ Жолкѣвскому знакъ увести Шуйскихъ.

Братья князья низко поклонились королю и, предшествуемые приставомъ, вышли изъ залы, гдѣ поднялась буря разнородныхъ страстей, выражавшаяся неистовыми воплями, угрозами, бранью и звономъ сабель.

Въ той-же открытой каптанѣ Шуйскихъ повезли въ Гостынской замокъ, за Варшаву...

Скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ прочихъ лицъ, затронутыхъ романомъ.

Серьезному пану Виценту Подгурскому пришлось вынести немало горя и трудовъ для того, чтобы напасть на слѣдъ Лисовскаго. Само собой, что гордый панъ Ксаверій поднялъ на ноги всю окрестность, вооружилъ шляхту и поклялся вернуться не иначе, какъ съ дочерью. Ни его вооруженія, ни его клятва не помогли бы дѣлу, если бъ Подгурскій не заплатилъ вольному ротмистру двѣ тысячи червонцевъ. Назначая эту „скромную" цифру выкупа, ротмистръ объяснилъ съ свойственною ему откровенностью, что плѣнъ прекрасной панны Ортансы и выкупъ за нее есть наказаніе, понесенное паномъ Ксаверіемъ за то оскорбленіе, что онъ нанесъ ему, ротмистру, въ своемъ замкѣ, при многолюдномъ собраніи.

— Теперь мы съ тобой квиты, пане Ксаверій! закончилъ ротмистръ, пряча деньги въ карманъ сѣрой чемарки.—И, если хочешь, выпьемъ...

Отъ „выпивки" Стадницкій, конечно, отказался, не скрывъ глубокаго презрѣнья къ поступку ротмистра съ его дочерью и назвавъ этотъ поступокъ „грабежомъ мародера". Лисовскій даже не поморщился отъ такой нелестной, хотя вѣрной характеристики своего поступка, ощущая въ карманѣ тяжесть золота, добытаго этимъ самымъ поступкомъ.

Похищеніе Ортансы, о чемъ вѣсть быстро и далеко разошлась, способствовало только ускорѣнію свадьбы. На этомъ прежде всего настаивала прекрасная дѣвушка, чувствовавшая себя скомпрометированной пребываніемъ, хотя и невольнымъ, на бивакахъ лисовчиковъ, таскавшихъ ее за собою. Нечего говорить, съ какою радостью согласился панъ Вицентъ на ускореніе своей свадьбы. Ксендзъ-плебанъ, панъ Леонардъ, обвѣнчалъ ихъ въ костелѣ съ возможною торжественностью. Веселую свадьбу, на которую съѣхалось много родни и друзей, панъ Ксаверій отпраздновалъ съ блескомъ, достойнымъ его знатной фамиліи, по старопольскому обычаю. Здоровье молодой пили изъ ея атласнаго башмачка; мазурку кавалеры танцевали съ бокалами вина и выпивали ихъ, сажая даму на мѣсто, преклоняясь передъ нею на одно колѣно и цѣлуя ея ручку. Не жалѣлъ Стадницкій денегъ тамъ, гдѣ дѣло шло о фамильной чести, тѣмъ болѣе, что исполнялось его давнишнее желанье видѣть дочь за Подгурскимъ: онъ любилъ его не какъ зятя, а какъ сына. Больная мать, по-прежнему, не могла оставить своей комнаты и даже постели въ этомъ радостный семейный день. На дворѣ все шло своимъ порядкомъ: загоновая шляхта управлялась съ цѣлыми жареными быками, баранами и бочками, конечно не пустыми, жида Янкеля. Не была забыта и охота.

Подгурскіе зажили счастливо, мирно. Ортанса, съ каждымъ ребенкомъ, которыхъ Господь посылалъ ей ежегодно, толстѣла и глубже погружалась въ свои обязанности матери и хозяйки. Бесѣда въ пановъ Вицентомъ замѣтно развила умненькую свѣтловолосую головку Ортансы. Это и она сама сознавала, говоря мужу, что̀ поумнѣла съ нимъ.

Паннѣ Гоноратѣ пришлось няньчить розоволицыхъ, синеглазыхъ, бѣлокурыхъ дѣтей Ортансы, все въ неизмѣнномъ званіи ея решпектовой панны. Потерявъ, наконецъ, надежду когда либо измѣнить свою фамилію Модлевской, почтенная весталка примирилась съ своей счастливой соперницей на ея дѣтяхъ: любила ихъ, какъ своихъ. Панъ Ксаверій, похоронивъ больную жену, по-прежнему стоялъ во главѣ безпокойнаго литовскаго дворянства на рубежѣ; страсть къ охотѣ усиливалась въ немъ съ лѣтами, отвлекая его отъ дома и хозяйства вдаль. Онъ покидалъ замокъ иногда на полгода и болѣе. Съ большимъ коннымъ „оршакомъ“ ловчихъ, псарей, доѣзжачихъ, съ сотнями воющихъ и прыгающихъ „огаровъ“ на сворахъ, съ цѣлымъ обозомъ, везшимъ охотничій скарбъ, панъ Ксаверій кочевалъ по Литвѣ, переѣзжая отъ одного „пшіяцеля“ къ другому. Такимъ образомъ онъ достигалъ даже „Бѣловѣжской пущи“ съ ея зубрами, считавшимися „королевскимъ звѣремъ“. За веселымъ пріятельскимъ столомъ вспоминались славные подвиги на ратномъ полѣ и старая дружба, сведенная въ походномъ шатрѣ. Совсѣмъ разлюбивъ свой старый замокъ, гдѣ жизнь въ одиночку стала для него невыносимой, панъ Ксаверій сдалъ всѣ свои мѣстности, „място Залусцье съ селищами и фольварками“, въ аренду корчмарю Янкелю. Въ арендномъ листѣ говорилось: „Я, Ксаверій-Северинъ Стадницкій, объявляю симъ арендным листомъ, что отдалъ въ аренду мои мястности, нижепоименованныя, ничего себѣ не оставляя, славному пану Янкелю Дуделю, женѣ его Рыклѣ и его потомкамъ; а именно: място, селища, фолварки—Залусцье, съ чиншами денежными, мельницами, корчмами, шинками, съ данью медовою, мытомъ, съ боярами, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ ихъ пашнями, работами и подводами, съ дякломъ, деревомъ бортнымъ, съ озерами, бобровыми гонами, сѣнокосами, борами, лѣсами, гумнами, посѣвами. По сему арендному листу, данному съ моею печатью и собственноручной подписью, имѣетъ арендаторъ Янкель право брать себѣ всякіе съ маетности нашей доходы, судить и рядить путныхъ бояръ, также всѣхъ крестьянъ нашихъ, „винныхъ и непослушныхъ, ведлугъ выступковъ ихъ винами и горломъ карати“. Панъ староста, предсѣдатель городскаго суда, утвердилъ этотъ арендный листъ, какъ составленный законно внесеніемъ его въ „городскія книги“. Законъ допускалъ, поэтому, смертную казнь крестьянина, по личному произволу жида Янкеля Дуделя. Попъ Меркулъ допился „до чортикомъ“ и совсѣмъ негоденъ сталъ къ службѣ. Ключъ отъ его старой, похилившейся церквочки, по-преж-

нему висѣлъ на поясѣ Янкеля, который повысилъ плату за входъ въ церковь для службы и требъ. А безправное „быдло“, православный хлопъ, увлажнвая панскія поля своимъ кровавымъ потомъ, уныло пѣлъ:

„Якъ отъ Кумівщины да до Хмѣльнищини,
Якъ отъ Хмѣльнищини да до Брянщини,
Якъ отъ Брянщини да до сего-жъ то дня,
Якъ у землі кралевскій да добра не було.
Якъ жиды-рандари
Всі шляхи казацьки зарандовали,
Що на одні милі
Да по три шинка становили.
Становили шинки на долинахъ,
Заводили щогли по высокихъ могилахъ“...

Панъ Пржемиславъ Дворжицкій остался вѣренъ своему чувству къ московской красавицѣ. Онъ упорно избѣгалъ узъ Гименея, несмотря на настоянія семьи, на представлявшіяся ему приличныя его положенію и выгодныя партіи. Баловень прекраснаго пола, котораго вниманія онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ, онъ не находилъ уже въ своемъ сердцѣ той страстной силы, что когда-то влекла его въ свѣтлый міръ счастія и надеждъ. Въ родной семьѣ, за веселой товарищеской попойкой, въ шумномъ городѣ и боевомъ лагерѣ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Иногда его пригрѣвало воспоминаніе послѣдняго свиданія съ княжной въ саду, въ мѣсячную ночь и бередило его сердечную рану. Слишкомъ глубока была она, чтобы зажить. Въ его горячо любившемъ сердцѣ потухла искра, что вспыхнула яркимъ пожаромъ, испепелившимъ все его нравственное существо. Прежній, молодой Дворжицкій словно бы умеръ. Теперь душевная утрата укрѣпила его на борьбу со зломъ и неправдой, губившими его отечество. Его честный голосъ громко заговорилъ на сеймахъ и въ королевскомъ совѣтѣ и къ нему прислушивались, какъ къ голосу добра и правды. Онъ требовалъ уваженія и пріязни къ соплеменному Польшѣ, сосѣднему русскому государству: указывалъ на превосходство русскаго народнаго духа, на религіозность и патріотизмъ москалей, достойныя хвалы и подражанія польской, хотя бы болѣе просвѣщенной націи; онъ утверждалъ, что Польша отвѣтственна передъ Русью за все неисчислимое зло, нанесенное ей „офярой“ самозванцевъ; что наступитъ время разсчета двухъ сосѣднихъ государствъ, какъ только окрѣпнетъ Москва; что скорѣе Варшава подчинится Москвѣ, чѣмъ Москва Варшавѣ. Шуйскій въ своемъ несчастьѣ видѣлъ не на словахъ только дружеское участіе къ себѣ Дворжицкаго. Само собой, что ни воспріимчивая натура благороднаго пана, ни тяжелыя обстоятельства, переживаемыя Польшей, не допускали его ослабѣть духомъ въ безплодной тоскѣ о погибшемъ счастьѣ. Государственныя опасности, настроеніе своевольнаго общества, раздираемаго духомъ партій будили въ немъ помыслы и чувства, достойные мужчины. Турки и

татары грозили цѣлости коронныхъ земель, и Дворжицкій, съ свойственною ему страстностью, отдался своему гражданскому долгу. Гетманъ Жолкѣвскій нашелъ въ немъ достойнаго себѣ сотоварища, какъ и онъ одушевляемаго героизмомъ, какъ и онъ великодушнаго. Оба они были неразлучны на ратномъ полѣ и оба рядомъ погибли подъ татарскими саблями въ несчастный для Польши день битвы подъ Цецоромъ.

Прекрасная Марина Мнишекъ, жертва своего женскаго и фамильнаго честолюбія, изъ объятій грубаго самозванца, обрусѣлаго жида, попала въ объятія отчаяннаго казацкаго атамана Ивашки Заруцкаго. Захвативъ Астрахань, они взволновали, во имя Маринина сына, царевича Ивана, татарскія юрты и поволжье. Только старая панья Казановская осталась вѣрна Маринѣ. Ея звѣзда погасла. Она едва могла уйти изъ Астрахани на стругахъ Волгой и Яикомъ и скрылась въ степь. Но тутъ атаманъ Трень-Усъ „съ товарищи“ выдали бѣглецовъ царскимъ стрѣлецкимъ головамъ Пальчикову и Онучину. Скованныхъ ихъ повезли въ Москву, гдѣ Ивашку Заруцкаго посадили на колъ, Марининова сына повѣсили. „Маринка умре на Москвѣ“, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ.

Такъ погибла „еритица богомерзкія латынскія вѣры, прежнихъ воровъ жена, отъ которыя все зло россійскому государству учинилось“.

Игуменъ Манассія оставилъ свое пустынножительство на святомъ городищѣ. Мечта отойти въ Соловки, на сѣверное Поморье, смѣнилась теперь дѣятельностью по возстановленіи коренскаго монастыря. Онъ проявилъ здѣсь всю энергію своего строгаго характера. При вѣсти объ этомъ желанномъ возстановленіи святой обители, курскіе насельники наперерывъ помогали игумену своимъ трудомъ, денежной казной, строительнымъ матеріаломъ. Стекались къ нему отовсюду прежніе монахи и новые. Посошные севрюки и „доброхоты“, прочіе „яко пчелы мѣдоносныя“, по выраженію игумена, съ ранней весны готовили и жгли кирпичъ, извѣсть, возили песокъ, рубили кельи, крыли новую каменную церковь. Искусные клали стѣны.

— Потщитесь, православные, во славу Богородицы нашей курской! поощрялъ рабочихъ старый бояринъ, не отходившій съ работъ.—Обнесемъ домъ матери Божіей твердыней, дабы благополучна въ немъ пребывала чудотворная наша икона, еже вернется къ себѣ, домой, изъ Москвы; и враги бы ей не поругались!..

Работа кипѣла. Поднялись стѣны, возобновилась служба въ соборной и кладезной церквахъ; богородиченъ лѣсъ снова огласился церковнымъ звономъ, несказанно радовавшимъ сосѣднія селенія. Брусяной трапезѣ съ галлереей на рѣзныхъ столбахъ кругомъ и братскимъ кельямъ игуменъ, по возможности, сообщилъ внѣшность построекъ своей греческой родины. Бояринъ радовался при мысли,

что теперь не такъ уже страшны для обители конныя крымскія шайки и ждалъ только часа достойно принять чудотворную икону. Ждалъ еще вѣсти: кого всей землей на Москвѣ въ государи поставятъ? Что „земля русская“ поставитъ своимъ государемъ изъ своихъ же прирожденныхъ русскихъ именитыхъ людей — въ этомъ онъ не сомнѣвался. Свой же голосъ онъ подалъ за костромскаго боярина, юнаго Михаила Романова, отъ рода честна. Нетерпѣливо ждалъ онъ изъ Москвы Василія Косолопа. Тою же весною старый бояринъ говѣлъ въ коренскомъ монастырѣ, на страстной седьмицѣ. Соборная церковь была биткомъ набита говѣльщиками. Бояринъ только что причастился св. тайнъ, какъ вошелъ въ церковь Косолапъ, весь въ грязи, прямо съ сѣдла. Съ амвона онъ окинулъ народъ черными глазами, свѣтившимися радостью, перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны и голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, вскричалъ:

— Православные! Помолимся за нашего бѣлаго царя, избраннаго всею землею русскою на Москвѣ! Помолимся за благочестиваго государя нашего Михаила Ѳедоровича Романова!

Густая толпа пала на колѣни. Игуменъ Манассія на минуту прервалъ таинство причащенія. Монахи на клиросахъ смолкли вдругъ. По толпѣ монаховъ и прихожанъ пошелъ радостный говоръ. Имя царя Михаила Ѳедоровича Романова пролетѣло до заднихъ рядовъ, къ паперти. Закрестились руки, забили лбы о помостъ. Трудно передать глубоко-восторженное впечатлѣніе, произведенное въ церкви вѣстью, привезенною Косолапомъ.

— Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ, слава тебѣ! отъ полноты души прошепталъ старый бояринъ, умильными старыми глазами воззрясь на иконостасъ.—Свой! прирожденный русскій государь, народный избранникъ!.. Отойду нынѣ съ миромъ!.. Онъ медленно опустился на колѣни и распростерся ницъ. Дождался, наконецъ, старецъ желанной вѣсти.

Когда Косолапъ подошелъ къ нему, чтобы обнять его крѣпко, чтобы порадовать его и съ нимъ порадоваться великой земской радостью, разсказать ему московскія новости, похвалиться, что онъ вернулся дворяниномъ, старый бояринъ не подымался. Косолапъ нагнулся къ нему и думая, что старикъ ослабѣлъ отъ строгаго поста, хотѣлъ его поднять, но руки боярина были холодны и его неподвижность испугала Косолапа. Онъ не дышалъ, глаза остановились. Великую земскую радость о избраніи земскаго царя не перенесъ старый земскій бояринъ.

Глубокое молчаніе тѣснившейся вокругъ покойника толпы не лживо свидѣтельствовало о глубокомъ горѣ курскихъ насельниковъ, потерявшихъ въ немъ своего твердаго защитника и руководителя.

Стараго боярина, согласно его завѣщанію, похоронили у алтаря, въ Коренскомъ монастырѣ. За его гробомъ шла не одна дочь его,

игуменья, не одинъ Косолапъ, его сынъ названный, а тысячныя толпы горестно провожали своего „излюбленнаго“ старика къ мѣсту его вѣчнаго успокоенія... Онъ не дождался торжества, съ какимъ чудотворная икона Знаменія Божьей Матери возвратилась въ свой коренской домъ изъ Москвы, куда взялъ ее съ собой первый Лжедимитрій; онъ не узналъ, что Василій Косолапъ заслужилъ себѣ подъ Московой званіе дворянина.

Надпись надъ гробницей Шуйскаго, въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что: „Лѣта 7121 (1612) сентября въ 12-й день, на память святаго священномученика Автонома преставися благовѣрный и христолюбивый великій государь царь и великій князь Василей Ивановичь, всея Руссіи самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ, въ 60-е лѣто живота своего. А въ Польшѣ лежало тѣло его въ Варшавѣ 23 года“.

Влад. Марковъ.





ЖИЗНЬ АѲАНАСІЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ЩАПОВА [1]

VIII.

Литературные замыслы и знакомства Щапова.—Недовольство его журнальной работой.—Строгости цензуры.—Нелады его съ редакторами.—Желаніе примкнуть къ кружку сотрудниковъ „Современника“.—Развитіе страсти къ пьянству.—Дачное житье въ Павловскѣ.—Газета „Очерки“.—Доносъ Ничипоренко.

КОГДА Аѳанасій Прокофьевичъ передалъ рукопись „О земскихъ соборахъ“ А. А. Краевскому (напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., № 3),—онъ задумалъ приготовить рядъ мелкихъ статей изъ русской исторической жизни по разнымъ ея отраслямъ, въ память ожидаемаго празднованія тысячелѣтія Россіи. Онъ намѣтилъ широкую программу для этихъ очерковъ, чтобы между ними находилась тѣсная связь, и съ энергіей приступилъ къ работамъ; онъ приготовилъ два очерка: „О русскихъ раскольникахъ“ и „О русскомъ управленіи XVIII в.“, но далѣе этотъ замыселъ не приводилъ въ исполненіе по нѣкоторымъ постороннимъ обстоятельствамъ. О времени приготовленія очерка „О русскихъ раскольникахъ“ самъ историкъ прибавилъ, когда коснулся общихъ раскольничьихъ совѣтовъ: „Со всѣмъ этимъ я познакомлю своихъ читателей уже въ статьѣ—„О земствѣ и расколѣ“. Слѣдовательно, очеркъ этотъ написанъ до 1861 г., когда появилась статья „О земствѣ и расколѣ“; другой очеркъ „Объ управленіи XVIII вѣка“ Щаповъ читалъ мнѣ въ декабрѣ 1861 г. при самомъ его составленіи. Оба эти очерка имѣютъ между собою внутреннюю связь и дополняютъ другъ друга. Хотя не представляютъ они большой новости для читателей, знакомыхъ съ другими его капитальными произведеніями, но и теперь, спустя 20 лѣтъ послѣ ихъ сочиненія, они

[1]) Окончаніе. См. „Историч. Вѣстн.“, т. X, стр. 295.

не лишены научнаго значенія, важны для исторіи литературы шестидесятыхъ годовъ и для характеристики ихъ автора. Эти очерки онъ назначалъ въ будущій журналъ или еженедѣльную газету „Мірской толкъ", которую хотѣла издавать компанія литераторовъ на паяхъ съ 1862 года; Щаповъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе и радовался, что будетъ свой литературный органъ пріятельскій. Составлена была программа, разосланы во множествѣ письма разнымъ лицамъ, съ приглашеніемъ и просьбой сообщать свѣдѣнія изъ провинцій и принимать участіе въ газетѣ; направленіе должно было по серьезному и дѣльному тону походить на „День" И. С. Аксакова.

Редакторомъ предполагался Г. З. Елисеевъ и дѣло настроено было на лучшій ладъ; но „Мірской Толкъ" не былъ разрѣшенъ, къ сожалѣнію артели литературной.

Въ Петербургѣ въ это время обыденная и внѣшняя жизнь Щапова и способъ занятій оставались прежняго склада и характера: если онъ не кутилъ, то по своей страстной натурѣ занимался запоемъ, быстро писалъ сочиненія прямо набѣло и дѣлалъ на широкихъ поляхъ тетради частыя вставки и поправки; онъ просиживалъ по обычаю дни и ночи чуть не напролетъ, когда увлекался предметомъ изслѣдованія. Выпивъ порядкомъ, онъ совсѣмъ неспособенъ былъ работать и только говорилъ съ жаромъ цѣлый день безъ умолку, даже иногда оставаясь одинъ безъ слушателей. Къ развлеченіямъ и общественнымъ увеселеніямъ онъ прибѣгалъ рѣдко; театръ посѣщалъ раза два—три въ годъ и то большею частью съ знакомыми; до музыки былъ небольшой охотникъ, но зато сильно любилъ русское пѣніе и пляску. Иногда невинная шутка съ серьезнымъ оттѣнкомъ могла доставить ему большое удовольствіе, особенно простонародная острота. Помню, кто-то изъ знакомыхъ Аѳанасія Прокофьевича, незаставъ его дома въ новый годъ, подбросилъ ему подъ дверь свою визитную карточку съ надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ такой-то. Годъ и число". Эта подпись съ фамиліей цензора, непропустившаго нѣсколько статей его, пришлась ему по душѣ и долго онъ показывалъ карточку посѣтителямъ, какъ удачный образецъ остроумія.

„Шахматный клубъ" очень нравился Щапову, хотя онъ заходилъ туда на обѣды и вечера очень рѣдко; не часто также онъ посѣщалъ ученыхъ и литераторовъ, бывалъ у Н. И. Костомарова, А. Н. Пыпина, В. С. Курочкина, М. И. Семевскаго и немногихъ другихъ; любилъ проводить время дома въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ, или въ квартирѣ Г. З. Елисеева. Въ январѣ 1862 г. Н. Г. Помяловскій просилъ меня познакомить его со Щаповымъ; я пригласилъ ихъ къ себѣ на вечеръ, который провели они въ серьезныхъ задушевныхъ учено-литературныхъ разговорахъ и между прочимъ долго горевали, что не разрѣшили издавать газету „Мірской

Толкъ". Помяловскій выражалъ мысль, нарисовать картину быта провинціальныхъ духовныхъ училищъ и семинарій, говорилъ, что для этихъ очерковъ получилъ отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ богатые матеріалы и просилъ объ этомъ Аѳанасія Прокофьевича; тотъ обѣщалъ изобразить житье-бытье въ иркутской бурсѣ, и дѣйствительно впослѣдствіи написалъ очеркъ и напечаталъ въ „Искрѣ", хотя безъ окончанія. Помяловскій разсказывалъ, что онъ обрабатываетъ комическую повѣсть о разной оцѣнкѣ судомъ физіономіи различныхъ лицъ при нанесеніи удара; а Щаповъ выражалъ желаніе написать полную исторію культуры русскихъ областей. У того и у другого замыслы были очень широкіе. Но передъ самымъ отъѣздомъ ученые разговоры чуть не закончились ссорой: они начали отнимать другъ у друга кредитные билеты, по десяти рублей, и изорвали ихъ въ клочки, чтобы они никому не доставались.

Привыкшій постоянно относиться ко всему серьезно, глубоко задумываться надъ всѣмъ, что увидитъ или къ чему прислушается, Аѳанасій Прокофьевичъ вѣчно настроенъ былъ на грустный ладъ; поэтому и самыя развлеченія, вмѣсто успокоительнаго вліянія, нерѣдко раздражали его впечатлительную душу. Въ думѣ „Гражданская грусть" онъ сознается, что гражданская скорбь преслѣдовала его безпрестанно всюду, давила сердце, а безотвязная дума напрягала поминутно голову, и никакія развлеченія не въ состояніи были заглушить ихъ. Отъ музыки и пѣсни становилось ему тошнѣе и безотраднѣе, и неразвлекали его общественныя гулянья; онъ пишетъ: „Заиграйте заунывно, грустно, печально, запойте протяжно, заунывно, и грусть гражданская будетъ еще усиленнѣе, глубже сосредоточится, уйдетъ внутрь сердца, и оно заноетъ, заноетъ. Или вотъ такъ бы сѣлъ и излилъ ее перомъ въ элегической думѣ; но набросаешь отрывокъ, и онъ ее не выражаетъ, потому что она непрерывна, цѣльна, всеобъемлющая. Пойдешь въ гости, въ общество, на общественное гулянье: грустная задумчивость, молчаливая самоуглубленность, самосредоточенность и тихая грустная внутренняя работа мысли и сердца, составляютъ и тамъ потребность твоей натуры, даютъ преобладающій тонъ всему твоему поведенію, мотивъ твоимъ рѣчамъ, движеніямъ, пищу думамъ. Среди самыхъ сильныхъ, заглушающихъ движенье души развлеченій, все чувствуется, тяготѣетъ на днѣ, въ глубинѣ сердца какая-то грусть, какое-то недовольство, въ біеньи сердца слышится тайный голосъ: не то, не такъ, нѣтъ того!.. И придешь домой съ большей грустной настроенностью, тоской, и еще больше погрузишься въ основную господствующую грусть сердца. Только сядешь что нибудь читать или писать, и найдешь успокоеніе, развлеченіе. Нѣтъ, и тутъ и когда читаешь такія страницы, или пишешь о такихъ предметахъ, которые раздираютъ сердце гражданской грустью или до слезъ, или до озлобленія"...[1]

Когда не былъ разрѣшенъ къ изданію „Мірской Толкъ" въ мартѣ

1862 г. артель литераторовъ пріобрѣла отъ П. И. Вейнберга упавшій „Вѣкъ“ и начала издавать его еженедѣльно цѣлыми тетрадями. Кромѣ Щапова, въ „Вѣкѣ“ принимали участіе два брата Курочкины, два брата Потѣхины, А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, П. А. Бибиковъ, П. М. Боклевскій, А. Ф. Головачевъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, П. А. Мулловъ, М. М. Стопановскій, Н. В. Успенскій, П. И. Якушкинъ и нѣкоторые другіе. Редакторомъ былъ Г. З. Елисеевъ и повелъ изданіе на первыхъ порахъ дѣльно; но скоро возникло разногласіе между участниками, такъ какъ нѣкоторые желали выбрать другого редактора. Собрались на совѣщаніе и Щаповъ проводилъ мысль, что въ артеляхъ крестьянскихъ выборъ коновода или старосты дѣлается излюбленнымъ путемъ и убѣждалъ этотъ пріемъ употребить и здѣсь. Но Г. З. Елисеевъ отказался отъ редакторства и „Вѣкъ“ прекратился, просуществовавъ подъ новой редакціей только три мѣсяца. Аѳанасій Прокофьевичъ успѣлъ помѣстить въ немъ, нѣсколько прекрасныхъ историческихъ очерковъ: „Сельская Община“ (№ 1—6), „Земство“ (№ 7—8), „Русскіе самородки“ (№ 9—10), „Земскіе соборы XVII столѣтія“ (№ 11), „Городскіе мірскіе сходы“ (№ 12, марта 15).

Въ статьѣ „Сельскій міръ и мірскій сходъ“ (отъ 1-го апрѣля, №№ 13—14) Щаповъ разъясняетъ кругъ дѣйствія этой общинной единицы управленія древней Россіи. Міръ въ волостяхъ и селахъ былъ полноправный государь: какъ законодатель, онъ чинилъ указы, издавалъ заповѣди или мірскія уложенья, даже по вопросамъ религіознымъ; онъ избиралъ земскихъ головъ, старостъ, судей и проч.; распоряжался земельными участками, отводилъ черезъ своихъ выборныхъ пустопорожнія земли подъ усадьбу и подъ пашню; какъ полноправный хозяинъ, собиралъ деньги съ волостныхъ деревень и распоряжался ими; онъ непосредственно сносился съ правительствомъ черезъ своихъ излюбленныхъ, совѣщаясь межъ себя, а старосты выполняли земскія дѣла „во всѣхъ мѣсто“. Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ областныя земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительственный элементъ; мірское самоуправленіе больше и больше стало ограничиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тіуновъ, кормленщики царскіе нарушали земское право и мірской самосудъ, и чинили продажи великія. Начался общій вопль противъ приказныхъ и Іоаннъ IV велѣлъ опять волостямъ управляться чрезъ лицъ излюбленныхъ, по уставнымъ грамотамъ сельскихъ общинъ, „кому и какъ у нихъ мочно“. Выборные волостные земскіе судьи имѣли мірское полномочіе контролировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостей, кормленниковъ; міръ посылалъ на судъ приказныхъ добрыхъ судныхъ мужей, особыхъ довѣренныхъ своихъ людей, и могъ казнить ихъ въ случаѣ вины. Только при такомъ полно-жизненномъ и свободномъ самораз-

витіи богатыхъ волостныхъ селъ, взыщется въ захолустьяхъ русскихъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д.

Мірской сходъ собирался въ земской или въ съѣздной избѣ, въ судной избѣ или въ трапезѣ церковной, и староста рѣшалъ дѣло, „поговоря со всѣмъ міромъ"; сельскіе сходы соединялись въ одинъ общій волостной мірской сходъ. „Не распространяясь о томъ, говоритъ Щаповъ, какіе вопросы крестьяне рѣшали на мірскихъ сходкахъ, мы считаемъ важнымъ сохраненіе извѣковѣчнаго принципа сходовъ, призваніе ихъ къ самодѣятельности, самоуправленію и самосуду. Пожелаемъ мірскимъ сходамъ больше простора, свободы въ своемъ саморазвитіи, а крестьянамъ больше правъ свободнаго пользованія землями, лѣсами и другими источниками народнаго богатства, простора для торгово-промышленнаго саморазвитія, возрастанія богатыхъ селъ на степень городовъ, безъ искусственнаго указнаго вмѣшательства".

Оторвавшись отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Щаповъ долженъ былъ посвятить всю свою дѣятельность и трудъ на занятія литературой, потому что всякая ученая дорога для него была закрыта. Сначала онъ былъ доволенъ, что раздѣлался съ зависимымъ положеніемъ и вышелъ изъ двусмысленнаго состоянія; но вскорѣ журнальныя занятія оказались для него несподручными и тяжелыми, мелочными и противными. Самолюбіе его постоянно раздражалось, что онъ оказался въ ряду литераторовъ обыкновеннымъ чернорабочимъ поденщикомъ, тогда какъ среди ученыхъ дѣятелей занималъ первостепенное мѣсто. Теперь онъ почувствовалъ, что литературное поприще отвлечетъ его навсегда отъ истиннаго призванія и свѣтлой цѣли въ жизни, и серьезно ученый трудъ, долгій и плодотворный, становится для него немыслимъ. Тонкій анализъ и историческое чутье, громадный талантъ къ систематизаціи, подзадоривали его прокладывать въ наукѣ новые пути или освѣщать темныя стороны минувшей жизни нашихъ предковъ; но обыденная нужда не давала свободы и простора для любимой дѣятельности, а заставляла волей-неволей браться за предметы насущнаго вкуса и легкой временной потребности прихотливой публики.

Спѣшныя журнальныя работы по заказу и къ сроку вовсе были не по сердцу Щапова и скоро надоѣли ему; сухія ученыя статьи готовыя не годились для читателей журналовъ: ихъ надо было выправлять, подтягивать содержаніе къ современнымъ интересамъ и становиться на ходули, чтобы онѣ сдѣлались доступнѣе и удобочитаемѣе. Отсюда является незрѣлость соображеній и порча прежнихъ прекрасныхъ историческихъ сочиненій и лекцій, постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же разсужденій и выраженій во многихъ статьяхъ. Такія литературныя работы изъ-за куска хлѣба возбуждали сильнѣйшія жалобы и сожалѣнія Щапова, которыя онъ много разъ

выражалъ при мнѣ съ глубокой горестью, что необходимость заставляетъ его пережевывать старые очерки и давать читателямъ недопеченыя статьи. „Если бы позволяли средства, говорилъ онъ въ глубокомъ горѣ, съ какимъ бы я удовольствіемъ засѣлъ за сочиненія чисто ученаго характера, безъ всякихъ прикрасъ и кокетства! Величайшую глупость я сдѣлалъ, что напрасно погорячился въ Казани и оторвался отъ университетской дѣятельности: сколько бы дѣльныхъ ученыхъ изслѣдованій могъ приготовить и сколько пользы могъ бы принесть образованію молодого поколѣнія! Университетъ меня совсѣмъ было уже командировалъ для ученыхъ занятій въ Москву и Петербургъ; а теперь неволя заставляетъ пускаться въ литературу и открывать мелочную лавку!..“ Горько было выслушивать подобныя справедливыя жалобы обезоруженнаго ученаго дѣятеля и позднія раскаянія въ своей опрометчивой горячности. Когда толкали его на путь публицистики и выпрашивали легкихъ работъ, онъ понялъ, что, по складу своего ума и характеру подготовки, не способенъ на трудъ журнальнаго литератора и публициста, что истиннымъ его призваніемъ были единственно ученыя занятія по русской исторіи.

Къ внутреннему недовольству литературными занятіями скоро присоединились внѣшнія непріятности и невзгоды: цензура часто не пропускала статьи Щапова и прекращала, такимъ образомъ, источникъ доходовъ; онъ по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, особенно лѣтомъ и осенью 1862 г., когда сильно возрасли цензурныя строгости, и вотъ по какому случаю.

Въ страшныхъ петербургскихъ пожарахъ стали обвинять кружокъ лицъ, которые напечатали и распространили секретную прокламацію „Молодая Россія“; въ этомъ листкѣ проповѣдывалось наступленіе новаго порядка, основаннаго на уничтоженіи религіи, собственности, власти, расторженіи семьи и раздѣлѣ имущества, а не сочувствующимъ этимъ идеямъ и для введенія новаго порядка предлагалась всеобщая рѣзня. Къ кругу этому начали причислять литераторовъ, а Аскоченскій совершенно бѣсновался и открыто печаталъ, возводя на литераторовъ подозрѣніе въ соучастіи съ составителями „Молодой Россіи“. Такъ, напримѣръ, въ № 32 „Домашней Бесѣды“, 11-го августа онъ высказалъ, что въ словахъ газеты „Современное Слово“ слышатся варіаціи на одну изъ темъ гнусной прокламаціи. Такія клеветы имѣли тогда значеніе: цензура обрушилась всей тяжестью на статьи и начала косить ихъ цѣлыми сотнями. У Щапова сразу непропущенъ былъ длинный рядъ готовыхъ сочиненій, таковы: „Областныя земскія собранія и совѣты“, „Расколъ“, „Регламентація и бюрократія“, „Русское дворянство въ старинное время“ и проч. Все это горько было для впечатлительной души его и весьма невыгодно для кармана. Готовилъ онъ еще статью „Объ историческомъ значеніи центральныхъ и губернскихъ учрежденій правительственныхъ“, въ которой излагалъ мысли о непригодности ихъ порядковъ для разви-

тія и благоденствія народныхъ провинціальныхъ массъ; но, кажется, строгости цензуры отбили у него охоту трудиться понапрасну надъ изслѣдованіемъ избраннаго щекотливаго предмета и онъ оставилъ начатую работу.

Недовольство его литературными занятіями выразилось на отношеніяхъ къ редакторамъ и издателямъ журналовъ и газетъ: исключая Г. З. Елисеева, ни съ однимъ онъ не могъ сойтись на долго, да и Елисеева онъ тоже иногда честилъ нелестнымъ въ его устахъ, названіемъ „сибирскаго чиновника". Кромѣ личнаго каприза Щапова, кажется, не было другой причины разойтись ему съ А. А. Краевскимъ и не исполнить обѣщанія, помѣстить рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ которыхъ онъ намѣренъ былъ, какъ самъ заявлялъ, „сообщить историческіе очерки областной жизни втеченіе всего XVII вѣка и эпизоды изъ исторіи нѣкоторыхъ провинцій въ XVIII стол.". Потомъ обѣщалъ съ 1862 г. помѣщать статьи о земскомъ строеньи: о мірскихъ сходкахъ, о вѣчевыхъ собраніяхъ и областныхъ земскихъ совѣтахъ. Впрочемъ, послѣдняя статья запрещена цензурой и неизвѣстно, для какого журнала была приготовлена. Помѣстивъ статью о Бѣгунахъ во „Времени" (1862 г., №№ 10 и 11), Щаповъ былъ весьма недоволенъ медленной расплатой съ нимъ М. М. Достоевскаго, когда сильно нуждался въ деньгахъ. Узнавъ, что ему необходимо пріобрѣсть теплое платье, Достоевскій повелъ его къ знакомому портному еврею и въ счетъ уплаты соорудилъ ему теплое пальто и пару платья; все это было плохаго качества и обошлось очень дорого, на что жаловался потомъ даже непрактическій Щаповъ („Дѣло". 1876 г. № 4). Съ П. Д. Боборыкинымъ познакомилъ я его, когда онъ уже находился въ клиникѣ Заблоцкаго; тогда онъ напечаталъ только одну статью въ „Библіотекѣ для Чтенія" (1864 г. № 1), подъ заглавіемъ: „Энтографическая организація русскаго народонаселенія" и обѣщалъ „Фактическій очеркъ историко-этнографической организаціи" русскаго народонаселенія по областямъ; но продолженія не послѣдовало. На Г. Е. Благосвѣтлова Щаповъ сначала злился за то, что онъ не напечаталъ его „Очерки міросозерцанія", присланные изъ Казани, и не желалъ вести никакихъ дѣлъ съ „Словомъ", заслуживающимъ, по его понятію, названія болтовни; но сила необходимости заставила его сблизиться и съ „Словомъ" и съ „Дѣломъ". Больше всѣхъ за щедрое вознагражденіе хвалилъ онъ Рехневскаго, редактора „Журнала министерства народнаго просвѣщенія".

Сталкиваясь съ сотрудниками „Современника", Елисеевымъ, Пыпинымъ, Помяловскимъ и другими, Щаповъ не могъ помириться съ направленіемъ этого журнала, считая его искусственнымъ, сочиненнымъ и непригоднымъ для русскаго народа, намѣтившаго свой жизненный путь, по которому и слѣдуетъ сознательно вести его истинно-образованнымъ людямъ. Несмотря на этотъ взглядъ, Щапову сильно

хотѣлось примкнуть къ „Современнику“ и онъ досадовалъ, что редакторы не понимаютъ его, причисляя къ партіи славянофиловъ; поэтому онъ дѣлалъ попытки выяснить свой историческій взглядъ, имѣя въ виду компанію „Современника“. Онъ доказывалъ, что ищетъ въ прошломъ не образцы для подражанія, а живыя и свободныя начала, чего искалъ самъ народъ съ дѣтства; подъ грубыми формами онъ видитъ начатки прекрасныхъ своеобразныхъ учрежденій; среди господства невѣжества и суевѣрія въ народѣ онъ отмѣчаетъ факты мужиковатаго здраваго движенія умственнаго и нравственнаго. „Пусть тускло, пишетъ онъ, виднѣются факты излюбленнаго областнаго самоуправленія изъ-за московскихъ и областныхъ приказовъ, въ грубой, невѣжественной темнотѣ среднихъ вѣковъ, но важно ужъ и то, что свѣтъ и во тмѣ свѣтился. Важно это появленіе съ дѣтства истинныхъ, естественныхъ инстинктовъ, природнаго такта, природныхъ дарованій и стремленій юнаго, могучаго, богатырскаго народа... Дорогъ этотъ младенческій, инстинктивный, безсознательный лепетъ народа объ излюбленномъ земско-областномъ самоуправленіи и самосудѣ. Нестройны и уродливы были старинныя вѣчевыя собранія, нескладны формы земскихъ совѣтовъ, мужиковаты ихъ отписки и отвѣстья, но они служили проявленіемъ здравыхъ умственныхъ силъ, потребности прочнаго общественнаго порядка и самоустройства жизненнаго. Въ настоящее время для насъ важны вовсе не эти старыя, грубыя, отжившія формы областныхъ земскихъ совѣтовъ, а важенъ только этотъ природный здравый смыслъ, инстинктъ, тактъ народный, проявившійся въ образованіи, въ починкахъ ихъ. Если въ грубую пору естественная жизнь народа развивала начала областныхъ собраній, то и въ настоящее время сознанные вопіющіе вопросы жизни народной, рѣшеніе которыхъ превышаетъ бюрократическія силы, требуютъ призванія и спроса самихъ мѣстныхъ общинъ, какъ лучше устроить ихъ бытъ и управленіе“.

Потомъ онъ старается доказать, что въ его воззрѣніи на древнерусскую жизнь нѣтъ никакой отсталости, что оно оправдывается послѣдними выводами наукъ и просвѣщеннымъ опытомъ образованныхъ государствъ, что изучать минувшую жизнь не значитъ стремиться къ возстановленію отжившей старины.

„Народъ—это многочисленный общественный организмъ, это—природа, живущая и развивающаяся по своимъ естественнымъ законамъ, въ связи и взаимодѣйствіи съ внѣшней физической природой. Исторія народа — это прежде всего естественная исторія его внутренняго, жизненно-органическаго саморазвитія, постепенное раскрытіе естественныхъ, природныхъ силъ, дарованій, инстинктовъ народнаго организма, народнаго прироженья, какъ говорили наши предки въ смутное время. Значитъ, народный организмъ, еще будучи юнымъ, въ самые младенческіе вѣка своего историческаго роста и воспитанія, въ самыхъ дѣтскихъ, такъ сказать, движеніяхъ, жела-

ніяхъ и поступкахъ, естественно, безсознательно, инстиктивно, по законамъ своихъ внутреннихъ силъ, можетъ обнаруживать свои природныя дарованія, порывы и стремленія, которыя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ историческаго воспитанія, въ послѣдующіе вѣка, могутъ и должны раскрыться уже не инстинктивно, а разумно—сознательно, просвѣщенно. И съ этой точки зрѣнія, вовсе не славянофильствомъ будетъ—какъ, пожалуй, могутъ подумать строгіе систематоры-государственники, теоретики-цивилизаторы — то изученіе народной исторіи, которое физіологически анализируетъ прошедшую народную исторію, какъ организмъ, старается углубляться собственно въ историческія проявленія духа народнаго, въ свободное историческое самовыраженіе, самоустройство, саморазвитіе, въ свободную жизнедѣятельность самого народа. Нѣтъ, не славянофильствомъ будетъ то изученіе исторіи, которое старается познать факты народной жизни, какъ члены, какъ жизненныя органическія отправленія, имѣющія живую связь между собою и съ цѣлымъ народнымъ организмомъ, различить въ нихъ историческое, нормальное значеніе, исчезающее вмѣстѣ съ стариной, и внутренній, всевременный, вѣчный, жизненно-разумный смыслъ и значеніе въ организмѣ народномъ и, на основаніи такого анализа, познаванія и различенія, дѣлать выводы о внутреннихъ силахъ, дарованіяхъ, задаткахъ и стремленіяхъ народа. Такой анализъ естественной, свободнобытовой, внутренней исторіи собственно самого народа, народной жизни, вовсе не есть желаніе невозможнаго, неестественнаго возстановленія отжившей старины, а это ни больше, ни меньше, какъ попытка изученія физіологіи исторіи, которая теперь въ высшей степени у насъ необходима и желательна. Только при этомъ физіологическомъ изученіи исторіи народнаго организма, мы поймемъ истинную степень и силу жизненности, естественности, воспитательности и благоустроительности, благодѣтельности для массы народнаго организма, для различныхъ составныхъ частей его, всѣхъ реформъ, всей правительственной, централизаціонной, политической системы петровской эпохи, всѣхъ центральныхъ и губернскихъ бюрократическихъ учрежденій, и проч.“

Н. Г. Чернышевскому сильно хотѣлось привлечь на свою сторону Щапова, но съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ хотя отчасти свой историческій взглядъ; съ этою цѣлью онъ устроилъ съ нимъ свиданіе, вечеромъ, на масляницѣ 1862 года, въ квартирѣ одного изъ литераторовъ, жившаго у Пяти угловъ. Цѣлый вечеръ продолжался горячій споръ между ними о коренныхъ воззрѣніяхъ на русскую историческую жизнь и современное состояніе народовъ; Щаповъ узналъ только при прощаніи, съ кѣмъ онъ велъ долгій и дѣльный споръ,— и однако ни на шагъ не уступилъ изъ своихъ выработанныхъ убѣжденій. Съ той поры участіе его въ „Современникѣ“ сдѣлалось сомни-

тельнымъ, хотя онъ приготовлялъ туда статью лѣтомъ 1863 года, но самый журналъ скоро былъ запрещенъ.

Теперь на литературномъ поприщѣ громадное и избалованное самолюбіе Аѳанасія Прокофьевича не находило уже себѣ пищи: ему не удивляются, его вдохновенной рѣчью никто не восторгается и не раздаются нигдѣ дружныя рукоплесканія молодежи. Трудно тянуть лямку рядоваго тому, кто хоть недолго испыталъ, что онъ можетъ быть командиромъ! А еще тяжелѣе тому, кто пришелъ къ полному сознанію, что никогда не возвратить ему въ будущемъ свѣтлаго прошлаго. Постоянное недовольство и томительная тоска чаще и чаще толкали его къ знакомому средству — залить горе зеленымъ виномъ; въ чаду похмѣлья онъ и плясалъ и плакалъ и затягивалъ горькую пѣсню:

Ахъ, спасибо же тебѣ, синему кувшину, —
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску—кручину!

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ сильнѣе и сильнѣе росло въ немъ пристрастіе къ пьянству, повторялось чаще и продолжительнѣе.

Въ такія тяжелыя минуты онъ не могъ усидѣть дома и искалъ развлеченій, которыя отличались своеобразнымъ характеромъ: то онъ очутится у Палкина и разругаетъ ни за что, ни про что, незнакомыхъ ему гвардейскихъ офицеровъ, обзоветъ деревянными солдатиками—и сведутъ его за это въ кварталъ; то при деньгахъ зальется на Крестовскій слушать русскія пѣсни, весь хоръ и всю прислугу перепоитъ шампанскимъ и просадитъ сразу рублей 200, или сколько есть въ карманѣ, а на другой день отдастъ часы въ залогъ; то мчится къ какому-либо пріятелю и умоляетъ всѣми святыми, чтобы онъ постарался его вытрезвить, поселяется у него на нѣсколько дней, отнимаетъ рабочее время, а отъ него махнетъ прямо въ трактиръ, послѣ самаго основательнаго вытрезвленія.

Самымъ любимымъ развлеченіемъ его было разъѣзжать по улицамъ Петербурга и всю дорогу разговаривать съ извозщикомъ; ловкіе изъ нихъ разводили ему балясы о своемъ загнанномъ состояніи, о несчастной долѣ семьи и всѣхъ жителей въ селѣ, тонко подмѣчали симпатіи его изъ распросовъ и умѣли отвѣчать въ самую линію. Такихъ онъ щедро награждалъ и дарилъ имъ рубля по три, по пяти на разживу или на водку. Однажды я былъ свидѣтелемъ забавнаго случая, когда долго разъѣжалъ со Щаповымъ на извощикѣ, который оказался продувнымъ малымъ, хотя прикидывался очень простодушнымъ; онъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и получивъ 3 рубля на водку, снялъ шапку и ловко сказалъ: „маловато, сударь, прибавьте!..“ Такая выходка сначала озадачила Щапова, потомъ разсмѣшила—и онъ еще далъ ему три рубля; тогда извощикъ спросилъ его имя, чтобы научить дѣтей поминать на молитвѣ. Видя простоту и безкорыстіе его до слабости, прислуга обманывала и обсчитывала его до безобразія; покупая какія-либо вещи, онъ никогда не требо-

валъ сдачи; за малѣйшую услугу онъ старался наградить роскошно, точно крупный капиталистъ. Вообще, какъ въ Казани, такъ и въ Петербургѣ, онъ оставался настоящимъ безсребреникомъ, сразу пропуская деньги и всегда нуждаясь въ нихъ.

Щаповъ вѣчно толковалъ о народѣ и хвалился, что онъ знаетъ его отъ Камчатки до Казани; но проѣхать черезъ всю Россію отъ Восточнаго океана до Балтійскаго моря и изучить ея населеніе—двѣ вещи совершенно различныя. Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ народа хорошо не зналъ и судилъ о немъ по воспоминаніямъ дѣтства до конца дней; когда развилось сознаніе, ему приходилось жить чуть не взаперти и по большимъ городамъ. Въ Казани ѣздилъ онъ раза два по селамъ взглянуть, какъ крестьяне празднуютъ семикъ или отправляютъ свадьбу,—въ Петербургѣ любилъ часто бесѣдовать съ извощиками, но это нельзя назвать изученіемъ и знаніемъ народа. Онъ народъ зналъ настолько, насколько каждый семинаристъ, родившійся и выросшій въ селѣ. Онъ никогда въ глаза не видалъ хохла простолюдина, а въ восторгъ приходилъ отъ одного слова Малороссія — мати Украина; разумѣется, изучалъ онъ ее по стихотвореніямъ Т. Г. Шевченко и по статьямъ журнала „Основа".

Щаповъ прожилъ полтора года въ квартирѣ Зосимскаго въ домѣ Фридрихса, въ одномъ корридорѣ съ своимъ пріятелемъ П. А. Мулловымъ; только разъ, по приглашенію В. С. Курочкина, рѣшился провести лѣто 1862 г. на дачѣ Мердера въ Павловскѣ и напередъ восторгался и загадывалъ, какъ отлично пойдутъ у него занятія, среди окружающей хорошей природы. Но на-повѣрку оказалось, что никогда онъ съ такимъ ожесточеніемъ не кутилъ и столько глупостей не сдѣлалъ, какъ лѣтомъ на дачѣ. Въ Павловскѣ навѣстилъ я его разъ и нашелъ ту же картину, какую видѣлъ С. С. Шашковъ: В. С. Курочкинъ занималъ 11 комнатъ въ нижнемъ этажѣ дома, а Щаповъ столько же въ верхнемъ. „Когда я, пишетъ Шашковъ, въ первый разъ пріѣхалъ въ эту квартиру Щапова, то чуть было не заблудился въ лабиринтѣ 11-ти большихъ комнатъ, изъ которыхъ только въ двухъ была мебель, да въ передней стоялъ диванъ. Щапова не было въ квартирѣ, прислуги тоже никакой не было, но я расположился какъ дома у огромнаго обѣденнаго стола, стоявшаго въ средней комнатѣ, на которомъ были самоваръ, чайникъ, стаканы, ромъ, икра, яйца и т. под... Время онъ проводилъ въ паркѣ и ресторанѣ, пребывая по цѣлымъ суткамъ въ трактирѣ „Парижъ" и часто посѣщая деревню Славянку, гдѣ онъ участвовалъ въ хороводахъ, слушалъ пѣсни. Съ Курочкинымъ былъ онъ очень друженъ и никогда не вздорилъ, хотя часто спорилъ. Съ каждымъ изъ остальныхъ своихъ знакомыхъ онъ въ пьяномъ видѣ имѣлъ болѣе или менѣе непріятныя столкновенія и въ обществѣ былъ рѣшительно невыносимъ... Вино не только разрушало могучую натуру Щапова, но и доводило его до самыхъ непріятныхъ столкновеній. Подъ вліяніемъ виниыхъ

паровъ онъ рѣшительно не въ состояніи былъ хоть сколько нибудь сдерживать свои страстные порывы, ни въ частныхъ домахъ, ни въ публичномъ мѣстѣ. Въ подобномъ состояніи онъ бывалъ иногда даже слишкомъ поверхностнымъ цѣнителемъ людей и наносилъ имъ незаслуженныя оскорбленія. Каждый военный мундиръ выводилъ его изъ себя: на одномъ вечерѣ онъ отказался подать руку и съ грубой бранью отвернулся отъ покойнаго писателя и переводчика П. А. Бибикова, который съ восторгомъ бросился ему на встрѣчу, потряхивая по обыкновенію своими густыми эполетами... Однажды въ Павловскѣ въ трактирной залѣ, наполненной рабочими и крестьянами, при видѣ проходившаго черезъ залу офицера, онъ совершенно вышелъ изъ себя и началъ говорить какую-то ужасную рѣчь („Дѣло" 1876 г., № 4, стр. 156). Познакомившись съ профессоромъ А. А. Котляревскимъ въ Павловскѣ, Щаповъ началъ говорить объ ученыхъ предметахъ и вдругъ круто повернулъ: „А вы читали писцовыя книги?" спросилъ онъ.—Нѣтъ, не читалъ, отвѣчалъ профессоръ. „Ну, послѣ этого я не хочу и говорить съ вами!.." Наконецъ, на дачѣ онъ крупно разсорился съ Княгинскимъ, бывшимъ студентомъ казанскаго университета, человѣкомъ весьма скромнымъ и занимавшимся разными изобрѣтеніями по механикѣ".

Раздражительность Щапова какъ разъ совпала съ временемъ сильнаго цензурнаго давленія на его сочиненія и лѣтомъ въ Павловскѣ, и глубокой осенью 1862 г. въ Петербургѣ. Изъ дома Фридрихса Щаповъ переселился на Гончарную улицу и занялъ двѣ уютныя комнаты, но прожилъ тамъ не долго, потому что рядомъ съ нимъ поселился въ квартирѣ офицеръ; это сосѣдство, которое выводило его изъ себя и на прежней квартирѣ, теперь окончательно его взбѣсило, и онъ перешелъ въ домъ Китнера на Вознесенскую улицу, опять къ Зосимскимъ. До какой степени сдѣлался подозрительнымъ Щаповъ, можно заключить по встрѣчѣ имъ новаго 1863-го года у Н. М. Соколовскаго: тамъ встрѣтился онъ съ добродушнѣйшимъ и образованнымъ начальникомъ отдѣленія, который подъ пьяную руку бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и между прочимъ о польскомъ повстаніи. Не знаю почему онъ въ шутку сдѣлалъ замѣчаніе Щапову: „А, такъ вы либералъ,—неожидалъ этого"... а самъ высказалъ глубоко-либеральныя идеи. Тогда Аѳанасій Прокофьевичъ опрометью бросился домой и не сомнѣвался, что начальникъ отдѣленія непремѣнно на другой день сдѣлаетъ на него доносъ; ему даже пришла безумная мысль предупредить его, ѣхать тотчасъ и донести на него. Большихъ трудовъ мнѣ стоило уговорить его бросить эту затѣю, потому что я зналъ чиновника какъ прекраснаго человѣка.

Нетерпѣливый и порывистый нравъ Щапова доводилъ его иногда до наивныхъ дѣтскихъ поступковъ, которые могли насмѣшить до слезъ, а въ другой разъ подталкивалъ на такія выходки, которыя

чуть не оканчивались трагически. Когда онъ въ 1863 г. занималъ квартиру въ домѣ Китнера около Вознесенскаго моста и сильно заболѣлъ, то пригласилъ доктора, который сталъ его лечить и прописалъ сильное внутреннее средство въ опредѣленныхъ размѣрахъ пріема. Черезъ нѣсколько часовъ больному сдѣлалось очень плохо отъ пріема лѣкарства; тотчасъ послали за докторомъ и привезли его. Входитъ онъ въ квартиру и видитъ, что въ пузырькѣ уже нѣтъ половины выписаннаго лекарства, и обращается съ удивленіемъ: „Куда же дѣвалось столько лѣкарства?“

— Это я выпилъ, отвѣчалъ наивно Щаповъ, такъ какъ увеличилъ пріемы, чтобы поскорѣе выздоровѣть.

— Удивляюсь вашей сильной натурѣ! замѣтилъ докторъ. Другой, послабѣе, отъ такого страшнаго пріема и безумнаго леченья давно бы отправился на тотъ свѣтъ! Вотъ вамъ рецептъ для облегченія боли, а я—слуга покорный, впередъ лечить васъ никогда не буду... Докторъ уѣхалъ и дѣйствительно ни разу не заглянулъ къ больному.

Третье литературное предпріятіе, въ которомъ Щаповъ принималъ участіе, тоже окончилось скоро неудачей; это—ежедневная газета „Очерки“, редакторомъ которой былъ опять Елисеевъ, а издателемъ Амплій Очкинъ, передавшій изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Коршу въ 1862 г. и затѣявшій новую газету. „Очерки“ появились съ января 1863 г. и служили образцомъ дѣльнаго и дешеваго изданія (за 360 номеровъ 9 руб. съ пересылкой), и можно было предсказывать имъ блестящій успѣхъ; но родственники Очкина убѣдили его бросить изданіе, отзывающееся рѣзкимъ тономъ и смѣлымъ направленіемъ. При появленіи газеты, Аскоченскій называлъ редакторовъ и участниковъ ея Дантончиками, Робеспьериками и самымъ наглымъ образомъ старался раздуть противъ нея ненависть общества и преслѣдованіе правительства. Черезъ четыре мѣсяца, Очкинъ передалъ своихъ подписчиковъ Писаревскому, редактору газеты „Современное Слово“, и „Очерки“ перестали существовать въ концѣ апрѣля. Въ № 1-мъ Щаповъ помѣстилъ статейку фельетонную „Съ новымъ годомъ“, гдѣ вооружается противъ безсмысленнаго поздравленія съ новымъ счастьемъ, которое не бываетъ безъ новой мысли и новаго труда. „Общество наше, пишетъ онъ, страдаетъ бѣдностью, мелочностью мысли и неразвитостью; свѣтлая и живая мысль остается въ области науки и неоплодотворяется въ обществѣ, не уважается имъ и не развита потребность глубокаго мышленія въ недоумочной высшей свѣтской публикѣ. Печальнымъ результатомъ историческаго воспитанія Россіи служитъ нравственное разслабленіе духа, силы воли и характера народнаго; все идетъ неподвижно, скрипитъ на авось, не видно новыхъ предпріятій и улучшеній. Поэтому истиннаго счастья имъ нужно добиваться энергической гражданской иниціативой и самодѣятельностью, энергическимъ трудомъ гражданской мысли, слова, чувства, добродѣтели, энергическою гражданскою общественною

стремительностью. Безъ разумно-нравственной гражданской свободы, безъ свободы юридическаго и экономическаго саморазвитія народнаго, не можетъ быть народной иниціативы и успѣха въ просвѣщеніи и въ общественномъ матеріальномъ благополучіи". Старый 1862 годъ онъ считалъ мрачнымъ и бѣдственнымъ.

Другую статью Щаповъ помѣстилъ въ „Очеркахъ" (№№ 2 и 3), по поводу разработки вопроса о земскихъ учрежденіяхъ, подъ заглавіемъ: „Замѣтка о самоуправленіи". Здѣсь онъ разъясняетъ исторически, что земство на Руси означаетъ искони вѣковъ „весь поземельно-общинный союзъ, всю совокупность или массу народонаселенія, связаннаго единствомъ или географическою нераздѣльностью, цѣльностію занятой имъ земли, единствомъ земскихъ интересовъ и, какъ говорили наши предки, любовью, совѣтомъ и соединеніемъ, безъ различія чиновъ, сословій и этнографическаго разнообразія. Народъ представлялъ себя всегда братствомъ, соединеннымъ узами одной общей матери-земли. По общности, всенародности земли и по нераздѣльности, цѣльности земства,—и кругъ или объемъ областной земской выборности и областныхъ земскихъ собраній выработывался цѣльный, обнимавшій какъ города, такъ и уѣзды, и людей всѣхъ чиновъ городскихъ и уѣздныхъ, выборныхъ и мірскихъ жилецкихъ людей, духовныхъ и торговыхъ лицъ, крестьянъ и инородцевъ. Съ XVIII вѣка, реформами Петра Великаго, его преемниковъ и Екатерины II-й, радикально разстроена была изначальная естественно-историческая цѣльность земли; земля уже всецѣло отошла отъ народа къ государству, стала не общею питаною матерью земства, а служебно-крѣпостною основою имперіи. Поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ сильнаго дворянства и сословное раздѣленіе земства дошло неизбѣжно до крайности, до замкнутости. Теперь не одна земля должна быть источникомъ производительности, предметомъ реальной, умственной и нравственной культуры, естественнымъ условіемъ общественной жизни и благосостоянія народа. Теперь наука, литература, искусства, составляютъ жизненнную потребность земства; если земля есть экономическая сила, то и знаніе есть сила. Пора въ 8-ми милліонахъ инородцевъ признать земскія права, на равнѣ со всѣми; каждое сословіе имѣетъ право на заявленіе передъ закономъ своихъ самобытныхъ интересовъ, на заботу о самоусовершенствованіи удовлетвореніи своихъ нуждъ. Только при равноправномъ и дружномъ, всецѣломъ и всеобъемлющемъ самовыраженіи всѣхъ составныхъ самобытно-общественныхъ силъ, интересовъ, можетъ быть истинный, разумно-человѣчный и, по возможности, ровный прогрессъ общества и народа".

Забылъ точно, къ какому времени относится одно весьма непріятное происшествіе для Щапова, кажется къ концу 1862 г., когда онъ не былъ уже въ связи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; это обстоятельство заключается въ слѣдующемъ. Нѣкто Ничипо-

ренко, тершійся въ петербургскомъ литературномъ кругу и сдѣлавшій въ началѣ 1863 года доносъ на И. С. Тургенева, обвиняя его въ сношеніяхъ съ Герценомъ,—показалъ по начальству тоже о Щаповѣ и В. Курочкинѣ. Кромѣ того, онъ старался обвинить ихъ въ принадлежности къ тайному обществу, а Щапова уличалъ, будто онъ на вечерѣ у Курочкина читалъ письмо къ нему Герцена и длинное письмо, написанное имъ самимъ князю Вяземскому и направленное противъ русскаго дворянства. Щапова вызывали на слѣдствіе и ставили на очную ставку съ Ничипоренко; онъ высказалъ, что въ пріятельскомъ кругу много говорится разныхъ разностей, да можно ли придавать имъ серьезное значеніе? Самымъ невиннымъ разговорамъ люди сообщаютъ опасный смыслъ и характеръ, когда захотятъ, особенно если нуждаются въ этомъ; кажется, Талейранъ говаривалъ: „дайте мнѣ только три слова, сказанныя кѣмъ-нибудь, и я найду въ нихъ смыслъ, который поведетъ сказавшаго ихъ на висѣлицу". Ничипоренко самъ уличается въ либерализмѣ и, очевидно, доносяна другихъ и желая утопить ихъ, имѣетъ цѣлью свалить съ себя вину... „Если бы Герценъ дѣйствительно написалъ мнѣ письмо, то изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ: содержаніе письма можетъ быть совершенно невинное и притомъ отъ него зависитъ разсылать по сотнѣ писемъ ежедневно, даже самыхъ задорныхъ, разнымъ лицамъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, и которыя совсѣмъ не желаютъ имѣть съ нимъ сношеній. Письмо князю Вяземскому я читалъ, желая знать о немъ мнѣнія опытныхъ литераторовъ, и они мнѣ отсовѣтывали посылать его: я такъ и сдѣлалъ. Какой же я этимъ принесъ вредъ и что же здѣсь преступнаго?" Въ такихъ чертахъ давалъ показаніе Щаповъ на слѣдствіи, какъ сообщалъ мнѣ въ тотъ же день. Хотя видимо не пострадалъ онъ отъ этого доноса, но остался въ сильномъ подозрѣніи, и такимъ путемъ новый фактъ неблагонадежности присоединился къ прежнимъ однороднымъ, имѣлъ силу при рѣшеніи о высылкѣ его изъ Петербурга въ 1863 году.

IX.

Личность Ольги Ивановны Жемчужниковой.—Знакомство ея со Щаповымъ.—Рѣшеніе выслать его изъ Петербурга.—Сужденіе его о современномъ состояніи русскаго общества и народа. — Увлеченіе его естественными науками.—Замыселъ создать новую систему русской исторіи. — Жизнь его въ клиникѣ Заблоцкаго.—Отношенія его къ Ольгѣ Ивановнѣ. — Отъѣздъ изъ Петербурга въ Иркутскъ.—Взглядъ на сочиненія Щапова.

Съ Ольгой Ивановной Жемчужиной, какъ звали ее родные, я познакомился въ ноябрѣ 1861 года на вечерѣ, когда происходило обрученіе моего родственника на ея двоюродной сестрѣ. Съ перваго

взгляда она показалась мнѣ черезчуръ солидной не по лѣтамъ и сухо разсудительной; въ тотъ же вечеръ я долго спорилъ съ ней и относился съ ироніей къ ея личности, рано начавшей вести себя пожилой женщиной; на мои разспросы всѣ отвѣчали дружно, хвалили ея умъ и характеръ, говорили объ ея порядочномъ образованіи, любознательности и начитанности. Тутъ я узналъ, что она была дочь бѣднаго псковскаго учителя семинаріи, рано осталась круглой сиротой и воспитывалась въ домѣ дяди своего, протоіерея Екатерининской церкви (на Васильевскомъ островѣ, въ 1-й линіи), И. А. Меліоранскаго. Она училась въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, хорошо владѣла французскимъ языкомъ и любила читать серьезныя статьи и книги, преимущественно историческаго и политическаго содержанія или сатирическія произведенія русской литературы, и сама давала иногда частныя уроки. Родные прочили выдать ее за магистра духовной академіи, предоставить ему мѣсто священника въ столицѣ чрезъ ходатайство Г. П. Павскаго и на святкахъ пріѣзжалъ женихъ Жемчужниковой; но дѣло это не пошло на ладъ, потому что невѣста не понравилась ему ни по наружности, ни по рѣзкому тону разговоровъ и характеру поведенія. Дѣйствительно, Ольга Ивановна была некрасива: блондинка средняго роста, съ жидкими волосами, съ сѣрыми глазами на кругломъ лицѣ, съ выдавшеюся нижней челюстью и развитой нижней губой; она не была худощава, но почти всегда блѣдна; лицо ея было выразительно, но ему недоставало мягкости и нѣжности, а нѣкоторыя черты были непріятны. Методическая, медленная рѣчь и вѣчная серьезность какъ-то плохо клеилась съ ея молодостью и отзывалась искусственностью. Не знаю, насколько вѣрно, но мнѣ передавали, будто строгая тетка Меліоранская служила для нея во многомъ образцомъ, которая тогда была уже покойница. Самъ протоіерей, разбитый параличемъ, былъ необыкновенный простакъ и добрякъ, велъ жизнь самую аккуратную и почти все время проводилъ въ приходѣ; его дѣти и Ольга Ивановна оставались на полной свободѣ и средствами не стѣснялись; ихъ постоянно навѣщали гимназисты, студенты, родные и знакомые, и всегда находили самый радушный пріемъ. По случаю движенія студентовъ университета осенью 1861 г. въ Колокольную улицу, двоюродный братъ ея и хорошо знакомый студентъ были арестованы и отправлены въ Кронштадтъ; это обстоятельство не прошло безслѣдно для развитія молодой и энергической дѣвицы. Освобожденные изъ крѣпости студенты сдѣлались для Ольги Ивановны страдальцами за правду и своего рода героями; они распѣвали сатирическую оперу, сочиненную въ крѣпости; дѣйствующими лицами были начальники, и хоры студентовъ пѣли, какъ гасить просвѣщенье, уничтожить сходки и проч. Хотя все это отзывалось дѣтствомъ, но имѣло вліяніе на юные умы и вызывало протестъ и недовольство. Въ 1862 году происходили многочисленные аресты студентовъ и литераторовъ

изъ числа арестованныхъ были знакомые Меліоранскихъ, о чемъ у нихъ на вечерахъ шли постоянные толки и оживленные разсказы. Все это дѣйствовало на Жемчужникову раздражительно, и она живо сострадала судьбѣ гонимыхъ и заключенныхъ, и сама готова была переносить ту же участь и страдать за правду. Она выписывала запрещенныя сочиненія, бывала иногда на собраніяхъ женскихъ, гдѣ разсуждали о современномъ состояніи и трудѣ женщинъ, безъ всякой предвзятой мысли и цѣли, безъ желанія выдаваться впередъ, съ искреннимъ стремленіемъ помочь бѣднымъ дѣвицамъ. Какъ дитя своего времени, она попала въ кругъ живаго тогдашняго движенія молодежи и сочувствовала всѣмъ высокимъ стремленіямъ, на которыя смотрѣла болѣе съ идеальной точки зрѣнія, чѣмъ съ практической.

Ольга Ивановна хорошо знакома была съ Н. Г. Помяловскимъ, который пользовался большимъ ея уваженіемъ и имѣлъ вліяніе на складъ характера и направленіе воззрѣній. Хотя онъ навѣщалъ Меліоранскихъ рѣдко, но зато мѣтко: просиживая иногда до глубокой ночи по цѣлымъ вечерамъ, онъ свободно изливалъ накипѣвшую злобу и давалъ полный просторъ своему рѣзкому сатирическому раздраженію. Прямота и твердость воли, рѣзкость сужденій и откровенность составляли выдающіяся черты характера Жемчужниковой; при этомъ она не любила щегольства и отличалась глубокимъ состраданіемъ ко всѣмъ бѣднякамъ и горемыкамъ. При такомъ душевномъ настроеніи, особенно по сердцу пришлись ей сочиненія Щапова, которыя она всегда читала съ большимъ удовольствіемъ и увлеченіемъ, восторгалась его задушевной энергической рѣчью и высокой цѣлью—помочь страдальцамъ. Зная о протестѣ Щапова въ Казани, его ссылкѣ и судьбѣ, она часто разспрашивала меня о его житьѣ-бытьѣ и занятіяхъ; она слышала, какъ онъ не ладилъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и какъ хотѣли сослать его въ Соловки, и видимо сильно заинтересовалась личностью этого ученаго сибиряка. Когда я показалъ ей карточку Щапова, ее сильно поразили азіатскія черты его физіономіи и волнистые длинные волосы; потомъ не разъ она высказывала мнѣ свое сильное желаніе познакомиться съ нимъ,—я обѣщалъ доставить ей это удовольствіе, но долго почему-то неудавалось. Во „Времени“ 1862 г. (№№ 10 и 11) появилась статья Щапова „О бѣгунахъ“ и я доставилъ Ольгѣ Ивановнѣ книжку съ собственноручными его отмѣтками на поляхъ о непропущенныхъ мѣстахъ цензурой. Надо было дивиться, въ какомъ сильномъ волненіи находилась она, когда читала вслухъ, въ кругу нѣсколькихъ лицъ, эту статью о состояніи Россіи въ XVIII стол.; она то краснѣла, то блѣднѣла отъ волненія при описаніи горько-слезной жизни крестьянства, солдатства, купечества и проч. Вмѣстѣ съ авторомъ она сокрушалась отъ глубины сердца о горемычной, забитой крѣпостной и служилой массѣ народа; ее бросало въ дрожь и слезы выступали на глаза, когда развертывались передъ ней картины страданій разныхъ клас-

совъ общества, отчего размножились толпы бѣглыхъ и разбойниковъ. По окончаніи чтенія, она снова начала меня усиленно просить хотя только посмотрѣть на Щапова; я обѣщалъ ей показать ей этого сибирскаго дикаго медвѣдя и добавилъ въ шутку, что онъ нрава свирѣпаго и можетъ укусить ее. Я сдержалъ свое слово,—и познакомилъ ее съ Аѳанасіемъ Прокофьевичемъ на святкахъ 1862 года въ квартирѣ вдовы профессора с.-петербургскаго университета, М. Н. Жиряевой, у которой я занималъ одну комнату и которая доводилась двоюродной сестрой Ольгѣ Ивановнѣ.

Свиданіе ея со Щаповымъ произвело на нее необычайное впечатлѣніе: сильная и пылкая рѣчь его о народныхъ несчастіяхъ и притѣсненіяхъ совсѣмъ отуманила ее, только блескъ глазъ и румянецъ пятнами, бросившійся ей на лицо, обличали внутреннее ея настроеніе. Говорила она съ Аѳанасіемъ Прокофьевичемъ мало, зато слушала его съ восхищеніемъ, и этотъ вечеръ рѣшилъ всю ея послѣдующую судьбу. Бесѣдовалъ онъ тогда очень сдержанно въ кругу незнакомыхъ ему женщинъ, сначала стѣснялся, а потомъ сталъ держать себя просто и естественно, говорилъ откровенно и прямо. Ольга Ивановна смотрѣла на него, какъ на истиннаго пророка, а Щаповъ точно нарочно подливалъ масло въ огонь, толкуя на тему пророка Лермонтова: „Пускай бросаютъ въ насъ бѣшено каменья и презираютъ насъ, пусть мы будемъ наги и босы, мы никогда не отопремся отъ своихъ словъ, не бросимъ малодушно своихъ убѣжденій, даже въ виду ссылки и казни!“.. Тогда же онъ пригласилъ къ себѣ вечеромъ 1-го января 1863 года Жиряеву и гостей, съ которыми познакомился. Принимая у себя гостей, онъ сильно былъ чѣмъ-то озабоченъ, и ему хотѣлось угостить ихъ какъ можно лучше, но при его мастерствѣ хозяйничать все у него плохо клеилось, пока новыя знакомки не отняли у него распоряженіе хозяйствомъ. Онъ ни за что не хотѣлъ отпустить домой гостей безъ шампанскаго; но такъ какъ вздумалъ объ этомъ поздно ночью, то посланная прислуга долго отыскивала незапертый погребъ или гостинницу, къ великой досадѣ нетерпѣливаго хозяина, выражаемой очень рѣзко. Наконецъ, принесли бутылку шампанскаго, весело роспили съ остроумными благожеланіями на новый годъ и поздно разъѣхались по домамъ. Смотря на необычайное благодушіе Ольги Ивановны, я не сомнѣвался, что шампанское было кстати и согласовалось съ ея тайнымъ стремленіемъ—во что бы то ни стало отдаться Щапову, и вечеръ 1-го января служилъ чѣмъ-то въ родѣ помолвки. Ничего особеннаго она не высказывала, но ея непривычная веселость, игривая нѣжность и пріятная улыбка наводили меня на мысль объ окончательномъ ея рѣшеніи.

Скоро для Щапова настало критическое положеніе: за разныя похожденія по петербургскимъ гостинницамъ и безпорядочную жизнь рѣшили выслать его въ восточную Сибирь, на мѣсто родины. Когда

дошла эта горестная вѣсть до Меліоранскихъ, Ольга Ивановна совсѣмъ была ошеломлена; безъ всякихъ размышленій она сѣла одна на извозчика, явилась въ квартирѣ Аѳанасія Прокофьевича, откровенно выразила ему свои чувства и полную рѣшимость слѣдовать за нимъ, куда бы его ни послали въ ссылку. Такимъ образомъ, ихъ отношенія сразу опредѣлились.

Щаповъ забылъ о своей высылкѣ и пришелъ въ восторгъ, что отыскалъ женщину, о которой давно мечталъ и уже пересталъ вѣрить въ ея существованіе. Весьма нерѣдко онъ любилъ разсуждать о ничтожествѣ и пустой внѣшней образованности дѣвицъ и женщинъ средняго и высшаго круга и съ отчаяніемъ иногда прибавлялъ: „Найдется ли такая женщина, которая могла бы служить поддержкой нашего брата-страдальца, съ юныхъ дней исковерканнаго, искалѣченнаго болѣзнями и невзгодами житейскими? Нѣтъ, не сыщешь такихъ самоотверженныхъ въ сотняхъ тысячъ: имъ нужны вылощенные, пустые кавалеры, а быть подругой и опорой умнаго, честнаго и трудолюбиваго дѣятеля, но неловкаго и неполированнаго по наружности онѣ не въ состояніи!“ Въ заключеніе своего длиннаго запальчиваго монолога, онъ спрашивалъ переиначенными словами Пушкина:

„Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
А съ пылкой доброй, умною душой?“

Между женщинами онъ искалъ самоотверженную провозвѣстницу новыхъ идей, которая шла бы рядомъ съ образованнымъ мужчиной и дружно помогала бы ему въ трудахъ ученыхъ и успѣшномъ достиженіи цѣли. Въ своей думѣ „Гражданская грусть“ онъ обращается къ женщинѣ аристократкѣ и восклицаетъ: „О, если бы ты, величественная, гордая княжна, царица вѣтреныхъ пустыхъ сердецъ, гуляя по Невскому, при видѣ простыхъ людей, углублялась въ глубокія думы и высокія чувства! Ты бы сняла съ нашихъ сердецъ половину тяжелаго бремени гражданской грусти и думъ горько-слезныхъ... Ты бы явилась царицей—уже не вѣтреныхъ, пустыхъ сердецъ, а сердецъ простыхъ, неиспорченныхъ, ждущихъ истинно-человѣчнаго развитія, облагороженія, гуманизированья, и сердецъ глубоко-чувствующихъ, просвѣщенно- и гуманно-чувствующихъ... Ты была бы могучей пророчицей и проповѣдницей новаго соціальнаго порядка гражданственности... Но, къ величайшему прискорбію и несчастію, мнимо-аристократическая головка твоя, княжна, не способна къ гуманно-демократическимъ головоломнымъ, горько-мысленнымъ думамъ, а сердце твое слишкомъ изсохло, извѣтрилось отъ пустоты увлеченій, отъ легкомысленной праздной жизни, праздныхъ забавъ, и не можетъ ужъ въ немъ горячо, пламенно теплиться святая, благородная, глубоко-думная гражданская грусть... Ты и сама на Невскомъ являешься для насъ источникомъ грустной гражданской думы и злой ироніи“...

И вотъ Щаповъ нашелъ осуществленіе своего идеала въ Ольгѣ

Ивановнѣ, которая заявила готовность стать помощницей его тяжелыхъ трудовъ на всю жизнь. Тогда начались за него усиленныя ходатайства, чтобы онъ оставленъ былъ въ Петербургѣ; лица, которыя добивались его высылки, согласились оставить въ покоѣ, только съ тѣмъ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы онъ жилъ въ клиникѣ Заблоцскаго подъ строгимъ присмотромъ, а выѣзжалъ только къ знакомымъ, которые берутъ его на поруки. Такъ онъ скоро поселился на житье въ клинику.

Въ 1863 году Аѳанасій Прокофьевичъ сильнѣе и сильнѣе началъ увлекаться западно-европейскимъ образованіемъ, и отличительныя черты русской жизни пересталъ выдвигать на первый планъ, о славянофилахъ писалъ, какъ о лицахъ, стремящихся къ возстановленію не только старорусскихъ началъ, но и формъ минувшей жизни. Такой взглядъ онъ развилъ въ статьѣ: „Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій". („Современ. Слово", 1863 г. Прибавл. къ № 5). Находя, что наши два главныхъ направленія—славянофильское и западноевропейское—равно естественно-историческія и благотворныя для міросозерцанія, онъ зарожденіе перваго направленія, какъ жизненно-бытоваго, относитъ ко времени реформъ царя Алексѣя Михайловича, а усиленіе его—къ XVIII вѣку. Ученіе славянофильское по его словамъ отличается одностороннимъ московскимъ историческимъ старовѣрствомъ,—и мы „выйдемъ слишкомъ неразумными старовѣрами, если станемъ желать востановленія самыхъ формъ допетровской, хотя бы и вѣчевой Руси, которыя давнымъ давно самъ народъ съ плачемъ—рыданьемъ схоронилъ и теперь не помнитъ"... Русская народность существуетъ для всего человѣчества; народъ русскій долженъ примирить, соединить въ братскій союзъ востокъ съ западомъ. Но и самое здоровое, европейское направленіе русской мысли, взятое въ его крайностяхъ, тоже односторонне, потому что у нѣкоторыхъ писателей доходитъ до отрицанья самостоятельности народнаго историческаго характера, творческаго такта, всѣхъ живыхъ самобытныхъ силъ. Не все же пользоваться намъ готовыми выводами западной мысли и науки: въ самыхъ темныхъ массахъ кроются бытовыя начала, какъ сѣмя развитія свободно-общиннаго быта, да и жизнь народная не tabula rasa, а сила, творящая исторію по своимъ внутреннимъ законамъ.

Наше меньшинство раздѣляется еще на централистовъ и федералистовъ. Централизація создала общій внѣшній порядокъ, а федерація, не нарушая единства, можетъ способствовать внутреннему саморазвитію массъ народныхъ естественнѣе и правильнѣе. Идея федераціи присуща духу русскаго народа, такъ же, какъ имперія, имѣетъ основу историческую. Эти политическія идеи централизаціи и федераціи заключаютъ каждая свою долю истины, жаль только, что они разрознены до нестерпимости, а слѣдовало бы уяснить скорѣе жизненное призваніе русскаго народа. Образованное меньшин-

ство должно всѣми силами распространять просвѣщеніе въ массахъ народа, развивать понятіе о разумности закона, чтобы пробудить въ немъ прежнюю свободную самостоятельность. Безъ единенія съ народомъ, въ будущемъ всѣ наши усилія были бы безплодны; но рознь еще долго будетъ существовать, и самое пробужденіе народное можетъ ускользнуть изъ рукъ просвѣщеннаго меньшинства, которое должно взять надъ нимъ опеку и нравственную диктатуру. Выработайте сами формы общественнаго устройства, сродныя народу, и онъ ухватится за нихъ, оцѣнивъ ихъ практическое значеніе.

За образованнымъ меньшинствомъ идетъ общество, надѣленное только внѣшними формами европейской общественности, которое не развивалось огранически цѣльно и стройно; столичныя два общества идутъ впереди другихъ и обязаны вести вялое полуобразованное населеніе другихъ городовъ. Общество наше апатично, лѣниво ко всему, что дѣльно и серьезно; пора петербургскому и московскому обществамъ показать примѣръ общественнаго пробужденія и пересозданія. Петербургъ долженъ передать выводы западнаго ума и вѣковаго опыта, а Москва оживотворять европейскимъ разумомъ самобытные народные элементы силы, дарованія, для приведенія въ общій складъ европейскаго братства. Пора городскимъ обществамъ бросить вражду и сословные предразсудки и жить въ любви и совѣтѣ.

Огромныя массы русскаго народа чужды образованныхъ людей, которые не научили ихъ даже своей родной исторіи; крестьяне знаютъ ее изъ своихъ былинъ и пѣсней. Массы сохранили свою старинную силу воли, богатырскую мощь; въ эпоху воли они устроили русскую землю трудомъ и пóтомъ великимъ; во время неволи народъ испытывалъ тяжелую судьбу, порывался къ волѣ, создалъ свои цѣли и стремленія своеобразныя. Теперь задача правительства и образованнаго меньшинства состоитъ въ томъ, чтобы облагораживать свободное внутреннее саморазвитіе народа европейскимъ просвѣщеніемъ. Сельскій міръ долженъ служить корнемъ для организаціи новаго земскаго міра, для городскихъ общинъ.

Позади темныхъ массъ русскаго народа, на встрѣчу тысячелѣтію идутъ покоренные восточные народы. Европа давно ждетъ чрезъ насъ союза востока съ западомъ; но наше стремленіе на востокъ доселѣ имѣло характеръ невольнаго переселенія. Инородцы востока коснѣютъ въ первобытномъ состояніи безъ всякой культуры; пора сознать, что мы обязаны ввести ихъ въ общеевропейскую семью, дать просвѣщеніе и свободныя права, какъ своимъ восточнымъ братьямъ. Въ тотъ день, когда мы сдѣлаемъ человѣколюбивый призывъ инородцевъ въ составъ общеевропейской семьи, востокъ заключитъ ожидаемый Европой завѣтъ съ Западомъ „и Европа признаетъ Россію за великій народъ“.

Въ этихъ идеалахъ Щапова для будущаго устройства Россіи нельзя не видѣть значительной уступки въ пользу направленія „Со-

временника“, такъ что онъ образованныхъ людей на европейскій ладъ считаетъ способными взять народъ въ опеку и нравственную диктатуру въ дѣлѣ преуспѣянія, сочинять сродныя для народа формы управленія и т. п.

Еще въ Казани онъ выражалъ повременамъ увлеченіе иностраннымъ образомъ либеральнаго управленія государственнаго; теперь же совсѣмъ сдѣлался сторонникомъ конституціи, которую считалъ пригодной для русскаго народа, хотя понималъ ее по-своему.

Въ великій постъ 1863 года одинъ пріѣзжій рижскій купецъ изъ раскольниковъ поморскаго согласія познакомился со мной случайно и сталъ просить меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Щапову. Поѣхали мы съ нимъ въ клинику Заблоцкаго и купецъ, по русскому обычаю, повезъ ему въ подарокъ три или четыре фунта чаю, какъ сибиряку и любителю его. Долго и задушевно они бесѣдовали между собою о положеніи рижскихъ раскольниковъ, изъ которыхъ иные плохо говорятъ по-русски, курятъ свободно сигары, а перстосложеніе держатъ истовое двуперстное. „Мы пріѣхали къ министру хлопотать о гражданскихъ бракахъ; горе намъ великое, что нашихъ дѣтей не считаютъ законными и нельзя передать имъ наслѣдства. Вотъ у меня ихъ шестеро; случись со мной гнѣвъ Господень,—ну, и останутся нищими, а все мое добро, трудомъ нажитое, хинью пойдетъ“. Такъ говорилъ купецъ и между прочимъ завелъ рѣчь о газетѣ раскольничьей, которой имъ не позволяютъ издавать, что они теперь рѣшили печатать ее за-границей; онъ предложилъ Аѳанасію Прокофьевичу, не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ, за что станетъ получать полное обезпеченіе, но тотъ на-отрѣзъ отказался. Это посѣщеніе старообрядца, знавшаго Щапова только по сочиненіямъ, весьма обрадовало его, какъ несомнѣнное доказательство, что его сочиненія имѣютъ значеніе и въ кругу раскольниковъ.

Въ Петербургѣ Аѳанасій Прокофьевичъ глубже прежняго почувствовалъ односторонность своего образованія; переводы исторіи Бокля, разныхъ иностранныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, которыми у насъ тогда бредили старые и малые, возбудили въ немъ непреодолимое желаніе—построить русскую исторію на началахъ естественныхъ наукъ. И вотъ онъ съ жаромъ взялся за чтеніе разныхъ переводныхъ сочиненій по физіологіи, анатоміи, географіи, этнографіи, по статистикѣ, зоологіи и проч. Развитію охоты его къ изученію естественныхъ наукъ служило постоянное собесѣдованіе съ медицинскими студентами, когда онъ принужденъ былъ долгое время жить въ клиникѣ, въ отдѣльной комнатѣ офицерской палаты. Тамъ онъ велъ постоянные разговоры и споры со студентами по вопросамъ естественныхъ наукъ; не усвоивъ ихъ сотой доли, онъ быстро сталъ начала ихъ прилагать къ минувшей и современной жизни русскаго народа. Поспѣшные выводы и заключенія его выходили односторонни, неосновательны, а иногда крайне нелѣпы. Къ тому же учиться

вновь естественнымъ наукамъ и въ тоже время существовать литературной работой оказалось несподручнымъ, даже при его талантливости; статьи его стали слабѣе, а нѣкоторыя отличались уродливостью. Къ числу такихъ принадлежитъ очеркъ „этнографической организаціи русскаго народонаселенія", о которомъ онъ самъ говоритъ, что рѣшился напечатать его, „несмотря на все свое безсиліе" и его необработанность.

По поводу своихъ увлеченій естественными науками онъ пишетъ: „Грустно, что у насъ какой-нибудь семинаристъ — невѣжа, смутно сознавая все особенное удобство и всю необходимость естественно-историческаго изученія русской народной жизни, чувствуетъ въ себѣ непреодолимое желаніе знать русскую исторію, какъ есственную исторію народа,—и не находитъ въ себѣ ни силъ, ни подготовки изучить ее въ такомъ направленіи. А люди, знающіе, имѣющіе для того и силы и подготовку, молчатъ. Грустно, что у насъ историкъ большею частію не знаетъ фактовъ и законовъ естественныхъ; а естественникъ, который долженъ бы пролить свѣтъ на русскую народную исторію, не знаетъ фактовъ историческихъ. Гумбольтъ, великій географъ Риттеръ, Кетле и Либихъ первые освѣтили лучемъ естественной истины, естественныхъ законовъ, истины и законы исторіи, — и тамъ явился Бокль. А у насъ кто освѣтитъ нашу исторію?.." Это сознаніе Щаповымъ трудности избираемаго пути и желаніе стать въ родѣ Бокля для русской науки весьма важно; оно характеризуетъ его неугомонное стремленіе работать и проложить новый путь для движенія русской исторіи, его крайнюю самонадѣянность на свои силы и самолюбивыя цѣли въ будущемъ.

Весной 1863 года, Щаповъ временно лечился у профессора Боткина въ клиникѣ и выправлялъ продолженіе статьи, начатой съ января, для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія"—„Очерки народнаго міросозерцанія", уснащивая ихъ усердно цитатами изъ сочиненій по естественнымъ наукамъ. Я привозилъ ему цѣлыя вязанки книгъ по его просьбѣ изъ библіотеки Крашенинникова и другихъ; изъ нихъ онъ заимствовалъ вставки и дополненія, которыя иногда совсѣмъ были ненужны. „Еще въ 1859 году, пишетъ онъ въ предисловіи, мы занялись собраніемъ матеріаловъ для „историческихъ" очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ", именно: „Очеркъ народнаго христіански-космогоническаго міросозерцанія" и „Взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножителей на природу". Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно „Очеркъ религіозно-языческаго или миѳологическаго славяно-русскаго міросозерцанія", остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные, готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ не безполезнымъ по-

степенно напечатать, не придерживаясь строго систематическаго порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная библіотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены".

Впрочемъ, эти очерки печатались не въ томъ же видѣ, въ какомъ составлены въ Казани, а съ желаніемъ вводить по мѣстамъ разсужденія о предметахъ естественныхъ наукъ; уже въ предисловіи онъ совѣтуетъ писать русскимъ ученымъ популярныя книги по разнымъ отраслямъ естествознанія, по примѣру западныхъ ученыхъ— Кювье, Араго, Изидора Жоффруа Сентъ-Илера, Шлейдена и другихъ. Далѣе видимъ нерѣдкія указанія на другихъ иностранныхъ ученыхъ. Напримѣръ, въ очеркѣ „Народныя воззрѣнія на міръ и его явленія" онъ разсуждаетъ о міровой системѣ Лапласа, всемірномъ тяготѣніи— Ньютона, о космической сущности луны Шлейдена и т. под. Иногда, вмѣсто положительнаго изложенія русскихъ воззрѣній на міръ, онъ высказываетъ отрицательные, никому ненужные выводы; тѣмъ же характеромъ отличается самое заключеніе очерка воззрѣній на небо. „Небо для нашего простаго народа—темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ... Теперь изъ 72 милліоновъ народонаселенія едва ли найдется у насъ полмилліона людей, знающихъ основательно небесный сводъ... Отъ этого незнанія, огромныя массы нашего народа, на земной планетѣ, въ глубокихъ умственныхъ потемкахъ, коснѣютъ въ какомъ-то патологическомъ состояніи супранатуралистической уранологіи, астральной пневматологіи и т. п." („Ж. Мин. Нар. Пр." 1863 г. VII, стр. 27).

Весной, когда онъ выправлялъ „Очерки земледѣльческаго міросозерцанія", въ одной съ нимъ палатѣ клиники Боткина помѣщенъ былъ Н. Г. Помяловскій, въ сильнѣйшей степени развитія бѣлой горячки: то ему являлся его дѣдушка съ книгой въ рукахъ, окруженный всѣми знакомыми Николая Герасимовича и читалъ громче и громче о его худыхъ поступкахъ, начиная съ самаго дѣтства; то вдругъ разверзался предъ нимъ адъ и тамъ представлялись страшныя картины мученія грѣшниковъ, куда влекли и его демоны. Онъ въ ужасѣ становился на колѣни или бѣжалъ и кричалъ, умолялъ Христомъ-Богомъ, чтобы разубѣдили его, что это не дѣйствительность, а призракъ. „Ты плюнь на все, твердилъ съ улыбкой Щаповъ, это—представленіе и больше ничего! Ты послушай-ка, я вотъ тебѣ прочитаю изъ рукописи забавную легенду о привидѣніяхъ"... Повидимому, Аѳанасій Прокофьевичъ мало озабочивался страданіями товарища и смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбѣжное явленіе; по крайней мѣрѣ, такое сосѣдство нисколько не мѣшало ему заниматься своимъ дѣломъ и онъ такъ углублялся въ предметъ, что иногда не

слыхалъ мольбы Помяловскаго, который лежалъ на сосѣдней кровати. Потомъ Щаповъ перешелъ опять въ офицерскую палату клиники Заблоцкаго.

Уѣхавъ на лѣто въ Липецкъ, я не разъ писалъ Ольгѣ Ивановнѣ, просилъ исполнить разныя порученія и она все дѣлала охотно и аккуратно. Между прочимъ я адресовалъ на ея имя письмо для передачи знакомой институткѣ, которая сообщила мнѣ, что получила письмо отъ Жемчужниковой распечатаннымъ; по пріѣздѣ въ Петербургъ, я спросилъ ее о причинѣ лишняго любопытства съ ея стороны къ чужимъ письмамъ. Она оправдывалась тѣмъ, что съ нетерпѣніемъ ожидала письма отъ Щапова и быстро разорвала конвертъ моего письма; это обстоятельство дало мнѣ матеріалъ къ выводу, что отношенія Ольги Ивановны къ Щапову затягивались крѣпче. Въ этомъ я убѣдился скоро: желая познакомиться съ Н. И. Костомаровымъ по случаю приготовленія къ магистерскому экзамену по русской исторіи, я поѣхалъ въ клинику, чтобы заручиться письмомъ Щапова къ знаменитому спеціалисту. Въ клиническомъ саду я нашелъ его и Ольгу Ивановну; въ самомъ отличномъ и веселомъ настроеніи духа они гуляли и пили чай на вольномъ воздухѣ. Съ тѣхъ поръ она чуть не каждый день ѣздила въ медицинскую академію и навѣщала Щапова, а сама лечилась у Боткина электричествомъ отъ страшныхъ головныхъ болей, которыя повторялись у ней нерѣдко. Въ это время Аѳанасій Прокофьевичъ совсѣмъ какъ будто переродился, долго не пилъ, не испытывалъ прежняго недовольства и много трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ и поправкой прежнихъ лекцій. Иногда онъ просилъ меня взять его на-поруки, пріѣзжалъ съ Ольгой Ивановной въ отличномъ расположеніи духа и всегда съ горемъ торопился явиться въ клинику къ 12 часамъ ночи. Но канальи — служители нарочно запирали иногда раньше калитку и долго не пускали ученаго чудака, чтобы сорвать съ него покрупнѣе подачку. Много вытерпѣла и бѣдная Ольга Ивановна обидъ и непріятностей; иногда дежурные солдаты не пускали ее въ палату и чуть не выталкивали, преслѣдовали насмѣшками и ругательствами, но полтинники и рубли смягчали ихъ сердце. Впрочемъ, самъ Щаповъ заявилъ начальству, что Жемчужникова его невѣста и потому просилъ позволить ей свободный входъ, чего дѣйствительно и добился. Къ этому времени относится выправленіе и помѣщеніе имъ одной изъ лучшихъ статей его „Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи“ („Рус. Слово“ 1864 г., № 1). Послѣ этого онъ бросилъ занятія въ прежнемъ направленіи и не написалъ ничего дѣльнаго и основательнаго.

Во время зимы студенты медико-хирургической академіи начали посѣщать Щапова цѣлыми толпами и въ кругу ихъ онъ вспоминалъ казанскую жизнь, свою силу и вліяніе; только теперь, вмѣсто прежнихъ обычныхъ словъ — земское строенье, народосовѣтіе

и т. под.,—съ языка не сходили ссылки на Дарвина, Вундта, Фогта, Молешота, Гартвига и проч.

Положимъ, частое присутствіе студентовъ въ помѣщеніи Щапова доставляло ему пріятное развлеченіе и удовлетворяло профессорское самолюбіе; но зато вредно вліяло на направленіе его работъ, потому что толкало сильнѣе и сильнѣе на запоздалый путь занятій естественными науками и отвлекало отъ трудовъ, ему болѣе знакомыхъ и болѣе плодотворныхъ по исторіи отечественной.

Со времени посѣщенія студентами медицинскими Щапова, начались повторяться страдальческія дни для Ольги Ивановны: ревнивый до безконечности, онъ постоянно мучилъ ее подозрѣніями, дѣлалъ возмутительныя сцены, бранилъ и выгонялъ ее. Цѣлую зиму вспыхивали между ними по временамъ ссоры и раздоры или примиренія и прекрасныя отношенія; досталось и на мою долю довольно хлопотъ, когда являлась то та, то другая сторона съ жалобами. Видя бурную и горькую прелюдію брачной жизни, родственники и друзья Жемчужниковой не разъ совѣтывали ей бросить свои затѣи, которыя не могутъ имѣть ничего добраго въ будущемъ; но она слишкомъ глубоко вѣрила въ честную натуру Щапова и слишкомъ надѣялась на свои силы и терпѣніе, что можетъ перевоспитать со временемъ его дикій нравъ. Оскорбленія стали повторяться чаще; иногда онъ ругалъ безобразно Ольгу Ивановну въ присутствіи студентовъ и придирался къ ней безъ всякаго повода съ ея стороны. Особенно осталась мнѣ памятна масляница 1864 года. Прислалъ онъ мнѣ записку и просилъ взять его на-поруки въ прощальный день, чтобы провести у меня вечеръ съ Ольгой Ивановной; я пріѣхалъ за нимъ въ клинику часовъ въ пять, засталъ ее тамъ и нѣсколько человѣкъ студентовъ. Щаповъ былъ не въ духѣ: то сейчасъ ѣдетъ, то раздумаетъ и ломается надъ Жемчужниковой, то прогоняетъ ее и велитъ ѣхать домой, то снова начинаетъ останавливать.

Не ожидая никакого толку, Ольга Ивановна собралась уѣзжать, а мы вдвоемъ рѣшили проводить ее; около квартиры Меліоранскихъ Щаповъ догналъ насъ на извощикѣ и началась возмутительная сцена среди улицы передъ толпой народа. Она плакала навзрыдъ и звала его къ себѣ, но онъ упирался, поднялся-было во второй тажъ, но не пошелъ въ квартиру и звалъ ее ѣхать ко мнѣ; согласилась она охотно, думая его успокоить, но ошиблась, потому что самыя горькія обиды и оскорбленія сыпались на бѣдную и въ моей квартирѣ. Тогда я не выдержалъ, велѣлъ проводить домой плачущую дѣвушку и началъ въ присутствіи другихъ говорить прямо, что онъ становится тираномъ такой умной и самоотверженной особы, предъ которой долженъ былъ бы благоговѣть, что онъ грязный самодуръ, не стóитъ ногтя чистой и благородной своей невѣсты... Такъ прощальный вечеръ закончился ссорами и громкимъ плачемъ Аѳанасія Прокофьевича. Послѣ видѣнной и слышанной мною варварской сцены,

я долго не посѣщалъ Щапова, несмотря на просьбы его и Ольги Ивановны, которая пріѣхала къ нему на другой же день: только дошедшій до меня слухъ, что его скоро выпроводятъ въ Восточную Сибирь на жительство, заставилъ меня навѣстить его—и мы примирились. Отъѣздъ свой на мѣсто родины онъ хотѣлъ протянуть до весны, а я отправился въ Москву на мѣсяцъ для занятій въ архивахъ; но когда вернулся оттуда,—ни Щапова, ни Жемчужниковой уже не было въ Петербургѣ; провожали ихъ до Любани родственники Ольги Ивановны, знакомый Щапова казанскій купецъ П. М. Клыковскій и неизмѣнный П. А. Мулловъ.

Жемчужникова извѣщала изъ Казани своихъ родныхъ, что проводникъ ихъ жандармъ не позволялъ Щапову въ попутныхъ городахъ видѣться ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ; а если и соглашался допустить кого-либо, то бралъ по 25 руб. за персону. Затѣмъ, передавали мнѣ, что Аѳанасій Прокофьевичъ ужасно кипятился понапрасну въ канцеляріи генералъ-губернатора передъ самымъ отправленіемъ; Ольга Ивановна долго не являлась съ своими прощаньями, когда все было готово къ отъѣзду, а онъ вообразилъ, что ее не хотятъ съ нимъ пустить и рѣшили выпроводить его одного въ Сибирь. „Подайте мнѣ жену, кричалъ онъ, зачѣмъ вы хотите отнять ее у меня?.. Безъ нея я не поѣду,—дѣлайте со мной, что хотите!..“

Для характеристики Щапова надо еще упомянуть, что онъ увезъ съ собою всѣ книги и тетради, которыя даны были ему знакомыми во временное пользованіе. Какъ у него брали свободно книги и зачитывали часто, такъ и онъ присвоялъ чужія средства научной дѣятельности, словно онѣ составляли общественное достояніе. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, онъ нарочно отобралъ изъ библіотеки Крашенинникова рѣдкія русскія изданія XVIII-го стол., наполнилъ ими чемоданъ и уплатилъ впослѣдствіи деньги по старой дешевой цѣнѣ ихъ владѣльцу.

Крупный и оригинальный талантъ Щапова сразу привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ людей въ Россіи и, несмотря на неблагопріятныя условія, оказалъ большую услугу для развитія отечественной науки. Изъ сочиненій его выше всѣхъ можно по праву поставить слѣдующія изслѣдованія: „О славяно-русской миѳологіи“ (ненапечатано), „О земскомъ строеньи, о русскомъ расколѣ, о великорусскихъ областяхъ и о древне-русской народной экономической жизни“. Къ удивленію, послѣднія статьи прошли почти незамѣченными [1]). Достойно вниманія, что высказанная мысль Щапова, 20 лѣтъ тому назадъ, о непрактической постановкѣ земскихъ учрежденій въ Россіи, въ настоящее время вполнѣ оправдалась на

[1]) Объ экономической жизни русскаго народа напечатано въ изслѣдованіи „Объ историко-географическомъ распредѣленіи народонаселенія въ Россіи“. („Рус. Слово“ 1864 г., № 1).

дѣлѣ и сознана всѣми. Онъ тогда еще предлагалъ взяться за мелкія единицы управленія, въ родѣ міровъ и сходовъ, и оканчивалъ общимъ земскимъ соборомъ.

Несмотря на множество рукописей и другихъ источниковъ для занятій русской исторіей въ Петербургѣ, Щаповъ не подрудился надъ разработкой ихъ и не написалъ ничего новаго, исключая статьи „О бѣгунахъ", которую приготовилъ по неизвѣстнымъ еще рукописнымъ матеріаламъ, хранившимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ (а иногда искаженіемъ въ угоду публики), готовыхъ изслѣдованій, привезенныхъ изъ Казани, и печаталъ ихъ безъ связи и порядка, по требованію интересовъ времени, а не науки. Несомнѣнно, что петербургская жизнь ничего новаго развивающаго не дала Аѳанасію Прокофьевичу, а только поневолѣ отвлекла его отъ ученыхъ занятій, въ которыхъ заключалась вся его сила и мощь; скрѣпя сердце онъ кинулся въ публицистику, которая совсѣмъ не ладила съ его духомъ и характеромъ занятій. Въ самомъ способѣ изложенія, вмѣсто простоты и точности, зазвучала фальшивая струна сочиненности, претензіи на картинность и живость: стóитъ прослѣдить его статьи „Земство и расколъ", какъ подъячій Докукинъ сидѣлъ опершись на локоть, какъ Пугачовъ явился на хуторѣ Еремы-Курицы и т. под., чтобы видѣть всю искусственность въ картинахъ. Онъ способенъ былъ къ проведенію идей, къ глубокому анализу и пониманію минувшей жизни, къ разъясненію ея тайнъ; а тяжелая артиллерія его публицистики непригодна была для стрѣльбы по воробьямъ. Онъ понялъ, хотя поздно, что журнальное занятіе не его дѣло; по своему умственному настрою и направленію работъ, онъ долженъ быть человѣкомъ науки, кабинетнымъ труженикомъ и изслѣдователемъ прошлыхъ судебъ Россіи. Но привычка озадачивать публику рѣзкими и новыми идеями, громадные самолюбивые замыслы—создать оригинальную небывалую науку русской исторіи, увлекли его на необъятный подавляющій трудъ. Онъ бросилъ дальнѣйшее развитіе изслѣдованій по прежнему плану, сталъ пренебрегать разработкой созданной имъ системы исторіи, какъ старымъ занятіемъ, не возбуждающимъ ни въ комъ удивленія, и не окончилъ прежде намѣченныхъ работъ. Вмѣсто прямаго положительнаго воззрѣнія на прошлую жизнь, началъ сильнѣе вырабатывать отрицательное направленіе. Поэтому совершенно справедливо замѣчено въ его некрологѣ: „Самыми лучшими работами Щапова останутся несомнѣнно работы перваго времени, составленныя на изученіи грамотъ, актовъ, лѣтописей, вообще—исключительно историческихъ памятниковъ, безъ особаго увлеченія естествознаніемъ... Если бы онъ, держась прежняго пріема и не задаваясь никакими, болѣе широкими программами, разработалъ всю нашу исторію, то трудъ вышелъ бы несомнѣнно очень замѣчательный и, во всякомъ случаѣ, очень полезный въ нашей исторической литературѣ". („Отеч. Зап."

1876 г., № 5. „Внутр. Обозр. 183). Но увлеченіе естественными науками испортило всѣ его дальнѣйшіе труды.

Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что при составленіи жизнеописанія Аѳанасія Прокофьевича, я не имѣлъ въ виду подробно разбирать его сочиненія и дѣлать имъ критическую оцѣнку, чтобы выяснить его ученыя заслуги сравнительно съ другими дѣятелями на поприщѣ русской исторіи. Такая обширная задача, по моему мнѣнію, можетъ быть удачно исполнена только тогда, когда издадутъ „Полное собраніе сочинаній Щапова", о чемъ слѣдовало давно бы похлопотать. Теперь я приведу въ ясность тѣ сочиненія и статьи Щапова, которыя онъ приготовилъ въ Петербургѣ, большею частью пользуясь лекціями и статьями, написанными имъ въ Казани; изъ нихъ почти третья доля остается въ рукописяхъ.

Ненапечатаны слѣдующія статьи:

Въ 1861 году: 1) „Объяснительная историческая записка о служеніи панихиды по убитымъ крестьянамъ въ. с. Безднѣ".

2) „Путешествіе отъ Казани до Петербурга". (Письма о старинномъ и современномъ состояніи русскихъ селъ и городовъ, о народныхъ волненіяхъ и проч.).

3) „Расколъ". (Небольшая статейка, написанная въ память тысячелѣтія Россіи).

4) „Регламентація и бюрократія".

Въ 1862 году: 5) „О русскомъ дворянствѣ". (Происхожденіе и развитіе дворянскаго сословія въ Россіи).

6) „Гражданская грусть". (Дума неоконченная).

7) „Областные земскіе собранія и совѣты".

Напечатаны слѣдующія статьи:

Въ 1861 году: 1) „Великорусскія области и смутное время (1606—1613 г.)". „Отеч. Записки" 1861 г., №№ 10 и 11.

2) „Земство и расколъ съ XVIII стол." Тамъ же № 12.

Статья эта издана отдѣльной брошюрой Кожанчиковымъ. Спб. 1862 года.

Рецензіи и замѣтки на эту статью помѣщены: „Библ. для для чтенія" 1862 г., № 12. „Сынъ Отеч." 1862 г., № 44. „Соврем. Лѣтопись" 1863 г., № 5. „Голосъ" 1863 г., № 129. „Современникъ" 1863 г., № 3. „Духъ Христіанина" 1865 г., № 6, стр. 223.

Въ 1862 году: 3) „Сельская Община". „Вѣкъ", еженедѣльное изданіе 1862 г., №№ 1—6. Февраль.

4) „Земство". Тамъ же, №№ 7—8.

5) „Русскіе самородки". Тамъ же, №№ 9—10. Мартъ.

6) „Земскіе соборы XVII стол. Соборъ 1642 года". Тамъ же, № 11.

7) „Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1867 года. „Отеч. Запис." 1862 г., № 3. Мартъ.

8) „Городскіе мірскіе сходы". „Вѣкъ" 1862 г., № 12. Мартъ.

9) „Сельскій міръ и мірской сходъ". Тамъ же, №№ 13—14. Апрѣль.

10) „Земство и расколъ. Бѣгуны". „Время" 1862 г., №№ 10 и 11.

11) „Изъ бурсацкаго быта" (Воспоминанія Щапова о своемъ воспитаніи въ иркутскомъ духовномъ училищѣ). „Искра" 1862 года.

Въ 1863 году: 12) „Съ новымъ годомъ". „Очерки" 1863 г., № 1.

13) „Замѣтка о самоуправленіи". Тамъ же, №№ 2 и 4.

14) „Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій". „Современное Слово" 1863 г. Прибавленіе № 5.

15) „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія, православнаго и раскольничьяго". „Журн. Мин. Народ. Просв." 1863 г. съ 1-й кн.

Эта статья издана и отдѣльной брошюрой. Спб. 1863 г.

Рецензіи въ „Голосѣ" 1863 г., № 69. „Отеч. Запис." 1862 г., № 9.

Въ 1864 году: 16) „Естествознаніе и народная экономія. Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи". „Русское Слово" 1864 г., № 1.

Статья издана отдѣльной брошюрой. Спб. 1864 г.

17) „Этнографическая организація русскаго народонаселенія". Статья 1. Посвящено памяти Банзарова. (Продолженія не было). „Библіот. для чтенія" 1864 г., № 1.

Вотъ всѣ извѣстные мнѣ литературные труды Щапова, какими онъ занимался втеченіе своего трехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ.

X.

Первоначальное устройство дѣлъ Аѳанасія Прокофьевича въ Сибири. — Надежды на возвращеніе въ Петербургъ. — Знакомства у Щаповыхъ въ г. Иркутскѣ. — Ученыя занятія русской исторіей по новой методѣ. — Изслѣдованія сибирскаго края и взглядъ на общество. — Бѣдность Щаповыхъ. — Ольга Ивановна, ея занятія, развитіе и преждевременная кончина. — Послѣдніе годы жизни и смерть Щапова. — Перечень его сочиненій, писанныхъ въ Иркутскѣ.

По отъѣздѣ Аѳанасія Прокофьевича изъ Петербурга, я не имѣлъ уже съ нимъ никакихъ сношеній, а потому пребываніе его въ Иркутскѣ мнѣ приходится описывать на основаніи печатныхъ сообщеній и немногихъ писемъ своихъ знакомыхъ.

Щапова послали за Байкалъ, на мѣсто его родины, въ с. Ангу для постояннаго жительства, но скоро разрѣшили поселиться въ г. Иркутскѣ, потому что на его рукахъ осталось цѣлое семейство брата его, умершаго священника. Въ Ангу онъ ѣздилъ только разъ для свиданія съ матерью и для устройства ея дѣлъ. На первыхъ порахъ давно невиданная Сибирь сильно увлекала его, потому что

онъ представлялъ ее въ своей живой фантазіи совсѣмъ не такою, какую нашелъ на самомъ дѣлѣ, при практическомъ столкновеніи съ жизнью. Сперва онъ устроился довольно сносно. Ольга Ивановна учила нѣкоторыхъ его племянниковъ; самъ онъ весь отдался занятіямъ естественными науками и подготовлялъ матеріалы для цѣлаго ряда новыхъ оригинальныхъ изслѣдованій въ области русской исторіи. Первые годы Щаповы не чувствовали большихъ недостатковъ. Протоіерей Н. А. Меліоранскій далъ своей племянницѣ Жемчужниковой 200 руб., при отправленіи ея со Щаповымъ въ Восточную Сибирь; но этихъ денегъ хватило только на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ отослано было, кажется, 3.000 рублей, которые тоже быстро были израсходованы. Дѣло въ томъ, что ни Ольга Ивановна, ни Аѳанасій Прокофьевичъ, не знали цѣны деньгамъ и расходовали ихъ безъ разсчета, когда ихъ было много въ рукахъ. Пока былъ живъ Меліоранскій, онъ не забывалъ племянницы; но вскорѣ онъ скончался—и Щаповы уже ни откуда не могли ожидать пособія. Теперь въ случаѣ нужды можно было доставать деньги только въ долгъ, и Аѳанасій Прокофьевичъ не рѣдко обращался къ бывшему своему слушателю казанской академіи К. В. Лаврову, который передавалъ ему въ разное время взаймы нѣсколько сотъ рублей.

Отношенія Щапова къ Ольгѣ Ивановнѣ были двухъ родовъ: подъ пьяную руку онъ не только часто съ ней ссорился, но и дрался, о чемъ она однажды съ глубокой грустью писала родственницамъ въ Петербургъ; но зато когда протрезвлялся, просилъ у нее прощенія въ оскорбленіи, плакалъ, валялся у ея ногъ и т. под. Постояннымъ поводомъ къ размолвкамъ служила его крайняя подозрительность или, лучше сказать, ревность, такъ что нѣкоторые изъ знакомыхъ, имѣя свѣдѣнія, что ихъ посѣщенія тяжело отзываются для Ольги Ивановны, перестали бывать у нихъ.

Въ Иркутскѣ Щаповъ не могъ встрѣтить общества ученыхъ людей и только съ немногими сходился не надолго. Въ біографическомъ его очеркѣ, между прочимъ, сказано: „Глубокая потребность къ какой нибудь живой общественной дѣятельности не находила себѣ почти никакого выхода и могла выразиться только въ рѣчи, написанной для ломоносовскаго юбилея, да въ публичной лекціи объ умственномъ развитіи человѣка. Но эти рѣдкія появленія Щапова въ качествѣ публичнаго оратора проходили въ Иркутскѣ почти незамѣченными и глубоко, болѣзненно огорчали его... Онъ велъ уединенную жизнь вмѣстѣ съ своей женою, но какъ ни страстно онъ отдавался своимъ трудамъ, какъ ни погружался онъ въ свои книги— горькое сознаніе своей испорченной жизни не заглушалось, и Щаповъ снова запилъ, запилъ ужасно... Долго и упорно боролась съ его порокомъ его жена, употребляя почти сверхъестественныя усилія, подвергаясь даже оскорбленіямъ и побоямъ своего бѣшенаго въ пьяномъ видѣ мужа, но наконецъ достигла своей цѣли, и Щаповъ пересталъ

нить. Вообще она имѣла на него огромное вліяніе и хотя медленно, но постепенно приближалась къ выполненію своей задачи, къ нравственному перевоспитанію, развиваясь въ то же время и сама.“ („Новое Время“ 1876 г., № 252).

Подспорьемъ для хозяйства Щаповыхъ служили деньги, получаемыя Ольгой Ивановной отъ частныхъ уроковъ, и жалованье изъ женской гимназіи, гдѣ она состояла учительницей болѣе двухъ съ половиной лѣтъ. Чтобы дѣльно проводить время и вмѣстѣ имѣть развлеченіе, она дома у себя устроила литературные вечера, на которыхъ собирались немногіе знакомые Щаповыхъ. О своихъ иркутскихъ знакомыхъ Аѳанасій Прокофьевичъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія.

„У насъ съ Оленькой, втеченіе 10-ти лѣтъ, не было даже и непрерывнаго, постояннаго знакомства, вполнѣ систематичнаго. Все метеорами, спорадически, разновременно и на самое короткое время появлялись въ Иркутскѣ отрадные, лучшіе люди и болѣе или менѣе развитые, честные, теплосердечные, и то больше проявлялись въ послѣднія 4 или 5 лѣтъ нашего уединенія въ иркутскомъ острогѣ (т. е. городѣ Иркутскѣ), сближались съ нами, доставляли намъ отраду и оживленіе своимъ знакомствомъ, кто полъ-года, кто годъ, кто годъ съ двумя или тремя мѣсяцами—и опять исчезали, уѣзжали одинъ за другимъ.“ Въ числѣ симпатичныхъ знакомыхъ своихъ Щаповъ отмѣчаетъ слѣдующія лица: кандидатъ спб. университета Г. А. Л., бывшій учитель гимназіи иркутской А. П. Гурлади и супруга его В. Д. Г., полковникъ В. А. Бѣльцевъ съ женой, полякъ Даукша. „Въ самое же послѣднее время, по сообщенію Щапова, когда почти всѣхъ этихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ не стало, Ольга Ивановна только и дорожила единственнымъ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ жившимъ въ Иркутскѣ и занимавшимся учительствомъ студентомъ Г. Х. Фризе и его умной, честной и добросердечной женой Александрой Васильевной... Всѣ они появлялись временно, только мы съ Оленькой, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ, безвыѣздно, безвыходно оставались чахнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ“. („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. „Внутр. Обозр.“, стр. 192—195).

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, приходилось только стараться, нельзя ли переселиться изъ глубины Сибири хотя бы въ какой либо приволжскій городъ, если уже невозможно въ столичный.

Надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ долгое время не покидала Щапова; особенно Ольга Ивановна хлопотала улетѣть изъ Иркутска и въ каждомъ письмѣ просила своихъ родныхъ петербургскихъ похлопотать о возвратѣ. Дѣйствительно, хлопоты о немъ были нерѣдки, но не приводили къ желаемой цѣли; когда въ Москву назначенъ былъ митрополитомъ Иннокентій, родственникъ Щапова, въ Петербургѣ не сомнѣвались, что его перемѣстятъ изъ Иркутска.

Доброжелатели Щапова настроили-было дѣло такъ, что ему пред-

стояло скорое разрѣшеніе вернуться изъ Иркутска; но задорная рѣчь, сказанная имъ на родинѣ по поводу столѣтняго юбилея Ломоносова въ 1865 г., сразу отбила всякую надежду на возвратъ. Затѣмъ возникло въ г. Омскѣ дѣло по поводу пущенной въ ходъ записки объ освобожденіи и самостоятельности Сибири; Щапова, неизвѣстно по какому случаю, тоже впутали въ это дѣло, вызвали въ г. Омскъ; но нашли совсѣмъ невиновнымъ. Да его по этимъ дѣламъ давно бы слѣдовало оставить въ покоѣ, какъ человѣка совершенно неспособнаго стоять во главѣ какого бы то ни было практическаго предпріятія и совсѣмъ негоднаго политическаго организатора, хотя буйнаго на рѣчахъ. Въ Омскѣ онъ лежалъ нѣсколько времени больной, потому что дорогой разбили его лошади, выбросили изъ повозки, а онъ запутался обѣими ногами въ возжахъ и долго тащился по дорогѣ, отчего произошло растяженіе сухожилій. Шашковъ видѣлъ его въ домѣ жандармскаго полковника Рыкачева, гдѣ онъ изучалъ зоологію, мечталъ о будущихъ трудахъ своихъ, рвался домой къ работѣ и, какъ ребенокъ, радовался, что, устроившись въ „Русскомъ Словѣ", онъ можетъ не поступать на службу и въ состояніи будетъ жить однимъ литературнымъ трудомъ. („Дѣло" 1876 г., № 4. Некрологъ).

Въ 1870 г., декабря 15-го, онъ писалъ Муллову въ Нижній-Новгородъ, гдѣ тотъ служилъ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда: „Не возьму я въ толкъ, сердяга Павелъ Андреичъ, отчего это столько лѣтъ и столько зимъ мы ничего не писали другъ другу? А между тѣмъ, какъ часто, какъ часто я и жена вспоминали и вспоминаемъ васъ, тебя. Зайдетъ ли рѣчь съ немногими иркутскими знакомыми (изъ казанскаго университета) о товарищахъ и друзьяхъ давно минувшихъ лѣтъ, приходится ли высказать кому тяжелое, грустное сожалѣніе о томъ, что нѣтъ здѣсь тѣхъ людей, той породы людей, съ какими прежде водилъ дружбу, всегда съ какимъ-то пріятнѣйшимъ воодушевленіемъ распространишься о Мулловѣ и до идеализаціи изольешь всю симпатію къ нему. Вспоминаемъ мѣткіе, характеристичные афоризмы, изреченья Муллова, вспоминаемъ образцы его личной прямоты, искренности, доброты, свѣтлаго, мѣткаго, прямого ума... А все молчишь и не пишешь ничего къ нему! Не возьму я въ толкъ и не придумаю, отчего это? Между тѣмъ, пора придти ужъ времячку—и снова увидѣться. Рвемся съ женой снова видѣться съ Мулловымъ. Сдѣлано уже два порыва. Не будутъ удачны—будетъ сдѣланъ третій порывъ въ Нижній, а если не въ Нижній, то куда нибудь на берега Волги-матушки.

„Теперь не буду ничего писать. Пришли скорѣе свой точный, подлинный адресъ. А вотъ нашъ адресъ: Въ Иркутскъ, такому-то болвану, живущему по Харлампьевской улицѣ, въ домѣ дьякона Литвинцева.

„Одинъ изъ новыхъ моихъ знакомыхъ, Конст. Вас. Борсукъ, бывшій 3½ года вольнымъ слушателемъ въ казанскомъ университетѣ

на юридическомъ факультетѣ, желаетъ поступить къ вамъ на службу, сильно желаетъ. Не можешь ли сдѣлать что нибудь для него? Прилагается при семъ формуляръ его, собственноручно имъ списанный для передачи тебѣ."

Изъ этого письма видно, что Щаповы и въ 1870 году еще не теряли надежды на переселеніе изъ ненавистнаго Иркутска; а съ другой стороны въ письмѣ выражена характеристическая черта Щапова—не вести ни съ кѣмъ переписки безъ самой крайней необходимости, несмотря на личное желаніе. „А все молчишь и не пишешь ничего! Не возьму я въ толкъ, отчего это?.."

Чѣмъ далѣе, тѣмъ жизнь Щаповыхъ въ Иркутскѣ становилась грустнѣе и безнадежнѣе; самыя занятія и ученая дѣятельность Аѳанасія Прокофьевича на новомъ поприщѣ оказались весьма неудачны. Объ этихъ трудахъ высказывали такія соображенія:

„Щаповъ хотѣлъ приложить къ русской исторіи естественно-научный методъ и съ жадностью проглатывалъ выходившія въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ оставался профессоромъ на каѳедрѣ исторіи, имѣлъ обезпеченное матеріальное положеніе, время и всѣ средства, то, рано или поздно, онъ совладалъ бы съ этою огромною задачею. Но онъ поставленъ былъ въ необходимость писать и писать что нибудь, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Понятно, что вмѣсто зрѣлыхъ трудовъ онъ долженъ былъ давать только недоноски, часто въ зачаточномъ состояніи, въ особенности въ послѣднее время... Щапова и въ Иркутскѣ нельзя было почитать человѣкомъ окончательно потеряннымъ. Напротивъ, можно думать, что, при болѣе обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, при бо́льшемъ участіи къ нему общества, при надеждѣ на возвращеніе въ Петербургъ, онъ могъ бы явиться оттуда обновленнымъ и съ болѣе зрѣлыми силами для литературы." („Отеч. Записки" 1876 г., № 5, Внутр. Обозр., стр. 184—193). Но судить о томъ, что вышло бы изъ работъ Щапова при другихъ условіяхъ, очень мудрено: слишкомъ поздно онъ взялся учиться, чтобы перестроить цѣлую науку.

Увлекаясь реальными взглядами Писарева, онъ иногда доводилъ ихъ до послѣдней крайности; не владѣя основательно иностранными языками и взявшись за разработку русской исторіи на началахъ естественно-научныхъ знаній, онъ могъ только самъ изучать ихъ по случайнымъ переводамъ на русскій языкъ. Въ Иркутскѣ онъ не въ состояніи былъ достать необходимые ему матеріалы для разработки избраннаго предмета: тамъ не нашелъ онъ сносной библіотеки, а выписывать все на свои средства—надо было имѣть громадное состояніе. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ торопился поскорѣе печатать свои незрѣлыя работы, чтобы достать средства для содержанія, и потому въ его сочиненіяхъ, рядомъ съ удачными частными выводами, мы встрѣчаемъ самыя одностороннія сужденія и невѣрныя заключенія.

Такое положеніе онъ, конечно, могъ бы и самъ взвѣсить и бросить безплодныя занятія. Между тѣмъ, оставивъ свой привычный прежній путь изслѣдованій, онъ не въ силахъ былъ проторить новую тропу въ незнакомой ему области естествознанія. Это возбуждало искреннее сожалѣніе въ людяхъ науки, безмолвно смотрѣвшихъ на гибель таланта.

Изъ уваженія къ прежней дѣятельности Щапова, никому въ голову не приходило и рука не поднималась писать критическія статьи по поводу его разныхъ иркутскихъ изслѣдованій. Дѣло понятное, что писать о немъ—значило указывать на постепенное паденіе его таланта и безплодность его новыхъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Только одинъ трудъ его 1870 года: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ вызвалъ большую полемику въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Вмѣсто того, чтобы изучать развитіе русскаго народа въ связи съ особенностями его края и природы, Щаповъ обыкновенно бралъ общую какую-нибудь мысль заграничнаго ученаго и подтверждалъ ее рядомъ частныхъ явленій изъ русской жизни, въ чемъ не было никакой надобности. Русскій народъ принималъ отвлеченныя общія черты и нельзя было отыскать его отличительныхъ особенностей; такъ, онъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ доказывалъ, что у русскаго человѣка кулакъ очень крѣпокъ и поэтому онъ сколотилъ такое громадное государство. Самая постановка многихъ вопросовъ была не научна и тщательное рѣшеніе ихъ не могло принести пользы русской исторіи. Изслѣдуя міросозерцаніе русскаго народа, онъ постоянно смѣшивалъ понятія и воззрѣнія простолюдиновъ, книжныхъ людей и бояръ; самый складъ міровоззрѣнія основывалъ на господствѣ фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы и монотеистическаго страха единой невидимой силы Божіей въ природѣ и т. под. („Отеч. Записки“ 1873 г., № 3, стр. 333). Справедливо замѣчено объ этомъ въ „Воспоминаніи“: „Стоило Щапову завладѣть какимъ-нибудь новымъ выдающимся естественно-научнымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ немедленно положить его въ основаніе русской исторіи и изъ него односторонне объяснять всѣ ея событія. Извѣстны въ такомъ родѣ его работы, сдѣланныя подъ вліяніемъ изслѣдованій Либиха о хищническомъ пользованіи землею. Въ томъ же родѣ и его послѣднія работы, печатавшіяся въ „Отеч. Запискахъ“...

„Скудость источниковъ и пособій заставляла его, съ одной стороны, дорожить тѣми предметами, по которымъ имѣлись въ рукахъ даже кой-какіе источники и пособія, и писать о нихъ огромные трактаты, даже цѣлыя книги, тогда какъ, при другомъ положеніи, онъ относительно этихъ самыхъ предметовъ ограничился бы, быть можетъ, изслѣдованіемъ въ-пятеро меньше по объему, что не помѣшало бы послѣднему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе содержательнымъ; съ другой стороны, та же скудость источниковъ и посо-

бій невольно склоняла его къ переходу отъ изслѣдованія общихъ предметовъ къ частнымъ, мѣстнымъ, по которымъ у него былъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ въ виду. Между тѣмъ, то и другое совершенно не совпадало съ цѣлями текущей прессы и вело къ тому, что изслѣдованія не находили помѣщенія ни въ одномъ изъ журналовъ... Щаповъ въ Иркутскѣ писалъ очень немало, но труды его едва ли даже на половину находили помѣщеніе въ журналахъ и съ каждымъ днемъ становились все слабѣе и слабѣе какъ отъ скудости матеріаловъ, такъ и отъ спѣшности работы" („Отеч. Записки" 1876 г., № 5. Внутр. Обозр., стр. 183, 194, 195).

Языкъ его сталъ еще болѣе безобразнымъ отъ множества ненужныхъ иностранныхъ словъ, напримѣръ: натуръ-фавматологическій, телеолого-оптимистическій, сенсуально-фетишическій, сантиментально-филантропическій, фругиворный, соціально-кооперативный, теолого-пантофобическій, импульсироваться и т. п.

Въ 1867—68 годахъ, Щаповъ напечаталъ нѣсколько изслѣдованій по русской исторіи въ журналѣ „Дѣло"; а съ 1870 года появился его рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ". Но статьи эти отличались растянутостью, были односторонни и слабы; нѣкоторыя длинныя его изслѣдованія редакціи сокращали до малыхъ размѣровъ. Такъ статья, напечатанная въ 1873 году подъ заглавіемъ: „Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества" составляетъ отрывокъ изъ большого сочиненія, какъ отмѣчено въ примѣчаніи: „Сокращенное извлеченіе изъ полнаго очерка исторіи русскаго общества, гдѣ разсматриваются и всѣ другія сферы общественной жизни, какъ то: народная экономія или общественное обезпеченіе физіологической потребности пищи, жилища и одежды, общественныя санитарныя понятія и учрежденія, эстетическія понятія и увеселенія, антрополого-этнографическія понятія и международныя отношенія и проч." („Отеч. Записки" 1873 г., № 2, стр. 333). Присылавшіяся Щаповымъ въ послѣднее время въ Петербургъ статьи были до того слабы и вялы, что негодились для печатанія. Литературный трудъ, такимъ образомъ, пересталъ быть источникомъ дохода, и онъ очутился въ нищетѣ. („Дѣло" 1876 г., № 4, стр. 159).

Кромѣ общихъ вопросовъ о минувшей судьбѣ нашихъ предковъ, Щаповъ занимался мѣстными этнографическими задачами сибирскаго края, трудился въ архивѣ отдѣла тамошняго географическаго общества. Въ 1869 году онъ командированъ былъ въ ученой экспедиціи къ устьямъ р. Енисея; въ этой трудной поѣздкѣ, особенно отъ Туруханска до села Ворогова, принимала участіе супруга его и перенесла много лишеній и страданій въ 30-ти дневное плаваніе по Енисею. Тогда онъ собралъ богатыя антропологическія и этнографическія данныя, часть которыхъ напечатана. Въ 1874 году, тоже по порученію общества, произведены Щаповымъ этнографическія изслѣдованія въ

Приленскомъ краѣ, въ мѣстности „Братская степь". Плодомъ этихъ работъ было нѣсколько статей и большой черновой, не обработанный матеріалъ [1]). Весь этотъ трудъ раздѣляется на 5 главъ или отдѣловъ: 1) Историко-географическое и этнографическое распредѣленіе населенія; 2) физическое и этнолого-генеалогическое развитіе населенія; 3) о психологическомъ развитіи населенія; 4) объ общественномъ и экономическомъ развитіи населенія и 5) Домашняя и семейная жизнь [1]). Изъ 4-й главы этого матеріала напечатана была впослѣдствіи статья подъ такимъ заглавіемъ: „Эгоистическіе инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятской-улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской". Щаповъ иногда помѣщалъ статьи въ газетѣ „Сибирь" и между прочимъ печаталъ разсужденіе по вопросу о сибирскомъ университетѣ. Даже передъ самой своей смертью онъ готовилъ статью въ эту газету.

Съ 1872 года Щаповъ ежегодно помѣщалъ въ „Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества" историко-географическія и этнографическія статьи о сибирскомъ населеніи вообщее и объ инородцахъ въ частности. Большая часть этихъ изслѣдованій отзываются крайностями въ воззрѣніи, подъ вліяніемъ естественныхъ не переработанныхъ знаній: въ жизнь сибирскихъ инородцевъ онъ вносилъ свои предзанятыя понятія вмѣсто того, чтобы дѣлать выводы на основаніи добытыхъ данныхъ изъ самой ихъ жизни. Въ 1873 году вышло сочиненіе В. Вагина „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири". Аѳанасій Прокофьевичъ написалъ по поводу этой книги рядъ статей, подъ заглавіемъ „Сибирское общество до Сперанскаго".

Тяжелое положеніе Щаповыхъ, бѣдность и озлобленіе на безучастіе окружающаго общества, не рѣдко отражались и на сочиненіяхъ Аѳанасія Прокофьевича. Больше и больше онъ склоненъ былъ выставлять съ отрицательной стороны свойства и дѣятельность русскаго народа, разсуждать о его безсердечіи, историческомъ равнодушіи къ инородцамъ и проч. Особенно на этотъ разъ досталось отъ него сибирякамъ, которыхъ онъ обрисовывалъ самыми мрачными чертами въ статьѣ: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества". („Отечественны Записки" 1872 г., № 10-й, стр. 459—505). Разсказывая нѣсколько случаевъ вымиранія цѣлыхъ родовъ корыстолюбцевъ—эксплуататоровъ, вслѣдствіе душевнаго вырожденія, Щаповъ говоритъ: „Подобные факты, мнѣ кажется, свидѣтельствуютъ, какимъ психо-физическимъ растлѣніемъ и паденіемъ человѣческой природы сопровождается, при не развитости мозга или ума, господство однихъ грубыхъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ на-

[1]) Некрологъ А. П. Щапова. М. З—на. „Извѣстія сибирскаго отдѣла И. Геогр. общества". 1876 г., т. VII, №№ 1—2.

клонностей, всежизненное, всецѣлое напряженіе и возбужденіе мозга одною своекорыстною, буржуазною, эксплуататорскою жадностью къ деньгамъ и полнѣйшее отсутствіе всякихъ высшихъ человѣческихъ чувствъ и побужденій. А къ прискорбію, въ Сибири, особенно въ глуши ея дикихъ лѣсныхъ захолустій, среди суровыхъ физико-экономическихъ условій существованія и труда, грубыя, эгоистически-пріобрѣтательныя наклонности цѣняться еще, большею частію, какъ единственныя высшія человѣческія достоинства, и путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности передаются изъ рода въ родъ"...

Проводя существованіе съ вѣчной тоской и горемъ въ ненавистномъ городѣ, Щаповы обречены были терпѣть постоянную нужду и бѣдность. По словамъ Аѳанасія Прокофьевича, они чахнули въ иркутскихъ квартирахъ, „постоянно воздыхая и печалясь о томъ, какъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ бы и на что бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія стряпки, какъ бы замѣнить новымъ до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, какъ бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ, печалясь и воздыхая обо всемъ этомъ изъ-за того, какъ бы хоть сколько нибудь поспокойнѣ углубиться въ свои умственныя занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшеее изъ Оленьки и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное! И ты, моя многострадальная, долготерпѣливая, его пережила!.." Щаповъ разсказываетъ, что въ концѣ 1873 года Ольга Ивановна, хотя и больная, захотѣла устроить читальные вечера въ своемъ кружкѣ, какіе прежде существовали но ея иниціативѣ около двухъ лѣтъ; но привести въ исполненіе эту мысль помѣшала „экономическая несостоятельность—издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишнія (6—8) чашки и стаканы, припасти достаточно свѣчей!" („Отечественыя Записки" 1876 года, № 5-й, „Внутреннее Обозрѣніе", стр. 195, 196).

Изъ тяжелой борьбы съ нравственными недостатками мужа Ольга Ивановна вышла побѣдительницей — и Щаповъ перестаіъ пить въ семидесятыхъ годахъ. Онъ заявляетъ о ея многострадальной борьбѣ съ его грубымъ порокомъ—пьянствомъ, которымъ страдалъ въ первые годы сожительства съ нею и отъ котораго избавился только благодаря ея энергическимъ усиліямъ.

Сильно-развившаяся болѣзнь Ольги Ивановны заставила ее въ 1872 году отказаться отъ занятій въ женской гимназіи, и Щаповы уже не находили источниковъ для пріобрѣтенія средствъ для жизни, а очутились въ совершенной нищетѣ.

Къ довершенію несчастья, и самъ Щаповъ заболѣлъ, такъ что некому было похлопотать о ежедневномъ пропитаніи; 18-го сентября 1873 года „Общество пособія литераторамъ постановило выдать ему пособіе въ 300 рублей. Черезъ годъ 21-го октября комитетъ литературнаго фонда опредѣлилъ выдать еще 300 рублей, оставляя за

нимъ право полученія пособія ежегодно по 300 рублей, пока поправится его здоровье; но въ слѣдующемъ году онъ не обращался за пособіемъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни, по заявленію ближайшаго знакомаго Г. Х. Фризе, Щаповъ жилъ чуть не въ лачугѣ, въ страшной бѣдности. Ангеломъ-хранителемъ была его жена, о которой знакомые отзываются не только съ уваженіемъ, но съ благоговѣніемъ, какъ о святой женщинѣ; она самостоятельно взяла на себя тяжелый крестъ и несла его до конца жизни, сокрушая свои молодыя силы въ глухой борьбѣ; она ободряла и поддерживала Аѳанасія Прокофьевича въ его горькой нищетѣ и злосчастіи. Если ему, воспитанному въ суровой бѣднотѣ, жизнь иркутская казалась страшно тяжелой; то каково же было выносить эту каторгу Ольгѣ Ивановнѣ, съ дѣтства привыкшей къ роскошной жизни!

Въ своемъ „Воспоминаніи“ съ 25-го по 30-е марта 1874 года, Щаповъ рисуетъ довольно подробно личность и дѣятельность Ольги Ивановны втеченіе 10-ти-лѣтней иркутской жизни, какъ она сильно занималась, заботилась о своемъ развитіи и пріобрѣтеніи знаній, изучала вопросы, занимавшіе ея супруга. „Въ первые годы моего сближенія и сожительства съ нею, пишетъ Аѳанасій Прокофьевичъ, она больше поражала и плѣняла меня своими высокими нравственными качествами: необыкновенною добротою, прямодушною, такъ сказать, истинно-демократическою простотою, естественностью и беззавирностью въ поступкахъ и разговорахъ, полнѣйшею честностью и справедливостью не только во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ мысляхъ и сужденіяхъ, полнѣйшею искренностью чувствъ и убѣжденій. Глубина, сила и основательность ея мысли тогда еще не высказывались особенно рельефно. Многія понятія еще несовсѣмъ были выработаны... Но, живя въ Иркутскѣ одинаково со мной, въ полнѣйшей отрѣшенности отъ общества, постоянно сосредоточенною, самоуглубленною жизнію, постоянно читая серьезныя, научныя книги съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ, потомъ два года съ половиною или болѣе, съ внимательнѣйшею сосредоточенностью занимаясь самостоятельной разработкой и приготовленіемъ уроковъ для дѣтей женской гимназіи, постоянно серьезнѣйшимъ анализомъ и размышленіемъ переработывая въ своей головѣ каждый вопросъ науки или жизни, каждый общественный или житейскій фактъ, каждое новое наблюденіе, — даровитая Ольга Ивановна годъ отъ году все больше и больше развивалась... Она достигла высокаго, серьезнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія, единственно вслѣдствіе многолѣтней сосредоточенной жизни въ Сибири со мною, вслѣдствіе непрерывной ежедневной самостоятельной работы своей головы, своей мысли, вслѣдствіе постояннаго серьезнаго чтенія и размышленія, вслѣдствіе постояннаго глубокаго анализа жизненныхъ и общественныхъ фактовъ и наблюденій“. При чтеніи лучшихъ сочиненій по

части естествознанія, она дѣлилась съ мужемъ живыми впечатлѣніями новыхъ идей, возбуждавшихъ въ ней рядъ новыхъ мыслей, выводовъ, убѣжденій и чувствъ, или обращалась къ нему съ разными вопросами, недоумѣніями и сомнѣніями. Въ сочиненіяхъ великихъ европейскихъ мыслителей она указывала супругу ту или другую мысль, противорѣчившую его идеѣ, или опровергала его выводъ. Читая газету или журналъ, Ольга Ивановна постоянно указывала Щапову на все замѣчательное и всегда удивительно согласно съ общимъ характеромъ міросозерцанія и убѣжденій его. Чтеніе составляло высшее утѣшеніе жены Щапова, который говоритъ: „При нашей несложности скуднаго домашняго хозяйства, она имѣла полную возможность просиживать цѣлые дни за чтеніемъ. Въ послѣдніе годы жизни, когда начались и все болѣе осложнялись, усиливались ея разныя болѣзненныя страданія и когда она не могла уже заниматься ни въ мѣстной гимназіи, ни частными уроками, она, можно сказать, только и жила и дышала однимъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ, лучшихъ журналовъ и внимательнымъ обзоромъ лучшихъ газетъ. Это занятіе ея только и прерывалось, по временамъ, нашими взаимными бесѣдами о литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ, да изрѣдка какимъ нибудь моимъ чтеніемъ изъ своихъ литературныхъ работъ“... При посторонних людяхъ или гостяхъ, она, бывало, болѣе молчитъ, слушаетъ бесѣды или разсужденія и споры, не часто возразитъ, выскажетъ свое мнѣніе или убѣжденіе, но зато возразитъ всегда кстати, поразительно мѣтко, обдуманно, разумно и полновѣсно. Если появлялся человѣкъ не симпатичный, съ фальшивыми понятіями и чувствами, она сейчасъ выражала антипатію къ этому человѣку, нерѣдко прямо обнаруживала ее передъ нимъ, рѣшительно отворачиваясь отъ него. Когда мужъ ея въ бесѣдѣ съ знакомыми высказывалъ ошибочныя мысли и сужденія, она всегда безпристрастно, рѣзко и основательно возражала противъ его ошибокъ. Въ Аѳанасіи Прокофьевичѣ она цѣнила не однѣ умственныя способности, но еще болѣе его кровную искренность, энтузіастичность и непоколебимую твердость убѣжденій. „Для меня и для себя, пишетъ Щаповъ, она желала заводить и поддерживать знакомство и сообщество только съ людьми, болѣе или менѣе истинно-развитыми, честными, справедливыми, гуманными и естественно-простосердечными, не гордыми, не стѣснявшими насъ и съ нашей стороны не стѣснявшимися никакими ложными подсказываніями самолюбія, скрытности и фальшивой этикетности. Чуть вѣяло отъ человѣка отрадной, живительной теплотой непритворныхъ, искреннихъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ чувствъ, убѣжденій и стремленій,—она сейчасъ проницательно отгадывала и справедливо оцѣнивала этого человѣка, чувствовала къ нему искреннюю симпатію, съ живымъ, радостнымъ, сердечно-прямодушнымъ сочувствіемъ и радушіемъ принимала его, не взирая на его общественное положеніе“. Былъ у Щаповыхъ одинъ знакомый бур-

сакъ, несправедливо исключенный изъ семинаріи, неуклюжій и невзрачный, но способный и честный въ убѣжденіяхъ, простой и искренній въ словахъ и поступкахъ. „Если этотъ бурсакъ, замѣчаетъ Щаповъ, долго не приходилъ къ намъ и съ горя погибалъ въ пьянствѣ, то она всегда посылала меня розыскать его, привести къ намъ, и сама употребляла все свое нравственное вліяніе, чтобы поддержать его, спасти отъ погибели и направить въ университетъ". („Отеч. Записки" 1876 г., № 5. „Внутр. обозр.", 188—192).

Долго догорала жизнь этой бѣдной молодой женщины при самой печальной обстановкѣ, отсутствіи правильнаго леченія, порядочнаго домашняго покоя и сносной пищи. Скончалась бывшая Жемчужникова въ молодыхъ лѣтахъ 13-го марта 1874 г. Во время ея болѣзни Щаповъ доходилъ до самаго тяжелаго мрачнаго расположенія духа; онъ ожесточился на все окружающее его общество, считая его ехиднымъ, злостнымъ и безсердечнымъ, а Иркутскъ онъ возненавидѣлъ до глубины души и называлъ его отвратительнымъ острогомъ.

По смерти Ольги Ивановны, Щаповъ потрясенъ былъ окончательно, снова запилъ съ горя и самъ сильно заболѣлъ, оставаясь совершенно въ безвыходномъ нищенскомъ состояніи.

Послѣ энергической подруги, Щаповъ весьма часто посѣщалъ ея могилу, несмотря ни на какую погоду, и просиживалъ по нѣскольку часовъ, какъ-будто укрѣплялся въ терпѣніи, взывая къ улетѣвшей сочувствующей душѣ. Сильнѣе и сильнѣе стала находить на него тяжелая хандра, онъ сдѣлался страшно рѣзокъ и нетерпимъ до крайности и возбуждалъ въ близкихъ людяхъ глубокую жалость къ своей горемычной долѣ. Онъ сильнѣе опустился и здоровье измѣнило ему совсѣмъ: въ послѣднее время онъ едва таскалъ ноги, охромѣлъ и ходилъ тихо, пошатываясь, точно старикъ; зрѣніе его до такой степени притупилось, что онъ едва могъ читать свою крупную и размашистую рукопись. Очевидцы передавали, что иногда приглашали его передовые иркутскіе люди на литературные вечера, какъ представителя либеральныхъ убѣжденій, одѣвали его въ сборное платье, привозили его на вечеръ, ставили на столѣ четыре свѣчки, чтобы онъ могъ разобрать написанное. Но чтеніе было такого характера, что едва возможно было разобрать его, хотя присутствующіе были весьма довольны и долго волновались, такъ какъ оно пропитано было сибирскимъ вкусомъ. Не задолго до кончины своей, онъ иногда приходилъ голодный къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его; обыкновенной его домашней пищей былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствіе питанія ускорило развязку дѣла и сократило его злополучную жизнь; безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ бы умереть съ голода.

Въ газетѣ „Сибирь" было заявлено, что Щаповъ въ разное время задолжалъ бывшему своему ученику по казанской академіи, чиновнику контрольной палаты, К. В. Лаврову, 825 рублей и въ обез-

печеніе этого долга передалъ ему право на изданіе всѣхъ его сочиненій.

Щаповъ скончался 27-го февраля 1876 года, 45 лѣтъ отъ роду. Ничтожный кругъ его знакомыхъ и бывшихъ слушателей университета и академіи проводилъ его скромный гробъ въ могилу. И по смерти судьба не сжалилась надъ нимъ, такъ жадно стремившимся къ извѣстности! Сообщеніе о его кончинѣ не разрѣшено было къ печатанію въ газетѣ „Сибирь" и общество иркутское узнало о его смерти, когда уже онъ давно лежалъ въ землѣ сырой. Мало этого: никто не подумалъ извѣстить по телеграфу петербургскихъ его знакомыхъ, которые высоко цѣнили талантъ Щапова и узнали о его смерти случайно изъ частнаго письма. Это безучастіе и равнодушіе къ своимъ русскимъ даровитымъ людямъ характеризуетъ наше общество.

Изъ сочиненій Щапова, написанныхъ имъ въ Иркутскѣ, осталось много въ рукописяхъ; сохранились ли послѣднія или нѣтъ, неизвѣстно. Печатные его труды были слѣдующіе:

1. Рѣчь по случаю празднованія юбилея М. В. Ломоносова. 1865 г.

Напечатана въ Иркутскѣ, въ отдѣльной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Двѣ рѣчи, произнесенныя при празднованіи въ г. Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова", И. 1865 г. (Рѣчь Щапова начинается съ 19 страницы).

2. „Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи". „Дѣло" 1867, №№ 2 и 3.

3. „Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи". Тамъ же, 1868, №№ 1, 3, 4, 7—9.

4. „Умственныя направленія русскаго раскола". Тамъ же, 1868, №№ 10—12.

5. „Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа". „Отечеств. Записки" 1870, №№ 3, 4 и 12.

6. „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа". Спб. 1870 г., изд. Н. Полякова.

Критическія статьи и рецензія на эту книгу:

1. „Библіографъ". 1869 г. № 3, Дек., стр. 42, статья Н. А. Александрова. 2. „Всемірный трудъ". 1869 г. № 11, стр. 175. 3. „Вѣстникъ Европы". 1869 г. № 12, т. 6, 1870 г. № 1, т. 1, стр. 326. 4. „Спб. Вѣдом.". 1869 г. № 319. 5. „Дѣло". 1870 г. № 1, стр. 73. 6. „Рус. Вѣстн." 1870 г. № 2, стр. 813. В. Кочнева, статья: „Событіе въ нигилистическомъ мірѣ". 7. „Спб. Вѣдом." 1870 г. № 115. „Образцовая глупость", по поводу статьи Кочнева, въ „Рус. Вѣстникѣ". 8. „Всеобщая Газета". 1870 г. № 62. Рецензія В. Орлова. 9. „Отеч. Записки". 1870 г. № 7, т. 191, отд. 2. Статья А. Пятковскаго. 10. „Правосл. Обозр." 1870 г. № 2, стр. 307. Статья В. К. „Церковь по отношенію къ умственному развитію древ. Руси". 11. „Голосъ". 1870 г. №№ 55 и 56. Дѣло, возникшее по поводу сочиненій г. Щапова. 12. „Недѣля". 1870 г. № 21 и 22, статья П. Ровинскаго. 13. „Одес. Вѣстникъ". 1870 г. № 37. „Причина нашего черепашьяго прогресса". М. Г. 14. „Новорос. Телеграфъ". 1870 г. №№ 85, 87, 89. „Воспитаніе молодыхъ рабочихъ поколѣній". Л. Самсонова.

7. „Первобытное міросозерцаніе". „Дѣло" 1871 г. №№ 8 и 9.

8. „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при

взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества". „Отеч. Записки" 1872 г. № 10.

9. „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи: а) Измѣненіе славяно-русской народности въ сибирскомъ населеніи. б) Мѣстныя физическія, психическія и лингвистическія особенности русскаго сибирскаго населенія. в) Общая характеристика физическаго и психическаго типа сибирскаго русскаго населенія". „Извѣстія Сибирскаго отдѣла и Русскаго Географическаго общества" 1872 г. Т. III, № 3, стр. 142. № 4, стр. 185. № 5, стр. 243.

10. „Развитіе человѣческой способности питанія". „Отеч. Записки" 1873 г. № 1. (Эта статья общая и не относится къ русской жизни).

11 „Положеніе женщины въ Россіи въ допетровское время". „Дѣло" 1873 г. № 4.

12. „Историко-географическія Замѣтки о Сибири. Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири". „Извѣстія Сибирскаго отдѣла Геогр. общества". 1873 г. № 2, стр. 65.

13. „Сибирское общество до Сперанскаго". (По поводу книги г. Вагина о дѣятельности М. М. Сперанскаго). Тамъ же, 1873 г. т. IV, № 4, стр. 180. № 5, стр. 200. 1874 г., № 1, стр. 28.

14. „Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества. (Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени)". „Отечеств. Записки" 1873 г. №№ 2, 3, 7. 1874 г. №№ 5 и 6.

15. „Бурятская улусная родовая община". „Записки Геогр. общества". 1874 г., т. V, № 1, стр. 128.

16. „Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ. Физическое и этнолого-генеалогическое развитіе кудинскаго и верхоленскаго населенія. Развитіе уродствъ между бурятами кудинскаго, верхоленскаго и ленскаго вѣдомства и вліяніе на него замкнутаго родоваго генезиса". Тамъ же, 1875 г. т. VI, № 3, стр. 97. №№ 5 — 6, стр. 189.

17. „Физическое развитіе верхоленскаго населенія". Тамъ же, 1876 г. т. VII, №№ 2 и 3, стр. 37.

18. „Эгоистическіе инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятской улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской". Издана эта статья отдѣльной брошюрой.

Желательно было бы напечатать списокъ статей, помѣщенныхъ Щаповымъ въ газетѣ „Сибирь".

Н. Аристовъ.





ЧЕЛОВѢКЪ ОНЪ БЫЛЪ.

ЗНАМЕНИТЫЯ слова Гамлета по справедливости могутъ быть отнесены лишь къ немногимъ. Ихъ по большей части нельзя отнести именно къ людямъ, прогремѣвшимъ на томъ или другомъ поприщѣ съ печатью геніальности на челѣ. Отмѣченные этою печатью—духовная аристократія человѣчества—обходятся дорого ему и самимъ себѣ: они, обыкновенно, платятся за свое титаническое величіе различнаго рода изъянами въ томъ, что именно и составляетъ нравственную красоту человѣка, какъ человѣка. Такія глубоко человѣчныя знаменитыя личности, какъ напримѣръ, на политическомъ поприщѣ Гарибальди—крайняя рѣдкость, да въ немъ же и не было геніальности. Если мы обратимся къ своимъ, то крупною и, разумѣется, вполнѣ человѣчною знаменитостью окажется въ прошломъ столѣтіи Новиковъ,—но и онъ вѣдь опять не геній. Тѣ десять праведниковъ Библіи, которыми могъ бы, если-бъ они въ немъ оказались, спастись Содомъ, были бы, конечно, не геніи, но обыкновенные люди, только именно люди. Горе обществу, въ которомъ вовсе не оказалось бы въ этомъ смыслѣ людей. Ими, ихъ скромною, но непрерывною, неустанною въ любви къ людямъ-братьямъ работою собственно и держится міръ. Къ этому сводится то, что художественно изображалъ и прямо проповѣдывалъ у насъ Достоевскій, самъ оказывающійся однимъ изъ слишкомъ немногихъ, запечатлѣнныхъ при геніальномъ талантѣ и истинною гуманностью.

Повѣсть о жизни людей, просто и тихо работавшихъ весь свой, хотя бы и долгій, вѣкъ на ближняго, часто бываетъ даже однообразна, а потому и можетъ показаться просто скучною любителямъ приключеній и связанныхъ съ ними сильныхъ ощущеній. Жизнь доктора Николая Ивановича Уверскаго (род. 10 февр. 1844; † 5 авг. 1882 г.)

не была, къ несчастью, и долгою жизнью. Разнообразіе было въ нее внесено только его участіемъ въ нашей послѣдней восточной войнѣ. Но жизнь его всегда была полною жизнью—жизнью не въ даль, а въ глубь,—да, во всю глубь человѣческаго значенія жизни.

Отецъ Николая Ивановича, Иванъ Михайловичъ, нынѣ служащій экзекуторомъ въ петербургскомъ университетѣ; въ былое время занималъ мѣсто почтмейстера въ витебской губерніи. Тамъ и родился у него сынъ Николай. Получивъ первоначальное воспитаніе въ полоцкомъ дворянскомъ училищѣ, онъ поступилъ затѣмъ въ витебскую гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1862 г. въ числѣ первыхъ учениковъ. Это значитъ, что у него были хорошія способности, и что онъ учился прилежно. Это значитъ также, что у него не было того непомѣрнаго самолюбія, которое заставляетъ добиваться того, чтобы стать непремѣнно первымъ, съ одинаковымъ усердіемъ занимаясь всѣмъ, только бы всячески опередить товарищей. Николай Ивановичъ относился къ товарищамъ гимназистамъ по-своему—такъ, какъ впослѣдствіи относился къ товарищамъ студентамъ: его сердце болѣло отъ той нужды, которая замѣчалась между гимназистами, и онъ заботился о томъ, какъ бы имъ помочь. По вступленіи своемъ въ медико-хирургическую академію, онъ все свое свободное отъ учебныхъ занятій время посвящалъ исключительно на веденіе дѣлъ по студенческой столовой, въ которой бѣднѣйшіе изъ студентовъ пользовались безплатными обѣдами. Заботы о томъ, чтобы эти обѣды стали по возможности питательными для юныхъ труженниковъ, справедливо представлялась Николаю Ивановичу важною заботою. По окончаніи курса въ 1867 г., ему пришлось начать службу военнымъ врачемъ въ провинціи (сперва при 120-мъ Серпуховскомъ полку, затѣмъ при 50-мъ пѣхотномъ резервномъ баталіонѣ, сначала въ уѣздномъ городѣ Минской губерніи Борисовѣ, потомъ въ самомъ Минскѣ и во Псковѣ). Тутъ самые досуги отъ главнаго дѣла—медицинской практики, должны были принять характеръ учено-медицинскій: надо же было во что бы ни стало подготовиться къ полученію степени доктора медицины. Говорю: во что бы то ни стало, полагая, что для такого человѣка, какъ Николай Ивановичъ, большимъ лишеніемъ было отрываться отъ привычной для него еще съ юныхъ лѣтъ общественной благотворительности. Но вѣдь отдаться этому дѣлу безъ удержу—значило бы совершенно оторваться отъ ученаго поприща, и вотъ Николай Ивановичъ со всею силою воли останавливаетъ свое вниманіе на немъ, и такимъ образомъ въ маѣ 1872 года достигаетъ степени доктора. Надо думать однако, что и благотворительность, за все это пятилѣтіе съ 1867 по 1872 годъ, имъ все же практиковалась—въ видѣ обыкновенной медицинской практики, у него, вѣроятно, и въ то время частенько безплатной.

Связанное съ пріобрѣтеніемъ высшей ученой степени возвращеніе Николая Ивановича въ Петербургъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и воз-

вращеньемъ его на поприще широкой общественной благотворительности. Уже въ 1873 году онъ поступилъ въ члены Общества дешевыхъ квартиръ, въ которомъ занималъ въ послѣдніе годы тяжелую и не казистую должность казначея. Членамъ общества памятно, какое живое участіе принималъ онъ и вообще во всѣхъ выдающихся дѣлахъ общества.

Тяжелая година сперва непризнаннаго, но вскорѣ оказавшагося неудобо скрываемымъ, самарскаго голода, не могла не вызвать Уверскаго на напряженно-ревностную дѣятельность въ качествѣ члена Петербургскаго комитета для помощи голодающимъ.

Съ начала 1875 года, Николаю Ивановичу пришлось вернуться къ первоначальному виду своей благотворительности—на пользу студентамъ того заведенія, въ которомъ онъ когда-то учился и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйничалъ по столовой. Онъ былъ выбранъ казначеемъ общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ медико-хирургической академіи (опять, стало быть, не потяготившись неказистою и нелегкою должностью). Мудрено было, при томъ положеніи, въ какомъ засталъ онъ дѣла общества, мечтать о скоромъ достиженіи завѣтной цѣли—въ самомъ дѣлѣ существенной помощи наиболѣе нуждающимся студентамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался казначеемъ, общество все болѣе и болѣе могло расширять свою дѣятельность. Въ 1875 году весь капиталъ его заключался въ 1.200 р., а въ 1879 оно располагало уже неприкосновеннымъ капиталомъ, свыше 20.000 р., при всемъ томъ, что израсходовало втеченіе одного 1879 года свыше 8.000 р. Всего же съ 1875 по 1880 г., какъ видно изъ отчетовъ общества, собрано было свыше 46.000 р., а израсходовано около 25.000 р.

Одновременно, т. е. съ того же 1875 года, Уверскій принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ с.-петербургской врачебной общины. Не говоря уже о пріемѣ больныхъ въ лѣчебницахъ общины и объ участіи въ ночныхъ дежурствахъ врачей, какъ о дѣятельности заурядной, замѣтимъ, что онъ въ качествѣ уполномоченнаго члена общины ревностно посвятилъ свои заботы и дѣлу совершенно особенному, вызванному историческими событіями 1876 г., устройству и отправленію санитарнаго отряда отъ врачебной общины въ Сербію во время ея вооруженнаго возстанія противъ Турціи, служившаго, какъ извѣстно, преддверіемъ нашей освободительной войны. Въ связи уже съ этою послѣднею, безвозмездно трудился затѣмъ Николай Ивановичъ, какъ и другіе члены общины, обучая уходу за больными и раненными сестеръ милосердія. Въ качествѣ врача л.-гв. Павловскаго полка, при которомъ состоялъ онъ съ февраля 1873 года, Уверскому пришлось наконецъ, вмѣстѣ со своимъ полкомъ, принять и непосредственное участіе въ нашей войнѣ съ Турціей, т. е. быть участникомъ ея заключительной славы, за которой такъ скоро послѣдовали горькія дипломатическія разочарова-

нія. Уверскій поплатился за свое участіе въ походѣ маляріей и затѣмъ брюшнымъ тифомъ, которые и положили основаніе болѣзни, таившейся въ немъ, и, наконецъ, совершенно негаданно и нежданно низведшей его въ могилу.

Привычка къ дѣятельности, обратившаяся въ страсть, должно быть, не давала Уверскому оглянуться на самого себя — подумать о надежности своего собственнаго здоровья. Еще 19-го февраля нынѣшняго года онъ радовался увѣнчанію своего новаго дѣла—открытію отъ врачебной общины пріемнаго покоя въ память Того, чей мученическій ореолъ дважды связанъ съ 19-мъ февраля въ его освободительномъ смыслѣ для Россіи и для Болгаріи. Первая мысль объ учрежденіи такого покоя для безплатнаго пользованія бѣдныхъ больныхъ съ раздачею имъ лѣкарствъ принадлежала Уверскому, и имъ же собраны были самыя значительныя пожертвованія на это деньгами и вещами.

Кромѣ всего упомянутаго, если не время, то деньги Николая Ивановича постоянно расходовались еще и на разнаго рода благотворительныя общества, членомъ которыхъ онъ состоялъ: общество вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета (онъ добровольно вызвался и безплатно лѣчить студентовъ, скромно ссылаясь на то, что „я вѣдь тутъ подъ бокомъ“, такъ какъ онъ жилъ у отца, пользующагося квартирой при университетѣ), общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, общество охраненія народнаго здравія, цѣлыхъ наконецъ десять благотворительныхъ обществъ разныхъ видовъ и комитетъ грамотности, въ которомъ Николай Ивановичъ состоялъ пожизненнымъ членомъ. Къ тому же втеченіе послѣднихъ лѣтъ онъ исполнялъ безвозмездно обязанность участковаго попечителя с.-петербургской исполнительной комиссіи общественнаго здравія.

По возможности лучшая организація врачебнаго дѣла постоянно озабочивала Николая Ивановича, заставляя его прибѣгать къ перу, насколько позволяло время. Сюда относятся его корреспонденціи со всемірной парижской выставки. Особенно замѣчательны его корреспонденціи съ театра войны во „Врачебныхъ Вѣдомостяхъ“, подъ заглавіемъ: „Пробѣлы эвакуаціи“; „Очеркъ будущаго санитарнаго состоянія Болгаріи“ и др. Слѣдуетъ также упомянуть объ его сообщеніи „къ вопросу о болѣе правильномъ распредѣленіи врачебной помощи въ Петербургѣ“ и о редакціонныхъ его работахъ по медицинскому отдѣлу въ одной изъ комиссій при главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ.

Не слѣдуетъ забывать, что при всемъ этомъ у Уверскаго была обширная практика. Но особенно замѣчательно, разумѣется, то, что весь свой заработокъ отъ нея съ присоединеніемъ еще и большей части жалованья употреблялъ онъ на помощь

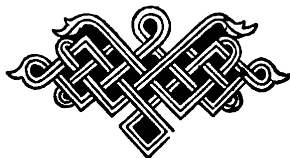
ближнимъ. Да гдѣ же болѣе и нашелъ бы онъ на это средства—онъ, человѣкъ совсѣмъ не богатый?

Иные, кому онъ колетъ глаза такою безсребренностью, скажутъ, пожалуй: да вѣдь онъ же не имѣлъ своей семьи и жилъ у отца. Но мало ли у насъ безсемейныхъ и лично вполнѣ обезпеченныхъ, которымъ однако же нужны и очень нужны деньги, потому что нужно широко пожить? И Уверскій жилъ широко, но по-своему. Онъ жилъ внѣ себя, онъ жилъ въ человѣчествѣ.

Полное право имѣлъ онъ въ письмѣ, отправленномъ къ брату передъ однимъ изъ сраженій, отозваться о себѣ такимъ образомъ: „по оставшимся бумагамъ и словеснымъ свѣдѣніямъ друзей, враговъ и причастныхъ къ моей дѣятельности лицъ, выяснится, что я работалъ только для другихъ и стремился къ установленію болѣе правильной обстановки будущихъ врачей".

Болѣзнь, перенесенная въ Турціи, какъ уже сказано, оставила роковые слѣды въ организмѣ Николая Ивановича. Лѣтомъ нынѣшняго года онъ вдругъ неожиданно слегъ въ постель и уже не вставалъ. Послѣ шестинедѣльныхъ тяжкихъ страданій, 5-го августа его не стало. Отпѣваніе происходило въ церкви его полка (на Царицыномъ лугу). Въ проводахъ его тѣла въ Новодѣвичій монастырь, можетъ быть по лѣтнему времени, мало какъ-то было замѣтно медицинской учащейся молодежи. Плохо будетъ, если она позабудетъ его, какъ примѣръ. Плохо, если каждому изъ осиротѣвшихъ со смерти его не только придется сказать: „человѣкъ онъ былъ", но и безнадежно потомъ прибавить: „ужь не видать такого человѣка".

Ор. Миллеръ.





ВЗГЛЯДЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПИСАТЕЛЯ НА НЫНѢШНЮЮ РОССІЮ.

Въ статьѣ „Русское общество и нигилизмъ“ [1]) въ нашемъ журналѣ уже было обращено вниманіе на первый томъ труда французскаго писателя Анатоля Лероа-Болье о „Россіи и русскихъ“ (L'Empire des Tzars et les Russes), вышедшемъ въ 1881 году. Нынѣ появился второй томъ этого во многихъ отношеніяхъ добросовѣстнаго изслѣдованія. Трудъ Лероа-Болье является плодомъ не только десятилѣтнихъ занятій предметомъ, но и результатомъ четырехъ путешествій по Россіи, для повѣрки прочитаннаго и узнаннаго, для собранія на мѣстѣ данныхъ, которыми пополнялись пробѣлы въ свѣдѣніяхъ Лероа-Болье о нашемъ государствѣ. Но добросовѣстный, трудолюбивый авторъ не удовольствовался такимъ подробнымъ изученіемъ предмета своего изслѣдованія. Статьи его о Россіи около десяти лѣтъ тому назадъ стали появляться въ журналѣ „Revue des deux Mondes“, издатель-редакторѣ котораго, Франсуа Бюлозъ, предложилъ въ 1872 г. Лероа-Болье заняться изученіемъ Россіи и предпринять для того путешествіе къ намъ. По мѣрѣ появленія этихъ статей, авторъ ихъ сталъ получать на нихъ отзывы съ критическими замѣчаніями, исправленіями, дополненіями. У Лероа-Болье образовалась обширная переписка по предмету его труда съ русскими, занимающими разныя положенія въ обществѣ, раздѣляющими различные взгляды на государственныя цѣли Россіи, а при свиданіяхъ съ нашими соотечественниками заграницею и во время его поѣздокъ къ намъ, словесныя указанія и пренія немало также способствовали уясненію автору подробностей принятой имъ на себя задачи. Всѣ эти замѣчанія побудили французскаго писателя не только пополнить свой трудъ, появлявшійся отдѣльными частями въ означенномъ жур-

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, т. VI, стр. 604.

налѣ, но исправить его, передѣлать и даже во многихъ случаяхъ измѣнить свои взгляды и заключенія, когда онъ убѣждался сообщенными ему доводами въ ошибочности тѣхъ и другихъ. Вслѣдствіе того, нынѣ появившіеся два тома его труда „Россія и русскіе" представляютъ мѣстами полную переработку прежнихъ его статей. Такое обращеніе съ ними Лероа-Болье только подтверждаетъ наше мнѣніе о его добросовѣстности.

Въ первомъ томѣ своего труда Лероа-Болье разсматриваетъ Россію и ея обитателей, ихъ народный бытъ, ихъ общественное положеніе, дворянство, городское населеніе, сельское. Первую часть онъ посвящаетъ климату и почвѣ Россіи; вторую племенамъ и національности населенія имперіи; третью темпераменту и народному характеру; четвертую исторіи и цивилизаціи Россіи; пятую городамъ и ихъ населенію; шестую дворянству и чиновничеству; седьмую сельскому населенію и крестьянской реформѣ 1861 года; восьмую сельскому міру, деревенской общинѣ. Во второмъ томѣ разбираются учрежденія русской имперіи. Въ первой части, излагается сельская община и крестьянское самоуправленіе; во второй административное управленіе, бюрократія, полиція; въ третьей мѣстное самоуправленіе, земское и городское; въ четвертой судебная реформа и судоустройство; въ пятой печать и цензура; наконецъ, въ шестой—революціонное движеніе и политическія реформы.

Въ третьемъ томѣ, еще не вышедшемъ въ свѣтъ, авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть церковное устройство въ Россіи, ея господствующую религію, наши различныя секты, прежде существовавшія и вновь возникшія, а затѣмъ въ новомъ томѣ своего труда заняться вопросами о нашей арміи, внѣшней политикѣ, финансахъ, чего онъ уже касался въ своихъ статьяхъ въ „Revue des deux Mondes". Надобно полагать, что третій томъ появится въ будущемъ году.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, Лероа-Болье касается нигилизма и причинъ, породившихъ революціонную пропаганду въ Россіи. При разборѣ перваго тома, въ „Историческомъ Вѣстникѣ" было указано, что авторъ усмотрѣлъ одну изъ причинъ развитія нигилизма въ свойствахъ нашего народнаго характера, на особенности котораго, по словамъ Лероа-Болье, вліяютъ въ сильной степени нашъ климатъ, наша природа, характеръ временъ года въ Россіи. По его мнѣнію, близкое отношеніе къ климату имѣютъ гибкость характера, впечатлительность, отсутствіе мѣры, отсутствіе равновѣсія, что наблюдается у русскихъ, у поляковъ, вообще у славянъ, и всѣ эти особенности русскаго характера обусловливаются въ извѣстной степени климатомъ. Смѣняющія одна другую противоположности видовъ природы, кажется, оставляютъ отпечатокъ на умѣ, на характерѣ человѣка, даже иногда на его дѣйствіяхъ. На основаніи всего сказаннаго, не надобно удивляться, если, по словамъ Лероа-Болье, въ русскомъ человѣкѣ встрѣчается столько противорѣчій. Анализируя ха-

рактеръ нигилизма, авторъ обращаетъ вниманіе на ту его особенность, что онъ не всегда выражается политическими преступленіями, терроромъ. По его выводу, наряду съ „нигилизмомъ дѣйствія", выражающимся въ заговорахъ, насиліяхъ, существуетъ „теоретическій нигилизмъ", часто неопредѣленный, безсознательный, наиболѣе распространенный, и притомъ съ давняго времени, въ обществѣ, въ школѣ, даже въ административныхъ установленіяхъ и въ салонахъ. Нигилизмъ въ философіи — это грубый матеріализмъ, въ политикѣ — это соціальный радикализмъ, стремящійся къ полному разрушенію современнаго намъ общественнаго и политическаго строя, а не къ улучшенію благосостоянія массы, матеріальному и нравственному.

Во второмъ томѣ труда „Россія и русскіе" авторъ снова возвращается къ нигилизму, находя связь его появленія съ реформами, совершенными въ прошлое царствованіе. „Въ жизни народовъ, пишетъ Лероа-Болье, оказываются эпохи, которыя являются какими-то загадками для исторіи. Это можно сказать о царствованіи императора Александра II-го. Никогда еще ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ не совершалось столько перемѣнъ, въ такое короткое время, безъ содѣйствія революціи. Кто бы осмѣлился предсказать въ прекрасные дни освобожденія крѣпостныхъ, что всѣ эти великія мѣры, изъ которыхъ въ другое время одной было бы достаточно для славы царствованія, будутъ увѣнчаны убіеніемъ освободителя крѣпостныхъ и приведутъ Россію къ неувѣренности въ своемъ будущемъ, къ безпокойству за свой дальнѣйшій путь, заставятъ какъ бы одуматься? А между тѣмъ, кто знакомъ съ современною Россіею, съ разочарованіями мира и войны, общественнымъ и частнымъ обѣдненіемъ, вызваннымъ финансовыми затрудненіями, съ пониженіемъ кредитнаго рубля, неурожаями или даже голодомъ,—особенно кто чувствуетъ горькое разочарованіе, оставленное въ умахъ недѣйствительностію, невыполненіемъ или неоконченіемъ великихъ реформъ,—для того не становятся удивительными ни неутомимость и дерзость враговъ власти, ни равнодушіе и внѣшнее онѣмѣніе общества, ни нравственное уединеніе и нерѣшительность правящихъ". Такъ Лероа-Болье начинаетъ шестую, послѣднюю, часть своего втораго тома, постаравшись выяснить въ предшествовавшихъ частяхъ его, что ни крестьянская реформа, ни судебная, ни преобразованія въ администраціи и печати, не доставили правительству и странѣ того, чего ожидали отъ нихъ. „Въ каждой сферѣ общественной жизни, пишетъ авторъ, почти повсюду мы видѣли, что довѣрчивый оптимизмъ первыхъ лѣтъ уступилъ мѣсто какому-то приходящему въ уныніе пессимизму или тревожному скептицизму, такъ что можно какъ бы сказать, что эти реформы принесли пользу только революціонному духу".

Авторъ старается объяснить такую горестную аномалію. „Прежде всего нельзя ли объяснить такое явленіе числомъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою? Это объясненіе кажется наиболѣе

естественнымъ, потому что нельзя же затронуть всѣ обычаи и законы страны, не произведя въ ней смуты, не породивъ въ нѣкоторыхъ умахъ безпорядка, послѣдствія котораго могутъ быть опасными. Всякое измѣненіе имѣетъ свои неудобства; наиболѣе необходимыя влекутъ за собою временное разстройство. Всякая реформа имѣетъ свои недостатки, между прочимъ надежды и иллюзіи, возбуждаемыя каждою изъ нихъ. Русское общество слишкомъ часто волновалось впродолженіе четверти столѣтія и утратило свое нормальное положеніе. Въ жаждѣ прогресса, общественное мнѣніе считало все возможнымъ и не было довольно ничѣмъ. Вмѣсто того, чтобы дать новымъ законамъ время завязать и назрѣть свои плоды, заботились только о прививкѣ къ однимъ и къ другимъ новыхъ выдумокъ. Развѣ не было достаточно духа безпокойства, неопредѣленныхъ стремленій и простодушныхъ требованій, разочарованія отъ несбывшихся мечтаній, нетерпѣнія при препятствіяхъ и продолжительности пути, гнѣва и недовольства противъ людей и вещей, сверхъ сильнаго соціальнаго потрясенія крестьянскою реформою, разрушенныхъ состояній и уничтоженныхъ положеній въ обществѣ,—развѣ всего этого недостаточно для объясненія завоеваній, сдѣланныхъ революціоннымъ духомъ въ юношествѣ, способнаго легко увлекаться, среди народа, само по себѣ неопытнаго, молодаго, увѣреннаго въ себѣ, видящаго себя отсталымъ передъ другими, униженнаго тѣмъ, но не желающаго въ томъ сознаться, и, въ стремленіи своемъ догнать или опередить другихъ, не желающаго понять, что первымъ условіемъ нормальнаго успѣха являются время и терпѣніе. Противоположный лагерь находитъ такое объясненіе заблужденіемъ; причиною всего зла, по его убѣжденію, то, что всѣ эти многочисленныя реформы не были достаточными, что, по большей части, онѣ были дурно задуманы или дурно примѣнены, что въ этихъ законахъ законодатель не осмѣлился дѣйствовать согласно своимъ принципамъ, и что при ихъ исполненіи власти не слушались его законовъ. Не только не сдѣлано много, но не сдѣлано довольно; не только не совершено излишняго, но даже отступлено передъ необходимостію. Реформы, какъ и революція, вызываютъ одна другую; онѣ пополняются и укрѣпляются взаимно; онѣ не могутъ остаться уединенными, а изъ всѣхъ, пущенныхъ въ ходъ впродолженіе двадцати пяти лѣтъ, не было ни одной, которая не была бы необходима. Это своего рода цѣпь, гдѣ каждое звено держится одно за другое, а въ Россіи у этой цѣпи недостаетъ многихъ звеньевъ. Зло въ полумѣрахъ, въ исключеніяхъ, въ противорѣчіяхъ; въ томъ, что въ нововведеніяхъ оставлено много прошлаго, что слишкомъ часто пришивали новое сукно къ старой одеждѣ и лили новое вино въ старые мѣха, подъ опасеніемъ, что они прорвутся. Въ сложномъ мірѣ политики правда имѣетъ часто нѣсколько обликовъ; два тезиса, повидимому несогласимые, могутъ каждый содержать въ себѣ половину правды. Такъ и въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ государствѣ нельзя

начинать великія перемѣны, не возбуждая надеждъ на еще болѣе обширныя; нельзя производить броженіе въ обществѣ, не затрогивая его гнилую закваску. При политическихъ преобразованіяхъ народъ можетъ избѣжать революціи, но онъ никакъ не ускользнетъ отъ революціоннаго духа.

„Въ Россіи, продолжаетъ Лероа Болье, все это только отчасти объясняетъ нынѣшнія затрудненія. Главная ихъ причина оказывается глубже, и на которую мы не переставали указывать: на недостатокъ послѣдовательности, на неимѣніе общаго плана у всѣхъ этихъ реформъ, иногда приставленнихъ однимъ концомъ къ другому, безъ связи между ними, даже безъ звеньевъ между ихъ различными частями, почти всѣ съ ограниченіями въ ихъ примѣненіи, обѣгаемыя или роняемыя въ общественномъ мнѣніи съ умысломъ тѣми, которымъ назначено ихъ практиковать. Это слѣдствіе недостатка въ соглашеніи новыхъ законовъ между собою и этихъ законовъ съ прежними нравами, съ остатками старыхъ учрежденій, оставшихся въ силѣ. Переформированная Россія походитъ на старый домъ, вновь перестроенный въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, но сохраненный почти въ цѣлости въ другихъ, а потому неудивительно, что изъ числа обитателей этого дома нѣкоторые сожалѣютъ о томъ, что̀ уничтожено, между тѣмъ какъ наиболѣе молодые изъ нихъ находятъ необходимымъ сломать все и все создать снова.

„Этого двойнаго недостатка гармоніи у учрежденій между ними и между установленіями и правительственною практикою достаточно для зарожденія революціоннаго духа. Но распространенію радикализма и разрушительныхъ идей способствуетъ другое важное обстоятельство, которое не должно упускать изъ виду. Сверхъ разногласія въ самой себѣ, неимѣнія направляющей системы внутри, существуетъ разномысліе Россіи съ современною Европою, противоположность формъ и правилъ ея правительства съ его сосѣдями, со всѣмъ, что его окружаетъ, съ духомъ нашего вѣка и нашей цивилизаціи. Для того, чтобы революція не могла пустить корней въ русской имперіи, необходимо, чтобы Россія въ одно и то же время наслаждалась миромъ внутри и находилась въ гармоніи съ внѣшнимъ міромъ, съ современнымъ міромъ, который, вопреки ея желанію, давитъ на нее тяжелымъ грузомъ. А между тѣмъ изъ этихъ двухъ условій, почти одинаково существенныхъ, Россіи недостаетъ какъ одного, такъ и другаго.

„Русскіе привыкли взирать на революцію, какъ на родъ болѣзни старости, производимой измѣненіемъ соціальныхъ органовъ или недостаткомъ равновѣсія между ними, чахлостію однихъ, разжирѣніемъ другихъ. Считая себя юнымъ народомъ, русскіе, благодаря ихъ общественному строю, утѣшаютъ себя тѣмъ, что они избавлены отъ подобныхъ старческихъ пораженій. По ихъ мнѣнію, такъ какъ революція является результатомъ пролетаріата и борьбы между классами, то революціонный духъ не можетъ проникнуть въ государство,

которое, вслѣдствіе совершенно особеннаго устройства у него собственности, незнакомо ни съ пролетаріатомъ, ни съ антагонизмомъ между классами. При „сельскомъ мірѣ“ ничего подобнаго нѣтъ основанія опасаться. Для разоблаченія иллюзіи подобной аксіомы народной гордости не было необходимости ждать заговоровъ, которые образумѣли наиболѣе вѣровавшихъ въ нее. Противъ революціонныхъ захватовъ „московскій міръ“ оказывается вполнѣ недостаточнымъ застрахованіемъ. Революціи происходятъ не исключительно изъ борьбы между классами. Радикальныя ученія нарождаются не исключительно въ мастерскихъ рабочихъ-пролетаріевъ; если они тамъ и находятъ для себя наиболѣе благопріятную почву, то кромѣ ея есть и другія, на которыхъ они могутъ проростать.

Какъ для людей существуютъ иные поводы къ раздраженію, кромѣ лишеній и страданій въ матеріальной жизни, такъ точно для народовъ необходимы и другія потребности, сверхъ экономическаго благосостоянія. Россія, по словамъ автора, служитъ также тому примѣромъ, потому что хотя многіе изъ русскихъ утверждаютъ, что у нихъ не существуетъ политическихъ вопросовъ, но только вопросы экономическіе, событія опровергаютъ этотъ своего рода матеріализмъ. Экономическій строй и матеріальное положеніе Россіи не могутъ считаться главными причинами усиленія революціонныхъ идей. Распространенію радикализма въ Россіи, по мнѣнію Леруа-Болье, „болѣе всего содѣйствовали нравственное стѣсненіе, умственныя тягости и лишенія, слитыя съ политическимъ строемъ. Этотъ своего рода умственный постъ, огорчая и увлекая къ заблужденію умы, разслабляя темпераменты и раздражая нервную систему, пріуготовилъ русскихъ къ страннымъ желаніямъ, къ страстнымъ увлеченіямъ, къ болѣзненнымъ мечтаніямъ. Какъ же иначе объяснить снисхожденіе или милость, которыми встрѣчаются оппозиціонныя идеи, если не революціонными софизмами со стороны сословій, заинтересованныхъ болѣе всего въ охраненіи соціальнаго порядка? Наиболѣе многочисленные и наиболѣе ревностные противники правительства набираются не среди городскаго низшаго слоя, не среди крестьянъ или такихъ классовъ, которые наиболѣе обездолены и, слѣдовательно, наиболѣе имѣютъ право на жалобы. Напротивъ, наборъ производится среди образованныхъ классовъ, недавно называвшихся еще привилегированными, именно въ небольшомъ цивилизованномъ слоѣ, который, въ отличіе отъ народныхъ массъ, обозначается словомъ „интеллигенція“. Пропаганда болѣе всего успѣваетъ въ тѣхъ частяхъ „интеллигенціи“, которыя соприкасаются къ народу, въ трудящемся и полуобразованномъ классѣ. Оно и естественно: къ нравственному стѣсненію, къ умственнымъ страданіямъ, у лицъ этого класса присоединяются матеріальный недостатокъ и лишенія жизни изо-дня въ день“.

Главнымъ центромъ радикализма въ Россіи Леруа-Болье считаетъ школы, и чѣмъ онѣ выше, тѣмъ революціоннѣе оказывается умъ мо-

лодыхъ людей, воспитывающихся въ нихъ. Перемѣна въ системѣ воспитанія, бывшаго прежде почти домашнимъ, а нынѣ отдалившагося болѣе и болѣе отъ семьи, вслѣдствіе требованій программъ, малаго числа школъ, вздорожанія средствъ къ жизни и сильной конкуренціи, имѣла первымъ послѣдствіемъ ослабленіе семейныхъ связей, а затѣмъ неимѣніе руководства для юношества, лишеннаго своихъ естественныхъ путеводителей. Россія въ настоящее время единственная, можетъ быть, страна въ мірѣ, гдѣ среднее и высшее образованіе удалено отъ семьи. Образованіе отдѣлено отъ воспитанія; юношество предоставлено своимъ мечтаніямъ, разочарованіямъ, увлеченіямъ. Значительное число учащихся въ гимназіяхъ и въ университетахъ принадлежитъ къ бѣднымъ семьямъ, мало образованнымъ, не способнымъ дать своимъ дѣтямъ никакого направленія. Значительное число студентовъ—безусловные бѣдняки, обязанные своимъ образованіемъ общественной или частной щедрости. Русскіе, хвастающіе тѣмъ, что не имѣютъ экономическаго пролетаріата, обладаютъ своего рода умственнымъ пролетаріатомъ, университетскимъ пауперизмомъ, содержимымъ на свой счетъ государствомъ и народомъ. Среди этого пролетаріата, гимназическаго и университетскаго, среди уволенныхъ до окончанія курса изъ гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ училищъ, „нигилизмъ" и набираетъ наиболѣе рѣшительныхъ изъ своихъ сторонниковъ. Законъ о всеобщей воинской повинности, даровавшій важныя преимущества университетскимъ дипломамъ, побудилъ какъ христіанъ, такъ и евреевъ, не останавливаться ни предъ какими расходами для дарованія образованія своимъ сыновьямъ. Бѣдствія и лишенія не могутъ способствовать примиренію съ обществомъ этихъ студентовъ, не имѣющихъ средствъ къ существованію. Не только имъ недостаетъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій, но въ то же время у нихъ нѣтъ обѣда, крова, одежды. Оффиціальными данными удостовѣрено, что зимою многіе изъ учащихся не являются въ гимназіи и университеты по неимѣнію теплой одежды для выхода на улицу, вслѣдствіе чего въ сильные морозы многіе остаются дома, и что другіе не могли заниматься по вечерамъ за недостаткомъ освѣщенія. При такихъ условіяхъ, молодые люди, иногда студенты и студентки вмѣстѣ, набиваются въ небольшія комнаты, въ видахъ экономіи въ топливѣ и въ освѣщеніи, и проводятъ длинные вечера русской зимы въ соціалистическихъ преніяхъ. Подобныя условія не только не благопріятствуютъ ученію, но оказываются вредными для здоровья и для нравственнаго равновѣсія молодыхъ людей. Многіе изъ нихъ, не въ состояніи будучи кончить курса, оказываются незрѣлымъ плодомъ и, не получивъ себѣ занятій на государственной или частной службѣ, послѣ лишеній и разочарованій предаются радикализму.

„Но какимъ образомъ, спрашиваетъ Леруа-Болье, революціонное движеніе можетъ быть передано народу отъ образованныхъ классовъ, или отъ „интеллигенціи?" Масса народа, какъ въ городахъ,

такъ и въ селеніяхъ, совершенно чужда разрушительнымъ идеямъ. По своимъ привычкамъ, какъ и по своимъ вѣрованіямъ, человѣкъ изъ народа, „мужикъ“ особенно, отворачивается отъ новизны, которая представляется ему подъ видомъ разрыва со всѣмъ прошлымъ, со всѣми преданіями, подъ видомъ бунта противъ земныхъ и небесныхъ властей. Въ большинствѣ еще безграмотный, „мужикъ“ не только чуждъ и враждебенъ нигилистическому и радикальному ученію, но и глухъ ко всякой проповѣди подобнаго рода. Главнымъ препятствіемъ торжеству революціонеровъ оказывается не могущество власти, которую не могли ниспровергнуть всѣ ихъ заговоры, но недовѣріе и отвращеніе къ нимъ народныхъ массъ, которыя не поддались, несмотря на всѣ ихъ усилія.

„Такъ какъ радикальная пропаганда идетъ сверху, преимущественно отъ учащагося юношества, то главною задачею для агитаторовъ, представляется заставить ее проникнуть въ безграмотные классы, не довѣряющіе ученію безвѣрія, въ народъ, который не только не идетъ на-встрѣчу революціи, но и отказывается понять ея сущность. Дѣйствительно, между мощными народными наслоеніями, составляющими суть населенія имперіи и тонкою цивилизованною коркою его поверхности, въ нравственномъ отношеніи существуетъ огромный промежутокъ. Можно сказать, что цивилизованная корка не лежитъ на народныхъ наслоеніяхъ, или что между ними существуетъ простая прокладка, безъ всякой связи, безъ всякаго проникновенія верхними слоями нижнихъ. Вотъ тутъ и оказывается все значеніе соціальнаго дуализма, который со временъ Петра Великаго какъ-бы разрѣзалъ имперію на двое. Въ государствѣ какъ бы существуютъ двѣ націи, до того отличныя одна отъ другой, что одна кажется побѣжденною другою, двѣ Россіи, до того отличныя между собою, что онѣ какъ будто отдѣляются одна отъ другой племенемъ, языкомъ, религіею.

„Именемъ народа революціонеры объявили войну единодержавію, а между тѣмъ этотъ народъ, поборниками котораго они себя провозглашаютъ, не только не смотритъ на нихъ, какъ на своихъ уполномоченныхъ, но чуждается ихъ, не признаетъ ихъ, выдаетъ ихъ. Между революціонерами и народомъ существуетъ взаимное недоразумѣніе, какая-то неспособность понять другъ друга“.

Разсматривая образованіе и организацію революціонной партіи нигилистовъ, Леруа-Болье сообщаетъ данныя, уже извѣстныя и по-большей части обнародованныя при бывшихъ политическихъ процессахъ. Онъ доказываетъ, что „двадцать покушеній, совершенныхъ съ 1878 года по 1882 годъ, вмѣстѣ съ убійствами разныхъ лицъ, совершены были не многочисленнымъ обществомъ, но небольшою шайкою людей. Уже съ 1880 года было замѣчено, при арестованіи извѣстнаго числа заговорщиковъ, что заговорщикъ, замѣшанный въ одномъ дѣлѣ, былъ непремѣнно участникомъ во многихъ другихъ.

Подобно театральнымъ фигурантамъ, зловѣщіе актеры великой революціонной драмы съ неутомимымъ усердіемъ быстро переходили съ одного конца на другой обширной арены, простирающейся отъ Балтійскаго моря до Чернаго, такъ сказать, множились, мѣняя безпрестанно свои фамиліи, свои наряды, свои роли. Въ одномъ мѣстѣ они оказывались минёрами, дѣлающими подкопы, въ другомъ журналистами и типографщиками, такъ что они повидимому одновременно находились повсюду, и, благодаря такого рода повсемѣстности, увеличивали значеніе своей партіи. Такимъ образомъ, двѣ или три дюжины молодыхъ людей, рѣшившись пожертвовать своею жизнію, нѣсколько лѣтъ держали въ обманѣ все государство относительно своей многочисленности. Большая часть заговорщиковъ, въ томъ числѣ несомнѣнные организаторы преступныхъ замысловъ, подобно Желябову, выставляли себя на судѣ простыми орудіями невидимаго исполнительнаго комитета. Въ этомъ отношеніи не надобно слишкомъ довѣрять ихъ скромности; она внушена имъ естественнымъ желаніемъ не лишать ихъ партію ея таинственнаго обаянія. Все заставляетъ полагать, что Желябовъ и его друзья, на сборищѣ въ Липецкѣ, и составляли въ дѣйствительности пресловутый „исполнительный комитетъ". Въ небольшомъ сочиненіи на итальянскомъ языкѣ, вышедшемъ въ 1882 году въ Миланѣ подъ заглавіемъ „Подземная Россія", Степняка (La Russia sotteranea), доказательствомъ нигилистическаго происхожденія которой служитъ предисловіе къ ней П. Л. Лаврова, находится сознаніе, что число заговорщиковъ было небольшое".

Лероа-Болье отвергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, приписывающихъ главное направленіе нигилистовъ въ Россіи польской интригѣ и русскимъ эмигрантамъ, проживающимъ за-границею, въ Швейцаріи, Франціи, Англіи: „Политическая борьба, въ томъ видѣ, въ какомъ она происходитъ въ Россіи, не принадлежитъ къ области идей, гдѣ только и возможно дѣйствовать издалека, но къ сферѣ звѣрской дѣйствительности, не перомъ или словомъ, но динамитомъ и нитроглицериномъ. Поэтому можно было бы сказать, что въ средѣ русской эмиграціи теоретики революціи, на которыхъ иногда указываютъ, какъ на руководителей нигилистическаго движенія, можетъ быть, въ дѣйствительности имѣли менѣе вліянія на революціонеровъ своей отдаленной отчизны, чѣмъ на соціалистовъ тѣхъ государствъ, гдѣ они нашли себѣ гостепріимный пріютъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что терроризмъ не имѣетъ во главѣ своей Мадзини, спокойно извнѣ придумывающаго покушенія, исполняемыя слѣпыми агентами. Даже самые процессы нигилистовъ доказали, что всѣ главные ихъ заговоры послѣднихъ лѣтъ были задуманы на мѣстѣ покушеній людьми, большая часть которыхъ никогда не дышала воздухомъ западной Европы. Вмѣсто того, чтобы быть мѣстомъ отправленія и, такъ сказать, колыбелью заговорщиковъ, Швейцарія и Англія

служатъ имъ убѣжищемъ и часто могилою. Женева, Парижъ, Лондонъ, при терпимости иностранныхъ правительствъ, въ дѣйствительности предоставляютъ для нигилизма не столько операціонный базисъ, сколько убѣжище для раненныхъ и бѣглыхъ, участвовавшихъ въ этихъ страшныхъ битвахъ; эти города скорѣе служатъ мѣстомъ успокоенія, гдѣ, какъ мнѣ признался одинъ изъ эмигрантовъ, большая часть оставшихся въ живыхъ отъ борьбы въ Россіи, изнѣживаются въ бездѣйствіи, вдали отъ мрачнаго поля битвы, съ котораго они бѣжали. Приписывать, какъ это дѣлается иногда въ Россіи, упорный мятежъ нигилистовъ преступной терпимости иностранныхъ правительствъ, значитъ добровольно обманывать себя; такое объясненіе равносильно обыкновенію, часто замѣчаемому у всѣхъ народовъ, искать внѣ причины своихъ золъ, просить о лекарствѣ извнѣ для излеченія внутренней язвы.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ вопросу о денежныхъ средствахъ нигилистовъ. По мнѣнію однихъ, они получаютъ вспомоществованіе изъ секретныхъ суммъ правительствъ, враждебно расположенныхъ къ Россіи; по мнѣнію другихъ, отъ банкировъ, заинтересованныхъ въ пониженіи кредитнаго рубля. Оба эти мнѣнія не выдерживаютъ серьёзной критики, тѣмъ болѣе, что „говорятъ о милліонахъ, когда вѣроятно надобность была въ нѣсколькихъ тысячахъ рублей“, пишутъ Лероа-Болье. „Террористы, по его словамъ, подобно своимъ предшественникамъ, пропагандистамъ, могли добывать себѣ деньги изъ разныхъ источниковъ. У нихъ установлены добровольные взносы, въ которыхъ участвуютъ всѣ ихъ соумышленники, болѣе или менѣе достаточные. Извѣстно, что на эту же цѣль шло скудное приданое дѣвицъ, прибѣгавшихъ къ „фиктивнымъ бракамъ“, бывшихъ въ обычаѣ у нигилистовъ въ періодъ мирной пропаганды. Къ подобнымъ незначительнымъ взносамъ учащейся, нуждающейся молодежи присоединялись сборы и подписки, составлявшіеся между недовольными всякаго рода, а также субсидіи богатыхъ соумышленниковъ, подобныхъ доктору Веймару и Дмитрію Лизогубу“.

Въ заключеніе своихъ изслѣдованій о нигилизмѣ Лероа-Болье пишетъ: „Если нигилизмъ не будутъ лечить, то онъ рискуетъ сдѣлаться неизлечимымъ и постепенно поразить существенные органы и мозгъ народа. Лекарство, дѣйствительное леченіе, не найдется ни въ мѣрахъ обузданія, ни въ мѣрахъ предупрежденія, ни въ обманчивыхъ временныхъ средствахъ. Въ прежнія времена нѣкоторыя болѣзни были лечимы діэтою и кровопусканіемъ, а между тѣмъ нынѣ ихъ излечиваютъ укрѣпляющими средствами, тоническими лекарствами, чистымъ воздухомъ, движеніемъ. Болѣзнь Россіи принадлежитъ къ числу подобныхъ, и уже пора лечить ее средствами, не столь ослабляющими организмъ. Противъ революціонной эпидеміи, наука не обладаетъ ни вѣрнымъ предупредительнымъ средствомъ, ни несомнѣннымъ спеціальнымъ лекарствомъ.

Одни невѣжды или шарлатаны могутъ обѣщать то или другое. Революціонный духъ, радикализмъ, соціализмъ, представляютъ такого рода неизбѣжныя, вредоносныя явленія, съ которыми народы, достигшія извѣстной зрѣлости, должны сживаться; избавиться отъ нихъ нѣтъ возможности; вопросъ въ томъ, чтобы быть достаточно сильнымъ и быть въ состояніи выдержать ихъ. Изъ всѣхъ средствъ, изъ всѣхъ общихъ лекарствъ, совѣтуемыхъ для того, самымъ серьёзнымъ, повидимому, оказывается политическая свобода. Это лекарство старо, вышедшее изъ моды у многихъ лицъ, и по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже хуже тѣхъ болѣзней, которыя оно должно излечить; но, по нашему мнѣнію, оно наиболѣе дѣйствительное. Всѣ государства, прибѣгшія къ нему искренно и терпѣливо, улучшили имъ свое положеніе".

Лероа-Болье, по нашему мнѣнію, ошибается въ сильной степени, приписывая „неоконченности реформъ" прошлаго царствованія развитіе нигилизма и терроризма въ Россіи. Если бы даже эти реформы, въ которыхъ нуждалось наше государство, были закончены въ томъ смыслѣ, въ какомъ, повидимому, желаетъ французскій авторъ, то и тогда наше время не обошлось бы безъ нигилизма или ему подобнаго явленія въ политической жизни Россіи. Сколько потрясеній выдержалъ ея государственный организмъ послѣ реформы Петра-Великаго, начиная съ стрѣлецкаго бунта и кончая рядомъ династическихъ революцій, которыми ознаменовался весь весемнадцатый вѣкъ нашей исторіи? А между тѣмъ преобразованіе Россіи, проведенное желѣзною рукою сына царя Алексѣя, столь же неотлагательно вызывалось политическою цѣлью, которая выпадала нашему государству на востокѣ Европы, сколь необходимы становились соціальныя реформы Александра II, послѣ погрома нашего политическаго значенія западными державами въ крымскую войну. Нигилизмъ въ царствованіе Александра II, бунтъ военныхъ поселеній и декабрскій военный мятежъ при Николаѣ I, зародышъ тайныхъ обществъ при Александрѣ I послѣ отечественной войны и блистательнаго похода къ Парижу, наконецъ пугачевщина при Екатеринѣ II, не спускаясь ниже по лѣстницѣ нашей исторіи,—доказываютъ только существованіе броженія въ русскомъ народѣ или въ русскомъ обществѣ, поддерживаемаго не однимъ разнороднымъ во многихъ отношеніяхъ его составомъ, но и сильными толчками, получаемыми имъ или въ видѣ войнъ, или въ видѣ преобразованій въ его строѣ. Трудно положительными цифрами доказать, что̀ болѣе принесло вреда русскому государству, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, крымская ли война при Николаѣ I или нигилизмъ при императорѣ Александрѣ II, если допускать, что какъ первая, такъ и вторая явились однимъ изъ результатовъ этихъ двухъ царствованій; но если бы можно было уже нынѣ установить сравненіе между этими двумя зловредными событіями въ нашей исторіи, то оно, вѣроятно, дало бы любопытные, неожиданные выводы.

Нигилизму предназначена та же сфера дѣйствія въ исторіи, какая выпала на долю монгольскаго ига, нашествія турокъ на Европу, тридцатилѣтней войны, инквизиціи въ Испаніи, французской революціи прошлаго столѣтія, американской междоусобицы и проч. Эти міровыя событія, появляясь въ разныя эпохи развитія человѣчества, производили въ его исторической жизни извѣстнаго рода перевороты и уже не повторялись впослѣдствіи въ той же формѣ. Нигилизмъ наноситъ несомнѣнный вредъ государству и его населенію; государственная власть обязана принимать противъ него мѣры, бороться съ нимъ, и онъ искоренится или вслѣдствіе подобныхъ мѣропріятій, особенно если они уничтожатъ его основы, или еще скорѣе прекратится самъ собою съ тѣмъ, чтобы чрезъ извѣстный періодъ времени выразиться въ иной формѣ историческаго факта.

Нигилизмъ всецѣло принадлежитъ девятнадцатому вѣку и представляетъ одно изъ видоизмѣненій соціализма. Начиная съ заговора Бабефа въ 1796 году и съ участника его Буонаротти, организовавшаго карбонаризмъ, соціализмъ неоднократно принималъ политическую форму въ различныхъ государствахъ Европы, разразившись въ особенности въ 1871 году во время парижской коммуны. Соціализмъ измѣнялся и смотря по лицамъ, которыя становились въ его главѣ: были ли они народники (націоналисты), или космополиты. Лучшій примѣръ тому представляетъ Германія, гдѣ Лассаль былъ народникомъ, а Карлъ Марксъ оказывается космополитомъ. Наши нигилисты принадлежатъ къ космополитамъ, и вслѣдствіе того не останавливаются передъ тѣми преступленіями, отъ которыхъ отворачиваются соціалисты другой школы.

Исторія соціализма и его видоизмѣненій въ послѣднія девяносто лѣтъ опровергаетъ утвержденіе Лероа-Болье, что неоконченность реформъ прошлаго царствованія народила нигилизмъ въ Россіи. При нарожденіи этого ученія въ девятнадцатомъ вѣкѣ въ другихъ государствахъ Европы, опередившихъ Россію законченностью своихъ политическихъ учрежденій, какъ то понимаетъ Лероа-Болье, нашему государству нельзя было избѣжать послѣдствій распространенія соціализма. Онъ привился и въ Россіи, но, при неимѣніи въ ней пролетаріата, бездомнаго рабочаго люда западной Европы, онъ захватилъ изъ всѣхъ нашихъ сословій только созрѣвшіе для этой болѣзни умы и вылился въ совершенно особой формѣ—въ нигилизмѣ.

Къ достоинствамъ труда Лероа-Болье принадлежатъ также его обобщенія, или взгляды автора на особенности нашего государственнаго строя, на эпохи, пережитыя нашимъ отечествомъ. Таковъ, напримѣръ, его взглядъ на значеніе писанаго закона и на злоупотребленіе имъ. По замѣчанію одного современнаго философа, Лавле (въ его „Соціальной реформѣ"), одною изъ особенностей новѣйшей эры и однимъ изъ золъ, отъ котораго наиболѣе страдали народы европейскаго континента съ восемнадцатаго столѣтія,—оказывается зло-

употребленіе законодательствомъ, излишекъ довѣрія къ писаному закону, почитаемому главнымъ и несокрушимымъ средствомъ прогресса. „Между тѣмъ, пишетъ Лероа-Болье, нигдѣ подобная ошибка не была такъ преувеличена, какъ въ Россіи Петромъ Великимъ и его наслѣдниками. Ни въ одномъ государствѣ не предписывали такъ смѣло новые законы, какъ въ Россіи, потому что нигдѣ въ другой странѣ законодатель не располагалъ для того подобными средствами. Вся исторія Россіи, весь длинный московскій періодъ въ особенности, служили повидимому только къ созданію всемогущаго законодателя, который никогда не сомнѣвается въ успѣхѣ и дѣйствительности своихъ законовъ, безпрерывно издаваемыхъ и отмѣняемыхъ, устанавливающихъ нововведенія и измѣненія, разрѣшенія и запрещенія и часто, посредствомъ перемѣнъ, непослѣдовательности или противорѣчія, роняющихъ въ умахъ даже значеніе самого закона, являющемся въ этомъ случаѣ выраженіемъ отдѣльной воли, всемогущей и грозной, но съ тѣмъ вмѣстѣ преходящей и непостоянной. Вслѣдствіе обычая все измѣнять, передѣлывать, переработывать, въ русскихъ укоренился и такого рода взглядъ на ихъ отечество, что въ немъ можно все перевернуть верхъ дномъ и все измѣнить сызнова, какъ на такой театральной аренѣ, гдѣ декораціи замѣняются одна другою на глазахъ зрителя по знаку машиниста“.

Лероа-Болье посвящаетъ всю пятую часть своего втораго тома русской печати и ея цензурѣ. Онъ приводитъ въ видѣ курьеза, что при императорѣ Николаѣ Павловичѣ существовала спеціальная цензура для разсмотрѣнія статей, касавшихся государственнаго коннозаводства, которыя къ ней посылались до одобренія ихъ общею цензурою, но онъ вѣроятно не зналъ еще того факта, что до 1862 года статьи, въ которыхъ упоминалось о дѣтскихъ пріютахъ, отправлялись на предварительный просмотръ въ совѣтъ этихъ благотворительныхъ учрежденій. Лероа-Болье также ошибается, говоря, что безцензурныя изданія вносятъ залогомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати только 2.500 р. (ежедневныя газеты обязаны имѣть залогъ въ 5.000 р.) и что нынѣшніе „Вѣстникъ Европы“ и „Русскій Вѣстникъ“ суть продолженія журналовъ, которые издавались въ началѣ настоящаго столѣтія.

По мнѣнію Лероа-Болье, „средство исправлять ежедневные промахи печати, одинъ за другимъ, посредствомъ сообщеній и предостереженій, представляетъ большое неудобство для правительства, потому что на его отвѣтственность начинаютъ тогда возлагать всѣ тѣ мнѣнія, которыя оно оставляетъ неопровергнутыми. Особенно за-границею, гдѣ привыкли смотрѣть на власть какъ на господина или на регулятора всего, что только печатается въ Россіи, усматриваютъ ея руку или ея внушеніе во всѣхъ печатныхъ произведеніяхъ этой имперіи. Вслѣдствіе того, во время европейскихъ замѣшательствъ, возникаетъ много неосновательныхъ сужденій, часто до-

садныхъ, для политики и дипломатіи петербургскаго кабинета. Это неоднократно случалось передъ войною 1877—1878 года и послѣ нея, во время язвительной полемики, происходившей не разъ между русскими и нѣмецкими газетами. Если администрація мирволитъ въ печати обвиненіямъ противъ иностранныхъ кабинетовъ, то на русскихъ министровъ сыпятся обвиненія въ подстрекательствѣ народныхъ страстей. Неблагоразумныя выходки журналистовъ падаютъ также на правительство, которое заподозривается въ сообщничествѣ со всѣмъ тѣмъ, что имъ не запрещается. Противники его дипломатіи умышленно принимаютъ возгласы газетъ за эхо министра иностранныхъ дѣлъ. Для политики петербургскаго кабинета, подобная зависимость печати, которая, по общему убѣжденію, молчитъ и говоритъ только по его желанію, оказываетъ не помощь, а составляетъ своего рода тягость".

Дѣйствительно, такое положеніе русской печати очень часто давало поводъ къ недоумѣніямъ и непріятнымъ объясненіямъ. Въ ноябрѣ 1877 года, я былъ приглашенъ къ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу одной передовой статьи, появившейся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ которой обсуждалось положеніе, принимаемое Австріею относительно Россіи въ ея войнѣ съ Турціею.

— Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, которому подчинена русская печать (услышалъ я отъ министра), я долженъ обратить вниманіе на жалобу австро-венгерскаго посла, генерала Лангенау, на статью вашей газеты и подвергнуть ее взысканію, но, какъ русскій министръ, я не могу этого сдѣлать по патріотическому содержанію вашей статьи, и потому прошу васъ не ставить меня вновь въ подобное непріятное положеніе и не помѣщать въ вашей газетѣ статей, которыя могутъ дать опять поводъ къ представленіямъ иностранныхъ пословъ.

Леруа-Болье разсказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ нимъ въ 1880 году, во время пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время изъ Парижа получена была книжка „Revue des Deux Mondes" съ одною изъ его статей о Россіи. Объ этой статьѣ съ авторомъ говорили многіе министры и высшіе сановники, какъ вдругъ онъ узналъ, что статья вырѣзана изъ книжки. На вопросъ о томъ одному оффиціальному лицу, Леруа-Болье получилъ въ отвѣтъ: „Это очень просто (было ему сказано); статья написана съ такимъ тактомъ, что цензура не могла привязаться ни къ одной страницѣ, а между тѣмъ она не находила возможнымъ пропустить всю статью, а потому она и нашлась вынужденною воспретить ее цѣликомъ". Подобныя противорѣчія совершенно естественны при существованіи цензуры; они всегда были и будутъ случаться въ будущемъ, но только форма ихъ будетъ разнообразиться съ теченіемъ времени. Индивидуальные взгляды играютъ главную роль въ цензурѣ вообще; что для одного возможно, неопасно, то для другаго опасно, вредно, должно быть безусловно воспрещено. Романъ „Нана" былъ воспрещенъ къ обра-

щенію въ оригиналѣ въ русскомъ обществѣ, но переводъ его на русскій языкъ прошелъ въ публику съ нѣкоторыми измѣненіями противъ оригинала.

По убѣжденію Лероа-Болье, предпочтеніе, даваемое въ печати общимъ тезисамъ, и допускаемое цензурою, тѣмъ прискорбнѣе, что оно развиваетъ страсть къ отвлеченнымъ понятіямъ, къ абсолютнымъ выводамъ, развиваетъ духъ радикализма, духъ революціи. Недостатокъ свободы въ печати извратилъ смыслъ критики. Устраненіемъ возраженія пріучили умы воспринимать, безъ ихъ оцѣнки, всѣ правдоподобныя и увлекательныя идеи, усилили вкусъ къ софизмамъ, къ новизнамъ, къ безразсудствамъ, увеличили обаяніе крайнихъ ученій, среди которыхъ уже не оказывается мѣста умѣреннымъ мнѣніямъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться на разумномъ либерализмѣ, русская интеллигенція бросилась, очертя голову, къ крайнимъ рѣшеніямъ. Гдѣ критика не свободна, мало образованный умъ легко можетъ вообразить, что, при большемъ снисхожденіи, запрещенныя мысли безъ труда восторжествуютъ надъ своими врагами. Поэтому, допускаемыя ученія почитаются оффиціальными, оффиціозными, своего рода рабствомъ, отъ котораго отворачиваются какъ публика, такъ и въ особенности молодежь. „При существованіи цензуры, заключаетъ французскій авторъ, то, что дозволено, становится глупымъ, скучнымъ, а то, что запрещено—интереснымъ и симпатичнымъ".

Отсутствіе свободы печати способствуетъ размноженію тайныхъ обществъ, изъ которыхъ иныя состоятъ только въ передачѣ своимъ членамъ запрещенныхъ книгъ, въ перепискѣ ихъ, въ собираніи денегъ на ихъ пріобрѣтеніе. Поэтому, иногда собственно даже нѣтъ тайнаго общества, но находятся всѣ элементы для его образованія въ данный моментъ. „Примѣръ Россіи, пишетъ Лероа-Болье, доказываетъ, что въ наше время свобода печати не одна виновата въ успѣхахъ революціоннаго духа. Нѣтъ сомнѣнія, что эта свобода не составляетъ панацеи; она не залечиваетъ всѣ раны, которыя любитъ зондировать; она иногда усиливаетъ то зло, которое намѣревается излечить. Болѣе чѣмъ всякая другая свобода, свобода печати имѣетъ свои недостатки и неудобства; но, за исключеніемъ политическихъ соображеній, она доставляетъ государству такія преимущества, которыхъ никто не можетъ замѣнить. При свободѣ печати, революціонный духъ, можетъ быть, не захватилъ бы столько жертвъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ не сдѣлался бы при ней опаснѣе и заразительнѣе, тѣмъ болѣе, что и правительство и народъ имѣли бы болѣе ясное представленіе о своихъ собственныхъ нуждахъ, о своихъ собственныхъ силахъ. Въ Россіи, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ, свобода печати принесла бы пользу, такъ какъ въ ней не существуетъ династическаго вопроса, нѣтъ борьбы изъ за образа правленія; напротивъ того, огромное большинство народа всѣхъ сословій, согласно относительно принципа власти, а потому

въ ней не можетъ быть, за исключеніемъ крайностей революціонной партіи, систематической и вполнѣ отрицательной оппозиціи. Съ другой стороны, при самодержавномъ правленіи, только путемъ печати оно можетъ узнать желанія и нужды народа".

Повторяемъ, трудъ Лероа-Болье заслуживаетъ серьезнаго вниманія по разработкѣ имъ нѣкоторыхъ насущныхъ вопросовъ, касающихся нашего отечества.

Пав. Усовъ.





ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

I.

Меркантильный вѣкъ.

Въ НАЧАЛѢ сороковыхъ годовъ, у отца моего въ домѣ обыкновенно по воскресеньямъ собирались родные и знакомые. Эти дружескія сходки отличались въ особенности тѣмъ, что вечера обходились безъ карточной игры. Когда собиралось побольше молодежи, то устраивались танцы; но любимымъ развлеченіемъ служилъ „Псевдонимъ", еженедѣльный рукописный журналъ, который прочитывался вслухъ кѣмъ либо изъ присутствующихъ.

Статьи этого домашняго журнала были беллетристическаго, юмористическаго или слегка философическаго содержанія и подписывались вымышленными именами, почему и самый журналъ носилъ названіе „Псевдонима". Редакторомъ журнала былъ избранъ одинъ изъ среды насъ, на скромность котораго можно было положиться, такъ какъ ему одному должны были быть извѣстны имена авторовъ.

Втеченіе недѣли, каждый, желающій помѣстить свое произведеніе, присылалъ пакетъ редактору, который, пропустя его чрезъ снисходительную цензуру, отдавалъ переписчику и статья появлялась въ воскресномъ журналѣ. Авторъ статьи, конечно, тутъ же присутствовалъ, принимая самый равнодушный видъ, или даже относясь иногда критически къ произведенію и строгостью сужденія выдавая себя любопытству слушателей. Всякія нападки на личность строго исключались; но легкія эпиграммы или сатирическія статьи, облеченныя въ литературную форму, были допускаемы. А такъ какъ всѣ сотрудники, принадлежа къ одному обществу, были между собою знакомы, то понятно, что ко всякой статьѣ относились съ интересомъ, под-

вергая ее громко критикѣ или одобренію. Эта забава, кромѣ литературнаго интереса, имѣла прелесть маскарадной интриги.

Однажды, въ числѣ статей попалось очень удачное стихотвореніе подъ названіемъ „Меркантильный вѣкъ"; оно удостоилось шумнаго одобренія присутствующихъ и даже рѣшено было послать эти стихи къ издателю „Отечественныхъ Записокъ" г. Краевскому, съ просьбою напечатать ихъ въ журналѣ. Въ этомъ стихотвореніи дѣлалась оцѣнка девятнадцатаго вѣка и оно заканчивалось такъ:

„Всеобщій двигатель—монета,
„Мы ей воздвигнули алтарь,
„Теперь банкиръ владыка свѣта
„И Ротшильдъ геній нашъ и царь".

Это заключительное четверостишіе и было причиною того, что произведеніе не попало въ печать. Редакція журнала „Отечественныя Записки", одобривъ стихи, по порядку послало ихъ въ цензуру. Цензоръ пригласилъ къ себѣ автора стихотворенія на квартиру, гдѣ между ними произошло слѣдующее объясненіе:

— Это вы, молодой человѣкъ, написали эти стихи? спросилъ цензоръ.

— Да, и я желалъ бы ихъ напечатать.

— Ихъ не только нельзя напечатать, но я дамъ вамъ отеческій совѣтъ никому ихъ не показывать и даже сжечь.

— Почему же! Что вы находите въ нихъ неприличнаго?

— Вы выразились вѣрно, замѣтилъ цензоръ;—они неприличны и даже проникнуты возмутительнымъ духомъ; какъ это вы рѣшаетесь печатно объявлять, что Ротшильдъ нашъ царь? Развѣ вамъ неизвѣстно, что у насъ одинъ царь—Николай Павловичъ?

Молодой человѣкъ не нашелъ возраженій на это замѣчаніе и унесъ обратно свою статью.

Я не назову по имени этого вѣрноподданнаго цензора; оно извѣстно редакторамъ 1845 года въ Петербургѣ.

II.

Ошибки барона Соловьева.

Гвардейскій корпусъ готовился выступить къ границамъ Венгріи для защиты погибавшей Австріи; все, что было военнаго въ Петербургѣ и его окрестностяхъ встрепенулось. Ученья прекратились; для занятія карауловъ въ столицѣ назначены были морскіе экипажи, гарнизонные и запасные батальоны. Дежурныя комнаты полковъ сдѣлались средоточіемъ, куда собирались офицеры полка, чтобы узнать о новѣйшихъ распоряженіяхъ. Офицеры каждой роты составляли между собою артели для организаціи походнаго хозяйства; они по-

ротно могли имѣть одну повозку, которая у границы должна была замѣниться вьюками на лошадяхъ; слѣдовательно, каждому приходилось имѣть заботу и о лошади, и о вьюкахъ, о дорожныхъ и военныхъ вещахъ. Деньщиковъ отбирали и обращали во фронтъ; значитъ, надо было пріискать прислугу. Цѣны на лошадей и на офицерскія вещи поднялись на сто процентовъ.

Въ самый разгаръ этихъ заботъ, между нами пронеслась вѣсть, что двое изъ нашихъ товарищей—Львовъ и Пальмъ, по распоряженію командира полка, арестованы и отправлены въ казематы Петропавловской крѣпости. Говорили, что нашъ полковой командиръ баронъ Соловьевъ получилъ о томъ предписаніе, вслѣдствіе участія названныхъ офицеровъ въ политическомъ заговорѣ.

Не стану разсказывать подробностей этого мнимаго заговора, извѣстнаго подъ названіемъ Петрашевскаго, а сообщу лишь о немъ, насколько онъ коснулся лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, въ которомъ въ то время служилъ и я. У насъ въ спискахъ было также имя Петрашевскаго—подпоручика, поступившаго въ академію генеральнаго штаба, и потому сначала мы полагали, что онъ-то и былъ душею открывшагося заговора; мы ошибались. Впрочемъ, ошибался и нашъ баронъ Соловьевъ, распорядившійся арестовать штабсъ-капитана Львова, командира знаменной роты, человѣка самолюбиваго, нервнаго, обладавшаго значительнымъ состояніемъ. Послѣ трехъ сутокъ казематной жизни, со всѣми ея тяжелыми лишеніями и моральными страданіями, Львовъ былъ призванъ въ слѣдственную комиссію и на первомъ же допросѣ обнаружилась его невиновность. Оказалось, что слѣдовало арестовать другаго офицера нашего полка, тоже Львова, но поручика.

Баронъ Соловьевъ ошибся.

Нашъ полковой командиръ далеко былъ не фрунтовикъ,—способность, придававшая большую цѣну человѣку въ глазахъ великаго князя Михаила Павловича; напротивъ, онъ рѣдко бывалъ на ученьяхъ и въ казармахъ, и большая часть распоряженій исходила по инціативѣ полковаго адъютанта Н. П. Гартунга и полковаго казначея В. И. Литвинова. Баронъ Соловьевъ не имѣлъ случая особенно отличиться на поляхъ сраженій, что также могло бы оправдывать его выборъ. Характеръ его можно было назвать безпечно-простодушнымъ, и потому трудно сказать, какими основаніями руководствовались высшія военныя власти, назначая барона на важный постъ командира гвардейскаго Егерскаго полка.

Оправданный Львовъ снова принялъ въ командованіе свою пятую роту; но, несмотря на признанную его невиновность, онъ сталъ избѣгать встрѣчи съ товарищами; его самолюбіе страдало и онъ подалъ рапортъ о болѣзни.

Чрезъ нѣсколько дней предстоялъ парадъ, на которомъ императоръ Николай желалъ проститься съ гвардіей, отправлявшейся въ

походъ. До командира гвардейскаго корпуса в. к. Михаила Павловича дошло извѣстіе о раздраженіи Львова и онъ велѣлъ передать ему о желаніи своемъ, чтобы Львовъ былъ на парадѣ.

— Надѣюсь, прибавилъ великій князь,—что онъ забудетъ эту несчастную ошибку.

Львовъ самъ желалъ, быть можетъ, забыть о ней, но все ему ее напоминало и раздражало его болѣзненное самолюбіе; тѣмъ не менѣе, исполняя желаніе великаго князя, онъ пришелъ съ своею ротою на парадъ.

Обстановка парада была самая торжественная. День ясный, солнечный. Войска готовились къ объявленному походу и желали услышать на прощанье нѣсколько словъ отъ своего царя, который въ эту минуту являлся для всѣхъ спасителемъ трововъ. Николай прибылъ на парадъ верхомъ, въ той величественной позѣ, которая такъ вѣрно воспроизведена на памятникѣ ему предъ Исакіевскимъ соборомъ. Его окружала свита иностранныхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился представитель императора Франца, молившаго о помощи.

„Мы въ ней не откажемъ!" говорили слова манифеста Николая. Это были дни апогея могущества и славы нашего царя-рыцаря.

Предъ началомъ парада, окончивъ объѣздъ выстроенныхъ войскъ, государь остановился противъ середины и своимъ звучнымъ голосомъ сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ солдатамъ и вызванному имъ кружку офицеровъ. „Онъ былъ увѣренъ въ своихъ дѣтяхъ; онъ на нихъ полагался". Слова его были приняты съ энтузіазмомъ и вызвали безконечное „ура!"

Когда крики смолкли, государь вызвалъ Львова изъ толпы окружавшихъ его офицеровъ и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Душевно сожалѣю объ нашей ошибкѣ; надѣюсь, что ты на меня не сердишься?

Всякій другой на мѣстѣ Львова счелъ бы себя удовлетвореннымъ такимъ публичнымъ извиненіемъ царя; но нервная натура Львова, потрясеннаго всѣми предыдущими страданіями болѣзненнаго самолюбія, увидѣла въ этомъ случаѣ оффиціальное напоминаніе того, что онъ желалъ забыть. Лицо его страшно поблѣднѣло, онъ принялъ протянутую ему руку царя, низко поклонился и, вернувшись домой, подалъ прошеніе объ отставкѣ—по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья.

Здоровье его дѣйствительно было потрясено; онъ уѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ и умеръ года черезъ два.

До выступленія въ походъ намъ предстояли всевозможные смотры: инспекторскій, смотръ офицерскаго обоза, осмотръ солдатскаго имущества и т. п. Изъ гвардейскихъ полковъ: Измайловскаго, Егерскаго и саперпаго баталіона составленъ былъ походный эшелонъ и по

старшинству службы начальникомъ его былъ назначенъ нашъ баронъ Соловьевъ. Ему приходилось выказывать непривычную для него дѣятельность; но военное положеніе и требованіе грознаго Михаила Павловичъ невольно въ каждомъ пробуждали энергію.

Лишившись своего деньщика, вѣрнаго Ковальчука, я пріискивалъ себѣ прислугу; тогда мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть Логинъ, молодой крестьянинъ нашего помѣстья, ходившій по оброку.

— Я слышалъ, баринъ, началъ онъ,—что вамъ нуженъ для по хода поваръ, возьмите меня.

— Да вѣдь ты служишь на хорошемъ мѣстѣ; зачѣмъ стану я отрывать тебя?

— Я хочу послужить вамъ, мы вами довольны; въ дальнемъ походѣ свой человѣкъ пригодится.

Я былъ тронутъ его предложеніемъ, обнялъ и велѣлъ готовиться въ дорогу. Первымъ дѣломъ было одѣть его въ форменное деньщичье платье, такъ какъ чрезъ три дня предстоялъ смотръ деньщикамъ.

Въ назначенный день, на дворѣ втораго батальона обмундированная прислуга ожидала пріѣзда генерала. Тутъ же толпились закройщики полковой швальни. Ихъ занималъ важный вопросъ: должны ли быть у деньщиковъ штрипки, или нѣтъ? На этотъ счетъ не было никакого опредѣленнаго приказа, и между закройщиками, занимавшимися, по техническому выраженію, „постройкой одежды" на деньщиковъ по заказу офицеровъ, было разногласіе. Вслѣдствіе этого, на служителяхъ были брюки обоихъ образцовъ.

Дневальный, стоявшій у подъѣзда казармъ, зазвонилъ въ сигнальный колокольчикъ; сдѣлалось движеніе: „генералъ ѣдетъ!" Прислуга выстроилась въ шеренгу.

— Здорово, ребята! крикнулъ баронъ, обращаясь къ деньщикамъ.

Нѣсколько голосовъ импровизированныхъ „ребятъ" робко отвѣтили на привѣтствіе, а одинъ изъ нихъ даже поклонился.

— Это что за безпардонная команда! отчего они не умѣютъ отвѣчать? заговорилъ полуобиженный генералъ.

— Это деньщики изъ вольной прислуги, ваше превосходительство.

— Ихъ учить надо!

Генералъ былъ взволнованъ; онъ продолжалъ осмотръ; злополучныя штрипки попались ему на глаза.

— Что это за безпорядокъ! почему у тебя нѣтъ штрипокъ? Отвѣчай!

Вопросъ это былъ обращенъ къ моему Логину. Тотъ молчалъ.

— Что молчишь! всѣхъ васъ подтянуть надо. Розогъ!

И несчастному Логину тутъ же при баронѣ отсчитали двадцать ударовъ.

Вечеромъ того же дня, полковой адъютантъ докладывалъ генералу, что изъ корпуснаго штаба послѣдовало распоряженіе, чтобы деньщики не имѣли штрипокъ.

– Ахъ, чортъ возьми! замѣтилъ баронъ Соловьевъ,—я ошибся, не того велѣлъ высѣчь.

23 мая 1849 года, мы выступили изъ Петербурга по варшавскому шоссе. Съ третьего перехода полки раздѣлились по-ротно, чѣмъ значительно облегчалось движеніе. Каждая рота выступала съ ночлега въ тѣ часы, которые признавала удобными, высылая наканунѣ квартирьеровъ, чтобы тѣ заготовили по деревнямъ и мызамъ помѣщенія. Обозы также съ привала отправлялись впередъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, прійдя на мѣсто, солдаты уже нашли бы готовый домъ и столъ.

Утромъ рано, рота выстраивалась на дорогѣ, отъ нея отряжался авангардъ и арьергардъ въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, затѣмъ, по командѣ „маршъ! пѣсенники впередъ!“ рота быстро двигалась далѣе съ пѣснями, постепенно ускоряя шагъ и дѣлая иногда болѣе шести верстъ въ часъ. Иной удалецъ изъ пѣсенниковъ, несмотря на предстоящій двадцати-пяти-верстный переходъ, положитъ бывало свое ружье за спину поперекъ ранца, и съ бубнами въ рукахъ выплясываетъ впереди роты, выкрикивая:

„Ахъ, вы сѣни, мои сѣни!“

Офицеры могли имѣть верховыхъ лошадей, чѣмъ вначалѣ похода многіе воспользовались, хотя впослѣдствіи всѣ почти распростились съ лошадьми, находя гораздо практичнѣе идти пѣшкомъ. Кромѣ того, уничтоженіе этого различія между офицерами и солдатами способствовало сближенію ихъ. Пѣхотный солдатъ вообще смотритъ на кавалериста недружелюбно, называя его почему-то мельникомъ и крупой.

Иногда случалось на маневрахъ кавалерійскому отряду обгонять пѣхоту, тащившуюся подъ дождемъ. Грязь изъ подъ копытъ летѣла брызгами на бѣднаго пѣхотинца, у котораго замокшій ранецъ оттягивалъ плечи.

„Пѣхота не пыли!“ раздается изъ рядовъ кавалеріи насмѣшливый голосъ.

При этихъ словахъ злоба пѣхотнаго солдата выходила изъ границъ, и иной бывалъ готовъ тутъ же штыкомъ пырнуть лошадь.

Какъ бы тамъ ни было, но я купилъ себѣ передъ походомъ вороного жеребца, не предвидя всѣхъ испытаній, которыя мнѣ придется перенести благодаря ему. Началось съ того, что, не доходя до Луги, небольшой конный отрядъ обогналъ рысью нашу роту: мой жеребецъ не вынесъ этого и принялся рваться впередъ; подпруга лопнула, сѣдло начало съѣзжать на бокъ, и мой вороной принялся бить задомъ.

Въ эту критическую для меня минуту насъ настигъ въ коляскѣ баронъ Соловьевъ и вмѣсто сочувствія къ моему комично-несчастному положенію, онъ, какъ говорится, распекъ меня:

— Что вы тутъ гарцуете? Только безпорядокъ дѣлаете; вы будете арестованы на три дня при обозѣ.

Тѣмъ не менѣе эта гроза меня миновала.

На одной изъ послѣдовавшихъ дневокъ, къ намъ въ роту заѣхалъ нашъ жалонерный офицеръ баронъ Фридриксъ, веселый малый (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Восточной Сибири), и, сообщая разныя новости изъ штаба, обратился ко мнѣ со словами:

— А тебя, Бутковскій, поздравляю, твои разсчеты за кавалерійскую ѣзду покончены.

— Какъ такъ? Вѣрно обо мнѣ забыли.

— Нѣтъ, за тебя поплатился другой. Нашъ начальникъ эшелона по обыкновенію ошибся, смѣшалъ твою фамилію съ фамиліей подпоручика Быкова изъ сапернаго батальона. Въ приказѣ по отряду его объявили арестованнымъ при обозѣ за безпорядки на походѣ.

— Что же, ошибку надо исправить.

— Теперь это лишнее. Быковъ, окончa свой трехдневный искусъ, ходилъ объясняться къ Соловьеву; а тотъ, узнавши въ чемъ дѣло, только махнулъ рукой.

Мнѣ и теперь случается иногда встрѣчаться съ Быковымъ, нынѣ уже генералъ-маіоромъ, и мы вспоминаемъ о томъ, какъ ошибался баронъ Соловьевъ.

III.

Баронъ Шлиппенбахъ.

Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, впервые появились въ Петербургѣ городскія общественныя кареты. Этой новинкой столичные жители обязаны были предпріимчивости барона Константина Антоновича Шлиппенбаха, бывшаго въ то время директоромъ перваго кадетскаго корпуса.

Новое предпріятіе потребовало однако разрѣшенія самого государя, настолько дѣло это было, говоря словами Гоголя, „странное, совсѣмъ небывалое“. Въ тѣ времена мало кто ѣздилъ за-границу, и потому европейскія удобства жизни трудно проникали въ русское общество; къ тому же и самый фактъ, что николаевскій генералъ пускался въ коммерческое или промышленное предпріятіе, казался необъяснимымъ. Тѣмъ не менѣе высочайшее разрѣшеніе послѣдовало, но подъ условіемъ, чтобы предпріятіе не передавалось въ другія руки, а оставалось за барономъ.

Появленіе въ первый разъ на улицахъ омнибусовъ, останавливавшихся тогда на Англійской набережной, сдѣлалось событіемъ дня, всѣ говорили объ этой новости, каждый считалъ обязанностью прокатиться за гривенникъ по Невскому проспекту, чтобы разсказать знакомымъ впечатлѣнія, испытанныя имъ въ этомъ путешествіи.

— Какъ дешево и удобно! былъ общій отзывъ, и вслѣдствіе этого сдѣлалось просто невозможнымъ добиться мѣста въ каретѣ, осажденной толпою.

Успѣхъ этого предпріятія достигъ до слуха императора и онъ пожелалъ лично убѣдиться въ удобствѣ новыхъ дилижансовъ. Проходя по Невскому проспекту и встрѣтивъ одну изъ каретъ, онъ далъ знакъ остановиться и влѣзъ въ нее. Хотя кузовъ былъ полонъ, но, какъ говорится, для городничаго мѣсто нашлось, и карета довезла его величество до Адмиралтейской площади. Государь хотѣлъ выйти, но тутъ оказалось затрудненіе:

— Пожалуйте деньги за проѣздъ, сказалъ кондукторъ.

Денегъ-то у государя и не оказалось: Николай I никогда не носилъ ихъ при себѣ; изъ спутниковъ же его никто не нашелся или не рѣшился предложить свой кошелекъ, и кондуктору пришлось повѣрить въ долгъ на гривенникъ русскому царю.

На другой день въ контору дилижансовъ камеръ-лакей доставилъ десять копѣекъ съ приложеніемъ двадцати пяти рублей на чай кондуктору.

Баронъ Шлиппенбахъ занимался и другого рода дѣятельностью; такъ, напримѣръ, онъ держалъ въ арендѣ Александровскую ферму подъ Петербургомъ, и его хозяйство принадлежало къ числу образцовыхъ. Съ этой фермы поставлялись сельско-хозяйственные продукты въ училище, состоящее подъ его вѣдѣніемъ. Однажды, кто-то изъ воспитанниковъ распространилъ слухъ, что училище само доставляетъ удобреніе полей подъ картофель, и эта вѣсть мгновенно произвела между дѣтьми отвращеніе къ любимому ими блюду. Экономy заведенія грозилъ скандалъ, и потребовалось вмѣшательство самого директора.

„Мальчишки!" крикнулъ онъ на протестантовъ своимъ гортаннымъ голосомъ, „пороть васъ надо"!

Высокій ростомъ, сутуловатый, съ нахмуренными бровями, Константинъ Антоновичъ извѣстенъ былъ своимъ рѣзкимъ, крутымъ и строгимъ характеромъ. Онъ придерживался системы воспитанія, въ которой значительную роль занимали розги, и вмѣшательство его на этотъ разъ образумило юныхъ возмутителей.

Этотъ воспитатель юношества былъ однако страстный игрокъ и окончилъ жизнь свою трагически. Однажды онъ сильно проигрался въ клубѣ, пріѣхалъ поздно домой и заперся въ своемъ кабинетѣ. На другой день, не видя появленія его въ урочный утренній часъ, домашніе его рѣшились взломать двери, и нашли его мертваго, сидящимъ въ креслѣ: онъ перерѣзалъ себѣ бритвою горло.

IV.

Дѣвица послѣ брака.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, изъ Александровскаго лицея произведенъ былъ выпускъ воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ находился и князь Любомірскій, сынъ богатаго польскаго магната, какихъ теперь уже немного насчитываетъ Польша. Молодой человѣкъ имѣлъ, какъ видно, горячее сердце, потому что, еще бывши въ стѣнахъ училища, онъ былъ влюбленъ въ извѣстную въ то время красавицу—польку. Предметъ его страсти, дѣвица Швейковская, была въ полномъ разцвѣтѣ своихъ двадцати пяти лѣтъ и оцѣнила любовь юнаго лицеиста. Несмотря на вѣтренность, въ которой упрекаютъ ея соотечественницъ, она держала себя съ княземъ осторожно, но соглашалась одновременно съ своимъ сердцемъ отдать ему и руку немедленно по выпускѣ изъ лицея. Расчетъ былъ вѣрный: ежели съ благоразуміемъ она съумѣетъ соединить нѣкоторую ловкость, то въ приданое за молодымъ мужемъ получитъ княжескій титулъ и громадное состояніе.

Отецъ Любомірскаго оказался однако неподатливъ, и въ виду возможныхъ увлеченій сына, въ которыхъ могъ бы впослѣдствіи раскаяваться, онъ не только отказалъ ему въ согласіи своемъ на бракъ, но даже запретилъ ему видѣться съ семействомъ Швейковскихъ.

Извѣстно, что препятствія только поощряютъ къ исполненію задуманнаго; но молодой Любомірскій опасался отца и къ тому же былъ неопытенъ; поэтому Швейковская, въ погонѣ за заманчивымъ призомъ, взяла на себя дѣятельную роль въ предполагавшемся похищеніи. Ею былъ подъисканъ и подговоренъ ксёндзъ для совершенія таинства брака; нанято загородное помѣщеніе и затѣмъ въ условленный часъ она пріѣхала къ дому Любомірскаго. Молодой влюбленный былъ тайно вызванъ, невѣста усадила его подлѣ себя и увезла. Затѣмъ они были обвѣнчаны.

Какъ водится, дня чрезъ три молодые явились къ отцу съ повинною, но противъ ожиданія старикъ Любомірскій остался непреклоненъ: онъ не только не допустилъ до себя новобрачныхъ, но выпросилъ у императора Николая аудіенцію, на которой, изложивъ все происшедшее, просилъ принять участіе въ его горѣ, а сына выслать изъ Петербурга куда нибудь подалѣе.

Николай I не допускалъ нарушеній родительской власти. Онъ отдалъ въ этомъ случаѣ распоряженіе замѣчательное, какъ по рѣшительности, такъ и по оригинальности.

Высочайше повелѣно было:

„Бракъ, заключенный безъ согласія отца, считать недѣйствительнымъ; молодаго Любомірскаго за ослушаніе отцу отправить рядовымъ

на три года на Кавказъ. Урожденную Швейковскую—по прежнему считать дѣвицей".

Не знаю, къ какому наказанію былъ приговоренъ виновный ксёндзъ.

V.

Золотое время.

Перваго іюля 1858 года, объявлена была подписка на акціи петербургскаго страховаго отъ огня общества.

Въ подпискѣ желалъ участвовать и я, не столько въ силу довѣрія къ дѣйствіямъ будущаго общества, сколько изъ желанія выручить премію на продажѣ акцій. То было время всеобщаго опьяненія акціонерными предпріятіями, и не было такой спекулятивной мысли, которая, облеченная въ форму устава общества, не привлекла бы массы подписчиковъ.

Зная по разсказамъ, какъ трудно добраться до кассы правленія, чтобы ввѣрить ей свои деньги взамѣнъ лоскутка бумаги, изображающаго временное свидѣтельство, я въ два часа утра отправился къ подъѣзду дома баронессы Вревской. На Большой Морской было темно, фонари не горѣли, и я опасался лишь одного, чтобы городовые не заподозрили меня въ намѣреніи взломать замки.

Въ три часа утра начало свѣтать и ко мнѣ подошелъ какой-то господинъ.

— Я былъ вчера у генералъ-губернатора Игнатьева, заговорилъ онъ,—и мнѣ посовѣтовали придти пораньше, если желаю подписаться на акціи. Вотъ я и пришелъ первымъ!

— Вы ошибаетесь въ счетѣ, вы второй.

— Виноватъ, я принялъ васъ за агента полиціи. Ваша фамилія?

— Бутковскій, штабсъ-капитанъ, а ваша?

— Нобель заводчикъ. Знаете что?—будемте въ толпѣ поддерживать другъ друга.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединилось еще человѣка три изъ раннихъ. Мы плотно прижались къ входной двери и составили изъ себя товарищество, главнымъ условіемъ котораго было взаимное обязательство—крѣпко держаться за руки въ толпѣ и смотрѣть за карманами.

Въ это время приблизился къ намъ юный офицеръ въ адъютантской формѣ.

— Господа, прошу разойтись и очистить дверь!

— По какому праву вы распоряжаетесь и кто вы такой?

— Я Шабельскій, адъютантъ генералъ-губернатора.

— Мы ничего не дѣлаемъ противузаконнаго и не уйдемъ отсюда.

— Въ такомъ случаѣ примите меня въ вашъ союзъ, я вамъ буду полезенъ.

— Это другое дѣло! Мы согласны, вашъ мундиръ защититъ насъ отъ непріятностей?

Въ шесть часовъ утра, у подъѣзда образовалась уже сплошная масса народа, явилась полиція, показались конные жандармы, началась давка; жандармы, въ видахъ возстановленія порядка, принялись давить народъ лошадьми. Къ восьми часамъ, по Морской улицѣ не было проѣзда отъ капиталистовъ. Толпа гудѣла, въ ожиданіи открытія дверей, сосѣди перекидывались замѣчаніями:

— А какъ пошла подписка на московское страховое общество?

— Тамъ было хуже; народъ лѣзъ черезъ заборъ и въ окна, а какъ открыли двери, не оказалось ни одной акціи, все было еще за недѣлю роздано друзьямъ и родственникамъ. Вышелъ одинъ обманъ, понапрасну только прокатился въ Москву.

— Здѣсь больше порядка, болѣе ста акцій въ однѣ руки не продадутъ.

— Говорятъ, Шуваловъ—учредитель общества.

— Я уже запродалъ шкуру мѣдвѣдя: за каждую акцію мнѣ отсчитали впередъ но десяти рублей барыша.

— Мало! я меньше двадцати пяти не возьму.

Становилось невыносимо душно; насъ крѣпко припирали къ дверямъ, какая-то артель прикащиковъ протискивалась впередъ, дружно работая локтями.

Ровно въ девять часовъ, двери распахнулись, и толпа ринулась на приступъ лѣстницы. Не помню, какъ я взлетѣлъ на верхъ, въ глазахъ моихъ мелькнула знакомая мнѣ фигура генералъ-губернатора Петербурга, котораго я обогналъ на послѣдней ступени, извиняясь за смѣлость.

На верху былъ организованъ строгій порядокъ: отъ входа въ комнаты, по обѣимъ сторонамъ шли высокія рѣшетчатыя перегородки, образуя коридоръ, и публика вереницей тянулась къ завѣтному столу, за которымъ сидѣлъ директоръ Гламма съ подписнымъ листомъ, окруженный членами правленія.

Вдругъ въ отдаленной, свободной части комнаты показался жандармскій генералъ графъ Цукато. Пользуясь исключительностью своихъ правъ, онъ проникъ въ домъ заднимъ ходомъ и очутился въ залѣ за рѣшеткою какъ въ клѣткѣ. Графъ Шуваловъ увидѣлъ его и поспѣшилъ ему на-встрѣчу.

— Какъ это, ваше сіятельство, попали туда?

— Да я въ числѣ вашихъ подписчиковъ. Нельзя ли какъ нибудь мнѣ пройти?

— Вы видите, графъ, что здѣсь рѣшетка; лучше вамъ вернуться, чтобы войти чрезъ парадный ходъ.

— Нѣтъ! тамъ толпа и я опоздаю къ подпискѣ, позвольте мнѣ ужь лучше перелѣзть.

Рѣшетка была въ сажень вышины, но это обстоятельство не оста-

новило генералъ-лейтенанта графа Цукато; онъ передалъ двоимъ изъ насъ свою каску и саблю на подержаніе, узелъ съ депозитками ввѣрилъ графу Шувалову, и полѣзъ на верхъ. Особенно эфектна была минута, когда, находясь въ вышинѣ, онъ, въ виду всей публики, храбро заносилъ ногу чрезъ барьеръ. Его фигура небеснаго цвѣта спустилась онъ потолка и стала посреди насъ.

Это была несправедливость, но кто бы изъ насъ рѣшился бросить въ него камень. Подвигъ этотъ доставилъ жандармскому генералу хорошій кушъ: онъ въ тотъ же день переуступилъ В. И. Любавину свои сто акціи съ осьмнадцати рублевой преміей.

Вотъ какія усилія требовались въ тотъ золотой періодъ, чтобы отдать свои деньги за акціи. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Я. Бутковскій.





СИРАКУЗЫ.

(Статья Блюмнера).

Каждый изъ насъ, посѣщая классическія мѣстности Италіи и Греціи, испытываетъ извѣстную долю сожалѣнія при видѣ того великолѣпія и красоты, какія представляются нашимъ глазамъ въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ древней культуры и искусства. Въ большинствѣ случаевъ „мы не придаемъ никакого значенія развалинамъ и оплакиваемъ утраченную красоту". Всякія развалины, это единственное наслѣдіе древняго міра, сами по себѣ производятъ на насъ печальное впечатлѣніе; и при этомъ весьма естественно, что развалины классическихъ произведеній архитектуры скорѣе могутъ навести насъ на грустныя размышленія, нежели остатки Ѳивъ, Ниневіи и Вавилона. Мы знаемъ, что здѣсь, въ этомъ мусорѣ или даже, быть можетъ, глубоко подъ землей скрыта „жизнь нашей жизни", по прекрасному выраженію Курціуса, который впервые поднялъ въ печати вопросъ о раскопкѣ Олимпіи. Помимо этого, туриста въ Гесперидахъ нерѣдко смущаетъ рѣзкая противоположность между прошлымъ и настоящимъ. Эта противоположность не вездѣ проявляется съ одинаковой силой и всего менѣе замѣтна въ Римѣ, гдѣ средніе вѣка и эпоха возрожденія сдѣлали все, чтобы заставить насъ если не забыть то, что было создано древнимъ міромъ, то, по крайней мѣрѣ, восполнить до извѣстной степени эту утрату, чтобы названіе „вѣчнаго" могло быть примѣнено и къ нынѣшнему городу. Но тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ контрастъ великаго прошлаго съ нынѣшнимъ ничтожествомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда возвышались большіе прекрасные города, украшенные лучшими произведеніями архитектуры и искусства, заслужившіе историческую славу не только господствомъ на морѣ, но и побѣдами надъ другими народами. Те-

перь на этихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ незначительные, жалкіе города съ ничтожными развалинами; послѣднія, помимо громкихъ именъ, составляютъ единственные остатки прошлаго, которые пощадила рука безжалостнаго всеистребляющаго времени.

Такова, между прочимъ, судьба Сиракузъ. Кому изъ образованныхъ людей не знакомо съ раннихъ лѣтъ это имя наравнѣ съ Аѳинами, Спартой и другими важнѣйшими мѣстностями, описанными въ греческой исторіи. Еще дѣтьми, мы слышали его при изученіи исторіи, и познакомились у Фукидида и Ливія съ трагической гибелью войска Аттики, геройской защитой города Архимедомъ, смертью великаго математика и его послѣдними словами, получившими классическую извѣстность. Затѣмъ, читая о хищничествѣ Верреса[1]), мы опять-таки встрѣчали имя Сиракузъ, которыя, долгое время спустя послѣ этой блестящей эпохи, все еще оставались значительнымъ и великолѣпнымъ городомъ. Такимъ образомъ, Сиракузы передъ нашимъ умственнымъ взоромъ всегда представлялись намъ въ видѣ „прекраснѣйшаго изъ греческихъ городовъ“, какъ его называлъ Цицеронъ. Но что видимъ мы въ настоящее время, когда желѣзная дорога изъ Катаніи вдоль восточнаго берега привозитъ насъ къ южному пункту рельсоваго пути? На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ величественный городъ, тянется обширная каменистая пустыня въ нѣсколько миль окружности, а на небольшомъ противоположномъ островѣ, изъ котораго нѣкогда выселились жители, когда мѣсто первоначальнаго поселенія оказалось слишкомъ тѣснымъ, расположены нынѣшнія Сиракузы. Онѣ состоятъ изъ немногихъ скученныхъ, невзрачныхъ домовъ, узкихъ кривыхъ улицъ и двухъ безлюдныхъ площадей. Весь городъ обнесенъ укрѣпленіями, которыя, быть можетъ, нѣкогда принадлежали бы къ весьма почтеннымъ произведеніямъ фортификаціоннаго искусства; но въ настоящее время они не могутъ служить оплотомъ для жителей, которые принуждены будутъ отворить ворота при первомъ нападеніи непріятельскаго флота. Зейме, избравшій Сиракузы цѣлью своей „Прогулки“ [2]), посѣтилъ однажды это мѣсто съ сицилійскимъ уроженцемъ Ландолина, пожилымъ человѣкомъ, одушевленнымъ любовью къ своему отечеству и его славѣ. Послѣдній, глядя на печальное поле развалинъ съ возвышеннаго пункта Epipola, откуда было видно все пространство, занимаемое прежнимъ городомъ, сказалъ: „Вотъ наше прошлое!“ и затѣмъ, бросивъ взглядъ на небольшую группу домовъ, составляющихъ нынѣшнія Сиракузы, онъ прибавилъ: „Вотъ наше настоящее!“ Кто изъ посѣтителей Сиракузъ, вспо-

---

[1]) Верресъ (Кай Лициній), римскій преторъ, извѣстный своей алчностью и распутствомъ (род. 119 г., † 82 до Р. Х.), правилъ Сициліей втеченіе трехъ лѣтъ. Цицеронъ описалъ яркими красками всѣ его злодѣянія въ своей знаменитой обличительной рѣчи, и Верресъ, не дожидаясь приговора, удалился въ изгнаніе.

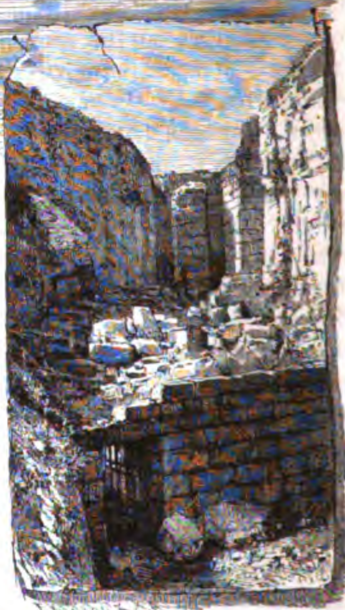
[2]) Зейме, нѣмецкій писатель, род. 1763, † 1810. См. его книгу: „Прогулка отъ Лейпцига до Сиракузъ“ („Spaziergang nach Syrakus“, 3 Bde. 1802).

миная эти слова, не ощутитъ глубокой грусти, которая слышится въ нихъ...

Посѣщеніе сиракузскихъ развалинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ экскурсій въ Сициліи, даже помимо несравненнаго мѣстоположенія у лучезарнаго моря съ снѣжной пирамидой Этны на заднемъ планѣ, оставляющемъ на каждаго неизгладимое впечатлѣніе. Не менѣе интересны для насъ немногія уцѣлѣвшія развалины, такъ какъ онѣ большею частью чрезвычайно своеобразны и не имѣютъ никакой аналогіи съ остатками другихъ городовъ греческой и римской древности.



Сиракузы.



Внутренній видъ Сиракузской крѣпости.

Собственно городъ или нынѣшнія Сиракузы представляютъ наименьшій интересъ. Городъ, какъ выше сказано, расположенъ на небольшомъ островѣ Ортигіи и отдѣленъ отъ материка узкой плотиной. Этотъ островъ, занимая всего около четырехъ километровъ въ окружности, какъ бы созданъ самой природой для устройства укрѣпленнаго торговаго пункта, благодаря своему положенію между двумя морскими бухтами, которыя представляютъ собой превосходнѣйшія естественныя гавани. Прогулка къ одной изъ этихъ бухтъ, бывшей нѣкогда значительной гаванью, принадлежитъ до сихъ поръ къ числу

пріятнѣйшихъ экскурсій, тѣмъ болѣе, что здѣсь находятся сравнительно самые нарядные дома города. Но обширный водоемъ гавани, гдѣ нѣкогда свободно маневрировали величайшіе военные флоты и могли бы дѣлать это и до сихъ поръ, имѣетъ пустынный видъ и совершенно заброшенъ въ настоящее время. На якорѣ стоитъ пара парусныхъ судовъ, и изрѣдка, обыкновенно разъ въ недѣлю, пристаетъ пароходъ, совершающій рейсы на южную часть острова: въ Терра Нуово (древняя Гела) и Джирдженти (древній Агригентъ). Здѣсь произошла послѣдняя отчаянная битва, окончившаяся полнымъ уничтоженіемъ „непобѣдимаго флота“ аѳинянъ, возлагавшихъ на него самыя блестящія надежды.

Лучшій видъ на гавань открывается съ полукруглой рѣшетки, замыкающей сверху бассейнъ знаменитаго въ свое время источника Аретузы. Мѣсто его истока находится по близости главной гавани и отдѣлено отъ послѣдней городской стѣной, такъ что внизу у самого бассейна ею закрытъ видъ на море. Источникъ, согласно поэтическому древнему преданію, явился сюда изъ Пелопонеза, преслѣдуемый рѣчнымъ богомъ Олимпійской равнины Альфеисомъ, который возгорѣлся любовью къ прекрасной нимфѣ. Она скрылась отъ него подъ моремъ и добѣжала до этого мѣста, гдѣ ее настигъ влюбленный богъ. Высокая полукруглая ограда окружаетъ источникъ, гдѣ до сихъ поръ водится такое же обиліе рыбы, какъ и во времена Цицерона; но вода утратила прежній прѣсный вкусъ и, по существующимъ показаніямъ, со времени землетрясенія 1170 года, сдѣлалась внезапно солоноватой. Тѣмъ не менѣе это въ высшей степени привлекательное мѣсто, чему много способствуютъ прекрасные кусты папируса, растущіе у краевъ бассейна, хотя они не имѣютъ здѣсь той своеобразной красоты, какъ на материкѣ у Анапо и Кіанэ, гдѣ густые папирусы въ пять метровъ вышины почти съуживаютъ русло рѣки. Это единственныя мѣста въ Европѣ, гдѣ еще растетъ это замѣчательное растеніе, игравшее такую важную роль въ исторіи древней культуры. Поэтому путешественникъ считаетъ необходимымъ взять на память листокъ папируса, изготовленный, по примѣру древнихъ, изъ сердцевины стебля, свѣдущимъ проводникомъ сиракузскаго музея.

Что касается самого городка, то онъ весьма бѣденъ достопримѣчательностями. Помимо важнаго во многихъ отношеніяхъ, но плохо устроеннаго музея, наиболѣе заслуживаетъ вниманія Santa Maria del Piliero. Онъ сооруженъ на развалинахъ прекраснаго стараго дорійскаго храма, повидимому Артемиды. Уцѣлѣвшія колонны вошли отчасти въ составъ стѣнъ, другія украшаютъ внутренность собора, поддерживая сводъ. Эти колонны замѣчательны въ томъ отношеніи, что принадлежатъ къ лучшей эпохѣ дорійскаго стиля, а именно къ шестому столѣтію до Р. Х. Но при этомъ само собою разумѣется, что посѣтитель долженъ совершенно отрѣшиться отъ непріятнаго

впечатлѣнія, производимаго на него неправильностью фасада и излишествомъ внутренняго убранства церкви. Остатки другаго такого же значительнаго храма уцѣлѣли въ меньшей степени и въ сущности представляютъ интересъ для однихъ археологовъ.

Поэтому оставимъ островокъ Ортигію и перейдемъ по подъемному мосту на материкъ къ плоской возвышенности, имѣющей форму



Источникъ Аретузы.

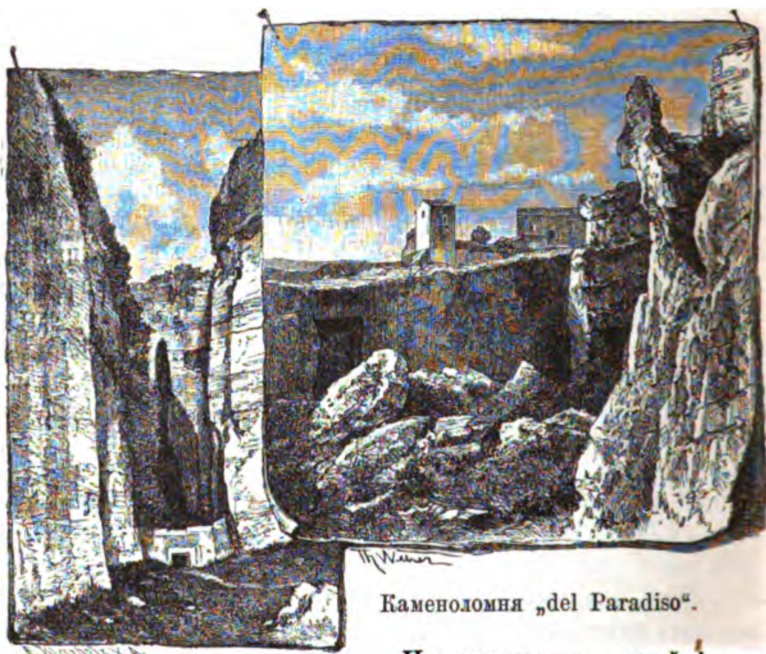
треугольника, верхній конецъ котораго обращенъ къ западу. Величина всей плоскости доходитъ до тридцати трехъ километровъ въ окружности и обозначаетъ пространство, нѣкогда занятое древнимъ городомъ, когда маленькій островъ Ортигія сдѣлался слишкомъ тѣснымъ по количеству жителей. Первое, что поражаетъ здѣсь путешественника — это зрѣлище полнѣйшаго разрушенія и пустоты. За исключеніемъ плодородной и обработанной почвы на юговосточномъ склонѣ, вы нигдѣ не видите ласкающей зелени или миндальныхъ и оливковыхъ рощъ, въ родѣ тѣхъ, какія въ Джирдженти покрываютъ обширное поле древняго Акразаса. Мѣстность, гдѣ нѣ-

когда возвышались блестящія части города: Ахрадина, Тихэ и Неаполисъ, представляетъ въ настоящее время обнаженную безплодную скалу, гдѣ на тощемъ земляномъ слоѣ попадаются изрѣдка стебельки травы. Тотъ же видъ имѣетъ вся почва прежняго города; и только мѣстами виднѣются дома или крестьянскіе дворы, перекрещенные немногими улицами, и нѣсколько монастырей самой незатѣйливой архитектуры. Вы невольно задаете себѣ вопросъ: гдѣ же находилась большая рыночная площадь съ ея красивыми портиками, общественными зданіями и храмами? Но она исчезла безслѣдно, и нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы отыскать ее. Только кое-гдѣ на каменистой почвѣ виднѣются прямые четыреугольники на мѣстахъ прежнихъ домовъ, или глубокія колеи вдоль старыхъ улицъ, которыя служатъ безмолвнымъ свидѣтельствомъ множества проѣзжавшихъ здѣсь нѣкогда колесъ.

Но и въ этой обширной каменистой пустынѣ нѣкоторыя мѣста до сихъ поръ могутъ привлечь наше вниманіе, какъ, напримѣръ, знаменитыя каменоломни. Всѣмъ извѣстно, какую важную роль въ исторіи Сиракузъ играли эти громадныя каменоломни, снабжавшія городъ строительнымъ матеріаломъ. Многимъ изъ насъ, благодаря Ѳукидиду, извѣстенъ потрясающій эпизодъ изъ Пелопонезской войны, когда плѣнные аѳиняне и ихъ союзники были отведены въ каменоломни, гдѣ тысячи людей, скученныхъ подъ открытымъ небомъ, должны были выносить палящіе солнечные лучи и страшнѣйшія мученія. Большая часть ихъ погибла отъ голода и жажды, дневнаго жара, ночнаго холода и воздуха, зачумленнаго зловоніемъ разлагавшихся непогребенныхъ труповъ. Эти злополучныя мѣста пережили разрушеніе, постигшее городъ; и въ настоящее время мы находимъ еще восемь подобныхъ каменоломенъ на сиракузскомъ плоскогоріи. Онѣ большею частью расположены въ предѣлахъ прежней Ахрадины; самая интересная изъ нихъ „latomia del Cappuccini", заимствовавшая свое названіе отъ близъ-лежащаго монастыря, и затѣмъ „latomia del Paradiso". Трудно дать читателю ясное понятіе объ этихъ своеобразныхъ каменоломняхъ, лежащихъ ниже уровня плоской возвышенности, такъ что вы совершенно не замѣчаете ихъ, пока не подойдете къ самой окраинѣ.

Начнемъ съ описанія каменоломни „del Cappuccini". Вы спускаетесь между двумя мрачными утесистыми стѣнами по узкой крутой дорогѣ, которая становится всѣ отвѣснѣе, и наконецъ доходите до самаго дна каменоломни, гдѣ чувствуете себя какъ бы въ другомъ мірѣ. Вы находитесь здѣсь среди превосходнѣйшаго сада; тѣнистыя плодовыя деревья гнутся подъ тяжестью красноватыхъ гранатовъ и золотистыхъ апельсиновъ, полузакрытыхъ листьями и взлелѣянныхъ тепличной температурой этихъ глубокихъ пещеръ, недоступныхъ для холоднаго вѣтра, гдѣ отвѣсные лучи солнца, отражаясь на каменныхъ утесахъ, оказываютъ двойное дѣйствіе. Но тѣмъ силь-

нѣе поражаетъ контрастъ этой роскошной воздѣланной почвы съ каменными утесами, нагроможденными на-право и на-лѣво, спереди и сзади посѣтителя и даже нависшіе надъ его головой. Высокія стѣны, на которыхъ мѣстами виднѣются глубокія трещины, произведенныя землетрясеніемъ, дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ; и вами невольно овладѣваетъ страхъ, что колоссальныя каменныя массы могутъ обрушиться на васъ и задавить своей тяжестью. Но и эти утесистыя стѣны покрыты зелеными деревьями и во всѣхъ трещинахъ и разсѣлинахъ скалъ виднѣется раскошная растительность и группы кустарника.



Каменоломня „del Paradiso".

Гротъ „Ухо Діонисія".

Не подлежитъ сомнѣнію, что каменоломня представляла совсѣмъ иную картину въ тѣ времена, когда служила мѣстомъ заточенія, Она была безопасна, въ смыслѣ побѣга, со своими отвѣсными стѣнами, доходящими до тридцати двухъ метровъ высоты, и съ единственнымъ узкимъ выходомъ. Нѣсколько человѣкъ могли безъ особеннаго труда стеречь тысячи людей, помѣщенныхъ въ различныхъ отдѣленіяхъ каменоломни, съ глубокими примыкающими къ ней пещерами, узкими лощинами и т. п. Если же мы представимъ каменоломню безъ нынѣшней роскошной растительности, обнаженной и безплодной, какой она, вѣроятно, была въ древности, то эти своеобразныя каменныя массы и теперь покажутся намъ тѣмъ, къ чему предназна-

чила ихъ ожесточенная ненависть сиракузянъ, а именно „мѣстомъ погребенія живыхъ людей“.

Что касается другой каменоломни—„del Paradiso“, то она отчасти и теперь производитъ это впечатлѣніе, такъ какъ она менѣе богата растительностью нежели Капуцинская (del Cappuccini). Она также имѣетъ болѣе романическій и величественный видъ, чему въ значительной степени способствуетъ громадный столбообразный утесъ, на вершинѣ котораго сохранились остатки средневѣковой сторожевой башни. Къ этой каменоломнѣ примыкаютъ различные гроты; самый извѣстный изъ нихъ носитъ названіе „Уха Діонисія“. Многіе убѣждены, что этотъ въ высшей степени своеобразный гротъ, дѣйствительно напоминающій форму человѣческаго уха, служилъ мѣстомъ, гдѣ сиракузскій тиранъ запиралъ свои жертвы и подслушивалъ тайныя бесѣды несчастныхъ въ небольшой комнатѣ, устроенной надъ гротомъ, куда ясно доходилъ всякій звукъ, вслѣдствіе удивительной акустики. Само собою разумѣется, что эта басня была изобрѣтена въ позднѣйшее время; но тѣмъ не менѣе акустика этого высокаго грота весьма замѣчательна. Она произошла случайно, вслѣдствіе способа, какимъ здѣсь добывали камень. Утесъ раскалывали съ помощью клиньевъ въ двѣ кривыя линіи, сходящіяся сверху, что можно наблюдать и въ другихъ каменоломняхъ. Равнымъ образомъ вездѣ видны слѣды молотковъ и долота.

Каменоломня „del Paradiso“ находится въ предѣлахъ самой значительной части прежняго города, такъ называемомъ Неаполисѣ. Это самая плодоносная мѣстность во всей плоской возвышенности, благодаря искусственному орошенію, устроенному съ помощью древнихъ водопроводовъ. Она сплошь покрыта оливковыми рощами, виноградниками и пастбищами, составляющими пріятный контрастъ съ однообразіемъ окружающей пустыни и мрачнымъ видомъ каменоломни. Здѣсь на южномъ склонѣ находятся развалины греческаго театра, въ видѣ обширнаго полукруга, высѣченнаго въ скалѣ. По величинѣ это третій изъ всѣхъ извѣстныхъ театровъ, вмѣщавшій по приблизительному разсчету до 70.000 зрителей. Уцѣлѣли остатки 46 рядовъ мѣстъ, вырубленныхъ въ утесѣ, съ единственнымъ обходомъ въ $2^1/_2$ метра высоты, вдоль 14-го ряда. Верхніе ряды разрушены, но, повидимому, общее число ихъ доходило до 63-хъ. Восемь лѣстницъ, устроенныхъ въ видѣ радіусовъ, раздѣляли пространство, назначенное для зрителей, на правильные клинья, изъ которыхъ каждое носило особое названіе, обозначенное въ надписяхъ, отчасти заимствованныхъ отъ имени различныхъ божествъ и частью отъ приближенныхъ царствующаго дома. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ слѣдовъ прежней сцены. Съ рядовъ мѣстъ, назначенныхъ для зрителей, открывается величественный видъ на Сиракузы, обширную гавань и зеленую равнину. Въ былыя времена, — когда здѣсь возвышались великолѣпныя зданія, вдали виднѣлись мраморные храмы

и гавань была переполнена кораблями — этотъ ландшафтъ представлялъ еще большую прелесть и долженъ былъ наполнять гордою радостью сердца сиракузянъ.

Считаю излишнимъ распространяться объ амфитеатрѣ римской постройки, лежащемъ по близости этого мѣста; онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе сохранившихся зданій, но сравнительно съ Колизеемъ и амфитеатрами Вероны, Помпеи и Пуццоли не представляетъ ничего замѣчательнаго. Равнымъ образомъ не буду касаться другихъ древностей, болѣе интересныхъ для археолога, нежели ту-



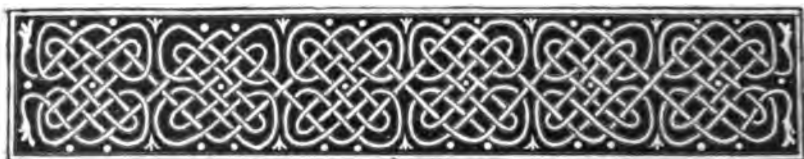
Сиракузскій амфитеатръ.

риста, которыя отчасти сохранились въ видѣ развалинъ въ различныхъ пунктахъ этой мѣстности, и перейду къ западному склону плоской возвышенности, гдѣ мы опять встрѣчаемъ нѣчто совершенно своеобразное. Эта часть города называлась въ древности „Epipolā“ и сама по себѣ служила преимущественно укрѣпленіемъ. Здѣсь можно удобно прослѣдить многочисленные остатки большой стѣны Діонисія, которая отличается прочностью работы и значительной толщиной. Но всего болѣе заслуживаетъ вниманія крайняя западная

вершина, гдѣ находятся развалины, извѣстныя въ настоящее время подъ названіемъ „Mongibellesi“ (будто бы въ память гибеллиновъ). Здѣсь вы находите грандіозные остатки значительнаго форта, заложеннаго Діонисіемъ I и носившаго названіе „Euryalos“ („широкій гвоздь“—по формѣ здѣшняго горнаго хребта). Само собою разумѣется, что въ настоящее время трудно составить себѣ понятіе въ частностяхъ о расположеніи этого форта; вы видите только различные подземные ходы съ дверями и большое искусственное ущелье, высѣченное въ скалѣ, вдоль котораго проходитъ стѣна. Въ концѣ послѣдней возвышается массивное зданіе изъ квадратныхъ камней, нѣкогда служившее цитаделью, которое повидимому стояло особнякомъ и было соединено подъемными мостами съ другими укрѣпленіями. Несмотря на недостатокъ связи между отдѣльными частями развалинъ, онѣ все-таки свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи техники и имѣютъ для насъ большую цѣну, потому что вообще сохранилось очень мало остатковъ древней греческой фортификаціи.

Если путешественникъ, разставаясь съ Сиракузами, вздумаетъ еще разъ бросить взглядъ на древній городъ, то онъ долженъ подняться отсюда къ западу на полчаса разстоянія отъ „Euryalos“ и зайти въ небольшую деревеньку „Belvedere“, лежащую на отвѣсной скалѣ. Трудно найти другой болѣе прекрасный видъ, исполненный глубокаго значенія, который могъ бы хотя отчасти сравниться съ той картиной, какая представляется здѣсь глазамъ удивленнаго зрителя. Вдали виднѣется море и весь берегъ отъ Агоста до мыса Пахинума; на первомъ планѣ мрачныя развалины цитадели и массивные квадратные камни старыхъ стѣнъ. За ними—обнаженное пустынное поле, гдѣ нѣкогда были расположены значительныя части древняго города: Тихэ и Ахрадина; на правомъ склонѣ плоскогорья виднѣются красивыя оливковыя рощи и хлѣбныя поля; внизу лежитъ равнина, отдѣляющая плоскую возвышенность отъ моря; на ней мѣстами раскинуты деревья и луга. На противоположной сторонѣ глазъ едва различаетъ нынѣшнія Сиракузы, окаймленныя двумя гаванями; налѣво въ туманной дали обрисовываются величественныя очертанія Этны.

Каждый изъ насъ, глядя на эту грандіозную картину, невольно предается заманчивой мечтѣ, что спокойствіе смерти, которое царитъ въ этихъ равнинахъ, не болѣе какъ сонъ, и что современемъ вновь возстанутъ Сиракузы въ видѣ прежняго большаго города съ его міровымъ и торговымъ значеніемъ. Естественныя условія вполнѣ благопріятствуютъ осуществленію подобной мечты; здѣшняя гавань самая обширная и лучшая во всей Италіи. Быть можетъ наступитъ время, когда новому королевству удастся возвратить почвѣ Сициліи давно утраченную культуру; и тогда Сиракузы вновь пріобрѣтутъ свое прежнее значеніе, и на старыхъ развалинахъ возникнетъ новая жизнь.



ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРІЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА [1].

IV.

Стратегическіе планы и дѣйствія версальской арміи. — Оборонительная линія федералистовъ.—Оставленіе инсургентами воротъ Сен-Клу.—Дюкатель. — Офиціальныя извѣстія о вступленіи войска въ Парижъ.—Тьеръ и Мак-Магонъ у Мон-Валерьена. — Домбровскій. — Вейссе и секретарь Гютцингеръ. — Продажа воротъ Сен-Клу.—Постепенное занятіе Парижа. — Послѣднія прокламаціи комуны.—Пожары 24-го мая.—Сраженія 25-го мая.—Взятіе огромныхъ барикадъ 25-го мая. — Занятіе высотъ Шомона и кладбища отца Лашеза. — Послѣднія битвы на улицахъ Парижа.—Потери арміи и комунаровъ.—Сраженія на барикадахъ.—Рауль Риго.—Густавъ Шоде. — Засѣданія національнаго собранія. — Бѣгство и поимка Рошфора.—Убійство доминиканцевъ. — Лувръ и его библіотека.—Плѣнники въ Мазасѣ.—Приказы о поджогахъ и поджигатели.—Убійство архіепископа и ларокетскихъ заложниковъ.—Разстрѣливанье массами.—Ложные пожарные. — Делеклюзъ. — Мильеръ.—Варленъ.—Версальскіе плѣнники: Асси, Вердюръ, Юрбенъ, Тренке, Груссе, Режеръ, Верморель.—Ферре.—Статистика комунаровъ.—Возможно ли въ близкомъ будущемъ возрожденіе комуны?— Члены комуны въ общественной и частной жизни.—Главная причина возстанія и главный контингентъ комуны.—Мнѣніе Мадзини и Росселя. — Комуна въ настоящее время.—Судьба главныхъ комунаровъ.—Необходимость кроткихъ мѣръ.—Уроки, какіе можно извлечь изъ исторіи комуны.



ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21-го мая, первые отряды версальской арміи вступили въ Парижъ. Какимъ образомъ произошло это—до сихъ поръ не разъяснено вполнѣ, но въ то время, когда одни историки комуны объясняютъ это простою случайностью, всегда возможною во время хода военныхъ дѣйствій, другіе видятъ въ этомъ явную измѣну. Мы приведемъ главные варіанты разсказовъ объ этомъ событіи, но прежде всего обратимся къ стратеги-

---

[1]) Окончаніе. См. „Историч. Вѣстн.“, томъ X, стр. 443.

ческимъ планамъ и дѣйствіямъ арміи, которыя оставляли въ сторонѣ при изложеніи внутреннихъ дѣлъ комуны.

При началѣ возстанія всѣ южные форты Парижа, кромѣ Мон-Валерьена, были въ рукахъ комуны. Въ первыхъ числахъ апрѣля версальская армія заняла, безъ сопротивленія со стороны жителей, мѣстечки Шатильонъ, Мёдонъ, Бельвю, Севръ и Сен-Клу; отдѣльные отряды утвердились въ Рюейлѣ, Нантерѣ, Вильнёв-л-Этанѣ. Южная ограда Парижа, бастіонированная отъ воротъ Мальо до Жантильи, представляла только одинъ доступный пунктъ—въ Пуан-дю-журъ, но его прикрывалъ фортъ Исси, и потому поведены были траншеи и воздвигнуты батареи противъ этого форта и прервано телеграфное и желѣзнодорожное сношеніе Парижа съ югомъ, по дорогѣ въ Орлеанъ. Постепенно были заняты, въ этомъ направленіи, но не безъ жаркаго боя, деревня Коломбъ, Курбвуа, редутъ Женвильеръ и замокъ Бекокъ, откуда батареи начали дѣйствовать противъ батарей Клиши и Аньера. Занявъ эту послѣднюю станцію, версальцы ограничили дѣйствія инсургентовъ правымъ берегомъ Сены. Они нападали ежедневно на траншеи между Кламаромъ и Шатильономъ, но были постоянно отражаемы. Скоро потеряли они важный передовой пунктъ—деревню Мулино, взятую приступомъ, потомъ кладбище, паркъ и траншеи форта Исси, желѣзнодорожную станцію Кламаръ и сообщенія между фортами Ванвъ и Исси, наконецъ, и этотъ послѣдній фортъ, оставленный своими защитниками, по невозможности въ немъ держаться. Та же участь постигла вскорѣ и фортъ Ванвъ. Перейдя Сену, версальцы открыли паралель въ 1.500 метровъ длины отъ моста Бильянкуръ до квартала Принцевъ и довели ее до Монмартра. Другой корпусъ открылъ паралель позади озера Булонскаго лѣса. Всякій день армія, разрушая оборонительныя работы и барикады комунаровъ, подвигалась къ стѣнамъ Парижа, гдѣ во многихъ мѣстахъ уже были пробиты бреши. Понимая, что приступъ близокъ, комунары усиливали огонь артилеріи, наносившей большой вредъ арміи. На правомъ берегу залпы ихъ даже ночью, при электрическомъ свѣтѣ, не позволяли продолжать осадныхъ работъ между Отейлемъ и Пасси. Съ своей стороны осаждающіе осыпали стѣны градомъ бомбъ и ядеръ съ форта Мон-Валерьенъ и батарей Монтрету, Исси, Ванва и Булонья. Офиціальный рапортъ главнокомандующаго версальской арміей говоритъ, что 21-го мая все уже было готово къ приступу, какъ вдругъ пришло извѣстіе отъ начальника праваго фланга атаки, генерала Дуэ, что войска, бывшія въ траншеяхъ, вошли въ Парижъ черезъ ворота Сен-Клу. Рапортъ прибавлялъ: „инженеръ Дюкатель узналъ, что инсургенты, не выдержавъ огня батарей, покинули Пуан-дю-журъ и ворота Сен-Клу; тогда двѣ роты съ нѣсколькими саперами и артилеристами проникли, одинъ за другимъ, черезъ эти ворота въ городъ“. Такое добровольное оставленіе поста, важнѣйшаго во всей оградѣ столицы и къ завладѣнію которымъ стремились

всѣ усилія осаждающихъ, было слишкомъ странно со стороны комунаровъ, упорно отстаивавшихъ еще наканунѣ каждый клочекъ земли подъ стѣнами Парижа. Немудрено, что тутъ участвовалъ подкупъ, хотя въ этомъ не сознаются офиціальные историки комуны, приписывающіе овладѣніе городомъ — храбрости версальской арміи. Генералъ Винуа, въ своемъ сочиненіи „L'Armistice et la Commune", упоминая объ оставленіи защитниками воротъ Сен-Клу, что избавило армію отъ штурма, который повлекъ бы за собою страшное кровопролитіе, прибавляетъ: „Нелегко объяснить настоящую причину упадка духа инсургентовъ въ ту минуту, когда они позволили проникнуть нашимъ войскамъ въ одинъ изъ пунктовъ ограды. Огромныя средства защиты, собранныя ими, внушали ли имъ такое довѣріе, что они не могли и представить себѣ возможности для войскъ проникнуть въ городъ тамъ, гдѣ они прошли? Не слѣдуетъ ли приписать этотъ упадокъ духа трусости отрядовъ, которымъ была поручена оборона, или совершенному утомленію ихъ, или привычкѣ ихъ пьянствовать, особенно по воскресеньямъ. Какъ бы то ни было, доказано, что въ рядахъ инсургентовъ обнаружилась паника въ воскресенье, 21-го мая" Нельзя не сказать, что эти объясненія очень темны и произвольны. Иначе объясняетъ этотъ случай министръ публичныхъ работъ Ларси, въ своемъ рапортѣ главѣ исполнительной власти, отъ 1-го іюня 1871 года. По его словамъ, въ три часа пополудни, 21-го мая, въ то время, когда огонь батарей съ особенной силой сосредоточивался на стѣнахъ Парижа, близкихъ къ воротамъ Сен-Клу, изъ нихъ вышелъ къ бастіону человѣкъ, поднявшій вверхъ бѣлый платокъ, въ видѣ парламентскаго флага. Знакъ этотъ былъ замѣченъ съ аванпостовъ и командиръ этого отряда, запретивъ своимъ солдатамъ слѣдовать за нимъ, смѣло пошелъ на-встрѣчу этого человѣка, „жертвовавшаго собою для отчизны". Это былъ Жюль Дюкатель, служившій въ парижскомъ муниципалитетѣ и жившій близъ Пуан-дю-жура. Увидя, что инсургенты, погибая отъ огня осаждающихъ, покинули эту часть ограды, онъ рѣшился, съ опасностью для своей жизни, увѣдомить объ этомъ войска, чтобы они могли проникнуть въ городъ этимъ путемъ, не дѣлая приступа: „Благодаря этимъ драгоцѣннымъ указаніямъ", войска вошли въ Парижъ и заняли безъ сопротивленія ворота Сен-Клу и два сосѣднихъ бастіона. Увѣдомленный объ этомъ по телеграфу, генералъ Дуэ тотчасъ занялъ войскомъ все пространство между укрѣпленіями и віадукомъ, и пробился въ Отейльскія ворота, но уже послѣ упорнаго сраженія. Дюкатель сообщилъ тогда генералу о возможности занять Трокадеро и взялся быть проводникомъ отряда войскъ. Приведя ихъ къ барикадѣ, преграждавшей Гренельскую набережную, Дюкатель пошелъ впереди отряда парламентеромъ, несмотря на выстрѣлы, раздававшіеся съ барикады, убѣдилъ инсургентовъ отступить, въ виду невозможности сопротивленія, и отрядъ, перейдя барикаду, занялъ Трокадеро. Но отступая, инсургенты увели

съ собою Дюкателя и у военной школы составили импровизованный военный совѣтъ, чтобы судить парламентера и разстрѣлять. По счастью, войско дошло скоро до школы и, разогнавъ совѣтъ, спасло Дюкателя. За этотъ смѣлый подвигъ ему дали кавалерскій крестъ почетнаго легіона и казенное мѣсто съ хорошимъ содержаніемъ, да по почину газеты „Liberté“, подписка, объявленная въ его пользу, дала до ста тысячъ франковъ. И въ этомъ разсказѣ есть что-то несовсѣмъ ясное и недосказанное. Объ немъ не упоминаютъ монархистскіе историки комуны и ни слова не говорятъ о подкупѣ, какъ виконтъ де-Бомон-Васси въ своей „Histoire authentique de la Commune de Paris“. Только легитимистъ Леонъ Дюпонъ, въ своихъ „Souvenirs de Versailles pendant la commune“, приводитъ по поводу занятія воротъ Сен-Клу, чрезвычайно любопытный эпизодъ, подробности котораго не позволяютъ сомнѣваться въ его правдивости. Вотъ, что онъ говоритъ.

21-го мая, въ два часа, Тьеръ со своимъ обыкновеннымъ конвоемъ жандармовъ пріѣхалъ къ Мон-Валерьену, гдѣ его встрѣтилъ Мак-Магонъ, съ утра наблюдавшій за обширнымъ периметромъ между фортомъ Ванвъ и воротами Нёльи. Маршалъ и глава правительства стали прохаживаться въ бастіонѣ, разговаривая о положеніи дня. Тьеръ спрашивалъ, достаточно ли подвинулись осадныя работы для того, чтобы сдѣлать приступъ. Мак-Магонъ отвѣчалъ, что раньше четырехъ дней нельзя ничего предпринять, и что вообще онъ не совѣтовалъ бы брать городъ приступомъ, такъ какъ, не говоря уже о страшныхъ потеряхъ, какія могутъ быть при штурмѣ, надо будетъ опасаться, что солдаты, разъяренные сопротивленіемъ, ворвавшись въ городъ, займутся въ немъ грабежемъ и убійствомъ противниковъ, причемъ могутъ пострадать и мирные жители. Тьеръ въ задумчивости слушалъ эти объясненія и вдругъ спросилъ: „Такъ вы думаете, что было бы благоразумнѣе, если бъ войска вошли въ ворота, а не въ брешь?“ Маршалъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы. Тогда Тьеръ, какъ бы разговаривая самъ съ собою, сказалъ тихо, но такъ, что его слышали окружающіе:

— Кто знаетъ! можетъ быть это и случится!

Не успѣла еще свита бесѣдовавшихъ прибрать коментаріи къ этимъ страннымъ словамъ, какъ вдругъ маршалъ, смотрѣвшій въ подзорную трубу, отнялъ ее отъ глаза, протеръ нѣсколько разъ, опять направилъ на стѣны Парижа и вдругъ вскричалъ:

— Но наши войска уже на стѣнахъ!

Въ то же время въ бастіонъ вошло нѣсколько высшихъ офицеровъ, вооруженныхъ хорошими биноклями, и всѣ они объявили, что видѣли красные панталоны на гласисѣ парижскихъ укрѣпленій. Не было болѣе сомнѣнія: часть войскъ заняла ворота Сен-Клу и окружавшіе ихъ бастіоны. Тьеръ, убѣдившись въ этомъ, началъ прерывистымъ голосомъ давать совѣты маршалу, какія мѣры слѣдуетъ

принять въ такомъ случаѣ. Тотъ отвѣчалъ, что сообразитъ, чтò надо дѣлать. Тьеръ однако продолжалъ настаивать сухимъ и повелительнымъ тономъ. Маршалъ потерялъ терпѣніе и покраснѣвъ отвѣчалъ такъ, что слышали всѣ присутствовавшіе:

— Господинъ президентъ! На мнѣ лежитъ отвѣтственность за борьбу, которая начиная съ этой минуты сдѣлается страшною между войсками, командуемыми мною, и федералистами. Вы можете снять съ меня отвѣтственность, лишить меня командованія, но пока вы оставляете его за мною—я одинъ здѣсь могу отдавать приказанія и, съ вашего позволенія, сейчасъ удаляюсь съ моимъ штабомъ—составить планъ дѣйствій, о которомъ буду имѣть честь вамъ доложить.

Тьеръ, не привыкшій встрѣчать противорѣчія, особенно въ своемъ Мак-Магонѣ, понялъ однако, что въ этомъ случаѣ долженъ уступить, и отправился обратно въ Версаль, пробормотавъ, что маршалъ пользуется всѣмъ его довѣріемъ.

Отчего же инсургенты очистили ворота Сен-Клу и въ нихъ безъ боя вступили версальцы? Леонсъ Лавернъ прямо обвинялъ въ этомъ Ярослава Домбровскаго, которому, 6-го мая, комуна поручила командованіе всѣми федеральными силами праваго берега Сены. Онъ родился около 1833 года на Волыни, воспитывался, въ 1848 году, въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, потомъ вышелъ первымъ въ офицеры генеральнаго штаба; затѣмъ сражался на Кавказѣ и за храбрость былъ награжденъ орденомъ. Стоя съ полкомъ въ Варшавѣ, онъ подготовилъ вмѣстѣ съ польскими патріотами возстаніе 1863 года и, въ особенности, возбуждалъ офицеровъ перейти на сторону инсургентовъ, или по крайней мѣрѣ не сражаться противъ нихъ. Арестованный еще въ 1862 году, онъ просидѣлъ больше года въ варшавской цитадели, и не могъ принять дѣятельнаго участія въ движеніи 1863 года. Приговоренный къ смертной казни, онъ былъ помилованъ и осужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Отправившись къ мѣсту назначенія съ дѣвицею Свидзинскою, пожелавшею раздѣлить съ нимъ изгнаніе, онъ съ ея помощью бѣжалъ съ дороги, скрывался нѣсколько времени въ Петербургѣ, потомъ бѣжалъ за-границу, жилъ въ Швейцаріи и Пруссіи; въ Парижѣ былъ, въ 1865 году, членомъ эмиграціоннаго комитета; въ 1866 г., во время австрійской войны, былъ въ Чехіи и написалъ по-польски сочиненіе „Прусская война 1866 года". Держась панславистскихъ идей, онъ поссорился съ польской эмиграціей и поселился въ Парижѣ. Въ концѣ 1869 года онъ былъ заключенъ въ Мазасъ, гдѣ просидѣлъ восемь мѣсяцевъ и былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ тремя соучастниками, въ поддѣлкѣ русскихъ ассигнацій. Сенскій судъ оправдалъ его, въ іюлѣ 1870 года. Во время осады Парижа, онъ былъ главою польскаго и гарибальдійскаго легіона. Гарибальди звалъ его въ свой отрядъ, но Трошю не пустилъ его улетѣть изъ Парижа на воздушномъ шарѣ. Послѣ капитуляціи Парижа, Домбровскій былъ членомъ центральнаго комитета національной гвардіи, но

не принималъ участія въ революціи 18-го марта. Только послѣ неудачной попытки комунаровъ двинуться на Версаль, онъ былъ назначенъ парижскимъ комендантомъ, на мѣсто Бержере. Это порученіе было дурно принято національною гвардіей, и комуна, чтобы оправдать свое назначеніе, издала прокламацію, въ которой увѣряла, что Домбровскій защищалъ независимость Кавказа, былъ главою польскаго возстанія 1863 года и генераломъ подъ начальствомъ Гарибальди. Въ сраженіяхъ съ версальцами у Нельи, Домбровскій отличился храбростью, и генералъ Винуа писалъ, что его войска много терпѣли отъ энергіи поляка. Несмотря на то, что онъ пользовался расположеніемъ комитета общественнаго спасенія, Домбровскій не настолько былъ преданъ комунѣ, чтобы пламенно желать—погибнуть вмѣстѣ съ нею. „Но онъ, можетъ быть, никогда не почувствовалъ бы въ себѣ инстинкта измѣны, прибавляетъ Дюпонъ, если бы у него не было секретаря Гютцингера". У этого секретаря былъ другъ Вейссе, авантюристъ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и искавшій случая нажиться. Во время имперіи онъ бросался въ разныя предпріятія, темныя и химерическія, и ни въ чемъ не имѣлъ успѣха. Во время войны былъ поставщикомъ башмаковъ для арміи и снабжалъ провіантомъ департаменты, занятые непріятелемъ, вмѣстѣ съ Оскаромъ Планà, депутатомъ, виннымъ торговцемъ и меромъ Коньяка. Совершая разнаго рода покупки, не всегда удачныя, Вейссе задумалъ, чтобы нажиться разомъ, купить, конечно на чужія деньги, кого нибудь изъ комунаровъ. Близко знакомый съ адмираломъ Сессе, другомъ Бартелеми Сент-Илера, секретаря Тьера, Вейссе скоро получилъ удостовѣреніе, что правительство не прочь купить доступъ въ Парижъ, черезъ какія нибудь ворота, вмѣсто того, чтобы брать ихъ приступомъ. Въ этой сдѣлкѣ Вейссе разсчитывалъ получить хорошій комисіонерскій процентъ, не говоря о благодарности отечества за патріотическое стремленіе—положить конецъ братоубійственной войнѣ. Онъ началъ убѣждать перейти на сторону версальцевъ батальонныхъ командировъ національной гвардіи, недовольныхъ комуною. Двое изъ нихъ, Кадоръ, командиръ 8-го, и Шерве—165-го баталіона, склонились на его сторону. Полковникъ Ганри Прудомъ, начальникъ штаба генерала Бержере и военной школы, готовъ былъ передать эту школу, префектуру и ратушу, но требовалъ, чтобы версальское правительство сдѣлало нѣкоторыя уступки. Изъ Версаля отвѣчали, что Тьеръ отказывается произвести сильную диверсію на самый центръ Парижа и разсчитываетъ ограничиться уступкою однихъ или двухъ воротъ, находящихся въ завѣдываніи генерала Домбровскаго.

Тогда Вейссе принялся дѣйствовать на секретаря его. Гютцингеръ являлся то на одну, то на другую изъ семи квартиръ, занимаемыхъ въ Парижѣ Вейссе, разсказывалъ о неподкупности своего генерала, о неблагодарности къ нему комуны, о его планахъ всемірной республики и стремленіи къ диктатурѣ. Наконецъ, устро-

илось свиданіе между Вейссе и самимъ Домбровскимъ, въ отелѣ на Вандомской площади (Дюпонъ входитъ въ малѣйшія подробности относительно квартиръ, костюма, обстановки дѣйствующихъ лицъ, ихъ бесѣды и говоритъ дальше, отъ кого именно узналъ все это). Вейссе на свиданіи держалъ себя строго, говорилъ мало, ждалъ предложеній. Домбровскій разсыпался въ упрекахъ комунѣ, представляя ее въ самомъ отвратительномъ видѣ: „Это люди, покрытые грязью и кровью, подлецы съ инстинктами тигра... Про меня скажутъ, что я продался... Пусть говорятъ! Я рискую своей головою. Меня могутъ разстрѣлять, убить измѣнническимъ образомъ. Надо, по крайней мѣрѣ, чтобы я оставилъ кусокъ хлѣба моей женѣ и дѣтямъ".

Эти слова, какъ и подробности всего разсказа, Дюпонъ взялъ изъ брошюры, вышедшей въ 1873 году въ Брюселѣ, подъ названіемъ „Un episode de la Commune et du gouvernement de M. Thiers". Этотъ „Эпизодъ комуны и правительства Тьера" написанъ г-жею Форсан-Вейссе, вдовою самого Вейссе, не имѣвшею никакихъ причинъ лгать на обоихъ покойниковъ: своего мужа и Домбровскаго.

На свиданіи заговорщиковъ не было однако рѣшено ничего положительно. Уговорились только о суммѣ: мильонъ генералу, триста тысячъ франковъ Гютцингеру и его друзьямъ-комисіонерамъ, двѣсти тысячъ другимъ лицамъ. Переговоры о томъ, какъ произвести уплату и какими бумагами, продолжались. Вейссе, являвшійся нѣсколько разъ въ вандомскій отель, сталъ казаться тамъ подозрительнымъ. Свиданія продолжались въ наемной каретѣ, кучеръ которой былъ преданъ Вейссе. Но этотъ комисіонеръ имѣлъ неосторожность отвезти секретаря въ той же каретѣ по дорогѣ въ Версаль, чтобы тамъ представить его кому слѣдуетъ. Шпіоны комуны узнали Гютцингера. Комитетъ общественнаго спасенія, какъ мѣру безопасности, назначилъ гражданскихъ комисаровъ къ тремъ генераламъ иностраннаго происхожденія на службѣ комуны: Ла-Сесилія, Домбровскому и Врублевскому. Вейссе не потерялъ однако бодрости и продолжалъ вести переговоры, прибѣгая къ переодѣваніямъ и перенеся центръ своихъ операцій въ Сен-Дени, въ гостинницу „Бѣлаго Кролика". Онъ возбудилъ подозрѣніе и въ одну изъ его квартиръ явились агенты комуны, чтобы арестовать его. Не найдя хозяина, они захватили его жену и друга его Гюттена; послѣдній успѣлъ бѣжать, но г-жу Вейссе заперли въ тюрьму Сен-Лазаръ. Мужъ ея, въ это время, окончательно условился съ Домбровскимъ, обѣщавшимъ за полтора мильона открыть версальцамъ ворота Сен-Клу, Пуан-дю-жура и Отейля. Послѣднее свиданіе должно было произойти въ „Бѣломъ Кроликѣ". Гютцингеръ отправился туда, чтобы получить отъ Вейссе часть суммы въ задатокъ. Секретарь ѣхалъ на прекрасномъ арабскомъ жеребцѣ изъ бывшихъ императорскихъ конюшенъ. По дорогѣ ему попался пьяный офицеръ комуны съ патрулемъ, заподозрилъ его въ шпіонствѣ и велѣлъ отвести въ центральный комитетъ. Тамъ, не

счастію былъ самъ Домбровскій и приказалъ освободить Гютцингера. Но время уже было потеряно и свиданіе отложено на другой день, 20 мая. Условились свидѣться на нейтральной почвѣ, на равнинѣ Сент-Уана. Объ этомъ узнала г-жа Мюллеръ, жена привратника въ домѣ, гдѣ жилъ Вейссе—и, вѣроятно, донесла комунѣ. Домбровскій между тѣмъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ сдачѣ трехъ воротъ. Утромъ онъ отправилъ къ нимъ Гютцингера съ приказаніемъ—прекратить артилерійскій огонь, опустить подъемные мосты, а войскамъ отступить къ пунктамъ, удаленнымъ отъ ограды. Секретарь исполнилъ это порученіе и на томъ же арабскомъ конѣ отправился черезъ сент-уанскія ворота на встрѣчу Вейссе, ждавшему его у аванпостовъ. Вейссе пріѣхалъ на свиданіе въ маленькомъ купе, со своимъ другомъ, Оскаромъ Планà, но вышелъ изъ экипажа, а тотъ остался ждать его возвращенія. Вейссе и Гютцингеръ, оставившій свою лошадь, сошлись на открытой равнинѣ, гдѣ ихъ можно было видѣть издалека.—Привезли деньги? спросилъ секретарь.—Вотъ они, отвѣчалъ агентъ, передавая пачку банковыхъ билетовъ въ 20 тысячъ, а гдѣ свободный пропускъ? Гютцингеръ отдалъ ему бумаги, разсказалъ о распоряженіяхъ Домбровскаго и они пошли, разговаривая, къ мѣсту, гдѣ секретарь оставилъ свою лошадь, чтобы вернуться по домамъ. Планà слѣдилъ за ними изъ окна кареты. Вдругъ кучеръ его закричалъ: „спасайтесь! господина Вейссе арестуютъ“ и въ ту же минуту ударилъ по лошадямъ, помчавшимся по дорогѣ къ Версалю. Вслѣдъ имъ зажужжали пули изъ револьвера, но попали только въ экипажъ. Гютцингеръ и Вейссе были схвачены и приведены къ Теофилу Ферре. Свирѣпый комунаръ приказалъ отвести секретаря Домбровскаго въ тюрьму, для производства надъ нимъ слѣдствія, а Вейссе, какъ уличеннаго въ сношеніяхъ съ версальцами и въ шпіонствѣ, разстрѣлять немедленно. Приговоръ надъ несчастнымъ былъ исполненъ на Новомъ мосту. Гютцингеръ, воспользовавшись безпорядкомъ при вступленіи версальцевъ въ Парижъ, успѣлъ уйти изъ тюрьмы и скрыться. Домбровскій, видя, что замыселъ его не удался, искалъ смерти на барикадахъ. Раненый смертельно на барикадѣ Орнана, онъ умеръ въ госпиталѣ Ларибуазьера, не получивъ даже и тѣхъ двадцати тысячъ франковъ, которыя были вручены его секретарю.

Ручаться за совершенную точность этого разсказа конечно нельзя, хотя онъ весьма правдоподобенъ. Что извѣстное пространство городской ограды у воротъ Сен-Клу, Пуан-дю-жура и Отейля оставалось 21 мая безъ защитниковъ, фактъ этотъ не подверженъ сомнѣнію. Дюкатель узналъ объ этомъ случайно и рѣшился, подвергая опасности свою жизнь, сообщить объ этомъ версальскимъ войскамъ. За тремя ротами въ Парижъ вошла дивизія Дуэ. Мак-Магонъ приказалъ и всей арміи слѣдовать этимъ же путемъ. Въ Версалѣ узнали объ этомъ вечеромъ. Крики въ честь Тьера и арміи раздались по городу. Въ восемь ча-

совъ собрались въ залахъ президента депутаты, поклонники, чиновники во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Тьеръ поздно сѣлъ обѣдать и вышелъ къ посѣтителямъ только въ десять часовъ, со свитою генераловъ. Онъ принималъ поздравленія съ видомъ побѣдителя и повторялъ всѣмъ заученую фразу: „мы вошли въ городъ раньше, чѣмъ я предполагалъ: лучше исполнить больше чѣмъ обѣщаешь, нежели обѣщать болѣе, чѣмъ можешь исполнить". Въ 11 часовъ Тьеръ ушелъ спать. Радость въ Версалѣ была всеобщая.

Радоваться было однако же рано. Войска были, конечно, въ Парижѣ, но владѣли только самою незначительною частью его, между тремя воротами. Здѣсь они встрѣтили незначительное сопротивленіе, повстрѣчали въ своемъ обходномъ движеніи такія барикады, которыя пришлось бы брать съ огромными потерями, еслибы надо было атаковать ихъ съ передняго фаса. А такими барикадами усѣянъ былъ почти весь городъ. Въ ночь на 22 мая инсургенты успѣли опомниться отъ неожиданнаго появленія версальцевъ въ Парижѣ и бросились въ барикадамъ. Загремѣли батареи, воздвигнутыя ими у Монмартра, на площади Согласія, близь Тюльери. Подвигаясь медленно впередъ, версальцы заняли Елисейскій дворецъ, разрушили громадную барикаду на площади Эйлау, захватили ворота Дофина. Другую барикаду на углу улицъ Анжу и Сюзенъ они могли взять неиначе, какъ обойдя ее садами и черезъ дома. Сильное сопротивленіе встрѣтили они и при занятіи церкви св. Августина, площадей Курсельской, Ваграмской, св. Фердинанда. Овладѣвъ военною школою, захватили 200 пушекъ, огромный складъ пороху, разныхъ припасовъ, амуниціи, но вообще весьма недалеко подвинулись къ центру города. На слѣдующій день были взяты вершины Монмартра, съ большимъ трудомъ и большими потерями. Войска начали атаку въ четыре часа утра и только во второмъ часу удалось овладѣть главною крѣпостью комуны, центромъ возстанія, грозною позиціею, съ которой инсургенты могли разрушить весь Парижъ. Здѣсь было захвачено болѣе ста пушекъ и большіе склады оружія. Къ вечеру, 23 мая, дивизіи версальской арміи, дѣйствуя съ разныхъ сторонъ, заняли уже огромный входящій уголъ, вершина котораго перешла за центръ города.

Что же дѣлала въ это время комуна? Официіальная газета ея отъ 22 мая не говоритъ ни слова о вступленіи въ Парижъ версальцевъ и только приглашаетъ гражданъ „идти на врага. Пусть ваша революціонная энергія докажетъ, что можно продать Парижъ, но нельзя его ни сдать, ни побѣдить. Комуна полагается на васъ, положитесь на нее". Только на слѣдующій день газета признается, что „ворота Сен-Клу были сданы измѣною и взяты версальцами, занявшими часть парижской територіи. Этою же прокламаціею парижане приглашались не уклоняться отъ борьбы, „такъ какъ эта борьба будущаго противъ прошедшаго, свободы противъ деспотизма, равенства противъ монополіи, братства противъ рабства, солидарности народовъ

противъ эгоизма притѣснителей". За этими громкими фразами слѣдовали практическіе совѣты: устраивать барикады, съ которыми Парижъ непобѣдимъ, уничтожить по улицамъ мостовыя и камни, втащить ихъ въ верхніе этажи и на балконы, чтобы бросать въ непріятеля и пр. Прокламаціи офиціальной газеты отъ 24-го мая (3 преріаля) гораздо энергичнѣе, но короче; онѣ приглашаютъ версальскихъ солдатъ оставить „аристократовъ, привилегированныхъ лицъ, палачей человѣчества, монархистовъ, пьющихъ вашу кровь, какъ они пьютъ нашъ потъ, и присоединиться къ народу, который приметъ ихъ съ радостью"; другими прокламаціями комитетъ общественнаго спасенія разрѣшаетъ начальникамъ барикадъ входить во всѣ дома и брать изъ нихъ все, что необходимо для обороны. Газета не печатала однако приказовъ, которые комуна отдавала своимъ генераламъ: „взрывать или сожигать всѣ дома, мѣшающіе системѣ защиты, и раздавать всѣ вещи, взятыя въ этихъ домахъ защитникамъ комуны". Въ приказѣ, данномъ начальнику барикады улицы Шато д'о, гражданину Жаке, найденномъ на его трупѣ, сказано, что гражданинъ Жаке имѣетъ право требовать отъ всѣхъ—предметовъ полезныхъ для устройства барикадъ, и что „граждане и гражданки, которые откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи, имѣютъ быть немедленно разстрѣляны". Несмотря на отчаянное положеніе комуны, она предлагала, отъ имени центральнаго комитета, распущеніе національнаго собранія, удаленіе регулярной арміи изъ Парижа на разстояніе 25 верстъ, избраніе временного правительства, и тому подобныя несбыточные компромисы, и непереставала лгать въ своихъ прокламаціяхъ, печатая еще 24 мая, что, несмотря на отчаянныя усилія версальцевъ, они ни на дюймъ не подвинулись впередъ и отражены вездѣ, гдѣ только осмѣлились показаться. Прокламація прибавляла, что „большее число солдатъ уже перешло въ наши ряды; товарищи ихъ послѣдуютъ толпою этому примѣру и въ арміи Тьера останутся одни жандармы".

Эта ложь, заставлявшая ослѣпленныхъ падать массами на барикадахъ, подъ ударами разъяренныхъ солдатъ, была, однако, послѣднею. 24 мая вышелъ послѣдній нумеръ офиціальной газеты комуны. Это былъ однако самый ужасный день въ исторіи этой революціи. Въ ночь на это число комуна начала жечь Парижъ. Одновременно запылали: дворецъ почетнаго легіона, контрольная палата и государственный совѣтъ, затѣмъ Тюльери, а утромъ пожаръ угрожалъ Лувру и его картинной галереѣ. Утромъ же загорѣлись министерство финансовъ, Пале-рояль, улицы Риволи, дю-Бакъ, площадь Круа-ружъ, потомъ дворецъ министерства юстиціи, лирическій театръ и ратуша. Все теченіе Сены, начиная отъ законодательной палаты, было въ огнѣ; воздухъ былъ пропитанъ гарью и наполненъ пепломъ, неба невидать изъ за дыма. Къ этой ужасной картинѣ присоединялись взрывы, происходившіе въ отдѣльныхъ домахъ кварталовъ Сорбоны и Пантеона. Мак-Магонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы не дать

распространиться пожарамъ и въ особенности спасти Луврь. На разсвѣтѣ корпусъ генерала Сиссе занялъ школу изящныхъ искуствъ, институтъ, монетный дворъ, уничтожилъ барикады въ улицѣ Тарань и завладѣлъ Люксембургомъ, подъ градомъ ядеръ съ барикадъ улицы Суфло. Другая дивизія окружила съ трехъ сторонъ Пантеонъ, и инсургенты бѣжали изъ него, устилая улицы трупами. На правомъ берегу Сены, корпусъ Дуэ занялъ Вандомскую площадь, Пале-рояль и Тюльери, остановивъ дѣйствіе огня, переходившаго на Луврь. Другія колоны очистили отъ инсургентовъ банкъ, биржу, почтамтъ, церковь св. Евстафія, консерваторію, учетную контору, дебаркадеръ сѣверной и восточной дороги. Вездѣ надо было брать съ большими потерями громадныя барикады. На нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на бульварахъ Орнана и Рош-шуаръ, инсургенты, прогнанные войсками, возвращались и снова пытались овладѣть ими, но безуспѣшно. Къ вечеру этого дня большая половина Парижа была уже въ рукахъ версальцевъ и Мак-Магонъ перевелъ свою главную квартиру въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Внѣ стѣнъ Парижа, 25-го мая, были взяты форты Монружъ, Бисетръ, Иври и нѣсколько редутовъ. Внутри Парижа инсурекція была оттѣснена въ менильмонтанскій и бельвильскій кварталы, но, отступая, комунары зажигали нѣкоторыя занимаемыя ими зданія. Такъ, они сожгли складъ гобеленовскихъ обоевъ, запасные магазины; и др., вездѣ оставляя массу плѣнныхъ, но еще болѣе убитыхъ. Въ этотъ день армія заняла всѣ мосты на Сенѣ, дебаркадеры орлеанской и ліонской дороги, ботаническій садъ, тюрьму Мазасъ, національную типографію, театръ „Folies dramatiques“, таможню, консерваторію искуствъ и ремеслъ и пр. Къ вечеру весь лѣвый берегъ Сены былъ очищенъ отъ барикадъ и инсурекціи. На рѣкѣ большую помощь войскамъ оказали канонерскія лодки, стрѣлявшія картечью по инсургентамъ и содѣйствовавшія занятію мостовъ. На другой день взяты были самыя крѣпкія позиціи и барикады комунаровъ на площадяхъ Трона, Бастиліи, Шато д'о, въ ротондѣ Вильеты, но онѣ дорого стоили версальцамъ; многія изъ нихъ пришлось брать не иначе, какъ съ помощію артилеріи; занявъ площадь Трона, войска не могли удержаться на ней подъ огнемъ сосѣднихъ батарей и должны были, отступивъ, стать бивакомъ въ ближайшихъ улицахъ. Здѣсь былъ убитъ генералъ Леруа. Инсургенты, отступая, сожгли таможенные магазины и сахарный заводъ. Къ 27-му мая, въ ихъ власти оставались только возвышенности Шомона и кладбище отца Лашеза. Съ этихъ мѣстностей огонь наносилъ большія потери войскамъ, но, воздвигнувъ батареи на Монмартрѣ, версальцы открыли въ свою очередь губительный огонь по Шомону. Онъ былъ вскорѣ взятъ со множествомъ пушекъ и большими запасами снарядовъ. Но и въ этотъ день, хотя и утвердившись на кладбище отца Лашеза, войска не успѣли занять всѣхъ позицій инсургентовъ. На другое утро взята огромная барикада въ улицѣ Гаксо,

причемъ захвачено много пушекъ и 2.000 плѣнныхъ. При занятіи тюрьмы Ларокетъ, освобождены 189 заложниковъ; 64 были наканунѣ разстрѣляны комунарами. Они хотѣли взорвать церковь св. Амвросія, но войскамъ удалось перерѣзать проволоку, соединявшую бочки пороха съ галванической батареей. По занятіи бельвильской церкви, были взяты всѣ барикады въ улицѣ Парижа; число плѣнныхъ увеличивалось съ каждымъ шагомъ войска. Послѣ взятія госпиталя св. Людовика, послѣднею пала большая барикада Тампльскаго предмѣстья. Въ три часа пополудни прекратилось всякое сопротивленіе. Возстаніе было подавлено. Только Венсенскій фортъ оставался во власти инсургентовъ, но сдался на другой день, по требованію арміи.

Она дѣйствительно сдѣлала много въ полтора мѣсяца осады и упорной восьмидневной битвы на улицахъ Парижа. Ей удалось подавить самую грозную изо всѣхъ революцій. Войска произвели значительныя осадныя работы, вырыли 40 верстъ траншей, воздвигли 80 батарей, вооруженныхъ 350-ю пушками, овладѣли пятью фортами, сильно вооруженными и защищаемыми отчаянно множествомъ фортификацій, а въ самомъ Парижѣ огромнымъ числомъ барикадъ и укрѣпленій и многочисленною артилеріей. Распространеніе пожаровъ было остановлено, предупреждены взрывы и подкопы. Потери инсурекціи были громадны; однихъ плѣнныхъ захвачено 25 тысячъ, 1.600 пушекъ и болѣе четырехсотъ тысячъ ружей. Уличныя войны всегда губительны для осаждающихъ, но армія съумѣла избѣжать большихъ потерь, потому что не шла на-проломъ, на барикады, не лѣзла на батареи, а обходила ихъ, стараясь вездѣ обойти укрѣпленія и подавить инсургентовъ численностью войскъ. По официальнымъ цифрамъ, вся потеря войскъ во время этой междоусобной войны простиралась до 513 офицеровъ и 6.967 солдатъ, выбывшихъ изъ строя убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Эта цифра дѣйствительно не велика, если даже увеличить ее вдвое и сравнить съ нею потери комунаровъ и ихъ отчаянное сопротивленіе. Только въ немногихъ мѣстахъ, и въ первый день вступленія арміи въ городъ, сопротивленіе было слабое со стороны Булонскаго лѣса, между воротами Мальо и Дофина. Поэтому, обвиняли въ измѣнѣ нѣкоторые батальоны федералистовъ и, въ особенности, 113-ый. 22-го мая Трокадеро былъ занятъ войсками, прежде чѣмъ инсургенты могли приготовиться къ защитѣ. То же случилось на крутыхъ барикадахъ Тріумфальной арки Звѣзды, откуда комунары бѣжали въ безпорядкѣ, а версальцы оборотили пушки противъ батарей, воздвигнутыхъ на терасѣ Тюльери.

Клюзере сильно настаивалъ на томъ, чтобы въ трехугольникѣ между Трокадеро, аркой Звѣзды и площадями Эйлауской и Ваграмской была устроена вторая линія летучихъ укрѣпленій, но комуна, по своей безпечности, не успѣла устроить этой линіи и, при вступленіи версальцевъ въ Парижъ, принуждена была отступить за барикады, воздвигаемыя на скорую руку, такъ какъ заранѣе устроенныхъ

барикадъ было не много. Но и импровизованныя стѣны поднимались быстро; надъ ними работали съ лихорадочною поспѣшностью даже дѣти и женщины. Рѣдкихъ прохожихъ заставляли помогать комунарамъ. На площади Шателе двѣ женщины въ красныхъ шарфахъ, съ револьверомъ въ рукѣ, принуждали другихъ приходившихъ туда женщинъ, особенно получше одѣтыхъ, таскать камни для работавшихъ на барикадѣ. Передвиженія войскъ были однако такъ удачно комбинированы, что сильныя барикады брались въ обходъ, а слабыя тотчасъ же уничтожались. На иныхъ находили трупы женщинъ въ мундирахъ національной гвардіи. При отступленіи комунаровъ на Пантеонъ, инженерный капитанъ успѣлъ перерѣзать фитиль, по которому уже бѣжалъ огонь къ подкопу, который долженъ былъ взорвать это зданіе. Барикада въ улицѣ Ге-Люссакъ защищалась долго и упорно. Здѣсь же погибъ Рауль Риго, прокуроръ комуны.

Это была замѣчательная личность. Отецъ Рауля, муниципальный совѣтникъ, далъ сыну блестящее воспитаніе. Отличный математикъ, Рауль жилъ уроками и работалъ въ опозиціонныхъ журналахъ, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ демонстраціяхъ Латинскаго квартала, въ волненіяхъ школы правовѣдѣнія и медицины. Взятый полиціей за участіе въ тайномъ обществѣ, онъ былъ однако выпущенъ по недостаточности уликъ. Риго отличался рѣзкостью сужденій и цинизмомъ выраженій, часто остроумныхъ, но еще чаще переходившихъ границы приличія. Вѣчно враждуя съ полиціей явною и тайною, онъ преслѣдовалъ ее своими сарказмами и открывалъ всѣ ея планы. Въ 1869 году онъ высидѣлъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ съ Гальяромъ и Ферре, за уличные безпорядки и сопротивленіе властямъ, а въ іюлѣ 1870 года былъ присужденъ къ 150-ти франкамъ пени и четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за брошюру „Великій заговоръ, мелодрама плебисцита". Сотрудникъ „Марсельезы", онъ послѣ революціи 4-го сентября былъ сдѣланъ полицейскимъ комисаромъ. Враждуя съ правительствомъ народной обороны, онъ участвовалъ въ манифестаціи 31-го октября и, когда она не удалась, вышелъ въ отставку. Сдѣлавшись сотрудникомъ газеты Бланки „Отечество въ опасности", онъ помѣстилъ въ ней нѣсколько любопытныхъ этюдовъ объ агентахъ императорской полиціи. Выбранный членомъ комуны, онъ началъ управлять префектурой полиціи, вмѣстѣ съ Дювалемъ, завѣдывавшимъ военнымъ отдѣломъ. Но когда Дюваль, во время вылазки 4-го апрѣля, былъ взятъ въ плѣнъ версальцами и растрѣлянъ, Риго сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ. Какъ членъ исполнительной комисіи и делегатъ по надзору за общественной безопасностью, онъ арестовалъ и посадилъ въ тюрьму столько народа, что даже комуна распорядилась осмотромъ заключенныхъ и принятіемъ отъ нихъ жалобъ. Риго, обидѣвшись этимъ, вышелъ въ отставку и сдѣланъ былъ прокуроромъ, но по-прежнему имѣлъ большое вліяніе на полицію, гдѣ былъ делегатомъ другъ его Ферре. На засѣда-

ніяхъ комуны онъ предлагалъ и принималъ всегда самыя крайнія мѣры; запрещеніе газетъ происходило по его почину. Онъ обличалъ своихъ товарищей въ слабости и нерѣшительности, арестовалъ члена комуны Аликса и не хотѣлъ выпустить его, несмотря на приказаніе комуны. При вступленіи арміи въ Парижъ, Риго вмѣстѣ съ Режеромъ было поручено исполненіе казни заложниковъ. 23-го мая онъ отправился въ тюрьму Сент-Пелажи и приказалъ при себѣ растрѣлять республиканца Густава Шоде, 56-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ другими заключенными. Убійство Шоде нельзя было ничѣмъ оправдать. Даровитый адвокатъ, сотрудникъ „Прессы“, одинъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1848 года, посаженный въ тюрьму и изгнанный изъ Франціи во время государственнаго переворота 1851 года, другъ Прудона, меръ во время республики, сотрудникъ газеты „Siècle“, онъ былъ взятъ 13-го апрѣля въ редакціи, по доносу Вермерша, редактора „Отца Дюшена“ за то, что не допустилъ толпу овладѣть ратушею 22-го января 1871 года. Заключенный въ Мазасъ, онъ былъ переведенъ потомъ въ Сент-Пелажи и разстрѣлянъ безъ всякаго суда. Рауль Риго самъ командовалъ стрѣлявшими, потомъ отдалъ приказаніе зажечь Тюльери, Пале-рояль и министерство юстиціи и самъ присутствовалъ при сожженіи домовъ Круа-Ружа. На другой день онъ отправился въ улицу Ге-Люссакъ, гдѣ жила его любовница, актриса театра „Délassements comiques“. Но барикада у ея дома была уже взята и солдаты, видя какъ онъ входилъ въ домъ въ мундирѣ баталіоннаго командира національной гвардіи, выстрѣлили въ него, но, не попавъ въ него, бросились за нимъ въ домъ. Онъ сдался безъ сопротивленія, назвалъ себя и отдалъ свой револьверъ. Его повели въ Люксенбургъ. По дорогѣ имъ встрѣтился офицеръ генеральнаго штаба, спросившій у плѣнника его имя. Тотъ отвѣчалъ: „Кончайте со мною! Долой убійцъ! Да здравствуетъ комуна!“ Офицеръ выстрѣлилъ ему въ упоръ въ голову; сержантъ 38-го полка покончилъ съ несчастнымъ, бившимся въ предсмертныхъ судорогахъ, всадивъ ему еще зарядъ въ грудь. Трупъ комунара, которому не было и 25-ти лѣтъ, оставался неубраннымъ весь день.

Во многихъ улицахъ Парижа сопротивленіе было самое отчаянное. Такъ, близъ Фонтенеблоской заставы, въ Бют-о-Кайль, шесть тысячъ инсургентовъ дрались втеченіе тридцати часовъ, отстаивая эту мѣстность. Чтобы оттѣснить комунаровъ, генералъ Сиссе потребовалъ подкрѣпленія въ три полка и батареи артилеріи. Въ то время когда пожаръ втеченіе пяти дней свирѣпствовалъ въ лучшихъ частяхъ и зданіяхъ Парижа, нѣкоторыя зданія спасены были отъ истребленія очень простымъ средствомъ. Такъ, одинъ изъ чиновниковъ министерства, видя, что туда явились агенты комуны и начали обливать стѣны петролеумомъ, предложилъ имъ удалиться—за опредѣленную сумму, и комунары, взявъ деньги, спокойно ушли изъ министерства. Нѣкоторые кварталы, какъ Сент-Оноре и Сен-Жерменъ,

приняли версальцевъ какъ избавителей; въ послѣднемъ кварталѣ, еще до вступленія въ него солдатъ, національные гвардейцы, не принадлежащіе къ комунѣ, начали драться съ инсургентами.

26-го мая, по взятіи семи барикадъ площади Шато-д'о, дѣло комуны было уже окончательно проиграно, хотя она владѣла еще нѣсколькими мѣстностями, и 27-го мая Тьеръ могъ уже отправить въ департаменты Франціи депешу, возвѣщавшую подавленіе возстанія. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ произнесъ въ національномъ собраніи рѣчь полную трескучихъ эфектовъ, въ которой возвѣщалъ, что „Парижъ возвращенъ своему настоящему властителю Франціи". Крики восторга и рукоплесканія не разъ прерывали эту рѣчь, въ концѣ которой Тьеръ объявилъ, что армія заслужила благодарность отечества. Приверженецъ его Кошери предложилъ распространить эту благодарность и на Тьера. Собраніе все поднялось со своихъ мѣстъ и приняло это предложеніе. Остался сидѣть только одинъ депутатъ, парижскій работникъ Толенъ. Не выйдя въ отставку, какъ другіе депутаты Парижа, Локруа, Розуа, Флоке, Мильеръ, Толенъ не хотѣлъ однако, радоваться взятію своего родного города. Тьеръ, конечно, отвѣчалъ, что выраженная ему благодарность—такая награда, выше которой онъ не можетъ ожидать. Жюль Симонъ предложилъ тотчасъ же возстановить вандомскую колону и искупительную часовню Людовика XVI, разрушенную варварами. Но колона должна быть воздвигнута безъ статуи Наполеона. Туманный ораторъ признавалъ наполеоновскія побѣды, но не виновника ихъ, и противъ этой нелогичности не возражалъ никто, не исключая Тьера, задумавшагося о о чемъ-то въ это время, вѣроятно—о своей собственной апотеозѣ. Побѣдитель комуны ему казался, конечно, выше побѣдителя при Аустерлицѣ. Собраніе постановило, что на колонѣ будетъ „статуя, представляющая Францію". Противъ этого постановленія вотировалъ только одинъ Толенъ.

Кромѣ засѣданія собранія, Версаль былъ въ это время взволнованъ поимкою Рошфора, привезеннаго туда въ ручныхъ кандалахъ, надѣтыхъ также и на его секретаря Муро. Редакторъ Mot d'Ordre, предвидя плохой конецъ комуны и боясь погибнуть вмѣстѣ съ нею, задумалъ бѣжать изъ Парижа еще 20-го мая. Паскаль Груссе далъ ему паспортъ и пропускъ, съ которыми онъ надѣялся пробраться за-границу. Отправившись со своимъ секретаремъ на западную линію желѣзной дороги, которую еще охраняли прусаки, агитаторъ совершенно преобразился: онъ не только обстригъ подъ гребенку свои густые, курчавые волосы, но и сбрилъ свою эспаньолку. Несмотря на это, онъ былъ арестованъ на дебаркадерѣ въ Мо агентами версальскаго правительства, получившаго свѣдѣніе о бѣгствѣ отъ полиціи—самой комуны, какъ увѣряли нѣкоторые. Отрядъ прусскихъ уланъ проводилъ плѣнника до Сен-Жермена, гдѣ генералъ Галифе встрѣтилъ его ругательствами и сожалѣніями, что не можетъ растрѣлять его тотчасъ же. Приве-

зенный въ Версаль, онъ и тамъ былъ встрѣченъ криками: „смерть Рошфору! на фонарь каналью!“ Въ тюрьмѣ прежде всего осмотрѣли его багажъ; онъ былъ не великъ и состоялъ изъ романа Дюма „Три мушкатера“ и ящика съ 250 сигаръ. Директоръ тюрьмы конфисковалъ сигары и, на протестъ заключеннаго, отвѣчалъ, что будетъ выдавать ихъ по одной. Изъ кармановъ Рошфоръ вынулъ много свертковъ съ наполеондорами и драгоцѣнныхъ вещей: булавокъ съ брильянтами, золотыхъ часовыхъ цѣпочекъ, брошекъ, браслетовъ и другихъ принадлежностей женскаго туалета.—Сколько здѣсь денегъ? спросилъ директоръ.—Не знаю, сосчитайте! отвѣчалъ небрежно плѣнникъ, но когда ему сказали, что тутъ десять тысячъ франковъ съ чѣмъ-то, вскричалъ: меня обокрали на двадцать франковъ! Пересчитали снова, и оказалось, что дѣйствительно ошиблись въ одномъ наполеондорѣ. Но тюремный директоръ замѣтилъ Рошфору: „крадутъ здѣсь только тѣ, которые принадлежатъ къ комунѣ“. Драгоцѣнныя вещи были оцѣнены приблизительно въ 18 тысячъ франковъ.

Первый допросъ, снятый съ Рошфора, показалъ, что дѣло его можетъ принять очень дурной оборотъ. Полицейскій комисаръ обвинялъ его, между прочимъ, въ возбужденіи къ ниспроверженію законнаго правительства, къ грабежу и убійствамъ, а за это законъ опредѣлялъ смертную казнь. Агитаторъ упалъ духомъ и потребовалъ къ себѣ тюремнаго священника. Неизвѣстно, успѣлъ ли абатъ Фолле успокоить плѣнника, но тотъ вскорѣ получилъ извѣстіе, что преступленія его противъ общихъ законовъ искусными юристами отнесены къ числу политическихъ и потому за нихъ полагается меньшая степень наказанія. За него хлопотали въ самомъ правительствѣ; онъ зналъ все, что дѣлается, не получая газетъ. Сами тюремщики передавали ему письма друзей и однажды инспекторъ тюрьмы перехватилъ письмо Жюля Фавра къ Рошфору. О чемъ писалъ министръ, извѣстно одному Тьеру, которому прислали письмо Фавра. Сидя въ тюрьмѣ, Рошфоръ легитимировалъ дѣтей своихъ: сына и дочь и передалъ имъ свои права и званіе, на законномъ основаніи.

Убійство Шоде и четырехъ жандармовъ было только началомъ страшныхъ неистовствъ комуны, мстившей версальцамъ за взятіе Парижа. Давно уже въ засѣданіяхъ комуны раздавались голоса, требовавшіе казни заложниковъ. Юрбенъ хотѣлъ разстрѣлять десять человѣкъ, выведя ихъ на аванпосты, чтобы версальцы видѣли ихъ смерть. Амурў требовалъ, чтобы за каждаго убитаго комунара казнили троихъ, преимущественно поповъ, „такъ какъ ими дорожатъ больше чѣмъ солдатами“. И убійцы начали съ поповъ. Четырнадцать доминиканцевъ, священниковъ и професоровъ въ училищѣ Альберта великаго были арестованы еще 19-го мая и заперты въ Бисетръ. У нихъ отняли все, даже молитвенники. 25-го мая утромъ, ихъ повели въ мерію, объявили, что оттуда выпустятъ на свободу, но заперли въ дисциплинарную тюрьму, въ улицѣ Италіи. Часа въ два, Серизье,

командиръ 101-го батальона національной гвардіи, вошелъ къ нимъ со словами: „эй, вы, рясы! вставайте, васъ отведутъ на баррикады!“ Ихъ хотѣли поставить на баррикадѣ, чтобы остановить залпы и напоръ версальцевъ, но противъ нее открыли такой сильный огонь, что комунары не рѣшились идти впередъ и опять заперли несчастныхъ въ тюрьму. Часа въ четыре послѣдовалъ новый приказъ Серизье: выходить поодиночкѣ на улицу. Несчастныхъ окружили комунары, при нихъ же зарядившіе ружья. „Пойдемте, дѣти мои, во имя Божіе!“ сказалъ пріоръ доминиканцевъ и вышелъ первымъ. Раздались выстрѣлы: выходившіе монахи одинъ за другимъ падали подъ пулями. Спаслось только двое; они упали на землю и притворились мертвыми. Двѣнадцать тѣлъ были найдены по занятіи улицы версальцами. Это было ничѣмъ неоправдываемое убійство ни въ чемъ невиновныхъ монаховъ.

Еще менѣе были, конечно, виноваты зданія, и однако комунары положительно намѣревались сжечь весь Парижъ. Не ихъ вина, если это имъ не удалось. Они зажигали Лувръ нѣсколько разъ, но сторожа успѣвали гасить огонь и ввести во дворецъ нѣсколько солдатъ, начавшихъ стрѣлять по зажигателямъ, которые успѣли разстрѣлять только двухъ привратниковъ и обратились въ бѣгство, думая вѣроятно, что Лувръ уже заняли значительныя силы версальцевъ. Погибла только драгоцѣнная луврская библіотека. Комунары, ворвавшись къ привратнику, потребовали, чтобы онъ разлилъ петролеумъ по заламъ, или онъ будетъ немедленно разстрѣленъ.—„Разстрѣливайте! отвѣчалъ привратникъ, но я не стану жечь библіотеку“. Жена его выказала такую же твердость. Зажигатели стали переговариваться между собою, потомъ заперли мужа и жену въ ихъ комнаткѣ и, сказавъ:—мы не разстрѣляемъ васъ, но вы все равно изжаритесь вмѣстѣ съ книгами! зажгли библіотеку, гдѣ погибло болѣе ста тысячъ книгъ, рѣдкихъ изданій, рукописей, историческихъ документовъ. Только чудомъ запертые супруги спаслись отъ смерти, при пожарѣ библіотеки. Въ Мазасѣ было до пятисотъ заключенныхъ; 25-го мая ихъ выпустили на свободу, но они очутились на баррикадахъ, воздвигнутыхъ вокругъ тюрьмы. Тамъ ихъ принуждали принять участіе въ битвѣ, многіе отказывались и ихъ тотчасъ разстрѣливали; другіе притворно соглашались защищать баррикады и потомъ, при удобномъ случаѣ, бѣжали съ нихъ; нѣкоторые, наконецъ, остались въ тюрьмѣ и спаслись съ приходомъ войскъ. Директоръ тюрьмы, креатура комуны, объявилъ своимъ подчиненнымъ, чтобы они всѣ уходили, такъ какъ тюрьма будетъ взорвана. Сторожа дѣйствительно подтвердили, что ночью бочки съ порохомъ были зарыты въ саду и положены въ сточныя трубы. Но одинъ изъ заключенныхъ, Баконъ, уговорилъ однако тюремщиковъ запереть ворота и никого не впускать въ нихъ, а директора тюрьмы арестовать какъ заложника и ждать окончанія борьбы. Такимъ образомъ продержались они до появленія версальцевъ, хотя инсургенты нѣсколько разъ порывались ворваться въ

тюрьму и стрѣляли въ окна. Только быстрота, съ какою армія занимала одну часть города за другою, спасала его отъ разрушенія. Вотъ какой приказъ найденъ былъ на трупѣ Делеклюза: „Гражданинъ Мильеръ, въ главѣ 150-ти человѣкъ ракетной команды (les fusées) зажжетъ подозрительные дома и публичные монументы на лѣвомъ берегу. Гражданину Дерёру съ 100 поручены 1-й и 2-й округъ; гражданину Бильоре, также съ 100—9-й, 10-й и 20-й округъ; гражданину Везинье съ 50-ю поручаются спеціально бульвары отъ Магдалины до Бастиліи. Эти граждане должны войти въ соглашеніе съ начальниками барикадъ для обезпеченія приведенія въ дѣйствіе этихъ приказаній. Парижъ, 3 преріаля, года 79. Подписано: Делеклюзъ, Режеръ, Ранвье, Жоаннаръ, Везинье, Брюнель, Домбровскій". Надзоръ за поджигателями былъ порученъ вольнымъ стрѣлкамъ комуны, носившимъ мундиръ пѣшихъ егерей. Они руководили поджогами, передавали приказанія комуны, недопускали тушить пожаръ, разстрѣливали пожарныхъ, являвшихся на помощь. Труднѣе всего имъ было сжечь Тюльери. До двадцати разъ они возвращались ко дворцу съ бочками петролеума и поддерживали огонь, часто потухавшій. Ратушу поджигали такъ усердно, что, замѣшкавшись въ ея безчисленныхъ переходахъ, многіе не успѣли уйти вдвремя и погибли въ пламени, при взрывѣ части зданія, подкопаннаго порохомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комунары поступали хуже разбойниковъ. Такъ, ворвавшись въ дома между театрами Амбигю и Сенмартенскихъ воротъ, они разграбили погребъ ресторана Дефьё, а потомъ и всѣ квартиры, предаваясь всякимъ неистовствамъ. Одинъ изъ жильцовъ, не вытерпѣвъ оскорбленія, нанесеннаго его женѣ, ударилъ по щекѣ негодяя. Тогда разсвирѣпѣвшая шайка злодѣевъ начала убивать несчастныхъ, преслѣдуя безоружныхъ по всѣмъ этажамъ, не щадя женщинъ и дѣтей; потомъ они подожгли оба театра и пожаръ этого участка продолжался три дня. Въ поджогахъ участвовало много женщинъ, даже дѣтей. Другія женщины дрались на барикадахъ, одѣтыя солдатами. Одна изъ нихъ, молодая и красивая, на бульварѣ Клиши, убила изъ револьвера офицера и ранила двухъ солдатъ. Ее тутъ же разстрѣляли. Она умерла, осыпая проклятіями правительство. Вообще войско, озлобленное сопротивленіемъ, пожарами и потерею товарищей, не давало никому пощады и безъ суда убивало комунаровъ, захваченныхъ на барикадахъ или въ бѣгствѣ.

Самое сильное впечатлѣніе произвело убійство парижскаго архіепископа и товарищей его заключенія въ Ларокетской тюрьмѣ. Когда войска заняли эту тюрьму, въ ней находилось 169 заложниковъ, ожидавшихъ участи, постигшей уже ихъ товарищей: шестеро изъ нихъ были разстрѣлены вечеромъ 26-го мая; 54 въ ночь на 27-е мая и четверо 27-го вечеромъ. Первыми шестью жертвами были: архіепископъ, первый президентъ суда Бонжанъ, абатъ Дегерри, два іезуита, Клеръ Дюкудре и абатъ Алляръ, отличавшійся самоотверженіемъ в

госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Ротный командиръ 108-го батальона національной гвардіи Виригъ, явившись въ тюрьму, потребовалъ ихъ выдачи, неизвѣстно по чьему приказанію. Ихъ вывели на дворъ тюрьмы. Пока они шли, окруженные убійцами, архіепископъ Дарбуа говорилъ имъ, что они совершаютъ преступленіе, что онъ всегда стоялъ за миръ и согласіе, что онъ писалъ въ Версаль, но не получилъ еще отвѣта, что онъ никогда не былъ противникомъ истинной свободы, но готовъ умереть, поручая себя Богу и прощая своимъ убійцамъ. Онъ едва успѣлъ сказать эти слова, какъ отрядъ выстрѣлилъ въ несчастныхъ, приставленныхъ къ стѣнѣ. По первому залпу упали не всѣ жертвы; послѣдовалъ второй залпъ—и послѣ него остался еще архіепископъ, съ поднятыми къ небу руками. Тогда къ нему подошелъ Виригъ и выстрѣлилъ въ упоръ. Тѣла шести казненныхъ были подъ утро привезены на кладбище отца Лашеза и брошены всѣ вмѣстѣ въ одну яму, безъ гробовъ и савановъ. Виригъ былъ захваченъ въ плѣнъ, черезъ день послѣ убійства, уличенъ въ немъ и тотчасъ же разстрѣленъ. 54 заложника, въ числѣ которыхъ было 14 духовныхъ лицъ и 36 полицейскихъ, были увезены ночью въ улицу Гаксо, гдѣ въ увеселительномъ саду разстрѣлены изъ револьверовъ толпою, состоявшею изъ самыхъ низкихъ подонковъ общества. Тѣла ихъ были брошены тутъ же въ погребъ.

Въ эти печальные дни, когда ненависть между двумя враждующими сторонами разгоралась все съ большимъ озлобленіемъ, было много примѣровъ безпощаднаго и беззаконнаго истребленія съ обѣихъ сторонъ. Но должно сказать, что солдаты, какъ побѣдители, истребили гораздо больше комунаровъ. Несмотря на приказъ Мак-Магона—щадить тѣхъ, кто отдавалъ оружіе, убивали даже тѣхъ, у кого его вовсе не было. Нѣсколько лицъ было разстрѣлено вмѣсто извѣстныхъ членовъ комуны: Бильоре, Ферре, Валлеса и другихъ, хотя погибшіе и увѣряли, что они вовсе не комунары. Встрѣчаются и черты человѣколюбія, на ряду съ безполезной жестокостью. 29-ый линейный полкъ, разстрѣлявъ одного инсургента, захваченнаго съ двумя мальчиками, принялъ ихъ въ число полковыхъ дѣтей. Маркитантку комуны поймали съ ребенкомъ—и съ бутылкою керосина. Капитанъ распросилъ, есть ли у мальчика родные и, получивъ въ отвѣтъ, что отецъ его убитъ и онъ круглый сирота—далъ обѣщаніе усыновить его, а мать разстрѣлялъ.

Уменьшенію пожаровъ содѣйствовалъ дождь, лившій 26-го и 27-го мая, но еще бо́льшую помощь оказали пожарные, прибывшіе со своими инструментами не только изъ многихъ городовъ Франціи, но также изъ Брюселя, Антверпена и Лондона. Вездѣ, гдѣ они являлись заливать еще горѣвшія зданія, имъ помогали сами парижане. Такъ спасены были театръ Шателе, Гобелены, церковь Богородицы, главный госпиталь (Hôtel Dieu), церкви св. Евстафія, Магдалины, Жерве, Троицы, Срѣтенія, министерство иностранныхъ дѣлъ, Сенде-

нискія и Сенмартенскія ворота, Люксембургъ, іюльская колонна и другія сооруженія, болѣе или менѣе пострадавшія отъ пламени. Но между гасителями являлись и ложные пожарные, вмѣсто воды поливавшіе зданія—петролеумомъ изъ своихъ трубъ. Въ двухъ или трехъ случаяхъ эти варварскія продѣлки были обнаружены и виновныхъ разсвирѣпѣвшая толпа разрывала на части, или бросала въ огонь. Между поджигателями были, однако, не одни комунары. Въ поджогахъ принимали участіе личная месть и политическіе разсчеты. Адмиралъ Сессе, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ клеветѣ, призванный свидѣтелемъ въ слѣдственную комисію, прямо объявилъ, что пожаръ Тюльери, ратуши, министерства финансовъ и счетной палаты—дѣло бонапартистовъ. Эти зданія, гдѣ хранилась всякаго рода масса документовъ и отчетовъ, относящихся къ имперіи, одни сгорѣли до-тла. Кому же выгодно было истребленіе всѣхъ документовъ, компрометирующихъ эту позорную эпоху, называемую второю имперіею и ея императора-авантюриста?

Мак-Магонъ приводитъ офиціальную цифру разстрѣленныхъ безъ суда комунаровъ, втеченіе недѣли, въ 15 тысячъ. Генералъ Апперъ считаетъ ее вдвое—но и эта цифра должна быть далека отъ истины. Гибли, какъ всегда и вездѣ, люди безвѣстные, бѣдные, простыя орудія въ рукахъ честолюбцевъ. Изъ вождей и руководителей комуны—бо̀льшая часть бѣжала. Охотно встрѣтили смерть немногіе, не искавшіе спасенія, не ждавшіе помилованія. Въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ старый, талантливый журналистъ и республиканецъ Делеклюзъ. Онъ родился въ 1809 году, былъ замѣчательнымъ юристомъ и съ 1830 года участвовалъ во всѣхъ политическихъ волненіяхъ и заговорахъ. Принужденный бѣжать въ Бельгію въ 1835 году, онъ сталъ издавать въ Шарлеруа газету, потомъ, вернувшись во Францію, сдѣлался редакторомъ „Impartial du Nord". Посаженный въ тюрьму за статьи противъ правительства, онъ въ 1848 году былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціи. Назначенный комисаромъ республики въ сѣверныхъ департаментахъ, онъ вышелъ въ отставку послѣ возстанія 15-го мая и продолжалъ издавать свою газету. Въ ноябрѣ 1848 года онъ основалъ въ Парижѣ двѣ газеты—„Демократическая и соціальная революція" и „Республиканская свобода". Осужденный два раза на уплату двадцати тысячъ пени и на тюремное заключеніе на годъ и три мѣсяца, онъ въ 1850 году бѣжалъ въ Англію и приговоренъ заочно къ ссылкѣ. Газеты его были запрещены. Вернувшись во Францію въ августѣ 1853 года, онъ былъ арестованъ въ октябрѣ, запертъ въ Мазасъ и приговоренъ къ четырехгодичному заключенію за участіе въ тайныхъ обществахъ. Побывавъ на каторгѣ въ Бельилѣ, Корте, Аячіо, Тулонѣ и Брестѣ, онъ исполнялъ, скованный вмѣстѣ съ убійцами, всѣ каторжныя работы. Въ 1858 году, по административному министерскому распоряженію, онъ былъ сосланъ на десять лѣтъ въ Кайенну,

гдѣ нашелъ болѣе гуманное обращеніе, работалъ по счетной части и давалъ уроки. Вернувшись послѣ амнистіи въ Парижъ, онъ основалъ въ 1868 году газету „Le Reveil", въ первый же годъ своего существованія навлекшую на него 7.050 франковъ пени и 15 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Послѣ убійства Пьеромъ Бонапарте журналиста Виктора Нуара, Делеклюзъ употребилъ всѣ усилія, чтобы помѣшать намѣренію Флуранса—нести тѣло убитаго черезъ весь Парижъ на кладбище, что дало бы поводъ солдатамъ—стрѣлять въ народъ, провожавшій тѣло. Вслѣдъ затѣмъ случилось дѣло Межи, когда наполеоновскіе сбиры, привыкшіе, вопреки закона, вторгаться по ночамъ въ частныя квартиры для производства обысковъ, были встрѣчены пистолетными выстрѣлами. Парижскія газеты не осмѣлились явно высказать одобреніе поступку Межи, защищавшему неприкосновенность своего жилища. Одинъ Делеклюзъ напечаталъ въ своей газетѣ апологію мужественному работнику. Судъ приговорилъ редактора къ 18-ти-мѣсячному заключенію, но онъ бѣжалъ въ Брюсель и оттуда продолжалъ издавать газету, запрещенную министромъ, въ августѣ 1870 года, за статьи противъ объявленія войны Пруссіи. Послѣ провозглашенія республики Делеклюзъ, участвовавшій въ возстаніи 31-го октября, былъ избранъ членомъ временного правительства въ ратушѣ, куда вторгся съ инсургентами. Но попытка низвергнуть правительство народной обороны не удалась и Делеклюзъ былъ заперть въ Мазасъ. Когда принуждены были назначить выборы меровъ и ихъ помощниковъ, онъ былъ выбранъ меромъ 19-го округа но его, все-таки, не выпускали изъ тюрьмы до декабря. Въ январѣ 1871 года онъ подалъ въ муниципальномъ совѣтѣ адресъ о смѣнѣ генерала Трошю. Жюль Фавръ воспротивился обсужденію этого адреса и Делеклюзъ вышелъ въ отставку со своими помощниками. Послѣ новой попытки къ возстанію, генералъ Винуа арестовалъ его, что не помѣшало Парижу избрать его своимъ депутатомъ большинствомъ 155.000 голосовъ. Делеклюзъ почти не засѣдалъ въ національномъ собраніи, видя, что большинство его—монархическое. Онъ не участвовалъ и въ революціи 18-го марта и когда его выбрали въ комуну, подалъ въ отставку изъ членовъ собранія. Выбранный въ комитетъ общественнаго спасенія, онъ взялъ на себя, послѣ Росселя, управленіе военными дѣлами и велъ ихъ съ чрезвычайной энергіей, хотя сознавалъ, что борьба не кончится въ пользу комуны. 23-го и 24-го мая онъ работалъ въ меріи 11-го округа, отдавая послѣднія приказанія; 26-го, такъ же, написавъ два письма къ друзьямъ и сестрѣ, въ которыхъ прощался съ ними, пошелъ безъ оружія, въ красномъ шарфѣ на барикаду въ Шато-д'о, осаждаемую версальцами. На бульварѣ Вольтера друзья остановили его, убѣждая не идти на вѣрную смерть.— Я съумѣю умереть, отвѣчалъ онъ, пожавъ имъ руки и медленно поднялся на вершину барикады, откуда тотчасъ же упалъ мертвымъ, пораженный пулею въ лобъ. Такой человѣкъ, какъ Делеклюзъ, не

могъ, конечно, послѣ всего, что было съ нимъ въ жизни, не сдѣлаться членомъ комуны, но не всякій умеръ бы такимъ героемъ, какъ этотъ шестидесяти-двухлѣтній республиканецъ.

Другой журналистъ, 54-хъ лѣтъ, Мильеръ, погибъ въ тотъ же день. Сынъ бочара, онъ до двадцати лѣтъ занимался ремесломъ своего отца, получивъ плохое первоначальное образованіе. Но тутъ въ немъ пробудилась жажда знанія и, послѣ годовыхъ усиленныхъ трудовъ, подвергшихъ опасности его жизнь, онъ получилъ званіе бакалавра, а черезъ четыре года — дипломъ доктора правъ. Успѣхъ встрѣтилъ его и на поприщѣ адвоката, но онъ занялся политическими и экономическими вопросами. Участвуя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, онъ основалъ въ 1869 году газету „Пролетарій" и издалъ томъ „Революціонныхъ этюдовъ". Сосланный послѣ переворота 1851 года въ Алжиръ, онъ пробылъ тамъ до 1859 года. Сотрудникъ Рошфора, въ „Марсельезѣ", онъ писалъ тамъ много статей по соціальнымъ вопросамъ. Замѣшанный въ республиканскій заговоръ, онъ былъ арестованъ. Послѣ 4-го сентября 1870 года, былъ батальоннымъ командиромъ въ національной гвардіи. За участіе въ возстаніи 31-го октября посаженъ въ Мазасъ, откуда освобожденъ вмѣстѣ съ Флураномъ; былъ выбранъ депутатомъ Парижа и отказался отъ этого званія, когда былъ назначенъ членомъ комуны. Ему была поручена защита 5-го округа и онъ велѣлъ подвести подкопы подъ Пантеонъ, но не успѣлъ взорвать его. Мильеръ дрался на барикадѣ, воздвигнутый близъ Пантеона, но когда она была взята, скрылся въ Люксембургскомъ дворцѣ. Тамъ его нашли, но взяли нескоро; онъ защищался отчаянно и выпустилъ въ солдатъ всѣ шесть зарядовъ своего револьвера. Приведенный къ генералу Сиссе, онъ твердо отвѣчалъ на предложенные ему вопросы. Его отвели къ Пантеону и поставили на ступени, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два дня тому назадъ онъ велѣлъ разстрѣлять тридцать національныхъ гвардейцевъ, отказавшихся драться за комуну. Его принудили стать на колѣни. Онъ открылъ грудь и закричалъ: „да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ человѣчество!" Залпъ шаспо прервалъ его... Онъ упалъ, но былъ еще живъ. Офицеръ, нагнувшись къ нему, выстрѣлъ ему въ ухо изъ револьвера. Сержантъ другимъ выстрѣломъ раздробилъ ему черепъ, такъ что Мильеръ былъ совершено обезображенъ и неузнаваемъ.

Въ тотъ же день погибъ членъ комуны и интернаціонали—Варленъ, 30-ти лѣтъ. Искусный переплетчикъ, онъ организовалъ въ 1864 году на митингѣ, въ Лондонѣ, международную асосіацію рабочихъ, а въ 1866 году составилъ въ Женевѣ уставъ новаго общества—интернаціонали, „учрежденной для доставленія центральнаго пункта сообщенія и содѣйствія работникамъ всѣхъ странъ, стремящихся къ одной цѣли—постоянному и полному прогресу рабочаго класса". Одинъ изъ параграфовъ этого устава говорилъ: „нѣтъ обязанностей безъ правъ и нѣтъ правъ безъ обязанностей". Лозанскій конгресъ 1867

года подтвердилъ эти принципы и обнародовалъ законъ о коалиціяхъ, разрѣшавшій рабочимъ составлять стачки. Луи Наполеонъ, покровительствовавшій сначала интернаціонали, испугался ея вліянія—и полиція арестовала Варлена, какъ секретаря французскаго отдѣла интернаціонали. Его обвинили, вмѣстѣ съ другими парижскими членами рабочаго союза—въ принадлежности къ недозволенному обществу и приговорили всѣхъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію и къ пенѣ. Варленъ продолжалъ, несмотря на приговоръ и преслѣдованія, заботиться о развитіи общества, учредилъ отдѣльные комитеты въ департаментахъ и центральное бюро въ Лондонѣ. Въ 1870 году онъ долженъ былъ бѣжать въ Англію и вернулся въ Парижъ послѣ революціи 4-го октября. Организовавъ центральный комитетъ національной гвардіи, онъ подготовилъ возстаніе 18-го марта и былъ выбранъ членомъ комуны, гдѣ завѣдовалъ интендантскою частью, но протестовалъ противъ учрежденія комитета общественнаго спасенія и пересталъ посѣщать засѣданія комуны. Арестованный 25-го мая, онъ былъ разстрѣленъ въ томъ самомъ саду, гдѣ погибли генералы Клеманъ Тома и Леконтъ.

Въ то время, когда главные члены комуны искали спасенія въ бѣгствѣ и немногіе изъ нихъ предпочитали смерть подъ пулями своихъ братьевъ, версальскія тюрьмы наполнялись бѣдняками, захватываемыми всюду, по подозрѣнію, по доносу, изъ предосторожности, часто по личной мести. Всѣ они, конечно, были взяты безъ оружія, потому что съ вооруженными солдаты не церемонились и не давали себѣ труда конвоировать ихъ въ Версаль, а растрѣливали на мѣстѣ. Что плѣнники были большею частью лица незначительныя, доказываетъ одинъ случай. Солдаты услышали разъ, что въ массѣ захваченныхъ былъ полковникъ. Но какъ узнать его въ толпѣ оборванцевъ, покрытыхъ пылью, въ грязныхъ, потертыхъ сюртукахъ? Тюремный инспекторъ приказалъ отчистить, сколько можно, рукава сюртуковъ и на одномъ нашли пять свѣжихъ поперечныхъ полосъ, доказывавшихъ, что тутъ были недавно сорваны галуны. — Вы, стало быть, полковникъ? спросили владѣльца этого сюртука — и тотъ сознался и назвалъ себя. Это былъ Асси, хорошій механикъ, дравшійся въ Италіи въ числѣ гарибальдійскихъ волонтеровъ, потомъ работникъ на заводахъ въ Крезо и виновникъ грозной стачки рабочихъ, нѣсколько разъ усмиряемой вооруженною силою, членъ интернаціонали, президентъ центральнаго комитета національной гвардіи, но не игравшій видной роли, какъ членъ комуны. Это былъ довольно красивый блондинъ, 31-го года, чрезвычайно заботившійся о своей наружности. Такъ какъ у него не нашли ни гроша денегъ, ему предложили все-таки — улучшенную пищу и нѣкоторыя облегченія въ содержаніи, сравнительно съ товарищами заключенія. Онъ отказался въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ,—и попросилъ только — мыла и зубную щеточку. Инспекторъ тюрьмы доставилъ ему на свой счетъ эти туалет-

ныя принадлежности, и руки и зубы Асси заблистали вскорѣ замѣчательной бѣлизной, довольно странной у простого работника. По чертамъ лица нельзя было судить о его національности. Онъ одинаково хорошо говорилъ по-французски, по-итальянски и по-нѣмецки. Это былъ настоящій типъ члена интернаціонали и въ натурѣ его, чрезвычайно мягкой,—что не мѣшало ему, впрочемъ, вотировать казнь заложниковъ,—было что-то космополитическое, неуловимое, заставлявшее, несмотря на его въ высшей степени учтивыя манеры, относиться къ нему съ недовѣріемъ, раздѣляемымъ всѣми, кто былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Не даромъ комуна приказала арестовать его и подвергала тщательному допросу. Приговоренный судомъ къ ссылкѣ, онъ былъ отправленъ въ Новую Каледонію.

Кромѣ Асси, въ Версаль привезли еще семерыхъ членовъ комуны. Вердюръ бывшій учитель, политико-экономистъ, основатель кооперативныхъ обществъ, батальонный адъютантъ въ національной гвардіи, завѣдовалъ въ комунѣ народнымъ образованіемъ и даже во время заключенія въ крѣпости, въ ожиданіи отправки въ ссылку, училъ другихъ плѣнниковъ. Юрбенъ, другой учитель и содержатель пансіона въ Парижѣ, былъ схваченъ въ костюмѣ кучера. Судъ нашелъ его также виновнымъ въ присвоеніи общественныхъ и частныхъ суммъ вмѣстѣ со своею любовницею, г-жею Леруа, и приговорилъ къ вѣчной каторгѣ. Теперь, послѣ амнистіи, онъ служитъ въ какой-то парижской конторѣ публикацій и вывѣсокъ. Тренке, бельвильскій сапожникъ, ораторъ народныхъ клубовъ, наблюдавшій въ комунѣ за духовенствомъ, дѣлавшій обыски въ церквахъ и у священниковъ, умеръ, по возвращеніи изъ Каледоніи, въ апрѣлѣ 1882 года, всѣми забытый. Паскаль-Груссе, 26-ти-лѣтній ученый и журналистъ, сотрудникъ „Figaro", писавшій въ этой газетѣ научную хронику и романы, вызвавшій на дуэль Пьера Бонапарте и пославшій къ нему двухъ секундантовъ, изъ которыхъ одинъ, Викторъ Нуаръ, былъ убитъ принцемъ, осыпавшій въ „Марсельезѣ" рѣзкими оскорбленіями императорское правительство и сидѣвшій за это нѣсколько разъ въ тюрьмѣ, — въ комунѣ завѣдовалъ внѣшними сношеніями, переписывался съ пруссаками, разсылалъ манифесты въ провинціи, приглашая ихъ идти на помощь къ Парижу, отправлялъ къ представителямъ иностранныхъ державъ циркуляры съ увѣдомленіемъ объ установленіи въ Парижѣ комунальнаго управленія и приглашеніемъ „скрѣпить братскіе узы, соединяющіе парижскій народъ съ другими народами". Обладая красивою наружностью и манерами высшаго общества, онъ задумалъ бѣжать изъ Парижа въ женскомъ костюмѣ, но былъ захваченъ полицейскимъ комисаромъ, въ юбкахъ своей подруги, дѣвицы Гакаръ. Въ Версали толпа кричала: смерть ему! пока его вели въ тюрьму и, видя его безпокойство, комисаръ совѣтовалъ ему быть философомъ, говоря, что теперь его защищаетъ полиція, а если бы, нѣсколько дней назадъ, захватили комисара,

Груссе вѣрно бы не защитилъ его. Отправленный въ Новую Каледонію, онъ бѣжалъ оттуда въ 1874 году съ Рошфоромъ и пятью другими ссыльными, въ Америку, потомъ въ Англію. Режеръ де-Монморъ, докторъ медицины и ветеринаръ, былъ изгнанникомъ во все продолженіе имперіи и, какъ членъ интернаціонали, занимался соціалистской пропагандой въ Италіи. Во Францію онъ вернулся послѣ 4-го сентября и принялъ участіе въ возстаніи 31-го октября; въ комунѣ былъ приверженцемъ самыхъ крайнихъ мѣръ. Въ ссылку за нимъ послѣдовалъ его молодой сынъ. 26-го мая, въ Версаль привезли, въ телегѣ, на связкѣ соломы, раненаго плѣнника; кровь его сочилась по дорогѣ и смочила всю солому. Страданія его были ужасны. Пуля перебила ему кость ноги. Это былъ Верморель, даровитый писатель и журналистъ, редакторъ „Courrier français", запрещеннаго правительствомъ, цѣлый годъ просидѣвшій въ тюрьмѣ Сент-Пелажи, авторъ замѣчательныхъ монографій: „Люди 1848 года", „Люди 1851 года", переведеныхъ и на русскій языкъ, „Мирабо", „Тайны полиціи", издатель сочиненій Дантона, Марата, Робеспьера, Вернье, Жансонне. Революція 4-го сентября застала его опять въ тюрьмѣ за рѣзкія статьи въ „Реформѣ" и брошюру „Соціальная партія". Только что помирившись съ Рошфоромъ, взявшимъ назадъ свое обвиненіе въ подкупѣ Вермореля правительствомъ, журналистъ поссорился съ Феликсомъ Піа, осыпавшимъ его оскорбленіями въ своей газетѣ „Le Vengeur". Верморель, въ свою очередь, въ „Другѣ народа", доказывалъ „лицемѣрную подлость и скрытное самоуправство" своего противника. Въ комунѣ онъ возставалъ противъ диктатуры Рауля Риго, противъ комитета общественнаго спасенія, „учрежденія столько же безполезнаго, какъ и опаснаго", противъ поджоговъ, совѣтовалъ примиреніе въ своей газетѣ „La Justice", запрещенной комуною тотчасъ же послѣ появленія. Видя невозможность бороться съ крайними мнѣніями комунаровъ, онъ хотѣлъ, какъ Делеклюзъ, умереть въ неравной борьбѣ. Но и это не удалось ему. Раненый на барикадѣ у заставы Трона, онъ былъ привезенъ въ Версаль, гдѣ пролежалъ недѣли три въ госпиталѣ, страшно мучаясь, пока антоновъ огонь не прекратилъ его страданій. Передъ смертью онъ потребовалъ священника.

Такихъ лицъ, которыя, разставаясь съ этой жизнью, не рѣшались вступить въ будущую безъ напутствія религіи, было не мало въ числѣ комунаровъ. Почти невѣроятно, что самый жестокій изъ нихъ—Теофиль Ферре передъ смертью исповѣдался и причастился. Убійца священниковъ, бывшихъ заложниками, требовалъ только, чтобы священникъ не сопровождалъ его на мѣсто казни. Это былъ молодой человѣкъ, 26-ти лѣтъ, отличавшійся и до избранія его членомъ комуны рѣзкостью мнѣній. Въ 1868 году онъ требовалъ основанія республики, конвета въ Тюльери и богини Разума въ церкви Богородицы. Обвиненный въ заговорѣ на жизнь императора, онъ во время

процеса оскорбилъ судей и его удалили изъ залы суда. Онъ возбуждалъ къ убійству Леконта и Клемана Тома. Въ комунѣ онъ завѣдовалъ полиціей, распоряжался казнью заложниковъ, самъ поджегъ префектуру полиціи и отдалъ приказъ сжечь министерство финансовъ. На судѣ въ Версали онъ держалъ себя дерзко и ничего не отвѣчалъ на допросы или говорилъ оскорбительныя фразы. Приговоренный единогласно къ смерти, онъ подалъ апеляцію въ комисію помилованія, но и та не согласилась смягчить наказаніе, несмотря на ходатайство Тьера. Ферре былъ разстрѣленъ на Саторійской равнинѣ, вмѣстѣ съ Росселемъ и сержантомъ линейнаго полка Буржуа, перешедшимъ на сторону комунаровъ. Ферре не позволилъ завязать себѣ глаза и умеръ съ большою твердостью, оставивъ письмо сестрѣ, въ которомъ увѣрялъ, что умираетъ „матерьялистомъ, какимъ былъ всегда". Что же значитъ въ такомъ случаѣ его исповѣдь версальскому духовнику, абату Фолле? Кому же лгалъ умирающій комунаръ: сестрѣ или священнику?

Вмѣстѣ со своими врагами версальское правительство захватывало и такихъ лицъ, которые были виноваты только тѣмъ, что находились въ родствѣ или даже въ простомъ знакомствѣ съ членами комуны. Такъ были захвачены: извѣстный писатель и редакторъ газеты „Le Rappel" Поль Мёрисъ, ученый Фредерикъ Моренъ, старикъ Гле-Бизуэнъ—за то, что смотрѣлъ съ балкона на разрушеніе вандомской колонны, сестра Делеклюза, жена Мильера и др. Многихъ, конечно, скоро и выпускали, но другимъ пришлось ждать приговоровъ военныхъ судовъ, работавшихъ почти безпрерывно, втеченіе трехъ мѣсяцовъ. Всего въ департаментѣ Сены было учеждено 26 такихъ судовъ и два—апеляціонныхъ; въ другихъ департаментахъ военные суды дѣйствовали въ 20-ти городахъ. Кромѣ того, обыкновенные суды разсматривали дѣла 236-ти лицъ, обвиненныхъ въ участіи ихъ въ возстаніи 1871 года. 116 изъ нихъ были приговорены къ болѣе или менѣе тяжкому тюремному заключенію и только двое къ вѣчной каторжной работѣ. Въ Версалѣ судъ начался надъ 17-ю членами комуны, которыхъ успѣли захватить и не успѣли разстрѣлять. Только двое изъ нихъ были приговорены къ смертной казни: Ферре и Люлье, но и второму она была замѣнена вѣчной каторгой, въ которую онъ, однако, не былъ отправленъ, потому что сошелъ съ-ума. Остальныхъ присудили къ болѣе или менѣе продолжительной ссылкѣ. Это были, кромѣ названныхъ уже выше лицъ: Бильоре, Шампи, Ферра, Журдъ, Растуль и Викторъ Клеманъ. Живописецъ Курбе былъ приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію и 1.500 франковъ пени. Улиссъ Паранъ и Деканъ были оправданы. Потомъ, по мѣрѣ отъисканія виновныхъ въ убійствахъ, ихъ судили до начала 1873 года и втеченіе этого времени разстрѣляли еще 21-го человѣка. Изъ бѣжавшихъ и судимыхъ заочно 12 приговорены къ смерти и 10 къ каторгѣ. Всѣхъ арестованныхъ по офиціальнымъ документамъ было 38.000; въ томъ

числѣ 5.000 военныхъ, 850 женщинъ, 650 дѣтей моложе 16-ти лѣтъ и 7.400 рецидивистовъ, уже присужденныхъ въ прежнее время къ разнымъ наказаніямъ. Въ ссылку было отправлено до 28.000. Комисія помилованія, учрежденная въ концѣ іюня 1871 года и работавшая до 8-го марта 1876 года, пересмотрѣла 6.536 прошеній о смягченіи участи и 2.649-ти лицамъ уменьшила мѣру наказанія. Между просившими было 1.514 рецидивистовъ. Ихъ нашлось бы и больше, если бы судебные архивы не погибли въ пожарѣ ратуши и министерства юстиціи.

Таковы итоги, далеко не полные, одной изъ самыхъ страшныхъ и кровавыхъ революцій, хотя и продолжавшейся всего 72 дня. Если мы даже увеличимъ вдвое цифру убитыхъ на пятистахъ барикадахъ, разстрѣленныхъ арміей, казненныхъ и отправленныхъ въ ссылку, число этихъ комунаровъ составитъ сто тысячъ, а всѣхъ ихъ въ одной національной гвардіи было болѣе двухсотъ тысячъ. Куда же дѣвались остальные? Этотъ вопросъ весьма важенъ въ виду грядущихъ возстаній и будущности комуны. Если въ двухмильонномъ населеніи города одинъ человѣкъ изъ десяти жителей принадлежитъ къ врагамъ этого города и цивилизаціи вообще—можетъ ли общество ручаться за существованіе и города, и цивилизаціи? Отвѣтъ на это былъ бы очень печаленъ, если бы мы руководились только приведенными нами цифрами и официальной исторіей комуны. Но закулисная сторона ея рисуетъ положеніе дѣла далеко не въ такомъ мрачномъ видѣ и убѣждаетъ насъ, что приверженцевъ комуны вовсе не такъ много во Франціи, чтобы они могли угрожать новой войною обществу и всѣмъ правительствамъ. Списки главныхъ руководителей комуны, выдающихся изъ массы посредственности, не превышаютъ двухсотъ лицъ и между ними не болѣе двадцати человѣкъ играли первенствующую роль. Мы видѣли, что̀ это были за люди. Многіе ли изъ нихъ оказались на высотѣ того положенія, на которое ихъ поставили благопріятныя обстоятельства? Что̀ создали, или по крайней мѣрѣ, что̀ предприняли они осуществить, для пользы человѣчества во время своего владычества въ Парижѣ? Ничего прочнаго, разумнаго, справедливаго, дѣйствительно облегчающаго труды рабочаго и нуждающагося класса. Скажутъ: въ два мѣсяца и нельзя было ничего устроить. Нѣтъ, по тому, какъ они начали, можно было судить, чѣмъ они кончатъ. Мы не говоримъ о сожженіи Парижа; этого безумнаго поступка не оправдывало большинство самихъ комунаровъ,—но всѣ дѣйствія комуны были нелогичны, необдуманны, часто нелѣпы. Члены ея только ссорились между собою, интриговали, доносили другъ на друга, смѣняли только что ими же выбранныхъ начальниковъ разныхъ частей. Ни въ гражданскомъ, ни въ военномъ дѣлѣ изъ нихъ не выдвинулся впередъ ни одинъ сколько нибудь замѣчательный администраторъ. Лучшіе изъ нихъ умѣли только умирать; никто не умѣлъ жить. Интимная жизнь ихъ представляла сцены,

если не отталкивающія, то не внушающія ни малѣйшаго сочувствія; она была не лучше жизни чиновниковъ второй имперіи или отъѣвшейся буржуазіи, эксплуататоровъ народнаго труда, противъ которыхъ гремѣли эти ораторы комуны, покуда сами не достигли высоты и не стали подражать, въ своей частной жизни, тѣмъ, чьи мѣста они заняли. Жажда наслажденій, наживы, веселой жизни, была у комунаровъ также сильна, какъ у имперіалистовъ; даже страсть къ отличіямъ, галунамъ, блестящимъ костюмамъ, параднымъ процесіямъ, эфектнымъ зрѣлищамъ была та же, какъ и при Наполеонѣ III.

Очутившись въ главѣ правленія послѣ неожиданнаго бѣгства въ Версаль всего правительства въ полномъ его составѣ, комунары потеряли голову и начали дѣйствовать такъ же произвольно и насильственно, какъ палата, составленная изъ реакціонеровъ и монархистовъ. Главною причиною возстанія 18-го марта была боязнь, что палата уничтожитъ республику и продастъ Францію послѣднему изъ Бурбоновъ или орлеанскому принцу. И боязнь эта была совершенно основательна. Теперь уже доказано, что въ Бордо Тьеръ, избранный главою исполнительной власти, заключилъ съ большинствомъ членовъ палаты договоръ, въ силу котораго обѣщалъ содѣйствовать возстановленію монархіи во Франціи. Но старый орлеанистъ, сдѣлавшійся республиканцемъ, получивъ званіе президента республики, не хотѣлъ разъигрывать роль Монка при новомъ Карлѣ II и уступить власть, обаяніе которой сильно и на восьмомъ десяткѣ жизни. За неисполненіе обѣщанія палата вскорѣ же низвергла Тьера и если не объявила королемъ герцога Бордоскаго, то потому только, что этотъ потомокъ святого Людовика оказался уже черезчуръ непокладистымъ даже для своихъ приверженцевъ и положительно невозможнымъ,—по своимъ средневѣковымъ идеямъ и претензіямъ—для всего народа. И между орлеанскими принцами не нашлось, несмотря на благопріятныя условія, ни одного рѣшительнаго человѣка, который смѣло захватилъ бы власть въ свои руки. И здѣсь, какъ въ комунѣ, была все та же печальная причина неустройствъ и неурядицъ—недостатокъ людей передовыхъ и энергичныхъ. Такихъ людей не было ни во время второй имперіи, ни въ войнѣ съ прусаками. Неудачи этой войны болѣе всего возстановили народъ противъ правительства, сначала императорскаго, потомъ—„народной обороны". Бездарность генераловъ, измѣна Базена, бездѣйствіе Трошю, не допускавшаго парижанъ дѣлать вылазки, сдача непріятелю всѣхъ крѣпостей и цѣлыхъ армій, — все это до того озлобило народъ, что возстаніе было неизбѣжно. Но и у него не было даровитыхъ вождей. Главный контингентъ комуны составляли мало-интелигентные классы, пролетаріи, честолюбцы безъ знаній, авторитеты безъ характера, рабочіе безъ мѣста, наконецъ, такъ называемые подонки общества, которымъ при всѣхъ переворотахъ нечего было терять, кромѣ жизни, а ею и дорожить не стоило—до того она была непригляднa и не обезпе-

чена. Вотъ что говорилъ о комунарахъ Мадзини, котораго ужъ конечно нельзя заподозрить въ нерасположеніи къ республиканцамъ и соціалистамъ: „Это возстаніе, вспыхнувшее внезапно, безъ подготовленнаго плана, въ которомъ не участвовалъ ни одинъ сколько нибудь извѣстный французскій республиканецъ, и которое защищали, безъ всякаго чувства братской уступчивости, люди, не исполнившіе своей обязанности — сражаться противъ чужеземца—такое возстаніе должно было неминуемо обратиться во взрывъ матерьяльныхъ инстинктовъ и принять такой принципъ, который, если бы сдѣлался закономъ, отбросилъ бы Францію во мракъ среднихъ вѣковъ и отнялъ бы у нея на цѣлые вѣка всякую надежду на возрожденіе. Принципъ этотъ—главенство всякаго отдѣльнаго лица, влекущее за собою безграничное снисхожденіе къ его поступкамъ, разрушеніе всякаго авторитета и абсолютное отрицаніе существованія націи“.

Мадзини говоритъ о комунѣ какъ философъ, но вотъ какое сужденіе высказалъ о ней одинъ изъ даровитѣйшихъ членовъ ея, Россель: „Ни одинъ изъ членовъ комуны не приготовилъ своей роли для великой драмы; у нихъ не было ни изученія, ни знанія, ни характера, ни даже продолжительной смѣлости. Этотъ рабочій плебсъ хотѣлъ овладѣть всѣмъ свѣтомъ, не зная, что̀ такое свѣтъ. Когда злоумышленникъ хочетъ проникнуть въ домъ, онъ сначала старается узнать все, что около этого дома и что̀ въ немъ. Комуна была новичкомъ-злоумышленникомъ, принужденнымъ убивать, чтобы красть, запутавшимся въ безполезныхъ преступленіяхъ, не знающимъ, что̀ и гдѣ спрятано въ домѣ. Парижъ попался въ руки этихъ дикарей, какъ ящикъ съ секретнымъ замко̀мъ. Они не знали, какъ добыть изъ него соціальное богатство и довольствовались старою мѣдною монетою. Но, для очистки совѣсти, бросая этотъ ящикъ, они зажгли его“.

Этотъ-то пожаръ и составляетъ величайшее преступленіе комуны, объясняемое только самыми низменными, звѣрскими инстинктами человѣчества: не досталось мнѣ, такъ недоставайся же никому. Если понятенъ Сарданапалъ, сожигающій себя на кострѣ со своими богатствами, Герострат, уничтожающій грандіозный храмъ, Гензерихъ, истребляющій въ Римѣ великія созданія искуства, то невозможно логически объяснить озлобленіе интелигентнаго человѣка, приказывающаго сжечь луврскую библіотеку, вѣковое зданіе Тюльери, или ратуши—хранительницы городскихъ и народныхъ правъ. Поджигателями парижскихъ зданій явились лица изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества; между ними немало женщинъ и дѣтей, невмѣняемость которыхъ очевидна. Въ убійствѣ заложниковъ участвовали также большею частью выпущенные на свободу воры и убійцы; да и сами руководители этихъ преступленій принадлежали къ отребьямъ общества. Не оставь правительство въ рукахъ народа такое громадное количество пушекъ, пороху, артилерійскихъ снарядовъ, не доводи оно

своими необдуманными и реакціонными мѣрами до отчаянія массы пролетаріевъ, ставшихъ подъ знамена комуны, только потому, что имъ нечего было терять,—революція никогда не приняла бы такихъ ужасающихъ размѣровъ—и не кончилась бы такъ скоро, если бы въ главѣ ея были люди болѣе даровитые и энергичные. Это сознаютъ всѣ историки комуны, не исключая ея приверженцевъ. Такъ, въ недавно вышедшей въ Цюрихѣ „Histoire de la commune de Paris" Жюстесъ называетъ комунаровъ „безумцами, сорвавшимися съ цѣпи", и приводитъ выписку изъ Прудона, рисующаго страшную картину общества, если оно допуститъ водвориться въ средѣ своей демократически-соціальной революціи.

Въ настоящее время, когда во Францію вернулись всѣ комунары, эмигрировавшіе или сосланные въ Новую Каледонію, они почти не замѣтны въ массѣ населенія, преданнаго своимъ личнымъ заботамъ и интересамъ. Заставляютъ изрѣдка говорить о себѣ только писатели да журналисты, какъ Рошфоръ, талантливый публицистъ, нанесшій самые чувствительные и серьезные удары бонапартизму, но продолжавшій съ тѣхъ поръ возставать противъ всякаго правительства, изъ кого бы оно ни состояло. Феликсъ Піа—также даровитый писатель, ловко подмѣчающій ошибки каждой власти и осыпающій ее за это громомъ проклятій, но еще съ большею ловкостью умѣющій скрываться при наступленіи малѣйшей опасности. Вальянъ, замѣчательный докторъ, въ настоящее время издаетъ газету „Ni Dieu, ni Maitre", но считаетъ своимъ богомъ и повелителемъ Бланки. Лисбонъ, бывшій морской офицеръ во время крымской кампаніи, раненый послѣ на барикадахъ, приговоренный къ смерти, но помилованный, теперь—директоръ театра „Bouffe du Nord", на которомъ поставилъ недавно пьесу Луизы Мишель, полупомѣшанной комунарки, любовницы разстрѣляннаго Ферре. Драма эта „Nadine", гдѣ на сцену выведены Герценъ и Бакунинъ—вождями польской революціи, прославляетъ, конечно, идеи комуны, но очень плоха, какъ литературное произведеніе. Не менѣе рьяный комунаръ Вюльомъ, редакторъ газеты „Père Duchesne", инженеръ, отказался отъ журналистики и завѣдуетъ динамитною фабрикою въ Генуѣ. Другой редакторъ соціалистскаго журнала „—Le Reveil", Жако—теперь секретарь „Journal des Débats", нисколько не симпатизирующаго комунѣ. Очень счастливо избѣгнулъ всѣхъ опасностей авторъ „Теоріи комунизма" Жакларъ. Женатый на нигилисткѣ, дочери русскаго генерала, эмигрировавшей въ Парижъ и основавшей въ 1871 году съ г-жею Андре Лео газету „La Sociale", онъ былъ полковникомъ въ войскахъ комуны, дрался на барикадѣ улицы Вольтеръ, гдѣ подлѣ него были ранены Верморель и Лисбонъ, былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Версаль, откуда ему удалось бѣжать, съ помощью жены, подкупившей сторожей. Скрывшись въ Россію, онъ пробылъ въ ней пять лѣтъ, занимаясь журналистикою, потомъ получилъ наслѣдство и теперь

обладаетъ независимымъ состояніемъ. Талантливый профессоръ иностранной литературы въ Сорбонѣ, авторъ „Юмористическихъ сказокъ", редакторъ „Марсельезы", „Народной газеты", „Авангарда"—Артуръ Арну, бѣжавшій послѣ паденія комуны, долго бѣдствовалъ, скитаясь по Европѣ и Бразиліи, и только послѣ амнистіи улучшилъ свое потерянное положеніе литературными трудами. Старый журналистъ и романистъ Везинье, послѣ бѣгства изъ Парижа, издавалъ въ Лондонѣ соціалистическую газету „La fédération". Другой журналистъ—Вермешъ, основатель „Отца Дюшена", авторъ замѣчательныхъ біографій современниковъ „Les hommes du jour", также продолжалъ въ Лондонѣ свою газетную дѣятельность. Проспeръ Дуве, отстаивавшій какъ офицеръ Монмартръ, въ Лондонѣ основалъ „Courrier de l'Europe", потомъ продалъ газету и завелъ бумажную фабрику. Генералъ комуны Брюнель такъ и остался въ Лондонѣ преподавателемъ военныхъ наукъ, получивъ это мѣсто по конкурсу. Госсеронъ также служитъ наставникомъ въ одномъ изъ большихъ пансіоновъ въ Англіи, а Лео Мелье содержитъ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ въ Гласгоу, воспитывая дѣтей богатѣйшихъ гражданъ Шотландіи. Въ Парижѣ Вино, изъ полковника комуны, сдѣлался по возвращеніи изъ каторги владѣльцемъ пильнаго завода; Трейларъ изъ инженера и артиллериста сдѣлался архитекторомъ, Филиппъ продаетъ прохладительные напитки, Масонъ занимается финансовыми сдѣлками, Лефевръ Рожье открылъ перворазрядный юридическій кабинетъ, а докторъ Гупиль основалъ медицинскій кабинетъ, приносящій ему 60.000 франковъ ежегоднаго дохода и въ послѣднее время—подъ покровительствомъ Гюго и Луи Блана—„лигу общественныхъ интересовъ", родъ масонскаго общества, для предохраненія гражданъ отъ злоупотребленій всякаго рода.

Не доказываетъ ли судьба этихъ комунаровъ, что въ нихъ не было ни особенной испорченности, ни непримиримой вражды къ обществу, ни непреклонной воли? Почти всѣ они, при измѣнившихся обстоятельствахъ, получивъ средства къ жизни, сдѣлались мирными гражданами, полезными дѣятелями. А почти всѣ они были приговорены къ смерти. Лишить жизни человѣка не долго, и приговаривая его къ казни, судьи берутъ на себя тяжелую отвѣтственность передъ своею совѣстью, при мысли, что они лишаютъ общество члена, который могъ бы въ будущемъ принести ему пользу. Нераскаянный преступникъ—нравственный уродъ и такое же рѣдкое, исключительное явленіе, какъ уродъ физическій. Да и нравственныхъ уродовъ, если уже нельзя исправить ихъ, общество имѣетъ средства выдѣлить изъ своей среды, сдѣлать безвредными. Убійство людей въ массѣ ли, по одиночкѣ ли, доказываетъ только господство силы и всегда возбуждаетъ антипатію въ гуманистѣ и мыслителѣ. Особенно во время народныхъ междоусобій, борьбы партій—надо быть снисходительнымъ, милосерднымъ. Фанатизмъ, увлеченіе идеею, дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ опьяненіе. Преступникъ—лицо почти всегда находящееся подъ вліяніемъ

психическаго афекта. Болѣзнь воли—неизлечимѣе болѣзни разсудка. Кто можетъ объяснить, отчего именно человѣкъ нарушаетъ законы общества, и кто поручится за себя, что, поставленный въ тѣ же условія, какъ и нарушитель законовъ, онъ не поступитъ точно такъ же, при тѣхъ же обстоятельствахъ? Комуна была явленіемъ невозможнымъ при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, но она все-таки была протестомъ противъ злоупотребленій буржуазіи, эксплуатаціи рабочихъ, привилегіи капитала, протестомъ незаконнымъ, но понятнымъ, и потому до нѣкоторой степени извинительнымъ. Если бы версальское правительство сдѣлало извѣстныя уступки, дѣйствовало въ примирительномъ духѣ, возстаніе не разрослось бы до такихъ громадныхъ размѣровъ. Не строгость и непреклонность, а милость и правосудіе усмиряютъ волненія. Уступки, даже заблуждающимся, могутъ прекратить возстаніе, не уменьшая нисколько достоинства власти, сила которой заключается не въ карѣ, а въ снисхожденіи. Исторія комуны можетъ служить полезнымъ урокомъ для правителей и для народовъ.

Вл. Зотовъ.





ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Ретвишъ. Министръ фонъ-Цедлитцъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго.

Говоря о трудѣ, поставившемъ своей задачей изобразить всѣ вѣтви государственнаго управленія Пруссіи[1]), мы указали на затрудненія, которыя должна встрѣтить подобная попытка при недостаткѣ подготовительныхъ работъ. Современное положеніе изслѣдованій въ области внутренней исторіи Пруссіи указываетъ на монографическіе труды, едва ли не какъ на единственно возможный путь. Книга Ретвиша представляетъ собой утѣшительное доказательство возможности при раздѣленіи труда создать что нибудь законченное въ частной области. Это сочиненіе отнюдь не представляетъ собой ряда еле-еле сшитыхъ извлеченій изъ архивовъ, которыхъ масса одинаково подавляла бы автора и читателя. Авторъ позаботился о томъ, чтобы переработать сырой матеріалъ въ наглядное и хорошо распредѣленное изложеніе. Чтеніе книги заинтересуетъ каждаго читателя, а изслѣдователю въ области прусской исторіи доставитъ желанное расширеніе знаній. Вѣроятно, въ интересахъ легкости изложенія, авторъ не захотѣлъ приводить доказательствъ для частностей. Зато въ прибавленіи онъ далъ за-разъ свѣдѣнія относительно кипъ актовъ тайнаго королевскаго государственнаго архива и архива іоахимстальской гимназіи, которыми онъ воспользовался, равно какъ и относительно литературныхъ произведеній, послужившихъ ему дополненіемъ. Читатель, привыкшій въ примѣчаніяхъ къ интересному изложенію

---

[1]) Philippson. „Geschichte des preussischen staatswesens". См. „Истор. Вѣстн.", годъ III-й, томъ VII-й.

находить исходные пункты для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій, при такомъ образѣ дѣйствія находитъ, разумѣется, свои разсчеты не вполнѣ осуществленными.

Во вступительной главѣ Ретвишъ изображаетъ положеніе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній при первыхъ двухъ короляхъ и въ первую половину правленія Фридриха II-го. Онъ излагаетъ организацію латинскихъ или учебныхъ школъ во всѣхъ ихъ ступеняхъ отъ академической гимназіи, и до маленькой городской школы, затѣмъ организацію слѣдовавшихъ реальному направленію дворянскихъ академій, педагогій, кадетскихъ корпусовъ и реальныхъ школъ, характеризуетъ бывшій въ ходу методъ преподаванія вообще и преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ въ частности. „Одностороннее развитіе ума, направленное на непосредственную пользу, втеченіе большей части XVIII-го вѣка было главной чертой направленія умовъ въ обществѣ и школѣ. Несмотря на это, уже начиная съ четвертаго десятилѣтія въ обоихъ областяхъ даетъ себя чувствовать противоположное идеальное направленіе. Началомъ ему послужило возрожденіе гуманизма и порывъ поэтическаго генія германской націи". Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ философіи Вольфа требованіе школьной реформы все шире и шире распространяется съ половины столѣтія.

Фридриху II-му принадлежитъ заслуга, что онъ впервые созналъ необходимость этой реформы. Заслуга твердой ногой ступить на удобный путь къ ея выполненію выпала на долю Фрейгера Карла Абраама фонъ Цедлица-Лейпе, котораго, 18-го января 1771 года, король поставилъ во главѣ прусскаго школьнаго управленія. Послѣ прекрасной характеристики хода развитія и педагогической точки зрѣнія этого государственнаго человѣка, авторъ изображаетъ въ главныхъ чертахъ введенную Цедлицемъ организацію и реформы выдающихся учебныхъ заведеній. Замѣчательны спокойный ходъ реформъ и то осторожное благоразуміе, съ которымъ министръ относился къ даннымъ обстоятельствамъ и существующимъ особенностямъ. Въ различныхъ заведеніяхъ, избранныхъ прежде другихъ для проведенія реформъ, явились значительныя затрудненія. Поэтому по отношенію къ другимъ школамъ до поры до времени, казалось, была еще по-прежнему необходима умѣренность. Латинская школа въ Ней-Руппинѣ была единственной ученой школой Пруссіи, принявшей методъ Базедова. Непрерывны были старанія министра усовершенствовать образованіе учителей. Въ этомъ слѣдовало видѣть первое условіе для постепеннаго расширенія реформы на всю массу школъ. Наибольшій успѣхъ изъ всѣхъ мѣръ, предложенныхъ съ этой цѣлью, имѣло основаніе филологической семинаріи при университетѣ въ Галле. По порученію „главной школьной коллегіи", высшаго присутственнаго мѣста по учебнымъ дѣламъ, учрежденнаго при вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма II-го, Ф. А. Вольфъ выработалъ въ 1787 году планъ

занятій для этой семинаріи; между тѣмъ 18-го марта 1788 года была одобрена предназначенная для нея инструкція. На ряду съ этимъ заведеніемъ для упражненія въ наукахъ сословія высшихъ учителей, стала берлинская семинарія для ученыхъ школъ, причемъ молодые учителя переходили къ практическому преподаванію.

3-го іюля 1788 года, Цедлицъ долженъ былъ уступить свой департаментъ Вёлльнеру. Но реформы Цедлица пережили время этого министра: „Реформы эпохи Фридриха II-го легли въ основаніе всего, что въ послѣдующее время было сдѣлано для усовершенствованія высшихъ школъ Пруссіи".

Шмидтъ. „Jus primae noctis".

Авторъ названной книги стоитъ на той точкѣ зрѣнія, на которой стоятъ всѣ защитники мнѣнія, оспаривающаго существованіе въ прежнее время разбираемаго права, или, другими словами, на точкѣ зрѣнія правовѣрной католической церкви. „Развѣ мыслимо", говоритъ онъ: „чтобы господствовало подобное злоупотребленіе, и церковь не возвысила противъ него своего голоса!" Итакъ, читатель знаетъ съ самаго начала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и какими глазами смотрѣть ему на этотъ трудъ. Но это отнюдь не значитъ, чтобы авторъ не постарался по силамъ сохранить независимость и безпристрастіе. Напротивъ, насколько это ему было возможно, онъ стремился какъ можно ближе подойти къ истинѣ. Но его точка зрѣнія безсознательно сообщала его доказательствамъ именнно то направленіе, котораго они въ себѣ не заключали. Книга Шмидта распадается на три отдѣла: во-первыхъ, изложеніе и оцѣнка современныхъ теорій о jus primae noctis; во-вторыхъ, изложеніе и оцѣнка отдѣльныхъ извѣстій объ этомъ правѣ; наконецъ, общій обзоръ и окончательные выводы. Авторъ приходитъ къ заключенію, что отчасти мнѣніе, признающее существованіе jus primae noctis, основано на недоразумѣніи, отчасти самые факты, на которые оно ссылается, не вполнѣ доказаны и что, наконецъ, тѣхъ фактовъ, которые несомнѣнно доказаны, надостаточно, чтобы признать существованіе разбираемаго права. „Но этимъ", продолжаетъ авторъ: „еще не вполнѣ разрѣшенъ вопросъ о существоніи jus primae noctis. Спрашивается, не могутъ ли, несмотря на несомнѣнность отдѣльныхъ заблужденій, различные доводы въ цѣломъ и въ связи другъ съ другомъ, всетаки, представить доказательство тому, что это право дѣйствовало нѣкогда хоть гдѣ нибудь. Но и на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно". Затѣмъ авторъ приводитъ общій обзоръ всѣхъ доводовъ, разсмотрѣнныхъ имъ уже раньше. Изъ всего этого выходитъ, что есть преданіе, распространенное по всему старому свѣту, о существованіи нѣкогда jus primae noctis и что это право дѣйствовало даже до начала новаго времени.

Въ послѣднее время оно превратилось, правда, уже по большей части въ выкупъ, который долженъ представить новобрачный по своему выбору и желанію, но отсюда ясно видно, что нѣкогда это отжившее право было въ ходу. Авторъ слишкомъ выходитъ изъ идей современнаго юриста и въ особенности ультрамонтана—защитника католической церкви. Къ тому же онъ слишкомъ низко или скорѣе совершенно невѣрно цѣнитъ духъ среднихъ вѣковъ и его вліяніе на первыя столѣтія новаго времени. Такъ, говоря о суровыхъ ленныхъ повинностяхъ, онъ примѣняетъ къ нимъ такія выраженія, какъ „шутка", „шутливо" и т. д. Онъ считаетъ невозможнымъ признать, что „денежная подать, которую собиралъ графъ Матвалла, произошла, какъ его замѣна, изъ безнравственнаго права, потому что въ такомъ случаѣ судъ не могъ бы признать подать законной". Да, въ новое время, разумѣется не могъ бы, но въ 1665 году чего только не дѣлалось и не существовало тогда еще во Франціи или гдѣ либо еще. Итакъ, во многихъ мѣстахъ авторъ старается устранить дѣйствительность, толкуя ее за шутку, но забываетъ при этомъ, что въ основѣ шутки и юмора въ прежнее время по большей части или даже всегда лежала горькая истина. Перейдемъ теперь къ той части разбираемаго труда, которая во всякомъ случаѣ заслуживаетъ большой похвалы. Нужно признать, что на каждомъ шагу проглядываетъ намѣреніе автора основательно изслѣдовать всѣ извѣстія, касающіяся до jus primae noctis, не пропустить ни одного и сохранить возможное безпристрастіе, насколько это ему позволяетъ его положеніе какъ католика-ультрамонтана. Это похвальное стремленіе сдѣлало его работу въ высшей степени драгоцѣнной. Съ этихъ поръ ею принужденъ будетъ пользоваться каждый, кто занимается изученіемъ разбираемаго jus, и она дастъ поводъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Въ ней мы находимъ собраннымъ все, чего только можно пожелать. Здѣсь напечатаны, между прочимъ, почти всѣ относящіяся сюда мѣста изъ авторовъ, грамотъ и законовъ. Прекрасный, въ высшей степени полный списокъ заглавій книгъ, которыми пользовался авторъ, и такой же образцовый указатель именъ и фактовъ.

Штернъ. „Исторія англійской революціи" („Всемірная исторія", изданіе Онкена, выпускъ 28-й и 31-й).

Задача, которую поставило себѣ изданіе Онкена — „Всеобщая исторія въ отдѣльныхъ очеркахъ" — въ сжатой и привлекательной формѣ изложить общіе результаты новѣйшаго изслѣдованія, крайне удачно выполнена въ трудѣ Штерна. Благодаря своимъ занятіямъ по исторіи Мильтона, авторъ отлично знакомъ съ богатымъ запасомъ опубликованныхъ источниковъ и обширной старой и новой исторической революціонной эпохой. Онъ воспользовался также многими со-

кровищами британскаго музея, въ особенности собраніемъ брошюръ и многими еще не напечатанными документальными источниками, хранящимися въ англійскомъ государственномъ архивѣ. Онъ вполнѣ овладѣлъ своимъ матеріаломъ и прекрасно съумѣлъ изложить его въ художественной формѣ. Хотя книга имѣетъ скромные размѣры, она заключаетъ въ себѣ богатую картину событій, тщательно выполненную даже въ подробностяхъ. Движенія мысли, различныя партіи, ихъ происхожденіе, стремленія и измѣненія, которымъ они подвергаются, изображаются ясно, а выдающіяся личности характеризуются хотя кратко, но наглядно. Только относительно Кромвеля былъ бы желателенъ болѣе подробный очеркъ его внутренней жизни. Изложеніе легко и живо. Такимъ образомъ, книга будетъ привѣтствована не только болѣе широкимъ кругомъ любителей исторіи, но и болѣе незначительнымъ числомъ спеціалистовъ. Послѣдніе поблагодарятъ автора и за ссылки на литературу предмета, которыя поощряютъ къ болѣе спеціальному изученію и облегчаютъ его. Можно сожалѣть только, что авторъ окончилъ свой трудъ на возстановленіи Стюартовъ въ 1660 году, а не довелъ его до 1688 года, когда собственно заканчивается революціонная эпоха англійской исторіи.

Денманнъ Россъ. Опыты по древнѣйшей исторіи учрежденій. 1—3. Теорія о сельскихъ общинахъ [1]).

Мнѣніе, что въ древнѣйшій періодъ исторіи человѣческихъ обществъ существовала коллективная собственность, вовсе не такъ ново, какъ можно это подумать при чтеніи труда Денманна Росса. Но со времени работъ Маурера, сэра Генри Мена и де-Лавелэ, оно получило болѣе важное значеніе. Поэтому нельзя не привѣтствовать съ удовольствіемъ попытки выдающихся умовъ опровергнуть эту историческую теорію. Ихъ протесты могутъ вызвать новыя, болѣе опредѣленныя доказательства и во всякомъ случаѣ помогутъ, въ концѣ концовъ, установиться одному общему взгляду. Противники коллективной собственности имѣютъ одну общую черту. Они избѣгаютъ широкихъ и смѣлыхъ сравненій. Они не любятъ искать у молодыхъ народовъ исходныхъ точекъ сравненія для изученія темной юности старыхъ. По принципу или по необходимости, они сосредоточиваются одинъ на спартанцахъ въ Греціи, другой, болѣе смѣлый, на германцахъ, какъ, напримѣръ, Денманнъ Россъ.

Авторъ старается доказать, что между свободными членами сельской общины ни въ древне-германскомъ государствѣ, ни въ средніе вѣка, не существовало общиннаго владѣнія полемъ, что, напротивъ, съ самаго начала существовала частная собственность и что понятіе

---

[1]) Denmann Ross. Studies in the early history of institutions. 1—3.

общиннаго владѣнія полемъ въ средніе вѣка вышло только изъ круга общины рабской. Земля свободныхъ людей, по мнѣнію Росса, искони переходила у германцевъ по наслѣдству къ сыновьямъ и дѣлилась между ними поровну.

Слѣдуя принципу, что исторію слѣдуетъ излагать ея собственными словами, авторъ приводитъ въ двухъ первыхъ этюдахъ прежде всего богатый выборъ цитатъ изъ источниковъ для доказательства выставленныхъ положеній. Этотъ принципъ, разумѣется, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ одобрить въ такой области, какъ исторія древне-германскихъ учрежденій, которая и такъ уже слишкомъ богата гипотезами. Но при этомъ у Росса на первый планъ выступаютъ исключительно источники, относящіеся ко времени послѣ переселенія народовъ. Изъ римскихъ свидѣтельствъ авторъ кратко обсуждаетъ только извѣстныя мѣста изъ „Германіи" Тацита и записокъ Цезаря о гальской войнѣ. Но и этимъ мѣстамъ Россъ придаетъ сравнительно немного значенія. Онъ пишетъ: „Если бы даже Цезарь и Тацитъ засвидѣтельствовали существованіе общиннаго владѣнія полемъ, то и тогда мы должны бы были взвѣсить ихъ извѣстія сравнительно со свидѣтельствами всѣхъ приведенныхъ законовъ, формулъ и документовъ, и я опасаюсь, что извѣстія Цезаря и Тацита вѣсили бы въ такомъ случаѣ не много". При этомъ онъ забываетъ, что въ промежутокъ между тѣмъ временемъ, изъ котораго онъ выводитъ свои обратныя заключенія, и эпохой собственно древне-германской, которую слѣдуетъ ему изучить, произошло столкновеніе съ римлянами и переселеніе народовъ. Большинство историковъ именно къ этому времени относитъ полную перемѣну въ первобытныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе автору слѣдовало вполнѣ собрать всѣ древнѣйшія свидѣтельства и подвергнуть ихъ подробному разбору, чтобы установить, во-первыхъ, общую степень культуры, а затѣмъ, въ частности, характеръ поземельныхъ отношеній германцевъ въ древнѣйшую эпоху. Описанія древнихъ въ этомъ случаѣ вовсе уже не такъ скудны, если только вѣрно сопоставить всѣ отдѣльныя извѣстія отъ Цезаря и до Аммiана Марцеллина. Извѣстія противорѣчащія другъ другу, слѣдуетъ затѣмъ сравнить и взвѣсить, внимательно, и только въ видѣ дополненія можно привлечь къ изслѣдованію и болѣе позднія отношенія.

Россъ, впрочемъ, утверждаетъ, что Цезарь и Тацитъ вообще не засвидѣтельствовали существованія общиннаго владѣнія полемъ. По его мнѣнію, между свидѣтельствами обоихъ писателей нѣтъ кореннаго противорѣчія и нигдѣ нѣтъ рѣчи о передѣлѣ. Но онъ упускаетъ изъ виду окончаніе главы, которую самъ приводилъ изъ „Записокъ о гальской войнѣ" (VI, 22). По словамъ Цезаря, ежегодно при раздѣлѣ земли каждый германецъ видѣлъ, что его владѣнія уравнивались съ владѣніями самыхъ могущественныхъ лицъ. Вообще, даже приверженцы частной собственности должны во всякомъ случаѣ толковать свидѣтельство Цезаря въ пользу общиннаго владѣнія полемъ.

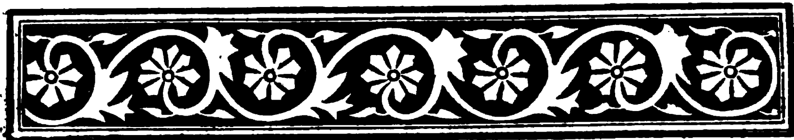
Но противъ него выступаютъ другія извѣстія, въ особенности мѣсто изъ „Германіи“ (гл. 25), недостаточно подчеркнутое Россомъ. По Тациту, у германцевъ каждый рабъ имѣлъ собственное жилище, свое хозяйство; господинъ требовалъ отъ него, какъ отъ крѣпостнаго, только извѣстное количество хлѣба, или скота, или одежды. Съ этимъ разсказомъ слѣдуетъ сравнить свидѣтельство другаго римскаго писателя. По словамъ Сенеки (письмо 47), пораженіе, которое Арминій нанесъ римскимъ легіономъ Варра въ Тевтобургскомъ лѣсу, принизило многихъ очень знатныхъ римлянъ; одного обратило въ пастуха, другаго въ сторожа хижины. Вотъ вдвойнѣ засвидѣтельствованный фактъ, который всегда будетъ самымъ важнымъ аргументомъ противъ существованія общиннаго владѣнія полемъ у древнихъ германцевъ. Далѣе, кой-какія разъясненія можетъ дать языковѣдѣніе. Гриммъ въ „Исторіи нѣмецкаго языка“ приводитъ, что корень литературнаго нѣмецкаго „Arbeit“ (работа) первоначально означало земледѣліе. Въ готскомъ языкѣ производное того же корня „arbi“, которое могло означать только земельный участокъ, впослѣдствіи получило значеніе наслѣдства. Отсюда Гриммъ выводитъ, что еще въ древнюю эпоху земельное владѣніе переходило по наслѣдству. Но прежде, нежели могло произойти подобное перенесеніе слова съ одного понятія на другое, должно было пройти много времени. Какъ происходилъ этотъ переходъ земли по наслѣдству, относительно этого, по крайней мѣрѣ покуда, лучше не выставлять правила для германскаго государства вообще. Въ общемъ очень вѣроятно, что въ этомъ отношеніи у различныхъ племенъ выработались различные обычаи. Даже въ границахъ одного и того же племени у различныхъ сословій могли образоваться два различныхъ права наслѣдованія. Говоря о германцахъ вообще, Тацитъ глухо замѣчаетъ, что каждому германцу наслѣдуютъ дѣти. Перейдя къ описанію отдѣльныхъ племенъ, онъ разсказываетъ о тенктерахъ, что они славились своей конницей; при этомъ лошади по наслѣдству доставались не самому старшему изъ сыновей, какъ все остальное, а самому смѣлому на войнѣ. Баумштаркъ въ своемъ трудѣ о государственныхъ древностяхъ германцевъ выводитъ отсюда, что въ эпоху Тацита старшій сынъ пользовался правомъ первородства. Изъ болѣе позднихъ обычаевъ у отдѣльныхъ племенъ Россъ заключаетъ, что и въ древнюю эпоху искони всѣ сыновья пользовались равнымъ правомъ наслѣдованія. Но онъ при этомъ забываетъ обсудить извѣстіе Тацита о тенктерахъ, извѣстіе вообще единственное для древнѣйшей эпохи.

Вообще, у Росса подборъ извѣстій изъ римскихъ источниковъ, которые слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, и ихъ толкованія приходится признать неудовлетворительными. Но зато съ другой стороны нужно отдать полную справедливость изслѣдованію объ отдѣльныхъ племенахъ послѣ переселенія народовъ. Толкованіе Росса, которое производитъ общинное владѣніе полемъ въ средніе вѣка изъ общины

рабовъ, заслуживаетъ вниманіе. Много справедливаго и въ его полемикѣ противъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ взятыхъ издалека мнимыхъ аналогій съ древнимъ общиннымъ владѣніемъ полемъ у русскихъ, ировъ и т. д., противъ неполныхъ и невѣрныхъ цитатъ, на которыя затѣмъ должны опираться широкія гипотезы. Третій этюдъ посвященъ исключительно этой полемикѣ противъ защитниковъ общиннаго владѣнія полемъ у древнихъ германцевъ. При этомъ, правда, на многія выдающіяся сочиненія вовсе не обращено никакого вниманія.

Иф..лъ.





КРИТИКА И БИБЛОГРАФЯ.

Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. П. Н. Бодянскаго. Кіевъ. 1882 г. Печатано по опредѣленію совѣта университета св. Владиміра.



О ВЫХОДА въ свѣтъ настоящей брошюры историко-критическій этюдъ этотъ былъ напечатанъ въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ". Небольшой по объему трудъ П. Н. Бодянскаго раздѣленъ на четыре главы, изъ коихъ въ первой сжато передается въ чемъ римляне упражнялись на вакханаліяхъ, а въ трехъ остальныхъ находимъ критику различныхъ объ этомъ предположеній древнихъ и новыхъ писателей. Изъ послѣднихъ г. Бодянскій касается Буасье и Ине, изъ коихъ мнѣнія послѣдняго о вакханаліяхъ еще, кажется, нигдѣ не встрѣтили основательной критической оцѣнки. Поэтому вдвойнѣ интересно, что̀ дѣлаетъ съ вопросомъ о вакханаліяхъ русскій ученый.

Извѣстно, что римскія празднества въ честь Вакха сопровождались оргическими безчинствами, при которыхъ (стр. 26) „мужчины не только обезчещивали женщинъ, но и другъ друга". Это наконецъ вызвало весьма долгія и жестокія преслѣдованія, при коихъ обвиняемые или подозрѣваемые погибали тысячами, но оргіи все-таки очень долго не унимались. Ине, въ IV томѣ своей „Римской исторіи", не довѣряетъ точности древнихъ сказаній о томъ, что вакхическія мистеріи имѣли только однѣ сладострастныя цѣли. Ине, думаетъ, что безчинства, приписываемыя этому культу, значительно преувеличены и не въ мѣру усердно разрисованы черезчуръ мрачными красками. По его соображеніямъ, не можетъ быть, чтобы римляне собирались на мистеріи Вакха для однѣхъ только сладострастныхъ цѣлей, которыя старались осуществить при забвеніи всѣхъ условій пола и возраста. Онъ полагаетъ, что поклонники Вакха, вѣроятно, искали цѣлей гораздо болѣе высокихъ, и оклеветаны по обычаю вѣка,—точно такъ же, какъ были, напримѣръ, оклеветаны первые христіане.

на собраніяхъ которыхъ такъ же предполагали разныя безчинства. У Ине и Буасье есть и указанія, почему римляне, подпавшіе вакхическому культу, могли легко поддаваться такому увлеченію: это неудовлетворимость высшаго въ человѣкѣ религіознаго чувства отжившею свой вѣкъ религіею, которую удерживали только невѣжество массы и законы имперіи. Люди съ нѣкоторымъ возбужденіемъ ума и чувства искали нѣчто лучшее и попадали въ новыя заблужденія (Помимо пространнаго изыскасканія Rolle, объ этомъ полезно вспомнить мѣткія сужденія Іогана Шера).

Г. Бодянскій находитъ, что „Ине ошибочно перенесъ въ эпоху, современную вакханаліямъ, такія состоянія, которыхъ въ эту эпоху не было". Онъ прекрасно доказываетъ, что культъ Вакха, выдуманный греками, не былъ лучшимъ даже по сравненію съ религіей, которая господствовала, но г. Бодянскій и самъ тоже не держится устарѣлаго и очевидно невѣрнаго мнѣнія, что поклонниковъ Вакха соединяло и сводило одно стремленіе удовлетворять желанія извращенныхъ инстинктовъ; онъ допускаетъ иное,—именно, исканіе болѣе живаго религіознаго общенія, которому не представляла удовлетворенія господствовавшая государственная религія съ ея заученными и однообразными молитвами, и очень хорошо выводитъ, какъ ко всему этому притекъ ужасающій развратъ. Притекло то, что было въ обществѣ, ибо римское общество въ этой эпохѣ было всѣмъ пресыщено и развращено чрезвычайно. Въ немъ самомъ, а не въ культѣ Вакха, таилась наклонность ко всѣмъ порокамъ и разнообразнымъ ухищреніямъ разврата, кои приписываютъ вакхистамъ. Вѣроятно, и конечно весьма возможно, что развратные люди, которыми былъ полонъ Римъ, примкнувъ къ сектѣ, гдѣ были и лучшія стремленія, но было также и тѣсное общеніе половъ и возрастовъ, оказали тутъ свое вредное вліяніе. Они дали здѣсь ходъ своимъ извращеннымъ навыкамъ и какъ красные черви окрасили собою всю воду, въ которую они погрузились.

Это предположеніе нашего кіевскаго ученаго кажется очень умнымъ и находчивымъ, ибо иначе трудно было бы допустить, чтобы матери приводили на вакхическія мистеріи сыновей, и чтобы на мистеріяхъ появлялись лица, которыхъ послѣ приходилось убивать за ихъ несогласіе служить культу безстыжихъ ни активно, ни пассивно.

Очевидно, что они шли въ вакхическій расколъ, искавши совсѣмъ не того изступленнаго разврата, который представился имъ столь отвратительнымъ, что они рѣшились предпочесть смерть оскорбленію своей природы. Ясно, что они пришли для одного, а увидали совсѣмъ другое, и что это другое тогда уже преобладало въ культѣ и дѣлало его мерзкимъ и отвратительнымъ.

Но мы полагаемъ, что если бы интересный отзывъ нашего ученаго дошелъ до почтеннаго автора „Римской исторіи", то г. Ине все-таки едва ли бы сдался на всѣ доводы г-на Бодянскаго. Мы привели, что̀ въ сужденіяхъ г. Бодянскаго представляется остроумнымъ и убѣдительнымъ,—теперь отмѣтимъ то, что намъ въ его возраженіяхъ г-ну Ине кажется какъ-будто несовсѣмъ прочно обоснованнымъ. Это касается разсужденій г. Бодянскаго на тотъ счетъ, что клеветы на вакхистовъ никакъ нельзя приравнивать къ подобнымъ же клеветамъ, сложеннымъ недоброжелателями, на первыхъ христіанъ. Ине (какъ и Шеръ) это уподобляетъ одно другому, а нашъ ученый считаетъ такое уподобленіе совершенно невозможнымъ, и именно невозможнымъ на томъ основаніи, что первые христіане были одушевлены совсѣмъ инымъ духомъ, чѣмъ чтители Діониса.

Это конечно такъ: сомнѣнія нѣтъ, что душевное настроеніе первыхъ христіанъ нельзя считать однороднымъ съ настроеніемъ даже самыхъ лучшихъ искателей религіознаго утѣшенія въ вакхическомъ культѣ. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, да, кажется, и гг. Ине и Буасье не иначе это понимаютъ. Ине въ данномъ случаѣ допускаетъ не сравненія христіанъ съ вакхистами, а только сопоставленія случайностей, въ коихъ дѣйствительно можно усмотрѣть нѣчто не исключающее возможности тѣхъ же самыхъ предположеній, которыя остроумно сдѣлалъ и самъ г. Бодянскій, допуская нравственное неравенство и неодинаковость навыковъ людей, тяготѣвшихъ къ вакхическому культу. Едва ли, стоя на настоящей научной точкѣ зрѣнія, можно доказать, что ни что подобное не имѣло мѣста и въ образованіи группъ перваго христіанства,—особенно христіанства Павлова просвѣщенія, т. е. христіанъ изъ язычниковъ. Можно не углубляться во всѣ источники, которые даютъ несравненныя доказательства, что многіе изъ первыхъ христіанъ часто не понимали духа своей новой религіи, и такъ же часто обличали покушенія совмѣстить съ христіанствомъ старые навыки языческаго растлѣнія, а на основаніи одного только Св. Писанія и житія святыхъ доказать, что въ христіанствѣ былъ притокъ людей, очень сильно компрометировавшихъ дѣло религіи, къ которой они пристали, „не убѣливъ своего эфіопа“. Это начинается съ исторіи коринескаго кровосмѣсника, который возмутилъ своимъ развратомъ св. Павла до того, что апостолъ присудилъ его „предать сатанѣ во изнеможденіе плоти“. И послѣ того чудовищные порывы сладострастія много разъ варьируются въ патерикахъ египетскомъ и синайскомъ, гдѣ мы видимъ, что даже иноки и пустынножители возбуждались страстями непомѣрными и самыми противуестественными (напр. инокъ, за сыномъ котораго была замужемъ св. Өомаида). Они содѣвали дѣла, ни чуть не уступавшія вакхистамъ, и имѣютъ только одно извиненіе, что ко всему этому склонялъ ихъ врагъ рода человѣческаго, діаволъ. Историческому писателю, конечно, должны быть извѣстны и такіе источники какъ патерики, и ему, вѣроятно, знакомы также проницательные выводы Ренана на счетъ того, какъ понималась и принималась многими первыми христіанами высокая религія Христа, плѣнявшая ихъ, но не вмѣщавшаяся въ ихъ сознаніе. Какъ будто мало было сдѣлано во имя христіанской любви злаго и безнравственнаго, и какъ будто не дѣлается чего нибудь такого же и доселѣ... А содержа все это передъ собою, можно ли считать, что напр. отмѣна „вечерей любви“, или агаповъ, имѣетъ только то простодушное объясненіе, какое давали дѣлу старые тенденціозные учебники, приноровленные, впрочемъ, исключительно къ дѣтскому пониманію? Нѣтъ ли причины предполагать, что и въ христіанской исторіи разные люди привнесли разное участіе, и между ними нашлись такіе, которые вынудили прочихъ прекратить „вечери?“ А тогда и Буасье и Ине, можетъ быть, имѣютъ основаніе считать иную постановку вопроса въ серьезномъ историческомъ трактатѣ нѣсколько дѣтскою...

Н. Л—въ.

Евреи-реформаторы. „Новый Израиль“ и „Духовно-библейское Братство“. Опытъ соціально-религіозной реформы еврейства и новой постановки еврейскаго вопроса въ Россіи. Соч. Эмануэля Бенъ-Сіона. Спб. 1882.

Названная книжка составляетъ новость не только по времени ея появленія въ свѣтъ, но и по оригинальности взгляда автора на вопросы еврейства Въ тѣ самые дни, когда старозаконные защитники еврейства настаиваютъ. исключительно на внѣшней эмансипаціи русскихъ евреевъ и видятъ въ „уравненіи правъ“ послѣднихъ единственный способъ разрѣшенія еврейскаго вопроса, среди образованныхъ евреевъ родилось и рвется наружу откровенное сознаніе, что всѣ эти разглагольствія суть лишь „словеса лукавствія“, что законодательныя реформы въ соціальномъ быту евреевъ—если-бы даже и были возможны безъ всякой со стороны евреевъ подготовки—ни къ чему не приведутъ и останутся мертвой буквой, если само еврейство не возьмется за уврачеваніе своихъ общественно-нравственныхъ недуговъ. Евреи, держащіеся этого, кажется, очень правильнаго взгляда, убѣждены, что внѣшней, правовой эмансипаціи должна необходимо предшествовать эмансипація внутренняя, религіозно-бытовая. (Такого образа мыслей держался, между прочимъ, покойный Я. А. Брафманъ въ его любопытной „Книгѣ Кагала“, до сей поры не вызвавшей обстоятельнаго разбора). Евреи описаннаго закала думаютъ, что всякія правовыя улучшенія будутъ безполезны, если одноплеменники ихъ предварительно не отрѣшатся отъ своихъ вредныхъ соціальныхъ традицій, отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ относительно не евреевъ,—словомъ, отъ той обособленности, которая составляетъ основной принципъ и санкцію Талмуда и всей раввинской литературы.

Люди съ такими убѣжденіями, мало-по-малу, сплотились и образовали, наконецъ, общество, или союзъ, который извѣстенъ подъ именемъ „Духовно-библейское Братство“. Это общество возникло въ Елисаветградѣ въ началѣ 1881 года. Вначалѣ оно состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ образованныхъ молодыхъ евреевъ и задалось цѣлью—убѣждать еврейскую массу въ несостоятельности и вредности Талмуда, какъ религіознаго кодекса, въ необходимости приблизиться къ болѣе чистымъ библейскимъ идеаламъ; внушать этой темной массѣ любовь къ честному труду, отвращеніе къ торгашеству и т. п. Первыя подробныя извѣстія о „Братствѣ“ и „уставъ“ его появились въ мартѣ 1881 года въ одесскихъ и харьковскихъ газетахъ. Не успѣло „Братство“ еще заявить о себѣ практическою пропагандой, какъ грянули елисаветградскіе погромы, а за ними весь югъ Россіи былъ охваченъ анти-еврейскимъ движеніемъ. Еврейской массѣ уже было не до того, чтобы обращать вниманіе на новую секту, но еврейскіе органы печати, однако, несочувственно отнеслись къ новому „Братству“. Въ январѣ 1882 года, въ печати прошелъ слухъ о появленіи въ Одессѣ новой секты, которую одни называли „Новый Израиль“, а другіе приравнивали къ южно-русской штундѣ и считали „ветхозавѣтною штундою“. Затѣмъ, вскорѣ былъ оглашенъ „Уставъ“ этой новой секты, и тогда оказалось, что она въ своихъ требованіяхъ ушла гораздо дальше сравнительно скромныхъ заявленій „Духовно-библейскаго Братства“. Первый параграфъ „Устава“, выражающій основной взглядъ „Новаго Израиля“, гласитъ: „Каждый изъ членовъ секты „Новый Израиль“ признаетъ великій вредъ, истекающій отъ толкованій бывшихъ вавилонскихъ и іерусалимскихъ раввиновъ Моисеева

закона, глубоко презираетъ оное толкованіе и признаетъ за святое только Пятикнижіе Моисея въ буквальномъ его смыслѣ". Слѣдующіе 14 параграфовъ говорятъ о необходимости: перенести празднованіе субботняго дня на воскресенье, отмѣнить варварскій обрядъ обрѣзанія новорожденныхъ младенцевъ и всѣ законы о пищѣ, отмѣнить многіе праздники, не установленные Библіей, и молитвы о возвращеніи въ Обѣтованную землю, употреблять въ разговорѣ русскій языкъ вмѣсто еврейскаго жаргона, строго исполнять всѣ государственныя повинности, отказаться отъ ростовщичества и другихъ неблаговидныхъ промысловъ, ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ между евреями и христіанами и, наконецъ, хлопотать объ утвержденіи означеннаго „Устава" правительствомъ. Главная практическая цѣль новаго „Общества"—уничтоженіемъ обособляющихъ законовъ и направленіемъ дѣятельности евреевъ къ болѣе производительному труду „облегчить взаимное сближеніе между евреями и христіанами въ самомъ ближайшемъ будущемъ".

Лежащая передъ нами книга посвящена обсужденію или, скорѣе, защитѣ реформъ, предлагаемыхъ „Новымъ Израилемъ".

Анализируя причины анти-еврейскаго движенія въ Россіи, авторъ—еврей [1]) приходитъ къ заключенію, что если экономическія неурядицы являются непосредственной причиной вражды христіанскаго населенія къ евреямъ, то первая причина и нравственная санкція анти-еврейскаго движенія заключается въ религіозномъ антагонизмѣ между евреями и кореннымъ населеніемъ. Ретроспективный взглядъ на состояніе евреевъ въ Польшѣ и Россіи, въ послѣднія два столѣтія, даетъ автору поводъ прослѣдить отдаленныя историческія причины анти-еврейскаго движенія. Вызванныя историческими обстоятельствами, экономическія отношенія между евреями и крестьянами, равно какъ религіозныя традиціи евреевъ, какъ-бы санкціонирующія такія отношенія—вотъ главныя причины исторической вражды къ евреямъ, выросшей еще на польско-украинской почвѣ. Гдѣ-же искать настоящаго рѣшенія злополучнаго еврейскаго вопроса въ Россіи? Авторъ не видитъ рѣшенія этого вопроса ни въ „равноправности" евреевъ, требуемой юдофилами, ни въ репрессивныхъ противъ евреевъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ русскими націоналами. „Съ одной стороны,—говоритъ авторъ,—евреи даже въ союзѣ съ гуманистами безсильны разрѣшить его (еврейскій вопросъ) по-своему. Велика-ли намъ будетъ прибыль отъ предоставленнаго намъ на бумагѣ столь страстно ожидаемаго нами равноправія?.. Успокоитъ-ли оно насъ и исцѣлитъ ли наши глубокіе внутренніе недуги, обусловливающіе наши историческія страданія и невзгоды?.. Не законы намъ нужны, а любовь народа, среди котораго мы живемъ, его искреннія братскія чувства и отношенія къ намъ. Насколько же мы достигли послѣднихъ, показали намъ событія прошлаго и настоящаго года"... (стр. 15—16). Съ другой стороны, рекомендуемыя стѣсненія уже предоставленныхъ евреямъ законныхъ правъ поведутъ, по убѣжденію автора, къ еще бо́льшимъ усложненіямъ въ еврейскомъ вопросѣ. Необходимо лишить евреевъ тѣхъ особенностей, которыя порождаютъ ненормальныя отношенія ихъ къ остальному населенію, а это возможно лишь путемъ внутреннихъ реформъ въ религіозно-соціальныхъ воззрѣніяхъ евреевъ. Энергичная самодѣятельность

---

[1]) Намъ извѣстно, что „Бенъ-Сіонъ" не есть настоящее имя автора, а псевдонимъ. Собственное свое имя онъ держитъ въ тайнѣ „страха ради іудейска".

въ этомъ направленіи евреевъ—вотъ единственное, что можетъ способствовать полному и радикальному рѣшенію еврейскаго вопроса.

Всѣ постановленія Талмуда и послѣдующихъ кодексовъ мотивируются, главнымъ образомъ, двумя соображеніями: 1) стремленіемъ оградить еврейство отъ всякихъ иноплеменныхъ вліяній и 2) стремленіемъ оградить основные Моисеевы законы отъ малѣйшихъ нарушеній. Слѣдствіемъ этого явилась масса ограничительныхъ законовъ и обрядовъ, которые „опредѣляютъ всевозможные случаи жизни и вводятъ еврея въ такой кругъ понятій, гдѣ онъ не можетъ уклониться отъ вліянія закона, не дающаго ему дышать свободно". Талмудическія „огражденія" Моисеевыхъ законовъ сдѣлались впослѣдствіи предметомъ новыхъ огражденій раввиновъ, и все это считалось исходящимъ будто отъ самого Бога, вытекающимъ будто изъ точнаго смысла св. писанія. Г. Бенъ-Сіонъ въ разсматриваемой нами любопытной книжкѣ обстоятельно перечисляетъ тѣ основные принципы и законы Талмуда, которые наиболѣе вліяли и вліяютъ на международныя отношенія евреевъ къ иновѣрнымъ людямъ другихъ племенъ. Главное мѣсто между этими принципами, по нашему мнѣнію, должна занимать аристократическая идея евреевъ о богоизбранности еврейскаго народа. Въ Талмудѣ есть изреченіе, гласящее: „Весь міръ созданъ только ради евреевъ". Въ праздничные дни евреи произносятъ молитву, начинающуюся словами: „Ты (Господь) насъ избралъ изъ всѣхъ народовъ". Эта горделивая суетня и крайне вредная идея больше чѣмъ что либо иное вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь еврейской массы, которая чѣмъ невѣжественнѣе, тѣмъ искреннѣе вѣритъ, что по пришествіи Мессіи всѣ народы сдѣлаются рабами евреевъ, а многіе и вовсе будутъ истреблены съ лица земли, во славу Израиля. Ученіе о пришествіи Мессіи, о возрожденіи политической самостоятельности еврейскаго народа, „внушаютъ еврею сознаніе, что онъ только временный гость въ чужой странѣ, откуда онъ долженъ возвратиться къ себѣ домой въ Палестину, лишь только раздастся первый трубный звукъ, извѣщающій о грядущемъ спасителѣ. Къ этому еще присовокупляются обольстительныя басни о вѣчной субботѣ, когда евреямъ останется только пить, ѣсть и наслаждаться превосходными питіями и яствами, пріуготовленными имъ отъ вѣка. Какъ все это ни вздорно, но однако пользуется большимъ довѣріемъ. Кромѣ этихъ обольщеній, въ Талмудѣ находятся безчисленныя предписанія, придуманныя съ цѣлью обособлять евреевъ отъ другихъ народовъ. Самыя возмутительныя изъ этихъ предписаній—это законы о пищѣ, о „кошеръ и трефъ", согласно которымъ еврею строжайше воспрещается ѣсть мясо животнаго, убитаго не евреемъ, пить вино, къ которому даже прикоснулся не еврей, вообще употреблять что-либо (за исключеніемъ чая и сырыхъ плодовъ) вмѣстѣ съ христіанами. Тѣ, которые изучаютъ и вѣрятъ въ Талмудъ, глубоко убѣждены, что всѣ неблаговидныя постановленія относительно язычниковъ (акумъ) относятся и ко всѣмъ не евреямъ, не исключая даже тѣхъ, которые держатся идеи единобожія. Полное непониманіе евреями догматовъ христіанской вѣры, часто неразумѣемое и самыми христіанами, равно какъ фактическое отождествленіе суевѣрными людьми изъ христіанъ символовъ христіанской религіи съ божествомъ, пугаютъ еврея и способствуютъ тому, что онъ совсѣмъ безъ злого умысла никакъ не можетъ провести въ своемъ сознаніи разницы между идолопоклонникомъ и человѣкомъ, который поклоняется изображеніямъ или останкамъ людей усопшихъ. Вразумить на этотъ счетъ еврея такъ точно какъ вра-

зумлены нѣкоторые изъ христіанъ римскаго и восточнаго православія,—неодолимо трудно, если не совсѣмъ невозможно.

Авторъ книги „Евреи-реформаторы" задался цѣлью доказать съ чисто-религіозной точки зрѣнія цѣлесообразность и необходимость реформъ, которыя обновили бы „Израиля" и примирили съ нимъ міръ. Авторъ, исполнивъ это съ добросовѣстностью и полнымъ знаніемъ дѣла, отражаетъ всѣ нападки, направленные еврейскими старовѣрами противъ новыхъ реформъ, и разбираетъ одну за другою каждую реформу, указываетъ, на какихъ шаткихъ основаніяхъ талмудисты установили данное запрещеніе и предписаніе и разъясняетъ великій вредъ, проистекающій изъ этого для самихъ же евреевъ. Авторъ, сколько мы можемъ судить, кажется, очень хорошій знатокъ Талмуда и человѣкъ искренній и отважный. Онъ смѣло возстаетъ противъ еврейскихъ органовъ печати, противодѣйствующихъ успѣхамъ новой секты, очень основательно обвиняетъ редакторовъ и сотрудниковъ этихъ изданій въ недостойномъ прислужничествѣ старовѣрческимъ глупостямъ, въ которыя сами эти господа не вѣрятъ и вѣрить не могутъ. „Мы должны,—говоритъ авторъ—перестать убаюкивать себя разными увѣреніями крайней юдофильской партіи въ нашей ангельской невинности и голубиной кротости. Мы должны признать горькую долю истины, что наши соціальныя, экономическія и религіозно-нравственныя отношенія къ коренному населенію не нормальны и что часто вина за это лежитъ на насъ самыхъ. Мы должны сами исправить ошибки своихъ предковъ... Мы первые должны сдѣлать шаги по пути къ примиренію, потому что мы единицы, а они милліоны"...

Книга эта достойна вниманія какъ евреевъ, такъ и христіанъ, которые часто высказываются о еврействѣ съ большею рѣшительностію, но безъ основательныхъ знаній вопроса, представленнаго здѣсь человѣкомъ знающимъ и благородно настроеннымъ. Такія книги рѣдки и появленіе ихъ въ нѣкоторомъ родѣ составляетъ эпоху. Въ еврейской журналистикѣ сочиненіе это, разумѣется, будетъ заругано и опозорено, но тѣмъ болѣе повода людямъ знать его, дабы потомъ имѣть возможность знать и то,—что такое представляютъ собою наши еврейскіе интеллигенты, руководящіе еврейскую журналистику въ Россіи; въ состояніи ли они руководить массу къ свѣту, или болѣе способны потворствовать тьмѣ и застою.

Д—овъ.

Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви. Амвросія, епископа дмитровскаго. Москва 1882 года.

Эти два чтенія происходили въ нынѣшнемъ году, 17-го и 18-го марта, въ залѣ московской городской думы, и затѣмъ изданы отдѣльной брошюрой. Авторъ ея выводитъ, что ни наука, ни правительства не имѣютъ такого обилія средствъ, какимъ обладаетъ православная церковь для разъясненія и для рѣшенія такого глубокаго и отвлеченнаго вопроса, каковъ вопросъ о свободѣ человѣческой вообще и во всѣхъ ея частныхъ проявленіяхъ. Ссылками на Евангеліе и на апостольскія посланія преосвященный Амвросій доказываетъ, что святая церковь есть истинная проповѣдница и хранительница свободы. Отъ церкви все человѣчество узнало возможность пріобрѣсти и узаконить такія высокія человѣческія права, какъ свобода мысли, свобода совѣсти, сво-

бода исповѣданій, свобода слова и свобода отъ рабства; но, говоритъ авторъ, и до сихъ поръ, какъ видно изъ опыта, человѣчество не только не въ силахъ надлежащимъ образомъ осуществить въ своей жизни всѣ эти виды свободы, но и вполнѣ усвоить себѣ истинныя понятія о нихъ. Свобода мысли, по ученію церкви, вмѣнена намъ даже въ обязанность, чтобы на ней мы основывали и устраивали свое научное просвѣщеніе и благосостояніе, какъ частное, такъ и общественное. Авторъ указываетъ на тотъ смѣлый, но вѣрный полетъ мысли, когда свѣтлый умъ отъ началъ ученія вѣры возносится выше буквы писанія и обрядовыхъ постановленій закона къ выводамъ, поражающимъ, въ извѣстное время, своею силою большинство самихъ учителей и толкователей закона. Въ послѣднемъ значеніи мы видимъ свободу мысли въ Соломонѣ, когда онъ вопреки строгимъ предписаніямъ ветхозавѣтнаго закона, запрещавшимъ общеніе съ язычниками, торжественно провѣдалъ тайну призванія всего человѣчества къ вѣрѣ во Христа, моля Бога при освященіи построеннаго имъ храма: „если иноплеменникъ, который не отъ твоего народа, Израиля, придетъ изъ земли далекой, ради имени Твоего, услышь съ неба, съ мѣста обитанія Твоего и сдѣлай все, о чемъ будетъ взывать къ тебѣ иноплеменникъ, чтобы всѣ народы земли знали имя Бога“.

Что касается до свободы слова въ христіанскомъ смыслѣ, то оно, по выводу автора, есть ревностное и безбоязненное проповѣданіе и исповѣданіе истины съ убѣжденіемъ къ ея силѣ и съ готовностію на всѣ опасности и гоненія со стороны рѣшительныхъ враговъ ея или со стороны сильныхъ земли, имѣющихъ противъ нея свои предубѣжденія или невѣрные взгляды и склонныхъ оскорбляться противорѣчіемъ защитниковъ истины. Точно также, по выводу автора, съ точки зрѣнія православной церкви, истинная свобода печати есть ихъ существенное средство для распространенія здравыхъ и благотворныхъ понятій и нравственныхъ началъ на благо человѣчества, а завладѣніе этимъ орудіемъ просвѣщенія со стороны людей безъ основательныхъ познаній, безъ здравыхъ воззрѣній и нравственныхъ началъ, есть духовное насиліе, столь же бѣдственное для церкви, какъ и для человѣческихъ обществъ.

Установивъ, такимъ образомъ, понятіе о свободѣ мысли, слова и печати съ точки зрѣнія православной церкви и признавъ право человѣка на означенные три рода свободы, авторъ долженъ былъ сознаться, что у насъ свобода печати понимается не вѣрно, и сама печать находится въ рабствѣ у писателей и издателей преимущественно одной извѣстной партіи. Съ этимъ съ нимъ нельзя согласиться; напротивъ, мы видимъ въ нашей печати нѣсколько органовъ совершенно противоположнаго направленія, слѣдовательно преобладанія одной партіи нѣтъ. Той идеальной свободы мысли, слова, печати, какой желаетъ авторъ, какъ одинъ изъ высокихъ служителей нашей церкви, нельзя ожидать на землѣ отъ рукъ человѣческихъ, такъ какъ ихъ прикосновеніе исказило даже ту истинную церковь, то христіанское ученіе, которыя заповѣданы намъ Спасителемъ. Печать есть отраженіе того общества, со всѣми его хорошими и дурными наклонностями, въ средѣ котораго она орудуетъ, но свобода печати, какъ ни страшна она кажется для иныхъ по своимъ послѣдствіямъ, менѣе погубила людей, чѣмъ, напримѣръ, крестовые походы, инквизиція въ Испаніи и Америкѣ, тридцатилѣтняя война и другія религіозныя борьбы и преслѣдованія.

П. У.

Меттернихъ и европейская реакція. В. К. Надлера. Харьковъ. 1882 г.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 и 1881 гг. были помѣщены три статьи о „Запискахъ Меттерниха“. Вышедшіе въ то время четыре тома этихъ записокъ были разобраны подробно, указано ихъ значеніе, разъяснена ихъ лживость, односторонность, приведены доказательства искаженія многихъ общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ, умолчанія о такихъ событіяхъ, которыя представляли въ невыгодномъ свѣтѣ пресловутую меттерниховскую систему. Отзывъ нашъ объ этихъ запискахъ, значеніе которыхъ такъ раздували издатели и нѣкоторыя австрійскія газеты—былъ далеко не въ ихъ пользу. Но въ оцѣнкѣ этого историческаго документа, которому хотѣли придать особенную важность Меттернихи разныхъ націй, мы сходились со всѣми серьезными и безпристрастными критиками. Да и нельзя было скрывать неуспѣха „записокъ“, дальнѣйшее обнародованіе которыхъ пріостановилось еще въ прошломъ году. Въ нихъ историки думали найти любопытные документы—хотя бы и съ меттерниховской точки зрѣнія—и не нашли почти ровно ничего новаго и интереснаго. Самовосхваленіе, самомнѣніе, самоувѣренность въ непогрѣшимости своихъ поступковъ и воззрѣній ясно выразились въ запискахъ этого идеала ретроградовъ, который только потому казался великъ, что лица, преклонявшіяся передъ его мнимою государственною мудростью, сами были черезчуръ мелки, не исключая ни его повелителя Франца, ни другихъ властителей западной Европы. И въ то время, когда историческая литература покончила съ австрійскимъ канцлеромъ и его записками, которыя могутъ скорѣе служить обстоятельствами не облегчающими, а отягчающими вину его передъ исторіей и человѣчествомъ,—въ провинціальномъ, хотя и университетскомъ, городѣ г. Надлеръ издаетъ довольно объемистую книгу, гдѣ обстоятельно излагаетъ содержаніе четырехъ томовъ записокъ, серьезно обсуждая и доказывая несостоятельность меттерниховскихъ мѣръ и воззрѣній. Съ какою цѣлью совершается это вторичное открытіе Америки—трудно себѣ представить. Исторія европейской реакціи, конечно, поучительна, но вѣдь она не оканчивается 1830-мъ годомъ, на которомъ остановились Меттернихъ и г. Надлеръ, а разсказывать ее только по однимъ запискамъ Меттерниха значитъ добровольно дѣлаться одностороннимъ. Правда, авторъ говоритъ, что для своей книги онъ воспользовался и другимъ матерьяломъ, какъ это можно видѣть изъ примѣчаній. Но и примѣчанія эти большею частью заимствованы изъ тѣхъ же записокъ Меттерниха. Да и какое значеніе могутъ имѣть примѣчанія, въ родѣ перваго: „для характеристики Франца смотр. Шлоссеръ (такой-то томъ и страница), Гервинусъ, Шпрингеръ“. Если не приведены, для сравненія, цитаты этихъ писателей, то къ чему и называть ихъ? Понятно, что всякій историкъ, говоря о событіяхъ 1815—30 годовъ, говоритъ и о Францѣ, но что именно высказывается о немъ, надо привести, или не упоминать объ этомъ вовсе.

Нельзя не остановиться также надъ предисловіемъ къ книгѣ г. Надлера. Оно обнаруживаетъ такую шаткость убѣжденій автора, какая вовсе не свойственна серьезному историку. Начавъ съ общихъ мѣстъ, что „исторія великая учительница, а истина—цѣль и конецъ (? Вѣроятно: конечная цѣль) историческаго знанія“, г. Надлеръ переходитъ къ страннымъ обвиненіямъ „значительной части нашей интеллигенціи, утратившей даже всякій историческій

смыслъ, всякую способность вѣрнаго пониманія историческихъ явленій“. „Мы алчемъ и жаждемъ конституціи“ говоритъ онъ, „хотя всѣ конституціи—обманчивыя и пагубныя иллюзіи, въ полной несостоятельности которыхъ уже убѣдилась западная Европа“. Здѣсь, конечно, сейчасъ же приводятся въ примѣръ Франція, гдѣ, несмотря на республиканскую форму правленія, „достигнуто одно равенство, а о свободѣ нѣтъ еще и рѣчи“; говорится о печальномъ положеніи Италіи, гдѣ „благотворными послѣдствіями конституціоннаго режима были: разстройство финансовъ, отсутствіе внѣшняго значенія, безплодная борьба мелочныхъ партій“. Но, не говоря уже о томъ, что во Франціи наоборотъ: полная свобода, но нѣтъ еще гражданскаго равенства—діатрибы противъ этой страны и Италіи могутъ быть опровергнуты однимъ вопросомъ: ну, а положеніе Франціи при императорскомъ режимѣ или Италіи подъ властью мелкихъ королей и герцоговъ было лучше? И почему же авторъ умалчиваетъ вовсе о такихъ конституціонныхъ странахъ, какъ Бельгія, Голландія, Данія, Швеція, Норвегія, Греція и Румынія? признаетъ заслуги конституціонализма въ Англіи? И вѣдь самъ же онъ, черезъ двѣ страницы, первоначальными виновниками революцій, потрясавшихъ періодически Европу, признаетъ не либераловъ, а правительства, не понявшія свою задачу—охранять общество, что не значитъ „задерживать естественное развитіе, или даже идти назадъ—а руководить движеніемъ, регулировать его“. Между тѣмъ правительства „принялись за безжалостное искорененіе свободы, преслѣдовали не одни дѣла, но слова и мысли, пытались возвратить общество на нѣсколько вѣковъ назадъ, не допускали свободнаго движенія ни въ области религіи, ни въ литературѣ, ни въ наукѣ, ни въ общественной жизни, давили безпощадно прессу, сковали школу, видѣли все спасеніе въ полицейскихъ мѣрахъ... При невозможности всякой открытой опозиціи, при систематическомъ преслѣдованіи всякой свободной организаціи, недовольство, усиливавшееся съ каждымъ днемъ, облеклось въ форму тайныхъ обществъ, выражалось подпольными интригами, покушеніями, убійствами. Борьба съ тайными обществами начала поглощать все вниманіе, всѣ силы правительствъ. Ради этой борьбы пренебрегали они своими существеннѣйшими обязанностями, не обращали вниманія на развитіе матерьяльныхъ и нравственныхъ силъ населенія“. Эта картина, набросанная г. Надлеромъ, совершенно вѣрна и примѣнима не къ однимъ меттерниховскимъ временамъ. Онъ самъ говоритъ, что „конституція 1812 года была протестомъ противъ безсмысленной тираніи бурбонскихъ Фердинандовъ, а республиканскія фантазіи нѣмецкихъ буршей были отвѣтомъ на карлсбадскій конгресъ“. Почему же авторъ такъ возстаетъ противъ конституціонализма? Какое другое средство нашелъ онъ противъ тираніи обрисованныхъ имъ правительствъ? Почему онъ находитъ „неразрывную связь либерализма съ господствомъ капитала и эксплуатаціею массъ?“ Не доказываетъ ли все это, что онъ не уяснилъ себѣ своихъ собственныхъ убѣжденій?..

Вл. З.

Митрополитъ Кипріанъ въ литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе И. Мансветова. М. 1882.

Для древне-русской церкви однимъ изъ вопросовъ первой важности былъ вопросъ о церковномъ уставѣ. Впервые въ ней былъ принятъ студійскій уставъ, обработанный св. Ѳеодоромъ Студитомъ и господствовавшій въ Греціи до конца XI вѣка, когда тамъ сталъ входить въ употребленіе церковный уставъ дру-

го типа, іерусалимскій. Этотъ послѣдній въ своихъ основаніяхъ уже въ XII—XIII вѣка упрочился на Аѳонѣ, а въ XIV вѣкѣ былъ принятъ на всемъ востокѣ и у южныхъ славянъ. Съ вопросомъ о времени его появленія и утвержденія въ Россіи находится въ тѣсной связи вопросъ о значеніи литературной дѣятельности митрополита Кипріана. Г. Мансветовъ подробно разбираетъ тѣ книги литургическаго содержанія, которыя считаются у насъ или принадлежавшими Кипріану, или списанными съ книгъ, принадлежавшихъ ему, именно: служебникъ, требникъ и псалтырь, и старается опредѣлить, что они заключаютъ въ себѣ новаго сравнительно съ литургическими книгами, бывшими до Кипріана, и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ книгамъ, написаннымъ послѣ Кипріана. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ относительно значенія дѣятельности Кипріана въ области богослуженія, заключается въ слѣдующемъ: „Господство іерусалимскаго устава, говоритъ онъ, въ Россіи началось позже чѣмъ въ Греціи, и мы по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе отстали въ этомъ отношеніи отъ востока. Это доказывается тѣмъ, что русскіе списки этого устава относятся къ послѣдней половинѣ XIV вѣка, и носятъ на себѣ слѣды сербизмовъ, указывающихъ на его заимствованіе у южныхъ славянъ, и что русскій переводъ былъ сдѣланъ только въ началѣ XV вѣка. Отсталость русской церкви имѣла послѣдствія для нея весьма невыгодныя. Мы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и получали отъ него богослужебныя книги, но эти послѣднія, какъ извѣстно, подчиняются уставу, какъ своему регулятору, и перемѣны въ области послѣдняго неминуемо сказываются на обработкѣ и строѣ отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ. Выходило такъ, что эти вновь получаемыя книги, какъ редижированныя по іерусалимскому уставу, не сходились съ дѣйствовавшимъ у насъ студійскимъ типикомъ и становились въ противорѣчіе съ установившеюся практикою службы. Вслѣдствіе этого возбуждались въ русской церкви разные вопросы и недоумѣнія, разрѣшеніе которыхъ могло было быть произведено только тогда, когда нашей церкви былъ бы данъ іерусалимскій уставъ и съ нимъ были бы приведены въ согласіе наши богослужебныя книги. И тому и другому много способствовалъ митрополитъ Кипріанъ, хотя онъ и не утвердилъ у насъ іерусалимскаго устава, и не произвелъ цѣльнаго исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ; въ этомъ и заключается значеніе литургической дѣятельности Кипріана".

Мы не имѣемъ никакого основанія не соглашаться съ выводомъ г. Мансветова, но не можемъ не пожалѣть, что авторъ иногда выражается крайне неопредѣленно и не представляетъ читателямъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ приходитъ къ тому или другому заключенію. Такъ, онъ не указываетъ, какіе именно списки іерусалимскаго устава считаетъ онъ относящимися къ послѣдней половинѣ XIV вѣка и чѣмъ онъ руководствуется, опредѣляя время ихъ написанія. Какъ извѣстно, большая часть нашихъ древнихъ рукописей не имѣеть хронологическихъ датъ, и потому въ большинствѣ случаевъ о времени ихъ написанія судятъ на основаніи палеографическихъ признаковъ, позволяющихъ ошибаться постоянно на полстолѣтія, а очень часто и на цѣлое столѣтіе; вслѣдствіе этого, г. Мансветову необходимо было бы сдѣлать болѣе точныя указанія по этому предмету. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ древнѣйшихъ извѣстныхъ ему русскихъ спискахъ іерусалимскаго устава находятся сербизмы, но оставляетъ неизвѣстнымъ, что именно онъ считаетъ сербизмами. Есть основаніе думать, что г. Мансветовъ совершенный профанъ въ языковѣдѣніи и не въ силахъ отличить средне-болгарскаго языка отъ серб-

скаго; по крайней мѣрѣ, говоря о псалтыри Кипріана, онъ увѣряетъ, что она списана имъ, вѣроятно, въ Хиландарѣ съ какого-нибудь сербскаго извода, тогда какъ она писана на средне-болгарскомъ языкѣ; а говоря о сербскомъ каноническомъ сборникѣ, изданномъ г. Ягичемъ въ VI томѣ загребскаго ежегодника „Starine", г. Мансветовъ называетъ его болгарскимъ. Поэтому вопросъ о томъ, что разумѣетъ авторъ подъ сербизмами, имѣетъ для читателей весьма важное значеніе. Наконецъ, онъ говоритъ, что русскіе до Кипріана постоянно получали съ востока богослужебныя книги, что памятникомъ живыхъ книжныхъ сношеній ихъ съ Аѳономъ вообще и хиландарскимъ монастыремъ въ частности является множество рукописей богослужебнаго содержанія сербскаго извода, дошедшихъ до насъ отъ XIV—XV вѣковъ, но опять-таки умалчиваетъ, какія именно рукописи имѣетъ онъ здѣсь въ виду. Для читателей это весьма нужно знать, такъ какъ русскіе списки съ южно-славянскихъ оригиналовъ, относящіеся къ XIV—XV вѣковъ, до сихъ поръ у насъ считались рѣдкими и, напримѣръ, въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ Востоковъ нашелъ ихъ всего шесть: пять предполагающихъ болгарскій оригиналъ, и одинъ предполагающій оригиналъ сербскій. Кромѣ того, г. Мансветовъ дѣлаетъ кое-гдѣ и ошибки, впрочемъ, не особенно важныя. Напримѣръ, имя переписчика такъ называемаго кипріанова служебника, написанное въ рукописи сокращенно, онъ читаетъ: Сидко Молчановъ, тогда какъ слѣдуетъ читать: Сидорко Молчановъ; сочиненіе Никона Черногорца „Тактиконъ" онъ считаетъ переведеннымъ съ греческаго языка въ Новгородѣ въ 1397 г., тогда какъ къ этому году относится только его списокъ, сдѣланный въ Новгородѣ, а гдѣ сдѣланъ его переводъ и на какой славянскій языкъ—это ни откуда неизвѣстно.

А. С—кій.

«Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей». Изданіе В. В. Чуйко, С.-Петербургъ. 1882 г.

Въ настоящее время, въ виду изобилія печатнаго матеріала, весьма часто приходится слышать сожалѣнія о невозможности правильнаго выбора книгъ: за множествомъ ихъ, такъ трудно найти въ этомъ морѣ типографскихъ чернилъ „жизненно-важное". Безсмертныя мысли великихъ умовъ затерялись въ компиляціяхъ, популяризаціяхъ, въ дешевыхъ и доступныхъ большинству изданіяхъ. Принципъ дешевизны, этотъ нервъ капиталистическаго обогащенія, проникъ и въ область литературы—только безъ обогащенія кармана издателей и ума читателей.

Книга хороша, если она вполнѣ выясняетъ тотъ или другой отдѣлъ человѣческой мысли, то или другое выдающееся историческое событіе. Книга хороша, если она знакомитъ съ тѣми высокими идеалами, на которые способенъ человѣкъ. Книга хороша, если ея отношеніе къ европейской цивилизаціи выясняетъ намъ законченные образы мыслителей—борцовъ и ихъ вѣкъ и, такимъ образомъ, помогаетъ намъ, потомкамъ, продолжать великое дѣло предшественниковъ. Спросимъ, много-ли дешевыхъ и доступныхъ большинству книгъ удовлетворяютъ этимъ, или приблизительно такимъ, требованіямъ? Гаррисонъ, членъ лондонскаго института, справедливо говоритъ: „Намъ нужна твердая точка опоры въ огромномъ и постоянно увеличивающемся потокѣ литературы; безъ этой организующей точки опоры все, что есть великаго въ литературѣ, будетъ потоплено маленькими книгами. Нужно указаніе, чтобы не блуждать по необозримой водяной пустынѣ. Безъ него мы будемъ читать

все и не знать ничего; при немъ мы легко отвѣтимъ: какія книги при не большой дозѣ времени, остающейся у насъ на чтеніе, представляютъ для насъ жизненный интересъ?"

Спросимъ теперь г. Чуйко: руководился-ли онъ, при изданіи „Библіотеки европейскихъ мыслителей и писателей", стремленіемъ систематизировать наше знаніе и чтеніе, привести въ порядокъ обширное царство печатныхъ мыслей? Г. Чуйко руководится только тѣмъ, чтобъ изданіе было „дешево и доступно большинству". Перваго онъ достигъ,—достигъ и второго, если за большинство читающей публики принимать юношей съ христоматіями въ рукахъ, съ сборниками „образцовъ" такого-то писателя для 16-ти-лѣтняго возроста.

Но мы увѣрены, что взрослый, образованный читатель не почерпнетъ для себя ничего новаго, ознакомившись съ европейскими мыслителями и писателями по изданію г. Чуйко. Издатель выпустилъ въ свѣтъ уже семь выпусковъ: Свифтъ, Бокаччіо, Ренанъ, Руссо, В. Гюго, Вольтеръ, Лассаль. Выпуски эти не болѣе какъ сухенькія біографіи, выдержки изъ второстепенныхъ сочиненій, не характеризующихъ ни мыслителя, ни его время; иногда въ этихъ выпускахъ изображена частная жизнь европейскаго мыслителя, и полное забвеніе его общественной дѣятельности,—иногда полное непониманіе и этой частной жизни, какъ, напр., жизни Лассаля. Главныхъ произведеній Свифта, Бокаччіо и Ренана г. Чуйко или едва коснулся, или совсѣмъ оставилъ безъ вниманія, цитируя второстепенныя ихъ произведенія. Вѣкъ напр. Бокаччіо, Вольтера совсѣмъ не охарактеризованъ. Самъ Вольтеръ въ перепискѣ съ Екатериной II еще менѣе является для читателя освѣщеннымъ со всѣхъ сторонъ или, по крайней мѣрѣ, съ главной; Руссо, какъ частная личность, нѣсколько обрисованъ; но г. Чуйко не знакомитъ читателя съ Руссо, какъ съ общественнымъ дѣятелемъ. О Лассалѣ читатель не выноситъ никакого понятія, просматривая въ „выпускѣ" статью Лассаля о Лессингѣ и объ итальянской войнѣ и задачахъ Пруссіи. Никакого представленія о государственномъ соціализмѣ, которымъ прославился Лассаль, какъ агитаторъ, никакого представленія о его научныхъ заслугахъ, которыми онъ извѣстенъ въ области политической экономіи.—Если г. Чуйко будетъ продолжать пополнять „Библіотеку" выпусками въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы даемъ нѣсколько строгій отзывъ, то къ нему вполнѣ будутъ примѣнимы слова Лассаля по поводу занимающей насъ темы: почему великіе и славные мыслители и поэты пронеслись надъ головами большинства общества какъ стадо журавлей и до массы ничего не дошло отъ нихъ кромѣ пустаго звука имени?—Лассаль отвѣчаетъ: „Буржуазный умъ не обращается къ оптовымъ продавцамъ мысли, которыми гордится Германія, къ своимъ великимъ мыслителямъ и философамъ. На это у него нѣтъ вкуса, времени и достаточной подготовки. Подобно тому какъ бѣдняки, не имѣя средствъ покупать припасы заблаговременно, большими количествами у оптовыхъ торговцевъ, принуждены брать ихъ у мелкихъ лавочниковъ, хотя скверные и поддѣльные, такъ и буржуа покупаютъ мыслительныя издѣлія ежедневно изъ рукъ самыхъ жалкихъ торговокъ, изъ рукъ либеральныхъ жалкихъ писакъ". Между тѣмъ, зная г. Чуйко по его другимъ литературнымъ трудамъ, мы были вправѣ ожидать отъ него „выпусковъ" съ направленіемъ и опредѣленнымъ содержаніемъ. Теперь же намъ приходится напомнить ему афоризмъ какого-то писателя, что „одно изъ несчастій нашей жизни состоитъ въ томъ, что намъ приходится прочитывать тысячи книгъ для того, чтобы убѣдиться, что ихъ не стоило читать".

А. Ф—въ.

Д. В. Цвѣтаевъ. Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. Воронежъ. 1882 г.

Нѣтъ ничего труднѣе и иногда даже неблагодарнѣе, какъ въ наше время издавать на русскомъ языкѣ книги по болѣе или менѣе спеціальнымъ вопросамъ исторіи всеобщей литературы. Несомнѣнный въ наши дни упадокъ общаго историко-литературнаго образованія, обусловленный прежде всего отсутствіемъ исторіи всеобщей литературы въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, въ свою очередь обусловливаетъ собой съуженіе круга читателей, склонныхъ заинтересоваться какимъ нибудь отдѣломъ всемірной литературы, на которомъ неисповѣдимыми судьбами остановился авторъ. Появленіе такой книги сейчасъ же вызываетъ даже среди руководящей критики, которая никогда не задумывается, напр. превосходныя работы гг. Стороженки, Веселовскихъ и немногихъ другихъ изслѣдователей въ области исторіи всеобщей литературы, встрѣчать совершенно посторонними разсужденіями о томъ, настоитъ ли надобность разрабатывать Мольера, Шекспира, Шиллера „въ настоящее время, когда и пр.“ Но г. Цвѣтаевъ въ своей работѣ руководится благой вѣрой въ то, что за послѣднее время уже не имѣютъ мѣста еще такъ недавно безпощадные „взмахи противоэстетической критики, особенно сильной въ 60-хъ годахъ“. „За послѣднее время, говоритъ далѣе авторъ, съ бóльшимъ развитіемъ эстетическаго вкуса, замѣчается вообще поворотъ къ художественному“.

Какъ-то пріятно и въ то же время грустно слышать подобныя слова. Поворотъ къ художественному! Да неужели мы послѣднія 20 лѣтъ стояли спиною къ поэзіи и искусству, къ этимъ живительнѣйшимъ началамъ нашей духовной жизни? Съ грустью должны мы отвѣтить: да, люди, вѣдавшіе два послѣдніе десятка лѣтъ дѣло россійскаго слова, обращались съ поэзіей не особенно бережно, чтобъ не сказать чего нибудь хуже. Всѣ попытки разрушить старыя традиціи въ искусствѣ кончились, потому что у кого въ наши дни есть искра Божія, тотъ не станетъ въ своихъ писаніяхъ придерживаться принциповъ разрушенія эстетики, а именно ей-то и поклонится, изъ нея-то и возьметъ руководящія начала. Г. Цвѣтаевъ въ своей книгѣ идетъ какъ бы навстрѣчу замѣченному имъ и другими „повороту къ художественному вообще“, давая въ руки читающаго люда прекрасный объяснительный матерьялъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ великаго германскаго поэта. Только прежде, чѣмъ рекомендовать книгу г. Цвѣтаева всѣмъ, кого она можетъ интересовать, мы постараемся отдѣлить въ ней пшеницу отъ плевелъ.

Книга г. Цвѣтаева въ высшей степени полезна, давая самый обстоятельный историческій комментарій къ каждой поэмѣ Шиллера, объясняющій какъ самый фактъ, взятый сюжетомъ поэтическаго произведенія, такъ и прослѣживающій литературную передачу сюжета изъ одного памятника въ другой и, наконецъ, разработку его подъ перомъ великаго поэта. Этотъ историческій комментарій, по нашему мнѣнію, составляетъ капитальную часть книги, пользоваться которой мы рекомендуемъ всѣмъ, занимающимся словесностью, тѣмъ болѣе, что у насъ при этомъ не трудно встрѣтиться съ художественными балладами Шиллера, не менѣе художественно переданными на нашъ языкъ В. А. Жуковскимъ.

Не менѣе цѣнны, на нашъ взглядъ, критическія настроенія г. Цвѣтаева, въ которыхъ онъ прекрасно выясняетъ идею каждаго созданія Шиллера въ связи съ ея поэтическимъ выраженіемъ. Добросовѣстная постановка вопроса

объ идеяхъ, одушевляющихъ извѣстныя поэтическія произведенія, тѣмъ болѣе необходима въ наши дни, что, при охватившемъ всѣхъ смѣшеніи языковъ, на этотъ счетъ появилась самая печальная путаница понятій. Одни говорятъ: изображай дѣйствительность такою, какова она есть; другіе съ справедливымъ неудовольствіемъ встрѣчаютъ тенденціозныя произведенія съ ихъ ходульными фигурами, безжизненно произносящими фразы, почему либо излюбленныя авторомъ. И то, и другое направленіе намъ кажется явленіемъ болѣзненнымъ. Идея вѣчная, идея міровая, eo ipso всегда безконечно выше какъ сѣрой повседневной дѣйствительности, такъ и тенденцій, въ извѣстные періоды вызывающихъ извѣстныя группы людей. Она-то, эта вѣчная идея, и должна освѣщать всякое истинно-поэтическое созданіе, не заглушенная ни натуралистическими (употребляемъ золаистическій терминъ нашихъ дней) подробностями, ни доктринами, которыя сегодня живы, а завтра отъ нихъ ничего не останется. „Степень и прочность очаровательности поэтическихъ произведеній"—говоритъ г. Цвѣтаевъ—„всегда связывается съ качествомъ одушевляющей ихъ идеи. Кто бы могъ поручиться за то громадное вліяніе, какимъ пользуется Шиллеръ, если бы онъ ограничился одной изящной формой, а не былъ жрецомъ идеаловъ или, какъ онъ самъ выражается, не старался бы вложить въ предметъ абсолютное содержаніе. Его постоянно воодушевляли идеи высокія, по преимуществу общечеловѣческія. Найти ихъ въ его произведеніяхъ—значитъ почти каждый разъ узнавать, чѣмъ жило, волновалось и страдало человѣчество". (32) Въ послѣднихъ словахъ заключается оцѣнка критической задачи г. Цвѣтаева, если онъ хотя отчасти приблизился къ ея выполненію.

Но г. Цвѣтаевъ не ограничивается выясненіемъ идей, а даетъ еще обстоятельную критику ихъ выраженія въ поэтическихъ формахъ. Разбирая каждое выдающееся по содержанію мѣсто, г. Цвѣтаевъ прослѣдилъ выдержанность этихъ формъ, хотя не обошелъ, гдѣ того требовала правда, и недостатковъ разбираемыхъ балладъ. Кромѣ того, г. Цвѣтаевъ съ фактами въ рукахъ прекрасно отмѣтилъ свободу творчества великаго поэта, свободу его отъ узкихъ требованій извѣстныхъ традицій искусства, и тѣмъ еще больше показалъ значеніе Шиллера. „Значеніе истинныхъ поэтовъ въ поступательномъ движеніи искусства—говоритъ г. Цвѣтаевъ—въ томъ и состоитъ, что они не всегда творятъ по существующимъ обязательнымъ для массы теоріямъ, а болѣе послушные своему непосредственному чувству создаютъ такія произведенія, что сообразно съ послѣдними приходится потомъ измѣнять и самую теорію. Ихъ главная сила—въ ихъ организаторской, самобытно-творческой и чуткой прекрасному природѣ" (70).

Переходя къ тѣмъ плевеламъ, присутствіе которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя не видѣть въ книгѣ г. Цвѣтаева, мы должны замѣтить, что авторъ, работавшій подъ очевиднымъ вліяніемъ нѣмецкихъ комментаторовъ Шиллера (хотя онъ и не счелъ нужнымъ привести богатую литературу предмета у нѣмцевъ, а напротивъ, привелъ жалкій списокъ работъ о Шиллерѣ, которыми обладаетъ русская литература) авторъ слишкомъ увлекся нѣмецкой страстью расчленять поэтическія произведенія и распредѣлять полученныя такимъ образомъ части по арабскимъ и римскимъ цифрамъ. Когда такимъ образомъ расчленяютъ прекрасное поэтическое произведеніе, всегда органически цѣлое, точно будто на вашихъ глазахъ обламываютъ по кусочкамъ прелестную вазу. И это называется дать „логическій строй произведенія".

Приведемъ, напримѣръ, „логическій строй" баллады „Перчатка:"

I. Открытіе сцены (вступленіе).
II. Выступленіе животныхъ.
(дѣйствіе въ сферѣ животныхъ).
1) Льва.
2) Тигра. } А.
3) Леопарда.
III. Паденіе перчатки...
и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Что доказываютъ и поясняютъ подобныя расчлененія, предоставляемъ судить поборникамъ нѣмецкой аккуратности; только знаемъ, что все это отзовется на судьбѣ бѣдныхъ гимназистовъ 4—5-го класса. Не одинъ учитель гимназіи, вдохновленный книжкой Цвѣтаева, станетъ щеголять передъ своими учениками „выступленіемъ льва, тигра, леопардовъ и паденіемъ перчатки“. Только будетъ ли это споспѣшествовать „повороту вообще къ художественному“—оставляемъ это на совѣсти г. Цвѣтаева, а между тѣмъ искреннія намѣренія автора лежатъ внѣ всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, часто бываетъ, что мы сами не знаемъ, какимъ богамъ служимъ. **Е. Г.**

Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. А. Штиглица. Спб. 1882 г.

Трудъ г. Штиглица имѣетъ цѣлью исторически-догматическое разсмотрѣніе картельныхъ конвенцій, заключенныхъ государствами между собою о выдачѣ преступниковъ, а равно и самаго вопроса о такой выдачѣ. Выдача преступниковъ началась съ древнихъ временъ. Жители Іудеи выдали Самсона филистимлянамъ, лакедемоняне объявили войну мессенянамъ за отказъ ихъ выдать одного убійцу. Даже въ египетскихъ гіероглифахъ нашли трактатъ о выдачѣ преступниковъ, заключенный между египетскимъ царемъ Рамзесомъ II и княземъ Хетскимъ. Первые международные договоры о выдачѣ касались преимущественно выдачи политическихъ преступниковъ, которые впослѣдствіи были исключены изъ картельныхъ конвенцій. Франція исключила ихъ только съ 1833 года. Подобные договоры у Россіи существуютъ съ Даніею, Голландіею, Италіею, Швейцаріею, Баваріею, Бельгіею, Австріею, Испаніею. Въ баварской конвенціи цѣлая категорія политическихъ преступниковъ подлежитъ выдачѣ, именно цареубійцы. Въ датской и голландской конвенціяхъ о политическихъ преступленіяхъ не упоминается. Въ конвеціи съ Швейцаріею установлено исключеніе не только въ пользу политическихъ преступниковъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, но и относительно тѣхъ случаевъ, когда политическія преступленія бываютъ соединены съ общими уголовными. Австрійская конвенція по содержанію своему сходна съ швейцарскою. Съ Франціею, Англіею, Соединенными Сѣверо-Американскими штатами у Россіи не существуетъ картельныхъ конвенцій. Съ Пруссіею въ 1816 году была заключена Россіею такая конвенція, въ силу которой подлежали выдачѣ даже политическіе преступники. Въ 1857 году эта конвенція продолжена была еще на 12 лѣтъ, то есть до 8-го августа 1869 г.

Г. Штиглицъ извѣстенъ уже въ литературѣ своимъ трудомъ: „Изслѣдованіе о военной контрабандѣ“, вышедшемъ въ 1881 году. Нынѣшній трудъ, разбирая подробно вопросъ о выдачѣ преступниковъ, сообщаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ много интересныхъ данныхъ по возникавшимъ между государствами переговорамъ по этому предмету. Съ тѣмъ вмѣстѣ трудъ г. Штиглица знакомитъ и съ обширною литературою Франціи, Германіи, Италіи, Англіи по вопросу о картельныхъ конвенціяхъ, о политическихъ преступленіяхъ и о выдачѣ политическихъ преступниковъ. **П. У.**



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо Андрея Искры, поданное графу П. А. Зубову.

„Сіятельнѣйшій графъ!



ПОРЫВАЕМЫЙ ревностію услужить государямъ, предокъ мой, полковникъ Искра, намекнулъ про измѣну Мазепы; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шапку. Въ тотъ моментъ появилась и правда его; но голова не картузъ.

„Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ; послѣ Украину отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ Малороссіи; но тѣ были тогда малолѣтны; пока возмужали, государь скончался. И тогда и теперь—все равно. вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. Это древность, графъ!

„Я просился изъ военной въ гарнизонъ, а меня отставили въ чистую, словно какъ будто бы въ то награжденіе, чтобъ за долговременную и безпорочную службу околѣть съ голоду. А это, графъ, прошедшее.

„Я сюда пріѣхалъ, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ. Годъ мѣста былъ въ-полсыта, а подъѣзжалъ на извощикахъ; другой и третій пѣшій боролся съ голодомъ; а теперь уже и премудрость не помогла, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ итти: служить негдѣ, а дома жить не у чего. Вотъ это настоящее, графъ! Но то для вельможи не новизна, а для чувствительной души страданіе. Ваша преисполнена доброты, такъ помогите мнѣ! Вѣкъ времени, что правительствовавшій малой Россіей, бывшій гетманъ и тамошній генералъ-губернаторъ, а наконецъ и сенатъ, за то отшедшее имѣніе, присудили наградить насъ; но и до-днесь мы въ чаяніи будущихъ благъ.

„Докладъ сената два года лежалъ у г. Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ; а теперь нѣсколько мѣсяцевъ ле-

жить у г. Попова, которому императрица именно и точно повелѣть изволила: взять и доложить, а я хлѣбаю завтраки.

„Братъ мой, тожъ маіоръ, подъ Анапою сдѣлался безъ руки, а у меня хотя и обѣ уцѣлѣли, но только развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ, подъ визгъ: подайте Христа ради! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣчье потомковъ—непрерывная суть жертва ревности.

„Сіятельнѣйшій графъ! ревнитель истины и у престола ходатайствующій о ней, заступи насъ! Единое слово твое сдѣлаетъ больше, нежели столѣтіе; а мы если не забвенны будемъ у васъ, то вы не забвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедрый, родъ его вознесется во славу.

„Вашего сіятельства
„Всепокорнѣйшій слуга

„1794 года, февраля 17 дня.

„Андрей Искра".

Сообщено **Е. И. Корошкиной.**

Къ исторіи царствованія императора Александра I-го.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ Павловичъ, желая нѣсколько разогнать снѣдавшую его душевную тоску, предпринималъ частыя и продолжительныя поѣздки въ разныя мѣстности Россіи. Вотъ въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ Псковской губерніи ему бросилось въ глаза обиліе нищихъ, бродившихъ по дорогамъ—для собиранія подаянія... Это были крестьяне, находившіеся тогда подъ отеческою властію помѣщиковъ, а частію и казны. Бродяжничество крестьянъ показывало, что ихъ названные отцы мало о нихъ заботились. Это очень огорчило императора Александра Павловича, у котораго, очевидно, крестьянскій вопросъ, такъ горячо занимавшій его въ началѣ царствованія, не выходилъ изъ ума и сердца и впослѣдствіи. Эти частыя встрѣчи по дорогѣ крестьянъ, не только калѣкъ, но и здоровыхъ, и даже дѣтей, нуждавшихся въ кускѣ хлѣба и жившихъ милостынею, болѣзненно отзывались въ душѣ государя-самодержца, когда-то восторженнаго гуманиста... Рисуя передъ нимъ тягостные образы сельскихъ порядковъ и отношеній,—эти нежеланныя встрѣчи будили въ его совѣсти забытые идеальные порывы прошлаго и все еще требовали отъ него,—уже усталаго, разочарованнаго и тяготившагося ношею своей могучей, но чрезъ это самое еще болѣе отвѣтственной предъ Богомъ и людьми, власти,—требовали отъ него такихъ или иныхъ мѣръ и въ настоящемъ... Онъ уже не могъ сдѣлать того царскаго манія, котораго такъ ждалъ отъ него Пушкинъ и въ силу котораго рабство должно было пасть, а народъ освободиться... Онъ способенъ былъ теперь сдѣлать усиліе только на мѣры палліативныя, имѣвшія пройти чрезъ горнило канцелярій и разсчитывавшія въ концѣ концовъ на добрую волю тѣхъ же самыхъ „названныхъ отцовъ", отъ которыхъ зависѣло огорчавшее его крестьянское зло. Вотъ подобныя именно мѣры Александръ I-й велѣлъ выставить на видъ губернатору Псковской губерніи, гдѣ въ особенности рѣзко представилось ему тогдашнее сельское безладье—въ образѣ крестьянскаго бродящаго нищенства. Но такъ какъ на Псковскую губернію могли быть похожи въ этомъ отношеніи и другія, то тогдашній ми-

нистръ внутреннихъ дѣлъ счелъ долгомъ повелѣніе государя относительно Псковской губерніи сообщить циркулярно и прочимъ губернаторамъ. Вотъ этотъ-то министерскій циркуляръ, гдѣ выражены, быть можетъ, послѣднія думы Александра Благословеннаго о крестьянскомъ вопросѣ, мы извлекли изъ архива бессарабскаго губернскаго правленія и сообщаемъ теперь какъ крупицу для исторіи крѣпостнаго права.

М. В. Д.
Департаментъ полиціи исполнительной.
Отдѣленіе 2-е.
Столъ 2.
23 мая 1825 г.
№ 661.
О принятіи надлежащихъ мѣръ къ пресѣченію бродяжничества нищихъ.

„Циркулярно.
„Г. гражданскому губернатору.

„Г. начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества препроводилъ ко мнѣ списокъ съ объявленнаго имъ псковскому гражданскому губернатору 20-го минувшаго апрѣля высочайшаго повелѣнія, въ которомъ изображено, что во время нынѣшняго проѣзда государя императора, его величество нигдѣ не встрѣчалъ такого множества нищихъ, какъ въ Псковской губерніи, и съ крайнимъ прискорбіемъ замѣтилъ, что, конечно, помѣщики, обязанные пещись о состояніи и прокормленіи своихъ крестьянъ, весьма мало о томъ заботятся, равно и мѣстное начальство не обращаетъ на сей важный предметъ должнаго вниманія; особенно непростительно то, что допускаютъ не только калѣкъ, но совершенно здоровыхъ и способныхъ къ работамъ и малолѣтнихъ дѣтей бродить по дорогамъ и представлять себя нищими, дабы испрашивать подаяніе, чѣмъ болѣе и болѣе портится нравственность, ибо всѣ пороки являются отъ праздной жизни. Посему его императорское величество повелѣлъ псковскому гражданскому губернатору—во 1-хъ, привести въ извѣстность всѣхъ нищихъ калѣкъ и тѣхъ изъ нихъ, кои принадлежатъ помѣщикамъ, отдать имъ на попеченіе, такъ какъ они обязаны пещись о ихъ пропитаніи; казенныхъ же крестьянъ отдать на таковое же попеченіе казеннымъ селеніямъ. Во 2-хъ, строго подтвердить и наблюдать со стороны полиціи, чтобы нищимъ калѣкамъ, и тѣмъ менѣе подъ видомъ ихъ здоровымъ, отнюдь не было позволено отлучаться самовольно изъ своихъ селеній и бродить по дорогамъ и другимъ мѣстамъ для испрашиванія милостыни и, въ 3-хъ за нерадѣніе о призрѣніи нищихъ калѣкъ, за допущеніе ихъ отлучаться изъ своихъ селеній и за бродяжничество подъ видомъ ихъ здоровыхъ, подвергать строжайшему взысканію какъ помѣщиковъ, такъ и волостныхъ головъ, наиболѣе же чиновниковъ земской полиціи, у коихъ случатся подобные безпорядки.

„О такомъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи, послѣдовавшемъ по Псковской губерніи, я счелъ долгомъ увѣдомить и ваше превосходительство съ тѣмъ, дабы вы по ввѣренной вашему управленію губерніи приняли надлежащія мѣры къ искорененію бродяжничества нищихъ, гдѣ оно существуетъ.

„Подписалъ: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланской".
„Скрѣпилъ: директоръ Матвѣй Штеръ".
„Свѣрялъ: начальникъ стола Д. Синицынъ".
„Вѣрно: титулярный совѣтникъ Копѣйкинъ".

Сообщено **Л. С. Мацѣевичемъ.**

Случай изъ жизни графа Сперанскаго.

Графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій, въ бесѣдахъ со своими молодыми сотрудниками по составленію свода законовъ, нерѣдко разсказывалъ слѣдующій случай изъ своей жизни, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе въ законодательныхъ его работахъ. Сперанскій занятъ былъ составленіемъ „Положенія объ евреяхъ" [1]). Въ это время въ Петербургѣ находился одинъ изъ раввиновъ, извѣстный своею ученостью и знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Раввинъ былъ представленъ Сперанскому, заинтересовалъ его своими многосторонними знаніями и былъ приглашенъ въ небольшой домашній комитетъ къ графу, для обсужденія только что оконченнаго тогда „Положенія объ евреяхъ". Въ назначенный часъ раввинъ явился, но, увидѣвъ на столѣ три объемистыя книги, немного, повидимому, смутился. Чтеніе проекта „Положенія" началось въ девять часовъ вечера и продолжалось до второго часа утра. Чтецъ и слушатели утомились. Послѣ краткой паузы, Сперанскій обратился къ раввину съ вопросомъ: „понятно ли написано, удобно ли для исполненія и полезно ли для евреевъ?" Раввинъ всталъ, принялъ осанку мудреца и возразилъ: „Цѣль всякаго законодательства заключается въ томъ, чтобы удерживать народъ въ нравственности и правотѣ. Чѣмъ короче и удобопонятнѣе законы, тѣмъ они удобнѣе для исполненія. Корень законодательства, какъ древнихъ царствъ, такъ и новѣйшихъ державъ и народовъ, суть заповѣди Моисея, писанныя на двухъ доскахъ, составляющія десять пунктовъ. Въ сихъ заповѣдяхъ сказано: не дѣлай того и того, и исполняй то и то: Если ваше превосходительство сообразите свой проектъ съ этимъ корнемъ законодательства, то онъ изъ трехъ большихъ томовъ и изъ тысячи пятисотъ статей сократится на двѣ страницы и составитъ не болѣе десяти пунктовъ. Скажите: евреи уравниваются въ правахъ личныхъ, собственности и въ повинностяхъ съ такими-то сословіями. Евреи не должны дѣлать того-то и того-то, евреи обязаны исполнять то и то. Неблагоразумно разъединять семейный союзъ государства начертаніемъ особыхъ постановленій для каждаго племени, касты или сословія и учреждать въ царствѣ царства. Еще неблагоразумнѣе было бы установлять поколѣнные или сословные суды и управы. Ничто такъ не раззоряетъ народъ, какъ многоначаліе. Законы, управы и суды должны быть общіе для всѣхъ членовъ государственнаго союза. Чѣмъ малосложнѣе составится еврейскій уставъ, чѣмъ менѣе назначится властей, и чѣмъ шире уравняютъ евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, тѣмъ болѣе законъ этотъ будетъ понятенъ, удобенъ для исполненія и полезенъ для евреевъ и тѣмъ скорѣе достигнута будетъ проявляющаяся въ немъ главная цѣль правительства: распространеніе между евреями просвѣщенія, слитія національности и усвоеніе народу Божію всѣхъ благъ европейской цивилизаціи. Осмѣливаюсь убѣждать васъ, для огражденія славнаго своего имени отъ порицанія мудрыхъ, передѣлать свой обширный трудъ и при этомъ принять во вниманіе мои дерзкія замѣчанія".

М. М. Сперанскій вспыхнулъ, сталъ пространно доказывать необходимость уясненія различныхъ сословныхъ отношеній и проч., но затѣмъ, постепенно,

---

[1]) Хотя въ интересномъ очеркѣ жизни графа Сперанскаго, помѣщенномъ въ № 10 и 20 „Русскаго Вѣстника" 1859 года, сказано, что онъ занимался составленіемъ „Положенія объ евреяхъ", но приводимый здѣсь случай не сообщенъ. I.

уступая хладнокровію и скромности умнаго раввина, сознался въ односторонности своего взгляда на этотъ предметъ и согласился сократить проектъ, что и было имъ исполнено.

Этотъ урокъ, по словамъ Сперанскаго, имѣлъ большое вліяніе на всѣ послѣдующіе труды его на законодательномъ поприщѣ. Сперанскій, убѣдившись практическими уроками общественной жизни, говорилъ своимъ молодымъ сотрудникамъ: „что не то хорошо, что ново, но то полезно, что согласно съ нравами и потребностями народа".

Сообщено **Н. С. Усовымъ.**

Письмо Булгарина къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому.

„Ваше Высокопревосходительство,

„Милостивый государь,

„Левъ Алексѣевичъ!

„Вѣря въ ваше правосудіе, безкорыстный патріотизмъ и любовь къ общему благу, какъ въ существованіе Бога, я съ полнымъ упованіемъ на облегченіе моей судьбы прибѣгаю къ вашему высокопревосходительству, и всенокорнѣйше прошу выслушать меня.

„Продавъ мое родовое имѣніе въ западныхъ губерніяхъ, за восемнадцать лѣтъ предъ симъ, я купилъ недвижимое имѣніе Карлово, возлѣ самаго ученаго Дерпта, представляющаго мнѣ множество вспомогательныхъ средствъ къ моимъ занятіямъ. Это было первое покушеніе [1]) со стороны человѣка, не принадлежащаго къ кастѣ инкасовъ или браминовъ, т. е. лифляндскаго дворянства, къ водворенію въ заповѣдной странѣ. Изгнать меня оттуда, посредствомъ выкупа имѣнія, по праву Näheyecht, было инкасамъ или браминамъ не выгодно, потому что я за имѣніе заплатилъ дорого, а гордые наслѣдники имущества бароновъ Левенвольдовъ и другихъ правителей Россіи не выдадутъ лишняго гроша даже на пищу своему тщеславію! Проводя только часть лѣта въ моемъ скромномъ уголкѣ, я бесѣдую болѣе съ природою и моими книгами, чѣмъ съ людьми, хотя по врожденному чувству люблю нѣмцевъ, т. е. честныхъ и умныхъ, и всѣми мѣрами старался и стараюсь угождать туземцамъ, которые даже въ изліяніяхъ дружбы сознавались мнѣ, что они, желая мнѣ всякаго добра, рады были бы выжить меня изъ Лифляндіи единственно для примѣра другимъ, чтобъ отбить охоту у русскихъ дворянъ пріобрѣтать владѣнія въ той странѣ. Испыталъ я самыя безмысленныя гоненія! Напримѣръ: повара моего брали подъ стражу на рынкѣ и отнимали у него купленную имъ провизію, ссылаясь на постановленія Гермейстерскихъ временъ, т. е. XIV вѣка, когда въ странѣ была междоусобная война между Land und Städte, т. е. городами и мызами, и когда города, будучи въ вѣчной осадѣ, запрещали вывозить за городскія стѣны съѣстные припасы. Эти обветшалыя постановленія городъ вздумалъ возобновить въ отношеніи ко мнѣ одному: послѣ того городъ затѣялъ со мною тяжбу, и основываясь на какой-то старинной картѣ, сдѣланной городскимъ землемѣромъ, безъ ре-

---

[1]) Въ Лифляндіи есть жалованныя имѣнія графа Шереметева, Чоглоковыхъ и графовъ Бобринскихъ, но купленныхъ русскими дворянами не бывало и нѣтъ. Я былъ первый и вѣроятно послѣдній.

визіи и подписи земскихъ депутатовъ, пренебрегая пятидесятилѣтнюю давность, требуетъ, чтобъ мое Карлово поступило въ городъ, т. е. въ городскую юрисдикцію. Городъ отказывалъ мнѣ даже въ позволеніи покупать песокъ (грантъ) для построекъ, продавая его изъ своихъ песчаныхъ розсыпей всѣмъ и каждому, а земская полиція при всякомъ квартированіи войскъ, вопреки мѣстнымъ и русскимъ законамъ, ставитъ всегда въ мой господскій дворъ или цѣлую роту, или цѣлый эскадронъ, выгоняя, такъ сказать, меня изъ дома, и назначая въ другія, въ двадцать разъ обширнѣйшія имѣнія, или по нѣскольку только человѣкъ, или вовсе освободивъ ихъ отъ постоя. Все переносилъ я терпѣливо и однажды только возвысилъ голосъ, а именно въ 1837 г., когда на оффиціальномъ обѣдѣ у попечителя генералъ-лейтенанта Крафстрема безчиновный лифляндскій дворянинъ Штакельбергъ (Abbiasche, т. е. владѣющій имѣніемъ Аббіи), говоря о привилегіяхъ Лифляндіи (которыя тогда еще не были утверждены государемъ императоромъ), сказалъ публично, что „русское дворянство есть ни что иное, какъ сословіе освобожденныхъ рабовъ, на которыхъ еще не зажили язвы отъ кнута и палокъ, а потому и не можетъ равняться съ вольнымъ лифляндскимъ дворянствомъ!“ На это я отвѣчалъ преспокойно, что если и лифляндское дворянство пересмотритъ рачительно свои метрическія книги (Matrikel), то найдетъ тамъ портныхъ и сапожниковъ [1]) (Schuster und Schneider), и что если припоминать времена варварства, то окажется, что и лифляндскіе послы должны были кланяться не лицу Ивана Васильевича Грознаго, что подтверждаютъ лифляндскіе историки [2])“. Съ этихъ поръ лифляндцы объявили меня Russisch gesinnt, т. е. проникнутаго русскимъ духомъ, что почитается тамъ хуже чумы и проказы, и хотя вовсе не вмѣшивался и не вмѣшиваюсь ни въ какія общественныя дѣла Лифляндіи, будучи лишенъ тамъ, какъ всѣ русскіе дворяне, всѣхъ земскихъ правъ, и душевно желаю блага этому краю, но лифляндцы стараются всѣми силами сдѣлать мнѣ непріятнымъ пребываніе между ними, единственно слѣдуя своей системѣ, основанной на ненависти къ русскимъ людямъ.

„Зная, что я пріѣзжаю въ маѣ мѣсяцѣ съ семействомъ въ Карлово, дерптскій Орднусъ-герихтъ поставилъ въ домъ мой 40 человѣкъ казаковъ и семейнаго ротмистра, съ шестью человѣками прислуги, и до 50-ти лошадей! Это уже не постой а военная экзекуція или военный постъ! Между тѣмъ, въ верстѣ отъ меня, на мызѣ Ропно, принадлежащей господину Брашу, нѣтъ ни одного человѣка на постоѣ, хотя имѣніе г. Браша въ двадцать разъ болѣе моего! Секретарь Орднунсъ-герихта, Страусъ, самъ привелъ команду на мою мызу, и съ насмѣшкою рекомендовалъ управляющему: „гостей-земляковъ, которымъ я долженъ быть радъ!“ Можно ли подобныя насилія и несправедливости терпѣть въ благоустроенномъ государствѣ, и гдѣ видано, чтобъ

---

[1]) Богатыхъ людей изъ мѣщанъ и купцевъ принимаютъ въ заповѣдную касту дворянъ, особенно если они пріобрѣли первый офицерскій статскій чинъ. Замѣчательно, что нынѣ въ трехъ остзейскихъ провинціяхъ только 12 старинныхъ рыцарскихъ фамилій. Прочее дворянство изъ шведскихъ чиновниковъ, и большая часть, три четверти, изъ русскихъ мелкихъ чиновниковъ съ деньгами, нѣмецкаго происхожденія. Нынѣшніе аристократы Каульбарсы, Арпсговены, Гроты, Мензенкампфъ и т. п. дѣти и внуки купцевъ.

[2]) Иванъ Васильевичъ Грозный принялъ Лифляндское посольство обернувшись къ нему тыломъ, и послы должны были кланяться. Неоспоримый историческій фактъ. Это было наказаніе за оскорбленіе Русскихъ пословъ.

въ мирное время занять мызу военнымъ образомъ? Дворовый скотъ мой долженъ погибнуть, потому что у меня берутъ послѣднюю солому на подстилку казачьимъ лошадямъ! Не говорю о другихъ издержкахъ. И за что же такое гоненіе на мызу Карлово? Мужики мои никогда не были ослушными, а въ числѣ семи мызъ Дерптскаго округа, сохранившихъ по сію пору крестьянскіе запасные хлѣбные магазины, и не требовавшіе никакого пособія отъ казны, находятся двѣ мои мызы: Карлово и Саранусъ. Подати всегда вѣрно и въ срокъ уплачиваются, и я могу смѣло сказать, что благоустройство и попеченіе о крестьянахъ въ моемъ имѣніи примѣрныя, въ чемъ сознаются, хотя не охотно, сами лифляндцы. Я упрочилъ благосостояніе моихъ крестьянъ, уступивъ имъ безвозмездно половину рабочихъ дней, обязанность ставить подводы на 200 верстъ и всю подать натурою, и это водворило между ними довольство. Сверхъ того, я помогаю имъ, въ случаѣ падежа скота, или не урожая, строю на свой счетъ дома и пользую въ случаѣ болѣзней. Такіе поступки вредны, по мнѣнію моихъ сосѣдей, для края и подаютъ дурной примѣръ,—и вотъ они рѣшились наконецъ разорить мое гнѣздо, и даже не допустить меня въ него, отдавъ его казакамъ!

„Въ моихъ лѣтахъ и при моихъ недугахъ, я не имѣю другаго наслажденія въ жизни и средствъ къ поддержанію здоровья, какъ пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ деревнѣ; но теперь не могу исполнить этого желанія, потому что мыза моя превращена въ казарму. Всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство оказать мнѣ милость и правосудіе приказаніемъ очистить мызу Карлово отъ противузаконнаго постоя, и подвергнуть Дерптскій Орднунсъ-герихтъ отвѣтственности за самоуправство и за освобожденіе сосѣдней мызы Роппо отъ всякаго постоя, взваливъ всю тяжесть на меня, въ чемъ видно явное намѣреніе притѣснить меня.

„Съ истиннымъ и глубокимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію честь имѣю быть

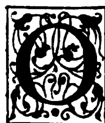
„Вашего высокопревосходительства,
„Милостивый Государь,
„Вашимъ Всепокорнѣйшимъ слугою
„Ѳадѣй Булгаринъ.
„Надворный Совѣтникъ,
„Издатель газеты „Сѣверная Пчела".

27-го апрѣля 1846 г.
С.-Петербургъ.
„Жительство имѣю:
„На Невскомъ проспектѣ, за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Мѣняева, № 93.

Сообщено **Е. А. Морошкиной.**



СМѢСЬ.



Оффиціальное празднованіе 300-лѣтія Сибири. 6-е декабря нынѣшняго года, сибирская администрація избрала днемъ оффиціальнаго празднованія столѣтняго юбилея Сибири. Почему остановились на этомъ числѣ? Ермакъ перешелъ Уралъ въ 1579 г. и, разбивъ 23-го октября 1581 г. Кучума, 26-го октября занялъ столицу Сибири, Искеръ. Черезъ два съ половиною года, въ 1583 г., учреждено воеводское управленіе въ Сибири. Только между этими датами слѣдовало бы дѣлать выборъ, ибо ими опредѣляется самый актъ завоеванія Сибирскаго царства. Многое говоритъ за чествованіе именно этого знаменательнаго событія. Оно увѣковѣчено русскимъ народомъ въ его историческихъ пѣсняхъ; оно имѣетъ такое же всемірно-историческое значеніе, какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Но сибирская администраціи, очевидно, до этого нѣтъ дѣла, она не придаетъ рѣшающаго значенія этому событію въ исторіи открытія Сибири. Въ оправданіе ея въ данномъ случаѣ можно сослаться развѣ на то, что сами гг. ученые археологи не берутся рѣшать, когда собственно родилось сибирское царство—со времени покоренія его Ермакомъ, или же въ день „принятія въ подданство Сибири" Иваномъ Грознымъ. По крайней мѣрѣ съ такой неопредѣленностью высказался цѣлый синклитъ спеціалистовъ по археологіи, собравшихся въ маѣ прошлаго года въ Москвѣ для обсужденія вопроса о днѣ рожденія Сибири. Подобное заключеніе, конечно, не могло ничего разъяснить администраціи и въ прошломъ году чествованіе знаменательнаго 26-го октября, когда славный донской казакъ Ермакъ Тимоѳеевичъ нанесъ рѣшительное пораженіе сибирскому царю Кучуму подъ стѣнами Искера и занятіемъ Кучумовской столицы положилъ начало присоединенія къ Россіи громадной территоріи, ограничилось устройствомъ въ Петербургѣ обѣда, въ которомъ приняли участіе до двухсотъ находившихся въ столицѣ сибиряковъ, сибирячекъ и лицъ посвятившихъ труды свои на благо Сибири. Сама виновница торжества осталась непричастна къ нему въ ожиданіи оффиціальнаго разрѣшенія помянуть свои имянины. Послѣднее же зависѣло отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи, которая, напрасно прождавъ, пока гг. ученые наведутъ точныя справки на счетъ „дня принятія въ подданство Сибири",—онъ тоже неизвѣстенъ, хотя, по увѣренію спеціалистовъ, и можно предполагать, что принятіе это происходило въ концѣ ноября или началѣ декабря 1582 г.,—порѣшила нынѣ по собственному усмотрѣнію назначить день историческаго празднества.

Въ такомъ отношеніи къ сибирскому юбилею нельзя не видѣть полнаго равнодушія къ судьбамъ одной изъ нашихъ обширнѣйшихъ областей. И это

равнодушіе съ исторической точки зрѣнія кажется тѣмъ болѣе неосновательнымъ, что тутъ мы какъ бы хотимъ отдѣлить Сибирь отъ остальной Россіи, забывая и свидѣтельства исторіи, и то значеніе, какое имѣетъ для нашей культурной исторіи возсоединеніе сибирскаго края съ общей родной ему Россіей. Нужно ли доказывать это значеніе, необходимость этого возсоединенія? Это само собою ясно изъ всей исторіи края. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, знаменательно завоеваніе Ермакомъ сибирскаго царства? Послушайте, что говорятъ объ этомъ спеціалисты историки.

„По историческому значенію своему, замѣчаетъ профессоръ Замысловскій (см. „Журн. Мин. Нар. Просв.“), завоеваніе Сибирскаго царства Ермакомъ находится въ тѣсной связи съ тѣми событіями XVI вѣка, которыя знаменуютъ наше поступательное движеніе на востокъ. Оно началось со времени паденія Казанскаго царства, и затѣмъ впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій ограничивалось областью рѣки Волги, занятіемъ ея устьевъ и заселеніемъ области Камской. Затѣмъ новая эпоха въ исторіи этого движенія начинается съ завоеванія той области на востокѣ, которая прилегаетъ къ области Камской, составляетъ часть великой азіатской равнины и представляетъ благопріятныя условія для дальнѣйшаго движенія съ цѣлію занятія этой равнины. Этими условіями русскіе не замедлили воспользоваться, и въ XVII столѣтіи достигли крайнихъ предѣловъ ея на востокѣ.

„Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земнаго шара, совершившееся впродолженіе всего только семидесяти лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать—безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ далѣе во вниманіе тѣ по истинѣ ничтожныя средства, какими могла располагать московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востокѣ. На занятіе сѣверной Америки культурные народы западной Европы должны были употребить больше времени“.

Такимъ образомъ, съ завоеваніемъ Сибири открылось новое великое поприще для колонизаторской дѣятельности русскихъ, явились новые неизсякаемые источники матеріальныхъ средствъ. Какъ пользовались этимъ новымъ поприщемъ русскіе, видно изъ дальнѣйшей исторіи Сибири, которая можетъ быть охарактеризована въ немногихъ общихъ чертахъ. XVII-й вѣкъ прошелъ въ постепенномъ занятіи края при помощи казацкихъ походовъ, накладывавшихъ ясакъ на туземцевъ, въ постройкѣ городовъ и въ организаціи управленія. XVIII-й вѣкъ былъ свидѣтелемъ установленія чрезъ Сибирь сухопутной торговли съ Китаемъ и водворенія горнаго дѣла въ Нерчинскомъ краѣ и на Алтаѣ. Въ этомъ же столѣтіи Сибирь сдѣлалась мѣстомъ ссылки, сначала для политическихъ, а съ половины XVIII-го столѣтія и для всей массы уголовныхъ преступниковъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ открытіе золота и развитіе золотой промышленности оживили Сибирь и преобразили ее въ экономическомъ отношеніи; она выиграла также и въ торговомъ отношеніи, съ одной стороны—отъ присоединенія Амурскаго и Уссурійскаго края, съ другой—отъ открытія морскаго пути въ устья Оби и Енисея. Не безъ вліянія останется также на судьбѣ Сибири учрежденіе пароходства, умиротвореніе киргизской степи и присоединеніе Туркестанскаго Края.

Въ гражданскомъ отношеніи исторія Сибири представляетъ собою рядъ печальныхъ картинъ за все прожитое время. Нельзя сказать, чтобы центральная власть не заботилась о введеніи правильныхъ порядковъ въ эту неустроенную и населенную дикими инородцами страну. Она строила въ новопріобрѣтенной странѣ города, вводила въ нее разныя учрежденія, то примѣнительно къ своему собственному внутреннему строю, то соображаясь съ особыми условіями существованія края; содѣйствовала переселенію туда земледѣльцевъ и другихъ піонеровъ русской цивилизаціи, оказывала содѣйствіе развитію умственнаго образованія и духовнаго просвѣщенія между мѣстными инородцами. Повидимому, такимъ образомъ, сдѣлано было для Сибири все нужное для нея и возможное. А между тѣмъ, благодаря преимущественно образу дѣйствій низшихъ агентовъ власти и недостатку правильной организаціи, и до сихъ поръ Сибирь представляетъ собою страну, чуждую дѣйствительныхъ элементовъ человѣческой и общественной культуры, страну ссылки и хищеній, гнѣздилище

произвола и жестокостей къ заблудшимъ сынамъ нашей родины, эксплоатаціи нищихъ, какими являются въ большинствѣ мѣстные инородцы, систематическаго истребленія громадныхъ богатствъ, которыми надѣлила эту страну природа въ царствѣ ископаемыхъ и животныхъ, полнаго игнорированія видовъ правительства съ одной стороны, истинныхъ потребностей страны и ея обитателей—съ другой. Подобное отношеніе различныхъ агентовъ власти къ новопріобрѣтенному краю началось съ самой эпохи присоединенія Сибири. Воеводы московскаго періода, привыкшіе „кормиться“ всласть на матушкѣ Руси православной, внесли тѣже гастрономическія наклонности и въ Сибирь и „кормились“ на славу, до отвалу, забирая въ свои руки все, что могло вмѣщаться въ нихъ, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ систему хищенія, самоуправства и насилія. Преемники ихъ, прикрывавшіеся лоскомъ внѣшней европейской цивилизаціи и перемѣнившіе свое прежнее русское имя на иностранное названіе генералъ-губернаторовъ, ничего не измѣнили въ вѣковѣчныхъ привычкахъ правителей русскихъ областей, но аккуратно держались той-же системы. Первый изъ генералъ-губернаторовъ, назначенный Петромъ Великимъ въ 1707 году, кн. Гагаринъ, простеръ злоупотребленія своею властію до такой степени, что даже подвергся смертной казни по повелѣнію строгаго монарха. Примѣръ этотъ однако не устрашилъ послѣдующихъ намѣстниковъ и губернаторовъ, и система хищеній, самоуправства и жестокостей поддерживалась ими съ рѣдкою послѣдовательностью. Когда въ 1815 году прибылъ въ Сибирь, въ качествѣ генералъ-губернатора, знаменитый Сперанскій, то онъ ужаснулся при видѣ безобразій, которыя господствовали въ этой странѣ, и не смотря на энергическія мѣры къ подавленію хищническихъ инстинктовъ мѣстныхъ властей, не смотря на созданный имъ органическій уставъ для управленія Сибирью, онъ самъ отчаявался въ успѣхѣ предпринятыхъ имъ преобразованій, и въ этихъ опасеніяхъ не ошибся. Не смотря на то, что большинство управлявшихъ послѣ него Сибирью лицъ были люди благонамѣренные и честные,—они не могли искоренить органическаго зла, разъѣдавшаго эту обездоленную страну. Сибирь и понынѣ нуждается въ коренныхъ реформахъ, чтобы оправиться, стать на ноги и быть дѣйствительнымъ и золотымъ дномъ для Россіи.

Но скоро ли наступитъ такая пора, мы не знаемъ. Сибиряки тоже не вѣдаютъ. Они ждали 300-лѣтія, надѣясь на осуществленіе реформъ, но ожиданія теперь должны смѣниться разочарованіямъ, ибо юбилей ихъ, кажется, ничѣмъ не ознаменуется, кромѣ молебствія и, быть можетъ, благихъ пожеланій долголѣтія русскому краю.

Вторая Помпея. Близь Пуатье открыты развалины галло-римскаго города, дома и улицы котораго занимаютъ нѣсколько десятинъ. Въ городѣ былъ небольшой театръ, бани, храмъ. Скульптурныя украшенія относятся ко второму вѣку; среди развалинъ встрѣчается множество посуды, желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей.

Американское этнологическое бюро. Американское правительство признало необходимымъ принять на счетъ государства расходы по собиранію и изданію этнологическихъ свѣдѣній, для чего учреждено спеціальное бюро, ввѣренное однако же не правительственному чиновнику, но секретарю смитсоніановскаго института. Въ настоящее время вышелъ отпечатанный въ правительственной типографіи въ Вашингтонѣ „Первый ежегодный отчетъ этнологическаго бюро“, въ которомъ собраны весьма богатые матерьялы, касающіеся до исторической жизни Америки, снабженные многочисленными фотографіями. Изданіе подобное этому „отчету“, можетъ быть осуществлено только при участіи государства и въ этомъ отношеніи американское правительство умѣетъ пользоваться средствами, предоставляемыми ему конгрессомъ для научныхъ цѣлей.

Памятникъ Карлейлю открытъ надняхъ на новой набережной Темзы. Знаменитый писатель изображенъ въ натуральную величину сидячимъ въ задумчивой позѣ. При открытіи памятника рѣчь произнесъ знаменитый физикъ Тиндаль.

Кто управляетъ Тибетомъ. Спутникъ графа Сечени въ путешествіи по Китаю, поручикъ Крейтнеръ, въ изданномъ имъ дневникѣ—„Im Fernen Osten“—передаетъ интересное извѣстіе о томъ, кто въ дѣйствительности управляетъ Тибетомъ. По увѣренію китайскихъ пограничныхъ властей, Тибетъ—государство совершенно независимое; свѣдѣній о немъ почти что не имѣется даже въ пекинскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно только то, что стра-

нюю управляютъ священники, а не Далай-Лама, которому никогда не даютъ достигнуть даже юношескаго возраста. Недоступность Тибета для иностранцевъ испытана была еще недавно нашимъ путешественникомъ полковникомъ Пржевальскимъ. Но когда графъ Сечени хотѣлъ было проникнуть туда при посредствѣ китайскихъ властей, то тибетскіе священники распространили повсюду слухъ о нашествіи ненавистныхъ иностранцевъ, готовыхъ разорить страну и умертвить ея жителей. Въ скоромъ времени у пограничнаго столба близъ Батанга собралось четыре тысячи вооруженныхъ тибетцевъ, которые для встрѣчи европейцевъ приготовили огромную могилу, чтобы свалить туда ихъ трупы.

Рѣдкія пріобрѣтенія. „Голосу" сообщаютъ изъ Москвы, что извѣстнымъ собирателемъ древностей, г. Большаковымъ, случайно пріобрѣтенъ замѣчательный документъ—паспортъ, съ которымъ Петръ I-й отправился, въ 1703 году, въ Голландію, подъ именемъ Петра Михайлова Ларіонова. Документъ писанъ золотомъ, на русскомъ и голландскомъ языкахъ. Вмѣстѣ съ этимъ, г. Большаковымъ пріобрѣтены еще двѣ замѣчательныя рукописи: евангеліе XIV-го вѣка, писанное на пергаментѣ совсѣмъ особенной редакціи отъ экземпляровъ, хранящихся въ столичныхъ книгохранилищахъ. Изъ надписи видно, что рукопись эта находилась въ библіотекѣ польскаго короля Казиміра Великаго; другая рукопись—„Псалтирь слидованная", въ 4°, писана въ 1455 году, по благословенію игумена кирилова-бѣлозерскаго монастыря Гермогена, писцами Мартіаномъ и Ферапонтомъ. Оба списателя этой замѣчательной рукописи почиваютъ нетлѣнными въ названной обители, почему и рукопись эта имѣетъ особое значеніе.

Пещерный городъ. Газета „Кавказъ" сообщаетъ, что Д. П. Пурцеладзе открылъ между мѣстностью Самухи и Давидо-Гареджинскимъ монастыремъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Іоры, въ Тифлисской губерніи, пещерный городъ, имѣющій въ окружности шесть-восемь верстъ; въ городѣ этомъ хорошо сохранились церкви и помѣщенія. Сильныя жары и то обстоятельство, что городъ этотъ сдѣлался притономъ разныхъ подозрительныхъ личностей, лишили г. Пурцеладзе возможности изслѣдовать его подробно, и онъ дѣло это отложилъ до октября нынѣшняго года.



Она сняла перчатку, чтобы поправить себѣ волосы. Мержи пристально смотрѣлъ то на руку, то на живые и насмѣшливые глаза прекрасной графини.

Она громко расхохоталась, глядя на него.

— Чему вы смѣетесь, графиня?

— А вы почему смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ?

— Извините меня; но въ послѣдніе дни со мной случилось столько страннаго, что я едва успѣваю прійти въ себя отъ удивленія.

— Въ самомъ дѣлѣ! это любопытно. Сдѣлайте одолженіе, сообщите, что же такое случилось съ вами?

— Если вамъ будетъ угодно, то я разскажу объ этомъ въ другое время и въ болѣе удобномъ мѣстѣ; впрочемъ, я запомнилъ одинъ испанскій девизъ, которому меня научили три дня тому назадъ.

— Какой девизъ?

— Онъ заключается въ одномъ словѣ: Callad.

— Что это означаетъ?

— Какъ! вы не понимаете по-испански, графиня? сказалъ онъ, внимательно слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Но она спокойно выдержала его взглядъ съ такимъ невозмутимымъ видомъ, какъ будто вовсе не поняла намека, который заключался въ сказанной имъ фразѣ.

Онъ невольно потупилъ голову, не выдержавъ смѣлаго, вызывающаго выраженія ея глазъ.

— Во времена моего дѣтства я, дѣйствительно, знала нѣсколько испанскихъ словъ, отвѣтила она тономъ полнѣйшаго равнодушія;— но теперь я совершенно забыла ихъ. Поэтому говорите со мной по-французски, если хотите, чтобы я понимала васъ. Прежде всего, объясните мнѣ, что означаетъ вашъ девизъ?

— Онъ предписываетъ безусловное молчаніе!

— Неужели? Въ такомъ случаѣ наши молодые придворные должны были бы принять этотъ мудрый девизъ и твердо слѣдовать ему. Я не знала, что вы такой ученый, мосье де-Мержи! Кто же научилъ васъ испанскому языку? Держу пари, что какая нибудь дама...

Мержи бросилъ на нее нѣжный взглядъ и отвѣтилъ вполголоса:

— Я знаю только нѣсколько испанскихъ словъ; но любовь навсегда запечатлѣла ихъ въ моей памяти.

— Любовь! повторила графиня насмѣшливымъ тономъ, но такъ громко, что нѣсколько дамъ повернули головы, какъ бы спрашивая: въ чемъ дѣло?

Мержи, немного задѣтый презрительнымъ обращеніемъ красавицы, рѣшилъ отомстить ей, и съ этой цѣлью вынулъ изъ кармана таинственное письмо, полученное имъ наканунѣ.

— Я убѣжденъ, сказалъ онъ, подавая его графинѣ,—что вы не уступите мнѣ въ учености и безъ особеннаго труда поймете эту испанскую фразу!

Діана де-Тюржи взяла письмо, и, прочитавъ его, передала съ громкимъ смѣхомъ одной дамѣ, которая была всего ближе къ ней.

— Не хотите ли вы, мадамъ де-Шатовьё, прочитать этотъ billet doux! Мосье де-Мержи получилъ его отъ своей возлюбленной, которой онъ не особенно дорожитъ, судя по его словамъ, такъ какъ даже готовъ разстаться съ ней, если я потребую этого! Но всего любопытнѣе, что почеркъ знакомъ мнѣ...

— Я былъ въ этомъ увѣренъ! сказалъ Мержи съ нѣкоторой досадой, но все еще вполголоса.

Г-жа де-Шатовьё прочла записку и со смѣхомъ передала ее одному сеньору; тотъ въ свою очередь вручилъ ее своему сосѣду, такъ что нѣсколько минутъ спустя въ галлереѣ не осталось ни одной дамы или кавалера, которые бы не знали о расположеніи испанской дамы къ Мержи.

Когда общій хохотъ немного умолкъ, графиня обратилась къ Мержи и спросила его тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ: какъ понравилась ему наружность дамы, пригласившей его на rendez-vous?

— Клянусь честью, графиня, возразилъ онъ,—что, по моему мнѣнію, она не уступитъ вамъ въ красотѣ.

— О Боже, что я слышу! Вы вѣроятно видѣли ее только ночью, потому что при дневномъ свѣтѣ врядъ ли она показалась бы вамъ красивой! Мнѣ остается только поздравить васъ и пожелать счастья!

Говоря это, графиня де-Тюржи снова разразилась веселымъ смѣхомъ.

— Дорогая моя, сказала г-жа Шатовьё,—сдѣлайте одолженіе, назовите намъ имя этой испанской дамы, которой удалось покорить сердце мосье де-Мержи.

— Но прежде чѣмъ вы узнаете ея имя, я попросила бы мосье де-Мержи объявить намъ: видалъ ли онъ когда нибудь свою возлюбленную при дневномъ свѣтѣ?

Мержи былъ въ большомъ затрудненіи; безпокойство и дурное расположеніе духа придавали комическое выраженіе его лицу. Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Теперь я открою вамъ тайну, которая такъ интересуетъ всѣхъ васъ, сказала графиня.—Это записка донны Маріи Родригезъ; я знаю ея почеркъ, потому что она много разъ удостоивала меня своими письмами.

— Марія Родригезъ! воскликнули дамы со смѣхомъ.—Кто же не знаетъ ее!

— Доннѣ Маріи вѣроятно болѣе пятидесяти лѣтъ! сказала г-жа де-Шатовьё.—Въ Мадридѣ она уже давно считается дуэньей. Неизвѣстно, зачѣмъ она пріѣхала во Францію и за какія заслуги Маргарита Валуа взяла ее къ себѣ въ домъ. Можетъ быть, она держитъ около себя этого урода изъ кокетства, чтобы при сравненіи красота ея казалась еще поразительнѣе,—подобно стариннымъ живописцамъ, которые, рисуя портретъ современной красавицы, на томъ же полотнѣ

изображали въ каррикатурѣ ея карлика. Когда донна Марія являлась ко двору, то она забавляла всѣхъ придворныхъ дамъ своимъ чопорнымъ видомъ и античнымъ костюмомъ!..

Мержи содрогнулся при этихъ словахъ. Онъ встрѣчалъ дуэнью при дворѣ и съ ужасомъ вспомнилъ, что замаскированная дама называла себя донной Маріей. Мысли его путались; онъ стоялъ молча и съ такимъ растеряннымъ видомъ, что всѣ снова захохотали, глядя на него.

— Это очень почтенная и скромная дама! замѣтила съ улыбкой графиня, — такъ что вы не могли сдѣлать лучшаго выбора, мосье де-Мержи! Право, она очень недурна до сихъ поръ, особенно когда надѣнетъ вставные зубы и черный парикъ. Во всякомъ случаѣ, ей не болѣе шестидесяти лѣтъ!..

— Она околдовала его! воскликнула г-жа де-Шатовьё.

— Вы, вѣроятно, любите древности? спросила другая дама.

— Какъ жаль, что у мужчинъ бываютъ такіе странные капризы! сказала одна изъ фрейлинъ королевы съ глубокимъ вздохомъ.

Мержи защищался, по возможности, отъ насмѣшекъ и ироническихъ похвалъ, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, разыгрывалъ довольно глупую роль, пока не появился король въ концѣ галлереи. Смѣхъ и шутки тотчасъ смѣнились глубокимъ молчаніемъ; всѣ спѣшили посторониться, чтобы очистить дорогу его величеству.

Король провожалъ адмирала, съ которымъ онъ передъ этимъ долго бесѣдовалъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ дружески опирался на плечо Колиньи. Сѣдая борода заслуженнаго воина и черное платье составляли рѣзкій контрастъ съ моложавымъ видомъ Карла и его блестящей одеждой, вышитой золотомъ. Посторонній наблюдатель могъ бы сказать, глядя на нихъ, что молодой король обладаетъ рѣдкимъ умѣніемъ различать людей, такъ какъ выбралъ себѣ въ фавориты самаго добродѣтельнаго и умнаго изъ своихъ подданныхъ.

Въ то время, какъ они шли по галлереѣ и общее вниманіе было обращено на нихъ, Мержи услыхалъ голосъ графини, которая шепнула ему на ухо. Не сердитесь на меня; откройте это, когда выйдете отсюда.

Съ этими словами она бросила ему въ шляпу небольшой запечатанный пакетъ, въ которомъ было что-то твердое. Мержи положилъ свертокъ въ карманъ и, выйдя черезъ четверть часа изъ Лувра, съ нетерпѣніемъ сорвалъ печать. Въ пакетѣ былъ ключъ съ коротенькой запиской:

„Вотъ ключъ отъ калитки моего сада. Приходите сегодня вечеромъ въ десять часовъ. Я люблю васъ и буду безъ маски. Вы увидите, наконецъ, донну Марію.

„Ваша Діана“.

Король довелъ адмирала до конца галлереи.

— Прощайте, отецъ мой, сказалъ онъ, пожимая руки старику.— Вы знаете, что я люблю васъ и я знаю, что вы преданы мнѣ душой, тѣломъ и всѣми внутренностями.

Говоря это, онъ громко расхохотался и, проводивъ Колиньи, подозвалъ къ себѣ капитана Мержи:—Завтра, послѣ обѣдни, сказалъ онъ,—вы явитесь въ мой кабинетъ, я долженъ поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

Онъ обернулся и бросилъ безпокойный взглядъ на дверь, черезъ которую вышелъ Колиньи; затѣмъ быстро удалился изъ галлереи и заперся въ своемъ кабинетѣ съ маршаломъ Рецъ.

ГЛАВА XVII.

Частная аудіенція.

Жоржъ Мержи явился въ Лувръ въ назначенный часъ. Привратникъ, услыхавъ его имя, тотчасъ же поднялъ вышитую портьеру и ввелъ его въ кабинетъ короля, который сидѣлъ у маленькаго письменнаго стола, видимо намѣреваясь что-то писать на листѣ бумаги. Онъ сдѣлалъ знакъ Жоржу, чтобы онъ не двигался, какъ бы изъ боязни потерять нить мыслей, занимавшихъ его въ эту минуту.

Жоржъ остановился въ почтительной позѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, и имѣлъ достаточно времени, чтобы осмотрѣть комнату и замѣтить всѣ подробности ея убранства.

Обстановка королевскаго кабинета была крайне проста, потому что главнымъ украшеніемъ служили различныя принадлежности охоты, висѣвшія въ безпорядкѣ на стѣнѣ. Довольно хорошо нарисованный образъ Пресвятой Дѣвы, осѣненный большой буксовой вѣткой, производилъ странное впечатлѣніе среди окружавшихъ его мушкетовъ и охотничьихъ роговъ. Столъ, за которымъ сидѣлъ король, былъ покрытъ бумагами и книгами. На полу лежали брошенныя четки и молитвенникъ рядомъ съ рыболовными сѣтями и погремушками для соколиной охоты. Большая борзая собака спала въ углу на подушкѣ.

Король внезапно бросилъ перо въ порывѣ безсильной ярости и пробормоталъ сквозь зубы какое-то проклятіе. Онъ прошелъ раза три по кабинету съ опущенной головой, затѣмъ остановился передъ капитаномъ и взглянулъ на него испуганными глазами, какъ будто вовсе не ожидалъ встрѣтить его.

— А! это вы! сказалъ онъ, отступая назадъ на одинъ шагъ.

Капитанъ поклонился до земли.

— Очень радъ видѣть васъ, продолжалъ король. — Мнѣ нужно переговорить съ вами, но...

Онъ остановился.

Если бы художникъ вздумалъ придать на картинѣ какому нибудь лицу выраженіе напряженнаго вниманія, то Жоржъ въ эту минуту могъ бы вдохновить его своей позой. Онъ стоялъ передъ королемъ съ полураскрытымъ ртомъ и вытянутой шеей, и съ замираніемъ сердца ждалъ конца начатой фразы.

Король опустилъ голову; мысли его были, повидимому, удалены за тысячу миль отъ того, что онъ хотѣлъ сказать за минуту передъ тѣмъ. Немного погодя, онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и схватился рукой за голову.

— Проклятая риѳма! воскликнулъ онъ, ударивъ ногой о полъ съ такой силой, что его длинныя шпоры громко зазвенѣли.

Большая лягавая собака, неожиданно проснувшись отъ сна, вообразила, что ее зовутъ; она подошла къ креслу короля и, положивъ обѣ лапы ему на колѣни, открыла широкую пасть и безъ церемоніи зѣвнула, такъ какъ вообще къ собакамъ трудно прививаются придворныя манеры.

Король отогналъ собаку, которая съ глубокимъ вздохомъ опять улеглась на прежнемъ мѣстѣ. При этомъ глаза его величества какъ бы случайно остановились на Жоржѣ.

— Извините, капитанъ, сказалъ онъ, — я былъ такъ занятъ... изъ-за этой дьявольской риѳмы я обливаюсь потомъ и кровью!..

— Быть можетъ, я мѣшаю вашему величеству, сказалъ капитанъ съ низкимъ поклономъ.

— Нѣтъ, нисколько! отвѣтилъ поспѣшно король и, вставъ съ кресла, дружески положилъ свою руку на плечо капитана. Губы его улыбались, но глаза разсѣянно блуждали по комнатѣ, не принимая никакого участія въ этой насильственной улыбкѣ.

— Какъ вы себя чувствуете послѣ нашей послѣдней охоты? сказалъ король, видимо затрудняясь начать разговоръ.—Олень долго не давался намъ въ руки...

— Ваше величество, я считалъ бы себя недостойнымъ командовать отрядомъ легкой кавалеріи, если бы какая бы то ни была охота могла утомить меня. Въ послѣднюю войну герцогъ Гизъ видя, что я постоянно на сѣдлѣ, прозвалъ меня албанцемъ.

— Да, я слышалъ, что ты отличный кавалеристъ, но я желалъ бы знать: какъ ты стрѣляешь изъ мушкета.

— Недурно... но я, разумѣется, не могу сравниться въ ловкости съ вашимъ величествомъ. Не всякій обладаетъ такимъ искусствомъ.

— Ты видишь этотъ длинный мушкетъ, заряди его двѣнадцатью дробинками! Будь я проклятъ, если на разстояніи шестидесяти шаговъ одна изъ нихъ минуетъ грудь нечестивца, котораго ты выберешь мишенью!

— Шестьдесятъ шаговъ!... Это довольно большое разстояніе; но я не желалъ бы, чтобы такой искусный стрѣлокъ, какъ ваше величество, вздумалъ дѣлать на мнѣ пробу.

— Если зарядить этотъ мушкетъ пулей извѣстнаго калибра, то можно попасть въ цѣль и на сто шаговъ.

Король снялъ со стѣны мушкетъ и подалъ его капитану.

— Какая превосходная вещь! воскликнулъ Жоржъ, внимательно разглядывая богатую отдѣлку мушкета и попробовавъ курокъ.

— Вижу, что ты знатокъ оружія! сказалъ король. — Прицѣлься, чтобы я могъ судить о твоемъ искусствѣ.

Капитанъ повиновался.

— Что можетъ быть лучше мушкета! продолжалъ король медленнымъ голосомъ.—Если бы даже непріятель находился на сто шаговъ отъ васъ, то стоитъ только сдѣлать небольшое движеніе однимъ пальцемъ, чтобы навсегда избавиться отъ него; нѣтъ такихъ латъ или панцыря, которыхъ бы не пробила хорошая пуля.

Карлъ IX, какъ мы говорили выше, по привычкѣ ли, усвоенной съ дѣтства, или вслѣдствіе природной застѣнчивости, никогда не глядѣлъ въ лицо своего собесѣдника; но на этотъ разъ онъ пристально посмотрѣлъ на Жоржа съ многозначительной улыбкой.

Жоржъ невольно опустилъ глаза; король почти въ тотъ же моментъ послѣдовалъ его примѣру.

Наступила минута молчанія. Жоржъ заговорилъ первый.

— Позвольте замѣтить вашему величеству, что какъ бы ни былъ удаченъ мушкетный выстрѣлъ, но онъ далеко не такъ вѣренъ, какъ ударъ шпаги или копья...

— Да, но мушкетъ... Карлъ остановился и на лицѣ его промелкнула странная улыбка. Онъ продолжалъ:—Мнѣ говорили, Жоржъ, что адмиралъ серьезно оскорбилъ тебя.

— Ваше величество...

— Я знаю и даже увѣренъ въ этомъ. Мнѣ было бы очень пріятно... Разскажи, какъ это случилось?

— Дѣйствительно, я обратился къ наму по новоду одной несчастной исторіи, которая близко касалась меня.

— Вѣроятно, дуэли твоего брата. Чортъ побери, это красивый малый; онъ ловко справляется съ людьми; я уважаю его. Комминжъ былъ фатъ; его нечего жалѣть. Но будь я проклятъ, если я понимаю, какимъ образомъ этотъ старый чортъ Колиньи нашелъ случай поссориться съ тобой?

— Если не ошибаюсь, то поводомъ къ этому послужили несчастныя религіозныя распри и въ особенности мое обращеніе въ католичество, хотя я былъ увѣренъ, что о немъ давно забыли.

— Забыли?

— Ваше величество показываетъ собой примѣръ забвенія религіозныхъ несогласій и при той справедливости...

— Будь увѣренъ, пріятель, что у адмирала отличная память.

— Я замѣтилъ это! возразилъ Жоржъ, нахмуривъ брови.

— Скажи пожалуйста, что ты намѣренъ дѣлать?

— Я, ваше величество?

— Да, говори откровенно.

— Ваше величество, я бѣдный дворянинъ, а Колиньи слишкомъ старъ... слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о вызовѣ на дуэль; и если бы даже это было возможно, то я никогда не рѣшился бы послать вызовъ адмиралу, изъ боязни заслужить немилость вашего величества.

Этой фразой Жоржъ старался смягчить впечатлѣніе, которое могъ произвести на короля его смѣлый отвѣтъ.

— Ну, относительно этого ты можешь быть совершенно покоенъ! сказалъ король, положивъ руку на плечо капитана.

— Къ счастью, продолжалъ Жоржъ, — моя ссора съ адмираломъ не можетъ запятнать моей чести; и если бы кто нибудь осмѣлился выразить по поводу этого какія либо сомнѣнія, то я буду просить, ваше величество, чтобы мнѣ дозволили...

— Значитъ, ты не намѣренъ мстить адмиралу? Во всякомъ случаѣ... дерзость его переходитъ всѣ границы...

Жоржъ не могъ выговорить ни одного слова отъ удивленія.

— Ты все-таки долженъ считать себя обиженнымъ! Чортъ возьми! я слышалъ, что онъ серьозно оскорбилъ тебя... Дворянинъ не лакей! Есть вещи, которыя онъ не можетъ простить даже принцу королевской крови.

— Но я не вижу возможности отомстить адмиралу. Онъ гордится знатностью своего рода и сочтетъ для себя униженіемъ драться со мной.

— Разумѣется! Но... Король взялъ мушкетъ и сдѣлалъ видъ, что прицѣливается. — Надѣюсь, ты понялъ меня.

Жоржъ невольно отступилъ назадъ. Жестъ короля былъ достаточно ясенъ, но еще яснѣе было выраженіе его лица, которое могло быть понято только въ извѣстномъ смыслѣ.

— Какъ, ваше величество, вы совѣтуете мнѣ?..

Король изо всѣхъ силъ ударилъ по полу прикладомъ мушкета и, бросивъ на капитана свирѣпый взглядъ, воскликнулъ:

— Я совѣтую тебѣ? Убирайся ко всѣмъ чертямъ! я не даю никакихъ совѣтовъ!

Капитанъ не зналъ, что отвѣтить на это и сдѣлалъ то, что сдѣлали бы и другіе на его мѣстѣ. Онъ поклонился, опустивъ глаза въ землю.

Карлъ продолжалъ болѣе кроткимъ голосомъ:

— Я хотѣлъ только сказать, что если бъ ты всадилъ въ него мушкетный зарядъ за оскорбленіе твоей чести, то это было бы совершенно безразлично для меня. Будь я проклятъ, если у дворянина

есть что нибудь дороже чести; онъ долженъ все сдѣлать, чтобы возстановить ее. Шатильоны горды и заносчивы, какъ слуги палача; я знаю, что эти негодяи готовы свернуть мнѣ шею и занять мое мѣсто... При встрѣчѣ съ адмираломъ у меня является иногда желаніе выщипать у него всѣ волосы изъ бороды.

Жоржъ молчалъ. Онъ былъ удивленъ, услыхавъ этотъ потокъ словъ отъ человѣка, котораго всего менѣе можно было упрекнуть въ болтливости.

— Чортъ возьми, что же ты намѣренъ дѣлать! На твоемъ мѣстѣ я выждалъ бы его выхода изъ церкви и изъ какого нибудь окна впустилъ бы ему въ бокъ хорошій мушкетный зарядъ. Клянусь честью, мой кузенъ Гизъ былъ бы очень благодаренъ тебѣ за такую услугу, не говоря о томъ, что это способствовало бы водворенію спокойствія въ королевствѣ. Всѣмъ извѣстно, что собственно этотъ нечестивецъ король, а не я. Это начинаетъ надоѣдать мнѣ... Я говорю тебѣ откровенно мое мнѣніе... Нужно проучить его... пусть не задѣваетъ дворянской чести. За оскорбленіе чести не грѣшно содрать шкуру.

— Всякое убійство подрываетъ честь дворянина, а не возстановляетъ ее, возразилъ капитанъ.

Этотъ отвѣтъ былъ ударомъ молніи для короля. Онъ стоялъ неподвижно съ протянутой рукой, въ которой держалъ мушкетъ, какъ бы предлагая его въ орудіе мести. Полуоткрытыя губы Карла поблѣднѣли; онъ устремилъ блуждающій взоръ на капитана, глаза котораго въ эту минуту имѣли для него какую-то особенную притягательную силу.

Нѣсколько секундъ спустя мушкетъ выпалъ изъ дрожащихъ рукъ короля и съ шумомъ грохнулся на полъ. Жоржъ бросился впередъ, чтобы поднять его, между тѣмъ какъ король сѣлъ опять на свое кресло, опустивъ голову. Нервное движеніе его рта и бровей свидѣтельствовали о борьбѣ, которая происходила въ его сердцѣ.

— Капитанъ, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія, — гдѣ находится въ настоящую минуту твой отрядъ легкой кавалеріи?

— Въ Мо, ваше величество.

— Черезъ день или два ты отправишься за нимъ и приведешь его въ Парижъ... Впрочемъ, ты получишь относительно этого особый приказъ. Прощай!

Въ тонѣ, съ какимъ сказаны были эти слова, слышался затаенный гнѣвъ. Король сдѣлалъ знакъ, что аудіенція кончена.

Жоржъ, повернувшись спиной къ двери и отвѣшивая обычные поклоны, собирался уже выйти изъ комнаты, но остановился въ недоумѣніи, такъ какъ король быстро вскочилъ съ кресла и, схвативъ его за руку, сказалъ:

— По крайней мѣрѣ, совѣтую тебѣ держать языкъ за зубами... Слышишь!

Жоржъ поклонился, положивъ руку на грудь. Выходя изъ ком-

паты, онъ слышалъ, какъ король подозвалъ свою собаку сердитымъ голосомъ и принялся бить ее арапникомъ, какъ бы желая излить свое дурное расположеніе духа на невинной твари.

Жоржъ, вернувшись домой, написалъ слѣдующую записку адмиралу:

„Нѣкто, имѣющій основаніе не любить васъ, но который дорожитъ своей честью, считаетъ долгомъ предупредить вашу милость, чтобы вы остерегались герцога Гиза, и еще одного человѣка, могущественнѣе его. Вашей жизни грозитъ опасность".

Эта записка не произвела никакого впечатлѣнія на неустрашимаго Колиньи. Вскорѣ послѣ того, а именно 22-го августа 1572 года, онъ былъ раненъ мушкетнымъ выстрѣломъ. Злодѣй, по фамиліи Морваль, получилъ прозвище королевскаго убійцы.

ГЛАВА XVIII.

Попытки обращенія въ католичество.

Если любовники скромно ведутъ себя, то иногда проходитъ цѣлая недѣля, прежде чѣмъ публика узнаетъ объ ихъ связи. Но по прошествіи этого срока у нихъ является извѣстнаго рода смѣлость, всякія предосторожности кажутся имъ лишними; тогда не трудно подмѣтить нѣжный взглядъ, а еще легче истолковать его, и тайна обнаружена.

Любовная связь графини Тюржи съ молодымъ корнетомъ скоро сдѣлалась извѣстна при дворѣ Екатерины Медичи и послужила поводомъ для безконечныхъ толковъ. Множество очевидныхъ доказательствъ могли раскрыть глаза самымъ недогадливымъ людямъ. Такъ, напримѣръ, Тюржи обыкновенно носила лиловыя ленты; соотвѣтственно этому рукоятка шпаги Бернара, полы его камзола и башмаки были украшены розетками изъ такихъ же лиловыхъ лентъ. Графиня не разъ высказывала въ обществѣ, что ненавидитъ бороду и любитъ щеголевато закрученые усы; съ нѣкотораго времени подбородокъ Мержи былъ тщательно выбритъ; усы завиты, припомажены и закручены самымъ отчаяннымъ образомъ, такъ что они имѣли форму полумѣсяца, а кончики ихъ поднимались выше носа. Между прочимъ разсказывали, что какой-то дворянинъ, проходя рано утромъ по улицѣ des Assis, видѣлъ, какъ отворилась калитка сада графини и вышелъ какой-то человѣкъ, тщательно укутанный въ плащъ, въ которомъ онъ безъ труда узналъ сеньора Мержи.

Но всего убѣдительнѣе казалось то обстоятельство, что молодой гугенотъ, который до этого немилосердно насмѣхался надъ всякими

католическими церемоніями, сдѣлался теперь усерднымъ посѣтителемъ церкви, не пропускалъ ни одной службы и даже всякій разъ обмакивалъ пальцы въ святой водѣ, хотя нѣсколько дней тому назадъ счелъ бы это за величайшее святотатство. Набожные люди радовались этому и передавали другъ другу въ видѣ тайны, что Діана Тюржи возвратила Господу погибшую душу; а молодые протестанты увѣряли со смѣхомъ, что они непремѣнно обратились бы въ католичество, если бы вмѣсто капуциновъ и францисканoвъ имъ начали читать проповѣди такія молодыя и красивыя женщины, какъ мадамъ де-Тюржи.

Между тѣмъ Бернаръ не думалъ мѣнять религіи. Правда, онъ сопровождалъ графиню въ церковь, но всегда становился рядомъ съ нею; и во все продолженіе обѣдни не переставая шепталъ ей что-то на ухо, чѣмъ приводилъ въ глубокое негодованіе благочестивыхъ людей. Такимъ образомъ, онъ не только не слушалъ обѣдни, но мѣшалъ молиться вѣрующимъ. Что же касается духовныхъ процессій, то въ тѣ времена онѣ считалися такимъ же увеселеніемъ, какъ маскерадъ. Наконецъ, если онъ рѣшался теперь обмакивать пальцы въ святую воду, то потому, что это давало ему право публично дотронуться до руки, которая всегда вздрагивала при его прикосновеніи.

Тѣмъ не менѣе, хотя Мержи оставался вѣренъ своей религіи, но ему приходилось выдерживать тяжелую борьбу; на сторонѣ Діаны было то преимущество, что она всегда выбирала для богословскихъ диспутовъ тѣ минуты, когда онъ всего менѣе былъ въ состояніи отказать ей въ чемъ нибудь.

— Мой милый Бернаръ, сказала она однажды вечеромъ, склонивъ голову на плечо своего возлюбленнаго и обвивая его шею длинными косами своихъ черныхъ волосъ;—ты былъ сегодня на проповѣди. Неужели такія прекрасныя слова не произвели никакого впечатлѣнія на твое сердце и ничто не можетъ тронуть тебя?

— Дорогой другъ, если меня до сихъ поръ не тронули твои краснорѣчивыя убѣжденія и кроткій голосокъ, то можешь ли ты думать, что на меня подѣйствуютъ разглагольствованія какого нибудь гнусливаго капуцина.

— Какой ты злой! я задушу тебя!—возразила она со смѣхомъ и, связавъ свою косу вокругъ его шеи, еще ближе притянула его къ себѣ.

— Знаешь ли ты, что я дѣлалъ во время проповѣди? Я считалъ жемчужины на твоихъ волосахъ. Смотри, ты разсыпала ихъ по комнатѣ.

— Я была увѣрена Бернаръ, что ты не слушалъ проповѣди; вѣчно одна и та же исторія. Это только служитъ доказательствомъ— добавила она съ грустью,—что ты гораздо меньше любишь меня, нежели я тебя. Если бы твоя любовь была также сильна, какъ моя, то ты бы давно обратился въ католичество.

— Моя дорогая Діана, зачѣмъ эти безконечныя разсужденія о религіи! Предоставимъ ихъ докторамъ Сарбонны и нашимъ пасторамъ; мы можемъ проводить время болѣе пріятнымъ образомъ.

— Оставь меня... Ты не можешь вообразить себѣ, Бернаръ, какъ я была бы счастлива, если бы мнѣ удалось спасти твою душу! Изъ-за этого я согласилась бы провести нѣсколько лишнихъ лѣтъ въ чистилищѣ.

Онъ молча сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она оттолкнула его отъ себя съ выраженіемъ глубокой печали на лицѣ.

— Ты никогда не сдѣлалъ бы ничего подобнаго для меня, Бернаръ! Развѣ тебя заботитъ та опасность, которая угрожаетъ моей душѣ изъ-за тебя!..

Она горько заплака при этихъ словахъ.

— Моя дорогая, не забывай, что многое прощается тому, кто любитъ, и наконецъ...

— Да, я знаю это! Если бы я могла спасти твою душу, то всѣ мои грѣхи были бы прощены, всѣ тѣ, въ которыхъ мы одинаково виновны, и тѣ какіе мы могли бы совершить въ будущемъ... Даже мало этого! наши грѣхи послужили бы орудіемъ нашего спасенія!

Говоря это, Діана изо всѣхъ силъ сжала его въ своихъ объятіяхъ, что въ связи съ восторженнымъ тономъ ея голоса представляло столько комизма, что Мержи едва не расхохотался отъ этого страннаго способа говорить проповѣди.

— Теперь еще слишкомъ рано толковать объ этихъ вещахъ, моя дорогая. Когда мы оба состарѣемся и не будемъ больше годны для любви...

— Ты приводишь меня въ отчаяніе своей закоснѣлостью! Къ чему эта злая улыбка на твоихъ губахъ? Неужели ты воображаешь, что я въ эту минуту имѣю малѣйшее желаніе поцѣловать тебя?

— Ты видишь у меня опять серьезное лицо.

— Ну, такъ и быть! Теперь довольно!.. Сиди смирно и отвѣчай на мои вопросы... Прежде всего, скажи мнѣ, querido Bernardo, прочиталъ ли ты книгу, которую я дала тебѣ?

— Да, я вчера окончилъ ее.

— Я желала бы знать твое мнѣніе о ней. Она вѣроятно поразила тебя глубиной мысли и своими здравыми разсужденіями!.. Невѣрующіе должны будутъ зажать рты!..

— Твоя книга, Діана, представляетъ собой сплетеніе лжи и нелѣпостей. Это самое глупое богословское сочиненіе, которое когда либо было издано папистами. Держу пари, что ты не читала этой книги, хотя и говоришь о ней съ такой увѣренностью.

— Нѣтъ, я еще не успѣла прочесть ее, но увѣрена, что она полна правды и глубокаго смысла. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ ярость, съ какой на нее нападаютъ гугеноты.

— Ну, хочешь ли въ видѣ развлеченія возьмемъ священное писаніе, и я тебѣ докажу насколько здѣсь извращенъ...

— Пожалуйста, избавь меня отъ этого, Бернаръ! Слава Богу, я не читаю библію, какъ это дѣлаютъ еретики, потому что не имѣю никакого желанія ослабить мою вѣру. Вдобавокъ, я не хочу тратить на это время. Вы, гугеноты, можете довести до отчаянія своей ученостью. Во время спора вы щеголяете ею, а мы, бѣдные католики, никогда не читавшіе библіи и Аристотеля, не знаемъ даже, что отвѣчать вамъ.

— Дѣло въ томъ, что вы, католики, хотите вѣрить во что бы то ни стало, даже не давая себѣ труда подумать, разумно ли это, или нѣтъ. Мы, по крайней мѣрѣ, предварительно изучаемъ нашу религію, чтобы имѣть право отстаивать ее, не говоря уже о пропагандѣ, для которой нужны еще болѣе основательныя свѣдѣнія.

— Какъ я желала бы обладать краснорѣчіемъ почтеннаго отца Жирона, чтобы убѣдить тебя.

— Этотъ францисканецъ дуракъ и хвастунъ. Какъ онъ не кричалъ шесть лѣтъ тому назадъ въ публичной конференціи, а нашъ пасторъ Гударъ все-таки разбилъ его и поставилъ въ тупикъ.

— Неправда! Это выдумки еретиковъ!

— Какъ! ты развѣ не слыхала, что во время диспута всѣ присутствующіе видѣли, какъ крупные капли пота съ его лица падали на книгу Златоуста, которую онъ держалъ въ рукѣ. По поводу этого одинъ острякъ даже сочинилъ стихи...

— Я не желаю слышать ихъ! Не отравляй моего слуха ересью; да и ты самъ, мой дорогой Бернаръ, умоляю тебя, не поддавайся сатанинскимъ кознямъ, которые соблазняютъ тебя и доведутъ до ада! Спаси свою душу и вернись въ лоно нашей церкви!..

Она остановилась, замѣтивъ улыбку недовѣрія на устахъ своего любовника; но черезъ минуту продолжала еще съ большей горячностью:

— Если ты меня любишь, Бернаръ, то ради меня, изъ любви ко мнѣ, откажись отъ своихъ еретическихъ убѣжденій!

— Ради тебя, моя дорогая Діана, я охотно пожертвовалъ бы жизнью, но я не могу отказаться отъ того, что мой разсудокъ признаетъ разумнымъ и справедливымъ. Неужели ты хочешь, чтобы любовь совершенно ослѣпила меня и я пересталъ бы вѣрить, что дважды два четыре.

— Ты не любишь меня!

Мержи, чтобы разубѣдить ее въ этомъ, прибѣгнулъ къ обычному средству всѣхъ любовниковъ, которое было краснорѣчивѣе всѣхъ словъ.

— Ахъ, мой дорогой Бернаръ, сказала графиня томнымъ голосомъ, когда восходъ солнца заставилъ Мержи собраться въ путь;—

изъ-за тебя я буду осуждена на вѣчную муку и даже не буду имѣть утѣшенія спасти твою душу!

— Успокойся, мой ангелъ! Отецъ Жиронъ дастъ намъ полное разрѣшеніе отъ грѣховъ in articulo mortis.

ГЛАВА XIX.

Францисканскій монахъ.

На другой день послѣ свадьбы Маргариты съ королемъ Наварскимъ, капитанъ Жоржъ получилъ формальный приказъ выѣхать изъ Парижа и отправиться къ своему отряду легкой кавалеріи, стоявшему въ Мо. Бернаръ безъ особенной грусти простился съ братомъ, такъ какъ надѣялся увидѣть его до окончанія придворныхъ празднествъ. Одиночество нѣсколькихъ дней не особенно пугало его, такъ какъ его мысли были исключительно заняты графиней Тюржи; къ тому-же ночью онъ почти никогда небывалъ дома, а большую часть дня спалъ крѣпкимъ сномъ.

Въ пятницу 22-го авгаста 1572 года, адмиралъ Колиньи былъ опасно раненъ мушкетнымъ выстрѣломъ. Хотя всѣмъ было извѣстно, что имя злодѣя Морваль, но общественная молва приписала это убійство герцогу Гизу, который тотчасъ-же выѣхалъ изъ Парижа чтобы избавиться отъ нареканій и угрозъ протестантской партіи. Король въ первый моментъ повидимому намѣревался подвергнуть его строжайшей отвѣтственности, но не принялъ никакихъ мѣръ противъ его возвращенія, которое ознаменовалось ужасной рѣзней 24-го августа.

Вѣсть о покушеніи на жизнь Колиньи разнеслась по городу съ быстротою молніи. Довольно значительное число дворянъ, принадлежавшихъ къ протестантской партіи, собрались верхами на хорошихъ лошадяхъ передъ отелемъ адмирала. Отсюда они разсѣялись по улицамъ Парижа, съ намѣреніемъ разыскать герцога Гизъ или друзей и при встрѣчи затѣять съ ними ссору. Тѣмъ не менѣе вначалѣ все было спокойно. Народъ, быть можетъ напуганный численностью вооруженныхъ дворянъ или сберегая свои силы до другаго случая, молча проходилъ мимо, не обращая вниманія на ихъ возгласы: „Смерть убійцамъ адмирала! Долой друзей Гиза!“

На перекресткѣ одной улицы группа молодыхъ дворянъ католиковъ и между ними нѣсколько слугъ дома Гизъ неожиданно встрѣтились съ партіей протестантовъ, въ числѣ которыхъ былъ Мержи. Католики—изъ осторожности или вслѣдствіе полученнаго приказа не

сочли нужнымъ отвѣтить на оскорбительные крики протестантовъ; тѣмъ болѣе, что молодой человѣкъ красивой наружности, который повидимому предводительствовалъ ими, подошелъ къ Мержи и, вѣжливо поклонившись ему, сказалъ дружескимъ тономъ:

— Очень радъ видѣть васъ; вы вѣроятно уже успѣли побывать у г-на де-Шатильона? Какъ его здоровье? Пойманъ ли убійца?

Всѣ остановились. Мержи, узнавъ барона де-Водрёль, поклонился въ свою очередь и поспѣшилъ отвѣтить на его вопросы. Завязалось нѣсколько оживленныхъ разговоровъ; затѣмъ обѣ партіи разстались дружелюбно. Католики уступили протестантамъ правую сторону улицы и каждый отправился своей дорогой.

Баронъ де-Водрёль, заговорившись съ Мержи, задержалъ его, такъ что онъ остался позади своихъ товарищей. При прощаніи Водрёль, взглянувъ на его сѣдло, сказалъ: — Обратите вниманіе, мосье де-Мержи; если не ошибаюсь, то у васъ плохо подтянута подпруга!

Мержи соскочилъ на землю и пересѣдлалъ свою лошадь. Едва успѣлъ онъ снова сѣсть на нее, какъ услыхалъ, что кто-то скачетъ сзади крупной рысью. Онъ оглянулся и увидѣлъ молодаго человѣка, лицо котораго показалось ему незнакомымъ, хотя, онъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу дворянъ, сопровождавшихъ барона Водрёль.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ незнакомецъ, подъѣзжая къ нему, — какъ я былъ-бы счастливъ, если бы мнѣ удалось встрѣтить наединѣ одного изъ тѣхъ, которые осмѣлились бранить друзей Гиза!

— Вамъ не долго прійдется искать такого человѣка! — отвѣтилъ Мержи.—Я къ вашимъ услугамъ!

— Неужели вы одинъ изъ этихъ негодяевъ?

Мержи тотчасъ же обнажилъ шпагу и ударилъ ею по лицу приверженца Гизовъ. Этотъ вынулъ изъ сѣдла пистолетъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ имъ въ Мержи. Но произошла осѣчка. Тогда возлюбленный Діаны въ свою очередь ударилъ изо всѣхъ силъ шпагой по головѣ своего противника, который упалъ съ лошади, обливаясь кровью.

Уличная толпа, до этого смотрѣвшая безучастно на поединокъ, неожиданно приняла сторону раненаго. На молодого гугенота посыпались совсѣхъ сторонъ удары каменьевъ и палокъ, и такъ какъ всякое сопротивленіе было безполезно, то онъ рѣшился пришпорить лошадь и спастись бѣгствомъ. Но при этомъ онъ слишкомъ круто повернулъ за уголъ улицы; лошадь упала и сбросила его на землю. Хотя онъ не получилъ никакого ушиба и тотчасъ же вскочилъ на ноги, но прошло нѣсколько секундъ, пока ему удалось поднять лошадь, такъ что онъ опять очутился среди разъяренной толпы.

Въ виду неминуемой опасности, онъ прислонился къ стѣнѣ и нѣкоторое время отбивался отъ тѣхъ, которые подступали къ нему на разстояніе его шпаги, пока сильный ударъ палки не переломилъ лезвее. Его повалили на землю и вѣроятно разорвали бы на куски,

если бы на помощь не явился францисканскій монахъ, который, растолкавъ толпу, защитилъ его собственнымъ тѣломъ.

— Что вы дѣлаете, дѣти мои! — крикнулъ онъ громкимъ голосомъ;—оставьте этого человѣка! онъ не виновенъ.

— Это гугенотъ!—заревѣла толпа.

— Ну, такъ дайте ему время покаяться въ грѣхахъ, пока еще есть возможность.

Руки, державшія Мержи, опустились. Онъ всталъ на ноги и, поднявъ обломокъ своей шпаги, рѣшился дорого продать свою жизнь, въ случаѣ новаго нападенія.

— Не убивайте этого человѣка и вооружитесь терпѣніемъ! — продолжалъ монахъ. — Вы увидите, что скоро всѣ гугеноты будутъ ходить къ обѣднѣ.

— Да, терпѣніе! Намъ все толкуютъ о терпѣніи!—заговорило разомъ нѣсколько недовольныхъ голосовъ. — Мы уже давно слышимъ это, а вотъ уже сколько времени каждое воскресенье послѣ проповѣди они вводятъ въ соблазнъ добрыхъ людей своимъ пѣніемъ.

— Развѣ вы не знаете нашей пословицы: поетъ сова, пока не охрипнетъ! возразилъ со смѣхомъ монахъ.— Пусть ихъ погорланятъ еще нѣкоторое время; а тамъ милостью пресвятой Богородицы, вы увидите, что всѣ они будутъ служить обѣдни по-латынѣ. Что же касается этого юнаго нечестивца, предоставьте его мнѣ, я обращу его въ добраго христіанина. Идите съ Богомъ, помните, что нельзя сжечь жаркое изъ-за того, чтобы его скорѣе съѣсть!

Толпа разошлась съ глухимъ ропотомъ. Никто не позволилъ себѣ сказать что-либо оскорбительное Мержи. Ему даже возвратили его лошадь.

— Вотъ первый разъ въ моей жизни, что я съ удовольствіемъ смотрю на монашеское платье! сказалъ Мержи.—Вѣрьте, отецъ мой, что я умѣю цѣнить оказанную вами услугу; прошу васъ принять этотъ кошелекъ.

— Если вы назначаете эти деньги для раздачи бѣднымъ, то я согласенъ взять ихъ. Вѣрьте, что я принимаю въ васъ живѣйшее участіе! Я давно знакомъ съ вашимъ братомъ и желаю вамъ добра. Послушайтесь добраго совѣта и перейдите въ католичество; если хотите, то мы сегодня же уладимъ это дѣло.

— Ну, относительно этого мнѣ остается только поблагодарить васъ. Я не имѣю никакого желанія мѣнять религію. Но откуда вы узнали мою фамилію? Какъ зовутъ васъ?

— Мое имя отецъ Любенъ... Ну, вы умѣете устраивать свои любовныя дѣлишки! Я нѣсколько разъ видалъ васъ около дома... Впрочемъ, вы можете разсчитывать на мою скромность! Скажите, пожалуйста, мосье де Мержи, считаете ли вы монаха способнымъ на доброе дѣло?

— Разумѣется! Я буду всюду восхвалять ваше великодушіе, отецъ Любенъ.

— Значитъ, вы рѣшительно не хотите промѣнять проповѣдь на нашу обѣдню?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ: Если я даже буду ходить въ вашу церковь, то развѣ для того, чтобы послушать ваши проповѣди.

— Вы, кажется, человѣкъ со вкусомъ.

— И, вдобавокъ, вашъ величайшій поклонникъ.

— Чортъ возьми! Жалѣю отъ души, что вы хотите остаться еретикомъ. Во всякомъ случаѣ я предупредилъ васъ; съ своей стороны я сдѣлалъ, что могъ. Если что случится, то не браните меня; я умываю руки. Прощайте, сынъ мой.

— До свиданія, отецъ Любенъ.

Мержи сѣлъ на лошадь и отправился домой нѣсколько помятый, но вполнѣ довольный тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался отъ неминуемой опасности.

ГЛАВА XX.

Легкая кавалерія.

Вечеромъ, 24-го августа, вступилъ въ Парижъ отрядъ легкой кавалеріи черезъ ворота Saint-Antoine. Запыленные сапоги и платье всадниковъ показывали, что они совершили въ этотъ день далекій переѣздъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали загорѣлыя лица солдатъ; въ нихъ можно было прочесть то неопредѣленное безпокойство, которое овладѣваетъ людьми, когда они чувствуютъ приближеніе какого-то неизвѣстнаго, но рокового событія.

Отрядъ направился медленнымъ шагомъ къ большому незаселенному пространству за старымъ дворцомъ Турнель. Здѣсь капитанъ приказалъ сдѣлать привалъ и, пославъ на развѣдку двѣнадцать человѣкъ подъ начальствомъ корнета, самъ разставилъ караульныхъ съ зажженными фитилями на перекресткахъ сосѣднихъ улицъ, какъ бы въ ожиданіи непріятеля. Принявъ эти необычайныя мѣры предосторожности, онъ вернулся къ своему отряду.

— Сержантъ! крикнулъ онъ суровымъ и повелительнымъ голосомъ, чего съ нимъ почти никогда не случалось.

На этотъ зовъ тотчасъ же отозвался старый кавалеристъ въ вышитомъ шарфѣ и въ шляпѣ, убранной галуномъ и почтительно приблизился къ своему начальнику.

— Всѣмъ ли розданы фитили?

— Да, господинъ капитанъ.

— Приготовлены ли пушки? Достаточно ли у насъ пуль?

— Да, господинъ капитанъ.

— Хорошо, вы можете идти.

Капитанъ поѣхалъ шагомъ передъ фронтомъ своего отряда. Сержантъ слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ замѣтилъ, что онъ не въ духѣ, и не рѣшался сразу подойти къ нему. Немного погодя, старый сержантъ пріободрился и, догнавъ своего начальника, сказалъ:

— Не позволите ли, господинъ капитанъ, покормить коней; они не ѣли съ утра?

— Нѣтъ.

— Нельзя ли дать имъ по горсточкѣ овса? На это не потребуется много времени.

— Нѣтъ, оставьте ихъ; они должны быть на-готовѣ.

— Развѣ они будутъ нужны сегодня ночью?.. Мы слышали, что можетъ быть...

Капитанъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Вернитесь къ вашему посту! крикнулъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Сержантъ повиновался.

— Ну что, господинъ сержантъ, правда ли это? Не знаете ли вы, въ чемъ дѣло? Что сказалъ капитанъ?—спрашивали наперерывъ старые солдаты, которые въ виду своихъ заслугъ и прежнихъ товарищескихъ отношеній позволяли себѣ подобную фамильярность относительно своего непосредственнаго начальника.

— Мы еще не то увидимъ! возразилъ сержантъ многозначительнымъ тономъ человѣка, который знаетъ больше нежели имѣетъ возможность сказать.

— Какъ? что такое?

— Не приказано разнуздывать лошадей, потому что неизвѣстно, когда начнется дѣло...

— Значитъ, сегодня будетъ драка! воскликнулъ трубачъ. Но съ кѣмъ? воскликнулъ трубачъ.—Но съ кѣмъ? Вотъ что было бы желательно знать!

— Съ кѣмъ? сказалъ сержантъ, повторяя вопросъ чтобы имѣть время обдумать его.—Чортъ возьми! Это ясно какъ день! Съ кѣмъ же мы можемъ драться, какъ не съ врагами короля.

— Я это и самъ понимаю; но съ кѣмъ именно?

— Онъ не знаетъ враговъ короля! воскликнулъ презрительно сержантъ, пожимая плечами.

— Вотъ, напримѣръ, испанцы—также враги короля, замѣтилъ одинъ изъ солдатъ;—но мы давно знали бы объ ихъ приближеніи; они не явятся сюда въ-тихомолку.

— Бертранъ правъ! сказалъ сержантъ.—Я знаю, на кого онъ намекаетъ.

— На кого же?

— Разумѣется, на гугенотовъ! продолжалъ Бертранъ. Не нужно особеннаго ума чтобы видѣть въ чемъ дѣло. Всѣ знаютъ, что гугеноты переняли свою вѣру отъ нѣмцевъ, а что нѣмцы наши враги, это мнѣ также хорошо извѣстно, потому что я не жалѣлъ на нихъ зарядовъ при Saint-Quentin, гдѣ они дрались какъ черти.

— Все это прекрасно, сказалъ трубачъ; но съ ними давно заключенъ миръ. Мнѣ ли не помнить это радостное событіе! Насъ заставили тогда трубить нѣсколько дней сряду.

— Самъ король не дѣлаетъ теперь никакого различія между гугенотами и католиками! сказалъ молодой кавалеристъ, одѣтый лучше другихъ.—Вы вѣроятно слышали, что графъ Ла-Рошфуко будетъ командовать легкою кавалеріей во время предстоящаго фландрскаго похода, а что онъ протестантъ, въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Чортъ побери, онъ пропитанъ ересью съ головы до ногъ! У него даже шпоры à la Condé и шляпа à la huguenote...

— Провались онъ сквозь землю! воскликнулъ сержантъ.—Ты еще не служилъ тогда въ нашемъ отрядѣ... Ла-Рошфуко устроилъ засаду, въ которую мы едва не попали всѣ до единаго человѣка, какъ Робрей въ Пуату. Тутъ я окончательно убѣдился въ его коварствѣ; онъ хитеръ какъ лисица.

— Онъ надняхъ сказалъ королю, что отрядъ рейтеровъ стоитъ цѣлаго эскадрона легкой кавалеріи. Пажъ королевы слышалъ это собственными ушами...

Между кавалеристами послышался ропотъ негодованія, который скоро уступилъ мѣсто любопытству, такъ какъ опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, противъ кого направлены всѣ эти воинственныя приготовленія и мѣры предосторожности.

— Правда ли, г. сержантъ, спросилъ трубачъ,—что вчера хотѣли убить короля?

— Держу пари, что это дѣло еретиковъ.

— Сегодня за завтракомъ, сказалъ Бертранъ,—трактирщикъ разсказывалъ намъ, что гугеноты хотятъ уничтожить нашу обѣдню.

— Ну, тогда мы будемъ каждый день ѣсть скоромное, замѣтилъ Мерлинъ;—во всякомъ случаѣ солонина вкуснѣе бобовъ, такъ что этимъ нечего огорчаться.

— Да, но если гугеноты возьмутъ верхъ, то они первымъ дѣломъ сотрутъ съ лица земли отряды легкой кавалеріи и замѣнятъ ихъ своими проклятыми рейтерами.

— Если такъ, то я съ удовольствіемъ свернулъ бы имъ шеи! Чортъ возьми, я во всякомъ случаѣ предпочитаю остаться католикомъ! Вы, кажется, служили у протестантовъ, Бертранъ, и можете сказать: правда ли, что адмиралъ отпускалъ кавалеристамъ не больше восьми су въ день?

— Совершенно вѣрно! Этотъ старый хрычъ извѣстный скряга! Вотъ почему я и бросилъ его послѣ перваго похода.

— Нашъ капитанъ что-то не въ духѣ! сказалъ трубачъ. Онъ всегда такой веселый и такъ охотно бесѣдуетъ съ солдатами, а сегодня онъ не раскрывалъ рта во время всей дороги.

— Вѣроятно, его огорчили полученныя вѣсти?

— Какія вѣсти?

— Да о томъ, что намѣреваются сдѣлать гугеноты.

— Вотъ опять начнется междоусобная война! сказалъ Бертранъ.

— Тѣмъ лучше для насъ, возразилъ Мерлинъ, который во всемъ видѣлъ хорошую сторону,—будемъ драться, жечь деревни, убивать гугенотовъ...

— Они вѣрно хотятъ затѣять новое дѣло въ Амбуазѣ *), сказалъ сержантъ;—вслѣдствіе чего насъ и выписали сюда. Но мы скоро укротимъ ихъ...

Въ это время вернулся корнетъ, посланный на развѣдки, и отправился къ капитану съ докладомъ, между тѣмъ какъ бывшіе съ нимъ солдаты присоединились къ товарищамъ.

— Клянусь моей бородой, сказалъ одинъ изъ нихъ, садясь на землю возлѣ Бертрана,—что сегодня творится что-то необыкновенное въ Парижѣ. Мы не встрѣтили ни одной живой души на улицахъ; всѣ точно вымерли; но зато Бастилія переполнена войсками; пики швейцарцевъ торчатъ на дворѣ, какъ колосья ржи.

— Ну, ихъ тамъ не больше пяти сотъ! возразилъ другой.

— Одно несомнѣнно, сказалъ третій,—что гугеноты хотѣли убить короля, и что въ свалкѣ герцогъ Гизъ собственноручно ранилъ адмирала.

— Каковъ разбойникъ! по дѣломъ имъ! воскликнулъ сержантъ.

— Даже швейцарцы толкуютъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ, что во Франціи слишкомъ долго терпятъ еретиковъ.

— Правда, что они зазнались съ нѣкотораго времени.

— Они такъ задираютъ носъ, что со стороны можно подумать, что они побили насъ при Монконтурѣ и Жарнакѣ, а не мы ихъ!

— Истиннымъ католикамъ давно пора укротить ихъ.

— Что касается меня лично, добавилъ сержантъ,—то, если бы король сказалъ мнѣ: „Бей и рѣжь этихъ негодяевъ“, то пусть меня разжалуютъ въ солдаты, если я не сразу исполню этотъ приказъ!

---

*) Заговоръ въ Амбуазѣ составленъ былъ въ 1560 году однимъ дворяниномъ Барри де-Реноди, при тайномъ соучастіи знатныхъ сеньеровъ и принца Конде, съ цѣлью низвергнуть могущество гизовъ и ихъ вліяніе на короля Франциска II-го и королеву-мать, Екатерину Медичи. Но заговоръ былъ открытъ и главные соучастники подверглись смертной казни.

(Прим. перев.).

— Скажи пожалуйста, Бельрозъ, хорошо ли корнетъ исполнилъ возложенное на него порученіе? спросилъ Мерлинъ.

— Онъ все время проговорилъ съ какимъ-то швейцарцемъ, повидимому офицеромъ, такъ какъ онъ былъ одѣтъ лучше другихъ. Я не могъ разслышать словъ, но должно быть швейцарецъ разсказывалъ что нибудь интересное, потому что господинъ корнетъ ежеминутно повторялъ: ахъ, Господи! ахъ, Боже мой!..

— Посмотрите-ка, что это значитъ! Сюда во весь опоръ скачутъ два всадника! Вѣроятно съ какимъ нибудь приказомъ отъ короля... Нашъ капитанъ и корнетъ ѣдутъ къ нимъ на встрѣчу.

Два всадника быстро пронеслись мимо отряда. Одинъ богато одѣтый въ зеленомъ шарфѣ и шляпѣ украшенной перьями ѣхалъ на красивомъ конѣ. Товарищъ его толстый и приземистый человѣкъ былъ въ черной монашеской одеждѣ и держалъ въ рукахъ большое деревянное распятіе.

— Навѣрняка будетъ драка! сказалъ сержантъ;—вотъ уже прислали духовника, чтобы исповѣдывать раненыхъ.

— Не велика радость драться не пообѣдавши! пробормоталъ сквозь зубы Мерлинъ.

Оба всадника, завидя издали капитана, поѣхали шагомъ и при встрѣчѣ съ нимъ сразу остановили лошадей.

— Цѣлую ваши руки мосье де-Мержи! сказалъ человѣкъ въ зеленомъ шарфѣ.—Узнаете ли вашего покорнаго слугу Томаса де-Морвеля?

Капитанъ еще не слыхалъ о новомъ преступленіи Морвеля, но чувствовалъ къ нему глубокое презрѣніе за убійство храбраго Муи. Онъ сухо отвѣтилъ ему:

— Я не имѣю чести знать мосье де-Морвеля... Вы вѣроятно пріѣхали сюда, чтобы объяснить намъ для чего вызвали насъ въ Парижъ?

— Дѣло въ томъ, что нужно спасти нашего добраго короля и нашу святую религію отъ неминуемой опасности.

— Какая же это опасность? спросилъ Жоржъ насмѣшливымъ тономъ.

— Гугеноты составили заговоръ противъ жизни его величества, но, слава Богу, ихъ преступные замыслы были обнаружены во-время; и въ эту же ночь всѣ истинные христіане должны соединиться, чтобы перерѣзать ихъ спящими.

— Такъ были истреблены мадіаниты войсками Гедеона! замѣтилъ глубокомысленно человѣкъ въ черной рясѣ.

— О Боже! этого еще недоставало! воскликнулъ Жоржъ, содрогаясь отъ ужаса.

— Всѣмъ буржуа роздано оружіе, продолжалъ Морвель;—французская гвардія и три тысячи швейцарцевъ собраны въ городѣ. Въ нашемъ распоряженіи около шестидесяти тысячъ человѣкъ; въ один-

надцать часовъ будетъ поданъ сигналъ: начнется звонъ всѣхъ церковныхъ колоколовъ...

— Только такіе негодяи какъ ты могутъ разсказывать подобныя сказки! Это наглая ложь!.. Король никогда не рѣшится на такую безчеловѣчную рѣзню... Самое большое, если онъ выдастъ извѣстную сумму наемному убійцѣ...

Говоря это, Жоржъ невольно вспомнилъ странный разговоръ, который онъ имѣлъ съ королемъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Не горячитесь г. капитанъ; если бы я не былъ связанъ королевской службой, то отвѣтилъ бы вамъ надлежащимъ образомъ на тѣ оскорбленія, которыя вы позволяете себѣ относительно меня. Знайте, что я пріѣхалъ сюда отъ имени его величества, чтобы объявить вамъ, что вы должны сопровождать меня съ вашимъ отрядомъ. Намъ поручена улица Saint-Antoine и прилегающій къ ней кварталъ. Я привезъ вамъ точный списокъ лицъ, которыхъ мы должны спровадить на тотъ свѣтъ. Достопочтенный отецъ Мальбушъ убѣдитъ вашихъ людей въ необходимости этой мѣры и раздастъ имъ бѣлые кресты, которые будутъ на всѣхъ католикахъ, чтобы въ темнотѣ можно было бы безъ труда отличить добрыхъ христіанъ отъ еретиковъ.

— И вы думаете, что я буду убивать спящихъ людей?

— Позвольте васъ спросить: вы католикъ или нѣтъ, и признаете-ли вы Карла IX своимъ королемъ? Вамъ, вѣроятно, знакома подпись маршала Реца, которому вы обязаны повиноваться безъ всякихъ разсужденій.

Съ этими словами Морвель подалъ капитану бумагу, спрятанную за его поясомъ.

Мержи подозвалъ одного изъ кавалеристовъ и при свѣтѣ зажженнаго факела, прочелъ формальный приказъ, отъ имени короля, предписывающій капитану Мержи оказать военную помощь войску составленному изъ буржуа и во всемъ повиноваться Морвелю, который дастъ ему необходимыя инструкціи. Къ этому приказу былъ приложенъ списокъ именъ съ слѣдующимъ заглавіемъ. Имена еретиковъ, которые должны быть убиты въ кварталѣ Saint-Antoine.

Свѣтъ факела, горѣвшаго въ рукѣ кавалериста, ярко освѣщалъ лицо капитана Жоржа, такъ что весь отрядъ могъ видѣть, въ какомъ волненіи былъ ихъ начальникъ при чтеніи приказа, содержаніе котораго пока оставалось для нихъ тайной.

— Никогда мои кавалеристы не возьмутъ на себя роль убійцъ,— сказалъ Жоржъ, бросая бумагу въ лицо Морвеля.

— Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ убійствѣ,—сказалъ холодно священникъ, — дѣло идетъ объ еретикахъ и надъ ними должно совершиться правосудіе.

— Друзья мои, крикнулъ Морвель, обращаясь къ отряду кавалеристовъ,—гугеноты хотятъ убить короля и перерѣзать всѣхъ ка-

толиковъ; нужно предупредить ихъ: сегодня ночью мы застанемъ ихъ спящими и переколотимъ ихъ... Король въ награду за эту услугу разрѣшаетъ вамъ разграбить ихъ дома.

Въ рядахъ кавалеристовъ раздался дикій крикъ радости: „Да здравствуетъ король! Смерть гугенотамъ!“

— Молчать! — крикнулъ Мержи такимъ рѣшительнымъ тономъ, что всѣ разомъ замолкли.—Я одинъ имѣю право отдавать приказанія моему отряду. Товарищи, не вѣрьте этому негодяю! Онъ лжетъ! Если бы даже король отдалъ такой приказъ, то мои кавалеристы все-таки не станутъ убивать беззащитныхъ людей!

Солдаты молчали.

— Да здравствуетъ король! Смерть гугенотамъ! воскликнули въ одинъ голосъ Морвель и его товарищъ. Кавалеристы въ тотъ-же моментъ повторили вслѣдъ за ними.—Да здравствуетъ король! Смерть гугенотамъ!

— Вы слышите, капитанъ! намѣрены-ли вы повиноваться? — спросилъ Морвель.

— Я больше не капитанъ! воскликнулъ Жоржъ, срывая съ себя офицерскій значекъ и шарфъ.

— Арестуйте этого измѣнника!—воскликнулъ Морвель, обнаживъ шпагу,—убейте этого бунтовщика; онъ не хочетъ исполнить воли короля!..

Ни одинъ солдатъ не двинулся съ мѣста. Жоржъ выбилъ шпагу изъ рукъ Морвеля, но, не желая пользоваться беззащитнымъ положеніемъ своего врага, ограничился тѣмъ, что ударилъ его такъ сильно по лицу эфесомъ своей шпаги, что тотъ свалился съ лошади.

— Прощайте, низкіе трусы! сказалъ Жоржъ, обращаясь къ отряду.—Я не ожидалъ, что вмѣсто солдатъ буду имѣть дѣло съ убійцами. Затѣмъ, подозвавъ корнета, онъ добавилъ:—Альфонсъ, если вы хотите быть капитаномъ, то совѣтую воспользоваться случаемъ... Возьмите на себя команду надъ этими разбойниками!

Съ этими словами Мержи пришпорилъ лошадь и скрылся въ одной изъ сосѣднихъ улицъ. Корнетъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ-бы намѣреваясь послѣдовать его примѣру, но черезъ минуту осадилъ свою лошадь и вернулся къ отряду, разсудивъ, что капитанъ во всякомъ случаѣ далъ ему добрый совѣтъ, и что онъ не будетъ въ проигрышѣ, если воспользуется имъ.

Морвель, оглушенный паденіемъ сѣлъ на лошадь, бормоча сквозь зубы проклятія, между тѣмъ какъ монахъ, поднявъ надъ головой распятіе, увѣщевалъ солдатъ не щадить гугенотовъ и утопить ересь въ потокахъ крови.

Солдаты были немного смущены упреками капитана; но тотчасъ-же успокоились, какъ только онъ избавилъ ихъ своего присутствія. Разсчитывая на хорошую наживу, они такъ воодушевились, что размахивали саблями и клялись, что готовы идти въ огонь и воду за Морвелемъ.

ГЛАВА XXI.

Послѣднее усиліе.

Въ тотъ-же вечеръ Мержи вышелъ въ обычный часъ изъ своего дома, завернутый въ сѣрый плащъ и въ шляпѣ, низко надвинутой на глаза. Избѣгая людныхъ улицъ, онъ отправился дальней дорогой къ дому графини. Но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ Амбруаза Паре́, у котораго лечился отъ раны, полученной на дуэли. Паре́ очевидно возращался изъ отеля Шатильонъ; Мержи, поздоровавшись съ нимъ, спросилъ о здоровьи адмирала.

— Ему лучше, отвѣтилъ хирургъ.—Рана въ отличномъ видѣ и вообще больной чувствуетъ себя не дурно. Съ божьею помощью онъ скоро выздоровѣетъ. Я надѣюсь, что послѣ того лекарства, которое я прописалъ ему, онъ проведетъ спокойную ночь.

Въ это время мимо нихъ прошелъ какой-то простолюдинъ и слышалъ, что они говорятъ объ адмиралѣ. Отойдя на достаточное разстояніе, чтобы позволить себѣ дерзость безъ боязни расправы, онъ громко крикнулъ: Подождите немного, вашъ проклятый адмиралъ еще не такъ запляшетъ, когда мы его отправимъ на Mont-faucon!

Съ этими словами онъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Негодный трусъ! воскликнулъ Мержи. — Какъ обидно, что нашъ адмиралъ долженъ жить въ городѣ, гдѣ у него столько враговъ.

— Къ счастію ему нечего опасаться ихъ въ своемъ отелѣ. Когда я выходилъ оттуда, то всѣ лѣстницы были заняты солдатами, и они уже зажигали фитили. Еслибы вы знали, мосье де-Мержи, до какой степени здѣшніе жители ненавидятъ насъ!.. Однако прощайте, меня ждутъ въ Луврѣ.

Они разстались, пожелавъ другъ другу покойной ночи. Мержи продолжалъ свой путь и, предавшись розовымъ мечтамъ, пересталъ думать объ опасности, грозившей адмиралу, и о ненависти католиковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ не замѣтить необычайнаго оживленія на парижскихъ улицахъ, всегда пустынныхъ въ тотъ часъ ночи. Онъ встрѣчалъ носильщиковъ съ странными ношами на плечахъ, которыя въ потьмахъ казались ему связками пикъ; затѣмъ мимо него молча прошелъ отрядъ солдатъ съ поднятыми ружьями и зажженными фитилями; въ нѣкоторыхъ домахъ поспѣшно открывали окна: на минуту въ нихъ появлялись человѣческія фигуры со свѣчами въ рукахъ и тотчасъ же исчезали.

— Слушай, пріятель, крикнулъ Мержи одному изъ носильщиковъ,—объясни мнѣ, пожалуйста, куда вы тащите это оружіе въ такой поздній часъ?

— Въ Лувръ, милостивый государь, оно понадобится сегодня ночью.

— Товарищъ, сказалъ Мержи, обращаясь къ сержанту, командовавшему патрулемъ,—куда же вы идете въ полномъ вооруженіи?

— Въ Лувръ; мы всѣ созваны туда на эту ночь.

— Мое почтеніе, г-нъ пажъ! Вы, кажется, принадлежите къ свитѣ короля? Я желалъ бы знать: куда вы спѣшите съ вашими товарищами и для кого эти осѣдланныя лошади?

— Мы ведемъ ихъ въ Лувръ, милостивый государь. Развѣ вы не слыхали, что тамъ готовится дивертиссементъ на сегодняшнюю ночь.

— Дивертиссементъ сегодня ночью! подумалъ съ удивленіемъ Мержи.—Должно быть, всѣ посвящены въ тайну кромѣ меня! Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого; король можетъ забавляться сколько ему угодно; я не имѣю никакого желанія участвовать въ его увеселеніяхъ...

Мержи, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, замѣтилъ какого-то человѣка, довольно плохо одѣтаго, который останавливался передъ нѣкоторыми домами и дѣлалъ на воротахъ бѣлые кресты мѣломъ.

— Что вы дѣлаете, пріятель? крикнулъ ему Мержи.—Если вамъ поручено отмѣчать квартиры, то вы могли бы выбрать другое время.

Незнакомецъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на это замѣчаніе и поспѣшно удалился.

Мержи, теряясь въ догадкахъ, поворотилъ въ ту улицу, гдѣ жила графиня, но здѣсь онъ едва не сбилъ съ ногъ человѣка въ длинномъ плащѣ, который шелъ въ противоположную сторону. Несмотря на темноту и желаніе обоихъ сохранить инкогнито, они тотчасъ же узнали другъ друга.

— Какъ вы поживаете, мосье де-Бевилль? сказалъ Мержи, протягивая ему руку.

Бевилль видимо смутился, когда ему пришлось поздороваться съ пріятелемъ. Онъ предварительно сдѣлалъ странное движеніе и, распахнувъ плащъ, какъ будто переложилъ что-то тяжелое изъ правой руки въ лѣвую.

— Привѣтствую храбраго рыцаря, побѣдителя дамскихъ сердецъ! воскликнулъ Бевилль. — Держу пари, что мой благородный другъ спѣшилъ на любовное свиданіе.

— А вы сами, мосье де-Бевилль... Но къ чему всѣ эти предосторожности? Если не ошибаюсь, то у васъ въ лѣвой рукѣ пистолеты и вы вооружены съ головы до ногъ! Вѣроятно, вы боитесь встрѣчи съ ревнивымъ мужемъ или любовникомъ...

— Осторожность никогда не бываетъ лишняя, мосье Бернаръ; кто знаетъ, гдѣ насъ ожидаетъ смерть!..

Съ этими словами Бевилль поправилъ свой плащъ, чтобы скрыть оружіе, которое держалъ въ рукахъ.

— Къ сожалѣнію, сказалъ Мержи,—я не могу предложить вамъ моихъ услугъ, чтобы сторожить на улицѣ у дверей вашей возлюб-

ленной. Меня ждутъ сегодня; но во всякое другое время располагайте мною...

— Благодарю васъ, сегодня вечеромъ вы ни въ какомъ случаѣ не могли бы идти со мной, возразилъ Бевилль со странной улыбкой.

— Прощайте, желаю вамъ успѣха.

— Я также желаю вамъ благополучно провести эту ночь, произнесъ Бевилль съ особенной интонаціей.

Они разстались. Мержи, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, услыхалъ, что кто-то зоветъ его по имени. Онъ оглянулся и увидѣлъ Бевилля, который шелъ къ нему скорыми шагами.

— Вашъ братъ въ Парижѣ?

— Нѣтъ, но я жду его со дня на день. Скажите, пожалуйста, вы будете участвовать въ сегодняшнемъ дивертиссементѣ?

— Какомъ дивертиссементѣ? Что вы хотите этимъ сказать?..

— Я слышалъ, что сегодня ночью при дворѣ готовятся какія-то увеселенія.

Бевилль пробормоталъ что-то сквозь зубы.

— Прощайте еще разъ! сказалъ Мержи.—Я дорожу каждой минутой... Вы понимаете...

— Подождите одну секунду. Я не могу уйти, не давъ вамъ дружескаго совѣта.

— Какого совѣта?

— Не ходите къ ней сегодня. Вѣрьте, что завтра вы поблагодарите меня за это.

— Я не понимаю, о комъ вы говорите! Кто же это она?

— Ну, все равно она или онъ, только будьте благоразумны и скорѣе переѣзжайте Сену.

— Перестаньте дурачиться и не задерживайте меня.

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно. Послушайтесь моего совѣта и переѣзжайте на другой берегъ Сены. Если чортъ будетъ искушать васъ, то отправьтесь въ улицу Saint-Jaques къ якобинскому монастырю. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обители святыхъ отцовъ вы увидите большой деревянный крестъ, прибитый къ дому довольно убогой наружности. Эта странная вывѣска немного поразитъ васъ; но вы не обращайте на нее вниманія и постучитесь. Вамъ отворитъ старуха, которая приметъ васъ самымъ радушнымъ образомъ изъ уваженія ко мнѣ; вы будете довольны ея сговорчивостью... Однимъ словомъ, совѣтую вамъ не терять времени и отправиться на ту сторону Сены для утоленія любовнаго пыла. У старухи Брюларъ хорошенькія и благовоспитанныя племянницы... Понимаете?..

— Вы очень добры; постараюсь при случаѣ услужить вамъ въ свою очередь.

— Не въ этомъ дѣло! Лучше послушайтесь меня. Клянусь честью, вы будете довольны...

— Отъ души благодарю васъ за добрый совѣтъ, но я воспол-

зуюсь имъ въ другой разъ. Меня ждутъ, и я не хочу быть невѣжливымъ.

Съ этими словами Мержи сдѣлалъ шагъ, чтобы уйти.

— Еще разъ говорю вамъ, переѣзжайте Сену мой милый другъ; это мое послѣднее слово. Если вы меня не послушаете и съ вами случится несчастіе, то я умываю, въ этомъ руки.

Мержи былъ пораженъ серьезнымъ тономъ, съ какимъ говорилъ Бевилль и въ свою очередь остановилъ его, когда тотъ собирался уйти.

— Чортъ возьми, что вы хотите сказать этимъ мосье Бевилль? Объясните прямо въ чемъ дѣло и не говорите загадками.

— Мой милый другъ, я и безъ того говорю слишкомъ ясно; во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ переправиться на другой берегъ рѣки до полуночи... Прощайте.

— Скажите по крайней мѣрѣ...

Бевилль уже былъ далеко; Мержи бросился за нимъ; но ему тотчасъ-же стало досадно, что онъ теряетъ время, которое могъ бы употребить болѣе пріятнымъ образомъ. Онъ вернулся назадъ и быстрыми шагами подошелъ къ саду, который былъ единственною цѣлью его ночной прогулки. Здѣсь ему пришлось нѣкоторое время прогуливаться взадъ и впередъ въ ожиданіи пока удалятся прохожіе. Онъ не рѣшался войти при нихъ въ садовую калитку въ такой поздній часъ ночи изъ боязни возбудить любопытство. Была тихая лѣтняя ночь; легкая прохлада смѣнила дневной жаръ; мѣсяцъ то показывался, то вновь исчезалъ среди легкихъ бѣлыхъ облаковъ.

Улица на минуту опустѣла; Мержи открылъ калитку и снова заперъ ее безъ шума. Сердце его усиленно билось; онъ думалъ только о томъ невыразимомъ блаженствѣ, которое ожидаетъ его у Діаны; въ эту минуту изъ его головы вылетѣли безслѣдно мрачныя мысли, навѣянныя странными рѣчами Бевилля.

Онъ осторожно пробрался къ дому чуть слышными шагами. У полуоткрытаго окна, за красной занавѣсью горѣла лампа: это былъ условленный знакъ. Мержи въ одно мгновеніе ока очутился въ комнатѣ своей возлюбленной.

Она лежала на низкой кушеткѣ, обитой синей каемкой. Ея длинные черные волосы покрывали подушку, къ которой она прислонила голову. Глаза ея были закрыты; серебрянная лампа, привѣшанная къ потолку, освѣщала комнату и бросала таинственный свѣтъ на блѣдное лицо и пунцовыя губы Діаны Тюржи. Она не спала, но, глядя на нее, можно было подумать, что ее мучитъ тяжелый кошемаръ. Скрипъ сапоговъ Мержи по ковру заставилъ ее открыть глаза; она подняла голову и едва не вскрикнула отъ ужаса.

— Я испугалъ тебя, мой ангелъ? спросилъ Мержи, стоя на колѣняхъ и наклонившись къ подушкѣ, на которую красавица опять опустила голову.

— Слава Богу! Наконецъ ты пришелъ, Бернаръ.

— Развѣ я опоздалъ сегодня? Мнѣ казалось, что еще далеко до полуночи.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ, Бернаръ... Скажи, пожалуйста, никто не видѣлъ, какъ ты входилъ сюда?

— Никто... Но что съ тобой, моя дорогая? Почему этотъ хорошенькій маленькій ротъ не хочетъ цѣловать меня?

— Ахъ, Бернаръ, если бы ты зналъ... Ради Бога, не мучь меня... Моя голова горитъ какъ въ огнѣ! У меня сильнѣйшая мигрень.

— Моя бѣдная Діана!

— Сядь возлѣ меня... только пожалуйста не спрашивай меня ни о чемъ сегодня... Я очень больна.

Она спрятала свое лицо въ подушку и болѣзненно застонала; но черезъ минуту опять подняла голову и, взявъ руку Мержи, приложила къ виску.

Онъ почувствовалъ усиленное біеніе артеріи.

— У тебя холодная рука, Бернаръ, мнѣ легче, когда ты ее держишь такъ.

— Моя дорая Діана, какъ бы я хотѣлъ чтобы ты передала мнѣ свою мигрень! сказалъ онъ, цѣлуя ея горячій лобъ.

— Ахъ, да... а я желала-бы... закрой мнѣ глаза рукой; это облегчитъ мои страданія... Мнѣ кажется, что если бы я могла заплакать, то я была-бы гораздо спокойнѣе; но у меня нѣтъ слезъ.

Наступило продолжительное молчаніе, прерываемое тяжелыми вздохами больной. Мержи, стоя на колѣняхъ возлѣ кушетки, цѣловалъ попеременно, то лобъ, то опущенныя вѣки своей возлюбленной. Онъ чувствовалъ, какъ ея пальцы по временамъ судорожно сжимали его руку. Горячее дыханіе Діаны жгло его губы, волнуя его молодую кровь.

— Мой милый другъ, сказалъ онъ, — мнѣ кажется, что тебя мучитъ нѣчто сильнѣе мигрени. Нѣтъ-ли у тебя какого нибудь затаеннаго горя?.. Зачѣмъ ты скрываешь его отъ меня? Развѣ ты не знаешь, что если люди любятъ другъ друга, то они должны дѣлить между собою и горе радость.

Діана недовѣрчиво покачала головой, не открывая глазъ. Губы ея шевелились, но она не могла произнести ни одного слова, и какъ бы утомленная этимъ напраснымъ усиліемъ, опустила голову на плечо Мержи.

Въ это время на часахъ пробило половина двѣнадцатаго. Діана вздрогнула всѣмъ тѣломъ и быстро приподнялась съ кушетки.

— Нѣтъ... еще слишкомъ рано,—проговорила она глухимъ голосомъ.—Эти часы приводятъ меня въ ужасъ, съ каждымъ ударомъ я чувствую, какъ будто меня бьютъ по головѣ раскаленнымъ желѣзомъ.

Мержи не нашелъ лучшаго отвѣта, какъ поцѣловать склоненный къ нему лобъ красавицы. Въ это время она неожиданно протянула

обѣ руки и положивъ ихъ на плечи своего возлюбленнаго, пристально смотрѣла на него, какъ бы желая проникнуть въ его душу своими блестящими глазами.

— Бернаръ, сказала она послѣ минутнаго молчанія; — я желала бы знать, когда ты сдѣлаешься католикомъ?

— Мой дорогой другъ, не будемъ теперь говорить объ этомъ; всякое волненіе можетъ повредить тебѣ.

— Твое упорство—главная причина моей болѣзни... Но тебя это нисколько не безпокоитъ, хотя теперь нужно дорожить каждой минутой; и если бы мнѣ было суждено умереть сегодня, то я желала-бы употребить остатокъ моей жизни на то, чтобы обратить тебя въ католичество...

Мержи хотѣлъ остановить потокъ ея рѣчи поцѣлуемъ, такъ какъ это весьма сильный аргументъ, который обыкновенно служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, какіе любовникъ можетъ услышать отъ своей возлюбленной. Но Діана, которая почти всегда предупреждала его въ подобныхъ случаяхъ, на этотъ разъ съ негодованіемъ оттолкнула его.

— Да будетъ вамъ извѣстно, мосье де-Мержи, что я ежедневно обливаюсь кровавыми слезами, думая о васъ и вашемъ заблужденіи. Вы знаете, насколько я люблю васъ; и поэтому можете себѣ представить тѣ мученія какія я должна испытывать при одной мысли, что тотъ, который для меня дороже жизни, можетъ, благодаря своему упрямству, погибнуть душой и тѣломъ.

— Діана, помните, что мы дали другъ другу слово не говорить больше о подобныхъ вещахъ.

— Пойми несчастный, что это необходимо! Кто можетъ поручиться въ томъ, что у тебя еще остался часъ жизни для раскаянія...

Странный смыслъ послѣдней фразы и самый тонъ ея голоса напомнили Мержи совѣтъ, данный ему Бевиллемъ. Онъ почувствовалъ невольное безпокойство; но пересилилъ себя приписалъ благочестію новую попытку графини обратить его въ католичество.

— Что вы хотите сказать этимъ, мой прелестный другъ? спросилъ онъ.—Неужели вы думаете, что потолокъ нарочно обвалится надъ головой гугенота, чтобы убить его, какъ въ прошлую ночь подъ вашей кровати. Но къ счастью, это не сдѣлало намъ тогда ни малѣйшаго вреда, кромѣ незначительнаго количества пыли, которая посыпалась на насъ.

— Ваше упрямство приводитъ меня въ отчаяніе!.. Мнѣ приснилось на-дняхъ, что ваши враги собирались убить васъ... я видѣла васъ окровавленнымъ и при послѣднемъ издыханіи; вы умерли прежде чѣмъ я успѣла привести къ вамъ моего духовника.

— Мои враги? я даже не зналъ объ ихъ существованіи.

— Что за безуміе? Развѣ вамъ не враги всѣ тѣ, которые ненавидятъ вашу ересь. Вѣдь это чуть ли не вся Франція! Всѣ французы должны ненавидѣть васъ, пока вы будете врагомъ Бога и нашей церкви.

— Оставимъ это, царица моего сердца! Что же касается вашихъ сновъ, то обратитесь къ Камиллѣ, чтобы она вамъ истолковала ихъ; я въ этомъ ничего не смыслю. Но поговоримъ о чемъ нибудь другомъ... Вы навѣрно были при дворѣ сегодня и у васъ вслѣдствіе этого сдѣлалась мигрень, которая такъ мучитъ васъ, а меня доводитъ чуть ли не до бѣшенства.

— Да, я была сегодня при дворѣ, Бернаръ, и видѣла королеву... Я вышла оттуда съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы убѣдить васъ перемѣнить религію... Это необходимо и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Позвольте вамъ замѣтить, мой прелестный другъ, что если вы, несмотря на болѣзнь, въ состояніи проповѣдывать съ такимъ увлеченіемъ, то мы могли бы лучше провести время.

Она отвѣтила ему презрительнымъ взглядомъ, въ которомъ проглядывалъ затаенный гнѣвъ.

— Это потерянный человѣкъ; я слишкомъ слаба къ нему! сказала она вполголоса, какъ бы разсуждая сама съ собой; затѣмъ продолжала вслухъ: — Я вижу ясно, что вы меня не любите и что я у васъ на одномъ счету съ вашей лошадью. Моя обязанность доставлять вамъ удовольствіе и вы не чувствуете ни малѣйшаго сожалѣнія къ моимъ страданіямъ... Ради васъ и васъ однихъ я рѣшилась выносить угрызенія совѣсти, передъ которыми ничто всѣ пытки, придуманныя яростью людей. Вы можете однимъ словомъ возвратить покой моей душѣ; но это слово никогда не будетъ произнесено вами. Вы не пожертвуете ни однимъ изъ вашихъ предразсудковъ ради меня.

— Моя дорогая Діана, за что вы преслѣдуете меня? Если вы не окончательно ослѣплены вашимъ религіознымъ рвеніемъ, то будьте безпристрастны и скажите по совѣсти: можете ли вы найти раба болѣе покорнаго, чѣмъ я? Тѣмъ не менѣе, повторяю вамъ то, что уже говорилъ вамъ столько разъ: я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ вѣрить нѣкоторымъ вещамъ, которыя кажутся мнѣ безсмысленными.

Она пожала плечами и взглянула на него съ видимымъ недоброжелательствомъ.

— Это все равно, продолжалъ онъ, — что требовать отъ меня, чтобы мои волосы вмѣсто каштановыхъ сдѣлались бы бѣлокурыми! Какъ бы я не желалъ угодить вамъ, мой милый другъ, но я не могу перемѣнить религіи, потому что она тѣсно связана съ моимъ существованіемъ. Съ ранняго дѣтства я привыкъ думать извѣстнымъ образомъ; и если бы мнѣ проповѣдывали двадцать лѣтъ сряду, то я все-таки не повѣрилъ бы, что кусокъ хлѣба безъ дрожжей...

— Молчите и не богохульствуйте! прервала она его раздраженнымъ голосомъ. — Я все перепробовала; ничто не удалось! Вы всѣ, еретики, отличаетесь замѣчательнымъ упрямствомъ и намѣренно закрываете глаза и уши отъ правды, такъ какъ боитесь видѣть и слышать. Наконецъ наступило время, когда вы дѣйствительно лишитесь

возможности видѣть и слышать... Существуетъ только одно средство, чтобы уничтожить неизлечимую язву нашей церкви и теперь рѣшено прибѣгнуть къ этому средству.

Она съ волненіемъ сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и продолжала:

— Менѣе нежели черезъ часъ однимъ ударомъ снесены будутъ семь головъ дракона ереси. Шпаги наточены и вѣрующіе на-готовѣ. Нечестивцы исчезнутъ съ лица земли. Затѣмъ, указывая на часы, стоявшіе въ углу комнаты, она добавила: — Ты видишь, тебѣ осталось нѣсколько минутъ для раскаянія. Когда стрѣлка дойдетъ до двѣнадцати, твоя участь будетъ рѣшена...

Она не успѣла кончить послѣдней фразы, какъ вдали послышался глухой шумъ, похожій на гулъ толпы, которая собралась вокругъ огромнаго пожара. Шумъ, сначала неясный, быстро увеличивался; можно было разслышать вдали звонъ колоколовъ и ружейные выстрѣлы.

— Что это значитъ? воскликнулъ съ удивленіемъ Мержи.

Графиня Тюржи бросилась къ окну и отворила его.

Шумъ съ улицы, до этого заглушенный стеклами и тяжелыми занавѣсями, сдѣлался явственнѣе. Мержи показалось, что онъ слышитъ одновременно крики боли и ревъ ликованія. Красное пламя поднималось къ небу со всѣхъ частей города, насколько можно было окинуть глазомъ. Запахъ смолы, сразу наполнившій комнату, доказывалъ, что это не пожаръ и что свѣтъ, вѣроятно, происходитъ отъ массы зажженныхъ факеловъ. Въ этотъ моментъ на улицѣ раздался мушкетный выстрѣлъ и освѣтилъ стекла сосѣдняго дома.

— Началась рѣзня! воскликнула графиня, не помня себя отъ ужаса и хватаясь обѣими руками за голову.

— Какая рѣзня? Что вы хотите этимъ сказать?

— Въ эту ночь, по приказанію короля, убиваютъ гугенотовъ! Всѣ католики взялись за оружіе; ни одному еретику не дадутъ пощады. Церковь и Францiя спасены, но ты погибъ, если не откажешься отъ протестантскаго лжеученія!

Мержи почувствовалъ, что у него на всемъ тѣлѣ выступилъ холодный потъ. Онъ угрюмо смотрѣлъ на Діану, выраженіе лица которой представляло смѣсь ужаса и какого-то дикаго торжества. Оглушительный шумъ, который раздавался въ его ушахъ и наполнялъ городъ, краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о правдивости сообщеннаго ею извѣстія. Діана стояла нѣсколько минутъ неподвижно и пристально смотрѣла на своего возлюбленнаго; рука ея была протянута къ окну, какъ будто съ цѣлью подѣйствовать на его воображеніе и нарисовать еще болѣе яркими красками кровавыя сцены, о которыхъ можно было догадываться по уличному шуму и зловѣщей иллюминаціи, освѣщавшей городъ. Но мало-по-малу, вмѣсто прежняго торжествующаго вида, лицо ея приняло страдальческое,

испуганное выраженіе. Она упала на колѣни и проговорила сквозь слезы:

— Бернаръ! умоляю тебя, спаси свою жизнь и сдѣлайся католикомъ! Ты этимъ спасешь не только свою жизнь, но и мою...

Мержи бросилъ на нее суровый взглядъ и молча подошелъ къ креслу, на которомъ лежала его шпага.

— Что ты дѣлаешь, несчастный? воскликнула графиня.

— Ты видишь, беру свою шпагу! Я не имѣю никакого желанія, чтобы меня зарѣзали какъ барана.

— Никакія шпаги не спасутъ тебя! Весь городъ вооруженъ: королевская гвардія, швейцарцы, всѣ буржуа и народъ участвуютъ въ рѣзнѣ; въ эту минуту противъ каждаго гугенота направлены сотни кинжаловъ. Тебѣ не осталось другаго средства, чтобы спасти себя отъ смерти, какъ сдѣлаться католикомъ.

Мержи не былъ трусомъ; но представивъ себѣ всѣ опасности, которымъ онъ подвергался въ эту ночь, онъ почувствовалъ малодушный страхъ, такъ что мысль спасти свою жизнь отступничествомъ промелкнула въ его головѣ съ быстротой молніи.

— Я ручаюсь, что ты останешься живъ, если примешь католичество!

— Если я отрекусь отъ своей религіи, подумалъ Мержи,—то я буду презирать себя всю жизнь! Смерть не такъ страшна, какъ кажется издали...

Этой мысли было достаточно, чтобы возвратить ему мужество, тѣмъ болѣе, что его мучило сознаніе своей минутной слабости. Онъ надвинулъ на голову шляпу, застегнулъ портупею и, свернувъ плащъ вокругъ лѣвой руки, въ видѣ щита, направился къ двери рѣшительнымъ шагомъ.

— Куда ты идешь, безумный?

— На улицу. Я хочу избавить васъ отъ непріятнаго зрѣлища, да и вы сами врядъ ли желаете, чтобы меня убили на вашихъ глазахъ и въ вашемъ домѣ.

Въ тонѣ его голоса было столько презрѣнія, что у Діаны болѣзненно сжалось сердце. Она хотѣла загородить ему дорогу, но онъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя.

— Оставьте меня! воскликнулъ онъ.—Не желаете ли вы сами предать меня въ руки убійцъ? Возлюбленная гугенота можетъ искупить свои грѣхи, пожертвовавъ своимъ любовникомъ.

— Остановись, Бернаръ!.. Мое единственное желаніе спасти твою жизнь. Живи для меня, мой дорогой! Умоляю тебя, во имя нашей любви, произнеси одно слово, и я клянусь, что ты будешь спасенъ.

— Я никогда не соглашусь принять религію убійцъ и разбойниковъ. Примѣръ нашихъ святыхъ мучениковъ поддержитъ меня и дастъ мнѣ силу мужественно встрѣтить смерть.

Съ этими словами онъ быстро подошелъ къ двери и уже соби-

рался открыть ее; но Діана предупредила его; она бросилась къ нему и крѣпче обняла его, нежели это могъ сдѣлать самый сильный мужчина.

— Бернаръ! воскликнула она, не помня себя отъ горя;—теперь я еще больше люблю тебя... я почти довольна, что ты не сдѣлался католикомъ.

Она притянула его къ кушеткѣ и, усадивъ рядомъ съ собой, покрывала его руки поцѣлуями и слезами.

— Останься здѣсь, со мной мой, милый и дорогой Бернаръ; только тебя одного могла я полюбить всѣмъ сердцемъ...

Говоря это, она сжимала его въ своихъ объятіяхъ, обвивая руками его шею.

— Они не станутъ отыскивать тебя здѣсь въ моихъ объятіяхъ; или имъ придется убить меня вмѣстѣ съ тобой. Прости Бернаръ, что я не предупредила тебя раньше объ угрожавшей тебя опасности: я была связана страшной клятвой. Но я спасу тебя или погибну вмѣстѣ съ тобой!

Въ эту минуту кто-то сильно постучалъ въ дверь, выходившую на улицу. Діана громко вскрикнула отъ ужаса, а Мержи, освободившись изъ ея объятій, быстро вскочилъ на ноги; въ эту минуту онъ чувствовалъ въ себѣ столько силы и рѣшительности, что не задумываясь бросился бы среди сотни убійцъ, если бы они очутились передъ нимъ.

Въ тѣ времена, почти во всѣхъ парижскихъ домахъ у главнаго входа сдѣлано было квадратное отверстіе, съ частой желѣзной рѣшеткой, чтобы обитатели дома могли заранѣе удостовѣриться: безопасно или нѣтъ впустить посѣтителя? Нерѣдко массивныя дубовыя двери, окованныя желѣзомъ и большими желѣзными гвоздями, казались недостаточно надежными предусмотрительнымъ людямъ, которые не хотѣли осады. Въ виду этого по обѣимъ сторонамъ дверей устраивались узкія бойницы, изъ которыхъ можно было свободно стрѣлять въ осаждающихъ, оставаясь невидимымъ.

Старый конюхъ графини, котораго она удостоивала особеннымъ довѣріемъ, отправился по ея порученію къ главному входу, внимательно разглядѣлъ посѣтителя черезъ рѣшетчатое отверстіе и послѣ подробнаго допроса доложилъ своей госпожѣ, что капитанъ Жоржъ де-Мержи настоятельно проситъ впустить его.

Графиня приказала немедленно принять неожиданнаго посѣтителя.

— - -

ГЛАВА XXII.

Двадцать-четвертое августа.

Капитанъ Жоржъ, бросивъ свой отрядъ, поспѣшилъ на свою квартиру, въ надеждѣ увидѣть брата, но уже не засталъ его и узналъ отъ слугъ, что онъ не вернется раньше утра. Сообразивъ безъ труда, гдѣ могъ быть Бернаръ въ этотъ часъ ночи, онъ тотчасъ же отправился къ графинѣ Тюржи.

Между тѣмъ рѣзня уже началась; шумъ, давка на улицахъ и протянутыя цѣпи останавливали его на каждомъ шагу. Ему пришлось идти мимо Лувра, гдѣ всего болѣе свирѣпствовалъ фанатизмъ. Значительное число протестантовъ жило въ этомъ кварталѣ, который былъ теперь въ рукахъ буржуа католиковъ и гвардейскихъ солдатъ. Они явились сюда съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ, и, по выраженію одного современнаго писателя д'Обинье, „кровь текла здѣсь со всѣхъ сторонъ сливаясь, въ рѣку“. Всякій, кто переходилъ улицу, подвергался опасности быть раздавленнымъ трупами, которыхъ выбрасывали изъ оконъ.

Большая часть лодокъ, обыкновенно стоявшихъ вдоль Лувра, были изъ предусмотрительности перевезены на другой берегъ. Такимъ образомъ, многіе изъ бѣжавшихъ къ Сенѣ, въ надеждѣ переплыть рѣку и избавиться этимъ путемъ отъ ударовъ непріятеля, были обречены на вѣрную гибель, такъ какъ имъ оставался только выборъ между волнами и алебардами преслѣдовавшихъ ихъ солдатъ. Въ это время, по разсказамъ очевидцевъ, Карлъ IX-й стоялъ у окна своего дворца и прицѣливался въ прохожихъ изъ длиннаго мушкета.

Капитанъ Мержи, шагая черезъ трупы и лужи крови, продолжалъ свой путь, рискуя ежеминутно сдѣлаться жертвой какого нибудь истребителя гугенотовъ. Онъ замѣтилъ, что у каждаго изъ солдатъ и вооруженнаго буржуа былъ бѣлый шарфъ на рукѣ и бѣлый крестъ на шляпѣ. Онъ могъ легко одѣть на себя эти отличительные признаки католиковъ; но отвращеніе, какое онъ чувствовалъ къ убійцамъ, простиралось и на знаки, по которымъ они узнавали другъ друга.

На берегу Сены, близъ Châtelet, онъ услыхалъ, что кто-то назвалъ его по имени. Оглянувшись, онъ увидѣлъ человѣка, вооруженнаго съ головы до ногъ и съ бѣлымъ крестомъ на шляпѣ, но который, повидимому, не дѣлалъ никакого употребленія изъ своего оружія и съ развязнымъ видомъ свертывалъ между пальцами клочекъ бумаги. Это былъ Бевилль. Онъ хладнокровно смотрѣлъ на окружавшіе его трупы и на людей, которыхъ бросали въ Сену съ моста au Meunier.

— Чортъ побери, какъ ты попалъ сюда, Жоржъ? Нужно ли приписать чуду, или тебя вдохновила благодать, что ты также вздумалъ охотиться за гугенотами!

— А ты самъ, что дѣлаешь тутъ среди этихъ негодяевъ?

— Я? Развѣ ты не видишь? Я смотрю на то, что творится здѣсь. Ты знаешь Мишеля Корнабона, этого стараго ростовщика гугенота, у котораго я столько разъ занималъ крупныя суммы?..

— И ты убилъ его, несчастный?

— Фи! за кого ты меня принимаешь! Я не вмѣшиваюсь въ религіозныя дѣла; и не только не убилъ его,—но даже спряталъ въ моемъ погребѣ; онъ былъ такъ тронутъ этимъ, что далъ росписку въ полученіи всѣхъ денегъ, которыя я задолжалъ ему. Такимъ образомъ, я сдѣлалъ доброе дѣло и получилъ достойную награду. Правда, чтобы побудить его скорѣе подписать квитанцію, я раза два приставилъ пистолетъ къ его головѣ, хотя, чортъ возьми, я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія стрѣлять въ него... Вотъ, взгляни-ка сюда, ты видишь, какая-то женщина зацѣпилась юбками за бревно моста. Она сейчасъ упадетъ въ воду... нѣтъ, пожалуй удержится!.. Тьфу, пропасть, это настолько любопытно, что стоитъ взглянуть поближе!

Жоржъ отошелъ отъ него съ тяжелымъ чувствомъ.

— Вотъ чѣмъ забавляется одинъ изъ самыхъ честныхъ дворянъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ Парижѣ! — подумалъ онъ.—Можно себѣ представить, что дѣлаютъ остальные!..

Онъ вошелъ въ улицу Saint-Josse, которая была темна и пустынна, вѣроятно, вслѣдстіе того, что ни одинъ изъ протестантовъ не жилъ въ ней. Но и здѣсь слышенъ былъ шумъ изъ сосѣднихъ улицъ. Черезъ минуту бѣлыя стѣны домовъ неожиданно освѣтились красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Жоржъ услыхалъ пронзительные крики и увидѣлъ полунагую женщину съ распущенными волосами, которая держала ребенка на рукахъ. Она бѣжала съ невѣроятной быстротой; двое мужчинъ преслѣдовали ее, ободряя другъ друга дикими возгласами, на подобіе охотниковъ за звѣремъ. Женщина хотѣла было броситься въ сосѣднюю аллею; но одинъ изъ преслѣдовавшихъ ее людей выстрѣлилъ въ нее изъ мушкета. Зарядъ попалъ въ спину и опрокинулъ ее; она машинально поднялась на ноги, сдѣлала одинъ шагъ и снова упала на землю; затѣмъ съ видимымъ усиліемъ подняла ребенка, и указывая на него глазами капитану Мержи, какъ будто поручала его великодушію беззащитное существо. Она умерла, не сказавъ ни одного слова.

— Вотъ еще спровадилъ одну изъ этихъ проклятыхъ еретичекъ!— воскликнулъ человѣкъ, выстрѣлившій изъ мушкета.—Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не отправлю дюжины ихъ на тотъ свѣтъ!

— Негодяй! — воскликнулъ капитанъ, выстрѣливъ въ него въ упоръ изъ пистолета.

Голова злодѣя ударилась о стѣну. Онъ широко раскрылъ глаза,

выпрямился и, соскользнувъ на землю, какъ плохо прислоненная доска, упалъ навзничъ мертвый.

— Что это значитъ? Запрещено бить католиковъ!—воскликнулъ товарищъ убитаго, который держалъ факелъ въ одной рукѣ и окровавленную шпагу въ другой! — Кто вы такой? Господи помилуй, да вы, кажется, изъ легкой кавалеріи его величества. Чортъ возьми, это странное недоразумѣніе, г. офицеръ!

Жоржъ вынулъ изъ-за пояса другой пистолетъ и зарядилъ его. Это движеніе и легкое щелканье спускаемаго курка привело въ ужасъ истребителя гугенотовъ. Онъ бросилъ свой факелъ и убѣжалъ со всѣхъ ногъ. Жоржъ не счелъ нужнымъ преслѣдовать его; онъ наклонился къ женщинѣ, лежавшей на землѣ, и осмотрѣвъ ее, убѣдился, что она мертвая. Пуля пробила ее насквозь; ребенокъ спасся какимъ-то чудомъ; весь обрызганный кровью, онъ обнималъ шею матери, громко кричалъ и плакалъ. Жоржъ съ трудомъ оторвалъ его отъ трупа, къ которому онъ прижался изо всѣхъ силъ, и завернувъ въ плащъ, взялъ къ себѣ на руки. Избѣгая новой непріятной встрѣчи, онъ поднялъ шапку убитаго, снялъ съ нея бѣлый крестъ и прикололъ къ своей шляпѣ. Благодаря этой предосторожности, ему удалось пройти безъ всякихъ препятствій къ дому графини.

Оба брата бросились другъ другу въ объятія и нѣкоторое время не могли выговорить ни одного слова отъ волненія. Наконецъ, капитанъ разсказалъ въ короткихъ словахъ о томъ, что дѣлалось въ городѣ, и видѣнныхъ имъ сценахъ. Бернаръ проклиналъ короля, гизовъ и католическое духовенство, и хотѣлъ во что бы то ни стало выйти изъ дому и присоединиться къ своимъ собратіямъ по религіи въ надеждѣ, что имъ удалось сплотиться въ какомъ нибудь пунктѣ города противъ своихъ враговъ. Графиня со слезами упрашивала его остаться; ребенокъ громко плакалъ на рукахъ капитана, и звалъ свою мать.

Прошло довольно много времени, пока капитану удалось успокоить графиню и уговорить брата принять болѣе благоразумное рѣшеніе. Что же касается ребенка, то конюхъ графини вызвался отнести его къ надежной женщинѣ, живущей по сосѣдству, и отдать на ея попеченіе.

Бернаръ, по мнѣнію капитана, долженъ былъ пока отложить всякую мысль о бѣгствѣ. Куда могъ онъ отправиться въ данный моментъ? Кто поручится ему въ томъ, что рѣзня не происходитъ повсемѣстно съ одного конца Франціи до другого. Многочисленные отряды гвардіи заняли всѣ мосты, черезъ которые протестанты могли пробраться въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, откуда имъ было легко бѣжать въ южные провинціи, гдѣ населеніе дружелюбно относилось къ нимъ. Съ другой стороны было не только безполезно, но и опасно обратиться къ помощи короля въ тотъ моментъ, когда разгоряченный рѣзней онъ думалъ только о томъ, чтобы увеличить ее новыми

жертвами. Домъ графини, которая была извѣстна своей набожностью, не могъ подвергнуться строгому обыску со стороны убійцъ, тѣмъ болѣе, что она была увѣрена въ преданности своихъ слугъ. Такимъ образомъ, Мержи нигдѣ не могъ найти болѣе безопаснаго убѣжища, какъ въ домѣ графини. Рѣшено было, что онъ останется тутъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ необходимо по ходу событій.

Съ наступленіемъ дня рѣзня продолжалась съ удвоенной силой и приняла болѣе правильный характеръ. Каждый католикъ, надѣвъ на себя бѣлый крестъ, изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ ереси, считалъ своимъ долгомъ вооружиться или взять на себя роль доносчика относительно уцѣлѣвшихъ гугенотовъ. Въ это время король заперся въ своемъ дворцѣ, и только главные участники рѣзни имѣли къ нему доступъ. Народная толпа, привлеченная надеждой поживиться грабежемъ, примкнула къ буржуа и солдатамъ, между тѣмъ какъ проповѣдники въ церквахъ увѣщевали свою паству преслѣдовать враговъ съ удвоенной жестокостью. „Уничтожимъ разомъ всѣ головы гидры, говорили они,—и положимъ навсегда конецъ междоусобнымъ войнамъ!“ Чтобы еще болѣе убѣдить народъ, алчущій крови и чудесъ, что небо одобряетъ уничтоженіе гугенотовъ, они указывали на неслыханное чудо, совершившееся въ ночь на 24-е августа: „Идите на кладбище des Innocents! восклицали они,—вы увидите тамъ боярышникъ, который зацвѣлъ вторично, обновленный кровью еретиковъ!“

Многочисленныя процессіи вооруженныхъ фанатиковъ торжественно шли одни за другими на поклоненіе къ святому кусту и возвращались оттуда воодушевленные новымъ рвеніемъ. Теперь никакія сомнѣнія не могли помѣшать имъ отыскивать и убивать тѣхъ, которыхъ небо такъ явно осуждало на неминуемую смерть. Изреченіе Екатерины Медичи было въ устахъ всѣхъ; его повторяли, убивая женщинъ и дѣтей: Che pietà lor ser crudele, che crudeltà lor ser pietoso („теперь человѣколюбиво быть жестокимъ и жестоко быть человѣколюбивымъ“).

Замѣчательно, что среди протестантовъ было очень много такихъ, которые были на войнѣ и участвовали въ кровопролитныхъ битвахъ, гдѣ они нерѣдко пытались противопоставить доблесть перевѣсу численности; между тѣмъ, во время этой человѣческой бойни только двое оказали нѣкоторое сопротивленіе убійцамъ. Быть можетъ, привычка сражаться въ войскѣ и въ правильномъ бою лишала протестантовъ индивидуальной энергіи, которая могла побудить каждаго изъ нихъ защищаться въ своемъ домѣ, какъ въ крѣпости. Не только женщины и молодежь, но старые, заслуженные воины, въ видѣ смиренныхъ жертвъ подставляли свои шеи негодяямъ, которые еще наканунѣ трепетали бы передъ ними. Они принимали свою покорность судьбѣ за мужество и предпочитали ореолъ мучениковъ военной славѣ.

Когда жажда крови была нѣсколько утолена, наиболѣе милосердые изъ убійцъ заявили своимъ жертвамъ, что готовы даровать имъ жизнь подъ условіемъ отреченія отъ ихъ вѣры. Самое незначительное число кальвинистовъ воспользовалось этимъ предложеніемъ и избавило себя отъ смерти или долгихъ мученій ложью, вполнѣ извинительною въ ихъ положеніи. Но рядомъ съ этимъ многія женщины и дѣти упорно держались своей религіи, и умирали подъ ударами убійцъ, не произнося ни одной жалобы.

Черезъ два дня король сдѣлалъ попытку прекратить рѣзню, но безуспѣшно: давъ волю страстямъ толпы, онъ уже былъ не въ состояніи остановить ихъ. Убійства продолжались по-прежнему, и даже самъ монархъ подвергся нареканію за свое нечестивое состраданіе, такъ что ему пришлось отречься отъ сказанныхъ имъ милостивыхъ словъ и вновь проявить свою жестокость, которая составляла отличительную черту его характера.

Впродолженіе первыхъ дней, слѣдовавшихъ за Варѳоломеевской ночью, капитанъ аккуратно навѣщалъ своего брата въ его убѣжищѣ и всякій разъ сообщалъ ему новыя подробности объ ужасающихъ сценахъ, при которыхъ онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ.

— Господи, какъ бы мнѣ хотѣлось уѣхать куда нибудь, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ преступленій и убійствъ, говорилъ Жоржъ.— Я скорѣе согласился бы жить среди дикихъ звѣрей, нежели съ французами.

— Не хочешь ли отправиться со мной въ Ла-Рошель? предлагалъ Мержи.—Быть можетъ, истребители гугенотовъ еще не успѣли овладѣть имъ. Если намъ суждено умереть, то умремъ вмѣстѣ! Защищая этотъ послѣдній оплотъ нашей религіи, ты возстановишь свою репутацію и заставишь забыть твое отступничество.

— Поѣдемъ лучше въ Германію или въ Англію! отвѣчалъ Жоржъ, — тамъ, по крайней мѣрѣ, мы будемъ въ безопасности отъ убійцъ и сами не будемъ никого убивать...

Этимъ проектамъ не суждено было осуществиться. Жоржа посадили въ тюрьму за неисполненіе королевскихъ приказаній; графиня, опасаясь, что рано или поздно фанатики откроютъ убѣжище ея возлюбленнаго, употребила всѣ усилія, чтобы доставить ему возможность бѣжать изъ Парижа.

ГЛАВА XXIII.

Два монаха.

Въ жалкомъ трактирѣ, стоявшемъ на берегу Лоары, въ недалекомъ разстояніи отъ Орлеана, сидѣлъ за столомъ молодой францисканецъ въ коричневой монашеской одеждѣ, лицо котораго было на половину покрыто большимъ капишономъ. Глаза его были устремлены на молитвенникъ и онъ, повидимому, весь погрузился въ чтеніе, хотя для этого благочестиваго занятія онъ выбралъ слишкомъ темный уголъ. У его пояса висѣли четки изъ зеренъ, величиною въ голубиное яйцо, и множество образковъ въ металической оправѣ, нанизанныхъ на шнуркѣ. Когда онъ поднималъ голову, чтобы взглянуть на дверь, то видѣнъ былъ красиво очерченный ротъ, съ закрученными усами, которые были настолько щеголеваты, что сдѣлали бы честь любому капитану. Руки его были замѣчательно бѣлыя, съ продолговатыми, тщательно остриженными ногтями, такъ что трудно было предположить, что онъ когда нибудь брался за лопату или грабли, сообразно правиламъ францисканскаго ордена, къ которому онъ принадлежалъ.

Дородная крестьянка съ одутловатыми щеками, исполнявшая обязанность служанки и кухарки, была въ то же время хозяйкой трактира. Она подошла къ молодому монаху и, сдѣлавъ передъ нимъ неловкій реверансъ, сказала:

— Не прикажете ли, отецъ мой, подать вамъ что нибудь къ обѣду? Вѣдь уже давно пробило двѣнадцать!

— Не можете ли вы мнѣ сказать: скоро ли пріѣдетъ лодка, которая должна сегодня отправиться въ Боженси?

— Кто ее знаетъ! Рѣка обмелѣла, ѣдешь какъ Богъ дастъ, а не такъ какъ хочется! Но во всякомъ случаѣ еще слишкомъ рано; она не можетъ такъ скоро быть здѣсь. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я непремѣнно пообѣдала бы здѣсь.

— Ну, такъ и быть, дайте мнѣ что нибудь поѣсть. Только нѣтъ ли у васъ другой залы. Здѣсь какой-то отвратительный запахъ.

— Какой вы нѣженка, отецъ мой! Я ничего не слышу.

— Не опаливають ли гдѣ нибудь свиней около гостинницы?

— Свиней? Вотъ еще, что выдумали. Пожалуй, они не многимъ лучше свиней, хотя при жизни одѣвались въ шелкъ; но эти свиньи не годятся для ѣды. Съ позволенія сказать, это жарятъ гугенотовъ на берегу рѣки, въ ста шагахъ отсюда. Отъ этого вы и слышите такой запахъ, отецъ мой.

— Гугенотовъ!..

— Да, гугенотовъ. Надѣюсь, что это не можетъ огорчить васъ и лишить апетита. Что же касается того, чтобы я подала вамъ обѣдъ

въ другой залѣ, то у меня всего одна столовая и вы должны довольствоваться ею, тѣмъ болѣе, что запахъ вовсе не такъ дуренъ. Если бы не жгли гугенотовъ, а оставили ихъ гнить на берегу, то зловоніе было бы еще сильнѣе. Сегодня утромъ цѣлая куча ихъ лежала на пескѣ, вотъ какая... выше этой печки!

— И вы ходили смотрѣть на эти трупы?

— Вамъ это не по вкусу, потому что они всѣ были голые. Но вѣдь мертвецы не то, что живые, отецъ мой. Я смотрѣла на нихъ такъ же хладнокровно, какъ на кучу мертвыхъ лягушекъ. Во всякомъ случаѣ наши должно быть хорошо поработали вчера въ Орлеанѣ, потому что Луара страхъ сколько нанесла намъ этой рыбы, но такъ какъ въ этомъ году мало воды въ рѣкѣ, то множество мертвецовъ найдено на пескѣ... Вотъ еще вчера сынъ мельника вытащилъ изъ рѣки сѣти въ надеждѣ, что попался линь, а вмѣсто этого нашелъ мертвую женщину, у которой животъ былъ насквозь пробитъ алебардой, отсюда до плечъ. Разумѣется, онъ еще больше обрадовался бы, если бы въ сѣтяхъ оказалась настоящая рыба, тѣмъ не менѣе... Но что съ вами, отецъ мой!.. Вы такъ поблѣднѣли, какъ будто сейчасъ упадете въ обморокъ! Не хотите ли, я принесу вамъ стаканчикъ вина, только-что полученнаго изъ Божепси? Это согрѣетъ васъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Ну, скажите, по крайней мѣрѣ, что вамъ изготовить къ обѣду.

— То, что попадется вамъ подъ руку... мнѣ все равно!

— Все-таки закажите сами. Да будетъ вамъ извѣстно, что у меня въ кладовой вдоволь всякихъ запасовъ.

— Пожалуй, дайте мнѣ къ обѣду цыпленка, и не мѣшайте мнѣ читать молитвы.

— Цыпленка! Что съ вами, отецъ мой? Вотъ уже не ожидала! Видно, на вашихъ зубахъ пауки не сплетутъ паутины во время поста. Развѣ папа далъ вамъ разрѣшеніе ѣсть цыплятъ въ пятницу?

— Господи, до чего я разсѣянъ!.. Да, разумѣется, сегодня пятница... въ пятницу запрещено ѣсть мясо. Ну, дайте мнѣ яицъ. Благодарю васъ, что вы предостерегли меня отъ такого ужаснаго грѣха!

— Нечего сказать, хороши эти господа! пробормотала трактирщица сквозь зубы. — Если вы не предупредите ихъ, то они готовы ѣсть цыплятъ въ постъ, а не приведи Богъ, если въ постный день увидятъ у насъ грѣшныхъ кусочекъ сала въ супѣ: они поднимутъ такой шумъ, что у бѣдной женщины вся кровь бросится въ голову.

Съ этими словами она ушла въ кухню, чтобы заняться приготовленіемъ яицъ.

— Ave Maria! Господь да благословитъ васъ, сестра, сказалъ другой монахъ, входя въ залу въ тотъ моментъ, когда трактирщица, держа въ рукѣ огромную сковороду, собиралась выложить на блюдо яичницу.

Вошедшій монахъ былъ красивый старикъ съ сѣдой бородой, вы-

сокаго роста и очень плотный; полное лицо его было багроваго цвѣта; но что всего больше бросалось въ глаза,—это былъ большой кусокъ пластыря, которымъ былъ закрытъ лѣвый глазъ и половина щеки. Онъ свободно говорилъ по-французски, хотя съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

Трактирщицу особенно удивило то бстоятельство, что молодой монахъ закрылъ тотчасъ же свое лицо, какъ только вошелъ старикъ, и что этотъ въ свою очередь, замѣтивъ своего собрата, поспѣшилъ накинуть на голову капишонъ, снятый по случаю жары.

— Вотъ и отлично! сказала трактирщица. — Вы поспѣли къ самому обѣду, отецъ мой; вамъ не придется ждать ни одной минуты, вдобавокъ у васъ будетъ здѣсь хорошій товарищъ. Затѣмъ, обращаясь къ молодому монаху, она добавила:—Не правда ли, мой почтенный отецъ, вы будете очень рады пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ? Запахъ моей яичницы привлекъ ихъ милость. Ну, да вѣдь я не скуплюсь на масло!

Молодой монахъ видимо смутился и отвѣтилъ заикаясь:

— Разумѣется, но я боюсь стѣснить почтеннаго отца.

Старикъ, низко опустивъ голову, сказалъ:

— Я бѣдный монахъ изъ Эльзаса... я плохо говорю по-французски... и не знаю, насколько мое общество можетъ быть пріятно...

— Бросьте эти церемоніи! У монаховъ одного и того же ордена долженъ быть одинъ столъ и одна постель.

Съ этими словами она взяла скамью и приставила ее къ столу прямо противъ молодаго монаха. Старикъ сѣлъ бокомъ и, казалось, чувствовалъ себя очень неловко; стремленіе утолить голодъ, повидимому, боролось въ немъ съ нежеланіемъ оставаться лицомъ къ лицу съ своимъ собратомъ.

Трактирщица поставила на столъ яичницу.

— Ну, отцы мои, читайте скорѣе молитву, а затѣмъ скажите мнѣ: хороша ли моя яичница?

Монахи окончательно смутились при этихъ словахъ. Молодой сказалъ старому:

— Не угодно ли вамъ прочитать молитву? Вы старше меня; не вправѣ присвоить себѣ эту честь.

— Нѣтъ, извините. Вы пришли сюда раньше меня, и вамъ слѣдуетъ прочитать молитву.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста.

— Я ни за что не рѣшусь...

— Но это необходимо!

— Вотъ наказаніе, воскликнула трактирщица.—Они до тѣхъ поръ будутъ спорить, пока не простынетъ яичница. Видалъ ли кто нибудь двухъ такихъ церемонныхъ францисканцевъ? Пусть старикъ прочтетъ молитву передъ обѣдомъ, а вы благодарственную молитву послѣ обѣда.

— Я могу прочитать молитву только на моемъ языкѣ, сказалъ старикъ.

Молодой монахъ казался удивленнымъ и взглянулъ украдкой на своего товарища. Послѣдній, набожно скрестивъ руки, пробормоталъ сквозь зубы нѣсколько невнятныхъ словъ. Затѣмъ онъ сѣлъ на свое мѣсто, и молча въ нѣсколько секундъ уничтожилъ двѣ трети яичницы и опорожнилъ стоявшую передъ нимъ бутылку. Его товарищъ, не спуская глазъ съ тарелки, также ѣлъ, не говоря ни слова. Когда яичница была окончена, онъ всталъ и, сложивъ руки, произнесъ скороговоркой нѣсколько латинскихъ словъ, изъ которыхъ послѣднія были: Et beata viscera virginis Mariae.

Это было все, что могла разслышать трактирщица.

— Позвольте вамъ замѣтить отецъ мой, что вы прочли довольно странную молитву! сказала она.—Мнѣ кажется, что она вовсе не похожа на тѣ, которыя читаетъ нашъ приходскій священникъ.

— Эта благодарственная молитва принята въ нашемъ монастырѣ, отвѣтилъ молодой францисканецъ рѣшительнымъ тономъ.

— Скоро ли пріѣдетъ лодка? спросилъ другой монахъ.

— Потерпите немного. Она должна быть здѣсь черезъ нѣсколько минутъ.

Молодой францисканецъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой, но не позволилъ себѣ ни малѣйшаго замѣчанія и, взявъ свою книгу, принялся читать съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Эльзасецъ съ своей стороны, повернувъ спину къ товарищу, началъ перебирать зерна своихъ четокъ между большимъ и указательнымъ пальцами, шевеля губами, хотя не слышно было никакого звука.

— Что за странные и молчаливые монахи! мнѣ никогда не приходилось видѣть такихъ! подумала трактирщица, садясь за свою прялку и приводя ее въ движеніе.

Впродолженіе получаса ничего не было слышно, кромѣ однообразнаго шума прялки; но тутъ неожиданно отворилась дверь, и въ комнату вошли четверо людей весьма подозрительной наружности. Увидя монаховъ, они слегка приподняли свои шляпы; между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ фамильярно поздоровался съ трактирщицей, и, назвавъ ее милой Марго, сказалъ повелительнымъ тономъ:

— Ну, поворачивайся скорѣе! Сперва давай вина, и торопись съ обѣдомъ; у меня горло поросло мохомъ отъ долгаго поста!

— Вина! Давайте ему вина! ворчала Маргарита.—Вамъ легко говорить это, г-нъ Буа-Дофинъ. Но отдадите ли вы мнѣ по счету? Мы всѣ люди смертные, а ждать расплаты на томъ свѣтѣ слишкомъ невыгодно. Вы и безъ того должны мнѣ больше шести экю за обѣды и вино; и это также вѣрно, какъ то, что я честная женщина!

— Да, то и другое одинаково вѣрно, возразилъ со смѣхомъ Буа-Дофинъ; я знаю, что долженъ вамъ всего два экю и больше ни одного су. Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ и не приставайте ко мнѣ!..

Буа-Дофинъ кончилъ свою фразу площаднымъ ругательствомъ.

— Господи Іисусе Христе! воскликнула трактирщица.—Да развѣ говорятъ такія вещи...

— Ну, не горлань, моя милая старушка. Пусть будетъ по твоему, Марготонъ; я заплачу тебѣ шесть экю, а также за все, что мы выпьемъ и съѣдимъ здѣсь. Я сегодня неожиданно разбогатѣлъ, хотя вообще наше ремесло идетъ изъ рукъ вонъ плохо. Не знаю, куда эти негодяи прячутъ свои деньги!

— Они вѣроятно проглатываютъ ихъ! замѣтилъ одинъ изъ бандитовъ.

— Чортъ возьми, мы будемъ имѣть это въ виду! сказалъ Буа-Дофинъ.

— Нужно хорошенько потрошить животы еретиковъ, и не выбрасывать цѣликомъ трупы собакамъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ.

— Ну, кричала же сегодня утромъ дочь этого пастора! замѣтилъ третій.

— А самъ пасторъ! добавилъ одинъ изъ его товарищей.—Я хохоталъ до упаду; онъ былъ такъ толстъ, что держался на водѣ какъ бочка, такъ что мы съ трудомъ могли утопить его.

— Вы, должно быть, славно поработали сегодня утромъ? спросила Маргарита, возвращаясь изъ погреба съ полными бутылками.

— Особенно хвалиться нечего! отвѣтилъ Буа-Дофинъ. Мы всего побросали въ воду и въ огонь не больше дюжины мужчинъ, женщинъ и маленькихъ дѣтей. Къ несчастью, моя милая Марго, ни у кого изъ нихъ не оказалось ни полушки денегъ, кромѣ одной женщины, на которой было нѣсколько бездѣлушекъ, такъ что вся эта дичь не стоила выѣденнаго яйца. Да отецъ мой, продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому монаху,—мы заслужили это въ утро не одну индульгенцію за избіеніе этихъ проклятыхъ еретиковъ, которыхъ вы не даромъ считаете вашими врагами!

Молодой монахъ взглянулъ мелькомъ на Буа-Дофинъ и опять принялся за чтеніе, хотя молитвенникъ дрожалъ въ его лѣвой рукѣ, а правая сжалась въ кулакъ, какъ у человѣка, который хочетъ пересилить свое волненіе.

— Вотъ я заговорилъ объ индульгенціяхъ, сказалъ Буа-Дофинъ, обращаясь къ товарищамъ,—и у меня явилось желаніе чтобы мнѣ дано было разрѣшеніе, ѣсть мясо по пятницамъ. Я видѣлъ здѣсь въ курятникѣ цыплятъ, которые сильно соблазняютъ меня.

— Чортъ возьми, кто намъ мѣшаетъ съѣсть ихъ, сказалъ другой;— насъ изъ-за этого не пошлютъ въ адъ. Завтра же пойдемъ къ исповѣди и дѣло въ шляпѣ.

— Знаете ли, друзья мои, воскликнулъ третій,—какая прекрасная мысль пришла мнѣ въ голову! Попросимъ этихъ монаховъ, чтобы они дали намъ разрѣшеніе ѣсть скоромное.

— Да, если бы они могли сдѣлать это! возразилъ его товарищъ.

— Я заставлю ихъ выкинуть еще не такую штуку! воскликнулъ Буа-Дофинъ.—Подвиньтесь ближе, я скажу вамъ на ухо въ чѣмъ дѣло.

Всѣ четверо наклонили другъ къ другу головы и Буа-Дофинъ шепотомъ объяснилъ имъ свой проектъ, который былъ принятъ громкими взрывами хохота; только одинъ изъ бандитовъ выразилъ относительно этого нѣкоторыя сомнѣнія:

— Ты не кстати придумалъ такую вещь, Буа-Дофинъ, сказалъ онъ;—это можетъ принести намъ несчастіе! Во всякомъ случаѣ я желаю остаться въ сторонѣ.

— Молчи, пожалуйста, Гильменъ! Не великъ грѣхъ поднести кому нибудь къ носу лезвее кинжала.

— Да, но вѣдь это служители церкви!

Они говорили въ полголоса; оба монаха прислушивались къ разговору съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь угадать смыслъ по нѣкоторымъ словамъ, пойманнымъ на-лету.

— Что за пустяки! Тутъ нѣтъ никакой разницы, возразилъ Буа-Дофинъ, возвысивъ голосъ. — Вдобавокъ этимъ способомъ онъ согрѣшитъ, а не я.

— Да, разумѣется! онъ правъ! воскликнули въ одинъ голосъ оба бандита.

Буа-Дофинъ всталъ и вышелъ изъ залы. Черезъ минуту послышалось отчаянное кудахтанье куръ и визгъ, послѣ чего онъ вернулся, держа въ каждой рукѣ по убитой птицѣ.

— Ахъ ты каторжный! воскликнула трактирщица. — Смотрите, пожалуйста, зарѣзалъ моихъ бѣдныхъ пѣтуховъ, да еще въ пятницу! Ну, что ты хочешь съ ними дѣлать, разбойникъ?

— Сдѣлай одолженіе, замолчи Марготонъ и не надоѣдай мнѣ. — Ты знаешь, я не отличаюсь кротостью. Приготовь мнѣ два вертела и не вмѣшивайся въ мои распоряженія. Я буду дѣлать то, что мнѣ вздумаеться! — Затѣмъ, обращаясь къ старому монаху, онъ сказалъ:—Ну, отецъ мой, удостойте взглянуть на этихъ невинныхъ тварей. Я желалъ бы, чтобы вы сдѣлали мнѣ милость и окрестили ихъ.

Старый монахъ попятился назадъ отъ удивленія; товарищъ его закрылъ книгу, между тѣмъ какъ трактирщица осыпала бранью Буа-Дофина.

— Вы хотите, чтобы я окрестилъ ихъ? спросилъ монахъ.

— Да, отецъ мой. Я буду крестнымъ отцомъ, а Марго крестной матерью. Вы видите, это два пѣтуха: одного вы назовете карпомъ, другого окунемъ. Неправда ли, я придумалъ отличныя имена для моихъ крестниковъ?

— Вы хотите, чтобы я окрестилъ пѣтуховъ? повторилъ со смѣхомъ монахъ.

— Ахъ ты злодѣй! кричала трактирщица, не помня себя отъ ужаса.

— Ты воображаешь, что я позволю творить такія дѣла въ моемъ домѣ? Развѣ ты у жидовъ или на шабашѣ, что вздумалъ крестить куръ?...

— Заткните глотку этой крикуньѣ! сказалъ Буа-Дофинъ товарищамъ;—а вы, отецъ мой, не можете ли вы прочесть имя фабриканта, сдѣлавшаго это лезвее.

Съ этими словами онъ поднесъ обнаженный кинжалъ къ носу стараго францисканца. Молодой монахъ быстро поднялся съ скамьи, но почти тотчасъ же сѣлъ опять на прежнее мѣсто, какъ бы рѣшившись изъ осторожности вооружиться терпѣніемъ и ждать, что будетъ дальше.

— Теперь объясните мнѣ, сынъ мой, какимъ образомъ долженъ я окрестить птицъ?

— Чортъ возьми, нѣтъ ничего легче этого! окрестите ихъ тѣмъ же способомъ, какъ вы крестите насъ, грѣшныхъ. Полейте имъ немного воды на голову и скажите: Baptizo te Carpam et Percham, только, разумѣется, скажите это своимъ языкомъ. Ты, Жанъ, принеси стаканъ воды, а вы, друзья мои, снимите шляпы и ведите себя, какъ прилично истиннымъ католикамъ.

Старый францисканецъ къ общему удивленію взялъ немного воды, полилъ головы пѣтухамъ и произнесъ скороговоркой, сквозь зубы, нѣчто похожее на молитву, которую окончилъ словами: Raptizo te Carpam et Percham. Затѣмъ онъ снова сѣлъ на свое мѣсто и взялъ четки съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто сдѣлалъ самую обыкновенную вещь.

Трактирщица онѣмѣла отъ удивленія. Буа-Дофинъ былъ въ полномъ восхищеніи.

— Ну, Марго, сказалъ онъ, бросивъ на столъ убитыхъ птицъ, — приготовь намъ къ обѣду карпа и окуня; изъ нихъ выйдетъ отличное постное кушанье.

Однако, несмотря на крещеніе, трактирщица упорно отказывалась считать пѣтуховъ постнымъ кушаньемъ, годнымъ для христіанъ въ пятницу, такъ что нужно было прибѣгнуть къ угрозѣ, чтобы заставить ее насадить на вертелъ эту мнимую рыбу.

Въ ожиданіи обѣда Буа-Дофинъ и его товарищи щедро угощались виномъ, провозглашали тосты и шумѣли.

— Слушайте! крикнулъ Буа-Дофинъ, ударивъ изо всѣхъ силъ кулакомъ по столу, чтобы водворить молчаніе,—я предлагаю выпить за здоровье нашего святаго отца папы и за истребленіе всѣхъ гугенотовъ! Марго и оба монаха должны выпить вмѣстѣ съ нами.

Товарищи Буа-Дофина встрѣтили его предложеніе громкими криками одобренія.

Онъ всталъ, пошатываясь, съ своего мѣста и, подойдя къ молодому монаху, налилъ ему стаканъ изъ бутылки, которую держалъ въ рукахъ.

— Ну, отецъ мой—сказалъ онъ,—выпейте за святѣйшество его здоровья... нѣтъ не такъ... за здоровье его святѣйшества! и за уничтоженіе...

— Я пью только за обѣдомъ, отвѣтилъ холодно молодой монахъ.

— Чортъ возьми, вы будете пить или я заставлю васъ силой.

Съ этими словами онъ поставилъ бутылку на столъ и, взявъ полный стаканъ вина, поднесъ его къ губамъ монаха, который наклонился надъ молитвенникомъ и, казалось, читалъ съ большимъ вниманіемъ. Нѣсколько капель вина упало на книгу. Монахъ всталъ съ мѣста и, схвативъ стаканъ, выплеснулъ вино въ лицо Буа-Дофина.

Всѣ захохотали. Францисканецъ прислонился къ стѣнѣ и, скрестивъ руки, пристально смотрѣлъ на своего противника.

— Я долженъ сказать вамъ, отецъ мой, что эта шутка не въ моемъ вкусѣ! сказалъ Буа-Дофинъ.—Если бы вы не были въ монашеской расѣ, то я показалъ бы вамъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

Говоря это, онъ протянулъ руку къ лицу монаха и дотронулся кончиками пальцевъ до его усовъ.

Францисканецъ побагровѣлъ отъ гнѣва. Одной рукой онъ сдавилъ горло своему противнику, а другой схватилъ бутылку и ударилъ его изо всѣхъ силъ по головѣ. Буа-Дофинъ упалъ безъ чувствъ на полъ, облитый виномъ и кровью.

— Отлично, вотъ молодецъ! воскликнулъ старый монахъ. — Ну, не ожидалъ я отъ васъ такой удали!

— Буа-Дофинъ умеръ! воскликнули въ одинъ голосъ его товарищи, видя, что онъ лежитъ неподвижно. — Ну, братцы, не отставайте, нужно проучить какъ слѣдуетъ этого негодяя!

Они взялись за свои шпаги; но молодой монахъ предупредилъ ихъ: онъ быстро засучилъ длинные рукава своего монашескаго платья, и, схвативъ шпагу Буа-Дофина, всталъ въ оборонительное положеніе съ рѣшительнымъ видомъ. Въ тотъ же моментъ старый францисканецъ вынулъ изъ-подъ рясы длинный кинжалъ и поспѣшилъ на помощь своему собрату.

— Вотъ вамъ, канальи! воскликнулъ онъ, бросаясь на бандитовъ: — Знайте, съ кѣмъ имѣете дѣло! Мы не хуже васъ владѣемъ оружіемъ...

Товарищи Буа-Дофина потерпѣли полное пораженіе и, кинувъ шпаги, выскочили одинъ за другимъ изъ окна.

— Господи Іисусе Христе! Пресвятая Богородица! повторяла трактирщица, всплеснувъ руками отъ удивленія.—Какъ вы отлично деретесь, отцы мои! Наша религія должна гордиться такими бойцами... Но здѣсь все-таки на мою бѣду мертвое тѣло! Что я буду дѣлать съ нимъ! Вѣдь это погубитъ репутацію моего дома.

— Нѣтъ, онъ не думалъ умирать! возразилъ старый монахъ. — Смотрите, онъ шевелится! Вотъ я сейчасъ причащу его передъ смертью!

Съ этими словами онъ взялъ раненаго за волосы и поднесъ кинжалъ къ его горлу. Трактирщица успѣла во-время остановить его.

— Ради Бога, не дѣлайте этого! воскликнула она. — Теперь не время убивать человѣка изъ-за такихъ пустяковъ, а тѣмъ болѣе католика, хотя его нельзя считать истиннымъ христіаниномъ; и онъ достаточно доказалъ это...

— Если не ошибаюсь, сказалъ молодой монахъ, обращаясь къ своему собрату, — то вы также, какъ и я, спѣшите въ Божанси по важному дѣлу. Вотъ причалила лодка. Уйдемте скорѣе отсюда!

— Вы правы, я готовъ послѣдовать вашему совѣту.

Онъ вытеръ кинжалъ и спряталъ его подъ рясу. Затѣмъ оба монаха, заплативъ деньги за обѣдъ и выпитое вино, отправились вдвоемъ на берегъ Луары, оставивъ Буа-Дофина на попеченіе трактирщицы, которая сперва тщательно обшарила его карманы и затѣмъ уже стала собирать куски стекла съ головы раненаго, чтобы сдѣлать перевязку по правиламъ, принятымъ кумушками въ подобныхъ случаяхъ.

— Я почти увѣренъ, что гдѣ-то видѣлъ васъ, сказалъ молодой монахъ, обращаясь къ старому францисканцу.

— Чортъ возьми, я также готовъ держать пари, что мнѣ знакомо ваше лицо. Но...

— Только мнѣ кажется, что вы не носили тогда этой рясы.

— Если не ошибаюсь, то вы капитанъ...

— Мое имя Дитрихъ Горнштейнъ; а вы тотъ самый молодой дворянинъ, съ которымъ я имѣлъ честь ужинать въ трактирѣ близъ Этампа.

— Я хорошо помню этотъ вечеръ.

— Васъ зовутъ мосье Мержи?

— Да, но теперь у меня другое имя. Называйте меня отецъ Амвросій.

— А вы зовите меня отцомъ Антоніемъ! Помните, что я изъ Эльзаса.

— Хорошо! Куда же вы отправляетесь теперь?

— Въ Ла-Рошель, если это мнѣ удастся.

— Значитъ, намъ по дорогѣ.

— Очень радъ, что мнѣ удалось опять встрѣтиться съ вами... Клянусь честью, вы чортъ знаетъ какъ смутили меня сегодня вашимъ предложеніемъ прочесть молитву передъ обѣдомъ. Я не зналъ даже какъ начать ее, и сперва принялъ васъ за настоящаго монаха.

— Также какъ и я васъ.

— Откуда бѣжали вы, мосье де-Мержи?

— Изъ Парижа, а вы?

— Изъ Орлеана. Я принужденъ былъ скрываться болѣе восьми дней. Мои бѣдные рейтары... мой корнетъ... брошены въ Луару.

— Куда дѣвалась Мила?

— Она приняла католичество.

— А гдѣ моя лошадь, капитанъ?

— Ваша лошадь?.. Я прогналъ сквозь строй негоднаго трубача, который укралъ ее у васъ... Но я не зналъ, гдѣ вы, и поэтому не могъ возвратить вамъ ее... Я оставилъ лошадь у себя, въ надеждѣ, что буду имѣть честь возвратить вамъ ее. Теперь она вѣроятно въ въ рукахъ какого нибудь негоднаго паписта.

— Говорите тише, насъ могутъ услышать!.. Итакъ, капитанъ, судьба вновь соединила насъ; пока намъ суждено быть вмѣстѣ, будемъ помогать другъ другу по мѣрѣ силъ, какъ это мы сдѣлали сегодня.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! Будемъ драться вмѣстѣ, пока у Дитриха Горнштейна останется капля крови въ жилахъ.

При этомъ мнимые монахи крѣпко пожали другъ другу руки.

— Скажите пожалуйста, какую нелѣпую исторію сочинили они съ этими пѣтухами и ихъ Carpam et Percham? Нужно отдать справедливость папистамъ, что это замѣчательно глупая порода людей.

— Еще разъ, прошу васъ говорите тише. Вотъ и лодка!

Разговаривая такимъ образомъ, они сѣли въ лодку и поплыли въ Божанси, куда доѣхали безъ всякихъ приключеній. Дорогой они встрѣтили множество труповъ своихъ единовѣрцевъ, унесенныхъ теченіемъ Луары.

Одинъ изъ лодочниковъ замѣтилъ, что большая часть ихъ обращена лицомъ къ небу.

— Они молятъ Бога о мести! сказалъ вполголоса Маржи капитану рейтаровъ.

Дитрихъ молча пожалъ ему руку вмѣсто отвѣта.

ГЛАВА XXIV.

Осада Ла-Рошели.

Ла-Рошель, жители которой были почти всѣ протестантскаго вѣроисповѣданія, играла важную роль среди городовъ южныхъ провинцій и представляла собой самый твердый оплотъ протестантской партіи. Обширная торговля Ла-Рошели съ Англіей и Испаніей не только способствовала накопленію богатствъ, но и развитію духа независимости, который не разлученъ съ ними. Буржуа, рыбаки и матросы, нерѣдко занимаясь морскими разбоями и, привыкнувъ съ ранней молодости къ опасностямъ жизни, полной приключеній, обладали той неудержимой энергіей, которая можетъ служить замѣной дисциплины и военнаго навыка. Узнавъ о рѣзнѣ 24-го августа, они не только не поддались безсмысленной покорности, которая овладѣла

большинствомъ протестантовъ и заставила ихъ потерять вѣру въ успѣхъ дѣла, но отъ перваго до послѣдняго человѣка всѣ были воодушевлены непоколебимымъ мужествомъ, какое является у людей въ минуты величайшей опасности. Рѣшено было съ общаго согласія скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ отворить городскіе ворота непріятелю, который представилъ такое очевидное доказательство своей недобросовѣстности и варварства. Въ то время, какъ пасторы старались поддержать мужество народа своими фанатическими проповѣдями, старики, женщины и дѣти работали изо всѣхъ силъ, чтобы возстановить старыя укрѣпленія и воздвигнуть новыя. Въ городъ постоянно свозились съѣстные запасы и оружіе, снаряжались барки и суда и были приняты всѣ мѣры, чтобы организовать и приготовить возможныя средства защиты. Многіе дворяне, избѣжавъ смерти во время рѣзни 24-го августа, присоединились къ рошельцамъ и своими разсказами объ ужасахъ Варѳоломеевской ночи придали храбрости самымъ робкимъ субъектамъ. Для этихъ людей, спасенныхъ отъ вѣрной смерти, война со всѣми ея случайностями была все равно, что легкій вѣтерокъ для матросовъ, вынесшихъ бурю на морѣ. Мержи и его товарищъ были изъ числа этихъ бѣглецовъ, которые увеличили собой число защитниковъ Ла-Рошели.

Парижскій дворъ, напуганный этими приготовленіями, пожалѣлъ, что не предупредилъ ихъ. Маршалъ Биронъ былъ посланъ къ жителямъ Ла-Рошели съ мирными предложеніями. Король имѣлъ нѣкорыя основанія думать, что выборъ Бирона произведетъ пріятное впечатлѣніе на рошельцевъ, такъ какъ этотъ маршалъ не только не участвовалъ въ варѳоломеевской рѣзнѣ, но спасъ отъ смерти нѣсколькихъ знатныхъ протестантовъ и даже направилъ пушки арсенала противъ убійцъ, явившихся съ королевскими значками.

Биронъ, подойдя къ Ла-Рошели, предложилъ горожанамъ принять его въ качествѣ королевскаго намѣстника, обѣщая съ своей стороны соблюдать права и привиллегіи жителей и предоставить имъ свободу религіи. Но послѣ избіенія шестидесяти тысячъ протестантовъ можно ли было довѣрять обѣщаніямъ Карла IX-го? Всѣмъ было извѣстно, что во время переговоровъ рѣзня продолжалась въ Бордо, солдаты Бирона грабили территорію, принадлежавшую Ла-Рошели, а королевскій флотъ задерживалъ ея купеческія суда и блокировалъ портъ.

Рошельцы отказались принять Бирона и отвѣтили, что не могутъ вести никакихъ переговоровъ съ королемъ, пока онъ будетъ плѣнникомъ Гизовъ. Не извѣстно, считали ли они послѣднихъ единственными виновниками страданій кальвинистовъ, или думали съ помощью этой фикціи, столько разъ повторяемой, успокоить совѣсть тѣхъ, которые были убѣждены, что вѣрность королю должа быть поставлена выше интересовъ религіи. Такимъ образомъ, соглашеніе не состоялось, и Биронъ вернулся ни съ чѣмъ. Тогда король выбралъ въ посредники Ла-Ну и послалъ его въ Ла-рошель для переговоровъ. Ла-Ну,

прозванный „Желѣзная рука“ вслѣдствіе вставной руки, которая замѣняла ему потерянную въ битвѣ, былъ ревностный кальвинистъ, выказавшій замѣчательное мужество и военныя способности во время послѣднихъ междоусобныхъ войнъ.

Самая нѣжная дружба связывала его съ адмираломъ Колиньи, который цѣнилъ его какъ самаго искуснаго изъ своихъ лейтенантовъ и наиболѣе преданнаго ему. Во время Вареоломеевской рѣзни онъ командовалъ мятежными шайками фламандцевъ, возставшихъ противъ испанскаго владычества. Счастье измѣнило ему; онъ принужденъ былъ отдаться въ руки герцога Альбы, который довольно милостиво обошелся съ нимъ. Затѣмъ Карлъ IX-й, почувствовавъ нѣкоторые упреки совѣсти послѣ огромнаго количества пролитой имъ крови, призвалъ къ себѣ Ла-Ну и, противъ всякаго ожиданія, чрезвычайно любезно принялъ его. Этотъ король, не знавшій ни въ чемъ мѣры, осыпалъ ласками протестанта, хотя за нѣсколько дней передъ тѣмъ по его приказанію истреблены были до шестидесяти тысячъ протестантовъ. Но съ судьбой Ла-Ну былъ связанъ своего рода фатализмъ: во время третьей междоусобной войны онъ былъ дважды взятъ въ плѣнъ, сперва при Жарнакѣ, затѣмъ при Монкотурѣ и оба раза обязанъ былъ своей свободой брату короля [1]), несмотря на протестъ нѣкоторыхъ капитановъ, которые считали необходимымъ пожертвовать этимъ человѣкомъ, слишкомъ опаснымъ, чтобы оставить его въ живыхъ, и слишкомъ честнымъ для подкупа, Карлъ IX-й, предполагая, что Ла-Ну помнитъ его милости, поручилъ ему уговорить жителей Ла-Рошели покориться королевской власти. Ла-Ну согласился принять на себя это порученіе, но съ условіемъ, что король не потребуетъ отъ него чего-либо несовмѣстимаго съ его честью. Онъ уѣхалъ въ сопровожденіи итальянскаго священника, которому было приказано наблюдать за его дѣйствіями и доносить о нихъ въ Парижъ.

Ла-Ну съ перваго же момента почувствовалъ себя оскорбленнымъ, замѣтивъ, что ему не довѣряютъ. Въ Ла-Рошель его не пустили и назначили мѣстомъ свиданія одну изъ сосѣднихъ деревень. Городскіе депутаты встрѣтили его въ Тадонѣ. Онъ зналъ всѣхъ ихъ, такъ какъ это были его старые товарищи по оружію; но никто не протянулъ ему дружеской руки; ни одинъ не показалъ виду, что узнаетъ его. Онъ представился депутатамъ и изложилъ въ краткихъ словахъ предложенія короля. Сущность его рѣчи заключалась въ слѣдующемъ: „Повѣрьте обѣщаніямъ короля; междоусобная война — худшее изъ всѣхъ золъ“.

Городской мэръ отвѣтилъ съ горькой улыбкой:

— Мы дѣйствительно видимъ передъ собой человѣка похожаго на Ла-Ну; но Ла-Ну никогда не предложилъ бы намъ покориться убійцамъ! Ла-Ну былъ друженъ съ покойнымъ адмираломъ и предпо-

[1]) Герцогъ Анжуйскій, впослѣдствіи король Генрихъ III-й.

челъ бы отомстить за него, а не вести переговоры съ его убійцами. Нѣтъ, мы не узнаемъ въ васъ стараго товарища.

Упреки эти глубоко оскорбили несчастнаго посла; онъ напомнилъ мэру услуги, оказанныя имъ дѣлу кальвинистовъ и, указавъ на изувѣченную руку, распространился о своей преданности протестантской религіи. Мало-по-малу недовѣріе депутатовъ разсѣялось; они отворили ему ворота Ла-Рошели, сообщили ему о своихъ планахъ защиты и просили его встать во главѣ ихъ. Предложеніе это было весьма заманчиво для стараго воина. Онъ далъ клятву Карлу служить ему по совѣсти и надѣялся, что, вставъ во главѣ рошельцевъ, онъ будетъ имѣть возможность скорѣе склонить ихъ къ миру и что ему удастся сохранить вѣрность королю и религіи.

Но онъ жестоко ошибался.

Королевская армія осадила Ла-Рошель. Ла-Ну дѣлалъ удачныя вылазки и убивалъ значительное число католиковъ; затѣмъ, по возвращеніи въ городъ, убѣждалъ жителей склониться къ миру. Благодаря такому способу дѣйствій онъ возбудилъ недовѣріе тѣхъ и другихъ. Католики кричали, что онъ нарушилъ слово, данное королю; протестанты обвиняли его въ измѣнѣ.

Ла-Ну, тяготясь своимъ ложнымъ положеніемъ, искалъ смерти въ бою и разъ двадцать на день подвергалъ свою жизнь опасности.

ГЛАВА XXV.

Ла-Ну.

Осажденные только что сдѣлали удачную вылазку противъ аванпостовъ католической арміи. Они завалили на нѣсколько футовъ непріятельскія траншеи и, опрокинувъ габіоны, убили до сотни солдатъ. Отрядъ, одержавшій эту побѣду, возвращался въ городъ черезъ ворота Tadon. Впереди всѣхъ шелъ капитанъ Дитрихъ съ своими мушкатерами; ихъ раскраснѣвшіяся усталыя лица и запекшіяся губы ясно показывали, что они не щадили себя во время боя. За ними двигалась огромная толпа буржуа, среди которыхъ можно было различить нѣсколько женщинъ, повидимому также участвовавшихъ въ битвѣ. Затѣмъ слѣдовали плѣнные, ихъ было около сорока человѣкъ, большею частью раненыхъ; они шли среди двойнаго ряда солдатъ, хотя послѣднимъ было очень трудно защитить ихъ отъ ярости собравшагося народа. Около двадцати кавалеристовъ составляли аріеръгардъ. Ла-Ну, у котораго Мержи былъ адъютантомъ, ѣхалъ позади всѣхъ. Его панцырь былъ пробитъ пулей; лошадь ранена въ двухъ мѣстахъ. Лѣвой рукой онъ держалъ разряженный

пистолетъ, а своей правой, вставной рукой, управлялъ поводомъ лошади посредствомъ желѣзнаго крючка, выходившаго изъ кожанаго нарукавника.

— Дайте пройти плѣнникамъ! кричалъ онъ ежеминутно.—Пощадите ихъ, друзья мои; они ранены и не могутъ болѣе защищаться; вы не должны считать ихъ вашими врагами.

Народъ отвѣчалъ ему дикими воплями:—На висѣлицу папистовъ. Повѣсьте ихъ!.. Да здравствуетъ Ла-Ну!

Мержи и кавалеристы, разогнавъ толпу прикладами своихъ мушкетовъ, еще больше усилили этимъ впечатлѣніе, произведенное великодушными увѣщаніями военачальника. Плѣнниковъ отвели въ городскую тюрьму и помѣстили подъ надежной охраной, такъ что имъ болѣе нечего было опасаться ярости толпы. Отрядъ разошелся по домамъ, а Ла-Ну съ нѣсколькими дворянами отправился въ ратушу и сошелъ съ лошади въ тотъ самый моментъ, когда мэръ выходилъ оттуда въ сопровожденіи буржуа и пожилаго пастора по имени Лапласъ.

— Безконечное спасибо вамъ, храбрый Ла-Ну! сказалъ мэръ, подавая ему руку,—вы показали этимъ палачамъ, что еще не всѣ мужественные защитники нашей религіи умерли съ адмираломъ Колиньи.

— Дѣйствительно трудно было ожидать такого благополучнаго исхода, возразилъ скромно Ла-Ну.—У насъ всего пять человѣкъ убитыхъ и очень мало раненыхъ.

— Если вылазка удалась, то благодаря вамъ, мосье Ла-Ну, продолжалъ мэръ;—мы заранѣе были увѣрены въ успѣхѣ.

— Ла-Ну не могъ-бы ничего сдѣлать безъ Божьей помощи! воскликнулъ старый пасторъ раздраженнымъ голосомъ.—Всесильный Богъ внялъ нашимъ молитвамъ и ополчился за насъ сегодня.

— Господь по своей святой волѣ даетъ и отнимаетъ побѣду! сказалъ Ла-Ну спокойнымъ тономъ;—и только ему должны мы воздавать благодарность за успѣхи, одержанные на войнѣ! — Затѣмъ, обращаясь къ мэру, онъ спросилъ:—Не можете-ли вы сообщить, милостивый государь, какъ рѣшилъ совѣтъ относильно новыхъ предложеній его величества?

— Мы только что отослали обратно трубача къ герцогу Анжуйскому, съ просьбой не утруждать себя болѣе новыми требованіями, такъ какъ впредь мы будемъ отвѣчать на нихъ мушкетными выстрѣлами.

— Вы должны были-бы повѣсить трубача! замѣтилъ пасторъ.—Среди насъ явились козлища, они соблазняютъ жителей этого города... Мы должны умертвить ихъ! Въ писаніи сказано: рука избранника Божія первая поднимется на нихъ, а за нимъ рука всего народа...

Ла-Ну вздохнулъ и молча поднялъ глаза къ небу.

— Намъ нечего думать о сдачѣ продолжалъ мэръ, — пока наши стѣны цѣлы и непріятель не осмѣливается атаковать насъ вблизи, между тѣмъ какъ мы ежедневно нападемъ на него въ его собственныхъ траншеяхъ! Повѣрьте мнѣ, мосье Ла-Ну, что еслибы въ Ла-Рошелѣ не было солдатъ, то достаточно было бы однѣхъ женщинъ чтобы справиться съ этими парижскими живодёрами.

— Мнѣ кажется, возразилъ Ла-Ну,—что если чувствуешь свою силу, то нужно съ уваженіемъ отзываться о непріятелѣ, а когда онъ сильнѣе насъ...

— Кто вамъ сказалъ, что онъ сильнѣе насъ? прервалъ Лапласъ.—Развѣ Господь не борется за насъ? Вспомните Гедеона, который съ тремя стами израильтянъ оказался сильнѣе цѣлой арміи мадіанитовъ!

— Вамъ извѣстно лучше чѣмъ кому нибудь, г-нъ мэръ, сказалъ Ла-Ну,—какой у насъ недостатокъ въ провіантѣ! Порохъ начинаетъ истощаться такъ, что я долженъ былъ запретить мушкетерамъ стрѣлять на далекомъ разстояніи.

— Монтгомери пришлетъ намъ пороху изъ Англіи, возразилъ мэръ.

— Огонь небесный поразитъ папистовъ! добавилъ Лапласъ.

— Хлѣбъ дорожаетъ со дня на день...

— Я жду ежеминутно появленія англійскаго флота и тогда въ городѣ не будетъ ни въ чемъ недостатка...

— Господь ниспошлетъ манну своему народу, если это окажется нужнымъ! воскликнулъ запальчиво Лапласъ.

— Что-же касается помощи, о которой вы говорите, продолжалъ Ла-Ну,—то достаточнаго южнаго вѣтра въ продолженіи нѣсколькихъ дней, чтобы флотъ не могъ войти въ нашъ портъ. Вдобавокъ онъ можетъ быть взятъ нашими непріятелями.

— Вѣтеръ подуетъ съ сѣвера! Я предсказываю тебѣ это, маловѣрный! сказалъ пасторъ.—Вмѣстѣ съ потерей руки, ты утратилъ и мужество.

Ла-Ну повидимому рѣшился не отвѣчать. Онъ продолжалъ, обращаясь къ мэру.

— Намъ тяжелѣе потерять одного человѣка, нежели непріятелю десятерыхъ. Если католики усиленно поведутъ осаду, то, быть можетъ, мы будемъ принуждены принять болѣе жестокія условія, нежели тѣ, которыя вы теперь отвергаете съ презрѣніемъ. Я надѣюсь, что король будетъ довольствоваться тѣмъ, что городъ признаетъ его власть, и не потребуетъ невозможныхъ жертвъ; въ этомъ случаѣ наша прямая обязанность отворить ему ворота, потому что онъ нашъ властелинъ.

— Мы не признаемъ надъ собой ничьей власти, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа! возразилъ пасторъ, бѣшенство котораго еще больше усилилось вслѣдствіе невозмутимаго хладнокровія Ла-Ну.—

Только нечестивецъ можетъ называть своимъ властелиномъ Карла, этого жестокаго Ахава, пьющаго кровь нашихъ святыхъ мучениковъ!..

— Я хорошо помню, добавилъ мэръ,—тотъ день, когда адмиралъ проѣзжалъ въ послѣдній разъ черезъ нашъ городъ. Онъ сказалъ намъ „король далъ мнѣ слово не дѣлать никакого различія между своими подданными и относиться одинаково къ протестантамъ и католикамъ"! Но шесть мѣсяцевъ спустя король нарушилъ свое обѣщаніе и велѣлъ убить адмирала! Если мы отворимъ ему ворота нашего города, то у насъ будетъ такая-же Варѳоломеевская рѣзня, какъ въ Парижѣ.

— Король былъ обманутъ Гизами. Онъ раскаивается и желалъ-бы искупить пролитую кровь. Если вы будете упорствовать и не захотите вести переговоровъ, то вы этимъ раздражите католиковъ: на васъ обрушатся всѣ силы королевства, и тогда будетъ уничтоженъ послѣдній оплотъ протестантской религіи! Повѣрьте мнѣ, г-нъ мэръ, намъ нѣтъ иного исхода, какъ только согласиться на миролюбивыя предложенія короля.

— Низкій трусъ! воскликнулъ пасторъ;—ты желаешь мира, потому что опасаешься за свою жизнь!

— Опомнитесь, что вы говорите, г-нъ пасторъ!.. сказалъ мэръ.

— Однимъ словомъ, продолжалъ спокойно Ла-Ну,—если король согласится не ставить гарнизона въ Ла-Рошели и не нарушать свободы нашего вѣроисповѣданія, то по моему мнѣнію слѣдуетъ послать ему городскіе ключи съ изъявленіемъ нашей покорности.

— Измѣнникъ! кричалъ Лапласъ,—ты подкупленъ тиранами!..

— Что съ вами, г-нъ пасторъ! Перестаньте ради Бога! прервалъ его мэръ.

Ла-Ну презрительно улыбнулся.

— Мы живемъ въ странное время, г-нъ мэръ, сказалъ онъ; — военные люди толкуютъ о необходимости мира; священники проповѣдуютъ войну!.. А вамъ, г-нъ пасторъ, я посовѣтовалъ бы отправиться домой; ваша супруга вѣроятно давно ждетъ васъ къ обѣду.

Эти слова окончательно привели въ бѣшенство Лапласа. Не находя достаточно оскорбительныхъ словъ, онъ счелъ наилучшимъ отвѣтить пощечиной, и ударилъ по лицу заслуженнаго воина.

— Господи, что вы дѣлаете? воскликнулъ мэръ. — Кто вамъ далъ право бить лучшаго гражданина и самого храбраго защитника Ла-Рошели?

Мержи, присутствовавшій при этой сценѣ, поднялъ руку, чтобы наказать достойнымъ образомъ дерзкаго священника, но Ла-Ну удержалъ его.

Когда рука стараго сумасброда прикоснулась къ сѣдой бородѣ Ла-Ну, глаза его на секунду сверкнули гнѣвомъ. Но вслѣдъ затѣмъ лицо его снова приняло прежнее выраженіе невозмутимаго спокой-

ствія, какое мы встрѣчаемъ на мраморныхъ бюстахъ римскихъ сенаторовъ.

— Отведите этого старика къ его женѣ! сказалъ онъ одному изъ буржуа, которые бросились къ пастору, чтобы скорѣе увести его, — скажите ей, что онъ сегодня несовсѣмъ здоровъ и что за нимъ нуженъ присмотръ... А вы, господинъ мэръ, потрудитесь собрать человѣкъ полтораста волонтеровъ; я желалъ бы завтра сдѣлать вылазку передъ восходомъ солнца, пока солдаты, ночевавшіе въ траншеяхъ, еще не успѣли согрѣться отъ холода, какъ медвѣди, на которыхъ нападаютъ во время оттепели. Я замѣтилъ, что люди, которые провели ночь подъ кровлей, легко одолѣваютъ тѣхъ, которые спали на открытомъ воздухѣ... Мосье де-Мержи, если вы не очень торопитесь къ обѣду, то не хотите ли сдѣлать со мной прогулку до Евангельскаго бастіона? Мнѣ хотѣлось бы взглянуть, насколько подвинулись работы у непріятеля.

Ла-Ну поклонился мэру и, опираясь на плечо молодого человѣка, направился къ бастіону.

Они пришли въ тотъ самый моментъ, когда пушечный выстрѣлъ смертельно ранилъ на бастіонѣ двухъ человѣкъ. Камни были обрызганы кровью; одинъ изъ этихъ несчастныхъ умолялъ товарищей, чтобы они скорѣе покончили съ нимъ. Ла-Ну, облокотившись на парапетъ, нѣкоторое время смотрѣлъ молча на работы осаждающихъ, затѣмъ, обратившись къ Мержи, сказалъ:

— Какая ужасная вещь война, а тѣмъ болѣе междоусобная!.. Этотъ выстрѣлъ сдѣланъ изъ французской пушки; французъ приложилъ къ ней фитель, и двое французовъ убиты этимъ ядромъ. Еще ничего, когда убиваешь людей на разстояніи пол-мили, но ничего не можетъ быть ужаснѣе, когда приходится вонзить шпагу въ тѣло человѣка, который проситъ о пощадѣ на родномъ языкѣ!.. Однако мы дѣлали это сегодня утромъ...

— Вы не были свидѣтелемъ рѣзни 24-го августа, мосье Ла-Ну! Если бы вамъ пришлось въ это время переѣзжать Сену, когда вода была красная отъ крови и въ ней было больше труповъ, нежели льдинъ во время ледохода, то вы врядъ ли почувствовали сожалѣніе къ людямъ, съ которыми мы сражаемся теперь. Что касается меня лично, то я въ каждомъ папистѣ вижу убійцу.

— Вы клевещете на вашихъ соотечественниковъ, мосье де-Мержи! Повѣрьте мнѣ, что среди осаждающихъ вы почти не встрѣтите тѣхъ изверговъ, о которыхъ вы говорите. Солдаты эти большею частью французскіе крестьяне, которые бросили плугъ, чтобы заработать нѣсколько лишнихъ су, а дворяне и капитаны дерутся потому, что они присягали въ вѣрности королю. Быть можетъ, правда на ихъ сторонѣ, а мы... не болѣе какъ мятежники.

— Мятежники! Нѣтъ! Я глубоко убѣжденъ въ правотѣ нашего дѣла: мы сражаемся за нашу религію и защищаемъ нашу жизнь.

— Я завидую вамъ, мосье де-Мержи; никакія сомнѣнія не тревожатъ васъ! замѣтилъ Ла-Ну съ глубокимъ вздохомъ.

— Чортъ побери, воскликнулъ стоявшій возлѣ нихъ солдатъ, выстрѣливъ изъ мушкета;—онъ точно заколдованъ! Вотъ уже третій день, какъ я цѣлюсь въ него и не могу подстрѣлить!

— О комъ вы говорите? спросилъ Мержи.

— Вотъ, видите ли вы тамъ этого молодца въ бѣлой курткѣ, съ краснымъ перомъ на шляпѣ и въ красномъ шарфѣ? Онъ ежедневно прогуливается передъ аванпостами, и точно поддразниваетъ насъ. Это, вѣроятно, кто нибудь изъ придворныхъ франтовъ, пріѣхавшихъ сюда съ герцогомъ анжуйскимъ.

— Разстояніе довольно велико,—сказалъ Мержи,—но все равно—дайте мнѣ заряженный мушкетъ.

Одинъ изъ солдатъ подалъ ему свое ружье. Мержи положилъ дуло на парапетъ и прицѣлился съ большимъ вниманіемъ.

— А если это кто нибудь изъ вашихъ друзей! замѣтилъ Ла-Ну.—Что вамъ за охота убивать такимъ образомъ человѣка? Предоставьте это мушкетерамъ.

Мержи хотѣлъ спустить курокъ, но остановился.

— У меня нѣтъ друзей среди католиковъ!—сказалъ онъ,—кромѣ одного... Но я убѣжденъ, что его нѣтъ среди осаждающихъ.

— Развѣ вашъ братъ не могъ пріѣхать сюда въ свитѣ герцога?

Рука Мержи дрогнула при этихъ словахъ. Раздался выстрѣлъ; но пуля, какъ видно было изъ поднявшейся пыли, легла довольно далеко отъ цѣли. Мержи не предполагалъ, чтобы его братъ могъ быть между католиками, но тѣмъ не менѣе онъ былъ доволенъ, что пуля пролетѣла мимо. Человѣкъ, въ котораго онъ стрѣлялъ, продолжалъ расхаживать медленными шагами и, наконецъ, исчезъ за свѣжими земляными насыпями, которыя поднимались со всѣхъ сторонъ города.

ГЛАВА XXVI.

Вылазка.

Впродолженіе всей ночи шелъ безпрерывно мелкій и холодный дождь, и прекратился только въ тотъ моментъ, когда наступающій день возвѣстилъ о себѣ тусклымъ свѣтомъ, который съ трудомъ пробивался сквозь густой туманъ, стелющійся по землѣ. Вѣтеръ разрывалъ его мѣстами въ огромные сѣроватые клочки, которые вскорѣ опять соединялись подобно тому, какъ сливаются волны, раздѣленныя кормой судна. Поле, покрытое этимъ непроницаемымъ паромъ, кое-гдѣ прорѣзаннымъ верхушками деревьевъ, имѣло видъ обширнаго наводненія.

Неопредѣленный утренній свѣтъ, смѣшанный съ мерцаніемъ факеловъ, освѣщалъ толпу солдатъ и волонтеровъ, собранныхъ на одной изъ улицъ Ла-Рошели, ведущей къ Евангельскому бастіону. Они ходили взадъ и впередъ по мостовой и дѣлали различныя тѣлодвиженія, чтобы согрѣться отъ холодной пронизывающей сырости, которая сопровождаетъ восходъ солнца въ зимніе мѣсяцы. При этомъ каждый считалъ своимъ долгомъ послать къ черту или выбранить того, кто заставилъ ихъ взяться за оружіе въ такой ранній часъ утра, хотя въ тонѣ голоса, несмотря на самыя энергическія ругательства, проглядывало хорошее расположеніе духа и надежда на побѣду, которая всегда оживляетъ солдатъ, когда ими предводительствуетъ уважаемый начальникъ. Они говорили полушутя и полусердитымъ тономъ.

— Этотъ проклятый съ своей желѣзной рукой, что ему не спится! Едва успѣютъ люди сѣсть за завтракъ, какъ онъ уже велитъ бить утреннюю зорю! Чортъ, а не человѣкъ! Съ нимъ никогда спокойно не проспишь ночи. Клянусь бородой покойнаго адмирала, что если сейчасъ не засвистятъ пули, то я засну здѣсь стоя, какъ въ своей постели! Ну, слава Богу, несутъ водку! она отогрѣетъ насъ лучше всякаго лекарства... Немудрено простудиться при такомъ дьявольскомъ туманѣ!..

Пока солдатамъ раздавали водку, офицеры окружили Ла-Ну, и съ живымъ интересомъ выслушивали планъ аттаки, которую онъ намѣревался сдѣлать противъ осаждающихъ. Въ это время неожиданно раздался барабанный бой; каждый поспѣшилъ къ своему посту; явился пасторъ, благословилъ солдатъ и уговаривалъ ихъ не щадить своей жизни въ предстоящемъ бою, обѣщая царствіе небесное, въ случаѣ если имъ не удастся вернуться въ городъ и получить должное вознагражденіе отъ своихъ согражданъ. Проповѣдь продолжалась всего нѣсколько минутъ, но Ла-Ну нашелъ ее слишкомъ длинной. Это былъ не тотъ человѣкъ, который еще наканунѣ жалѣлъ каждую каплю французской крови, пролитую въ междоусобной войнѣ. Теперь онъ, повидимому, самъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ начала рѣзни. Когда пасторъ окончилъ свою рѣчь и солдаты отвѣтили: аминь, онъ громко сказалъ имъ: „товарищи! г-нъ пасторъ далъ намъ добрый совѣтъ: поручимъ себя Божьему промыслу и нашей саблѣ. Помните, что если я останусь въ живыхъ, то убью всякаго, кто пощадитъ паписта и не всадитъ въ него своего заряда“.

— Что это значитъ, мосье Ла-Ну? спросилъ вполголоса Мержи,— вы говорите сегодня совсѣмъ не то, что вчера?

— Учились ли вы по-латыни? спросилъ Ла-Ну рѣзкимъ тономъ.

— Да, но я не знаю...

— Ну, помните ли прекрасное латинское изрѣченіе: Age quod agis.

Онъ подалъ сигналъ; раздался пушечный выстрѣлъ, и весь отрядъ скорымъ шагомъ направился въ поле, между тѣмъ какъ не-

большіе взводы солдатъ, выйдя изъ другихъ воротъ, произвели тревогу на многихъ пунктахъ непріятельской линіи. Послѣднее было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы католики вообразили, что ихъ аттакуютъ со всѣхъ сторонъ и не посмѣли бы оказать помощи въ пунктѣ главной аттаки изъ боязни оставить безъ защиты какое либо мѣсто ихъ ретраншментовъ, которымъ, повидимому, со всѣхъ сторонъ грозила опасность.

Евангельскій бастіонъ, противъ котораго были преимущественно направлены работы инженеровъ католической арміи, подвергался наибольшей опасности отъ пятипушечной батареи, устроенной на небольшомъ возвышеніи, на вершинѣ котораго виднѣлись полуразрушенные остатки прежней мельницы. Ровъ съ землянымъ парапетомъ защищалъ апроши со стороны города; кромѣ того, передъ рвомъ разставлены были на-караулѣ мушкетеры. Но ихъ мушкеты послѣ нѣсколькихъ часовъ сырости оказались почти негодными для употребленія и, какъ предвидѣлъ Ла-Ну, хорошо вооруженные протестанты, заранѣе приготовленные къ аттакѣ, имѣли большое преимущество надъ людьми, захваченными врасплохъ, которые были изнурены отъ безсонныхъ ночей и промерзли отъ дождя и холода.

Ближайшіе караульные были перебиты. Случайно сдѣланный выстрѣлъ разбудилъ батарейную стражу, но она поднялась на ноги уже въ то время, когда непріятель овладѣлъ парапетомъ и приближался къ мельницѣ. Нѣкоторые изъ солдатъ пытались оказать сопротивленіе, но оружіе вываливалось изъ ихъ рукъ, окоченѣвшихъ отъ холода; мушкеты большею частію давали осѣчку, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ непріятельскихъ выстрѣловъ не пропалъ даромъ. Побѣда была на сторонѣ протестантовъ, они овладѣли батареей съ громкими криками: **Нечего щадить ихъ! Пусть вспомнятъ 24 августа!**

Въ уцѣлѣвшей башнѣ прежней мельницы помѣщалось пятьдесятъ человѣкъ солдатъ-католиковъ. Капитанъ, услыхавъ шумъ, появился въ дверяхъ въ ночномъ колпакѣ съ подушкой въ одной рукѣ и саблей въ другой. Не ожидая вылазки, онъ вообразилъ, что шумъ происходитъ отъ ссоры между солдатами, но ударъ алебарды моментально ошеломилъ его; онъ упалъ на землю облитый кровью. Солдаты на-скоро воздвигли баррикаду передъ дверью башни и нѣкоторое время удачно отбивали осаждающихъ, стрѣляя изъ оконъ. Но на бѣду ихъ, около самаго строенія были свалены огромныя кучи соломы, сѣна и валежника, приготовленныя для габіоновъ. Протестанты подожгли ихъ; огонь въ нѣсколько секундъ охватилъ башню и поднялся до оконъ. Вскорѣ раздались жалобные крики; крыша была объята пламенемъ и грозила обрушиться на головы несчастныхъ осажденныхъ. Между тѣмъ, загорѣлась дверь, заложенная баррикадами, такъ что выходъ былъ окончательно закрытъ имъ съ этой стороны. Если бы они вздумали выскочить изъ оконъ, то упали бы

въ пламя или были бы подняты концами пикъ. Одинъ прапорщикъ сдѣлалъ попытку спуститься изъ окна. Его латы кончались по тогдашней модѣ желѣзной юбкой [1]), которая покрывала животъ и верхнюю часть ногъ и расширялась на подобіе воронки, такъ что можно было свободно ходить въ ней. Но окно было слишкомъ узко, чтобы эта часть вооруженія могла пройти черезъ него, и несчастный прапорщикъ такъ стремительно бросился впередъ, что большая часть его тѣла, сжатая какъ въ тискахъ, повисла изъ окна, вслѣдствіе чего онъ не могъ сдвинуться съ мѣста. Пламя все ближе и ближе подступало къ нему; латы его накалились и онъ постепенно жарился въ нихъ, какъ въ знаменитомъ бронзовомъ быкѣ сицилійскаго тирана Фалариса. Громкіе вопли страдальца оглашали воздухъ; онъ размахивалъ руками, какъ бы умоляя о помощи. Наступила минута глубокаго молчанія; затѣмъ осаждающіе, точно сговорившись, подняли воинственный крикъ, чтобы не слышать раздирающихъ стоновъ человѣка, горѣвшаго заживо. Онъ внезапно исчезъ въ вихрѣ огня и дыма; почти одновременно съ этимъ обрушилась башня, и среди летѣвшихъ обломковъ упала, раскаленная до-красна, дымящаяся каска.

Но въ разгарѣ битвы не долго длятся ощущенія ужаса и печали; инстинктъ самосохраненія настолько силенъ въ солдатѣ, что чужія бѣдствія не могутъ надолго привлечь его вниманіе. Въ то время какъ часть побѣдителей гналась за бѣглецами, другіе заклепывали пушки, ломали лафеты и бросали въ ровъ габіоны захваченной батареи и трупы ея защитниковъ.

Мержи былъ изъ числа храбрецовъ, которые первые перелѣзли ровъ и вошли на насыпь, окружавшую непріятельскую батарею. Довольный побѣдой, одержанной протестантами, онъ остановился на минуту, чтобы вырѣзать кинжаломъ имя Діаны на одной изъ взятыхъ пушекъ. Затѣмъ онъ присоединился къ товарищамъ, чтобы помочь имъ въ уничтоженіи непріятельскихъ работъ.

Двое солдатъ, взявъ за голову и за ноги католическаго капитана, не подававшаго никакихъ признаковъ жизни, намѣревались сбросить его тѣло въ ровъ. Но мнимый мертвецъ внезапно открылъ глаза и, увидя Мержи, воскликнулъ:

— Сжальтесь надо мной, мосье де-Мержи! Я плѣнникъ, спасите меня! Развѣ вы не узнаете вашего друга Бевилля?

Лицо несчастнаго капитана было покрыто кровью, такъ что Мержи съ трудомъ узналъ въ немъ блестящаго молодаго придворнаго, ко-

---

[1]) Подобныя вооруженія можно видѣть въ парижскомъ артиллерійскомъ музеѣ. Прекрасный эскизъ Рубенса, изображающій турниръ, даетъ понятіе о томъ способѣ, какимъ ѣздили верхомъ въ этой желѣзной юбкѣ. На сѣдлѣ дѣлался родъ табурета, на который садился всадникъ, такъ что его колѣни были почти на одномъ уровнѣ съ головой лошади. См. также „Описаніе человѣка, сожженнаго въ полномъ вооруженіи“, L'Histoire universelle д'Обинье.

тораго онъ видѣлъ въ Парижѣ полнымъ жизни и веселья. Онъ приказалъ солдатамъ опустить его на землю, самъ перевязалъ ему раны и, положивъ на лошадь, отправилъ въ городъ.

Едва успѣлъ онъ окончить эти хлопоты и проститься съ пріятелемъ, какъ замѣтилъ толпу кавалеристовъ, ѣхавшихъ рысью по дорогѣ между городомъ и сгорѣвшей мельницей. Повидимому, это былъ отрядъ католической арміи, который намѣревался отрѣзать протестантамъ отступленіе отъ взятой ими батареи.

Мержи поспѣшилъ къ Ла-Ну.—Дайте мнѣ полсотни мушкетеровъ, сказалъ онъ;—я засяду за этимъ заборомъ, мимо котораго они будутъ проѣзжать, и если мы не обратимъ ихъ въ бѣгство, то прикажите меня повѣсить.

— Я ничего не имѣю противъ этого требованія и надѣюсь, что со временемъ ты будешь отличнымъ капитаномъ! сказалъ Ла-Ну и, обратившись къ мушкетерамъ, добавилъ: —Идите за нимъ и исполняйте все, что онъ прикажетъ!

Мержи въ нѣсколько секундъ разставилъ мушкетеровъ вдоль забора и велѣлъ имъ держать ружья на-готовѣ. Непріятельскій отрядъ быстро приближался; уже можно было разслышать топотъ лошадиныхъ копытъ по грязной дорогѣ.

— Ихъ капитанъ, сказалъ Мержи вполголоса,—тотъ самый чудакъ, котораго намъ не удалось подстрѣлить вчера. Ну, сегодня онъ не уйдетъ отъ насъ.

Стоявшій возлѣ него мушкетеръ наклонилъ голову какъ бы въ знакъ того, что считаетъ это своимъ дѣломъ. Кавалеристы были на разстояніи двадцати шаговъ; ихъ капитанъ, повидимому, собирался отдать какое-то приказаніе, но Мержи предупредилъ его, громко крикнувъ своимъ людямъ: стрѣляй!

Капитанъ съ краснымъ перомъ въ это время повернулъ голову... и Мержи узналъ своего брата. Онъ протянулъ руку, чтобы остановить мушкетеровъ; но уже было слишкомъ поздно. Раздался ружейный залпъ. Кавалеристы, застигнутые врасплохъ, разсѣялись по полю; капитанъ Жоржъ упалъ съ лошади, прострѣленный двумя пулями.

ГЛАВА XXVII.

Госпиталь.

Старинный католическій монастырь, упраздненный городскимъ совѣтомъ Ла-Рошели, былъ превращенъ во время осады въ госпиталь для раненыхъ. Изъ часовни былъ вынесенъ алтарь, скамьи и всѣ

украшенія и полъ усланъ соломой и сѣномъ; сюда сносили простыхъ солдатъ. Прежняя монастырская трапеза предназначалась для высшихъ чиновъ. Это была довольно большая зала, украшенная дубовой рѣзьбой, съ широкими стрѣльчатыми окнами, пропускавшими достаточно свѣта для хирургическихъ операцій, которыя почти безпрерывно производились здѣсь.

Капитанъ Жоржъ лежалъ на матрацѣ, обагренномъ его собственной кровью и многихъ другихъ, которые лежали до него на этомъ злополучномъ ложѣ. Связка соломы служила ему изголовьемъ. Съ него сняли латы и разодрали куртку и рубашку. Онъ былъ обнаженъ до пояса; но правая рука была въ кожанномъ нарукавникѣ и въ стальной перчаткѣ. Солдатъ, стоя на колѣняхъ передъ нимъ, вытиралъ кровь, которая текла изъ его ранъ; одна изъ нихъ была на животѣ, другая, болѣе легкая, на лѣвой рукѣ. Мержи былъ настолько убитъ горемъ, что не могъ оказать никакой существенной помощи. Онъ или сидѣлъ у постели умирающаго и горько плакалъ; или же съ воплемъ отчаянія бросался на полъ, упрекая себя въ томъ, что онъ убилъ любимаго брата. Жоржъ сохранялъ присутствіе духа и старался по возможности успокоить несчастнаго виновника своей смерти.

Въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ Бевиль въ такомъ-же печальномъ положеніи. Но черты его лица не выражали того спокойствія и покорности судьбѣ, какую можно было видѣть у Жоржа. Время отъ времени онъ глухо стоналъ и съ отчаяніемъ глядѣлъ на своего сосѣда, какъ бы, завидуя его храбрости и присутствію духа.

Немного погодя въ залу вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, худощавый и плѣшивый, съ лицомъ покрытымъ глубокими морщинами; онъ держалъ въ рукахъ зеленый мѣшокъ съ хирургическими инструментами, одинъ видъ которыхъ могъ привести въ ужасъ больныхъ. Это былъ мосье Бризаръ, довольно искусный хирургъ по своему времени, другъ и ученикъ знаменитаго Амбруаза Парé. Онъ повидимому только, что сдѣлалъ какую-то операцію, потому что рукава его были засучены до локтя, и на немъ былъ большой фартукъ, весь обрызганный кровью.

Онъ остановился передъ постелью Жоржа.

— Что вамъ нужно и кто вы? спросилъ Жоржъ.

— Я хирургъ, милостивый государь; если вамъ неизвѣстно имя Бризара, то это только доказываетъ, что вы не знаете многихъ вещей. Теперь вооружитесь ослинымъ терпѣніемъ, какъ говоритъ Парé! Слава Богу, я знаю толкъ въ мушкетныхъ выстрѣлахъ, такъ какъ желалъ-бы имѣть столько тысячъ ливровъ, сколько вынулъ пуль на своемъ вѣку. Въ настоящее время многіе изъ моихъ паціентовъ также здоровы, какъ вашъ покорный слуга.

— Сдѣлайте одолженіе, г-нъ докторъ, скажите правду! Я убѣжденъ, что моя рана смертельна.

Хирургъ сперва осмотрѣлъ лѣвую руку больнаго и сказалъ:— „Пустяки!“ Затѣмъ онъ началъ ощупывать рану на животѣ и вызвалъ этимъ такую сильную боль, что Жоржъ едва не вскрикнулъ, и съ гнѣвомъ оттолкнулъ хирурга своей правой рукой.

— Убирайтесь къ чорту! сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ,— дальше смотрѣть нечего! Я вижу по вашему лицу, что дѣло кончено.

— Если я не ошибаюсь милостивый государь, то пуля вѣроятно прошла въ нижнюю часть живота, затѣмъ, поднявшись вверхъ, застряла въ спинномъ хребтѣ, что мы называемъ по гречески rachis... У меня явилось это предположеніе на томъ основаніи, что ваши ноги лишены движенія и похолодѣли. Этотъ болѣзненный признакъ никогда не обманываетъ въ данномъ случаѣ.

— Выстрѣлъ сдѣланъ почти въ упоръ и пуля засѣла въ спинномъ хребтѣ... Ну, этого слишкомъ достаточно, чтобы отправить ad patres простаго смертнаго!... Вамъ нечего больше мучить меня, г-нъ докторъ, дайте мнѣ умереть спокойно.

— Нѣтъ, онъ будетъ жить! спасите его! воскликнулъ Мержи съ растеряннымъ видомъ, хватая за руку хирурга.

— Да, можетъ быть, онъ проживетъ часъ или два, отвѣтилъ холодно Бризаръ,—такъ какъ повидимому это очень здоровая натура.

Мержи бросился на колѣни передъ постелью умирающаго и, схвативъ его руку, покрылъ ее поцѣлуями.

— Часъ или два!.. повторилъ Жоржъ. Тѣмъ лучше, я боялся, что мнѣ прійдется дольше страдать.

— Нѣтъ, это невозможно! воскликнулъ съ рыданіемъ Мержи.— Ты не умрешь Жоржъ! Неужели мнѣ суждено быть убійцей роднаго брата.

— Тише, успокойся, Бернаръ, и не тряси меня такъ!.. Каждое твое движеніе отзывается тутъ... Я чувствую себя теперь гораздо лучше, если только опять не начнется эта невыносимая боль...

Мержи сѣлъ на полъ около матраца и, уткнувъ голову въ колѣни, закрылъ лицо обѣими руками. Онъ не шевелился и только по временамъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ отъ судорожныхъ рыданій и нечеловѣческіе стоны вырывались съ усиліемъ изъ его груди.

Между тѣмъ хирургъ, перевязавъ рану, началъ обтирать зондъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Я совѣтую вамъ, милостивый государь, приготовиться къ смерти, сказалъ онъ.—Если вамъ угодно имѣть пастора, то въ этомъ не можетъ быть недостатка въ нашемъ городѣ, а захотите исповѣдываться у католическаго священника, то я пришлю его къ вамъ. Мнѣ только что попался на глаза монахъ, взятый въ плѣнъ нашими людьми. Вотъ, смотрите: онъ тамъ въ углу бесѣдуетъ съ раненымъ папистомъ.

— Меня мучитъ жажда; распорядитесь пожалуйста, чтобы мнѣ подали питья; сказалъ Жоржъ.

— Избави Богъ! Вы умрете часомъ раньше.

— Часъ жизни не стоитъ стакана порядочнаго вина! Однако прощайте, г-нъ докторъ! Вы видите рядомъ со мною лежитъ человѣкъ, который ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

— Не прислать-ли къ вамъ пастора или монаха?

— Я не нуждаюсь ни въ одномъ изъ нихъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?..

— Оставьте меня въ покоѣ.

Хирургъ пожалъ плечами и подошелъ къ Бевиллю.

— Клянусь честью, воскликнулъ онъ,—вотъ здоровая рана! Эти черти волонтеры бьютъ какъ шальные!

— Могу-ли я надѣяться на выздоровленіе? спросилъ раненый слабымъ голосомъ.

— Вздохните, сказалъ Бризаръ.

Послышался родъ слабаго свиста отъ воздуха, выходившаго изъ груди Бевилля, между тѣмъ какъ изъ краевъ раны и изо рта больнаго полилась кровь какъ красная пѣна.

Хирургъ свиснулъ какъ-бы въ подражаніе этому звуку; затѣмъ поспѣшно наложилъ компресъ на рану, и, захвативъ свой мѣшокъ съ инструментами, поднялся съ мѣста.

Но глаза Бевилля, сверкавшіе лихорадочнымъ блескомъ, слѣдили за каждымъ его движеніемъ.—Ну, что вы скажете докторъ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ваша пѣсня спѣта! отвѣтилъ лаконически хирургъ; и, не поворачивая головы, онъ подошелъ къ другому больному.

— Боже мой, какъ тяжело умирать въ молодости! воскликнулъ несчастный Бевилль, опуская голову на связку соломы, которая служила ему подушкой.

Жоржъ настойчиво просилъ пить, но никто не рѣшался подать ему стаканъ воды изъ боязни ускорить его кончину. Странное человѣколюбіе, которое не имѣетъ другой цѣли, какъ только продлить мученія безпомощнаго страдальца. Въ это время въ залу вошелъ Ла-Ну и капитанъ Дитрихъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, чтобы взглянуть на раненыхъ. Они остановились передъ постелью Жоржа. Ла-Ну, опираясь на рукоятку своей шпаги, попеременно смотрѣлъ на обоихъ братьевъ; въ глазахъ его выражалось глубокое сожалѣніе, которое возбуждало въ немъ это печальное зрѣлище.

Жестяная фляжка, висѣвшая у пояса Дитриха привлекла вниманіе Жоржа.—Капитанъ, сказалъ онъ,—вы старый воинъ?..

— Да, вы правы, я самъ считаю себя старикомъ! Борода быстрѣе сѣдѣетъ отъ порохового дыма, нежели отъ лѣтъ. Мое имя капитанъ Дитрихъ Горнштейнъ.

— Скажите, что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ, если бы васъ ранили такъ, какъ меня?

Капитанъ Дитрихъ наклонился къ больному и осмотрѣлъ его

раны съ видомъ знатока, который видѣлъ ихъ не мало на своемъ вѣку и можетъ судить о степени ихъ важности. Затѣмъ онъ отвѣтилъ серьезнымъ тономъ: — Во-первыхъ, я принялъ бы мѣры, чтобы успокоить свою совѣсть, а во-вторыхъ, спросилъ бы себѣ стаканъ хорошаго рейнвейна, если бы оно было подъ рукою.

— Ну, представьте себѣ, я просилъ ихъ дать мнѣ глотокъ ихъ негоднаго рошельскаго вина, а они лишаютъ меня и этого удовольствія.

Дитрихъ отстегнулъ свою фляжку, которая была довольно почтенныхъ размѣровъ и хотѣлъ передать ее раненому.

— Что вы дѣлаете, капитанъ? воскликнулъ одинъ изъ мушкетеровъ, пришедшихъ съ Ла-Ну,—докторъ сказалъ, что онъ тотчасъ же умретъ, если напьется.

— Часомъ раньше или позже, не все ли равно! По крайней мѣрѣ это доставитъ ему небольшое утѣшеніе передъ смертью. Пейте съ Богомъ, мой храбрый товарищъ! Досадно, что я не могу предложить вамъ болѣе порядочнаго вина.

— Безконечное вамъ спасибо, капитанъ Дитрихъ, сказалъ Жоржъ, утоливъ жажду. Затѣмъ, протянувъ здоровую руку, онъ подалъ фляжку Бевиллю со словами: — На, возьми это, мой бѣдный другъ; ты вѣрно не откажешься послѣдовать моему примѣру.

Бевилль ничего не отвѣтилъ и только покачалъ головой въ видѣ отказа.

— Господи! вотъ еще новое мученіе! воскликнулъ Жоржъ раздраженнымъ голосомъ.—Неужели мнѣ не дадутъ умереть спокойно?

Онъ увидѣлъ пастора, который подходилъ къ нему съ библіей подъ мышкой.

— Мой сынъ, сказалъ пасторъ,—когда вы...

— Довольно! Замолчите, пожалуйста. Я знаю заранѣе, что вы скажете, и поэтому не трудитесь напрасно. Я католикъ.

— Католикъ? спросилъ съ удивленіемъ Бевилль. Значитъ, ты больше не атеистъ?

— Но вы были прежде воспитаны въ реформатской религіи, продолжалъ пасторъ;—и въ этотъ торжественный и страшный моментъ, когда вы должны предстать передъ Верховнымъ Судьей нашихъ поступковъ и совѣсти...

— Я уже говорилъ вамъ, что я католикъ!.. Оставьте меня въ покоѣ.

— Но...

— Сжальтесь надо мной, капитанъ Дитрихъ! Вы уже оказали мнѣ существенную услугу; сдѣлайте мнѣ еще одно одолженіе: избавьте меня отъ всѣхъ этихъ увѣщаній и сѣтованій.

— Я совѣтую вамъ удалиться, сказалъ Дитрихъ пастору, — вы видите, онъ не расположенъ слушать васъ.

Ла-Ну сдѣлалъ знакъ монаху, чтобы тотъ подошелъ къ раненому.

— Вотъ священникъ вашей религіи, капитанъ Жоржъ, сказалъ Ла-Ну;—мы не желаемъ стѣснять васъ, такъ какъ это дѣло совѣсти..

— Монахъ или пасторъ, не все ли равно! Прогоните ихъ обоихъ! воскликнулъ съ досадой Жоржъ.

Но монахъ и пасторъ встали по обѣимъ сторонамъ постели и, повидимому, намѣревались оспаривать другъ у друга умирающаго.

— Этотъ дворянинъ католикъ, сказалъ монахъ.

— Но онъ родился протестантомъ, и я долженъ исповѣдывать его...

— Вы забываете, что онъ принялъ католичество.

— Онъ, вѣроятно, пожелаетъ умереть въ вѣрѣ отцовъ своихъ.

— Приступимъ къ исповѣди, сынъ мой!..

— Прочтите символъ вѣры, сынъ мой!

— Надѣюсь, вы умрете истиннымъ католикомъ!..

— Удалите его, онъ посланъ Антихристомъ, воскликнулъ пасторъ, разсчитывая на сочувствіе большинства присутствующихъ.

Одинъ изъ солдатъ, ревностный гугенотъ, схватилъ монаха за поясъ и толкнулъ его со словами:—Убирайся прочь, бритый висѣльникъ. У насъ уже давно не поютъ мессъ въ Ла-Рошели!

— Подождите, сказалъ Ла-Ну, останавливая монаха.—Если этотъ дворянинъ желаетъ исповѣдываться, то, клянусь честью, никто не помѣшаетъ ему въ этомъ.

— Отъ души благодарю васъ, мосье Ла-Ну... сказалъ умирающій.

— Будьте всѣ свидѣтели, прервалъ монахъ,—что онъ желаетъ исповѣдываться!

— Онъ хочетъ вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, воскликнулъ пасторъ.

— Нѣтъ, чортъ васъ побери! Оставьте меня въ покоѣ. Развѣ я умеръ, что вы, какъ вороны, каркаете надъ моимъ трупомъ. Мнѣ не нужно ни вашихъ мессъ, ни вашихъ псалмовъ.

— Онъ богохульствуетъ! воскликнули въ одинъ голосъ представители двухъ различныхъ религій.

— Нужно же вѣрить во что нибудь, замѣтилъ Дитрихъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Я вѣрю... что вы, капитанъ, порядочный человѣкъ, сказалъ съ усиліемъ Жоржъ,—и что вы избавите меня отъ нихъ... Уйдите отсюда, кровопійцы, дайте мнѣ умереть, какъ собакѣ, безъ вашей помощи!..

— Да, ты умрешь собачьей смертью! сказалъ съ негодованіемъ пасторъ.

Монахъ набожно перекрестился и подошелъ къ постели Бевилля. Ла-Ну и Мержи остановили пастора.

— Сдѣлайте попытку убѣдить его! сказалъ Мержи.—Сжальтесь надъ нимъ и надо мной.

— Мосье Жоржъ, сказалъ Ла-Ну умирающему,—повѣрьте старому

солдату, что увѣщанія человѣка, посвятившаго себя Богу, могутъ усладить послѣднія минуты нашей жизни. Не слушайтесь совѣтовъ преступнаго тщеславія и не губите своей души ради пустаго хвастовства.

— Я думалъ о смерти не съ сегодняшняго дня, возразилъ Жоржъ,— мнѣ не нужно ни чьихъ увѣщаній, чтобы приготовиться къ ней... Я никогда не былъ склоненъ къ хвастовству, а теперь менѣе, чѣмъ когда либо. Но, чортъ побери, я не имѣю никакого желанія слушать эту чепуху.

Пасторъ пожалъ плечами и удалился изъ залы вслѣдъ за Ла-Ну, который шелъ медленными шагами, опустивъ голову.

— Товарищъ, сказалъ Дитрихъ,—вы должно быть чертовски страдаете, если рѣшаетесь говорить такія вещи.

— Дѣйствительно, мои мученія невыносимы.

— Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что Господь не прогнѣвается на ваши слова, хотя они сильно смахиваютъ на богохульство. Но когда человѣкъ прострѣленъ насквозь, то, чортъ возьми, ему не грѣхъ ругаться, если онъ чувствуетъ отъ этого нѣкоторое облегченіе.

Жоржъ улыбнулся и взялъ фляжку.—Пью за ваше здоровье, капитанъ! Вы отличная сидѣлка для раненаго солдата!

Съ этими словами онъ протянулъ руку капитану Дитриху, который пожалъ ее съ видимымъ волненіемъ.

— Чортъ знаетъ, пробормоталъ онъ про себя,—въ какомъ бы я былъ скверномъ положеніи, если бы мой братъ Геннигъ былъ католикъ и я всадилъ бы ему, такимъ образомъ, пулю въ животъ... Вотъ когда осуществилось предсказаніе Милы!

— Жоржъ, мой дорогой другъ, проговорилъ съ усиліемъ Бевилль,— скажи мнѣ что нибудь. Мы должны умереть... Скоро наступитъ страшная минута... Неужели ты и теперь думаешь такъ, какъ въ тѣ времена, когда ты мнѣ проповѣдывалъ атеизмъ.

— Разумѣется! Соберись съ мужествомъ. Еще нѣсколько минутъ и нашимъ страданіямъ наступитъ конецъ.

— Но этотъ монахъ толкуетъ мнѣ объ адѣ... чертяхъ... и всякой всячинѣ... Съ этими вещами нельзя шутить!..

— Все это пустая болтовня!

— Но если онъ говоритъ правду?

Жоржъ ничего не отвѣтилъ и, обращаясь къ Дитриху, сказалъ.— Капитанъ, я оставляю вамъ на память мою шпагу и латы; къ сожалѣнію я не могу предложить вамъ ничего лучшаго за превосходное вино, которымъ вы такъ щедро угостили меня.

— Жоржъ, продолжалъ Бевилль жалобнымъ голосомъ,—меня пугаетъ мысль о будущей жизни... вѣчность...

— Трусъ!

— Но вѣдь дѣло идетъ о вѣчномъ мученіи... По неволѣ струсишь!

— Ну, исповѣдуйся, если хочешь и кончимъ этотъ глупый разговоръ.

— Скажи мнѣ только, ты увѣренъ, что адъ не существуетъ?

— Я ни въ чемъ не увѣренъ.

— Значитъ, у тебя явились относительно этого нѣкоторыя сомнѣнія?...

— Я уже сказалъ тебѣ: исповѣдуйся и оставь меня въ покоѣ.

— Ты будешь насмѣхаться надо мной.

Жоржъ невольно улыбнулся; затѣмъ добавилъ серьезнымъ тономъ:

— На твоемъ мѣстѣ я покаялся бы въ грѣхахъ и соборовался бы масломъ, чтобы быть готовымъ къ смерти.

— Ну, я сдѣлаю такъ, какъ ты совѣтуешь, и буду исповѣдываться послѣ тебя...

— Тебѣ придется слишкомъ долго ждать!

— Чортъ возьми!.. думай, что хочешь, а я хочу умереть истиннымъ христіаниномъ... Ну, отецъ мой, не будемъ терять времени... Только подсказывайте, что я долженъ говорить; я забылъ всѣ молитвы.

Пока монахъ исповѣдывалъ Бевилля, Жоржъ выпилъ еще глотокъ вина и, положивъ голову на подушку, закрылъ глаза. Онъ пролежалъ спокойно около четверти часа; но тутъ вздрогнулъ и застоналъ отъ боли.

Мержи, думая, что онъ кончается, громко вскрикнулъ и приподнялъ ему голову.

— Опять! сказалъ Жоржъ, отталкивая его руку. — Успокойся, Бернаръ, и не трогай меня.

— Жоржъ, ты умираешь по моей винѣ, я убилъ тебя!..

— Что дѣлать! Я не первый французъ, который убитъ роднымъ братомъ... и, вѣроятно, не послѣдній. Я никого не могу обвинять въ моей смерти... Когда герцогъ Анжуйскій освободилъ меня изъ тюрьмы и предложилъ сопровождать его, я далъ клятву не обнажать шпаги... Но сегодня утромъ, когда я узналъ, что аттаковали Бевилля и услыхалъ мушкетные выстрѣлы, мнѣ захотѣлось узнать, въ чемъ дѣло...

Онъ закрылъ глаза, но потомъ снова открылъ ихъ и улыбаясь сказалъ своему брату:

— Графиня Тюржи поручила мнѣ сказать тебѣ, что она любитъ тебя по-прежнему.

Это были его послѣднія слова. Онъ умеръ черезъ четверть часа и, повидимому, безъ особенныхъ страданій. Почти одновременно съ нимъ скончался Бевилль на рукахъ монаха, который разсказывалъ впослѣдствіи, что онъ явственно слышалъ въ воздухѣ радостный крикъ ангеловъ, принявшихъ душу раскаявшагося грѣшника, между тѣмъ какъ подъ землею ликовали нечистые, унося душу капитана Мержи.

Въ любой исторіи Франціи можно встрѣтить описаніе, какъ Ла-Ну

оставилъ Ла-Рошель вслѣдствіе глубокаго отвращенія къ междоусобной войнѣ и упрековъ совѣсти, такъ какъ не могъ простить себѣ, что поднялъ оружіе противъ своего короля. Между тѣмъ католическая армія вынуждена была снять осаду, и заключенъ былъ четвертый миръ, за которымъ вскорѣ послѣдовала смерть Карла IX-го.

Быть можетъ, меня спросятъ: утѣшился ли Мержи и пользуется ли онъ по-старому привязанностью Діаны? Но я считаю лишнимъ отвѣчать на эти вопросы и предоставляю ихъ рѣшить самому читателю, потому что такимъ образомъ онъ можетъ кончить романъ по своему вкусу.

Конецъ.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ трехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1882 года.

А.

Ааронъ, епископъ корельскій и ладожскій, т. VIII, 484.

Абаза, Аѳанасій Андреев., подольскій предсѣдатель, т. IX, 279, 289.

Абамелекъ-Лазаревъ, князь, владѣлецъ кизеловскихъ уральскихъ заводовъ, т. X, 244, 249, 540, 541.

Абдулъ, шейхъ, арабскій вожакъ верблюдовъ, т. VII, 217.

Абдулъ-Азисъ, турецкій султанъ, т. VIII, 648.

Абдулъ-бекъ, коканскій кипчакъ, т. X, 128.

Абердинъ (Эбердинъ), гр. Джоржъ Гамильтонъ Гордонъ, англійскій министръ, т. VII, 217; т. IX, 406.

Авванумъ (Петровичъ), московскій священникъ, расколоучитель, т. VIII, 366—370, 379, 382.

Авдуловскій, ассесоръ тульскаго губернскаго правленія, т. VII, 357.

Авенаріусъ, В. П. Ст. его: В. Л. Пушкинъ. Т. VII, 606—624.

д'Авернь, госпожа, т. VIII, 703.

Авсеневъ, профессоръ кіевской духовной академіи, т. VII, 338.

Агапитовъ, Андрей, т. VIII, 692, 693.

Агаѳангелъ (Соловьевъ), ректоръ казанской духовной академіи, впослѣд. архіепископъ волынскій, т. X, 10, 18, 19, 33, 38, 228, 230, 879.

Ададуровъ, кураторъ московскаго университета, т. IX, 449.

Аданъ:

— Издательница журнала La Nouvelle Revue, т. VIII, 415, 416, 607—616.

— Эдмондъ, т. IX, 624.

д'Акостъ, Гастонъ, коммунаръ, т. X, 454.

Аксаковы:

— Ив. Серг., редакторъ журнала „Русь“, т. VIII, 698; т. IX, 679; т. X, 409.

— Конст. Серг., т. X, 97.

— С. Т., т. X, 97.

Алава, испанскій посолъ въ Парижѣ, т. X, 208, 209.

Аламберъ. См. Даламберъ.

Александра, герцогиня Кобургская, т. VII, 434.

Александра Николаевна, великая княгиня, супруга принца Фридриха-Вильгельма Гессенъ-Кассельскаго, т. VII, 433.

Александра Ѳедоровна (Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса Прусская), императрица, т. VII, 161, 162, 431; т. VIII, 334, 835; т. IX, 601.

Александръ I Павловичъ, императоръ. Письмо къ нему княг. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 675. Къ исторіи его царствованія. Т. X, 719, 720. Упомин. т. VII, 130—137, 148, 154, 201, 212, 428, 432, 486, 487, 661, 711, 720; т. VIII 7—9, 12—14, 17—25, 81, 34, 37, 38, 241—243, 245, 247—250, 257—264, 267, 268, 449; т. IX, 226, 416, 417, 581, 592, 649, 650, 654, 656.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. Библіографическая замѣтка: Вѣнокъ царю-великомученику—Г. М. Шве-

цова. Т. VIII, 222—225. Изъ жизни его. Т. IX, 596 — 605. Упомин. т. VII, 114, 156, 161, 162, 431, 432, 695, 696; т. VIII, 349—351, 361, 362, 476, 641, 668; т. IX, 204, 205, 409, 412; т. X, 422, 427, 428, 626.

Александръ III Александровичъ, императоръ, т. X, 224.

Александръ Карагеоргіевичъ, князь сербскій, т. IX, 418.

Алексѣевы:

— Іаковъ, келейникъ новгородскаго архіерейскаго дома, т. VIII, 483—485.

— Павелъ, деритскій протоіерей, т. VIII, 203, 204.

Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ, т. IX, 677.

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій. Пріемъ шведскаго посольства въ 1674 г. Т. VII, 652—660. Упомин. т. VIII, 367, 378—380, 383—387, 464.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, т. VII, 264; т. VIII, 222, 482.

Алексѣйчукъ, казематный служитель новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 100—103, 109, 111—113, 116, 125, 328—332, 334, 339, 347—349, 352, 556—559.

Алессандри, корсиканецъ, начальникъ личной охраны Наполеона III, т. IX, 202, 203, 205.

Алларъ, французскій аббатъ, т. X, 679.

Алопеусъ, офицеръ низовскаго полка, т. VIII, 565.

Алферьевы:

— Ив. Серг., чиновникъ московскаго сената, т. X, 398.

— Петръ Серг., т. X, 398.

— Профессоръ, т. IX, 441.

Алышевскій, Николай, авторъ статьи: Что такое истинно-русская государственная программа? т. VIII, 415, 607—616.

Альбертсъ, прусскій чиновникъ, телеграфный агентъ, т. VII, 643.

Альбертъ, принцъ Саксенъ - Кобургъ-Готскій, супругъ королевы англійской Викторіи I, т. VII, 221.

д'Альбрэ. См. Іоанна.

Альтенбургскій. См. Теодорикъ.

Амвросій:

— Дмитровскій епископъ, викарій московской епархіи. Замѣтка по поводу публичныхъ чтеній его о свободѣ печати. Т. X, 708, 709.

— (Юшкевичъ), архіепископъ новгородскій, т. VII, 501; т. IX, 423.

Амиконъ, живописецъ, т. VIII, 479.

Аммонъ, дѣлопроизводитель московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ, т. VIII, 447.

Амосовъ, подполковникъ, т. VII, 371—374, 376—378.

Амуру, коммунаръ, т. X, 677.

Амфитеатровы:

— Митрополитъ кіевскій. См. Филаретъ.

— Я. К., профессоръ кіевской духовной академіи, т. VII, 337.

Амфилогій, архимандритъ, настоятель деревеницкаго монастыря, близъ Новгорода, т. VII, 359.

Анатолій (Мартыновскій), архіепископъ могилевскій. Письмо къ нему В. И. Аскоченскаго. Т. VIII, 697—699.

Ангулемская, герцогиня, т. IX, 678.

Андреевы:

— Андрей Ив., чембарскій исправникъ. Донесеніе ему священника с. Покровскаго, Глѣбова, о кандевскомъ бунтѣ. Т. IX, 444—446.

— Кузьма, церковный староста с. Покровскаго, чембарскаго уѣзда, т. IX, 446.

Андрей, служитель новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 566, 568, 571.

Андреяновы:

— Елена Ив., балерина. Къ біографіи ея. Т. VII, 362.

— Рижскій штабъ - офицеръ корпуса жандармовъ, т. VIII, 188.

Андріановъ, изслѣдователь Кузнецкаго края, т. IX, 677.

Анна Ивановна (супруга Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндскаго), императрица, т. VII, 271 — 285, 479, 502; т. VIII, 144, 145, 479, 486, 487; т. IX, 167.

Анна Леопольдовна (Елизавета-Екатерина-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люненбургская), правительница, т. VII, 497—500; т. VIII, 479.

Анна Петровна, царевна, т. VIII, 144, 479, 703.

Анна Өедоровна (Юлія-Генріетта-Ульрика, принцесса Саксенъ - Заальфельдъ-Кобургская), первая супруга цесаревича Константина Павловича, т. VII, 430.

Анненковы:

— Владим. Егор., подольскій губернаторъ, т. IX, 269, 271—276.

— Генералъ-адъютантъ, т. VII, 14.

— Софья Савишна, т. IX, 274—276, 278.

Антоній:

— Іеросхимонахъ аѳонскаго постнаго скита, т. VII, 697, 699.

— (Капустинъ), архимандритъ, ректоръ кіевской духовной академіи, т. X, 99.

— (Рафальскій), архимандритъ, впослѣдствіи архіепископъ варшавскій и митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. X, 233, 400, 401.

— (Смирницкій), архіепископъ воро-

нежскій и черкасскій, т. VII, 97, 100, 104, 106.

Антоновичъ, В. Б., профессоръ кіевскаго университета, т. VIII, 238.

Антоновъ, смотритель бань въ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 324.

Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Люненбургскій, супругъ русской правительницы Анны Леопольдовны, т. VII, 499; т. VIII, 480.

Анучинъ, Д. Н., профессоръ московскаго университета, т. IX, 658.

Апперъ, французскій генералъ, т. X, 681.

Апраксинъ, гр. Өедоръ Матв., генералъ-адмиралъ, т. VIII, 150; т. IX, 680.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андреев., генералъ-отъ-кавалеріи, военный министръ. Анекдотъ. Т. VII, 489. Упомин. т. VII, 136, 150, 154, 720; т. VIII, 21, 25, 36, 243, 245, 247—253, 258, 260, 267, 690, 691; т. IX, 653.

Араповъ, Пименъ Никол., писатель и театральный историкъ, т. X, 140.

Аретинскій, воронежскій архіепископъ. См. Серафимъ.

Арисгоевы, дворяне, т. X, 723.

Аристарховы:

— Варвара Никол., рожденная Балабуха, т. VII, 538—565; т. VIII, 80—109, 270—288, 502—514.

— Никаноръ Ив., рыльскій купецъ, т. VII, 546; т. VIII, 105—109, 278, 281, 283, 285, 503—505.

Аристовы:

— Никол. Яков., статскій совѣтникъ, профессоръ и инспекторъ нѣжинскаго историко-филологическаго института. Ст. его: Жизнь А. П. Щапова. Т. X, 5—44, 295—336, 576—619. Сообщ. историческіе анекдоты: Воинская повинность евреевъ. Т. VII, 245. Обращеніе въ христіанство еврея. Т. VII, 247. Случайные кантонисты. Т. VII, 248. Побочныя дочери. Т. VII, 249—251. Некрологъ его. Т. X, 225. Упомин. т. VIII, 672.

Арманъ-Марастъ, т. IX, 187.

Аригольдъ, Ив., бывшій офицеръ 4-го стрѣлковаго баталіона, повстанецъ, т. VII, 364, 393; т. VIII, 568, 569.

фонъ-**Арнимъ**, Бетина, т. VII, 449.

Арно:

— Антонъ, коммунаръ, т. X, 454.

— Депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 191.

Арну, Артуръ, профессоръ иностранной литературы въ Сорбонѣ, т. X, 692.

Арсеній:

— (Грекъ), ученый, переводчикъ многихъ житій и хронографовъ, т. VIII, 372, 388.

— (Москвинъ II), кіевскій митрополитъ, т. X, 388, 408.

— (Мацѣевичъ), митрополитъ тобольскій, потомъ ростовскій, т. VII, 527, 528.

— (Сухановъ), келарь троицкаго монастыря, т. VIII, 372.

Арсеньевы:

— Генералъ, директоръ военно-сиротскаго дома, впослѣд. начальникъ дома умалишенныхъ, т. VIII, 116, 121—123, 344, 346.

— Профессоръ петербургскаго университета, т. VIII, 250, 252.

д'Артуа, графы. См. Карлъ X, Генрихъ V, гр. Шамборъ.

Архангельскій, А. С. Библіографическій очеркъ о сочин. его: Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Т. IX, 430—434.

Архаровы:

— Ив., московскій военный губернаторъ. Донесеніе его императору Павлу I. Т. IX, 674. Упомин. т. X, 488.

— Никол. Петр., петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, московскій губернаторъ, впослѣд. тверской и новгородскій намѣстникъ и петербургскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 500, 501.

Аскоченскіе:

— Аристархъ Ипатьев., братъ писателя, т. VII, 90, 96.

— Викторъ Ипатьев. (Аскошный, Осконный, Отскоченскій), коллеж. совѣтн., профессоръ кіевской духовной академіи, писатель и журналистъ. Дневникъ его. Т. VII, 79—106, 318—344, 534—565; т. VIII, 80—109, 270—288, 502—521; т. IX, 30—52, 259—294, 471—482. Отповѣдь его шефу жандармовъ. Т. VII, 491—493. Эпиграммы его. Т. VIII, 239, 240. Къ біографіи его — письмо къ архіепископу Анатолію Мартыновскому. Т. VIII, 697—699. Упомин. т. VIII, 366; т. IX, 442; т. X, 581, 588.

— Ипатій Ив., отецъ писателя. См. Аскошный.

— Надежда, вторая жена писателя, рожденная Панферова, т. VIII, 519—521; т. IX, 48.

— Софья, первая жена писателя, т. VII, 535.

Аскошные:

— Ив. Ив. (Поповъ), дьячекъ с. Аскошнаго, землянскаго уѣзда, воронежской губ., дѣдушка писателя В. И. Аскоченскаго, т. VII, 89.

— Ипатій Ив. (Осконный или Отскоченскій), преподаватель пѣнія воронежской губ., отецъ писателя В. И. Аскоченскаго, т. VII, 89, 91.

Асси, членъ интернаціонали и президентъ центральнаго комитета національной гвардіи, т. X, 191, 192, 684, 685.
Аталенъ, начальникъ французской полиціи, т. VIII, 653.
Ауерсвальдъ, австрійскій генералъ, т. VII, 452.
Ахемениды, персидская династія, т. IX, 216.
Ашаръ, французскій генералъ, т. IX, 194.
Аѳанасій, константинопольскій патріархъ (лубенскій чудотворецъ, сидящій), т. VIII, 383—390.
Аѳанасьевы:
— Александръ Степ. (Чужбинскій), писатель, т. X, 97, 579.
— Алексѣй, дьячекъ с. Орѣхова-Погоста, владимірскаго у. Замѣтка о немъ: Непризнанный апостолъ. Т. VIII, 487—489.
— Библіографъ, т. X, 238.

Б.

Багрянскій, докторъ, т. X, 496, 497, 499.
Баженовъ, Вас. Ив., архитекторъ, первый вице-президентъ академіи художествъ, т. X, 485, 486.
База, французскій генералъ, т. IX, 191; т. X, 191.
Базили, К. М., авторъ Бесѣды о конституціи и о примѣненіи представительныхъ началъ въ государственномъ управленіи. Т. VIII, 415, 607—616.
Базуновичъ, жандармъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 335, 340, 346, 562.
Байронъ, Георгъ Ноэль Гордонъ, лордъ, англійскій поэтъ, т. VII, 210.
Байскій, Порфирій, писатель. См. Сомовъ Орестъ.
Бакаровъ, Иванъ, помѣщичій конторщикъ, т. IX, 446.
Баконъ, арестантъ парижской тюрьмы временъ комуны, т. X, 678.
Бакунины:
— Мих. Александр., русскій агитаторъ, т. IX, 13, 205.
— Президентъ россійской академіи наукъ, т. VIII, 134.
Балабухи, купеческое семейство въ Кіевѣ:
— Александръ Семен. т. VIII, 92.
— Варвара Никол. См. Аристархова.
— Марья Ѳедоров., т. VII, 549, 551, 556—560; т. VIII, 85, 86, 89, 92, 99—101, 272—276, 278, 280—284, 288, 502, 505—509, 514.
— Никол. Семен., т. VII, 565—585; т. VIII, 80, 89, 91, 96—99, 102, 271—276, 278, 281—287, 503.
Балахнинъ, Михаилъ, стрѣлецъ, т. VIII, 481—483.
Балашевъ, Александръ Дмитр., генералъ, министръ полиціи, т. VIII, 258, 260.
Бальи, парижскій мэръ, т. IX, 631.
Бамбергеръ, Людовикъ, либералъ, т. IX, 609.
Бантышъ-Каменскіе:
— Дмитр. Никол., авторъ историческихъ и біографическихъ сочиненій, т. IX, 229.
— Никол. Никол., управляющій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, авторъ Исторіи унія, т. IX, 229.
Баравшинскій, Петръ, сержантъ эзельскаго полка, т. VII, 244.
Барагè-д'Илье, гр. Ашиль, французскій генералъ, т. IX, 194.
Барановскій, Гонoратъ Ксаверьев., ассесоръ волынскаго губернскаго правленія. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 46.
Барберини, другъ Гарибальди, т. IX, 385, 386, 388—390, 393, 394.
Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богдан., русскій генералъ-фельдмаршалъ и военный министръ, т. VIII, 258, 259.
Барловъ, режиссеръ петербургскаго театра, т. VII, 439.
Барръ, французскій революціонеръ, т. VII, 192.
Барсуковы:
— А. П. Библіографическая замѣтка о соч. его: Родъ Шереметевыхъ. Т. X, 213—218.
— Н. П. Библіографическая замѣтка о его Исторіи русской агіографіи. Т. VII, 470, 471.
Бартеневъ, Петръ Ив., редакторъ журнала „Русскій Архивъ", т. VII, 718, 719.
Бартеньева, госпожа, т. IX, 597.
Баръ, французскій генералъ, т. IX, 194.
Барыбинъ, Никифоръ, подъячій, т. IX, 443, 444.
Барятинскіе, князья:
— Ив. Сергѣев., состоявшій при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, т. IX, 584.
— Яковъ. Просьба его о пожалованіи описныхъ вотчинъ. Т. IX, 443, 444.
Бассо, сподвижникъ и другъ Гарибальди, т. IX, 381, 385, 390, 393, 394.
Батенковъ, Гавр. Степан., подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, декабристъ, т. VII, 348.
Батуринъ, подпоручикъ бутырскаго полка, т. VII, 506, 507.

Батюшковъ, Констант. Никол., поэтъ, т. VII, 611, 615.
Бауеръ:
— Каролина, актриса, морганатическая супруга бельгійскаго короля Леопольда I (графиня Монгомери), впослѣд. графиня Броэль-Платеръ. Записки ея. Т. VII, 194—224, 426—457.
— Людвигъ, т. VII, 427, 454.
Баумгартенъ, Германъ. Библіографическая замѣтка о соч. его: Передъ Вареоломеевскою ночью. Т. X, 205—211.
Бауровъ, владѣлецъ угольныхъ копей на о. Сахалинѣ, т. X, 177.
Бахиревъ, Як. Исаев., кабинетъ-секретарь, т. VIII, 145.
Бахметевъ, тамбовскій губернаторъ. Замѣтка о немъ. Т. IX, 664.
Баюшевъ, кн. В. И. Замѣтка по поводу историческихъ и юридическихъ матеріаловъ изъ его архива. Т. IX, 438—440.
Б—въ, И. Библіографическая замѣтка его о книгѣ: Родная Старина—В. Д. Сиповскаго. Т. VII, 726—731. Сообщ. некрологъ Н. К. Чупина. Т. VIII, 617—629.
Бевиль, французскій полковникъ, т. IX, 190.
Бегеленъ, Николай, швейцарецъ, воспитатель короля Фридриха-Вильгельма II, т. VII, 461.
Бедо, французскій полковникъ, т. IX, 192.
Безакъ, Софья Никол., рожденная Гречъ, т. X, 161.
Бекбулатовъ, полковникъ, т. VIII, 26.
Бекингамъ, гр., англійскій посолъ въ Петербургѣ, т. VII, 520.
Беллярминовъ, Ив. Ив., коллеж. совѣтн., учитель павловскаго и историко-филологическаго институтовъ, членъ ученаго комитета, т. VIII, 418, 419.
Бендль, Вацлавъ, чешскій священникъ, переводчикъ Пушкина, т. IX, 17.
Беневоленскій, Андрей Игнат., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 12, 21, 22.
Бенингенъ, баронъ, баденскій аристократъ, т. VII, 216, 217.
Бенкендорфъ, гр. Александръ Христофоров., генералъ-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ. Инструкція, данная жандармскому полковнику Бибикову. Т. VII, 489, 490. Упомин. т. X, 157.
Бенни, Артуръ, русскій доброволецъ въ отрядѣ Гарибальди, т. IX, 386.
Беннигсенъ, гр. Леонтій Леонтіев., генералъ отъ кавалеріи, главнокомандующій русскою арміею, т. VII, 134, 135, 146, 488.
Бенратъ, бонскій профессоръ, т. IX, 429.
Бентковскій, авторъ Матеріаловъ для исторіи колонизаціи сѣвернаго Кавказа, т. VII, 477, 478.
Бенъ-Сіонъ, Эмануэль. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Новий Израиль и Духовно-библейское братство. Т. X, 705—708.
Беньовскій, ссыльный полякъ, т. IX, 588.
Берви, Аѳанасій Прокоф., т. X, 312, 313.
Бергами, камергеръ, оберъ-гофмейстеръ и гросмейстеръ ордена св. Каролины въ Палестинѣ, т. VII, 214, 215.
Бергъ, графъ Ѳедоръ Ѳедор., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. VII, 662; т. IX, 211; т. X, 148, 149, 151, 155.
Березовскій, государственный преступникъ, покушавшійся на жизнь Александра II, т. IX, 204, 205.
Бержере, генералъ парижской комуны, т. X, 195 459.
Бергеймъ, баронъ, статскій совѣтникъ, т. VIII, 12.
Бергольцъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, оберъ-камергеръ, т. IX, 424.
Бернаръ, Симонъ, французскій эмигрантъ, участникъ въ покушеніи на жизнь Наполеона III, т. IX, 203.
Бернсторфъ, гр. Іоганъ-Гартвигъ-Эрнстъ, первый министръ датскій, т. VIII, 438, 439.
Берсеневъ, русскій граверъ, т. VII, 255.
Берте, дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ канцеляріи главнаго цензурнаго управленія, т. VII, 630.
Бертоліо, французскій полицейскій комиссаръ, т. IX, 190.
Берхгольцъ, гомитинскій камеръ-юнкеръ, т. VIII, 150; т. IX, 165—167.
фонъ-Беръ, вѣнскій портной, законодатель моды, т. VII, 445, 446.
Берюковъ, цензоръ, т. VIII, 245.
Бестужевы:
— Александръ Александр., (Марлинскій), штабсъ-капитанъ, писатель, декабристъ, т. VIII, 265.
— Александръ Борисов., т. VII, 516.
Бестужевы-Рюмины:
— Гр. Алексѣй Петр., государственный канцлеръ, т. IX, 420, 422—428, 663.
— Гр. Мих. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-гофмаршалъ, т. IX, 662, 663.
— Констант. Никол., дѣйствительный стат. совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Замѣтка по поводу Русскихъ народныхъ картинокъ Д. А. Ровинскаго. Т. VII, 496. Библіографиче-

ская замѣтка о его сочиненіи: Біографіи и Характеристики. Т. VIII, 448, 449. Библіографическая замѣтка его: Сочиненія С. М. Соловьева. Т. VIII, 670—672.

Бетигеръ, историкъ и критикъ искусства, т. VII, 446.

Ботленъ-Габоръ, князь трансильванскій и король венгерскій, т. X, 211.

Бетлингъ, Александръ Никол., т. VII, 637.

Бехтѣевы:

— Дмитр. Өедор., церемоніймейстеръ, впослѣд. воспитатель великаго князя Павла Петровича, т. VIII, 472.

— Екатерина, т. IX, 218, 219.

— Өедоръ, церемоніймейстеръ, т. IX, 219.

Бецкій, Ив. Ив, дѣйствительный тайный совѣтникъ, президентъ академіи художествъ, т. IX, 168, 169, 171—176, 178, 182.

Бецъ, Владим. Алексѣев., профессоръ кіевскаго университета, т. VIII, 288.

Бечка, правитель канцеляріи подольскаго губернатора, т. IX, 278.

Биберъ, владѣлецъ французскаго книжнаго магазина въ Москвѣ, т. IX, 459.

Бибиковы:

— Александръ Ильичъ, генералъ-аншевъ, т. VII, 530; т. IX, 594.

— Дмитр. Гаврил., генералъ-адъютантъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, впослѣд. министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VII, 83, 535, 543, 546—548, 551—560; т. VIII, 80, 88 — 89, 91, 93, 97, 100, 109, 247, 272, 273, 277, 282, 515; т. IX, 278—280, 283, 288, 442, 443, 471, 472.

— Жандармскій полковникъ. Инструкція, данная гр. Бенкендорфомъ. Т. VII, 489, 490.

— И. Г., т. X, 320.

— Петръ Алексѣев., писатель и переводчикъ, т. X, 579, 587.

Билинскій, подольскій депутатъ, т. IX, 269.

Билье, французскій полковникъ, т. X, 201.

Бильо, французскій генералъ, т. IX, 624; т. X, 200.

Бильоре, комунаръ, т. X, 463, 679, 687.

Биньо, французскій министръ, т. IX, 204.

фонъ-Биронъ:

— Бенигна, т. VIII, 145.

— Густавъ, гвардіи подполковникъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, т. VII, 285.

— Іоганъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, правитель Россіи, т. VII, 276, 280—286, 505; т. VIII, 145; т. IX, 420.

Бисмаркъ-Шенгаузенъ, кн. Отто, прусскій государственный человѣкъ. Первые дебюты его. Т. IX, 403—410. Упомин. т. VIII, 663; т. IX, 615, 616; т. X, 204, 449, 450, 454, 457, 466—468.

Бистромъ. См. гр. Ганъ-Ганъ.

Битнеръ, житомірскій докторъ, т. IX, 51.

Битяговскій, Данила, убійца царевича Димитрія Ивановича Святаго, т. VIII, 703.

Бишофсвердеръ, Іог. Руд., генералъ и министръ прусскій, мистикъ, т. VII, 462.

Благодушевъ, купецъ, уральскій заводчикъ, т. X, 524.

Благоправовъ, епископъ. См. Веніаминъ.

Благосвѣтловъ, Г. Е., писатель, т. X, 582.

Бланки, комунаръ, т. X, 454.

Бланше, членъ парижской комуны, т. X, 455.

Блекъ, Морисъ, политическій писатель, т. IX, 613.

Блудовы, графы:

— Антонина Никол., т. VII, 351.

— Дмит. Никол., дѣйствит. тайный совѣтникъ, предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, писатель, т. VII, 615, 616; т. VIII, 262, 395; т. IX, 676.

Блюмнеръ. Ст. его: Сиракузы. Т. X, 652—661.

Блюхеръ, Гебгартъ - Лебрехтъ, князь Вальштадскій, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 707—709, 711.

Боборыкинъ, П. Д., писатель, т. X, 582.

Бобринскій, фаворитъ Екатерины II, т. IX, 587.

Бобровниковъ, А. А., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 13, 14.

Бобровницкій, И. М., преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 337.

Бобровъ, Н., сотрудникъ газеты „Сѣверная Пчела“, т. VII, 346.

Богдановичъ, Модестъ Ив., генералъ-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта, русскій военный историкъ. Некрологъ его. Т. X, 226, 227.

Богдановы:

— Анатолій Петр., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ московскаго университета, т. IX, 658, 660, 661.

— Модэстъ Никол., надв. сов., доцентъ петербургскаго университета, т. IX, 658.

Боголюбовъ, капитанъ туркестанскихъ войскъ, т. X, 111, 125, 126, 130.

Богословскій, Н. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Аракчеевщина. Т. VIII, 690, 691.

Богушевичъ, членъ вольно-экономическаго общества, т. VII, 397, 398, 404.

Бодянскіе:
— Осипъ Максим., профессоръ московскаго университета, т. IX, 229, 364; т. X, 97.
— П. Н. Библіографическая замѣтка о соч. его: Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. Т. X, 702—704.
Бокъ, Вильгельмина. См. Шредеръ.
Боклевскій, П. М., писатель, т. X, 579.
Бокъ, Эмиль, берлинскій книгопродавецъ, т. VII, 355.
Болотовъ, Андрей Тимофеев., агрономъ, членъ вольно-экономическаго общества и редакторъ журнала „Экономическій Магазинъ", т. IX, 450.
Болтинъ, Ив. Никит., генералъ-маіоръ, историкъ, членъ россійской академіи, т. VIII, 448.
Болховитиновъ, Евфимій. См. Евгеній.
Большаковъ, собиратель древностей. Замѣтка о рѣдкихъ его пріобрѣтеніяхъ. Т. X, 728.
Бонапарты. См. Луціанъ, Наполеонъ, Наполеонъ-Францъ-Іосифъ-Карлъ, Матильда-Летиція-Вильгельмина, Наполеонъ-Жозефъ-Шарль, Сенъ-Ле, Жеромъ-Наполеонъ, Пьеръ-Наполеонъ.
Бонгардъ, гувернеръ гр. Старжинскаго, т. VII, 389.
Бонжанъ, президентъ парижскаго суда, т. X, 679.
Бонифацій VIII (Бенедиктъ Гаэтанъ), папа римскій, т. VIII, 471.
Бордье, французскій писатель, т. X, 206.
Борисовъ, Иванъ. См. Иннокентій.
Борисъ Годуновъ, царь московскій, т. VIII, 703; т. X, 214.
Боровиковскій, Левъ И., малороссійскій писатель, т. IX, 242.
Боркъ, графъ, воспитатель короля Фридриха Вильгельма II, т. VII, 461.
Борсукъ, Конст. Вас., т. X, 608.
Борхъ, баронъ, статскій совѣтникъ, управляющій гатчинскими волостями, т. IX, 593.
Боссакъ-Гауке, полякъ, т. VII, 455.
Боткинъ, Сергѣй Петр., тайный совѣтникъ, докторъ медицины, лейбъ-медикъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. IX, 597.
Бохоновъ, Ѳедоръ, слуга М. Г. Лебедева. Замѣтка о раздачѣ имъ смоленскимъ чиновникамъ пасхальныхъ подарковъ. Т. VIII, 695—697.
Брандтъ, Ф., генералъ, т. IX, 208.
фонъ-**Брандтъ**, Эневольдъ, датскій графъ, камергеръ, т. VIII, 438, 441, 443, 444.
Браунеръ, Ф., чешскій патріотъ, руссофилъ, т. IX, 10, 365.
Брафманъ, Я. А., авторъ Книги Кагала, т. X, 705.
Брашъ, лифляндскій помѣщикъ, т. X, 728.
Бреде, актеръ, т. VII, 432.
Бретейль, французскій посолъ въ Петербургѣ, т. VII, 520.
Бржезинскій, каменецъ-подольскій врачъ, т. IX, 269.
Бржескій, отставной поручикъ калужскаго полка, польскій повстанецъ, т. IX, 347, 348, 350.
Бринкеръ, Алекс. Густавов., дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ дерптскаго университета, т. VII, 256.
Бриммеръ, подполковникъ, ротный командиръ императорскаго военно-сиротскаго дома, впослѣд. учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 121, 344, 354, 359.
Брока, французскій профессоръ, т. X, 478.
Брокгаузъ, книгопродавческая фирма въ Лейпцигѣ, т. IX, 419.
Броускъ, Криштофъ, чешскій профессоръ, руссофилъ, т. IX, 367.
Броучекъ, Иванъ Ив., учитель гимназіи въ Младой-Болеславн, въ Чехіи, т. IX, 7.
Брозль-Платеръ, графиня. См. Бауеръ-Каролина.
Брукъ, Карлъ-Людвигъ, баронъ, австрійскій министръ торговли, промышленности и публичныхъ работъ, впослѣд. интернунцій въ Константинополѣ, т. VIII, 664.
Брунеръ, Андрей Осипов., генералъ отъ инфантеріи, начальникъ казанскаго военнаго округа, т. VIII, 683; т. IX, 448.
Бруссе, Пашаль, делегатъ центральнаго комитета парижской комуны, т. X, 188.
Брюль, графъ, т. IX, 425, 427, 428.
Брюмеръ, комендантъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 111.
Брюммеръ, голштинскій оберъ-гофмаршалъ, т. IX, 423, 424.
Брюнель, комунаръ, нынѣ преподаватель военныхъ наукъ въ Лондонѣ, т. X, 679, 692.
Брюнье, Людвигъ, т. VII, 456.
Брюсларъ, графиня. См. Жанлисъ.
Брюсъ, гр. Екатер. Алексѣев., рожденная княж. Долгорукая, т. VII, 269, 272.
Буасье, ученый, т. X, 702—704.
Буатель, префектъ парижской полиціи, т. IX, 204.
Бубненко-Шандиій, запорожецъ, т. IX, 527.
Будбергъ, баронъ Андрей Ѳедоров., полномочный министръ въ Берлинѣ, Вѣнѣ

и потомъ въ Парижѣ. Замѣтка о немъ, т. VIII, 330—333. Упомин. т. VII, 679, 680.

Будовецъ, баронъ, Вацлавъ, предсѣдатель пражскаго апелляціоннаго суда, путешественникъ на Востокъ, т. IX, 11, 15.

Буксгевденъ, сектанка. См. Татаринова.

Букъ, лужичанинъ, священникъ, директоръ дрезденской королевской гимназіи, т. IX, 13.

Булановскій, кременецкій исправникъ, т. X, 238.

Булгановы:

— Мих. Петров. См. Макарій.

— Петръ Алексѣев., тамбовскій губернаторъ, т. VIII, 473, 474.

— Ѳ. И. Предисловіе и объясненія его къ дневнику В. И. Аскоченскаго, т. VII, 79—106, 318—344, 534—565; т. VIII, 80—109, 270—288, 502—521; т. IX, 30—52, 259—294, 471—482. Ст. его: Русскій государственный человѣкъ минувшихъ трехъ царствованій (гр. П. Д. Киселевъ), т. VII, 128—155, 661—682. Фабрикація учебниковъ исторіи, т. VIII, 417—420. Памяти М. Д. Скобелева, т. IX, 395—402.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедикт., литераторъ и журналистъ. Письмо его къ министру внутр. дѣлъ Перовскому, т. X, 722—724. Упомин. т. VII, 123, 631, 641; т. VIII, 328; т. X, 157, 158, 160, 166—168, 415.

Булгарисъ, греческій министръ, т. X, 194.

Бунзенъ, Христіанъ-Карлъ-Іосія, прусскій государственный человѣкъ и писатель, т. VIII, 663.

Буоль-фонъ-Шауэнштейнъ, гр. Карлъ-Фердинандъ, австрійскій дипломатъ, т. IX, 404, 408, 409.

Бурбоны, французская династія, т. VII, 208.

Буржуа, комунальный сержантъ, т. X, 454.

Бурнашъ Ялычевъ, казакъ, принесшій извѣстіе о Китаѣ, т. VIII, 673.

Буровъ, Иванъ, прапорщикъ козловскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 282—284.

Бурцевъ, Иванъ Григор., адъютантъ свѣтл. кн. П. М. Волконскаго и сподвижникъ гр. Паскевича-Эриванскаго, впослѣд. генералъ, т. VII, 142—145.

Бутковскій, Я. Н. Ст. его: Островъ Сахалинъ. Т. X, 175—186. Изъ недалекаго прошлаго. Т. X, 640—651.

Бутковъ, Владим. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государств. совѣта, т. VII, 113.

Бутлеровъ, Александръ Мих., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ казанскаго университета, а потомъ академикъ, т. X, 309.

Бутный, политическій преступникъ, т. VII, 378, 384.

Бутурлины:

— Графъ, т. VIII, 8.

— Дмитр. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государств. совѣта, сенаторъ, предсѣдатель не гласнаго комитета для высшаго надзора за печатью, назыв. „апрѣльскій“, т. VIII, 340.

— Ив. И., т. VIII, 150.

— Марія Серг., рожд. княж. Гагарина, т. IX, 679.

Бухаревъ, архимандритъ. См. Ѳедоръ.

Буше-Монвель, Анна-Франсис.-Гипполита. См. Марсъ.

Быковъ, подпоручикъ лейбъ-гв. егерскаго полка, нынѣ генералъ-маіоръ, т. X. 646.

Бычковъ, Аѳан. Ѳедор., тайный совѣтникъ, академикъ, директоръ публичной библіотеки, т. X, 224.

Бѣлановскій, капитанъ, жандармскій офицеръ въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 568, 584; т. IX, 89, 99, 110, 120, 121, 351, 556, 557, 566 — 575, 577—579.

Бѣлинскій, Виссар. Григ., критикъ, т. VIII, 468; т. IX, 257; т. X, 92.

Бѣловъ, И. Д. Замѣтка его по поводу одной лубочной картинки. Т. VIII, 702, 703. Ст. его: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Т. IX, 580—595.

Бѣлозерскіе:

— Никол. Данил., т. X, 94, 96.

— В. М., писатель, т. X, 96.

Бѣльцевъ, В. А., полковникъ, т. X, 607.

Бѣляевы:

— Александр. Петр., офицеръ гвардейскаго экипажа, декабристъ. Библіографическая замѣтка объ изданныхъ его Воспоминаніяхъ о пережитомъ и перечувствованномъ,. Т. IX, 649—658.

— Захаръ Лавар., т. VIII, 197.

— Иванъ, купецъ, фабрикантъ красокъ, т. VIII, 147.

— И. Д., профессоръ, т. IX, 221.

— Петръ Петр., мичманъ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. IX, 655.

Бюже, Тома-Роберъ, маркизъ пиконнерійскій, герцогъ ислійскій, французскій маршалъ, т. IX, 192.

Бюлеръ, баронъ Ѳ. А., гофмейстеръ, директоръ главнаго архива министерства иностр. дѣлъ, т. VII, 127; т. VIII, 446, 447, 672.

Бюловъ, баронъ Фридрихъ-Вил., графъ Денневицкій, прусскій генералъ, т. VII, 709.

Бюлозъ, Франсуа, издатель-редакторъ журнала „Revue de deux Mondes“, т. X, 624.

Бюргеръ, ревельскій учитель, издатель русскаго журнала „Радуга“, т. VIII, 258.

Бютенъ, поручикъ парижской комунальной гвардіи, т. X, 458.

В.

Вавженчукъ, Исидоръ, сотскій (sołtys), д. Венгжинова, плоцк. у., т. IX, 572.

Вагнеръ, Рихардъ, композиторъ, т. VII, 451.

Валевскіе:

— Гр. Флоріанъ-Алексѣй-Жозефъ-Колонна, французскій министръ, сенаторъ и дипломатъ, т. VII, 673; т. VIII, 667.

— Графиня, т. VIII, 646.

Валентини, авторъ исторіи русско-турецкой войны 1828 г., т. IX, 207.

Валленштейнъ (Вальдштейнъ), гр. Альбрехтъ, герцогъ фридландскій, германскій генералиссимусъ, т. IX, 10, 15.

Валлесъ, Жюль, журналистъ, комунаръ, т. X, 463—465.

Валуевъ, гр. Петръ Александр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, впослѣд. государств. имуществъ и предсѣдатель комитета министровъ, т. VII, 120, 647; т. X, 322.

Вальянъ, докторъ, комунаръ, издатель газеты „Ni Dieu, ni Maitre“, т. X, 691.

Вансовичъ, воспитанникъ главнаго инженернаго училища, нынѣ инженеръ и генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 361, 362.

Варленъ, переплетчикъ, комунаръ, т. X, 683.

Василій Ивановичъ:

— Первый царь московскій (въ иночествѣ Варлаамъ), т. VII, 723; т. IX, 432, 433, 677.

— (Шуйскій), царь московскій, т. X, 215.

Васильевы:

— Александръ, протоіерей, священникъ пензенскаго ополченія 1812 г., т. IX, 360.

— Арестантъ шлюссельбургской крѣпости, т. X, 498.

— В. А. Воспоминанія его объ В. И. Аскоченскомъ, т. VII, 491—493.

— І. В., протоіерей, т. X, 388.

— Степанъ, придворный музыкантъ, т. VIII, 148.

— Ѳедоръ, дворовый человѣкъ. Замѣтка о немъ: Проворовавшійся пророкъ, т. VIII, 493—495.

Васильчиковы, князья:

— Александръ Илларіонов., дѣйствительный статскій совѣтникъ, предсѣдатель славянскаго комитета, земскій дѣятель. Статья о немъ: Одинъ изъ немногихъ, т. VIII, 391—402.

— Викторъ Илларіонов., защитникъ Севастополя, т. VIII, 396.

— Илларіонъ Вас., предсѣдатель государств. совѣта, т. VIII, 393.

— Илларіонъ Илларіонов., волынскій губернаторъ. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго, т. IX, 40.

Вассіанъ:

— (Косой), инокъ московскаго симонова монастыря. См. Патрикѣевъ Васил. Иванов.

— (Рыло), игуменъ троицко-сергіевскаго монастыря, впослѣд. архіепископъ ростовскій, т. IX, 432.

Ватинъ, Яковъ, вогуличъ, т. VIII, 626, 627.

Везинье, журналистъ, комунаръ, т. X, 679, 692.

Вейгель, граверъ, т. VII, 724.

Вейнбергъ, П. И., писатель, издатель газеты „Вѣкъ“, т. X, 579.

Вейссе:

— Французъ, авантюристъ, т. X, 667—669.

— Жена предъидущаго, т. X, 668.

Велепольскій, маркизъ, графъ Гонзаго-Мышковскій, начальникъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, т. VII, 379; т. VIII, 684—688; т. IX, 412.

Веллингтонъ, Артуръ Веллеслей, князь Ватерлооскій, герцогъ, т. VII, 709—711.

Вельмеръ, Арнольдъ, издатель записокъ Каролины Бауеръ, т. VII, 223, 453—457.

Вельнеръ, Іоганъ-Христіанъ, прусскій министръ, т. VII, 462—468; т. X, 482, 483.

Вельяминовъ, генералъ, команд. войсками кавказскаго воен. округа, т. VII, 477.

Вендтъ, Клаусъ, датчанинъ, т. X, 220.

Веніаминъ:

— (Благонравовъ), архимандритъ, впослѣд. епископъ камчатскій, т. X, 20, 25, 28.

— (Пуцекъ-Григоровичъ), архимандритъ спасо-казанскаго монастыря, впослѣдствіи архіепископъ казанскій и митрополитъ, т. VIII, 473.

Вердеръ, прусскій генералъ, т. IX, 15.

Вердюръ, учитель, политико-экономистъ, адъютантъ парижской національной гвардіи, т. X, 685.

Веревкинъ, русскій офицеръ, т. VII, 448.

Верещагины:

— Вас. Вас. Статья о немъ, т. X, 431—442.

— Петръ В., художникъ, т. X, 274.

— Полковникъ, инспекторъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 344, 345.

Вержбицкій, польскій повстанецъ, т. IX, 350.

Верзилинъ, генералъ, наказной атаманъ линейнаго казачьяго войска, т. VII, 477.

Вермешъ, журналистъ, т. X, 692.

Верморель, французскій писатель, редакторъ „Courrier Français", министръ парижской комуны, т. X, 191, 454, 686,

Вершининъ, Илья, гренадеръ, т. VII, 277, 278.

Веселаго, Ѳеодос. Ѳедоров., тайный совѣтникъ, членъ совѣта глав. управленія по дѣламъ печати, т. VIII, 334.

Веселовскій, Констант. Степ., тайный совѣтникъ, академикъ, непремѣнный секретарь петербургской академіи наукъ, т. X, 225.

Веселовскій, Ф. А. Библіографическая замѣтка о брошюрѣ его: Примиреніе русскихъ съ поляками, т. VII, 226—228.

Вестманъ, Владим. Ильичъ, директоръ канцеляріи, впослѣд. товарищъ министра иностран. дѣлъ. Письмо его къ Н. И. Гречу, т. VII, 127. Упомин. т. VII, 126, 345, 628; т. VIII, 326.

Вестфаленъ, датскій посланникъ въ Петербургѣ, т. VII, 272.

Вечерновъ, алтайскій миссіонеръ. См. Макарій.

Вешняковъ, Семенъ, крестьянинъ с. Лахты, открывшій камень для памятника Петру I, т. IX, 179.

Вигель, Ф. Ф., авторъ Воспоминаній, т. X, 470.

Вигура, Иванъ Мартьяновичъ, профессоръ кіевскаго университета, т. IX, 441.

Викторія I (Александрина), королева Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи, VII, 218.

Викторовъ, А. Е., т. IX, 221, 676, 677.

Викторъ-Эммануилъ, итальянскій король, т. IX, 389.

фонъ-**Виллизенъ**, Вильгельмъ, прусскій генералъ, управ. герцогствомъ Познанскимъ, впослѣд. штатгальтеръ Шлезвигъ-Гольштейна, т. IX, 412.

Вильгельмъ:

— I (Фридрихъ), король нидерландскій, вел. герцогъ люксембургскій, герцогъ лимбургскій и принцъ оран-насаускій, т. VII, 212.

— II (Фридрихъ - Георгъ - Людвигъ, принцъ Оранскій), король нидерландскій, вел. герцогъ люксембургскій и герцогъ лимбургскій, т. VII, 211—213.

Вилькинсонъ, Джемсъ, квакерскій проповѣдникъ, т. VIII, 17.

Вильметъ, англичанинъ, т. VII, 451.

Вильяшевъ, полковникъ, участвовавшій въ пріемѣ отъ уніатовъ почаевской лавры, т. X, 233.

Виндеревъ, Александръ Семен., учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.

Винклеръ, Карлъ-Готфридъ-Теодоръ, нѣмецкій поэтъ и беллетристъ, т. VII, 446.

Вино, полковникъ парижской комуны, т. X, 692.

Виноградовъ, полковой священникъ, т. VII, 364, 373, 381—384, 391.

Винуа, французскій генералъ, губернаторъ Парижа, т. IX, 620—623; т. X, 189, 195, 196, 204, 205, 664, 667, 682.

Виригъ, ротный командиръ парижской національной гвардіи, т. X, 680.

Виталій (Гречулевичъ), епископъ, т. X, 404.

Витбергъ, художникъ, т. X, 500.

Витгенштейнъ-Зейнъ фонъ-**Берлебургъ**, Петръ Христіановичъ, свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 135—137, 140, 149, 661.

Виттихъ, Карлъ, докторъ, авторъ сочиненія: Струэзе, т. VIII, 432—445.

Вичура, ландратъ, т. VII, 453.

Вишневскій, Ѳ. Г., лейтенантъ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. IX, 656.

Вишняковы:

— Владим. Алексѣев., офицеръ военно-сиротскаго корпуса, впослѣд. генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 121, 356.

— Ив., живописецъ, т. VIII, 479.

Віельгорскій, графъ, т. IX, 594.

де-**Віель-Кастель**, графъ, французскій писатель, т. VII, 676.

Владиславъ, IV (VII), король польскій, т. X, 216, 217.

Власовъ, производившій изслѣдованія на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

В—новъ, В. И. Библіографическія замѣтки его: Археологическій путеводитель по Тифлису—Ю. Проценко, т. VII, 238—240; Памятная книжка Кубанской области на 1881 г.—Фелицына, т. VII, 477, 478.

Водовозовъ, В. Библіографическая за-

мѣтка о его Очеркахъ изъ русской исторіи XVIII вѣка, т. VIII, 683, 684.
Воейковы:
— Александръ Ѳедор. авторъ Дома Сумасшедшихъ, т. VII, 608, 615.
— Первая супруга Л. С. Пушкина, т. VII, 606.
Вознесенскій, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, авторъ учебника по исторіи, т. VIII, 354.
Войно, Антоній, повстанецъ, т. VIII, 565, 577.
Войновичъ, графъ, герой кульмской битвы, т. IX, 365.
Волковы:
— Евдокія Лукьян., купеческая дочь, т. VIII, 192.
— Ив. Петр., товарищъ предсѣдателя волынской гражданской палаты. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго, т. IX, 44.
— Никонъ Прокоф., т. VIII, 197.
— Секретарь гр. А. П. Бестужева-Рюмина, т. IX, 427, 428.
— Якимъ, карлъ Петра Великаго, т. IX, 223, 224.
Волконскіе:
— Княгиня, прозелитка, т. VIII, 15.
— Кн. Дмитрій Александр., прапорщикъ лейбъ-гв. преображенскаго полка, IX, 454.
— Петръ Мих., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, министръ двора, т. VII, 131, 137, 148, 427, 428, 431; т. VIII, 18; т. X, 172.
Волоцкій, архіепископъ. См. Іосифъ.
Вольскіе:
— Казиміръ, гарибальдіецъ, потомъ польскій повстанецъ, т. VIII, 578, 581.
— Мечиславъ, польскій повстанецъ, т. IX, 106, 107, 112—114, 117, 119.
Вольтеръ, Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ, т. IX, 583.
Вольфъ:
— Баронъ, англійскій резидентъ, т. IX, 428.
— Берлинское телеграфное агентство, т. VII, 626, 627, 633, 640, 642—646.
— Мавр. Осип., петербургскій книгопродавецъ и издатель, т. X, 421.
— Фридрихъ-Августъ, нѣмецкій филологъ и критикъ, т. X, 695.
Вонифатьевъ, московскій священникъ, царскій духовникъ, т. VIII, 365, 368, 370, 379.
Воронинъ, Василій, кабинетъ-курьеръ, т. VII, 243—245.
Воронковъ, солдатъ володимірскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 278.
Воронцовы:
– Гр. Екат. Роман. См. Дашкова.
— Гр. Екатер. Семен., фрейлина, т. VIII, 130.
— Гр. Мих. Илларіон., государственный канцлеръ, т. VIII, 143, 145, 480; т. IX, 423, 424, 663.
— Мих. Семен., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ. генералъ отъ инфентеріи, генералъ-адъютантъ, кавказскій намѣстникъ, т. VIII, 254.
— Гр. Семенъ Роман., посолъ при великобританскомъ дворѣ. Библіографическая замѣтка объ изданныхъ его бумагахъ, т. VII, 719—721. Упомин. т. VIII, 129—137.
— Селуянъ, т. IX, 439.
Вортманъ, граверъ, т. VIII, 144, 145.
Востоковъ, Александъ Христофор., основатель русской грамматики, т. VII, 615.
Вранкенъ, полковникъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 354, 359, 360.
Врублевскій, генералъ парижской комуны, т. X, 668.
Вуичъ, польскій графъ, турецкій посолъ въ Черногоріи, т. IX, 415, 416.
Вульфертъ, надворный совѣтникъ, редакторъ петербургской нѣмецкой газеты, т. VII, 436.
Вусатый, предводитель разбойничьей шайки въ Херсонск. и Екатеринославск. губ., т. IX, 535.
Вутъ, голландскій негоціантъ, т. VIII, 132.
Вырубовъ, бригадиръ, крѣпостной комендантъ, т. VII, 283.
Высоцкій, польскій повстанецъ, т. IX, 95.
Вышатицкій, греко-уніатскій монахъ почаевской лавры, т. X, 232.
Вышеславцева, Капиталина Мих. См. Пушкина.
Вѣра Константиновна, великая княжна, греческая королева, т. VII, 350.
Вюльомъ, редакторъ газеты „Père Duchesne", инженеръ, комунаръ, нынѣ динамитный фабрикантъ, т. X, 691.
Вяземскіе, князья:
— Андрей Ив., тайный совѣтникъ, сенаторъ, т. X, 251, 252.
— Пав. Петр., попечитель казанскаго учебнаго округа, впослѣд. гофмейстеръ, предсѣдатель комитета цензуры иностранной, т. X, 295, 309, 319, 320, 326.
— Петръ Андреев., поэтъ и критикъ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіяхъ, т. VIII, 450—454. Упомин. т. VII, 352, 610, 611, 615, 621; т. VIII, 332; т. X, 145, 226, 324—326.
Вячеславъ Константиновичъ, великій князь, т. VIII, 558.

Г.

фонъ-Габеръ, Морицъ, т. VII, 448.

Габсбурги, династія. Дворецъ въ Вѣнѣ. Т. VIII, 238, 239. Упомин. т. IX, 13, 14; т. X, 212.

Гавріилъ (Городковъ), рязанскій архіепископъ, т. IX, 513, 516.

Гагарины, князья:

— Варвара Серг. См. кн. Долгорукая.

— Г. Г., вице-президентъ академіи художествъ, т. IX, 448.

— Директоръ петербургскихъ театровъ, т. VII, 428, 438.

— Ив. Серг., монахъ іезуитскаго ордена. Некрологъ его. Т. IX, 679.

— Марія Серг. См. Бутурлина.

— Матвѣй Петр., первый сибирскій генералъ-губернаторъ, т. X, 727.

— Мих. Серг., т. IX, 679.

— Наталья Серг., т. IX, 679.

— Прозелитка, т. VIII, 15.

— Сергѣй, пензенскій вице-губернаторъ, т. IX, 679.

Фонъ-Гагенъ, Шарлота (въ супружествѣ Овенъ), берлинская актриса, т. VII, 434, 435.

Гагманъ, Эдуардъ Ѳедор., генералъ-лейтенантъ, комендантъ ново-георгіевской крѣпости, VIII, 573; т. IX, 569—571.

Газенауеръ, вѣнскій архитекторъ, т. VIII, 238.

Газѣевъ, смотритель казармъ въ ново-георгіевской крѣпости, т. IX, 102, 327, 352.

Гайворонскій, волынскій вице-губернаторъ, т. IX, 31, 32.

Гайдаевъ, жандармъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 339—343, 351, 354.

Галеви, Людовикъ, французскій литераторъ, т. IX, 622; т. X, 446.

Галифе, французскій генералъ, т. X, 192, 198, 200, 676.

Галичскій, почаевскій греко-уніатскій іеромонахъ, т. X, 234.

Галопенъ, парижскій докторъ, т. X, 412, 413.

Гамалея, Сем. Ив., т. X, 499, 500.

Гамбетта, Леонъ, французскій государственный человѣкъ, т. X, 450, 453.

Гамбургеръ, Андр. Ѳедор., помощникъ цензора, впослѣд. тайный совѣтникъ и русскій посланникъ при швейцарскомъ союзѣ, т. VII, 126.

Гамильтонъ, Джорджъ. См. Сеймуръ.

Ганзенъ. Библіографическій отзывъ о его сочиненіи: Два года военныхъ дѣйствій,—воспоминанія о походѣ русскихъ противъ турокъ 1828 г. и о польскомъ походѣ 1831 г. Т. IX, 207—211.

Ганка, Вячесл. Вячесл., библіотекарь народнаго музея въ Прагѣ, т. IX, 9, 357, 366.

Ганнекенъ, германскій инженеръ, т. IX, 157.

Гапри, полковникъ, начальникъ штаба парижской комуны, т. X, 193.

Ганушъ, Игнатій-Іоаннъ, чешскій ученый, т. IX, 21.

Ганъ-Ганъ, гр. Ида-Марія-Луиза-Августа (въ супружествѣ Бистромъ), писательница, т. VII, 450.

Гарботель, лондонскій маклеръ, т. VII, 628.

Гарденбергъ, кн. Карлъ-Августъ, прусскій государственный канцлеръ. Замѣтка о реформахъ. Т. IX. 641—644.

Гарибальди:

— Джузеппо, освободитель Италіи. Жизнь его на о. Капрерѣ. Т. IX, 380—494. Упомин. т. IX, 620; т. X, 197, 666.

— Ричіотти, сынъ предъидущаго, т. IX, 380, 383, 384, 387, 390.

— Терезита, дочь предъидущаго. См. Канціо.

Гарри-Бреслау, берлинскій профессоръ, т. IX, 429.

Гаррисъ, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, т. IX, 589—591.

Гартманъ, политическій преступникъ, т. IX, 618.

Гартунгъ, Н. П., адъютантъ лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642.

Гаршинъ, Евг. М. Ст. его: Академическій нѣмецъ прошлаго столѣтія. Т. VIII, 127—137.

Гатцукъ, Н., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229, 231, 258.

Гауфъ, Густавъ, учредитель русскаго телеграфнаго агентства, т. VII, 648.

Гаэтанъ, Бенедиктъ, папа римскій. См. Бонифацій VIII.

Гвегенъ, еврей, лавочникъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 581; т. IX, 324, 325, 557.

Гвоздевъ, Ив. Петр., профессоръ кіевской духовной академіи, т. X, 13, 14, 22.

Геберъ, помощникъ прокурора парижской комуны, т. IX, 633.

Гедвига-Элеонора, шведская королева, т. VII, 657.

Гедеоновъ, Александ. Мих., дѣйствит. тайный совѣтникъ, директоръ императорскихъ театровъ, т. VII, 362, 438, 439; т. X, 171, 172, 480.

Гедиминъ, великій князь литовскій, т. VII, 163—166.

Гейденъ, гр. одоевскій помѣщикъ, т. VII, 356.

Гейнефеттеръ:
— Катерина, пѣвица, т. VII, 446, 447.
— Сабина, пѣвица, т. VII, 446, 447.
Гейсеръ (Haüsser), профессоръ гейдельбергскаго университета, историкъ. Библіографическая замѣтка о его исторіи реформаціи. Т. VIII, 470, 471.
Гекторъ, комендантъ французской брестской гавани, т. IX, 469, 470.
Гельмерсенъ, управляющій нѣмецкою сценою въ Петербургѣ, т. VII, 428, 429.
Геннадій:
— Архимандритъ соловецкаго монастыря, т. VIII, 473.
— Св., архіепископъ новгородскій и псковскій, т. VII, 472; т. IX, 431, 434.
Генрихъ:
— III, король французскій, т. X, 206.
— V, король французскій (Генри-Шарль-Фердинандъ-Мари-Дьедоне д'Артуа, гр. Шамборъ, герцогъ Бордосскій), т. VII, 203; т. IX, 193.
— Принцъ баварскій, т. VII, 163, 164.
Георги, Іоганъ-Готлибъ, путешественникъ, профессоръ петербургской академіи, т. IX, 168.
Георгій-Хадми, схимонахъ, настоятель скита на Аѳонѣ, т. VII, 696—699.
Георгъ:
— III (Вильгельмъ), курфирстъ, король Великобританіи и Ганновера, т. VII, 209, 215.
— IV (Фридрихъ-Августъ, принцъ Уэльскій), король Великобританіи и Ганновера, т. VII, 207—215, 218—220.
Герасимовъ, Михаилъ. См. Михей.
Герберштейнъ, баронъ Сигизмундъ, германскій посолъ въ Россіи, т. VII, 723, 724.
Гергардъ, генералъ-маіоръ, директоръ телеграфовъ, т. VII, 638.
Гердеръ, Іоганъ-Готфридъ, проповѣдникъ и суперъ-интендентъ въ Бюккебургѣ, знаменитый нѣмецкій писатель, т. IX, 226.
де-Геріо, начальникъ артиллеріи въ Ліонѣ, т. VII, 185, 186.
Герлахъ, прусскій генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, т. IX, 403.
Германъ:
— Профессоръ петербургскаго университета, впослѣд. инспекторъ классовъ въ смольномъ институтѣ, т. VIII, 250, 252.
— Эрнстъ, марбургскій профессоръ, т. IX, 420—429.
Гермесъ, совѣтникъ бреславльской консисторіи, т. VII, 468.
Гермогенъ, игуменъ кирилова-бѣлозерскаго монастыря, т. X, 728.
Герресъ, Якобъ-Іозефъ, нѣмецкій литераторъ и публицистъ, т. VII, 713.
Герсфельдъ, Э. И., генералъ-лейтенантъ, т. VII, 112.
Герценъ, Александръ Ив., эмигрантъ, писатель, т. VIII, 332, 469, 470, 585; т. IX, 443; т. X, 327, 590.
Горье, В. И. Ст. его: Картина изъ исторіи французскаго террора. Т. VII, 169—194.
Гессъ, нотарій г. Младой-Болеславы, въ Чехіи, русофилъ, т. IX, 8—10.
фонъ-Гетце, Петръ, тайный совѣтникъ русской службы, т. VIII, 6—15, 19—39, 241, 243, 245, 246, 248, 251, 255—261, 263.
Гефкенъ, Генрихъ, авторъ сочиненія: Къ исторіи восточной войны 1853—1856, т. VIII, 660—669.
Гечевичъ, генералъ-лейтенантъ, т. VII, 272, 374, 376, 377.
Гика, князь, господарь Валахіи, т. VII, 664.
Гильотенъ, Жозефъ Игнасъ, докторъ медицины и депутатъ національго собранія, изобрѣтатель гильотины, т. IX, 470.
Гиляровъ-Платоновъ, редакторъ-издатель газеты „Современныя Извѣстія", т. VIII, 186.
Гиндели, писатель. Библіографическая замѣтка о соч. его: Исторія тридцатилѣтней войны. Т. X, 211, 212.
Гирстъ, содержатель англійскаго пансіона въ Петербургѣ, т. VII, 124.
Гирсъ, Никол. Карлов., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, сенаторъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 597.
Гиршфогель, нѣмецкій граверъ, т. VII, 723.
Гисъ, Ричардъ. Замѣтка о его сочин. Эдгаръ Кинэ. Т. IX, 638—641.
Главацкій, Ѳедоръ Вас., баталіонный командиръ павловскаго кадетскаго корпуса, впослѣд. генералъ-лейтенантъ, директоръ новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, VIII, 344, 358.
Глаголевскій, митрополитъ петербургскій и новгородскій. См. Серафимъ.
Глазовъ, И. А., коммерціи совѣтникъ, учредитель русскаго телеграфнаго агентства, т. VII, 648.
Гларнеръ, купецъ, завѣдывавшій редакціею газеты „Journal de St.-Pètersbourg", т. VII, 627, 628; т. VIII, 323, 326.
Гле-Бизуенъ, французъ, т. X, 459, 687.
Глинка:
— Мих. Ив., русскій композиторъ. Замѣтка объ оперѣ „Жизнь за царя". Т. X, 161—165. Упомин. т. VII, 121—123.

— Θедоръ Никол., писатель. Дополненіе къ біографіи его. Т. VII, 349—354. Упомин. т. VII, 615; т. IX, 229.

Глинская. См. Елена Васильевна.

Глеба, Иванъ Яков., послѣдній войсковой писарь войска запорожскаго, т. X, 97.

Глѣбовъ, Евфимій, священникъ с. Покровскаго, чембарскаго у. Донесеніе его исправнику о кандевскомъ бунтѣ. Т. IX, 444—446.

Гнейзенау, графъ Нейдгардтъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 705—717.

Г—въ, Е. Библіографическая замѣтка объ изданныхъ бумагахъ гр. С. Р. Воронцова и Письмахъ Н. М. Лонгинова. Т. VII; 719—721.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель, т. VII, 615, 616.

Говардъ, Элиза, кокотка, покровительница Наполеона III, т. VIII, 657.

Говоне, Джузеппе, итальянскій капитанъ генеральнаго штаба, впослѣд. генералъ, т. VIII, 666.

Гогенцоллернскій князь, т. VIII, 663.

Гоголи:

— Аθанасій, полковой писарь, дѣдъ писателя, т. IX, 246.

— Вас. Аθан., малороссійскій писатель, отецъ Ник. Вас., т. IX, 246.

— Никол. Вас., писатель. Предложеніе объ открытіи всенародной подписки на сооруженіе памятника ему. Т. VIII, 700. Школа его въ украинской литературѣ. Т. IX, 225—232, 237—251. Упомин. т VIII, 450—452; т. IX, 236, 517; т. X, 91, 94—96, 226.

Гогоцкіе:

— Преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 339.

— С. С., писатель, т. X, 96.

Годлевъ, В. И., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 18.

Гозинскій, польскій повстанецъ, т. IX, 352.

Голицыны, князья:

— Русскій княжескій домъ, т. X, 214.

— Аделаида-Амалія, рожденная фонъ-Шметау, супруга Д. А. Голицына, т. IX, 219.

— Александра Александр., рожденная Хитрово, по второму браку Кологривова, т. VIII, 6.

— Александръ Мих., генералъ-фельдмаршалъ, т. VIII, 447; т. IX, 182.

— Александръ Никол., статсъ-секретарь, оберъ-прокуроръ св. синода, главноуправляющій дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министръ народнаго просвѣщенія, впослѣд. канцлеръ россійскихъ орденовъ. Біографія его. Т. VIII, 5—39, 241—269; т. X, 85. Упомин. т. VII, 486, 735.

— Анна Серг., т. VIII, 23, 24.

— Вас. Вас. Старшій, ближній бояринъ, намѣстникъ новгородскій, любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, т. VIII, 447; т. X, 214, 217.

— Дмитр. Алексѣев., тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Парижѣ, а потомъ въ Гаагу. Письмо его къ барону Гримму. Т. IX, 219, 220. Упомин. т. VIII, 446; т. IX, 168—171.

— Дмитр. Мих., дѣйствит. тайный совѣтникъ, русскій посолъ въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, т. VIII, 128.

— Дмитр. Мих., стольникъ, а потомъ дѣйствит. тайный совѣтникъ, т. VII, 265, 271, 273.

— Ник. Серг., гвардіи капитанъ, т. VIII, 6.

— Н. С. Замѣтка по поводу статьи его: Почаевская лавра въ концѣ іюля 1855 г. Т. X, 227—236.

— Офицеръ гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, т. VII, 482.

— Θедоръ Никол., т. VIII, 331.

Голландъ, Константинъ, пѣвецъ и оперный режиссеръ, т. VII, 428, 429.

Головачевъ, А. Ф., писатель и издатель, т. X, 579.

Головинъ, остзейскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 246.

Головкины:

— Гр. Михаилъ, т. IX, 443, 444.

— Мих. Гавр., вице-канцлеръ, начальникъ монетной канцеляріи, т. VII, 271. 280.

— Постельничій, т. VIII, 704.

Головнины:

— Александръ Вас., камергеръ, министръ народнаго просвѣщенія. Письмо его къ П. С. Усову. Т. VII, 118, 119. Упомин. т. VII, 119—121, 346; т. VIII, 189, 319, 320.

— Вас. Мих., адмиралъ, генералъ-интендантъ флота, т. VIII, 320; т. IX, 678.

Голота, малороссійскій писатель, т. IX, 229.

Голубевы:

— А. В., авторъ разныхъ монографій и сборниковъ, т. VIII, 391—402.

— В. Ф., т. X, 274.

Голубцовы:

— Сергѣй Платон., тайный совѣтникъ, попечитель кіевскаго учебнаго округа, т. VIII, 234.

— Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Голынскій, подольскій помѣщикъ, т. IX, 270, 271, 283.

Гольяшевъ, И. А., почетный гражданинъ, археологъ и литографъ. Библіографическая замѣтка объ изданіяхъ его: Альбомъ русскихъ древностей Владимірской губерніи. Т. VIII, 231, 232. Памятники русской старины Владимірской губерніи и Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ. Т. IX, 215.

. **Гольдорфъ**, М. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Матеріалы для исторіи Дворянскаго полка до переименованія его въ Константиновское военное училище. Т. VIII, 681—683.

Гольцевъ, Викторъ Александр., казначей общества любителей русской словесности, т. VIII, 700.

Гомесъ, участникъ заговора противъ Наполеона III, т. IX, 203, 204.

Гопуль, гр. Альфонсъ-Ганри, французскій военный министръ, впослѣд. алжирскій генералъ-губернаторъ и сенаторъ, т. IX, 194.

Горбуновъ, Ив. Федор., актеръ-разсказчикъ, т. X, 579.

Горемыкинъ, казанскій помѣщикъ, т. X, 23.

Горностаевъ, А. М., профессоръ, т. IX, 448.

Горнъ, А. Е., редакторъ-издатель газеты „Journal de St.-Pétersbourg", т. VII, 644; т. VIII, 322, 327, 328.

Городецкій, митрополитъ кіевскій. См. Платонъ.

Городковъ, архіепископъ. См. Гавріилъ.

Городчаниновъ, Г. Н., т. X, 144.

Горскій, кременецкій засѣдатель, участвовавшій въ пріемѣ отъ уніатовъ Почаевской лавры, т. X, 233.

Гортензія, голландская королева. См. Сенъ-Лё.

Госсеронъ, коммунаръ, т. X, 692.

Готовцевъ, Дмитр. Валеріан., подольскій губернскій прокуроръ, т. IX, 265—278, 282, 283, 285—288.

Готье:

— Теофиль, французскій литераторъ, т. IX, 622.

— Французскій министръ, т. IX, 195.

Горчаковы:

— Кн. Мих. Дмитр., генералъ-отъ-артиллеріи, генералъ-адъютантъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. VII, 662.

— Свѣтлѣйшій князь Александръ Мих., государственный канцлеръ, т. VII, 115, 116, 126, 345, 346, 625, 628, 647; т. VIII, 327, 333; т. IX, 404.

Горяйновъ, А. А., камергеръ, т. VII, 353.

Госсанъ, замѣтка о русскомъ изданіи публичной его лекціи, т. VIII, 460—463.

Госнеръ, католическій священникъ, т. VIII, 242, 244, 245.

Грабовскій, Ив. Ив., управляющій канцеляріею волынскаго губернатора, т. IX, 49.

Гравировскій, Стратонъ Тимоф., домашній учитель воронежскихъ семинаристовъ, т. VII, 96.

Гранилевъ, А. Д., баккалавръ кіевской духовной академіи, т. VII, 338.

Гранье де-Кассаньякъ, Адольфъ, французскій публицистъ и писатель, членъ законодательнаго корпуса, т. VIII, 663.

де-ла-**Граціа**, герцогъ. См. Палли.

Гребенка, Евгеній Павлов., учитель втораго кадетскаго корпуса и института корпуса горныхъ инженеровъ, писатель. Замѣтка о его литературной дѣятельности. Т. IX, 251 — 258. Упомин. т. IX, 281, 232.

фонъ-**Гребенъ**, прусскій генералъ, т. VIII, 663.

Греви, президентъ французскаго національнаго собранія, т. X, 191, 469.

Грей, Чарльсъ, первый лордъ адмиралтейства, потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VII, 210.

Грейгъ, Алексѣй Самуил., адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, т. X, 414.

Грекъ, ученый. См. Арсеній.

Греллетъ, Стефенъ, квакерскій проповѣдникъ, т. VIII, 17.

Гремяченскій, Матв. Семен., профессоръ московскаго университета, т. X, 14.

Гречиновъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Гречулевичъ, епископъ. См. Виталій.

Гречъ:

— Алексѣй Никол., т. VII, 347.

— Никол. Ив., писатель и журналистъ. Его связи и знакомства. Т. VII, 345 — 349. Стихотвореніе его, напечатанное въ одномъ экземплярѣ. Т. VII, 361. Упомин. т. VII, 118, 124, 127, 349, 355, 362, 615, 626, 627, 633; т. VIII, 245, 320, 328 — 333, 341, 342; т. X, 157—159, 161, 167—171.

— Софья Никол. См. Безакъ.

Григорій:

— Инокъ. См. Нероновъ.

— (Миткевичъ), ректоръ казанской духовной академіи, впослѣд. архіепископъ калужскій, т. X, 9, 23, 40.

— (Постниковъ), докторъ богословія, казанскій архіепископъ, впослѣд. митрополитъ петербургскій и новгородскій, т. X, 12, 18, 24, 33.

— (Полетаевъ), монахъ, профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 20.

Григоровичъ, В. И., профессоръ казан-

скаго университета, т. VIII, 620; т. X, 25, 26, 295.

Григорьевъ, Вас. Вас., тайный совѣтникъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Некрологъ. Т. VII, 494, 495.

Гриммъ:

— Баронъ Фридрихъ Мельхіоръ. Письмо къ нему кн. Д. А. Голицына. Т. IX, 219, 220. Упомин. т. VIII, 218—221.

— Нѣмецкій филологъ, т. X, 700.

Гринъ:

— Лейтенантъ, военный уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, т. IX, 397.

— Рижскій полицiймейстеръ, т. VIII, 190, 192, 194.

Гришелли, французскій генералъ, т. IX, 201, 202.

Гронбчевскій, Станиславъ, польскій повстанецъ, т. IX, 571, 572, 574—577.

Гросвенорь, Карлъ, т. VII, 215.

Гроссъ:

— Георгъ, мѣдникъ, т. VIII, 473.

— Посланникъ, т. IX, 662.

Гротъ:

— Дворяне, т. X, 723.

— Констант. Карл., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, т. IX, 677; т. X, 224.

— Придворный живописецъ, т. VIII, 480.

— Яковъ Карл., тайный совѣтникъ, академикъ. Пятидесятилѣтній юбилей его. Т. X, 224, 225. Упомин. т. VIII, 218—220, 331; т. X, 418—420.

Грудзинская, Іоанна. См. Ловичъ, княгиня.

Груссе, Пашаль, парижскій коммунальный министръ иностранныхъ дѣлъ, т. X, 198, 449, 463, 676.

Грюнштейнъ, лейбъ-кампанейцъ, главный дѣятель при арестѣ семейства Ивана Антоновича, т. VII, 514.

Грязновъ, Петръ Ив., офицеръ Павловскаго кадетскаго корпуса, впослѣд. студентъ медико-хирургической академіи, т. VIII, 352, 356.

Г—скій-Д—чъ, поручикъ 5-го стрѣлковаго баталіона, т. VII, 372 — 374, 376, 381, 383, 384, 389—395; т. VIII, 563—567, 570—574, 576, 580, 583, 585, 592; т. IX, 91, 566.

Губертъ, эльзасецъ, т. IX, 187.

Гудима, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, нынѣ кіевскій комендантъ, т. VIII, 359.

Гулакъ-Артемовскіе:

— А., т. IX, 225.

— П. П., профессоръ, малороссійскій писатель, т. IX, 246, 515; т. X, 96.

Гульдбергъ, Ове Гёегъ, датскій гофмейстеръ, кабинетъ-секретарь и министръ, писатель, т. VIII, 443.

Гумилевскій, Днитр. Григ., архіепископъ. См. Филаретъ.

Гупиль, докторъ, коммунаръ, т. X, 692.

Гуревичъ, составитель историческихъ книгъ для народнаго чтенія, т. IX, 648.

Гурлади, А. П., учитель иркутской гимназіи, т. X, 607.

Гурьевы:

— Братья, агитаторы, т. VII, 526.

— Гр. Днитр. Александр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, министръ финансовъ, т. VII, 720; т. VIII, 11.

Гусевъ, Днитр. Ѳедот., профессоръ кіевской духовной академіи, т. X, 13, 20, 21, 29.

Гуссе, Арсенъ, французскій литераторъ, т. IX, 622.

Гутманъ, управляющій имѣніями кн. А. С. Голицыной, т. VIII, 14, 15.

Гюбнеръ, баронъ Іосифъ-Алекс., австрійскій дипломатъ, чрезвычайный посланникъ въ Парижѣ, т. VII, 673.

Гюгено, коммунаръ, т. X, 454.

Гюссенъ, французскій депутатъ, т. IX, 194.

Гютцингеръ, секретарь генерала французской коммуны Домбровскаго, т. X, 667—669.

Д.

Давидъ, Фелиціанъ, композиторъ, т. IX, 189.

Даву, Люи Николя, французскій маршалъ. Участь его мундира въ Россіи. Т. VII, 251.

Давыдко, жандармъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 582, 583.

Давыдовъ, Ив. Ив., ординарный академикъ, директоръ главнаго педагогическаго института, а потомъ сенаторъ. Къ біографіи его. Т. VII, 358. Упомин. т. IX, 228.

Дагерръ, Люи Жакъ Манде, декоративный живописецъ, изобрѣтатель дагеротипіи, т. X, 159—161.

Дайанъ-Нойона, князь мунгальскій, т. VIII, 673.

Даламберъ (Аламберъ), Жанъ ле-Ронъ, знаменитый французскій математикъ, т. IX, 583; т. X, 411.

Даль (Луганскій), Владим. Ив., писатель, Замѣтка по поводу новаго изданія его словаря. Т. X, 410—421.

Даннесъ, телеграфное агентство, т. VII, 648.

Данилевскій, Григ. Петр., дѣйствит. статскій совѣтникъ, редакторъ „Правительственнаго Вѣстника" и членъ управленія по дѣламъ печати. Библіографическая замѣтка о третьемъ изданіи его сочиненій. Т. VII. 474. Упомин. т. IX, 231, 232.

Даниловъ, Левъ, преподаватель воронежскаго духовн. училища, т. VII, 95.

Данильченковы:

— Александра Семенов., т. IX, 266, 269.

— Марья Осип., т. IX, 265—268, 272, 282, 287.

— Осипъ Мих., совѣтникъ подольской казенной палаты, т. IX, 262.

Даніилъ:

— Митрополитъ всея Руси. Библіографическая замѣтка. Т. VII, 471—474; т. IX, 433.

— Протопопъ московскій, т. VIII, 366.

Дантонъ, Жоржъ, французскій адвокатъ, президентъ кордельерскаго клуба, впослѣд. министръ юстиціи, т. IX, 682.

Дарвинъ, Чарльзъ-Робертъ, знаменитый натуралистъ. Некрологъ его. Т. VIII, 477, 478.

Дарбуа, парижскій архіепископъ, т. X, 201, 454, 679, 680.

Д'Аргу, французскій министръ, впослѣд. директоръ банка, т. IX, 194.

Дарденнъ, французскій писатель, т. X, 201.

Деукша, полякъ, т. X, 607.

Дашковы:

— Васил. Андреев., дѣйствит. тайный совѣтникъ, директоръ румянцовскаго музея, т. IX, 221.

— Д. В., т. VII, 615—617.

— Княгиня Екатер. Романов., рожденная гр. Воронцова, президентъ россійской академіи наукъ. Къ біографіи ея. Т. IX, 668—675. Упомин. т. VIII, 134.

— Княжна. См. Щербинина.

— Пав. Яков., собиратель русскихъ гравюръ. Сообщ. переписку о сокрытіи запрещенныхъ книгъ. Т. VIII, 235, 236. Упомин. т. VII, 255, 256.

Дверницкій, начальникъ отряда польскихъ повстанцевъ, т. X, 231.

Дворжицкій, Адріанъ Ив., полковникъ, впослѣд. генералъ-маіоръ, полиціймейстеръ I отдѣленія С.-Петербурга, очевидецъ событія 1 марта 1881 г., т. IX, 600.

Дворицкій, Логинъ, живописецъ, т. VIII, 479.

Девріенъ, Вильгельмина. См. Шредеръ.

Дегерри, священникъ парижской Магдалинской церкви, т. X, 201, 679.

Дейтцъ, кёльнскій жидъ, т. VII, 208, т. X, 202.

Деканъ, комунаръ, т. X, 687.

Деларивъ, Теодоръ, женевскій естествоиспытатель, т. VII, 448.

Делеклюзъ, комунаръ, т. X, 463, 679, 681—683.

Делувизе, Элеонора, маіорша, спиритка XVIII-го столѣтія. Замѣтка о ней. Т. VIII, 492, 493.

Дельбрюкъ, историкъ, т. VII, 705, 706, 710.

Дель-Оуэнъ, Робертъ. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Спорная область между двумя мірами. Т. VII, 231—234.

Делюзи, гувернантка дѣтей герцога Праленъ, т. IX, 186.

Деляновъ, Иванъ Давид., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, министръ народнаго просвѣщенія. Телеграмма его по поводу пятидесятилѣтія румянцевскаго музея. Т. IX, 221. Упомин. т. X, 224.

Демаре, капитанъ французскихъ войскъ, т. X, 195—197.

Дембицкій, польскій повстанецъ, т. IX, 94, 107—111.

Демидовъ Санъ-Донато, кн. П. П., т. X, 408, 476.

Демидовы:

— Никита Акинѳіев., статскій совѣтникъ, уральскій заводчикъ, т. X, 250—252.

— Никол. Ив., генералъ отъ инфантеріи, главный директоръ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 344—347, 358.

— Супруга Анатолія. См. Матильда-Летиція-Вильгельмина.

— Уральскіе заводчики, т. X, 519.

Демуленъ, Беноа-Камиллъ, адвокатъ, дѣятель французской революціи, т. IX, 469.

Демьянъ, казематный служитель новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 329, 330, 335, 349, 351, 353, 554, 560, 572—576.

Депремениль, парижскій домовладѣлецъ, т. IX, 466.

Дереръ, комунаръ, т. X, 679.

Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ и министръ юстиціи, т. VII, 615; т. VIII, 8, 330, 331; т. IX, 594; т. X, 470.

Десницкій, Матвѣй, митрополитъ. См. Михаилъ.

Дестремъ, инженеръ-генералъ, т. X, 172.

Дженеръ, парижскій банкиръ, т. VIII, 646.

Джерсей, леди, любовница короля Георга IV, 208.

Джовіо, Паоло, См. Іовій.

Джунковскій, Александ. Степан., дѣйствит. статскій совѣтникъ, т. VIII, 342.
Дибичъ-Забалканскій, Ив. Ив., генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 668; т. IX, 207, 210, 211.
Дидеро, Дени, французскій энциклопедистъ, т. IX, 170.
Диккенсъ, Гюи, англійскій дипломатъ, т. IX, 427, 428.
Дмитревскій, Ив. Аѳанас., актеръ, членъ россійской академіи, основатель русскаго театра, т. X, 140, 141.
Дмитріевъ, Ив. Ив., поэтъ, т. VII, 607, 612, 614, 615.
Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ, т. VII, 264.
Дмитрій:
— Казематный служитель новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 344—354, 553—558.
— Святитель Ростовскій. Замѣтка о Зайденномъ собственноручномъ дневникѣ его. т. IX, 447.
Дмитрій Ивановичъ Святой, царевичъ. замѣтка о лубочной картинѣ объ убіеніи его. Т. VIII, 702, 703.
Днеховскій, капитанъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.
Добровскій, Іосифъ, аббатъ, ректоръ градишской семинаріи, основатель западно-славянской филологіи, т. IX, 9, 355—358, 363—366.
Добролюбовъ, Никол. Александров., критикъ, т. X, 299.
Добротворскій, И. М., бакалавръ казанской духовной академіи, т. X, 85, 297.
Д—овъ, библіографическая замѣтка его: Новый израиль и Духовно-библейское братство — Эмануэля Бенъ-Сіона. Т. X, 705—708.
Долгорукіе, князья:
— Русскій княжескій домъ, т. VII, 269, 279; т. IX, 420.
— Варвара Серг., рожденная княж. Гагарина, т. IX, 651.
— Вас. Андреев., генералъ-адъютантъ, управлявшій военнымъ министерствомъ, впослѣд. шефъ корпуса жандармовъ и управляющій III отдѣл. собственной Е. В. канцеляріи. Письмо его къ Н. И. Гречу. Т. VII, 118. Упомин. т. X, 151.
— Вас. Вас., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-гофмаршалъ, а потомъ вице-президентъ императорскаго вольно-экономич. общества, т. VIII, 340—342; т. IX, 651.
— Вас. Владим., стольникъ, а потомъ генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 281.
— Вас. Лук., дѣйствит. тайный совѣтникъ, т. VII, 271, 272
— Владим. Андр., генералъ-адъютантъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 700.
— Екат. Алексѣев., невѣста императора Петра II. См. Брюсъ.
— Ив. Алексѣев., оберъ-камергеръ, генералъ-маіоръ, другъ Петра II, т. VII, 280.
— Мих. Юрьев., стольникъ, а потомъ соправитель государства, т. VII, 658.
— Юрій Алексѣев., бояринъ, начальникъ сыскного и пушкарскаго приказовъ, т. VII, 658.
Дольскій, Василій, преподаватель воронежскаго духовнаго училища, т VII, 93, 94.
Домантовичъ, польскій повстанецъ, т. IX, 95.
Домбровскіе:
— Предводитель разбойничьей шайки въ подольск. и волынск. губер., т. IX, 585.
— Ярославъ, офицеръ русскихъ войскъ, впослѣд. польскій повстанецъ и генералъ арміи французской комуны, т. IX, 117, 338; т. X, 199, 445, 666—669, 679.
Дорваль, французская актриса, т. VII, 200.
Доріанъ, т. IX, 624.
Достоевскій, Мих. Мих , писатель т. X, 582.
Драминскіе:
— Домицеля, польская повстанка, т. IX, 126, 325, 326, 336, 344—347, 351, 353, 354.
— Польскій повстанецъ, т. IX, 354, 558.
Дроздовъ, Вас. Мих., митрополитъ. См. Филаретъ.
Дружининъ, А. В., писатель, т. X, 97.
Друэнъ-де-Люи, Эдуардъ, депутатъ, впослѣд. предсѣдатель коммисіи иностранныхъ дѣлъ и вице-президентъ сената, т. VIII, 661, 665; т. IX, 195.
Дрэперъ, Джонъ-Уилльямъ, американскій ученый физіологъ и историкъ. Некрологъ. Т. VII, 495, 496. Упомин. т. VIII, 470, 471.
Дубасовъ, И. И. Сообщ. замѣтки: Дьячекъ-сутяга. Т. VII, 733, 734. Изъ тамбовской народно-отреченной литературы. Т. VIII, 693—695. Тамбовскій губернаторъ Бахметовъ и отставные приказные. Т. IX, 664.
Дубельтъ, Леонтій Васильев., генералъ отъ кавалеріи, управляющій III отдѣленіемъ собств. Е. В. канцеляріи. Статья его, присланная въ редакцію газеты „Сѣверная Пчела“. Т. VII, 116, 117. Упомин. т. VII, 346, 347.
Дубенскій, инженеръ генералъ-маіоръ, т. X, 148—150.

Дубровинъ, казанскій книгопродавецъ, т. X, 40, 313.
Дуброво, директоръ одесскаго ришельевскаго лицея, т. VIII, 115.
Дуве, Просперъ, коммунаръ, основатель лондонской газеты „Courrier de l'Europe“, т. X, 692.
Дудышкинъ, литераторъ, т. X, 97.
Думновъ, Василій, крестьянинъ с. Новотроицкаго, Ардатово тожъ, Алатырской провинціи. Замѣтка о немъ: Лгунъ себѣ-на-умѣ. Т. VIII, 497—499.
Дурихъ, Осипъ Ив., чешскій патріотъ, руссофилъ, т. IX, 10—12, 14—17, 359.
Дуснеръ-фонъ-Арбергъ, Генрихъ, рыцарь Тевтонскаго ордена, т. VII, 165.
Духонинъ, генералъ, начальникъ штаба 4-го корпуса, т. IX, 397.
Дуэ, французскій генералъ, т. X, 664.
Дюбуа-Крансе, комиссаръ конвента, т. VII, 177, 178.
Дюваль, генералъ парижской коммуны, т. X, 197, 200, 674.
Дюверпуа, Клеманъ, т. X, 449.
Дюнатоль, Жюль, т. X, 664, 665, 669.
Дюкло, французскій ученый, т. X, 411.
Дюко, Теодоръ, французскій морской министръ, впослѣд. сенаторъ и военный министръ, т. VIII, 664.
Дюкро, французскій генералъ, т. X, 460.
Дюкудре, французскій іезуитъ, т. X, 679.
Дюма, Александръ, французскій романистъ, т. IX, 622; т. X, 446.
Дюпанлу, парижскій епископъ, т. X, 412.
Дюпонъ, Леонсъ, французскій журналистъ, т. IX, 622; т. X, 192, 195, 196, 461, 665, 668.
Дюреръ, Альбрехтъ, германскій живописецъ, т. VII, 416, 420.
Дюфоръ, членъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200.
Дюфуръ, С., книгопродавецъ и издатель газеты „Journal de St.-Pétersbourg“, т. VII, 643; т. VIII, 322—328.
Дюшенуа, Екатерина-Жозефина, рожденная Рафенъ, французская актриса, т. VII, 199.
Дядины:
— Алексѣй Вас., генералъ-маіоръ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи генералъ отъ артиллеріи, т. VIII, 353, 360.
— Дочь предъидущаго. См. Роде.

Е.

Евгеній:
— Виртембергскій, герцогъ, т. IX, 207.
— (Евгеній Болховитиновъ), митрополитъ кіевскій и галицкій, т. VII, 341; т. VIII, 266; т. X, 238.
Евгенія, Марія де Гусманъ, графиня Монтихо, супруга французскаго императора Наполеона III, т. VII, 676, 677, 679, 680; т. VIII, 646—648; т. IX, 195, 203, 602.
Евдокимовъ, Левъ, священникъ, т. VII, 529.
Евдокія Лукьяновна (Стрѣшнева), вторая супруга царя Михаила Θеодоровича, т. IX, 677.
Евдокія Θеодоровна (Лопухина), первая супруга императора Петра I, въ иночествѣ Елена, т. VII, 270.
Евлогій (Кузмановичъ), игуменъ сербскаго монастыря Великая-Ремета, т. VIII, 210, 212, 213.
Евтихіанъ, ректоръ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 104—106.
Екатерина I Алексѣевна, императрица, т. VII, 262—270, 272, 478, 479; т. VIII, 144, 152, 479.
Екатерина II Алексѣевна, императрица (Софія-Августа-Фредерика, принцеса Ангальтъ-Цербстская). Письма къ ней княгини Е. Р. Дашковой. Т. IX, 670—673. Упомин. т. VII, 517—527, 530—533; т. VIII, 6, 7, 217—221, 227, 228, 449, 480; т. IX, 167—176, 181, 182, 421, 422, 424—426, 428, 451, 582, 583, 585—595, 669; т. X, 481—500.
Екатерина Ивановна, царевна, супруга Карла-Леопольда герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, т. VII, 269.
Екатерина Медичи, супруга французскаго короля Генриха II, т. X, 207—211.
Екатерина Павловна, королева Виртембергская, т. VII, 206, 212; т. VIII, 261.
Екименко, жандармъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 340.
Елагинъ, Николай Вас., писатель и цензоръ, т. VII, 629, 630; т. IX, 261.
Елена Васильевна (Глинская), 2-я супруга великаго князя Василія Ивановича III, правительница московскаго государства, т. VII, 262; т. IX, 433.
Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса Виртембергская), супруга великаго князя Михаила Павловича, т. VII, 434; т. VIII, 361.
Елизавета, принцесса ангальтъ-цербтская, мать императрицы Екатерины II, т. IX, 422, 424.
Елизавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская), императрица, т. VII, 721.
Елизавета Петровна, императрица. Указъ кабинетъ-курьеру Воронину о П. Θ. Сиверсѣ. Т. VII, 243. Указъ о мѣновой торговлѣ въ г. Троицкѣ. Т. IX, 217, 218. Замѣтка о щегольствѣ ея. Т. IX,

218, 219. Указъ о принятіи содержателя итальянской оперы Локателли ко двору. Т. IX, 662—664. Упомин. т. VII, 270, 283, 498, 500—514; т. VIII, 144—148, 479, 492, 493, 703; т. IX, 164—167, 421—423, 426, 428, 443, 583.

Елисѣевы:

— Г. З., профессоръ казанской духовной академіи, писатель, т. X, 14, 22, 323, 577, 579, 582, 588.

— Изслѣдователь Сиріи, т. X, 677.

Емпатайцъ, ученый богословъ, т. VIII, 14, 18.

Енгалычевы, князья:

— Василій, кадомскій помѣщикъ, т. VIII, 695.

— Григорій, помѣщикъ, т. VIII, 693—695.

— Иванъ, шацкій помѣщикъ, т. VIII, 693.

Епифаній (Канивецкій), епископъ воронежскій и черкасскій, т. VII, 94, 100.

Ереминъ, Михаилъ, крестьянинъ чембарскаго уѣзда, т. IX, 446.

Ермакъ Тимофѣевичъ, покоритель Сибири. Оффиціальное празднованіе 300-лѣтія Сибири. Т. X, 725—727. Упомин. т. X, 243, 244, 252, 519.

Ермоловъ, генералъ-маіоръ, комендантъ варшавской александровской цитадели, т. VII, 365, 366, 388, 389.

Ерсманъ, французскій литейщикъ, т. IX, 175.

Ершовъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 355.

Есиповъ, Григ. Васил., дѣйствит. стат. совѣтникъ. Сообщилъ замѣтки и матеріалы: „Загадочный арестъ П. Ѳ. Сиверса". Т. VII, 243—245. Письмо князя Д. А. Голицына къ барону Гримму. Т. IX, 219, 220. Къ біографіи княг. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 668—675. Документы о пребываніи Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости. Т. X, 481—500.

Ефремовъ, П. А., библіографъ, т. X, 238.

Ешевскій, С. В., доцентъ казанскаго университета, т. VIII, 448; т. X, 295, 296.

дез-Ешероль:

— Александрина, авторъ записокъ: „Судьба одной дворянской семьи во время террора", т. VII, 170—194.

— Французскій генералъ, командиръ національной гвардіи, т. VII, 178, 177, 186, 192.

Ж.

Жаке, парижскій коммунаръ, т. X, 671.

Жакларъ, полковникъ коммунальныхъ войскъ, т. X, 691, 692.

Жако, коммунаръ, нынѣ секретарь газеты „Journal des Débats", т. X, 691.

Жанлисъ, Стефанія-Фелисита Дюкре де сентъ Обенъ, маркиза Сильери, графиня Брюсларъ, писательница, т. VII, 260.

Желтухинъ, Петръ Ѳедор., генералъ-лейтенантъ, кіевскій военный губернаторъ, впослѣд. предсѣдатель дивановъ Молдавіи и Валахіи, т. VII, 663, 664; т. VIII, 253.

Желябовъ, Андрей Ив., крестьянинъ с. Николаевки, ѳеодосійскаго у., таврической губ., цареубійца, т. IX, 597, 598; т. X, 632.

Жемчужникова, Ольга Иван. См. Щапова.

Жерве, цензоръ, т. VII, 127.

Жеребцовъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Жеромъ, французскій живописецъ, т. X, 432, 433.

Жеромъ-Наполеонъ, князь монфортскій, т. IX, 193.

Живовъ, Иванъ, крестьянинъ с. Покровскаго, чембарскаго уѣзда, бунтовщикъ, т. IX, 445.

Жирарде, Дезидерій, содержатель пансіона въ Парижѣ, воспитатель М. Д. Скобелева, т. IX, 396.

Жирарденъ:

— Шарль, коммунаръ, т. X, 45'.

— Эмиль, парижскій журналистъ, т. X, 191.

Жиро, французскій дворянскій домъ, т. VII, 172, 173.

Жиряева, М. Н., вдова профессора петербургскаго университета, т. X, 593.

Житецкій, П., авторъ „Очерковъ звуковой исторіи малороссійскаго нарѣчія", т. IX, 231.

Жихаревъ, Степ. Петр., тайный совѣтникъ, сенаторъ и писатель, т. VII, 615, 616.

Жмакинъ, Василій. Библіографическая замѣтка о книгѣ его: „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія". Т. VII, 471—474.

Жоаннаръ, коммунаръ, т. X, 679.

Жоржъ, французская актриса, впослѣд. учительница парижской консерваторіи, т. VII, 200, 201.

Жуковскіе:

— Вас. Андреев., поэтъ, т. VII, 122, 615—619; т. VIII, 451; т. IX, 236; т. X, 162—165, 226, 415.

— Генералъ-интендантъ, т. VII, 134, 146.

Журдъ, коммунаръ, т. X, 687.

Жучковскій, завѣдывавшій X павильономъ варшавской александровской цита-

лели, т. VII, 366—371, 378, 380, 383, 385—395; т. VIII, 591.

Жюстесъ, авторъ „Histoire de la commune de Paris“, т. X, 691.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Пареен., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государств. совѣта. Некрологъ. Т. VII, 495. Упомин. т. VII, 128—156.

Заборовскій, Идзій, польскій повстанецъ, т. IX, 110, 115.

Завалишинъ, Дмитр. Иринарх., декабристъ, т. IX, 655.

Заводинъ, актеръ, т. X, 114.

Загоскины:

— Мих. Никол., писатель, драматургъ и романистъ, т. X, 144.

— Николай Павл., профессоръ казанскаго университета. Библіографическая замѣтка о соч. его: Матеріалы историческіе и юридическіе раіона бывшаго приказа казанскаго дворца. Т. IX, 438—440.

Заика, Н. И., директоръ канцеляріи главнаго управл. пут. сообщ., т. VII, 108, 110, 111.

Зайцевъ, Григорій, т. X, 497, 498.

Закревскій, гр. Арсеній Андр., генералъ-адъютантъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. VII, 130, 136—138, 140, 141, 145, 147—154, 663—665.

Заленская, политическая преступница, т. VII, 385, 386.

Залускій, флигель-адъютантъ, полковникъ русскихъ войскъ, т. IX, 209.

Зальскій, подольскій помѣщикъ, т. IX, 269.

Залѣсскій, Б., малороссійскій писатель, т. IX, 229.

Замировъ, актеръ, т. X, 141.

Замысловскій, Егоръ Егор., дѣйствит. статскій совѣтникъ, магистръ петербургскаго университета, т. X, 726.

Замятнинъ, Гаврила, подъячій, т. VIII, 142.

Зандмаркъ, московскій книгопродавецъ, т. IX, 458.

Зандъ, Карлъ, студентъ мангеймскаго университета, убійца Августа Коцебу, т. VII, 716.

Заремба, секретарь волынскаго губернскаго правленія, т. IX, 40.

Захарьинъ, гардемаринъ, т. VIII, 343.

Зацѣпинъ, Ив. Яков., префектъ духовныхъ училищъ воронежской губ., т. VII, 91, 92.

Збешке-де-Михельсбергъ (Sbeszko de Michelsberk), чешскій панъ, т. IX, 368.

З—въ, Вл. Статьи его: Записки Каролины Бауеръ. Т. VII, 195—224, 426—457. Записки Клода. Т. VIII, 637—659. Закулисная исторія парижской коммуны 1871 г. Т. IX, 617—635; т. X, 187—205, 443—465, 662—693. Библіографическія замѣтки его: Исторія реформаціи Гейссера. Т. VIII, 470, 471. Русскій Литтре; по поводу новаго изданія словаря Даля. Т. X, 410—421. Меттернихъ и европейская реакція—Надлера. Т. X, 710, 711.
Поправка его къ воспоминаніямъ Юркевича. Т. X, 479, 480.

Зебахъ, баронъ, саксонскій посланникъ при французскомъ дворѣ, т. VII, 348.

Зееманъ, докторъ, т. VII, 429.

Зейденъ, Клаусъ, датскій аптекарь. Извлеченіе изъ его воспоминаній о пребываніи Петра Великаго въ Даніи. Т. X, 219—221.

Зейдлеръ, Фридрихъ, докторъ философіи, пасторъ, т. VII, 484—486; т. IX, 581.

Зейме, Іоганъ-Готфридъ, нѣмецкій писатель и путешественникъ, т. X, 653.

Зеленецкій, К. П., писатель, т. X, 96.

Зеленская, повстанка, т. VIII, 591.

Зеленый, Ив. Ильичъ, капитанъ перваго ранга, редакторъ журнала „Морской Сборникъ“, т. VIII, 320, 321.

Зелхъ, Яковъ, поручикъ невскаго полка, т. VII, 515.

Земперъ, вѣнскій архитекторъ, т. VIII, 238.

Зенькевичъ, авторъ сборника малороссійской народной поэзіи, т. IX, 229.

Зефировъ, М. М., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 14, 23.

Зибель, директоръ прусскаго тайнаго государственнаго архива, историкъ, т. IX, 403.

Зиберъ, Клара, артистка, т. VII, 436.

Зингеръ, профессоръ нѣмецкой словесности, т. IX, 247, 248.

Зиновьевы:

— Екат. Никол. См. кн. Орлова.

— Камергеръ, т. IX, 460.

Зичи-Феррарисъ, гр. Меланія. См. кн. Меттернихъ.

З—нъ, Евгеній Ив., поручикъ олонецкаго пѣхотнаго полка, т. VII, 381, 383, 384, 390, 394; т. VIII, 563, 566, 567, 569, 570, 572—574, 576, 583, 586, 592; т. IX, 91, 122, 326, 327, 336, 558, 563, 566, 572.

Золина, актриса, т. X, 141.

Зонтагъ, Генріэтта (графиня Росси), пѣвица, т. VII, 433.

Зорина, актриса, т. X, 141.

Зотовы:
— В. Р., писатель. Ст. его: Одинъ изъ немногихъ (кн. А. И. Васильчиковъ). Т. VIII, 391—402.
— Кононъ Никит., контръ-адмиралъ, т. VIII, 140—142.
— Рафаилъ Мих., статскій совѣтникъ, писатель. Замѣтка о немъ. Т. X, 171—174, 479, 480.
Зубаревъ, бѣглый тобольскій посадскій, потомъ прусскій солдатъ, заговорщикъ, т. VII, 508, 509.
Зубовы:
— Ал., граверъ, т. VIII, 144.
— Гр. Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, членъ государств. совѣта. Письмо къ нему А. Искры. Т. X, 718, 719. Упомин. т. VII, 167; т. VIII, 258; т. IX, 591, 594.
— Гр. Софья Платон., по первому браку баронесса Пирчъ, по второму Кайсарова, т. VII, 167.
— Ив., граверъ, т. VIII, 144.
Зундъ, Оле, датчанинъ, т. X, 221.

И.

Иванишевъ, Никол. Дмитр., ректоръ кіевскаго университета, т. IX, 441, 442.
Ивановичъ, черногорецъ, т, IX, 415.
Ивановы:
— Парфеній, дьякъ, т. VIII, 693.
— Плацъ-маіоръ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 561, 569, 571, 572, 581—583; т. IX, 91, 113, 121, 327—331, 558, 568.
— Составитель книгъ для народнаго чтенія изъ военнаго быта, т. IX, 647, 648.
Иванъ Алексѣевичъ, царь московскій, т. VIII, 692.
Иванъ III Антоновичъ, императоръ, т. VII, 504, 505, 507—509, 526; т. VIII, 479.
Иванъ III Васильевичъ, великій князь московскій, т. VII, 723; т. VIII, 464; т. X, 214.
Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, т. VII, 723, 725; т. X, 218, 723.
Иванюковъ, И. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Т. VII, 229—231.
Игнатьевъ, Пав. Никол., флигель-адъютантъ, петербургскій военный губернаторъ, т. VII, 114.
Идесъ, шведъ, русскій посолъ въ Китай, т. VIII, 673.
Измайловъ, Мих., главнокомандующій въ Москвѣ. Донесенія его императору Павлу I. Т. IX, 673, 674.
Износковъ, плацъ-маіоръ новогеоргіевской крѣпости, т. VII, 895; т. VIII, 557, 562, 568—571, 580—583; т. IX, 90, 94, 96, 106, 108, 110, 112, 113, 121, 325, 330, 563—565, 568, 571, 573.
Изосимскій, учитель ариеметики военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 122.
Йиржикъ изъ Миихова, чешскій канонъ, т. IX, 368.
Илліодоръ (Чистяковъ), епископъ курскій, т. IX, 222.
Илленъ, Вилльямъ, квакерскій проповѣдникъ, т. VIII, 17.
Иловайскій, Дмитр. Ив., профессоръ, историкъ. Замѣтка по поводу его фельетона: Нѣчто объ историческихъ руководствахъ. Т. VIII, 417—420.
Ильминскіе:
— К. И., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 14.
— Никол. Ив., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 13, 14.
Ильченко, Д. Сообщ. Грамоту патріарха Никона. Т. VIII, 692, 693.
Индрихъ изъ Михалицъ, чешскій панъ Младой-Болеславы, т. IX, 368.
Ине, ученый, т. X, 702—704.
Иннокентій:
— (Иванъ Борисовъ), ректоръ кіевской дух. академіи, впослѣдствіи архіепископъ херсонскій и таврическій, краснорѣчивый витія, т. VII, 338, 340; т. IX, 234, 235; т. X, 99.
— (Иванъ), инспекторъ воронежскаго духовнаго училища, впослѣд. архимандритъ и настоятель черногорскаго и екатеринолебяжьяго монастыря, т. VII, 94, 97—99.
Иностранцевъ, Александръ Александр., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библіографическая замѣтка о соч. его: Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Т. IX, 658—661.
Иринархъ, іеромонахъ, т. VIII, 491.
Исидоръ (Іовановичъ) сербскій монахъ, т. VIII, 210.
Искра:
— Андрей. Письмо его къ гр. П. А. Зубову. Т. X, 718, 719.
— Маіоръ, т. X, 719.
— Полковникъ, открывшій измѣну Мазепы, т. X, 718.
Исмайловъ, Ф. И., секретарь синода. Замѣтка по поводу его воспоминаній. Т. X, 373—409.
Истома, русскій посолъ при дворѣ императора Максимиліана I, т. VII, 724.
Иф—ль. Ст. его: Современная исторіографія: Эпоха паденія Пруссіи. Т. VII,

458—469, 705—717. Данія. Т. VIII, 432—445, 660—669; т. IX, 207—211. Польскія возстанія съ 1830 года—Э. Кнорра. Т. IX, 411—413. Передъ Варѳоломеевскою ночью—Г. Баумгартена. Т. X, 206—211. Исторія тридцатилѣтней войны—Гиндели. Т. X, 211, 212. Господственный министръ фонъ-Цедлитцъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго—Ротвиша. Т. X, 694—696. Jus primae noctis—Шмидта. Т. X, 696, 697. Исторія англійской революціи—Штерна. Т. X, 697, 698. Опытъ древнѣйшей исторіи учрежденій — Денмана Росса. Т. X, 698—701.

І.

Іоанна д'Альбре, правительница Беарна, ревностная кальвинистка, т. X, 210, 211.

Іоаннесъ, епископъ армянскій, т. VIII, 85.

Іоанникій:

— (Ив. Максим. Рудневъ), инспекторъ, впослѣд. ректоръ кіевской духовной академіи, а потомъ архіепископъ нижегородскій, нынѣ митрополитъ московскій, т. VII, 336; т. X, 99.

— Игуменъ, участвовавшій въ пріемѣ отъ уніатовъ почаевской лавры, т. X, 283, 234.

Іоаннъ:

— (Непомукъ-Марія-Іосифъ), король саксонскій, т. IX, 13.

— Чешскій король, т. VII, 163.

Іоановичъ, сербскій монахъ. См. Исидоръ.

Іовій, Павелъ, (Джовіо Паоло), епископъ ночерскій, историкъ, т. VII, 728.

Іовъ, московскій митрополитъ, т. VIII, 368.

Іосифовъ, Михаилъ, священникъ села Валдая, т. VIII, 483.

Іосифъ:

— II, австрійскій императоръ, т. IX, 378.

— 5-й патріархъ московскій и всея Россіи, т. VIII, 365.

— (Волоцкій), архіепископъ московскій, т. VII, 471; т. IX, 431, 433, 434.

— (Нелюбовичъ-Тукальскій), митрополитъ кіевскій, т. VIII, 387.

К.

Кавосъ:

— Альбертъ Катериновичъ, архитекторъ, т. X, 165.

— Катерина, авторъ оперы Иванъ Сусанинъ, т. X, 162, 163, 165.

Кавуръ, гр. Камиль ди-Бенсо, итальянскій министръ земледѣлія, впослѣд. финансовъ и иностран. дѣлъ и президентъ министровъ, т. VIII, 665, 666, 668; т IX, 687.

Каверинъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, московскій оберъ-полицiймейстеръ, т. VIII, 235.

Кагура, волынскій губернскій казначей. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 45.

Кадоръ, баталіонный командиръ французской національной гвардіи, т. X, 667.

Казанскій, аудиторъ, преподователь павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 354.

Казлей фонъ-Норденъ, лейпцигскій профессоръ, т. IX, 429.

Кайсаровы:

— Александръ, т. IX, 443, 444.

— П. С., сенаторъ, т. VII, 167.

— Софья Петр., по первому браку баронесса Пирхъ, рожденная гр. Зубова, т. VII, 167, 168.

Калатузовъ, Вас. Ив., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 5, 30, 34, 43.

Калининъ, Гаврило, тверской мѣщанинъ. Замѣтка о немъ: Пророкъ спьяна. Т. VIII, 499—501.

Калиновскій, Григ., авторъ „Описанія свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ", т. IX, 229.

Калужанинъ, прапорщикъ, помощникъ смотрителя политическаго отдѣленія новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 579—581, 586; т. IX, 554, 557, 558, 562—566.

Кальмберъ, драматургъ, т. VII, 456.

Камбекъ, Левъ, т. X, 824.

Каменецкіе:

— Докторъ измайловскаго полка, т. VII, 157, 158.

— Петръ, кирсановскій дьячекъ, т. VII, 784.

Каменскій, Дмитр. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, т. VIII, 334.

Каменьщиковъ, казакъ исецкой провинціи, распространитель ложныхъ слуховъ, т. VII, 528, 529.

Кампенгаузенъ, баронъ, государственный контролеръ, т. VIII, 244.

Канаровъ, жандармъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 92, 95, 97, 100, 110, 111, 124—127, 325—329, 341—344, 351, 354, 562—564.

Кандауровъ, экономъ военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 123, 124.

Каменецкій, епископъ воронежскій. См. Епифаній.

Канино, князь. См. Луціанъ Бонапартъ.

Канкринъ, гр. Егоръ Францов., генералъ-интендантъ, а потомъ министръ финансовъ, т. VII, 667, 668, 720; т. VIII, 244, 267, 268, 338; т. X, 178.

Кантемиръ, князья:

— Граверъ, т. VIII, 148.

— Дмитрій, молдавскій господарь, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь россійскій, тайный совѣтникъ и сенаторъ, т. VII, 9; т. VIII, 479.

Канторъ, Янъ, пражскій мѣщанинъ, переписчикъ чешскаго Канціонала, т. IX, 378.

Канціо, Терезита, рожденная Гарибальди, дочь освободителя Италіи, т. IX, 394.

Кангеръ, петербургскій банкиръ, т. VII, 645—647.

Капнистъ, Василій Васил., русскій писатель, т. IX, 581.

Каподистрія, гр. Ив. Ант., русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ президентъ Греціи, т. VII, 217.

Капельмансъ, Викторъ, бельгіецъ, редакторъ газетъ „Nord", а потомъ „Journal de St.-Pétersbourg", т. VII, 643; т. VIII, 326—329.

Каппони, Джино, маркизъ, министръ-президентъ, а потомъ президентъ тосканскаго государственнаго совѣта. Замѣтка объ изданной біографіи его. Т. IX, 636—638.

Капустинъ, архимандритъ. См. Антоній.

Капцовичъ, генералъ, т. X, 374.

Кара, учитель французскаго языка военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 122.

Каравакъ:

— Госпожа, т. VII, 703.

— Людовикъ, полковникъ, придворный живописецъ. Статья о немъ. Т. VIII, 138—148. Дополнительныя о немъ свѣдѣнія. Т. VIII, 479, 480, 703, 704.

Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, т. VII, 614; т. VIII, 243, 265, 448, 449, 468, 673; т. IX, 462, 480; т. X, 470, 492.

Каратыгины:

— Александра Мих., рожденная Колосова, русская актриса, т. VII, 435.

— Василій Андреев., актеръ-трагикъ, т. VII, 359, 435.

Карашевичъ, секретарь греко-уніатской консисторіи, т. X, 233.

Карбури-Кефалонскіе, графы (де-Ласкари):

— Маринъ, полковникъ, полиціймейстеръ шляхетскаго кадетскаго корпуса, т. IX, 178—184.

— Елена, рожденная Хрисовулеева, жена предъидущаго, т. IX, 183, 184.

Карлейль, Томасъ, англійскій писатель. Извѣстіе объ открытіи памятника. Т. X, 727.

Карлъ:

— IX, французскій король, т. IX, 208, 210, 211.

— X (Филиппъ, гр. д'Артуа), король французскій, т. VII, 203.

— XI, шведскій король, т. VII, 657, 658.

— XII, шведскій король, т. IX, 679.

-- Принцъ Гессенъ-Кассельскій, т. X, 482, 483, 485.

— Эрцгерцогъ австрійскій, герцогъ тешенскій, знаменитый полководецъ, впослѣдствіи губернаторъ Майнца, т. VII, 444.

Карлъ-Леопольдъ, герцогъ мекленбургъ-шверинскій, т. VII, 270.

фонъ-Кармеръ, гр. Іоганъ Генрихъ-Казимиръ, министръ юстиціи, а потомъ великій канцлеръ Пруссіи, т. VII, 468.

Карновичи:

— Евг. Петр., литераторъ. Ст. его: Кн. А. Н. Голицынъ и его время. Т. VIII, 5—39, 241—269. Сообщ. замѣтку: Участь мундира маршала Даву въ Россіи. Т. VII, 251.

— Никол. Петр., поручикъ лейбъ-гв. финляндскаго полка, т. VII, 251.

— Петръ Петр., ротмистръ, т. VII, 251.

— Поручикъ, т. X, 497, 498.

Каролина - Амалія - Елисавета, супруга принца Уэльскаго, впослѣдствіи короля Великобританіи Георга IV, т. VII, 207—211, 214, 215.

Каролина-Матильда (принцесса валлійская), супруга короля датскаго Христіана VII, т. VIII, 436—438, 443.

Каролина-Фердинандина-Луиза, принцеса неаполитанская, герцогиня Беррійская, т. VII, 202—204.

Карочинскій, Василій, малконскій мѣщанинъ, кубанской области, т. VII, 697—699, 702, 703.

Карпенко:

— Марья Андреев., т. IX, 37, 38.

— Пав. Ив., совѣтникъ волынскаго губернскаго правленія, т. IX, 32—39, 43.

Карпиловичъ, Парфирій Ив., предсѣдатель волынской уголовной палаты. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 42, 43.

де-Кассаньякъ, Адольфъ. См. Гранье.

Кастгоферъ, Розета, швейцарка, т. VII, 428.

Кастелацце, итальянскій писатель (Ривальтъ), т. IX, 382.

Кастереній, петербургскій цензоръ, т. X, 430.

Касьяновъ, Ив. Димтр., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.
Катковъ, Мих. Никиф., дѣйствительн. статскій совѣтникъ, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", т. VIII, 698; т. X, 327.
Каульбарсы, дворяне, т. X, 723.
фонъ-Кауфманъ, Конст. Петр., генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, виленскій, а потомъ туркестанскій генералъ-губернаторъ. Некрологъ его. Т. VIII, 700—702. Письма къ нему М. Д. Скобелева. Т. X, 110—130. Упомин. т. X, 434.
Каховскій, Петръ Андреев. отставной гвардіи поручикъ, декабристъ, т. VIII, 265.
Качаловъ, Никита, убійца царевича Димитрія Ивановича Святаго, т. VIII, 703.
Качановскій, В. В., профессоръ, т. VIII, 209.
Каченовскій, Мих. Трофимов., профессоръ, т. VII, 615.
Кваетъ, Оскаръ, волынскій губернскій прокуроръ, т. IX, 39.
Кейли, англійскій торговый домъ въ Петербургѣ, т. VII, 111, 112.
Кельнеръ, швейцарецъ, т. VIII, 14, 23.
Кельсіевъ, В. И., писатель. Коллекція его для историческаго музея. Т. VII, 736.
Кельшъ, покушавшійся на жизнь Наполеона III, т. VIII, 640.
Кембриджскій герцогъ, французскій адмиралъ, т. VIII, 664.
Кенингъ-Толлертъ, Александръ, инженеръ, впослѣдствіи режиссеръ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ, т. VII, 437, 438.
Кербедзъ, инженеръ-генералъ, строитель Николаевскаго моста въ Петербургѣ. Замѣтка по поводу постройки этого моста. Т. X, 171—174.
Керри, англійскій полковникъ, писатель, т. X, 275, 276, 279—293.
Кесслеръ, Карлъ Ѳедор., тайный совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. IX, 658, 660.
Кестнеръ, К., библіотекарь румянцевскаго музея, т. IX, 221.
Кибальчичъ, Т. В., членъ археологическаго института. Сообщилъ инструкцію жандармскому полковнику Вибикову. Т. VII, 489, 490.
Кинъ, петербургскій купецъ, т. VIII, 146.
Кинэ, Эдгаръ, французскій писатель, профессоръ ліонскаго университета. Замѣтка объ изданной біографіи его. Т. IX, 638—641.
Кипріанъ, святой, митрополитъ всероссійскій. Библіографическая замѣтка о сочиненіи Максветова: Митрополитъ Кипріанъ въ литургической дѣятельности. Т. X, 711—713.
Кипріани, итальянецъ, секретарь предводителя войскъ парижской комуны Флуранса, т. X, 196.
Кирпичниковъ, А. И. профес. Статья его: Московскія Вѣдомости въ 1789 г. и начало французской революціи. Т. IX, 449—470.
Фонъ-Киршенштейнъ, Кристинъ, т. VII, 167.
Кирьяковичъ, служитель казанской духовной академіи, т. X, 15.
Кирѣевы:
— Д. Библіографическая замѣтка о переводѣ его: „Цезари" — гр. Ф. Шампаньи. Т. IX, 434—438.
— Поручикъ корпуса жандармовъ, участвовавшій въ пріемѣ отъ уніатовъ почаевской лавры, т. X, 283.
Киселевскіе:
— Архимандритъ при китайскомъ посольствѣ, т. VII, 97.
— Елизавета Алексѣевна, т. VIII, 287.
Киселевъ, гр. Павелъ Димтр., генералъ-адъютантъ, министръ государств. имуществъ. Статья о немъ: Государственный человѣкъ минувшихъ трехъ царствованій. Т. VII, 128—155, 661—682.
Кларендонъ, гр. Георгъ-Вильямъ-Фредерикъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VIII, 661, 667, 668.
Клейнмихель, гр. Петръ Андреев., генералъ-адъютантъ, главноуправляющій путями сообщенія. Воспоминанія о немъ П. С. Усова. Т. VII, 107—112. Упомин. т. X, 172—174, 480.
Клелія, дочь Гарибальди отъ гражданской жены Франчески, т. IX, 384, 391—394.
Клеманъ, Викторъ, комунаръ, т. X, 687.
Клементьевскій, митрополитъ. См. Никаноръ.
Клеръ, іезуитъ, т. X, 679.
Климовичъ, Ксенофонтъ, переводчикъ сочиненій Е. П. Гребенки, т. IX, 258.
Клингенбергъ, Карлъ Ѳедоров., генералъ-лейтенантъ, директоръ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 344, 346, 351, 352, 356, 357, 359—361.
Клингеръ, Фридрихъ-Максимиліанъ, русскій генералъ и нѣмецкій поэтъ, т. VII, 428.
Клодъ, начальникъ парижской сыскной полиціи. Записки его. Т. VIII, 337—659; т. IX, 185—206.
Клюзере, генералъ, главнокомандующій войсками парижской комуны, т. X, 197—199, 453, 463.
Ключаревъ, Алексѣй Кирил., председа-

тель волынской казенной палаты. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 40.

Кнорръ, Эмиль. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Польскія восстанія съ 1830 г. въ ихъ связи съ общеевропейскими стремленіями къ разрушенію существующаго порядка. Т. IX, 411—418.

Книгинскій, студентъ казанскаго университета, т. X, 587.

Княжевичъ, Александ. Максимов., министръ финансовъ, т. VII, 346.

Кобеко, Д. Ф. авторъ соч. „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", т. IX, 582.

Кобыла, Андрей Ив., бояринъ, предокъ Шереметевыхъ, т. X, 216.

Ковалевскіе:

— Евгр. Петр., министръ народнаго просвѣщенія, т. VII, 345, 346.

— Никол. Спирид., писатель, т. X, 96, 102.

— Художникъ, т. X, 439.

Ковальскій, юнкеръ, политическій преступникъ, т. VII, 376.

Коваленко, Ив. Аеан., авторъ патріотическаго стихотворенія, т. VII, 850.

К—овъ, Д. Библіографическая замѣтка: Родъ Шереметевыхъ—А. П. Барсукова. Т. X, 218—218.

Кожевниковъ, офицеръ измайловскаго полка, чиновникъ придворной конторы, т. VII, 161.

Козловъ, генералъ-маіоръ, командиръ измайловскаго полка, т. VII, 159.

Козодавлевъ, Осипъ, Петр., сенаторъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, писатель, т. X, 469—471.

Кокельмюллеръ, гарибальдіецъ, т. IX, 389.

Колесовскій, кироановскій благочинный и протоіерей. Ссора его съ дьячкомъ Товицкимъ. Т. VII, 783, 784.

Колиньи, гр. Гаспаръ Шатильонскій, французскій адмиралъ, ревностный защитникъ кальвинизма, т. X, 207, 210, 211.

Колло, ученица французскаго скульптора Фальконета, т. VIII, 480; т. IX, 170, 177.

Кологривова, Александра Александр., рожденная Хитрово, по первому браку кн. Голицына, т. VIII, 6.

Колокольниковы:

— Мина, живописецъ, ученикъ Каравакк, т. VIII, 479.

— Студентъ, т. X, 484.

Колосова, Александра Мих. См. Каратыгина.

Колычевъ-Умнаго, Ѳедоръ Ив., бояринъ, т. VII, 724.

Кольцовъ, Алексѣй Васильев., поэтъ, т. VII, 343, 344.

Кольчугинъ, московская книгопродавческая фирма, т. IX, 457.

Комобакинъ, шлюссельбургскій комендантъ, т. X, 496—499.

Коменскій, Янъ Амосъ, епископъ чешской братской общины, реформаторъ еврейской педагогіи, т. IX, 14, 377.

Коммартенъ, французскій адвокатъ, т. VII, 447.

Кондорсе, Марія - Жанъ - Антоанъ - Никола-Карита, маркизъ, французскій ученый, т. VII, 260.

фонъ-**Конрингъ**, подполковникъ прусской службы, уполномоченный континентальной телеграфной компаніи, т. VII, 645, 646—648.

Константинова, Василиса, колдунья, т. VIII, 695.

Константинъ Николаевичъ, великій князь. Къ путешествію его въ 1857 году. Т. VIII, 319, 320. Упомин. т. VII, 374, 375; т. VIII, 587; т. IX, 99.

Константинъ Павловичъ, великій князь цесаревичъ, т. VII, 429, 430; т. VIII, 7, 19, 116, 122, 241, 264; т. IX, 209, 656.

Конти, принцъ, т. VIII, 708.

Коньяшъ, Антоній, іезуитъ, капитулъ чешской братской литературы, т. IX, 378.

Копиковъ, управляющій уральскими заводами, т. X, 264.

Копѣйкинъ, тит. совѣт., т. X, 720.

Кореневскій, В., романистъ, т. IX, 230.

Коржъ, запорожецъ, т. IX, 513, 516, 527.

Корнемюзъ, французскій генералъ, т. IX, 193.

Коробьинъ, артиллеріи поручикъ, козловскій депутатъ, т. VIII, 216, 217.

Корольковы:

— Григорій, копіистъ реляціонъ-конторы. Замѣтка о немъ: Галлюцинатъ. Т VIII, 495—497.

— Мих. Семен., царскій истопникъ, т. VIII, 497.

Корсаковы:

— А. Сообщ. поправку о генералѣ Бруннеръ. Т. IX, 448.

— Авторъ сочиненія: Воцареніе императрицы Анны Ивановны, т. VII, 272. Т. X, 5.

— М. С., генералъ-губернаторъ восточной Сибири, т. X, 176.

Корсини, супруга архитектора, т. VIII, 342.

Корфъ, бароны:

— Іоганъ Альбрехтъ, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, впослѣд. президентъ россійской академіи наукъ, т. VIII, 479.

— Модестъ Андреев., членъ государ-

ственнаго совѣта, статсъ-секретарь, предсѣдатель негласнаго комитета для высшаго надзора за печатью, казнв. „апрѣльскій“, т. VIII, 340.

Коссидьеръ, префектъ парижской полиціи, т. IX, 187.

Костомаровъ, Никол. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, историкъ, членъ археографической коммисіи. Библіографическая замѣтка его: Сборникъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Т. VIII, 446, 447. Упомин. т. X, 97, 329, 577.

Костыркинъ, капитанъ, т. IX, 217.

Котляревскіе:

— А. А., профессоръ, т. IX, 379; т. X, 587.

— Ив. Петр., малороссійскій писатель, т. IX, 246.

— К., писатель, т. IX, 230.

Коховскій, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Кохъ, капитанъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, свидѣтель событія 1 марта 1881 г., т. IX, 600.

Коцебу, Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ, нѣмецкій писатель, т. VII, 486, 716; т. VIII, 21; т. IX, 581.

Коченовскій, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Кочубинскій, Александръ Александров., профессоръ новороссійскаго университета. Ст. его: „Въ краю былыхъ еретиковъ,— изъ старыхъ воспоминаній о с.-восточной Чехіи. Т. IX, 5—29, 355—379.

Кошелевъ, А. И., т. X, 417.

Кошери, французъ, приверженецъ Тьера, т. X, 676.

Кравцовъ, авторъ статьи: „Наказные атаманы бывшаго кавказскаго линейнаго войска“, т. VII, 477.

Краевскій, Андрей Александр., издатель-редакторъ газеты „Голосъ“ и издатель журнала „Отечественныя Записки“, т. VII, 107, 119, 625, 649, 651; т. VIII, 338, 354; т. X; 323, 576, 582.

Крайржи:

— Адамъ, Карлъ и Кундратъ, чешскіе паны изъ Крайку и Младой-Болеславы, т. IX, 373.

— Чешскіе владѣтельные паны, т. IX, 369.

Крангіортъ, шведскій генералъ, т. IX, 679.

Крапухинъ, Никол. Өедор., чиновникъ телеграфнаго департамента, т. VII, 650, 651.

Крауля, американецъ, владѣлецъ угольныхъ копей на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

Крафстремъ, генералъ-лейтенантъ, т. X, 723.

Крейтнеръ, поручикъ, путешественникъ, т. X, 727, 728.

Крейцвальдъ, докторъ, эстонскій поэтъ. Некрологъ его. Т. X, 227.

Кремневъ, Гаврила, бѣглый солдатъ, лже-Петръ III, т. VII, 529.

Кремье, Гастонъ, французъ, т. X, 201.

Крение:

— Александръ Д., т. VIII, 111—115, 124.

— Анна Никол., рожденная Лагинина, т. VIII, 110, 111.

— В. Д., генералъ-лейтенантъ. Отрывокъ изъ воспоминаній его: „Кадетскій бытъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ“. Т. VIII, 110—126, 344—368. Къ исторіи войны 1853—1856 г. Т. X, 148—155.

— Д., одесскій городовой врачъ, т. VIII, 110, 111.

— Димитр. Д., т. VIII, 111—113.

Крестовскій, Всевол. В., писатель. Ст. его: „Наша будущая война“; военно-политическія письма. Т. VIII, 155—167.

Кречетовъ, арестантъ шлюссельбургской крѣпости, т. X, 498.

Крижановскій, корреспондетъ „Колокола“ и революціонеръ, т. VII, 375, 378.

Крижаничъ, сербъ, католическій священникъ, т. VIII, 386.

Крозъ, священникъ ларокетской тюрьмы, т. X, 201.

Кронебергъ, Андрей Ив., т. X, 96.

Крофтъ, Ричардъ, докторъ, т. VII, 214.

Крузейль, французскій министръ, т. IX, 194.

Круликевичъ, Янъ, польскій повстанецъ, т. IX, 557.

Крусъ, содержатель типографіи въ Петербургѣ, т. VIII, 245.

Крушинскіе:

— Докторъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 338.

— Каменецъ-подольскій чиновникъ, т. IX, 279, 282, 285, 286, 288.

Крыловы:

— Александръ Лук., ценсоръ, т. VII, 631; т. VIII, 341.

— Ив. Андреев., баснописецъ. Ненаписанная басня его. Т. X, 156, 157. Упомин. т. VII, 615.

Крюгеръ:

— Берлинскій живописецъ, т. VII, 481.

— Вильгельмъ, трагическій актеръ, т. VII, 434.

фонъ-Крюденеръ, Юліанна, баронесса, рожденная фонъ-Фитингофъ, мистикъ, т. VIII, 12—24, 257.

Крюковъ, Өедоръ, коллежскій ассесоръ, т. X, 498, 499.

Кудашевъ, князь, т. IX, 213.

Кудрявцевъ, Матѳій, діаконъ. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: „Исторія православнаго монашества монашества въ сѣверо-восточной Россіи со временъ Сергія Радонежскаго". Т. VII, 238.
Кузеневъ, П. М., инженерный офицеръ, т. VIII, 510.
Кузмановичъ, сербскій іеромонахъ. См. Евлогій.
Кузмичъ, Александръ, романистъ, т. IX, 230.
Кузнецовы:
— А. С., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 39.
— Изслѣдователь обычаевъ черемисъ, т. IX, 677.
— Унтершихмейстеръ, т. X, 497, 498.
Кукольникъ, Несторъ Вас., писатель и журналистъ, т. X, 164.
Кулаковскій, П. Біографическая замѣтка: „П. П. Нѣгошъ, послѣдній владыка черногорскій"—В. Медаковича. Т. IX, 413—419.
Кулжинскій. Замѣтка о найденномъ имъ собственноручномъ дневникѣ Димитрія Ростовскаго. Т. IX, 447.
Куликова, Прасковья Ив., по второму браку Савина. См. Орлова.
Кулишъ, Пантелейм. Александр., писатель, т. IX, 238—242, 246, 247; т. X, 94—96.
Кульманъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 360.
Кульчицкій, бакалавръ польскаго языка, потомъ монахъ, т. VII, 318, 319.
Куманинъ, А. К., адъютантъ кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, т. VII, 551—553; т. VIII, 88.
Кунмаитшъ, мунгальскій князь (Алтынъ-царь), т. VIII, 673.
Куперъ, Джемсъ-Фениморъ, американскій романистъ, т. VIII, 478.
Куракины, князья:
— Александръ Борисов., оберъ-шталмейстеръ, т. IX, 420.
— Алексѣй Борисов., дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и канцлеръ россійскихъ орденовъ, т. VIII, 331.
Курбе, французскій живописецъ, т. X, 444, 456, 460, 687.
Курбскій, кн. Андрей Мих., русскій воевода, эмигрантъ, т. VII, 725.
Курновскій, В. Н., преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 388.
Курне, коммунаръ, т. X, 455.
Куропаткинъ, капитанъ туркестанскихъ войскъ, т. X, 124.
Курочкины:
— Вас. Степан., писатель, редакторъ-издатель журнала „Искра". Вызовъ на дуэль А. Ѳ. Писемскаго. Т. VIII, 321, 322. Упомин. т. X, 7, 323, 577, 579, 586, 590.
— Никол. Степан., поэтъ и критикъ, т. X, 579.
Куроѣдовъ, надзиратель лѣсовъ, т. VIII, 626, 627.
Куртнеръ, Франсуа, владѣлецъ французскаго книжнаго магазина въ Москвѣ, т. IX, 459.
Кутайсовъ, крещеный турченокъ, т. IX, 593.
Кутузовъ, главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, впослѣдствіи петербургскій военный генералъ-губернаторъ, т. VIII, 116, 122, 344.
Кухарскій, ксендзъ, польскій повстанецъ, т. IX, 99.
Кучборскій, Теофиль, польскій повстанецъ, т. IX, 338, 558, 559.
Кучковскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.
Кушакевичъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.
Кушелевъ, т. IX, 594.
К—чъ, Е. Библіографическая замѣтка его: „Historisches Taschenbuch". Т. IX, 419—429.

Л.

Лабзинъ, Алекс. Ѳедоров., вице-президентъ академіи наукъ, т. VII, 720.
Лавалеттъ, Шарль-Жанъ-Mари-Феликсъ, маркизъ, французскій дипломатъ, т. VII, 677.
де-**Лавеле**, Эмиль, авторъ соч. Современный соціализмъ, т. IX, 606—616.
Лавернъ, Леонсъ, т. X, 666.
Лави, французскій коммисаръ, т. VIII, 221, 222.
Лавровы:
— К. В., чиновникъ казанской контрольной палаты, т. X, 616.
— П. Л., эмигрантъ, т. X, 632.
— Священникъ, законоучитель военно-сиротскаго корпуса, впослѣд. павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 123, 351, 362.
де-**Лагарпъ**, Фредерикъ-Сезарь (Петръ Ив.), воспитатель императора Александра I, т. VIII, 242; т. IX, 592.
Лагиттъ, французскій депутатъ, т. IX, 194.
Лагранжъ, Шарль, начальникъ парижской тайной полиціи, т. IX, 187.
Ладмиро, французскій генералъ, т. X, 445.

Ламарейонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ французской республики, т. VIII, 689.

Ламартинъ, Альфонсъ, французскій поэтъ и государственный человѣкъ, т. IX, 187.

Ламбины, библіографы, т. VIII, 675, 680.

Лангевичъ, полякъ, революціонеръ, т. VII, 455; т. IX, 95.

Ланглуа:

— Граверъ, т. VIII, 140.

— Членъ французскаго національнаго собранія, т. X, 460.

Ланнъ, Жанъ, герцогъ де-Монтебелло, французскій маршалъ, т. VIII, 9.

Ланскіе, графы:

— В. С., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 242; т. X, 720.

— Серг. Степан., сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VII, 112—115.

Лаперишъ, французскій полковникъ, т. X, 452.

Ларіоновы:

— Е. В. Ст. его: По поводу одного острова,—гаданія о будущемъ. Т. IX, 129—163.

— Жандармъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 120.

Ларошфуко-Додевилль, герцогъ, т. VII, 204.

Ларси, французскій министръ публичныхъ работъ, т. X, 664.

Ларъ, убійца генерала Бреа, т. IX, 187.

Ласенеръ, Жоржъ, убійца вдовы Ша-Карлсбадѣ, т. IX, 401.

Ла-Сесилій, генералъ парижской коммуны, т. X, 668.

де-**Ласкари**, графы. См. Карбури-Кефалонскіе.

Лассаль, Фердинандъ, юристъ, политическій писатель, т. IX, 607; т. X, 714.

Ласунскій, камергеръ, т. VII, 527.

Латасъ, Михаилъ, ренегатъ. См. Омеръ-Паша.

Латынины:

— Анна Никол., См. Кренке.

— Илья Никол., т. VIII, 111, 115, 125

— Никол. Никол., т. VIII, 111.

Лауренсъ, Томасъ, живописецъ, т. VII, 209.

де-**Лафайетъ**, Мари-Жанъ-Поль-Рокъ-Ивъ-Жильберъ, маркизъ, защитникъ американской независимости, начальникъ французской національной гвардіи, т. IX, 468, 469, 631.

Лафаржъ, Марія, жена французскаго фабриканта, т. IX, 186.

Лафатеръ, Іоганъ-Каспаръ, цюрихскій священникъ. Письма его къ императрицѣ Маріи Θедоровнѣ. Т. VII, 487.

Лаферьеръ, библіотекарь великаго князя Павла Петровича, т. VIII, 129, 133.

Лаферте, Викторъ, авторъ статьи о жизни императора Александра II, т. IX, 596—605.

Л—въ, Н. Библіографическая замѣтка его: Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. Т. X, 702—704.

Лебедевы:

— Ал. Ал., протоіерей русской церкви въ чешской Прагѣ, т. IX, 363.

— Алексѣй Петр., профессоръ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 101, 102.

— Д., т. IX, 221.

— Дм. П. Библіографическая замѣтка: Цезари, соч. гр. Ф. Шампаньи. Т. IX, 434—438.

— Мих. Григ., премьеръ-маіоръ, главный правитель смоленскихъ дворцовыхъ волостей. Замѣтка о раздачѣ смоленскимъ чиновникамъ пасхальныхъ подарковъ. Т. VIII, 695—697.

— Н. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Макарій, митрополитъ всероссійскій. Т. VII, 724—726.

— Петръ Семенов., полковникъ, редакторъ „Русскаго Инвалида", впослѣд. генералъ-маіоръ. Прошеніе его въ главное цензурное управленіе. Т. VIII, 833—837. Упомин. т. VII, 348, 627.

— Протоіерей русской церкви въ

— Сергѣй Мих., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Левальянъ, французскій актеръ, т. VII, 430.

фонъ-**Левенвольдъ**, гр. Карлъ-Густав., генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, оберъ-шталмейстеръ, т. VII, 281.

Леверрье, Урбенъ-Жанъ-Жозефъ, астрономъ, директоръ парижской обсерваторіи, впослѣд. членъ законодательнаго собранія и сенаторъ, т. IX, 195.

Левицкій, польскій повстанецъ, т. IX, 94.

Левицкій-Леонтьевъ, генералъ-маіоръ, т. VII, 381, 382, 385.

Левоцкій, польскій повстанецъ, т. IX, 558.

Левшины:

— Алексѣй Ираклієв., тайный совѣтникъ, директоръ департамента сельскаго хозяйства, товарищъ министра внутр. дѣлъ, впослѣд. членъ государ. совѣта и сенаторъ, т. VIII, 341.

— Митрополитъ московскій. См. Платонъ.

Легкоступъ, Александра Θедор. См. Мизко.

Легренъ, Карлъ, живописецъ, т. VIII, 480.

Ледрю-Роленъ, Филиппъ, французскій адвокатъ и депутатъ, т. IX, 187.

Леоръ, генералъ, профессоръ академіи генеральнаго штаба, т. IX, 397.

Лейкинъ, Н. А., писатель, редакторъ журнала „Осколки", т. VIII, 595, 596.

Леконтъ, французскій генералъ, т. IX, 621, 623; т. X, 188.

Лелевель, Іоакимъ, профессоръ виленскаго университета, т. VIII, 685.

Леманскій, польскій повстанецъ, т. IX, 335.

Леметръ, Фредерикъ, французскій актеръ и драматургъ, т. VII, 200.

Лемуанъ, Жанъ-Баптистъ, французскій скульпторъ, т. IX, 170.

Леонардъ, авторъ сочиненія: Смута и ея настоящая причина, т. VII, 397, 398.

Леонтьевы:

— Владим. Никол., редакторъ-издатель газеты „Современное Слово", т. VII, 120.

— Полковникъ, т. VII, 516, 517.

Леопольдъ I, Георгъ-Христіанъ-Фридрихъ, король бельгійцевъ (герцогъ Кобургскій), т. VII, 196—199, 202, 204—207, 209, 212—215, 217—223; т. IX, 406, 407.

Лепенау, банкирскій домъ въ Петербургѣ, т. VII, 648.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ, т. VIII, 394.

Леруа, Жанъ. См. де-Сентъ-Арно.

Леруа-Болье, Анатоль, французскій писатель. Замѣтка по поводу сочин. его: L'Empire des Tzars et les Russes. Т. X, 624—639.

Леруа:

— Любовница коммунара Юрбена, т. X, 685.

— Французскій генералъ, т. X, 672.

Леси, графъ, генералъ-фельдмаршалъ, рижскій генералъ-губернаторъ, т. VII, 243, 244.

Лесицкій, Янъ, врачъ, польскій повстанецъ, т. IX, 338, 344, 347, 352, 353, 555, 559, 560.

Лессаръ, изслѣдователь Серакса, т. IX, 677.

Лоссижъ, саперный юнкеръ, повстанецъ, т. VIII, 584.

Лестокъ, гр. Германъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ и президентъ медицинской коллегіи, т. VIII, 146; т. IX, 422—424.

Лефевръ-Рожье, коммунаръ, т. X, 692.

Лефло, французскій генералъ, военный министръ, т. IX, 191, 623; т. X, 204.

Ливенъ, кн. Карлъ Андреев., генералъ отъ инфантеріи, министръ народнаго просвѣщенія, впослѣд. членъ государственнаго совѣта, т. VIII, 38, 39, 189, 249, 261.

Лидерсъ, гр. Александръ Никол., генералъ-адъютантъ, намѣстникъ Царства Польскаго, т. VII, 376.

Лиліенгофъ, Іоаннъ, ассесоръ шведской комерцъ-коллегіи, посолъ въ Россію, т. VII, 652.

Лиловъ, А. И., баккалавръ казанской духовной академіи, т. X, 25, 35.

Линаръ, графъ, польско-саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, т. VII, 498, 499.

Линде, Самуилъ-Готлибъ, польскій филологъ и писатель, директоръ варшавской гимназіи, т. VIII, 685.

Линебергъ, Ксаверій, отставной поручикъ эстляндскаго полка, политическій арестантъ, т. VIII, 557, 558, 560, 565, 571, 576; т. IX, 90.

Линка, изъ Михова Градиште, чешскій священникъ, т. IX, 378.

Лисбонъ, французскій морской офицеръ, коммунаръ, директоръ театра Bouffe du Nord, т. X, 691.

Лисицкій, польскій писатель, т. VIII, 684.

Листъ, Францъ, композиторъ и поэтъ, т. VII, 445, 452.

Лисянскій, Іоаннъ, протоіерей алексапольскій, т. X, 222.

Литвиновъ, В. И., казначей лейбъ.-гв. егерскаго полка, т. X, 642.

Литке, гр. Өедоръ Петр., генералъ-адъютантъ, адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, воспитатель великаго князя Константина Николаевича. Некрологъ. Т. IX, 678, 679; т. X, 474.

Литовъ, И., книгопродавецъ, т. IX, 258.

Литтре, французскій философъ, публицистъ, филологъ и лексикологъ, т. X, 410—413.

Лихачевъ, стольникъ, посолъ XVII в. во Флоренцію, т. VIII, 467.

Лихновскій, Феликсъ, офицеръ, т. VII, 451, 452.

Ліанкуръ, французскій графъ, т. IX, 466.

Ліувиль, адвокатъ, т. X, 451.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борис., тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, товарищъ министра внутр. дѣлъ, а потомъ посланникъ въ Лондонѣ, т. VII, 650.

Лобичевская, Юлія Осип., рожденная Нарбутъ. См. Шишкова.

Ловестинъ, начальникъ французской національной гвардіи, т. IX, 194.

Ловичъ, княгиня, Жанета Антоновна (Іоанна Грудзинская), супруга цесаревича Константина Павловича, т. VII, 429, 430.

Логиновъ, В. М., т. X, 298.

Логинъ, московскій протопопъ, т. VIII, 366.

Лодеръ, англійскій торговый домъ, т. VII, 687.

Ложкинъ, В. А., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 12.

Лозинскій, Никифоръ, предводитель разбойничьей шайки, т. IX, 536.

Локателли, итальянецъ, содержатель комической оперы. Указъ о призваніи его ко двору. Т. IX, 662—664.

Локруа, Эдуардъ, редакторъ газеты „Rappel", парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200, 446.

Ломоносовъ, Михаилъ Вас., академикъ, писатель. Библіографическая замѣтка о его сочиненіяхъ. Т. X, 471, 472. Упомин. т. VII, 10.

Лонгиновы:

— Мих. Никол., орловскій губернаторъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. VIII, 596; т. X, 97.

— Н. М., посольскій чиновникъ, впослѣдствіи личный секретарь императрицы Елизаветы Алексѣевны. Библіографическая замѣтка объ изданныхъ письмахъ его. Т. VII, 719 — 721. Отрывокъ изъ письма его къ графу С. Р. Воронцову о Семеновской исторіи. Т. IX, 665, 666.

Лонгфелло, Генри-Вадворсъ, американскій поэтъ. Некрологъ его. Т. VIII, 478, 479.

Лопатинъ, шацкій воевода, т. VIII, 693.

Лопухины:

— Русскій дворянскій домъ, т. VII, 513.

— Ив. С., полковникъ, т. VII, 513.

— Наталья, т. VII, 513.

— Отставной бригадиръ, т. X, 484, 487.

— Петръ Вас., свѣтлѣйшій князь, генералъ-прокуроръ. Письмо къ нему графа И. П. Салтыкова и отвѣтъ его. Т. VIII, 235, 236.

— См. Евдокія Ѳеодоровна.

Лоранъ, профессоръ, т. IX, 616.

Лорисъ-Меликовъ, гр. Мих. Таріелов., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, министръ внутр. дѣлъ, т. IX, 597—599.

Лосевъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, впослѣдствіи офицеръ, т. VIII, 356, 357.

Лоссіевскій, М. В. Сообщ. актъ, относящійся до начала мѣновой торговли въ городѣ Троицкѣ. Т. IX, 217, 218.

Лувель, Пьеръ-Люи, сѣдельщикъ, убійца герцога Беррійскаго, т. VII, 204.

Луганскій, казакъ, псевдонимъ писателя В. И. Даля. См. Даль.

Луиза:

— Принцесса, княгиня Радзивиллъ, т. VII, 713—716.

— Супруга короля бельгійскаго Леопольда I, т. VII, 222.

Лукашевичъ, малороссійскій писатель, т. IX, 229.

Луксбургъ, графъ, директоръ театра въ Карлсруэ, т. VII, 448.

Лукьяновичъ, авторъ статей о военныхъ дѣйствіяхъ 1828 и 1831 г., т. IX, 207.

Лукьяновъ, Яковъ Констант., совѣтникъ волынскаго губернскаго правленія. Отзывъ о немъ писателя Асоченскаго. Т. IX, 45.

Луціанъ Бонапартъ, князь Канино, министръ внутр. дѣлъ, посланникъ въ Мадридѣ, а потомъ членъ трибуны, т. VII, 201.

Лычковы:

— Купеческое семейство въ Кіевѣ, т. VIII, 80, 81, 93, 94, 97, 101, 104, 109, 288, 503.

— Людмила Семен., т. VIII, 503, 505.

— Надежда Васильев., т. VIII, 272.

Львовы:

— Актриса, рожденная Федерсенъ, т. VII, 437.

— Дмитр. Серг., волынскій вице-губернаторъ. Отзывъ о немъ писателя Асоченскаго. Т. IX, 40.

— Полковникъ, т. VII, 437.

— Поручикъ лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642.

— Штабсъ-капитанъ лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642, 643.

Лѣсковъ, Николай Семен., писатель. Статьи, замѣтки и поправки его: Борьба эфіоповъ съ ангеломъ, случай изъ явленій русской демономаніи. Т. VII, 697—704. Иродова работа, русскія картины въ Остзейскомъ краѣ. Т. VIII, 185—207. Церковные интриганы. Т. VIII, 364 — 390. Вечерній звонъ и другія средства къ искорененію разгула и безстыдства, справка для свѣдущихъ людей. Т. VIII, 595—606. Оффиціальное буфонство. Т. IX, 441 — 443. Праздникъ невѣждъ. Т. X, 221 — 223. Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ. Т. X, 227—236. Синодальныя персоны. Т. X, 373—409. Сообщилъ: Распоряженіе св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги Ѳеатронъ или позоръ гисторическій. Т. VII, 732, 733. Великопостный указъ Петра Великаго. Т. VIII, 233, 234. Упомин. т. X, 579.

Лѣсневичъ, подольскій предводитель дворянства, т. IX, 268, 272.

Любомірскій, польскій князь. Замѣтка о его женитьбѣ. Т. X, 648, 649.

Любощинскій, Маркъ Никол., дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, т. X, 224.

Людорсъ, Карлъ Карл., тайный совѣт-

никъ, директоръ телеграфнаго департамента, т. VII, 638.
Людовикъ:
— XIII, король французскій, т. VIII, 221.
— XVI, король французскій, т. IX, 465, 466, 592.
— XVIII (Филиппъ), король французскій, т. VII, 130, 201, 222; т. VIII, 19, 653, 654; т. IX, 192.
Людовикъ-Филиппъ-Іосифъ, герцогъ Орлеанскій (citoyen Egalité), т. IX, 463, 464.
Люлье, коммунаръ, т. X, 687.
Ляисдель, англійскій миссіонеръ. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Trough Siberia. Т. VIII, 690.

M.

Маврикій, монахъ, присутствовавшій при сдачѣ уніатами почаевской лавры, т. X, 233.
Магницкій, Мих. Леонт., дѣйствит. статскій совѣтникъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, т. VIII, 28—33, 242, 249—257.
Магомедъ-Якубъ-ханъ, сынъ коканскаго хана, т. X, 132.
Мадзини, италіанскій республиканецъ, т. IX, 202, 203; т. X, 690.
Маевскій, Михаилъ, польскій повстанецъ, т. IX, 119.
Мажураничъ, Иванъ, хорватскій поэтъ, т. IX, 418.
Мазовецкій, генералъ, т. VII, 483.
Майковы:
— Л. Н. Библіографическая замѣтка его: Исторія россійской академіи—М. И. Сухомлинова. Т. X, 469—471.
— Нилъ, преподобный Сорскій. См. Нилъ.
Майо, лордъ, т. X, 278.
Макарій:
— (Вечерковъ), алтайскій миссіонеръ, т. X, 99, 100.
— Митрополитъ московскій (1542—1564 г.). Библіографическая замѣтка. Т. VII, 724—726.
— (Михаилъ Петр. Булгаковъ), бакалавръ кіевской духовной академіи, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Некрологъ его. Т. IX, 222. Замѣтка по поводу сочиненія его: Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Т. VIII, 364—390. Упомин. т. VII, 336, 473; т. IX, 434.
Макаровы:
— Александръ, чиновникъ тайной экспедиціи, т. X, 497, 498.
— Д. И., преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 337.
— Н. Библіографическая замѣтка о книгѣ его: Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Т. VII, 480, 481.
Максимиліанъ:
— I, нѣмецкій императоръ, т. VII, 724.
— I, курфюрстъ баварскій, т. X, 211.
— Императоръ мексиканскій, т. VIII, 647.
Максимиліанъ-Евгеній-Іосифъ-Наполеонъ, герцогъ лейхтенбергскій и эйхштедскій, т. VII, 433.
Максимовичи:
— Александръ Петр., учитель павловскаго кадетскаго корпуса, впослѣд. инспекторъ технологическаго института, т. VIII, 352, 353.
— И. П., преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 337.
— Мих. Александр., ректоръ кіевскаго университета, писатель. Замѣтка о немъ. Т. IX, 232—237. Упомин. т. IX, 227—230, 232, 242.
Максимовы:
— Алексѣй Мих., артистъ александринскаго театра. Къ біографіи его. Т. VII, 358, 359.
— Сергѣй Вас., литераторъ и путешественникъ, т. X, 579.
— Фельдфебель тамбовскаго баталіона внутрен. стражи, т. VIII, 474, 475.
Максимъ Грекъ, ученый, монахъ благовѣщенской обители Аѳонской горы, т. VII, 471—474; т. IX, 434.
Макъ-Магонъ, гр. Мари Эдм. Патрисъ-Морисъ, герцогъ маджентскій, французскій маршалъ, т. X, 204, 205, 450, 452, 461, 665, 666, 669, 671, 672, 681.
Малаховскій, предсѣдатель волынской гражданской палаты. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 42.
Малаховъ, изслѣдователь Урала, т. IX, 677.
Малеинъ, чиновникъ минист. иностран. дѣлъ, цензоръ, т. VII, 127.
Малье, французская актриса, т. VII, 436.
Мальтицъ, баронъ Аполоній, поэтъ, т. VII, 441.
Мамоновъ, графъ, фаворитъ Екатерины II, т. IX, 591, 592.
Мандалена изъ Михаловицъ, жена чешскаго владѣтельнаго пана Яна изъ Цимбурга и Товачова, т. IX, 368, 369.
Мановаръ-Хадиа, чуетскій батырь-баша, т. X, 129.
Мансветовъ, И. Библіографическая замѣтка о соч. его: Митрополитъ Кипріанъ въ литургической дѣятельности. Т. X, 711—713.
Мансфельдъ, графиня. См. Монтесъ.

фонъ-**Мантейфель**, баронъ Отто-Теодоръ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ и министръ-президентъ, т. VIII, 666; т. IX, 403, 406; т. X, 467.
Манштейнъ, Христофоръ Эрнестов., генералъ-адъютантъ, т. VII, 508.
Маньянъ, Бернаръ-Пьеръ, сенаторъ, французскій маршалъ, т. IX, 190, 193.
Мануэль, прокуроръ парижской комуны, т. IX, 632.
Маранскій, польскій повстанецъ, т. IX, 554.
Марголинъ, П. В. Библіографическая замѣтка о его переводѣ. Три еврейскіе путешественника XI и XII столѣтія. Т. IX, 214.
Мардефельдъ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ, т. IX, 424.
Марекъ, Антонинъ, любунскій священникъ въ Чехіи, патріотъ, славянофилъ, т. IX, 9, 17, 355—364, 366.
Марино, членъ временной ліонской коммисіи, т. VII, 178.
Марія Александровна, великая княгиня, герцогиня Эдинбургская, т. IX, 602.
Марія-Анна, супруга Фердинанда I, австрійскаго императора, т. VII, 444.
Марія-Антуанета, французская королева, т. IX, 592.
Марія-Луиза, вторая супруга Наполеона I, правительница Пармы, Піаченцы и Гвасталы, т. VII, 444, 445.
Марія Николаевна, великая княгиня, супруга Максимиліана-Евгенія-Іосифа-Наполеона, герцога лейхтенбергскаго и эйхштедскаго, т. VII, 431—433, 667; т. VIII, 357, 358.
Марія Ѳедоровна (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла Петровича. Письма къ ней Лафатера. Т. VII, 487. Упомин. Т. VII, 428, 486; т. VIII, 129—131, 133—136; т. IX, 582, 583, 588—590, 592, 593.
Маркевичъ, Владиславъ, подпоручикъ витебскаго полка, повстанецъ, т. VIII, 578, 581.
Маркинъ, Иванъ, крестьянинъ чембарскаго уѣзда, бунтовщикъ, т. IX, 445.
Марковы:
— Актеръ, т. X, 141.
— В. Л. Историческій романъ его: Лихолѣтье (Смутное время). Т. VII, 29—78, 287—317, 566—605; т. VIII, 40—79, 289—317, 522—556; т. IX, 53—87, 295—322, 483—512; т. X, 45—82 337—372, 542—575.
Марксъ, политическій писатель, т. IX, 612, 613.
де-ля **Маркъ**, Вильгельмъ, графъ, т. X, 209.
Марлинскій, псевдонимъ писателя А. А. Бестужева. См. Бестужевъ.
Мармонтель, секретарь французской академіи, т. X, 411.
Марсель, Этьенъ, парижскій старшина, т. IX, 630.
Марсъ, Анна-Франс. Гипполита Буше-Монвель, французская актриса, т. VII, 199.
Мартелли, скульпторъ, т. IX, 167.
Мартенвиль, комунаръ, т. X, 454.
Мартенсъ, Фромгольдъ Ѳедор., дѣйств. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. VIII, 688, 689.
Мартіанъ, святой, инокъ кирилово-бѣлозерскаго монастыря, т. X, 728.
Мартыновскій, архіепископъ могилевскій. См. Анатолій.
Мартыновы:
— Александръ Евстаф., знаменитый актеръ-комикъ. Замѣтка о похоронахъ его. Т. VII, 359, 360.
— Командиръ семеновскаго полка, т. IX, 666.
— Маіоръ, убившій на дуэли поэта Лермонтова, т. VIII, 394.
Маршанъ, французскій нотаріусъ, т. IX, 195.
Масловъ, А. Н. Библіографическая замѣтка о его Очеркахъ изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. Т. VII, 721, 722.
Масонъ, комунаръ, т. X, 692.
Массари, авторъ біографіи гр. Кавура, VII, 665, 696.
Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣев., ближній бояринъ, первый совѣтникъ и другъ царя Алексѣя Михайловича, т. VII, 658.
Матешко изъ Загорья, чешскій храбрый рыцарь, т. IX, 368.
Матильда-Летиція-Вильгельмина (Бонапарте), принцесса монфортская, супруга Анатолія Демидова, т. VII, 676—678.
Матушъ, Карлъ, докторъ, бургомистръ г. Младой-Болеславы, въ Чехіи, т. IX, 8, 368, 379.
Матьевскій, политическій преступникъ, т. VII, 378, 387.
Матюнинъ, предсѣдатель подольской казенной палаты, т. IX, 262, 279, 285, 286.
Матюшкинъ, Мих. Аѳанас., генералъ-аншефъ, т. VIII, 158.
Мауербрехоръ, бонскій профессоръ, т. IX, 429.
Мацкевичъ, цензоръ, т. VII, 630.
Мацѣевичи:
— Левъ С. Сообщилъ: Письмо В. И. Аскоченскаго къ архіепископу Анатолію Мартыновскому. Т. VIII, 697—699. За-

мѣтку: Къ исторіи царствованія Александра I. Т. X, 719, 720.
— Митрополитъ ростовскій. См. Арсеній.
Медаковичъ, В., адъютантъ и приближенный черногорскаго владыки Петра II Нѣгоша. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: П. П. Нѣгошъ, послѣдній владыка черногорскій. Т. IX, 413—419.
Медвѣдевъ, учитель русскаго языка военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 122.
Медемъ, графъ, т. VII, 441.
Медичи. См. Екатерина.
Медоксъ, П. Е., антрепренеръ московскаго театра, т. X, 141, 142.
Межеевскій, Леопольдъ, повстанецъ, т. VIII, 589, 591; т. X. 99, 110, 112, 115, 331, 332, 555, 556.
Межи, парижскій работникъ, т. X, 682.
Межовъ, В. И., библіографъ. Библіографическая замѣтка о его Русской исторической библіографіи за 1875—1876 г. Т. VIII, 675—681.
Мезецкій, преподаватель воронежской дух. семинаріи, т. VII, 101.
Мейендорфъ, баронъ, т. IX, 404.
Мейеръ:
— Подполковникъ, начальникъ телеграфной станціи въ Петербургѣ, т. VII, 638.
— Редакторъ газеты „Petersburger Zeitung". т. VII, 651.
— Эрнстъ. Замѣтка о сочин. его: Реформа государственнаго управленія при Штейнѣ и Гарденбергѣ. Т. IX, 641—644.
Мелетій, іеродіаконъ казанскій, впослѣд. сибирскій миссіонеръ, т. X, 319.
Мелинъ, графъ, т. VIII, 512
Меліоранскій, И. А., протоіерей екатерининской церкви въ Петербургѣ, т. X, 591, 592, 606.
Мелиссино, Ив. Ив., тайный совѣтникъ, кураторъ московскаго университета, т. IX, 449.
Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйствит. тайнийный совѣтникъ, ярославскій и вологодскій намѣстникъ, т. X, 237.
Мелье, Лео, комунаръ, нынѣ учитель въ пансіонѣ въ Гласгоу, т. X, 454, 692.
Мельниковъ, Пав. Ив., писатель-этнографъ (Андрей Печерскій), т. VII, 360; т. VIII, 318.
Менби, англійскій капитанъ, т. VII, 209.
Менгденъ:
— Генералъ-маіоръ, т. VII, 365, 381.
— фонъ, Юліанна, баронесса, статсъ-фрейлина, т. VII, 499
Мензенкампфъ, дворяне, т. X, 723.
Менонъ, маіоръ русскаго флота, т. IX, 469, 470.
Менсдорфъ, гр., австрійскій посолъ въ Петербургѣ, т. VIII, 662.
Меншиковы, князья:
— Александ. Данил., генералиссимусъ и рейхсъ-маршалъ, т. VII, 268; т. VIII, 141, 150, 320, 479, 704; т. IX, 224, 420, 680; т. X, 219.
— Александ. Сергѣев., членъ государственнаго совѣта и адмиралъ, т. VII, 131, 146; т. VIII, 338, 339, 661, 662; т. IX, 208; т. X, 152—155.
Мерзляковъ, профессоръ московскаго университета, т. IX, 232; т. X, 144.
Мерисъ, Поль, редакторъ газеты „Le Rappel", т. X, 687.
Метлинскій, Ал., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229; т. X, 96.
Меттернихъ, князья:
— Австрійская княгиня, т. VIII, 646.
— Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ, герцогъ Портелла, австрійскій государственный человѣкъ, т. VII, 442, 445, 707, 716; т. VIII, 21, 662; т. IX, 208, 365, 412; т. X, 710, 711.
— Меланія, рожденная гр. Зичи-Феррарисъ, т. VII, 645.
— Паулина, рожденная гр. Шандоръ, т. VII, 443.
Мещерскіе, князья:
— Владим. Петр., редакторъ газеты „Гражданинъ", т. X, 407.
— Петръ Сергѣев., оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 10; т. X, 374, 376.
Мизко:
— Александра Ѳедор., рожд. Легкоступъ, т. X, 88.
— Георгій Дмитр., екатеринославскій помѣщикъ, т. X, 84, 101.
— Григорій Тимоѳеев., масонъ и мистикъ, попечитель общества израильскихъ христіанъ, т. X, 85, 88.
— Дмитр. Тимоѳеев., дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ екатеринославской гимназіи, т. X, 83—86, 93, 105.
— Надежда Дмитр., т. X, 84.
— Никол. Дмитр., писатель, авторъ Словаря русскихъ писателей. Воспоминаніе о немъ. Т. X, 83—108.
Миклуха-Маклай, Никол. Никол., русскій ученый путешественникъ, изслѣдователь Новой Гвинеи. Замѣтка о публичныхъ его чтеніяхъ. Т. X, 473—479.
Миланоло:
— Марія, артистка-скрипачъ, т. VII, 450.
— Терезія, артистка-скрипачъ. См. Пармантье.
Милитка, Екатерина, богатая чешская

вдова, покровительница Братской общины, т. IX, 370, 373, 374, 377.

Миллеръ:

— Московскій книгопродавецъ, т. IX, 458.

— Орестъ Өедор., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библіографическая замѣтка его о соч. К. Бестужева-Рюмина: Библіографіи и характеристики. Т, VIII, 448, 449. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ—А. С. Архангельскаго. Т. IX, 430—434. Ст. его: Человѣкъ онъ былъ. (Н. И. Уверскій). Т. X, 620—624. Упом. т. VII, 352.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андреев., петербургскій военный генералъ-губернаторъ, т. VIII, 252, 265.

Милутиновичъ, австрійскій генералъ, т. IX, 416, 417.

Мильеръ, журналистъ, докторъ правъ, парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200, 683.

Милютины:

— Гр. Дмитр. Алексѣев., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ-инфантеріи, членъ государств. совѣта, военный министръ, т. X, 423.

— Никол. Алексѣев., товарищъ министра внутр. дѣлъ, впослѣд. статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, членъ государств. совѣта, т. VIII, 687, 688.

Минервинъ, преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 389.

фонъ-**Минихъ**, графы:

— Бурхардъ-Христофоръ, генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 277, 281, 499, 505; т. IX, 422.

— Вѣра Никол., рожденная Чоглокова, фрейлина, т. IX, 585.

Миницкій, Иванъ, шляхтичъ изъ г. Поддубны, самозванецъ (лже-царевичъ Алексѣй Петровичъ), т. VII, 278, 280.

Минкина (или Шумская), Настасья, любовница гр. Аракчеева, т. VIII, 251, 252.

Мирабо, гр. Гоноре Габріэль Викторъ Рикетти, предсѣдатель якобинскаго клуба, а потомъ національнаго собранія, т. IX, 464, 469.

Мировичъ, т. VII, 528.

Митковичъ. См. Григорій.

Митрофанъ, архіепископъ тверской, т. VIII, 473.

Михайловскіе:

— Авторъ статьи по обзору народно-учебной литературы, т. IX, 646.

— В. Библіографическая замѣтка объ Исторіи реформаціи Гейссера, изданной въ русскомъ переводѣ подъ его редакціей. Т. VIII, 470, 471.

— Польскій повстанецъ, т. IX, 571, 573.

Михайловы:

— Актриса, т. X, 141.

— Петръ, бамбардирскій капитанъ, т. VIII, 704.

Михаилъ:

— (Матвѣй Десницкій), членъ россійской академіи, митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. VIII, 26, 27.

— Сербскій митрополитъ, т. VIII, 213, 214.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, т. VI, 431; т. IX, 211.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. VII, 434; т. VIII, 255, 345, 348, 361; т. IX, 652, 656, 665; т. X, 642—644.

Михаилъ Өедоровичъ, московскій царь, т. VIII, 221, 464; т. IX, 677; т. X, 216, 217.

Михальская, польская повстанка, т. IX, 95.

Михей (въ мірѣ Мих. Герасимовъ), кириловскій монахъ. Замѣтка о пророчествѣ его взятія Константинополя русскими. Т. VIII, 489—492.

Михневичъ, Вл. Ос. Статьи его: Женское правленіе и его противники. Т. VII, 257—286, 497—533. Исторія мѣднаго всадника. Т. IX, 164—184. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Историческіе этюды русской жизни. Т. VIII, 463—466.

Мицкевичи:

— Адамъ, польскій поэтъ, т. VIII, 685.

— Саперный штабсъ-капитанъ, т. VII, 375, 378.

Мицуль, агрономъ, т. X, 177, 178.

Мишель, Луиза, комунарка, любовница Ферре, т. X, 691.

Міо, комунаръ, т. X, 459.

Млодецкій, помѣщикъ, т. X, 408.

Млодзяновскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.

Мневскій, Андрей Өедор., поручикъ, т. VII, 531—533.

Могилянскій, Евстафій, протопопъ полтавскій. Указъ ему св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги Өеатронъ или позоръ историческій. Т. VII, 732, 733. Указъ ему Петра Великаго. Т. VIII, 233, 234.

Мокрицкій, стат. совѣтникъ, правитель канцеляріи об.-полиціймейстера., т. VII, 360, т. VIII, 343.

Молицкій, польскій повстанецъ, т. IX, 560, 561, 568, 577.

фонъ-**Моллеръ**, Антонъ Вас., адмиралъ, морской министръ, т. VIII, 244.

Мольтке, прусскій фельдмаршалъ, т. IX, 207, 209.

Монтгомери, графиня. См. Бауеръ Каролина.

Монталиве, гр. Марта-Камиллъ Бешассонъ, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 652.
Монтвидъ, литовскій князь, т. VII, 166.
Монтесъ, Лола (графиня Мансфельдъ), танцовщица, т. VII, 449, 450.
Монтихо:
— Графиня, мать французской императрицы Евгеніи, т. IX, 195, 196.
— Евгенія, французская императрица. См. Евгенія.
Мопа, французскій министръ полиціи, т. VIII, 638; т. IX, 189, 190, 193.
Мордвиновы:
— Гр. Николай Семен., членъ государств. совѣта, адмиралъ, вице-президентъ адмиралт. коллегіи и морской министръ, т. VII, 245—247; т. VIII, 341.
— Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.
Мордовцевъ, Д. Л., писатель. Ст. его: Битовые очерки прошлаго вѣка, мнимыя видѣнія и пророчества. Т. VIII, 481—501.
Моренъ, Фредерикъ, французскій ученый, т. X, 687.
Морни, гр. Шарль-Огюстъ-Люи-Жозефъ, президентъ французскаго законодательнаго корпуса, впослѣд. сенаторъ и посланникъ въ Петербургѣ, т. VIII, 688, 646, 648; т. IX, 188—190.
Морнэ, французъ, первый папиросный фабрикантъ въ Петербургѣ, т. X, 159.
Моро, артистъ московской французской труппы, т. X, 145.
Морозовъ, Борисъ Ив., бояринъ, дядька и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, т. VII, 735.
Морошкина, Е. И. Сообщила: Письмо Андрея Искры къ гр. П. А. Зубову. Т. X, 718, 719. Письмо Булгарина къ министру внутр. дѣлъ Перовскому. Т. X, 722—724.
Морфиль, Г., профессоръ оксфордскаго университета. Сообщ. извлеченіе изъ воспоминаній Клауса Зейдена о пребываніи Петра Великаго въ Даніи. Т. X, 219—221.
Москвинъ, митрополитъ. См. Арсеній.
Моссаковскій, повстанецъ, т. VIII, 586, 587.
Мстиславскій кн. Θедоръ Ив., старѣйшій воевода московскій, т. X, 215.
Муленъ, аптекарь, членъ парижскаго революціоннаго комитета, т. VII, 186.
Мулла-хаджи-Магомедъ, джигитъ, т. X, 128.
Муллювъ, Павелъ Андреев., юридическій дѣятель и писатель, т. X, 322, 579, 586, 608.
Мундтъ, Теодоръ, нѣмецкій писатель, т. VII, 437.
Муравьевы:
— Андрей Никол., дѣйствит. статскій совѣтникъ, камергеръ, путешественникъ, ревнитель православія, т. VIII, 388—390; т. X, 385—391, 393, 395, 397, 398, 402—404, 406, 408.
— Гр. Мих. Никол., генералъ отъ инфантеріи, министръ государ. имуществъ, а потомъ виленскій генералъ-губернаторъ. Вражда его съ кн. А. А. Суворовымъ. Т. X, 422—430. Упомин. т. VIII, 206.
— Нижегородскій губернаторъ, т. X, 416.
Муральтъ, пасторъ, т. VII, 427—429, 431, 432; т. VIII, 15.
Муратовъ, Гаврило, консисторскій секретарь. Установленная имъ такса на взятки. Т. X, 223.
Муро, секретарь Рошфора, т. X, 676.
Мусинъ-Пушкинъ Мих. Никол. дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа, т. VII, 108.
Мушкетовъ, изслѣдователь Урала, т. IX, 677.
Мюллеръ, нѣмецкій скульпторъ, т. VIII, 630.
Мюратъ, Наполеонъ-Люціанъ-Шарль, принцъ, сенаторъ, т. IX, 195.
Мюффлингъ, Фридрихъ-Фердинандъ-Карлъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 708.

Н.

Надлеръ, Вас. Карлов., дѣйствит. статскій совѣтникъ, докторъ исторіи, профессоръ харьковскаго университета. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Меттернихъ и европейская реакція. Т. X, 710, 711.
Наполеонъ:
— I, Бонапартъ, императоръ французовъ, т. VII, 200, 201, 227, 707, 710—712; т. VIII, 9, 17, 258, 674; т. IX, 359, 364.
— III (Людовикъ), императоръ французовъ, т. VII, 227, 348, 352, 644, 672—677, 679; т. VIII, 319, 320, 638—651, 653, 654, 656, 661, 663, 664, 666—669; т. IX, 186, 187, 190, 192, 193, 196, 201—206, 383, 405, 407, 611, 623; т. X, 193, 195, 203, 684.
Наполеонъ-Жозефъ-Шарль (Бонапартъ), французскій принцъ, т. VII, 676—678.
Наполеонъ-Францъ-Іосифъ-Карлъ (Бонапартъ), герцогъ Рейхштадскій, король римскій, т. VII, 444.
Нарбутъ, Юлія Осип., по первому браку Лобичевская. См. Шишкова.

Нарушевичъ, Адамъ-Станиславъ, іезуитъ, польскій историкъ и поэтъ, профессоръ виленскаго университета, т. VIII, 685.

Нарѣжный, писатель, т. IX, 229.

Нарышкины:

— В. Л., т. X, 475, 476.

— Дворяне, т. IX, 457.

— Семенъ Кирил., генералъ-лейтенантъ, генералъ-аншефъ и оберъ-егермейстеръ, т. IX, 663.

— Софья, т. VIII, 21.

Нассау-Дилленбургъ, графъ, глава гёзовъ, т. X, 209, 210.

Наталья Алексѣевна (Августа-Вильгельмина, принцесса Гессенъ-Дармштадтская), первая супруга великаго князя Павла Петровича, т. VIII, 129; т. IX, 588.

Наумовъ, Д. М., офицеръ измайловскаго полка. Записка его: Эпизодъ изъ жизни императора Николая I. Т. VII, 156—162.

Нащокинъ, капитанъ гвардіи, т. VII, 284—286.

Невельской, капитанъ, т. X, 176.

Н—евичъ, Мих. Библіографическая замѣтка его: Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. VIII, 215—222.

Невѣровскій, Антоній, повстанецъ, т. VIII, 557.

Недоброво, братья, гвардейскіе офицера, т. IX, 652.

Незеленовъ, А. Статья его: Новиковъ въ шлиссельбургской крѣпости. Т. X, 481—500.

Ней, приверженецъ Наполеона III, 195.

Нейпергъ, графъ Адамъ-Альбрехтъ, генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ и оберъ-гофмейстеръ имп. Маріи Луизы, т. VII, 445.

Неккеръ, Яковъ, парижскій банкиръ, а потомъ генералъ-директоръ финансовъ и государственный министръ, т. IX, 463, 464, 466, 469.

Нелюдовы, братья, т. IX, 439.

Некрасовъ, полковой аудиторъ, т. VII, 364.

Нелюбовичъ-Тукальскій, кіевскій митрополитъ. См. Іосифъ.

Немировичъ-Данченко, В. И., писатель и этнографъ. Ст. его: Рѣка лѣсныхъ пустынь; изъ поѣздки по Уралу. Т. X, 241—274, 501—541. Упомин. т. X, 439.

Ненадовичъ, Любомиръ, черногорецъ, т. IX, 419.

Неплюевы:

— Авторъ сочиненія: Историческое призваніе русскаго помѣщика, т. VII, 397, 398, 411.

— Первый оренбургскій губернаторъ, т. IX, 218.

Нероновъ, Іоаннъ, московскій протопопъ, въ иночествѣ Григорій, т. VIII, 365—381.

Нессельроде, гр. Карлъ Васильев., министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VII, 126; т. VIII, 244, 661.

Неустроевъ, А. Н., библіографъ, т. X, 238.

Нечаевъ, Степ. Димитр., оберъ-прокуроръ св. синода, впослѣдствіи сенаторъ, т. X, 376—384, 387, 389—395, 397, 402—404.

Никаноръ:

— (Клементьевскій), архіепископъ варшавскій, впослѣд. митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. X, 401.

— Уфимскій епископъ, т. X, 409.

Никитенко, А. В., т. X, 97.

Никитины:

— Иванъ, живописецъ, т. VIII, 141.

— Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Николаевскій, А. А., преподаватель воронежской дух. семинаріи, т. VII, 101.

Николаи, бароны:

— А. Л. (Генрихъ-Людвигъ), страсбургскій профессоръ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, впослѣд. дѣйствит. статскій совѣтникъ и президентъ академіи наукъ. Статья о немъ: Академическій нѣмецъ прошлаго столѣтія. Т. VIII, 127—137.

— Пав. Андр., дипломатъ, т. VIII, 137.

Николай Александровичъ, наслѣдникъ-цесаревичъ, т. VII, 158.

Николай Павловичъ, императоръ. Эпизодъ изъ жизни его. Записка очевидца Д. М. Наумова. Т. VII, 156—162. Упомин. т. VII, 5, 14, 234, 245—250, 431—435, 450, 637, 661, 663, 666—670, 673; т. VIII, 186, 206, 252, 253, 262—268, 320, 332, 334, 338, 340, 343, 348, 357, 358, 394, 452, 662; т. IX, 210, 220, 415, 421, 481, 600, 601, 655, 666, 678; т X, 149, 151—155, 157, 161, 165, 172, 173, 225, 232, 236, 376, 380, 384, 386, 391, 393, 396, 402, 642, 643, 647, 648.

Никонъ, 6-й патріархъ московскій и всея Россіи. Грамота его. Т. VIII, 692, 693. Упомин. т. VIII, 365—390; т. IX, 677.

Нилъ:

— (Майковъ), преподобный Сорскій. Библіографическая замѣтка: Литературные его труды и идеи въ древней Руси — А. С. Архангельскаго. Т. IX, 430—434.

— Синайскій, т. IX, 481.

Ничипоренко, сдѣлавшій доносъ на И. С. Тургенева, т. X, 589, 590.

Ноальи, хлѣботорговецъ въ Друатюрье, т. VII, 173.

Новаковичъ, Стефанъ, сербскій министръ народнаго просвѣщенія, т. VIII, 218.
Новиковъ, Никол. Ив., русскій писатель и журналистъ. Пребываніе его въ шлиссельбургской крѣпости. Т. X, 481—500. Упомин. т. IX, 450—453, 457.
Новицкіе:
— Викентій Степанов., непремѣнный членъ волынскаго приказа обществен. призрѣнія. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 44, 45.
— Орестъ, кіевскій профессоръ, т. VIII, 603.
— Протоіерей, принимавшій отъ уніатовъ почаевскую лавру, т. X, 233.
Новокрещенныхъ, управляющій уральскими заводами кн. Абамеликъ-Лазарева, т. X, 244, 526.
Новосельскій, Н. А., авторъ сочиненія: Соціальные вопросы въ Россіи, т. VIII, 168—184, 403.
Нореллевъ, А. П. Ст. его: Рауданскій замокъ. Т. VII, 163—168.
Норовы:
— Авраамъ Сергѣев., министръ народнаго просвѣщенія, путешественникъ, т. VIII, 451.
— Офицеръ измайловскаго полка, т. VII, 157.
Нуаръ, Викторъ, французскій писатель, т. X, 194, 682, 685.
Нуммерсъ, шведскій вице-адмиралъ, т. VIII, 704.

О.

Оберлейнъ, пасторъ, т. VIII, 15.
Оболенскій, кн. М. А., директоръ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 676.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., генералъ-прокуроръ. Донесеніе ему тамбовскаго губернатора Бахметева объ отставныхъ приказныхъ. Т. IX, 664. Упомин. т. VII, 485.
Обручевъ, Владим. Аѳанасьев., оренбургскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 236.
Обуховъ, псковскій губернаторъ, т. VIII, 399.
Овенъ, Шарлотта. См. фонъ-Гаагенъ.
Овчарскій, Казиміръ, польскій повстанецъ, т. IX, 106, 119.
О—въ, поручикъ 6 стрѣлковаго баталіона. Дневникъ его. Т. VII, 363—395; т. VIII, 557—594; т. IX, 88—128, 323—354, 553—579.
Овчинниковъ, Ив., петербургскій купецъ, т. VIII, 495.
Одифре, французъ, авторъ брошюръ о финансахъ, т. IX, 195.
Одоевскій, кн. Влад. Ѳедор., сенаторъ и литераторъ. Фантазія его. Т. VIII, 318, 319.
Омечковскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.
Онегинъ, актеръ, т. X, 142.
Озеровъ, Владим. Александр., писатель, т. VII, 615.
Оксеншириъ, гр. Густавъ, шведскій государственный совѣтникъ, посолъ въ Россіи, т. VII, 652, 655, 657—660.
Окуневская, Емилія, польская повстанка, т. IX, 345, 351, 353, 354, 554.
Олегъ Ингваревичъ, великій князь рязанскій, т. IX, 677.
Оливье, Эмиль, членъ парижскаго законодательнаго корпуса, т. VIII, 648, 649; т. X, 195.
Олинъ, разбойникъ, т. IX, 536.
Ольга Николаевна, великая княгиня, супруга Карла-Фридриха-Александра, наслѣднаго принца виртембергскаго, т. VII, 433; т. VIII, 357, 358.
Ольгердъ, великій князь литовскій, т. VII, 165.
Ольденбургскій, принцъ. См. Петръ Георгіевичъ.
Ольсенъ, Томасъ, участникъ въ покушеніи на жизнь Наполеона III, т. IX, 203, 204.
Ольхина, М. С., начальница маріинскаго института, т. X, 423.
Омаръ-бекъ, коканскій кипчакъ, т. X, 128.
Омеръ-паша (Михаилъ Латасъ, ренегатъ), турецкій главнокомандующій, т. VIII, 662.
Опоцкій, Ламбертъ Вас., совѣтникъ волынскаго губернскаго правленія. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 46.
Опочининъ, адъютантъ цесаревича Павла Петровича, т. IX, 588.
Оранскій, принцъ. См. Вильгельмъ II.
Орденеръ, французскій генералъ, т. IX, 194.
Орелль-де-Паладинъ, начальникъ французской національной гвардіи, т. IX, 620.
Орлай, А. И., другъ Н. В. Гоголя, т. X, 94.
Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., т. VIII, 258.
Орловы:
— Гр. Анна Алексѣевна, т. VIII, 241.
— Гр. Григ. Григ., генералъ-фельдцейхмейстеръ, т. VII, 523, 526, 527; т. VIII, 217; т. IX, 585, 587.
— Гр. Ив. Григ., т. VIII, 217.
— Кн. Алексѣй Ѳедор., генералъ-адъ-

ютантъ, шефъ жандармовъ, т. VII, 181, 347; т. VIII, 338, 668; т. IX, 210, 408.
— Кн. Екатер. Никол., рожденная Зиновьева, супруга кн. Г. Г. Орлова. Замѣтка о ея портретѣ. Т. VII, 255.
— М., начальникъ 16 дивизіи, т. VII, 151—153.
— Прасковья Ив., рожденная Куликова, по второму браку Савина, актриса, впослѣдствіи сестра милосердія, т. VII, 361.
— Ф. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Очеркъ исторіи с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка. Т. VII, 481—483.
— Фавориты Екатерины II, т. VII, 527.

Орнано, гр. Филиппъ-Антоанъ, генералъ, великій канцлеръ и директоръ инвалиднаго дома, впослѣд. французскій маршалъ, т. IX, 194.

Орсини, гр. Феличе, адвокатъ, глава заговора противъ Наполеона III, т. IX, 203, 204.

Орфила, Матьё-Жозефъ-Бонавентура, парижскій химикъ и врачъ, сенаторъ, т. IX, 186.

Осиповичъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Осиповъ, Алексѣй, оброчный крестьянинъ села Даниловскаго, костром. уѣзда, т. VIII, 473.

Осконный (Отскоченскій), Ипатій Ив., преподаватель пѣнія, отецъ писателя В. И. Аскоченскаго. См. Аскошный.

Осташевскій, польскій повстанецъ, т. IX, 350.

Остенъ-Сакенъ, кн. Фабіанъ Вильгельм., генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 482, 483.

Остерманъ:
— Графиня, т. VII, 720.
— Гр. Ив. Андреев., канцлеръ, начальникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. VII, 271, 280, 499, 501; т. VIII, 144; т. IX, 422.

Отскоченскіе:
— Викт. Ипат., писатель и журналистъ. См. Аскоченскій.
— Ипатій Ив. (Аскошный, Осконный), преподаватель пѣнія, отецъ предъидущаго. См. Аскошный.

Оттонъ I Великій, римско-нѣмецкій императоръ, т. IX, 628.

Очкинъ, Амплій Никол., издатель-редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, т. VII, 107, 625, 627; т. X, 167. 588.

П.

Павелъ:
— Казематный служитель новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 349, 557.
— Коломенскій епископъ, т. VIII, 369.

Павелъ I Петровичъ, императоръ. Статья объ немъ. Т. IX, 580—595. Донесенія московскаго главнокомандующаго Измайлова. Т. IX, 673, 674. Донесеніе военнаго губернатора Архарова. Т. IX, 674. Письмо кн. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 674. Упомин. т. VII, 484, 485, 521, 526, 530, 531, 538; т. VIII, 7, 129, 131, 134 — 136, 258; т. IX, 168, 182, 675; т. X, 140, 482, 483, 485, 486, 495, 499.

Павловскій, Левъ Мих., офицеръ военно-сиротскаго корпуса, впослѣд. генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 121.

Павловы:
— М. Г., профессоръ московскаго университета, т. IX, 232.
— Платонъ Вас., статскій совѣтникъ, профессоръ кіевскаго университета, т. X, 311.

Палацкій, Францъ, чешскій лингвистъ, естествоиспытатель и исторіографъ, т. IX, 20, 21, 257, 263, 365.

Палембахъ, Густавъ, капитанъ измайловскаго полка, т. VII, 284—286.

Паленъ, гр. Констант. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государств. совѣта, министръ юстиціи, т. IX, 602, 603.

Палеологъ. См. Софія.

Палицевъ. См. Пантелеймонъ.

Палли, Лукези, итальянскій маркизъ, герцогъ де-ла-Граціа, т. VII, 203.

Пальмерстонъ, Генри-Джонъ-Тенпль, англійскій министръ, т. VII, 635; т. VIII, 662, 667.

Пальмквистъ, Эрикъ, шведскій артиллерійскій капитанъ, военный агентъ при посольствѣ въ Россіи, т. VII, 652—657.

Пальмъ, офицеръ лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642.

Панаевы:
— В. А., т. VII, 400, 695; т. VIII, 168, 169.
— И. И., т. X, 97.

Панинъ, гр. Никита Ив., оберъ-гофмейстеръ, наставникъ великаго князя Павла Петровича, впослѣд. государственный канцлеръ, т. VII, 521—524; т. VIII, 129, 136; т. IX, 170, 428, 583, 587, 588, 590; т. X, 140.

Паніотовичъ, Павелъ и Наталья, супруги, жители Карловича, т. VIII, 140, 209, 213.

Пантелеймонъ (Палищевъ), инспекторъ астраханской семинаріи, т. VII, 97.
Панферова, Надежда. См. Асюченская.
Папе, бывшій оппозиторъ, а потомъ приверженецъ Наполеона III, т. IX, 194, 195.
Пармантье, Тереза, рожденная Миланоло, т. VII, 450.
Парсонъ, ліонскій плацъ комендантъ, т. VII, 187.
Парѳеній, схимонахъ аѳонскаго постнаго скита, т. VII, 697, 699.
Паскаль-Груссе, ученый и журналистъ, комунаръ, т. X, 685, 686.
Паскевичъ, Ив. Ѳедор., свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. VIII, 346, 662; т. IX, 210, 211.
Патера:
— А. О., чешскій писатель, т. IX, 366.
— Фр., братъ предъидущаго, крестьянинъ, т. IX, 376.
Патрикѣевъ, кн. Василій Ив. Косой, въ иночествѣ Вассіанъ, т. IX, 430.
Паттерсонъ, пасторъ, агентъ англійскаго библейскаго общества, т. VIII, 34.
Паулучи, маркизъ, рижскій губернаторъ, т. VIII, 189, 190.
Пауль, Жегота, малороссійскій писатель, т. IX, 229.
Пафнутій св., игуменъ покровскаго монастыря въ Боровскѣ, схимникъ, т. VII, 471.
Пахомовъ, полковникъ, т. VIII, 590.
Пашю, Жанъ-Николай, французскій революціонеръ, военный министръ, а потомъ парижскій меръ, т. IX, 633.
Пезаровіусъ, редакторъ „Русскаго Инвалида", т. VIII, 251.
Пекарскій, преміеръ-маіоръ, т. IX, 217.
Пелисье, Эмабль, Жанъ-Жакъ, герцогъ Малаховскій, маршалъ, т. IX, 204.
Пелле, французскій генералъ, т. IX, 194.
де-**Пергелесъ**, графиня, супруга баварскаго посланника, т. X, 425, 427.
Перекусихина, Марья Савишна, камеръ-фрау Екатерины II, т. VIII, 6, 7.
Переплетчиковъ, московская книгопродавческая фирма, т. IX, 457.
Перовъ, Вас. Григ., художникъ. Некрологъ его. Т. IX, 228.
Перовскіе:
— Вас. Алексѣев., генералъ-адъютантъ. оренбургскій, а потомъ самарскій губернаторъ, т. X, 415.
— Гр. Левъ Алексѣев., министръ внутреннихъ дѣлъ. Письмо къ нему Булгарина. Т. X, 722—724. Упомин. т. VIII, 191 192, 246, 247; т. X, 416.
Персиньи, Жанъ-Жильберъ-Викторъ, герцогъ де-Фіаленъ, французскій министръ внутрен. дѣлъ, потомъ посланникъ въ Лондонѣ, т. VIII, 640; т. X, 203.
Пертцъ, историкъ и издатель, т. VII, 705.
Перье, Казиміръ, основатель банкирскаго дома въ Парижѣ, впослѣд. министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 652, 654.
Пестель:
— Адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею, т. VII, 137, 139—142.
— Б. В., т. X, 140.
— И. Б., т. X, 140.
Петіонъ де-Вильневъ, Іеронимъ, французскій адвокатъ. меръ парижскій, впослѣд. президентъ, т. IX, 632.
Петлинъ, Иванъ, казакъ, посланникъ въ Китай, т. VIII, 673.
Петрашевскій, подпоручикъ лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642.
Петровы:
— Актриса, т. X, 165.
— Антонъ, раскольничій начетчикъ с. Бездны, Спасскаго у., т. X, 318, 319.
— Иванъ, казакъ, принесшій извѣстіе о Китаѣ, т. VIII, 673.
— Н. И., профессоръ кіевской духовной академіи. Статья его: Очерки изъ украинской литаратуры. Т. IX, 225—258, 513—552.
— О. А., актеръ, т. X, 141, 165.
— Преподаватель воронежской духов. семинаріи, т. VII, 101.
Петруччи, флорентійскій посолъ въ Парижѣ, т. X, 209.
Петръ (Платонъ Алексѣев. Троицкій), епископъ аккерманскій, викарій кишеневскій, т. VIII, 699.
Петръ I Святой, черногорскій владыка, т. IX, 415, 416.
Петръ I Алексѣевичъ, императоръ. Статья по поводу столѣтія открытія памятника на берегу Невы. Т. IX, 164—184. Великопостный указъ его. Т. VIII, 233, 234. Замѣтка о портретѣ. Т. VIII, 208—214. Замѣтка по поводу изданія иллюстрированной исторіи его. Т. VII, 255, 256. Замѣтка о взятіи Нотебурга. Т. IX, 679, 680. О пребываніи въ Даніи. Т. X, 219—221. Упомин. т. VII, 6, 262—270; т. VIII, 139—143, 149, 150, 152, 221, 222, 408, 412, 479, 482, 483, 610, 613, 671, 692, 704; т. IX, 223, 224, 414, 420, 677, 728.
Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, т. VII, 269, 279; т. VIII, 144, 674; т. IX, 166, 167.
Петръ II Нѣгошъ, черногорскій князь-митрополитъ, т. IX, 413—419.

Петръ III Өедоровичъ (Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій), императоръ, т. VII, 269, 283, 502, 506—508, 521, 528; т. VIII, 494; т. IX, 424, 426, 587.

Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, принцъ, т. VIII, 230.

Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштинскій, т. IX, 423.

Пехе, вѣнская актриса, т. VII, 443.

Печерскій Андрей, псевдонимъ писателя-этнографа П. И. Мельникова, т. VII, 360.

Пикаръ, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. X, 189, 449, 450, 456.

Пилинкевичъ, ученый, т. IX, 441.

Пименовъ, Петръ Андреев., т. VIII, 190, 197.

Пироговъ, Никол. Ив., тайный совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. IX, 384.

Пирхъ, адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, т. IX, 665.

Пирчъ:

— Баронесса Софья Петровна, рожденная гр. Зубова. См. Кайсарова.

— Баронъ, т. VII, 167.

Писаревскій, Никол., Григ., редакторъ-издатель газеты „Современное Слово“ и редакторъ газеты „Русскій Инвалидъ“, т. VII, 120; т. VIII, 387; т. X, 588.

Писаревы:

— К., предсѣдатель временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441.

— Никол. Еварестов., т. VIII, 85, 109; т. IX, 472.

— С. И. Сообщ. замѣтку: Пасхальные подарки, розданные смоленскимъ чиновникамъ въ 1772 году. Т. VIII, 695—697.

— Софья Гавр., т. VIII, 86.

Писемскій, Алексѣй Өеофилакт., писатель. Вызовъ его на дуэль В. С. Курочкинымъ. Т. VIII, 321, 322.

Пичугинъ, Василій, рядовой козловскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 282—284.

Пичъ, О. В., учитель гимназіи въ Младой-Болеславн, въ Чехіи, т. IX, 6, 7, 355, 367—369.

Піа, Феликсъ, комунаръ, издатель газеты „Le Vengeur“, т. X, 454, 459, 686, 691.

Піотровскій, Леонъ, повстанецъ, т. VIII, 557, 558, 565.

Плавильщиковы:

— Васил. Алексѣев., библіографъ, книгопродавецъ и владѣлецъ библіотеки для чтенія, т. X, 165.

— Петръ Алексѣев., актеръ и писатель, т. X, 141, 143, 144.

Плана, Оскаръ, депутатъ, винный торговецъ и меръ г. Коньяка, т. X, 667, 669.

Платеръ, Владиславъ, польскій графъ, эмигрантъ, т. VII, 453—457.

Платонъ:

— (Городецкій), рижскій архіепископъ, нынѣ митрополитъ кіевскій, т. VIII, 193, 201—204, 234.

— Кіевскій митрополитъ, (1845 г.), т. VIII, 85, 87.

— (Левшинъ), законоучитель великаго князя Павла Петровича, впослѣд. митрополитъ московскій, т. VIII, 8, 473; т. IX, 451, 584.

Племянниковъ, русскій посолъ при дворѣ императора Максимиліана I, т. VII, 724.

Плетневъ, Петръ Александр., учитель павловскаго, кадетскаго корпуса, впослѣд. профессоръ и ректоръ петербургскаго университета, редакторъ журнала „Современникъ“, т. VIII, 353, 354.

Плещеевы:

— Родственникъ Карамзина, актеръ и чтецъ, т. VII, 617.

— Сергѣй Ив., писатель, т. IX, 594.

Плѣшивцовы, дворяне, обратившіеся въ крестьянъ, т. IX, 213.

Побѣдинскій, капитанъ московскаго драгунскаго полка, т. VII, 526.

Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 214.

Поггенполь, телеграфное агентство въ Петербургѣ, т. VII, 650.

Погодинъ, Мих. Петр., профессоръ, историкъ и публицистъ, т. VII, 115; т. VIII, 447, 448; т. X, 97.

Погожевъ, А. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Фабричный бытъ Германіи и Россіи. Т. X, 472.

Погосскій, Александръ Өом., народный писатель, т. VIII, 604.

Погуляевъ, солдатъ владимірскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 278.

Подгурскій, Д. А., бакалавръ кіевской духовной академіи, т. VII, 338.

Покровскій, Яковъ Фирсов., протоіерей, преподаватель воронежскаго духов. училища, т. VII, 97, 100.

Полевой, Никол. Алексѣев., писатель и журналистъ. Замѣтка объ участіи его въ изданіи „Сѣверной Пчелы“. Т. X, 165—171. Упомин. т. IX, 226, 230, 248.

Полетаевъ, монахъ, профессоръ казанской духовной академіи. См. Григорій.

Полисадовъ, Ив., петербургскій протоіерей, т. VII, 232, 233.

Поллертъ, актеръ, т. VII, 438.

Половцевъ, А. А., т. IX, 164, 176.

Полторацкіе:
— Маркъ Өедор., т. IX, 459.
— Сергѣй Дмитр., библіографъ и библіоманъ, авторъ „Словаря русскихъ писателей". Замѣтка о немъ. Т. VIII, 330—332.
фонъ-**Поль**, цензоръ, т. VIII, 245.
Полѣновы:
— Д. В., т. VIII, 216.
— Художникъ, т. X, 439.
Поляковъ, изслѣдователь Сахалина, т. IX, 677.
Помаре, танцорка, т. VIII, 658, 659.
Помель, помощникъ скульптора Фальконета, т. IX, 176.
Померанцевъ, гвардейскій офицеръ, т. IX, 448.
Помиховскій, Янъ, липновскій ксендзъ-благочинный, повстанецъ, т. IX, 338, 347, 555, 559—561.
Помяловскій, Никол. Герасим., писатель, т. X, 6, 577, 578, 592, 599, 600.
Понятовскій, Андрей Степ., учитель, т. X, 89.
Поповы:
— Вас. Вас., дѣйствит. статскій совѣтникъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, т. VIII, 10, 28, 33, 35, 243, 245, 246.
— Гавр. Степан., т. VII, 358.
— Ив. Ив., дьячекъ с. Аскошнаго, землянскаго у., воронежской губ., дѣдушка писателя В. И. Аскоченскаго. См. Аскошный.
— Нилъ Ал., профессоръ московскаго университета, т. X, 296, 306—308.
Поппе, Леопольдъ, основатель телеграфнаго бюро, т. VII, 648.
Порошинъ, Семенъ Андреев., воспитатель великаго князя Павла Петровича, т. IX, 584, 585, 587.
Порталисъ, французскій министръ, т. IX, 194.
Порфирій (Успенскій), епископъ, т. X, 408.
Порфирьевъ, Ив. Як., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 14, 19, 22, 25.
Посниковъ, Петръ Яковлев., полковникъ, командиръ волынскаго гарнизона. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 43, 44.
Поспѣловы, Алексѣй и Иванъ, живописцы, ученики Каравака, т. VIII, 479.
Поспѣховъ, Дмитр. Вас., дѣйствит. стат. совѣтникъ, помощникъ ректора и ординарный профессоръ кіевской духовной академіи. Библіографическая замѣтка о переработанномъ имъ сочиненіи А. Тьерри: Разсказы изъ римской исторіи V вѣка. Т. VII, 240—242.
Постниковъ, митрополитъ петербургскій и новгородскій. См. Григорій.
Пострихъ, Эдуардъ, защитникъ при мировомъ судѣ въ г. Плоцкѣ, повстанецъ, т. VIII, 578, 584, 585; т. IX, 114.
Потанинъ, изслѣдователь обычаевъ Вотяковъ, т. IX, 677.
Потаповъ, Александръ Львов., петербургскій оберъ-полиційм., впослѣд. начальникъ III отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи, т. VII, 360.
Потемкинъ, Петръ Ив., воевода боровскій, посланникъ въ Испаніи, Франціи и Англіи, т. VIII, 467.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григорій Александр., фельдмаршалъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, т. IX, 589, 591, 593; т. X, 141.
Поторжинскій, М. А., священникъ, преподаватель кіевской духовной семинаріи. Библіографическая замѣтка о соч. его: Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка. Т. X, 218.
Потѣхины:
— А. А., писатель. Предложеніе его объ открытіи всенародной подписки на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю. Т. VIII, 700. Упомин. т. X, 579.
— Братъ предъидущаго, писатель, т. X, 579.
Пошингеръ, писатель. Библіографическая замѣтка о сочин. его: Пруссія въ совѣтѣ германскаго союза. Т. X, 466—468.
Пое, Эдгардъ-Аланъ, американскій поэтъ и романистъ, т. VIII, 478.
Праленъ:
— Шарль-Гюгъ-Теобальдъ, герцогъ Шуазель, оберъ-камергеръ, перъ Франціи, депутатъ, т. IX, 185, 186.
— Герцогиня, рожденная Себастіани, жена предъидущаго, т. IX, 185, 186.
Прасковья Ивановна, царевна, супруга генералъ-аншефа Ив. Ил. Дмитріева-Мамонова, т. VII, 270.
Прасковья Өедоровна (Салтыкова), супруга царя Ивана Алексѣевича, т. VIII, 150.
Праховъ, Адр. И., профессоръ, т. X, 231.
Преваль, французскій генералъ, т. IX, 194.
Претлакъ, австрійскій дипломатъ, т. IX, 427.
Пржевальскій, Никол. Мих., полковникъ, ученый путешественникъ, т. X, 728.
Пржецлавскій, Осипъ Антонов., дѣйствит. стат. совѣтникъ, членъ главн. цензурн. управленія, т. VII, 125.

Принцъ, докторъ военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 125.
Прозоровскій, кн. Александръ Александр., генералъ-фельдмаршалъ, московскій главнокомандующій, т. IX, 451; т. X, 481, 483, 485, 487, 495.
Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій. См. Ѳеофанъ.
Прорововичъ, Лазарь, черногорецъ, т. IX, 418.
Протасовъ, гр., Н. А., оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 246, 247; т. X, 376, 391, 393—395, 397—404, 406.
Прото, комунаръ, т. X, 456.
Протопоповы:
— Бѣглый сержантъ, т. X, 497, 498.
— Сем. Ив., архимандритъ. См. Серафимъ.
Прохоровы:
— Вас. Александр., археологъ и этнографъ, основатель древне-христіанскаго и русскаго музея и издатель журнала Христіанскія древности. Некрологъ его. Т. IX, 447, 448.
— Д. А., преподаватель воронежскаго духовнаго училища, т. VII, 95.
Прецешко, Ю., археологъ. Библіографическая замѣтка о его Археологическомъ путеводителѣ по Тифлису. Т. VII, 238—240.
Пруденъ, Ганри, французскій полковникъ, т. X, 667.
Прыжовъ, авторъ „Исторіи кабаковъ въ Россіи", т. VIII, 596.
Пуйе-Кертье, французскій государственный человѣкъ, т. X, 457.
Пулатъ, кара-киргизскій бей, т. X, 128.
Пурталесъ, гр. Альбертъ, прусскій дипломатъ, т. VIII, 662, 663,
Пурцеладзе, Д. П. Библіографическая замѣтка объ изданіи его: Грузинскія крестьянскія грамоты. Т. IX, 215. Замѣтка объ открытіи имъ пещернаго города. Т. X, 728.
Пустовойтова, Анна, ренегатка, адъютантъ польскаго революціонера Лангевича, т. IX, 95.
Путиловъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.
Путятинъ, Иванъ, князь, т. IX, 443.
Пушкаревъ, подполковникъ, командиръ 6 стрѣлковаго баталіона, т. VII, 383.
Пушкины:
— Александръ Серг.. поэтъ. Новонайденныя его сочиненія и письма. Т. VII, 718, 719; т. VIII, 468. Упом. Т. VII, 18, 610, 612, 613, 623; т. IX, 235, 236, 248; т. X, 159, 166, 225, 470.
— Алексѣй Мих., т. VII, 611.
— Вас. Львов., поэтъ, дядя А. С. Пушкина. Біографическій очеркъ. Т. VII, 606—624.
— Капитолина Мих., рожденная Вышеславцева, супруга В. Л. Пушкина, т. VII, 607.
— Левъ Сергѣев., артиллерійскій подполковникъ, т. VII, 606.
— Ольга Вас., рожденная Чичерина, вторая супруга Л. С. Пушкина, т. VII, 606.
— Рожденная Воейкова, первая супруга Л. С. Пушкина, т. VII, 606.
— Серг. Львов., дядя поэта А. С. Пушкина, т. VII, 607, 610.
Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ. См. Веніаминъ.
Пфелеръ, т. IX, 279.
Пфлейдереръ. Ст. его: Миѳъ о Прометеѣ. Т. VIII, 630—636.
Пфуль, лужицкій филологъ, профессоръ дрезденской королевской гимназіи, т. IX, 13.
Пыпинъ, А. Н. Библіографическая замѣтка о его Старообрядческомъ синодикѣ. Т. VII, 484. Упом. т. X, 577.
Пьери, членъ тайнаго общества Молодая Италія, т. IX, 197—199, 203, 204.
Пьеръ-Наполеонъ Бонапарте, т. X, 682, 685.
Пьетри, префектъ парижской тайной полиціи, т. IX, 193.
де-Пэнъ, Ганри, редакторъ „Paris Journal", т. IX, 625.

Р.

Рава, офицеръ, т. VII, 391, 392.
Рагузинскій, графъ, т. VIII, 674.
Радзивиллъ, княгиня. См. Луиза.
Радицкая, польская революціонерка, т. IX, 578.
Радкевичъ, штабсъ-капитанъ, смотритель политическаго отдѣленія новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 587—589, 591; т. IX, 88, 90—93, 96, 97, 99, 100, 103—105, 107—111, 116, 119, 122, 126, 127, 325—328, 331, 336, 341—345, 347, 351, 352, 353, 554, 563—565, 567, 571—579.
Радинскій, И. Библіографическая замѣтка о соч. его: „Надписи персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ". Т. IX, 216.
Раевскіе:
— Госпожа, т. X, 476.
— Маіоръ 23-го егерскаго полка, т. VII, 151, 153.
— Петръ, малороссійскій писатель. Замѣтка о немъ. Т. IX, 541—552. Упомин. т. IX, 531, 532.

Разинъ, Стенька, донской казакъ, самозванецъ, т. X, 513.

Разуа, парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200.

Разумовскіе, графы:

— Алексѣй Григ., фельдмаршалъ, т. VII, 506, 513—515; т. VIII, 129, 480; т. IX, 423, 588.

— Кириллъ Григ., камеръ-юнкеръ, президентъ академіи наукъ, послѣдній гетманъ Малороссіи, т. VIII, 480.

Рамзай, баронъ, генералъ, начальникъ варшавскаго военнаго округа, т. VII, 378.

Рамерійо, Джироламо, т. IX, 211.

Ранвье, коммунаръ, т. X, 454, 459, 679.

Ранкъ, Осипъ В., чешскій писатель, т. IX, 366.

Ранцау-Ашебергъ, гр. Карлъ, т. VIII, 437, 438, 442—444.

Распайль, Франсуа-Венсанъ, химикъ, докторъ, политикъ и издатель газеты „La Tribune“, т. VIII, 652, 656; т. IX, 186.

Растрелли, гр., архитекторъ, т. VIII, 148; т. IX, 165—167.

Растуль, коммунаръ, т. X, 687.

Ратисбонь, Луи, редакторъ „Journal des Débats“, т. X, 446.

Раумеръ, Фридрихъ, нѣмецкій историкъ, основатель „Historisches Taschenbuch“, т. IX, 419.

Рафенъ, Екатерина-Жозефина. См. Дюшенуа.

Рахальскій, шляхтичъ, подольскій разбойникъ, т. IX, 536.

Рахимъ-шахъ, правитель Каратигена, т. X, 125—127.

Рахимбай, генералъ-маіоръ кокандскихъ войскъ, т. X, 113.

Регель, изслѣдователь Каратегина и Дарваза, т. IX, 677.

Ремеръ де Монморъ, докторъ медицины и ветеринаръ, коммунаръ, т. X, 679, 686.

Реймонъ, писатель. Замѣтка о его соч. „Джино Каппони“. Т. IX, 636—638.

Рейнботъ, пасторъ, т. VII, 486; т. VIII, 14.

Рейндль, капитанъ, т. VII, 444.

Рейтеръ:

— Рижскій банкиръ, т. VII, 441.

— Юліусъ, баронъ, основатель и глава телеграфнаго агентства въ Лондонѣ, т. VII, 633—636, 639, 640, 642—644, 648.

Ренанъ, Эрнестъ, французскій ученый, т. X, 413.

Ренгартенъ, подполковникъ, т. VII, 382, 384, 385.

Реньо, французскій живописецъ, т. X, 439.

Ренье-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, французскій депутатъ, впослѣдствіи военный министръ и маршалъ, т. IX, 194.

Ретвишъ. Библіографическая замѣтка о сочин. его: „Министръ фонъ Цедлитцъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго“. Т. X, 694—696.

Реттихъ, Юлія, актриса, т. VII, 446.

Рехневскій, редакторъ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, т. X, 582.

Рибке, Николай, пасторъ, штундистъ, VIII, 390.

Ривальтъ, псевдонимъ итальянскаго писателя Кастелладо, т. IX, 382.

Риго, Рауль, журналистъ, начальникъ полиціи парижской коммуны, т. X, 201, 454, 455, 463, 674, 675.

Ридигеръ, владѣлецъ нѣмецкаго книжнаго магазина въ Москвѣ, т. IX, 459.

Рикордъ, Петръ Ив., адмиралъ, т. VIII, 320.

Риттеръ, Морицъ, профессоръ боннскаго университета, т. IX, 429.

Рифаатъ-Паша (Садикъ), турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, членъ совѣта танзимата и президентъ военнаго совѣта, т. VIII, 662.

Робеспьеръ, Максимиліанъ-Франсуа-Исидоръ, IX, 633; т. X, 205.

Ровинскій, Дмит. Александр., тайный совѣтникъ, сенаторъ. Замѣтки по поводу его „Русскихъ народныхъ картинокъ. Т. VII, 496; т. VIII, 702, 703. Библіографическая замѣтка объ изданіи его: „Достовѣрные портреты московскихъ государей. Т. VII, 722—724. Упомин. Т. VII, 256; т. VIII, 149.

Роге, гр. Франсуа, французскій генералъ, перъ и сенаторъ, адъютантъ Наполеона III, т. IX, 203.

Родбертусъ Ягетцовъ, германскій политическій писатель, т. IX, 612, 614, 615.

Роде, супруга генералъ-лейтенанта, рожденная Дадина, т. VIII, 353.

Родіоновъ, жандармскій унтеръ-офицеръ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 564, 566—570.

Рождественскіе:

— Учитель петербургской VI гимназіи, т. VIII, 418, 419.

— Яков. Григор., учитель казанской гимназіи, т. X, 5, 9, 14, 27, 29, 305, 306, 312.

Рожновъ, Евген. Петр., генералъ-лейтенантъ, плоцкій, а потомъ варшавскій губернаторъ, впослѣд. сенаторъ, т. VIII, 573.

Розенбаумъ, т. IX, 266—268, 289, 472.

Розенфельдтъ, Эверъ, почтмейстеръ въ Никіобингѣ, т. X, 220.
Розенъ:
— Баронъ, казанскій губернаторъ, т. VIII, 253.
— Е. Ѳ., баронъ, писатель, авторъ либретто оперы „Жизнь за царя", т. VII, 121—123; т. X, 164.
Розовъ, поручикъ, т. VII, 364—367.
Роллеръ, Андрей Адамовичъ, художникъ, профессоръ декораціонной живописи, т. X, 165.
Романовы:
— Русскій боярскій домъ, т. X, 214, 216.
— Ѳедоръ Никитичъ, патріархъ. См. Филаретъ.
Ромодановскій, кн. Ѳедоръ Юрьев., князь-кесарь, начальникъ преображенскаго приказа, т. VIII, 150.
Росковшенко, подольскій директоръ, т. IX, 279.
Россель:
— Джонъ, лордъ, англійскій первый министръ, впослѣд. министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VIII, 661.
— Президентъ военнаго отдѣла парижской комуны, т. X, 444, 452—454, 463.
Россетъ, Александра Осип. См. Смирнова.
Росси, графиня. См. Зонтагъ.
Россовъ, студентъ казанской духовной академіи, т. X, 40.
Россъ, Денманнъ, ученый. Библіографическая замѣтка о соч. его: „Опыты по древнѣйшей исторіи учрежденій". Т. X, 698—701.
Ростиславичъ, А. В., писатель, т. IX, 230.
Ростковскій, повстанецъ, т. VIII, 568, 569.
Ростовцевъ, Яковъ Ив., главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній и предсѣдатель комитета объ устройствѣ крестьянъ, т. VII, 348; т. VIII, 345—349, 351, 352, 355; т. IX, 602; т. X, 156, 157.
Рошфоръ, Генри, французскій публицистъ, т. X, 194, 195, 198, 456, 462, 676, 677, 686, 691.
Ртищевъ, Ѳедоръ Мих., постельничій царя Алексѣя Михайловича, основатель преображенской пустыни, т. VIII, 381, 382.
Рудзевичи:
— Александръ Яковл., генералъ, т. VII, 662.
— Начальникъ штаба 2 арміи, т. VII, 134, 137, 141.
Руденко, Ив. Григ., писатель подъ псевдонимами: Баронъ фонъ-Кокъ, Послѣдній Трубадуръ и Странствующій Рыцарь, т. VII, 356.
Рудіо-да-Сильва, итальянскій революціонеръ, т. IX, 203, 204.
Рудневъ, Ив. Макс., архіепископъ, а потомъ митрополитъ. См. Іоанникій.
Рудольфовы:
— Священникъ саратовской епархіи, т. X, 307.
— Я. В., бакалавръ казанской духовной академіи, т. X, 35, 307.
Рудченко, И., собиратель памятниковъ народной украинской словесности, т. IX, 516.
Руликовскій, Ед., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229.
Румовскій, академикъ, т. VIII, 137.
Румянцевы, графы:
— Александръ Ив., сенаторъ, генералъ-аншефъ, т. VII, 516.
— Никол. Петр., государственный канцлеръ, основатель музея его имени. Замѣтка о пятидесятилѣтіи этого музея. Т. IX, 221.
Руничъ, попечитель петербургскаго учебнаго округа, т. VIII, 28—30, 33, 34, 250, 252.
Рупрехтъ, академикъ, т. X, 420.
Руссо, Камиль, членъ французской академіи, т. VIII, 664.
Руссо, Жанъ-Жакъ, энциклопедистъ, т. VII, 260.
Руэ, бонапартистъ, т. X, 450.
Руэръ, французскій министръ, т. VIII, 640.
Рыло, архіепископъ ростовскій. См. Вассіанъ.
Рыль, Людвигъ, политическій преступникъ, т. VII, 379.
Рылѣевы:
— Александ. Мих., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, комендантъ импер. глав. квартиры, т. IX, 597.
— Петербургскій полиціймейстеръ, т. VIII, 500.
— Поэтъ, т. X. 328.
Рындовскій, Никол. Семен., т. X, 88.
Рѣпнинъ, князь, т. X, 483.
Рѣбининъ, Д. Д. Ст. его: „Воспоминаніе его о Н. Д. Мизко. Т. X, 83—108.

С.

Сабанѣевъ, Ив. Вас., генералъ-лейтенантъ, командиръ 6-го корпуса, т. VII, 138, 143, 151—153.
Сабатье де-Кабръ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, т. IX, 586, 587.

Саблуковъ, Гордій Семен., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 22.
Савватій, монахъ ярославскаго толгскаго монастыря, государственный преступникъ, т. VII, 511, 512.
Савельевъ, Викторъ Констант., нумизматъ, членъ русскаго археологическаго общества. Некрологъ его. Т. VIII, 477.
Савина, Прасковья Ив., рожденная Куликова. См. Орлова.
Савченко, Петръ, священникъ г. Алексополя, т. VIII, 598—600.
Сазиковъ, мануфактуръ-совѣтникъ, т. VII, 650, 651.
Салтыковы:
— Генералъ-адъютантъ, т. VII, 432.
— Гр. Ив. Петр., московскій генералъ-губернаторъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ. Письмо его къ П. В. Лопухину. Т. VIII, 235, 236.
— Мих. Глѣбовъ, русскій бояринъ и воевода, т. X, 216.
— Сергѣй, камергеръ, т. IX, 425, 426.
— Царица. См. Прасковья Θедоровна.
Самаринъ, Юрій Θедор., товарищъ министра внутр. дѣлъ, впослѣд. статсъ-секретарь по дѣламъ Ц. П., т. VIII, 187, 201, 392; т. IX, 679.
Самойловъ, Александръ Никол., генералъ-прокуроръ, X, 496—499.
Санковскій, Вас. Демьян., секретарь ярославскаго приказа общественнаго призрѣнія, стихотворецъ, основатель перваго провинціальнаго журнала Уединенный Пошехонецъ, т. X, 237—240.
Саноцкій, волынскій совѣстливый судья. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 48.
Сансонъ, французскій актеръ, т. VIII, 655.
Санченко, Петръ, священникъ, т. X, 221.
Сапѣга, польскій графъ, т. VII, 201.
Сафьянниковъ, Петръ, протоколистъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 664.
Сахаровъ, Семенъ, московскій мѣщанинъ, т. VIII, 235.
Свадьбинъ, Василій, крестьянинъ с. Покровскаго, чембарскаго уѣзда, т. IX, 446.
Свидзинская, дѣвица, сопутствовавшая повстанцу Домбровскому въ Сибирь, т. X, 666.
Свидницкій, Антоній, малороссійскій писатель. Замѣтка о немъ. Т. IX, 529 — 540. Упомин. т. IX, 231, 232.
Свѣтловъ, священникъ рижской епархіи, т. VIII, 193—195.
Свѣтозаровъ, Ефимъ Егор., воспитанникъ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 105.
Свѣтушкинъ. коллеж. ассес., содержатель московской университетской типографіи, т. IX, 451, 452.
Сѣчины:
— Госпожа, провелитка, т. VIII, 15.
— Начальникъ отдѣленія канцеляріи министерства императорск. двора, т. VII, 350.
Себастіани. См. Праленъ.
Себастіанъ, донъ, король португальскій, т. X, 208.
Севастьяновъ, П. И., т. IX, 221.
Сегюръ д'Огессо, графъ Луи-Филиппъ, французскій поэтъ, историкъ и дипломатъ впослѣд. пэръ, т. IX, 195.
Сеидъ-Мугаммединъ, правитель Каратигена т. X, 125, 126.
Сеймуръ, Джорджъ Гамильтонъ, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, т. VIII, 662.
Селимъ III, турецкій султанъ, т. IX, 415.
Селинъ, Александръ Ив., профессоръ кіевскаго университета, членъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441; т. X, 97, 99.
Семевскіе:
— Вас. Ив., магистръ русской исторіи, писатель. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. VIII, 226—230.
— Мих. Ив., тайный совѣтникъ, редакторъ-издатель „Русской Старины", т. X, 577.
Семека, генералъ-лейтенантъ, т. IX, 342.
Семеновъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 355.
Сементовскій, Н., т. X, 97.
Сенковскій, Осипъ Ив., профессоръ петербургскаго университета, писатель и критикъ (баронъ Брамбеусъ), т. X, 159.
Сенъ-Ле, Гортензія, герцогиня, бывшая голландская королева, т. VIII, 653, 654.
Сенъ-Симонъ, французскій генералъ. т. IX, 194.
де-Сентъ-Арно, Жакъ Леруа, французскій маршалъ, т. VIII, 664; т. IX, 190—193, 197—199.
Сентъ-Жоржъ, французская актриса. т. VII, 199.
Сентъ-Илеръ, Бартелеми, секретарь Тьера, т. X, 461, 462.
Сентъ-Олеръ, гр. Луи-Бопуаль, членъ французской академіи, французскій посланникъ въ Римѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. т. VII, 445.
Сеписманъ, Іосифъ, польскій повстанецъ, т. IX, 99.
Серафимъ:
— (Аретинскій), ректоръ казанской духовной академіи, впослѣд. архіепископъ воронежскій, т. X, 17.

— Баккалавръ кіевской духовной академіи, т. VII, 336.
— (Глаголевскій), митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. VIII, 35, 242, 243, 248, 249, 266; т. X, 393—400, 407.
— (Семенъ Ив. Протопоповъ), архимандритъ, инспекторъ казанской духовной академіи, т. X, 19, 28.
Сербиновичъ, синодальный чиновникъ, т. X, 402—404.
Сергій, святой, игуменъ и чудотворецъ Радонежскій, основатель Троицко-Сергіевской лавры, т. VII, 238.
Сергій Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. IX, 604.
Сергѣевичъ, Вас. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. VIII, 216—218.
Серизье, командиръ баталіона парижской національной гварціи, т. X, 677, 678.
Сессе, французскій адмиралъ, т. X, 667, 681.
Сестренцевичъ-Богушъ, римско-католическій митрополитъ въ Россіи, т. VIII, 35.
Сецинскій (Сецицкій), Константинъ, отставной офицеръ, польскій повстанецъ, т. IX, 338, 558—560.
Сечени, графъ, путешественникъ по Китаю, т. X, 727, 728.
Сиверсъ, Петръ Өедор., секретарь великаго князя. Загадочный арестъ его. Т. VII, 243—245.
Сигизмундъ II Августъ, король польскій, т. VII, 167.
Сигизмундъ III (Ваза), король польскій, т. X, 216.
Сидорчукъ, часовой въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 578, 586, 592.
Сикевичъ, В. М., редакторъ „Петербургскаго Листка“. Изъ воспоминаній его: Два врага (Суворовъ и Муравьевъ). Т. X, 422—430.
Сикорскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.
Сикстъ, изъ Оттерсторфа, чешскій писатель, т. IX, 370, 373.
Сильверстовъ, капитанъ, плацъ-адъютантъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 567, 576; т. IX, 565.
Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, а потомъ монахъ, наставникъ царя Ивана Грознаго, авторъ Домостроя, т. VII, 260.
Сильери, маркиза. См. Жанлисъ.
Симонъ, Жюль, французскій государственный человѣкъ, т. X, 448, 464, 676
Синицынъ, Д., начальникъ стола департамента полиціи исполнительной м. в. д., т. X, 720.
Синовскій, В. Д. Библіографическая замѣтка объ изданіи его: Родная Старина. Т. VII, 726—731.
Сире, брюссельскій адвокатъ, т. VII, 447.
Сиретининъ, корнетъ, т. VII, 336, 373.
Сирскій, Сава, малороссіянинъ, т. X, 497, 498.
Сиссе, французскій генералъ, т. X, 672, 675.
Скальковскій, А., т. X, 97.
Скворцовы:
— И. М., профессоръ кіевской духовной академіи, т. VII, 338.
— Подполковникъ, подольскій жандармскій штабъ-офицеръ, т. IX, 283.
Скляревъ, прапорщикъ, александрольскій уѣздный стряпчій, т. X, 221, 222.
Скобелевы:
— Дмитр. И., генералъ, т. IX, 395, 396.
— И. Н., генералъ, шефъ рязанскаго полка, т. IX, 395.
— Мих. Дмитр., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи. Замѣтка о завоеваніи Ахалъ-Теке. Т. VII, 721, 722. Памяти его. Т. IX, 395—402. Посмертныя бумаги его. Т. X, 109—138, 275—294. Упомин. т. VIII, 155, 166.
Сковскій, греко-уніатскій архимандритъ почаевской лавры, т. X, 232.
Скосырева, Анна Павлов., т. IX, 269.
Скржинецкій, генералъ польскихъ войскъ, т. IX, 210.
Сливицкій 2-й, офицеръ 4-го стрѣлковаго баталіона, повстанецъ, т. VII, 364, 393; т. VIII, 568, 569.
Слѣпцовъ, Пав. Никол., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, т. IX, 597.
Смирдинъ, Александръ Филип., книгопродавецъ и издатель, т. X, 165—171.
Смирницкіе:
— Архіепископъ воронежскій. См. Антоній.
— В. Н., авторъ сборника малорусскихъ пословицъ и поговорокъ, т. IX, 229.
Смирновы:
— Александра Осип., рожденная Россетъ, фрейлина. Некрологъ ея. Т. X, 225, 226.
— Д. А., московскій артистъ-моделировщикъ. Замѣтка о его модели царскаго дома. Т. VII, 735, 736.
— Никол. Мих., калужскій, а потомъ петербургскій губернаторъ, т. X, 226.
Смиттъ, Ф. Ф., авторъ исторіи военныхъ дѣйствій 1831 г., т. IX, 207, 211.
Смитъ, Вильямъ Сидней, британскій адмиралъ, т. VII, 209.
Смолинскій, Ипполитъ, польскій повстанецъ, т. IX, 557, 573.
Смысловы:
— Анисимъ, московскій купецъ, т. VIII, 235, 236.

— Н. К., воспитанникъ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 102.
Собкевичъ, Антонъ Ив., преподаватель воронежской семинаріи, т. VII, 101.
Собко, Н. П. Ст. его: Французскіе художники въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, живописецъ Людовикъ Каравакъ. Т. VIII, 138 — 148. Сообщилъ: Дополнительныя свѣдѣнія о Л. Каравакѣ. Т. VIII, 479, 480, 703, 704. Геліографическій снимокъ съ портрета Н. В. Гоголя, рисованнаго Ивановымъ. Т. IX, 225.
Соболевскій, А. И. Библіографическія замѣтки его: Исторія православнаго монашества въ сѣв.-восточной Россіи—М. Кудрявцева. Т. VII, 288. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Т. VII, 471—474.
Собріе, французскій коммунаръ, т. IX, 633, 634.
Соколевскіе:
— Н. М., т. X, 587.
— Янъ, польскій повстанецъ, т. IX, 338, 341, 559.
Соколовы:
— Актеръ, т. X, 141.
— Ив., граверъ, т. VIII, 145, 147.
— Ив. Өедор., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.
— Іоаннъ, ректоръ казанской духовной академіи, т. X, 297, 298.
— Нафанаилъ, профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 22.
Соллогубы:
— Графъ, т. VIII, 195, 196.
— Гр. Владим. Александр., дипломатъ и писатель. Некрологъ его. Т. IX, 223.
Солнцевъ, кременецкій засѣдатель, участвовавшій въ пріемѣ отъ уніатовъ почаевской лавры, т. X, 233.
Соловьевы:
— Баронъ, командиръ лейбъ-гв. егерскаго полка. Ошибки его. Т. X, 641—646.
— Владиміръ, т. X, 409.
— Волынскій архіепископъ. См. Агаөангелъ.
— Сергѣй Мих., исторіографъ, профессоръ. Библіографическая замѣтка о его сочиненіяхъ. Т. VIII, 670 — 672. Упомин. т. VIII, 448; т. X, 331.
— С. Ө., профессоръ кіевской духовной академіи, т. VII, 339.
— Учитель исторіи военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 123.
— Яковъ Александр., тайный совѣтникъ членъ, завѣдывавшій дѣлами учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, сенаторъ, т. VIII, 396.
Сомовы:
— Слуга „чернаго кабинета" французскаго правительства, т. VIII, 380.
— Орестъ М. (Порфирій Байскій), писатель, т. IX, 229, 230.
Сорокинъ, Григорій, барабанщикъ. Замѣтка о немъ: Неудавшіяся мощи. Т. VIII, 486, 487.
Сотниковъ, т. IX, 279.
Софіано-Сухотиновъ, капитанъ, ротный командиръ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.
Софія:
— Австрійская эрцгерцогиня, т. VII, 444.
— Великая герцогиня, правительница Бадена, т. VII, 448.
— (Палеологъ), греческая царевна, супруга московскаго князя Ивана III, т. X, 214.
Софія Алексѣевна, царевна, соправительница, въ иночествѣ Сусанна, т. VII, 262; т. VIII, 692.
Спасовичъ, Владим. Даниил., адвокатъ писатель. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Жизнь и политика маркиза Велепольскаго; эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Т. VIII, 684--688.
Спасскій, Петръ. См. Фотій.
Сперанскій, гр. Мих. Мих., русскій юристъ, государственный секретарь. Случай изъ жизни его. Т. X, 721, 722. Упомин. т. VII, 12, 19, 667—669; т. VIII, 253; т. X, 727.
Срезневскіе:
— Авторъ сборника малорусской народной поэзіи (1833 г.), т. IX, 229.
— Измаилъ Ив., тайный совѣтникъ, заслуженный профессоръ, академикъ, деканъ и ординарный профессоръ петербургскаго университета, т. IX, 364; т. X, 97.
С—скій, А. Библіографическія замѣтки его: Макарій, митрополитъ всероссійскій—Н. Лебедева. Т. VII, 724—726. Митрополитъ Кипріанъ въ литургической дѣятельности—Мансветова. Т. X, 711—713.
Ставровскій, М., профессоръ кіевскаго университета, членъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441.
Стандровскій, тамбовскій священникъ, т. VII, 733, 734.
Старицкій, лейтенантъ, т. X, 176, 177.
Старковъ, посолъ къ мунгальскому князю Дайанъ-Нойону, т. VIII, 673.
Стародубцевъ, самозванецъ (лже-царевичъ Петръ Петровичъ), т. VII, 279.
Стасовъ, Владим. Вас., дѣйствит. статскій совѣтникъ, библіотекарь императорской публичной библіотеки. Замѣтка его: Сербскій портретъ Петра Великаго. Т. VIII, 208—214. Упомин. т. VIII, 140.

Степановы:
— Актриса, т. X, 165.
— Василій, придворный музыкантъ, т. VIII, 148.
— Иванъ, секундъ-маіоръ, алексопольскій городничій, т. VIII, 598.
— Полковникъ, т. IX, 457.
— Провинціальный секретарь, старшина мѣстечка Орлика. Т. X, 221, 222.
Стефани, телеграфное агентство, т. VII, 648.
Стефанія, великая герцогиня баденская, т. VII, 214.
Стопановскій, М. М., писатель, т. X, 579.
Стороженко, Алексѣй Петров., чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ вн. дѣлъ и виленскомъ генералъ-губернаторѣ, впослѣд. предводитель дворянства, малороссійскій писатель. Замѣтка о немъ. Т. IX, 513—529. Упомин. т. IX, 231, 232, 245.
Стоюнинъ, В. Я., Ст. его: Консерваторы сороковыхъ годовъ. Т. VII, 5—28.
Стояновскій, Никол. Ив., тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, т. X, 224.
Стражевъ, Павелъ, канцеляристъ государственной иностранной коллегіи, т. IX, 219.
Страусъ, секретарь дерптскаго ордунсъ-герихта, т. X, 723.
Страховъ, Н. Библіографическая замѣтка о соч. его: Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Т. VIII, 466—470.
Строгоновы:
— Гр. Александръ Григ., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, членъ государств. совѣта, т. IX, 365.
— Гр. Александръ Сергѣев., дѣйствительный камергеръ, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 584.
— Гр. Сергѣй Григор., генералъ-адъютантъ, попечитель москов. учебнаго округа, членъ государств. совѣта, воспитатель цесаревича Николая Александровича. Некрологъ его. Т. VIII, 476, 477.
— Семенъ Аникіев., колонизаторъ велико-пермской земли, т. X, 252.
— Сергѣй, т. VII, 284.
Строевъ, Владим. Мих., писатель и переводчикъ, т. X, 168.
Струве, Карлъ Вас., дѣйствит. статскій совѣтникъ, камергеръ, дипломатъ, т. X. 133.
Струэнзе, гр. Іоганъ-Фридрихъ, докторъ медицины, лейбъ-медикъ датскаго короля, впослѣд. министръ кабинета, т. VIII, 435—444.
Стрѣшнова, т. VIII, 150.
Стурдза:
— Александръ Скарлатов., русскій дипломатъ, господарь Молдавіи, т. VII, 664.
— Фрейлина. См. гр. Эдлингъ.
Субботинъ, Ник. Ив., профессоръ московской дух. академіи, т. VIII, 195, 198.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣев., издатель газеты „Новое Время“, т. VII, 256.
Суворовы-Рымникскіе:
— Гр. Александръ Аркадьев., князь Италійскій, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-инспекторъ пѣхоты. Дѣятельность его въ остзейскомъ краѣ. Т. VIII, 185—207. Вражда его съ гр. М. Н. Муравьевымъ. Т. X, 422—430. Упомин. т. IX, 597.
— Любовь, супруга предъидущаго. Т. X, 424—427.
Сугорскій, князь, т. VII, 724.
Судимскій, польскій повстанецъ, т. IX, 338.
Сулейманъ-Удайча, коканскій кипчакъ, т. X, 128.
Сумароковъ, Петръ, т. VII, 284—286.
Сусловъ, актеръ, т. X, 141.
Суссексъ, Августъ-Фридрикъ, герцогъ, т. VII, 213.
Сутерландъ, банкиръ, т. IX, 593.
Сухановъ, келарь троицкаго монастыря. См. Арсеній.
Сухаревъ, Петръ, купецъ, фабрикантъ красокъ, т. VIII, 147.
Сухозанетъ, генералъ, главный директоръ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 347, 348, 360.
Сухомлиновъ, Мих. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, академикъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университета. Библіографическая замѣтка о его Исторіи россійской академіи. Т. X, 469—471. Упомин. т. X, 224.
Сухтеленъ, гр. Петръ Корнилов., инженеръ-генералъ, т. VII, 662.
Сыровъ, жандармъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 582, 589; т. IX, 98, 99, 104, 109, 113.
Сѣровъ, подполковн., начальникъ военнаго отдѣла въ Самаркандѣ, т. X, 132.

Т.

Таалѣевъ, купецъ, фабрикантъ красокъ, т. VIII, 147.
Тайлоръ, баронъ, директоръ французскаго театра, т. VIII, 655.
Талызинъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 353, 354.
Тальботъ, эдинбургскій профессоръ, изобрѣтатель фотографіи, т. X, 161.
Тамизье, французскій генералъ, т. IX, 623.

Ташъ-бала, наманганскій почетный житель, т. X, 129.

Танцовъ, Борисъ Матв., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Танѣевъ, Александръ Сергѣв., статсъ-секретарь, сенаторъ, управляющій I отд. собств. Е. В. канцеляріи, т. VII, 14.

Танскіе, предки писателя Н. В. Гоголя по женской линіи, т. IX, 246.

Тараненко, разбойникъ, т. IX, 586.

Тарнава, И. П. Сообщ. анекдотъ объ Аракчеевѣ. Т. VII, 489.

Тарнава-Боричевскій, Иванъ Петр., начальникъ отдѣленія, впослѣд. директоръ канцеляріи главн. управл. пут. сообщ., т. VII, 110.

Тарсій, Вароѳоломей, историческій живописецъ, т. VIII, 480.

Тарховъ, Константинъ, регистраторъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 664.

Татариновы:

— Валеріанъ Алексѣев., тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, государственный контролеръ. Оригинальная резолюція его. Т. VII, 486.

— Сектанка (рожденная Буксгевденъ), т. VIII, 246, 247.

Татищевы:

— Вас. Никит., историкъ, т. VII, 274, 275; т. VIII, 448, 626.

— Н. В., т. VIII, 144.

Тове, путешественникъ VI столѣтія, т. VII, 723.

Толяковскій, Аркадій Захар., инженеръ-поручикъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, впослѣд. инженеръ-генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 358.

Теодерикъ (Альтенбургскій), гросмейстеръ рыцарей тевтонскаго ордена, князь Литвы и Жмуди, т. VII, 163, 164.

Теотоки, графиня, по первому браку Элленбороу, т. VII, 215—217.

Терещенко, А., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229.

Терновскій, Фил. Алексѣев., профессоръ кіевской духовной академіи, т. X, 378.

фонъ-**Тизенгаузенъ**, баронъ Гансъ, эстляндскій ландратъ, шведскій посолъ въ Россіи, т. VII, 652.

Тикъ, Людвигъ, нѣмецкій поэтъ, беллетристъ и критикъ, т. VII, 446, 449, 451.

Тилеманъ-фонъ-Зумпахъ, рыцарь тевтонскаго ордена, т. VII, 165, 166.

Тимашевъ, Александръ Егор., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, министръ почтъ и телеграфовъ, а потомъ внутреннихъ дѣлъ, членъ государствен. совѣта, т. VIII, 334.

Тиммъ, Вас. Ѳедор., живописецъ и издатель Русскаго Художественнаго Листка, т. VII, 351.

Тимофеевъ, офицеръ, т. VII, 391, 392.

Тиндаль, знаменитый физикъ, т. X, 727.

Тихомандрицкій, помощникъ попечителя казанскаго учебнаго округа, т. X, 312.

Тихоміровъ, М. Л., т. IX, 658.

Тишениновъ, Павелъ Андреев., полковникъ, ротный командиръ императорскаго военно-сиротскаго дома, т. VIII, 116, 121, 124, 344.

Тишинъ, канцеляристъ, т. VII, 280.

Товицкіе:

— Гавріилъ, священникъ, т. VII, 784.

— Иванъ, кирсановскій дьячекъ. Ссора его съ своимъ настоятелемъ, протоіереемъ Колановскимъ. Т. VII, 783, 784.

Тодтъ, пасторъ, писатель, т. IX, 608.

Токарскій, Густавъ, польскій повстанецъ, т. IX, 347.

Толенъ, парижскій работникъ, депутатъ, т. X, 676.

Толмыга, Мих. Ив., офицеръ военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 121.

Толстые:

— А. К., графиня, т. VIII, 479.

— Гр. Дмитр. Андреев., дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, министръ народнаго просвѣщенія, впослѣд. президентъ академіи наукъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 399, 400, 420; т. X, 224, 388.

— Гр. Ив. Матв., министръ почтъ и телеграфовъ, т. VII, 125, 628, 644, 647; т. VIII, 323.

— Гр. Левъ Никол., писатель, т. VIII, 451.

— Гр., оберъ-гофмаршалъ, т. VIII, 260.

— Юрій Вас., товарищъ оберъ-прокурора св. синода, авторъ списка архіереевъ, т. X, 400.

— Яковъ Никол., дѣйствит. статскій совѣтникъ, агентъ русскаго правительства въ Парижѣ. Замѣтка о немъ. Т. VIII, 328—330.

— Ѳеофилъ Матв. (Ростиславъ), музыкальный рецензентъ, т. VII, 121—123, 125, 127.

Толь, графы:

— Генералъ-маіоръ, т. VII, 116.

— Карлъ Ѳедор., генералъ, главноуправляющій путями сообщенія, членъ государств. совѣта и военной академіи, т. IX, 211.

Тома:

— Клеманъ, кирасирскій унтеръ-офицеръ, впослѣд. генералъ, редакторъ газеты „National“, т. IX, 187, 623; т. X, 188, 195.

— Эмиль, директоръ парижскихъ національныхъ мастерскихъ, впослѣд. управ-

ляющій собственными имѣніями Наполеона III, т. IX, 187.
Тоновичъ, Игнатій, повстанецъ, т. VIII, 558.
Тороповъ, подпоручикъ, смотритель политическаго отдѣленія новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 561, 563, 567—572, 575, 577, 579, 587; т. IX, 91, 112, 127, 128, 554—556, 564.
Трамповскій, консулъ въ Ригѣ, т. VII, 482.
Трахимовскій, директоръ волынской губернской гимназіи, т. IX, 46.
Трейларъ, инженеръ и артиллеристъ, комунаръ, т. X, 692.
де-Тремуйль, герцогиня, принцесса Тарентская, статсъ-дама Маріи-Антуанеты, а потомъ русскаго двора, т. VIII, 131.
Тренже, бельвильскій сапожникъ, комунаръ, т. X, 685.
Трефолевъ, Леонидъ Никол. Собщилъ замѣтки: Похороны гр. А. И. Ушакова. Т. VIII, 472, 473. Императрица Елизавета какъ щеголиха. Т. IX, 218, 219. Просьба о пожалованіи описныхъ вотчинъ. Т. IX, 443, 444. Матеріалъ для исторіи италіанской оперы въ Россіи. Т. IX, 662—664. Такса на взятки. Т. X, 223. Первый провинціальный журналъ— Уединенний Пошехонецъ. Т. X, 237—240.
Трехлѣтовъ, Егоръ Вас., ярославскій купецъ, любитель древностей, т. X, 239.
Трироговъ, В. Библіографическая замѣтка о его сочин. Община и подать. Т. IX, 212—214.
Троицкій, Платонъ Алексѣев., епископъ аккерманскій, викарій кишеневскій. См. Петръ.
Тролонъ, Раймондъ, французскій юристъ, членъ института и сенаторъ, т. IX, 195.
Тронсонъ-Дюмерсанъ, французскій докторъ, т. X, 450—452, 461.
Трошю, французскій государственный человѣкъ, т. X, 448, 449, 682.
Трощинскій, Дмитр. Прокоф., статсъ-секретарь, сенаторъ, министръ удѣловъ, а потомъ юстиціи. Письмо къ нему кн. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 672, 673.
Троянскій, А. С., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 25.
Трубецкіе, князья:
— Григорій, подпоручикъ, т. VIII, 497.
— Ив. Юрьев., бояринъ, фельдмаршалъ, сенаторъ, т. IX, 420.
— Никита Юрьев., дѣйствит. тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ, писатель, т. VIII, 488; т. IX, 422—424.
— Никол., дѣйствит. статскій совѣтникъ, т. X, 485, 487, 488.
— Серг. Петр., полковникъ лейбъ-гв. преображенскаго полка, декабристъ, т. IX, 657.
Трубниковъ, Констант. Вас., редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей". Библіографическая замѣтка о соч. его: Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи. Т. VIII, 459, 460. Упомин. т. VII, 644, 646, 648.
Труженикъ, Тимофей, самозванецъ (лжецаревичъ Алексѣй Петровичъ), т. VII, 279.
Трусевичъ, Х. Библіографическая замѣтка о его сочиненіи: Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ. Т. VIII, 672—674.
Туманскій, Θ. П., статскій совѣтникъ, рижскій цензоръ, т. VII, 485; IX, 580.
Тургеневы:
— Александръ Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, писатель, т. VII, 610, 615; т. VIII, 10, 23, 25, 37, 243.
— Ив. Серг., писатель, т. IX, 10; т. X, 590.
— Никол. Ив., политическій писатель, т. VII, 20, 348.
— Отставной бригадиръ, т. X, 487.
Турчаниновъ, придворный камеръ-лакей, заговорщикъ, т. VII, 508.
Тухолка, политическій преступникъ, т. IX, 347, 561, 568, 579.
де-Тыляи, гр. Янъ, повстанецъ, т. IX, 555, 557, 560, 573, 578, 579.
Тьерри, Амадей, членъ французскаго института. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: Разсказы изъ римской исторіи V вѣка. Т. VII, 240—242.
Тьеръ, Людовикъ-Адольфъ, французскій министръ, впослѣд. президентъ республики, т. VIII, 654, 664; т. IX, 187—189, 469, 622; т. X, 189, 190, 201—205, 448—453, 456, 457, 460—462, 665—667, 669, 670, 676, 677, 687, 689.
Тюменецъ, казакъ, посланный къ мунгальскому князю Кункантшу, т. VIII, 673.
Тютчевъ, Θедоръ Ив., чиновникъ министерства иностран. дѣлъ, поэтъ, т. VII, 126, 127.

У.

Уайтбридъ, предводитель оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ, т. VII, 211.
Уваровы:
— Гр. Алексѣй Серг., дѣйствит. статскій совѣтникъ, камергеръ. Библіографическая замѣтка о соч. его: Археологія Россіи—каменный періодъ. Т. VIII, 455—458. Упомин. т. VIII, 208, 480.
— Гр. Серг. Семен., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государственнаго со-

вѣта, министръ народнаго просвѣщенія, т. VII, 14—28, 358; т. VIII, 451.

Уверскіе:

— Ив. Мих., экзекуторъ петербургскаго университета, т. X, 621.

— Никол. Ив., врачъ лейбъ-гв. павловскаго полка. Статья о немъ. Т. X, 620—624.

У—въ, П. Ст. его: Изъ жизни императора Александра II. Т. IX, 596—605.

Угловъ, Ѳедоръ, кондукторъ инженернаго корпуса, т. VII, 282—284.

фонъ-Узедомъ, графъ, т. VIII, 666.

Украинцевъ, Савва Игнат., т. VIII, 692.

Улиссъ-Паранъ, комунаръ, т. X, 687.

Улыбышевъ, Александръ Дмитр., музыкальный критикъ, т. VII, 121, 122.

Ульяновъ, Иванъ, дворовый человѣкъ, т. IX, 446.

Уляницкій, ученый, т. VIII, 446.

Уятовскій, Витольдъ, повстанецъ, т. VIII, 565, 576.

Урлико, генералъ, т. IX, 341, 568, 569.

Усовы:

— Пав. Степ., публицистъ и писатель. Воспоминанія его. Т. VII, 107—127, 345—362, 625—651; т. VIII, 318—343. Сообщ. Записку Д. М. Наумова: Эпизодъ изъ жизни императора Николая I. Т. VII, 156—162. Оригинальную резолюцію государственнаго контролера В. А. Татаринова. Т. VII, 488. Замѣтки: по поводу его воспоминаній. Т. VIII, 240. Первые дебюты Бисмарка. Т. IX, 403—410. Случай изъ жизни гр. Сперанскаго. Т. X, 721, 722. Ст. его: Взглядъ французскаго писателя на нынѣшнюю Россію. Т. X, 624—639.

— Степ. Михайл., профессоръ петербургскаго университета, издатель газеты Посредникъ и редакторъ Земледѣльческой Газеты, т. VIII, 337, 338, 341, 342.

Успенскіе:

— Кіевскій епископъ. См. Порфирій.

— Митрополитъ. См. Филоѳей.

— Н, В:, писатель, т. X, 579.

Устиновскій, Петръ Ефремов., преподаватель воронежскаго духовн. училища, т. VII, 99, 100.

Ухтомскій, князь А., поручикъ невскаго полка, т. VII, 515—517.

Ушаковъ, гр.

— Алексѣй Павл., тайный совѣтникъ. Письма къ нему Ф. Шварца. Т. IX, 666—668.

— Андрей Ив., генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, начальникъ тайной розыскной канцеляріи. Похороны его. Т. VIII, 472, 473. Упомин. т. VII, 516; т. VIII, 486, 487, 488, 491.

— Командиръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, т. IX, 420, 424.



Фабрицій, германскій генералъ, т. X, 449.

Фавръ, Жюль, французскій государственный человѣкъ, т. IX, 187, 205, 619; т. X, 448—450, 456, 457, 677, 682.

Ф—въ, А. Библіографическія замѣтки его: Фабричный бытъ Германіи и Россіи—Погожева. Т. X, 472, Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей. т. X, 713, 714.

фонъ-Фальгерзамъ, рижскій гражданскій губернаторъ, т. VIII, 189, 190.

Фальке, Яковъ, знатокъ классической древности. Статья его: Историческій городъ (Нюрнбергъ). Т. VII, 413—425.

Фальконетъ, Этьенъ-Морисъ, знаменитый французскій скульпторъ, т. VIII, 480; т. IX, 170—184.

Фаминцынъ, Александр. Сергѣев. Приглашеніе его къ доставленію неизданныхъ памятниковъ народной поэзіи. Т. VII, 254, 255.

Фанъ-Бларемберъ, миніатюристъ, т. IX, 180.

Фаресовъ, А. И. Ст. его: Россія подъ перомъ новѣйшихъ реформаторовъ. Т. VII, 396—412, 683—696; т. VIII, 168—184, 403—416, 607—616.

Фарнгагенъ, Рахель, т. VII, 449, 714.

Федерсенъ, актриса. См. Львова.

Фейгинъ, Я. Я., коммерціи совѣтникъ, т. VII, 650, 651.

Фелинскій, римско-католическій епископъ, т. VII, 375.

Фелицынъ, Е. Д., секретарь кубанскаго областнаго статистическаго комитета. Библіографическая замѣтка о составленной имъ памятной книжкѣ кубан. обл. Т. VII, 477, 478.

Ферапонтъ, святой, инокъ кирилово-бѣлозерскаго монастыря, т. X, 728.

Фердинандъ:

— I, король венгерскій, впослѣд. императоръ австрійскій, т. VII, 444.

— II, римско-германскій императоръ, т. X, 212.

фонъ-Ферзенъ:

— Германъ, маршалъ шведскаго посольства въ Россіи въ 1674 г., т. VII, 657.

— Графиня, т. VII, 427, 428, 436.

Ферре, Теофиль, членъ парижской комуны, т. X, 454, 669, 686, 687.

Ферри, Жюль, сенскій префектъ, т. X, 189, 448.

де-ля-**Ферроне**, графъ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, т. VIII, 22.
Фехнеръ, А., авторъ біографіи пастора Фридриха Зейдера. Библіографическая замѣтка объ этой книгѣ. Т. VII, 484—486.
Фикильмонъ, графиня, супруга австрійскаго дипломата, т. VII, 215.
Филаретовъ, рижскій епископъ. См. Филаретъ.
Филаретъ:
— (Амфитеатровъ), докторъ богословія, митрополитъ кіевскій и галичскій, т. X, 99.
— (Василій Мих. Дроздовъ), митрополитъ московскій, т. VIII, 29, 35; т. X, 376—379, 381, 383, 387—390, 393—395, 404.
— (Дмитр. Григор. Гумилевскій), архіепископъ черниговскій, т. X, 99.
— (Филаретовъ), рижскій епископъ, т. VIII, 202; т. X, 230, 406, 408.
— Экономъ казанской духовной академіи, т. X, 19.
— (Өедоръ Никитичъ Романовъ), патріархъ всероссійскій, т. IX, 677; т. X, 216—218.
Филиссъ, граверъ. Замѣтка по поводу его гравюры: Свадьба карликовъ. Т. IX, 223, 224.
Филиппъ:
— II, король испанскій, т. X, 208.
— IV (Красивый), король французскій, т. VIII, 471.
— Комунаръ, т. X, 692.
Филипсонъ, Мартинъ, историкъ, т. VII, 458—469.
Филоөей (Успенскій), кіевскій митрополитъ, т. X, 388.
Финке, прусскій государственный человѣкъ, т. IX, 643.
Финкенштейнъ, графиня, т. VII, 446, 449.
Фирксъ, баронъ, финляндскій дворянинъ, офицеръ корпуса путей сообщ., авторъ брошюръ по русскимъ вопросамъ, подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти, т. VII, 355.
фонъ-**Фитингофъ:**
— Тайный совѣтникъ, т. VIII, 21.
— Юліанна. См. фонъ-Крюденеръ.
Фицгербертъ, мистрисъ, т. VII, 207, 208.
Фицкларенсъ, англійскій капитанъ, т. VII, 211.
Флавіанъ, архимандритъ, принимавшій отъ уніатовъ почаевскую лавру, т. X, 233.
де-**Флессель**, Жакъ, парижскій мэръ, первая жертва французской революціи, т. IX, 466.
Флоке, парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200.
Флорета, Нина, любовница принца Людовика Бонапарта, т. VIII, 656.
Флоринскій, Кириллъ, ректоръ московской духовной академіи, т. VII, 510.
Флотвелль, прусскій министръ финансовъ, впослѣд. первый министръ, т. IX, 412.
Флурансъ, Густавъ, профессоръ французской коллегіи, впослѣд. предводитель войскъ парижской комуны, т. X, 193—196.
Фогтъ, директоръ театровъ въ Познани, т. VII, 441, 442.
Фолло, французскій абатъ, т. X, 677.
Фонвизины:
— Денисъ Ив., русскій писатель. Ст. по поводу юбилея: Недоросль на сценѣ и въ литературѣ. Т. X, 139—147. Упом. т. VIII, 487; т. X, 493.
— Павл., Ив., братъ писателя, т. X, 142.
Форе, ліонскій ткачъ, революціонеръ, т. VII, 188—191.
Фотій:
— (Петръ Спасскій), архимандитъ новгородскаго юрьева монастыря, т. VII, 491, 492; т. VIII, 33, 36, 241, 242, 243, 256.
— Преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 336.
Франковскій, арестантъ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 581.
Францъ II, императоръ германскій, впослѣд. австрійскій подъ именемъ Франца I, т. VII, 444; т. IX, 637.
Францъ-Іосифъ, австрійскій императоръ, т. IX, 404, 408.
Франческа, гражданская жена Гарибальди, т. IX, 384, 393, 394.
Фезе, дѣвица, т. VIII, 26.
Фридриксъ, баронъ Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, т. X, 646.
Фридрихъ:
— II, прусскій король, т. VII, 227, 498; т. IX, 590; т. X, 695, 696.
— V, датскій король, т. VIII, 435.
— Великій, германскій императоръ, т. VII 227.
Фридрихъ-Вильгельмъ:
— I, прусскій король, т. IX, 641.
— II прусскій король, т. VII, 458—469.
— III прусскій король, т. VII, 714, 716.
— IV прусскій король, впослѣд. императоръ германскій, т. VIII, 662, 663, 666; т. IX, 404, 406, 407.
Фридрихъ-Карлъ, герцогъ Голштейнъ-готторнскій, т. VII, 270.

Фризе:
— Ал. Вас., жена учителя, т. X, 607.
— Г. X., частный учитель въ Иркутскѣ, т. X, 607.
Фуль, русскій генералъ, учитель Александра I въ военномъ дѣлѣ, т. VII, 720.
Фульдъ, Ашиль, французскій министръ финансовъ, т. IX, 195.
Фуше, польско-саксонскій посолъ въ Петербургѣ, т. IX, 425—428.
Фюрстенбергъ, графъ, директоръ вѣнскихъ театровъ, т. VII, 438.

Х.

Хавскій, Петръ Вас., т. VII, 358.
Хайловъ, артиллерійскій литейщикъ, т. IX, 176.
Хамъ, французскій карикатуристъ, т. X, 446.
Харинскій, Степанъ, крестьянинъ. Замѣтка о пророчествѣ его. Т. VIII, 485, 486.
Хвостовъ, гр. Дмитр. Ив., сенаторъ, поэтъ, т. VII, 615; т. X, 166.
Хельчицкій, Петръ, чтитель и служитель Яна Гуса, т. IX, 372.
Херасковъ, Мих. Матв., дѣйствительный тайный совѣтникъ, кураторъ московскаго университета, поэтъ, т. IX, 449; т. X, 488.
Хилковъ, кн. Андрей Яков., т. VII, 658.
Хитрово:
— Александра Александр. См. Кологривова.
— Учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 354.
Хитровъ, камеръ-юнкеръ, т. VII, 527.
Хлопицкій, польскій полководецъ, т. IX, 209.
Хмелевская, житомірская артистка, т. IX, 45.
Ходуновъ, т. VIII, 88, 91.
Хольмъ, биржевой нотаріусъ, т. VII, 627.
Хомяковъ, Алексѣй Степан., писатель, т. IX, 234.
Хрисоскулеева, Елена. См. Карбури-Кефалонская.
Христіанъ VII, король датскій, т. VIII, 435—444.
Хрулевъ, корбусный командиръ, т. VII, 364.
Хрущовы:
— Офицеръ, т. VII, 526.
— Секретарь тайной канцеляріи, т. VII, 278.
Худековъ, С. Н. Замѣтка его: Дополнительныя свѣдѣнія о кандеевскомъ бунтѣ. Т. IX, 444—446.
Худояръ, ханъ коканскій, т. VIII, 701; т. X, 113, 115, 133.

Ц.

Цвѣтаевъ, Д. В. Библіографическая замѣтка о соч. его: Балады Шиллера. Т. X, 715—717.
Цвѣтковъ, А. Библіографическая замѣтка о книгѣ его: Образцы новой русской словесности. Т. VII, 235—237.
Цедербаумъ, помощникъ уполномоченнаго русскаго общества пароходства и торговли, т. VII, 649.
фонъ-Цейдлитцъ-Лейпе, Карлъ Абраамъ, прусскій министръ. Библіографическая замѣтка о положеніи учебныхъ заведеній во время управленія его школами. Т. X, 694—696.
Целтъ, адъютантъ польскаго повстанца Подлевскаго, т. IX, 106, 107, 117.
Церетелевъ, кн. Н. А., т. IX, 229.
Цеслинскій, польскій повстанецъ, т. IX, 350.
Цэ, Вас. Андреев., тайный совѣтн., предсѣдатель цензурнаго комитета, т. VII, 121.
Цукато, графъ, генералъ-лейтенантъ, жандармскій генералъ, т. X, 659—660.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., т. VIII, 468.
Чарторыскій, кн. Владиславъ, глава польской аристократической партіи бѣлыхъ, т. IX, 412.
Чеботаревъ, Харитонъ Андреев., статскій совѣтникъ, членъ академіи наукъ, ректоръ московскаго университета, т. X, 141.
Чебышовъ, оберъ-прокуроръ св. синода, т. X, 401.
Чевкинъ, Констант. Владимір., генералъ-адъютантъ, сенаторъ, членъ госуд. совѣта, т. VII, 638, 639.
Чегодаевы, князья:
— Москвичъ, т. VIII, 6.
— Ф., прапорщикъ суздальскаго полка, т. VII, 515, 516.
Челаковскій, чешскій писатель, т. IX, 365.
Чемодановъ, стольникъ, туристъ XVII вѣка, т. VIII, 467.
Черкасовъ, баронъ, Ив. Антон., дѣйств. тайн. совѣтникъ, кабинетъ-секретарь, т. VII, 243, 244; т. VIII, 145.

Черкасскіе, князья:
— Алексѣй Мих., канцлеръ, т. VII 280; т. IX, 420, 422.
— Ирина Борис. См. Шереметева.
Чермакъ, Янъ, деканъ мѣстечка Ровенско, въ Чехіи, т. IX, 15, 28—29, 367.
Черниковъ, актеръ, т. X, 141.
Чернинъ, графъ, директоръ вѣнскихъ театровъ, т. VII, 443.
Черновъ, Григорій Семен., т. VIII, 504,
Черныхъ, купецъ, уральскій заводчикъ. т. X, 524.
Чернышевскій, Н. Г., писатель, т. X, 584.
Чернышевы:
— Графиня, любимица императрицы Елизаветы Петровны, т. IX, 422.
— Кн. Александръ Ив., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, военный министръ, предсѣдатель государственнаго совѣта, т. IX, 657.
Чернявскій, Андрей Андреев., волынскій прокуроръ. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 45.
Четвертинскій, князь, т. VII, 376.
Четыркинъ, Ив. Як., директоръ канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора, т. X, 423, 424,
Чеховичъ, В. П., профессоръ кіевской духовной академіи, т. VII, 398.
Чеховскій, В., членъ временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441.
Чириковы:
— Г. С., библіографъ, т. VII, 718, 719.
— Стольникъ, т. VIII, 692.
Чистовичъ, Илларій Алексѣев., дѣйств. статскій совѣтникъ. Библіографическая замѣтка о его Очеркѣ исторіи западнорусской церкви. Т. IX, 216.
Чистяковъ, епископъ курскій. См. Иліодоръ.
Чичерина, Ольга Вас. См. Пушкина.
Чоглокова, Вѣра Никол. См. Минихъ.
Чуврилевъ, Давидъ, казематный служитель новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 100.
Чужбинскій, писатель. См. Аѳанасьевъ.
Чуйко, В. В. Библіографическая замѣтка о его изданіи: Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей. Т. X, 713, 714.
Чумакъ, Василій, разбойникъ, т. IX, 536.
Чупины:
— Анисимъ, вогуличъ, т. VIII, 627.
— Степанъ, вогуличъ, т. VIII, 626, 627.
Чупинъ, Нарвисъ Констант., инспекторъ горнаго уральскаго училища. Некрологъ его. Т. VIII, 617—629.

Ш.

Шабданъ, сынъ кара-киргизскаго Малапа Джантая, т. X, 127—129.
Шабельскій, адъютантъ петербургскаго генералъ-губернатора, т. X, 649.
Шалекъ, еврей, пражскій антикваръ, т. IX, 366.
Шалье, Мари Жозефъ, якобинецъ французской революціи, т. VII, 176, 177.
Шамборъ, графы:
— См. Генрихъ V.
— Претендентъ на французскій престолъ, т. X, 462.
Шампаньи, гр. Франсуа, авторъ сочин. „Цезари“. Библіографическая замѣтка объ этомъ сочиненіи. Т. IX, 434—438. Упомин. т. X, 412.
Шампи, комунаръ, т. X, 687.
Шангарнье, французскій государственный человѣкъ, т. X, 448.
Шандоръ, графы:
— Знаменитый ѣздокъ, т. VII, 442.
— Паулина. См. Меттернихъ.
Шанзи, французскій генералъ, т. IX, 624.
Шантерень, французская семья, т. IX, 678.
Шаржинскій, Семенъ Даниил., волынскій почтмейстеръ. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 46.
Шарлотта, супруга герцога Кобургскаго Леопольда, впослѣд. короля бельгійскаго, т. VII, 198, 206, 208—215.
Шарнгорстъ, русскій инженеръ генералъ-лейтенантъ, т. X, 148, 155.
Шафировъ, баронъ Петръ Пав., дѣйств. тайный совѣтникъ, т. VIII, 222.
Шаховскіе:
— Князь, т. VII, 284.
— Кн. Алекс. Алексѣев., драматургъ, т, VII, 615, 618; т. IX, 229; т. X, 165.
— Кн., оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 257.
Шацкіе:
— Артиллерійскій юнкеръ, политическій преступникъ, т. IX, 577.
— Штабсъ-капитанъ, политическій преступникъ, т. IX, 570, 577.
Шашковъ, С. С., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 6, 40.
Шванебахъ, Антонъ Антонов., предсѣдатель волынской палаты государств.

имуществъ. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 41.

Шварценбергъ, кн. Феликсъ-Людвигъ-Іосифъ-Фридрихъ, австрійскій государственный человѣкъ, т. VII, 215, 216.

Шварцъ:

— Александръ Никол., профессоръ московскаго университета, т. IX, 450.

— Профессоръ, глава московскихъ масоновъ, т. X, 485.

— Федоръ, командиръ семеновскаго полка. Замѣтка о событіи 17 октября 1820 г. и письмо его къ А. П. Ушакову. Т. IX, 665—668. Упомин. т. VII, 149.

Швейковская, полька. Замѣтка о бракѣ ея съ кн. Любомірскимъ, впослѣд. расторгнутомъ. Т. X., 648, 649.

Швецовъ, Г. М., простолюдинъ. Библіографическая замѣтка о стихотвореніи его: Вѣнокъ царю-великомученику государю императору Александру II. Т. VIII, 222—225.

Шевченко, Тарасъ Григорьев., поэтъ и художникъ. Замѣтка объ исключеніи его изъ состава временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. IX, 441—443. Упомин. т. VIII, 191; т. IX, 251; т. X, 97.

Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ, т. IX, 226.

Шедо-Феротти, псевдонимъ автора брошюръ по русскимъ вопросамъ, барона Фиркса, т. VII, 355.

Шене-д'Эстанжъ, адвокатъ, т. VII, 447.

Шелихъ, адъютантъ 4 стрѣлковаго баталіона, т. VII, 364, 365.

Шемаевъ, актеръ, т. X, 165.

Шемякинъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Шенинъ, Александръ Ѳедор., помощникъ инспектора военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 123, 345, 346, 353, 355, 359—361.

Шенъ, прусскій государственный человѣкъ, т. IX, 641—643.

Шепелевъ, Дмитрій Андреев., генералъ-аншефъ, оберъ-гофмаршалъ, т. VII, 516; т. IX, 663.

Шерве, баталіонный командиръ французской національной гвардіи, т. X 667.

Шереметевы:

— Русскій дворянскій домъ, т. X, 213—218.

— Гр. Мих. Борисов., фельдмаршалъ, т. VIII, 704; т. IX, 679, 680.

— Гр. Н. П., т. X, 217.

— Гр. Сергѣй Дмитр., издатель сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Библіографическая замѣтка объ этомъ изданіи. Т. VIII, 450—454. Упомин. т. X, 217.

— Ирина Борис., рожденная Черкасская, т. X, 216.

— Новгородскій воевода, т. VII, 655.

— Ѳедоръ Ив., московскій бояринъ, т. X, 216, 217.

Шернваль-Валенъ, баронъ Эмил. Карл., дѣйствит. тайный совѣтникъ, министръ статсъ-секретарь великаго княжества финляндскаго, т. IX, 602.

де-ла-**Шетарди**, Жанъ-Тротти, маркизъ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, т. VII, 500; т. IX, 422, 424.

Шешковскій, Степ. Ив., начальникъ тайной розыскной канцеляріи, т. VIII, 500; т. X, 483, 487, 496.

Шибаевъ, Ив. Ив., московскій купецъ, секретарь старовѣрческой іерархіи, т. X, 402.

Шивурскій, греко-уніатскій монахъ, казначей почаевской лавры, т. X, 233.

Шиллеръ, Іоганъ-Христофъ-Фридрихъ, нѣмецкій поэтъ, т. X, 715—717.

Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, Пав. Львов., баронъ, основатель восточнаго музея въ петербург. академіи, строитель телеграфа въ Россіи, т. VII, 625.

Шиловскій, Степ. Ив., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 16, 48.

Шиповъ, генералъ (1825 г.), т. IX, 656.

Ширъ-Али, ханъ, т. X, 132, 133, 278.

Шишкины:

— Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

— Управитель имѣніями гр. Аракчеева, т. VII, 489.

Шишковы:

— Александръ Семен., генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ, президентъ россійской академіи и министръ народнаго просвѣщенія, т. VII, 609, 614, 615, 618; т. VIII, 15, 16, 242, 244, 245, 247—252, 255—258, 260—262; т. IX, 365; т. X, 418.

— Юлія Осипов., рожденная Нарбутъ, по первому браку Лобичевская, т. VIII, 256, 261.

Шкотъ, англичанинъ, управл. имѣніями гр. Л. А. Перовскаго, т. VIII, 191.

Шлиманъ, Генрихъ, изслѣдователь классической древности. Замѣтка о томъ, чѣмъ онъ обязанъ Россіи. Т. VII, 252—254.

Шлиппенбахъ, бароны:

— Констант. Антон., директоръ перваго кадетскаго корпуса. Воспоминаніе о немъ Я. Н. Бутковскаго. Т. X, 646, 647.

— Шведскій, а потомъ русскій генералъ, т. IX, 679.

Шмитто, квакеръ, т. VIII, 243.

Шлоттгеймъ, генералъ-маіоръ, управляющій квартирою германскаго императора, т. X, 198.

Шмальгаузенъ, Ив. Өедор., коллеж. совѣтникъ, профессоръ кіевскаго университета, т. IX, 658.

фонъ-Шметтау, гр. Аделаида-Амалія. См. кн. Голицына.

Шмидтъ:

— Нѣмецкій ученый. Библіографическая замѣтка о соч. его: Jus primae noctis. Т. X, 696, 697.

— Чиновникъ рижскаго генералъ-губернатора, т. VIII, 199—202.

Шмитдебергъ, еврей, политическій арестантъ, т. VII, 389.

Шнейдеръ, Луи, чтецъ и библіотекарь прусскаго короля, т. VII, 626.

Шоде, Густавъ, адвокатъ, республиканецъ, т. X, 675.

Шокуровъ, Иванъ, капитанъ. Указъ на его имя о принятіи содержателя итальянской оперы Локателли ко двору. Т. IX, 662, 663.

Шонбургъ, Вильгельмъ, писатель, т. IX, 429.

Шомэттъ, Пьеръ-Гомаръ, прокуроръ парижской комуны, т. IX, 633.

Шорнъ. Ст. его: Художественные сюжеты въ японскомъ искусствѣ. Т. VIII, 421—432.

Шпатный, чешскій лексикографъ, т. IX, 361.

Шпигель, Карлъ, петербургскій негоціантъ, т. VII, 648.

Шраммъ, французскій генералъ, т. IX, 194.

Шредеръ:

— Вильгельмина, танцовщица, а потомъ оперная пѣвица, по 1 браку Девріенъ, по 2 Боккъ, т. VII, 451.

— Директоръ дерптской гимназіи, т. VIII, 203.

— Торговый домъ въ Амстердамѣ, т. VII, 253.

Шрейеръ, Юлій Өедор., писатель и публицистъ. Библіографическая замѣтка о сочиненіи его: „Пятидесятилѣтній юбилей е. и. в. принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго“. Т. VIII, 230.

Шреймецеръ, капельмейстеръ петербургскаго нѣмецкаго театра, т. VII, 429.

Шренкъ, Леопольдъ Ив., дѣйствител. статскій совѣтникъ, докторъ философіи, академикъ, т. X, 420.

Штакельбергъ:

— Лифляндскій дворянинъ, т. X, 723.

— Полковникъ, дирекоръ артиллерійскаго департамента, т. X, 148.

Штейгеръ, баронъ, корреспондентъ телеграфнаго агентства въ Константинополѣ, т. VII, 649.

фонъ-Штейнъ, Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, баронъ, прусскій государственный государственный человѣкъ и реформаторъ. Замѣтка о его реформахъ. Т. IX, 641—644.

Штенглинъ, граверъ, т. VIII, 147.

Штернъ. Библіографическая замѣтка о сочин. его: „Исторія англійской революціи“. Т. X, 697, 698.

Штеръ, Матвѣй, директоръ департ. полиціи исполнительной м. в. д., т. X, 720.

Штибельтъ, повстанецъ, т. VIII, 578, 584; т. IX, 107, 111.

Штиглицъ:

— А. Библіографическая замѣтка о сочин. его: „Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ“. Т. X, 717.

— Банкирскій домъ въ Петербургѣ, т. VII, 631, 632.

— Баронъ, Александръ Людвиговичъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, придворный банкиръ, т. VII, 631, 640.

— Генрихъ, поэтъ, т. VII, 436, 437.

— Любимъ-Людвигъ-Иванъ, баронъ, основатель банкирскаго дома въ Петербургѣ, т. VII, 436.

— Шарлота Софія, жена поэта, т. VII, 436, 437.

Штокмаръ:

— Баронесса, супруга предъидущаго, т. VII, 221.

— Баронъ Христіанъ, врачъ и довѣренный другъ герцога Леопольда Кобургскаго, т. VII, 196—198, 202, 204—206, 218—223.

Штраленбергъ, шведскій офицеръ, т. X, 217.

Штульцъ, Вацлавъ, чешскій канонинъ, поэтъ, т. IX, 356.

Шуазель-Гуфье:

— Гр. Огюстъ-Лоранъ, французскій посланникъ къ Константинополѣ, потомъ русскій статскій совѣтникъ и директоръ академіи наукъ, впослѣд. перъ Франціи, т. VIII, 131.

— Графиня, т. IX, 588.

Шубертъ, Өедоръ Өедор., генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта и директоръ военно-топографическаго депо, т. VII, 667.

Шубинскій, Сергѣй Никол. Замѣтка о предположенномъ изданіи иллюстрированной исторіи Петра Великаго. Т. VII, 255, 256. Ст. его: „Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году“. Т. VII, 652—660. Московскій маскерадъ 1722 года. Т. VIII, 149—154.

Шуваловы, графы:
— Русскій графскій домъ, т. IX, 428.
— Александръ Ив., генералъ-аншефъ, управляющій тайною канцеляріею, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, т. VIII, 492, 493.
— Ив. Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, попечитель, основатель и главный кураторъ московскаго университета, т. IX, 449.
— Мавра Егоровна, любовница императрицы Елизаветы Петровны, т. IX, 422.
— Петръ Андреев., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ-кавалеріи, членъ государств. совѣта, т. IX, 603.
Шуйскіе:
— Русскій княжескій домъ, т. X, 214.
— Царь московскій. См. Василій Ивановичъ.
Шумахеръ, инспекторъ классовъ военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 123, 344.
Шумилинъ, капитанъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.
Шумскіе:
— Актеръ, т. X, 141.
— Настасья. См. Минкина.
Шуррманъ, Анна-Марія, писательница, VII, 260.
Шуфельтъ, американскій командоръ, т. IX, 157.

Щ.

Щаповы:
— Аѳанасій Прокофьев., профессоръ казанской духовной академіи, а потомъ казанскаго университета, писатель. Біографія его. Т. X, 5—44, 295—336, 576—619.
— Иванъ, войсковой обыватель, депутатъ коммисіи уложенія, т. X, 5.
— Прокофій, дьячекъ села Анги, иркутской губ., т. X, 6.
— Ольга Ив., рожден. Жемчужникова, т. X, 590—595, 600—602, 606, 607, 609, 613—616.
Щепкинъ, Мих. Семенов., актеръ, т. X, 92.
Щербатовъ, кн. Мих. Мих., тайный совѣтникъ, сенаторъ, президентъ камеръ-коллегіи, историкъ, т. VII, 524, 525; т. VIII, 448; т. IX, 428.
Щербина, Никол. Ѳедор., поэтъ и писатель, т. X, 97.
Щербинина, рожденная княжна Дашкова, т. IX, 669.
Щуръ, повстанецъ, т. VIII, 568, 569.

Э.

Эбердинъ, См. Абердинъ.
Эбершельдъ, Адольфъ, шведскій резидентъ въ Москвѣ, т. VII, 657.
Эгерцъ, Яганъ, столяръ, т. VIII, 472.
Эгидій, Христіанъ, докторъ, т. VIII, 487.
Эдлингъ, графиня, рожденная Стурдза, т. VIII, 17.
Эйхгольцъ, поручикъ, ординарецъ генерала М. Д. Скобелева, т. IX, 398.
Экартъ, Ф., дерптскій профессоръ, т. VIII, 189.
Эккертъ, Луиза, рижская актриса, т. VII, 440, 441.
Эленбороу, Леди. См. Теотоки.
Эльмптъ, гр. Ив. Карпов., русскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 482.
Эмерсонъ, американскій писатель, т. VIII, 478.
Эмма, внучка чешскаго патріота, священника Антонина Марка, т. IX, 362, 363.
Энгельгардтъ, авторъ статей по экономическому вопросу, т. VII, 398.
Эосандеръ Самуилъ, переводчикъ при шведскомъ посольствѣ въ Москвѣ, т. VII, 557.
Эпинусъ, академикъ, наставникъ цесаревича Павла Петровича, т. IX, 585.
Эрбенъ, Карлъ-Яроміръ, чешскій поэтъ, хранитель пражскаго городскаго архива, т. IX, 366.
Эспинасъ, генералъ, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. IX, 190, 204.
фонъ-**Эссенъ**, гр. Петръ Кирил., генералъ отъ-инфантеріи, петербургскій военный генералъ-губернаторъ, впослѣд. членъ государств. совѣта, т. VII, 668; т. VIII, 3 8.
Эстергази графъ, французскій эмигрантъ, т. IX, 593.
Эше, американецъ, владѣлецъ угольныхъ копей на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

Ю.

Юдинъ, Андрей, крестьянинъ чембарскаго у., т. IX, 446.
Юліана-Марія (принцесса брауншвейгъ-вольфенбюгельская), вторая супруга короля датскаго Фридриха V, т. VIII, 442, 443.
Юнгманнъ, Іосифъ-Яковъ, славянскій филологъ, деканъ философскаго факультета пражскаго университета, впослѣд. ректоръ, т. IX, 356—363, 365, 366.
Юнгъ-Штиллингъ, Іоганнъ-Фридрихъ, нѣ-

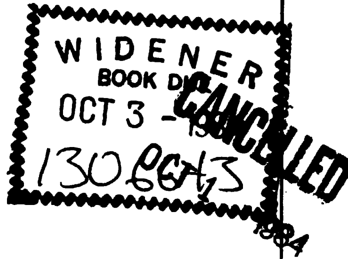
мецкій профессоръ, мистикъ, т. VIII, 12, 15, 17.
Юнинъ, старшій плацъ-адъютантъ въ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 568, 583, 584; т. IX, 103, 113, 328, 351.
Юрбенъ, учитель, комунаръ, т. X, 677, 685.
Юркевичъ, П. И. Изъ воспоминаній его. Т. X, 156—174. Замѣтка по поводу этихъ воспоминаній. Т. X. 479, 480.
Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій. См. Амвросій.
Юшковъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Я.

Языковъ, Д. Д. Сообщ. замѣтку: Изъ записной книжки русскаго библіографа; по поводу одного изъ воспоминаній Усова. Т. VIII, 240. Ст. его: Недоросль на сценѣ и въ литературѣ. Т. X, 139—147.
Якимовы:
— Владѣлецъ угольныхъ копій на о. Сахалинѣ, т. X, 177.
— Профессоръ харьковскаго университета, т. IX, 228.
Якоби, А. Н. Ст. ея: На Капрерѣ у Гарибальди, изъ личныхъ воспоминаній. Т. IX, 380—394.
Яковлевъ, артиллеріи генералъ-лейтенантъ, предсѣдатель инженернаго ученаго комитета, т. X, 148, 150.
Якубовичъ:
— Александръ Ив., штабъ-ротмистръ нижегородскаго драгунскаго полка, декабристъ, т. VIII, 266; т. IX, 657.
— Надежда Мартын., т. X, 100
Якубовскій, профессоръ, т. IX, 441.
Якубъ-бекъ, кашгарскій ханъ, т. X, 113, 114, 116, 117.
Якушкинъ, Пав. Ив., писатель и этнографъ. Письмо его къ П. С. Усову. Т. VII, 116. Упомин. т. X, 318, 579.
Ялычевъ, казакъ, т. VIII, 674.
Янковичъ-де-Миріево, Θедоръ, директоръ народныхъ школъ въ Россіи, т. X, 494.
Яновичъ, Владиславъ, политическій преступникъ, т. VII, 375—380, 382, 385—389.
Янсонъ, Юлій Эдуард., дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. VII, 397, 398, 404.
Янъ изъ Смиржицъ, чешскій панъ, т. IX, 368.
Янъ изъ Цимбурка и Товачова, чешскій владѣтельный панъ, т. IX, 368.
Янъ Августа, епископъ чешской братрской общины, т. IX, 371.
Яновичъ, В., т. VIII, 574, 591.
Ярой, Иванъ, копіистъ тайной канцеляріи, т. VIII, 491.
Ярославовъ, сержантъ невскаго полка, т. VII, 515—517.
Ярошинскій, варшавскій сапожникъ, повстанецъ, VII, 376, 380, 384; т. VIII, 591.
Ярцовъ, шихтмейстеръ шайтанскихъ заводовъ Демидова, т. VIII, 626.
Яшинъ, Вас. Гаврилов., товарищъ предсѣдателя волынской уголовной палаты, т. IX, 44.
Ящинскій, правитель канцеляріи одесскаго ришельевскаго лицея, т. VIII, 115.
Ящуржинскій, Я. Библіографическая замѣтка о книгѣ его: Лирическія малорусскія пѣсни. Т. VII, 475, 476.

Θ.

Θадѣевъ, Корнила, дворовый человѣкъ д. Рогатины, суздальскаго у., предсказатель, т. VIII, 481—483.
Θалѣевъ, Θ, калужскій старообрядецъ. Замѣтка о листкѣ его „За старообрядцевъ". Т. VII, 225, 226.
Θедоровъ, Григорій, священникъ петропавловскаго собора въ Петербургѣ, т. VII, 278.
Θедоръ (Бухаревъ), архимандритъ, инспекторъ казанской духовной академіи, т. X, 28, 38.
Θедоръ Ивановичъ, царь московскій, т. X, 216.
Θеодосій:
— Петербургскій преосвященный, т. VIII, 473.
— (Яновскій) новгородскій архіепископъ, т. VII, 725.
Θедосѣевъ, уральскій лѣсопромышленникъ, т. X, 505—508.
Θедотовъ, Пав. Андреев., художникъ, т. IX, 448.
Θеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, т. VIII, 483.


WIDENER
BOOK DUE
OCT 3 - 19
CANCELLED
1984